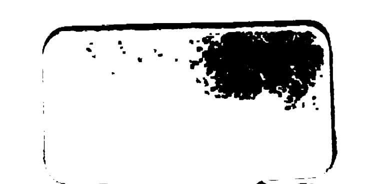

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1878

№ 5 МАЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(*См. страницу 3-ю*).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКОВОЙ.

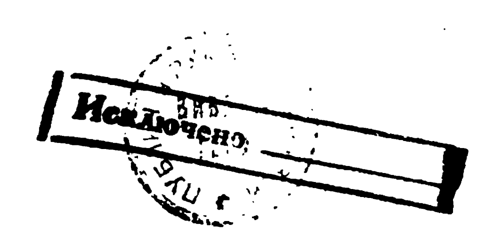
ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

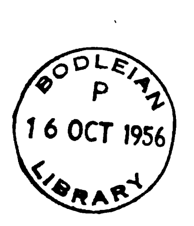
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).
1878.

ЖЕНИТЬБА БѢЛУГИНА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Гаврила Пантелѣичъ Бѣлугинъ, богатый купецъ, фабрикантъ, лѣтъ 55-ти; живетъ постоянно на фабрикѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Москвы, изрѣдка пріѣзжаетъ въ Москву къ сыну.

Настасья Петровна, жена его, полная женщина; одѣвается по-русски; темное шелковое платье, большой шелковый платокъ, голова повязана.

Андрей Гаврилычъ, ихъ сынъ, лѣтъ 27 ми; одѣтъ современно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ франтовства; живетъ постоянно въ Москвѣ, занимается дѣлами отца и имѣетъ свои обороты.

Василій Сыромятовъ, молодой, богатый фабрикантъ, сосѣдъ старика Бѣлугина по фабрикамъ, пріятель Андрея; одѣтъ небрежно, панталоны въ сапоги; немного щеголяетъ простонародностью въ словахъ и манерахъ.

Таня, сестра Сыромятова, молодая дѣвушка; одѣта богато.

Николай Егоровичъ Агишинъ, человѣкъ безъ опредѣленнаго положенія, съ ограниченными средствами; личность поизносившаяся, но еще интересная; по костюму и манерамъ джентльменъ.

Пріемная комната: въ глубинѣ входная дверь; по стѣнамъ тяжелые стулья хорошей, дорогой работы; по обѣ стороны, ближе къ аванъ-сценѣ, боковыя двери; налѣво отъ актеровъ, подлѣ двери, большое конторское бюро и высокій табуретъ; направо на стѣнѣ два фамильные портрета плохой, дешевой работы, въ большихъ золоченыхъ рамахъ; посрединѣ большой столъ, покрытый дорогой, тяжелой салфеткой; на столѣ модная дамская шляпка и новая, приглаженная мужская шляпа.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Андрей Бѣлугинъ (*выходитъ изъ боковой двери слѣва и становится подлѣ бюро*), потомъ Агишинъ.

Андрей (*съ неудовольствіемъ*).

Кто тамъ еще?.. Эхъ!.. (*Изъ средней двери входитъ Агишинъ*). А, Николай Егорычъ... мое почтенье... здравствуйте!.. (*подаетъ руку*). Вернулся изъ Питера?..

Агишинъ.

Да, вчера... и вотъ заѣхалъ на тебя поглядѣть, мой милый... Но, кажется, я не во время... такъ говори прямо... я послѣ могу!..

Андрей.

Родители съ фабрики пріѣхали...

Агишинъ (*указывая на шляпу*).

А это что?.. Этихъ вещей твои родители, я думаю, не носятъ, да и прародители не носили!..

Андрей.

А это знакомые съ ними вмѣстѣ... тоже одинъ фабрикантъ съ сестрой...

Агишинъ.

Ну, я тебя не задержу... я на десять словъ... Мнѣ только нужны кой-какія свѣдѣнія... бывалъ ты безъ меня у Карминыхъ?..

Андрей.

Заѣзжалъ иногда...

Агишинъ (*съ притворнымъ участіемъ*).

Ну, что-жь, Андрюша, мой милый, какъ дѣла твои?..

Андрей (*строго*).

Какія такія дѣла?

Агишинъ.

Ну, твое ухаживанье, любовь, обожаніе, что ли?.. Кто-жь тебя знаетъ!.. Тронулъ ты ея сердце, или ужь совсѣмъ покорилъ?..

Андрей.

Это ужь мое дѣло! Ты разговоры эти лучше предоставь!..

Агишинъ (*съ улыбкой*).

Не предоставь, а оставь! Ты хочешь сказать: оставь? Тутъ есть небольшая разница.

Андрей.

Ну, тамъ оставь или предоставь—это все одно... а только я тебя прошу, чтобъ этихъ разговоровъ не было, потому я не люблю!..

Агишинъ.

А, вонъ оно куда пошло!

Андрей.

Да, потому что надъ чѣмъ я самъ не шучу, надъ тѣмъ и другимъ не позволю!..

Агишинъ.

Значитъ: это—святыня... къ которой прикасаться нельзя?..

Андрей.

Ну, да ужь какъ хочешь, такъ и понимай!..

Агишинъ.

Какъ онѣ поживаютъ? здоровы?

Андрей.

Ничего.. слава Богу!..

Агишинъ.

Ты когда у нихъ былъ въ послѣдній разъ?

Андрей.

Вчера.

Агишинъ.

А когда опять собираешься? сегодня, я думаю!

Андрей.

Мудренаго нѣтъ, что и сегодня!..

Агишинъ.

Ежедневно, значитъ...

Андрей.

А хотя бы и такъ, хоть бы на дню пять разъ. У тебя, что-ли, позволенья мнѣ спрашивать?..

Агишинъ.

Да что ты сердишься? Для меня совсѣмъ не лишнее знать твои намѣренія въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь и я тоже живой человѣкъ, и я могу чувствовать красоту Елены. Ты имѣешь ли это въ виду?..

Андрей.

Ну, такъ что-жь? Торговаться ты, что ль, хочешь, отступнаго просишь?

Агишинъ.

Нѣтъ, за что брать отступное! Да ты и не дашь: шансы у насъ неравны. Гдѣ ужь мнѣ соперничать съ тобою! И если ты...

Андрей.

Да... если я!.. Потомъ что-жь будетъ?

Агишинъ.

Зачѣмъ же я буду мѣшать тебѣ безъ всякой пользы для себя? Умнѣе и честнѣе съ моей стороны отступиться; будемъ дѣйствовать заодно!

Андрей.

Да что за заговоры, что за стачка!.. Это дѣло чистое.

Агишинъ.

Ну, какъ знаешь... Вотъ что: коли ты пріѣдешь сегодня раньше меня, такъ не говори, что меня видѣлъ.

Андрей (*съ досадой*).

А какая мнѣ надобность разговаривать про тебя!..

Агишинъ.

А если и спросятъ, такъ, сдѣлай милость, скажи, что не видалъ: мнѣ хочется сюрпризомъ явиться!..

Андрей.

Да ладно... что объ этомъ толковать-то! (*съ улыбкою*). Сюрпризъ! Какой же это сюрпризъ? По нашему, привезти изъ Питера подарокъ тысячи въ три — вотъ это сюрпризъ!

Агишинъ.

Ишь у тебя замашки-то какія! Вотъ и поди соперничай съ тобой! Нѣтъ, видно, вашему брату безъ бою уступать нужно!.. (*Подавая руку*). Ну, я тебя задерживать не хочу... Порученія твои я исполнилъ, объ этомъ послѣ... До свиданья, сегодня вечеромъ! Поди къ своимъ гостямъ, занимай ихъ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Андрей (*одинъ*).

Андрей.

Занимать гостей... Вотъ пытка-то!.. (*Смотритъ въ дверь направо*). Прощай, Таня!.. Какую я сейчасъ съ тобою подлость сдѣлаю, такъ, кажется, убить меня... убить!.. Думалъ: будемъ вѣкъ съ тобою другъ на друга радоваться!.. вѣдь вонъ она сидитъ: такая веселая, смѣется чему-то, лицо такое доброе... и не ожидаетъ! Злодѣй я, злодѣй!.. Да что-жь дѣлать-то, коли другая взяла за сердце, да и вырвала его?.. Отъ своей судьбы не уйдешь!.. И сталъ я ничѣмъ, ничѣмъ не лучше всякаго разбойника и всякаго безчестнаго!.. (*Садится къ столу и опускаетъ голову на руки; входитъ Сыромятовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Андрей и Сыромятовъ.

Сыромятовъ.

Что ты ушелъ отъ насъ? Аль куревомъ занимаешься, не хотѣлъ чадить при гостяхъ?..

Андрей.

Нѣтъ.

Сыромятовъ.

Такъ что-жь съ тобой... ужь здоровъ ли ты?..

Андрей.

Ничего, здоровъ!.. (*Какъ бы про себя*). А еще людей бранимъ, людей судимъ, а сами хуже, можетъ быть, тѣхъ, что...

Сыромятовъ.

Ты ужь, я вижу, заговариваться сталъ... Да что ты рехнулся, что ли, въ самомъ дѣлѣ?.. Ты лучше за докторомъ пошли.

Андрей.

Не вылечитъ меня никакой докторъ! (*Встаетъ*). Измѣнникъ я своему слову и, значитъ, безчестный человѣкъ!

Сыромятовъ.

Да ты въ загадки-то не играй!..

Андрей.

А вотъ, братъ Вася, и разгадка всему этому: полюбилъ я твою сестру и по рукамъ мы ударили—такъ вѣдь?..

Сыромятовъ.

Такъ, не перетакивать стать!..

Андрей.

А теперь не могу!.. Простите вы меня... простите!..

Сыромятовъ.

Да ты полно шутить-то... не къ мѣсту!

Андрей (*горячо*).

Да я и не шучу... Съ чего ты взялъ, что я шучу?.. не до шутокъ мнѣ!..

Сыромятовъ.

Однако, суприз важный!..

Андрей.

Ну, да вотъ хоть убей, я не скрываюсь. Ты думаешь, легко мнѣ... легко мнѣ будетъ твоей сестрѣ въ глаза взглянуть?..

Сыромятовъ.

Гм.. исторія, братецъ ты мой!.. По пріятельски, удружилъ!.. Ты знаешь ли, какъ это, по нашему, по-русски, называется?. Вѣдь этотъ твой пассажъ для сестры и для всей нашей фамиліи безчестье и мараль!.. Ты подумалъ ли объ этомъ?

Андрей.

Безъ тебя все это я давно знаю. Да что-жь мнѣ дѣлать, коль я другую полюбилъ!.. Разсказать тебѣ вдругъ мои чувства—я не могу... да и словъ такихъ не знаю... а вотъ возьми ты, разорви грудь мою, да и погляди самъ, что тамъ дѣлается!.. Вотъ

не уйдешь никуда отъ этого... не спрячешься... судьба, одно слово—судьба!..

Сыромятовъ.

Стало быть богаче или лучше невѣсту нашелъ?

Андрей.

Да не то, Вася, совсѣмъ не то!..

Сыромятовъ.

А коли не то, такъ какія-жъ съ твоей стороны оправданія?.. Какъ же ты, братецъ ты мой... хорошаго семейства дѣвушка и по нашей сторонѣ, можно сказать, первая невѣста по капиталу и по всему... какіе-жъ у тебя резоны, что ты позоришь ее для какой-нибудь?..

Андрей (*грозя пальцемъ*).

Шшш... осторожно!.. не заикайся!..

Сыромятовъ (*зло*).

Не заикаться?.. Не приказываете?.. Но, однако, между прочимъ, интересно знать этотъ самый сюжетъ!..

Андрей.

Что тутъ знать?.. Красота—ума помраченье! вотъ и знай!..

Сыромятовъ.

А изъ какихъ онѣ будутъ?..

Андрей.

Да изъ какихъ бы то ни было!.. Ну, просто тебѣ сказать: семейство хорошее... живетъ дѣвушка, барышня съ маменькой, живутъ, признаться, не богато... познакомилъ меня съ ними Агишинъ... но только ужь насчетъ образованія... ума!..

Сыромятовъ.

Съ романсами, значитъ? вотъ какъ!..

Андрей.

Сразу можетъ погубить человѣка... за одинъ взглядъ, за одну улыбку, куда хочешь и на что хочешь готовъ!.. Ахъ, Вася, такая это красота, такая красота!..

Сыромятовъ.

Насъ никакимъ товаромъ не удивишь... знавали мы и атласныхъ, и бархатныхъ...

Андрей.

Не то, говорю тебѣ, не то!..

Сыромятовъ.

Значитъ, ужь самыхъ высшихъ сортовъ!..

Андрей.

Да что тебѣ говорить!.. Ты такихъ и не зналъ никогда, и не видывалъ!..

Сыромятовъ.

Познакомь, такъ увидимъ... не ударимъ лицомъ въ грязь... обращеніе понимаемъ... можемъ карманомъ тряхнуть; чай, самъ знаешь, мы цыганкамъ за пѣсни по триста рублей бросали!..

Андрей (*съ гнѣвомъ*).

Оставь... оставь... я тебя честью прошу!.. Эти твои слова глупыя... и больше ничего!..

Сыромятовъ.

Какое дѣло, такія и слова... глупое дѣло, такъ и слова глупыя, потому серьёзнаго я тутъ ничего не вижу!..

Андрей.

Нѣтъ, ужь такъ-то серьёзно, что хоть въ петлю полѣзай... Прежде то я бывалъ у нихъ не часто... такъ, думалъ, для времяпровожденія, а теперь каждый день тянетъ, хоть взглянуть только!.. А она... она-то какъ будто шутитъ надо мною: то задумается, да такъ глядитъ, такъ глядитъ!.. а мнѣ такъ подошло... ну, прямо тебѣ скажу: не жить безъ нея... хоть руки на себя накладывай!.. либо она... либо...

Сыромятовъ.

А коли такъ круто пришло, такъ что-жь ты зѣваешь-то, голова?.. Приглашай кататься хоть сегодня... ямскую тройку съ наборомъ... маменьку ублаготворить, а съ дочкой, какъ потемнѣе станетъ... куда-нибудь подальше!..

Андрей (*хватая его за плечи*).

Не будь ты Василій Сыромятовъ, задушилъ бы тебя за эти слова!..

Сыромятовъ (*отстраняясь*).

Не горячо ли будетъ!.. Остыньте маленько!..

Андрей.

Это семейство честное, благородное, и любовь моя честная, и дѣло, коли Богъ дастъ, будетъ честное.

Сыромятовъ.

Честное! а съ нами твое дѣло честное? Стало быть, мы хуже другихъ, съ нами можно все... дескать, не взыщутъ, таковскіе... Нѣтъ, ты ошибся, и у насъ тоже своя амбиція есть, да еще побольше, чѣмъ у другихъ прочихъ... за себя постоять можемъ!..

Андрей.

Ну, мсти; ну, дѣлай, что хочешь, я не бѣгу, не прячусь, я самъ отдаюсь... А что ее обидѣть или чувства мои душевныя трогать, я никому... отцу родному не позволю!

Сыромятовъ.

Вотъ тебѣ сказъ короткій: не будь ты мнѣ другъ, все одно, что братъ, я-бъ съ тобою живъ не разстался; ужь то ли, сё ли,

а, по крайности, разстрамилъ бы тебя на весь свѣтъ!.. А теперь хоть и обидно, а больше-то мнѣ тебя жалко! Оплели!.. да и что-жь не оплести, коли самъ въ петлю лѣзетъ... затянуть только покрѣпче!..

Андрей.

Нѣтъ, Вася, нѣтъ, я самъ!..

Сыромятовъ.

Ты одурѣлъ, такъ и не видишь; а у меня разумъ при себѣ.. хоть ты мнѣ образъ сними, все-таки скажу, что ловушка!.. Да и всѣ то же скажутъ, кого ни спроси!..

Андрей.

Вася, послѣдняя у меня просьба къ тебѣ...

Сыромятовъ.

Что еще?

Андрей.

Пошли ко мнѣ сестру на минутку!

Сыромятовъ.

Для чего это? Она теперь тебѣ чужая!..

Андрей.

Надо сказать ей...

Сыромятовъ.

Скажемъ и безъ тебя!

Андрей.

Ужь все-таки честнѣй самому...

Сыромятовъ.

Амбиція не велитъ, вотъ что я тебѣ скажу!..

Андрей.

Да вѣдь не на радость себѣ я ее видѣть хочу, а на муку!.. Передъ ней виноватъ, ей и виниться долженъ... простить—гдѣ ужь!.. А хоть и бранить будетъ, все же въ глаза, все легче!.. а можетъ, и пожалѣетъ... у нея душа добрая!..

Сыромятовъ.

На минуту, пожалуй, а потомъ и прощай, братъ Андрей, прощай!.. Мы вѣдь тужить долго не будемъ: у насъ женихи и сейчасъ готовы... такія невѣсты не засиживаются!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Андрей (*одинъ*).

Андрей.

Вѣдь вотъ только десять словъ сказать, а тамъ и легче будетъ, какъ гора съ плечъ свалится; да какъ ихъ, эти слова-то,

выговоришь?.. Готовы они, на губахъ вертятся, а изнутри-то совѣсть какъ огнемъ жжетъ!.. (*Садится къ столу и снимаетъ съ пальца кольцо*). Ужь рѣшено, кончено, обдумано, а точно что живое отрываю отъ себя!.. Да и та мысль въ голову лѣзетъ... не отдать бы мнѣ своего счастья съ этимъ кольцомъ!.. (*Входитъ Таня*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Андрей и Таня.

Таня (*тихо и довѣрчиво*).

А?.. что?.. Что тебѣ?..

Андрей.

Присядь на минуточку... (*Таня садится къ столу*). Ежели теперь человѣкъ своего слова не оправдываетъ, такъ не всегда же это отъ подлости, потому другой разъ самъ въ себѣ не воленъ!..

Таня.

Да про что ты?..

Андрей.

Ежели человѣкъ не въ себѣ...

Таня.

Разлюбилъ, что ли?..

Андрей.

Конечно, ужь мнѣ противъ тебя оправданія нѣтъ...

Таня.

Я ужь давно угадываю... давно ждала!

Андрей.

Я кругомъ виноватъ предъ тобою!..

Таня.

Ну, что же? что я могу? Вѣдь насильно любить не заставишь!

Андрей.

Ну такъ вотъ объ чемъ я тебя прошу... (*машинально подвигаетъ кольцо къ Танѣ, она отталкиваетъ кольцо рукой*). Позабудь ты меня!

Таня (*со слезами*).

Забуду я тебя или нѣтъ—тебѣ что? Тебѣ одно, чтобы помѣхи не было... Ты, можетъ, боишься? такъ напрасно!..

Андрей.

Чего мнѣ бояться?.. Я тебя знаю... твою душу...

Таня.

Коли ты лучше меня нашелъ, какъ тебя удержишь?.. Ужь мы завсегда такія несчастныя!..

Андрей.

Нѣтъ, ежели ты сердиться или бранить, такъ ужь ты брани меня одного, а ея, Таня, не проклинай!..

Таня.

Да и тебя бранить что пользы? Богъ съ тобой!..

Андрей (*со слезами*).

Такъ прощаешь? прощаешь?..

Таня.

Что-жь мнѣ тебѣ сказать? Обидно мнѣ, горько мнѣ!.. Да ты самъ-то ужь не плачь—это мое дѣло! Что-жь тебѣ сказать? Ну... Богъ съ тобой!.. вотъ одно... что-жь еще?..

Андрей.

Ну, спасибо тебѣ, спасибо!.. Ангельская ты душа—вотъ что!.. а я... ну, прощай!.. (*быстро уходитъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Таня, потомъ Сыромятовъ.

Таня (*вслухъ Андрею, качая головой*).

«Ангельская душа!» На языкѣ-то у тебя медъ, а подъ языкомъ-то ледъ!.. Говоритъ: не брани ее, а кого-жь мнѣ бранить-то, какъ не ее? Она мое счастье-то отняла. (*Входитъ Сыромятовъ*). Кто она такая, скажи ты мнѣ?

Сыромятовъ.

Ну, какже! очень нужно тебѣ знать!.. Наблюдай свою амбицію... амбицію наблюдай!.. Смѣяться тебѣ надо ему въ глаза, а не плакать!..

Таня.

Не шутка вѣдь это... не засмѣешься... вѣдь я любила его!..

Сыромятовъ.

Любила, такъ и плачь себѣ дома, а при людяхъ ронять себя намъ нейдетъ! Надо такъ изъ себя доказывать, что люди за нами гоняются, а мы ни за кѣмъ не погонимся!.. Сбирайся.. пойдемъ!..

Таня.

Да ужь пойдемъ, чего дожидать?.. (*Надѣваетъ шляпку*).

Сыромятовъ.

Высоко, братъ Андрей, заносишься, но, однако, не ошибись! какъ бы голова не закружилась!.. Дерево-то по себѣ рубятъ, чтобъ подъ силу было!.. (*Входятъ Настасья Петровна и Гаврила Пантелѣичъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Сыромятовъ, Таня, Настасья Петровна и Гаврила Пантелѣичъ.

Настасья Петровна.

Батюшки, что это?!. Куда вы поднялись?

Сыромятовъ.

Завсегда такъ бываетъ-съ, что гости посидятъ, посидятъ, да и пойдутъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

И вправду, куда вы? Не гонимъ, кажется...

Сыромятовъ.

Покуда не гонятъ... а ждать этого самаго не желаемъ!.. (*раскланиваясь*). Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, чувствительно вами благодарны за вашу ласку... на угощеньи много довольны!.. Ну, и кажется, при всемъ томъ мы увидимся не скоро...

Гаврила Пантелѣичъ (*взглянувъ на жену*).

Настасья?..

Настасья Петровна.

Не придумаю, что за оказія такая!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Да ты не комедію-ль ломаешь?..

Сыромятовъ.

Наша комедія сейчасъ кончается, а будетъ у васъ своя, новая... такъ и ожидайте... прощенья просимъ!..

Таня.

Прощайте! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелѣичъ (*помолчавъ*).

Настасья, говори, что у насъ такое?..

Настасья Петровна.

Не знаю, Гаврила Пантелѣичъ, не придумаю!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Да что-жь, чортъ возьми, затмѣніе на насъ нашло, что-ли?.. Гдѣ Андрей?

Настасья Петровна.

Не знаю, батюшка, Гаврила Пантелѣичъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Кто бѣлены-то объѣлся: мы или они?.. Я, кажется, ничего, въ полномъ разумѣ, не бросаюсь по стѣнамъ и вижу всѣхъ, какъ есть... Ты кусаться не стала-ли?..

Настасья Петровна.

Да и я въ здравомъ разсудкѣ. Съ чего мнѣ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Говори, выкладывай! Прячешь что-нибудь... отъ васъ вѣдь сыры-боры возгораются!..

Настасья Петровна.

Не грѣши, Гаврила Пантелѣичъ! Я, видитъ Богъ, ничѣмъ не причинна... и сама съ мыслями не сберусь, откуда взялось такое!.. (*Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣже и Андрей.

Андрей.

Батюшка, и вы, матушка, долженъ я вамъ открыть свою душу, и ужь судите меня, какъ вамъ Богъ на сердце пошлетъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, вотъ постой, что такое?..

Настасья Петровна.

Охъ, оборвалось сердечко-то, оборвалось!

Андрей.

Сыромятова Таня—моя невѣста; мы по любви сошлись и съ вашего благословенія, но только теперь мои чувства совсѣмъ другія...

Гаврила Пантелѣичъ (*про себя*).

Вотъ у кого горячка-то, вотъ оно что!..

Андрей.

Теперь мои чувства совсѣмъ другія, которыя даже невозможно преодолѣть...

Настасья Петровна.

Что ты, Богъ съ тобой, что ты?.. опомнись!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Парня лечить надо, а мы съ тобой смотримъ!.. На ногахъ человѣкъ, съ виду-то какъ и быть слѣдуетъ, а какой бредъ у него!..

Андрей.

Ежели вы считаете, что эти мои слова—бредъ, такъ ужь этотъ бредъ мнѣ на всю жизнь... съ нимъ мнѣ и умирать надо!.. А я считаю, что я въ полномъ разумѣ и даже прошу вашего родительскаго благословенья!..

Настасья Петровна.

А какъ же Таня-то?.. нешто можно?.. Что ты, что ты?..

Андрей.

Съ Таней у меня объясненіе было... я ей во всемъ по душѣ открылся... Сколько я теперь за Таню страдаю, да можетъ и впередъ буду страдать—это только грудь моя знаетъ... Но дѣло это промежъ насъ кончено, нарушено и повороту нѣтъ съ! (*Гаврила Пантелѣичъ, пощипывая бороду, косится на сына*).

Настасья Петровна.

Ахъ, срамъ какой!.. и откуда это... какимъ вѣтромъ нанесло?.. (*съ любопытствомъ*). Андрюша, кто-жъ она такая? гдѣ нашелъ? изъ какихъ?..

Андрей.

Семейство хорошее, честное-съ, состояніе средственное, сирота, родитель померъ... живетъ съ маменькой... и такое мое къ ней чувство!..

Настасья Петровна.

Ахъ, ай, ай!.. ахъ, бѣда какая, бѣда какая!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Полоумная!.. васъ обоихъ вмѣстѣ на цѣпь-то посадить!.. Тутъ видимое дѣло: человѣка надо скорѣй водой... ушата два вылить, а она его разспрашиваетъ.. бобы съ нимъ разводитъ!..

Андрей.

Вся ваша воля... но я не въ горячкѣ, не сумасшедшій... я въ памяти...

Гаврила Пантелѣичъ.

Да когда-жъ эдакіе одержимые сами понимаютъ, что они съума сошли!.. Ихъ и уговаривать нѣчего... а просто вязать...

Андрей.

Не сумасшедшій я, очень даже далеко отъ этого.

Гаврила Пантелѣичъ.

А коли такъ, разговоръ у насъ съ тобой короткій будетъ: вы-

кинь ты сейчасъ все это изъ головы—и брось!.. Невѣста у тебя есть, и другой не будетъ. А этихъ твоихъ променадовъ я и знать не хочу, ты бы стыдился про нихъ и говорить родителямъ!.. А чтобъ поскорѣй конецъ всему этому сдѣлать—на будущей недѣлѣ у насъ свадьба будетъ! Вотъ тебѣ и сказъ!

Андрей.

Тамъ ужь какъ вамъ угодно, а только той свадьбѣ не бывать-съ!

Гаврила Пантелѣичъ.

Какъ такъ? волѣ родительской противиться, законъ попирать!.. или ужь нынче власть родительская ничего не значитъ?..

Андрей.

Я вамъ завсегда покорялся и завсегда буду покоряться; а это не такое дѣло-съ: это дѣло сердечное. Если у васъ есть власть приказать моему сердцу разлюбить, такъ я самъ прошу васъ, прикажите!.. Коли оно васъ послушаетъ, я очень радъ буду.

Гаврила Пантелѣичъ.

Да я твоего сердца и знать-то не хочу! Сердце!.. ишь, что выдумалъ!.. Нешто такъ родителямъ отвѣчаютъ?.. (*женѣ*). Говори ты съ нимъ, образумь его... а мнѣ васъ и видѣть-то противно!.. (*Махнувъ руками, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Андрей и Настасья Петровна.

Настасья Петровна (*садясь къ столу*).

Ахъ, Андрюша, что ты затѣялъ?..

Андрей (*садясь съ другой стороны*).

Маменька, да коли счастье мое, коли жизнь моя отъ того зависитъ, такъ не мѣшайте хоть вы-то!..

Настасья Петровна.

А Таня то... какая дѣвушка... какая жена-то была бы тебѣ!

Андрей.

Значитъ: не судьба! Что жь дѣлать-то!

Настасья Петровна.

А эту-то ты знаешь ли? Какой характеръ у нея? да еще будетъ-ли любить-то тебя?.. (*скороговоркой*). А какъ зовутъ-то ее?..

Андрей.

Еленой.

Настасья Петровна.

Что жъ? ничего, имя хорошее! да подумай, Андрюша, дѣло большое, вѣковое!..

Андрей.

Да ужь думано и передумано!.. Я сегодня хочу ѣхать руки просить...

Настасья Петровна.

Сегодня? ахъ, батюшки!

Андрей.

И если будетъ отъ нея согласіе, такъ повѣрьте, что счастливѣй меня вы человѣка въ мірѣ не найдете! Хотите вы моего счастія?..

Настасья Петровна.

Ну, буди воля Господня!.. (*входитъ Гаврила Пантелѣичъ. Настасья Петровна и Андрей встаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣже и Гаврила Пантелѣичъ.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, урезонила хоть малость?

Настасья Петровна.

Да ужь видно, Гаврила Пантелѣичъ...

Гаврила Пантелѣичъ.

Что видно?... Что видно-то?.. Я ничего покамѣсть не вижу...

Настасья Петровна.

Видно, что кому на роду написано, такъ ужь... нынче хочетъ ѣхать руки просить...

Гаврила Пантелѣичъ.

Руки просить? Что жь намъ теперь, родителямъ-то, какъ быть?.. Что дѣлать намъ подобаетъ, на его безуміе глядя?..

Настасья Петровна.

Не знаю, батюшка Гаврила Пантелѣичъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Не знаешь? такъ я тебя научу! Вотъ первое: не умѣла ты своимъ бабьимъ, сорочьимъ языкомъ вразумить свое дѣтище, такъ прикуси твой языкъ—и молчать тебѣ на вѣки!..

Настасья Петровна.

Слушаю, Гаврила Пантелѣичъ!

Гаврила Пантелѣичъ.

И не единаго чтобъ слова!

Настасья Петровна.

Молчу, молчу!..

Гаврила Пантелѣичъ.

А второе...

Настасья Петровна.

Что второе-то?..

Гаврила Пантелѣичъ.

Второе-то: бери икону... (*Андрей покорно опускаетъ голову*).

Настасья Петровна.

Ахъ, батюшка, Гаврила Пантелѣичъ! Ахъ, Андрюша родной!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Будь надъ нимъ Господне и наше благословеніе!.. Пущай, по крайности, коли онъ будетъ послѣ плакаться, такъ на себя... а не на насъ!.. Давай икону!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Лица:

Нина Александровна Кармина, пожилая дама, съ разстроенными нервами.

Елена Васильевна, ея дочь, дѣвушка немного за 20 лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ красоты и здоровья; въ манерахъ видна избалованность и привычка повелѣвать.

Андрей Гаврилович Бѣлугинъ.

Николай Егорычъ Агишинъ.

Человѣкъ Карминыхъ.

Гостиная въ квартирѣ Карминой. Небольшая комната, не богато, но чисто меблированная; въ глубинѣ отворенная дверь въ залу; направо, въ углу, боковая дверь; на лѣвой сторонѣ два окна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Елена, *одна, сидитъ въ креслѣ и перелистываетъ книгу, потомъ кладетъ книгу на столъ и подходитъ къ окну.*

Елена.

Какая тоска невыносимая! Ни дѣла, ни мѣста не найду. Дни идутъ, тянутся какіе-то мертвые, какъ будто жизнь моя остановилась! Хотѣлъ вернуться черезъ двѣ недѣли, а вотъ ужъ скоро два мѣсяца, какъ его нѣтъ! Гдѣ онъ пропадаетъ? Какъ разлука развиваетъ и укрѣпляетъ страсть!.. Пока онъ былъ подлѣ меня, я не замѣчала, какъ сильна привязанность; я не замѣ-

чала, что онъ мнѣ необходимъ!.. Но вѣдь мы и воздуха не замѣчаемъ кругомъ себя, а между тѣмъ, безъ него жить нельзя — дышать нечѣмъ! Но что же онъ? Зачѣмъ онъ медлитъ? Робость въ немъ предполагать нельзя... то въ его словахъ страстность, то холодность и самое обыкновенное дешевое благоразуміе! Или это разсчетъ, тактика?.. Столько времени мы знакомы, и онъ для меня все-таки остается загадкой!.. Надо его вызвать, заставить объясниться!.. Да, нужно кончить это мучительное для меня недоразумѣніе... (*смотритъ въ окно*). Ахъ, милый Андрюша Бѣлугинъ!.. Вотъ это душа простая... ха-ха-ха! и что-то въ рукахъ держитъ! А какой у него рысакъ... вотъ прокатиться бы!.. (*Садится къ столу и беретъ книгу. Входитъ Андрей Бѣлугинъ, во фракѣ, въ рукахъ большой букетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Елена и Андрей Бѣлугинъ.

Елена (*шутя*).

И безъ доклада?..

Андрей (*сконфузясь*).

Виноватъ-съ!.. я... вотъ какое невѣжество!

Елена (*смѣется*).

Ну, да бѣда небольшая! (*встаетъ и подаетъ руку*). Здравствуйте!

Андрей.

Ваше здоровье, Елена Васильевна?

Елена.

Какъ нельзя лучше! (*указывая на цвѣты*). А это что такое?

Андрей (*подавая цвѣты*).

Позвольте вамъ поднести, Елена Васильевна!

Елена.

Что вамъ за фантазія пришла?

Андрей.

Такъ, желательно было-съ... Не откажите принять...

Елена (*беретъ*).

Merci!.. прелесть какой букетъ! (*садится и нюхаетъ*).. Гдѣ вы достали?

Андрей.

Да помилуйте... да гдѣ угодно-съ! Нешто рѣдкость какая!

Елена.

Да, конечно, для васъ все не рѣдкость... садитесь-же!..

Андрей.

Нѣтъ-съ, ни сидѣть... ни стоять!.. а бѣжать бы куда-нибудь безъ оглядки!..

Елена.

Вотъ странное настроеніе! Вы не знаете, Агишинъ... онъ не пріѣхалъ еще изъ Петербурга?..

Андрей.

Нѣтъ-съ... Что мнѣ?.. я не знаю-съ...

Елена.

Ну, а съ вами что такое случилось?..

Андрей.

Такъ, вдругъ-съ... такое расположеніе бываетъ, что всѣ мысли перепутаны и точно въ туманѣ!..

Елена.

А можно спросить о причинѣ? «Такъ вдругъ»... Да вѣдь отъ чего-нибудь это нашло на васъ!

Андрей.

Пущай же цвѣты вамъ это скажутъ-съ!..

Елена.

Цвѣты? они молчатъ... только хорошо пахнутъ... свѣжіе!..

Андрей.

Нѣтъ-съ... они говорятъ...

Елена.

Очень тихо, значитъ... я не слышу!..

Андрей.

Они говорятъ-съ, говорятъ про любовь того человѣка, который, можетъ, самый несчастный!..

Елена.

Не понимаю!..

Андрей.

И нельзя вамъ понять-съ: у васъ все будто какъ шутка, вы все смѣетесь... но вамъ шутить можно, а мнѣ нельзя-съ: пришло то самое время, когда надо эту шутку кончить!..

Елена.

Ахъ, говорите яснѣй!..

Андрей.

Елена Васильевна, всего два слова: моя любовь—не шутка... не шутка-съ: тутъ вся моя жизнь въ ней-съ! Елена Васильевна, у меня всё рѣшено-съ, и теперь я вашей руки прошу-съ... Отвѣчайте мнѣ, Елена Васильевна... прямо отъ души... и прошу васъ сію минуту-съ... ждать мнѣ, по моимъ чувствамъ, никакъ не возможно-съ! (*Смотритъ въ окно. Елена наклоняется къ букету*).

Елена (*как бы про себя*).

Вотъ неожиданность!

Андрей.

Ежели я сказалъ глупость, оскорбилъ васъ, такъ прямо и говорите... и больше вы меня не увидите!..

Елена (*помолчавъ*).

А давно вамъ это въ голову пришло?

Андрей.

А съ той самой минуты, какъ я васъ увидѣлъ съ! У меня была и невѣста, но это дѣло я покончилъ; теперь только вашъ отвѣтъ съ...

Елена.

Но вы зависимы... вы принадлежите своему кругу... у васъ свой особый міръ, а я выросла и образовалась совершенно въ другой сферѣ; у меня свои привычки, вкусы, стремленія и *передѣлаться я не могу*!

Андрей.

Зависимости у меня нѣтъ съ: я имѣю собственный капиталъ отъ бабушки и живу совсѣмъ отдѣльно отъ родителей; а въ отношеніи того, что вы говорите, я принадлежу чему-то... такъ этого нѣтъ-съ!.. а я буду принадлежать только той особѣ... кого я люблю-съ!..

Елена.

Но послушайте... у меня дурной характеръ: я капризна, иногда просто зла и никому и ничего не уступаю, если вздумаютъ меня стѣснять! И мало-ли какія мнѣ могутъ придти фантазіи: вдругъ мнѣ все надоѣстъ... я захочу себѣ свободы... полной свободы...

Андрей.

Ну, и что же-съ?.. и все это какъ вамъ угодно съ, я на все готовъ... Мнѣ ничего не нужно-съ... окромя... ну, чтобы вы, чтобы я могъ назвать васъ-съ!.. (*Елена задумчиво наклоняется къ цвѣтамъ и вдругъ громко смѣется*).

Елена.

Простите, я совсѣмъ о другомъ: мнѣ пришла въ голову одна такая смѣшная вещь!..

Андрей (*со вздохомъ*).

Да-съ, я такъ и понимаю, что это не ко мнѣ, потому смѣяться теперь надо мною... грѣхъ!.. Уже это надо совсѣмъ никакой души не имѣть!..

Елена.

Нѣтъ, право же нѣтъ! я не такая дурная! а право совсѣмъ другое мнѣ пришло... Ну, хорошо! Дайте мнѣ одной немного по-

думать, и я скажу вамъ!.. а вы ступайте, ну, прокатитесь... Чрезъ часъ вы узнаете!..

АНДРЕЙ.

Только какъ мнѣ этотъ часъ долгъ покажется!..

ЕЛЕНА.

А вы съѣздите въ кондитерскую, привезите мнѣ конфектъ... вотъ вы и не увидите, какъ время пройдетъ!.. Да не будьте такъ серьёзны... *я не люблю серьёзныхъ*!..

АНДРЕЙ.

Такъ до свиданья съ! Со всѣмъ трепетомъ!.. (*идетъ*).

ЕЛЕНА (*провожая его до двери*).

Ахъ, безъ трепета, пожалуйста! (*Андрей уходитъ*).

ЕЛЕНА.

Ха, ха, ха! Я купчиха Бѣлугина! Ха, ха, ха... пышная, разряженная, съ своимъ Андреемъ Гавриличемъ рядомъ, въ росконой коляскѣ, на рысакахъ... Ха, ха, ха... молодые Бѣлугины! Помните Эленъ Кармину? это она! Ха, ха, ха... И разговоры... злыя насмѣшки, изъ подъ которыхъ такъ и сквозитъ зависть!.. Вотъ новость, вотъ событіе!.. (*Входитъ Нина Александровна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЕЛЕНА и НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*замѣтя цвѣты*).

Какой букетъ! Кто это?..

ЕЛЕНА.

Женихъ!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что ты говоришь? Какой женихъ?..

ЕЛЕНА (*смѣется*).

Право, мама!..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, что тебѣ за охота мучить меня?

ЕЛЕНА.

André Bélougin сдѣлалъ сейчасъ мнѣ предложеніе!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, неужели? да нѣтъ, ты шутишь?!..

ЕЛЕНА.

Не вѣришь? Ха, ха, ха... что-жъ тутъ удивительнаго?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, конечно, ты шутишь, и больше ничего!

Елена.

Нѣтъ, нисколько! Я—невѣста, мамаша... я приняла предложеніе.

Нина Александровна.

Лена, перестань; пожалѣй мои нервы.

Елена.

Повѣрь же, наконецъ! (*Обнимаетъ мать*). Мама, а развѣ плохо жить на свѣтѣ купчихѣ Бѣлугиной?

Нина Александровна.

Да, можетъ быть, ей и очень хорошо жить, но ты—не купчиха Бѣлугина, ты не должна была, ты не могла принять этого предложенія!.. фи!..

Елена.

Ну, разумѣется, я не пойду за него ни за что на свѣтѣ! Но позвольте же мнѣ хоть помечтать о богатствѣ и посмѣяться... Этого смѣха, мама, намъ на долго хватитъ. (*Уходитъ*).

Нина Александровна.

Какіе, право, нынче эти люди смѣлые стали! Ну, какъ это возможно!..

(*Входитъ Агишинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Нина Александровна и Агишинъ.

Нина Александровна.

Ахъ, Николай Егорычъ! ахъ, какъ неожиданно! Ну, слава Богу! А ужь мы надумались о васъ... здравствуйте, здравствуйте, наконецъ-то! Ну, какъ вы съѣздили, благополучно?

Агишинъ.

Очень благополучно. Какъ ваше здоровье?

Нина Александровна.

Да все нервы, по обыкновенію... рѣшительно покоя не даютъ!.

Агишинъ.

Здоровье Елены Васильевны?

Нина Александровна.

Она у меня цвѣтетъ! А я, повѣрите-ли, вотъ увидала васъ. вдругъ, ну, и вся какъ разбитая! Да садитесь-же!

Агишинъ (*садясь*).

Не хорошо, Нина Александровна.

Нина Александровна.

Да ужь что хорошаго...

Агишинъ.

А знаете ли вы, отчего это у васъ? отъ дурного воспитанія.

Нина Александровна.

Ахъ, что вы, что вы!.. мое воспитаніе было отличное!

Агишинъ.

Нѣтъ, дурное, сентиментальное: излишнее развитіе возвышенныхъ чувствъ въ ущербъ разсудку, страстные порывы къ идеальному. А такъ какъ въ жизни-то все реальное, идеальнаго ничего нѣтъ — вотъ и пойдутъ разочарованія, разстройство нервовъ; да этого еще мало: семейныя драмы, разбитыя жизни! Вотъ гдѣ источникъ то мигреней, Нина Александровна, въ возвышенныхъ чувствахъ!..

Нина Александровна.

Васъ послушай только, такъ вы наскажете!

Агишинъ.

Еслибъ въ дѣвушкахъ развивали побольше разсудокъ и трезвый взглядъ на вещи, такъ повѣрьте, что онѣ были бы счастливѣе и ужь навѣрное здоровѣе!

Нина Александровна.

Со мною-то вы что хотите говорите, только ужь дочери, пожалуйста, этихъ мыслей...

Агишинъ.

Нина Александровна, если вы желаете счастія Еленѣ Васильевнѣ, такъ учите ее брать отъ жизни только то, чтò она даетъ, и не мечтать объ идеалахъ.

Нина Александровна

Какъ привяжется мигрень! Да вотъ Лена идетъ, а я ужь извините, отдохну пойду. (*Уходитъ. Входитъ Елена*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Агишинъ и Елена.

Елена.

Боже! вы здѣсь, а я и не знаю, маменька и не скажетъ!

Агишинъ (*горячее рукопожатіе*).

Да, я давно уже...

Елена.

Когда вы изъ Петербурга?

Агишинъ.

Вчера утромъ.

Елена.

Какъ же вы смѣли такъ долго не являться?

Агишинъ.

Не притворяйтесь строгою; вѣдь я не повѣрю, чтобы мое отсутствіе было очень замѣтно для васъ!

Елена.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я ужасно хандрила все это время, не съ кѣмъ слова сказать! Что вы тамъ дѣлали?

Агишинъ.

У меня умерла тамъ какая-то тетушка... Что то оставила, нужно было получить... но, къ моему сожалѣнію, вышло очень немного!..

Елена.

Я думала, что вы гдѣ-нибудь за океаномъ!

Агишинъ.

Какъ здоровье ваше?

Елена.

Я говорю вамъ, что хандрю!

Агишинъ.

Безъ причины?

Елена.

Я сама не знаю, что со мною... тоска, чѣмъ то недовольна, куда-то рвусь!

Агишинъ.

Полнота, избытокъ силъ! Вы, какъ роскошная весенняя природа, которая послѣ ясной погоды вдругъ хмуриться начинаетъ; нужна гроза, хоть небольшая, чтобы разрядить накопившееся электричество.

Елена.

Вы думаете?

Агишинъ.

Ахъ, что̀ мой Андрюша? бываетъ онъ у васъ?

Елена.

Очень часто... онъ смѣшитъ... онъ меня ужасно смѣшитъ!

Агишинъ.

Влюбленъ, я думаю, да еще какъ влюбленъ! не то, что мы!..

Елена.

А какъ же?

Агишинъ.

А какъ влюбляются люди необразованные: отъ всей души, то-есть отъ всей своей первобытной дикости! А кстати, ка̀къ вы смотрите на него?

Елена.

Онъ—ничего, такъ себѣ, русскій молодецъ... кажется, добрый и нѣжный человѣкъ. Я вѣдь сужу его по его же словамъ: онъ мнѣ всю свою душу открываетъ.

Агишинъ.

Да-съ, и вотъ этотъ Андрюша—милліонеръ: по завѣщанію бабушки имѣетъ свой огромный капиталъ, да къ тому-жъ еще единственное и любимое чадо у своихъ богатыхъ родителей. А какая нѣжность, какая деликатность чувствъ! Явленіе замѣчательное въ настоящее время...

Елена.

Я его не разберу—что онъ: глупъ или юнъ еще очень?

Агишинъ.

Пороху онъ, конечно, не выдумаетъ, а поразовьется, такъ будетъ человѣкъ какъ слѣдуетъ, для домашняго обихода, разумѣется! Вообще, этотъ Андрюша—драгоцѣнность; онъ очень удобенъ!

Елена.

Для кого?

Агишинъ.

Для жены, для женщины которая съумѣетъ понять, какъ дорога, при полномъ довольствѣ, полная свобода и независимость! Благоразумная дѣвушка едва ли оттолкнетъ его!

Елена.

Знаете-ли, вѣдь онъ, голубчикъ, влюбленъ въ меня безъ ума, безъ памяти!

Агишинъ.

Иначе и быть не могло! Если его страсть шла crescendo, она должна дойти до геркулесовыхъ столбовъ. Съ перваго раза, какъ онъ увидалъ васъ, такъ и обомлѣлъ!

Елена.

Ну, такъ я вамъ еще новость скажу: онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе сегодня, не болѣе получаса тому назадъ...

Агишинъ.

Браво, Андрюша, браво! Что же вы ему?

Елена.

Я отъ хохота говорить не могла.

Агишинъ.

Каковъ Андрюша? Молодецъ, право, молодецъ!..

Елена.

Вообразите, передъ вами купчиха Бѣлугина! Ха, ха, ха!

Агишинъ.

Я въ этомъ ничего не нахожу смѣшного; да я думаю, и вся-

кій тоже, кто желаетъ вамъ добра. Но съ чѣмъ же онъ ушелъ отъ васъ?

Елена.

Ему сказано, что подумаютъ, какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ. Но довольно объ этомъ! Разскажите что нибудь о себѣ: что вы тамъ видѣли въ Петербургѣ? тамъ, говорятъ, очень много хорошенькихъ женщинъ... тамъ у васъ есть и знакомыя; помните, вы говорили о какихъ-то двухъ дамахъ, которыми вы интересовались?

Агишинъ.

Видѣлъ и ихъ; но одна изъ нихъ непомѣрно толстѣетъ, много спитъ и начинаетъ очень сладко поглядывать на своего супруга, а другая худѣетъ до невозможности...

Елена.

Значитъ, вамъ было не очень весело?..

Агишинъ.

За кого-жъ вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что у меня въ жизни, кромѣ забавы, ничего нѣтъ? что я порхаю, какъ мотылекъ, и ни въ груди, ни въ головѣ не таю, не берегу ничего серьёзнаго?

Елена.

Я вѣдь васъ не знаю, я сужу по вашимъ же словамъ.

Агишинъ.

Да я не спорю съ вами; прежде, можетъ быть, я и былъ таковъ, но не теперь!

Елена.

А теперь что же?

Агишинъ.

Въ эту поѣздку я убѣдился, что у меня на душѣ что-то неладно! Повѣрите-ли, я въ первый разъ въ жизни мучительно ощутилъ чье то отсутствіе и страдалъ! Чувство странное, тревожное... Передо мной носился, меня преслѣдовалъ женскій образъ; онъ занялъ мой мозгъ, всю мою душу!..

Елена.

Но позвольте спросить: кто же та женщина или дѣвушка?

Агишинъ.

Она? да, она—дѣвушка...

Елена.

Такъ вѣдь она можетъ быть вашей!..

Агишинъ.

Боже мой! да смѣю-ли я, нищій, нищій, мечтать о такомъ счастьѣ! Что я могу? Втиснуть ее въ жалкую будничную рамку жизни, сдѣлать женой, нянькой, экономкой и загубить, загубить

созданье, въ которомъ все прелестно, все изящно, все музыка... и переселить ее въ кухню!.. Да и я, я самъ люблю изящество во всемъ! Я самъ артистъ! Обладаніе обожаемой женщиной я не могу себѣ иначе и представить, какъ въ роскошной обстановкѣ, какъ...

Елена (*тихо*).

Продолжайте...

Агишинъ.

Ахъ! есть голубой Неаполитанскій Заливъ, есть Сорренто...

«Тамъ голубыя небеса
«И фіолетовыя горы».

тамъ жизнь, тамъ рай; недаромъ Италію такъ любятъ поэты...

Елена.

Значитъ, у васъ надежды нѣтъ?

Агишинъ.

Надежда? Какая во мнѣ надежда!.. Во мнѣ—бѣшенство! Я готовъ на все, на всякія жертвы, чтобы только вырвать эту страсть изъ души! Но уже невозможно, ужь поздно!.. (*Молчаніе*). Одну, одну мечту могу еще я лелѣять въ душѣ своей...

Елена (*почти шопотомъ*).

Какую, какую?

Агишинъ.

Пусть она принадлежитъ другому!

Елена (*какъ уколотая*).

Ай!..

Агишинъ.

Да, пусть она принадлежитъ другому, но пусть она оставитъ въ душѣ своей хоть маленькій уголокъ, гдѣ-бы я, страдалецъ, могъ найти для себя отдыхъ, примиреніе съ жизнью, освѣженіе! Эта интрига потребуетъ отъ нея, конечно, маленькой борьбы съ предразсудкомъ, маленькой сдѣлки съ своей совѣстью...

Елена.

Но если сдѣлка съ совѣстью, такъ ужь это не маленькій уголокъ!

Агишинъ.

Но и эта мечта моя разлетается, какъ дымъ! Нѣтъ, она еще слишкомъ идеальна; для нея обыкновенная житейская исторія, которую мы видимъ на каждомъ шагу, можетъ показаться чѣмъ-то ужаснымъ, чудовищнымъ; самая сладость, изящество утонченнаго наслажденія можетъ ей показаться даже преступнымъ... ей представятся фуріи, эвмениды, которыя будутъ преслѣдовать ее до конца жизни!..

Елена.

Но кто же это она?

Агишинъ.

И вы спрашиваете? вы не знаете? Неужели вы ждете отъ меня, чтобы я назвалъ по имени? Нужно ли?

Елена.

Нѣтъ, не нужно!..

Агишинъ.

И вотъ, чтобы заморить, задушить эту страсть, я ѣду въ провинцію, поступлю гдѣ-нибудь на службу, куда-нибудь подальше!

Елена.

И на долго?

Агишинъ.

На два, на три года, почемъ я знаю? пока уляжется все, успокоится въ душѣ, пока овладѣю собой!.. Однако, прощайте! Вамъ нужно подумать надъ роковымъ для человѣка отвѣтомъ, вѣдь и Андрей—тоже человѣкъ!.. А мнѣ... у меня горитъ голова, мнѣ нуженъ воздухъ!..

Елена (*рѣшительно*).

Пріѣзжайте сегодня, пріѣзжайте! Я васъ прошу, я вамъ приказываю!

Агишинъ.

Хорошо; если вамъ угодно, заѣду; я сдѣлаю одинъ визитъ не подалеку. До свиданія! (*подаетъ руку Еленѣ*). Какая рука... какое теплое, энергическое пожатіе! Не бѣгайте отъ счастія.. бросьте предразсудки, берите отъ жизни все, что она можетъ дать вамъ!.. Не бѣгайте отъ счастія!.. (*Уходитъ*).

Елена.

Ой, какъ сердце бьется! Что за день для меня! И сейчасъ пріѣдетъ Андрей... (*Молчаніе*). Значитъ, сдѣлка съ совѣстью?. Такъ, что-ли? Ахъ! (*садится*). Но что жь это со мной? Я въ первый разъ въ жизни какъ будто начинаю двоиться. Я сильна и смѣла, я готова на эту обольстительную сдѣлку съ совѣстью; но и совѣсть вступаетъ въ свои права, я ощущаю въ себѣ нравственное паденіе и немножко презираю себя!.. Но вѣдь это слабость, слабость! Онъ называетъ это слабостью; онъ, единственный авторитетъ для меня, онъ... называлъ это слабостью! Такъ это слабость и есть! Нѣтъ, рѣшено! кончено, надо брать отъ жизни то, что она даетъ... а то послѣ жалѣть, плакать будешь!.. Ахъ, какъ неясно, какъ темно все въ головѣ! Ну, такъ пускаться... а тамъ ужь что выйдетъ, рѣшитъ сама жизнь!.. (*Входитъ Нина Александровна*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна.

Лена, ну что-же ты... ты только все смѣялась?!. Нужно-же ему отвѣтъ какой-нибудь дать!

Елена.

Мама.. я иду... иду за него.

Нина Александровна.

Лена, Боже!.. что ты!..

Елена.

Что же, мама... это для меня партія хорошая. Чего-жь ждать-то? Мы живемъ на послѣднее, изо дня въ день, а впереди намъ грозитъ нищета! Ни къ физическому, ни къ умственному труду я не способна—я не такъ выросла, не такъ воспитана. (*Со слезами*). Я хочу жить, мама, жить, наслаждаться! Такъ лучше вѣдь идти за Андрюшу, чѣмъ весь свой вѣкъ сидѣть въ бѣдномъ углѣ съ безсильной злобой на людей!

Нина Александровна.

Не наша сфера, мой другъ; ихъ дикая жизнь, дикіе нравы... Что заговорятъ!.

Елена.

Да что намъ за дѣло до разговоровъ? Будемъ выше предразсудковъ! За то жизнь можно устроить, какъ хочется, средствъ будетъ много!

Нина Александровна.

Можешь ли ты хоть когда-нибудь полюбить его?

Елена.

Я, мама, постараюсь привыкнуть къ нему!

Нина Александровна (*со слезами*).

Лена, Лена! И ты рѣшаешься! Твой умъ, красота—и кому?..

Елена (*обнимаетъ и цѣлуетъ мать*).

Что ты, мама! Не плачь! Да теперь-то мой умъ и красота и найдутъ себѣ мѣсто! Посмотри, какъ я заживу богато, а сколько у меня будетъ блестящихъ поклонниковъ! Какой выборъ будетъ!..

Нина Александровна.

Я могу только молиться, горячо молиться за твое счастье!.

Елена.

Ну, полно же, мама, прочь эти слезы!..

Нина Александровна.

Вотъ до чего доводятъ обстоятельства! Въ другомъ положеніи я не допустила-бы и мысли, чтобы ты... моя Лена... мое безцѣнное сокровище...

Елена.

Ну, пойдемъ, пойдемъ, успокойся. (*Уходятъ. Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Андрей (*одинъ*).

Андрей.

Однако, никого нѣтъ. Я, кажется, мѣшаться въ умѣ начинаю, по маленьку... потому пѣсня какая-то лѣзетъ въ голову совсѣмъ не къ мѣсту! (*Подходитъ къ окну*). Вонъ Илья сидитъ на козлахъ, кулекъ шампанскаго держитъ; вонъ сѣрый что-то вздрагиваетъ, ушами поводитъ. Эхъ, сѣрый, куда то ты помчишь меня отсюда! (*Входятъ Нина Александровна и Елена*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Андрей, Нина Александровна и Елена.

Нина Александровна.

Здравствуйте, Андрей Гаврилычъ! (*садится. Елена останавливается, прислонясь къ стѣнѣ*). Садитесь, прошу васъ!

Андрей.

Нѣтъ-съ, я ужь... я такъ-съ!

Нина Александровна.

Вы сдѣлали предложеніе моей дочери?

Андрей.

Такъ точно-съ, потому любовь моя къ Еленѣ Васильевнѣ...

Нина Александровна.

Она такъ еще молода; но я—не такая мать, чтобы принуждать. Воля ея... я люблю Лену, она одна только привязываетъ меня къ жизни... (*слезы*). Она, ея счастье... Я прошу небо!..

Андрей.

Нина Александровна, желательно слышать ваше слово-съ..

Нина Александровна.

Пусть она сама!

Елена.

Я согласна...

Андрей (*дѣлаетъ шагъ, вскрикивая*).

Елена Васильевна, вѣрить-ли съ?

Елена (*съ улыбкой*).

Я согласна!

Андрей (*бросается и цѣлуетъ руку Нины Александровны*).

Нина Александровна! Такое для меня счастье!!!

Нина Александровна.

Я отдаю вамъ все, что имѣю дорогого!

Андрей.

Дорогого-съ!.. Такъ и блюсти будемъ, какъ самое дорогое. Кто теперь счастливѣй-то меня на свѣтѣ?

Елена (*шутливо*).

Найдется кто-нибудь!

Андрей (*цѣлуетъ руку Елены*).

Невозможно-съ! Брошусь, право брошусь съ колокольни съ какой-нибудь!

Елена.

Ну, тогда и свадьба наша не состоится.

Андрей.

Цѣлъ останусь, невредимъ, не безпокойтесь! Нина Александровна, позвольте же по русски, съ бокалами-съ.

Нина Александровна.

Да у насъ ничего нѣтъ, такъ неожиданно!

Андрей.

У насъ есть въ запасѣ очень достаточно. (*Бросается въ залу*).

Нина Александровна.

Лена, а ты меня оставишь одну?..

Елена.

Тебя, мама, никогда! Ты со мной, это будетъ первое условіе!

Нина Александровна (*цѣлуетъ дочь*).

Дитя мое, дорогая моя! (*Андрей возвращается и за нимъ человѣкъ съ подносомъ, на которомъ бутылка шампанскаго и бокалы*).

Андрей.

Нина Александровна, прошу васъ, за наше будущее! (*Беретъ бокалъ*).

Нина Александровна (*встаетъ и беретъ бокалъ*).

Будьте счастливы! Берегите ее!..

Андрей.

Объ этомъ ужь не извольте безпокоиться! (*Чокаются. Нина Александровна немного отпиваетъ, ставитъ бокалъ и садится*).

Андрей.

Елена Васильевна, теперь нашъ-съ!.. (*Елена беретъ, чокаются и пьютъ*).

Елена.

Хорошее вино.

Андрей.

Ничего-съ: вино, какъ вино! А только какъ будто это одна шутка, все мнѣ кажется.

Елена.

Да и вся жизнь—шутка! Шутя люди живутъ и умираютъ. (*Входитъ Агишинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣже и Агишинъ.

Андрей.

Вотъ онъ, какъ разъ! (*Бросается и хватаетъ Агишина въ объятія*). Николай Егорычъ, голубчикъ, чудеса! Поздравь, выпей!

Агишинъ (*беретъ бокалъ*).

Выпить я выпью, а съ чѣмъ и кого поздравить прикажете?

Нина Александровна.

Поздравьте жениха и невѣсту.

Агишинъ (*холодно*).

Поздравляю васъ, Елена Васильевна и Андрей Гаврилычъ! (*Пьетъ и ставитъ бокалъ*).

Человѣкъ (*уходитъ въ залу*).

Андрей.

Да, вотъ какъ Николай Егорычъ! (*обнимаетъ Агишина*). Другъ ты мнѣ, другъ единственный и навѣки. Ты всему моему счастью— главная причина; ты мнѣ первый указалъ Елену Васильевну, ты же меня и познакомилъ съ ними! Я этого вѣкъ не забуду! А вотъ мы съ тобой сейчасъ за здоровье Елены Васильевны снова выпьемъ. Для такого случая и новое вино нужно, свѣжее; а это ужь выдохлось. (*Уходитъ въ залу*).

Агишинъ (*съ презрительной улыбкой*).

Онъ счастливъ, какъ глупый школьникъ.

Нина Александровна.

Николай Егорычъ, не осуждайте насъ.

Агишинъ.

Какъ я смѣю осуждать васъ! и за что? Вы становитесь выше общественныхъ предразсудковъ, вы, для счастья дочери, смѣло идете на встрѣчу пересудамъ и осужденьямъ! Я долженъ только удивляться вашему уму и геройству Елены Васильевны...

Елена.

Это не геройство!

Агишинъ.

Такъ что же?

Елена (*тихо*).

Это сдѣлка съ совѣстью, о которой вы говорили! Я не хочу пропустить случая и хочу взять отъ жизни все, что она можетъ дать мнѣ.

Агишинъ (*тихо*).

И отворить двери рая тому, кто такъ долго томится у ихъ порога! (*Входитъ Андрей, за нимъ человѣкъ съ бутылкой шампанскаго и двумя стаканами на подносѣ*).

Андрей (*Агишину*).

Теперь мы съ тобой выпьемъ, по душѣ... безъ фальши, какъ друзья, какъ братья, за дорогое, безцѣнное здоровье Елены Васильевны!

Агишинъ (*беретъ стаканъ*).

Пусть золотая жизнь ваша, Елена Васильевна, всегда играетъ, какъ это вино! (*пьетъ*).

Андрей (*беретъ стаканъ*).

Я говорить не умѣю; но пусть жизнь моя вамъ докажетъ, сколь душевно я люблю васъ, и что нѣтъ того на свѣтѣ...

Агишинъ.

Сбился, Андрюша.

Андрей (*сквозь слезы*).

Постой! И нѣтъ того въ мірѣ, какъ Богъ святъ, что-бъ я не сдѣлалъ, чтобы хоть малость заслужить любовь вашу...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Нина Александровна.
Елена.
Андрей.
Агишинъ.
Гаврила Пантелѣичъ.
Настасья Петровна.
Человѣкъ Карминыхъ.

Небольшая семейная комната въ квартирѣ Карминыхъ. Двѣ боковыя двери: одна налѣво отъ актеровъ, въ гостиную, другая, направо, во внутреннія комнати; мебель мягкая, обитая французскимъ ситцемъ; съ правой стороны такой же маленькій диванчикъ и круглый столъ. Вечеръ, на столѣ свѣчи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Нина Александровна (*сидитъ въ задумчивости и нюхаетъ спиртъ*), Елена (*въ длинной батистовой юпкѣ, въ кружевной кофтѣ, уже совсѣмъ причесанная, лицо осыпано пудрой входитъ изъ двери справа*).

Елена.

Чтò ты, мама? Чтò съ тобой? Опять нервы?

Нина Александровна.

Ахъ, я себя браню, я очень глупо поступила.

Елена.

Какъ, чтò такое?

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, назвала гостей, и старики Бѣлугины будутъ... Ужь коли звать гостей, такъ надо было хоть занять денегъ, да...

Елена.

Да балъ задать?..

Нина Александровна.

Балъ не балъ, а все же надо было приличный вечеръ сдѣлать... Наговорили всѣмъ, что выдаю дочь за милліонера, всѣ пріѣдутъ въ ожиданіи чего-то особеннаго... А чтò у насъ?

Елена.

Ну, вотъ мы имъ этого милліонера и покажемъ. Чего-жъ еще?..

Нина Александровна.

У тебя все шутки, а мнѣ, право, такъ неловко такъ непріятно!.. (*Входитъ Андрей Бѣлугинъ во фракѣ, въ рукахъ шляпа, въ которой два бархатные футляра*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Елена.

Скажите, пожалуйста!.. онъ безъ церемоніи, прямо...

Андрей.

Ничего-съ...

Елена.

Куда вы? Подите вонъ! Сюда безъ спроса не ходятъ!

Андрей.

Ничего-съ...

Елена.

Рано, рано еще, видите, я не одѣта!

Андрей.

Это для насъ ничего-съ.

Елена.

Для васъ ничего, да для меня...

Андрей.

И для васъ ничего, потому я въ другую сторону смотрѣть буду.

Нина Александровна.

Ахъ, какой онъ милый!..

Елена.

Ну, что вамъ надо?

Андрей.

Дѣло есть спѣшное; я вчера забылъ-съ. (*Ставитъ шляпу на столъ. Нина Александровна съ любопытствомъ заглядываетъ въ нее*). Можетъ, деньги нужны-съ?..

Нина Александровна.

Нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ особенно нужны были...

Андрей.

Вы извините, я не съ тѣмъ, чтобъ-съ... Всяко бываетъ-съ... Тамъ особенно или неособенно!.. Ну, тамъ фрукты, али вино, али что другое-съ, только чтобъ самое рѣдкое-съ, чего на свѣтѣ не бываетъ!.. Вотъ двѣ тѣневыхъ. (*Нина Александровна подходитъ къ нему, онъ даетъ двѣ сторублевыя ассигнаціи*). И, пожалуйста, не жалѣйте-съ... Если еще что понадобится, такъ только одно слово!

Елена.

Мама, ну, вотъ.

Нина Александровна.

Taisez vous!

Елена.

Faites vos préparatifs sans tarder!

Нина Александровна.

A l'instant!.. Какой онъ милый!.. (*Андрею*). Напрасно вы безпокоитесь; но все таки это не лишнее, и я вамъ очень благодарна. Какой онъ милый, Лена!.. (*Уходитъ, заглянувъ еще въ шляпу*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Елена и Андрей.

Елена.

Ну, уходите-же! Мнѣ стыдно.

Андрей.

Нѣтъ, какъ уходить съ! (*вынимаетъ бумажникъ и достаетъ изъ него билеты*). Это вотъ вамъ, Елена Васильевна, приданое-съ чтобы не сказали... (*подаетъ билеты Еленѣ*).

Елена.

Что такое?

Андрей.

Билеты, именные, ваши-съ!

Елена.

На что мнѣ они, что мнѣ съ ними дѣлать?

Андрей.

Да что вамъ угодно. Тутъ семьдесятъ пять тысячъ.

Елена.

Такъ много!.. Нѣтъ, нѣтъ, я не возьму!

Андрей.

Что за много-съ!.. Вы меня обижаете съ!.. Неужели я семидесяти пяти тысячъ не стою? Да мнѣ давали за невѣстами по сту тысячъ и больше, да я не бралъ, а у васъ только семдесятъ пять-съ!

Елена.

Нѣтъ, мнѣ страшно, я боюсь..

Андрей.

Это отъ непривычки обращаться съ этимъ товаромъ; а мы такъ ихъ пошвыриваемъ довольно равнодушно. (*Беретъ руку Елены и вкладываетъ билеты*). Чего ихъ бояться-съ? Положите ихъ; они будутъ лежать смирно, ни шумѣть, ни бунтоваться не

будутъ, а, въ случаѣ надобности, сослужатъ вамъ службу, какую прикажете... Не лишнее-съ...

Елена.

Мнѣ кажется, что я отнимаю у вас, лишаю васъ чего то, обижаю васъ!

Андрей.

Не сумлевайтесь, не обидите! У насъ, купцовъ, все разсчетъ, и обидѣть насъ таки довольно мудрено. Это только мой годовой доходъ, барышъ, прибыль, значитъ-съ; а капиталъ—онъ въ неприкосновенности.

Елена.

Какой вы добрый и благородный человѣкъ!

Андрей.

Да что такое, помилуйте-съ! (*Достаетъ изъ шляпы футляръ и подаетъ Еленѣ*), Деньги—это само собой съ, то ваше собственное, про то и говорить нечего; а это прошу принять, какъ подарокъ отъ жениха съ!

Елена (*раскрывъ футляръ*).

Ахъ, браслетъ, звѣзды, брилліанты!

Андрей.

Вотъ извольте надѣть сегодня, при свѣчахъ-то они и заиграютъ.

Елена.

Но зачѣмъ такъ много брилліантовъ! Вѣдь это очень дорого.

Андрей.

А себя-то вы что-жь дешево цѣните! По моему, такъ для васъ дорогого ничего нѣтъ-съ! Вѣдь и брилліанту мѣсто нужно. Ну, что онъ значитъ въ магазинѣ, въ футлярѣ? Да другая и надѣнетъ, такъ ни красы, ни радости, только на брилліанты и смотрѣть, а не на нее; а коли на васъ брилліанты, такъ они сами радуются; не они васъ красятъ, а вы имъ цѣны придаете.

Елена.

Merci, merci!.. Ка̀къ хорошо! Кто выбралъ?

Андрей.

Самъ, у Фульда-съ!

Елена.

У васъ и вкусъ есть! (*кладетъ футляръ на столъ*).

Андрей.

Ужь по невѣстѣ можно судить, что у меня вкусъ есть-съ.

Елена.

И остроуміе! Поминутно новыя достоинства открываются!

Андрей.

Теперь, я думаю, скоро наши будутъ.

Елена.

А я еще не одѣта!

Андрей.

Поспѣете... только они не надолго, ужь вы не обидьтесь и не удерживайте ихъ; и то на силу уговорилъ, они только взглянуть... на васъ! Такъ ужь вы имъ во всемъ блескѣ!.. Ужь я васъ прошу-съ!..

Елена.

Ужь не безпокойтесь!.. Это не ваше дѣло! (*Взглянувъ на Андрея*). Ай, завить!

Андрей.

А что же-съ?

Елена.

Да не хорошо. Ну, что за баранъ!.. Извольте все это уничтожить!

Андрей.

Такъ я, пожалуй, хоть подъ гребенку-съ!

Елена (*гладитъ ему волосы рукой*).

Волосы такіе хорошіе!

Андрей (*ловитъ ея руку и цѣлуетъ*).

Очень я вамъ благодаренъ, что интересуетесь! Такъ аля-дьябль-съ, или прикажете аля-капуль! Нынче въ модѣ-съ!

Елена.

Да ни à la diable, ни à la Капуль—никакъ; а просто натурально!

Андрей.

Такъ точно и будетъ-съ! Сейчасъ къ парикмахеру! А какія вы въ этомъ нарядѣ... Ужь очень-съ!.. Смертушка моя приходитъ-съ.

Елена.

А кто сказалъ, что смотрѣть не буду?

Андрей.

Да никакой возможности нѣтъ утерпѣть-съ! Вотъ плечико просвѣчиваетъ .. вѣдь ужъ это что такое! Еслибы только осмѣлиться!...

Елена.

Что?

Андрей.

Устами.

Елена (*оглядываясь, подставляетъ плечо*).

Ну, цѣлуй и убирайся!

Андрей (*поцѣлуювавъ въ плечо*).

Лечу-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Елена, потомъ Нина Александровна.

Елена.

Я богата!... Это совсѣмъ чтò-то новое, только хорошее!... Это какъ то поднимаетъ меня, дѣлаетъ солиднѣе, устойчивѣе, и немножко... вотъ мнѣ самой смѣшно... немножко какъ будто умнѣе! (*Входитъ Нина Александровна*).

Нина Александровна.

Покажи-ка, покажи, чтò онъ подарилъ тебѣ?

Елена (*задумчиво*).

Вонъ посмотри, мама.

Нина Александровна (*открывъ футляръ*).

Ахъ, ахъ, какая прелесть! И кàкъ вѣдь это дорого, должно быть.

Елена.

Конечно дорого; но вотъ это дороже.

Нина Александровна.

Чтò же, чтò еще?

Елена (*подавая билеты*).

Вотъ на, сочти!

Нина Александровна.

Билеты купеческаго банка!... По десяти тысячъ!... Боже мой!.. Лена!... Пять, шесть, семь!... (*разсматриваетъ послѣдній билетъ*). Семьдесятъ пять тысячъ! Вѣдь это цѣлое состояніе!

Елена.

Ну, не очень большое, а все-таки состояніе. Да, по нынѣшнему времени, когда деньги такъ дороги и такъ нужны, интересны всѣмъ, получить такую сумму намъ... намъ, когда у насъ ничего, то есть почти ничего...

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, я въ себя придти не могу! Это такая неожиданная радость... радость за тебя, дитя мое!

Елена.

Значитъ, главное сдѣлано. Теперь, чтò бы впереди ни было, что бы съ нами ни случилось, мы съ тобой покойны, мы обезпечены! Возьми, убери ихъ: пригодятся на черный день! Видишь, я не даромъ пожертвовала собой!

Нина Александровна (*цѣлуя дочь*).

Чудесная, золотая головка!... Я такъ рада, такъ рада... (*Взяв

нувъ на дочь). Лена! видно, я малодушнѣе тебя: я чуть не прыгаю отъ радости при видѣ такого богатства, а ты и не улыбнешься!

ЕЛЕНА.

Эти деньги—не все для меня; мнѣ этого мало; я еще молода, мама, я не жила, меня манитъ жизнь!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Конечно, ты все-таки жертва.

ЕЛЕНА.

Не то, мама, не то...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

А что́ же, другъ мой?

ЕЛЕНА.

Мама, мы сдѣлаемъ уговоръ...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Изволь, какой тебѣ угодно.

ЕЛЕНА.

Мама, я скоро буду богатой, независимой женщиной; твои заботы, твоя опека надо мной кончились; но я хочу, чтобы мы съ тобой любили другъ друга по-прежнему... ну, по-прежнему, какъ тогда, когда я была еще ребенкомъ! И потому я прошу тебя, чтобъ ни одного упрека, ни одного косого взгляда, если...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что́ «если»?

ЕЛЕНА.

За одну только богатую жизнь я бы никогда не отдала себя: я хочу быть свободна!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, мнѣ одно только нужно, чтобы ты была счастлива!... Съумѣй только быть счастливой!

ЕЛЕНА.

Постараюсь. (*Обнимаетъ мать*). Мама! я могла бы вѣдь этого и не говорить тебѣ, такъ цѣни же мою любовь и дѣтскую преданность. Теперь пора одѣваться; я невѣста и хочу быть красавицей! (*Уходитъ*).

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ нынче дѣвушки-то, какъ посмотрю я, смѣлы стали, какъ рѣшительно переступаютъ онѣ этотъ порогъ!... А мы-то, бывало... и себя я помню, и другихъ... сколько думъ, сколько гаданій! сколько слезъ!... Жизни-то ничего не понимали; выйдешь замужъ, мужъ-то тебя балуетъ, рядитъ, какъ куклу, да и вертитъ, какъ куклой... Кто-то пріѣхалъ, кажется. Хорошо, коли кто изъ близкихъ. (*Отворяетъ дверь въ гостинную*). А, это Николай Его-

рычъ, свой человѣкъ! Пожалуйте, пожалуйте сюда! У насъ еще никого нѣтъ! (*Входитъ Агишинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Нина Александровна и Агишинъ.

Нина Александровна.

Милости просимъ! Побесѣдуйте, пока гостей нѣтъ, да и Лена еще одѣвается.

Агишинъ.

Здравствуйте, Нина Александровна! Захлопотались? у васъ теперь большая забота!

Нина Александровна.

Ну, ужь теперь заботы у меня почти нѣтъ!

Агишинъ.

Что̀ же такъ?

Нина Александровна.

Благодаря щедрости и благородству милаго Андрея Гаврилыча... Онъ цѣлое состояніе, онъ семьдесятъ пять тысячъ подарилъ Ленѣ!

Агишинъ.

Еще бы! Иначе и быть не могло. Да то ли еще отъ него будетъ! только умѣючи повести себя съ нимъ.

Нина Александровна.

Ка̀къ это умѣючи?

Агишинъ.

Съ достоинствомъ. Не радоваться, не удивляться его подаркамъ, а принимать ихъ равнодушно, съ холодностью, какъ должную дань. Надо ему дать почувствовать, что всѣ его дары—ничто въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ, которое вы ему дали. Однимъ словомъ, надо его такъ выдержать, чтобы онъ съ удовольствіемъ возилъ воду, когда его запрягутъ. Да, вы создали себѣ блаженную будущность, Нина Александровна, хотя, надо признаться, вы и не дешево за это заплатили.

Нина Александровна.

Я искала блаженной будущности не для себя, а для дочери.

Агишинъ.

Объ ней не безпокойтесь: она умна и, вѣроятно, устроитъ свое счастіе. Въ ея положеніи только нужно...

Нина Александровна.

Что̀ нужно?

Агишинъ.

Отказаться отъ идеальныхъ взглядовъ и полегче глядѣть на разные дòлги и обязанности...

Нина Александровна.

Какой вы опасный человѣкъ!

Агишинъ.

Слишкомъ много чести для меня. Все, что̀ я могу, краснѣя, признать за собой—это небольшой практическій умъ.

Нина Александровна.

Но вотъ и Лена готова, а я ужь пойду, займусь хозяйствомъ. (*Уходитъ. Входитъ Елена*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Агишинъ, Елена и потомъ Нина Александровна.

Агишинъ.

Честь имѣю кланяться! Самый ранній гость.

Елена.

Ка̀къ я рада, что еще никого нѣтъ. Мы можемъ поговорить свободно.

Агишинъ.

Вы сегодня обворожительны.

Елена.

Да, я постараюсь немножко украсить себя, но сегодня не для васъ. Я сегодня дебютирую въ очень трудной роли и еще робѣю, еще не увѣрена въ своихъ силахъ.

Агишинъ.

Очень естественно: всѣ дебютанты робѣютъ. Это пройдетъ скоро. Поживете и сами увидите всю пошлость жизни, тогда будете, повѣрьте, смѣлѣе! Жизнь не стòитъ того, чтобы надъ ней задумываться; вся она—не что иное, какъ комедія.

Елена.

Неужли только комедія?

Агишинъ.

И очень, очень несерьёзная. Что̀ у васъ сегодня?

Елена.

Во-первыхъ, будетъ появленіе родителей Бѣлугиныхъ, потомъ наѣдутъ наши добрые знакомые. Бѣлугины, разумѣется, будутъ изслѣдовать меня, а наши знакомые—Андрея Гавриловича. Каждому будетъ интересно подглядѣть на лицѣ моемъ какое нибудь движеніе, слѣды душевной мýки или тому подобное; но никто ничего не увидитъ: я останусь загадкой!

АГИШИНЪ.

Браво!

ЕЛЕНА.

Чтобы имѣть поболѣе свободныхъ минутъ, я распорядилась насчетъ музыки, будемъ танцовать съ вами. Но, признаюсь, меня всѣ эти церемоніи, всѣ эти представленія очень утомляютъ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы эта комедія поскорѣй кончилась. А для отдыха, я сейчасъ послѣ свадьбы хочу ѣхать за-границу... Какъ вы находите мой замыселъ?

АГИШИНЪ.

Безподобно!

ЕЛЕНА.

Я ужь говорила вчера André: онъ согласенъ. Но онъ, по своимъ дѣламъ, не можетъ уѣхать на долго; онъ только проводитъ меня и пробудетъ недѣли двѣ со мной, потомъ вернется въ Москву, а я останусь съ maman.

АГИШИНЪ.

Я радъ за васъ, что вамъ пришло это въ голову: это очень счастливая мысль!

ЕЛЕНА (*съ волненіемъ*).

Не угодно ли и вамъ съ нами? Я васъ приглашаю.

АГИШИНЪ.

Благодарю васъ! Я и самъ давно мечталъ о такой прогулкѣ. Маменька будетъ при васъ или вы при маменькѣ?

ЕЛЕНА.

Чему же это мѣшаетъ? Мама меня никогда не стѣсняла и впередъ стѣснять не будетъ.

АГИШИНЪ.

Это хорошо, что Андрюша ѣдетъ съ вами.

ЕЛЕНА.

Почему же?

АГИШИНЪ.

Надо его помаленьку пріучать къ той роли, которую онъ... то есть, которую вы заставите его играть въ послѣдствіи...

ЕЛЕНА.

Какъ жестки эти слова!

АГИШИНЪ.

Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin!...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*въ дверяхъ*).

Лена, Бѣлугины пріѣхали. (*Уходитъ*).

ЕЛЕНА.

Пройдите впередъ или останьтесь здѣсь. Мама ихъ, вѣроятно, приведетъ сюда.

Агишинъ.

Ступайте однѣ; я пройду здѣсь и явлюсь въ залу. Я ходъ знаю... (*Елена уходитъ*). Пока дѣло идетъ хорошо, а дальше, конечно, пойдетъ еще лучше. То только и хорошо, то только и удается, что умно задумано. Главное дѣло составить планъ, а строить ужь не хитро. (*Уходитъ направо. Слѣва выходятъ: Нина Александровна, Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Елена и Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Нина Александровна, Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Елена и Андрей, потомъ человѣкъ.

Нина Александровна.

Пожалуйте, пожалуйте, здѣсь у насъ уютная семейная комната, мы ужь будемъ, какъ свои. Я такъ давно желала познакомиться... такъ рада...

Гаврила Пантелѣичъ.

Н-да-съ, хоть нежданно, негаданно, а приходится познакомиться, ужь нельзя безъ этого.

Настасья Петровна.

Привелъ Господь!

Гаврила Пантелѣичъ (*къ Еленѣ*).

Ну съ, любите да жалуйте, ужь какіе есть, не взыщите!

Нина Александровна (*указывая на диванъ*).

Прошу васъ! (*Бѣлугины садятся на диванъ; Нина Александровна въ креслѣ рядомъ съ Гаврилой Пантелѣичемъ; Елена и Андрей стоятъ подлѣ Настасьи Петровны. — Гаврила Пантелѣичъ, не обращая ни на кого вниманія и громко отпыхиваясь, оглядываетъ потолокъ комнаты. Человѣкъ подаетъ на подносѣ чай Бѣлугинымъ и уходитъ*).

Нина Александровна.

Еще не зная и не видя васъ, я уже васъ полюбила.

Гаврила Пантелѣичъ.

За что-жъ бы это, къ примѣру, вамъ полюбить насъ?

Нина Александровна.

Ахъ! вашъ сынъ, моя Лена—это такъ близко и намъ... я такъ люблю мою Лену!...

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, то они, а то мы. Конечно, давай Богъ ладу и намъ, а имъ совѣтъ да любовь!

Нина Александровна.

Я надѣюсь... у Лены такой прекрасный характеръ... такое доброе сердце!

Елена.

Мама, ты приписываешь мнѣ такія добродѣтели, которыхъ у меня нѣтъ.

Нина Александровна.

Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь себя, ты такъ молода!

Настасья Петровна (*къ Еленѣ*).

Да, коли вышло у васъ такое согласіе съ Андрюшей, такъ ужь полюбите его... Онъ у насъ такой хорошій, добрый. А намъ бы глядѣть на васъ да радоваться... Ужь позвольте. (*Цѣлуетъ Елену*).

Гаврила Пантелѣичъ.

Безъ любви, да безъ согласія, молъ, что ужь! А чтобъ надо по закону: да боится и да любитъ жена мужа своего! Къ примѣру, вотъ мы съ Настасьей Петровной тридцать лѣтъ прожили, а этой музыки, чтобъ караулъ кричать, не бывало. Выругаешь ее, когда подъ горячую руку — смолчитъ; послѣ ужь развѣ выговоритъ, если не по резонту обида. Ну, и измѣны какой другъ другу—это ужь избави и храни Заступница! Я—топоръ, она — пила на этотъ счетъ, еслибъ что!

Нина Александровна.

Ахъ, еслибъ вы знали мою жизнь съ мужемъ... Я схоронила его три года назадъ... Ахъ, это было дружество съ перваго дня и до конца! Я не утѣшена послѣ моей потери, и вотъ только она одна привязываетъ меня къ жизни.

Елена.

Мама, кто-то пріѣхалъ.

Нина Александровна.

Поди, Лена, встрѣть. (*Елена уходитъ, за ней Андрей.*)

Гаврила Пантелѣичъ (*Посматривая на потолокъ и указывая рукой*).

А въ этомъ мѣстѣ протекаетъ!

Нина Александровна.

Ахъ, ужь и не смотрите: наша квартира такая дурная; мы очень недовольны!

Гаврила Пантелѣичъ.

А къ примѣру, какъ плата отъ васъ?

Нина Александровна.

Мы платимъ очень дорого... восемьсотъ рублей въ годъ.

Гаврила Пантелѣичъ.

Н-да, за такія хоромы дорогонько!... Ну, да и за восемь сотъ царскихъ палатъ не наймешь.

Человѣкъ (*въ дверяхъ*).

Софья Николаевна пріѣхали-съ.

Нина Александровна.

Ахъ, простите, мои дорогіе, я васъ оставлю на одну минуту, на одну только минуту! Мы никого не ждали, но наши добрые знакомые....

Гаврила Пантелѣичъ.

Что-жъ?... ничего-съ, мы и одни посидимъ!

Настасья Петровна.

Вы, пожалуйста, безъ церемоніи... не стѣсняйте себя...

Нина Александровна.

Я сію минуту! Мнѣ такъ много еще хочется говорить съ вами (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелѣичъ (*вслѣдъ Нинѣ Александровнѣ*).

Объ чемъ это, не слыхать-ли? Кажется, все переговорили, все ненужнее-то, а нужнаго-то у насъ... не бывало. Стало быть, и говорить... больше не о чемъ!..

Настасья Петровна.

Кажется, она—дама простая и обходительная.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ахи да охи! Какъ словно ее кто поджариваетъ!

Настасья Петровна.

Ну, какъ, Гаврила Пантелѣичъ, на твои глаза?

Гаврила Пантелѣичъ.

Это чего?

Настасья Петровна.

Нареченная-то дочка наша?..

Гаврила Пантелѣичъ.

Пышность, форсъ! Ну, а что̀ тамъ дальше-то—неизвѣстно.

Настасья Петровна.

Ужъ очень, Гаврила Пантелѣичъ, въ ней эта великолѣпность! И словно какъ не дѣвушка, а дама какая высокая... ка̀къ смѣло матери отвѣчаетъ! такъ и отрѣзала.

Гаврила Пантелѣичъ.

Потому что ты—дура! Нынче въ томъ и образованіе, чтобъ за словомъ въ карманъ не лѣзть.

Настасья Петровна.

Любить-то она его будетъ ли?

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, это старуха на двое сказала... ничего... гонку она ему дастъ!

Настасья Петровна.

Какъ же это?

Гаврила Пантелѣичъ.

По всей видимости, я такъ думаю: друга себѣ заведетъ она, а другъ этотъ самый послѣ сзади мужа будетъ рожки ему строить, носы наставлять... Чортушка, молъ, ты чортушка, спасибо тебѣ! Поишь, кормишь жену-то для чужихъ.

Настасья Петровна (*въ слезахъ*).

Какъ же это Андрюша Таню-то смѣнялъ?

Гаврила Пантелѣичъ (*грозно*).

Настасья, аль ты приказъ забыла?

Настасья Петровна (*отирая глаза*).

Молчу, молчу, Гаврила Пантелѣичъ, только что сердце мое надрывается.

Гаврила Пантелѣичъ.

Опять?

Настасья Петровна.

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка!

Гаврила Пантелѣичъ.

А вотъ что̀: не пора ли гостямъ ко дворамъ?..

Настасья Петровна.

Что̀ ты, что̀ ты, Гаврила Пантелѣичъ! Посидимъ хоть немножко—обидятся.

Гаврила Пантелѣичъ.

А коли намъ здѣсь дѣлать нечего, коли мнѣ не по душѣ? Чего еще, угощенія, что̀-ли, ждать хочешь? Не видывала!..

Настасья Петровна (*закачавъ головой*).

Ахъ, конфузъ вѣдь это!

Гаврила Пантелѣичъ.

Опять ты языкъ свой!..

Настасья Петровна.

Охъ, молчу.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну! (*Входятъ Нина Александровна, Елена и Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Елена, Андрей и Нина Александровна.

Нина Александровна.

Тысячу разъ простите, мои дорогіе; мнѣ такъ совѣстно... я васъ оставила!

Гаврила Пантелѣичъ.

Ничего-съ... Намъ, однако, и время... часы поздніе...

Нина Александровна.

Ахъ, что̀ вы, что̀ вы! Не обижайте насъ!..

Настасья Петровна.

Онъ вѣдь у меня—сырой человѣкъ, Гаврила Пантѣлеичъ: они не могутъ никакъ долго, не привычка-съ!..

Гаврила Пантелѣичъ (*кланяясь*).

Просимъ прощенья!.. Ужь извините-съ!

Нина Александровна.

Ка̀къ вамъ угодно; я стѣснять васъ не смѣю. Но позвольте мнѣ сожалѣть и надѣяться, что въ будущій разъ... Ахъ, я и сама къ вамъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Милости просимъ!..

Нина Александровна (*обнимая Настасью Петровну*).

Ка̀къ я жалѣю, ка̀къ я жалѣю!

Настасья Петровна.

Вы, пожалуйста, себя не безпокойте. А только что Гаврила Пантелѣичъ, они у насъ—такіе люди, что имъ никакъ невозможно: имъ стѣснительно. Ужь позвольте... (*цѣлуетъ Елену*).

Андрей (*подходя къ отцу*).

Сами изволите видѣть... Что̀ же вы скажете?

Гаврила Пантелѣичъ (*у двери*).

Ну, что̀ ужь! Ослѣпли, братецъ, вотъ ка̀къ! Настасья Петровна...

Настасья Петровна.

Иду, иду, Гаврила Пантелѣичъ... (*Обнимаясь съ Ниной Александровной*). Имъ, знаете, Гаврилѣ Пантелѣичу, часикъ посидѣть—и довольно. А то ужь снять сюртукъ да отдохнуть требуется. (*Идетъ. Нина Александровна, Елена и Андрей за нею*). Куда же вы, зачѣмъ безпокоитесь?

Нина Александровна.

Нѣтъ, ужь я васъ провожу... Ахъ, кàкъ мнѣ больно, кàкъ мнѣ больно!..

Настасья Петровна.

Ну, такъ ужь Андрюша-то съ Еленой Васильевной пущай останутся, пущай забавляются... (*Гаврила Пантелеичъ, Настасья Петровна и Нина Александровна уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Елена и Андрей.

Андрей.

Вы думаете, Елена Васильевна, что я не понимаю, что я васъ не стòю, что это одно только счастье мнѣ необыкновенное-съ?

Елена.

Ну, это кàкъ знать, кто кого стòитъ!

Андрей.

А и во мнѣ есть-съ (*ударяя себя въ грудь*), много есть-съ... развѣ только не захотите обратить вниманія!

Елена.

Поживемъ, такъ узнаемъ другъ друга!

Андрей.

А только теперь я очень конфужусь, провалиться, кажется-бъ, сквозь землю! Всѣ на меня смотрятъ, а я ни повернуться, ни слова сказать... Стаканъ чуть не уронилъ, чай на какую-то даму на платье пролилъ!

Елена (*смѣется*).

Это ничего.. Конечно, лучше стакановъ не ронять и платьевъ не обливать! А конфузиться нечего: какъ умѣете, такъ и держите себя!

Андрей.

Я это понимаю-съ!

Елена.

Пріободритесь, имѣйте побольше достоинства, ведите себя просто, какъ всегда! Вѣдь все это страшная пустота: болтаютъ, сплетничаютъ, говорятъ пошлыя любезности или пускаютъ шпильки другъ въ друга..

Андрей.

Ужь я теперь вооружусь! А вотъ я сейчасъ для куража стаканъ шампанскаго выпью. (*Цѣлуетъ руку Елены*). Поддержали вы меня-съ.

Елена.

А вотъ много поцѣлуевъ и вообще нѣжностей я не люблю! Да еще вамъ приказъ: не извольте гоняться за мною, держитесь подальше!..

Андрей.

И не подойду теперь! (*У двери*). Человѣкъ! Дай-ка, братецъ, сюда бутылочку шампанскаго.

Елена.

Когда будемъ танцовать, можете только кадриль...

Андрей.

Слушаю-съ... (*Елена, кокетливо ударивъ его по плечу вѣеромъ, идетъ быстро въ гостиную*).

Андрей (*ловитъ ее и цѣлуетъ ея руку*).

Не могу! Послѣдній разъ! (*Елена уходитъ*).

Андрей.

Эхъ, вся эта канитель—и къ чему? Тоска здѣсь смертная... Взять бы въ саночки да въ Стрѣльну на своихъ сѣрыхъ!.. Эхъ, морозъ-морозецъ, аленькія щечки!.. (*Входитъ Агишинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Андрей, Агишинъ и человѣкъ съ бутылкой шампанскаго.

Андрей.

А, вотъ онъ! Поди-ка, поди-ка сюда! (*Горячо схватываетъ Агишина въ объятія*).

Агишинъ (*освобождаясь*).

Стой, стой, задавишь!

Андрей (*ударяя его по плечу*).

Эхъ, вы, слабость, хилость!.. Ха, ха, ха!..

Агишинъ (*пожимаясь*).

Эка сила и свѣжесть у нихъ, у чертей, завидная!

Андрей.

Садись, выпьемъ. (*Сажаетъ на диванъ. Человѣку*). Ну-ка, послужи; налей намъ, да и убирайся, а бутылку оставь! (*Человѣкъ наливаетъ и уходитъ*).

Андрей.

Ну-ка, давай по душѣ... (*Чокаются и пьютъ*). Скажи-ка ты мнѣ, ты, человѣкъ разумный, образованный: любитъ она меня или нѣтъ?

Агишинъ.

Если теперь еще не любитъ, такъ потомъ ужь полюбитъ непремѣнно!..

Андрей.

Почему такъ?

Агишинъ.

Потому что свѣжесть, сила—чего же еще! Ужь какъ тамъ ни финти передъ женщиной, а коли натуры мало, такъ не много возьмешь! А у васъ этой здоровой любви...

Андрей.

Да ужь, братъ, душу ли за нее положить, въ охапку ли взять по-крѣпче—ужь этого у насъ такъ-то много, что и дѣвать не знаемъ куда.

Агишинъ.

Все это хорошо, а совѣсть-то у тебя есть? Когда же мы?..

Андрей.

Что-же это? Насчетъ чего?

Агишинъ.

А прощанье съ холостой жизнью—холостая пирушка? У невѣстъ бываетъ дѣвишникъ, а мы мальчишникъ сдѣлаемъ!

Андрей.

И разотлично! Такъ распорядись. Хочешь—у меня дома, а то такъ за крестовскую! Только, чтобы ужь въ присядку съ тобой танцовать. (*Ударяетъ его рукой по плечу*).

Агишинъ.

Ой, ой! ужь ты выражай чувства какъ-нибудь иначе, а не дерись!

Андрей.

Ну, теперь пойду приглашу танцовать какую-нибудь барышню, куражу довольно! только все кислота какая!... (*уходитъ*).

Агишинъ.

Мигъ, мигъ! Ну, что за Андрюша у меня! Только какія у нихъ длани!... Вотъ этакъ, сохрани Богъ, попадешься! Нѣтъ, тутъ подумаешь! (*Входитъ Елена*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Агишинъ и Елена.

Елена (*опускается на диванъ*).

Я бѣшусь... я просто зарыдать готова!..

Агишинъ (*садится рядомъ*).

Что съ вами?

Елена.

Я совсѣмъ не выдерживаю своей роли: я или раздражительно весела, или не слышу, что̀ говорятъ мнѣ!

Агишинъ.

Что̀ за ажитація! Я отъ васъ не ожидалъ. Будьте благоразумны.

Елена.

Но изъ чего-же я бьюсь, изъ чего-же я бьюсь, скажите?

Агишинъ.

Изъ того, чтобы приготовить себѣ пріятную жизнь въ будущемъ.

Елена.

Я васъ возненавижу!... Вѣдь все это фразы, холодныя фразы. Я еще не такъ пала, чтобы притворяться по холодному разсчету!... Гдѣ-же мнѣ поддержка? Гдѣ же та страсть, ради которой я играю комедію? гдѣ-же она... моя опора? Вѣдь иначе я должна презирать себя!

Агишинъ (*беретъ ея руку*).

Чего-же, чего-же вамъ нужно? (*цѣлуетъ ея руки*). Я люблю васъ, люблю больше своей жизни, но развѣ здѣсь мѣсто, здѣсь время...

Елена.

Ну, вотъ только мнѣ и нужно, только мнѣ и нужно!... А то я изнемогаю! (*Шепотомъ*). Давно-бы, давно...

Агишинъ (*цѣлуя ея руки*).

О, цѣлая жизнь не сто̀итъ этой минуты! (*Андрей показывается въ дверяхъ и уходитъ*).

Елена (*замѣтивъ Андрея, встаетъ*).

Онъ видѣлъ!

Агишинъ.

Ничего, пусть привыкаетъ... Приласкать немножко—вотъ и все! (*Уходитъ*).

Елена.

Но все-таки надо поправлять дѣла... Теперь у меня опять силы, и вотъ сейчасъ проба! (*Отходитъ къ сторонѣ. Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Андрей и Елена.

Андрей (*не замѣчая Елены*).

Мнѣ почудилось, мнѣ почудилось!... (*Хватается себя за голову*). Нѣтъ, я видѣлъ, здѣсь, здѣсь... Господи! или въ самомъ дѣлѣ почудилось, чтò-ли! (*Стоитъ въ задумчивости. Елена подходитъ къ нему сзади*).

Елена.

Объ чемъ, объ чемъ? Развѣ женихи задумываются? (*Андрей молча смотритъ на нее*).

Елена.

Чтò за грозная туча на челѣ вашемъ?

Андрей.

Такъ, мнѣ чтò-то почудилось или померещилось!

Елена (*хохочетъ*).

Ха, ха, ха! Не то-ли, что у меня Агишинъ руки цѣловалъ? Ха, ха, ха! Извольте сейчасъ его вызвать на дуэль! Хотя я еще и не ваша, хоть онъ, какъ старый знакомый, могъ горячо пожелать мнѣ счастья и цѣловать мои руки—но вы вызовите его на дуэль и убейте, убейте непремѣнно!

Андрей.

Коли такъ-съ, извините!

Елена.

Ахъ, это мило! Онъ ревнивъ, онъ... Отелло! (*смѣется*). Это мнѣ нравится. Значитъ, онъ и впередъ будетъ ревновать, а кто ревнуетъ, тотъ любитъ!

Андрей.

Вотъ все и свалилось! Вы все можете—и погубить, и осчастливить человѣка! (*Беретъ руку и цѣлуетъ*). Эта ручка-съ... ну, одно слово вашъ-съ—чтò хотите, то со мною и дѣлайте!

(*За сценой музыка*).

Елена.

Пойдемте танцовать.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА.

Гаврила Пантелѣичъ.
Настасья Петровна.
Андрей Гаврилычъ.
Елена Васильевна.
Нина Александровна.
Агишинъ.
Прохоръ, слуга Андрея Бѣлугина.

Декорація перваго дѣйствія. Та же комната, но богаче отдѣланная и обставленная. Фамильные портреты стоятъ на полу, а вмѣсто нихъ виситъ дорогая картина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прохоръ (*одинъ, обметаетъ мебель*).

Прохоръ.

Старики съ фабрики пріѣхали; два раза присылали узнать, дома-ли. Ну, гдѣ, молъ, скоро-ль ихъ дождешься? За городъ кататься поѣхали! Авось хоть при старикахъ-то угомонятся немножко, а то вѣдь это наказанье сущее: каждый день либо съ утра до поздней ночи, либо съ вечера на всю ночь, а ты до четырехъ утра не спи, дожидайся ихъ! (*Подходя къ портретамъ*). Что эти идолы-то тутъ стоятъ! Прибрать бы ихъ, да не знаю куда повѣсить. (*Входитъ Настасья Петровна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прохоръ и Настасья Петровна.

Прохоръ.

Сами пожаловали...

Настасья Петровна (*садясь*).

Ждала, ждала, да ужъ моченьки моей нѣтъ... Часа четыре, какъ съ желѣзной дороги пріѣхала; сижу у окна, да гляжу, какъ сычъ.

Прохоръ.

Теперь, чай, скоро будутъ; потому если на вечеръ куда, такъ переодѣться домой заѣдутъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Кàкъ тебя звать-то?

ПРОХОРЪ.

Прохоромъ, сударыня!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты, чтò-ли, Прохорушка, Андрюшу-то одѣваешь?

ПРОХОРЪ.

Нѣтъ, у нихъ свой камердинеръ есть; а мое дѣло—передняя, да вотъ комнаты убрать, ну, опять у стола—мало-ли дѣла!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

А почиваютъ то они гдѣ?

ПРОХОРЪ.

Андрей Гавриловичъ (*показывая налѣво*) вотъ здѣсь, на своей половинѣ, а Елена Васильевна (*указывая направо*)—у себя, на своей-съ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Кàкъ, врозь?

ПРОХОРЪ.

Такъ точно. Какъ слѣдуетъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Неужели и все такъ?

ПРОХОРЪ.

Все такъ-съ, какъ слѣдуетъ, какъ завсегда у господъ бываетъ—на двѣ половины.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Да вѣдь мужъ-то и жена—одно, какія-жъ тутъ двѣ половины? Коли Богъ сочеталъ во едино, на чтò-же пополамъ-то дѣлить?

ПРОХОРЪ.

Ужъ это не нашего ума дѣло. Стало быть, такъ слѣдуетъ. Надо полагать, что такъ лучше, либо мода такая, а то кто-бъ имъ велѣлъ!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Чтò это ты, ужъ не врешь-ли, Прохорушка?

ПРОХОРЪ.

Чтò мнѣ, помилуйте! Обыкновенно двѣ половины: и гости, ежели къ Андрею Гавриловичу или по дѣламъ, такъ они у себя принимаютъ; а ежели къ Еленѣ Васильевнѣ—такъ онѣ на своей половинѣ принимаютъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

И гости-то разные?

ПРОХОРЪ.

Разные-съ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, а чай какъ по утру?

Прохоръ.

Завсегда врозь: потому Андрей Гаврилович раньше встають и чай пьютъ, а если Елена Васильевна позже—и кофе кушаютъ.

Настасья Петровна.

А обѣдаютъ?

Прохоръ.

Кушаютъ вмѣстѣ, ужъ это вездѣ такъ.

Настасья Петровна.

Ну, то-то ужъ, а то вѣдь это все одно, что чужіе. А согласно живутъ-то?

Прохоръ.

А этого мы знать не можемъ, потому рѣдко ихъ и видишь: только что за столомъ-съ. Когда Андрей Гавриловичъ вечеромъ покойной ночи желаютъ, такъ ему ручку даютъ поцѣловать; по утру тоже, когда съ добрымъ утромъ—опять ручку даютъ.

Настасья Петровна.

Все ручку, да ручку. (*Качаетъ головой*).

Прохоръ (*прислушивается*).

А вотъ, должно быть, и пріѣхали: что-то задвигали въ передней и дверями хлопаютъ, и разговоръ слышно.

Настасья Петровна.

Такъ я въ Андрюшины комнаты пойду. Коли это мой старикъ, такъ ты не сказывай, что я здѣсь. (*Уходитъ въ дверь налѣво. Прохоръ уходитъ въ переднюю. За сценой голосъ Елены Васильевны*: «Пустите, что за глупости! Пустите, говорю я!» *Вбѣгаетъ Елена, за ней входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Елена и Андрей.

Елена.

Сумасшедшій, что вы дѣлаете?

Андрей.

А что такое? ничего-съ!...

Елена.

Я вѣдь не ребенокъ; можно-ль носить на рукахъ, да еще на лѣстницу?

Андрей.

Ничего съ, своя ноша не тянетъ. Я васъ и дальше хотѣлъ нести, да кабы не вырвались, дотащилъ...

Елена.

Куда это дальше?

Андрей.

До самаго до мѣста....

Елена.

До какого?

Андрей.

Да вѣдь устали, отдохнуть захотите—такъ ужъ я прямо въ спальню и хотѣлъ доставить.

Елена.

Вотъ какъ! Это очень мило.

Андрей.

Такъ я сію минуту-съ!

Елена.

Ну, нѣтъ, не трудитесь! Я и сама дойду, на столько-то силъ у меня хватитъ. До свиданія!

Андрей.

Куда-же вы?

Елена.

Я пойду переодѣнусь. (*Идетъ къ двери, Андрей за нею*). Нѣтъ, нѣтъ, отправляйтесь на свою половину.

Андрей.

Только и всего-съ?

Елена.

Чего же вамъ еще?

Андрей.

Не много-съ...

Елена.

Ахъ, нѣтъ! вы очень нынче умно вели себя, васъ слѣдуетъ наградить. (*Гладитъ по головѣ Андрея и цѣлуетъ*).

Андрей.

Чтò-же это, насмѣшка-съ? Нѣтъ-съ, ужь лучше не дразните меня и не играйте со мною. У меня натура горячая и силы довольно-съ. Другой разъ заиграете, такъ, пожалуй, и не отыграетесь отъ меня.

Елена.

А, вотъ какъ! Ну, такъ я буду осторожнѣе. Прощайте!

Андрей.

Однако, чтò-жъ это за тиранство, Елена Васильевна?

Елена.

Какое тиранство? Ахъ, отстаньте, пожалуйста!

Андрей.

Какъ оставить? Поговорить надо, я желаю-съ!

Елена.

Послѣ какъ-нибудь. (*Хочетъ идти*).

Андрей. (*Беретъ ее за руку*).

Нѣтъ, ужъ извините. Откладывать зачѣмъ-же—очень накипѣло. Вотъ почти мѣсяцъ вы моей женой считаетесь, а жена-ли вы мнѣ? Какая моя жизнь? Забрался, было, въ мечтахъ-то выше облака, да вотъ и свалился. Вѣдь я васъ любилъ, выше всего на свѣтѣ ставилъ... Вы думаете, легко мнѣ говорить теперь въ глаза, что вы меня обманули?

Елена.

Чѣмъ обманула? Кàкъ?

Андрей.

Да такъ, хуже чего не бываетъ; и обманывали насъ и грабили—это съ нами за нашу глупость случалось, а такой обиды и во снѣ не снилось, и врагу не пожелаемъ. Чтò я для васъ сдѣлалъ—объ этомъ я говорить не стану, потому что вы за попрекъ сочтете, но я вамъ душу, душу отдалъ-съ... Понимаете ли, душу отдалъ...

Елена.

Ахъ, тише, пожалуйста.

Андрей.

Да чтò мнѣ тише? Я у себя дома. Я со всѣмъ трепетомъ просилъ руки вашей, вы изволили согласиться; какія же мысли вы тогда въ головѣ держали? Опять же, въ церкви вы очень веселымъ духомъ объявили ваше желаніе. Значитъ: стоя-то подъ вѣнцомъ, обѣщаясь передъ Богомъ быть мнѣ женой, вы задумывали изъ меня, на потѣху своимъ пріятелямъ, сдѣлать шута...

Елена.

Какой вздоръ вы говорите!

Андрей.

Не вздоръ, а все такъ точно-съ. Ваши пріятели меня поздравляютъ, счастливцемъ зовутъ, а вы на эти ихъ слова подсмѣиваетесь. Развѣ я не вижу?

Елена.

Къ чему этотъ разговоръ?

Андрей.

А вотъ къ чему-съ: цѣлый мѣсяцъ я дѣлалъ для вашего удовольствія все, чтò вамъ было угодно; дѣла свои бросилъ и чуть не молился на васъ; но только изъ этого хорошаго ничего для меня не вышло, окромя стыда и конфуза... Но я имѣю свою гордость—довольно дурака-то корчить! Я теперь займусь своимъ купеческимъ дѣломъ, а вы живите какъ знаете, я вамъ мѣшать не буду. Ужь на вашу половину я проситься больше не стану, а если вы, паче чаянія, почувствуете ко мнѣ расположеніе, такъ милости просимъ ко мнѣ, на мою-съ.

ЕЛЕНА.

Вы нынче не въ духѣ...

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, я довольно равнодушенъ, а если меня что̀ за сердце возьметъ, такъ я съ вами нѐ такъ заговорю, да не дай Богъ вамъ съ вами этого дождаться! (*Елена, съ удивленіемъ взглянувъ на Андрея, уходитъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АНДРЕЙ, потомъ НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

АНДРЕЙ (*подумавъ*).

Думай, не думай, а дѣло—дрянь. Пойти счетами заняться. (*Идетъ къ двери налѣво. Настасья Петровна выходитъ ему на встрѣчу*). Маменька!.. (*Цѣлуетъ мать*). Ну, слава Богу, на силу-то вы собрались!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Слышала твой голосъ, да боялась войти: думала съ кѣмъ чужимъ разговариваешь. Съ самимъ, Андрюша, пріѣхала, съ самимъ; все хворалъ, да вотъ собрался, съ тобой объ дѣлахъ потолковать хочетъ.

АНДРЕЙ.

Ну, ужь обрадовали, маменька! Чайку не угодно-ли?

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Мы давно съ машины-то; ужь два раза напилась отъ скуки, ожидамши васъ.

АНДРЕЙ.

Да присядьте, потолкуемъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Охъ, нѣтъ, нѣтъ! (*Садясь*). Развѣ на минутку... Вѣдь гроза надо мной: украдкой, Андрюша, къ вамъ взошла-то, а то не велѣлъ; строго-на-строго приказывалъ, чтобъ не смѣла. Теперь отдохнуть легъ — такъ я сюда: сердце-то ужь очень рвалось. (*Встаетъ и обнимаетъ Андрея*). Дай-же мнѣ хоть посмотрѣть на тебя хорошенько!

АНДРЕЙ.

Все такой-же, маменька.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Охъ, Андрюша, нѣтъ, и слѣда твоей прежней красоты не осталось! Что̀ ты это, Андрюша, ка̀къ худъ-то сталъ, голубчикъ?

АНДРЕЙ.

Что̀ вы, маменька? Такъ вамъ показалось!

Настасья Петровна (*садясь*).

Нѣтъ, Андрюша, совсѣмъ цвѣту въ тебѣ не стало. Ну, скажи же ты мнѣ про ваше житье-бытье!

Андрей.

Живемъ... ничего-съ... веселимся...

Настасья Петровна.

Конечно, нельзя же! спервоначала надо ее потѣшить; ну, а потомъ пора и къ дому пріучать. Что она, съ тобой-то какъ?

Андрей.

Да она ничего-съ... ласкова, шутитъ...

Настасья Петровна.

Да какъ же это все шутитъ? Что ужь весело ей, что-ли, очень?

Андрей (*съ горькой улыбкой*).

Живемъ да радуемся-съ... Вчера въ маскарадъ, сегодня въ театръ, завтра на балъ куда-нибудь, либо за-городъ—такъ тебя и носитъ! Отъ веселья да отъ музыки голова кругомъ пошла, а новыхъ друзей, новыхъ пріятелей и не сочтешь. Всѣ тебѣ руки жмутъ, поздравляютъ, «счастливецъ, говорятъ, ты, счастливецъ!» Ну, если люди счастливцемъ называютъ, такъ, стало быть, счастливецъ и есть!

Настасья Петровна.

Такъ-то такъ, да что-то рѣчи-то твои не хороши! Ты бы толкомъ поговорилъ со мною.

Андрей.

А вотъ къ вамъ внизъ сойду, тогда и потолкуемте.

Настасья Петровна.

И изъ-подъ вѣнца-то видѣть васъ Богъ не привелъ: самъ прихворнулъ, меня не пускаетъ, плакала, обливалась. И хвораетъ-то, да и сердится; недѣли двѣ, какъ туча черная, бродилъ, подступу не было. А потомъ, какъ фабрику то распустилъ, дѣла поразстроилъ, хорошихъ приказчиковъ да мастеровъ своимъ характеромъ поразогналъ, такъ и поотмякъ и объ тебѣ вспомнилъ. Сталъ жаловаться, что ты его забылъ, да бросилъ. А твоя ли вина? Онъ не то, что тебя видѣть, и слышать про тебя не хотѣлъ... Охъ, Андрюша, и не слѣдъ бы мнѣ, а ужь скажу: не родительское въ немъ чувство говоритъ, а за карманъ онъ боится...

Андрей.

Нешто я не понимаю? Да это все одно-съ. Изъ меня лаской тятенька все могутъ сдѣлать, потому что мы къ родительской ласкѣ не пріучены и никогда ея не видимъ. Да и не отъ кого-съ; лаской изъ нашего брата хоть веревки вей. Какъ Сыромятовы поживаютъ? Что Таня?

Настасья Петровна.

Видно, помнишь? Житовъ, мучникъ, за нее сватается.

Андрей.

Да, слышалъ и я. Житовъ—человѣкъ хорошій, съ душой, ужь пусть-бы хоть ей-то Богъ счастья далъ.

Настасья Петровна (*вдругъ встаетъ*).

Батюшки, никакъ самъ?

Андрей (*прислушиваясь*).

Да, надо быть, что онъ-съ.

Настасья Петровна.

Вынеси, Заступница!

Андрей.

Пожалуйте сюда. (*Провожаетъ ее въ дверь налѣво*). Тамъ корридоромъ пройдете. (*Идетъ въ переднюю, на встрѣчу ему выходитъ Гаврила Пантелѣичъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Андрей и Гаврила Пантелѣичъ.

Андрей.

Пожалуйте, батюшка, пожалуйте!

Гаврила Пантелѣичъ.

Да вотъ задумалъ побывать въ Москву, поглядѣть, кàкъ вы тутъ.

Андрей.

Мы, слава Богу-съ! (*Подвигая кресло*). Милости прошу, пожалуйте-съ! Чайку не прикажете ли?

Гаврила Пантелѣичъ.

Присѣсть присяду; а чаю не надо. (*Садится*). А я вотъ, братъ, призадумываться сталъ.

Андрей.

Чтò же такое, насчетъ чего-съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Хворость, братъ, одолѣваетъ, да и духъ не тотъ, не прежній. Зачѣмъ? для чего? Думаю: суета суетъ все это! Хочу, братъ, о душѣ подумать, а то пристигнетъ часъ воли Господней—и покаяться путемъ не успѣешь.

Андрей.

Съ чего же такія мрачности у васъ въ головѣ-съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Да веселиться-то мнѣ нечего. Коли силъ нѣтъ, такъ безъ помощника плохо

Андрей.

А я то съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

На приказчиковъ какая ужь надежда! Воровать другъ передъ другомъ въ запуски—вотъ на это ихъ взять!

Андрей.

Да я-то на чтò же-съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, гдѣ ужь тебѣ? Нѣтъ, не туда дѣло поѣхало!

Андрей.

Почему же такъ? Я при дѣлѣ быть могу.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ты-то, пожалуй, да прынцесса-то твоя—не низко ли ей покажется?

Андрей.

Это дѣло до нея не касающее.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, какъ, братецъ! Она, къ примѣру, такое пирожное, сидитъ и на фортепьянѣ играетъ, а ты изъ красильни, какъ шутъ какой, въ кубовой краскѣ въ залу-то ввалился! Такъ одно къ другому не подходитъ.

Андрей.

Ничего-съ! Коли имъ неугодно, я одинъ уѣду; а онѣ могутъ въ Москвѣ остаться.

Гаврила Пантелѣичъ.

Въ конторѣ безпорядки, книги позапущены, приказчиковъ поразогналъ, полученія плохи!

Андрей.

Это ужь на чтò хуже съ!

Гаврила Пантелѣичъ.

Пока ты наблюдалъ, такъ дѣло шло въ лучшемъ видѣ, а теперь не скоро и распутаешь. До того дошло, что хоть прикончить фабрику-то, такъ въ тужъ пору.

Андрей.

Нѣтъ, кàкъ можно-съ, дѣло милліонное! Для васъ все суета, а я—человѣкъ молодой, я жить хочу.

Гаврила Пантелѣичъ.

Убытковъ боюсь. Фабрика—такая машина, что, коли она въ порядкѣ, такъ барышъ, а коли порядку нѣтъ, такъ она года въ два все твое состояніе съѣсть. Такъ вотъ я затѣмъ въ Москву-то: поговорить съ тобой. Приходи внизъ завтра пораньше, потолкуемъ, на чемъ-нибудь надо рѣшить. Я думаю здѣсь въ Мо-

себѣ пожить: захвораешь, такъ дохтура близко; помолиться когда, такъ святыни много.

Андрей.

Милости просимъ: я низъ отдѣлалъ, тамъ для васъ всякое спокойствіе будетъ.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Ужь видѣлъ, что отдѣлалъ—швыряй деньги-то! (*Замѣтя портреты*). Эге! вотъ ты ихъ куда разжаловалъ, стариковъ-то!

Андрей.

Я хотѣлъ ихъ туда внизъ съ...

Гаврила Пантелѣвичъ.

Ну, да, подальше куда-нибудь, чтобъ съ глазъ долой: на чердакъ или въ сарай ихъ, чтобъ не зазорно было, что у насъ, молъ, дѣды—не князья, не бояре...

Андрей.

Нѣтъ-съ, не потому-съ...

Гаврила Пантелѣвичъ.

А кто, Андрей, намъ съ тобой деньги-то далъ? откуда всѣ эти шелки да бархаты, и кто намъ эти палаты выстроилъ?

Андрей.

Все это я понимаю-съ.

Гаврила Пантелѣвичъ.

А каково было наживать то ему? Вѣдь онъ въ лапоткахъ въ Москву-то пріѣхалъ, на себѣ воду возилъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, и подъ дождемъ, и на морозѣ...

Андрей.

Все это при немъ и останется-съ.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Коли ты труды его ни во что ставишь такъ хоть за умъ-то почти! Ума-то въ этой головѣ было не то, что у насъ съ тобой!

Андрей.

Да я за все его почитаю и уважаю.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Поглядывай на него почаще, такъ самъ умнѣе будешь. (*Строго*). Подай мнѣ ихъ, я имъ мѣсто найду!

Андрей.

Извольте-съ. Я давно Прохору говорю, чтобъ онъ ихъ внизъ снесъ. Вы напрасно къ сердцу приходить изволите.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Не напрасно! Погляди на себя хорошенько, то-ли ты дѣлаешь-то? Ты, можетъ, думаешь, что родители-то—звѣри, что они къ дѣтямъ все съ сердцемъ, да съ грозой; такъ нѣтъ, братъ, и тоскуютъ по васъ иногда, бываетъ, что и до слезъ... (*утираетъ глаза и, махнувъ рукой, идетъ къ двери*).

Андрей (*останавливая отца*).

Позвольте-съ! Что же такъ со слезами уходить, будто я васъ обидѣлъ? Вѣдь я вашъ сынъ-то; нужды нѣтъ, что я хожу во фракѣ, а и во мнѣ тоже этой дикости довольно достаточно. Вы меня за самое сердце задѣли, а я—русскій человѣкъ: въ такомъ разѣ могу все, что̀ есть для меня дорогого, сейчасъ пополамъ, да на двое. Скажите одно ласковое слово, такъ все брошу, и не то, что конторщикомъ или машинистомъ, кочегаромъ у васъ на фабрикѣ буду.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, ну, Богъ съ тобой! Родня мы, родня, вижу.

Андрей.

Крутое сердце у меня, тятенька.

Гаврила Пантелѣичъ.

Да вижу, вижу...

Андрей.

Но и не дуракъ при томъ...

Гаврила Пантелѣичъ.

Заходи завтра утромъ, столкуемся. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Андрей, потомъ Прохоръ.

Андрей (*берется за голову*).

Въ самомъ дѣлѣ, на дѣдушку-то посматривать: не поумнѣю ли? Нѣтъ, конечно, надо приставать куда-нибудь, къ одному берегу. Бариномъ мнѣ не быть, такъ хоть купцомъ-то остаться порядочнымъ. Довольно разыгрывалъ дурака; пора за умъ взяться. Вотъ когда думать-то моей глупой головѣ, да думать такъ, чтобъ лобъ трещалъ; а что̀ обдумаю—хорошо ли, дурно ли—такъ ужь завинтить на̀-крѣпко. Прохоръ! (*Входитъ Прохоръ*). Не пущай ко мнѣ никого.

Прохоръ.

Слушаю-съ.

Андрей.

Ни одного человѣка. (*Уходитъ въ дверь налѣво. Входитъ Елена Васильевна*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Елена и Прохоръ.

Елена.

Кто былъ здѣсь?

Прохоръ.

Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна пріѣхали съ фабрики, такъ приходили къ Андрею Гаврилычу.

Елена.

А гдѣ онъ, Андрей Гаврилычъ?

Прохоръ.

У себя въ кабинетѣ. Не приказали безпокоить: дѣломъ заняты.

Елена.

Ко мнѣ, кромѣ Агишина, никого не принимать.

Прохоръ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

(*Нина Александровна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Елена, Нина Александровна, потомъ Прохоръ.

Елена.

Мама, что̀ ты такая кислая?

Нина Александровна.

Я совсѣмъ умираю отъ мигреней; да и ты сегодня что̀-то не въ духѣ.

Елена.

Мнѣ скучно, мнѣ тяжело, мнѣ надоѣла моя жизнь!

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, ка̀къ я страдаю за тебя! Ты начинаешь раскаяваться? Это ужасно. Я предчувствовала, что между вами ничего не будетъ общаго; ты, до сихъ поръ, нисколько, кажется, не сошлась съ нимъ.

Елена.

Да, онъ мнѣ чужой, совершенно чужой. Я замѣчаю, что онъ гораздо лучше, серьёзнѣе, умнѣе, чѣмъ я прежде о немъ думала; въ немъ есть рѣшительность, отвага. Я его уважаю и даже, нельзя сказать, чтобы я была къ нему совсѣмъ равнодушна; ка-

кое-то довольно теплое, как бы родственное чувство есть къ нему.

Нина Александровна.

Что-жь тебѣ еще?

Елена.

Но, мама, въ немъ нѣтъ этого «чего-то», что нравится женщинамъ, что ихъ покоряетъ. Такой недостатокъ уничтожаетъ все въ мужчинѣ. Мнѣ иногда очень жаль его, особенно когда я вижу его отчаяніе; но чтобъ оказать ему ничтожную ласку, мнѣ надо сдѣлать надъ собой большое насиліе.

Нина Александровна.

Ты его уважаешь, этого, кажется, довольно бы...

Елена.

Для меня мало.

Нина Александровна.

Но чѣмъ же все это кончится?

Елена.

Не знаю; но, кромѣ того, есть еще помѣха... Мама, я тебя обманывать не стану: сегодня или очень скоро должна рѣшиться моя участь. Можетъ быть, я поступлю дурно, но не проклинай меня, а прости и пожалѣй...

Нина Александровна (*вслухъ*).

Лена, Боже мой! Дитя мое, что у тебя въ головѣ?.. (*Входитъ Прохоръ*).

Прохоръ.

Г. Агишинъ!

Елена.

Просить. (*Прохоръ уходитъ*), Ничего, ничего, мама; это я такъ, я сильно выразилась. Иди, прилягъ, успокойся! Мы послѣ поговоримъ.

Нина Александровна.

Ну, хорошо; ну, Богъ съ тобой! Я знаю, что ты меня пожалѣешь. (*Цѣлуетъ дочь и уходитъ. Входитъ Агишинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Елена и Агишинъ.

Агишинъ.

Ваше здоровье?

Елена.

Какъ всегда.

Агишинъ.

Пощадите, Елена Васильевна, половина моихъ пріятелей готовы въ сумасшедшій домъ! Только и рѣчей, только и вопросовъ, что о васъ.

Елена.

Я не очень малодушна, меня это не радуетъ нисколько. Напротивъ, я страдаю, очень страдаю.

Агишинъ.

Что съ вами? это меня пугаетъ.

Елена.

Я сгоряча, не одумавшись, сдѣлала самый важный шагъ въ жизни, я поторопилась выйти замужъ. Съ перваго же дня замужества я почувствовала раскаяніе: я сдѣлала дурное дѣло.

Агишинъ.

Мнѣ кажется, вы просто хандрить начинаете.

Елена.

Я чувствовала и чувствую раскаяніе, только я стараюсь заглушить его въ себѣ—но не въ силахъ! Когда я кинулась въ эту жизнь, я увидала, что задача, которую я взяла на себя, мнѣ невыносима, что я не та, какой я себя представляла, что я лучше! А ужь дурное дѣло сдѣлано, и его ужь не воротишь.

Агишинъ.

Вамъ надо отдохнуть, вамъ надо отдохнуть! Успокойтесь немного, а потомъ... скоро мы съ вами заграницу, подъ другое небо! Вернетесь вы оттуда веселая и бодрая...

Елена.

Но я притворяться не могу и не стану.

Агишинъ.

Посмотрите на другихъ женщинъ: какъ легко онѣ...

Елена.

Не говорите мнѣ, не говорите мнѣ о другихъ женщинахъ! я не хочу ихъ ни судить, ни брать съ нихъ примѣра. Я чувствую, чувствую всѣмъ моимъ существомъ, что могу принадлежать только одному, иначе... иначе гадко, отвратительно! Мое нравственное чувство возмущается при одной только мысли...

Агишинъ.

Все нравственность, все еще идеалы!..

Елена.

Нѣтъ, какое идеалы? это просто отвращеніе! Я не знаю, какое это чувство: нравственное или физическое; но знаю, что безъ этого чувства человѣкъ не человѣкъ.

Агишинъ.

Или вы существо особенное, или я совсѣмъ не понимаю жен-

щинъ! По моему, что за любовь, что за страсть безъ интриги, безъ проступка!

Елена.

Проступокъ ужь сдѣланъ, да не проступокъ, а преступленіе. Развѣ не преступленіе то, что я сдѣлала съ Андреемъ? Я умышленно обманула его, любя другого, и для другого я сдѣлалась его женой, хотя по имени только; но вѣдь это имя—чужое, и состояніе, которымъ я пользуюсь—чужое! Вѣдь это воровство!

Агишинъ.

Но чего же вы хотите?

Елена.

Чего я хочу? Я скажу всѣмъ, и скажу рѣшительно: я хочу открыто разойтись съ мужемъ.

Агишинъ.

Что вы, что вы! Вѣдь это позоръ!

Елена.

Да, позоръ! Я хочу, чтобъ всѣ знали, что я такое! Я хочу перенести должное, заслуженное, и затѣмъ жить, какъ сердце хочетъ. Позоромъ, однимъ позоромъ только могу я теперь частію искупить мое преступленіе и добыть вновь свободу, которой я лишилась.

Агишинъ.

Но... но... я не понимаю, что же дѣлать?

Елена.

Очень просто! ну, хотя бы такъ: завтра, послѣ завтра мы съ вами вдвоемъ заграницу!

Агишинъ.

Гм... да... И это у васъ рѣшено?

Елена.

Да, рѣшено! Что же? Вы поражены, вы, кажется, просто испуганы? Или мнѣ только кажется такъ?

Агишинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, а только такой шагъ!

Елена.

Да какой же еще шагъ? Всякій другой хуже, безнравственнѣе!

Агишинъ.

Нужно приготовиться, нужно обдумать: послѣдствія слишкомъ серьёзны.

Елена (*съ гнѣвомъ*).

Такъ вотъ что! Вы не готовы, вамъ нужно еще обдумать!

Агишинъ.

Не за себя! Боже мой, поймите, за васъ! Такія вещи подъ минутной вспышкой не дѣлаюся, тутъ нужно все...

Елена.

Минутная вспышка! Чувство такое созрѣвшее и сильное, что я не подорожила ничѣмъ, пошла на преступленіе—и вы осмѣлились назвать его минутной вспышкой!

Агишинъ.

Извините, простите!.. Нѣтъ, вотъ что! За себя я на все, на все готовъ, умереть на плахѣ готовъ за васъ; но любя васъ, я дорожу вами и трепещу за каждый вашъ шагъ; я думаю надъ каждымъ вашимъ движеніемъ! Я хочу видѣть самое отдаленное будущее, знать самыя крайнія послѣдствія.

Елена.

Довольно, довольно!.. Я вѣрю вамъ; да, я вижу теперь, что и мнѣ нужно подумать. (*Отворачивается въ сторону. Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Елена, Агишинъ и Андрей.

Агишинъ.

Здравствуй, другъ!

Андрей (*холодно*).

Наше вамъ почтеніе!

Агишинъ.

Что съ тобой? Ты еще отъ маскарадовъ не очнулся?

Андрей.

Нѣтъ, очнулся, отъ всѣхъ маскарадовъ очнулся... А много я ихъ видѣлъ—и вчера, и сегодня, и въ маскарадѣ маскарадъ, и дома маскарадъ!

Агишинъ.

Что за разговоръ, мой другъ? Ты чѣмъ-нибудь взволнованъ, огорченъ?

Андрей (*сухо*).

Это ужъ мое дѣло! (*Еленѣ*). Я хотѣлъ съ вами, Елена Васильевна—собственно съ вами—побесѣдовать: но вѣдь мы еще успѣемъ, завсегда можемъ... (*съ горькой улыбкой*). Свои люди!.. Извините, что помѣшалъ! Извольте продолжать вашъ разговоръ-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Елена и Агишинъ.

Агишинъ.

Что съ нимъ? Онъ звѣремъ смотритъ! Минута, кажется, не совсѣмъ удобная, чтобы намъ съ вами продолжать начатой разговоръ. (*Подходитъ и беретъ ее за руку*). Завтра или на дняхъ мы возобновимъ его.

Елена.

Не поздно ли будетъ?

Агишинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, куда торопиться! Вы успокойтесь! А теперь до свиданія! Такъ, такъ, такъ, отлично! Смѣлый, рѣшительный шагъ въ жизни—это очень хорошо! Мы поѣдемъ, мы съ вами поѣдемъ. До свиданія! (*Уходитъ*).

Елена (*вслѣдъ ему*).

Не поѣдешь ты, не поѣдешь: вижу я теперь тебя! И для него-то столько жертвъ и такія страданія! Но что же я? гдѣ я? зачѣмъ я здѣсь? (*Въ слезахъ закрываетъ лицо руками*). Какое я жалкое созданіе, какое ничтожное!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Андрей.

Не плачьте, я васъ сейчасъ утѣшу.

Елена (*съ грустью*).

Ахъ, это вы! Что вы?

Андрей.

Вы плачете, можетъ быть, отъ того, что себѣ стѣсненіе чувствуете, такъ я вамъ свободу дамъ-съ! Да и мнѣ она нужна. Какъ бы вы меня ни цѣнили — шутомъ ли, дуракомъ ли — это ваше дѣло съ; только вѣдь и шуту отдохнуть надо! А если все его поминутно дразнить, такъ онъ озлобится и звѣремъ станетъ! И давайте мы съ вами на чистоту, отъ чистаго сердца, значитъ! И словъ будетъ не много—къ чему они-съ? все дѣло, какъ ясный день видно! Все наружу вышло: и тайны ваши, и любовь ваша. А къ кому—объ этомъ говорить не нужно съ... А зачѣмъ вы меня къ этому дѣлу припутали и надъ сердцемъ моимъ надругались — это мы разбирать не будемъ; это ужь послѣ пусть

Богъ разсудитъ! А теперь намъ одно: чтобы каждому по своей дорогѣ, чтобъ другъ другу не мѣшать! И отличное будетъ дѣло-съ: вы ужь поѣзжайте съ нимъ заграницу, какъ вы изволили сбираться; денегъ у васъ довольно-съ... Извините-съ, я васъ деньгами не попрекаю... я вамъ даже вотъ что̀ скажу: коли мало будетъ, еще возьмите-съ! души не жалѣлъ для васъ, пожалѣю ли денегъ-съ! Такъ вотъ и извольте ѣхать... А я ужь... ну, ужь я тамъ свой предѣлъ найду-съ, а вамъ и не интересно, да и знать обо мнѣ не для чего съ!.. Только, любя васъ, я вамъ признаюсь, хоть и не надо бы, что мнѣ будетъ не такъ ужь больно весело, какъ вамъ!.. (*Сквозь слезы*). И что погибели на свою бездольную голову я буду очень радъ-съ.

Елена (*съ рыданіемъ*).

Да хоть не плачьте, это невыносимо!

Андрей.

Да-съ, объ чемъ плакать? Это точно-съ: плакать ужь нѐчего, поздно!.. Только вотъ что̀-съ, вы уѣзжайте скорѣй, скорѣй, говорю вамъ!.. И ради Бога, ради самого Бога, чтобы ничего промежъ вами на глазахъ моихъ!.. Потому я еще люблю васъ, съ собою не совладаю и могу быть страшенъ. Я убью васъ, его — ко мнѣ ужь давно къ горлу подступаетъ и грудь давитъ! Я домъ зажгу и самъ въ огонь брошусь!.. Ради Бога, пожалѣйте вы меня и себя... Собирайтесь—и Богъ съ вами! Прощайте! (*Быстро уходитъ въ среднюю дверь. Елена, рыдая, падаетъ въ кресло*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Лица:

Гаврила Пантелѣичъ.
Настасья Петровна.
Андрей Гаврилычъ.
Елена Васильевна.
Нина Александровна
Сыромятовъ.
Таня.
Агишинъ.
Прохоръ.

Декорація четвертаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Нина Александровна, Елена (*выходятъ изъ боковой двери справа*), потомъ Прохоръ.

Нина Александровна.

Кàкъ это непріятно, кàкъ это непріятно! Вотъ какія дурныя замашки у этихъ людей! Какъ ты разстроена, бѣдная Лена! (*Елена заглядываетъ въ дверь налѣво*). Чтò, нѣтъ его тамъ?

Елена.

Нѣтъ.

Нина Александровна.

Не умѣютъ они вести себя, никакой въ нихъ порядочности нѣтъ, никакого снисхожденія къ женскимъ нервамъ.

Елена.

Гдѣ онъ, чтò съ нимъ? Убѣжалъ вчера, какъ сумасшедшій, и вотъ до сихъ поръ его нѣтъ.

Нина Александровна.

Кто жъ его знаетъ! Вѣдь это ужъ такіе люди: они своя чувства умѣрять не умѣютъ, у нихъ все черезъ край—и хорошее и дурное, и радость и горе. Отъ радости они готовы плясать и обнимать всякаго встрѣчнаго, а горе или въ винѣ топить, или чтò-нибудь еще хуже.

Елена.

Мама, ты меня пугаешь...

Нина Александровна.

Кажется, тебѣ его жалко немножко?

Елена.

Очень естественно: у него горя не было—откуда оно перешло къ нему, отъ кого?

Нина Александровна.

Разумѣется, какъ его не жалѣть! и мнѣ его жалко, ужь давно жалко...

Елена.

Надо будетъ успокоить его; страшно видѣть людей, которые собой владѣть не умѣютъ.

Нина Александровна.

Да, да. А вѣдь я думала, что ты, послѣ вчерашняго, сердишься на него.

Елена.

За что? Онъ былъ правъ по своему, совершенно правъ. Я должна была ждать этой выходки: вѣдь онъ не кукла же, наконецъ! Да въ его словахъ и не было ничего обиднаго, въ нихъ было гораздо больше любви, чѣмъ упрековъ. Неизвѣстно, кто сильнѣе въ это время страдалъ: я или онъ.

Нина Александровна.

Все-таки не мѣшало ему быть деликатнѣе и не доводить тебя до обморока. Ты разстроилась и не спала всю ночь, бѣдная моя Лена!

Елена.

Я привыкла не спать по ночамъ, а по утру—я сама не знаю зачѣмъ—я все слушала, не будетъ ли звонка въ передней. Меня сначала удивило, а потомъ испугало, что онъ совсѣмъ не явился домой. Ахъ, какъ онъ меня любитъ, какъ сильны страсти у этихъ простыхъ людей!

Нина Александровна.

Тѣмъ лучше: значитъ, тебѣ только приласкать его немного, и онъ опять—твой покорный рабъ.

Елена.

Безъ сомнѣнія, я объ этомъ и не безпокоюсь нисколько. Но у меня еще какъ-то не все ясно въ головѣ; мнѣ чего-то недостаетъ, не хватаетъ рѣшительности и что-то мѣшаетъ.

Нина Александровна.

Я была бы очень рада, Лена, еслибъ ты освободилась отъ дурныхъ вліяній.

Елена.

Да, мама, я, кажется, освобожусь. Я много передумала и перечувствовала въ эту ночь.

Нина Александровна.

Слушайся болѣе голоса сердца, Лена! Совѣсть, долгъ—не пус-

тыя слова. Кто думаетъ ихъ заглушить въ себѣ, тотъ ни покоенъ, ни счастливъ быть не можетъ.

Елена (*подумавъ*).

Да, да, правда твоя. (*Входитъ Прохоръ изъ средней двери съ чемоданомъ*). Андрей Гаврилычъ еще не бывалъ?

Прохоръ.

Никакъ нѣтъ-съ; они внизу, у Гаврилы Пантелѣича, тамъ и чай кушали.

Елена.

А когда же онъ домой пріѣхалъ?

Прохоръ.

Да они вчера не поздно-съ; только прошли другимъ ходомъ: не хотѣли звонить, чтобы васъ не безпокоить.

Елена.

Мама, мы ошиблись: онъ имѣетъ снисхожденіе къ женскимъ нервамъ.

Нина Александровна.

Ихъ не скоро поймешь, мой другъ.

Елена.

Зачѣмъ же ты чемоданъ несешь?

Прохоръ.

Да хочу укладываться: на фабрику ѣдутъ — только позавтракаютъ. Сейчасъ приказали здѣсь у нихъ закуску накрывать... (*Уходитъ въ дверь налѣво*).

Елена.

На фабрику... онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ.

Нина Александровна.

Вѣроятно, отецъ посылаетъ; онъ самъ не зналъ. Ну, теперь твои волненія кончились. Ахъ, у меня тамъ кофе стынетъ. (*Уходитъ направо. Входитъ Андрей; на немъ теплый кафтанъ съ мѣховой опушкой, подпоясанъ ремнемъ, въ русскихъ высокихъ сапогахъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Елена и Андрей.

Андрей.

Съ добрымъ утромъ-съ! (*Кланяется и почтительно цѣлуетъ руку Елены*).

Елена.

Гдѣ вы были?

Андрей.

Гдѣ я былъ то-съ? А вамъ на что же? у тятеньки былъ.

Елена.

Нѣтъ, гдѣ вы вчера были?

Андрей.

Пріятеля встрѣтилъ, Сыромятова. У него и былъ съ. Да это ужь мое дѣло.

Елена.

Да, конечно, извините. Я совсѣмъ не то хотѣла спросить. Вы здоровы?

Андрей.

Что-жь это вамъ вдругъ такая особенная печаль обо мнѣ пришла?

Елена (*строго*).

Отвѣчайте на вопросъ! Вы здоровы?

Андрей.

Слава Богу-съ!

Елена.

Съ меня и довольно. Я желала знать о вашемъ здоровьѣ, потому что безпокоилась за васъ. Вы вчера были такъ разстроены..

Андрей.

Это съ нами случается съ, пошумимъ... Такъ неужто съ этого хворать? Это ужь много будетъ!

Елена (*осматривая его*).

Что вы, въ маскарадъ собрались?

Андрей.

Нѣтъ, на фабрику-съ. Извините, что въ такомъ видѣ! Теперь не до моды: надо за работу приниматься.

Елена.

Да ничего, это къ вамъ идетъ.

Андрей.

Идетъ ли, нейдетъ ли—ужь на это мы не смотримъ. Теперь время зимнее, у насъ на фабрикѣ и нѣмцы, и англичане въ такихъ тулупчикахъ ходятъ. Потому—бѣгать по корпусамъ то въ ткацкую, то въ лоботорію...

Елена.

Въ лабораторію...

Андрей.

Такъ точно-съ. Мудреное слово-то, не скоро выговоришь. Да и въ красильнѣ, промежду чанами, вертѣться во фракѣ-то—оно не очень способно.

Елена.

И вы на долго ѣдете?

Андрей.

Не знаю-съ. Мѣсяца три пробуду, а можетъ, и больше. Да что и въ Москвѣ-то дѣлать? какая тутъ радость особенная?

Елена.

Да, вотъ какъ!

Андрей (*прислушиваясь*).

Кажется, наши идутъ-съ, ко мнѣ на закуску-съ. Такъ ужь вы меня не конфузьте! А какъ будто между нами ничего не было. Разъѣдемся съ миромъ: я на фабрику, вы—заграницу. (*Входятъ Сыромятовъ и Таня*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Андрей, Елена, Сыромятовъ и Таня.

Андрей (*Еленѣ*).

Это мой старый пріятель-съ...

Сыромятовъ.

Ужь извините-съ. Сыромятовъ по фамиліи, Василій Ивановъ-съ.

Андрей (*Еленѣ*).

А это его сестра-съ, Татьяна Ивановна Сыромятова. (*Танѣ*). Супруга моя, Елена Васильевна.

Таня (*подавая руку Еленѣ*).

Очень пріятно познакомиться.

Сыромятовъ.

Ну, ужь! гдѣ намъ знакомство такое? (*Еленѣ*). Не важная-съ особа: за мучника выходитъ.

Андрей.

Да капиталъ-то у этого мучника больно здоровъ; онъ всѣхъ насъ купитъ. (*Танѣ*). Видно, у васъ на фабрикѣ воздухъ очень здоровъ.

Таня.

Почему такъ?

Андрей.

По красотѣ вашей сужу. Вы еще лучше прежняго стали, много превосходнѣе.

Таня.

Такъ мнѣ и надобно: вѣдь я—невѣста.

Андрей (*Танѣ*).

А если я опять, по старому, начну вамъ свою любовь выражать, вашъ мужъ меня на дуэль не вызоветъ?

Таня.

Не знаю.

Сыромятовъ.

Чтò за дуэль! У насъ такъ не водится. По нашему, полѣномъ—вотъ и все...

Андрей.

Хорошее обыкновеніе у васъ, и другимъ перенять его не мѣшаетъ.

Таня.

Я-то поправилась, а вы-то на чтò похожи? Чтò вы, нездоровы были или что съ вами?

Андрей.

Я ничего-съ, я здоровъ и всѣмъ доволенъ.

Таня (*Еленѣ*).

Ужъ вы, Елена Васильевна, берегите его, чтобъ онъ здоровый былъ, веселый—вотъ какъ я.

Елена.

Я очень-бы рада была, еслибъ онъ былъ здоровъ и веселъ.

Таня.

Любить его надо хорошенько, вотъ онъ и веселъ будетъ.

Елена.

Хорошо, я послѣдую вашему совѣту. А скажите, пожалуйста: у васъ тамъ, на фабрикѣ, я думаю, тоска невыносимая...

Таня.

Нѣтъ, отъ чего-же? У насъ знакомство большое, иностранцевъ много, англичанъ; у нихъ жены—такія музыкантши. Всѣ газеты получаемъ, журналы.

Елена.

Но вѣдь тамъ ничего достать нельзя. Вотъ, напримѣръ, приданое: неужели за всякою малостью въ Москву ѣздить?

Таня.

Кто и въ Москву ѣздитъ, далеко-ли тутъ? А мы мало зачѣмъ сюда ѣздимъ.

Елена.

Неужели тамъ покупаете?

Таня.

Нѣтъ, мы изъ Парижа выписываемъ. Отъ насъ туда постоянно ѣздятъ, рѣдкій мѣсяцъ оказіи не бываетъ; какъ чтò новое, сейчасъ и получаемъ. Мнѣ однѣхъ шляпокъ съ дюжину привезли—любую надѣвай.

Елена.

Вотъ кàкъ! Вамъ позавидуешь.

Андрей (*Сыромятову и Танѣ*).

Пожалуйте ко мнѣ, пожалуйте закусить!

Таня (*Еленѣ*).

А вы чтò-жъ?

Елена.

Я не хочу.

Андрей.

Имъ еще рано, онѣ только-что встали. (*Провожаетъ Сыромятовыхъ въ дверь налѣво*). А вотъ и тятенька съ маменькой! (*Входятъ Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Андрей, Елена, Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна.

Андрей.

Пожалуйте съ! Съ женой прощался-съ.

Гаврила Пантелѣичъ (*кланяясь*).

Нельзя-же. Честь честью.

Андрей.

Вѣдь кто знаетъ, скоро-ль увидимся.

Настасья Петровна.

Ахъ, Елена Васильевна, здравствуйте!

Андрей.

Пожалуйте, маменька.

Гаврила Пантелѣичъ (*женѣ*).

Иди, иди! (*Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна и Андрей уходятъ въ дверь налѣво. Входитъ Нина Александровна*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Елена и Нина Александровна.

Елена.

Маменька, что-жъ это такое?

Нина Александровна.

Что, что?

Елена.

Онъ меня совсѣмъ знать не хочетъ! Онъ не обращаетъ на меня никакого вниманія.

Нина Александровна.

Тебѣ такъ показалось, Лена.

Елена.

Нѣтъ. Онъ на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжаетъ на фабрику и

объявляетъ мнѣ объ этомъ совершенно равнодушно, какъ посторонней женщинѣ. Гдѣ-жъ его обожаніе?

Нина Александровна.

А ты давеча говорила, что онъ тебя очень любитъ...

Елена.

А вы давеча говорили, что стòитъ только приласкать его немножко.

Нина Александровна.

Кто-жъ ихъ разберетъ? Мы обѣ ошиблись!

Елена.

Ни малѣйшей даже теплоты, ни малѣйшаго участія ко мнѣ.

Нина Александровна.

Да на чтò тебѣ его участіе? Слава Богу, что не сердится, изъ себя не выходитъ. Онъ уѣзжаетъ на фабрику—ну, и Богъ съ нимъ! Ты сама желала свободы.

Елена.

Конечно, свобода для женщины—дѣло дорогое; но чтò же онъ думаетъ обо мнѣ? Я не могу допускать, чтобъ меня подозрѣвали въ чемъ-нибудь дурномъ. Развѣ легко сносить презрительное обращеніе? Да и отъ кого-же еще? Отъ человѣка, котораго я считала гораздо ниже себя... Чтò за преступленіе я сдѣлала? Если я нѣсколько виновата, такъ и онъ не правъ; въ немъ нѣтъ ни ловкости, ни хорошихъ манеръ... Я не обнаруживаю большой любви къ нему; но я не могу... и все-таки онъ не имѣетъ права, я не подала ему никакого повода презирать меня. Я хочу, я требую, чтобъ онъ простился со мной, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, почтительно, нѣжно...

Нина Александровна.

Все это ты ему скажи, Лена.

Елена.

Ахъ, мама, могу-ли я? Я вся разбита, я теряю голову, умъ... Я не могу управлять, владѣть собой. Поговори, мама, ты съ нимъ!

Нина Александровна.

Хорошо, поговорю. Но кàкъ я его увижу? У него теперь гости.

Елена.

Вѣроятно, онъ выйдетъ; придетъ-же онъ хоть поклониться намъ.

Нина Александровна.

Да, конечно. Пойдемъ, отдохни, успокойся. Ты не спала, вотъ и разстроилась! (*Уходятъ направо. Входятъ Андрей и Прохоръ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Андрей, Прохоръ, потомъ Агишинъ.

Андрей.

Какой тамъ дуракъ накрывалъ? Шампанскаго нѣтъ. Скажи, чтобъ подали бутылки двѣ, три. Нешто проводы безъ шампанскаго бываютъ?

Прохоръ.

Слушаю съ. (*Идетъ къ двери и встрѣчается съ Агишинымъ. Андрей идетъ къ двери налѣво; но, увидавъ Агишина, останавливается у двери*).

Агишинъ (*не видя Андрея*).

Кто дома?

Прохоръ.

Елена Васильевна и Андрей Гаврилычъ!

Агишинъ.

А!... Онъ дома?

Прохоръ.

Дома съ, да и родители его здѣсь.

Агишинъ.

Семейная картина! Ну, такъ я послѣ зайду. Ты не говори, что я былъ.

Андрей (*подходитъ къ Агишину и беретъ его за руку*).

Нѣтъ, что-жъ, куда-же бѣжать? Ужъ это зачѣмъ-же?

Агишинъ.

Новый способъ имѣть гостей! Тащить ихъ силой, за вороты! Но я, другъ мой, зашелъ мимоходомъ... мнѣ очень нужно тутъ, недалеко, по одному дѣлу...

Андрей.

Ну, да полно городить-то! Сюда шелъ; здѣсь твои всѣ и мысли и все—здѣсь и ждутъ тебя. А меня и сунуло тебѣ на встрѣчу. Ну, да ничего, я сейчасъ ѣду на фабрику.

Агишинъ.

Ты говоришь какую-то дичь! И вообще я замѣчаю съ нѣкоторыхъ поръ, что ты ко мнѣ странно относишься. Ты что-нибудь имѣешь противъ меня? Если мы съ тобой не объяснимся и если мы не станемъ по старому пріятелями, то я долженъ буду разстаться съ тобой на всегда, какъ мнѣ ни пріятно знакомство съ вашимъ домомъ.

Андрей.

«Что-то» да «какъ-то»—это все канитель! Ну, какого еще чорта! А по нашему—на чистоту! Коли заговорили, такъ давай договаривать. Ты думаешь, я вашихъ штукъ не вижу? А если вы хотѣли меня дурачить, такъ ошиблись!..

Агишинъ.

Но я не понимаю.. я все-таки не понимаю... Для меня ново, неожиданно...

Андрей.

Полно, Николай Егорычъ, полно! Что тѣнь-то наводить—дѣло ясное. На дуэли мы съ тобой драться не будемъ: коли дѣло плохо, ты его стрѣльбой не поправишь; сколько ни пали, а черное бѣлымъ не сдѣлать! А если у васъ дальше пойдетъ и шашни свои ты не оставишь, такъ, пожалуй, ноги я тебѣ переломаю; за это я не ручаюсь, отъ меня станется. Вотъ теперь разговаривай съ женой. Прохоръ, доложи Еленѣ Васильевнѣ, что господинъ Агишинъ желаетъ ихъ видѣть. (*Прохоръ уходитъ въ дверь направо*). А со мною говорить больше не объ чемъ: я все сказалъ, что тебѣ знать нужно. (*Уходитъ въ дверь налѣво*).

Агишинъ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть дѣло съ этими дикими. Какой дурацкій апломбъ! Какая увѣренность въ своихъ супружескихъ правахъ! То-ли дѣло—развитые, современные мужья! Они какъ-будто конфузятся, стыдятся своего привилегированнаго положенія и ужъ нисколько не вѣрятъ въ неприкосновенность своихъ правъ. Порядочный мужъ, коли замѣтитъ что-нибудь такое, онъ сейчасъ устранитъ себя... Какъ-нибудь да устранитъ... ну, тамъ застрѣлится, что-ли... А этотъ говоритъ: «ноги переломаю»... Да онъ и сдѣлаетъ... Вотъ такъ и гляди теперь по всѣмъ сторонамъ, такъ и поглядывай. (*Входятъ Елена и Прохоръ, который проходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Агишинъ, Елена, потомъ Нина Александровна.

Елена.

А, Николай Егорычъ! какъ кстати! я васъ ждала. Ну, что-же, мы ѣдемъ за-границу? Вы обдумали, рѣшили, готовы?

Агишинъ (*оглядываясь*).

Что вамъ угодно? Что вамъ угодно? (*Тихо*). Да, я готовъ.

Елена.

Ну, такъ пойдемте и объявимъ объ этомъ открыто мужу. Надо

же его, бѣднаго, развязать и дать ему право совсѣмъ освободиться отъ меня.

Агишинъ (*улыбаясь*).

«Бѣдному»! А вы, кажется, начинаете чувствовать нѣжность къ вашему мужу?

Елена.

Что бы я ни чувствовала, а иначе поступить не могу! Вы готовы, говорите: готовы?

Агишинъ.

Что вы меня такъ строго допрашиваете? Да вы сами-то готовы ли? Какія у васъ средства бросить мужа и жить самостоятельно?

Елена.

У меня семьдесятъ пять тысячъ... то есть, нѣтъ, меньше: мама, по своей добротѣ, роздала въ займы больше половины своимъ знакомымъ, съ которыхъ никогда не получишь.

Агишинъ.

Такъ вѣдь это нищенство! Васъ замучаетъ только одно сожалѣніе о покинутой роскоши, о кружевахъ, о бархатѣ. Ужь до любви ли тутъ! Вотъ еслибъ вы успѣли въ этотъ мѣсяцъ, пользуясь его безумной, дикой любовью, заручиться состояніемъ тысячъ въ триста, тогда бы вы могли жить самостоятельно и счастливо, какъ душѣ угодно.

Елена.

Значитъ, по вашему, чтобы быть счастливымъ, надо прежде ограбить кого нибудь?

Агишинъ.

Ну, да какъ хотите, разсуждайте; а вы сдѣлали ошибку большую! Задумали-то хорошо, а исполнить—характера не хватило. Вотъ плоды сантиментальнаго воспитанія.

Елена.

Да, то есть, умъ-то вы успѣли во мнѣ развратить, а волю-то не умѣли—вотъ вы о чемъ жалѣете! Помѣшали вамъ мои хорошіе природные инстинкты. А я этому очень рада...

Агишинъ.

Такъ объ чемъ же намъ еще разговаривать, madame Бѣлугина?

Елена.

Да я и не желаю съ вами разговаривать никогда и ни о чемъ, monsieur Агишинъ.

Агишинъ.

И прекрасно. Желаю вамъ всякаго благополучія. (*Входитъ Нина Александровна. Агишинъ раскланивается и уходитъ*).

Елена.

Мама, я прогнала Агишина.

Нина Александровна.

Я тебя за это бранить не стану, моя Лена. Мнѣ онъ давно не нравился, я только боялась сказать тебѣ. (*Андрей выглядываетъ изъ двери*).

Елена.

Сдѣлай же то, о чемъ я тебя просила: поговори съ нимъ. (*Уходитъ въ дверь направо. Андрей выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Нина Александровна и Андрей.

Андрей.

Гдѣ же Агишинъ?

Нина Александровна.

Лена его прогнала.

Андрей.

Что же такъ-съ: чѣмъ не кавалеръ? За что же гнать хорошаго человѣка? А я было, признаться, хотѣлъ ему стаканъ шампанскаго предложить.

Нина Александровна.

Андрей Гаврилычъ!

Андрей.

Что прикажете?

Нина Александровна.

Я съ вами хочу поговорить о Ленѣ...

Андрей.

Насчетъ чего съ?

Нина Александровна.

Вы обижаете жену.

Андрей.

Помилуйте, что вы! могу ли я?

Нина Александровна.

Вы ее вините...

Андрей.

Въ чемъ это? и не думалъ-съ!

Нина Александровна.

А вы сами неправы...

Андрей.

Чѣмъ же-съ?

Нина Александровна.

Знаете, въ васъ нѣтъ этого «чего-то»...

Андрей.

Да чего—«чего-то»?

Нина Александровна.

Вотъ этого, что̀ нравится женщинамъ, что̀ покоряетъ ихъ. Ахъ, въ васъ совсѣмъ нѣтъ...

Андрей.

Да ужь сколько не ахайте: коли нѣтъ, такъ гдѣ же мнѣ взять?

Нина Александровна.

Еслибы вы были нѣсколько образованнѣе...

Андрей.

Да Богъ съ вами! Когда мнѣ теперь для васъ образовываться! до того ли мнѣ? у меня фабрика остановилась! Нѣтъ, это пустой разговоръ-съ.

Нина Александровна.

Она, конечно, чувствуетъ и сама, что несовсѣмъ права передъ вами...

Андрей.

Да-съ.

Нина Александровна.

Она дѣйствительно доставила вамъ много огорченія...

Андрей.

Ну, такъ что̀ же-съ? Пусть и покается!

Нина Александровна.

Ахъ, развѣ вы не знаете, ка̀къ всякой женщинѣ трудно сознаться передъ мужчиной въ своей винѣ? А тѣмъ болѣе моей Ленѣ, потому что она не знаетъ, не увѣрена, ка̀къ будутъ ея слова приняты вами: достаточно ли вы деликатны, чтобы не вышло какой-нибудь сцены, унизительной для нея?

Андрей.

Такъ кому-жъ нужно: нешто кто ихъ заставляетъ?

Нина Александровна.

Ахъ, ей самой нужно. Она не хочетъ, чтобъ у васъ оставалось неудовольствіе на нее; она не можетъ быть покойна, ей будетъ больно, очень больно.

Андрей.

Стало быть, я же виноватъ. Этого никакъ понять невозможно, да и не до того мнѣ теперь: серьёзныя дѣла въ головѣ. Чего же имъ нужно еще отъ меня?

Нина Александровна.

Ахъ, очень просто! Чтобъ вы не сердились на нее, не жаловались; чтобъ вы пощадили ее: у ней натура нѣжная, деликатная—она вся въ меня.

Андрей.

Все же это не дѣло и не въ порядкѣ-съ. Между мужемъ и женой—какіе посредники! Ваши слова для меня—ровно ничего-съ: можетъ, она совсѣмъ и не думаетъ того, что̀ вы говорите; а одна только это ваша фантазія. Нешто такія дѣла черезъ пословъ дѣлаются? Да ужъ если вамъ это очень нужно, такъ скажите, что я ихъ прощаю, прощаю—вотъ и все!..

Нина Александровна.

Ка̀къ, неужели только?

Андрей.

Вотъ еще-съ. (*Подаетъ записку*). Онѣ хотятъ ѣхать за границу, такъ, чтобъ своихъ денегъ не тратили: по этой запискѣ имъ выдадутъ изъ конторы сколько нужно, на расходы. Здѣсь обозначено-съ. Вотъ теперь все-съ. Я сейчасъ уѣзжаю на фабрику мѣсяца на три; видѣться намъ не зачѣмъ-съ: дальніе проводы—лишнія слезы. Да и не кстати: меня старики провожаютъ, такъ пристойно ли имъ будетъ глядѣть на насъ? Затѣмъ прощайте. (*Уходитъ. Входитъ Елена*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Нина Александровна и Елена.

Елена.

Ну, что̀ онъ, что̀?

Нина Александровна (*со слезами*).

Ахъ, Лена, ахъ, Лена!

Елена.

Что̀ съ тобой, мама?

Нина Александровна.

Онъ ужасный человѣкъ, онъ не желаетъ тебя видѣть! Я это предчувствовала, предчувствовала...

Елена.

Да что̀? говори, мама!

Нина Александровна.

Вотъ возьми! (*Подаетъ записку*). Онъ даетъ тебѣ денегъ на поѣздку за границу.

Елена.

Да что̀ онъ говоритъ-то?

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, онъ велѣлъ сказать, что прощаетъ тебя.

Елена.

«Прощаетъ»!.. Ка̀къ, что̀ ты говоришь, мама?

Нина Александровна.

«Да скажите ей, что я ее прощаю». И видѣться съ тобой не хочетъ.

Елена.

Онъ меня прощаетъ! Скажите! Да онъ мужикъ, невѣжда! Я въ себя придти не могу.

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, какъ трудно говорить съ нимъ! Точно тяжесть какую поворачиваешь. У меня отъ него мигрень расходилась.

Елена.

Нѣтъ, я не могу... я не могу стерпѣть такой обиды. Я должна ему высказать.

Нина Александровна.

Но что̀ же, что̀, Лена?

Елена.

А то, что онъ, при своемъ ничтожествѣ, не смѣетъ такъ презрительно относиться къ людямъ, которые...

Нина Александровна.

Оставь, Лена!..

Елена.

Нѣтъ, нѣтъ! позови его, мама, сейчасъ позови!..

Нина Александровна (*въ дверь налѣво*).

Андрей Гаврилычъ, подите сюда: Лена васъ проситъ! (*Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Андрей.

Что̀ за дѣла-съ?

Елена.

Кто-же вамъ далъ право такъ третировать меня?

Андрей.

Что̀ такое-съ? И не слыхивалъ такихъ словъ.

Елена (*со слезами*).

Вы меня прощаете? Какую-же вину вы мнѣ прощаете? Что̀ вы думаете обо мнѣ?

Андрей.

А не виноваты, такъ объ чемъ толковать?

Елена.

Но вѣдь вы меня оскорбили! Ка̀къ вы смѣли такъ грубо обойтись со мной?

Андрей.

Значитъ, смѣлъ-съ.

Елена.

Да по какому праву?

Андрей.

Потому—мужъ съ.

Елена.

Значитъ, мужъ имѣетъ право и напрасно обижать жену?

Андрей.

А хоть и напрасно, да, ежели любя, такъ бѣда не велика: не въ судъ на мужа идти!

Елена (*со слезами*).

Но что-жь, по вашему, должна дѣлать жена, если ее напрасно обидятъ?

Андрей.

Да разное бываетъ съ: дурныя, да злыя сердятся, да бранятся.

Елена.

А хорошія, честныя?

Андрей.

Сами догадайтесь...

Елена (*сдѣлавъ движеніе*).

Неужели-же?..

Андрей.

Не знаю съ...

Елена (*бросаясь ему на шею*).

Такъ, что-ли?..

Андрей (*отирая слезы*).

Само собой, что такъ-то лучше.

Елена (*прилегая къ нему*).

Да, хорошо мнѣ здѣсь, хорошо!

Андрей.

Давно бы вамъ-съ!

Елена.

Но зачѣмъ-же ты такъ грубо обходился со мной?

Андрей.

Я-то грубо? Да я нынче разъ десять заплакать сбирался, только удерживался, притворялся...

Елена.

Развѣ ты притворялся?

Андрей.

Да-съ. Эта мысль мнѣ вчера въ голову пришла. Думаю себѣ: пробовалъ и ласками, и слезами—не выходитъ; дай, я свой форсъ на себя возьму. Вотъ и вышло.

Елена.

Маменька, мы опять въ немъ ошиблись.

Нина Александровна.

Ахъ, Лена! я въ себя не могу придти; только одно могу сказать, что я очень рада, очень рада!

Елена.

Маменька, кàкъ этотъ форсъ къ нему идетъ! какая энергія. Теперь онъ настоящій мужчина!

Андрей.

Да я и всегда такой, только передъ вами мокрой курицей былъ, потому—очень обожалъ! А теперь я по другому буду: вотъ кàкъ-съ! (*Обнимаетъ Елену и цѣлуетъ. Входятъ Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Сыромятовъ и Таня*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Нина Александровна, Елена, Андрей, Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Сыромятовъ и Таня.

Андрей (*не выпуская Елены*).

Ужь извините-съ, съ женой заигрался. Плачетъ, на фабрику со мной просится. (*Еленѣ*). Такъ, чтò ли, говори!

Елена (*потупясь*).

Такъ.

Андрей.

Говоритъ, чтò ты тамъ одинъ, бобылемъ будешь жить! Ни уходить за тобой, ни приласкать тебя некому. (*Еленѣ*). Такъ чтò ли?

Елена.

Да, хорошо, такъ, такъ.

Андрей.

И въ гости, и прокатиться все-таки съ хорошенькою женою лучше. (*Еленѣ*). Такъ вѣдь?

Елена.

Такъ, такъ.

Андрей.

Тамъ всѣ, говорятъ, съ женами; чтò-жь тебѣ на чужое счастье смотрѣть? еще чтò-нибудь въ голову придетъ...

Елена.

Нѣтъ, ужь я этого не говорила.

Андрей.

Такъ взять, чтò ли?

Настасья Петровна.

Бери, Андрюша, бери!

Гаврила Пантелѣичъ.

Молчи! забыла, что̀ тебѣ сказано!

Настасья Петровна.

Молчу, батюшка, молчу!

Андрей.

Ужь, видно, взять...

Сыромятовъ.

Вотъ и чудесно. Семейное отдѣленіе займемъ, шампанскаго прихватимъ, чтобъ веселѣй ѣхать было!..

Нина Александровна.

Поѣзжай, Лена! А я сберусь, да завтра же къ вамъ пріѣду.

Настасья Петровна.

Батюшка Гаврила Пантелѣичъ, плакать-то можно?

Гаврила Пантелѣичъ.

Плачь себѣ на здоровье!

Таня (*Еленѣ*).

Это очень пріятно, что вы къ намъ ѣдете.

Елена.

Я у васъ всѣ шляпки пересмотрю; я и себѣ изъ Парижа выписывать буду.

Настасья Петровна.

Да ка̀къ же вамъ тамъ жить-то будетъ? Вѣдь у насъ въ домѣ двухъ половинъ нѣту...

Елена.

Ахъ, не безпокойтесь, и ненужно совсѣмъ!

Андрей.

Ну, ужь я для пріѣзда такой балъ задамъ, что въ Москвѣ нашу музыку слышно будетъ!..

Занавѣсъ.

Н. Соловьевъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

(ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ).

Да не подумаетъ читатель, чтобы въ статьѣ моей онъ нашелъ полную и всестороннюю характеристику Николая Алексѣевича Некрасова, и какъ поэта, и какъ журналиста, и какъ человѣка. Представить такую характеристику—иными словами значило бы произнести полный судъ надъ умершимъ литературнымъ дѣятелемъ. Но не говоря уже о томъ, что въ виду только что закрывшейся могилы, подобный судъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ, въ журналѣ, находившемся подъ его завѣдываніемъ, онъ и невозможенъ, по недостатку какъ исторической перспективы, такъ и историческихъ данныхъ. Для такой полной характеристики необходимо, чтобы были изданы массы писемъ, воспоминаній, записокъ и всевозможныхъ документовъ, по которымъ можно было бы судить о разнообразныхъ отношеніяхъ покойнаго къ массѣ людей всевозможныхъ слоевъ общества и лагерей въ теченіи сорока-лѣтней литературной дѣятельности его. При такихъ условіяхъ понятно, что нетолько полная характеристика, но и мало-мальски обстоятельная біографія Н. А. Некрасова возможна будетъ не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ двадцать или тридцать.

Цѣль моей статьи предполагается гораздо болѣе спеціальная. Я намѣренъ представить характеристику лишь одной поэтической дѣятельности Н. А. Некрасова, значенія его стихотвореній, какъ въ настоящее время, такъ и по отношенію къ прошлому нашей литературы. Біографическія данныя, которыя у меня подъ рукою и которыя будутъ представлены ниже, какъ ни скудны они сами по себѣ для полной и всесторонней характеристики личности Н. А. Некрасова, будутъ для насъ вполнѣ достаточны, если они познакомятъ насъ, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ жизни сложился талантъ Некрасова и въ какую сторону они направили его.

Съ перваго, поверхностнаго взгляда, поэзія Некрасова представляетъ въ себѣ не мало загадочнаго, можетъ показаться даже стоящею въ вопіющемъ противорѣчіи съ тѣми элементарными данными, какія выработаны относительно соотвѣтствія общихъ условій жизни поэта и характера его поэзіи. Дѣтство и юность Н. А. Некрасова мало кому извѣстны, но за то всѣ отлично знаютъ, что въ продолженіи послѣднихъ 30 лѣтъ Н. А. Некрасовъ пользовался полнымъ обезпеченіемъ и комфортомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно и то, что по происхожденію принадлежалъ онъ къ дворянскому классу. Сопоставляя эти два факта, слѣдовало бы ожидать, что стихотворенія Н. А. Некрасова должны были бы принадлежать къ той художественно-созерцательной школѣ поэзіи, которая развилась именно на этой самой почвѣ дворянскаго комфорта.

Нужно ли повторять въ сотый разъ, что отсутствіе въ личной жизни всякихъ гнетущихъ насущныхъ вопросовъ и мелочныхъ дрязгъ, отдаленность той скорбной среды, гдѣ эти вопросы и дрязги составляютъ всю суть существованія, изящный декорумъ, неизмѣнно окружающій человѣка съ младенчества и до могилы, легкость исполненія всякихъ желаній и прихотей— все это вмѣстѣ весьма естественно исполняетъ духъ человѣка эллинскимъ ликованіемъ и благодушіемъ, при которыхъ развивается наклонность видѣть въ поэзіи исключительно эстетическое наслажденіе созерцанія божественныхъ сферъ такъ называемаго «прекраснаго». Такова поэзія А. Толстаго, А. Майкова, Тютчева, Фета и проч. Казалось бы, что и муза Некрасова, выросшая на той же почвѣ, должна была бы принадлежать къ той же школѣ чистаго искуства. Между тѣмъ, поэзія Некрасова представляетъ изъ себя нѣчто діаметрально противоположное. Если бы вы начали читать стихотворенія Некрасова, не имѣя главнѣйшихъ свѣдѣній о его жизни, вы подумали бы, что онъ вышелъ изъ народа или, по крайней мѣрѣ, очень близко стоялъ къ народной средѣ и что въ тоже время это былъ человѣкъ, котораго жизнь весьма не баловала. Въ самомъ дѣлѣ: какимъ бы образомъ человѣкъ, прожившій всю жизнь въ нѣгѣ и холѣ, могъ бы такъ чутко постигать всю суть необъятныхъ народныхъ страданій и скудныхъ народныхъ радостей, какъ постигалъ ихъ Некрасовъ? Какъ могъ бы человѣкъ, получившій элегантное, салонное воспитаніе, писать такимъ богатымъ, образнымъ, и въ тоже время простымъ, чисто-народнымъ языкомъ, какимъ написано большинство его произведеній. А главное дѣло — какъ бы могъ счастливый человѣкъ валить въ своихъ произведеніяхъ такую массу скорби—скорби, потрясающей васъ до глубины души

во многихъ наиболѣе лирическихъ его произведеніяхъ? Въ нашей лирикѣ вообще не мало излито всякаго рода скорби. Возьмите вы, напримѣръ, Полежаева. Всѣмъ извѣстно, что это былъ несчастнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ русскихъ поэтовъ, что жизнь его въ самой цвѣтущей юности была разбита самымъ безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, и естественно, что всѣ стихотворенія его проникнуты мрачнымъ и безотраднымъ отчаяніемъ. Но какъ ни много скорби выражается въ стихотвореніяхъ Полежаева, ни одно не способно взволновать, потрясти вашу душу въ такой степени, какъ многія стихотворенія Некрасова. Конечно, большую роль играетъ здѣсь разница въ силѣ таланта. Но одна эта разница еще ничего не объясняетъ. Все-таки остается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему же именно сила была употреблена такъ, а не иначе? Что заставило Некрасова свою бо̀льшую силу употребить на выраженіе никакихъ иныхъ чувствъ, какъ именно на выраженіе скорби, подобно Полежаеву, поэту, о правахъ котораго на подобную же трату своего маленькаго таланта не можетъ быть никакихъ сомнѣній?

Подобныя кажущіяся противорѣчія между жизнію Н. А. Некрасова и характеромъ его стихотвореній обращали на себя вниманіе весьма многихъ, и не разъ прорывались въ литературѣ намеки и даже прямыя указанія на нихъ. Составилось даже ходячее мнѣніе, за которое особенно крѣпко держались литературные враги покойнаго поэта, что будто Н. А. Некрасовъ искуственно настраивалъ себя на гражданскую скорбь, подъ вліяніемъ разныхъ модныхъ идей, и что поэтому вся эта скорбь дѣланная, напускная. Но противъ подобнаго злостнаго предразсудка лучшимъ опроверженіемъ представляются самыя стихотворенія Н. А. Некрасова и то неотразимое дѣйствіе, которое производятъ они на каждаго читателя, мало-мальски свѣжаго и незараженнаго никакими предвзятыми предубѣжденіями. Извѣстное дѣло, что какъ бы ни былъ великъ талантъ и какимъ бы искуствомъ ни обладалъ онъ по части поддѣлыванья къ чужимъ чувствамъ, онъ никогда не будетъ способенъ всецѣло овладѣть душею читателю, если въ самомъ сердцѣ писателя не найдется никакихъ струнъ, соотвѣтствующихъ выражаемому чувству. Самое бо̀льшее, что ему можетъ удаться, это съ точною вѣрностью передать внѣшній, такъ сказать, обликъ чувства, дать вамъ объективное представленіе о способахъ и мотивахъ его выраженія; но между подобнымъ объективнымъ представленіемъ и личнымъ проникновеніемъ даннымъ чувствомъ лежитъ непроходимая пропасть.

Что бы вы ни говорили о возможности имѣть такіе вос-

пріимчивые нервы, которые могли бы мгновенно отзываться на какія угодно чувства, совершенно независимо отъ субъективной настроенности поэта, вы не убѣдите въ томъ, чтобы субъективная настроенность не играла здѣсь никакой роли, чтобы поэтъ могъ уподобиться музыкальному инструменту, способному безразлично извлекать какіе угодно звуки. Не говоря уже о томъ, что самая эта нервная воспріимчивость можетъ или притупляться, или, напротивъ того, обостряться подъ вліяніемъ личныхъ условій жизни поэта, но и оставаясь тою же самою, она непремѣнно, подвергаясь вліянію этихъ условій, должна направляться въ ту или другую сторону.

Чтобы разрѣшить эти мнимыя противорѣчія, слѣдуетъ обратиться къ фактамъ жизни Н. А. Некрасова. Они тотчасъ же покажутъ намъ, откуда взялись скорбные звуки некрасовской музы. Въ томъ то и дѣло, что подъ наружнымъ видомъ счастливца, которому многіе завидовали, въ лицѣ Н. А. Некрасова таился человѣкъ, испытавшій много тяжелыхъ минутъ въ своей жизни. Это обстоятельство именно и дѣлало его столь чуткимъ къ народному горю, по пословицѣ, «сердце сердцу вѣсть подаетъ»; оно-то, конечно, и было причиною, что музы ласково поющей и прекрасной не помнилъ надъ собой онъ пѣсни сладкогласной, и что напротивъ того рано надъ нимъ

. . . отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ..

Отецъ Н. А. Некрасова, Алексѣй Сергѣевичъ, былъ помѣщикъ средней руки, армейскій офицеръ, не блестѣвшій, какъ видно, особеннымъ образованіемъ, судя по слѣдующимъ стихамъ изъ поэмы «Мать»:

Безспорно онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но нравъ его, привычки, воспитанье...
Умѣетъ ли онъ имя подписать?

Бóльшую часть своей службы онъ состоялъ въ гражданскихъ должностяхъ, то при какомъ-нибудь полку, то при какомъ-нибудь генералѣ. Эти адъютантскія должности соединялись съ постоянными разъѣздами, такъ что Алексѣй Сергѣевичъ очень часто бывалъ то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ Варшавѣ. По однимъ извѣстіямъ, въ Варшавѣ, а по другимъ—въ Херсонской Губерніи, онъ случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната Андрея Закревскаго и влюбился въ старшую дочь его

Александру Андреевну, которая и съ своей стороны отвѣчала склонности молодого русскаго офицера. Но о согласіи родителей, игравшихъ въ Варшавѣ видную роль, нечего было и думать. Что могло быть общаго между бѣднымъ, едва граматнымъ армейскимъ офицеромъ и дочерью знатнаго польскаго богача, получившей изысканное образованіе, красавицы, окруженной поклонниками, по богатству и знатности не уступавшими ея родителямъ? Тогда, не долго думая, Алексѣй Сергѣевичъ увезъ свою возлюбленную прямо съ бала и обвѣнчался съ нею по дорогѣ въ свой полкъ. Разгнѣванный тесть отвергъ свою дочь и не выдалъ ей капитала, назначеннаго ей въ приданое. И вотъ жизнь изнѣженной и привыкшей къ роскоши польской панни съ перваго же дня потянулась среди всякаго рода лишеній и дрязгъ походной армейской жизни. Пространствовавъ еще нѣсколько лѣтъ съ полкомъ, дослужившись до чина капитана, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился съ семействомъ въ родовомъ своемъ имѣніи Ярославской Губерніи и уѣзда, въ сельцѣ Грешневѣ, на почтовомъ трактѣ, на знаменитой владимірской дорогѣ.

Въ опроверженіе тѣхъ ложныхъ слуховъ, какіе ходятъ на Руси объ обширныхъ будто бы наслѣдственныхъ владѣніяхъ Н. А. Некрасова, считаю нелишнимъ сообщить объ этомъ предметѣ свѣдѣнія, переданныя мнѣ сестрою покойнаго поэта, Анною Алексѣевною Буткевичъ. «Сельцо Грешнево, сообщаетъ она:—начинавшееся и оканчивавшееся столбами съ надписью столько-то душъ, принадлежавшихъ гг. Некрасовымъ, составляла только небольшую часть родовыхъ нашихъ помѣстій, находившихся кромѣ Ярославской, еще въ Рязанской, Орловской и Симбирской губерніяхъ. Въ одно время, довольно отдаленное, все имѣніе представляло въ цѣломъ нѣсколько тысячъ душъ. Изъ нихъ прадѣдъ нашъ (воевода) проигралъ половину; дѣдъ нашъ, штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ, проигралъ вторую; отцу нашему проигрывать было нечего, а въ карты играть онъ тоже любилъ. Къ выходу его въ отставку, по случаю раздѣла имѣнія съ братьями, на всѣхъ т. е. трехъ братьевъ и двухъ сестеръ оставалось 400 душъ».

Изъ этого сообщенія мы можемъ заключить, что имѣніе родителей Н. А. Некрасова едва ли превышало 100 душъ. Между тѣмъ, семейство Алексѣя Сергѣевича было весьма многочисленно: всего было 13 братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ въ живыхъ остались въ настоящее время лишь два брата Н. А. Некрасова, Константинъ и Ѳедоръ Алексѣевичи и одна сестра, Анна Алексѣевна. Алексѣй Сергѣевичъ, повидимому, не отличался скопидомствомъ, жизнь велъ разгульную, страстно любя охоту и карты; кромѣ того, велъ какія-то тяжбы по имѣнію, что еще болѣе

разстраивало благосостояніе семьи и послѣдняя становилась не рѣдко въ затруднительное положеніе. Соображая все это, мы можемъ заключить, что если на долю Н. А. Некрасова и досталось кое-что родовое, то это могли быть лишь жалкія крохи.

«Сельцо Грешнево, сообщаетъ далѣе сестра покойнаго поэта:— стоитъ на низовой ярославско-костромской дорогѣ. Трактъ этотъ назывался Владимірскимъ и Симбирскимъ. Барскій домъ выходилъ на самую дорогу, и все, что по ней ѣхало и было видно, начиная съ почтовыхъ троекъ и кончая арестантами, закованными въ цѣпи въ сопровожденіи конвойныхъ, было постоянной пищей нашего дѣтскаго любопытства. Во всемъ остальномъ Грешневская усадьба ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго типа тогдашнихъ помѣщичьихъ усадебъ. Мѣстность ровная, плоская, перерѣзываемая извилистою рѣчкою Самаркою. Передъ нею пастбища, луга, нивы, а позади безконечные дремучіе лѣса, сливающіеся съ съ горизонтомъ. Невдалекѣ Волга.

«Въ самой усадьбѣ болѣе всего замѣчателенъ старый обширный садъ, обнесенный рѣшетчатымъ заборомъ, остатки котораго сохранились донынѣ. Ничего остального нѣтъ и слѣда. Гдѣ стоялъ обширный домъ, тамъ теперь скромное зданіе съ надписью: «Распивочно и на выносъ»—и ничего больше. Самый трактъ, по случаю сильныхъ весеннихъ разливовъ, давно упразднень: почтовая гоньба идетъ теперь по другому, высокому берегу Волги, гдѣ въ старое время почта ѣздила только весною, по случаю бездорожицъ. Куда какъ глухо тамъ теперь стало. Не вѣрится, что 20 верстъ до Ярославля и 40 до Костромы».

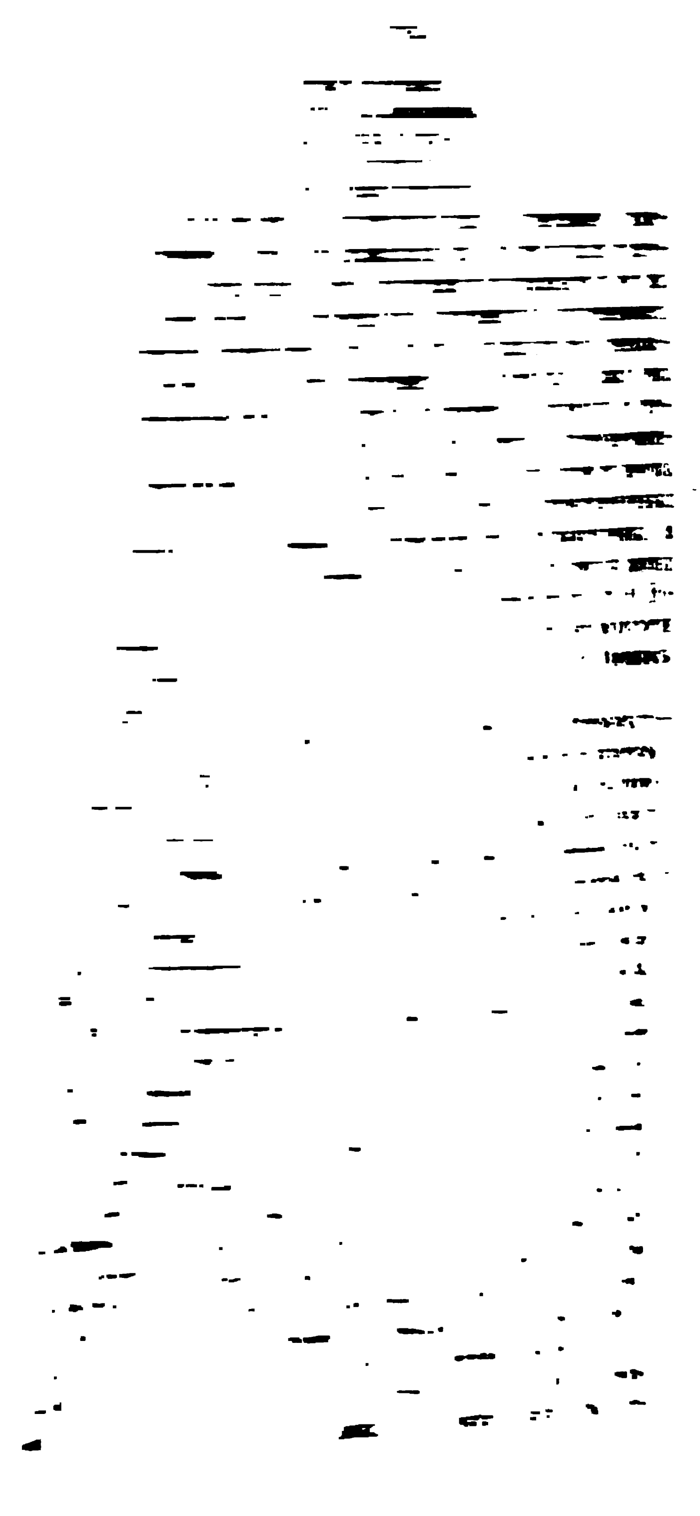
Николай Алексѣевичъ родился во время еще походной жизни отца, въ 1821 году 22 ноября, въ Подольской Губерніи въ Винницкомъ Уѣздѣ, въ какомъ-то жидовскомъ мѣстечкѣ. Онъ очень рано началъ помнить себя. По крайней мѣрѣ, въ памяти его живо сохранился со всѣми подробностями эпизодъ вступленія въ наслѣдственный пріютъ, между тѣмъ, какъ ему было тогда всего три года. «Я помню, разсказывалъ онъ впослѣдствіи матери:—какъ мы подъѣхали къ дому, какъ меня взяли на руки; кто-то свѣтилъ, идя впереди, и внесли въ комнату, въ которой былъ на половину снятъ полъ и виднѣлись земля и поперечины. Въ слѣдующей комнатѣ я увидалъ двухъ старушекъ, сидѣвшихъ передъ нагорѣвшей свѣчей, другъ противъ друга, за большимъ столомъ (это были бабушка и тетка Алексѣя Сергѣевича). Онѣ вязали чулки и обѣ были въ очкахъ». Хорошая память всю жизнь составляла одно изъ главныхъ качествъ ума Н. А. Некрасова.

Но не веселыя картины дѣтства сохранились въ этой, такъ

рано пробудившейся памяти. Помѣщичья жизнь обернулась къ мальчику не тѣми нѣжущими и усыпляющими сторонами, какими прославилась знаменитая «Обломовка», а, напротивъ того, мрачными куролесовскими чертами, напрягающими и раздражающими нервы, преждевременно ожесточающими или запугивающими. Въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Н. А. Некрасовъ даетъ намъ ясное представленіе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ родительскаго дома. Я считаю не лишнимъ припомнить читателю эти стихотворенія, приведя изъ нихъ извлеченія. Такъ, лирическое стихотвореніе «Родина» всецѣло посвящено воспоминаніямъ дѣтства:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...
. . . .
Вотъ сѣрый старый домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ,
А встарь? Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце ныло,
Я къ нянѣ убѣгалъ. . . . .
. . . .
Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!..
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ синій боръ —
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада —
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Въ поэмѣ «Несчастные» подобныя же дѣтскія воспоминанія рисуются еще въ болѣе подробныхъ и рѣзкихъ чертахъ:

Для дополненія нерадостной картины, представьте вы себѣ, что тутъ же на глазахъ мальчика плакала и увядала молодая, прекрасная женщина, угнетенная безобразіями всего этого содома, непригрѣтая и оскорбленная во всѣхъ своихъ самыхъ завѣтныхъ чувствахъ—и эта женщина была мать несчастнаго ребенка. Вышедшая изъ болѣе цивилизованной среды и получившая блестящее образованіе, она, конечно, была лучомъ свѣта среди того непрогляднаго мрака, какой окружалъ дѣтство Н. А. Некрасова. Вліяніе ея на дѣтей было, конечно, громадно и нужно ли прибавлять, что въ высшей степени благотворно. Недаромъ Н. А. Некрасовъ такъ часто вспоминалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ и постоянно относился къ ней съ страстнымъ благоговѣніемъ, какъ къ своему ангелу хранителю, которому онъ обязанъ въ себѣ всѣмъ святымъ и хорошимъ. Такъ, въ поэмѣ «Мать», спеціально посвященной ея воспѣванію, вотъ что свидѣтельствуетъ онъ о ея благотворномъ вліяніи на всѣхъ окружающихъ и на него въ томъ числѣ:

Душа твоя—она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
Въ величьи дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ
Я понялъ ихъ—я палъ передъ ними ницъ,
Я ихъ пою (даруй мнѣ силы небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишній разъ не сжало чувство страха
Его души—ты то дала рабамъ —
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ...
Быть можетъ, даръ бѣднѣе капли въ морѣ,
Но двадцать лѣтъ! Но тысячи сердецъ,
Чей идеалъ—убавленное горе,
Границы зла открыты наконецъ!

Твой властелинъ—наслѣдственные нравы
То покидалъ, то буйно проявлялъ,
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ, —
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души тлетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою

За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Если мы возьмемъ въ разсчетъ сильное, неотразимое нравственное вліяніе, какое оказывала мать на своего сына и которое, безъ сомнѣнія, еще болѣе усиливало привязанность его къ ней, то можно себѣ представить, что̀ долженъ былъ чувствовать несчастный мальчикъ при видѣ слезъ и рыданій этого прекраснаго существа, всѣхъ тѣхъ униженій и оскорбленій, какія она безропотно переносила, наконецъ, холодности и измѣны со стороны общаго тирана. Подумайте, какое мрачное, ѣдко-непримиримое ожесточеніе на всю жизнь долженъ былъ вынести юноша изъ всего этого ада кромешнаго. А что всѣ вышеприведенныя выдержки изъ стихотвореній представляютъ не вымышленныя, а живыя черты, непосредственно относящіяся къ личной жизни поэта, въ этомъ можетъ убѣдить насъ свидѣтельство г. Ѳ. Достоевскаго, знавшаго Н. А. Некрасова въ эпоху его молодости и передающаго о немъ слѣдующее воспоминаніе (см. «Дневникъ писателя», № 12, 1877 г.):

«Лично мы сходились мало и рѣдко, говоритъ г. Достоевскій: — и лишь однажды вполнѣ съ беззавѣтнымъ, горячимъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знакомства, въ сорокъ пятомъ году, въ эпоху «Бѣдныхъ людей». Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя, разъ навсегда, обрисовался передо мною этотъ загадочный человѣкъ самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было раненное въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то *никогда не зажившая* рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь. *Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери — и то, какъ говорилъ онъ о своей матери, та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали уже и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужитъ ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись гдѣ-нибудь украдкой, чтобъ не видали (какъ расказывалъ онъ мнѣ) съ мученицей-матерью, съ существомъ, столь любившимъ его.* Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни его не могла бы также, какъ эта, по-

вліять и властительно подѣйствовать на волю и на иныя темныя неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь...»

Въ дореформенной помѣщичьей жизни мы встрѣчаемъ многочисленные примѣры, что дѣти, воспитавшіяся при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ воспитывался Н. А. Некрасовъ, въ первые же годы дѣтства получали стремленіе сближаться съ народомъ. Естественно, что ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общій гнетъ или общее горе. Отъ шума и содома грязныхъ оргій и дикихъ порывовъ необузданнаго гнѣва малютки убѣгали въ дѣвичьи, въ людскіе флигеля, а не то и въ деревню, если она была по близости отъ усадьбы. Тамъ они находили свои дѣтскія привязанности среди простого люда, страдали за нихъ и съ ними, плакали и заступались за своихъ любимцевъ. Одинъ изъ сверстниковъ Н. А. Некрасова, еще болѣе знаменитый, чѣмъ онъ, и принесшій своему отечеству еще болѣе значительныя заслуги, провелъ свое дѣтство подъ такимъ же гнетомъ со стороны родительскаго деспотизма, и онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ этотъ гнетъ вліялъ на сближеніе его съ слугами. Тоже самое, безъ сомнѣнія, было и съ Н. А. Некрасовымъ, какъ мы уже отчасти видѣли въ одномъ изъ приведенныхъ нами стихотвореній:

Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ.

«За нашимъ садомъ, сообщаетъ объ этомъ предметѣ сестра покойнаго поэта:—непосредственно начинались крестьянскія избы. Я помню, что это сосѣдство было постояннымъ огорченіемъ для нашей матери: толпа ребятишекъ, нарочно избиравшая для своихъ игръ мѣсто возлѣ рѣшетки усадебнаго сада, какъ магнитъ притягивала туда брата, никакія преслѣдованія не помогали. Впослѣдствіи онъ продѣлалъ лазѣйку и при каждомъ удобномъ случаѣ вылѣзалъ къ нимъ въ деревню, принималъ участіе въ ихъ играхъ, которыя не рѣдко оканчивались общей дракой. Иногда, высмотрѣвъ, когда отецъ уходилъ въ мастерскую, гдѣ доморощенный столяръ Баталинъ изготовлялъ незатѣйливую мебель, братъ зазывалъ къ себѣ своихъ пріятелей. Бѣловолосыя головы одна за другою пролѣзали въ садъ, разсыпались по аллеямъ и начинали безразличное опустошеніе отъ цвѣтовъ до зеленой смородины и пр.; заслыша гамъ, старуха нянька, принаровившаяся выживать «пострѣловъ», трусила съ другого конца сада, крича: «баринъ, баринъ идетъ». Спугнутые ребята бросались опрометью къ своей лазѣйкѣ. Впослѣдствіи, когда братъ уже былъ въ гимназіи и пріѣзжалъ въ деревню на каникулы, сношенія съ

пріятелями возобновлялись: онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, бродилъ съ ними по лѣсамъ или отправлялся на рѣку удить рыбу. Еще позднѣе, когда пріѣзжалъ уже изъ Петербурга (съ 1844 года), тѣ же пріятели возили его въ своихъ незатѣйливыхъ экипажахъ на охоту».

Въ тоже самое время, какъ было уже говорено выше, передъ окошками родительской усадьбы постоянно мелькали сцены изъ народной жизни весьма мрачнаго характера: бурлаки, охая и крехтя, тянули свои лямки, оглашая окрестность своими заунывными пѣснями; по дорогѣ проходили, звѣня цѣпями, этапы съ каторжниками. Прибавьте къ этому, что одно время отецъ его былъ исправникомъ и любилъ часто, скуки ради, брать сына въ разъѣзды по дѣламъ службы. Такимъ образомъ, мальчикъ 12—13 лѣтъ присутствовалъ при разныхъ сценахъ народной жизни, иногда очень печальныхъ и раздирающихъ душу, при уголовныхъ слѣдствіяхъ,. при вскрытіи труповъ и кулачныхъ расправахъ въ духѣ прежняго времени. Все это и само по себѣ должно было тяжело дѣйствовать на воспріимчивые нервы мальчика, но это дѣйствіе, конечно, было еще сильнѣе на ребенка несчастнаго и угнетеннаго, ребенка, который самъ дрожалъ, какъ осиновый листъ, смотря, какъ въ ногахъ у его отца валялся, прося помилованія, какой-нибудь провинившійся мужикъ, весь въ грязи и крови... Понятно послѣ того, что въ то время, какъ заунывныя пѣсни и жалобы бурлаковъ безслѣдно пронеслись мимо ушей ни одного изъ нашихъ поэтовъ, подобно Н. А. Некрасову проведшихъ дѣтство на Волгѣ, на послѣдняго они произвели такое потрясающее впечатлѣніе, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ намъ въ своей поэмѣ «На Волгѣ»:

«Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ —
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что разсказали мнѣ,
Я бредилъ. Няню испугалъ:
«Сиди, родименькій, сиди!
Гулять сегодня не ходи!
Но я на Волгу убѣжалъ.
Богъ вѣсть, что сдѣлаюсь со мной?
Я не узналъ рѣки родной:
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубокъ;
Ужъ не манитъ на острова
Ихъ ярко-свѣтлая трава,
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же самыхъ волнъ

Иною музыкою полнъ!
О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!.
Что я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей дѣтей,
Какія клятвы я давалъ—
Пускай умреть въ душѣ моей,
Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!

Началомъ своего умственнаго развитія Н. А. Некрасовъ былъ обязанъ, въ свою очередь, конечно, матери, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ въ своей поэмѣ «Мать». Ст. 12

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догорѣвшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилось порою,
И голосъ твой мнѣ слышался въ потьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.
Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живаго міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
Гдѣ ты душой страдалица жила,
Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела!

Рано, съ семилѣтняго возраста началъ мальчикъ писать стихи и у матери его сохранились первыя его безсвязныя младенческія вирши, (начинавшіяся такъ:

Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ
И разсмотрите,
Годится ли куда нибудь.

Впослѣдствіи онъ читалъ все безъ разбора, что попадалось въ руки и, по собственнымъ словамъ его, «что прочитаетъ, тому и подражаетъ». Такимъ образомъ къ 15 годамъ составилась у него уже цѣлая тетрадь, съ которой онъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

Что же касается первоначальнаго обученія, то имъ занимались съ дѣтьми наемные учителя изъ ярославскихъ семинаристовъ, а въ 1832 году Н. А. Некрасовъ былъ опредѣленъ въ ярославскую гимназію. Изъ подъ суроваго гнета родительскаго дома одинадцатилѣтній мальчикъ попалъ вдругъ на безграничную свободу почти вполнѣ самостоятельной жизни: онъ поступилъ въ гимназію приходящимъ, а для жительства ему съ бра

томъ была нанята отдѣльная квартира въ городѣ, а къ нимъ приставленъ былъ для прислуживанья и надзора крѣпостной человѣкъ, при чемъ, конечно, ужь праздники и каникулы братья проводили дома, въ деревнѣ.

Такой внезапный переходъ отъ строгости домашней ферулы на безграничную свободу, при отсутствіи всякаго разумнаго надзора и попеченія за дѣтьми, самъ по себѣ не представлялъ ничего утѣшительнаго. Но зло еще увеличивалось недобросовѣстностью дядьки. Ему полагалось на содержаніе, какъ себя, такъ и дѣтей по 50 копеекъ въ сутки, и деньги сдавались ему на руки, но онъ 20 копеекъ удерживалъ себѣ и тратилъ ихъ на выпивку, просиживая по цѣлымъ днямъ въ кабакѣ, а тридцать копеекъ отдавалъ дѣтямъ, предоставляя имъ кормиться на нихъ, гдѣ и какъ угодно. Они не отставали отъ своего пестуна и въ свою очередь шатались по трактирамъ.

Квартира Некрасовыхъ сдѣлалась притономъ всякаго рода гимназическихъ шалостей, сначала дѣтскихъ, а потомъ уже и не дѣтскихъ. Ученье шло при этомъ, разумѣется, не завидно. Особенно не удавались Н. А. Некрасову древніе языки. Однакожъ, все-таки въ теченіе шести лѣтъ онъ дотянулъ кое какъ до 5-го класса. По всей вѣроятности, онъ прошелъ бы и весь курсъ, но, къ несчастью, примѣшались весьма натянутыя отношенія къ начальству. Продолжая неуклонно писать стихи, Н. А. Некрасовъ между прочимъ написалъ нѣсколько шуточныхъ и скабрезныхъ сатиръ на товарищей и на гимназическое начальство. Сатиры эти съ восторгомъ читались и заучивались наизусть товарищами, но когда, наконецъ, дошли они до начальства, оставаться долѣе въ гимназіи было немыслимо.

Въ одно время съ этимъ преждевременнымъ выходомъ изъ гимназіи произошло событіе, произведшее на юношу не менѣе потрясающее впечатлѣніе: это была смерть любимаго брата Андрея, первая потеря близкаго человѣка. По словамъ сестры Николая Алексѣевича, эта потеря произвела сильный нравственный переворотъ въ юношѣ: онъ словно очнулся отъ той распущенности, въ какой провелъ свои гимназическіе годы, и впервые серьёзно задумался о своей участи. Подобныя размышленія, безъ сомнѣнія, еще болѣе обострялись тѣмъ опальнымъ положеніемъ, какое испытываетъ въ родительскомъ домѣ юноша, исключенный изъ училища. Отецъ Некрасова, послѣ неудачи сына въ гимназіи, рѣшился послать его доканчивать ученіе въ Петербургъ въ «Дворянскій полкъ» (одинъ изъ тогдашнихъ корпусовъ, бывшій на Петербургской Сторонѣ). Этимъ исполнялось всегдашнее желаніе его, чтобы сынъ шелъ по его пути въ военную службу. И вотъ

съ родительскимъ письмомъ отъ пріятеля отца, ярославскаго прокурора Полозова, къ начальнику III округа корпуса жандармовъ генералу Полозову и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тетрадкою стиховъ, отправился 15-лѣтній мальчикъ одинъ одинёхонекъ, скудно снабженный матеріальными средствами изъ деревенской глуши въ омутъ столичной жизни. Въ которомъ это было году, объ этомъ существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Такъ, въ краткой біографіи, приложенной къ изданію стихотвореній Н. А. Некрасова «Русская библіотека» вып. VII, и написанной со словъ Н. А. Некрасова, означенъ 1839 г. Между тѣмъ, по сообщенію сестры покойнаго, онъ отправился въ Петербургъ въ 1838 году. Самъ же Николай Алексѣевичъ, при мнѣ и при другихъ свидѣтеляхъ, говорилъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1837 году, именно въ годъ смерти Пушкина, при чемъ онъ особенно подчеркивалъ это совпаденіе. Это послѣднее извѣстіе вполнѣ согласуется и съ разсказами Н. А. о первыхъ своихъ мытарствахъ въ Петербургѣ, при чемъ онъ представлялъ себя во время этихъ мытарствъ 15-лѣтнимъ мальчикомъ; въ 1839 же году ему было уже 17 лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, годъ, въ который Н. А. Некрасовъ прибылъ въ столицу, принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ, какъ въ русской жизни вообще, такъ въ литературѣ въ особенности. Жизнь, казалось, совершенно замерла и оконченѣла. Ни малѣйшаго просвѣта въ будущемъ, ни тѣни какого-либо движенія въ настоящемъ. Разъединенность, мелкость интересовъ, скука и апатія безусловно царствовали во всѣхъ слояхъ общества. Только въ Москвѣ шевелилось въ тиши кое-что похожее на нѣкоторое умственное броженіе, въ отвлеченныхъ сферахъ метафизики. Тамъ слагались новыя философско-литературныя партіи, готовыя лѣтъ черезъ пять выступить на состязаніе, воспитывались и развивались новыя, могучія силы. Петербургъ же представлялъ изъ себя полнѣйшую мерзость запустѣнія, совершенно согласно съ слѣдующимъ началомъ одного малоизвѣстнаго стихотворенія Н. А. Некрасова:

Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было.
Скончался Пушкинъ—безъ него
Любовь къ ней въ публикѣ остыла.
Ничья могучая рука
Ея не направляла къ цѣли,
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.

Это была эпоха тріумвирата Сенковскаго, Греча и Булгарина, которые безусловно царили въ петербургской прессѣ, раздавали вѣнки на славу и безсмертіе своимъ приверженцамъ и кліентамъ и глу-

мились свысока надъ такими дорогими русскими именами, какъ Гоголь и Лермонтовъ. Полевой въ это время не тревожилъ уже молодыя сердца задоромъ романтическаго свободомыслія. «Телеграфъ» давно былъ закрытъ, и издатель его мыкался по петербургскимъ редакціямъ и книжнымъ лавкамъ, принижаясь до кумовства съ вышепоименованными тріумвирами и подлаживаясь подъ господствующій въ литературѣ ихъ камертонъ, ругалъ Гоголя, ставилъ на сцену патріотическія драмы и издавалъ спекулятивныя книжонки, помышляя лишь о прокормленіи семейства. Бѣлинскій былъ извѣстенъ въ этой литературѣ, какъ недоучившійся мальчишка, задорный московскій крикунъ, разражающійся гегелевскими цитатами съ чужого голоса, и надъ нимъ тоже глумились свысока. Его звѣзда только что восходила. Онъ сотрудничалъ еще въ жалкихъ, едва влачившихъ свое существованіе московскихъ журнальцахъ, и къ тому же былъ увлеченъ въ то время правымъ лагеремъ гегелизма, что въ сильной степени затемняло его природное, геніальное, критическое чутье. Литературныя свѣтила первой величины, Жуковскій, Лермонтовъ—чуждались литературныхъ кружковъ и пребывали въ великосвѣтскихъ и придворныхъ сферахъ. Гоголь, только-что замышлявшій «Мертвыя Души», бѣжалъ за границу, смущенный и разочарованный тѣми враждебными толками, какіе возбудилъ въ полуобразованномъ обществѣ его «Ревизоръ»; онъ былъ уже исполненъ мистицизма и былъ уже объятъ той душевной болѣзней, которая разрушила его талантъ и свела его въ преждевременную могилу. Литературные кружки состояли изъ посредственностей, въ родѣ Кукольника, Воейкова, Р. Зотова, Тимоѳеева, Вернета, Межевича и т. п., которые воображали себя геніями и, въ напыщенномъ самолюбіи, то ублажали другъ друга грубою лестью, то грызлись, осыпая другъ друга оскорбительными колкостями и бранью устно и печатно. Въ то же время, на первомъ планѣ во всѣхъ этихъ кружкахъ господствовала спекуляція. Это былъ вѣкъ необузданнаго литературнаго ажіотажа, когда впервые люди вполнѣ ясно сознали, что литература не есть одно безкорыстное служеніе музамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и коммерческое дѣло, при удачномъ веденіи котораго можно наживаться. И вотъ различнаго рода литературныхъ дѣлъ мастера и лавочники, люди безъ всякихъ убѣжденій, безъ знанія дѣла, иногда и съ весьма покладливою совѣстью, съ алчностью ухватились за эту сторону литературной промышленности—и духъ спекуляціи всецѣло воцарился въ петербургской литературѣ, заразивъ даже и такія когда-то почтенныя личности, какъ Н. А. Полевой. Въ печати духъ этотъ выразился цѣлымъ рядомъ эфемерныхъ изда-

вій, въ родѣ «Панорамы С.-Петербурга» Башуцкаго, энциклопедическаго лексикона Плюшара, «Утренней Зари» Владиславлева, массы всякаго рода альманаховъ, сборниковъ и лубочныхъ, на скорую руку состряпанныхъ изданій для полуобразованнаго класса, исторій великихъ людей, сказокъ, иностранныхъ романовъ скабрёзнаго содержанія, и т. п. Еще болѣе усилился этотъ спекулятивный духъ, когда перестали разрѣшать основаніе новыхъ журналовъ; тогда существовавшіе журналы стали перепродаваться за значительныя суммы. Нѣкоторые изъ немногихъ, имѣвшихъ привилегіи на изданіе журналовъ и коекакъ издававшіе ихъ—ловко воспользовались этимъ и перепродавали ихъ, дѣлая такимъ образомъ очень хорошія спекуляціи. Вотъ въ этомъ-то омутѣ пришлось провести Н. А. Некрасову первыя самыя нѣжные и впечатлительные года своей юности. Очень можетъ быть, что этой школѣ онъ былъ обязанъ и тѣмъ литературно-промышленнымъ практицизмомъ, какой развился въ немъ ко времени знакомства съ Бѣлинскимъ. Вы подумайте только, что юный, 16-ти лѣтній литературный работникъ, какъ волъ трудившійся ради скуднаго заработка, вмѣсто какого-либо правильнаго развитія въ разумномъ кружкѣ, въ духѣ тѣхъ или другихъ идей, только и слышалъ, что одни спекулятивно-копеечные разсчеты; вокругъ него то и дѣло раздувались и лопались литературно-коммерческія предпріятія и долгое время, цѣлые годы, литературное дѣло было обращено къ нему преимущественно своею матеріально-промышленною стороною.

Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Некрасовъ не покидалъ еще намѣренія поступить въ Дворянскій полкъ, явился къ Полозову съ рекомендательнымъ письмомъ, былъ имъ представленъ Ростовцову, и дѣло было почти рѣшено. Но случайная встрѣча съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Глушицкимъ, перерѣшила всю судьбу юноши. Глушицкій началъ отговаривать своего товарища отъ поступленія въ корпусъ и развивать передъ нимъ всѣ преимущества университетскаго образованія, и такъ увлекъ его, что Некрасовъ рѣшился во что бы то ни стало идти въ университетъ. Остановка была за вступительными экзаменами, такъ какъ Некрасовъ былъ слабъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, но Глушицкій познакомилъ своего товарища съ профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ и они вдвоемъ взялись приготовить Некрасова въ университетъ. Тогда Некрасовъ сообщилъ Полозовымъ о своемъ намѣреніи промѣнять Дворянскій полкъ на университетъ. Они одобрили это намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Когда, наконецъ,

узналъ объ этомъ отецъ Некрасова, онъ воспылалъ сильнымъ гнѣвомъ на ослушнаго сына и отписалъ ему, что если онъ не отложитъ своего намѣренія идти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, такъ чтобъ онъ впредь не разсчитывалъ ни на одну копейку родительской помощи, а существовалъ какъ и чѣмъ знаетъ.

Такимъ образомъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ очутился безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякаго положенія съ 150 рублями въ карманѣ и съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому Н. А. Некрасовъ жилъ до конца своихъ дней. Тогда Глушицкій принялъ еще болѣе горячее участіе въ своемъ обездоленномъ товарищѣ и предложилъ ему жить вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ. На возраженіе Некрасова, что у него нѣту никакихъ средствъ, онъ отвѣчалъ: «что у него тоже очень мало, но какъ-нибудь перебьемся».

И вотъ Некрасовъ поселился къ Глушицкому на Малую Охту. Довольствоваться имъ приходилось дѣйствительно очень немногимъ: у Глушицкаго былъ еще крѣпостной мальчикъ, приставленный къ нему родителями — и они не могли тратить болѣе 15 коп. на троихъ на обѣдъ, который брали изъ какой-то ужасающей кухмистерской. Пріятныя, должно быть, впечатлѣнія оставили на себѣ эти пятнадцати-копеечные обѣды на троихъ, когда Некрасовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, серьёзно говорилъ, что именно этимъ обѣдамъ онъ былъ обязанъ зародышемъ той болѣзни, которая сводила его, 40 лѣтъ спустя, въ гробъ. Потомъ Некрасовъ перебрался къ профессору Успенскому, у котораго ему было все-таки немного посытнѣе, хотя и довольно иногда безпокойно. Это былъ человѣкъ добрый и очень усердно занимался со своимъ ученикомъ классическими языками.

Пришелъ экзаменъ. Приготовленіе Успенскаго оказалось такимъ успѣшнымъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ ему на пріемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка 5 «съ плюсомъ»; «но въ физическихъ наукахъ, читаемъ мы въ біографіи при «Русской Библіотекѣ» г. Стасюлевича: самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ физики онъ не можетъ получить отмѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже пріобрѣтена на экзаменахъ географіи у профессора Касторскаго».

«Въ виду такого печальнаго обстоятельства, Некрасовъ рѣ-

шился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ—историко-филологическій), и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтѣ. На основаніи этого обѣщанія, Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, и вслѣдствіе того въ совѣтѣ о немъ не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ исаакіевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839 — 1841 годовъ».

Матеріальное положеніе Некрасова во все это время было самое отчаянное: приходилось пробиваться кое-какъ грошовыми урочками и случайными журнальными работами, которыя не всегда были подъ рукою. «Ровно три года, говорилъ Некрасовъ:—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ. Приходилось ѣсть нетолько плохо, нетолько въ проголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь»... Силы Некрасова постоянно надрывались, и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объясняли причину болѣзни продолжительнымъ голоданіемъ и приговорили уже его къ смерти. Однакоже, молодой и крѣпкій организмъ вынесъ болѣзнь, оставившую все-таки, по убѣжденію Некрасова, свои слѣды на всю жизнь его.

Нужно ли говорить о томъ, что матеріальное положеніе, и безъ того незавидное, было окончательно подорвано этою болѣзнію. Приходилось пользоваться милостью квартирныхъ хозяевъ, какого-то отставного унтеръ-офицера и его жены, у которыхъ онъ нанималъ комнату на Разъѣзжей Улицѣ. Задолжалъ имъ Некрасовъ во время болѣзни рублей сорокъ. «Хозяинъ, разсказываетъ онъ:—еще ничего, но хозяйка сильно безпокоилась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкою постоянно слы-

шались разговоры по этому поводу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ко мнѣ явился хозяинъ, объяснилъ свои опасенія съ полною откровенностью и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемоданъ, книги и остальныя вещишки. Я написалъ. Думаю: чего добраго, не станутъ и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало, однако, лучше, и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Разъѣзжей на Выборгскую Сторону, къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ, говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполнѣ удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ отдалъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку. Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласилъ меня съ собою куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный, полуразвалившійся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 коп.»

Замѣчательно, что тутъ же, почти рядомъ съ такою страшною нищетою, голодомъ и трущобными сценами притона нищеты, Н. А. Некрасовъ видалъ передъ собою картины сытой и праздной роскоши и даже самъ порою участвовалъ на ея утонченныхъ пирахъ. «Въ тѣ времена, читаемъ мы въ вышеупомянутой біографіи «Русской Библіотеки»:—преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодёжь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человѣкъ, съ бюджетомъ чуть не въ нѣсколько копеекъ въ день, легко сближался съ юношами высшихъ и богатыхъ классовъ, — и нетолько сближался, но, благо-

даря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмецкихъ кнейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, взросшій въ деревнѣ, и тутъ-то ознакомился впервые съ обыденною жизнію и нравами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязанныя имъ тогда связи сохранились и впослѣдствіи; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ и хорошо знакомы».

При такой тяжелой борьбѣ за существованіе, Некрасову, конечно, нечего было и думать о правильномъ развитіи таланта путемъ свободнаго и безсрочнаго творчества. Онъ долженъ былъ приняться почти сряду по пріѣздѣ въ Петербургъ, 15-ти лѣтъ, за черный литературный трудъ, въ видѣ разныхъ срочныхъ журнальныхъ работъ, навертывающихся ему случайно. Работалъ онъ такимъ образомъ и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Инвалиду», и въ «Литературной газетѣ» А. Краевскаго, и въ «Сынѣ Отечества» Н. А. Полеваго, съ которымъ познакомилъ его какой-то профессоръ университета, и въ «Пантеонѣ», и въ «Отечественныхъ Запискахъ», писалъ водевили для Александринскаго театра («Шила въ мѣшкѣ не утаишь», ориг. водев. 1841 г.; «Ѳ. А. Бобъ», ориг. водев. 1841 г.; «Актеръ», оригин. водев. 1841 г.; «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису», перев. вод. 1841 г.; «Дѣдушкины попугаи» перев. вод.), былъ поставщикомъ у книгопродавца Полякова азбукъ и сказокъ по его заказу. (Такова, напримѣръ, сказка «Баба-яга», лѣтъ черезъ тридцать вновь изданная по какому-то праву г. Печаткинымъ съ громкимъ именемъ автора). Такимъ образомъ, по собственнымъ его словамъ, онъ написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы. Отъ этой массы написаннаго особенно большая доля приходилась на рецензіи. «Разбирать приходилось, разсказывалъ Николай Алексѣевичъ:—всякія книги, какія только попадались подъ руки, не однѣ художественныя, но подъ часъ и самыя ученыя. Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ знаній на это, ко-

нечно, не хватало; за то выручала публичная библіотека. Пойдешь туда, подымешь всю ученость по предмету книги, ну и ничего, сходило съ рукъ».

Особенно помогъ ему встать на ноги и избавиться отъ крайностей нищеты Григорій Францовичъ Бенецкій, бывшій тогда наставникомъ-наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ и чѣмъ-то въ дворянскомъ полку. Гдѣ и какъ познакомился съ нимъ Некрасовъ—неизвѣстно. Это былъ очень хорошій человѣкъ, судя по словамъ Некрасова, и послѣдній всегда вспоминалъ о немъ съ любовью и уваженіемъ. Онъ содержалъ что-то въ родѣ приготовительнаго пансіона для поступающихъ въ пажескій корпусъ или дворянскій полкъ и предоставилъ Н. А. Некрасову занятіе при этомъ пансіонѣ по всѣмъ русскимъ предметамъ. Это избавило юношу, по крайней мѣрѣ, отъ прелестей ночлеговъ подъ открытымъ небомъ. Бенецкому же былъ обязанъ Некрасовъ и появленіемъ изданія своихъ дѣтскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Мечты и звуки». Матеріальное положеніе его въ 1840 году вообще на столько уже улучшилось, что онъ могъ даже скопить нѣсколько деньжонокъ для этого изданія. Но онъ все-таки, по всей вѣроятности, не рѣшился бы на это дѣло, еслибы его не склонилъ къ тому Бенецкій, обязавшись продать по билетамъ заранѣе рублей на 500. Уже и принявшись за изданіе, Некрасовъ колебался, и на него нашло такое однажды раздумье, что онъ готовъ былъ отказаться отъ дѣла; но было уже поздно: Бенецкій успѣлъ уже продать до сотни билетовъ и деньги были прожиты. Какъ тутъ быть? Въ раздумьи Н. А. Некрасовъ рѣшился пойти за совѣтомъ къ Жуковскому. «Меня принялъ, разсказывалъ Некрасовъ:—сѣденькій, согнутый старичекъ, взялъ книгу и велѣлъ придти черезъ нѣсколько дней. Когда я пришелъ, онъ похвалилъ одно изъ этихъ стихотвореній, сказалъ, что у меня есть талантъ, но къ этому прибавилъ:

— Вы потомъ пожалѣете, если выпустите эту книгу.

Я сказалъ ему на это, что теперь уже поздно, и объяснилъ почему.

— Тогда снимите съ книги ваше имя, посовѣтовалъ Жуковскій».

Некрасовъ послушался этого совѣта, и книжка вышла лишь съ заглавными буквами его фамиліи Н. Н. Это небольшая книжонка въ восьмую долю листа, напечатанная на сѣрой бумагѣ, въ 103 страницы, въ типографіи Егора Алипанова. На заглавной страницѣ выставленъ 1840 годъ, цензурная же отмѣтка съ подписью цензора А. Фрейганга помѣчена 25-го іюля 1839 года. Книга наполнена небольшими лирическими стихотвореніями

вполнѣ дѣтскаго характера. Вы не найдете въ нихъ ни малѣйшаго проблеска позднѣйшаго некрасовскаго таланта. Это рядъ несвязныхъ и безсодержательныхъ виршей, какія въ то время писались весьма многими четырнадцатилѣтними гимназистами подъ обаяніемъ блестящей плеяды предшествовавшихъ поэтовъ, виршей въ родѣ нижеслѣдующихъ:

Я не сплю, не сплю—не спится,
Сердце грустію томится,
Сердце плачетъ въ тишинѣ,
Сердце рвется къ вышинѣ,
Къ безмятежному эѳиру,
Гдѣ одѣтая къ порфиру,
Блещетъ яркая звѣзда.
Ахъ туда, туда, туда,
Къ этой звѣздочкѣ унылой,
Чародѣйственною силой
Занеси меня мечта!.. и пр.

Я считаю не лишнимъ выписать изъ этого изданія въ цѣломъ видѣ лишь одно стихотвореніе, замѣчательное тѣмъ, что это было первое, появившіеся въ печати стихотвореніе Некрасова въ «Сынѣ Отечествѣ» 1838 г. Оно носитъ заглавіе «Мысль»:

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый,
Подъ грустной тѣнію ночного покрывала,
Едва согрѣтъ остатками огня,
Уже давно погаснувшаго дня.
Спи, старецъ, спи!.. отраднаго покоя,
Минути усладятъ заботы сѣдины.
Воспоминаніемъ минувшей старины..
И можетъ быть, въ тебѣ зажжется ретивое,
Огнемъ страстей, погаснувшихъ давно,
И вспыхнетъ для тебя прекрасное былое!..
И можетъ быть, распустится зерно
Въ тебѣ давно угасшей жизни силы,
И новой жизнію заглохшія могилы,
Печальный міръ, повѣютъ надъ тобой!
И снова ты проснешься отъ дремоты,
И снова юноша съ пылающей душой,
Забудешь старые, утраченные годы,
И будешь жить ты жизнью молодой,
Какъ въ первый день созданія природы!..
. . . .
. . . .
Нѣтъ! тотъ же все проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлѣй безъ покрывала..
Скрой безобразье наготы,
Опять подъ мрачной розой ночи!
Поддѣльнымъ блескомъ красоты,
Ты не мои обманешь очи!..

Изданіе это встрѣтило, какъ всѣмъ извѣстно, безпощадный

*

отзывъ Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Это былъ одинъ изъ тѣхъ краткихъ отзывовъ, какіе можно встрѣтить въ каждой книжкѣ тогдашнихъ журналовъ по поводу безпрестанно появлявшихся въ то время изданій стихотвореній юныхъ поэтовъ, претендовавшихъ на славу Пушкина. Бѣлинскій въ своей рецензіи не входитъ вовсе и въ разборъ стиховъ Некрасова, а ограничивается нѣсколькими бѣглыми мыслями о томъ, какой промахъ дѣлаютъ люди, не одаренные поэтическимъ талантомъ, выступая на литературное поприще со стихами. Проза для нихъ благодарнѣе стиховъ. «Если въ прозѣ нѣтъ даже чувства и воображенія, то могутъ быть умъ, остроуміе, наблюдательность, или хоть гладкій языкъ... Если стихи пишетъ человѣкъ, лишенный отъ природы всякаго чувства, чуждый всякой мысли, неумѣющій владѣть стихомъ и риѳмою, онъ, подъ веселый часъ, еще можетъ позабавить читателя своею бездарностью и ограниченностью: всякая крайность имѣетъ свою цѣну, а потому В. К. Третьяковскій, «профессоръ элоквенціи, и паче хитростей поэтическихъ»—есть безспорный поэтъ; но прочесть цѣлую книгу стиховъ, встрѣтить все знакомыя и истертыя чувствованьица, общія мѣста, гладкіе стишки, и много-много если наткнуться иногда на стихъ, вышедшій изъ души въ кучѣ риѳмованныхъ строчекъ, воля ваша, это чтеніе, или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочесть въ журналѣ извѣстіе въ родѣ «Выѣхалъ въ Ростовъ». Посредственность въ стихахъ нестерпима. Вотъ мысли, на которыя навели насъ «Мечты и звуки г. Н. Н.».

Вотъ и вся рецензія Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ короче и сжатѣе она. Впрочемъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и «Современникѣ» Плетнева, Некрасовъ прочелъ болѣе лестныя для себя рецензіи, видѣвшія въ его стихахъ проблески таланта и возлагавшія на него надежды. Книга, розданная на комиссію въ разные магазины, конечно, не пошла и впослѣдствіи Некрасовъ, какъ извѣстно, самъ ее скупалъ и истреблялъ, подобно Гоголю, истребившему такимъ образомъ своего «Ганца-Кюхельгартена».

УСТОИ.

И пойдутъ онъ солнцемъ палимы...
Н. А. Некрасовъ.

Исторія одного поселка.

ГЛАВА I.

Какъ онъ народился.

Кому приходилось, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ послѣ освобожденія, ѣхать по средней полосѣ Россіи, омываемой притоками Оки и верховьевъ Волги, тому не могло не броситься въ глаза одно новое явленіе, вызванное новыми условіями народной жизни. Это — новые выселки, поселки, хутора, двора въ три-четыре, не больше, попадающіеся чаще всего вблизи деревень, селъ и городовъ, въ одной или двухъ верстахъ отъ нихъ, не дальше. Эти хутора или выселки ютятся или на спускахъ къ рѣкѣ, гдѣ всегда имѣется мельница, или пропадаютъ въ лощинѣ, окруженной моремъ ржи, или мелькаютъ на подсѣкѣ, изъ-за бѣлѣсовато-зеленыхъ березъ, осинъ и ольхъ. Они не всегда однообразны. Ихъ внѣшній и внутренній видъ варьируется различнымъ образомъ, смотря потому, изъ какихъ бытовыхъ началъ выросъ тотъ или другой. Если среди трехъ-четырехъ избъ выселка вы замѣтите низенькій, длинный домикъ съ желѣзной крышей, съ палисадникомъ вокругъ — вы не ошибаясь можете сказать, что тутъ помѣстился землевладѣлецъ изъ благородныхъ, какой-нибудь полуразорившійся помѣщикъ, смиренно подчинившійся силѣ вещей, надѣвшій поддевку и черные сапоги, не ради щегольства и форса народностію, а ради необходимыхъ требованій сельскаго хозяйства. Къ этому домику примыкаютъ обыкновенно двѣ-три избы для пайщиковъ—стараго двороваго, съ которымъ баринъ любитъ вспоминать о прежнемъ житьѣ, и теперь

еще изрѣдка ходитъ на охоту, и кого-нибудь изъ мужиковъ, ловко умѣющихъ обдѣлывать дѣлишки на базарахъ и ярмаркахъ—и, наконецъ, для рабочихъ. Эти хутора же еще носятъ названія барскихъ усадьбъ, во-первыхъ, вѣроятно, потому, что тутъ живетъ самъ баринъ, во-вторыхъ, потому, что часто на лѣто баринъ отдаетъ свой домикъ подъ дачи городскимъ барамъ, если это не вдалекѣ отъ города, или желѣзнодорожныхъ станцій.

Но когда маленькій пятиоконный домикъ замѣняютъ хоромы, нѣчто въ родѣ растолстѣвшей и разползшейся въ ширь и въ высь крестьянской двухэтажной избы, съ желѣзной крышей, изукрашенной всевозможными вычурными фигурами, флюгерами и желѣзными драконами на водосточныхъ трубахъ, на каменномъ фундаментѣ, по серединѣ котораго непремѣнно имѣется желѣзная, зеленая дверь, съ болтами и замками, ведущая въ кладовую, а кругомъ этой растолстѣвшей избы тянутся длинные, бревенчатые, крытые тесомъ сараи, около которыхъ съ утра до ночи снуютъ здоровые мельники и крючники, съ выкрашенными мукой спинами, красными лицами и испачканными мукой же бѣлыми носами, здоровыя телеги, обтянутыя желѣзомъ и широкорупыя лошади съ толстыми мохнатыми ногами — то это, навѣрное, купецкій хуторъ. Этотъ купецъ арендаторъ или собственникъ имѣетъ въ ближайшемъ городѣ бакалейную или мучную торговлю, каменный домъ и нѣсколько лавокъ, и наѣзжаетъ сюда только «прохладиться» съ начальствомъ или пріятелями, или прожить недѣли двѣ-три во время уборки хлѣба. Въ прочее же время эти хоромы обыкновенно обитаютъ чады, домочадцы и сироты почтеннаго купчины, вообще разные родственники, которые, по своему низкому званію и по мужицкимъ свычаямъ и обычаямъ, не удостоиваются жить въ городскомъ домѣ.

Выселки третьяго рода представляютъ нѣчто среднее между вышеописанными: они, обыкновенно, бѣднѣе на видъ, малы, и въ то время, какъ купецкій хуторъ, всей своей несуразной образиной, выражаетъ явное желаніе еще болѣе растолстѣть и разбухнуть отъ внутренней полноты жизни, эти маленькіе выселки, напротивъ, какъ будто торопятся съежиться, съузиться елико возможно, спрятаться совсѣмъ отъ людского глаза, какъ будто стыдно имъ стоять на юру, на голомъ холмѣ, среди жидкаго ржанаго поля. Ихъ маленькіе, трехъ-оконные, съ высокими крышами, образующими большіе чердаки, домики, напоминающіе «людскія избы» въ помѣщичьихъ домахъ, смотрятъ голо, неуютно, непригладно. Обитатели ихъ ходятъ въ городской одеждѣ: женщины въ платьяхъ, мужчины въ пальто и

рыжихъ пиджакахъ, но сапоги носятъ большіе и штаны въ сапоги. Впрочемъ, вся одежда такъ и говоритъ, что она взята «съ барскаго плеча», какъ и самые домики, выстроенные изъ подареннаго добрымъ и признательнымъ бариномъ лѣса, какъ и сама тощая земля, подаренная тѣмъ-же добрымъ и признательнымъ бариномъ на смертномъ одрѣ, въ уваженіе долгихъ и неусыпныхъ лакейскихъ трудовъ. Это—«дворовые» поселки.

Наконецъ, послѣдній и самый замѣчательный родъ выселокъ, это—выселокъ крестьянъ-собственниковъ. Выселки эти не носятъ на себѣ никакого особенно-рѣзкаго характера, какъ предъидущіе; они ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ поселеній, кромѣ размѣровъ; ихъ часто можно принять за маленькія деревушки. Только иногда явится въ нихъ нѣчто новое, заявляющее обособленіе, въ родѣ, напр., житницы, построенной не съ боку избы, какъ въ деревнѣ, а саженяхъ во ста, прямо противъ оконъ; или овинъ выстроенъ не сзади избы, а гдѣ-нибудь сподручнѣе, и овинъ большой, подъ широкимъ навѣсомъ; часто онъ ставится поперегъ улицы поселка, составляемой съ одной стороны жилыми избами, съ другой не жилыми помѣщеніями: сараями, житницами, клѣтями, такъ что, въѣхавъ съ одного конца въ выселокъ, вы рискуете попасть въ другомъ концѣ прямо въ широкія ворота овиннаго сарая, подъ навѣсомъ котораго расположенъ чистый, гладкій токъ. Иногда можно замѣтить въ немъ стремленіе хоть чѣмъ-нибудь выбиться изъ общаго деревенскаго склада. Этотъ переходный колебательный характеръ народившагося «мужицкаго» выселка можно, впрочемъ, замѣтить только при тщательномъ наблюденіи. При поверхностномъ же взглядѣ, вы не найдете ничего, рѣзко разграничивающаго его отъ обыкновеннаго склада крестьянской жизни. Обитатель этого выселка—тотъ-же мужикъ, онъ носитъ туже сермягу, какъ и его односельчане, живущіе скопомъ, въ полверстѣ отъ него; онъ также ходитъ на общественные сборы, какъ и они. Баба этого выселка—таже деревенская баба, только развѣ поступь у нея постепеннѣе, да кланяется она солиднѣе, да сукно на поддевкѣ потоньше. Какъ онъ не чуждается деревни, такъ и деревня продолжаетъ, по прежнему, брататься съ нимъ, и деревенская кумушка или старуха, такъ же какъ и деревенскій балагуръ и словоохотливый мужикъ охотно забредаютъ въ выселокъ «посудачить» на завальняхъ, отправляясь за ушедшей скотиной, съ хворостиной или обратью въ рукахъ. Однимъ словомъ, выселокъ крестьянъ-собственниковъ не выработалъ еще себѣ никакихъ органическихъ особенностей, которыя такъ же рѣзко отрѣзали бы его отъ деревни, какъ рѣзко отрѣзались купец-

кій хуторъ и дворовый выселокъ. Этотъ выселокъ констатируетъ пока не болѣе, какъ фактъ земельнаго обособленія и выдѣленія, а знаменуетъ... Но что должно знаменовать выростаніе на русской почвѣ этихъ выселковъ—это можетъ сказать только тщательное знакомство съ внутренней жизнью, совершающейся въ этихъ малыхъ, обособляющихся единицахъ массы, въ этихъ клѣточкахъ, изъ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, нѣкогда создался громадный и могучій тысячелѣтній колоссъ—русская община, и на которыя она выражаетъ, по мнѣнію другихъ, замѣтныя поползновенія дифференцироваться, покорная вліянію столь же сильныхъ факторовъ, какъ сильны и тѣ «устои», на которыхъ раньше совершилась интеграція.

Нельзя сказать, чтобы подобныхъ выселковъ было уже очень много, но есть таки; нельзя сказать, чтобы они уже ясно намѣчали поворотъ теченія народной жизни подъ напоромъ дѣйствующихъ извнѣ силъ и категорически указывали на ясное тяготѣніе этой жизни къ дифференцированію или обособленію. Если эти выселки суть признаки дифференцированія, то съ другой стороны имѣется столько-же явленій и обратнаго порядка, когда община поглощаетъ въ себя все больше и больше элементовъ, прежде обособленныхъ. Такимъ образомъ, это скорѣе процессъ исканія русла, въ которое стремится вылиться море народной жизни, всколебленное и взбаламученное взаимодѣйствіемъ новыхъ и разнообразныхъ факторовъ, подобно тому, какъ рѣка, прорвавъ державшую ее въ тискахъ плотину, разливается по долинѣ тысячью мелкихъ ручьевъ, которые, извиваясь и скользя, стремятся найти общее русло, чтобы слившись въ немъ, покатиться плавно и величаво въ могучемъ теченіи.

Эти выселки—тѣ ручьи, тѣ «пробы», тѣ вѣшки, которые проводитъ и ставитъ невидимая рука, намѣчая новое русло народной жизни. Въ этихъ выселкахъ нѣтъ еще ничего яснаго, опредѣленнаго, ничего не выработалось такого органическаго, что окончательно разъединило бы ихъ съ прежними устоями народной жизни; даже того, что они представляютъ собою фактъ земельнаго обособленія, нельзя утверждать положительно; нужно сказать лучше: это фактъ только усадебнаго обособленія, такъ какъ собственно земельныя отношенія въ большинствѣ случаевъ еще носятъ на себѣ смѣшанный, двойственный характеръ общинно-подворнаго владѣнія.

Что-же, однако, прибавили эти «новые» выселки къ общему виду нашей обширной родины? Для художника и эстетика они скрасили пейзажъ. Не дурно, когда голыя, выжженыя поля то тамъ, то здѣсь оживляются маленькими оазисами выселковъ,

картинно брошенными на это сѣрое полотно, убійственно-однообразно тянущееся цѣлыя сотни верстъ. Для доморощеннаго экономиста и культурменша, съ примѣсью англійскаго лордетва, это благодѣтельные задатки излюбленной европейской культуры и цивилизаціи. Не дурно, когда вокругъ этихъ выселковъ раскинутся унавоженныя поля, когда собственность отграничится красивой неприступной изгородью, и на пажитяхъ появится сельскій рабочій, высокій, рослый, получающій хорошую пищу, какъ нѣмецкій батракъ: большой буттербродъ съ картофелемъ при восходѣ солнца и отправленіи на работу, большой буттербродъ съ сыромъ и стаканъ кофе—за завтракомъ; жирный обѣдъ послѣ полудня и, наконецъ, послѣ 12—15 часовой работы буттербродъ съ свининой mit Seidel Bier. Однимъ словомъ, рабочій, выхоленный, какъ его крѣпкая и статная лошадь... И надъ всѣмъ этимъ недремлющій глазъ ученаго арендатора и классически-образованнаго культурменша. Не дурно!..

Для насъ, это любопытное и поучительное явленіе. Изучайте образующійся организмъ въ самомъ началѣ, пока еще онъ представляетъ tabula rasa, пока въ немъ идетъ хаотическая борьба за преобладаніе тѣхъ или другихъ элементовъ. Послѣ будетъ уже поздно, и борьба будетъ тяжела. Подсмотрѣть необходимые элементы развитія въ ребенкѣ—великая и единственная задача педагога. Подсмотрѣть въ образующейся клѣточкѣ новыхъ народныхъ устоевъ борьбу разнообразныхъ элементовъ, различить здоровые отъ больныхъ, наслѣдственные отъ пріобрѣтенныхъ и изучить возможные результаты ихъ взаимодѣйствія—такова одна изъ задачъ любящей свой народъ интеллигенціи.

«Волчій поселокъ» былъ одинъ изъ выселковъ послѣдней разновидности. «Волчьимъ» онъ прозванъ потому, что первые устои его заложены были мужикомъ, по прозвищу Волкъ, Мосей Волкъ. А Мосей былъ прозванъ Волкомъ потому, что любилъ лѣсъ и въ давнія времена, еще до воли, служилъ лѣсникомъ, былъ нелюдимъ, хмуръ, молчаливъ и задумчивъ. Послѣдними качествами онъ отличался потому, что ему въ голову еще въ молодости засѣла «идея». Но когда эту «идею» ему удалось реализировать, то вышеописанныя его качества значительно смягчились и стушевались. Тѣмъ не менѣе, прозвище «Волкъ» осталось на вѣки за нимъ и его потомствомъ.

Что̀ это была за идея—мы сейчасъ увидимъ. Не вдалекѣ отъ деревни Дергачи стояла молодая, веселая, березовая барская роща, на спускѣ къ узкой, но глубокой, поросшей осокой рѣчкѣ. Мосей «влюбился» въ эту рощу, такъ какъ Мосей былъ мужикъ-

эстетикъ, одинъ изъ тѣхъ дѣтей природы, которые ея великіе феномены наградили такими нѣжными и ласкательными именами, каковы: «зоринька ясная», «солнце красное», «мать земля-кормилица» и т. п. Влюбившись въ рощу, Мосей упросилъ барина поставить его въ сторожа къ рощѣ («въ ногахъ валялся у барина!»). Баринъ согласился. Два года холилъ онъ ее, отъ семьи отбился, отъ деревни, каждое дерево, какъ свой глазъ берегъ. Но скоро стали доходить до Мосея слухи (можетъ быть, просто хотѣли пошутить надъ нимъ), что баринъ хочетъ продать рощу. Загрустилъ Мосей, заугрюмѣлъ и, наконецъ, однимъ утромъ, явился къ барину, опять упалъ на колѣни и сталъ просить отпустить его «на сторону» съ тѣмъ, что черезъ пять лѣтъ онъ вернется и купитъ рощу. Съ барина заклятье передъ образомъ взялъ, что тотъ до его прихода никому рощи не продастъ. Черезъ пять лѣтъ вернулся: сапоги кувшинные, на плечахъ сибирка; бурмистръ его въ передній уголъ садитъ... Гдѣ пропадалъ откуда и какъ нажилъ денегъ, чтобъ заплатить барину за рощу, Мосей не любилъ разсказывать.

Но когда была реализирована эта первая «идея», у Мосея явилась другая. Какъ она къ нему попала въ голову, какъ результатъ опыта, или какъ темный наслѣдственный инстинктъ, или то просто было личное желаніе сдѣлать неприкосновеннымъ и закрѣпить «завѣтомъ» то, что̀ стоило трудовъ цѣлой жизни— это вопросъ нерѣшенный. Такъ или иначе, эта «идея» была очень опредѣленно выражена рядомъ слѣдующихъ своеобразныхъ положеній.

Вернувшись изъ своего безвѣстнаго скитанія, купивъ у сосѣдняго помѣщика излюбленную имъ рощу съ пустошьми: Могки и Кочки, Мосей сейчасъ же отрясъ прахъ съ ногъ своихъ. Снялъ свою цивилизованную чуйку, облекся въ прежнюю сермягу и ушелъ въ рощу, построивъ въ ней малую избу. Близь этой малой избы запустилъ онъ улья, пригласилъ къ себѣ ходить за пчелами старую бобылку Ѳеклушу, и «ушелъ отъ жизни», «отрѣшился», оставивъ свою семью жить «на всемъ прежнемъ положеніи» въ селѣ, какъ жила она и въ то время, когда онъ находился въ «безвѣстномъ сокрытіи». Такимъ образомъ, въ общемъ строѣ, семья, съ его прибытіемъ, имѣвшимъ для нея такое важное значеніе, какъ пріобрѣтеніе крупной, по крестьянству, собственности—не измѣнилась ни на волосъ. Но чтобы и «напредки не было повадно» семьѣ имѣть поползновеніе выйти изъ прежняго положенія, Мосей, какъ только пришелъ, сдѣлалъ самый категорическій заказъ своимъ сыновьямъ, въ особенности старшему, Ванифантію, уже давно мечтавшему, что отецъ возь-

меть его съ собой въ столицу, заказъ «не токмо проситься, ниже помышлять объ отходѣ въ столицы, пока Господь-Богъ грѣхамъ терпитъ и голодомъ не гонитъ». Такой заказъ привелъ всѣхъ въ немалое удивленіе, такъ какъ на селѣ давно рѣшили, что Мосей всѣхъ сыновей, а старшаго наипаче, поведетъ по своей дорогѣ, да и Ванифантій былъ въ этомъ увѣренъ. Когда высказаны были Мосеею эти недоумѣнія, онъ отвѣчалъ коротенько «грѣха много»! Что разумѣлъ онъ подъ этимъ, онъ врядъ ли бы обстоятельно разъяснилъ, такъ какъ, вѣроятно, больше чувствовалъ достовѣрную возможность этого грѣха, чѣмъ могъ ясно формулировать свои предчувствія. Онъ могъ только чувствовать, что между его хожденіемъ въ столицы по «идеѣ» и между хожденіемъ за наживой была большая разница; что, достигнувъ исполненія «идеи», человѣкъ могъ остановиться; наживѣ же нельзя положить и конца краю. А была ли въ Ванифантіи эта «идея»? Нѣтъ, Мосей видѣлъ, что никакой такой не было. Было одно: явился изъ столицы отецъ съ деньгами, значитъ, и сынъ долженъ идти туда за ними же; если отецъ принесъ 100 рублей, то сынъ долженъ ужъ принести 200.

Такимъ образомъ, этотъ «заказъ» Мосея объясняется тѣмъ, что Мосей былъ мужикъ «идейный». Такіе мужики есть, но бабъ больше. И странницъ вѣдь больше, чѣмъ странниковъ; и фанатичекъ больше, чѣмъ фанатиковъ. Суть не въ томъ, какая «идея» можетъ быть у мужика или бабы, важно то, что «идея» можетъ имѣть мѣсто. И такъ, Мосей былъ мужикъ «идейный»; онъ умѣлъ въ своей головѣ «прикинуть» кое-что къ чему-либо и сдѣлать выводъ; каковъ этотъ будетъ выводъ—это другой вопросъ, но могъ все же съ большею или меньшею вѣроятностію «провидѣть» результаты. Примѣровъ этихъ «идейныхъ» бабъ и мужиковъ мы могли бы привести много и, можетъ быть, не меньше, чѣмъ таковыхъ имѣется въ обществѣ, но врядъ ли это нужно. Крупные изъ нихъ всякому извѣстны изъ исторіи; заурядные — на глазахъ у тѣхъ, которые умѣютъ видѣть. Я знаю, напримѣръ, одну крестьянскую дѣвку, которой пришла «идея» создать общежительство, въ которомъ нашли бы пріютъ странники, болящіе и сироты. Это была самая простая, черная крестьянская дѣвка, болтливая, мужиковатая, здоровая. Для этой цѣли она примкнула къ церковнымъ ходамъ съ чудотворными иконами: носила свѣчи, самыя иконы, кружки и пр. Это дало ей возможность входить въ сношенія съ богатыми купцами и проповѣдовать свою идею подъ прикрытіемъ репутаціи богобоязненной дѣвки. Настойчивость и умѣнье ея въ этомъ случаѣ были изумительны. Я не знаю, удалось ли ей осуществить свою «идею», или она нале-

тѣла съ ней на какой-нибудь «рожонъ» въ видѣ станового, но несомнѣнно, что дѣло у нея подвигалось впередъ успѣшно. Этого примѣра пока достаточно, чтобы читатель могъ согласиться, что «идейные», какъ бабы, такъ и мужики, существуютъ и что существуетъ ихъ не мало. Расколъ — вотъ знаменитое созданіе «идейнаго» мужика и бабы. Нужно прибавить, что эти «идеи» у народа вовсе не такъ произвольны и не такъ ясно составляютъ чисто личную принадлежность, какъ это бываетъ съ людьми общества; напротивъ «идейный» мужикъ всегда носитъ какую-нибудь идею, тѣсно связанную съ экономическимъ, нравственнымъ или умственнымъ общенароднымъ строемъ. Вотъ почему она «понятна» народу: выразившись въ одной личности, она, такъ сказать, составляетъ только квинтъ-эссенцію того, что выработано уже заранѣе народной жизнью.

Какъ пѣсня народа рознится отъ пѣсни образованнаго поэта общностью своего смысла и чувства, такъ и мужицкая «идея» отличается такою же общностію. Мужикъ—не философъ, не умѣетъ предаваться спекулятивнымъ упражненіямъ, и потому его идея есть идея, существовавшая раньше его, и выработанная народомъ сообща. Идея образованнаго человѣка, напротивъ, носитъ на себѣ слѣды индивидуальности. «Идейные» люди и въ народѣ пользуются уваженіемъ. Народъ знаетъ, что «идейный» человѣкъ рѣдко сбивается съ пути, а потому то, что позволено «идейному» человѣку, не позволено простому смертному. Такъ смутно чувствовалъ и Мосей; онъ не видѣлъ въ своемъ сынѣ «идейнаго» мужика и не пустилъ его туда, гдѣ не «идейный» мужикъ сдѣлается просто мошенникомъ. Но онъ, напримѣръ, находилъ, что его дочь, дѣвица Ульяна,—сила, «идейная» сила, и ничего не сказалъ, когда она ушла, послѣ смерти своего жениха, найденнаго замерзшимъ у села, когда онъ возвращался съ заработковъ въ побывку, ушла на Аеонъ и въ старый Іерусалимъ, гдѣ пропадала три года. Онъ на нее надѣялся, ибо чувствовалъ въ ней присутствіе «идеи».

Но одного этого «заказа», вѣроятно, показалось Мосею недостаточно, и онъ, чтобы уже окончательно отрѣзать своей семьѣ возможность выйти «изъ прежняго, вообще мужицкаго, положенія», продѣлалъ одну очень внушительную церемонію.

Когда Мосей рѣшилъ «отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ», и, скинувъ синюю чуйку, оболокся въ сермягу, онъ явился въ правленіе и заявилъ, что часть пріобрѣтенной имъ, вмѣстѣ съ рощей, въ пустошахъ пустопорожней земли отдаетъ въ пользованіе общинѣ, которая въ землѣ нуждается, а ему съ ней дѣлать нечего. «Одному съ семьей всей не поднять, а батраковъ нанимать—завода заводить не желаетъ; при себѣ же оставляетъ одну рощу

которую издавна возлюбилъ». Сказавъ это, Мосей, при первомъ же передѣлѣ земли, самъ сдѣлалъ на свою землю жеребьи, и вмѣстѣ съ другими вынулъ жеребій для своихъ сыновей. Община не осталась ему неблагодарной и поощрила его разными льготами: по рекрутству, общественной службѣ.

Послѣ этого, Мосей ушелъ въ свою избу, въ рощу, куда, по смерти своей жены, какъ мы сказали, пустилъ жить старую бобылку Өеклушу.

Его три сына, изъ которыхъ былъ женатъ только старшій Ванифантій, и дочь, дѣвица Ульяна, остались на селѣ, «на всемъ прежнемъ положеніи».

Шли годы. Кончилась, наконецъ, «неурядица эмансипаціи», выражаясь стилемъ помѣщиковъ того времени, завершенная нарѣзкой надѣловъ, размежеваніемъ чрезполосныхъ владѣній и, наконецъ, «упраздненіемъ» мировыхъ посредниковъ, главныхъ героевъ того бурнаго времени; наступилъ порядокъ, долженствовавшій покоиться на двухъ китахъ мѣстной администраціи — исправникѣ и непремѣнномъ членѣ... Но едва почуялось въ воздухѣ приближеніе этого вожделѣннаго порядка, какъ вдругъ всѣмъ мужикамъ сдѣлалось отчего-то жутко. Ихъ какъ будто испугала та математическая строгость и опредѣленность, съ которою отмежевывались границы ихъ полей. Прежде, во времена посредниковъ, каждый лишній клочекъ земли былъ какъ будто спорный, питалась надежда, что этотъ лишній клочекъ земли, «хоша и не нашъ а, можетъ, и нашъ будетъ», вѣрилось въ возможность, что «еще, можетъ, и оставятъ», въ возможность кàкъ ни кàкъ сговориться съ бариномъ... «Все же вѣдь живой человѣкъ... Можетъ, какъ ни то уговоримъ. Изъ за лишняго клочка не станетъ тягаться». Но наступилъ порядокъ, и все принуждено было «сократиться», съежиться, установиться въ отрѣзанныя каждому стойла. Господа вздохнули, потому что періодъ ихъ психической «неустойчивости» кончился, такъ какъ теперь каждое мужицкое нападеніе на ихъ сердобольныя души отпарировалось словами: «законъ, батюшка, законъ». Теперь ужь все кончено. И землемѣры разъѣхались. «Да-съ, теперь ужь все взвѣшено и опредѣлено»... И мужики поняли, что точно все взвѣшено и опредѣлено. А такъ какъ, собственно говоря, взвѣшено и опредѣлено было только одно отношеніе земель мужицкихъ къ барскимъ, распредѣленіе же мужицкой земли было предоставлено «народному обычаю», то эта опредѣленность предстала мужику во всемъ ея ужасѣ, а «народ-

ный обычай» распредѣленія подвергся такому тяжелому испытанію, какому онъ не подвергался, вѣроятно, ни разу во все свое тяжелое историческое существованіе. Заинтересованные интеллигентные люди, въ приличномъ отдаленіи, стали наблюдать за любопытнымъ зрѣлищемъ «мірского распредѣленія земли» и тайно и явно говорили: «а ну-ка посмотримъ, какова пресловутая сила этого излюбленнаго народнаго обычая»! И когда сила народнаго обычая, въ этомъ тяжкомъ испытаніи, кое гдѣ ослабѣвала, кое-гдѣ отдалялась отъ истиннаго пути, интеллигентные зрители, съ видомъ людей, которыхъ завѣтныя предположенія оправдывались, пожимали плечами и «разочаровывались» въ пресловутой силѣ народнаго обычая. А народный обычай, поднимая тяжесть равномѣрнаго справедливаго распредѣленія, кряхтѣлъ, натуживался изъ послѣднихъ силъ, чтобы побороть ужасную дилемму...

Деревнею Дергачи, къ которой принадлежалъ Мосей, обуялъ именно такой ужасъ передъ «опредѣленностію», когда почуялось приближеніе «порядка» за «неурядицей». Нужно замѣтить, что баринъ у дергачевцевъ былъ, по своему, человѣкъ хорошій, «народолюбецъ», поклонникъ старозавѣтныхъ народныхъ обычаевъ и дѣятельный ихъ защитникъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. У этого-то добраго и слабаго человѣка долгое время дергачевцы, безъ особыхъ препятствій, запахивали цѣлые загоны полей, вѣруя и надѣясь, что еще какъ-нибудь мы съ бариномъ споемся! Сердобольный баринъ, хотя и поругивался, но, въ виду не совсѣмъ еще точнаго опредѣленія границъ, считалъ несправедливымъ обвинять мужиковъ въ захватѣ. Такъ шло дѣло до пріѣзда въ имѣніе супруги барина, барыни уже совсѣмъ другого закала, и до прибытія землемѣра. Скоро, очень скоро, эти двѣ личности, при помощи г. исправника, ввели въ отношенія мужиковъ къ барину «порядокъ» и опредѣленность, которые сразу заявили себя передъ дергачевцами одновременнымъ повышеніемъ податей и урѣзаніемъ области ихъ пользованія землею до $1^1/_2$ десятины надѣла, въ который оказался врѣзаннымъ даже одинъ клочекъ земли, уступленный Мосеемъ общинѣ. До того доведена была «опредѣленность». Когда дергачевцы протестовали-было противъ такой черезъ-чуръ своеобразной опредѣленности, имъ сказали, что земля эта барская, такъ какъ Мосей, во время крѣпостного права, не смѣлъ покупать земли на свои имя. «А если и купилъ, такъ, значитъ, она ему не нужна, когда онъ вамъ отдалъ». Дергачевцы только крякнули, а Мосей и совсѣмъ боялся слово пикнуть, чтобы и послѣднюю землю съ рощей не взяли.

Итакъ, воцарился «порядокъ». Порубки, покашиванія и запа-

хиванія оказались невозможными... Передъ дергачевцами стояла одна математическая опредѣленность, въ видѣ $1^1/_2$ десятины надѣла, а выгонъ, лѣсъ, луга—все это отошло за границы «опредѣленности». Дергачевцы приступили къ провѣркѣ той сказки, которая разсказываетъ, какъ двое голыхъ нашли одну рубаху и какъ они «распредѣляли» ее между собою. Думали-думали нищіе, какъ имъ быть, и никакъ не рѣшили. Пошли къ судьѣ; судья потребовалъ доказательствъ «первородства», но никто изъ нихъ доказать этого не могъ. Пошли къ попу; попъ сказалъ: «отдайте, братія, рубаху мнѣ, а сами идите съ миромъ, дабы не возгорѣлась между вами вражда». Не понравилось—пошли къ книжникамъ; книжники сказали: — кто изъ васъ кого поборетъ, тому, какъ сильнѣйшему, и рубаху отдать. Не понравилось и это—пошли къ исправнику. Исправникъ какъ крикнетъ на нихъ:—«полѣзай оба въ рубаху!.. И чтобы не ссориться! услышу—совсѣмъ отниму!»—Перетрусили нищіе, залѣзли въ рубаху. Только силъ нѣтъ такъ жить, съ голоду помрешь. Пошли потихоньку на мірской сходъ. Мірской сходъ думалъ-думалъ, наконецъ, такое рѣшеніе установилъ: «какъ-никакъ, братцы, а не иначе вамъ придется, чтобы поочереди носить. Пущай изъ васъ нынѣ одинъ рубаху надѣнетъ, да хлѣбъ доставать идетъ, а другой дома сидитъ. Придетъ первый—второй ступай. Мы и все такъ живемъ». Попробовали нищіе, и вышло, что мірское слово всего лучше.

Итакъ, передъ дергачевцами вдругъ встала дилемма «распредѣленія» рубахи. Затрещалъ «народный обычай», приходилось не «такъ или иначе» выпутываться, а непремѣнно, неизбѣжно, съ соблюденіемъ справедливости. Много рѣшеній перепробовали дергачевцы; пробовали залѣзать всѣ въ одну рубаху, но, кромѣ того, что руки себѣ связали, ничего не вышло. Пробовали ходить за совѣтомъ къ судіямъ, и къ книжникамъ, и къ левитамъ, но дѣло выходило еще хуже. Наконецъ, остановились на такомъ «мірскомъ» рѣшеніи: «пущай половина дергачевцевъ съ хлѣбовъ отойдетъ на-сторону, а половина дома останется».

Между тѣмъ, къ этому времени, семья Мосея Волка «набрала въ себя большую силу»: съ самимъ Мосеемъ она считала уже 10 душъ, пять мужеска и пять женска пола. Такая огромная семья должна была, конечно, поглощать значительную долю общественныхъ земельныхъ жеребьевъ. Когда вступила въ силу «опредѣленность», оставаться на общинной землѣ, имѣя пустопорожнюю свою, было уже не въ порядкѣ вещей. Такъ или иначе, нужно было выселиться: Мосей принужденъ былъ, такимъ образомъ, значительно поступиться своимъ «заказомъ». Первымъ дѣломъ предстала настоятельнѣйшая необходимость поскорѣе

«осѣсть» на свою землю, чтобы хотя фактомъ заселенія укрѣпить ее за собой; а вторымъ дѣломъ, дергачевцы прямо заявили Мосею, что «какъ-никакъ, а тебѣ съ семьей въ собственники идтить надоть, потому у васъ земля есть своя, а у общины и безъ васъ дѣлить нечего». Однимъ раннимъ утромъ, большая двухъэтажная изба Мосея, съ пристроенной къ ней кельей, искони стоявшая середи деревни Дергачи, оказалась уже безъ крыши. Сыновья Мосея желѣзными ломами «разоряли дѣдовское гнѣздо», снимая вѣнецъ за вѣнцомъ изъ крѣпкихъ, чуть не въ аршинъ въ діаметрѣ дѣдовскихъ бревенъ, какихъ теперь нигдѣ не найдешь ужь, складывали на лошадей, а бабы отвозили ихъ на новое мѣсто, на собственныя пустоши Мочки и Кочки.

— Смотри, братцы, не очень шибко бейте — таракановъ не разгоните, шутили дергачевцы, покрикивая работавшимъ на избахъ братьямъ-Волкамъ:—вѣдь они дѣдовскіе, старожилые тараканы-то! Пущай съ вами переѣзжаютъ... Разбѣгутся—пути не будетъ!

— Ульяна, поди, ужь полну пазуху набрала! За этимъ дѣло у бабъ не станетъ, отшучивались братья.

— Ну, вы теперь у насъ собственники, какъ быть, заправскіе будете! опять шутили дергачевцы, когда выѣзжалъ изъ Дергачей послѣдній возъ, съ послѣднимъ вѣнцомъ отъ Мосеевой избы.

— Что говорить! Купцы! отшучивались снова, въ свою очередь, молодые Волки. — Ну, такъ прощайте, братцы! Приходите къ намъ новоселье праздновать. Вотъ какъ только избы поставимъ!

— Ладно, ладно!

На мѣстѣ Мосеевской избы, можетъ быть, носившемъ на себѣ уже цѣлое столѣтіе избы всевозможныхъ сортовъ—осталась только груда мусора, въ которой копошились ребятишки, отыскивая «клады». Впрочемъ, поиски ихъ были совершенно напрасны. Степенная хранительница дѣдовскихъ обычаевъ, келейница, «пущенная по граматѣ» еще съ малыхъ лѣтъ, Ульяна (крестьяне звали ее, впрочемъ, Ульянѣя, на монашескій манеръ, въ отличіе другихъ Ульянъ и Ульяшекъ, и ради вящшаго чествованія), дочь Мосея ни подъ какимъ видомъ не позабыла захватить съ собою ничего изъ «дѣдовскаго». Она даже бережно перенесла на новое мѣсто ласточкино гнѣздо и скворешницу. Съ послѣднимъ же возомъ не забыла прихватить въ мѣшечекъ и «дѣдовской земли».

Ставить избы на «новомъ мѣстѣ» «сбилъ» дергачевскій міръ «помочь» Мосею, и не прошло двухъ недѣль, какъ вмѣсто прежней большой избы поставлено было три, которыя и примкнули къ одноконной избушкѣ, въ которой проживалъ Мосей.

Переселеніе, видимо, доставило Мосею большое удовольствіе.

Старикъ, уже сгорбленный и сѣдой, съ утра до поздняго вечера, съ палкой въ рукахъ, слѣдилъ за работами, покряхтывая и балагуря съ дергачевцами. Дергачевцы, видя такое благодушное настроеніе Мосея, какъ-то и сами настроивались на этотъ тонъ.

— А что, дѣдушка Мосей, вѣдь гляди, мы тебѣ тутъ цѣлую деревню выведемъ... Что ни есть помѣщикъ, за первый сортъ будешь!..

— Что-жъ!.. Дѣло доброе! Поселокъ мы поставимъ, устой укрѣпимъ, а потомъ пущай добрые люди живутъ-поживаютъ, да Мосея вспоминаютъ! говорилъ Мосей.

— То-то!.. Мы про это же! А знаешь ли, дядя Мосей, ужь взялъ бы ты на себя съ міра тяготы малую толику; пустилъ бы ты поселиться и Сатира Кривого. Что ему у насъ дѣлать? Мужикъ, ты знаешь, онъ и хорошій, а лядащій... На заработки ему ужь не идти, надѣлъ взять—податей всѣхъ не подыметъ, а насъ утѣснитъ. А у тебя было бы ему куда подъ-силу...

— Ну, что-жъ!.. Сатиръ Кривой — такъ Сатиръ Кривой!.. Селитесь, селитесь!.. Мнѣ и умирать веселѣе будетъ... На людяхъ и смерть красна. Мы бы сообща и новинку подняли, кстати. Не батраковъ стать нанимать!

— Это вѣрно.. Ну, а земли у тебя еще вдостоль хватитъ. Вѣдь не маклачить ты ей будешь... Мы тебя знаемъ. Отъ кого другого, а отъ тебя этого не станется. Ты живешь по дѣдовскимъ завѣтамъ.

— Зачѣмъ маклачить! Земли хватитъ, хоша на цѣлую деревню хватитъ.

— Такъ, такъ... Такъ ужъ ты Сатира-то Кривого пристрой при себѣ. Мы ему всѣмъ міромъ снесемъ избу и поставимъ. А что насчетъ нашихъ съ тобой земель, мы ужь другъ отъ друга отбиваться не станемъ: мы тебя и въ выгонъ, и въ луга пустимъ. Сочтемся... Люди свои!

— Люди свои! Люди не чужіе!

— Мы съ тобой изъ вѣковъ крѣпко связаны, такъ намъ другъ друга обижать нѣчего. А значитъ, все къ тому, чтобы тяготы нести сообща и впредь! все громче и громче выкрикивали дергачевцы на ухо дяди Мосея (онъ туговатъ сталъ на ухо въ послѣднее время).

— Такъ, такъ... Какъ ужъ по дѣдовскому завѣту, такъ чтобы и навѣковѣчно!

— Ну, то-то. Мы такъ на міру закажемъ, а ты своимъ ребятамъ въ завѣтъ поставь!

— Это ужь первое дѣло!

— Такъ, значитъ, и порѣшили? Селиться безъ сумнѣнія?

— Селитесь, селитесь! повторялъ дѣдъ Мосей, сидя на обрубкѣ, поправляя кивками головы большую грешневикомъ шляпу, поглаживая самодовольно сѣдую бороду и мигая красными вѣками больныхъ, уже подслѣпыхъ глазъ.

— Онъ же вѣдь тебѣ, Сатиръ-то Кривой, будетъ не то, чтобы совсѣмъ чужой, опять выкрикивали дергачевцы, чтобы ужъ вдостоль убѣдить дѣдушку Мосея въ необходимости снять съ міра тяготу, въ лицѣ Сатира Кривого.

— Такъ ли мы говоримъ, дѣдушка?.. Все одно выходитъ, какъ бы, значитъ, въ одну семью идетъ...

— Такъ, такъ. По мнѣ—все одно, только бы человѣкъ былъ душевный...

— Да онъ, Сатиръ-то, подхватилъ староста: —душевный... Тебѣ ли сказывать объ этомъ! Что насчетъ души—тутъ сомнѣнія нѣтъ. Только вотъ на міру ему жить, съ своимъ карахтеромъ, трудненько. Теперь же онъ какъ разъ въ такой нотѣ: податей платить у него желанія, чтобы, значитъ, послушно, безъ ссоры—нѣтъ; съ начальствомъ у него теперча перекоры... Земли теперича онъ потребуетъ, а чтобы отдать за нее, смиренно, что полагается—отъ него не жди. Потому онъ теперь, самъ знаешь, третій годъ въ одержаніи. Ну, а міръ все въ отвѣтѣ. Будь у насъ земли вдоволь—да мы бы, конечно, со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ! Живи, сдѣлай милость!.. Такъ ли? А у тебя ему будетъ чудесно!.. Начальство-то къ вамъ сюда, поди, и не заглянетъ. Въ эдакомъ райскомъ мѣстѣ онъ, Сатиръ-то, совсѣмъ ангелъ будетъ! А при всемъ при томъ они съ Ульянѣей-то Мосевной, знаешь, пріятели—водой не разлей!

Покончивъ, такимъ образомъ, дипломатическій походъ на дѣда Мосея, служившій, въ нѣкоторомъ родѣ, продолженіемъ необходимости «распредѣлять» ниспосланную міру рубаху, и убѣдившись, что дѣдъ Мосей не прочь «и впредь дѣлить тяготы съ міромъ», дергачевцы, въ лицѣ того же хлопотливаго дипломата-старосты Макридія, совсѣмъ измотавшагося на неблагодарномъ дѣлѣ приведенія въ гармонію интересовъ управляемыхъ и управителей—тотчасъ направились къ Сатиру. Вошли въ избу—въ избѣ никого нѣту, кромѣ куръ. Заглянули на дворъ — только лошадь свободно ходитъ, путаясь въ поводу.

— Эй ты, Сатиръ! Дома, что-ли? окликнули дергачевцы.

— Ну-у, дома! кто-то лѣниво и сердито проворчалъ съ задворокъ. Пошли на задворки. На задворкахъ сидитъ, задомъ къ избѣ, на корточкахъ, длинный и сухой, какъ жердь, Сатиръ и плавитъ въ желѣзной ложкѣ свинецъ.

— Сатиръ! окликнули мужики.
— Да ну!
— Мы пришли.
— А кто васъ звалъ?
Сатиръ сидѣлъ на корточкахъ и не считалъ нужнымъ обертываться.
— Мы, братъ, пришли избу сносить.
— Чью?
— Твою.
— Куда?
— Къ Мосею.
— По чьему приказу?
— Какой тутъ приказъ! Мы хлопочемъ, чтобы какъ тебѣ лучше...
— А кто васъ просилъ?
— Кто просилъ?.. Чать мы — міръ. Мы, братъ, худого не вздумаемъ... Мы, Сатирушка, на душу этого грѣха не возьмемъ, заговорилъ староста Макридій: — мы все, чтобы какъ лучше... Коли придется—вернешься къ намъ, не обидимъ... Усадьба завсегда за тобой будетъ, по закону...
И староста распространился о томъ, какъ прекрасно будетъ жить Сатиру у Мосея.
Сатиръ сталъ наливать пули.
— Ну, такъ чтò-же ты молчишь? Господи! разсердился наконецъ староста: — чтò это за человѣкъ? чтò это я съ нимъ тяготы понесъ! Слышишь чтò-ли? Вѣдь сносить будемъ.
— Да ну, дуй васъ горой—сносите! Чтò вы ко мнѣ привязались!.. Чтò вы мнѣ отдышки не дадите! крикнулъ, вскакивая, Сатиръ и бросилъ ложку.
— Тьфу, Мать Пресвятая Богородица! Когда я только развяжусь съ вами! Лѣшіе! Доиовые! ругался Сатиръ, между тѣмъ, какъ кривой глазъ, упорно обращенный на дергачевцевъ, приводилъ ихъ въ сильное смущеніе.
— Да ты чтò ругаешься? Мы для тебя же, дурака, чтобы какъ лучше было. Всѣмъ міромъ...
Сатиръ опять присѣлъ на корточки.
— Такъ ты слышишь, чтò-ли, скажи хоть разъ по человѣчески: согласенъ, что ли? Такъ мы и знать будемъ.
Сатиръ молчалъ.
— Ты тò посуди: вѣдь міръ съ тобой смаялся!
Сатиръ молчалъ.
— Вѣдь драть тебя—одно приходится. Вотъ до чего ты хочешь міръ довести!

*

— Тьфу! окончательно разсердился Сатиръ и такъ плюнулъ въ свою теплину, что она затрещала.

— Да вы что̀? вскочивъ, закричалъ онъ на дергачевцевъ: — А? вы когда спокой мнѣ дадите?

— Да вѣдь мы—міръ! толкомъ тебѣ говорятъ!

— Міръ!.. Міръ! повторялъ въ волненіи Сатиръ: — Да развѣ міръ то за тѣмъ установленъ, чтобы жилы изъ человѣка тянуть?

— Да ты постой...

— Вѣдь вы, Господи благослови, какъ день-то денской начнется, дадите ли съ своимъ міромъ человѣку отдышку-то? Кто обязываетъ меня вамъ каторжную-то лямку тянуть?

— Кто?.. кто?.. Начальство!

— Начальство?! Такъ ты такъ и говори, пустая твоя борода! накинулся Сатиръ на старосту, махая руками и уставившись на него страшнымъ кривымъ глазомъ:—ты міромъ-то не суй... Богохульникъ!

— Что̀ ты кричишь? осердился и староста.

— Пустая борода!

— Ругатель—одно слово!..

Міръ!.. Холуй—вотъ вы кто!

Сатиръ растеръ сапогами теплину, схватилъ ложку и пули—и ушелъ въ овинъ.

Мужики смотрѣли ему вслѣдъ.

— Ушелъ! сказалъ староста Макридій и въ отчаяніи взмахнулъ руками.

— Чего тутъ стоять-то! Пойдемте.

Пошли. Но на улицѣ опять остановились передъ Сатировой избой и стали смотрѣть на нее.

— Чего смотрѣть-то, сказалъ Макридій:—сносить надо!

— Безъ спросу-то?

— Да что̀ ждать-то? Сноси и шабашъ, коли онъ счастія, можно сказать, своего не понимаетъ.

— Безъ согласу—нельзя, заговорили мужики:—это что̀ жь будетъ!

— Да вѣдь мы—міръ! увѣрялъ староста.

— Міръ! Міръ!.. Міръ не на то установленъ, чтобы человѣка утѣснять... Безъ согласу—нельзя.

— Нѣтъ! нужно пождать.

— Сатировыхъ бабъ разыскать надо. Пущай онѣ его спросятъ.

Разыскали Сатирову дочь. Послали ее къ отцу въ овинъ за рѣшеньемъ. Вышло разрѣшенье. Въ два дня изба Сатира была свезена и поставлена у Мосея въ поселкѣ общими силами дергачевцевъ. Макридій былъ доволенъ.—Дѣдъ Мосей опять сидѣлъ,

съ палочкой, около плотниковъ, и, поглаживая бороду, приговаривалъ:—Ну, что-жъ, пущай съ Господомъ растетъ нашъ поселокъ! То намъ и честь, что люди нами не брезгаютъ! Селитесь, селитесь!

А Сатиръ, въ тотъ же день, какъ дергачевцы приступили къ сносу избы, ушелъ на охоту и вернулся, когда уже было все кончено. Онъ постоялъ у своего пепелища, поглядѣлъ кругомъ, плюнулъ и пошелъ въ Волчій поселокъ.

Сатиръ былъ чудакъ, одинъ изъ тѣхъ чудаковъ, которыхъ русская жизнь производитъ иногда ради скорбнаго юмора и ироніи надъ своими историческими судьбами. Сатиръ долгое время жилъ въ дворнѣ. Обязанность его была—доставлять къ барскому обѣду возможныхъ сортовъ дичь. Если онъ запивалъ недѣли на двѣ, его въ наказанье производили въ мужики, отнимали у него ружье и заставляли пахать. Сатиръ не унывалъ и только жаловался, что ему не даютъ покоя; пахать онъ лѣнился, но, сознавая, что онъ почему-то еще обязанъ работать на барина — пахалъ. Когда у барыни недоставало дичи, она приходила къ заключенію, что Сатиръ, вѣроятно, достаточно наказанъ, и приказывала его вновь «произвести въ охотники». Всѣ эти «производства» развили въ Сатирѣ, съ одной стороны, значительную безпечность, съ другой—желаніе свободы, чтобы его весь міръ «оставилъ въ спокоѣ». Ему и снилось, и грезилось, когда онъ будетъ въ состояніи охотиться по охотѣ, а не по приказанію, пахать, когда самъ захочетъ, и дичь носить къ себѣ, а не на барскій столъ. Наконецъ, онъ какъ-то разъ бросился къ барину въ ноги, прося «на вѣки опредѣлить его въ крестьянство». Баринъ согласился, и Сатиръ сталъ полнымъ мужикомъ. Это было не задолго до воли. Но, попавъ въ мужики, Сатиръ скоро увидалъ, что «спокоя» тутъ тоже немного, однако, онъ смирился и утѣшалъ себя мыслію: вотъ придетъ воля—тогда ужъ оставятъ ко мнѣ приставать, тогда ужъ—спокой! Пришла «воля». Сатиръ былъ такъ увѣренъ, что его ужъ теперь никто «не убезпокоитъ», что совсѣмъ отдался охотѣ. Понятно, что разочарованіе не заставило себя ждать, въ лицѣ Макридія и дергачевскаго міра, съ его повинностями, податями, надѣлами и передѣлами, сельскими и волостными сходами. Занятый охотой и вполнѣ убѣжденный, что онъ ужъ теперь—человѣкъ совсѣмъ «вольный», Сатиръ обработывалъ свой надѣлъ спустя рукава, сколько могъ самъ сдѣлать съ дочерью—и довольствовался, если ему хватало на прожитіе. Денегъ у него никогда не было, а какія были—онъ и тѣ тратилъ на порохъ. Понятно опять, что такая «безпечность», при бѣдности вообще дергачевскаго міра и

при увеличивавшихся съ каждымъ годомъ податяхъ—была, по меньшей мѣрѣ, очень странна; о чемъ тотчасъ же, въ лицѣ опять-таки Макридія, и дали почувствовать Сатиру. Сатиръ обругался. У Сатира Макридій свелъ тёлку. Сатиръ плюнулъ. На другой разъ, у Сатира Макридій продалъ корову. Сатиръ разодрался. Дергачевскій міръ попробовалъ Сатира высѣчь «легонько». Сатиръ, наконецъ, озлобился на всѣхъ и на вся. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это «убѣжденіе» Сатира въ неосновательности его надеждъ на «полный спокой», еслибы дергачевскій міръ, въ виду распредѣленія рубахи, не переселилъ его къ Мосею. Сатиръ ожилъ. Повидимому, здѣсь онъ достигъ если не полнаго, то уже значительнаго осуществленія своихъ надеждъ. Мосей его не притѣснялъ. Макридій приходилъ только за подушными. Но испытанія для Сатира не кончились; впереди ожидали его еще горшія.

Сатиръ, однако, былъ далеко не однимъ звеномъ, которымъ дергачевскій міръ нравственно связывалъ себя съ Мосеемъ. Не прошло и полгода, какъ дергачевцы, въ лицѣ неусыпно дѣятельнаго своего представителя, старосты Макридія, опять уже вели дипломатическіе подходы подъ благодушнаго Мосея и его дочь, степенную начетчицу Ульяною, имѣвшую большое вліяніе на самого старика Мосея и, въ качествѣ старшей въ семьѣ, пользовавшуюся особымъ уваженіемъ отъ младшихъ ея членовъ.

— Такъ вотъ какія у насъ, можно сказать, прокламаціи выходятъ, Ульянея Мосевна, жалобно говорилъ Макридій:—то есть не приведи Богъ!.. Еслибы, то есть, не жаль міра было, плюнулъ бы, можно сказать, съ большимъ удовольствіемъ... Потому, при эдакой, можно сказать, полосѣ, сообразиться некогда. Только ты въ одномъ мѣстѣ починилъ—глядь, въ другомъ прорвало!.. А тамъ, Господи благослови, въ третьемъ!

— Чт̀о говорить! Ровно какъ бы и еще тяжелѣе жить людямъ стало, замѣчала Ульянея.

— А я-то про чт̀о говорю?! Вотъ, вотъ это самое и есть. Теперь вотъ у насъ солдаточка есть одна, Сиклетея... Знаешь чать, дѣдушко Мосей?

— Знаю, какъ своихъ не знать...

— Ну, вотъ! Да не родня ли еще она тебѣ будетъ? Гляди, что родня!

— Нѣтъ, не родня... совсѣмъ не родня.

— О? Ну, не родня такъ не родня, все одно... Да, такъ вотъ эта солдатка теперь при семействѣ осталась, ребятишки малъ-мала меньше... Пришла этто на міръ—реветъ: хошь бы какую-да ни есть поддержку на пропитаніе... Думали-думали это мы, хо-

тѣли ей огородецъ вырѣзать... да у кого отрѣжешь? Какія у насъ палестины-то тамъ? Можно сказать, блохѣ негдѣ повернуться! Тоже всякій дорожится, всякому свое дорого...

— Это что говорить!

— То-то!.. Такъ ты какъ насчетъ этой солдатки-то понимаешь? Вѣдь тоже мірская тягота, хоша мы и не обязаны, какъ значитъ солдатка—отрѣзанный ломоть... А я тебѣ скажу—женщина она дорогая! Смиренница. Ребятишки-это, малыши—водой не замути!.. Ей-Богу, не вру!.. Не ревутъ даже—вотъ какая благодать!..

— Такъ-такъ!.. Знаемъ мы ее.

— Такъ ужь не примешь ли ты еще тяготы съ міра? А? Солдатку-то?

— Ну, что-жь, солдатку такъ солдатку! Селитесь, селитесь!

— Ну, вотъ! Я вотъ сейчасъ бѣгомъ... всѣ ужь міромъ опять ей келейку перенесемъ. А что ужь насчетъ міра какая если тебѣ помочь нужна, такъ ужь будь безъ сумнѣнія — отказу тебѣ не будетъ... Ужь этому повѣрь!

— Да мы вѣримъ!

— Ужь тебѣ отъ міра всякое уваженіе... Будь въ надеждѣ! Ты думаешь, можетъ, что мы твоей добротой пользуемся, такъ это ты напрасно, ошибаешься... Мало ли у насъ тутъ вонъ кулаковъ-то появилось! Да развѣ мы къ нимъ идемъ? Потому, мы знаемъ: ни они отъ насъ ничего не жди, ни мы отъ нихъ. А мы съ вами какъ бы сообща.

— Сообща—на что лучше!

— Такъ ужь я солдатку эту увѣдомлю... Вѣдь ей много ли надо? чтобы только не умереть, единственно... Гдѣ нибудь ей клочекъ выдѣлишь, и пущай, съ Господомъ, копается съ ребятишками: капустки насадитъ, огурчиковъ. Вотъ ей и божія пища!

— Ладно, ладно! Селитесь, селитесь! Къ міру ближе—теплѣе!

— Это вѣрно... По старинному, такъ говорили.

И низенькій, юркій Макридій, вѣчно въ синемъ суконномъ разлетаѣ, съ неизмѣнной биркой въ рукахъ, трусцой бѣжалъ къ своей деревнѣ, размахивая руками и, по обыкновенію, продолжалъ разговаривать самъ съ собою.

Дней черезъ пять, къ одному боку выселка примкнула и келейка солдатки Сиклетеи, огласившая выселокъ гомономъ ребятишекъ отъ полугодового до семилѣтка, и громкимъ крикомъ самой Сиклетеи, цѣлый день творившей надъ этой ребячей стаей материнскій судъ и расправу.

За солдаткой Сиклетеей, Богъ вѣсть откуда явился, мѣсяца черезъ три, старый, сгорбленный заштатный пономарь Ѳеоти-

Волчьяго выселка: — и откуда это Господь къ намъ его прислалъ?

Но Иванъ обыкновенно отшучивался на этотъ счетъ — и никто такъ и не добился, кто онъ, откуда. Волки думали, что его поселили къ нимъ, по обыкновенію, Дергачевцы; Дергачевцы думали, что сами Волки его откуда-ни то привлекли своимъ «мирнымъ житіемъ». Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что онъ податей не платитъ. Ванифантій, послѣ устройства кузницы, совсѣмъ сталъ безъ ума отъ Ивана, умилившись передъ его умѣлостью, бывалостью и усердіемъ, несмотря на то, что въ послѣднее время «большакомъ» стали овладѣвать какія-то смущенія.

Такъ народился и заселился этотъ невеликій поселокъ, который прозвалъ дергачевскій міръ—«волчьимъ».

ГЛАВА II.

Какъ въ немъ жили.

Если вы хотите познакомиться съ «благомысленными людьми» деревни, приходите въ осенній праздникъ, послѣ окончанія лѣтней страды, въ село Доброе, гдѣ есть большая старинная церковь съ посѣрѣвшей колокольней въ формѣ сахарной головы, съ большой луговиной вокругъ нея, покрытой сочной зеленой муравой, съ длиннымъ пяти-оконнымъ «батюшкинымъ домомъ» и палисадникомъ, противъ алтаря. Свѣтлый, прохладный осенній день, въ это время, больше всего собираетъ въ церковь деревенскаго люда. Около десяти часовъ. Обѣдня уже скоро отойдетъ, но народъ все еще идетъ въ церковь. Запоздавшія по хозяйству бабы труской бѣгутъ отъ села, на-скоро поправляя платки на головахъ и завертывая въ ручники восковыя свѣчи... Отъ церкви падаетъ на луговину длинная тѣнь. Въ ней пріютились слѣпые, нищіе, деревенскіе ребятишки, предпочитающіе больше быть около церкви, чѣмъ въ ней, и лошади, съ отпущенными поводами, заложенныя въ телеги. Около нихъ-то преимущественно и бесѣдуютъ ребятишки. Но особымъ ихъ вниманіемъ пользуется одна большая, сивая лошадь, которую они кормятъ изъ рукъ свѣжей травой. Эта лошадь исключительно оставлена подъ ихъ присмотръ. Ребятишки давно уже оцѣнили достоинства, и самой сивки, и большой телеги, и теперь скучали, сидя въ кружкѣ передъ мордой сивки, добродушно жевавшей, глядя на нихъ, подкладываемую ей траву. Зазвонили, наконецъ, къ отхо-

всѣмъ одряхлѣвшій, глухой и слѣпой. Эта изба была «общая». Здѣсь собирались братья Волки для совѣтовъ, и вся семья—для обѣдовъ и ужиновъ по праздникамъ; въ трехъ сосѣднихъ избахъ, въ два окна каждая—жили три брата съ семьями: старшій Ванифантій «большакъ», къ которому перешло первенство въ семьѣ за старчествомъ Мосея, вдовецъ, съ двадцати-лѣтнею дочерью Лушей, главный хозяинъ и управитель выселка, почтенный мужикъ лѣтъ 50-ти. Слѣдующій за нимъ—Вахромей; у него жена Прасковья и два малолѣтка; третій братъ—Архипъ, больше извѣстный подъ именемъ Хипы; у него жена Θедосья и одинъ малолѣтокъ. За этими тремя избами слѣдуютъ «избенки» чудака Сатира съ дочерью, «солдаточки», съ цѣлой стаей ребятишекъ, и не то изба, не то шалашъ какого-то неизвѣстнаго человѣка, молчаливаго, смирнаго. Какимъ онъ образомъ попалъ въ выселокъ—неизвѣстно никому. Только въ одно утро онъ предложилъ Ванифантію съѣздить за него попахать. Ванифантій, думая, что это новый поселенецъ, принятый Мосеемъ, отдалъ ему лошадь и соху. Незнакомецъ пропахалъ весь день и слѣдующій, и еще слѣдующій. Работалъ онъ изумительно много и скоро. Назвалъ онъ себя, шутя, Иваномъ Забытымъ. И черезъ недѣлю всѣ уже въ поселкѣ знали Ивана Забытаго, какъ родного. Никому его присутствіе не было въ диво; для всѣхъ онъ какъ будто давно былъ необходимымъ человѣкомъ.

— Иванушко! перенеси ко мнѣ борть съ дерева, просила Θеклуша.

— Чтò жь! Съ удовольствіемъ, говорилъ Иванъ, добродушно улыбаясь.

— Иванушко! посмотри, родной за ребятишками, кричала Ульяна, поручая ему стаю своихъ учениковъ.

— Чтò-жь, съ удовольствіемъ, говорилъ Иванъ и принималъ на себя должность надзирателя.

— Ахъ, Иванушко, присмотри ты за моими голяками-то, дорогой! я вотъ только въ деревню за заступомъ... А вотъ малому-то сунь соску — онъ и пущай лежитъ! говорила солдатка Синклетея.

— Съ удовольствіемъ! опять отвѣчаетъ Иванъ и садится съ ребятишками у солдаткиной избы, дѣлаетъ имъ чижи и кубари, нянчитъ на рукахъ ребенка.

Черезъ двѣ недѣли, онъ импровизировалъ въ выселкѣ кузницу, сдѣлалъ мѣхи, на первый разъ изъ старыхъ голенищъ. И кузнецомъ онъ оказался великолѣпнымъ.

— Золотой мужикъ у насъ Иванушко, говорили поселенцы

— Посовѣтоваться бы... Такія дѣла, такія дѣла—не приведи Господи! А-ахъ!.. отчаянно машетъ рукой мужикъ.

— Ладно. Зайди ко мнѣ. Приходи какъ ни то...

— Да когда мнѣ ходить-то! Вѣдь до тебя-то почесть пять верстъ будетъ! А дѣло то кипитъ!.. сдѣлай милость! Загляни ко мнѣ...

— Эхъ! крякнулъ старикъ:—спинушку разломило... Печки проситъ. Ну, ладно! Заѣду ужъ...

— Такъ вѣрно? говоритъ обрадовавшійся мужикъ.

— Вѣрно, вѣрно... Эхъ! Теперь заѣдешь, того гляди до обѣда не выберешься, опять кряхтитъ старикъ, залѣзая въ телегу. А смиренный мужикъ трусцой пускается бѣжать на село, чтобы успѣть раздобыть самоваръ, купить на пятакъ серебра чаю съ сахаромъ въ лавочкѣ и баранокъ и достойно принять «благомысленнаго» старика.

Иванъ Ѳедотычъ—одинъ изъ «благомысленныхъ» людей добросельскаго міра. Весь вѣкъ жилъ «по правдѣ», предъ неправдой былъ «крѣпокъ, «Бога помнилъ», умѣлъ во время «отрѣшиться» отъ зла и уцѣлѣть—вотъ смыслъ его жизни; вотъ права его на репутацію «благомысленнаго» мужика, на уваженіе и память своихъ сообщниковъ. Пока Иванъ Ѳедотычъ собирался уѣзжать, изъ церкви выходила другая личность, передъ которою также разступался народъ, кланялись бабы и снимали мужики шапки. Это была высокая, худая, нѣсколько сутуловатая, одѣтая «по старинѣ», въ синій сарафанъ, въ большіе «коты» и въ черный кафтанъ, повязанная большимъ чернымъ платкомъ, пожилая, но еще не старая женщина; степенно-серьёзно смотрѣло ея лицо; глубокія складки лежали по щекамъ, и морщины по лбу.

— Иди, иди, Лушенька! Иди! Не засматривайся по сторонамъ... Давай дорогу и другимъ пройти! говорила она ровнымъ спокойнымъ голосомъ своей бойкой черноглазой племянницѣ, тихонько поталкивая ее въ спину передъ собой.

— Къ намъ не пожалуете-ли, Ульянея Мосевна! говоритъ опять плотный старшина, не кланяясь, но полу-почтительно, полу-небрежно снимая картузъ:—не оставьте... Премного бы насъ удовольствовали... И въ то время, какъ старикъ Иванъ Ѳедотычъ считалъ себя, по старости лѣтъ, въ правѣ не откланиваться на привѣтствія, Ульяна Мосевна спѣшила нетолько отвѣчать на нихъ мѣрными кивками головы, но каждаго кланявшагося, въ особенности бабъ, поименовать по отечеству.

— Ваши гости! ваши гости, Сила Титычъ! За ласку примите

спасибо... Будетъ время, васъ не минуемъ.—Къ намъ милости просимъ.

— Гаврило! Иванъ! Собирайте кобылу-то Ульянеѣ Мосевнѣ!.. приказываетъ опять плотный старшина. — А то заѣхали бы!... Чѣмъ Богъ послалъ угостились-бы. Около, значитъ, самоварчика. Супругу бы навѣстили...

— Какъ она?

— Пухнетъ-съ. Истинно Господне наказаніе!

— Чтò-жъ баночки-то?

— Наставляли съ... Оттянуло малую мѣру. Предполагаемъ съ фельдшеромъ піявицу припустить...

— Воданка, смотри того, будетъ?

— Надо полагать-съ. Потому—пухнетъ-съ.

— Заѣду, заѣду!.. нельзя не заѣхать.

— Просимъ не оставить.

Телега и сивка, предоставленныя исключительно подъ присмотръ деревенскихъ ребатишекъ, принадлежали Ульянѣ Мосевнѣ.

— Ну, чтò, ребята, присмотрѣли благополучно? спрашивала она ребятишекъ.

— За первый сортъ!.. Откормили такъ, хоть на убой—такъ впору! Мы, тетенька Мосевна, всѣ здѣсь были! заявили ребятишки.

— Ну, хорошо, хорошо... Бѣгите къ Сафронычу, и я туда какъ разъ поспѣю... Мы у него за пятакъ сахарной лапши закупимъ.

— Ладно!

— Заверни, Мосевна, къ намъ-то! Бога для, сударка! тихо шептала какая-то старушка, когда Ульяна Мосевна садилась въ телегу.

— Ай, чтò у васъ?

— Бѣда родная! Не говори! Самъ-то ходитъ ровно очумѣлый. А сама-то пластомъ лежитъ. Того гляди—руки бы не наложила. Проситъ сама-то: позови, говоритъ, Мосевну, хотя бы я съ ней словечко перемолвила... Хотя бы душу-то отвела..

— Да чтò у васъ такое?

— Сѣкли, родная. Въ волости сѣкли. А вѣдь ужъ мужикъ въ лѣтахъ. Ребятки тоже не грудные... Кàкъ имъ глаза-то показать! Ну, и мечется.

— Спаси, Господи, сохрани и помилуй! Заѣду, Митревна, сейчасъ заѣду.

Плотно сжала строгія губы Ульяна Мосевна, покачала голо-

вой и, мѣрно раскланиваясь съ шедшимъ по улицѣ народомъ, тихо двинулась съ своей племянницей къ селу.

— Ульянея Мосевна! Ко мнѣ-то, ко мнѣ-то не забудь, касатка! кричитъ ей какая-то бабенка:—заждалась я ужь тебя!

Вечерніе сумерки давно уже спустились на село Доброе, а лошади «благомысленныхъ» людей еще не исчезаютъ съ сельской улицы; то у однихъ, то у другихъ воротъ стоятъ ихъ крѣпкія, купецкія телеги. Ждали телегу Ульяны и у малой, подпертой кольями дряхлой избенки Митревны, пока больная, «сама не въ себѣ» бабенка «отводила, душу», выплакивая передъ Мосевной свое горе, ждала она и у Сильвестра, непокладистаго, крутого мужика, пока Мосевна уговаривала его пустить къ ней ребятишекъ въ науку, ждала и у избы старшины, гдѣ «пухла» головиха, отъ неумѣреннаго и тайнаго употребленія тайной «красной водочки», пока Мосевна ощупывала ей «отекшія» ноги и животъ и рекомендовала ей цѣлый ворохъ цѣлебныхъ средствъ; ждала и у «батюшкина дома», гдѣ словоохотливая попадья успѣла высыпать ей цѣлый коробъ сплетенъ, пока Мосевна дожидалась, когда батюшка отыщетъ ей старый требникъ съ цѣлебными молитвами; ждала и у сельскаго кабака, пока зоркій глазъ Мосевны искалъ въ кабацкой толпѣ одного «женина мужа», сбѣжавшаго отъ больной жены и ребятишекъ.

Бывали случаи, что телега Ульяны Мосевны останавливалась и у волостнаго правленія, и у мірской сходки—и не рѣдко пріѣзжала домой Ульяна Мосевна только на третій день, побывавъ и въ селѣ, и въ ближайшихъ деревняхъ. Давно уже она совершаетъ такіе объѣзды, осеннею и зимнею порой, еще съ тѣхъ поръ, какъ семья Мосея жила въ деревнѣ Дергачи и невыселялась.

Что-же такое «благомысленный» деревенскій человѣкъ? Ничего особеннаго—для насъ, и очень многое—для народа. Это не болѣе какъ личность, случайно поставленная въ выгодныя экономическія условія, давшія ей возможность сохранить долю относительной независимости, и, въ тоже время, личность, на столько нравственно стойкая, чтобы «жить по правдѣ», «отрѣшаться отъ неправды и лицепріятія», личность, которую, вслѣдствіе этого, ничто не заставляетъ кривить душой, а потому каждое ея слово есть слово правды и убѣжденія. Понятно, что это возможно только при одномъ условіи, которое называетъ народъ «отрѣшеніемъ»; а это послѣднее влечетъ за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, готовность на подвигъ. Въ подвигѣ и отрѣшеніи—вся сила «благомысленнаго» человѣка деревни. Благомысленный человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ—органическій народный

типъ. Его выработали темныя историческія судьбы народа, лишеннаго благъ цивилизаціи. Благомысленный деревенскій человѣкъ, это—народный публицистъ, это—руководящій о̀рганъ, совѣтникъ и охранитель дѣдовскихъ устоевъ; это—врачъ духовный и, вмѣстѣ, нерѣдко тѣлесный. Въ «смутныя времена», во времена «людскаго шатанія», экономическихъ неурядицъ, колебанія устоевъ—происходятъ-ли они въ цѣломъ государственномъ организмѣ, или въ малой деревенькѣ—народъ выдвигаетъ изъ себя «благомысленныхъ людей». Кузьма Мининъ—вотъ историческій типъ «благомысленнаго» человѣка народа. Иванъ Ѳедотычъ и Ульяна Мосевна—заурядные типы благомысленныхъ людей добросельскаго міра. Благомысленные люди консервативны; это не люди движенія, а носители вѣковыхъ традицій, упорные быки, о которые разбивается часто все, что̀ имѣетъ намѣреніе подкосить стоящіе за ними устои народной жизни. Благомысленный человѣкъ можетъ быть только «человѣкъ деревни», и всему, что̀ имѣетъ поползновеніе реформировать устои этой деревни, волей-неволей приходится прежде всего считаться съ благомысленнымъ человѣкомъ. Ульяна Мосевна была «благомысленная женщина» добросельскаго міра; эти женщины извѣстны въ народѣ подъ именемъ—«начетчицъ», «незамужницъ», «Христовыхъ невѣстъ», а то и просто благомысленныхъ бабъ.

Зайдите въ знойный іюльскій или августовскій день, въ самый разгаръ деревенской страды, въ какую угодно убогую деревеньку, загляните въ ту или другую низенькую, дряхлую дву-оконную избушку, всю вросшую въ землю, тамъ, среди общаго безмолвія и пустоты, вы найдете въ большинствѣ случаевъ маленькую дѣвушку, лѣтъ пяти-шести, блѣдную и болѣзненную, съ большимъ вздутымъ животомъ и тонкими ногами. Эти хрупкія слабыя ноги не держатъ ея, и еще съ самаго рожденія она не становилась на нихъ. Молча сидитъ этотъ ребенокъ по цѣлымъ днямъ на лавкѣ, въ углу избы, закутанный въ старый полушубокъ, и то безучастно глядитъ своими большими грустными глазами (взглядъ этихъ глазъ всегда неимовѣрно жалокъ), какъ братишки возятся на полу съ котятами, то по цѣлымъ часамъ—одинъ одинешенекъ, оставленный въ страдную пору—вслушивается въ жужжанье мухъ, носящихся стаями надъ нимъ. И никого, никого кругомъ, кромѣ такихъ же, какъ и онъ, малыхъ ребятишекъ, никого—цѣлые часы! Развѣ только отецъ пріѣдетъ захватить забытый топоръ, сурово окрикнетъ у воротъ баловней-парнишекъ, сурово посмотритъ на больнаго ребенка, войдя на секунду въ избу, отмахнетъ отъ его соннаго личика мухъ, броситъ ему ложку, вмѣсто игрушки,—и опять уйдетъ. И

опять дѣвочка одна цѣлые томительные часы. Въ полдень навернется мать, пришедшая захватить жницамъ обѣдъ въ поле, погладитъ ребенка по головѣ, посмотритъ на нее какъ-то боязливо-задумчиво, поставитъ передъ ней чашку съ вареньмъ картофелемъ и скажетъ: «пожуй, пожуй, болѣзная!»—Не хотца! протянетъ шопотомъ ребенокъ.—«Чтò же, косатка? Али чтò болитъ? Позыву-то вишь у тебя на пищу нѣтъ.... Болитъ, молъ, что ли, чтò?—Нѣту, ничего не болитъ.... «Эко дѣло, эко дѣло!» только скорбно проговоритъ про себя мать, покачаетъ головой и начнетъ кутать опять ребенка полушубкомъ.—«Чего ты застряла тамъ, Аграфена? кричатъ въ окно бабы:—иди скорѣе! Вѣдь мы ждемъ! не одну тебя будутъ на перевозѣ-то переправлять!—«Иду, иду! Охъ, сейчасъ только вотъ дѣвчонку то приберу!!» И мать бросается изъ избы, наскоро захвативъ хлѣба и кувшинъ съ квасомъ.... До глубокаго вечера ребенокъ опять остается одинъ, въ сообществѣ только неугомонныхъ мухъ, предоставленный всѣмъ случайностямъ, которыя вздумаетъ ниспослать на его бѣдную, беззащитную голову суровая мужицкая судьба.... «Не сгорѣла бы какъ—ни то.... Мальчишки-то малъ-мала меньше.... Чего съ нихъ взять! Спалятъ ее того гляди, а то—прибьютъ, пожалуй, тоскуетъ на жнитвѣ мать.—Чего, голубушка! Пришла этто я вчера, а Ванифашка то мой стоитъ около нея да кричитъ, пузанъ эдакій:—ступай со мной играть! Чего ты со мной не играешь? Вишь какая мнѣ скука.... Вотъ призову я ребятишекъ, палками тебя сгонимъ съ лавки-то! А она, милые, смотритъ на него такъ жалобно, словечка не скажетъ»—Ну, все одно—не жилецъ она у тебя..... Она ужъ—божья, утѣшаютъ мать сердобольныя бабы:—какъ никакъ, а скоро ее приберетъ». Да, много прибираетъ Господь по нашимъ деревнямъ этихъ несчастныхъ дѣтей, этихъ жертвъ народной безкормицы и безразсвѣтной деревенской тьмы. Много мрётъ ежегодно по деревнямъ этихъ несчастныхъ дѣтей, но много остается ихъ и въ живыхъ, наполняя наши деревни огромнымъ контингентомъ тѣхъ нѣмыхъ свидѣтелей народнаго горя, тяжесть прокормленія которыхъ опять таки несетъ на себѣ скудная крестьянская закрома и которыхъ народъ окрестилъ скорбными именами «блаженненькихъ», «дурачковъ», «юродивыхъ», «божьихъ людей». Рѣдко, но случается. что изъ контингента этихъ обреченныхъ на вымираніе, но спасенныхъ волею случая калѣкъ «выправляются» настоящіе люди, обыкновенно, впрочемъ, съ слабыхъ физическимъ развитіемъ, но за-то съ сосредоточенной душой. Лишенные возможности подымать тяжесть полевыхъ трудовъ, эти «спасенные», обыкновенно женщины, отдаютъ, въ свою очередь, всѣ свои за-

боты и привязанности такимъ же дѣтямъ, какими выросли онѣ. И благо той деревнѣ, въ которой проявится такая «спасенная»; она не съ одной матери сниметъ бремя тоски и заботъ объ оставленныхъ въ страду, на произволъ судьбы, ребятишкахъ.

Такова была и Ульяна Мосевна: въ дѣтствѣ она была «обрѣченная», въ юности—«спасенная». Къ десяти годамъ, хотя медленно, но стала Ульяна выправляться; къ 12—она уже выглядывала за ворота. «Вишь ты, не беретъ Господь! И что ей за судьба будетъ? Куда она, такая ледящая, годится? думалъ Мосей, глядя на ея сухую, съ блѣднымъ лицомъ, фигуру, и покачивая головой:—какъ ни какъ надо ее по граматѣ пустить.... Больше въ ней проку не будетъ!» рѣшилъ онъ и отвелъ ее къ одной мѣстной начётчицѣ. Это было спасеньемъ для Ульяны. Освобожденная отъ тяжелыхъ работъ, она стала «выправляться», и къ 16 годамъ могла уже помогать метери по хозяйству. Господа ее, какъ «обреченную» на смерть, не трогали, а чтобы не замѣтили какъ-нибудь «съ барскаго двора», что Ульяна «выправляется», мать ея, Аграфена, теперь насильно заставляла ее сидѣть дома и не показываться на улицу. Но нельзя было укрыть восьмнадцати-лѣтнюю дѣвку отъ деревенскихъ парней. Въ тихія лѣтнія ночи часто слышался на задворкахъ Мосеевой избы чей-то шепотъ, раздавались чьи-то задержанные поцѣлуи. Парень попался Ульянѣ хорошій, обѣщалъ жениться, но барыня, какъ разъ въ это время, ссадила его на оброкъ, и онъ ушелъ въ столицу на заработки, поклявшись Ульянѣ черезъ годъ непремѣнно обвѣнчаться съ нею. Ушелъ парень, Ульяна совсѣмъ скрылась въ своей избѣ, а немного спустя, въ овинѣ Мосея, тихо, до того тихо, что никто не слыхалъ даже изъ чуткихъ до этихъ дѣлъ сосѣдокъ, народилось малое «незаконнорожденное» существо. Къ великому счастію Мосеевой семьи, существо это жило всего одинъ часъ. Бабкой была Аграфена, воспріемникомъ—Мосей. Тою же ночью, взялъ Мосей мертваго младенца, завернулъ его въ пазуху и, сказавши семьѣ: «Убью, ежели только слово на вѣтеръ вынесете!»—унесъ его къ себѣ въ лѣсъ (какъ извѣстно, онъ былъ лѣсникомъ). Этой же ночью онъ схоронилъ его въ лѣсныхъ дебряхъ. Тайна Ульяны осталась на вѣки тайной. Ульяна ждала теперь жениха, и женихъ дѣйствительно вернулся къ назначенному сроку, но вернулся мертвымъ: его нашли замерзшимъ и занесеннымъ вьюгой, въ полуверстѣ отъ деревни. «Чего тутъ? Видимо—судьба! Только смотри у у меня—еще не дурить!» прикрикнулъ Мосей на Ульяну. Ульяна, скрытно отъ всѣхъ, собралась на богомолье. Мосей махнулъ рукой: «Пущай! Ей ужь одна утѣха!» Только черезъ три года

вернулась Ульяна домой. Но больше скрываться было нельзя. На «барскомъ дворѣ» уже ее намѣтили и погнали на барщину. Здѣсь столкнулась она съ Сатиромъ. Онъ только-что овдовѣлъ и остался одинъ съ трехъ-лѣтней дочерью. Дочь эту онъ любилъ, съ охоты носилъ ей то земляники, то голубицы, то цвѣтовъ. Ульянѣ понравилось это. Ей хотѣлось выйти за Сатира замужъ. Но Сатиръ былъ еще тогда молодъ и, какъ вся дворня, хвастливъ и разгуленъ, между тѣмъ какъ Ульяна, въ двадцать пять лѣтъ, выработала, уже въ себѣ ровный, спокойный, сосредоточенный характеръ. Въ первый же день ихъ любовнаго объясненія, Сатиръ похвастался въ кабакѣ, такъ, совсѣмъ зря, безъ всякаго умысла, потому что и самъ сталъ-было любить Ульяну. Въ Ульянѣ словно что̀ порвалось. «Не судьба мнѣ!» рѣшила она уже въ послѣдній разъ, и съ тѣхъ поръ стала избѣгать Сатира. Сатиръ былъ изумленъ, но ему было и горько. Онъ уважалъ Ульяну за ея любовь къ его дочери, за ея строгій, степенный характеръ. Онъ видѣлъ, что ему ужъ не вернуть ея. Къ этому времени овдовѣлъ старшій братъ Ульяны, Ванифантій, и она, замѣнивъ оставшимся сиротамъ, Лушѣ и Петру, мать, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась и полной хозяйкой въ семьѣ, такъ какъ мать у нея умерла еще раньше, а Мосей жилъ уже въ своей рощѣ. Сатиръ долго кутилъ, потомъ вдругъ рѣшился: пришелъ онъ къ Ульянѣ, съ дочерью на рукахъ, и смиренно просилъ её принять къ себѣ, пока на ноги не станетъ дѣвчура. «А то вѣдь, при нашемъ проваленномъ житьѣ, ни за грошъ загибнетъ! Не ужь-то прогонишь, ее-то?» съ тайной боязнью спросилъ Сатиръ. Но Ульяна не прогнала. Аннушка, дочь Сатира, была первой дѣвушкой, взятой Ульяной со стороны, въ «поученіе». Сатиръ долго опять послѣ того кутилъ и, наконецъ, совсѣмъ заугрюмѣлъ. Съ каждой охоты приносилъ онъ какой-нибудь презентъ своей дочуркѣ и Ульянѣ Мосевнѣ. Молча клалъ свой презентъ на столъ, угрюмо поглаживалъ дочь по головѣ, сумрачно взглядывалъ на Ульяну Мосевну—и тотчасъ же, нахлобучивъ на уши картузъ, уходилъ, широко шагая, изъ избы. Ни на какія приглашенія остаться, ни на какія угощенія онъ не сдавался. Давно уже выросла дочь Сатира и вела свое собственное хозяйство у отца, давно уже Сатиръ переселенъ былъ дергачевскимъ міромъ въ Волчій поселокъ—а онъ и до сего времени, неуклонно и также молча, какъ добровольный оброкъ, носитъ съ каждой охоты «презенты» предмету своей чистой, но неудачной любви....

Въ одинъ изъ осеннихъ дней, Ульяна Мосевна, по обычаю «благомысленныхъ людей», навѣщала знакомыхъ и незнакомыхъ бабъ добросельскаго міра, жаждавшихъ «отповѣдать» ей накопившіяся за лѣто горести и невзгоды. Впрочемъ, теперь уже рѣже дѣлала свои объѣзды Ульяна Мосевна, да и ѣздила уже одна; какъ минуло Лушѣ шестнадцать лѣтъ, она перестала ее брать съ собою, а теперь Лушѣ шелъ уже двадцатый годъ. Ульяна Мосевна успѣла побывать и въ селѣ Добромъ, и въ деревняхъ Подпалихѣ съ Поджарихой, и теперь въѣзжала въ родные Дергачи, чтобы отсюда отправиться въ свой поселокъ.

Копавшаяся у околицы малая дѣвчурка, съ бѣлыми растрепанными косичками, въ синемъ крашенинномъ сарафанѣ, какъ только замѣтила знакомую лошадь, бросилась бѣжать по Дергачевской улицѣ, выпятившись впередъ животомъ и сверкая голенастыми, сожженными на солнцѣ ногами.

— Мосевна ѣдетъ! Мосе-евна-а! Мосевна-а! пронзительно кричала она на всю улицу, пока не высыпала ей на встрѣчу цѣлая гурьба ребятишекъ всевозможныхъ калибровъ и разновидностей: тутъ были большеголовые и малоголовые, бѣловолосые и черноволосые, мальчишки, подпоясанные подъ самое брюхо, съ ключиками на поясахъ, и дѣвчонки съ поясами чуть не на самой груди. Вся эта гурьба тотчасъ же приняла подъ свое покровительство сивую кобылу Ульяны Мосевны.

— Ну вонъ, пріѣхала! сказалъ староста Макридій, стоявшій среди дергачевскаго міра, по какому-то поводу собравшагося у старостиной избы.

— Эй, благомысленная! А мы къ вамъ было въ выселокъ собрались всѣмъ міромъ! говоритъ Макридій, раскланиваясь съ Мосевной и махая, по обыкновенію, руками.

— Али что̀ у васъ? Милости просимъ.

— Да что̀! Такія дѣла, такія дѣла... Только единственно, какъ міръ жалѣючи, началъ свою обычную пѣсню староста Макридій, безъ которой онъ ни разу не начиналъ никакого разговора съ тѣхъ поръ, какъ стали его выбирать въ старосты.

Подошли мужики. Одни сняли шляпы, другіе, по близкому знакомству, не сочли нужнымъ.

— Такъ что̀ жь, ступайте, милости просимъ...

— Да мы вотъ тебя поджидали... Когда ты проѣдешь...

— Что-жь я-то?.. Есть тамъ и безъ меня хозяева. Наше дѣло бабье...

— Чего тутъ — безъ тебя! Безъ тебя — нельзя... Тутъ дѣло такое... тутъ дѣло душевное. Ты скоро ли управишься?

— Да вотъ съ матерями-то хотѣлось бы кое-что перемолвить.

— Ну, ну, ступай... Мы подождемъ! Да не долго судачьте тамъ!..

— Хорошо, хорошо! Мы ужь какъ нитѐ сократимся...

Дѣйствительно, Ульяна Мосевна повернула дѣло скоро: не осталась дожидаться ни самоварчика, которымъ было уже раздобылись нѣкоторыя бабы, ни конца ихъ разсказамъ. Бабы остались, конечно, не совсѣмъ довольны нынѣшнимъ посѣщеніемъ. Но онѣ были люди «близкіе, свои» и потому во всякое время, въ особенности осенью и зимой, могли съ лихвою наверстать прерванные разговоры.

Пока Ульяна Мосевна собесѣдовала съ дергачевскими бабами, дергачевцы давно уже успѣли переговорить и перешутить съ обитателями Волчьяго поселка. Шли они въ выселокъ, медленно и лѣниво двигая ногами, заложивъ руки за спины, «балуясь» съ «обчественной собачкой» Шаркомъ, — всюду сопровождавшей дергачевскій міръ, если онъ собирался подъ предводительствомъ Макридія. Прежде всего встрѣтили они старика Мосея.

Въ грубой синей рубахѣ и портахъ, въ большихъ сѣрыхъ валеныхъ сапогахъ, сидѣлъ онъ, какъ неподвижная статуя на завалинѣ своей уже дряхлой, полуразвалившейся «сторожки», въ которой онъ прожилъ почти половину своего долгаго вѣка и теперь предоставленной въ полное распоряженіе неизмѣнной спутницы его уединенія, пасѣчницы Θеклуши. Съ боку «сторожки», на луговинѣ, вдавшейся въ самую рощу, стояли улья. Красное, какъ кровь, солнце спускалось далеко за рѣчкой и лѣсомъ. Косыми лучами, скользившими по желтой жнивѣ и побурѣвшей отавѣ, прямо ударяло оно въ окна выселка, въ высокіе, стройные, серебристые стволы березъ. Прямо ударяло оно и въ морщинистое, словно мхомъ, заросшее волосами лицо Мосея.

Дергачевцы, предводимые Макридіемъ, въ вѣчномъ разлетаѣ, въ числѣ пяти мужиковъ, подошли къ Мосею.

— Здорово, дѣдушко!.. какъ можется? крикнулъ на ухо, ударивъ его по плечу, Макридій.

— Али кто говоритъ со мной? прошамшалъ старикъ. — Не слышу, нѣтъ ужь, ничего теперь не слышу и не вижу, ребятушки... Чтѐ внутреннимъ окомъ — только то и чую.. Вотъ я на солнышко-то вышелъ посидѣть... Солнопёку-то я чую...

— Не слышишь? сказали дергачевцы: — Ну, Богъ съ тобой!.. Сиди, сиди, коли пригрѣло... Тебѣ только теперь и счастье, ежели пригрѣетъ. Чтѐ говорить, все равно, значитъ, какъ малый ребенокъ... Право! Правду говоритъ пословица: «чтѐ малый, чтѐ старый — единственно!» резонировали дергачевцы, подвигаясь къ «настоящему» выселку.—Вотъ теперь чтѐ хошь съ нимъ дѣлай!..

Выведи вотъ его въ рощу, оставь тамъ—такъ съ голоду и помретъ... Покличетъ, покличетъ, всплакнетъ, какъ ребенокъ, упадетъ—тутъ ему и смерть...

— Зачѣмъ такъ!.. этого не бываетъ... Собачку вотъ—и ту такъ нельзя, замѣтилъ одинъ изъ Дергачей:—такъ въ людяхъ не полагается...

— Кто говорилъ, что полагается!.. Да вотъ хорошо—у нихъ семья большая, хорошо вотъ онъ устой укрѣпилъ за свой вѣкъ крѣпкій, живутъ теперь они въ достаткѣ, въ семьѣ зла нѣту... Что говорить—приглядятъ за нимъ!.. А возьми вотъ наше дѣло, ежели Господь попуститъ — доживешь, такъ тоже радости мало! Вотъ хоша въ Подпалихѣ взять Филимона, (ровесникъ поди Мосею то будетъ) — что! Пришелъ я какъ-то въ страду къ нимъ, въ деревнѣ никѣмъ никого нѣту, а онъ лежитъ въ избѣ на печкѣ, не слышитъ, не видитъ ничего. Кругомъ — только куры однѣ... Долго ли до грѣха! Ну, грѣшнымъ часомъ, ребятишки что-нито сблудятъ, займется изба-то огнемъ—и словечка не промолвитъ, сгоритъ! Кто вспомнитъ, что въ избѣ Филимонъ на печи лежитъ?

— Да, это по нашимъ мѣстамъ не въ рѣдкость, подтверждали дергачевцы.

— А и семья придетъ—не лучше. Въ семьѣ у нихъ раздоръ, безхлѣбица. Самъ, большакъ-то, крутой, ребятишекъ полонъ дворъ, бабы ровно оглашенныя другъ на дружку, изъ-за куска хлѣба кидаются. Только рукой махнешь! Видѣлъ я, сунутъ старику-то чашку съ тюрей—и жуетъ онъ цѣлый день, а попроси чего другого—загалдятъ: «Хошь бы умиралъ скорѣе! гдѣ намъ взять получше-то?.. И то ребячій хлѣбъ заѣдаешь»..

Въ недавнее время, среди Волчьяго поселка, появились качели; вывелъ ихъ для дѣвокъ все тотъ же дошлый до всего Иванъ Забытый. Бабы Волчьяго поселка были очень довольны этимъ нововведеніемъ (въ дергачевскомъ мірѣ никогда прежде не было этого завода; въ деревняхъ обыкновенно такъ случается, что если не было въ данной мѣстности искони завода выводить качели, то ни въ одной деревнѣ ихъ и не встрѣтишь; но уже если гдѣ такой обычай привился, то качель вдругъ становится необходимой принадлежностью нетолько каждой деревни, но каждой избы). Они тотчасъ-же сдѣлали качели излюбленнымъ мѣстомъ для своихъ вечернихъ посидѣлокъ. А въ осенніе вечера, когда страдныя работы болѣе или менѣе «свалили» — бабы въ особенности любили бесѣдовать тутъ.

Подошли къ бабамъ. Прасковья, жена Вахромея, рубаху чинила и изрѣдка гладила по головѣ сидѣвшаго съ ней, на голой

землѣ, полугодоваго ребенка. «Нишкни, нишкни, Сысоюшко! приговаривала она:—нà, вотъ, камешекъ!» и опять принималась шить. Тутъ же рядомъ съ ней пристроилась и солдатка Сиклетея съ ребятишками различныхъ возрастовъ, отъ семилѣтняго пузана, на правахъ старшаго, колотившаго всѣхъ малыхъ, до трехълѣтней дѣвчонки въ пестромъ чепцѣ, составленномъ изъ разныхъ лоскутковъ. Ѳедосья, жена Хипы, сердито смотрѣла въ сторону и о чемъ-то обрывисто говорила. У солдатки ребятишки дразнили другъ друга, ревѣли и не давали ей слушать. Она кричала на нихъ; «У! воженые! Да дадите ли вы мнѣ хоть словечко выслушать!» и ловила одного за волосы, другого кормила шлепками. На доскѣ качели сидѣла Луша и, тихо покачиваясь, смотрѣла веселымъ, хитро-насмѣшливымъ взглядомъ изъ-подлобья на бабъ.

— Здорово, молодухи, кланялись дергачевцы: — чтò вы тутъ судачите?

— Вотъ бабье лѣто празднуемъ!.. Вишь, оно у насъ какое веселое — любо! иронически оборвала жена Хипы Ѳедосья и въ негодованіи сложила на колѣняхъ руки.

— А гдѣ у васъ мужики?

— Ищи ихъ, мужиковъ то!.. Кабы у насъ мужики настоящіе были...

— Какихъ же еще захотѣла?

— Развѣ это мужики! Бабы-то у нихъ все одно—коровы; поставили въ хлѣвъ — стой. А сами вонъ въ лѣсу живутъ, или вонъ мой—на пристани живьемъ-живетъ... По кулачнымъ боямъ ходитъ...

— А то съ тобой сидѣть!

— А чего же? То и мужъ... А развѣ у насъ мужья?.. Какая имъ объ насъ забота? Тѣ же работницы. Терплю, терплю, да вотъ закачусь куда-нибудь въ худой часъ. Все одно! Пущай! За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ... А имъ чужой вѣкъ заѣдать нѣчего.

— Полно пустое молоть... Это все отъ того, что у васъ ребятишки умираютъ, ребятишекъ нѣтъ; вотъ тебя тоска-то и мучитъ! замѣтила смиренная Прасковья.

— Бабу только и сократить, что ребятишками — это вѣрно, подтвердили дергачевцы.

— И хорошо, что нѣту, по крайности, одной веревкой межъ нами меньше... Отпрошусь вотъ на зиму къ матери, и все. Село у насъ фабричное, веселое—хоть часокъ поживу!

— Ай да шилохвастая!.. Вонъ она какъ вертитъ! шутили дергачевцы.

— Потерпи и терпѣнье слюбится! опять наставляла Прасковья:—и то сказать, никто тебя тянулъ...

— Всѣ тянули, да всѣ и обманули... Вотъ, говорили, счастье Өедосьѣ—въ богатую семью идетъ! А какое счастье! отъ мужиковъ отстали, а къ купцамъ не пристали!..

— О, дуй васъ горой! разсердился Макридій:—на бабу, истинно сказано, и угодникъ не угодитъ! Бьютъ васъ мало... Гдѣ, спрашиваютъ, Ванифантій-то?

— Въ избѣ у себя... Гость у него, отвѣтила Прасковья.

— Вонъ тетушка Ульяна пріѣхала, вскрикнула Луша, вскакивая съ качели.

Низенькая, приземистая и коренастая, вся въ отца, съ высокой грудью и розовыми щеками, Луша, бросивъ мужикамъ свой обычный, хитро веселый взглядъ изъ подлобья, побѣжала навстрѣчу телегѣ Ульяны Мосевны.

— Ну, вотъ и ладно, коли пріѣхала, засуетился Макридій:— подождите тутъ, приказалъ онъ мужикамъ: — а я вотъ сейчасъ Ванифантія вызову.

Но какъ разъ ему навстрѣчу вышелъ Ванифантій, плотный, низенькаго роста, съ широкой бородой, степенный мужикъ и, какъ всѣ степенные мужики, ходившій медленно; любившій поглаживать бороду и постоянно какъ бы соображать что-то «по хозяйству». Рядомъ съ нимъ шелъ незнакомый дергачевскому міру человѣкъ, въ сибиркѣ чернаго сукна, въ кувшинныхъ блестящихъ сапогахъ, которыми онъ ступалъ легко, не всей ступней, не по медвѣжьи, какъ ступали искони всѣ дергачевцы, а слегка поскрипывалъ и какъ бы чуть-чуть замѣтно приподнимался на ходу на носки. Онъ былъ въ картузѣ, съ подстриженной русой бородкой; сѣрые глаза его увѣренно, бойко и проницательно глядѣли кругомъ, хотя вся фигура его выражала сдержанное почтеніе.

— А дочка при васъ будетъ... при родителяхъ? спрашивалъ онъ Ванифантія, силясь своимъ ястребинымъ взглядомъ разглядѣть сидѣвшихъ у качели бабъ.

— При родителяхъ, отвѣчалъ Ванифантій, что-то бережно завертывая въ бумажку и пряча въ карманъ.

— Такъ-съ! И наблюдательный взглядъ незнакомаго молодца быстро обошелъ весь поселокъ.

— Райскія у васъ мѣста! Ежели бы это подлѣ столицы—блаженство! замѣтилъ онъ.

— Мѣста ничего!

— Только въ запущеніи... Дикости очень достаточно.

— Этого у насъ много... Извѣстно, лѣсъ...

— Вотъ мы и опять къ вамъ! заговорилъ Макридій, не кланяясь ни съ Ванифантіемъ, ни тѣмъ болѣе съ незнакомымъ молодцомъ, и замахалъ руками.

— По Андреиному дѣлу?..

— По нему самому...

Ванифантій крякнулъ и помолчалъ...

— Ну, да ладно, сказалъ онъ:—какъ вотъ наши—посмотримъ... Эй, бабы! Кликните-ка, гдѣ братья-то! приказалъ онъ бабамъ.

— Архипъ-то на мельницѣ былъ, а Вахромей чать у Сатира, откликнулась Прасковья.

— Кликните ихъ... Шли бы сюда... Да вотъ еще Ульяны нѣтъ...

— Пріѣхала, и Ульяна пріѣхала... Слава-те Господи—всѣ въ сборѣ... Задержки не будетъ! Вотъ я, постой самъ сбѣгаю — кликну ее, засуетился дѣятельный Макридій.

— Такъ пока счастливо оставаться! сказалъ молодецъ въ сибиркѣ, когда подошли дергачевцы.

— Погоди... Вотъ познакомься съ нашими-то... Вотъ сейчасъ всѣ соберутся... всей семьей...

— По земельному дѣлу?

— По земельному...

— Гм... по нашему занятію, любопытно..

Скоро всѣ собрались у житницы, стоявшей противъ Ванифантьевой избы. Ванифантій съ гостемъ и два дергачевца присѣли на широкомъ, шедшемъ вокругъ всей избы крыльцѣ. Тутъ же присѣлъ въ уголъ и Вахромей, съ трубкой, низенькій, худой, съ цыганскимъ лицомъ и черными кудрявыми волосами, мужикъ лѣтъ тридцати. Хипа, высокій, широкій въ плечахъ, молчаливый, съ большими добрыми глазами, мѣстный силачъ и младшій братъ, остановился невдалекѣ.

— Братья будутъ? спросилъ молодецъ въ сибиркѣ.

— Они самые.

Хипа только мотнулъ головой, а Вахромей посмотрѣлъ сбоку на молодца, сплюнулъ и продолжалъ сопѣть трубкой.

Пришла и Ульяна съ Макридіемъ.

— Тетенька будете Петру-то Ванифантьичу? спросилъ, привставъ и снимая картузъ, молодецъ, когда Ульяна подошла къ мужикамъ и степенно поклонилась имъ кивкомъ головы.

— Тетка была, сказала она, пристально всматриваясь въ незнакомаго молодца:—а вы развѣ изъ тѣхъ мѣстъ?

— Изъ столицы... Наказывалъ поклонъ передать, какъ выходитъ, мы пріятели будемъ.

— О?.. Ну, какъ онъ, Петруша-то? спросила Ульяна Мосевна совсѣмъ другимъ голосомъ.

— Въ благоденствіи... Обѣщалъ скоро самъ быть...

— Ой-ли? Ну, ну... пора, давно пора... Пять годовъ не видѣла... Такъ ты, родной, въ пріятельствѣ съ нимъ? совсѣмъ разчувствовалась Ульяна Мосевна:—вѣдь я ему, почесть, мать родная была. Сама выходила.

— Такъ точно-съ. Петръ Ванифантьичъ сообщали...

— Такъ неужто? А? обратилась Ульяна Мосевна къ Ванифантію.

— Говорятъ, ѣдетъ; врать не станутъ, сказалъ Ванифантій и полѣзъ въ карманъ.

— Ну, вотъ у васъ и праздникъ! И мы попразднуемъ, заговорилъ Макридій:—оно же теперь въ самый разъ... Поди, чать, купецъ-купцомъ. Медвѣжье-то обличіе, поди, все сошло: слѣда не сыщешь!

— Трудновато, замѣтилъ, самодовольно улыбаясь, Ванифантій и, бережно вынувъ изъ бумажника фотографическую карточку, подалъ ее Ульянѣ.

— Любуйся!

— Наткась, наткась! закачала головой Ульяна Мосевна и, прищуриваясь, съ широкой улыбкой стала всматриваться въ портретъ.

— Да нѣтъ! Ужъ будто какъ и не признаешь совсѣмъ! Можетъ, оно такъ и нужно!.. Дѣло столичное, замѣтила въ концѣ концовъ Ульяна Мосевна.

— Ну-ка, ну-ка покажь! засучивая рукава, сказалъ Макридій: — каковы наши молодцы выправляются тамъ? Тоже свои, лестно!

— Какъ не лестно! замѣтили и мужики:—вмѣстѣ, Богъ дастъ, жить будемъ! И всѣ сгрудились около Макридія, который держалъ карточку обѣими руками, отставивъ ее отъ себя на приличную дистанцію, чтобы видно было всѣмъ.

Иронически сбоку глядѣлъ на карточку Вахромей. Молча, съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ, посматривалъ Хипа; изъ-за спины Ванифантія глядѣли изъ подлобья хитро-насмѣшливые, черные глаза Луши, и даже, словно откуда-то издалека, сверкалъ единственный глазъ неизвѣстно когда подошедшаго Сатира. Карточка, между тѣмъ, была очень обыкновенная и далеко не казистая, и по ней дѣйствительно не особенно легко было признать оригиналъ; вообще карточки, встрѣчающіяся въ деревняхъ, отличаются замѣчательнымъ несходствомъ, главнымъ образомъ потому, что народъ любитъ сниматься во весь ростъ,

«во всемъ востюмѣ» непремѣнно, хотя бы и въ ущербъ величинѣ и сходству собственнаго лица: онъ не любитъ поясныхъ портретовъ. Въ виду этого будутъ понятны замѣчанія, которыя дѣлали дергачевцы, что «сапоги важно выведены, надо полагать съ глянцемъ, купецкіе... и кафтанъ не нашихъ чета: пріѣдетъ, дѣвки наши только держись» и т. п. И только одинъ Вахромей взглянулъ поглубже, въ суть вещи.

— Схожи! сказалъ онъ, иронически подмигнувъ молодцу въ сибиркѣ.

— Нѣтъ, мало, отвѣчалъ тотъ:—съёмка эта самая не въ куражѣ была...

— Я говорю, на тебя похожъ, внушительно пояснилъ Вахромей.

— Это точно, межъ нами сходства много.

— То-то!..

— Ну, будетъ. Сглазите еще! сказалъ Ванифантій и отобралъ отъ дергачевцовъ карточку. Подошли-было и бабы съ ребятишками на рукахъ, еще издали почуявшія «что то новое». Но на предложеніе Макридія «ужь и бабамъ показать москвича» Ванифантій только проворчалъ: «Ну, наболтаютъ тутъ еще зря! На бабье слово удержу нѣтъ!» — и, опять бережно завернувъ карточку въ бумажку, спряталъ въ карманъ.

Дергачевцы еще продолжали дѣлать свои замѣчанія насчетъ «москвичей», а Ульяна Мосевна вступила было въ подробные распросы молодца въ сибиркѣ о своемъ племянникѣ Петрѣ, но Ванифантій прямо заявилъ, что пора приступить къ дѣлу.

— Такъ гдѣ онъ, Андрей-то?

— Вотъ здѣсь, здѣсь, засуетился Макридій: — Андрей! Поди сюда... Выйди, братецъ! Чего прячешься? Эхъ, братецъ! Отвыкъ и отъ людей, по «темнымъ»-то сидя!

Изъ среды дергачевцевъ выдвинулся шага на два мужичекъ, лохматый, нечесанный, въ истлѣвшей совсѣмъ ситцевой рубахѣ, мужичекъ, что называется, «оброшеный», по прозвищу Клопъ.

— Я не прячусь. Что прятаться! Я вотъ здѣсь... Мое дѣло передъ Богомъ правое, смиренно проговорилъ Клопъ, смотря въ землю и пошевеливая носкомъ сапога попавшуюся подъ ногу щепку.

Но мы должны здѣсь вернуться нѣсколько назадъ. Съ переселеніемъ въ Волчій посёлокъ «солдатечки», дергачевскій міръ прекратилъ свои «дипломатическіе подходы» подъ благодушнаго Мосея; тѣмъ болѣе, что «душевныя» отношенія между нимъ и дергачевцами установились прочно и таковыми пребывали неизмѣнно, да и случаевъ, которые бы подвергали ихъ отъ вре-

нени до времени испытанію, не подвергывалось. А эти «душевныя» отношенія еще болѣе закрѣпились по слѣдующему обстоятельству. Вскорѣ по переселеніи въ Волчій поселокъ, Мосей, воспользовавшись переѣздомъ на отдыхъ въ свою усадьбу старика-барина, выпросилъ уступить ему сосѣднюю съ его рощей порубь. Баринъ ему продалъ, а дергачевцы «сообща» выкорчевали ее, «подняли новину» и сняли ее у Мосея «изъ третьей четверти». Эти «душевныя» отношенія нисколько не измѣнились, когда большакомъ въ семьѣ Волковъ сталъ Ванифантій, тѣмъ болѣе, что сдѣлалось это совсѣмъ незамѣтно: Мосей старѣлъ и дряхлѣлъ исподволь и поэтому все чаще прибѣгалъ въ виду какихъ нибудь сложныхъ рѣшеній къ семейному совѣту. Въ этомъ семейномъ совѣтѣ преобладающимъ значеніемъ пользовались Ульяна Мосевна и Ванифантій, къ которымъ и перешло все завѣдываніе хозяйствомъ, а младшіе братья, по молодости и полному равнодушію, рѣдко вмѣшивались въ дѣла, привыкши жить «за отцовскимъ глазомъ». Такимъ образомъ, положеніе семьи Волковъ не измѣнилось ни въ чемъ, развѣ въ томъ, что Ванифантій, какъ только ослѣпъ и оглохъ Мосей, тотчасъ же отправилъ сына Петра въ Москву, къ одному купцу, не желая пускать его, «ради его худобы и книжнаго пристрастія», по земельному тяжелому дѣлу,—такъ объяснялъ онъ свое рѣшеніе.

Между тѣмъ, дергачевскій міръ продолжалъ, изъ года въ годъ, терзаться разрѣшеніемъ той дилеммы, о которой мы говорили въ первой главѣ, и этому терзанью не видѣлось «конца краю». То они пробовали брать у сосѣднихъ землевладѣльцевъ землю въ аренду, то приговаривали «отойти съ хлѣбовъ половинѣ міра на сторону», то бросались въ торговлю, перенимая у сосѣднихъ губерній кустарные промыслы, но проклятые мужицкіе вопросы такъ же не поддавались разрѣшенію, какъ не поддаются подобные же «проклятые вопросы» разрѣшенію людей интеллигентныхъ. Однимъ словомъ, хроника дергачевскаго міра представляла одно сплошное метаніе изъ огня въ полымя. Каждый годъ приносилъ дергачевскому міру какую нибудь задачу, которую ему требовалось разрѣшить сообразно его вѣковымъ традиціямъ. Одну изъ этихъ задачъ задалъ ему въ послѣднее время «смиренный» мужичокъ Клопъ.

Плохо жить вообще смиреннымъ людямъ, но въ періоды общественной «безтолочи», въ періоды поголовнаго «метанія», смиренный человѣкъ, наименѣе вооруженный противъ всякихъ случайностей, которыми полны эти періоды, наименѣе подготовленный извиваться и увертываться подъ ихъ ударами, безусловно обреченъ на гибель. При первой же такой случайности его охва-

тываетъ «оторопь». Пришибленный ею, онъ начинаетъ метаться вмѣстѣ съ другими, но безъ всякаго толку, безъ всякаго соображенія, еще болѣе увеличивая общую безтолочь и сутолоку, сбивая съ толку и тѣхъ, которые намѣревались-было выбраться на свѣтъ божій, принимая на себя ругань и окрики тѣхъ, которымъ подвертывался подъ ноги.

Нѣчто подобное представляетъ собою и «смиренный» Клопъ. Отецъ огромной малолѣтней семьи, которую онъ любилъ какою-то исключительною, даже надоѣдливою любовью, онъ не могъ прокормить ее; съ полуторадесятиннаго надѣла хлѣба едва хватало до Рождества; онъ ревѣлъ въ избѣ вмѣстѣ съ голодными ребятишками и женой, ревѣлъ на міру; міру было самому не легче—и Клопа ругали, а Клопъ не переставалъ тащить на міръ всѣ свои личныя невзгоды. Мало этого, въ «оторопи» у него «опускались руки», онъ не успѣвалъ усмотрѣть даже за семьей; то ребятишки подпалятъ избу, то упадетъ развалившійся сарай, который онъ позабылъ подпереть новыми жердями, и пришибетъ «останную» корову, то жена родитъ «мертвенькаго», и испуганный Клопъ тащитъ его тихонько хоронить въ лѣсу, но на него доносятъ. Наѣзжаетъ судъ. Кричитъ на Клопа становой, кричитъ попъ, кричитъ староста, кричитъ весь дергачевскій міръ, сбитый съ ногъ наѣздомъ суда. Смиренный Клопъ уничтоженъ..

И такіе мужики встрѣчаются въ каждой деревнѣ. Заверните въ любую, и вы, навѣрно, встрѣтите тамъ не то избу, не то шалашъ, наскоро поставленный на свѣжемъ пепелищѣ. Около шалаша копается стая полунагихъ ребятишекъ. «Чьи это»? спрашиваете вы.—Да вотъ мужичокъ у насъ есть... такъ «незадашный» мужичокъ... Совсѣмъ съ пахлей сбился...—«Что же такъ?»—Да Господь вѣдаетъ!.. Такъ ужь божье произволенье..—«Пьяница онъ?»—Нѣту, какой пьяница!.. Отецъ любящій, къ семьѣ приверженъ какъ нельзя лучше... А такъ—полоса, значитъ. Прошлымъ годомъ корова пала, позатретьимъ годомъ изба сгорѣла (вишь, дворецъ какой поставилъ!), а вотъ зимой лошадь свели... «Гдѣ же онъ самъ-то?»—Да вотъ тоже, грѣшнымъ часомъ, въ тюрьму угодилъ... и совсѣмъ по чужому дѣлу... Такъ ужь, выходитъ, потерялся»...—Тоже самое случилось и съ Клопомъ. Ушелъ-было онъ на заработки, да угодилъ, по подозрѣнію въ сообществѣ съ какими-то грабителями, въ тюрьму, и тоже потому, что «оторопь» взяла... «Чѣмъ бы мнѣ, дураку, бѣжать, а у меня языкъ отнялся, руки-ноги затряслись», объяснялъ Клопъ. Его взяли вмѣстѣ съ грабителями, которые не задумались запутать его въ свое дѣло. Два года сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, два

года въ арестантскихъ ротахъ, пока, наконецъ, не былъ посланъ запросъ дергачевскому міру: «Желаетъ ли онъ принять обратно въ сельское общество бывшаго подъ судомъ крестьянина деревни Дергачи Андрея Клопа?»—а иначе, дескать, онъ будетъ отправленъ по этапу на поселеніе въ мѣста «не столь отдаленныя». Завыли Клоповы ребятишки, завыла жена. Дергачевцы только руками махнули: «пущай приходитъ... Мужикъ-то ужь онъ очень душевный! Хошь и самимъ тѣсно, да ужь какъ-нито»... Пришелъ Клопъ—нужно «приспособить его къ роду жизни». Вотъ это-то и составляло одну изъ тѣхъ задачъ, которыя предоставлены рѣшать исключительно мужицкому міру и отъ рѣшенія которыхъ считаютъ себя свободными всѣ другіе интеллигентные и неинтеллигентные «міры», къ ихъ, конечно, благоденствію и спокою...

— Ну, такъ ка̀къ дѣла? спросилъ Ванифантій Клопа. Клопъ переступилъ еще два шага, намѣреваясь что̀-то сказать.

— Погоди, постой, сказалъ Макридій, отстраняя рукой Клопа и деспотически подсаживаясь къ Ванифантію и Ульянѣ:—вотъ что̀, благомысленные, самую эту прокламацію мы оставимъ, потому, это дѣло извѣстное... Качества этого самаго мужичка тоже ужь, можно сказать, намъ доподлинно знакомы... Такъ мы объ этомъ рѣчь-то прекратимъ! Такъ ли? А будемъ, значитъ, такъ говорить: ка̀къ значитъ у насъ съ родителемъ вашимъ завѣтъ былъ положенъ, чтобы все сообща и чтобы какъ можно другъ отъ друга не отбиваться—такъ, думается, и впредь надлежитъ быть... А старые завѣты рушить намъ нечего! Такъ ли?

— Такъ, такъ. Да развѣ мы рушили, Макридій Сафронычъ? спросила Ульяна.

— Зачѣмъ рушить? Ка̀къ можно родительскіе завѣты рушить! подтвердилъ и Ванифантій.

— А я про что̀-жь? Вотъ я про это самое... Я къ тому и рѣчь веду, чтобы молъ и напредки намъ не рушить, а въ согласіи пребывать. Вотъ!

Тутъ Макридій поправилъ рукава и пустился въ пространныя объясненія на счетъ тѣхъ всѣмъ мужикамъ любезныхъ вопросовъ, что молъ, «земля-матушка, земля-кормилица», что «смиренному мужичку безъ земли—не жить, что ему безъ земли сгинуть надо» и т. п. Въ концѣ-концовъ, оказывалось, «что хоша и мірская тягота, да гдѣ же мы ему земли возьмемъ? До переписи ужь ниже клочка взять намъ негдѣ. Потому, теперь всякому тоже свое дорого. Вонъ у удѣльныхъ, какъ у нихъ, Господи благослови, земли-то въ мѣру, такъ на эти самые случа̀и «отмѣт-

-ныя земли» приспособлены [1]... А у насъ не то что отмѣтныя земли имѣть, не на что, можно сказать, курицу выпустить! заключилъ Макридій.

— На этотъ случай, кажись, заработки предусмотрѣны, замѣтилъ вскользь московскій молодецъ.

— На заработки! крикнули дергачевцы:—а ты знаешь ли, что такое заработки-то?.. Аршинничать или маклачить на заработкахъ-то легко. А ты вотъ поди спину около кулей потри. А коли вотъ мужичекъ-то, будемъ говорить, отецъ любящій, къ семьѣ приверженъ, а семьи-то онъ вотъ четвертый годъ не видалъ, такъ кàкъ ему за заработками-то бѣгать! Ему только объ одномъ стараться, кàкъ бы отъ дѣтишекъ совсѣмъ не отбиться, да душу въ конецъ не загубить. Ты вотъ знаешь-ли: коли теперь этого мужичка опять отъ семьи отбить, такъ онъ и совсѣмъ ума рѣшится?

— Не загубите! прошепталъ Клопъ:—изщемило, въ острогѣ-то сидѣмши. Все представленія были, все будто вокругъ меня дѣтишки... Лягу, а мнѣ быдто шепчутъ: «тятька, сдѣлай конька... Конька мнѣ, тятька, изъ полѣна выруби»... говорилъ Клопъ, стыдливо утирая глаза рукавомъ рубахи.

— Ишь вонъ! Да! Ужь мы пробовали его на заработки-то гонять.. Легко сказать: «заработки!» говорили мужики, избѣгая смотрѣть въ лицо Клопу.

— Ну, не реви, прикрикнулъ Макридій на Клопа:—пора тебѣ бросить это поведенье-то! Будь-же, братецъ, посурьёзнѣй! Эдакъ, ежели мы всѣ заревемъ, хорошаго мало будетъ! Эхъ, братецъ! Будь вполнѣ мужикомъ, какъ надлежитъ—крахти и крѣпись, то и честь! поучалъ Макридій:—молчи! Будь степеннѣй! А ужь вы, благомысленные, такъ скажемъ, обратился онъ къ Ванифантію и Ульянѣ:—съ міру тяготы возьмите и теперь, какъ по прежнему, озимку-то поднять ему не откажите... Вѣдь ему много-ли надоть?.. Ежели бы раздобыться десятинкой, только—и довольно пока... И вполнѣ даже достаточно! Такъ-ли?—И Макридій уставился глазами на Ванифантія и Ульяну.

— Кàкъ вы, братьѝ... Ты кàкъ Ульяна? спросилъ Ванифантій.

---

[1] Фактъ существованія въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ общинахъ «отмѣтныхъ земель» на случай разрѣшенія мірскихъ задачь, подобныхъ приведеннымъ нами, между прочимъ, съ особенною убѣдительностію доказанъ недавно однимъ начинающимъ писателемъ и изслѣдователемъ народнаго быта, г. Харламовымъ, въ небольшой, но интересной статьѣ «Факты общиннаго владѣнія» («Московское Обозрѣніе, № 1, 1878 г.»).

Авторъ.

— Мое слово было тебѣ сказано:—изъ тѣхъ законовъ, намъ корысть не велика—пущай пользуется, отвѣчала Ульяна Мосевна: — мы всѣ люди свои... Отъ своихъ намъ не отбиваться. Какъ ужь отъ батюшки идетъ, такъ и будетъ.

— Это такъ... вѣрно. Я за этимъ не стою. Только вотъ Петюшка прописываетъ мнѣ... Кто его знаетъ?! Пишетъ: «а землю вы, родные, распущать по чужимъ рукамъ подождите, попридержите, пишетъ, при своихъ рукахъ... И отъ того намъ будетъ всѣмъ большая польза!..»

Ванифантій сказалъ и вдругъ замолчалъ.

Мужики притихли. Нѣкоторые изъ дергачевцевъ закинули руки за спины и придвинулись поближе къ Ванифантію, а Макридій до того былъ весь вниманіе, что, казалось, готовъ былъ вскочить Ванифантію въ самые глаза. Вахромей пересталъ сопѣть трубкой, и только по лицу Хипы витало прежнее добродушное безучастіе.

— Петюшка—паренекъ еще неразумный... ласково замѣтила Ульяна Мосевна.—Мало ли чего онъ тамъ въ городѣ наслушается: живетъ середь купцовъ, прикащиковъ. У него ужь мірскаго разума нѣту...

— Вотъ, вотъ, благомысленная! истинно твое слово! У него этого разума быть не можетъ... Это, значитъ, наше поведенье мужицкое! подхватилъ Макридій:—будемъ такъ говорить: почему мы изъ вѣковъ крестьяне, купцы—купцами и баре—барами? Потому—у насъ свое поведеніе, а у купцовъ свое...

— Ну, и что̀-жь пишетъ? чтобы значитъ, такъ и такъ съ землей обращенье имѣть? интересовались дергачевцы.

— Ка-акже! все это расписалъ какъ быть надлежитъ: и строенье надворное, и рощу, и землю—все размежевалъ, всему свое приложенье...

— Уставщикъ! проговорилъ Вахромей.

— Больно уменъ ужь! замѣтилъ Хипа и весь просіялъ невиннѣйшей улыбкой.

— Уменъ, слова нѣтъ! подхватилъ Ванифантій, снова самодовольно поглаживая бороду:—что̀ еще? выюношь, а объ своихъ мысли не оставляетъ. За это дѣло—похвали! Ну, такъ кàкъ-же намъ Андрея-то? Если погодить, пока Петюшка пріѣдетъ?..

— Совѣтую, проговорилъ московскій молодецъ.

— Кто пріѣдетъ? вдругъ круто спросилъ Вахромей, все еще сидя вдали, на самомъ концѣ крыльца.

Ванифантій ничего не сказалъ.

— Петръ Ванифантьичъ, отвѣтилъ за него молодецъ.

— Кто онъ такой будетъ, Петръ-то Ванифантьичъ? продолжалъ допрашивать издали Вахромей.

— Погодите! что̀ пустое болтать! строго сказала Ульяна Мосевна.—Намъ, почтенный молодецъ, обратилась она къ москвичу:—Петръ Ванифантьичъ—не указъ. Мы по дѣдовскимъ завѣтамъ живемъ. И Петру Ванифантьичу наипаче надлежитъ тѣмъ завѣтамъ слѣдовать.

— Еще и старичекъ-то вашъ, благодареніе Господу, живъ! Вонъ онъ, старичекъ-то божій! Мало, что онъ слѣпой... Слѣпцу-то Господь самъ тайное все открываетъ. Мы вонъ нынче съ нимъ бесѣдовали, а онъ и говоритъ: «я, говоритъ, ребятушки, внутреннимъ окомъ чудесно все вижу!» не то чистосердечно, не то тонко-дипломатически замѣтилъ какъ бы вскользь Макридій, показавъ въ сторону сидѣвшаго все еще у своей избушки Мосея.

Всѣ какъ-то невольно обернулись къ рощѣ и посмотрѣли на неподвижную фигуру слѣпого старика.

— Приходи, Андрей Терентьичъ! Приходи безъ сумлѣнья! рѣшила Ульяна Мосевна:—мы тебѣ три загона подъ озимую отрѣжемъ...

— Ну, та̀къ, такъ-та̀къ! сказалъ и Ванифантій:—и то правда! Дѣло выходитъ, какъ бы, значитъ, общее, мірское...

— Да ужь, какъ искони! Ну, вотъ и помогай Господы!.. Беритесь по-рукамъ! заторопился Макридій.

— Дай Богъ совѣтъ да любовь, проговорила, крестясь, Ульяна Мосевна.

— На что̀ лучше! поддакивалъ Макридій:—вотъ и, опять значитъ, мы завѣтъ укрѣпимъ... Такъ ли? Чтобы сообща... Вѣдь мы только до передѣлу... Вотъ у насъ черезъ два года передѣлъ будетъ, ка̀къ ни ка̀къ, можетъ, собьемся гдѣ ни то въ ренту землицы прихватить... Да мы тогда, благомысленные, васъ утруждать и не помыслимъ! Боже упаси!.. Да мы тогда отъ васъ всѣхъ, пожалуй, опять къ себѣ переправимъ: и Сатира возьмемъ, и солдаточку возьмемъ, коли вамъ утѣсненье будетъ...

— Зачѣмъ такъ, зачѣмъ! Не приведи до этого Господи! Это равно, что изъ избы вѣнецъ вынуть: изъ дома благодать вонъ... Нашъ поселокъ сообща былъ закрѣпленъ, говорила Ульяна Мосевна, пока Макридій, Клопъ и братья Волки, размахивая руками, хлопали другъ друга по широкимъ ладонямъ.

— Поправляйся! сказалъ лаконично Вахромей, а Хипа только пожалъ своей могучей рукой руку Клопа и улыбнулся.

Долго еще раздавались взаимныя пожеланія и увѣренія во

взаимной помощи, «все чтобы сообща, какъ изъ вѣковъ, такъ чтобы и навѣковѣчно».

— А условіе у насъ будетъ одно, говорилъ Ванифантій Клопу:—брать намъ съ тебя, скорбнаго, нечего, пока не управишься... семья у тебя большая... А такъ будемъ: у насъ въ чемъ несправка—ты прійдешь, поможешь, у тебя коли въ чемъ недостача—мы не оставимъ...

— А насъ всѣхъ міръ честной не оставитъ, коли Господь бѣдой попуститъ! вставила Ульяна Мосевна.

— Да ужъ это будьте въ надеждѣ, благомысленные. Міръ—не одинъ человѣкъ. На міру обману меньше! увѣрялъ представитель дергачевскаго міра.

Всѣмъ вдругъ стало какъ-то веселѣе. Смиренный Клопъ въ умиленіи только и повторялъ: «по гробъ жизни! Въ вѣки вѣчные не забуду! Дѣтишкамъ въ завѣтъ поставлю... Благомысленные мои!.»

— А какъ-никакъ требовалось бы того... по обычаю спрыснуть, не смѣло и ухмыляясь во весь ротъ, заявилъ одинъ дергачевецъ. Согласились и спрыснуть, на какой разъ думали раздобыться четвертухой водки отъ Ванифантія.

Такъ разрѣшилась, къ общему удовольствію, задача, заданная смиреннымъ Клопомъ дергачевскому міру, и только одинъ москвичъ остался, повидимому, не особенно доволенъ такимъ ходомъ дѣлъ. Все время онъ изрѣдка вздыхалъ, изрѣдка окидывалъ мужиковъ проницательными взглядами.

— Выходитъ, по вашимъ мѣстамъ не въ цѣнѣ стоитъ земля-то? наконецъ, не вытерпѣвъ, спросилъ онъ Ванифантія и Ульяну Мосевну.

— Нѣтъ, ничего. По вашимъ мѣстамъ земли мало. Съ землей здѣсь кулаки дѣла хорошіе ведутъ. Цѣну подняли за самую эту ренду такъ, что насъ мужиковъ совсѣмъ въ раззоръ раззорили! добродушно замѣтила Ульяна Мосевна.

— Гм... Райскія мѣста! Ежели бы это къ рукамъ—блаженство, вздохнулъ опять москвичъ.

— Мѣста ничего: потныя мѣста, подтвердилъ и Ванифантій.

— Мѣста теплыя, другъ любезный, ежели руки грѣть... Грѣютъ у насъ хорошо ловкачи-то, прибавили дергачевцы и двинулись къ качелямъ, съ Иваномъ Забытымъ и Сатиромъ.

Москвичъ покачалъ головой.

— А этотъ народъ, въ какомъ качествѣ при васъ состоитъ? мотнулъ онъ головой по направленію къ качелямъ.

— Живутъ, отвѣчала Ульяна.

— Батрачки-съ.

— У насъ этого завода нѣтъ. У насъ это рѣдко. По душѣ живутъ. Мірское дѣло.

— Богадѣльня-съ, выходитъ? усмѣхнулся москвичъ.

— Мірское дѣло, почтенный, мірское дѣло, внятно проговорила Ульяна Мосевна.

— Нельзя похвалить! сорвалось у молодца.

— Мы не для похвалы живемъ. Похвалы намъ не надобно. Не по нраву пришлось — просимъ не взыскать. Ежели будетъ желаніе угощенье принять, когда Петюшка пріѣдетъ, милости просимъ, а новыхъ устоевъ намъ не надо, степенно выговорила, кланяясь, Ульяна Мосевна.—А ты зайди-ка ко мнѣ, Андрей Терентьичъ, помолимся на благое начинаніе.

— Пойдемъ, пойдемъ, направница ты наша, шепталъ въ умиленіи Клопъ, махая шапкой и торопясь за нею.

Москвичъ былъ недоволенъ, что промахнулся. Онъ дожидался, что его поддержитъ Ванифантій. Но Ванифантій продолжалъ сидѣть, сложивъ руки подъ животомъ, и благодушно посмѣиваясь глядѣлъ куда-то въ даль, въ сторону рощи. Ванифантій былъ мужикъ «общаго настроенія», такъ сказать, и очень любилъ когда «все какъ-то само-собой идетъ», и не требуетъ отъ него особеннаго напряженія. Если же общее настроеніе благодушно, то и онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше и погружался въ безпечальныя созерцанія.

Иногда онъ по цѣлымъ часамъ, въ праздничный день, сидѣлъ на этомъ же крыльцѣ, поглаживая бороду, изрѣдка игралъ перстами, перекладывалъ ногу на ногу, да отъ времени до времени покрикивалъ на расшумѣвшихся ребятишекъ выселка. Когда его ничто не безпокоило, онъ любилъ мечтать, и ему никто въ этомъ не мѣшалъ. Братья съ нимъ рѣдко говорили. Въ крестьянскихъ семьяхъ мужики вообще лаконичны другъ съ другомъ, какъ бы въ укоръ бабамъ, обладающимъ съ излишкомъ качествомъ противоположнаго свойства. Когда безпокойство случалось небольшое, напримѣръ, бабы рассорятся, Ванифантій вставалъ, медленно подходилъ къ немъ, засунувъ одну руку въ карманъ, другую за пазуху, нѣсколько времени, въ качествѣ большака, выслушивалъ жалобы и, сказавъ: «Дуры! пошли по избамъ!» уходилъ на старое мѣсто. Но если безспокойство было нѣсколько существеннѣе, Ванифантій, какъ всякій мечтатель, начиналъ вдругъ соваться и въ дѣло и не въ дѣло, вспоминалъ, что онъ «большакъ» и что ему непремѣнно нужно объ комъ-то «пещись».

— А тетенька-то съ душкомъ будутъ-съ? спросилъ молодецъ въ сибиркѣ, когда они остались одни съ Ванифантіемъ.

— Ульяна-то? Нѣтъ, она, по нашему, смиренная. Ничего.

Опять замолчали. Москвичъ поигралъ пальцами по борту кафтана.

— А дочка... Эта самая будетъ? кивнулъ онъ по направленію къ Лушѣ, тихо покачивавшейся, сидя на доскѣ качели.

— Она самая.

— Пріятная дѣвица!

— Работящая, лѣниво отвѣчалъ Ванифантій.

Опять замолчали. Наконецъ, замѣтивъ, что Ванифантіемъ до того овладѣло благодушіе, что отъ него врядъ-ли можно было ожидать поддержки разговора, москвичъ, чуть замѣтно покачавшись нѣсколько секундъ на носкахъ своихъ блестящихъ сапоговъ и еще разъ окинувъ проницательнымъ взглядомъ поселокъ, сказалъ: — однако дикости у васъ достаточно! и, недождавшись отвѣта отъ Ванифантія, прибавилъ: — пока счастливо оставаться!

— Прощайте... Навѣстишь, неравно Петюшка пріѣдетъ.

— Ка акже! Первымъ долгомъ

Молодецъ направился мимо качели къ своей телегѣ, стоявшей на концѣ выселка Онъ было приподнялъ съ форсомъ фуражку, вѣроятно, въ честь Луши, но ему никто не отвѣтилъ и только всѣ посмотрѣли ему съ любопытствомъ вслѣдъ. Москвичу хотѣлось было поближе сойтись съ бабами выселка, и еслибы его пригласили, онъ не прочь бы побесѣдовать, въ особенности съ Лушей, но и ему самому, и всѣмъ, сидѣвшимъ у качели, было слишкомъ ясно, что онъ, въ полномъ смыслѣ, чужой человѣкъ для Волчьяго поселка.

Съ отъѣздомъ молодца въ сибиркѣ, у качели стало еще веселѣй, тѣмъ болѣе, что Ульяна Мосевна поднесла дергачевцамъ по стакану водки. Иванъ Забытый, съ своимъ обычнымъ удовольствіемъ, отзывался на всякую просьбу: онъ то игралъ на гармоникѣ, то потѣшалъ прибаутками, то залѣвалъ пѣсни, однимъ словомъ, явился во всемъ разнообразіи бывалаго человѣка, прошедшаго огонь и воду. Даже угрюмый Сатиръ разсмѣялся, и его единственный глазъ уже не смущалъ болѣе дергачевцевъ. Наконецъ, благодушное настроеніе дошло до того, что самъ дипломатичный Макридій не устоялъ передъ нимъ.

— О, дуй васъ горой! вскрикнулъ онъ, вскакивая и взмахнувъ руками: — что это у васъ только за жизнь въ выселкѣ! Ей Богу! Кажись только денекъ пожилъ бы, тутъ бы и умеръ отъ удовольствія! . Да ежели здѣсь недовольство можетъ быть, такъ ужь это выходитъ Господа Бога въ конецъ изобидѣть!.. Да нѣтъ, этого мало! мы весь выселокъ въ законный бракъ сочетаемъ! фантазировалъ Макридій Сафронычъ: — первымъ дѣломъ, Господи, благослови, Ульяною съ Сатиромъ... первый сортъ! вторымъ

дѣломъ: Лушу за Ивана Забытаго — на что̀ лучше?.. Погоди, постой... Ѳеклушу съ Ѳеотимычемъ!.. важно али нѣтъ? Петька пріѣдетъ — его съ Аннушкой Сатировой! Любо-ли? Ну, а въ закончаніе всего, Ванифантія къ солдаточкѣ Секлитеѣ приспособимъ! Такъ ли, милые мои? Эй, Ванифантій Мосеичъ! Слышишь, что̀ ли? крикнулъ Макридій.

— Н-ну тебя!.. махнулъ рукой Ванифантій отъ житницы, улыбнулся, потеръ бороду, переложилъ ногу на ногу, подтянулъ руками животъ и опять погрузился въ мечтанія.

— Да тутъ, други мои, до скончанія вѣка, надъ вами благодать Господня ненарушимо будетъ! заключилъ даже торжественно Макридій: — такъ ли, Ѳеотимычъ?..

— Аминь, Макридій Софронычъ, аминь, благожелатель! подтвердилъ старый пономарь.

Но русскій мужикъ подозрителенъ и чутокъ. Ка̀къ ни привлекательна была фантазія Макридія Софроныча, тѣмъ не менѣе, когда прошелъ порывъ всеобщаго «благодушія», всѣ какъ-то еще яснѣе почувствовали, что на мирную жизнь поселка наплываетъ что̀-то «новое», что̀-то «чужое». Въ чемъ состоитъ это «новое», опредѣлительно сказать никто бы не могъ, только чувствовалось, что въ жизни мужика не бываетъ идиллій, что суровая мужицкая судьба не преминетъ заявить о себѣ. Почему-то вышло такъ, что и дергачевцы, возвращаясь обычной мужицкой поступью, заложивъ за спины руки, въ свои Дергачи, лаконично перебрасывались фразами по поводу пріѣзда «москвичей» въ Волчій поселокъ и покачивали головами; и Вахрамей съ Сатиромъ, собираясь къ утру на охоту, говорили о томъ же; и бабы выселка, собравшись послѣ ужина у избы солдатки Секлетеи, шепотомъ толковали о пріѣзжемъ молодцѣ въ сибиркѣ, который, по ея словамъ, оказывался очень похожимъ на «теперешняго» Петюшку; Ванифантій продолжалъ мечтать и отъ времени до времени поигрывалъ перстами.

Только одного человѣка изъ дергачевскаго міра не томили въ этотъ день никакія «предчувствія»; только одинъ человѣкъ ликовалъ беззавѣтно, и именно тотъ, которому, можетъ быть, всѣхъ меньше выдавалось ликовать въ жизни. Человѣкъ этотъ былъ смирный Андрей Терентьичъ Клопъ. Помолившись въ кельѣ Ульяны Мосевны «на благое начинаніе», онъ, не заходя подъ качели, тотчасъ же побѣжалъ домой въ свои родные Дергачи. Онъ «подъ собой земли не чуялъ», какъ самъ разсказывалъ объ этомъ днѣ, «былъ самъ не въ себѣ» отъ мысли, что его теперь никуда не ушлютъ отъ семьи, отъ дѣтишекъ, о̀бразы которыхъ не оставляли его даже въ острогѣ. Но характернѣе всего выра-

зилась его радость слѣдующимъ, совсѣмъ неожиданнымъ ни для кого образомъ. Въ Волчьемъ поселкѣ онъ увидалъ качели, выведенныя, какъ извѣстно, дошлымъ до всего Иваномъ Забытымъ, и мало или вовсе неизвѣстныя до того въ дергачевскомъ мірѣ. Штука эта показалась Клопу до того занятной, что она не выходила у него изъ головы даже въ то время, какъ рѣшался вопросъ о его «быть или не быть». Онъ еще тогда же разсчиталъ: «какъ ни какъ выпрошу у Ульяны два бревна... Въ ноги поклонюсь, а вымолю... Да она дастъ! Она вѣдь, Ульянея-то Мосевна, благомысленная. Она чадолюбивая... Вымолю два бревна, непремѣнно вымолю... Скоблемъ вычищу, гладкіе будутъ! А на веревки у меня старыя вожжи есть. Вотъ ребятишкамъ утѣха-то будетъ! Да не то, что моимъ только, всѣмъ дергачевскимъ голоштанникамъ. Тогда у моей избы отбою не будетъ ребятишкамъ-то, ровно воробьи къ овсу налетятъ... Шуму-то! Шуму-то что! А славу-то какую разнесутъ! Это, скажутъ, намъ все смирный Клопъ предоставилъ, моду-то ввелъ! Умру—будутъ вспоминать!»

Всѣ эти обольстительныя картины быстро пронеслись въ его головѣ, какъ только ударилъ онъ, въ знакъ окончанія дѣла, по рукамъ съ братьями Волками.

И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ въ Дергачахъ появилась первая качель передъ избушкой Клопа. Нечего и говорить, какое удовольствіе доставила она зеленому населенію Дергачей. Но старое поколѣніе всего больше восхищалось тѣмъ, «какъ все гармонировало, какъ все одно къ другому чудесно подладилось» въ малой Клоповой усадьбочкѣ. Смиренъ, низкорослъ, худъ былъ самъ Клопъ, мала, едва поднимаясь отъ земли, въ два крохотныхъ оконца была его избушка, малы были его ребяшки, и такую же малую, словно игрушечную, вывелъ онъ передъ своей избой качель.

Самый угрюмый путникъ, проходя мимо малой Клоповой усадьбочки, не могъ бы не освѣтиться доброй, незлобной улыбкой при видѣ этого дѣтски-игрушечнаго, но уже поднявшаго великое бремя горя существованія, и не промолвить: «миръ тебѣ»!

Н. Златовратскій.

КУЗНЕЦЪ.

(Памяти Н. А. Милютина).

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.
Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,
Думалъ,—исправятъ потомъ.
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлую
Видно донынѣ во всемъ.
Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

Н. Некрасовъ.

ЗА ДУНАЕМЪ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ).

V.

Первое чувство, охватившее насъ въ Румыніи.

Раздѣляли ли румыны чувство нашего великодушія при началѣ войны за освобожденіе болгаръ? Вотъ вопросъ, которымъ мы задались въ прошломъ очеркѣ.

Едва ли слѣдуетъ говорить, что вопросъ этотъ совершенно праздный. Они не вѣрили въ безкорыстіе русскихъ на случай успѣха, въ которомъ они почти не сомнѣвались. Каждому изъ нихъ казалось, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ предвзятаго разсчета, и это было въ сущности самое выгодное заключеніе для насъ, такъ какъ иначе они должны были бы окончательно отказаться отъ объясненія смысла войны съ турками. Въ ту минуту ихъ симпатіи были ближе къ туркамъ, чѣмъ къ намъ, и достаточно вспомнить ихъ политику во время сербской войны (когда они отказывались пропускать военные транзиты и разоружали болгарскія дружины, переходившія ихъ границу, по пути слѣдованія на театръ военныхъ дѣйствій), чтобы убѣдиться въ ихъ безучастіи къ судьбамъ славянскихъ народностей вообще.

Румыны приняли нашу сторону въ силу сознанія выгоды ихъ роли «союзниковъ», выгоды, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ; поэтому, между нами и установились сразу совершенно особыя отношенія, въ которыхъ холодная дѣловитость заняла мѣсто горячихъ чувствъ. Я не знаю, съ какимъ чувствомъ приняло русское общество протянутую руку помощи

нашихъ союзниковъ; думаю, однако же, что русскій человѣкъ, привыкшій ходить на помочахъ въ дѣлѣ рѣшенія политическихъ вопросовъ, отнесся къ этому совершенно индифферентно. Не такъ думали румыны. Каждый шагъ своего дальнѣйшаго соучастія, они старались обставлять согласно съ требованіями ихъ народной гордости, самостоятельности и чести, хотя эта честь подчасъ и казалась довольно сомнительнаго свойства. Будучи въ Румыніи, я имѣлъ возможность наблюдать за отношеніями румынъ къ русской арміи и, наоборотъ: эти отношенія были очень оригинальны.

— Теперь, господа, держи ухо востро, говорили мы съ перваго же момента нашего вступленія въ Румынію.

Это была, такъ сказать, первая фраза, произнесенная устами русскаго воина, въ отвѣтъ на порывы нашихъ союзниковъ. Съ этой фразы у насъ и начались собственно дальнѣйшіе разговоры.

Апрѣль мѣсяцъ былъ дождливый мѣсяцъ въ Румыніи въ прошломъ году, а предшествовавшая зима была снѣжная на Карпатскихъ горахъ, такъ что всѣ малѣйшіе ручейки разливались въ рѣчки и поминутно размывали полотно желѣзной дороги. Главная квартира переѣхала въ Плоэшты и съ этихъ поръ по румынской желѣзной дорогѣ установилось многолюдное сообщеніе, которое часто прерывалось, вслѣдствіе порчи дороги. Само-собою разумѣется, что подобные перерывы весьма не благопріятно отзывались на движеніе частей арміи и военныхъ транспортовъ; и хотя временныя порчи полотна казались весьма понятными, если принять во вниманіе съ одной стороны недобросовѣстность постройки (одна половина дороги построена была извѣстнымъ Струсбергомъ), а съ другой—обиліе горныхъ водъ, но все-таки казалось, что тутъ есть что-то подозрительное.

— Нѣтъ, это не ладно, говорили русскіе, глядя на желѣзнодорожныя неисправности.—Было бы смѣшно думать, что безпорядки происходятъ вслѣдствіе независимыхъ причинъ. Тутъ непремѣнно кроется какая-нибудь тайна, которую надо разслѣдовать... Ужъ не подкуплены-ли турками директора и управляющіе желѣзныхъ дорогъ? Вѣдь эти желѣзнодорожные дѣятели... что значитъ имъ продать насъ за грошъ?

Очевидно, что подобнаго рода сужденія о желѣзнодорожныхъ дѣятеляхъ имѣли свое основаніе. Но главнѣйшимъ образомъ, они представляли собой плодъ заключеній, вывезенныхъ нами изъ дома и основанныхъ на собственномъ горькомъ опытѣ.

Этими горькими опытами собственной жизни объясняется и наша недовѣрчивость, и наша страсть къ подозрѣніямъ, обнаруживавшаяся на каждомъ шагу. Вотъ вамъ примѣръ.

Въ вагонѣ желѣзной дороги ѣхали нѣсколько человѣкъ нашихъ гвардейскихъ кавалеристовъ. Это было на первыхъ порахъ вступленія въ Румынію, когда мы были въ дружбѣ съ румынами. Вмѣстѣ съ кавалеристами, ѣхалъ изъ Яссъ господинъ средняго роста, прилично одѣтый, не первой молодости. Офицеры довольно косо поглядывали на штатскаго, сидѣвшаго съ ними въ одномъ вагонѣ, потому что всякій штатскій человѣкъ казался не у мѣста въ обществѣ военныхъ въ военное время.

— На войну, господа, ѣдете? спросилъ ихъ штатскій господинъ.

— Да, на войну, а вы куда?

— Я ѣду въ Бухарестъ... дѣло доброе, господа, съ вашей стороны; защищать интересы своего отечества—это ваше призваніе... Я также ѣду на войну, въ дѣйствующую армію хочу поступить... Я докторъ медицины, и думаю войти въ составъ медицинскаго персонала.

— Вы русскій?

— Нѣтъ, я полякъ! я всё время жилъ за-границею.

Офицеры переглянулись.

— Это шпіонъ, замѣтилъ одинъ другому.

— А что же?.. легко можетъ быть...

— Я его сейчасъ поймаю.

Разговоръ начался съ личнаго происхожденія штатскаго господина. Господинъ заявилъ, что его судьба такъ же до нѣкоторой степени связана съ событіями текущаго времени, потому что его дѣдъ имѣлъ когда-то помѣстье въ Турціи, что его отецъ подвергался случаямъ грабежей со стороны турецкихъ баши-бузуковъ, и что ему ближе, чѣмъ кому либо, извѣстны гнилые порядки турецкой администраціи.

— Что вы называете гнилыми порядками?

— Боже мой! да все, что основано на произволѣ; все, гдѣ нѣтъ ни суда, ни расправы, гдѣ одинъ безчестно обогащается на счетъ другого, гдѣ паша грабитъ райю, словомъ мало ли, признаковъ гнилой администраціи.

Одинъ изъ слушателей толкнулъ другого подъ бокъ.

— Я искренно сочувствую вообще всякой войнѣ за освобожденіе угнетеннаго и порабощеннаго и вполнѣ раздѣляю благородство политики России; хотя, строго говоря, самый принципъ войны представляется мнѣ до нѣкоторой степени туманнымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Если судить съ точки зрѣнія принципа...

— Ну, да, это шпіонъ, снова шепнулъ одинъ другому.

Господинъ, увлекаясь все болѣе и болѣе своею тэмою, самъ не замѣчая того, пришелъ къ довольно рѣзкимъ выводамъ.

— Это порицаніе дѣйствій русскаго правительства, разсудили слушатели.

— Не слыхали-ли вы чего-нибудь, господа, о послѣднихъ событіяхъ на Кавказѣ? спросилъ господинъ въ заключеніе:—правда ли, разсказываютъ, будто турки сдѣлали высадку въ Сухумѣ и одержали побѣду надъ русскимъ отрядомъ?

Поѣздъ остановился въ Плоэштахъ. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ къ туристу.

— Прошу васъ послѣдовать за мною, сказалъ онъ ему.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами на платформѣ.

— Извините, но я боюсь опоздать на поѣздъ, у меня билетъ до Бухареста.

— Прошу васъ послѣдовать за мною, я беру на себя всю отвѣтственность... Я считаю васъ подозрительнымъ человѣкомъ...

— Напрасно вы меня такимъ считаете; я сказалъ вамъ, что я докторъ.

— Если вы докторъ, потрудитесь опредѣлить значеніе этихъ желтыхъ пятенъ на моей груди.

Съ этими словами офицеръ разстегнулъ мундиръ и показалъ ему свою мохнатую грудь.

— Я не могу опредѣлить болѣзни такъ скоро, какъ вы того желаете, отвѣтилъ туристъ.

Незнакомецъ былъ арестованъ. Началось слѣдствіе. Потомъ ходили разные слухи; говорили, что онъ оказался отставнымъ чиновникомъ министерства юстиціи, исключеннымъ изъ службы за неблагонадежность. Говорили, что въ его чемоданѣ найдены компроментирующія его данныя: визитныя карточки съ вымышленными званіями и положеніями, шифры для подозрительныхъ фразъ. Говорили, что онъ обнаруживалъ страхъ и отчаяніе во время производства слѣдствія, боясь, что его повѣсятъ. Много говорили по поводу ареста незнакомца; но заинтересованные въ дѣлѣ военные юристы или отмалчивались, или говорили, что трудно придти къ несомнѣнному заключенію, что онъ шпіонъ.

Какая участь постигла незнакомца—я не знаю.

Не разъ вспоминалъ я этотъ случай, будучи уже въ Болгаріи и слѣдуя съ казаками въ авангардѣ. Приведутъ, бывало, казаки, изъ какой-нибудь деревни, возвращаясь въ лагерь изъ разъѣзда, двухъ, трехъ, старыхъ турокъ, очевидно, опоздавшихъ бѣжать за Балканы, а можетъ быть и отказавшихся отъ этой мысли, по старости лѣтъ; приведутъ въ лагерь, окружатъ со

всѣхъ сторонъ и начнутъ, бывало, осматривать съ головы до ногъ.

— А, вѣдь, это, братцы, баши-бузуки.

— Ну, во ужъ и баши-бузуки!.. почему-же такъ?

— Вѣрное слово, баши-бузуки; глянь-ко ему въ рыло то!

— Ничево нѣту въ рылѣ... просто такъ себѣ.

— Какъ: такъ себѣ? кто-жъ они такіе?

— Одно слово: жители!..

— А рыло-то?

— Чаво рыло?... рыло, какъ рыло...

— Ну, нѣту, братцы!.. а борода-то... а глянь ко ему въ зубы-то...

Точно такъ-же, подозрѣвали мы шпіоновъ въ Плоэштахъ, въ въ Журжевѣ, въ Бухарестѣ и вездѣ, гдѣ хотите. Подобно тому, какъ среди темныхъ людей, казаковъ, находились такіе, которые непремѣнно желали видѣть въ лицѣ стараго турки—баши-бузука. мы, культурные люди, усматривали шпіона въ лицѣ каждаго незнакомаго человѣка, почему-либо обратившаго на насъ свое вниманіе.

— Это непремѣнно шпіонъ, говорили мы, глядя на прохожаго, пристально посмотрѣвшаго въ нашу сторону.

— Почему шпіонъ?

— Видите, какъ онъ смотритъ въ нашу сторону... Посмотрите, какая у него физіономія, какая шляпа, какіе волосы, какое платье!

И ежели сказать по правдѣ, то окажется, что эти слова нашептывали намъ наши домашніе городовые, засѣвшіе въ наши души.

— Какіе изумительные мудрецы телеграфной станціи! кричалъ однажды откровенно англійскій корреспондентъ, будучи въ Плоэштахъ, не задолго до выступленія оттуда главной квартиры:—мнѣ нужно выѣзжать отсюда, я не имѣю въ рукахъ паспорта. хотѣлъ его вытребовать, а они меня заподозрили въ обличеніи военной тайны.

Корреспондентъ подалъ депешу такого содержанія:

— J'attends le passe; faut que je pars...

Телеграфистъ коварно улыбнулся и передалъ ему депешу обратно.

Замѣчу, что этотъ корреспондентъ почти все время находился въ дѣйствующей арміи и, видимо, пользовался одинаковымъ довѣріемъ со всѣми, хотя на первыхъ порахъ у него и встрѣчались какія-то затрудненія, за недостаткомъ рекомендацій.

VI.

Бывшій составъ корреспондентовъ въ арміи.

Вопросъ о допущеніи корреспондентовъ въ армію былъ однимъ изъ вопросовъ пущей важности, возникшихъ при самомъ началѣ войны. Война застала насъ въ эпоху такихъ условій жизни, когда рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ могло только вызвать горькое для насъ и постыдное глумленіе всей Европы. Я говорю: именно Европы, потому что русскій человѣкъ легко могъ-бы помириться и на однихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ. Отрицательное рѣшеніе этого вопроса во всякомъ случаѣ не вязалось съ той идеей, во имя которой началась самая война. Примѣры франко-прусской войны были у всѣхъ на свѣжей памяти и эти примѣры говорили, что печать всегда у всѣхъ народовъ принимала сторону искреннихъ патріотовъ. Оставалось только рѣшить: въ какомъ смыслѣ и въ какой степени понимать искренній патріотизмъ; но какъ бы этотъ вопросъ ни рѣшался, во всякомъ случаѣ, не было примѣровъ, чтобы печать той или другой воюющей стороны переходила на сторону противника. Въ военное время, когда на долю народа выпадаютъ всѣ тяжести этого времени, когда арміи переносятъ ужасныя страданія и невзгоды, симпатіи печати всегда тѣсно и неразрывно связываются съ судьбами армій и печать служитъ чуткимъ отголоскомъ народныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, печать должна пользоваться свободою слова. При всей самобытности нашихъ воспитательныхъ системъ, примѣры запада не проходятъ для насъ безслѣдно и невольно отражаются и на нашемъ умственномъ развитіи. Въ виду убѣдительныхъ примѣровъ положенія западной печати во время франко-прусской войны, казалось-бы, что вопросъ о допущеніи корреспондентовъ въ нашу армію самъ по себѣ переставалъ быть вопросомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ болѣе возбужденъ въ смыслѣ настоящаго, кореннаго и существенно важнаго «вопроса». Ходили слухи, что нашлись даже мнѣнія, высказанныя въ отрицательномъ смыслѣ. Ихъ было, впрочемъ, немного, потому что большинство стояло за свободу слова.

Какъ у той, такъ и у другой стороны, конечно, были свои основанія, свои аргументы и доводы. Какъ подошли къ этому вопросу рѣшающія стороны? Они подошли точно такъ-же, какъ мы вообще подошли и къ нашимъ союзникамъ. Обѣ стороны по-

ставили вопросъ такъ, какъ будто они ничего общаго съ печатью не имѣли, а рѣшали согласно собственнымъ выгодамъ. Сторонники допущенія исходили съ точки зрѣнія политической: «мы такъ сильны, говорили они:—въ сравненіи съ недругомъ, и такъ прекрасно организованы сами по себѣ, что огласки намъ бояться нечего». Противники хоть и не высказывали своей неувѣренности въ томъ, что сторонники считали неподлежащимъ сомнѣнію, но боялись иностранныхъ корреспондентовъ, какъ людей, среди которыхъ могутъ появиться шпіоны. Опять-таки «шпіоны» явились главнымъ пугаломъ и въ этомъ случаѣ. Очевидно, что такого рода доводъ былъ неоснователенъ и не вѣсокъ, если принять во вниманіе законы военнаго времени, допускающіе безъапелляціонно предавать всякаго шпіона смертной казни черезъ повѣшеніе, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ и какими бы правами гражданина болѣе сильнаго народа онъ ни пользовался. Обѣ стороны, при всемъ видимомъ разладѣ мнѣній, нашли, однако, возможнымъ слить противуположные доводы въ одну общую, умиротворяющую форму. Чтобы найти почву, на которой можно было-бы помириться, необходимо было предварительно взвѣсить степень вліянія гласности на массу, и пріемы, при помощи которыхъ можно было бы держать гласность въ желаемыхъ предѣлахъ. При этомъ каждый изъ сторонниковъ своихъ мнѣній принималъ въ разсчетъ исключительно европейскую печать, касательно же нашей печати не могло даже и разговоровъ возникнуть, потому что это дѣло считалось разъ и навсегда поконченнымъ, а во-вторыхъ никто изъ нихъ и никогда не признавалъ нашу печать «вліяніемъ». При такой постановкѣ вопроса, болѣе всего оказывались заинтересованными въ этомъ дѣлѣ политики. Только съ политической точки зрѣнія важно было опредѣлить роль иностраннаго корреспондента въ нашей арміи, и выработать соотвѣтствующія отношенія, потому что передъ нами были осязательные примѣры какъ то или другое извѣстіе съ театра военныхъ дѣйствій вліяло на рѣшенія того или другого правительства. Мы должны были помнить, например, рѣшенія англійской политики во время франко-прусской войны, принятыя сейчасъ-же послѣ полученія перваго извѣстія отъ корреспондента мистера Форбеса о томъ, что въ Парижѣ вспыхнуло волненіе. И вотъ тотъ-же самый мистеръ Форбесъ явился однимъ изъ претендентовъ на званіе корреспондента и въ нашей арміи. Благоразуміе подсказывало, что ничего больше не остается, какъ допустить мистера Форбеса, но, въ то же время, прибѣгнуть къ помощи нѣкоторой «политичности». Прежде всего необходимо было открыто признать въ немъ общественнаго дѣя-

теля съ несомнѣннымъ вліяніемъ на общество и даже показать, что мы отдѣляемъ его изъ ряда остальныхъ ему подобныхъ претендентовъ. Это во-первыхъ могло польстить его самолюбію, а, во-вторыхъ, доставляло много другихъ удобствъ, касавшихся его лично. Но въ то же время необходимо было дать знать мистеру Форбесу, что со своимъ уставомъ въ чужой монастырь все-таки соваться не полагается.

— Вы желаете быть корреспондентомъ, мистеръ Форбесъ?

— Желаю.

— Въ какомъ органѣ печати вы будете писать?

— Въ «Daily News»...

— Какого рода и отъ какихъ именно лицъ вы можете доставить рекомендаціи?

— О, помилуйте, меня знаетъ вся Европа; я пользуюсь такимъ добрымъ именемъ, что надѣюсь, что ни одно изъ вашихъ посольствъ не откажется зарекомендовать меня. Да вотъ кстати, идетъ мой хорошій знакомый...

Дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ находились такіе высокопоставленные знакомые мистеровъ: Форбеса, Макъ Гахана и другихъ, послѣ пріятельскаго рукопожатія которыхъ ничего больше не оставалось, какъ сказать мистеру Форбесу:

— Милости просимъ; тѣмъ болѣе, что ваша газета, кажется, придерживается довольно дружелюбной политики.

— О, помилуйте!..

— А вы, милостивый государь, корреспондентъ какой газеты?

— Лондонскаго изданія «Daily Telegraph»...

— Н-да? Ну, просимъ извинить; это самая враждебная къ намъ газета...

— Въ такомъ случаѣ, я буду писать изъ Бухареста... буду врать...

— Откуда хотите, только не изъ арміи.

Мистеры: Форбесъ, Макъ-Гаханъ и другіе радостно улыбались, потому что для нихъ было выгодно отстраненіе конкуррента.

Немудрено, что мистеръ Форбесъ какъ изъ земли выросталъ каждый разъ и при всякихъ важныхъ событіяхъ войны. Пользуясь средствами богатой газеты, распространенной въ Англіи въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, будучи по природѣ человѣкомъ въ высшей степени энергичнымъ, неутомимымъ, мистеръ Форбесъ (а за нимъ и Макъ-Гаханъ) поражали своимъ вездѣсущіемъ. Мистеръ Форбесъ является, напримѣръ, первымъ у мѣста переправы черезъ Дунай, при самомъ началѣ, когда эта переправа сохранялась въ страшной тайнѣ отъ всѣхъ рѣшительно, находившихся въ арміи.

— Случайность привела меня сюда, говорилъ мистеръ Форбесъ, когда удивлялись его нюху.—Просто пріѣхалъ въ Зимницу посмотрѣть, а тутъ какъ разъ и переправа!..

Можетъ быть! Но, увы! меня никогда не приводила эта случайность, и хотя я шелъ по стопамъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, но все-таки опоздалъ на цѣлый день, и прибылъ въ Зимницу только къ вечеру другого дня, т. е. уже послѣ ночи переправы. Но я былъ русскій, а онъ англичанинъ. Мистеры Форбесъ и Макъ-Гаханъ приглашались, бывало, на одинъ поѣздъ съ главной квартирою — вотъ и объясненіе. Мистеръ Форбесъ являлся всюду первымъ и, надо отдать ему справедливость, всегда умѣлъ тщательно умалчивать передъ товарищами о причинахъ, наводившихъ его на случайность. Затѣмъ, высмотрѣвъ всѣ плевненскія атаки, опредѣливъ численность нашей арміи, изучивъ порядки, взвѣсивъ качества отдѣльныхъ дѣятелей, усвоивъ себѣ способъ веденія войны и планы всей кампаніи, онъ удалился въ Лондонъ, подъ предлогомъ болѣзни, не дождавшись даже конца кампаніи. И тамъ началъ «разоблачать»...

Общество корреспондентовъ, допущенныхъ и побывавшихъ въ нашей арміи, доходило до весьма почтенной цифры. Я приведу здѣсь списокъ всѣхъ лицъ, оставившихъ свои портреты въ корреспондентскомъ альбомѣ главной квартиры [1]. *Англійскіе:* Форбесъ и Макъ-Гаханъ (американецъ отъ газеты «Daily News»; Грантъ—отъ газеты «Times»; Вильерсъ (художникъ)—отъ иллюстрированнаго журнала «Grafic»; Гейль (художникъ) журнала «Illustrated London-News»; Фредерикъ Бойль (впослѣдствіи удаленный изъ арміи) — отъ газеты «Standart»; Брэкенбюрри (полковникъ, состоявшій на дѣйствительной службѣ въ англійской арміи, пользовавшійся отпускомъ) — отъ газеты «Times»; Каррикъ (докторъ, проживающій въ Петербургѣ) и Розъ — отъ газеты «The Scotsman»; Доканкозъ — отъ газеты «New-Iork-Herold»; Кингъ—отъ газеты «Boston-Journal»; Джексонъ (не помню какой американской газеты). Корреспонденты газеты «Daily Telegraf» и большинства вѣнскихъ газетъ, какъ недопущенные въ арміи, проживали въ Бухарестѣ, пользуясь свѣдѣніями изъ вторыхъ источниковъ отъ товарищей по профессіи, а иногда и своими умозаключеніями. *Прусскіе* корреспонденты: Дангауеръ—отъ газетъ: «Militär Wochenblatt», «Hambourger-Nachrichten» и «National-Zeitung»; фонъ-Марè—отъ газеты: «Augsburger-Allgemeine

[1] Извѣстно, что каждый корреспондентъ обязанъ былъ представлять два экземпляра своего портрета. На одномъ прописывался пропускъ и прикладывалась казенная печать, другой поступалъ въ общій альбомъ собранія корреспондентскихъ портретовъ.

Zeitung»; Іоганъ Шенбергъ (художникъ)—отъ журнала «Ueber Land und Meer»; фонъ-Браухичъ — отъ газетъ; «Post» и «Neue Militäriche Blatt»; Бета—отъ газеты «Berliner-Tagblatt». *Вѣнскіе* корреспонденты: Лукешъ — отъ газеты «Neues-Wiener-Tagblatt»; графъ Рейнштейнъ (отставной поручикъ) и Лахманъ—отъ пражской газеты «Politik»; Лихтенштадтъ—отъ газеты «Presse» (Alte). *Французскіе* корреспонденты: Бребанъ — отъ газетъ: «XIX Siècle», «National» и «Journal d'Odessa»; Иванъ де-Вестинъ—отъ газеты «Figaro»; Дюкъ-де Лонле—отъ газетъ: «Moniteur Universel» (органъ герцога Деказа) и «Monde Illustré» г. Белина—отъ газеты «Estafette»; Конъ-Абрестъ—отъ газеты «Indépendance Belge»; Ламонтъ—отъ газеты «Temps»; Граке—отъ газеты «République Française»; Фарей — отъ газеты «La France». Представителемъ *шведской* печати былъ Берлингъ, шведскаго генеральнаго штаба поручикъ, корреспондентъ газеты «Stockholms Dagblad». Г. Погенполь былъ висланъ корреспондентомъ отъ слѣдующихъ телеграфныхъ агентствъ: «Agence Havas», «Reiter», «Wolf» и «Vienne». *Итальянскіе* корреспонденты: Марко-Антоніо-Канини—отъ газетъ: «Opinione», «Pungolo di Napoli», «Gazetta Piemontaise» и «Courier du soir de Milan»; Маркотти—отъ газеты «Fanfulla»; Ладзаро—отъ газетъ: «Roma di Napoli» и «Illustratione Italiana di Milano» (художникъ). Затѣмъ былъ еще одинъ художникъ изъ Мадрита, фамилію котораго я не упомню отъ испанской мадридской иллюстраціи; Сатмари — художникъ князя Карла румынскаго и Душень — фотографъ князя Карла румынскаго. *Русскіе* корреспонденты: гг. Модзолевскій и Комаровъ—отъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; гг. Каразинъ, Немировичъ-Данченко, Буренинъ, Суворинъ, Масловъ и Ивановъ — отъ «Новаго Времени» (г. Немировичъ-Данченко былъ въ началѣ кампаніи корреспондентомъ газеты: «Нашъ Вѣкъ», а г. Ивановъ былъ въ тоже время и фотографомъ); Федоровъ (художникъ) — отъ «Русскаго Инвалида» и «Всемірной Иллюстраціи»; г. Сакальскій былъ въ началѣ кампаніи корреспондентомъ газеты «Голосъ»; впослѣдствіи его замѣнили американцы: гг. Макъ-Гаханъ и Стэнли, который въ тоже время корреспондировалъ въ англійскія газеты: «Манчестеръ-Гардіенъ» и въ ирландскій журналъ: «Фрименсъ»; Гирсъ — отъ «Сѣвернаго Вѣстника»; гг. Раппъ и Георгіевичъ — отъ «Русскаго Міра»; г. Мецъ состоялъ чиновникомъ гражданскаго управленія при покойномъ князѣ Черкасскомъ и былъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей»; впослѣдствіи въ качествѣ корреспондента этой газеты — появился князь Шаховской; г. Иловайскій (профессоръ) былъ временнымъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣ-

домостей»; г. Вайновъ (подполковникъ) былъ корреспондентомъ «Сѣвернаго Вѣстника»; г. Сухотинъ (подпоручикъ) былъ корреспондентомъ «Русскаго Инвалида»; г. Теохаровъ—корреспондентомъ «Русскихъ Вѣдомостей» и я въ качествѣ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Такимъ образомъ, въ общей сложности, исключая временныхъ корреспондентовъ, всѣхъ акредитованныхъ было около 58 человѣкъ. Принимая во вниманіе эту цифру, нельзя пожаловаться на затрудненія въ допущеніи корреспондентовъ въ армію въ количественномъ отношеніи. Что же касается отношенія арміи къ представителямъ печати въ нравственномъ смыслѣ, то позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ интересномъ предметѣ. Представители печати въ рядахъ русской арміи—это новость, о которой стоитъ поговорить.

VII.

Характеристика военныхъ корреспондентовъ по національностямъ.

Въ рядахъ русской арміи были люди различныхъ положеній, развитія, воспитанія и убѣжденія, какъ и среди корреспондентовъ были люди различныхъ способностей, взглядовъ и традицій; поэтому и отношенія ихъ между собою должны были быть различны. Но это частности, о которыхъ мы говорить не будемъ; достаточно обрисовать эти отношенія въ общихъ чертахъ, какъ къ представителямъ иностранной печати, такъ и къ русской.

Прежде всего, самая арена войны представляетъ собою такую почву, на которой откровенно дѣйствуютъ только сталь штыка, да свинецъ пули; затѣмъ, самые руководители штыка и пули только тогда бываютъ счастливы, когда имъ удастся пропороть животъ непріятеля, или всадить пулю въ лобъ. Такое тяжелое положеніе людей должно было усогубиться для насъ, русскихъ, потому что мы никогда не бываемъ твердо увѣрены въ своихъ силахъ. Пропороть животъ человѣка надо умѣть, а попасть пулею прямо въ лобъ—тѣмъ болѣе. И вотъ на арену этой штыковой дѣятельности явились вдругъ люди, которые задались цѣлью контроля надъ дѣйствіями штыка и пули... Эти люди могли при всякомъ удобномъ случаѣ сконфузить, сказавши, что штыкъ залѣзъ въ неуказанное мѣсто, что пуля не попала въ лобъ, потому что плохо была выпущена, что много лбовъ остались цѣлыми, потому что свинцу и пороху не хватило, и наоборотъ: много

лбовъ было прострѣлено нецѣлесообразно, потому что ихъ повели не такъ и не туда, куда слѣдовало. Само собою разумѣется, что гг. контролеры были совершенно лишніе люди въ арміи; но они явились необходимымъ зломъ, котораго нельзя было избѣгнуть. Такъ ихъ понимали съ перваго момента войны до послѣдняго.

Я говорю, что въ рядахъ русской арміи были люди различныхъ положеній, развитія, воспитанія и убѣжденій, хотя въ сущности умственная разница между ними была и не особенно велика. Иные занимали болѣе выгодные посты, болтали на всѣхъ языкахъ, пили шампанское, другіе шли подъ пули, разговаривали, не избѣгая крѣпкихъ выраженій, и, вмѣсто шампанскаго, пили сивуху. Но и тѣ и другіе почти сходились во взглядахъ на присутствіе представителей иностранной печати. Если же они расходились въ степени радушія относительно корреспондентовъ, то это касалось только корреспондентовъ русскихъ.

Блестящая часть арміи, то, что было поближе къ штабу, относилась къ иностранцамъ по примѣру старшихъ. Если старшій въ чинѣ протягивалъ руку мистеру Форбесу, то всѣ младшіе считали своею обязанностью сдѣлать тоже самое. Выше было объяснено, почему старшіе рѣшились протянуть руку мистеру Форбесу; младшіе этихъ причинъ не понимали и не разбирали; они дѣлали это просто по примѣру.

Сѣрая часть интеллигентной арміи тоже не касалась этихъ причинъ; за то она не конфетничала, а откровенно разсуждала такъ, при видѣ англичанина: «а, рыжій песъ!.. турку бунтовать вздумалъ! ну ка пойдемъ теперь съ нами вмѣстѣ подъ пули-то!» Вотъ вамъ, напримѣръ, случай подобнаго отношенія къ англичанамъ.

Однажды утромъ, въ бытность мою въ деревнѣ Парадимѣ, гдѣ помѣщался штабъ генерала Зотова, только что принявшаго въ то время командованіе надъ западной арміею (послѣ второй неудачной атаки барона Криденера), къ намъ пришелъ посланный изъ штаба. Я говорю: «къ намъ», потому что въ это время насъ было семеро: Стэнли, Макъ-Гаханъ, Бойль, Добсонъ, Грантъ, американецъ Джексонъ и я. Мы помѣщались въ избенкѣ болгарина, въ ожиданіи событій подъ Плевною. Присланный пригласилъ меня къ начальнику штаба, полковнику Новицкому. Штабъ помѣщался на дворѣ другого дома, въ концѣ деревни.

— Будьте столь любезны, пригласите ко мнѣ англійскихъ корреспондентовъ, я имѣю имъ передать кое-что—и сами приходите вмѣстѣ съ ними.

Сказано—сдѣлано. Мнѣ подвернулись подъ руку мистеръ Бойль

и американецъ Джексонъ. Другихъ корреспондентовъ въ это время не случилось.

Мистеръ Бойль, низенькій, кругленькій, съ рыжеватою эспаньолкою, маленькими, хитрыми, бѣгающими глазами, былъ чрезвычайно умный англичанинъ, начитанный, серьёзный и дѣльный человѣкъ. Онъ былъ туркофилъ, но его туркофильство основывалось не на личныхъ выгодахъ или смутныхъ симпатіяхъ, а на строгихъ убѣжденіяхъ, выработанныхъ при помощи спеціальнаго изученія исторіи турокъ, ихъ быта, характера, нравовъ, образа жизни и т. д.

Мы явились къ Новицкому. Насъ окружили офицеры.

— Я имѣю къ вамъ порученіе, началъ Новицкій, обращаясь сначала къ Джексону.

— Это не онъ... остановили его офицеры: — это американецъ.

— Въ такомъ случаѣ я имѣю къ вамъ порученіе, обратился Новицкій къ Бойлю:—мнѣ приказано передать письмо туркамъ. Плѣнные турки сообщаютъ въ этомъ письмѣ своимъ собратамъ о гуманномъ обращеніи съ ними русскихъ. Кромѣ того, мы желали бы передать просьбу Осману-пашѣ: дозволить намъ убрать трупы нашихъ убитыхъ, гніющіе на полѣ битвы.

— Прекрасно, замѣтилъ Бойль: — въ чемъ же дѣло?

— Мы посылали парламентера... вотъ капитанъ ѣздилъ вчера къ туркамъ, указалъ Новицкій на капитана: — но турки открыли по немъ огонь, не взирая на бѣлый флагъ и трубные звуки.

— А, понимаю! вы желаете значитъ составить объ этомъ протоколъ и опубликовать его въ англійскихъ газетахъ? съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Новицкій, лукаво улыбаясь: — я желаю другого. Вы англичанинъ?

— Да, англичанинъ.

— Вы принадлежите къ націи, большинство которой дружелюбно относится къ туркамъ и не довѣряетъ намъ.

Бойль улыбнулся.

— Если хотите, да и нѣтъ.

— Позвольте... эти диспуты завели бы насъ далеко... отвѣчайте прямо: турки ваши пріятели?

Бойль продолжалъ улыбаться.

— И такъ, турки ваши пріятели. Значитъ, вамъ, какъ другу, легче передать имъ это письмо. Вы собственнымъ опытомъ можете убѣдиться въ турецкомъ гостепріимствѣ.

*

«Вотъ была бы штука, еслибы въ самомъ дѣлѣ турки всадили пулю въ лобъ англичанина», думали окружающіе, улыбаясь.

Бойль сконфузился до такой степени, что долго не могъ пріискать отвѣта.

— Я обязанъ корреспондировать въ газету, редакція которой послала меня на театръ военныхъ дѣйствій. Развозить письма, хотя бы въ качествѣ парламентера, вовсе не входитъ въ кругъ обязанностей корреспондента. Если меня убьютъ, редакція лишится корреспондента, а посягать на интересы моей редакціи я не имѣю права.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ штабнаго двора. Молча пошли мы по улицѣ. Бойль былъ озадаченъ.

— Вы слышали? спросилъ онъ меня нервнымъ голосомъ.

— Слышалъ.

— Что же это такое значитъ?

Я молчалъ.

— Какъ тяжело быть иностранцу въ русской средѣ.

Мнѣ стало жаль Бойля, до того онъ сконфузился.

— Вы смотрите на это слишкомъ сурово, сказалъ *я*: —по моему, это лишь своеобразный отвѣтъ на ваши симпатіи къ туркамъ....

— Какое кому дѣло до моихъ личныхъ симпатій?

— То есть, до симпатій вашей націи?

— Еще того хуже!

Бойль окончательно разсердился.

Нельзя сказать, чтобы англичане этого не предвидѣли, когда они ѣхали въ армію. Англичане сразу поняли характеръ нашихъ отношеній къ нимъ; поэтому, они сначала отвѣчали любезностью на любезности, оказанныя имъ въ главной квартирѣ. Достаточно прослѣдить за ихъ корреспонденціями, писанными въ началѣ войны, въ періодъ времени до перехода черезъ Дунай, когда они придерживались преимущественно главной квартиры, чтобы убѣдиться въ тонкости ихъ поведенія. Всѣ корреспонденціи писались тогда въ духѣ, преисполненномъ хвалебныхъ гимновъ. Все было нетолько позволительно, но даже законно и желательно. И этимъ они оказали намъ большую услугу. Описаніе англичанами духа нашего войска, многотерпѣнія, мужества, кротости, строгой дисциплины, общаго порядка, прекрасной организація арміи—все это читалось турками и всею Европою, и если эти описанія не достигали цѣли въ Европѣ, то во всякомъ случаѣ они дѣйствовали на моральное состояніе турокъ въ ту минуту. Турки слушали англичанъ и трепетали, будучи уже и безъ того напуганы примѣрами прошлыхъ войнъ. Но

потомъ, обстоятельства нѣсколько видоизмѣнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнились и отношенія къ англичанамъ. Послѣ историческаго дня 31 августа—мистеръ Фербесъ счелъ за лучшее уѣхать въ Лондонъ; мистеръ Бойль былъ высланъ изъ арміи за разоблаченіе какихъ-то тайнъ; говорятъ, что Макъ-Гаханъ обижался на то, что ему не дали ордена; остальные англичане тоже уѣхали во свояси. Ихъ призывали политическіе интересы своего государства. Въ Англіи начались митинги, движеніе умовъ, парламентскіе дебаты. Нужно было кое-что разсказать волнующейся публикѣ.

Къ французамъ относились въ арміи совершенно индеффе-рентно; впрочемъ, французы и не заслуживали иного отношенія, потому что большинство изъ нихъ дальше Бухареста не ѣздило и никто изъ нихъ ничѣмъ не отличался отъ пресловутаго г. Ивана-де-Вестина, корреспондента не менѣе пресловутаго «Figaro». Ихъ можно было встрѣтить въ гостяхъ у соотечественницъ-кокотокъ, проживавшихъ въ Бухарестѣ; ихъ можно было встрѣтить въ кафе, въ театрѣ, но они очень рѣдко показывались въ рядахъ арміи, а если и показывались, то непремѣнно вблизи перевязочныхъ пунктовъ. Если въ лицѣ англійскихъ корреспондентовъ мы встрѣчали людей строго-спеціальныхъ, разумныхъ и пытливыхъ, то въ обществѣ французовъ находились такіе, которые сегодня пишутъ военную корреспонденцію, а завтра сочиняютъ опереточныя либретто или ведутъ хронику изъ жизни маленькихъ парижскихъ театровъ.

Нѣмецкіе корреспонденты, исключая г. фонъ-Гуна, отставнаго лейтенанта прусской службы, спеціально вышедшаго въ отставку для того, чтобы поѣхать на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента «Кёльнской Газеты» (замѣтьте: опять недружелюбной намъ газеты), были преимущественно отмѣтчики безцвѣтные. У нихъ не хватало ни энергіи англичанъ, ни любезности французовъ, ни интереса къ самымъ событіямъ войны. Ихъ понимали въ арміи «нашими друзьями», и они примыкали всегда къ русскимъ нѣмцамъ. На этотъ счетъ у нихъ былъ нюхъ удивительный; выѣдетъ нѣмецкій корреспондентъ на поле, повѣетъ вѣтеръ—онъ уже и знаетъ, гдѣ корпусъ барона Криденера стоитъ, или дивизія Шильдеръ Шульднера. Въ своихъ корреспонденціяхъ нѣмцы-корреспонденты описывали подвиги корпусовъ, въ которыхъ они находились, оправдывали ошибки пріятелей, или поэтизировали на тэму выпитой чарочки, при лунномъ свѣтѣ, въ лагерѣ казаковъ, которые ѣздятъ «на особенной породѣ лошадей, называемыхъ конями».

Итальянцы, немногіе испанцы и шведы—объ нихъ нечего гово-

рить; ихъ было и немного, да и литературою этихъ націй мы мало интересуемся.

Русскіе корреспонденты! вотъ наше горе. Увы! русскій писатель нашихъ дней совѣмъ особенный человѣкъ, и судьба и дѣятельность этого человѣка до такой степени несчастны, что одно воспоминаніе объ условіяхъ этой дѣятельности можетъ отравить весь организмъ, какъ отравляютъ здороваго человѣка міазмы тифозной горячки, парящія въ окружающемъ воздухѣ.

Когда я ѣхалъ въ армію, публика говорила мнѣ: «куда вы ѣдете?.. ворочайте назадъ!.. совѣтую!.. оффиціальнымъ корреспондентомъ будетъ г. Всеволодъ Крестовскій».

А когда я пріѣхалъ въ армію и встрѣтился въ первый же день, вечеромъ, съ г. Всеволодомъ Крестовскимъ на телеграфной станціи, то онъ мнѣ сказалъ:

— Допустятъ-ли васъ корреспондентомъ въ армію?—это еще вопросъ!.. а если и допустятъ, то, вѣроятно, подчинятъ этапному начальнику.

«Что-то раненько отсылать меня къ этапному начальнику», подумалъ я; однако, ничего невѣроятнаго мнѣ въ этомъ не показалось.

Наконецъ, меня обрадовали извѣстіемъ, что корреспондентовъ допустятъ.

— А цензура будетъ? спрашиваю.

— Помилуйте, какая цензура! разъ допуская васъ въ армію, мы нетолько не намѣрены подчинять васъ нашей цензурѣ, но готовы вамъ, какъ русскому корреспонденту, дѣлать всевозможныя предпочтенія передъ иностранцами.

Я такъ и понялъ это буквально, понялъ и обрадовался. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему цензура по отношенію къ намъ, русскимъ корреспондентамъ? За спиною стояли ликующіе редакторы, вокругъ насъ была ликующая толпа читателей, наконецъ, въ арміи насъ окружали ликующіе воины. Да если я не буду ликовать—меня никто и читать не станетъ. Прежде всего мы «патріоты своего отечества», и затѣмъ всякій изъ насъ отлично зналъ, что нельзя обнаруживать военныя тайны. Вѣдь англичане же были допущены всюду безъ различія направленія, и подчинить ихъ какой бы то ни было цензурѣ было немыслимо,— отчего же и намъ, русскимъ корреспондентамъ, не дать такихъ же льготъ? Лелѣя эту мысль, я уже началъ предвкушать прелести ея осуществленія, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро (по утрамъ мы являлись обыкновенно къ полковнику Газенкампфу, который былъ посредникомъ между нами и главною квартирою и котораго нѣмцы называли: «unsere Mama»), мнѣ

показали телеграмму, касающуюся насъ, и приказъ, согласно которому было поставлено въ обязанность остерегаться разговоровъ съ корреспондентами. «Конечно, не съ нами, подумалъ я:—а съ иностранцами, съ англичанами!» Прошло еще нѣсколько дней, и я принужденъ былъ убѣдиться въ томъ, что и по отношенію къ намъ, русскимъ корреспондентамъ, приказъ сталъ исполняться съ буквальною точностью. Куда бывало ни сунусь—всѣ отъ меня, какъ отъ чумы. Я началъ было искать обѣщанныхъ «предпочтеній», «указаній», «совѣтовъ» и т. д., но увы!.. я вошелъ въ общую группу людей различныхъ національностей, которые ежедневно являлись къ полковнику Газенкампфу за новостями дня.

— Il n'y a rien de nouveau, messieurs; une petite canonade de coté d'Olteniza, говорилъ намъ полковникъ.

Эта фраза сдѣлалась на устахъ полковника до того стереотипной, что я уже началъ думать, что вся славянская драма сведется къ тому, что «il n'y a rien nouveau» и т. д. Фраза эта даже разсердила, наконецъ, Ивана-де-Вестина, и онъ немедленно замѣтилъ въ своей газетѣ, что онъ, Иванъ-де Вестинъ, увѣренъ въ томъ, что когда у полковника родится ребенокъ, то отецъ будетъ качать своего сына въ люлькѣ съ припѣвомъ: «il n'y rien de nouveau; une petite canonade de coté d'Olteniza»... Между тѣмъ, корреспонденты англійскихъ газетъ быстро сдѣлались кумирами.

Все это меня, конечно, огорчало, но не оскорбляло, потому что это вѣдь относилось не ко мнѣ лично, а всецѣло къ вамъ, дорогіе читатели. Такимъ образомъ, не успѣвъ еще ощетиниться (это общее направленіе нашей литературы: щетиниться), а напротивъ того, подчиняясь покладистой натурѣ русскаго человѣка, имѣющаго обыкновеніе ликовать еще болѣе, если его погладятъ по головкѣ, я вдругъ почувствовалъ, какъ я съ самого же начала началъ залѣзать въ раковину неуязвимости, въ скорлупу совершеннаго равнодушія. Сначала я испугался мрака, спустившагося передъ моими глазами, а потомъ, опять-таки по свойству русскаго человѣка, махнулъ на все рукою. Махнулъ я рукою, отвергнутый, такъ сказать, начальствомъ и дипломатіей, отвернулся отъ сильныхъ и вмѣшался въ общую толпу русской публики.

Съ тѣхъ поръ, я сдѣлался Подхалимовымъ. Представители арміи, общества и свои собратья по перу такъ меня и поняли, и всѣ сходились въ смыслѣ этого пониманія, хотя всякій помнилъ, что и Подхалимовы—народъ до нѣкоторой степени «полезный».

— Ахъ, здравствуйте... очень радъ васъ видѣть... кстати, выньте-ка вашу записную книжку изъ кармана, я вамъ кое-что интересное разскажу.

— Ну, разсказывайте.

— Ѣхалъ я, знаете, берегомъ Дуная съ моимъ генераломъ (имя рекъ) — на рекогносцировку ѣздили, вчера только вернулись—ѣхали мы въ открытой коляскѣ, берегъ, знаете, открытый, турки съ той стороны все это видѣли; вдругъ, откуда ни возьмися: турецкій мониторъ лѣзетъ...

— Куда? на берегъ?

— Нѣтъ же, онъ вылѣзъ изъ-за острова... вылѣзъ оттуда, да какъ пуститъ, знаете, гранату, прямо въ коляску; кучеръ наклонился, а граната пролетѣла съ ревомъ надъ нашими головами, ударилась въ двухъ шагахъ, да какъ разорвется!..

— Что же генералъ?

— Удивительный человѣкъ!.. «стой»! говоритъ кучеру. А самъ взялъ бинокль, да и навелъ его на мониторъ... Вы это запишите!.. удивительной храбрости человѣкъ!.. представьте наше душевное состояніе въ эту минуту!.. мониторъ лѣзетъ, а мы стоимъ... кучеръ-румынъ стрекача задалъ; казаки даже поблѣднѣли, а мы стоимъ!.. Вы это запишите!..

— Чѣмъ же кончилось?

— Мониторъ стрѣлялъ, стрѣлялъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ... ну, и ушелъ, а мы уѣхали.

— Безъ кучера?

— Самъ возжи взялъ, кончилъ разсказчикъ не запинаясь.

Не думайте, что это разсказъ исключительный. Нѣтъ, это всегда и со всѣми такъ было, съ кѣмъ я ни говорилъ. Хотите провѣрить? не угодно ли развернуть любую страницу любой газеты; прочитайте—и убѣдитесь.

Вотъ недавно мистеръ Форбесъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Я посѣтилъ его.

— Вы теперь куда поѣдете?

— Не знаю; редакція убѣдительно проситъ меня поѣхать опять въ армію... только едва-ли я поѣду.

— Отчего же не ѣхать?

Мистеръ Форбесъ улыбнулся, приподнялъ плечи, спряталъ въ нихъ голову, запустилъ руки въ карманъ и ажитированно прошелся по комнатѣ. Какъ будто нервная дрожь пробѣжала по его тѣлу.

— Видите ли въ чемъ дѣло... Я написалъ брошюру въ Лондонѣ...

— Слышали.

— Этой брошюрѣ я предпослалъ предисловіе, въ которомъ, упоминая о награжденіи меня орденомъ, я...

— И это слышали, перебилъ я его.

— Въ такомъ случаѣ вы понимаете, что едва-ли мнѣ возможно вернуться въ армію.

— Отчего же?

— А какъ вдругъ со мною случится тоже самое, что̀ случилось съ мистеромъ Бойлемъ?

— Вы отъ этого во мнѣніи англичанъ не потеряете...

— Положимъ... Но, знаете, я не могу себѣ представить, чтобы можно было пережить что-нибудь подобное!

«Чудакъ»! думалъ я въ эту минуту. Оказывается, что мы просто не понимали другъ друга.

Не понимая другъ друга въ сношеніяхъ съ англичанами, мы однако-жь, отлично понимали другъ друга въ своемъ обществѣ.

Однажды вечеркомъ, мы сидѣли въ одномъ изъ садиковъ гор. Плоэшты. Наше общество составляли: два русскихъ корреспондента, инженерный подполковникъ и гвардейскій штабъ-ротмистръ, товарищи и пріятели котораго состояли преимущественно при штабѣ. Разговоръ шелъ по поводу какого-то событія тогдашнихъ дней.

— Еслибы я былъ корреспондентомъ, воскликнулъ подполковникъ въ минуту увлеченія:—я бы такъ и такъ отнесся къ этому дѣлу; жаль, что я не пишу...

— Хотите, я вамъ устрою, что вы будете писать? сказалъ я ему.

— Очень радъ...

— Позвольте! грозно воскликнулъ штабъ-ротмистръ: — надѣюсь, что мнѣ не придется напоминать вамъ вашихъ словъ, сказанныхъ при постороннихъ свидѣтеляхъ! Честь моего мундира заставляетъ меня «доложить» ваши слова кому слѣдуетъ... я—штабъ-ротмистръ, а вы—полковникъ...

Съ этими словами, штабъ-ротмистръ приложилъ руку къ козырьку.

— Вы видите: я отдаю вамъ должное; но, г. полковникъ, я считаю ваши слова оскорбленіемъ мундира, который мы одинаково носимъ съ вами. Вы хотите быть корреспондентомъ.., это простительно вотъ имъ...

Съ этими словами, онъ указалъ на насъ. Мы, конечно, обидѣлись; но штабъ-ротмистръ слишкомъ разгорячился и не слушалъ насъ.

— Это не простительно, г. полковникъ!.. ваша обязанность заключается въ защитѣ чести арміи и отечества, а не въ томъ, чтобы унижаться до степени «строчилы».

Тутъ поднялся такой гвалтъ, который могъ кончиться Богъ знаетъ чѣмъ; но, въ концѣ-концовъ, скандальчикъ, конечно, угомонился. Однако, подполковникъ очень долго и весьма энергично искалъ случая помириться съ штабъ-ротмистромъ, и я узналъ потомъ, что онъ даже отказался отъ своихъ словъ, призналъ правильность и благородство взгляда штабъ-ротмистра, потому что былъ совершенно увѣренъ въ возможности «доклада» и напередъ зналъ; что и другіе, то есть и тѣ, кому хотѣли докладывать, и тѣ, къ обществу которыхъ принадлежалъ штабъ-ротмистръ, вполнѣ раздѣлятъ его взглядъ.

Когда я разсказывалъ объ этомъ случаѣ человѣку разумному, но стоявшему, по своему положенію, близко къ единомышленникамъ штабъ-ротмистра—этотъ человѣкъ удивился:

— Неужели это правда? вотъ чудакъ-то!..

Но либеральное сужденіе этого человѣка, однако, не мѣшало ему сказать, при случаѣ, корреспонденту:

— Вотъ у васъ въ такой-то корреспонденціи...

(А въ «такой-то» корреспонденціи были высказаны кой-какіе упреки).

— Да! такъ вотъ въ такой-то корреспондеціи у васъ... какъ вамъ сказать?.. у васъ вкрались нѣкоторыя ошибочки...

— Если это дѣйствительно ошибки, на нихъ можно возражать или ихъ исправить.

— Да, конечно!.. но это вѣдь я такъ говорю... зачѣмъ же!.. я такъ сказалъ, чтобы только васъ извѣстить...

Сѣрая часть, т. е. настоящая армія относилась къ русскимъ корреспондентамъ нѣсколько иначе. Идетъ, бывало, по дорогѣ бригада; жара невыносимая, солдатики еле-еле влачатъ ноги, а сами такъ вотъ и отчеканиваютъ каждое слово:

Сукна ткутся, нитки рвутся,
Коло меня, молодой, солдатики вьются!
Хошь вы вейтеся, хошь не вейтеся,
На меня, да на молодку не надѣйтеся!

Я ихъ перегоняю верхомъ. Солдатики съ любопытствомъ осматриваютъ съ головы до ногъ штатскаго человѣка и острятъ про себя: «турка ѣдетъ»!

— Болгаринъ, а не турка.

Не мало они удивятся, когда я, бывало, обращусь къ фельдфебелю:

— Какая бригада?

— Такая-то.

— Кто командуетъ?

— Генералъ X.

— Какой полкъ?
— Такой-то.
— Куда вы идете?
— А вамъ зачѣмъ это знать?
— Такъ, говорю:—любопытно.
— Нѣтъ, однако?
— Просто такъ.
— Кто вы такіе будете?

Физіономія фельдфебеля вдругъ приметъ допрашивающее выраженіе.

— Все равно не поймешь, если я тебѣ и скажу, кто я такой.

— Нѣтъ, позвольте... однако, все-жь-таки! Вы откуда ѣдете?

— Изъ Россіи.

При такомъ моемъ отвѣтѣ фельдфебель окончательно усомнится. Солдатики навострятъ уши; любопытство ихъ возростаетъ.

— Что-жь, коли такъ, Иванъ Филиппычъ, можно ихъ и предоставить куда слѣдоваетъ, скажетъ солдатъ фельдфебелю.

— Извѣстное дѣло... кто вы такіе будете? возвыситъ голосъ фельдфебель.

— Корреспондентъ.

— Корреспондентъ?.. что такое, понять не могу.

— Нѣшто не видите—русскій ѣдетъ! заступится другой солдатикъ.

— Знай—помалкивай, не твое дѣло... тоже, братъ, по нынѣшнимъ временамъ смекать надо, глубокомысленно замѣтитъ фельдфебель и, ради бо̀льшей внушительности, приложитъ даже палецъ къ своему лбу.—Доложи-ка его благородію, на всякій случай! прикажетъ онъ солдатику.

Явится прапорщикъ.

— Ваше бл—діе, они все разспрашиваютъ, какъ, что, почему, какая бригада, куда идетъ? Кто они будутъ—богъ ихъ знаетъ!

Какъ только дѣло объяснится, такъ сейчасъ всѣ эти прапорщики, поручики, капитаны и штабсъ-капитаны, не исключая полковниковъ — обступятъ со всѣхъ сторонъ и смотрятъ прямо въ глаза. Чисто русское гостепріимство, радушіе, простота, эти отличительныя черты простого русскаго человѣка, скажутся сейчасъ же.

— Вы корреспондентъ?

— Корреспондентъ.

— Ахъ, очень пріятно! сдѣлайте милость, не хотите ли закусить?

Каждый потянетъ въ свою сторону.

— Вы гдѣ будете ночевать?

— Вотъ у нихъ въ палаткѣ.

— Нѣтъ... ночуйте у меня...

— А то ко мнѣ милости прошу...

— Благодарю васъ.

— Часто вы пишете?

— По возможности.

— Пишите, батюшка, пишите; вотъ насъ компанія жидовъ одолѣваетъ; обозы ломаются—все гниль.

— Многаго писать будетъ нельзя, скажешь имъ.

— Жаль, очень жаль, замѣтятъ въ отвѣтъ; но замѣтятъ такимъ тономъ, что и не знаешь какъ думать: дѣйствительно ли имъ жаль, или такъ себѣ?

— Вотъ тоже, г. корреспондентъ, нельзя ли обратить вниманіе на положеніе солдатъ... Солдатамъ тяжело идти, ранцы очень нагружены.

Всѣ продолжаютъ радоваться присутствію обличителя, пока сидишь вмѣстѣ съ ними; разскажутъ тебѣ всю подноготную, вывалятъ всѣ анекдоты, только... только дальше этого нейдетъ. А коснешься какого нибудь генерала — генералъ сейчасъ же обидится: никогда еще онъ ничего про себя не читалъ при всей нашей гласности.

Опоздаешь, бывало, къ побѣдѣ—сейчасъ вамъ говорятъ:

— Что-жь вы, батюшка, опоздали?.. вотъ теперь и пеняйте на себя! Вотъ вы сами себя и лишили хорошей тэмы для корреспонденденціи. Мы побѣдили, а вы не видали; ну, что вы теперь будете писать?

Очевидно, ему кажется, что кромѣ, какъ о побѣдѣ, корреспонту писать нечего.

Вообще, тяжело было положеніе наше въ арміи; оно становилось еще тяжелѣе, принимая во вниманіе невообразимыя для человѣка спокойной, домашней жизни лишенія нужды, жажды, голода, вѣчнаго пресмыканія и внечатлѣнія ужаснѣйшихъ страданій человѣчества. Англичане—тѣ, по крайней мѣрѣ, хоть капиталы составляли во время войны; а мы и того были лишены.

VIII.

Въ Плоэштахъ.

Въ гор. Плоэшты прибыла главная квартира и этому городу суждено было быть центромъ общаго движенія арміи и исходнымъ пунктомъ ея дѣйствій и направленій.

Городъ Плоэшты считается въ Румыніи вторымъ городомъ послѣ Бухареста по своей величинѣ и численности городскаго населенія, равно какъ и по внѣшнему виду. Онъ стоитъ почти на серединѣ желѣзной дороги, связывающей Браиловъ съ Бухарестомъ (нѣсколько ближе къ Бухаресту), и представлялъ весьма удобный пунктъ сообщенія съ лѣвымъ и съ правымъ флангами войскъ, расположившихся на Дунаѣ. Части нашихъ войскъ заняли берега Дуная, начиная отъ Рѣни и кончая правымъ флангомъ, остановившимся у мѣстечка Турнъ-Магурели, находящагося противъ турецкой крѣпости Никополь. Все небольшое береговое пространство отъ Турнъ-Магурели до австрійской границы было занято румынскими войсками, причемъ крѣпость Калафатъ служила главнымъ средоточіемъ румынской артиллеріи.

Съ именемъ раздѣлявшаго насъ отъ румынъ городка, Турнъ-Магурели, связывалось воспоминаніе румынъ о кровопролитной битвѣ, происходившей въ его окрестностяхъ, въ 1598 году, между турками и румынами, состоявшими тогда подъ командою Михаила Браваго, которому потомки воздвигли памятникъ въ Бухарестѣ, на площади противъ университетскаго зданія. Съ именемъ этого города связаны многія воспоминанія о нашихъ дѣятеляхъ войны 1853 года. Самъ по себѣ, Турнъ-Магурели, маленькій городокъ съ 5,000 жит., стоитъ при впаденіи рѣки Ольты въ Дунай. Согласно задуманному плану и выбору мѣста переправы, это былъ важный стратегическій пунктъ на Дунаѣ, потому что рѣка Ольта давала намъ возможность сплавлять матеріалы и средства, необходимыя для переправы, а Зимница была въ близкомъ разстояніи отъ Турнъ-Магурели. Имя этого городка происходитъ отъ находящихся тамъ развалинъ древней башни, которая была построена во времена Трояна; самый городъ былъ въ тѣ времена одной изъ многихъ колоній, устроенныхъ римлянами на берегу Дуная.

Но берега Дуная были заняты исключительно одними только пикетами, которые несли сторожевую службу. Главныя силы двигались внутри Румыніи, проходили черезъ Плоэшты, миновали Бухарестъ и сосредоточивались около Александріи. Одна часть войскъ, корпусъ генерала Циммермана, находилась около Браилова. Армія пряталась до поры до времени, а въ этой таинственности заключалась лучшая сторона задуманнаго плана. Всякій ждалъ момента, когда вся армія сразу выростетъ какъ изъ земли въ извѣстномъ пунктѣ, и корреспондентамъ въ особенности хотѣлось знать мѣстоположеніе этого пункта: такъ сильно интересовалась вся Европа труднымъ маневромъ переправы черезъ Дунай. Городъ Журжево былъ срединою растяну-

тыхъ пикетовъ и это середина, будучи vis-a vis Рущука, находилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ генерала Скобелева 1-го, у котораго былъ начальникомъ штаба его сынъ, Скобелевъ 2-й, командовавшій въ то время летучимъ отрядомъ, составленнымъ изъ кубанскихъ, терскихъ и донскихъ казаковъ. Еще за долго до переправы, на генерала Скобелева 2-го возлагали большія надежды; имя его уже пользовалось популярностію въ арміи. Ходилъ слухъ, что Скобелеву 2-му предстоитъ чрезвычайно интересная экспедиція съ летучимъ отрядомъ на Софію, причемъ его отрядъ будетъ совершенно изолированъ отъ остальной части арміи и дѣйствія этого отряда представятъ собою рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ военной хитрости, отваги и всевозможныхъ приключеній. Но это были одни только предположенія, не имѣвшія никакихъ основаній, какъ показали послѣдствія.

Вслѣдъ за главною квартирою въ городъ Плоэшты прибыла вся организація дѣйствующей арміи, всѣ ея отдѣльныя административныя учрежденія: интендантство, казначейство, инженерное вѣдомство, главная почта, короче, всѣ насыщающіе армію элементы; такъ что населеніе города, съ 30,000 румынскихъ жителей, приняло чрезвычайно оживленный и необыкновенно пестрый колоритъ.

Что касается внѣшняго вида этого, нынѣ историческаго города, то онъ не представляетъ собою ровно ничего интереснаго. Центръ образуютъ высокія, каменныя зданія, построенныя по общеевропейскому шаблону. Этотъ центръ окруженъ пригородомъ съ низенькими зданьицами, широко раскинувшимися по городскому пространству безъ всякой симметріи; одинъ домъ отдѣляется отъ другого широкимъ садомъ или дворомъ; одна улица принимаетъ направленіе, совершенно независимое отъ направленія сосѣдней улицы; вслѣдствіе этого, происходитъ такой кавардакъ въ общей планировкѣ города, что заѣзжему человѣку приходится долго изучать переулки и закоулки, чтобы находить тотъ домъ, въ которомъ онъ остановился. Эта особенность придаетъ румынскому городу характеръ азіатскихъ городовъ. Судя по обилію лавокъ и магазиновъ, Плоэшты—городъ торговый. Много гостинницъ въ городѣ. Всѣ онѣ сосредоточиваются въ центрѣ и не отличаются комфортомъ. Содержатели гостинницъ, преимущественно австрійцы, драли съ русскихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ городѣ сосредоточилось такъ много русскаго элемента, что едва ли находился домъ, въ которомъ не стоялъ бы русскій офицеръ или чиновникъ. Но нельзя сказать, чтобы румыны охотно уступали свои комнаты русскимъ, какъ и нельзя

было похвастаться вообще дружественностію отношеній между нами и румынами. Мы жили двумя совершенно раздѣльными обществами и рѣшительно не находилось почвы, на которой могли бы мы сойтись съ румынами. Общественной жизни въ городѣ не было никакой. Развлеченій жаждали; безъ нихъ было скучно, мы не знали какъ коротать вечеръ и какъ убивать время; казалось, что дѣла было много, но въ сущности работали: телеграфъ, штабъ, да чиновники, заваленные письмоводствомъ въ своихъ канцеляріяхъ; затѣмъ, большая часть общества оставалась праздною, и вечеркомъ каждый искалъ пріюта въ небольшихъ садикахъ городскихъ гостинницъ. Единственное развлеченіе въ городѣ — плохенькій циркъ, да временами наѣзжали сюда итальянскіе артисты изъ Бухареста. Коротать вечера въ гостинницахъ вошло въ обыкновеніе очень скоро. Въ садикахъ этихъ гостинницъ сосредоточивался городской beau-monde и можно сказать все офицерство. Жаркая и душная погода днемъ быстро смѣнила дождливые дни весенняго времени, такъ что прохлада вечера вызывала обыкновенно изъ дому каждаго, спасавшагося днемъ въ комнатахъ отъ солнечнаго зноя. Въ особенности много публики собиралось обыкновенно въ гостинницѣ «Молдавія», гдѣ за стаканомъ плохенькаго вина, бесѣда длилась за полночь. Каждый вечеръ сюда являлись расфранченныя дамы городскаго общества. Общество размѣщалось особнякомъ: русскіе съ русскими, румыны съ румынами, причемъ весь вечеръ проходилъ въ нѣмомъ созерцаніи другъ друга. Въ садахъ играли небольшіе оркестры венгерскихъ цыганъ. Это было постоянное и несносное терзаніе слуха исполненіемъ какихъ-то необычайно-заунывныхъ пѣсенъ или романсовъ, и притомъ въ переводѣ на русскій языкъ, а именно:

«Ахъ если-бъ я
Любилъ тебя—
То полюбила-бъ ты меня» и т. д.

Или же это было дикое, необузданное ерзанье смычкомъ по струнамъ, на венгерскіе мотивы, причемъ по тѣлу слушателя пробѣгала невольная дрожь и нервы его ходили ходуномъ.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе скуки, которая почему-то всегда преслѣдуетъ русскаго человѣка по пятамъ, рѣшительно всѣ сосредоточивались ежедневно въ садикахъ, еле-еле освѣщенныхъ небольшимъ количествомъ фонарей и украшенныхъ четырьмя жалкими деревцами. «Молдавія» была нѣкоторымъ образомъ нашимъ маленькимъ военно походнымъ Павловскомъ.

Болѣе мѣсяца пришлось намъ скучать въ Плоэштахъ. Дунай постепенно и медленно входилъ въ свои обычные берега; моря-

ки продолжали работы по части минныхъ загражденій; отдѣльныя лица штаба получали временами порученія съ цѣлью рекогносцировокъ. Продолжительное житье въ Плоэштахъ, при волнующихъ вопросахъ будущаго, вызвало сознаніе нѣкоторой медленности военныхъ дѣйствій. Румыны начали уже высказывать предположеніе, что между турками и русскими будетъ заключенъ миръ, прежде чѣмъ наши войска перейдутъ Дунай. Дальнозоркость ихъ политики основывалась, между прочимъ, на томъ соображеніи, что въ Плоэшты прибылъ Государь съ полнымъ составомъ своей дипломатической канцеляріи. Сверхъ того, румыны разсуждали, что русское правительство потому медлитъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что желаетъ выиграть время, пока кавказская армія сдѣлаетъ свое дѣло въ Азіи. Это было время, когда изъ Азіи приходили извѣстія объ энергичномъ наступленіи русскихъ войскъ. «Турки, получая пораженія, разсуждали румыны:—смекнутъ, что имъ лучше спасти Азію, въ которую они должны будутъ ретироваться изъ Европы, чѣмъ потерять то и другое». Увы! какъ ни сладко было намъ слышать эти рѣчи, но то были рѣчи праздныя.

Изъ политическихъ условій нашихъ отношеній къ румынамъ сложились и наши общежитейскія отношенія. «Ничего общаго»—вотъ девизъ этихъ отношеній. «Румыны сами по себѣ, мы—сами по себѣ».

— Какой жалкій народъ! говорили мы часто, глядя на румыновъ:—какая у нихъ армія! что за люди! что за порядки—чортъ знаетъ, что такое! а администрація?.. Въ сущности, это жалкая горсть несчастнаго народа, который топорщится и лѣзетъ куда-то... посмотрите, вонъ ѣдетъ, напримѣръ, кавалеристъ!.. ха!.. ха!.. ха!

Однажды вечеркомъ, въ садикѣ «Молдавія» сидѣло общество офицеровъ; между ними были иностранные корреспонденты. Разговаривали на французскомъ языкѣ по поводу предстоящаго перехода и будущихъ событій въ Болгаріи.

— Что то будетъ?.. сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Не бойтесь, господа, наивно отвѣтилъ ему румынскій офицеръ, помѣщавшійся за сосѣднимъ столикомъ:—не бойтесь, мы идемъ съ вами и поддержимъ васъ на случай надобности.

Какой хохотъ возбудили эти наивныя слова румына!

— Слышите, что онъ говоритъ? мы васъ поддержимъ!.. они насъ поддержатъ!.. комики эти румыны!

Условія народной жизни румынъ, дѣйствительно, заставляютъ желать многаго. Насколько я приглядѣлся къ румынской интеллигенціи, это одна изъ самыхъ антипатичныхъ интеллигенцій

Европы. Исторія Румыніи говоритъ, что румынскій народъ находился долгое время подъ страшнымъ гнетомъ румынскихъ бояръ. Нашелся свѣтлый умъ, который освободилъ валаховъ и молдаванъ отъ ига бояръ, и вотъ вслѣдъ за крестьянской реформой Румынія становится конституціоннымъ государствомъ. Крестьянская реформа въ Румыніи пришлась довольно выгодно для крестьянъ и значительно способствовала разоренію румынскихъ бояръ, при ихъ страсти пожить широко и воспитываться непремѣнно за-границею.

Народное образованіе не успѣло еще достаточно подготовить румынскій народъ къ исполненію обязанностей народнаго депутата, а румынскіе бояре успѣли уже разориться окончательно. Привычка широко пожить, нахватавши верхушекъ въ парижскихъ школахъ, способствовала этому разоренію. Боярамъ, бывшимъ деспотамъ, ни къ чему серьёзному неподготовленнымъ, и лишеннымъ средствъ къ жизни, ничего больше не оставалось, какъ захватить въ свои руки бразды государственнаго правленія въ Румыніи, и вотъ эти лица, неимѣющія ничего общаго съ народомъ, становятся защитниками народныхъ интересовъ. Само собою разумѣется, что между сенатомъ и палатой сейчасъ же рождается разъединенность и идетъ постоянная ожесточенная вражда между партіями. Нѣтъ другого государства въ Европѣ, гдѣ бы разъединенность политическихъ мнѣній была такъ значительна, какъ въ Румыніи. На правительственную должность смотрятъ, какъ на доходное мѣсто, или какъ на средство вывести въ люди своего родного, или добраго пріятеля. Такимъ образомъ, нужды народа отходятъ на задній планъ.

Во главѣ консервативной партіи стоялъ въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ Михаилъ Кагольничано; искренній его другъ Василій Боареско, издатель газеты «Pressa», былъ его горячимъ единомышленникомъ. Консервативная партія была сильна въ Румыніи, но и она дѣлилась между собою на фракціи. Существовалъ центръ, во главѣ котораго стоялъ министръ финансовъ Братіано. Его другъ, даже болѣе, чѣмъ другъ, его правая рука, Розетти, издатель газеты «Romanul», славился въ Бухарестѣ іезуитизмомъ. Во главѣ либеральной партіи, значительно ослабѣвшей при началѣ войны, стоялъ туркофильствующій сенаторъ Іонъ Гика. Замѣтимъ, что было время, когда Кагольничано былъ ярымъ либераломъ, но убѣжденія этихъ людей принимаютъ направленіе задувшаго вѣтра. Братъ Іона Гика, Пантаза Гика, издаетъ журналъ «Nuvilistul». Министръ финансовъ Братіано занималъ въ тоже время должность и министра-президента.

Для того, чтобы пояснить существующія отношенія избирателей къ избраннымъ, достаточно сказать, что съ именемъ стоявшаго во главѣ министерства финансовъ неразрывно связано имя такого господина, какъ Струсбергъ. Извѣстно, что Струсбергъ, когда то рекомендованный Берлиномъ, взялся строить въ Румыніи желѣзную дорогу. Братіано занималъ въ то время мѣсто министра финансовъ. Когда Струсбергъ сдѣлалъ предложеніе принять на себя постройку желѣзной дороги въ Румыніи—палата отвергла это предложеніе. Но берлинская рекомендація имѣла слишкомъ вѣское значеніе въ глазахъ князя Карла и его помощника Братіано; поэтому, сказано было, что палата будетъ распущена, если она не дастъ концессіи Струсбергу, и... Струсбергу дали концессію. Конечно, онъ построилъ картонную дорогу. Но ранѣе конца работъ обнаружился другой скандальчикъ, имѣвшій общеевропейскую извѣстность. По условію Струсберга съ румынскимъ правительствомъ, первый обязанъ былъ внести залогъ и держать этотъ залогъ почему-то въ Берлинѣ. Одинъ ключъ отъ портфеля съ залоговыми бумагами долженъ былъ находиться у Струсберга, другой—у румынскаго правительства. Однажды, во время желѣзно-дорожныхъ работъ, румынскому правительству вздумалось проконтролировать струсберговскій портфёль въ Берлинѣ. Поѣхала туда комиссія и нашла залоговый портфёль совершенно пустымъ. Г-ну Братіано ничего больше не оставалось, какъ пропѣть передъ депутатами пѣснь Лазаря, въ родѣ того, что «дѣлайте со мной, господа, что хотите, но что же будешь дѣлать теперь, когда и я и всѣ мы попали на удочку такого мошенника».

Правда, что за портфёль Струсберга—Братіано лишился своего собственнаго портфёля, но выборъ снова палъ на Братіано въ послѣдствіи, и избиратели опять поставили во главѣ министерства финансовъ человѣка весьма сомнительныхъ качествъ.

Извѣстіе о взрывѣ монитора героями Шестаковымъ и Дубасовымъ произвело необыкновенную сенсацію въ обществѣ русскихъ, находившихся въ Плоэштахъ. Новость о геройскомъ подвигѣ нарушила обычное теченіе вялой жизни, вызвала рядъ овацій, много говора, шума, надеждъ и ликованій. Это былъ второй случай въ морской исторіи всего свѣта и этотъ случай выпалъ на долю русскихъ моряковъ! Наконецъ, этотъ случай бросалъ совершенно новый, неожиданный свѣтъ на наше положеніе на Дунаѣ и оттѣнялъ до нѣкоторой степени силу и зна-

ченіе другихъ турецкихъ мониторовъ; не говоря уже о томъ, что онъ воодушевилъ нашихъ моряковъ и значителъно повліялъ на моральное состояніе турецкихъ рѣчныхъ командъ на Дунаѣ. Два удачныхъ взрыва одинъ послѣ другого! Было надъ чѣмъ призадуматься туркамъ.

Герои подвига были вытребованы въ главную квартиру. Рядъ овацій выпалъ на ихъ долю. Днемъ они обѣдали у великаго князя. Вечеромъ, первые георгіевскіе кавалеры въ прошлую кампанію были предметомъ любопытства публики, собравшейся въ саду «Молдавіи». Герои появились въ саду въ большомъ обществѣ штабныхъ офицеровъ. Общество, окружившее героевъ, слилось безъ различія чиновъ и положеній; нашлась почва, на которой вдругъ сошлись всѣ. Каждый силился протянуть руку съ бокаломъ шампанскаго и поздравить Шестакова и Дубасова. «Ура!» висѣло въ воздухѣ. Обаяніе героевъ сказалось очень рѣзко. Но и во время этой оваціи, при всемъ томъ, что подвигъ героевъ сдѣлалъ ихъ общимъ и необходимымъ достояніемъ каждаго—героевъ и тутъ оттягивала какая-то сила отъ массы и старалась заключить ихъ въ тѣсную среду, отстраняющую себя отъ массы обыкновенныхъ смертныхъ. Какъ будто и герои дѣйствовали не во благо всей Россіи, а во благо только этой среды.

Помню, какъ герои, окруженные офицерствомъ, сидѣли за большимъ столомъ и вели оживленную бесѣду. Мнѣ необходимо было перемолвиться съ Шестаковымъ. Я подошелъ къ столу. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ штабныхъ офицеровъ поторопился дать мнѣ знать косвенно, что разговаривать съ Шестаковымъ нечего, что подвигъ его извѣстенъ въ подробностяхъ г. Всеволоду Крестовскому, который уже написалъ объ этомъ подробную корреспонденцію и послалъ ее въ Петербургъ.

Другая черта замѣченнаго отношенія окружавшихъ къ первымъ, дѣйствительно настоящимъ героямъ дня, была черта, какого-то душевнаго волненія, которое безпокойно копошилось внутри человѣка, въ виду пріобрѣтенной героями популярности въ глазахъ такой массы людей, что просто страшно и подумать. Какъ ни выгодно пользоваться любовью «своего» общества, но еще пріятнѣе быть любимцемъ всего народа. Это чувствовалось въ ту минуту каждымъ изъ окружавшихъ Шестакова и Дубасова.

— Что значитъ наша служба въ кавалеріи, говорили кавалеристы, искоса поглядывая на загорѣлыя, обросшія бородами лица и на мозолистые руки моряковъ, день и ночь работавшихъ на Дунаѣ, безъ раздѣленія труда офицера и матроса:—что значитъ наша служба въ сравненіи со службою моряковъ? Положимъ, что и мы имѣемъ возможность лихо ворваться въ ряды

рѣжетъ и рубитъ направо и налѣво, но никогда не въ со-стояніи будетъ заработать такой популярности, какъ Шестаковъ и Дубасовъ. Они еще ни видѣли ни одного сраженія, [illegible] машину, монитору и пушки [illegible] морское зданіе! Понятно, что они будутъ популярны.

Такъ разсуждали мы, глядя на Шестакова и Дубасова, и забывали, что для того, чтобы совершить подвигъ, необходимо прежде всего серьезно и долго учиться, [illegible] знать слабыя и сильныя стороны непріятельской организаціи, судовъ, и главное, быть человѣкомъ, обладать истинною душевною смѣлостью, умѣть преслѣдовать свою цѣль.

Подвигъ Шестакова и Дубасова видѣлся намъ рядомъ ординарныхъ событій; поэтому, было бы непростительно упустить случай воспользоваться имъ. Я не буду называть людей по именамъ, скажу только, что были личности, которыя, какъ вампиры, впились въ подвигъ Дубасова и Шестакова и старались у нихъ иниціативу [illegible] присвоить, приписать эту иниціативу себѣ. А когда увидѣли гг. Шестакова и Дубасова въ городѣ, сами подошли выпить съ ними на брудершафтъ.

Черезъ Плоешти проходили части нашихъ войскъ, двигавшихся на западъ, отдѣльныя дивизіи и бригады. Проходя черезъ городъ, они каждый разъ слѣдовали мимо квартиры Великаго Князя. И каждый разъ громадная толпа народа собиралась на улицы. Иностранные корреспонденты нерѣдко присутствовали тутъ же. Одинъ бѣглый взглядъ на русскихъ солдатъ заставлялъ ихъ убѣждаться въ необыкновенной выносливости этихъ крѣпкихъ натуръ. Одинъ видъ бригады убѣждалъ ихъ въ физической силѣ нашего войска.

Вошла бригада въ городъ. Вотъ ея авангардъ показывается уже на улицѣ; издали несутся пѣніе пѣсенъ и рѣзкіе звуки бубенъ и мѣдныхъ тарелокъ. Жара невыносимая, солнце печетъ, въ воздухѣ душно, ѣдкая и мелкая пыль поднимается при малѣйшемъ слабомъ прикосновеніи къ почвѣ. Бригада только что сдѣлала большой переходъ. Раскалившись, солдатики набросили свои [illegible], нагоняютъ другъ друга, строятся, теряютъ равненіе, снова строятся, ружья перекрещиваются и снова равняются; потъ градомъ льетъ съ загорѣлыхъ лицъ. Волосы, бороды, брови, ранцы, сапоги, бѣлыя рубахи — все это въ пыли. [illegible] устали!

Подтянитесь! не растягивайтесь! раздается команда. Ровн—

не направо.. Точно электрическая искра пробѣжитъ по рядамъ солдатиковъ. Взглянутъ они другъ на друга, припустятся, нѣкоторые догонятъ свои ряды—снова ровненіе и снова: «лѣвой!.. правой!.. лѣвой!.. правой!..» только штыковые чехлы селедками болтаются съ боку. Впереди полка начальство ѣдетъ, съ боку офицеры идутъ, тоже измученные, сзади попъ верхомъ ѣдетъ на маленькомъ конѣ, въ широкой шляпѣ, да два доктора; а за ними фургоны двигаются: лазаретные, полковые и ящики съ патронами.

И пить буду и гулять буду,
А смерть придетъ—помирать буду—

раздаются громкіе голоса передовыхъ запѣвалъ.

— Бодрѣй смотри!.. глаза налѣво!.. бодрѣй, молодцы! . въ ногу!..

Подымутъ бывало солдатики свои утомленные взоры и головы, бороды впередъ, кепи на затылкѣ; подавятъ они чувство усталости, соберутъ послѣднія силы—и смотрятъ такими молодцами, какъ будто и еще верстъ 400 пройти въ состояніи. «Ура!» несется въ воздухѣ.

Завернули за уголъ. Нѣтъ болѣе силъ!.. отдыхъ, видимо, нуженъ. Опять опустили головы къ низу, опять потеряли ровненіе, опять зашагали разными ногами.

Вышли изъ города въ поле. Повѣяла прохладная струя вѣтерка; грудь легче вздохнула. Свободнѣй стало дышать.

— Стой! говорятъ имъ, наконецъ.

Встала бригада на привалъ. Взяли ружья къ ногѣ, утерли ладонью потъ съ лица, размазали грязь по физіономіи. Раскинули палатки, напились воды, составили ружья, сняли ранцы, тяжело опустились на землю; отдохнули маленько, забѣгали съ манерками за водою къ ближайшему ручейку, развели костры, начали ужинъ варить. Поужинали, сняли сапоги, перекрестились, спать легли. Крѣпкимъ сномъ захрапѣли хорошіе русскіе люди и даже образы близкихъ сердцу людей не тревожатъ спокойнаго сна утомленныхъ труженниковъ. Ничто не волнуетъ ихъ на сонъ грядущій. Дума отказывается дѣлать свое дѣло послѣ такого физическаго утомленія. «Куда мы идемъ? что встрѣтится тамъ?.. придется-ли вернуться на родину, или сложить кости въ чужой сторонушкѣ?» даже эти вопросы не волнуютъ ихъ усталыя головушки. Чуть забрезжетъ свѣтъ, не успѣетъ еще зардѣться восточный горизонтъ алымъ цвѣтомъ ранней зорьки—какъ барабаны уже будятъ, выстраиваютъ бригаду во фронтъ и снова гонятъ въ путь дорогу.

— Да!.. это войско дѣйствительно сильное, думали иностран-

цы, глядя на движеніе солдатъ:—если умѣть пользоваться ими, то можно драться не съ одними турками.

Наступили первыя числа іюня мѣсяца. Пришло извѣстіе, что Дунай наконецъ вошелъ въ берега. Близилось время переправы. Сперлось дыханіе въ груди. Въ воздухѣ какъ-будто стало еще тяжелѣе. Придвинулась грозовая туча ближе къ намъ; она висѣла надъ нами. По мѣрѣ того, какъ туча надвигалась, мы становились сосредоточеннѣе, пугливѣе и подозрительнѣе. Каждый началъ искать силъ въ самомъ себѣ и многихъ это вывело изъ нормальнаго состоянія духа. Приходилось даже слышать на послѣдокъ дней пребыванія въ Плоэштахъ такого рода разговоры:

— И къ чему война?.. это наши внутренніе враги вызвали насъ на войну...

Куда ѣхать? гдѣ будетъ переправа? какъ-бы не прозѣвать ее! Поѣду въ Журжево!

Н. Максимовъ.

РАЦІОНАЛИЗМЪ НА ЮГѢ РОССІИ.

Изъ того, что мы въ прошедшей статьѣ сказали о почвѣ малорусской штунды, ясно, что штунда возникла на остаткахъ прежнихъ ученій хлыстовъ, скопцовъ и на тѣхъ новыхъ началахъ, которыя выработала жизнь въ послѣднее время въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій... Чтобы убѣдиться въ томъ, что штундизмъ представляетъ собою формулу, подъ которую подходятъ всѣ современныя умственно-религіозныя блужданія и исканія, достаточно прослѣдить религіозное броженіе въ другихъ мѣстахъ Юга. Вотъ передъ нами двѣ губерніи — Полтавская и Екатеринославская, гдѣ въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ число сектантовъ увеличивается съ поразительной быстротой; религіозное движеніе это называется *шалопутствомъ*; представителей же этого движенія, его прозелитовъ, народъ окрестилъ нелестнымъ именемъ *шалопутовъ*; во многихъ мѣстахъ Херсонской Губерніи встрѣчаются сектанты типа хлыстовствующихъ, которыхъ также называютъ шалопутами; еще въ другихъ мѣстахъ подъ этимъ именемъ разумѣютъ штундистовъ и вообще всѣхъ тѣхъ сектантовъ, на которыхъ, по мнѣнію толпы, падаетъ тѣнь подозрѣнія въ неправильныхъ брачныхъ отношеніяхъ. Словомъ, шалопуты—это типъ людей, которые такъ или иначе, но стали задумываться надъ религіозными воззрѣніями; кой-какія изъ нихъ они измѣнили, другія оставили безъ перемѣны, а вообще, въ результатѣ, измѣнили свой образъ жизни, сообразно требованіямъ своего міросозерцанія...

Шалопутство, насколько оно выяснилось изъ добытыхъ данныхъ, представляетъ собой почти тѣ же черты религіознаго броженія, которыя мы отмѣтили у николаевскихъ скопцовъ и хлыстовъ. Какъ уже читатель могъ видѣть, естественный переходъ отъ этихъ примитивныхъ формъ народнаго творчества въ области религіозной мысли—это переходъ въ штунду. И дѣйствительно, если вникнуть въ ученіе шалопутовъ, то мы увидимъ, что въ немъ очень много хлыстовщины, а скопчество, какъ первичная

форма, уже отжило свой вѣкъ. Въ статьѣ «Миргородскіе шалопуты»[1] приводятся несомнѣнныя данныя въ пользу того мнѣнія, что скопчество уже пережито; такъ, извѣстно, что судившіеся въ курскомъ окружномъ судѣ скопцы были тѣ самые, которые въ мѣстѣ своего рожденія, въ Малороссіи, извѣстны были подъ именемъ шалопутовъ. Тщательныя административныя изслѣдованія въ Миргородскомъ Уѣздѣ доказали, что, кромѣ уже тѣхъ лицъ, которыя по суду были извѣстны какъ скопцы — новѣйшіе члены «общины» шалопутовъ не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ оскопленія — отсюда прямо слѣдуетъ, что скопчество въ новѣйшихъ толкахъ шалопутства уже не существуетъ и что толки эти, [illegible] теряютъ мало по малу свой [illegible] характеръ [illegible] своего [illegible]. Въ своемъ [illegible] [illegible] въ своемъ толкахъ [illegible] степени [illegible], [illegible] своей или другой [illegible]. [illegible], напримѣръ[2], [illegible] шалопуты [illegible] (св. [illegible]) не [illegible] въ то время, какъ [illegible] въ другихъ [illegible] не [illegible] [illegible]; а [illegible] не признаютъ никакого [illegible] общенія съ православною церковью. Чтобы [illegible] передъ [illegible] [illegible] послѣдователей шалопутства и указать, какимъ образомъ, [illegible] шалопутство [illegible], съ теченіемъ времени, [illegible] [illegible] какъ, напримѣръ, [illegible] на почвѣ таких же ученій въ Херсонской губерніи [illegible] нѣкоторыя [illegible] черты, которыя [illegible] шалопутство [illegible] [illegible] постепенно [illegible] [illegible] раціонализмъ, [illegible] себѣ [illegible] [illegible] [illegible] сферу [illegible].

Всѣ нравственныя предписанія шалопутскаго вѣроученія[3] отличаются необыкновенною строгостью и [illegible] скимъ ригоризмомъ. Обнимая почти всѣ стороны человѣческой дѣятельности, нравственный кодексъ шалопутовъ заключаетъ въ себѣ много оригинальнаго сравнительно съ нравственными ученіями православной церкви; главное его отличіе въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ требованій христіанской нравственности

[illegible]

[1] «Кіевлянинъ», 1873 г., № 98.

[2] «Кіевск. Телегр.», 1875 г., № 48.

[3] Шалопуты на границѣ Полтавской и Екатеринославской губ. «Кіевск. Телеграфъ», 1875 г., № 41.

возведены въ немъ на высшую степень строгости, а съ другой стороны большинство его предписаній направлено, главнымъ образомъ, на внѣшніе поступки человѣка, регламентація которыхъ доведена до весьма мелочныхъ подробностей. Наиболѣе видное мѣсто, по своей оригинальности и крайней строгости въ системѣ нравственнаго ученія шалопутовъ, занимаетъ ученіе о бракѣ. Всѣ собранныя до сихъ поръ наблюденія надъ ихъ жизнью единодушно свидѣтельствуютъ о крайне рѣзкомъ отношеніи ихъ къ половымъ отправленіямъ и, вслѣдствіе этого, къ брачной жизни. По свидѣтельству автора статьи о «Миргородскихъ шалопутахъ» («Шевалининъ», 1878 г., № 66), шалопуты чуть не плюютъ въ глаза всѣмъ тѣмъ, кто считаетъ въ дочерей и вообще тайно и явно возстаютъ противъ всякаго рода половыхъ отношеній. Обращаясь съ пропагандой своего ученія къ православнымъ, шалопуты выставляютъ на первый планъ требованіе «не спать съ женой». Въ Константиноградскомъ и Новомосковскомъ уѣздахъ, въ волостяхъ весьма часто заносятся доклады со стороны крестьянъ на своихъ женъ, примкнувшихъ къ шалопутству, за то, что послѣднія отказываются исполнять свои супружескія обязанности. Относясь столь строго къ половымъ отношеніямъ, ученіе шалопутовъ не уничтожаетъ, однако же, совмѣстнаго сожительства тѣхъ лицъ, которыя до вступленія въ секту находились въ бракѣ. Что же касается лицъ, окончательно вступившихъ въ секту и посвященныхъ во всѣ таинства, то между ними, по словамъ корреспондента «Кіевскаго Телеграфа», совсѣмъ не бываетъ брачнаго сожитія. «Эта-то нерасположенность шалопутовъ къ брачнымъ отношеніямъ, говоритъ Левицкій[7], и возведеніе ими принципа безбрачія въ высшій нравственный идеалъ и послужило для нѣкоторыхъ основаніемъ къ предположенію о существованіи скопчества среди шалопутовъ». Нѣтъ сомнѣнія, что среди шалопутовъ существуетъ весьма достаточное число лицъ, которыя, въ стремленіи къ высшему нравственному совершенству, дѣйствительно доходятъ до полнаго отрицанія половыхъ отношеній. Громадное же большинство послѣдователей шалопутскаго ученія живетъ, однако, и свойственною жизнью человѣку, не отказываясь отъ брачныхъ отношеній, а, когда лишь строгою умѣренностью и цѣломудріемъ въ пользованіи ими, какъ это [illegible] религіознымъ. Такое же самое умѣренность и воздержаніе соблюдаютъ шалопуты въ удовлетвореніи и другихъ естественныхъ потребностей и привычекъ. Извѣстенъ фактъ, что они безусловно не пьютъ водки, довольствуясь

[7] Шалопуты и т. д. «Кіевск. Телегр.», 1873 г., № 41.

медомъ и краснымъ виномъ, не курятъ табаку и не употребляютъ ничего мясного. Тѣ изъ православныхъ, которымъ приходится работать у шалопутовъ, обыкновенно хвалятся, что ихъ до отвалу кормятъ мясомъ и щедро угощаютъ водкой, причемъ хозяева не берутъ и въ ротъ того и другого.

Кромѣ внѣшняго благочестія, шалопуты и въ своей нравственной жизни обнаруживаютъ такія качества, которыя удовлетворяли бы самаго строгаго моралиста; всѣ, имѣвшіе съ ними какія-нибудь дѣла, отдаютъ полную справедливость ихъ честности и добросовѣстности. Между ними незамѣтно воровства или мошенничества, напротивъ, чистота нравовъ, трезвость, трудолюбіе, отсутствіе ссоръ и тяжебъ, взаимное попеченіе другъ о другѣ въ трудныхъ случаяхъ—вотъ качества, которыми справедливо могутъ гордиться шалопуты. Ко всему этому нужно присоединить ласковость и прямодушіе въ обхожденіи съ другими, хотя нужно замѣтить, что степень выраженія послѣдняго качества не всегда бываетъ одинакова, смотря потому, имѣетъ ли шалопутъ дѣло съ своимъ единовѣрцемъ, или же съ человѣкомъ, чуждымъ его секты.

По общему мнѣнію лицъ, знакомыхъ съ бытомъ шалопутовъ, религіозныя собранія ихъ бываютъ двухъ родовъ: одни изъ нихъ совершенно невинныя, представляютъ собой не болѣе, какъ благочестивыя собесѣдованія и на которыя поэтому могутъ попадать иногда и лица, не принадлежащія къ сектѣ; другія же таинственныя, составляющія въ собственномъ смыслѣ богослуженіе, на которыя поэтому допускаются только лица, посвященныя во всѣ таинства секты.

У шалопутовъ Миргородскаго Уѣзда, несомнѣнно, существуетъ школа, говоритъ авторъ «Миргородскихъ шалопутовъ» («Кіевлянинъ», 1873 г., № 98). Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ шалопутовъ, не умѣвшіе ни писать, ни читать, до поступленія въ секту, оказались потомъ граматными. Между книгами, у нѣкоторыхъ сектантовъ найдены буквари церковно-славянской и русской граматы.

Нынѣ сектанты представляютъ собою крѣпко сплотившуюся общину, которая, повидимому, все-таки не чуждается другихъ. Напротивъ, каждому наблюдателю бросается въ глаза стремленіе шалопутовъ сохранить всѣ внѣшнія требованія и церкви, и жизни, чтобы никто не выдѣлялъ ихъ изъ общества православныхъ.

Въ хозяйствѣ шалопутовъ замѣчается довольство, что̀ зависитъ вообще отъ промышленно-торговаго характера сектантовъ, причемъ богачи заботятся о доставленіи, бо̀льшею частью у

себя, работы для бѣдняковъ, принимаютъ ихъ въ свои торговыя операціи и дѣлятся барышами. Вслѣдствіе чего неимущіе изъ неофитовъ скоро поправляютъ свое хозяйство, и сами дѣлаются людьми состоятельными. («Кіевл.», ibid.). Относительно численности шалопутовъ нельзя привести точныхъ данныхъ, такъ какъ они не сепарируются окончательно отъ православной церкви и потому существованіе ихъ во многихъ мѣстахъ остается неизвѣстнымъ. Г. Леницкій, написавшій свой очеркъ по своимъ личнымъ наблюденіямъ, говоритъ, что на одной только границѣ Екатеринославской и Полтавской губерній можно, безъ преувеличенія, положить число ихъ въ нѣсколько тысячъ. Новѣйшія свѣдѣнія говорятъ о неимовѣрномъ размноженіи штундистовъ [1]. Подобныя религіозныя броженія замѣчаются нетолько въ Мало и Новороссіи, но и на Дону: «Въ нѣкоторыхъ поселкахъ Черкасскаго Округа Земли Войска Донского сильно пропагандируется новая раскольничья секта, главные догматы которой слѣдующіе: самый строгій образъ жизни, неупотребленіе вина и табаку, а также животной пищи и постоянное моленіе, совершаемое въ тайнѣ. Появленіе этой секты тѣмъ болѣе замѣчательно, что вообще въ Области Войска Донского всѣ крестьяне доселѣ были православнаго исповѣданія и никакихъ раскольническихъ толковъ не придерживались». («Новое Время», № 106, 1875 г.).

Въ Калужской Губерніи, какъ двѣ капли воды, похожи на штундистовъ *воздыханцы* или *охохонцы*.

Въ №№ 2-мъ и 3-мъ «Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1873 г. приводятся слѣдующія свѣдѣнія о новой сектѣ, появившейся сравнительно недавно въ Калугѣ: старинные сектанты въ Калугѣ—это раскольники поповскаго толка. Толкъ этотъ имѣетъ въ средѣ жителей не мало поддерживающихъ его элементовъ. Позднѣе поповцевъ появились въ Калугѣ и безпоповцы; а за ними уже явилась секта, которая въ отступленіи своемъ отъ церкви пошла дальше, чѣмъ первые два толка. Это—секта *воздыханцевъ*. Она только начинаетъ свою дѣятельность и свою борьбу съ первыми двумя толками, а также и враждебныя отношенія къ церкви православной.

Названіе *воздыханцевъ* народъ далъ послѣдователямъ новой секты потому, что они, во время своихъ собраній и въ другихъ случаяхъ, когда христіанами принято молиться — не молятся а воздыхаютъ, поднимая при семъ глаза къ небу и проводя по своему лицу рукой или платкомъ. Сами же воздыханцы называли

---

[1] См. «Новое Время», № за 4-е декабря 1877 г.

собою «духовными христіанами». Вотъ ихъ взгляды по отношенію къ духовенству: «Ученіе всѣхъ этихъ учителей одинъ только обманъ, а для спасенія души непрочно и безполезно. Развѣ можетъ такой человѣкъ, какъ и мы, подать помощь въ грѣхахъ? Въ священныхъ книгахъ сказано, что не нужно имѣть ни исповѣди, ни причащенія и никакихъ церковныхъ обрядовъ. Все это со временемъ измѣнится и будетъ одно только чтеніе и воздыханіе къ Господу Богу. Настоящіе законы по отношеніи церковныхъ обрядовъ обветшали и должны измѣниться. Кто не исполнитъ настоящій церковный законъ, тотъ слуга антихриста и подвергается проклятію, а кто будетъ исполнять законы будущаго вѣка и просить живого Бога, тому Онъ будетъ во всемъ помогать.

«Не та книга спасительна, говоритъ одинъ изъ главъ воздыханцевъ, которую слѣдуетъ развернуть и потомъ читать, но та, которая сама развертывается и сама читается, т. е. книга слова животнаго, открываемая въ душѣ каждаго духомъ. Книги, писанныя на бумагѣ и чернилами, суть краски; вѣрить такимъ книгамъ не слѣдуетъ».

Основной почвой ихъ міросозерцанія служитъ Евангеліе, и вообще священныя книги направленія новозавѣтнаго, которыя и толкуются ими совершенно произвольно, такъ что, по словамъ «Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», ихъ толкованія «проникнуты духомъ вражды къ церкви».

«*Чтеніе и толкованіе слова Божія*, говорятъ воздыханцы, *достаточно для познанія истины.*» *А что такое истина? Ипостасное Слово Христово: «Азъ есмь истина»* (Іоан. XIV, 6). Изъ вышесказаннаго уже ясно, что многое изъ обширнаго матеріала священнаго Писанія понимается ими духовно, напримѣръ, «воскресеніе мертвыхъ» они толкуютъ не такъ, что въ самомъ дѣлѣ воскреснутъ умершіе, т. е. оживутъ мертвыя тѣла, а что люди, согрѣшившіе на землѣ, какъ не удостоенные жить на небѣ, должны воскреснуть».

Таинства всѣ отрицаются въ корнѣ: напримѣръ, крещеніе, по ихъ мнѣнію, равносильно или однозначуще простому омовенію плоти. Не признавая таинствъ и другихъ дѣйствій церковныхъ, они также отвергаютъ и необходимость хожденія во храмъ; святымъ иконамъ поклоняться не слѣдуетъ, ибо иконы бездушное вещество, а не Богъ, и вообще внѣшнія дѣйствія поклоненія Богу, по ихъ разумѣнію, не имѣютъ значенія: «Поклоняющіеся Ему, должны поклоняться въ духѣ и истинѣ» (Іоан. IV, 23). Бракъ не нуженъ, выбирай жену по своимъ симпатіямъ, не сообразуясь ни съ какими другими условіями. Постъ отрицается на основа

на слѣдующихъ соображеніяхъ: «Если, говорятъ, въ прежнія времена при посланіи рабовъ, постъ нельзя не приносить, то въ наше время кормить чтобы оно возможно, ибо сказано: «не *заграждай устъ вола молотящаго»* (Второз. 25, 4).

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что воздыханцы, какъ послѣдователи ученія, по преимуществу, раціоналистическаго, должны и въ пропагандѣ своей руководствоваться методомъ опытнымъ, эмпирическимъ: мы только что видѣли, какимъ критеріемъ мышленія руководствуется воздыханецъ при отрицаніи поста, такой же остается критерій и при доказательствахъ вѣрности другихъ своихъ положеній и невѣрности положеній своихъ враговъ. Вотъ, напримѣръ, интересный случай: одинъ изъ воздыханцевъ тщетно убѣждалъ одну богатую старушку, воспитанную въ началахъ старообрядства, перейти въ его вѣру. Неоднократныя бесѣды ни къ чему не привели. Но вотъ обокрали эту старушку до чиста и, между прочимъ, сняли съ домашнихъ иконъ серебряныя ризы, оставивъ иконы. Этимъ случаемъ воспользовался недремлющій воздыханецъ.—«Что, не говорилъ ли я тебѣ, что иконы—доски, что на нихъ не слѣдъ молиться? Они сами себя не спасаютъ отъ бѣды, а тебѣ и совсѣмъ помочь не могутъ, гдѣ серебряныя ризы-то?» Понятно, что послѣ такой бесѣды, старушка стала самой ревностной его прозелиткой...

Вотъ другой, не менѣе характерный случай: одинъ старикъ, долго упорствовавшій въ своей старой вѣрѣ, неоднократно бывавшій на состязаніяхъ съ воздыханцами, наконецъ, увѣровалъ, и вотъ что онъ говорилъ: «...Сколько я пожертвовалъ на часовню? Зачѣмъ я это дѣлалъ? Зачѣмъ, опять, я изнурялъ себя постомъ? Еслибы я не соблюдалъ посты лѣтъ 25, я былъ бы бодръ и крѣпокъ». Пропаганда воздыханцевъ идетъ довольно успѣшно: не рѣдко встрѣтишь въ Калугѣ проповѣдующаго воздыханца и къ проповѣди его чутко прислушивается городское населеніе; къ этому ученію стало уже неравнодушно и сельское населеніе; массы послѣдователей крестьянъ встрѣчаются въ уѣздахъ Малоархангельскомъ и Боровскомъ.

Мы видимъ, что въ сектѣ воздыханцевъ встрѣчаются аналогичныя штундизму черты. Какъ воздыханцы, такъ и штундисты одинаково относятся къ религіознымъ вопросамъ вѣроученія; и тѣ, и другіе одинаково требуютъ поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ. При внимательномъ взглядѣ на исторію развитія народнаго міросозерцанія, мы замѣтимъ, что всѣ тѣ стороны, которыя мы видимъ въ раціоналистическихъ сектахъ штундистовъ и духоборцевъ—особенно же *р...ѣнія противъ аскетизма* общи всему стр...ю

современнаго намъ нововѣрческаго сектаторства: такою сектою, съ такимъ же характеромъ представляются въ Саратовской и другихъ поволжскихъ губерніяхъ *новокрещенцы*. Кромѣ того, многія другія нововѣрческія секты «общихъ», «немоляковъ», «неплательщиковъ» и проч., по существу своему тоже представляютъ собою реакцію противъ всякаго самоистязанія, воздержанія отъ пищи и противъ сокращенія другихъ естественныхъ потребностей...

III. Малорусская штунда [1].

По преданію, отъ аскетичсскихъ сектъ штундисты, правда, получили въ наслѣдство нѣкоторое презрѣніе къ земнымъ благамъ. Все это земное—скоропреходящее, говорятъ они о «благахъ міра»; земной о земномъ помышляетъ, а духовный о духовномъ. Или же:—Ты, братъ, толкуешь священное писаніе по земному, а не по небесному: гдѣ богатство ваше, тамъ и сердце ваше, сказано въ евангеліи.

Такого рода фразы и теперь еще не рѣдко можно услышать отъ штундиста. Но очѐвидно, что этотъ аскетическій взглядъ не имѣетъ преобладающаго значенія въ жизни штундистовъ. Даже въ первоначальномъ своемъ развитіи старо-штундисты или, какъ они называютъ себя, *первые браты*, гораздо менѣе своихъ новыхъ послѣдователей — *младоштундистовъ*, освободившіеся отъ старыхъ аскетическихъ религіозныхъ формъ, и тѣ уже сразу стали въ опозицію противъ неосмысленнаго аскетизма. На первыхъ порахъ, они возстали противъ жадности духовенства, сулящаго народу всякія блага на небесахъ, а въ замѣнъ этого избравшаго себѣ блага міра сего. Въ особенности же они возстали противъ

[1] Мѣстное названіе этой секты, какъ она слыветъ у православныхъ крестьянъ— *штундовая*, происходитъ отъ нѣмецкаго слова *Stunde*, часъ, что значитъ *часовенная*. Названа эта секта такъ потому, что въ свободные часы сектаторы собираются для душеспасительной бесѣды и пѣнія псалмовъ, переложенныхъ на русскій языкъ; но православные крестьяне не понимаютъ значенія слова *штундовый* и обратили его въ ругательное слово, а потому сами штундисты неохотно называютъ себя этимъ именемъ и предпочитаютъ другое названіе — «*русское евангелическое братство*», или «братство друзей Іисуса», а другъ друга называютъ просто «братомъ» и «сестрой»; они называютъ себя также «братьями и сестрами по духу», въ отличіе отъ родныхъ, которыхъ они называютъ «братьями и сестрами по плоти». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть молокане, крестьяне называютъ этимъ именемъ штундистовъ, но это имъ также не нравится. Началомъ возникновенія малорусской штунды, *какъ сформировавшейся* секты («Одесскій Вѣстникъ» 1867 г. № 277), полагаютъ 1862 годъ, но болѣе вѣроятно мнѣніе Значко-Яворскаго, ревнителя православія, который полагаетъ ея начало въ концѣ 1864 г. («Одесскій Вѣстникъ» 1868 года. № 85). Мнѣніе это подтверждается кіевскимъ епархіальнымъ начальствомъ, которое обратило вниманіе на быстрое развитіе штундизма въ Южной Россіи и собрало по этому вопросу довольно точныя свѣдѣнія, опубликованныя въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

аскетическаго монашества, на практикѣ заявляющаго себя самыми непривлекательными крайностями. По поводу бѣлаго и чернаго духовенства среди штундистовъ ходитъ множество скандалезныхъ рассказовъ, гораздо больше, чѣмъ среди православнаго населенія, и въ видѣ обличенія часто приводится исторія Симона, желавшаго воспользоваться духовною властью съ корыстною цѣлью: «погибаетъ съ тобою серебро твое, поелику ты помыслилъ за деньги получить даръ Божій» Дѣян. Апост. гл. 8, ст. 17—20.

Всѣ эти обстоятельства въ совокупности создаютъ въ средѣ штундистовъ сильную опозицію противъ представителей Всевышняго на землѣ. Алчность же и ненасытность духовенства особенно служили однимъ изъ дискредитирующихъ его элементовъ и этотъ стимулъ недоброжелательныхъ отношеній къ духовенству выступаетъ у штундистовъ въ яркомъ свѣтѣ, когда они для сопоставленія ссылаются на то обстоятельство, что Спаситель и Апостолы нетолько не взимали ничего за проповѣдь Божественнаго ученія, но, напротивъ того, имѣли все общее съ вѣрующими. «Согрѣшилъ ли я тѣмъ, что безмездно проповѣдывалъ вамъ Евангеліе (1-е посл. къ Коринѳ. X, 18; 2-е посл. къ Кор. XI, 7)... «И никто изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (Дѣян. Апост. IV, 32, 33)..» Не было между ними никого нуждающагося (Дѣян. Ап. IV, 35, 36, 37)... Ибо, если дѣлаю это, благовѣствую добровольно, то буду имѣть награду, а если недобровольно, то исполняю только ввѣренное мнѣ служеніе (1-е посл. къ Корин. гл. IX, ст. 17)... За что же мнѣ награда? За то, что проповѣдую Евангеліе безмездно? (1-е посл. къ Кор. гл. IX, ст. 18).

Но въ погонѣ своей за благодатью штундисты не забываютъ заботиться о достиженіи высшаго матеріальнаго благосостоянія. Рорбааскій пасторъ Бонекемпферъ, одинъ изъ первыхъ распространителей нѣмецкой штунды на югѣ Россіи, говоритъ: «Каждый изъ насъ домогается возможно лучшихъ «благъ міра сего» [1]. Намъ и такъ тѣсно, жалуются штундисты, а тутъ еще постояльцы по угламъ (иконы), корми ихъ масломъ, ставь имъ свѣчи, да еще дай попу, когда онъ придетъ къ тебѣ съ «молитвой» или иными «требами».

На первыхъ же порахъ штундисты стали отрицать нетолько постъ, но и всякое другое самоистязаніе плоти въ жертву Богу. «Жертва Богу—духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ» (псал. 50) «Милости хочу, а не жертвы» — (Еванг. Мат. 9 гл. 13 ст.).

---

[1] «Одесскій Вѣстникъ» 18̆8 г. № 56.

Самая высшая добродѣтель штундистовъ заключается въ томъ, чтобы помочь голодному, одѣть нагого, пріютить бѣднаго, укрыть странника, однимъ словомъ, во всемъ помочь меньшему брату. Кто хочетъ быть большимъ, да будетъ всѣмъ слуга (Марк. 10 гл. 44 ст.), ибо человѣкъ созданъ по образу и по подобію Божію.

И вся эта аргументація вытекаетъ изъ основного догмата штунды: Богъ, какъ сила всемогущая, не нуждается ни въ какой помощи, ни въ какихъ *жертвахъ со стороны слабаго человѣка; а, наоборотъ, Онъ Самъ Вседержитель и Спаситель; поэтому Онъ и намъ заповѣдалъ поступать такъ, чтобы сильный не пользовался насчетъ слабаго.* По понятіямъ штундистовъ, Іисусъ Христосъ «не хочетъ смерти грѣшника», онъ добрый пастырь, другъ и даже братъ. (Аргументація для такого толкованія почерпнута изъ Евангелія).

Вмѣстѣ съ аскетами, штундисты признаютъ, что духъ бодръ, а плоть немощна, но выводы отсюда дѣлаютъ какъ разъ противоположные аскетическимъ. Если тѣло слабо, говорятъ они, то не истязать его нужно, а поддерживать и кормить, какъ лошадь: не покормишь — не поѣдешь. И только праздный хлѣба да не ѣстъ, какъ сказалъ Апостолъ Павелъ (посл. 2 Фес. 3 гл. 6 и 18 ст.).

Тѣло, по мнѣнію штундистовъ, не темница и не цѣпи для духа, а только его орудіе, какъ инструментъ, и чтобы духъ свободнѣе дѣйствовалъ, для этого тѣло должно быть крѣпкое и здоровое. Самый лучшій работникъ плохо работаетъ дурными инструментами; такого же рода взаимодѣйствіе существуетъ, по мнѣнію штундистовъ, между душой и тѣломъ. Поэтому, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, заботы о здоровомъ тѣлѣ занимаютъ у штундистовъ довольно видное мѣсто. Они перестали курить и пьянствовать не на основаніи одного священнаго писанія, а главнымъ образомъ потому, что это, по ихъ мнѣнію, вредитъ здоровью и дурно отражается на благосостояніи человѣка. Они всегда ѣдятъ скоромное, оправдываясь тѣмъ, что не входящее въ уста скверните человѣка, а исходящее изъ устъ — помышленія злыя и проч. (Матѳ. гл. 7, 15 ст.). Они убѣдились, что скоромная пища болѣе питательна и уже не говорятъ, вмѣстѣ съ малороссами-нештундистами: «вовна не вовна, аби вишне порна»!!

Нѣмецкіе колонисты вмѣстѣ съ своими рабочими хорошо питаются, за то же хорошо и работаютъ. Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ штундистовъ сравненіе человѣка съ лошадью, которую кормятъ овсомъ или соломой. «Отгадай, кто лучше будетъ работать: отъ овса или соломы? многозначительно

спрашиваетъ штундистъ, и когда съ нею легче справиться? Такъ и съ человѣкомъ, продолжаетъ онъ философствовать, чтобы легче было управлять, попы выдумали постъ и др. обряды. Все это одна узда и больше ничего. Но человѣкъ не долженъ господствовать надъ созданіемъ Божьимъ, онъ долженъ господствовать только надъ своими страстями. Онъ долженъ укрѣпляться въ духѣ и истинѣ, но также долженъ сохранять и свое здоровье, такъ какъ это есть тоже даръ Божій! И въ видахъ сохраненія здоровья пища, жилище и одежда штундистовъ отличаются лучшею доброкачественностью, чѣмъ у малороссовъ-нештундистовъ. Ни про одного штундиста нельзя сказать: «жаль разумное Божье созданье, человѣка въ грязи и съ сумой! Въ критическую минуту ему всегда помогутъ» братья по духу. Въ одной изъ штундическихъ духовныхъ пѣсенъ, воспѣвающихъ заслуги Христа, поется:

Онъ мнѣ сердце проникаетъ,
Духъ и душу веселитъ,
Дюже плоть мою скрѣпляетъ
И отъ зла меня хранитъ.

Многіе штундисты позаимствовали различіе между духомъ и душой отъ духоборцевъ и др. сектантовъ, поэтому считаютъ духовнаго и душевнаго человѣка понятіями не тожественными. Духъ, по ихъ понятіямъ, это сила, которую Богъ вдунулъ въ человѣка по образу и подобію своему (умъ, память, воля), а душа—просто жизнь или, иначе говоря, душа считается причиной и основой жизненной дѣятельности въ организмѣ человѣка; но чтобы душу представляли штундисты въ видѣ куклы (ляльки), какъ сказано въ «Недѣлѣ» № 1, этого я ни разу не слышалъ, а равно и Бога едва ли штундисты представляютъ въ образѣ сѣденькаго старичка, возсѣдающаго на облакахъ. Богъ, по представленію штундистовъ, есть духъ вездѣсущій и на этомъ основаніи не нуждается, чтобы святые ему докладывали о грѣхахъ міра—отсюда, между прочимъ, отрицаніе святыхъ.

Предъ ѣдой обыкновенно поется переложеніе 18-го псалма. Характерно оно тѣмъ, что въ немъ есть воззваніе къ Господу благословить «пищу для плоти земной», и они начинаютъ такъ:

Ты удостой твой даръ вкусить
Сей плоти въ подкрѣпленіе,
Чтобы крестъ свой вслѣдъ Христа носить.

Въ другой духовной застольной пѣснѣ поется тоже самое:

Удостой твой даръ вкусить
Въ подкрѣпленіе нашихъ силъ.

А вотъ для образца цѣлая застольная пѣсня духовнаго содержанія, которая обыкновенно поется штундистами послѣ ѣды:

Благодарю тебя, Господь,
За пищу, данную тобой,
Коей ты мнѣ насытилъ плоть
И укрѣпилъ духъ слабый мой.
Пошли-жъ ты мнѣ твой духъ святой.
Дай укрѣпленіе сердцу въ немъ,
Дабы я въ жизни сей земной
Ходилъ евангельскимъ путемъ.

Вмѣсто духовной пѣсни передъ ѣдой и послѣ ѣды большею частью импровизуется молитва на тотъ же ладъ и въ томъ же духѣ, какъ вышеприведенныя застольныя пѣсни.

Единственная оффиціальная молитва «Отче нашъ», читаемая на собраніяхъ штундистовъ, измѣнена сообразно ихъ понатіямъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ говорится *о хлѣбѣ насущномъ*: «хлѣбъ намъ подай, Боже, чтобъ было, что ѣсть на каждый день». И понимается это мѣсто чаще всего въ буквальномъ смыслѣ. Заботы о хлѣбѣ у штундистовъ дѣйствительно не ограничиваются только однимъ нынѣшнимъ днемъ, вопреки извѣстному мѣсту Евангелія, гдѣ предлагается не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Во многихъ мѣстахъ у нихъ, по примѣру Апостоловъ, заведены общія кассы для поддержки своихъ «братовъ». Гдѣ нѣтъ общей кассы, тамъ предлагается помощь во время собраній наиболѣе нуждающимся членамъ братства. Особенно практикуется эта взаимная самопомощь въ случаѣ болѣзни, пожара и др. несчастій. Такимъ образомъ братство штундистовъ проявляется не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Вѣра твоя познается изъ дѣлъ твоихъ, говоритъ Апостолъ Павелъ (гл. 2. ст. 20 — 26). Но и доброе дѣло, говорятъ штундисты словами того же Апостола, нужно дѣлать съ разсужденіемъ, такъ напримѣръ, не даромъ говоритъ Апостолъ Павелъ: «только трудящійся пусть ѣстъ» (Фес. 2-е посл., 3 гл., 6—18 ст.).

Штундисты ревностно стараются о введеніи въ жизнь *опытнаго* христіаества (не на словахъ только, а на дѣлѣ), нѣсколько видоизмѣненнаго, сообразно съ степенью развитія его послѣдователей, требованіями жизни и духа нашего времени—въ этомъ весь секретъ штунды. Несмотря на нѣкоторыя уклоненія отъ евангельскаго пути, ученіе это характеризуется искреннимъ стремленіемъ установить личную и общественную жизнь на евангельскихъ началахъ. Боникампферъ такъ характеризуетъ штундистовъ: «послѣдователи штунды самые лучшіе люди; они болѣе другихъ чистосердечны, просвѣщенны, щедры, скромны, добродѣтельны и зажиточны». И надо отдать справедливость: выработка личности въ нравственномъ и умственномъ отношеніи у нихъ достигаетъ высшаго развитія. «На цѣлую жизнь чело-

вѣка они смотрятъ, какъ на осуществленіе одной нравственной идеи добра». (Нечаева. «Піэтизмъ и его историческое значеніе»). Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже кіевское епархіальное начальство. Въ кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были опубликованы свѣденія о штундистахъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «добрая нравственность штундистовъ замѣчательна. Ведутъ они жизнь трезвую и благочестивую». И дѣйствительно, штундисты самый трудолюбивый народъ, не воруютъ, не пьянствуютъ, не лгутъ, не ругаются, вообще ведутъ себя, какъ подобаетъ истинному христіанину. Между ними почти неслышно преступленій, а если и случится что нибудь преступное, то они не любятъ прибѣгать съ жалобой къ начальству, а всегда стараются уладить дѣло миромъ сами, между собой.

Ужель и между нами самими не найдется такого, чтобы могъ уладить спорное дѣло? Не даромъ же сказалъ апостолъ Павелъ: «Какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судится у нечестивыхъ, а не у святыхъ.» (1-е п. Кор. гл. 6 ст. 1—8). Какимъ же образомъ совершается такое самосовершенствованіе? Вѣдь извѣстно, что многіе крестьяне, какъ они сами утверждаютъ, до поступленія своего въ штунду были отчаянными лѣнтяями и безшабашными пьяницами людьми, погрѣшавшими чуть ли не противъ всѣхъ десяти заповѣдей. Здѣсь прежде всего нужно замѣтить, что въ штунду обыкновенно поступаетъ крестьянская молодежь не старѣе тридцати лѣтъ. По этому поводу штундисты говорятъ: «старое дерево трудно согнуть; его прежде нужно хорошо парить, да нагрѣвать, чтобы оно не сломалось; такъ и стараго человѣка, закоренѣлаго въ грѣхахъ, трудно направить на путь истины.—Хорошо уже то, если такой человѣкъ не гонитъ насъ, ибо Христосъ сказалъ: «Кто не противъ васъ, тотъ за васъ». Во-вторыхъ, судя по общему впечатлѣнію, смѣло можно сказать, что женщинъ между штундистами больше, чѣмъ мужчинъ; а это значительно повліяло на смягченіе нравовъ. Извѣстно, напримѣръ, что выдѣлывали женщины въ Америкѣ въ видахъ искорененія пьянства и другихъ пороковъ. Въ такомъ же духѣ дѣйствовали женщины и въ средѣ штундистовъ. Хотя на общихъ собраніяхъ женщинамъ не даютъ права заявлять свои мнѣнія, согласно словамъ апостола Павла: «жены въ собраніяхъ да молчатъ», тѣмъ не менѣе женщина среди штундистовъ находитъ время и мѣсто проявить свое вліяніе. Въ отстаиваніи своихъ правъ она тоже ссылается на слова того-же апостола Павла: «каждый мужъ да любитъ свою жену, какъ себя самого (послан. къ Ефес. гл. 5 ст. 33). Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ женщины устраиваютъ свои особыя собранія, безъ учас-

тія мужчинъ, и здѣсь-то онѣ ужь являются полноправными членами церкви, сами толкуютъ священное писаніе, сами проповѣдуютъ и проч.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, для выработки личности среди штундистовъ прилагаются слѣдующія средства: слово, нравственная и матеріальная поддержка и, наконецъ, исключеніе негодныхъ членовъ изъ братства. И такъ штундисты дѣйствуютъ не однимъ только словомъ. Они твердо помнятъ совѣтъ апостола Петра: «непокоряющіеся слову Божію должны быть пріобрѣтаемы нами *житіемъ* нашимъ. А на кого не дѣйствуетъ ни слово, ни ихъ примѣрная жизнь, того они изгоняютъ изъ своей среды, на томъ основаніи, что съ *преподобнымъ преподобенъ будешь, а съ развратнымъ развратишься*. Но изгнаніе это происходитъ не сразу, а сначала обыкновенно временно «отлучаютъ отъ церкви», не допуская опальныхъ къ своимъ собраніямъ на нѣкоторое время, и только послѣ двухъ-трехъ такихъ экспериментовъ, штундисты навсегда разстаются съ неисправнымъ грѣшникомъ. Это самая крутая расправа, на которую рѣшаются штундисты только послѣ «братскаго суда». Формы этого суда не носятъ одного и того же характера. Иногда творитъ судъ и расправу «старшій братъ», а чаще рѣшается это цѣлымъ собраніемъ. Но не всегда такой судъ кончается изгнаніемъ обвиняемаго; иногда только производится нравственная оцѣнка извѣстнаго поступка и принимается это къ свѣдѣнію «братства», что̀ въ значительной степени содѣйствуетъ выработкѣ общественнаго мнѣнія среди штундистовъ. Одною изъ болѣе употребительныхъ формъ, въ которой проявляется ихъ общественное мнѣніе, служатъ письма, адресуемыя обыкновенно не къ одному лицу, а къ цѣлой группѣ, по обычаю временъ апостольскихъ, извѣстной подъ именемъ той или другой церкви (общины). Впрочемъ, церкви эти не носятъ еще опредѣленныхъ названій и большею частью извѣстны подъ именемъ тѣхъ мѣстъ (городовъ, селъ и деревень), гдѣ группируются штундисты. Для образца приведу выдержку изъ одного письма.

«Привѣтствую васъ, братія по духу (имя рекъ), и желаю, дабы общеніе вѣры вашей оказалось дѣятельнымъ въ познанія всякаго добра, ибо мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви другъ къ другу.—Увѣдомляю васъ, братья, о дѣлахъ старшаго брата (имя рекъ): онъ взялъ деньги изъ кассы для нуждающихся и купилъ на нихъ чашу да покрывало на столъ. Этотъ обычай украденъ изъ православной церкви, а намъ говорятъ, чтобы мы вѣтили его за святость. Но это идолъ, и да не будетъ такъ! Все это одни постановленія и больше ничего, а въ писаніи сказано прямо: «и такъ если вы со Христомъ умерли для міра, то для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій (п. Кор. 3 глав. 20 ст).

Тоже самое скажу о водномъ крещенія .. Все это одна петля, и старшій

братъ (такой-то) хочетъ затянуть насъ въ нее. Онъ уже налагаетъ на насъ *бремена неудобоносимы*: по два рубля съ брата въ годъ и по одному съ сестры для своихъ разъѣздовъ по братьямъ. А въ Евангеліи сказано: не брать съ собою денегъ, ни одежды лишней, когда идешь проповѣдывать слово Божіе. Вотъ вамъ крещенный братъ, еще старшій! И помогло же ему водное крещеніе! Мало одного ярма, такъ онъ налагаетъ на насъ другое. А должны ли быть между нами, какъ между язычниками, князья и священники, когда самъ Христосъ сказалъ, что *между вами да не будетъ такъ* (Мат. 20 гл. 20—28 ст.). Я думаю, что турокъ большой врагъ герцеговинцевъ, да и тотъ, какъ разбойникъ, губитъ только тѣло, а нашъ лжебратъ (имя рекъ), называющій себя созданіемъ Божіимъ, старается господствовать надъ такими же Божьими созданьями, какъ и самъ онъ, старается болѣе слабыхъ вовлечь въ грѣхъ идолопоклонства, и этимъ самымъ убиваетъ нетолько тѣло ихъ, но и душу. Не даромъ стоитъ слово въ писаніи, что изъ среды нашей выдутъ звѣри въ одеждахъ овечьихъ—берегитесь ихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ (имя рекъ) имѣлъ только одну лошадь, а теперь у него уже двѣнадцать ихъ: носитъ онъ новую одежду и добрую шапку, имѣетъ двое часовъ, покупаетъ табакъ и куритъ, заложивши руки въ карманы, ходитъ по базару съ *цигаркой* въ зубахъ. Искушеніе да и только, какъ есть настоящій идолъ! Вотъ какъ помогла ему касса, чаша и водное крещеніе— эти три веревки на весь міръ. Онъ собирается ѣхать къ вамъ творить обрядъ вѣнчанія, а когда онъ пріѣдетъ, то прочитайте ему мое письмо во время собранія. Я уже говорилъ ему наединѣ и при свидѣтеляхъ, что онъ не хорошо дѣлаетъ, а онъ еще выругалъ меня неподобными словами, такъ я-жъ его предамъ церкви, и вы тоже, гдѣ только можете, дайте знать по церквамъ о злодѣяніяхъ *старшаго брата* (имя рекъ). Я скоро буду у васъ и принесу вамъ живое письмо—живое слово, и буду бороться со звѣрями».

Но только немногіе штундисты доводятъ себя до того, чтобъ ихъ обвиняли предъ цѣлымъ собраніемъ. Обыкновенно они сами крѣпко задумываются надъ вопросомъ: «гдѣ я и кто я?» Подъ такимъ названіемъ у нихъ ходитъ даже по рукамъ брошюра, изданная библейскимъ обществомъ. И они сами замѣчаютъ свои ошибки, постоянно помышляя о томъ, какъ бы исправиться и совершенствоваться, чтобъ, въ концѣ концовъ, быть такими же совершенными, какъ самъ Богъ. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть», сказалъ Христосъ. Они постоянно твердятъ другъ другу: «не осматривайтесь назадъ на Египетъ и не принимайте фарисейской закваски, чтобъ она не испортила всего дѣла». Особенно же лицамъ, не обращеннымъ и вновь обращеннымъ въ штундизмъ, они любятъ давать благіе совѣты на счетъ того, что *нужно каяться въ грѣхахъ своихъ*. «Богъ любитъ грѣшника только кающагося, говорятъ штундисты и, въ подтвержденіе своихъ словъ, указываютъ на притчу о потерянной овцѣ и о блудномъ сынѣ; кромѣ того, разбойникъ уже на крестѣ покаялся и Богъ ему простилъ всѣ грѣхи. Такимъ образомъ, штундисты признаютъ таинство покаянія, но оно у нихъ совершается совсѣмъ иначе, чѣмъ у православныхъ.

— Отчего вы не исповѣдуетесь передъ священникомъ? спра-

шиваютъ у нихъ православные. «У насъ одинъ священникъ и отецъ, который на небесахъ, и ему-то мы и исповѣдуемъ грѣхи свои, а всѣ мы дѣти одного отца небеснаго, всѣ мы братья (Мат. 23 гл. ст. 10), и въ писаніи сказано: «другъ другу исповѣдуйте грѣхи свои». (Посл. Іак. гл. 5 ст. 13—18).

Такимъ образомъ таинство священства подрывается у штундистовъ въ самомъ корнѣ, но и приведенныя слова изъ священнаго писанія: «Другъ другу исповѣдуйте грѣхи свои», не исполняется съ буквальною точностію. Вмѣсто того, чтобы дѣйствительно указывать, въ чемъ заключаются грѣхи каждаго и какъ избавиться отъ нихъ, штундисты обыкновенно отдѣлываются на своихъ собраніяхъ общими выраженіями о своей виновности и изливаютъ свою душу въ слезныхъ *молитвахъ*.

Отъ времени до времени, собранія ихъ оглашаются импровизированной молитвой кающагося грѣшника, въ большинствѣ случаевъ сопровождаемой сначала легкими всхлипываніями, а затѣмъ нервически раздирающими душу воплями.

Для примѣра приведу одну изъ болѣе типичныхъ молитвъ; а по этому образцу въ собраніи молится каждый, руководствуясь извѣстнымъ правиломъ: что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ: «Господи милосердный! Ты-жь бачишь, ты-жь видишь мою немощь какой страдаю я недостойный (или недостойная) и слабый (или слабая) въ соблазнахъ: уйми-жь мою скорбь, лютое горе, отвали камень отъ сердца, избавь меня отъ великихъ искушеній и отведи, Господи, изъ этого Египта, какъ изъ терновника. О Господи праведный! Ты-жь видишь, какъ здѣсь тѣсно: поддержи братьевъ и сестеръ въ темницѣ сущихъ; укрѣпи ихъ, Господи, чтобы они, какъ тѣ рабы, не проспали встрѣчи своего господина, а невѣсты своего жениха, и чтобы между всѣми нами была любовь, ибо гдѣ любовь—тамъ самъ Богъ пребываетъ. Аминь».

Во время молитвы большинство «вѣрующихъ» падаетъ на колѣни, немногіе стоятъ на ногахъ, и всѣ внимательно слушаютъ молитву, произносимую вслухъ однимъ (или одной) изъ «вѣрующихъ». Впрочемъ, складываніе рукъ во время молитвы такимъ манеромъ, какъ описано въ «Недѣлѣ» № 1, не вошло еще въ непремѣнный обычай и крестообразное складываніе ладоней не имѣетъ такого символическаго значенія, какъ было сказано въ статьѣ: «Малорусская штунда». Святость креста отрицается штундистами въ самомъ принципѣ: по ихъ мнѣнію, крестъ есть орудіе казни—висѣлица, на которой Христа повѣсили, поэтому крестъ считается у нихъ печатью Ирода и начертаніемъ Антихриста. Въ книгѣ премудрости Соломона (гл. 14 ст. 8) сказано, что проклято дерево, которому поклоняются, какъ идолу, а въ посланіи

къ Галат. 3 гл. 12 ст. проклятъ висящій на деревѣ, такъ какъ на древѣ оставлены грѣхи всего міра,—говорятъ штундисты. Очевидно, что при такомъ взглядѣ на крестъ, послѣдній не можетъ имѣть какого-нибудь отношенія къ складыванію рукъ. И дѣйствительно, крестообразное складываніе ладоней—чистая случайность. Сами штундисты говорятъ, что можно во время молитвы складывать руки такъ, чтобы пальцы одной руки сгибались и падали бы между пальцами другой, или же чтобы они лежали прямо соотвѣтственно одинъ на другомъ, какъ хочешь, лишь бы было прилично и не подумалъ бы кто, что хочешь пойти въ плясъ, когда возмешься, напр., руками подъ бока.

— Должно уклоняться отъ всего того, что можетъ подать соблазнъ предстоящимъ, говорятъ штундисты.

Во время молитвы своей штундистъ опускаетъ очи въ землю и во всей фигурѣ его замѣтна какая-то приниженность, чувство собственнаго безсилія. Но онъ никогда не молится съ воздѣтыми руками вверхъ, возведши очи къ небу, подобно восточнымъ факирамъ, какъ думаетъ авторъ «Малорусской штунды» и никогда вы не увидите теперь, чтобы штундисты во время молитвы, въ порывѣ религіознаго энтузіазма, били себя въ грудь, рвали на себѣ волосы, одежду и проч., какъ думаетъ тотъ же авторъ («Недѣля» № 1, стр. 28). Нѣчто подобное, правда, было лѣтъ сорокъ тому назадъ въ нѣмецкой колоніи Рорбахъ Одесскаго уѣзда и въ сосѣдниxъ колоніяхъ Вормсъ, Ней Фрейденъ Таль и Маріенъ Таль, да и то только между нѣмцами. Послѣдніе выбѣгали тогда на улицу съ воздѣтыми руками, рвали на себѣ одежду и кричали: «Живъ, живъ Христосъ»! Но теперь уже даже между нѣмцами подобнаго рода проявленіе религіознаго чувства обратилось въ анахронизмъ. Малороссы шундисты никогда не доходили до такого религіознаго энтузіазма; самое большее, на что они способны, это со слезами просить Бога о прощеніи, повергаясь на землю и публично завывая, что они очень очень грѣшны. Эти преувеличенныя тоскливыя причитанія о своей грѣховности оказываютъ, правда, подавляющее вліяніе на зрителей; говорятъ, что у слабонервныхъ бывали случаи обморока. Деревенскіе крестьяне, по этому поводу, съ увѣренностью заявляютъ, что это «бѣсъ труждаетъ штундарей», и что еслибъ они нашли истинную вѣру, то не плакали бы, а радовались; городскіе же просто говорятъ, что штундисты корчатъ изъ себя дурака. На это штундисты отвѣчаютъ тѣмъ и другимъ словами Евангелія: *Блажени плачущіе, ибо они утѣшатся*, а мы плачемъ только въ началѣ, когда ищемъ Христа и чуетъ сердце нашу немощь, или какую-нибудь боль душевную; когда же мы укрѣпляемся въ

духѣ и истинѣ—мы перестаемъ плакать, и радуемся, что Христа обрѣли въ сердцѣ своемъ. Замѣчательно, что прозелиты, только что принявшіе штундизмъ, несравненно болѣе плачутъ и каются, чѣмъ въ послѣдствіи, когда уже значительно успѣютъ проникнуться духомъ штундизма. Кромѣ того, замѣтно, что первые последователи штунды, какъ напр. Михайло Ратушный, Иванъ Рябошапка, Петръ Вовкожъ и др. отличаются и всегда отличались гораздо большею плаксивостью и пришибленностію, нежели представители новѣйшей штунды. Извѣстно напр., что послѣднихъ нетолько духовенство, но и полицейская власть считаетъ какими-то разбойниками или, по меньшей мѣрѣ, людьми въ высшей степени дерзкими. Для примѣра приведу такого рода фактъ («Церковно Общест. Вѣстникъ» № 30, за 75 г.); 2-го марта 1875 года, въ воскресенье въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, при совершеніи торжественнаго чина православія, крестьянинъ-штундистъ Брацлавскаго уѣзда села Карпосовки, Петръ Пославскій, послѣ перваго провозглашенія духовенствомъ анаѳемы, при громадномъ стеченіи народа, въ слухъ всѣхъ, произнесъ анаѳему всему духовенству и высшему его представительству, прибавивъ слова: «Еюже мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ». При арестованіи онъ произнесъ: «Теперь возьмите меня—я свое дѣло сдѣлалъ». Не менѣе заслуживаетъ вниманія и такого рода дерзость штундистовъ: когда, во время усиленной пропаганды ихъ ученія, административная власть сдѣлала распоряженіе о воспрещеніи собраніе въ селѣ Чаплынкѣ Таращанскаго уѣзда, то урядники, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, сельскіе полицейскіе заставляли ихъ расходиться, «причемъ они бывали неоднократно побиваемы». Да и вообще штундистъ малороссъ значительно отличается отъ малоросса не штундиста. Первое уже, что бросается сразу въ глаза, это непринужденное отношеніе штундиста ко всякой власти. Онъ убѣжденъ, что власть существуетъ для злыхъ, а не для добрыхъ (Рим. гл. 13 ст. 3), а когда не будетъ преступленій, тогда упразднится всякое начальство и всякая власть. Затѣмъ онъ убѣжденъ еще въ томъ, что онъ, собственно говоря, выше власти, какъ представитель Божеской истины и высшей правды, и какъ *сосудъ*, назначенный для почетнаго употребленія, а не для низкаго (Рим. г. 9 ст. 29). На основаніи подобныхъ воззрѣній, сложившихся въ головѣ штундиста, послѣдній вовсе не лебезитъ такъ предъ начальствомъ, какъ православный мужикъ.

— Эхъ, велика бѣда, подумаешь, если сошлютъ, говорятъ штундисты:—для насъ здѣсь Сибирь, а для Господа все можно сдѣлать.—Вѣдь и въ Сибири люди живутъ. Поэтому съ гражданскимъ начальствомъ штундистъ держитъ себя, какъ «равный съ рав-

нымъ, вольный съ вольнымъ», а къ духовенству, будь это самъ архіерей даже, относится презрительно: ни за что не сниметъ шапки и не поклонится въ знакъ почтенія, а если сидитъ, не встанетъ съ мѣста, когда проходитъ мимо него духовное лицо. Священники очень часто фигурируютъ въ бесѣдахъ штундиста, при какихъ бы обстоятельствахъ послѣдній ни находился. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что въ мірѣ этихъ сектаторовъ массами сохраняются изъ года въ годъ скандалезные разсказы, часто даже съ пошибомъ пошлости. Изъ долгого знакомства съ этой средой, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать что такая вольность въ бесѣдахъ—отнюдь не допускается во всѣхъ иныхъ случаяхъ. Вольность въ выраженіяхъ или, какъ они говорятъ, сквернословіе составляетъ такое качество, которое вызываетъ безусловное порицаніе со стороны всякаго изъ «братовъ». Отступленіе допускается въ слабой степени только лишь по отношенію къ «драконамъ». Мы имѣли уже также случай упомянуть о томъ, что воспринятіе раціоналистической мысли массой, равно какъ и отдѣльнымъ лицомъ, требуетъ, своимъ conditio sine qua non, низведенія съ пьедестала всего того, что было окружено ореоломъ святости или Божественнаго вмѣшательства. Вотъ почему, какъ только штундистъ начинаетъ свою пропаганду, онъ не замедлитъ свернуть на вопросъ о постахъ, который сводится на слѣдующее мѣсто изъ Евангелія: «Гере вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что *поѣдаете домы вдовъ и напоказъ молитесь долго*, за это пріимите тягчайшее осужденіе» (Ев. М. 23, ст. 14).

При такомъ независимомъ образѣ мыслей, господствующемъ особенно у представителей новѣйшей штунды, не будетъ ли слишкомъ рискованнымъ утверждать, вмѣстѣ съ авторомъ «малороссійской штунды», что штундисты *тогда только надѣются ввести въ жизнь начала своего ученія, когда всѣ подѣлаются штундистами*. Въ простомъ человѣкѣ непосредственнаго чувства, какимъ представляется каждый крестьянинъ, трудно ожидать такого раздвоенія и разлада между словомъ и дѣломъ. Это, во всякомъ случаѣ, не Щедринскій герой съ гибкою спиною и медоточивымъ языкомъ, показывающій фигу въ карманѣ и постоянно виляющій хвостомъ «сѣмо и овамо»,—герой съ безсмѣнной фразой на устахъ: «нельзя не согласиться, но нужно признаться»... И въ настоящее время штундисты, своимъ поведеніемъ и всей своей жизнью, оказываютъ несомнѣнное морализующее вліяніе на остальную массу, не вошедшую въ ихъ секту. Довольно уже одного замѣчанія Бонекампфера: «Штундисты всегда усердно посѣщаютъ свои собранія, а собираются они въ свободные «часы» (штунде) по домамъ

и наставляютъ другъ друга въ истинѣ, затѣмъ они назидаются пѣснопѣніями, возвеличивающими Спасителя, и всѣ расходятся чинно по домамъ. Это обыкновенно дѣлается утромъ по воскресеньямъ, послѣ обѣда и вечеромъ, въ то самое время, когда братство другого рода убиваетъ дорогое время въ шумныхъ оргіяхъ и попойкахъ». («Одесскій Вѣстникъ» 1868 г. № 56). Но еще болѣе, благотворное вліяніе имѣетъ штундизмъ на своихъ послѣдователей: онъ, въ концѣ концовъ, все-таки облегчаетъ наболѣвшую душу многострадальнаго бѣдняка, хотя бы уже тѣмъ, что освобождаетъ его отъ значительной части налога на духовенство и на водку, что составляетъ болѣе одной трети косвенныхъ и прямыхъ, а въ замѣнъ этого даетъ ему ученіе, которое единственно развиваетъ умъ, чувство и вырабатываетъ стойкость воли, направленной на отстаиваніе своихъ убѣжденій и на проведеніе ихъ въ жизнь во что бы то ни стало.

Почти весь культъ штундистовъ состоитъ изъ однихъ собраній. Сходбища и практикуемыя на нихъ системы назиданія съ оттѣнкомъ свободнаго толкованія, объясняются словами ап. Павла: «Когда вы сходитесь и у каждаго изъ васъ есть псалмы, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе— все сіе да будетъ къ назиданію (1-е п. къ Кор. XIV ст. 26). Собранія эти замѣняютъ у нихъ и «хожденіе въ гости» и всякія другія увеселенія. Эти же собранія составляютъ и предметъ богослуженія. Богослуженіе это совершается слѣдующимъ образомъ. Собравшись въ домъ, штундисты садятся на скамьи, а одинъ изъ нихъ, кто «держитъ собраніе», садится возлѣ стола лицомъ къ публикѣ и, раскрывши Новый Завѣтъ или Библію, толкуетъ по своему каждый стихъ. Толкованія эти часто бываютъ самопроизвольны и весьма остроумны. *Драконъ*, напримѣръ, по мнѣнію штундистовъ, это звѣрь (иносказаніе относительно чиновъ церкви (духовной іерархіи), который деретъ съ живаго и мертваго, а воскрылія—широкія рукава на подобіе *крыльевъ*. *Жертва* значитъ у нихъ жратва, а слово *жрецъ* выговариваютъ какъ *жерецъ*—обжора. Въ толкованіяхъ своихъ штундисты *не останавливаются* ни предъ чѣмъ, а чего ужь никакъ не возьмутъ въ толкъ или что не понравится, то оставляютъ безъ вниманія, что это «добавлено для поповъ». Изъ столкновеній своихъ съ другими сектами они узнали, что священныя книги исправлялись и переправлялись много разъ, поэтому въ настоящее время относятся къ этимъ книгамъ гораздо болѣе критически, нежели въ первое время появленія секты штундистовъ; но уже и тогда при самомъ своемъ зарожденіи, штунда не признавала текста священнаго писанія съ буквальною точностію. Объясненіе Петра

Вовкожа: «я признаю такъ, какъ тамъ написано», ни больше, ни меньше какъ только уловка. Уже и въ самое первое время возникновенія штунды, толкованія текстовъ священнаго писанія были весьма многообразны, различны: кто во что горазда, какъ Богъ на душу положитъ или, по выраженію штундистовъ, *какъ дано отъ Бога* и *какъ Господь открылъ кому*. Послѣ чтенія «Новаго завѣта», а иногда и «Библіи», слѣдуютъ разнаго рода разноглагольствованія, имѣющія полемическій характеръ, затѣмъ, раскрывается другая книга, недавно изданная въ Петербургѣ и одобренная нашей духовной цензурой: «Приношеніе православнымъ христіанамъ», или же «Духовныя пѣсни» лондонскаго изданія. Обѣ эти книги состоятъ изъ однѣхъ тѣхъ же почти пѣсенъ, хотя послѣдняя почему-то больше уважается штундистами, а во время обысковъ захватывается начальствомъ и конфискуется.[1] Одинъ изъ предсѣдательствующихъ читаетъ первый куплетъ какой-нибудь духовной пѣсни (при чемъ непонятное объясняется), а за нимъ поютъ всѣ хоромъ, затѣмъ такимъ же образомъ поютъ второй куплетъ и т. д. до конца пѣсни. Послѣ этого становятся на колѣни и одинъ изъ штундистовъ, съ сильно настроенными чувствами, громко читаетъ импровизованную молитву со слезами на глазахъ—но объ этомъ уже было говорено выше. Прибавлю здѣсь только, что штундисты, хотя и признаютъ за молитвой большое значеніе, но не молятся утромъ, возставши отъ сна и вечеромъ передъ отходомъ ко сну, какъ думаетъ авторъ статьи «Малорусская штунда». Такой выводъ я вынесъ изъ двухлѣтнихъ наблюденій надъ штундистами Херсонской Губерніи.

Послѣ собранія обыкновенно ведутся частные разговоры, во время которыхъ штундисты обмѣниваются всѣмъ, кто что слышалъ интереснаго, и такимъ образомъ, безъ всякаго печатнаго органа, узнается многое, чего не знаютъ читатели нашихъ газетъ. Но иногда штундисты послѣ собранія читаютъ и газеты и въ особенности интересуются свѣдѣніями, касающимися секты, дѣятельности духовенства и т. п. Но еще съ бо̀льшимъ интересомъ читаются письма отъ «братьевъ» (штундистовъ и другихъ сектантовъ, находящихся въ связи съ первыми) изъ другихъ мѣстъ (въ особенности изъ мѣстъ заключенія). Особенно стараются заготовлять такія письма для *окружныхъ собраній* или *съѣздовъ*, которые бываютъ иногда два, иногда три раза въ годъ и уже во всякомъ случаѣ однажды въ году, а обыкновен-

---

[1] Въ статьѣ «Малорусская штунда» обѣ эти книги ошибочно разсматриваются, какъ одна. Нельзя считать не имѣющимъ значенія то обстоятельство, что въ «Приношеніи» нѣтъ молитвъ Пресвятой Богородицѣ и святымъ.

ныя собранія бываютъ два-три раза въ недѣлю. Вотъ одно изъ писемъ штундиста, доведеннаго до крайности постоянными преслѣдованіями:—«Миръ вамъ, возлюбленные братья и сестры, пребывающіе въ истинѣ Господа нашего Іисуса Христа и да будетъ съ вами любовь во вѣки, аминь. Привѣтствуйте другъ друга и молитесь за себя и за меня, находящагося въ узахъ. Былъ разговоръ за поповъ, за правительство и за царя на основаніи священнаго писанія. Тогда православные, озлобясь на меня за то, что я ихъ постоянно обличалъ, рѣшились предать меня въ руки правительства и донесли, будто бы я имъ читалъ книги противъ правительства, но у меня ничего не нашли, а указателей много. Потому мы навѣрно не увидимся болѣе. и начальство, по ходатайству священниковъ, затаскаетъ меня на поселеніе, а то и дальше, но я на Бога надѣюсь: «Господь свѣтъ мой и спасеніе мое, кого мнѣ бояться? (Пс. 26, ст. I). Этимъ путемъ пошли уже нѣкоторые «братья» и я благодарю Бога за такую участь, и радуется душа моя, ибо Христосъ не даромъ сказалъ: «Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга. Если міръ ненавидитъ васъ, знайте, что Меня прежде васъ ненавидѣли. Еслибы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое, а какъ вы не отъ міра, то Я избралъ васъ, потому ненавидитъ васъ міръ. Если Меня гнали, будутъ и васъ гнать; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше. Сіе сказалъ я вамъ, чтобы вы не соблазнились... Изгонятъ васъ изъ синагогъ, даже наступитъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ этимъ служитъ Богу». (Іоан. гл. 15, ст. 17—20; гл. 16, ст. 1, 2). Но я ни на что не взираю, и не дорожу своею жизнью, только бы съ радостью совершить поприще свое, и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Іисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божьей (Дѣянія, гл. 20. ст. 24). И такъ умоляю васъ, будьте единомышленны между собою. Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ братьевъ, что не слѣдовало такъ говорить, а на что написано въ евангеліи: «что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ, и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ; не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ погубить, и т. д. (Матв. гл. 10, ст. 27—33). Отъ людей ли ищу благовѣствованія или отъ Бога? Людямъ ли угождать стараюсь? (Галат. гл. 1, ст. 1—13; гл. 2, ст. 6). А это кому пишетъ Матѳей, гл. 17, ст. 24—27? Галат. гл. 4, ст. 21—31; а псаломъ 72, стихъ 1—17 о какихъ благородіяхъ говоритъ? (Еще какъ намъ говоритъ ап. Павелъ и какъ безмѣрно величіе его въ насъ: превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства и всякаго имени, именуемаго нетолько въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ) (Ефес.

гл. I, ст. 19—23; Колосс. гл. 2, ст. 14—15). А что это за образъ звѣря, какъ не ихъ? (Откров. гл. 13 и 14). Этотъ образъ убиваетъ людей, но и ему будетъ тоже участь чрезъ людей, которымъ Богъ внушитъ эту мысль. «Выйди народъ мой, скажетъ Господь, и воздайте имъ такъ, какъ они воздавали вамъ, и вдвое воздайте имъ по дѣламъ ихъ. (Откр. 18, ст. 5, 6). А какъ это все будетъ, читай осьмнадцатую и девятнадцатую главу изъ Откровенiя Iоанна. Есть также объ этомъ много указанiй у другихъ пророковъ. *Имѣющiе очи видѣть, да видятъ и уши слышать да слышатъ*».

Собранiя штундистовъ имѣютъ весьма важное воспитательное значенiе. Это своего рода публичныя лекцiи; въ нихъ лежатъ задатки дальнѣйшаго развитiя штунды. И сколько горя перенесли штундисты, чтобы только отстоять свои собранiя. Православные крестьяне, совершенно неосновательно считая собранiя эти развратными оргiями со «свальнымъ грѣхомъ» и будучи подстрекаемы людьми заинтересованными въ этомъ, съ шумомъ и гамомъ врываются на собранiя штундистовъ и разгоняютъ послѣднихъ, причемъ нерѣдко совершаются самыя возмутительныя безчинства. А сколько потерпѣли штундисты отъ административныхъ стѣсненiй и отъ преслѣдованiй власти, возбужденныхъ по поводу тѣхъ скандаловъ, которыми секта ознаменовала себя въ пику православiя, чтобы только «открыть духовныя очи заблудшихъ»; идетъ ли похоронная процессiя или иной совершается обрядъ по правиламъ православной церкви, штундисты не преминутъ, чтобы не посмѣяться надъ торжественнымъ церемонiаломъ, или, какъ они выражаются, надъ этой комедiей. И во все это они вникаютъ, вездѣ стараются подобрать юмористическое сравненiе. Больше всего, конечно, достается иконамъ. Тамъ, слышно, штундистъ набралъ охапку иконъ и во время самаго торжественнаго богослуженiя принесъ ихъ въ церковь, говоря: «на-те вамъ идоловъ для торговли; въ вашей лавкѣ есть рѣшотка, какъ въ острогѣ и потому отсюда не повыскакиваютъ идолы, а у меня въ домѣ имъ не живется, никто не ухаживаетъ за ними, ихъ обсидѣли мухи, черви поточили, пауки свили гнѣзды и всякая нечисть завелась; сами же идолы не только безсильны помочь мнѣ, но даже съ собою справиться не могутъ: они имѣютъ уши и не слышатъ, а глаза и не видятъ, уста ихъ не говорятъ, какъ есть настоящiе идолы, по словамъ священнаго писанiя».

Такого рода демонстрацiи нерѣдки почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда только успѣвали попадать сѣмена штундизма. Особенно упорными бываютъ эти демонстрацiи въ мѣстностяхъ,

вновь зараженныхъ. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1872 года, жители села Чаплынки, Таращанскаго Уѣзда, Кіевской Губерніи, заявили себя именно такого рода обширной демонстраціей, въ которой принимала участіе громадная толпа крестьянъ. Главныхъ зачинщиковъ этого казуса, волостной судъ сначала присудилъ къ аресту, а потомъ рѣшилъ наказать розгой; послѣднее распоряженіе не было выполнено, потому что штундисты, собравшись въ большомъ количествѣ, переколотили сотскаго и старшину, а заключенныхъ въ арестантской освободили. Во избѣжаніе повторенія такого прискорбнаго случая, главный агитаторъ Балабанъ былъ, совмѣстно съ пятью своими послѣдователями, переведенъ въ Кіевскій тюремный зàмокъ. А тамъ изъ холстяныхъ иконъ штундисты подѣлали попоны для лошадей (за что нѣсколько лѣтъ тому назадъ судили штундиста въ Николаевскомъ окружномъ судѣ, Херсонской Губерніи, и по приговору суда его сослали въ Сибирь), а изъ деревянныхъ подѣлали стулья, покрышки для горшковъ, и проч. (О чемъ заявлялось въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1876 г.). Иногда иконы просто сожигались вмѣстѣ съ дровами, а недогорѣвшіе остатки выбрасывались въ соръ, въ чемъ обвинялся Петръ Вовкажъ въ прошломъ году въ Одесскомъ окружномъ судѣ [1]. Во всѣхъ этихъ поступкахъ выражается желаніе пока-

---

[1] 18-го марта 1876 года, въ Одесскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о крестьянинѣ с. Петровки, Одесскаго Уѣзда, Петрѣ Семеновѣ Вовкажѣ, обвиняемомъ въ распространеніи секты штундистовъ между своими односельчанами. Составъ присяжныхъ на это время былъ избранъ исключительно изъ православныхъ. На вопросъ о виновности Вовкажа, присяжные вынесли оправдательный вердиктъ. Обстоятельства дѣла слѣдующія. Въ концѣ 1872 года, въ с. Петровки, появилась давно существующая на югѣ Россіи секта штундистовъ. Полицейская власть, посредствомъ наблюденій и негласныхъ разслѣдованій, обнаружила, что нѣкоторые жители с. Петровки обратились въ это ученіе вскорѣ послѣ того, какъ въ это село прибылъ крестьянинъ Вовкажъ и что этотъ послѣдній распространялъ лжеученіе; вслѣдствіе этого, духовнымъ начальствомъ противъ Вовкажа было возбуждено уголовное преслѣдованіе. На допросѣ у судебнаго слѣдователя, Вовкажъ, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи, пояснилъ, что онъ принадлежалъ къ сектѣ новообращеннаго русскаго братства, живущаго по Евангелію и 10 заповѣдямъ, не признающаго ни таинствъ, ни церквей, ни священнослужителей, ни иконъ. Священникъ с. Петровки, Погорѣльскій, объяснилъ, что ему неизвѣстна въ точности сущность ученія штундистовъ, но что признаки его существованія въ его паствѣ обнаружились съ появленіемъ въ селѣ обвиняемаго, въ домѣ котораго святыя иконы оказались съ выколотыми глазами. Дважды свидѣтель приступалъ къ увѣщаніямъ Вовкажа, но таковыя оказались безуспѣшными, при этомъ свидѣтель присовокупилъ, что штундизмъ быстро распространяется въ селѣ, и почти вся молодёжь принадлежитъ къ этой сектѣ. Крестьянинъ Цапко объяснялъ, что онъ присутствовалъ при увѣщаніяхъ священникомъ Погорѣльскимъ обви-

зать фактически, что иконы, кресты и другіе священные предметы — не суть Боги. Все это, конечно, не остается безъ вліянія на понятія народа въ религіозномъ міровоззрѣніи.

Правда, міросозерцаніе штундистовъ слишкомъ сложно и недоступно для заурядпаго крестьянина, поэтому штунда распространяется кучками, спорадически и не имѣетъ всеобщаго примѣненія къ жизни крестьянина. Остальная масса крестьянъ относится къ штундистамъ полувраждебно и, по меньшей мѣрѣ, безразлично; и штунда, навѣрное можно сказать, не распространилось бы такъ быстро, еслибъ ей не явилось на выручку одно совершенно случайное обстоятельство: какъ извѣстно, русскіе сектанты не дождались полной свободы вѣроисповѣданія и мирные проповѣдники штунды, называющіе себя «русскими братьями», до сихъ поръ или засиживаются по тюрьмамъ, да монастырямъ, или находятся подъ полицейскимъ надзоромъ, безъ права выѣзда изъ мѣста жительства дальше, чѣмъ на двадцать-тридцать верстъ, да и то съ разрѣшенія мѣстнаго начальства. Изъ шести человѣкъ штундистовъ, которые съ первоначалу были засажены въ Кіевскій острогъ (объ нихъ мы уже вскользь упомянули), вышли только два, остальные всѣ поумирали въ стѣнахъ предварительнаго заключенія до суда надъ ними. Дѣло Петра Вовкажа бросило много свѣта на распространеніе штундизма. И старшина, расправлявшійся съ народомъ, по словамъ Вовкажа, какъ генералъ со своими солдатами, и священникъ Погорѣльскій, при увѣщаніяхъ «заблудшихъ овецъ», прибѣгавшій къ самымъ вѣскимъ аргументаціямъ въ видѣ пощечинъ и розогъ—оба эти ревнители не по разуму гражданскаго порядка и православія отрицательнымъ путемъ не мало содѣйствуютъ развитію и распространенію того міросозерцанія, которое такъ быстро охватило селеніе Петровское (Од. у.) съ его окрестностями...

Невинныя страданія поборниковъ штундизма и безтолковыя преслѣдованія ихъ ученія, неоправдывавшіяся часто ни закономъ, ни здравымъ смысломъ, еще болѣе заставляли заду-

---

влемаго, но послѣдній оставался при своихъ мнѣніяхъ, называя иконы «начертаніемъ сатаны», а крестъ—«печатью Ирода». Свидѣтели Федотъ и Зиновій Литвины, пономарь Гайдомака и каленикъ Рябошапка удостовѣрили, что были совращены въ секту Вовкажемъ, что сущность ученія, котораго они придерживаются, заключается въ томъ, что они отвергаютъ святыя таинства; хотя же и существуетъ причастіе, но не болѣе, какъ воспоминаніе о Спасителѣ рода человѣческаго. Церковь у нихъ замѣняется молельною въ частныхъ домахъ. По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, Вовкажъ былъ преданъ суду, по обвиненію его въ томъ, что въ 1873 году, въ с. Петровкѣ, убѣжденіями и проповѣдью совратилъ изъ православія въ штунду нѣсколькихъ крестьянъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 196 ст. улож. о наказаніяхъ.

пываться надъ неправдою въ жизни, и, въ концѣ концовъ, искать высшей правды. Искатели высшей правды находили свой выходъ въ штундѣ, которая къ тому же приподносила имъ нетолько умственную и нравственную, но и матеріальную поддержку. Въ примѣръ можно привести главныхъ вѣроучителей штундизма (Ратушнаго, Рябошапку, Балабана, Вовкажа и др.), которыхъ окружный судъ большею частію оправдалъ, а все, что они вынесли отъ преслѣдованій ближайшихъ властей, пошло имъ не въ зачетъ и, по ихъ выраженію, присохло какъ на собакѣ. Въ этомъ родѣ продолжаются преслѣдованія и до сихъ поръ. Интересенъ въ высшей степени процессъ штундистовъ въ г. Елисаветградѣ, въ февралѣ или мартѣ 1876 года, какъ по тѣмъ мотивамъ, которыми руководствовалась полицейская власть въ возбужденіи этого дѣла, такъ еще и по тому, что подсудимыхъ было много, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Дѣло разбиралось въ съѣздѣ мировыхъ судей. Обвиненіе заключалось въ томъ, что нѣсколько десятковъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, *ослушались законныхъ требованій полиціи, когда послѣдняя приглашала ихъ разойтись по домамъ изъ сборища*. Дѣло это, какъ водится, предварительно было рѣшено мировымъ судьей въ томъ смыслѣ, что онъ оправдалъ крестьянъ, такъ какъ, по смыслу самихъ собраній штундистовъ, существованіе которыхъ санкціонировано высшею законодательною властью, въ нихъ нѣтъ ничего противузаконнаго. Обвиненіе въ съѣздѣ поддерживалъ исправникъ. На вопросъ предсѣдателя, признаютъ ли они себя виновными, одинъ изъ подсудимыхъ, выбранный представителемъ отъ всей группы, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не признаю; мы ничего дурного не дѣлаемъ — мы стараемся, чтобы между нами искоренить пьянство и другіе пороки. Мы по праздникамъ собираемся на общую молитву, ибо Спаситель сказалъ: «Гдѣ изъ васъ трое соберутся во имя мое, и Я тамъ». Мы читаемъ Евангеліе.

Остановленный предсѣдателемъ, который замѣтилъ, что обвиненіе касается «*неповиновенія законнымъ распоряженіямъ*» полиціи, онъ продолжалъ:

— *Мы не сопротивлялись, а не разошлись* потому, что не кончили молитвы.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, представители штунды имѣютъ всегда поддержку отъ своихъ единовѣрцевъ и, благодаря именно этой поддержкѣ, они нетолько не приходятъ къ окончательному раззоренію, но даже нѣкоторые изъ нихъ выродились просто въ обыкновенныхъ кулаковъ (напримѣръ, Ратушный и Рябошапка). Другіе же изъ первоначальныхъ проповѣдни-

ковъ штундизма значительно отстали отъ своихъ новыхъ послѣдователей, а нѣкоторые дошли даже до полнаго отупѣнія, остановившись на своихъ излюбленныхъ «обрядахъ преломленія хлѣба» и «водного крещенія», за которые пострадали и вынесли въ своей жизни столько гоненій. Такъ, Петръ Вовкажъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, вслѣдствіе истязаній, часто страдаетъ головокруженіемъ, обморокомъ, по временамъ даже какимъ-то страннымъ умопомраченіемъ. Но его послѣдователи пошли дальше его и онъ имъ уже не нуженъ, хотя Ратушный и сдѣлалъ его пресвитеромъ чрезъ рукоположеніе, чего прежде не бывало у штундистовъ. Эти новые обряды, въ связи съ нѣкоторыми неблаговидными проступками главизнъ штундизма, вызвали въ средѣ штундистовъ чуть не всеобщее негодованіе противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и противъ Ратушнаго. Такъ что напрасно авторъ «Мал. Шт.» утверждаетъ, что М. Ратушный пользуется почетомъ и уваженіемъ почти всѣхъ штундистовъ и напрасно сокрушается, что съ паденіемъ авторитета первоначальныхъ вожаковъ штунды, упалъ духъ остальныхъ штундистовъ, которые въ настоящее время теряются въ частностяхъ, не имѣющихъ никакого значенія. Напротивъ, съ устраненіемъ лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ «старшихъ братьевъ», которыхъ остальные «браты» въ прежнее время слушались безпрекословно, должно было открыться гораздо больше простора. Всѣ почти первоучители малорусской штунды, боясь, чтобы отрицаніе православныхъ обрядовъ не зашло бы слишкомъ далеко и не коснулось бы обрядовъ самой штунды, пытались положить на уста своихъ послѣдователей печать молчанія относительно главныхъ пунктовъ штунды, чтобы во время собраній не говорилось ни слова противъ «преломленія хлѣба», «воднаго крещенія» и «старшаго брата», якобы во избѣжаніе соблазна для маловѣрныхъ; но имъ этого не удалось сдѣлать и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Цыбульскій въ Кіевской губерніи, изъ горести возвратился въ православіе; другіе, напримѣръ, Михайло Ратушный и Василій Комаровъ, прибѣгли даже къ доносамъ противъ новыхъ братій, которые будто бы проповѣдуютъ «политику», т. е. возстаютъ противъ кулачества «старшаго брата», хотя «предать брата» считается у штундистовъ самымъ тяжкимъ преступленіемъ, за которое по закону должно слѣдовать повѣшеніе, если самъ преступникъ—лже-братъ, какъ Іуда, не наложитъ на себя руку. И такъ, несмотря на преслѣдованія штундистовъ, или лучше сказать, благодаря именно этимъ преслѣдованіямъ, дѣло штундистовъ нетолько не остановилось, но еще получило дальнѣйшее развитіе, какъ въ количественномъ, такъ и въ качест-

венномъ отношеніяхъ. И уже не въ первый разъ сбывается заповѣдь фанатика: «пусть гибнутъ люди, но торжествуютъ ихъ идеи; умретъ учитель, а ученіе его останется живо и дастъ плодъ сторицею»; мысль эту очень любятъ выражать штундисты, ссылаясь на указанія самого Христа: «если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода» (Іоан. Гл. 12, ст. 24).

— «Куда насъ гнали, говорятъ они, тамъ мы и дорогу за собой оставили: появились новые братья на этихъ мѣстахъ, готовые пострадать за правду. И ничего не подѣлаешь съ нами: огонь огнемъ не тушатъ, а чѣмъ больше насъ будутъ тревожить, тѣмъ больше мы будемъ распространяться и не дадутъ намъ заснуть... не дадутъ упокоиться на буквѣ закона: мы будемъ глубже вникать въ смыслъ Евангелія». Эти слова мнѣ не разъ приходилось слышать отъ штундистовъ, и по увлеченію, которое отражалось на ихъ лицахъ, видно было, что люди эти не лгутъ, а на самомъ дѣлѣ готовы пострадать за вѣру, за свое дѣло. Въ 1864 г., на первыхъ порахъ распространенія малорусской штунды въ Од. у., исправникъ распорядился нарядить слѣдствіе и арестовать главныхъ пропагандистовъ штунды, но губернская власть отмѣнила эти приказанія, для испытанія надъ ними духовнаго увѣщанія. Когда же послѣднее не помогло, то преслѣдованія противъ штундистовъ возникли съ новой силой; тогда штундисты рѣшились послать съ жалобой въ Петербургъ двухъ своихъ представителей, Ратушнаго и Рябошапку; на первый разъ на эту делегатуру было истрачено около 200 р.; они нетолько ничего не добились, но даже получили маленькія непріятности. Эта неудачная попытка не обезкуражила штундистовъ, которые, отъ лица Рябошапки и Балабана, подавали на высочайшее имя прошеніе о разрѣшеніи молитвенныхъ собраній. Въ настоящее время, правительство начинаетъ смотрѣть на штундистовъ сквозь пальцы. Въ жалобахъ своихъ на ближайшихъ властей въ высшія инстанціи, штундисты часто высказывали, что послѣднія надежды свои полагаютъ на высшую власть... И высшая власть оправдала эти надежды, разрѣшивши собранія штундистовъ. Собственно говоря, прямого разрѣшенія этихъ собраній не было, но былъ циркуляръ, Высочайше утвержденный 19 апрѣля 1874 г., въ которомъ говорится, что сектанты, совершающіе свои обряды безъ участія духовныхъ лицъ, обязаны вести метрическія записи браковъ, рожденій и смертей; раскольникамъ южнымъ, именно штундистамъ, въ послѣдніе два года, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали выдавать даже бланки для этихъ записей вмѣстѣ съ копіей вышеупомянутаго циркуляра. Отсюда штундисты совершенно

основательно сдѣлали такого рода заключеніе: если намъ разрѣшены обряды, то стало быть разрѣшены и собранія, такъ какъ невозможно совершать обряды безъ собраній.

— Мать не знаетъ о голодѣ своего ребенка, пока тотъ не станетъ кричать и плакать, говорили по этому поводу штундисты:— такъ и мы, наконецъ, добились права собраній, чтобы вкушать духовную пищу. Да, секта наша признана закономъ и мы имѣемъ право безъ попа совершать свои обряды и значитъ и свои собранія имѣть. Въ подтвержденіе этого приводятъ копію съ инструкціи, разосланной гг. приставамъ, надзирателямъ и волостнымъ правленіямъ отъ Одесскаго Полицейскаго управленія за № 854, 28 марта 1875 г. [1]. Нужно замѣтить, что еще за долго до полученія циркуляра и упомянутой инструкціи, штундисты постоянно заявляли въ своихъ жалобахъ, что ихъ молитвенныя собранія не какія-нибудь противозаконныя сборища, такъ какъ они дозволены Высочайше утвержденнымъ церковнымъ уставомъ (§ 150, ч. I, т. XI св. з.).

При всемъ томъ, хотя существованіе штунды, какъ это мы только что видѣли, и санкціонировано свыше, однако, преслѣдованія продолжаются—вся разница въ томъ, что въ настоящее время преслѣдуются наиболѣе выдающіеся типы изъ среды штундистовъ, противъ нихъ воздвигается обвиненіе въ распространеніи своего вѣроученія, обвиненіе, достаточное для ссылки «не въ столь отдаленныя мѣста». Въ своей слишкомъ усердной погонѣ за агитаторами и руководителями религіозно-умственнаго движенія, охранители дѣлаютъ непростительные промахи въ томъ смыслѣ, что сажаютъ на скамьи подсудимыхъ людей, которые не занимали и не занимаютъ никакого виднаго мѣста въ мірѣ

[1] По правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 19-го апрѣля 1874 г., на волостныя правленія возложены нѣкоторыя обязанности по метрической записи браковъ, рожденій и крещеній и смерти раскольниковъ, т. е. такихъ сектантовъ, которые совершаютъ бракъ, крещеніе и погребеніе сами, безъ участія духовныхъ лицъ и безъ внесенія актовъ бракосочетаній и рожденій въ церковныя метрическія книги. Такъ какъ эти волостныя правленія, въ районѣ которыхъ живутъ раскольники, должны имѣть установлённыя означенными правилами метрическія книги, а равно бланки для объявленій подписокъ и проч., и такъ какъ эти книги и бланки получены въ полицейскомъ управленіи, а потому предписывается всѣмъ волостнымъ правленіямъ Од. уѣзда немедленно доставить сему управленію свѣденія о живущихъ въ волостяхъ группахъ раскольниковъ. По городамъ же Маяки, Овидіополь и Очаковъ такія свѣденія требуются симъ циркуляромъ отъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ; причемъ полицейское управленіе поручаетъ какъ этимъ чиновникамъ, такъ и всѣмъ волостнымъ старшинамъ объявить всѣмъ раскольникамъ и во всеобщее свѣдѣніе Высочайшее повелѣніе 19-го апрѣля 1874 г. «Объ установленіи метрической записи браковъ, крещеній и смерти раскольниковъ».

*

штундистовъ и такимъ образомъ сами священники и ближайжайшія административныя власти косвенно содѣйствуютъ распространенію секты, возводя въ мучениковъ и страдальцевъ людей самыхъ обыкновенныхъ. За примѣрами далеко не нужно ходить, стоитъ только вспомнить послѣдній процессъ въ Николаевѣ, въ мартѣ 1877 года. На скамьѣ подсудимыхъ былъ старикъ, который своимъ умомъ ни чуть не выдвигался изъ среды всѣхъ своихъ односельчанъ, но который, по своимъ качествамъ пропагандиста (не нужно упускать изъ виду, что каждый штундистъ въ тоже время и пропагандистъ своего ученія), уступалъ во многомъ типу штундиста средственнаго достоинства. Это преслѣдованіе лучшихъ представителей изъ міра штундистовъ повело къ тому, что долго штундистъ не засиживается въ одномъ мѣстѣ, въ особенности, если онъ еще обладаетъ даромъ слова, силою убѣжденія и вдохновляющей слушателя рѣчью; а такіе типы агитаторовъ не рѣдки; къ числу тѣхъ, о которыхъ намъ уже пришлось говорить, нужно причислить и нѣсколькихъ женщинъ, которыя за свою дѣятельность умѣли ознакомиться съ тюремнымъ заключеніемъ. Таковыя Агафья Музылова и Лихотерстова.

Итакъ, въ настоящее время, штундисты собираются и совершаютъ свои обряды свободно, по крайней мѣрѣ, безъ запрета со стороны высшей власти, хотя слишкомъ ревностные пропагандисты штундистскаго ученія, какъ я выше сказалъ, не перестаютъ подвергаться законному преслѣдованію. Но теперь уже для многихъ изъ нихъ стало ясно, что игра не стоила свѣчъ или, какъ сами они выражаются по поводу своихъ обрядовъ, что дрались за скорлупу.

Многіе изъ нихъ уже отрицаютъ и тѣ послѣднія два таинства (крещеніе и причащеніе), которыя составляютъ отличительную черту анабаптистовъ, давшихъ первый толчокъ образованію штунды между малороссами на югѣ Россіи. «Все это одинъ обрядъ—наружный знакъ и не въ немъ сила, говорятъ штундисты позднѣйшей формаціи: надо креститься живой водой, которую Христосъ предлагалъ самарянкѣ у колодца, а не мертвой; надо преломлять духовный хлѣбъ и проникнуться словомъ Божіимъ, чтобы слово было согласно съ дѣломъ. А мало ли есть на свѣтѣ такихъ, что крестились въ водѣ и каждый годъ причащались по нѣскольку разъ, но это ихъ нисколько не освобождаетъ отъ грѣховъ и они по прежнему преисполнены пьянства, распутства и всякой мерзости».

На заявленіе своихъ старшихъ братьевъ, «что самъ Христосъ показалъ намъ примѣръ, крестившись въ рѣкѣ, потому-де и мы

должны креститься точно также [1], младо-штундисты отвѣчаютъ: «мало ли чего Христосъ не дѣлалъ—онъ и обрѣзывался и давалъ денарій на храмъ, потому что стоялъ на рубежѣ вѣтхаго и новаго завѣтовъ, а намъ велѣлъ простираться впередъ и уклоняться отъ фарисейской закваски». Да и во времена апостольскія, крещеніе, по ихъ мнѣнію, играло второстепенную роль. Христосъ посылалъ апостоловъ, главнымъ образомъ, проповѣдывать Евангеліе, а Павелъ даже радуется, что крестилъ всего двухъ-трехъ человѣкъ, такъ какъ отъ этого крещенія и тогда уже происходило раздвоеніе: тотъ говорилъ, что онъ Павловъ, а тотъ, что Аполлосовъ и т. д.

Кромѣ того, при крещеніи вмѣсто воды иногда употреблялся песокъ. Отсюда видно, что вода при крещеніи служила наружнымъ выраженіемъ духовнаго крещенія, такъ точно, какъ дерево или холстъ въ иконахъ для изображенія разныхъ событій и лицъ. Въ Книгѣ Премудрости (гл. 14, ст. 15—21) сказано, что отецъ, любящій сына, послѣ его смерти оставлялъ себѣ на память его изображеніе, а потомки его это изображеніе и самый матеріалъ, на которомъ оно сдѣлано, стали считать святынею; точно также, какъ негодные сучки, употреблявшіеся для украшенія, тоже со-временемъ обратились въ святыню и люди имъ покланялись, какъ идоламъ (Прем. Солом. гл. 13, ст. 11—19).

Тоже самое, говорятъ младо-штундисты, произошло и съ крещеніемъ; взяли да и обоготворили воду, понимая буквально слѣдующій стихъ: «кто не родится водою и духомъ, тотъ не внидетъ въ царствіе небесное». (Еванг. Іоан., гл. 3, ст. 5). Хотя самъ Іисусъ и не крестилъ, а ученики его; но отчего не понимать въ буквальномъ смыслѣ и «огонь» въ томъ текстѣ, гдѣ сказано: «Іоаннъ отвѣчалъ: я крещу васъ водой, но идетъ сильнѣйшій меня, у котораго я не достоинъ развязать ремень обуви; *онъ будетъ крестить васъ духомъ святымъ и огнемъ*». (Лук. гл. 3, ст. 1—6). Взяли бы да и жгли людей на кострахъ для очищенія ихъ грѣховъ, какъ сожгли Гусса и другихъ нашихъ

[1] Кстати о крещеніи: авторъ «Малорусской штунды, по поводу «водного крещенія», говоритъ: во время крещенія читаютъ приличное мѣсто изъ священнаго писанія («Недѣля», № 1). Замѣчу здѣсь, что во время крещенія ни приличнаго, ни неприличнаго мѣста изъ священнаго писанія штундисты не читаютъ, а только стоящіе на берегу рѣки поютъ: «во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуія!» а старшій братъ съ новокрещенными стоитъ по поясъ въ водѣ и окунаетъ ихъ въ воду, произнося слѣдующее изрѣченіе: «помни братъ любезний (или сестра), кому ти обѣтъ даешь жить по правдѣ и истинѣ: Самому Господу нашему Іисусу Христу». Само крещеніе обыкновенно происходитъ ночью, гдѣ-нибудь за городомъ или за селомъ на рѣкѣ, такъ что и самое время не благопріятствуетъ чтенію священнаго писанія.

братьевъ, иронизируютъ штундисты позднѣйшей формаціи, и въ этомъ пунктѣ своего ученія они сходятся съ молоканами и духоборцами. Но они, какъ уже было сказано, въ дѣлѣ отрицанія пошли дальше тѣхъ и другихъ.

Отрицая «водное крещеніе» и «преломленіе хлѣба», они отрицаютъ также «старшаго брата», главная роль котораго заключается въ исполненіи обрядовъ, сохранившихся еще въ штундѣ. Въ особенности они негодуютъ на Ратушнаго, который до того возгордился, что даже фотографическую карточку снялъ съ себя, чтобы впослѣдствіи покланялись ей, какъ заподозрили штундисты. Всѣхъ этихъ идоловъ нужно ниспровергнуть, сжечь и даже не думать о нихъ, какъ сказано въ Дѣяніи Апостоловъ (гл. 17, ст. 29). Про такихъ самъ Христосъ сказалъ: «вы Боги», когда стоялъ въ сонмѣ боговъ. «Боже, карай боговъ земныхъ за ихъ судъ неправый» (Пс. 87). Въ Дѣяніи Апостоловъ даже Петръ, котораго Христосъ назвалъ камнемъ церкви, запрещаетъ поклоняться себѣ, а въ Апокалипсисѣ ангелъ съ неба возвѣщаетъ, что онъ только служитель Божій, поэтому и ему тоже не слѣдуетъ покланяться. «Священники не принимали поклоненія отъ другихъ» (Апок. XXII, 9. Дѣяніе, X, 26, XIV, 14). Такимъ образомъ, по новѣйшему ученію штундистовъ, въ сектѣ *исчезаютъ* послѣдніе слѣды іерархіи.

Емельяновъ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

Рѣзня.

I.

Спящіе и неспящій.

Въ эту ночь, съ 3-го на 4-е, когда мы, изнемогшіе отъ усталости и обреченные на катастрофы, спали честнымъ сномъ, въ Елисейскомъ дворцѣ не смыкали глазъ. Позоръ бодрствовалъ. Около двухъ часовъ утра, графъ Роге, бывшій перъ Франціи, генералъ-лейтенантъ, и, послѣ Морни, самый близкій человѣкъ къ Луи Бонапарту, выходилъ изъ его кабинета. Графа Роге сопровождалъ Сент-Арно. Сент-Арно, какъ вы помните, былъ въ тотъ моментъ военнымъ министромъ.

Два полковника ждали въ маленькой дежурной комнатѣ.

Сент-Арно—генералъ, который былъ прежде фигурантомъ въ театрѣ Ambigu. Онъ дебютировалъ на театральныхъ подмосткахъ въ качествѣ комика. Трагикъ изъ него вышелъ позже. Примѣты: высокаго раста, худой, костлявый, гладко причесанный, съ сѣдыми усами, съ подлой миной. Это былъ головорѣзъ, но дурно воспитанный. Въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ очень заботились объ элегантности, съ Сент-Арно мирились только вполовину. Кровавая сторона его заставляла прощать ему вульгарную сторону. Сент-Арно былъ храбръ, свирѣпъ и застѣнчивъ. Наглость шалопая, носящаго генеральскіе галуны, соединялась въ немъ съ неловкостью прежняго голяка. Мы видѣли его разъ на трибунѣ, блѣднаго,

бормочущаго и... дерзкаго. У него было длинное, сухое лицо и челюсть, вселяющая безпокойство. Его театральное имя было Флоривалъ.. Онъ умеръ маршаломъ Франціи. Фигура зловѣщая.

Двое полковниковъ, ожидавшихъ Сент-Арно въ дежурной комнатѣ, были люди предпріимчивые; каждый изъ нихъ командовалъ однимъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ полковъ, которые въ критическіе моменты увлекають за собой всѣ другіе полки къ славѣ, какъ подъ Аустерлицомъ, или къ преступленію, какъ 18 Брюмера, смотря по приказанію. Оба эти офицера принадлежали къ категоріи тѣхъ господъ, о которыхъ Морни говорилъ, что «это сливки полковниковъ, виверы, и въ долгу, какъ въ шелку». Мы не назовемъ ихъ здѣсь. Одинъ умеръ, другой еще существуетъ. Онъ узнаетъ себя. Впрочемъ, вы встрѣчали имена ихъ на первыхъ страницахъ этой книги.

Одинъ былъ лѣтъ 38; хитрый, отважный, неблагодарный. Три качества, ведущія къ успѣху. Герцогъ Омальскій въ Алжирѣ спасъ ему жизнь. Онъ былъ тогда молодымъ капитаномъ. Раненый пулей на вылетъ, онъ упалъ въ кусты. Кабилы бросились къ нему, чтобъ отрубить ему голову и унести ее съ собой, но герцогъ Омальскій, съ двумя офицерами, солдатомъ и трубачемъ, подоспѣлъ на выручку, и, прогнавъ кабиловъ, спасъ этого капитана. Избавивъ его отъ вѣрной смерти, онъ полюбилъ его. Одинъ оказался благодарнымъ, другой—нѣтъ. Благодарнымъ оказался спаситель. Герцогъ Омальскій былъ ему благодаренъ за то, что онъ доставилъ ему случай отличиться. Онъ сдѣлалъ его эскадроннымъ командиромъ. Въ 1849 году, этотъ эскадронный командиръ, произведенный въ подполковники, командовалъ штурмовой колонной при осадѣ Рима, потомъ возвратился въ Африку, гдѣ Флёри завербовалъ его, также какъ и Сент-Арно. Въ іюлѣ 1851 года, Луи Бонапартъ сдѣлалъ его полковникомъ, и сталъ на него разсчитывать. Въ ноябрѣ, этотъ полковникъ Луи Бонапарта писалъ герцогу Омальскому: «Нечего ждать отъ этого несчастнаго искателя приключеній». Въ декабрѣ, онъ командовалъ полкомъ, участвовавшимъ въ переворотѣ. Впослѣдствіи, въ Добруджѣ, лошадь, обозлившись на него, выкусила ему щеку; такъ что на этомъ лицѣ осталось мѣсто только для одной пощечины.

Другому, у котораго пробивалась въ волосахъ сѣдина, было 48 лѣтъ. Это былъ тоже человѣкъ кутежа и убійства. Какъ гражданинъ—отвратительный, какъ солдатъ—неустрашимый. Онъ одинъ изъ первыхъ вскочилъ на брешь въ Константинѣ. И храбрости и низости—всего вдоволь. Ничего рыцарскаго; совершенный авантюристъ. Луи Бонапартъ сдѣлалъ его полковникомъ въ

1851 г. Долги его два раза платили принцы. Въ первый разъ герцогъ Омальскій, во второй—герцогъ Немурскій.

Таковы были эти полковники.

Сент-Арно нѣсколько времени говорилъ съ ними въ полголоса.

II.

Въ комитетѣ.

Мы, чуть свѣтъ, собрались въ домѣ нашего арестованнаго товарища Греви. Насъ помѣстили въ его кабинетѣ. Мишель де-Буржъ и я сидѣли около камина. Жюль Фавръ и Карно писали, одинъ на столѣ, у окна, другой на конторкѣ, стоя. Лѣвая облекла насъ безусловной властью. Собираться въ засѣданіе становилось съ каждой минутой затруднительнѣе. Мы издали отъ имени лѣвой и вручили Энгре, для напечатанія, слѣдующій декретъ, наскоро составленный Жюлемъ Фавромъ:

Французская республика,

Свобода, равенство, братство.

«Нижеподписавшіеся представители народа, оставшіеся на свободѣ и собравшіеся въ постоянное чрезвычайное засѣданіе; въ виду ареста бóльшей части ихъ товарищей и въ виду крайней необходимости,

«Принимая въ соображеніе, что преступленіе Луи Бонапарта, насильственно прекративъ дѣйствіе установленнхъ властей, побуждаетъ націю къ непосредственному проявленію ея самодержавія, и что все препятствующее, въ настоящее время, этому самодержавію, должно быть уничтожено,

«Принимая въ соображеніе, что всѣ начатыя преслѣдованія, всѣ произнесенные приговоры за политическія преступленія и проступки уничтожаются въ силу неотъемлемаго права народа,

«Декретируютъ:

«Ст. 1. Отмѣняются всѣ начатыя преслѣдованія и произнесенные приговоры, со всѣми ихъ уголовными или гражданскими послѣдствіями, за политическіе преступленія и проступки.

«Ст. 2. Предписывается всѣмъ начальникамъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія немедленно освободить лицъ, содержащихся тамъ за означенныя преступленія.

«Ст. 3. Точно также вмѣняется въ обязанность всѣмъ должностнымъ лицамъ, принадлежащимъ къ магистратурѣ, подъ страхомъ обвиненія въ измѣнѣ, прекратить всѣ судебныя преслѣдованія, начатыя за таковыя преступленія.

«Ст. 4. Исполненіе настоящаго декрета возлагается на должностныхъ лицъ и агентовъ полиціи.

«Дано въ Парижѣ, въ постоянномъ засѣданіи собранія 4 го декабря».

Жюль Фавръ, подавая мнѣ декретъ для подписи, сказалъ съ улыбкой:—Освободимъ вашихъ сыновей и вашихъ друзей.—Да, отвѣчалъ я: — будетъ четыре лишнихъ бойца на баррикадахъ. Представитель Дюпютцъ получилъ, нѣсколько часовъ спустя, изъ нашихъ рукъ копію съ декрета, которую мы поручили ему снести лично въ Консьержери, если намъ не удастся—какъ мы задумали это—овладѣть префектурой полиціи и городской думой. Къ сожалѣнію, это не удалось намъ.

Явился Ландренъ. Обязанности, которыя онъ исполнялъ въ 1848 г. въ Парижѣ, дали ему возможность узнать личный составъ полиціи политической и полиціи городской. Онъ предупредилъ насъ, что около дома бродятъ подозрительныя фигуры. Мы находились въ улицѣ Ришельё, почти противъ Théatre Français; это одно изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ, гдѣ вѣчно снуетъ толпа прохожихъ, и потому полиція слѣдила здѣсь особенно. Представители, сносившіеся съ комитетомъ, безпрестанно входившіе и выходившіе, были бы неизбѣжно замѣчены и полиція сдѣлала бы въ домѣ обыскъ. Дворники и сосѣди уже начинали обнаруживать тревожное удивленіе. Мы подвергались, какъ утверждалъ Ландренъ, большой опасности. «Васъ схватятъ и разстрѣляютъ», сказалъ онъ. Онъ умолялъ насъ перейти въ другое мѣсто. Братъ Греви, съ которымъ мы посовѣтовались, объявилъ намъ, что не можетъ поручиться за свою прислугу.

Но что было дѣлать? Двое сутокъ травили насъ. Весь запасъ доброжелательныхъ людей былъ истощенъ; наканунѣ намъ уже отказали въ пріютѣ, и въ эту минуту никто не предлагалъ его. Въ теченіе двухъ дней, мы 17 разъ перемѣняли убѣжище и должны были иногда перебираться изъ одного конца Парижа въ другой. Мы начинали чувствовать нѣкоторую усталость. Притомъ же, какъ я говорилъ, домъ, гдѣ мы находились, имѣлъ то драгоцѣнное преимущество, что изъ него былъ другой выходъ въ улицу Фонтенъ-Мольеръ. Мы рѣшились остаться. Но только сочли нужнымъ принять нѣкоторыя предосторожности.

Въ рядахъ лѣвой, у насъ было много преданныхъ людей. Одинъ изъ видныхъ членовъ собранія, человѣкъ рѣдкаго ума и рѣдкаго мужества, Дюранъ-Савойя, сдѣлался и остался до послѣдней минуты нашимъ хранителемъ, скажу болѣе — нашимъ приставомъ, нашимъ слугою. Онъ самъ поставилъ на нашемъ столѣ колокольчикъ и сказалъ намъ: «Когда я вамъ по-

надоблюсь, позвоните, и я сейчасъ же приду». Куда бы мы ни пошли—онъ былъ тутъ. Онъ стоялъ въ передней, спокойный, молчаливый, невозмутимый, съ своимъ серьёзнымъ и благороднымъ лицомъ, въ сюртукѣ, застегнутомъ до верху, въ шляпѣ съ широкими полями, придававшей ему видъ англиканскаго пастора. Онъ самъ отворялъ входную дверь, узнавалъ приходящихъ и устранялъ докучныхъ и безполезныхъ. Впрочемъ, всегда веселый, всегда склонный повторять: «Все идетъ прекрасно». Мы погибали—онъ улыбался. Оптимизмъ—посреди отчаянія.

Мы призвали его. Ландренъ сообщилъ ему о нашихъ опасеніяхъ. Мы просили Дюранъ-Савойя не дозволять болѣе никому оставаться въ квартирѣ, даже представителямъ; записывать все, что онъ узнаетъ новаго, всѣ свѣденія, которыя ему доставятъ, и допускать къ намъ только самыхъ необходимыхъ людей; словомъ, по возможности, удалять всѣхъ, чтобъ прекратились хожденія взадъ и впередъ. Дюранъ-Савойя опустилъ голову и возвратился въ переднюю, промолвивъ: «Хорошо». Онъ любилъ ограничиваться этими двумя формулами: для насъ — «Все идетъ прекрасно», для себя—«Хорошо». Ландренъ и Дюранъ-Савойя ушли. Мишель де Буржъ потребовалъ слова.

Искуство Луи Бонапарта, копировавшаго во всемъ своего дядю, состояло, по мнѣнію Мишеля де-Буржа, въ томъ, чтобы прежде всего сдѣлать воззваніе къ народу, заставить его вотировать, прибѣгнуть къ плебисциту, словомъ, создать нѣчто похожее на правительство въ этотъ моментъ, какъ онъ разрушалъ таковое. Во время великихъ кризисовъ, когда кажется, что все падаетъ, все готово рухнуть, народу нужно за что-нибудь ухватиться. За неимѣніемъ другой точки опоры, онъ, пожалуй, приметъ самодержавіе Луи Бонапарта. А потому, мы должны предложить народу—какъ точку опоры—его собственное самодержавіе. Собраніе, продолжалъ Мишель де-Буржъ, умерло фактически. Лѣвая—популярный обломокъ этого ненавидимаго собранія—не могла болѣе удовлетворять настоящему положенію. Она сама должна обновиться, почерпнуть новую силу въ народномъ самодержавіи. Слѣдовательно, и намъ необходимо было, съ своей стороны, прибѣгнуть къ всеобщей подачѣ голосовъ, противупоставить принцу-узурпатору самодержавный народъ, голосованію голосованіе, и немедленно созвать новое собраніе. Мишель де-Буржъ предложилъ декретъ.

Мишель де-Буржъ былъ правъ. За побѣдой Луи Бонапарта виднѣлось нѣчто отвратительное, но извѣстное—вторая имперія. За побѣдой лѣвой былъ мракъ. Нужно было разсѣять его; сдѣлать такъ, чтобъ за этой побѣдой увидѣли свѣтъ. Диктатура неизвѣстнаго

всего болѣе тревожитъ воображеніе. Созвать какъ можно скорѣе новое собраніе, передать тотчасъ же Францію въ руки Франціи— вотъ что̀ могло успокоить умы во время борьбы и соединить ихъ впослѣдствіи. Эта была истинная политика.

Въ то время, какъ мы слушали Мишеля де-Буржа и Жюль-Фавра, поддерживавшаго его, намъ показалось, что въ сосѣдней комнатѣ раздается гулъ, похожій на шумъ голосовъ. Жюль-Фавръ нѣсколько разъ восклицалъ: «Развѣ тамъ есть кто-нибудь?»— «Не можетъ быть, отвѣчали ему:—мы просили Дюранъ-Савойя никого не оставлять здѣсь». И пренія продолжались. Однако же, шумъ голосовъ незамѣтно возросталъ и, наконецъ, сдѣлался столь явственнымъ, что пришлось посмотрѣть, что̀ такое происходило. Карно пріотворилъ дверь. Комната, примыкавшая къ нашей, также, какъ и передняя, была наполнена представителями, мирно разговаривавшими.

Это насъ удивило; мы призвали Дюранъ-Савойя.

— Вы, значитъ, не поняли насъ? сказалъ ему Мишель де-Буржъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ Дюранъ-Савойя.

— На этотъ домъ можетъ быть обращено вниманіе полиціи, сказалъ Карно.—Мы подвергаемся опасности быть схваченными.

— И разстрѣлянными на мѣстѣ, прибавилъ Жюль-Фавръ, улыбаясь спокойной улыбкой.

— Дѣйствительно такъ, отвѣтилъ Дюранъ-Савойя, съ своимъ спокойнымъ взглядомъ, еще болѣе спокойнымъ, нежели улыбка Жюль-Фавра.—Дверь, ведущая въ кабинетъ, который вы занимаете, находится въ темномъ углу и совсѣмъ незамѣтна; поэтому я удержалъ представителей, которые пришли, и размѣстилъ ихъ въ гостиной и въ передней, гдѣ они сами хотѣли. Это составляетъ нѣкоторую толпу. Если полиція и войско явятся, я скажу: «Мы здѣсь, на лицо». Насъ возьмутъ. Двери въ кабинетъ не увидятъ и къ вамъ не проникнутъ. Мы расплатимся за васъ. Если имъ нужно будетъ кого-нибудь разстрѣлять, то они удовольствуются нами.

И Дюранъ-Савойя, не подозрѣвая, что это были слова героя, возвратился въ переднюю.

Мы возобновили пренія о декретѣ. Всѣ мы единодушно сознавали необходимость созвать новое собраніе. Но къ какому дню? Луи Бонапартъ назначилъ днемъ плебисцита 20-е декабря. Мы выбрали 21-е. Теперь, какое названіе дать новому собранію? Мишель де-Буржъ настаивалъ на національномъ конвентѣ. Жюль-Фавръ—на учредительномъ собраніи. Карно предложилъ названіе верховнаго собранія, не пробуждавшее никакихъ воспо-

минаній, оставлявшее просторъ всякимъ надеждамъ. Это названіе и было принято.

Декретъ, основные мотивы котораго Карно набросалъ подъ мою диктовку, редижированъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. — Онъ принадлежалъ къ числу напечатаныхъ и обнародованныхъ.

№ 5.

Декретъ.

Преступленіе Луи Бонапарта налагаетъ на представителей народа, оставшихся на свободѣ, великія обязанности.

Грубая сила старается сдѣлать исполненіе этихъ обязанностей невозможнымъ. Преслѣдуемые, переходящіе изъ одного убѣжища въ другое, убиваемые на улицахъ, республиканскіе представители совѣщаются и дѣйствуютъ, несмотря на гнусную полицію переворота.

Покушеніе Луи Бонапарта, разрушивъ всѣ власти, оставило неприкосновенною только одну власть—верховную власть народа, всеобщую подачу голосовъ.

Самодержавному народу принадлежитъ право собрать и возстановить всѣ общественныя силы, нынѣ разсѣянныя.

На основаніи всего этого, представители народа декретируютъ.

Статья 1. Народъ созывается на 21 декабря 1851 года для избранія Верховнаго Собранія.

Статья 2. Выборы будутъ произведены посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, въ формахъ, установленныхъ декретомъ временнаго правительства отъ 5 марта 1848 г.

Дано въ Парижѣ, въ постоянномъ засѣданіи собранія, 4-го декабря 1851 г.

Едва я успѣлъ подписать этотъ декретъ, какъ Дюранъ-Савайя вошелъ и сказалъ мнѣ на ухо, что какая-то женщина спрашиваетъ меня и ждетъ въ передней. Я вышелъ. Это была г-жа Шарассенъ. Ея мужъ исчезъ. Представитель Шарассенъ, экономистъ, агрономъ, ученый, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и неустрашимый человѣкъ. Мы видѣли его наканунѣ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Былъ ли онъ арестованъ? Г-жа Шарассенъ пришла спросить меня, не знаемъ ли мы гдѣ онъ? Я не зналъ. Она пошла справиться въ Мазасъ. Какой-то полковникъ, принадлежавшій въ одно и тоже время и къ арміи и къ полиціи, принялъ ее и сказалъ:—Я могу дозволить вамъ видѣться съ вашимъ мужемъ только подъ однимъ условіемъ:—Подъ какимъ?—Чтобы вы ничего не говорили ему.—Какъ ничего? — Ни о какихъ новостяхъ, ничего политическаго.—Хорошо. — Дайте мнѣ честное слово.—Она отвѣчала: «Какъ вы хотите, чтобы я дала

вамъ честное слово, когда я не повѣрила бы вашему?» Я видѣлся впослѣдствіи съ Шарассеномъ въ изгнаніи.

Г-жа Шарассенъ только что вышла, какъ явился Теодоръ Вакъ. Онъ принесъ намъ протестъ государственнаго совѣта. Вотъ онъ:

Протестъ государственнаго совѣта.

«Нижеподписавшіеся члены государственнаго совѣта, избранные собраніями учредительнымъ и законодательнымъ, собравшись, несмотря на декретъ 2-го декабря, въ мѣсто своихъ засѣданій, и найдя его окруженнымъ вооруженной силой, преградившей имъ доступъ въ него, протестуютъ противъ распущенія государственнаго совѣта и объявляютъ, что они прекратили исполненіе своихъ обязанностей лишь вслѣдствіе насилія.

Парижъ, 3-го декабря 1851 г.» (Слѣдовали 19 подписей).

Разскажемъ, какъ произошла исторія съ государственнымъ совѣтомъ.

Луи Бонапартъ велѣлъ разогнать собраніе войску, а верховный судъ—полиціи. Что же касается до государственнаго совѣта, то разогнать его велѣно было привратнику.

Утромъ 2-го декабря, въ тотъ самый часъ, когда представители правой, собравшіеся у Дарю, отправились отъ него въ мэрію X округа, члены государственнаго совѣта явились въ отель на набережной Орсэ. Они вошли по одиночкѣ.

Набережная была занята солдатами. Тамъ расположился биваками полкъ, составивъ ружья въ козлы.

Членовъ государственнаго совѣта набралось вскорѣ до тридцати. Они начали совѣщаться. Былъ изготовленъ проэктъ протеста. Въ ту минуту, какъ его хотѣли подписывать, вошелъ привратникъ. Онъ былъ блѣденъ и бормоталъ что-то. Онъ объявилъ, что исполняетъ приказаніе, и просилъ членовъ уйдти.

Тогда нѣкоторые изъ нихъ заявили, что какъ они ни возмущены, но не выставятъ своихъ именъ рядомъ съ именами республиканцевъ.

Это былъ своего рода способъ повиновенія привратнику.

Г. Бетмонъ, одинъ изъ президентовъ государственнаго совѣта, предложилъ свой домъ. Онъ жилъ въ улицѣ Сенъ-Роменъ. Республиканскіе члены отправились туда и безъ преній подписали приведенный выше протестъ.

Нѣкоторые члены, жившіе въ отдаленныхъ кварталахъ, не могли явиться на засѣданіе. Младшій изъ членовъ государственнаго совѣта, человѣкъ твердаго характера и благороднаго образа мыслей, г. Эдуардъ Шартонъ, взялся снести протестъ отсутствовавшимъ. Онъ исполнилъ это, но не безъ опасностей; не найдя

экипажа, онъ пошелъ пѣшкомъ; его остановили солдаты, грозя обыскать. Но онъ, однако, посѣтилъ нѣкоторыхъ членовъ. Многіе подписали протестъ. Понсъ де л'Эро—рѣшительно, Кормененъ—въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи, Буде — послѣ нѣкотораго колебанія. Буде дрожалъ. Семейство его боялось; въ открытыя окна слышалась пушечная пальба. Шартонъ, спокойный и мужественный, сказалъ: — ваши друзья, Вивьенъ, Риве и Штурмъ подписали. Буде подписалъ.

Многіе отказались; тотъ ссылался на свои преклонныя лѣта, другой на res augusta domi, третій «боялся, что онъ окажетъ этимъ услугу краснымъ».—Сказали бы, что просто боитесь, возразилъ Шартонъ.

На другой день, 3-го, Вивьенъ и Бетмонъ снесли протестъ къ Буле-де-ла-Мёртъ, вице-президенту республики, и президенту государственнаго совѣта, который принялъ ихъ въ халатѣ и закричалъ имъ: «Уйдите, уйдите!.. Губите себя, но безъ меня.

Утромъ 4-го, Кормененъ вычеркнулъ свою подпись, подъ тѣмъ неслыханнымъ предлогомъ, что слово «бывшій» членъ государственнаго совѣта, выставленное на книгѣ, произведетъ дурной эффектъ, и что онъ *«боится повредить этимъ своему издателю»*. Это его подлинное выраженіе.

Еще одна характеристическая подробность.

Г. Бегикъ, утромъ 2-го, пришелъ въ ту минуту, когда редижировали протестъ. Онъ пріотворилъ дверь. Около двери стоялъ Готье де-Рюмильи, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и заслуживающихъ уваженія членовъ государственнаго совѣта. Бегикъ спросилъ Готье де-Рюмильи:—Что такое дѣлается? Вѣдь это преступленіе. Что мы предпримемъ? Готье де-Рюмильи отвѣчалъ: «Протестуемъ». При этихъ словахъ Бегикъ затворилъ дверь и исчезъ.

Онъ появился опять, во время имперіи—министромъ.

III.

Внутри Елисейскаго дворца.

Въ это утро, докторъ Иванъ встрѣтился съ докторомъ Конно. Они были знакомы и разговорились. Иванъ принадлежалъ къ лѣвой, Конно—къ елисейцамъ. Иванъ узналъ отъ Конно и передалъ нѣкоторыя подробности о томъ, что происходило ночью въ Елисейскомъ дворцѣ. Вотъ одна изъ нихъ.

Намѣревались обнародовать безпощадный декретъ, повелѣвав-

шій всѣмъ подчиниться перевороту. Декретъ этотъ редижировалъ С. Арно, который, въ качествѣ военнаго министра, долженъ былъ подписать его. Дошли до послѣдняго параграфа, заключавшаго въ себѣ слѣдующія слова: «Каждый, кого застанутъ строящимъ баррикаду, наклеивающимъ прокламацію бывшихъ представителей, или читающимъ ее, будетъ...» Здѣсь С. Арно остановился. Морни пожалъ плечами, вырвалъ у него изъ рукъ перо и написалъ:—*разстрѣлянъ*.

Рѣшены были и другія мѣры, но о нихъ ничего не было извѣстно.

Къ этимъ свѣденіямъ присоединились еще различныя.

Одинъ національный гвардеецъ, по имени Буалле де-Доль, стоялъ въ караулѣ съ 3-го на 4-е въ Елисейскомъ дворцѣ. Въ кабинетѣ Луи Бонапарта, находившемся въ нижнемъ этажѣ, окна были освѣщены всю ночь. Въ сосѣдней комнатѣ происходилъ военный совѣтъ; Буалле, съ своего поста, видѣлъ въ окнахъ темные профили, жестикулировавшія тѣни; это были Маньянъ, С. Арно, Персиньи, Флёри—привидѣнія преступленія.

Туда были вызваны: Кортъ, кирассирскій генералъ, и Карелле, командовавшій дивизіей, которая наиболѣе работала на другой день, 4-го. Съ полуночи до трехъ часовъ утра, генералы и полковники «то и дѣло приходили и уходили». Являлись даже простые капитаны. Около четырехъ часовъ, подъѣхало нѣсколько каретъ, «съ женщинами». Оргія была неразлучна съ этимъ измѣнническимъ дѣломъ. Будуаръ во дворцахъ и лупанарій въ казармахъ шли рука объ руку.

Дворъ былъ наполненъ уланами, державшими подъ уздцы лошадей совѣщавшихся генераловъ.

Двѣ женщины изъ пріѣхавшихъ туда въ эту ночь, до нѣкоторой степени, принадлежатъ исторіи. На вторыхъ планахъ бываютъ такіе силуэты. Эти женщины имѣли вліяніе на несчастныхъ генераловъ. Обѣ принадлежали къ большому свѣту. Одна была маркиза ***, съ которой произошло такое обстоятельство, что она сперва обманула своего мужа, а потомъ влюбилась въ него. Она увѣрилась, что мужъ былъ надежнѣе любовника. Это случается. Она была дочь маршала Франціи, извѣстнаго оригинала, и той хорошенькой графини ***, которой Шатобріанъ, послѣ ночи, проведенной въ ея объятіяхъ, написалъ слѣдующее четверостишіе. Его можно привести, такъ какъ всѣ уже умерли.

Des rayons du matin l'horizon se colore,
Le jour vient éclairer notre tendre entretien,
Mais est-il un sourire aux lèvres de l'aurore
Aussi doux que le tien?

Дочь обладала столь же прелестной улыбкой, какъ и мать;

но вліяніе этой улыбки было пагубное. Другая женщина была К., русская; бѣлая, высокая, бѣлокурая, веселая, участвовавшая въ темныхъ дипломатическихъ интригахъ, показывавшая шкатулку, наполненную любовными письмами г. Моле, немножко шпіонка, вполнѣ обольстительная и ужасная.

Предосторожности, принятыя на случай, замѣчались даже извнѣ. Еще наканунѣ, изъ оконъ сосѣднихъ домовъ можно было видѣть во дворѣ Елисейскаго дворца двѣ запряженныхъ, почтовыхъ кареты, готовыхъ къ отъѣзду, съ кучерами на козлахъ.

Въ елисейскихъ конюшняхъ, въ улицѣ Монтень, стояло еще нѣсколько заложенныхъ экипажей и осѣдланныхъ лошадей.

Луи Бонапартъ не спалъ. Всю ночь онъ отдавалъ какія-то таинственныя приказанія; и потому на этомъ блѣдномъ лицѣ читалась, по утру, какая-то ужасающая ясность.

Успокоившееся преступленіе—вещь, поселяющая тревогу.

Въ это утро—онъ почти смѣялся. Морни входилъ въ его кабинетъ. Луи Бонапартъ, чувствуя лихорадку, призывалъ Конно, который присутствовалъ при ихъ разговорѣ.

Морни принесъ донесенія полиціи. Двѣнадцать работниковъ національной типографіи отказались, въ ночь 2-го сентября, печатать декреты и прокламаціи. Ихъ немедленно арестовали. Полковникъ Форестье былъ арестованъ. Его перевезли въ фортъ Бисетръ, вмѣстѣ съ Кроче-Спинелли, Женилье, Ипполитомъ Мажаномъ, мужественнымъ и даровитымъ писателемъ, Гудунешемъ и Полино. Это послѣднее имя поразило Луи Бонапарта. «Что это за Полино?» — «Онъ былъ офицеромъ на службѣ у персидскаго Шаха» отвѣчалъ Морни. И прибавилъ: «Смѣсь Донъ-Кихота и Санчо-Пансы». Этихъ арестантовъ посадили въ казематъ № 6. Новый вопросъ Луи Бонапарта: «Что это за казематы?» Морни отвѣчалъ: «Подвалы, безъ свѣта и воздуха, въ двадцать четыре метра длины, восемь ширины, пять вышины, съ мокрыми стѣнами и сырымъ поломъ». Луи Бонапартъ спросилъ: «Кладутъ ли имъ хоть соломы»? Морни сказалъ: «Пока еще нѣтъ. Потомъ увидимъ». Онъ прибавилъ: «Тѣ, которыхъ сошлютъ — въ Бисетрѣ; а которыхъ разстрѣляютъ — въ Иври.»

Луи Бонапартъ освѣдомился о принятыхъ предосторожностяхъ. Морни вполнѣ успокоилъ его на этотъ счетъ. Онъ сообщилъ ему, что на всѣхъ колокольняхъ поставлены сторожà; что всѣ печатные станки запечатаны; что всѣ барабаны національной гвардіи подъ ключемъ; и что, слѣдовательно, нечего было бояться. Ни одна типографія не выпуститъ прокламація; ни въ одной мэріи не пробьютъ сбора; ни на одной колокольнѣ не ударятъ въ набатъ.

Луи Бонапартъ спросилъ: всѣ ли батареи въ полномъ комплектѣ? напомнивъ, что каждая должна была состоять изъ четырехъ пушекъ и двухъ гаубицъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы употребляли въ дѣло только пушки, имѣющія восемь, а гаубицы—шестнадцать центиметровъ въ діаметрѣ.

— Это правда, сказалъ Морни, который былъ посвященъ въ тайну.—Всему этому завтра будетъ много работы.

Потомъ Морни говорилъ о Мазасѣ, что тамъ на дворѣ находилось 600 человѣкъ республиканскихъ гвардейцевъ; все народъ отборный, который, если на него нападутъ, будетъ защищаться до послѣдней крайности; что солдаты принимаютъ арестованныхъ представителей съ хохотомъ, и что они приходили смотрѣть на Тьера «прямо пòдъ носъ ему»; что офицеры удаляли солдатъ, но мягко, съ «нѣкоторой почтительностью»; что трое арестованныхъ были посажены въ «секретную»: Греппо, Надо, и членъ соціалистскаго комитета Арсенъ Мёнье. Послѣдній занималъ 32 №, въ шестомъ отдѣленіи. Рядомъ съ нимъ, въ № 30, сидѣлъ одинъ представитель правой, который все кричалъ и стоналъ, что забавляло Арсена Мёнье, и разсмѣшило Луи Бонапарта. Еще подробность: фіакръ, въ которомъ привезли База, въѣзжая на дворъ Мазаса, ударился о ворота; при этомъ фонарь, упавъ на землю, разбился. Кучеръ сталъ сокрушаться объ убыткѣ. «Кто мнѣ заплатитъ за это?» вскричалъ онъ. Одинъ изъ агентовъ, сидѣвшій въ фіакрѣ, вмѣстѣ съ арестованнымъ квесторомъ, сказалъ кучеру: «Не безпокойтесь; поговорите съ ефрейторомъ. Когда въ такомъ дѣлѣ «бываетъ битая посуда», (quand il y a de la casse), то платитъ правительство.

Бонапартъ улыбнулся и произнесъ: «Это правда».

Другой разсказъ Морни также насмѣшилъ его.—Это былъ разсказъ о гнѣвѣ Каваньяка, когда онъ вошелъ въ казематъ Мазаса. Въ двери каждаго каземата пробито окошечко, въ которое наблюдаютъ за арестантами, незамѣтно для нихъ. Сторожа слѣдили за Каваньякомъ. Сначала, онъ ходилъ взадъ и впередъ, скрестивъ руки; но такъ какъ комната невелика, то вскорѣ присѣлъ на скамейку. Эти тюремныя скамейки ничто иное, какъ узенькая доска на трехъ ножкахъ, соединяющихся въ одной точкѣ, и которыя, проходя сквозь доску, въ серединѣ ея, образуютъ бугорокъ, такъ что сидѣть на ней очень неудобно. Каваньякъ вскочилъ и ногой отшвырнулъ скамейку въ другой уголъ комнаты. Потомъ, въ ярости, съ бранью разбилъ кулакомъ маленькій столикъ, который, вмѣстѣ съ скамейкой, составляетъ единственную тюремную мебель.

Этотъ пинокъ и этотъ ударъ кулакомъ очень развеселили Луи Бонапарта.

— А Мона все боится, сказалъ Морни.

Бонапартъ опять разсмѣялся.

Морни послѣ своего разсказа ушелъ. Луи Бонапартъ направился въ сосѣднюю комнату. Тамъ ждала его женщина. Повидимому, она пришла просить за кого нибудь. Докторъ Конно слышалъ слѣдующія характеристическія слова: «Я извиняю вамъ ваши привязанности. Извините мнѣ мои ненависти.»

IV.

Домашнія люди.

Мериме былъ низокъ отъ природы. Не надо за это претендовать на него.

Что касается до Морни—это другое дѣло; онъ больше стоилъ. Въ немъ было что-то разбойническое.

Морни обладалъ мужествомъ. Разбойничество обязываетъ.

Мериме лгалъ, выдавая себя за одного изъ лицъ, посвященныхъ въ тайну переворота. А вѣдь казалось бы, что тутъ нѣчѣмъ хвалиться.

Но дѣло въ томъ, что ни въ какія тайны его не посвящали. Луи Бонапартъ не любилъ безполезно довѣряться.

Прибавимъ, что едва-ли Мериме, въ эпоху 2-го декабря, состоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Бонапартомъ, хотя, по нѣкоторымъ признакамъ, можно бы думать противное. Сближеніе произошло уже позже; сначала Мериме зналъ только Морни.

Морни и Мериме принадлежали оба къ интимному кружку Елисейскаго дворца; но различно. Можно вѣрить Морни, но не Мериме. Морни былъ посвященъ въ крупныя тайны, Мериме—въ маленькія. Любовная интрига—вотъ его настоящее призваніе.

Домашніе люди въ Елисейскомъ дворцѣ были двухъ родовъ: приближенные и льстецы. Первымъ изъ приближенныхъ былъ Морни; первымъ, или послѣднимъ изъ льстецовъ былъ Мериме.

Карьеру Мериме сдѣлало вотъ что:

Преступленія красивы только въ первую минуту; они скоро блекнутъ. Этому роду успѣха недостаетъ прочности. Надо скорѣй прибавить къ нему что нибудь.

Елисейскій дворецъ нуждался въ литературномъ украшеніи.

Нѣкоторый академическій оттѣнокъ не вредитъ вертепу. Мериме былъ не занятъ. Ему было на роду суждено подписываться: «шутъ императрицы». Г-жа Монтихо представила его Луи Бонапарту, который благосклонно принялъ его и пополнилъ дворъ свой этимъ плоскимъ талантливымъ писателемъ.

Этотъ дворъ представлялъ изъ себя коллекцію; этажерка низостей; звѣринецъ пресмыкающихся; гербарій ядовъ.

Кромѣ приближенныхъ, которые несли службу, и придворныхъ, которые служили украшеніемъ, были еще помощники.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовалось подкрѣпленіе. Иногда это были женщины, «Летучій эскадронъ»; иногда мужчины: С. Арно, Эспинассъ, С. Жоржъ, Мопà. Иногда, ни женщины, ни мужчины: Маркизъ С...

Антуражъ замѣчательный. Скажемъ о немъ два слова.

Тутъ былъ Вьельяръ—наставникъ, атеистъ съ католическимъ оттѣнкомъ, отличный игрокъ на бильярдѣ. Вьельяръ былъ разсказчикъ. Онъ съ улыбкой разсказывалъ слѣдующее: Въ концѣ 1807 года, королева Гортензія, любившая всегда жить въ Парижѣ, писала королю Людовику, что она не можетъ болѣе оставаться въ разлукѣ съ нимъ; что она чувствуетъ неодолимое желаніе видѣть его, и пріѣдетъ въ Гагу. Король сказалъ: «Она беременна». Онъ призвалъ своего министра Ванъ-Маанена, показалъ ему письмо королевы, и прибавилъ: «она скоро явится. Пусть такъ. Наши комнаты рядомъ. Дверь, посредствомъ которой онѣ сообщаются, королева найдетъ заколоченной». Людовикъ, какъ видно, смотрѣлъ на свою королевскую мантію серьёзно, потому что воскликнулъ: «Мантія короля не должна служить одѣяломъ для проститутки». Министръ Ванъ-Мааненъ пришелъ въ ужасъ и сообщилъ обо всемъ императору. Императоръ прогнѣвался—не на Гортензію, а на Людовика. Но Людовикъ не сдался. Дверь хотя и не была заколочена, но король остался непреклоненъ, и когда королева пріѣхала, повернулся къ ней спиной. Это не помѣшало Наполеону III родиться. Приличное число пушечныхъ выстрѣловъ привѣтствовало это рожденіе.

Такова была исторія, которую лѣтомъ 1840 г., въ Сенъ-Лё-Таверни, въ домѣ, называемомъ La Terrasse, при свидѣтеляхъ, и между прочимъ при Фердинандѣ Б., и маркизѣ де-ла Л., товарищѣ дѣтства автора этой книги, разсказывалъ Вьельяръ, ироническій бонапартистъ, преданный скептикъ.

Кромѣ Вьельяра, былъ Водрей, котораго Луи Бонапартъ произвелъ въ генералы одновременно съ Эспинассомъ, на всякій

случай. Полковникъ заговорщикъ можетъ быть генераломъ между устроителями западни.

Былъ Фіаленъ—герцогъ-капралъ; былъ Флёри, карьера котораго извѣстна, былъ Лакроссъ, либералъ, превратившійся въ клерикала; одинъ изъ тѣхъ консерваторовъ, которыхъ любовь къ порядку доводитъ до состоянія муміи. Впослѣдствіи сенаторъ.

Потомъ Лараби, другъ Лакросса, такой же лакей, и такой же сенаторъ. Каноникъ Кокро, аббатъ корабля la Belle Poule. Извѣстенъ его отвѣтъ одной княгинѣ, спрашивавшей у него: «что такое Елисейскій дворецъ?» Какъ видно, княгинямъ можно говорить то, чего не скажешь просто женщинѣ.

Потомъ Ипполитъ Фурту изъ породы «лазуновъ», которые куда угодно вскарабкаются. Писака, одинаковой пробы съ Гюставомъ Планшемъ или Филаретомъ Шалемъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи морскимъ министромъ; что заставило Беранже сказать про него: «Этому Фурту всѣ мачты знакомы; даже и тѣ, на которыя влѣзаютъ за призомъ на ярмаркахъ».

Было тамъ и двое Оверњцевъ. Они ненавидѣли другъ друга. Одинъ прозвалъ другого меланхолическимъ мѣдникомъ [1].

Былъ Сент-Бёвъ; человѣкъ порядочный, но завистливый, что простительно безобразію. Столь же великій критикъ, какъ Куаенъ великій философъ.

Затѣмъ Тролонъ (Troplong). Дюпенъ былъ у него прокуроромъ, а онъ былъ у Дюпена президентомъ. Дюпенъ, Тролонъ, два профиля маски, надѣтой на лицо закона.

Затѣмъ Аббатуччи. Покладистая совѣсть. Теперь проѣзжій шлякъ.

Аббатъ М., впослѣдствіи епископъ въ Нанси, подчеркивавшій съ улыбкой клятвы Луи Бонапарта.

Были тутъ также постоянные засѣдатели одной знаменитой оперной ложи, Montg... и Sept... предложившіе къ услугамъ неразборчиваго принца серьёзную сторону легкомысленныхъ людей.

Былъ Ромьё. Силуэтъ пьяницы позади краснаго призрака. Малитурнъ, нѣдурной другъ, развратный и искренній. Cuch... имя котораго прислуга колебалась докладывать, при входѣ его въ салонъ. Сюэнъ, человѣкъ, могущій подать хорошій совѣтъ въ дурномъ дѣлѣ. Докторъ Веронъ, который носилъ на щекѣ своей то, что другіе елисейцы носили въ сердцѣ. Мокаръ, бывшій красавецъ и любезникъ при голландскомъ дворѣ. Въ воспоминаніяхъ у Мокара были романсы. Онъ могъ, по своимъ лѣтамъ, и

---

[1] Фамилія его была Шоэронье—Chaudronnier по французски значитъ мѣдникъ.

по другимъ причинамъ, быть отцомъ Луи Бонапарта. Онъ былъ адвокатъ. Въ 1829 г., онъ также, какъ и Ромьё, былъ не глупъ. Позже, онъ что-то такое издалъ, я уже не помню теперь что именно, но нѣчто торжественное и напечатанное in quarto. Онъ мнѣ прислалъ тогда свою книгу. Это онъ, въ 1847 г. принесъ ко мнѣ, вмѣстѣ съ княземъ de la Moscova, петицію, поданную королемъ Жеромомъ въ палату перовъ, и требовавшую возвращенія во Францію изгнаннаго семейства Бонапартовъ. Я поддерживалъ ее: ошибка и доброе дѣло, которыя я и теперь сдѣлалъ бы снова.

Былъ также Бильо, подобіе оратора, имѣвшій даръ легко разглагольствовать и ошибавшійся съ видомъ авторитета. Онъ считался государственнымъ человѣкомъ. Государственный человѣкъ—это какая-то особаго рода посредственность.

Былъ Лавалеттъ, дополнявшій Морни и Валевскаго.

Былъ Баччіоки... и еще другіе.

Повинуясь внушеніямъ этихъ-то приближенныхъ, Луи Бонапартъ—нѣчто въ родѣ голландскаго Макіавелли—посѣщалъ во время своего президентства палату и другія мѣста, разъѣзжалъ въ Туръ, въ Гамъ, въ Дижонъ, произнося съ соннымъ видомъ и въ носъ предательскія рѣчи.

Какъ ни жалокъ этотъ Елисейскій дворецъ, но онъ занимаетъ мѣсто въ исторіи. Онъ породилъ и катастрофы, и много смѣшныхъ вещей. Ихъ нельзя пройти молчаніемъ. Елисейскій дворецъ — это былъ мрачный, внушавшій постоянныя опасенія уголокъ Парижа. Это дурное мѣсто представляло скопище маленькихъ и опасныхъ людей; карликовъ, чувствовавшихъ себя тамъ въ своей семьѣ. У нихъ было одно правило — наслаждаться. Тамъ жили смертью; тамъ дышали срамомъ, питались тѣмъ, что убиваетъ другихъ. Тамъ созидалось намѣренно съ искуствомъ, съ разсчетомъ, умаленіе Франціи. Тамъ работали продажные, угодливые, пресыщенные, публичные дѣятели—читай: развратники. Тамъ, какъ мы уже говорили, занимались литературой. Вьельяръ былъ классикъ 1830 г., Морни написалъ водевиль «Шуфлёри», Луи Бонапартъ былъ кандидатомъ въ академію. Странное мѣсто! Помѣсь отеля Рамбулье съ домомъ Ванкаля. Елисейскій дворецъ былъ лабораторіей, конторой, исповѣдальней, альковомъ, вертепомъ царствованія. Онъ имѣлъ претензію управлять всѣмъ, даже нравами, въ особенности нравами. Онъ заставилъ женщинъ бѣлиться и мужчинъ краснѣть. Онъ давалъ тонъ туалету и музыкѣ. Онъ изобрѣлъ кринолины и оперетку. Въ Елисейскомъ дворцѣ нѣкоторое безобразіе счи-

талось за элегантность; то, что сообщаетъ лицу гордое выраженіе, что возвышаетъ душу—осмѣивалось. Тамъ было оплевано «os homini sublime dedit»; тамъ въ теченіе двадцати лѣтъ было въ модѣ все низкое—и между прочимъ низкіе лбы.

Исторія, какова бы ни была ея гордость, осуждена знать, что Елисейскій дворецъ существовалъ. Карикатурная сторона не мѣшаетъ трагической. Въ немъ есть залъ, видѣвшій вторичное отреченіе — отреченіе послѣ Ватерлоо. Въ Елисейскомъ дворцѣ кончилъ Наполеонъ I и началъ Наполеонъ III. Въ Елисейскомъ дворцѣ Дюпенъ предсталъ передъ обоими Наполеонами, въ 1815 г. для того, чтобы низложить великаго, и въ 1851 для того, чтобъ обоготворить маленькаго. Въ эту послѣднюю эпоху, здѣсь было очень мрачно. Не оставалось ни одной добродѣтели. При дворѣ Тиверія еще былъ Тразеа, вокругъ Бонапарта — никого. Ищешь совѣсти — находишь Бароша; ищешь религіи—находишь Монталамбера.

V.

Нерѣшительный пособникъ.

Въ это страшно-историческое утро 4-го декабря, окружающіе наблюдали за своимъ господиномъ. Луи Бонапартъ заперся; но запереться, это уже нѣкоторымъ образомъ обнаружить себя. Кто заперся, тотъ размышляетъ; а для такихъ людей размышлять, значитъ обдумывать. Что могъ обдумывать Луи Бонапартъ? Что было у него на умѣ? Вопросъ, съ которымъ всѣ обращались другъ къ другу, за исключеніемъ двоихъ: Морни—совѣтника и С. Арно—исполнителя.

Луи Бонапартъ имѣлъ претензію—и она оправдалась — разпознавать людей. Онъ хвалился этимъ и, съ извѣстной точки зрѣнія, былъ правъ. У иныхъ есть даръ провидѣнія; у него было чутьё. Это скотское свойство, но оно не обманываетъ.

Онъ, конечно, не ошибся въ Мопа. Для того, чтобы выкрасть законъ, ему нуженъ былъ поддѣльный ключъ. Онъ взялъ Мопа. Никакая отмычка не могла съ нимъ сравниться. Онъ не ошибся и въ К. В. Онъ тотчасъ понялъ, что у этого солиднаго человѣка есть всѣ данныя для того, чтобъ немедленно превратиться въ негодяя. И дѣйствительно, вотировавъ и подписавъ низложеніе въ мэріи X округа, онъ сдѣлался однимъ изъ трехъ докладчиковъ смѣшанныхъ коммиссій; и, въ унисонъ

итогѣ, подведенномъ исторіей, на его долю приходится 1,634 жертвы!

Иногда, однакоже, Луи Бонапартъ ошибался; такъ, напримѣръ, онъ ошибся въ Поже. Поже, хотя и былъ выбранъ имъ, но остался честнымъ человѣкомъ. Луи Бонапартъ, опасаясь работниковъ національной типографіи, и не безъ основанія, потому что двѣнадцать человѣкъ, какъ мы видѣли, отказались повиноваться, придумалъ на всякій случай вспомогательное отдѣленіе, съ печатной машиной и съ ручнымъ станкомъ,—нѣчто въ родѣ государственной под-типографіи, состоявшей изъ восьми работниковъ и помѣщавшейся въ Люксамбургѣ. Завѣдующимъ этой типографіею онъ сдѣлалъ Поже. Когда настал часъ преступленія, когда нужно было печатать гнусныя аффиши, онъ сталъ вывѣдывать у Поже его мнѣніе. Поже былъ возмущенъ. Тогда онъ обратился къ Сен-Жоржу, въ которомъ нашелъ лакея.

Онъ менѣе ошибся, но все же ошибся и въ X.

2-го декабря X., пособникъ, котораго Морни считалъ необходимымъ, очень безпокоилъ Луи Бонапарта.

Ему было сорокъ четыре года; онъ любилъ женщинъ и хотѣлъ сдѣлать карьеру. Отсюда его неразборчивость на средства. Онъ началъ свое поприще въ Африкѣ, подъ начальствомъ полковника Комба, въ 47-мъ армейскомъ полку. Онъ выказалъ храбрость при Константинѣ. Въ Заачѣ онъ выручилъ Эрбильона; осада, дурно начатая Эрбильономъ, кончилась хорошо, благодаря ему. X., маленькій, приземистый, съ головой, ушедшей въ эполеты, отважный, былъ отличнымъ бригаднымъ командиромъ. Въ его карьерѣ было четыре ступени: Бюжо, потомъ Ламорисьеръ, потомъ Кавеньякъ, потомъ Шангарнье. Въ Парижѣ, въ 1851 г., онъ видѣлся съ Ламорисьеромъ и Шангарнье. Первый обошелся съ нимъ холодно, второй—лучше. Онъ вышелъ изъ Сатори въ негодованіи. Онъ кричалъ: «Нужно покончить съ этимъ Луи Бонапартомъ. Онъ развращаетъ армію. Эти пьяные солдаты возмущаютъ душу. Я возвращусь въ Африку». Въ октябрѣ, Шангарнье уже не былъ въ силѣ и энтузіазмъ X. охладѣлъ. Онъ сталъ посѣщать Елисейскій Дворецъ, но не отдаваясь. Онъ далъ слово генералу Бедо, который разсчитывалъ на него. 2-го декабря на разсвѣтѣ, кто-то разбудилъ X. Это былъ Эдгаръ Ней. X. былъ бы точкой опоры для переворота, но согласится ли онъ? Эдгаръ Ней объяснилъ ему событіе и оставилъ его не прежде, какъ увидѣвъ, что онъ выступилъ во главѣ 1-го полка, изъ казармы Зеленой Улицы. X. долженъ былъ занять позицію на площади Мадленъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ ней, Ларош-

жакленъ, вытѣсненный изъ палаты вооруженной силой, проходилъ черезъ площадь. Ларошжакленъ, еще не сдѣлавшійся бонапартистомъ, былъ въ ярости... Увидѣвъ Х., своего стараго товарища по военной школѣ въ 1830 г., и съ которымъ онъ былъ на *ты*, онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Это гнусность. Ты что дѣлаешь?»—«*Я жду*», отвѣчалъ Х. Ларошжакленъ оставилъ его. Х. слѣзъ съ лошади и пошелъ къ одному изъ своихъ родственниковъ, члену государственнаго совѣта Р., жившему въ улицѣ Скаронъ. Онъ сталъ съ нимъ совѣтоваться. Р., честный человѣкъ, не колебался. Онъ отвѣчалъ: «Я отправляюсь въ государственный совѣтъ, чтобъ исполнить свой долгъ. Это преступленіе». Х. покачалъ головой, и сказалъ: «*Надо посмотрѣть*».

Это *я жду* и *надо посмотрѣть* озабочивали Луи Бонапарта. Морни сказалъ: «Пустимъ въ ходъ летучій эскадронъ».

VI.

Денисъ Дюссубъ.

Гастонъ Дюссубъ былъ одинъ изъ самыхъ мужественныхъ членовъ лѣвой. Онъ былъ представитель департамента Верхней Вьенны. Въ первое время своего присутствія въ собраніи онъ носилъ, какъ бывало Теофиль Готье, красный жилетъ. Какъ жилетъ Теофиля Готье приводилъ въ содроганіе классиковъ 1830 г., такъ жилетъ Дюссуба приводилъ въ содроганіе роялистовъ 1851 г. Г-ну Паризису, епископу Лангрскому, котораго не испугала бы красная шляпа, красный жилетъ Дюссуба внушалъ ужасъ. Другой причиной ужаса правыхъ было то, что Дюссубъ, по слухамъ, провелъ три года въ Бель-Илѣ, какъ политическій арестантъ, подвергшійся наказанію за «Лиможское дѣло». Оттуда, стало быть, всеобщая подача голосовъ и прислала его въ собраніе. Попасть изъ тюрьмы въ сенатъ, обстоятельство вовсе не удивительное въ наши измѣнчивыя времена, и которое иногда дополняется такъ: возвратиться изъ сената въ тюрьму; но дѣло въ томъ, что правая ошибалась; Лиможскій осужденный былъ не Гастонъ Дюссубъ, а братъ его, Денисъ. Но все таки Гастонъ Дюссубъ казался страшенъ. Онъ былъ остроуменъ, мужественъ и кротокъ.

Лѣтомъ 1851 г., я ежедневно ходилъ въ Консьержери обѣдать съ двумя сыновьями моими и двумя друзьями, сидѣвшими въ тюрьмѣ, Эти великія сердца и замѣчательные умы, Вакри, Мёрисъ, Шарль

и Франсуа Викторъ привлекали къ себѣ подобныхъ имъ; и въ этомъ полумракѣ, за желѣзными рѣшотками, собирались вокругъ маленькаго семейнаго стола, для дружеской бесѣды, краснорѣчивые ораторы, какъ напримѣръ, Кремьё, и энергическіе, увлекательные писатели, какъ напримѣръ, Пейра̀.

Однажды Мишель де-Буржъ привелъ къ намъ Гастона Дюссуба.

Гастонъ жилъ въ Сен Жерменскомъ Предмѣстьѣ, по сосѣдству съ собраніемъ. 2-го декабря мы не видѣли его на сходкѣ. Онъ занемогъ и лежалъ, «пригвожденный, какъ онъ писалъ мнѣ, членистымъ ревматизмомъ».

У него былъ братъ моложе его, и котораго мы сейчасъ назвали, Денисъ Дюссубъ. Утромъ 21-го, этотъ братъ пришелъ его навѣстить.

Гастонъ узналъ о переворотѣ и былъ въ отчаяніи, что болѣзнь удерживала его въ постели. Онъ вскричалъ:

— Я обезчещенъ. На баррикадахъ не будетъ моего шарфа.

— Нѣтъ, сказалъ ему братъ:—онъ будетъ тамъ.

— Какимъ образомъ?

— Одолжи мнѣ его.

— Возьми.

Денисъ взялъ шарфъ Гастона и ушелъ. Мы еще встрѣтимъ Дениса Дюссуба.

VII.

Свѣденія и встрѣчи.

Ламорисьеръ, въ это самое утро, нашелъ средство доставить мнѣ, черезъ г-жу Курбоннъ, слѣдующія свѣденія:

«Фортъ Гамъ. Фамилія коменданта—Бодо. Онъ назначенъ на этотъ постъ въ 1848 году Кавеньякомъ; приказъ объ его назначеніи скрѣпилъ своей подписью Шаррасъ. Оба теперь его арестанты. Полицейскій комиссаръ, посланный Морни въ мѣстечко Гамъ для наблюденія за узниками и тюремщикомъ, называется Дюфоръ де-Пульякъ».

Я подумалъ, получивъ это свѣденіе, что «тюремщикъ» Бодо самъ способствовалъ столь быстрой доставкѣ его. Признакъ расшатанности центральной власти.

Ламорисьеръ, тѣмъ же путемъ, сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о своемъ арестованіи и объ арестованіи другихъ генераловъ, его товарищей.

Эти подробности служатъ дополненіемъ тѣхъ, которыя я привелъ уже.

Генералы были всѣ арестованы одновременно, на ихъ квартирахъ, почти при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Повсюду дома были окружены, двери отперты хитростью или выломаны силой; превратниковъ обманывали, иногда вязали; повсюду являлись переодѣтые люди, снабженные веревками, вооруженные топорами. Ночное насиліе, прерванный сонъ. У Ламорисьера, по его собственнымъ словамъ, сонъ былъ крѣпокъ. Какъ бы ни стучали и ни шумѣли въ дверяхъ — онъ не просыпался. Его слуга, преданный отставной солдатъ, нарочно говорилъ громко и кричалъ, чтобъ разбудить генерала. Онъ даже вступилъ въ борьбу съ городскими сержантами. Одинъ полицейскій агентъ нанесъ ему ударъ шпагой и прокололъ колѣно. Впослѣдствіи, ногу пришлось отпилить. Генерала разбудили, схватили и увезли.

Проѣзжая по набережной Malaquais, Ламорисьеръ увидѣлъ войска, дефилировавшія въ ранцахъ. Онъ быстро нагнулся къ окну кареты. Полицейскій коммиссаръ, сопровождавшій его, подумалъ, что онъ хочетъ обратиться къ солдатамъ съ рѣчью. Этотъ человѣкъ схватилъ генерала за руку и сказалъ ему: — Генералъ, если вы скажете слово, я употреблю въ дѣло вотъ это... И другой рукой онъ показалъ генералу въ темнотѣ нѣчто въ родѣ намордника.

Всѣхъ арестованныхъ генераловъ препроводили въ Мазасъ. Тамъ ихъ заперли и забыли. Въ восемь часовъ вечера, генералъ Шангарнье еще ничего не ѣлъ.

Минута арестованія была тяжкая для полицейскихъ коммиссаровъ. Имъ пришлось наглотаться не мало стыда. Кавеньякъ, Лефло, Шангарнье, Бедо и Ламорисьеръ точно также не пощадили ихъ, какъ и Шаррасъ. Въ минуту отъѣзда, у Кавеньяка было при себѣ нѣсколько денегъ. Прежде чѣмъ положить ихъ въ карманъ, онъ спросилъ арестовавшаго его коммиссара Колена: «Будутъ ли эти деньги цѣлы?» Коммиссаръ воскликнулъ: «Что же вы предполагаете, генералъ?»

— Кто мнѣ поручится, что вы не мошенники? возразилъ Кавеньякъ. Въ тоже самое время, почти въ туже самую минуту, Шаррасъ говорилъ полицейскому, Куртелю. «Почему я знаю, что вы не карманники»?

Нѣсколько дней спустя, всѣ эти негодяи получили почетнаго легіона.

Этимъ самымъ крестомъ, которымъ послѣ 2-го декабря, послѣдній Бонапартъ награждалъ полицейскихъ, первый Наполеонъ украсилъ знамена великой арміи, послѣ Аустерлица.

Я передалъ эти подробности комитету. Донесенія получались со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя касались печати. Съ утра 2-го декабря, къ прессѣ стали относиться съ солдатской грубостью. Серрьеръ, мужественный типографщикъ, пришелъ сообщить намъ, что̀ происходило въ типографіи газеты «Presse». Серрьеръ печаталъ двѣ газеты, «la Presse» и «l'Avénement du peuple». Послѣдняя была преобразована изъ «Evénement», прекращенной по суду. 2-го, въ восемь часовъ вечера, въ типографію вторглись 28 человѣкъ солдатъ республиканской гвардіи, подъ начальствомъ поручика Папъ (впослѣдствіи получившаго за это крестъ). Этотъ человѣкъ передалъ Серрьеру запрещеніе что-либо печатать, подписанное: «Нюссъ». Полицейскій комиссаръ сопровождалъ поручика Папъ. Этотъ комиссаръ предъявилъ Серрьеру «декретъ президента республики», запрещавшій газету «Avénement du peuple». Потомъ поставили ко всѣмъ дверямъ часовыхъ. Работники хотѣли противиться. Одинъ изъ наборщиковъ сказалъ солдатамъ: «А мы все-таки будемъ печатать, несмотря на ваше запрещеніе». Тогда явилось еще 40 муниципальныхъ гвардейцевъ, съ двумя вахмистрами, четырьмя ефрейторами и барабанщикомъ, и отрядъ линейныхъ солдатъ, подъ начальствомъ капитана. Пришелъ Жирарденъ, возмущенный, и протестовалъ съ такой энергіей, что одинъ изъ ефрейторовъ сказалъ ему: «Я бы хотѣлъ, чтобы у меня былъ такой полковникъ, какъ вы». Мужество Жирардена сообщилось работникамъ и, съ помощью хитрости и ловкости, имъ, на глазахъ у жандармовъ, удалось отпечатать прокламаціи Жирардена и наши, ручнымъ станкомъ. Они вынесли ихъ маленькими пачками, еще совсѣмъ влажными, подъ своими жилетами. Къ счастію, все было пьяно̀. Жандармы поили солдатъ, и работники воспользовались этимъ. Муниципальные гвардейцы смѣялись, ругались, «каламбурили, пили шампанское и кофе» и говорили: «Мы замѣнимъ теперь республиканскихъ представителей. Мы будемъ получать 25 франковъ въ день». Всѣ парижскія типографіи были заняты такимъ образомъ, вооруженной силой. Переворотъ держалъ все въ рукахъ. Онъ наносилъ даже оскорбленія газетамъ, поддерживавшимъ его. Въ конторѣ «Moniteur Parisien», городскіе сержанты хотѣли стрѣлять въ каждаго, кто отворитъ дверь. У г. Деламара, редактора «Patrie», было 40 муниципальныхъ гвардейцевъ, и онъ дрожалъ, чтобъ они не разбили его станковъ. Онъ сказалъ одному изъ нихъ: «Да вѣдь я за васъ!» Жандармъ отвѣчалъ: «А мнѣ что̀ за дѣло»!

Въ ночь съ 3-го на 4-е, около трехъ часовъ, всѣ типографіи

были очищены. Капитанъ сказалъ Серрьеру: «Намъ дано приказаніе сосредоточиться въ нашихъ кварталахъ». Серрьеръ, разсказывая намъ это, прибавилъ: «Что-то готовится».

Я имѣлъ наканунѣ разговоръ, относительно сопротивленія, съ Жоржемъ Бискарра, неподкупнымъ и храбрымъ человѣкомъ, о которомъ мнѣ еще придется упоминать. Я назначилъ ему свиданіе въ домѣ № 19 въ улицѣ Ришельё. И потому въ это утро, 4-го, между № 15, гдѣ мы засѣдали, и 19, гдѣ я ночевалъ, происходили сношенія.

Была минута, когда я находился на улицѣ. Я только что разстался съ этимъ честнымъ, мужественнымъ гражданиномъ, какъ увидалъ совершенную противуположность: — г. Мериме, шедшаго ко мнѣ на встрѣчу.

— А! сказалъ Мериме.—Я васъ искалъ!

Я отвѣчалъ ему:

— Надѣюсь, что вы меня не найдете? Онъ подалъ мнѣ руку. Я повернулся къ нему спиной.

Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ его. Кажется, онъ умеръ.

Этотъ Мериме, какъ-то разъ въ 1847 г., говорилъ со мной о Морни; и между нами произошелъ слѣдующій діалогъ. Мериме сказалъ: «У г. де-Морни великая будущность», и потомъ спросилъ меня: «Знаете вы его?»

Я отвѣчалъ:

— А! у него великая будущность! Да, я знаю г. де-Морни. Онъ уменъ, вращается постоянно въ свѣтѣ; онъ дѣлецъ, занимающійся промышленными предпріятіями. Разработка цинковыхъ рудниковъ, люттихскихъ каменноугольныхъ копей—все это онъ затѣялъ. Я имѣю честь его знать. Это мошенникъ.

Насъ съ Мериме раздѣляло одно: я презиралъ Морни, а онъ его уважалъ. Морни платилъ ему тѣмъ же. И это было вполнѣ справедливо.

Я подождалъ, пока Мериме повернетъ за уголъ. Когда онъ исчезъ, я возвратился въ № 15.

Получились свѣденія о Канроберѣ. 2-го вечеромъ, онъ посѣтилъ г-жу Лефло. Эта благородная женщина была возмущена. На другой день, долженъ былъ происходить балъ у С. Арно въ военномъ министерствѣ. Генералъ Лефло и его жена получили приглашеніе. Они должны были встрѣтиться тамъ съ Канроберомъ. Но г-жа Лефло не объ танцахъ разговаривала съ нимъ. «Генералъ! сказала она.—Всѣ ваши товарищи арестованы; и вы намѣрены это поддерживать». «Я намѣренъ сдѣлать одно—подать въ отставку. Вы можете сказать это Лефло», отвѣ-

чалъ онъ. Онъ былъ блѣденъ, и ходилъ взадъ и впередъ въ волненіи.

— Въ отставку, генералъ?

— Да, сударыня.

— Это вѣрно?

— Да, сударыня... конечно, если только не будетъ возмущенія...

— Генералъ Канроберъ! вскричала г-жа Лефло.—Вотъ *«если»*, которое достаточно говоритъ что̀ вы намѣрены дѣлать.

И, однакоже, Канроберъ, дѣйствительно еще колебался. Въ основѣ его характера была нерѣшительность.

VIII.

Положеніе.

Хотя тактика борьбы, принятая комитетомъ, состояла въ томъ, чтобы не сосредоточивать сопротивленія въ одномъ мѣстѣ, а распространять его на всѣ возможные пункты, и притомъ дѣйствовать какъ можно продолжительнѣе, тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ инстинктивно чувствовалъ, также какъ и елисейцы, съ своей стороны, что день будетъ рѣшительный.

Приближалась минута, когда переворотъ долженъ былъ со всѣхъ сторонъ ринуться на насъ. Намъ предстояло выдержать натискъ цѣлой арміи. Покинетъ ли народъ—этотъ великій революціонный народъ парижскихъ предмѣстій—своихъ представителей? Покинетъ ли самого себя? или пробудившійся и прозрѣвшій, наконецъ, возстанетъ? Вотъ вопросъ, который мы всѣ повторали съ трепетомъ.

Никакого серьёзнаго признака со стороны національной гвардіи. Краснорѣчивая прокламація, написанная у Мари Жюль Фавромъ и Александромъ Реемъ, обращенная отъ нашего имени къ легіонамъ, не могла быть напечатанна. Планъ Гетцеля не удался. Версиньи и Лабруссъ не могли соединиться съ нимъ. Мѣсто, выбранное для свиданія—уголъ бульвара и улицы Ришельё—было постоянно очищаемо кавалерійскими аттаками. Мужественная попытка полковника Гресье убѣдить 6-й легіонъ и менѣе энергичная, подполковника Ховѝна, подѣйствовать на 5-й, также не привели ни къ какимъ результатамъ. Однакожъ, негодованіе Парижа начинало обозначаться. Вечеръ былъ знаменательный.

Энгре пришелъ къ намъ рано утромъ и принесъ подъ пла-

щенъ связку напечатанныхъ экземпляровъ декрета о низложеніи. Для того, чтобъ доставить ихъ намъ, онъ десять разъ подвергался опасности быть арестованнымъ и разстрѣляннымъ. Мы тотчасъ же распорядились раздать и наклеить эти экземпляры. Наклейка произведена была очень смѣло. На многихъ пунктахъ наши аффиши виднѣлись рядомъ съ аффишами переворота, угрожавшими смертной казнью каждому, кто наклеитъ декретъ, исходящій отъ представителей. Энгре сообщилъ намъ, что наши декреты и прокламаціи были отлитографированы и расходились по рукамъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Намъ необходимо было продолжать выпускъ прокламацій. Одинъ типографщикъ, бывшій издатель многихъ демократическихъ органовъ, г. Булле, наканунѣ предложилъ мнѣ свои услуги. Я, въ іюнѣ 1848 г., защитилъ его типографію отъ національныхъ гвардейцевъ, опустошавшихъ ее. Я ему написалъ и препроводилъ въ письмѣ наши декреты. Представитель Монтэгю взялся ихъ доставить. Булле извинился. Его типографія въ полночь была занята городскими сержантами. При помощи нашихъ усилій и благодаря патріотическому содѣйствію многихъ студентовъ, фармацевтовъ и химиковъ, въ разныхъ кварталахъ заготовленъ былъ порохъ. На одномъ пунктѣ, въ улицѣ Жакобъ, въ одну ночь его заготовили сто киллограмовъ. Такъ какъ фабрикація пороха производилась на лѣвомъ берегу, а дрались на правомъ, то надо было провезти этотъ порохъ черезъ мосты. Это было не легко; но дѣлали, какъ могли. Около девяти часовъ, насъ извѣстили, что полиція предупреждена, и что всѣхъ прохожихъ обыскиваютъ, особливо на Pont-Neuf.

Обрисовывался нѣкоторый стратегическій планъ. Десять центральныхъ мостовъ были охраняемы военной силой.

Людей останавливали на улицахъ, по физіономіи. Одинъ гвардейскій сержантъ, на углу Pont aux Changes, говорилъ и нарочно громко, чтобъ могли слышать прохожіе, — «мы хватаемъ всѣхъ, у кого не выбрита борода, или кто смотритъ такъ, какъ будто онъ не выспался».

Какъ бы то ни было, но мы располагали небольшими запасами пороха. Обезоруженіе національной гвардіи, во многихъ кварталахъ, дало намъ 800 ружей; наши прокламаціи и декреты наклеивались; нашъ голосъ доходилъ до народа. Являлось нѣкоторое довѣріе.

— Волны прибываютъ! волны прибываютъ! говорилъ Эдгаръ Кине, пришедшій пожать мнѣ руку.

Насъ извѣстили, что студенты поднялись въ теченіи дня и

предлагали намъ у себя убѣжище. Жюль Фавръ воскликнулъ, обрадованный:

— Завтра мы выпустимъ наши декреты изъ Пантеона.

Число хорошихъ предзнаменованій все увеличивалось. Старый очагъ возстаній, улица Saint-André-des-Arts волновалась. Ассоціація «la Presse du travail» подала признакъ жизни. Нѣсколько отважныхъ работниковъ сгруппировались около одного изъ своихъ, по имени Нетре, въ улицѣ Жардине № 13, и почти организовали маленькую типографію, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ казармы подвижной жандармеріи. Они провели ночь, сначала редижируя, потомъ печатая манифестъ къ рабочимъ, призывавшій народъ къ оружію. Ихъ было пять человѣкъ, искусныхъ и рѣшительныхъ. Они достали себѣ бумаги. У нихъ былъ совсѣмъ новый шрифтъ. Одни мочили бумагу, пока другіе набирали. Около двухъ часовъ принялись печатать. Нужно было, чтобъ сосѣди ничего не слыхали; и они ухитрились какъ-то заглушить удары валика. Въ нѣсколько часовъ, полторы тысячи экземпляровъ были готовы, и съ разсвѣтомъ наклеены на углахъ улицъ. Одинъ изъ этихъ неустрашимыхъ работниковъ, ихъ старшина, А. Демуленъ, изъ породы сильныхъ людей, просвѣщенныхъ и вмѣстѣ бойцовъ, приходилъ наканунѣ въ отчаяніе. Теперь онъ надѣялся.

Наканунѣ онъ писалъ «..... Гдѣ представители? Сообщенія прерваны. Нельзя пройти ни бульварами, ни набережными. Сдѣлалось невозможнымъ созвать народное собраніе. Народъ лишенъ руководителей. Съ одной стороны, де-Флоттъ, съ другой В. Гюго, Шёльхеръ дѣятельно побуждаютъ къ возстанію, и двадцать разъ рискуютъ жизнью, но всѣми чувствуется, что они не опираются ни на какую организованную силу. Потомъ, попытка роялистовъ X округа пугаетъ. Боятся, что подъ конецъ они снова появятся». Теперь у этого умнаго и храбраго человѣка снова явилось довѣріе, и онъ писалъ: «Положительно, Луи Бонапартъ труситъ. Донесенія полиціи неблагопріятны для него. Сопротивленіе республиканскихъ представителей приноситъ свои плоды. Парижъ вооружается. Нѣкоторыя части войскъ, повидимому, колеблются. Даже подвижная жандармерія ненадежна, и сегодня цѣлый батальонъ отказался идти. Замѣчаются безпорядки: двѣ баттареи долго обмѣнивались выстрѣлами, не узнавая другъ друга. Переворотъ какъ будто не удается».

Симптомы, какъ видите улучшались.

Или Мопà уже было недостаточно? Не думали ли прибѣгнуть къ кому нибудь другому, болѣе искусному? Одинъ фактъ, какъ будто намекалъ на это. Наканунѣ, между пятью и шестью ча-

тами вечера, видѣли, какъ человѣкъ высокаго роста прохаживался передъ кафе на площади Сенъ-Мишель; къ нему вскорѣ присоединились два полицейскихъ комиссара изъ тѣхъ, что производили 2-го числа аресты. Онъ долго разговаривалъ съ ними. Этотъ человѣкъ былъ Карлье. Не долженъ ли онъ былъ замѣнить Мопà?

Представитель Лабруссъ, сидѣвшій въ кафе, видѣлъ это совѣщаніе.

Каждаго комиссара сопровождалъ одинъ изъ тѣхъ агентовъ, которыхъ называютъ обыкновенно «комиссарскими собаками».

Въ тоже время, въ комитетѣ получались странныя предостереженія. Намъ сообщали о слѣдующей запискѣ.

«Любезный Бокажъ, сегодня въ 6 часовъ, 25 тысячъ франковъ обѣщаны тому, кто арестуетъ или убьетъ Гюго. Вы знаете гдѣ онъ. Пусть не выходитъ ни подъ какимъ предлогомъ. Вашъ А. Дюма. На оборотѣ: Бокажу. 18, улица Кассеттъ [1].

Нужно было подумать о малѣйшихъ подробностяхъ. Не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходила борьба, былъ отданъ одинаковый пароль, что̀ могло повлечь за собой серьёзныя опасности. Мы избрали наканунѣ паролемъ имя Бодена. На многихъ баррикадахъ, изъ подражанія, взяли паролемъ имена другихъ представителей. Въ улицѣ Рамбюто, пароль былъ Эженъ Сю и Мишель де-Буржъ. Въ улицѣ Бобуръ—В. Гюго; въ Лашапель Сен-Дени—Эскиросъ и де-Флоттъ. Мы признали необходимымъ прекратить это смѣшеніе и уничтожить собственныя имена, которыя всегда легко угадать. Мы условились, что паролемъ будетъ фраза: Que fait Joseph? (Что дѣлаетъ Жозефъ?).

Каждую минуту и со всѣхъ сторонъ до насъ доходили свѣдѣнія, что повсюду строются баррикады, что ружейная перестрѣлка началась въ центральныхъ улицахъ. Мишель де-Буржъ вскричалъ: «Постройте каре изъ четырехъ баррикадъ и мы будемъ засѣдать въ серединѣ».

Намъ принесли извѣстія съ Мон-Валерьена. Число арестантовъ еще увеличилось двумя. Ригаль и Белль были схвачены. Оба—члены лѣвой; докторъ Ригаль былъ представителемъ Гальяка; Белль — Лавора. Ригаля взяли съ постели, больнаго. Въ тюрьмѣ онъ лежалъ и не могъ одѣться. Его товарищъ Белль служилъ ему.

Около 9 часовъ, бывшій капитанъ 8 легіона національной гвардіи 1848 г., по имени Журданъ, пришелъ къ намъ отдать себя въ наше распоряженіе. Это былъ человѣкъ отважный, одинъ

---

[1] Подлинная записка находится въ рукахъ автора этой книги. Она передана ему г. Авенелемъ отъ имени г. Бокажа.

изъ тѣхъ смѣльчаковъ, которые, 24 февраля утромъ, овладѣли Городской Думой (Hôtel de Ville). Мы предложили ему повторить этотъ подвигъ и овладѣть префектурой полиціи. Онъ зналъ, какъ за это взяться. Онъ объявилъ намъ, что у него мало людей, но что онъ, въ теченіи дня, осторожно займетъ нѣкоторые стратегическіе дома на набережной Жевръ, на набережной Лепелетье и въ улицѣ Cité; а въ случаѣ, если бой въ центрѣ Парижа усилится и заставитъ людей переворота отозвать войско изъ Hôtel de Ville и префектуры, то аттака на эти два пункта начнется немедленно. Капитанъ Журданъ—скажемъ это теперь же—сдержалъ свое обѣщаніе, но, къ несчастью,—мы узнали объ этомъ вечеромъ—онъ началъ, можетъ быть, немножко рано. Какъ онъ предвидѣлъ, такъ и случилось. Явившись на площадь Hôtel de Ville, онъ нашелъ ее пустою. Генералъ Эрбильонъ принужденъ былъ оставить ее и поспѣшилъ съ кавалеріей ударить въ тылъ баррикадамъ центра. Аттака республиканцевъ началась въ ту же минуту. Первые ружейные выстрѣлы раздались на набережной Лепелетье; но лѣвый флангъ колонны былъ еще у Арвольскаго моста; одинъ батальонный командиръ, по имени Ларошеттъ, выстроилъ передъ Hôtel de Ville линію стрѣлковъ; 44 й полкъ воротился и попытка не удалась.

Явился Бастидъ съ Шоффуромъ и Лессакомъ.

— Добрыя вѣсти, сказалъ онъ намъ:—все идетъ хорошо. Его лицо, серьёзное, честное и холодное, сіяло какой-то геройской ясностью. Онъ пришелъ съ баррикадъ и возвращался туда. Двѣ пули пробили его плащъ. Я отвелъ его въ сторону и сказалъ ему: Вы опять идете туда?—Да.—Возьмите меня съ собой. —Нѣтъ, вы нужны здѣсь, отвѣчалъ онъ.—Сегодня вы генералъ, а я солдатъ. Я напрасно настаивалъ. Онъ упорно отказывалъ мнѣ, повторяя:—Комитетъ—нашъ центръ. Онъ не долженъ разсѣеваться. Вашъ долгъ оставаться здѣсь. Притомъ же, прибавилъ онъ:—будьте спокойны. Вы подвергаетесь здѣсь еще бо́льшимъ опасностямъ, чѣмъ мы. Если вы попадетесь, васъ разстрѣляютъ. —Но можетъ придти минута, возразилъ я:—когда намъ необходимо будетъ вмѣшаться въ бой.—Безъ сомнѣнія.—Я продолжалъ: Вы находитесь на баррикадахъ и можете быть лучшимъ судьей, нежели мы,—настала ли эта минута. Дайте же мнѣ честное слово, что вы сдѣлаете для меня то, что вы желали бы, чтобъ я сдѣлалъ для васъ, и придете за мной.—Даю, отвѣчалъ онъ, и сжалъ мои руки въ своихъ.

Позже, однакоже, нѣсколько минутъ спустя по уходѣ Бастида, какъ ни велико было мое довѣріе къ слову этого великодушнаго, мужественнаго человѣка, я не могъ выдержать и, вос-

пользовавшись двумя часами, оставшимися у меня свободными, пошелъ взглянуть собственными глазами, что происходитъ и какъ ведется дѣло сопротивленія.

Я взялъ фіакръ на Полерояльской площади, объяснилъ кучеру, кто я, и сказалъ, что хочу посѣтить баррикады и ободрить бойцовъ; что буду отчасти ходить пѣшкомъ, отчасти ѣздить, и что довѣряюсь ему. Я назвалъ себя.

Первый встрѣчный почти всегда честный человѣкъ. Кучеръ отвѣтилъ мнѣ:—Я знаю гдѣ баррикады, я буду ѣздить съ вами, куда вамъ нужно, буду ждать васъ, гдѣ вы велите, и привезу васъ назадъ. Если у васъ нѣтъ денегъ, то не платите мнѣ. Я горжусь тѣмъ, что я дѣлаю.

Я поѣхалъ.

IX.

Сен-Мартенскія ворота.

Факты, совершившіеся въ то утро, были уже весьма знаменательны.

— Начинается... говорилъ Бастидъ.

Очевидно, Парижъ начиналъ быть не въ духѣ. Парижъ не во всякое время сердится. Нужно, чтобъ на него нашло извѣстное настроеніе. У волкановъ есть тоже нервы. Гнѣвъ являлся медленно, но являлся. На горизонтѣ виднѣлся красноватый отблескъ изверженія...

Для елисейцевъ, какъ и для насъ, приближался критическій моментъ. Со вчерашняго дня, обѣ стороны ощупывали почву. Между переворотомъ и республикой должна была, наконецъ, произойти схватка. Какъ ни старался тормозить комитетъ, что-то неодолимое увлекало послѣднихъ защитниковъ свободы; подталкивало ихъ къ дѣйствію. Роковая битва готова была завязаться.

Въ Парижѣ, когда пробьетъ извѣстный часъ, когда является необходимость немедленно отстоять дѣло прогресса, отмстить за право, возстаніе быстро охватываетъ весь городъ. Но нужно, чтобъ оно было кѣмъ-нибудь начато. Въ Парижѣ—два революціонныхъ дѣятеля, съ помощью которыхъ онъ выполняетъ свою великую историческую задачу: буржуазія и народъ. Этимъ двумъ борцамъ соотвѣтствуютъ два мѣста борьбы: Сен-Мартенскія ворота—когда возстаетъ буржуазія и Бастилія—когда возстаетъ народъ. Взоръ политическаго человѣка долженъ быть всегда устремленъ на

эти два пункта. Это два знаменитыхъ въ современной исторіи мѣста, гдѣ, кажется, всегда тлѣетъ немножко горячаго пепла революцій.

Стоитъ подуть вѣтру и этотъ пепелъ, наполнитъ городъ искрами.

На этотъ разъ, страшное Сент-Антуанское предмѣстье спало— мы уже указывали на причины этого явленія—и ничто не могло пробудить его. Цѣлый артиллерійскій паркъ, съ зажженными фитилями, расположился вокругъ Іюльской колонны, этого глухонѣмаго колосса Бастиліи. Этотъ революціонный памятникъ, этотъ молчаливый свидѣтель великихъ событій прошлаго, казалось, все забылъ. Грустно сказать, что камни этой мостовой, видѣвшіе 14-е іюля, не поднялись подъ колесами пушекъ 2-го декабря! Такимъ образомъ, начинала не Бастилія, а Сен-Мартенскія ворота.

Съ восьми часовъ утра, въ улицахъ Сен-Дени и Сен Мартенъ, отъ одного конца до другого, слышался глухой ропотъ. Прохожіе, въ возбужденномъ состояніи, толпами шли по улицамъ, образуя два противоположныя теченія. Аффиши переворота срывали и замѣняли нашими прокламаціями. На углахъ всѣхъ прилежащихъ улицъ виднѣлись группы, коментировавшія декретъ представителей лѣвой, оставшихся на свободѣ, лишающій Бонапарта покровительства законовъ. Экземпляры его вырывали другъ у друга изъ рукъ. Нѣкоторые, взобравшись на тумбы, громко читали имена подписавшихся подъ декретомъ; и каждое значительное или знаменитое имя покрывалось рукоплесканіями.

Толпа росла съ каждой минутой, и гнѣвъ также. Вся улица Сен-Дени представляла тотъ странный видъ, какой сообщается улицѣ, когда всѣ окна закрыты, всѣ двери заперты и всѣ жильцы за воротами. Взгляните на домà—тамъ молчаніе смерти. Взгляните на улицу—тамъ буря.

Человѣкъ 50 рѣшительныхъ людей вышли разомъ изъ одного сосѣдняго переулка и направились вдоль улицы съ крикомъ: «Къ оружію! Да здравствуютъ представители! Да здравствуетъ конституція!» Началось обезоруженіе національныхъ гвардейцевъ. Оно произошло легче, нежели наканунѣ. Менѣе, чѣмъ въ часъ— добыто было 150 ружей.

Между тѣмъ улица покрывалась баррикадами.

X.

Посѣщеніе баррикадъ.

Кучеръ остановился около St-Eustache, и сказалъ мнѣ: «Вотъ вы и въ муравейникѣ». Онъ прибавилъ: — Я буду ждать васъ

въ улицѣ Врильеръ, около площади des Victoires. Дѣлайте свое дѣло, не торопитесь.

Я сталъ обходить баррикады.

На первой я встрѣтилъ де-Флотта, который вызвался быть моимъ проводникомъ. Нѣтъ человѣка болѣе смѣлаго, чѣмъ де-Флоттъ. Я принялъ его предложеніе. Онъ выводилъ меня всюду, гдѣ мое присутствіе могло быть полезно.

Дорогой онъ сообщилъ мнѣ о мѣрахъ, принятыхъ къ напечатанію нашихъ прокламацій. Такъ какъ въ типографіи Буле нельзя было печатать, то онъ обратился въ одну литографію, въ улицѣ Бержеръ, 30, и тамъ два мужественныхъ человѣка, съ опасностью жизни, напечатали 500 экземпляровъ нашего декрета. Эти два работника назывались — одинъ Рюбенсъ (Rubens); другой—Ашиль Пуенсло.

Идя, я писалъ карандашемъ замѣтки (карандашемъ Бодена, находившимся при мнѣ), я вносилъ въ нихъ факты, безъ всякой системы. Воспроизвожу эту страницу. Это живыя вещи, полезныя для исторіи. Переворотъ видѣнъ въ нихъ, какъ на ладони.

Утро 4-го. Бой какъ будто прекратился. Возобновится ли онъ? Баррикады, посѣщенныя мной... (слѣдуетъ перечисленіе улицъ, гдѣ были воздвигнуты баррикады). Баррикада въ улицѣ Grand-Hurleur выдержала уже сегодня утромъ аттаку. Одному изъ бойцевъ, Массонэ, пуля пробила пальто. Дюпаве, «человѣкъ съ длинной бородой», какъ его называли, оставался послѣднимъ на гребнѣ баррикады. Слышали, какъ онъ кричалъ офицерамъ: «Вы измѣнники!» Думаютъ, что онъ разстрѣлянъ. Странно, что войско ушло, не разрушивъ баррикады. Воздвигаютъ баррикаду въ улицѣ Ренаръ. Нѣсколько національныхъ гвардейцевъ въ мундирахъ смотрятъ, какъ ее строятъ, но сами не участвуютъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ:—«Мы не противъ васъ, вы стоите за право». Они прибавили, что въ улицѣ Рамбюто отъ 12 до 15 баррикадъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что сегодня на разсвѣтѣ палили изъ пушекъ въ улицѣ Бурбонъ Вильнёвъ. Хочу посѣтить пороховой заводъ, импровизированный Легвелемъ, у одного аптекаря, противъ улицы Геренъ Буассо.

«Баррикады строятъ мирно, любовно, ни кого не сердя. Дѣлаютъ все возможное, чтобъ не раздражить сосѣдство. Защитники баррикады «Bourg-Labbé», стоятъ въ грязи—по причинѣ дождя. Они не рѣшаются просить соломы и спятъ въ лужахъ или на мостовой.

«Я видѣлъ тутъ одного молодого человѣка, блѣдного, больнь

всталъ съ своего ложа въ лихорадкѣ. Онъ сказалъ мнѣ: «пускай меня здѣсь убьютъ». И его убили.

Въ улицѣ Бурбонъ-Вильнёвъ не попросили даже «у буржуа» тюфяковъ, въ которыхъ нуждались для ослабленія ударовъ ядра, такъ какъ баррикаду громили пушки.

Солдаты дурно строятъ баррикады, потому что строятъ ихъ слишкомъ хорошо. Баррикада должна имѣть нѣкоторую шаткость: крѣпко построенная, она никуда не годится. Камни не должны держаться слабо; «надо, чтобъ они обваливались на солдатъ, сказалъ мнѣ одинъ уличный мальчикъ:—и *ломали имъ лапы*».

Жанти Сарръ начальствуетъ надъ цѣлой группой баррикадъ. Онъ представилъ мнѣ своего помощника Шарпантье, человѣка лѣтъ 36, образованнаго, ученаго. Шарпантье занимается опытами, имѣющими цѣлью замѣнить, при обжиганіи фарфора, уголь и дрова—газомъ; онъ просилъ у меня позволенія прочесть мнѣ какъ-нибудь на дняхъ *трагедію*. Я сказалъ ему: «Мы теперь дѣлаемъ трагедію».

Жанти-Сарръ бранитъ Шарпантье. Снарядовъ недостаетъ. У Жанти-Сарра есть дома фунтъ охотничьяго пороху и двадцать патроновъ; онъ посылаетъ за ними Шарпантье. Шарпантье сходилъ, взялъ и патроны и порохъ, но роздалъ ихъ бойцамъ другихъ баррикадъ, встрѣчавшихся ему на пути. «Они были словно голодные», говорилъ онъ. Шарпантье никогда въ жизни своей не дотрогивался до огнестрѣльнаго оружія. Жанти-Сарръ учитъ его какъ заряжать ружье.

На углу, у виноторговца закусываютъ и грѣются. Очень холодно. «Кто голоденъ, ступайте ѣсть», говоритъ виноторговецъ. Одинъ изъ бойцевъ спросилъ:—А кто будетъ платить? «Смерть», отвѣчалъ онъ. И дѣйствительно, нѣсколько часовъ спустя, ему нанесли штыками семнадцать ранъ.

Газопроводовъ не разрушили, все для того, «чтобъ не причинить убытковъ»; ограничились тѣмъ, что отобрали у сторожей, смотрящихъ за газомъ, ключъ; а у тѣхъ, кто зажигаетъ—шесты, съ помощью которыхъ открывается трубка. Такимъ образомъ можно зажигать и гасить по своему произволу.

Эта группа баррикадъ сильна, и будетъ играть роль. Я надѣялся одну минуту, что ее аттакуютъ при мнѣ. Звуки горна приближались, но потомъ удалились. Жанти-Сарръ сказалъ мнѣ:— «Должно быть, придутъ вечеромъ».

Онъ намѣревался потушить газъ въ улицѣ Petit-Carreau, и во всѣхъ сосѣднихъ улицахъ; и оставить зажженнымъ только одинъ рожокъ въ улицѣ du Cadran. Онъ разставилъ часовыхъ, до угла улицы Сен-Дени. Тутъ есть открытая сторона, не бар-

рикадированная, но мало доступная для войска; по причинѣ узости улицы, можно входить въ нее только по одиночкѣ. Значитъ, опасности нѣтъ. Выгода узкихъ улицъ. Войско хорошо только тогда, когда оно дѣйствуетъ массой. Солдаты не любятъ дѣйствовать въ разсыпную. У Жанти Сарра есть дядя реакціонеръ, съ которымъ онъ не видится, и который живетъ по близости, въ улицѣ Petit Carreau. № 1. «Какъ мы его напугаемъ», сказалъ мнѣ Жанти-Сарръ, смѣясь. Сегодня утромъ Жанти-Сарръ осматривалъ Монторгельскую баррикаду. Тамъ находился только одинъ человѣкъ, который былъ пьянъ, и, приставивъ ему къ груди дуло ружья, сказалъ:—«Здѣсь не проходятъ». Жанти-Сарръ обезоружилъ его.

«Иду въ улицу Pagevin. Здѣсь на углу площади des Victoires есть очень хорошо построенная баррикада. На сосѣдней баррикадѣ, въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо, войско сегодня утромъ никого не взяло въ плѣнъ. Солдаты всѣхъ перебили. Трупы лежатъ вплоть до площади des Victoires. Баррикада Pagevin удержалась. Ихъ тутъ 50 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ. Вхожу.— «Все идетъ хорошо?»—Да.—«Мужайтесь». Я пожалъ всѣ эти честныя руки. Мнѣ дали отчетъ во всемъ. Одинъ муниципальный гвардеецъ прикладомъ раздробилъ черепъ умирающему. Одна молодая дѣвушка, хорошенькая, возвращаясь домой, спряталась на баррикадѣ. Она пробыла тамъ часъ, «въ ужасѣ». Когда опасность миновала, начальникъ баррикады велѣлъ «самому пожилому изъ своихъ людей» проводить ее до дому.

Когда я уходилъ съ баррикады Pagevin, ко мнѣ привели плѣнника, «шпіона», какъ сказали мнѣ. Онъ ожидалъ, что его разстрѣляютъ. Я велѣлъ его освободить.

Бансель находился на этой баррикадѣ Pagevin. Мы пожали другъ другу руки.

Онъ спросилъ меня:

— Побѣдимъ ли мы?

— Да, отвѣчалъ я ему.

Мы почти не сомнѣвались.

Де-Флоттъ и онъ хотѣли сопровождать меня, боясь, чтобъ меня не захватилъ батальонъ, карауливший банкъ.

День былъ холодный и пасмурный, почти темный. Этотъ мракъ укрывалъ насъ и помогалъ намъ; туманъ былъ за насъ.

Когда мы поровнялись съ улицей Врильеръ, мимо насъ проѣхала група всадниковъ. Это было нѣсколько офицеровъ; впереди ѣхалъ какой-то человѣкъ, походившій на военнаго, но не въ мундирѣ. На немъ былъ плащъ съ капюшономъ.

Де-Флоттъ толкнулъ меня локтемъ и сказалъ вполголоса:

— Вы знаете Фіалена?
— Нѣтъ, отвѣчалъ я.
— Видѣли его?
— Нѣтъ.
— Хотите видѣть?
— Нѣтъ.
— Посмотрите на него.

Я посмотрѣлъ. Дѣйствительно, онъ проѣзжалъ мимо насъ, впереди офицеровъ. Онъ выѣхалъ изъ банка. Не пріѣзжалъ ли онъ опять дѣлать насильственный заемъ? Люди, стоявшіе у своихъ домовъ, смотрѣли на него съ любопытствомъ и безъ гнѣва. Во всей фигурѣ его выражалась наглость. Онъ отъ времени до времени оборачивался, чтобъ сказать слово кому-нибудь изъ слѣдовавшихъ за нимъ. Эта маленькая кавалерія гарцовала въ грязи и туманѣ. У Фіалена былъ вызывающій видъ человѣка, который парадируетъ, зная, что за нимъ идетъ преступленіе. Онъ высокомѣрно смотрѣлъ на прохожихъ. Подъ нимъ была прекрасная лошадь; и несчастное животное, казалось, очень гордилось имъ. Фіаленъ улыбался. Въ рукѣ у него былъ хлыстъ, котораго заслуживала его физіономія.

Онъ проѣхалъ. Я больше никогда не видалъ этого человѣка.

Бансель и де-Флоттъ только тогда разстались со мной, когда увидѣли меня сидящимъ въ фіакрѣ. Мой добрый возница ждалъ меня въ улицѣ Врильеръ; онъ привезъ меня назадъ въ улицу Ришельё, къ дому № 15.

XI.

Баррикада въ улицѣ Мелэ.

Первая баррикада въ Сен-Мартенской улицѣ была воздвигнута на высотѣ улицы Мелэ. Опрокинули большую телегу, положили ее поперекъ улицы и вырыли камни изъ мостовой. Вырыто было даже нѣсколько тротуарныхъ плитъ. Эта баррикада, главный оборонительный пунктъ всей возставшей улицы, могла служить только минутнымъ препятствіемъ. Нигдѣ нагроможденные камни не превышали человѣческаго роста. На цѣлой трети баррикады они доходили только до колѣнъ. «Все же годится для того, чтобы умереть на ней», говорилъ гаменъ, усердно таскавшій каменья. Около сотни бойцовъ заняли позицію позади. Въ девять часовъ, движенія войска предвѣщали аттаку. Передовыя колонны бригады Марюлаза заняли уголъ улицы со сторо-

ны бульвара. Пушка, обстрѣливавшая всю улицу, была поставлена противъ Сен-Мартенскихъ воротъ. Нѣкоторое время, обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ, посреди угрюмаго молчанія, обыкновенно предшествующаго столкновенію. Войско смотрѣло на баррикаду, гдѣ сверкали ружья; баррикада смотрѣла на жерло орудія. Вскорѣ былъ поданъ сигналъ къ общей аттакѣ. Огонь начался. Первое ядро пролетѣло черезъ баррикаду, и въ двадцати пяти шагахъ позади ея—убило проходившую женщину. Огонь усилился, но не причинялъ большаго вреда баррикадѣ; пушка стояла слишкомъ близко; ядра летѣли слишкомъ высоко.

Защитники баррикады, не потерявшіе еще ни одного человѣка, встрѣчали каждое ядро крикомъ: «да здравствуетъ республика!» но не стрѣляли. У нихъ было мало патроновъ, и они берегли ихъ. Вдругъ 49-й полкъ сталъ наступать сомкнутой колонной.

Баррикада дала залпъ.

Дымъ наполнилъ улицу. Когда онъ разсѣялся, увидѣли человѣкъ десять лежавшихъ на мостовой; солдаты отступали вдоль домовъ. Начальникъ баррикады вскричалъ: «Они бѣгутъ. Прекратите огонь. Не теряйте ни одной пули!»

Улица оставалась нѣсколько минутъ пустой. Пальба изъ орудія началась опять. Каждыя двѣ минуты вылетало ядро, но все неудачно. Человѣкъ, у котораго было охотничье ружье, подошелъ къ начальнику баррикады и сказалъ: «Подобьемъ пушку; убьемъ канонировъ.—«Зачѣмъ? сказалъ начальникъ баррикады. —Они не вредятъ намъ; не будемъ и мы имъ вредить».

Однакожъ, звукъ горна отчетливо слышался за группой домовъ, маскировавшихъ войска, расположенныя на Сен-Мартенскомъ плацу; очевидно, готовилась вторая аттака.

Бой обѣщалъ быть жаркимъ, упорнымъ, ожесточеннымъ.

Ясно было также, что, по взятіи этой баррикады, вся улица будетъ очищена. Остальныя баррикады, были еще слабѣе и еще менѣе защищены. Буржуазія отдала свои ружья и разошлась по домамъ. Она одолжила свою улицу—и только.

Вслѣдствіе этого, нужно было какъ можно дольше держаться на главной баррикадѣ. Но что̀ дѣлать и какъ сопротивляться? Приходилось не болѣе двухъ патроновъ на человѣка. Неожиданная помощь явилась къ нимъ.

Молодой человѣкъ—я могу назвать его, потому что онъ умеръ—[1] Пьеръ Тиссье, работникъ и поэтъ, все утро трудился на барри-

---

[1] Не надо забывать, что это писано въ изгнаніи; и что называть героевъ—значило увеличивать число изгнанниковъ. Пр. автора.

кадѣ, и въ ту минуту, какъ начался огонь—ушелъ, подъ предлогомъ, что ему не давали ружья.

— Труситъ! говорили на баррикадѣ.

Пьеръ Тиссье не трусилъ. Это увидали впослѣдствіи.

Онъ оставилъ баррикаду.

Пьеръ Тиссье имѣлъ при себѣ только складной ножикъ. Это былъ каталанскій ножикъ. Онъ раскрылъ его на всякій случай; и, держа въ рукѣ, отправился.

Миновавъ улицу Saint Sauveur, онъ увидѣлъ на углу одного пустыннаго переулка, гдѣ всѣ окна были заперты, армейскаго солдата, стоявшаго на часахъ. По всей вѣроятности, онъ былъ поставленъ какимъ нибудь большимъ карауломъ, находившимся невдалекѣ.

Солдатъ, заслышавъ шаги, взялъ ружье на прицѣлъ и окликнулъ: кто идетъ?

— Смерть! отвѣчалъ Пьеръ Тиссье.

Часовой выстрѣлилъ въ него, но промахнулся. Пьеръ Тиссье бросился на него и вонзилъ въ него ножъ. Солдатъ повалился. Кровь хлынула у него изо рта.

— Я не ожидалъ, что скажу такъ вѣрно... прошепталъ Пьеръ Тиссье, и прибавилъ:—теперь на перевязочный пунктъ!

Онъ взвалилъ солдата на плечи, подобралъ упавшее на землю ружье и возвратился на баррикаду.

— Принесъ раненаго, сказалъ онъ.

— Мертваго, закричали ему.

Солдатъ дѣйствительно умеръ.

— Подлый Бонапартъ! сказалъ Тиссье.—Бѣдняжка «*pioupiou*»! Все равно; у меня есть ружье.

Опростали ранецъ и суму солдата. Патроны раздѣлили между собой. Ихъ было полтораста. Нашли также двѣ золотыя десятифранковыхъ монеты, плата за два дня, со 2-го декабря. Ихъ бросили на мостовую. Никто не хотѣлъ ихъ брать.

Патроны раздавали при крикахъ: да здравствуетъ республика!

Между тѣмъ осаждающіе поставили рядомъ съ пушкой еще гаубицу.

Едва кончилась раздача патроновъ, какъ показалась пѣхота и бросилась на баррикаду въ штыки. Эта вторичная аттака, какъ и ожидали, была жестокая. Ее отбили два раза; пѣхота возобновляла бой, и два раза отступала, оставляя улицу усѣянной трупами.—Въ промежутокъ времени между приступами, граната пробила баррикаду, и изъ пушки стрѣляли картечью.

Положеніе было отчаянное. Патроны всѣ вышли. Нѣкоторые стали бросать ружья и уходить. Скрыться можно было только

въ улицу Saint-Sauveur, а чтобы достигнуть угла этой улицы, нужно было пройти черезъ низкую часть баррикады, оставлявшую всего человѣка открытымъ. Картечь и гранаты сыпались туда градомъ. Трое или четверо были убиты, изъ нихъ одинъ, какъ Боденъ, пулей въ глазъ. Начальникъ баррикады вдругъ замѣтилъ, что онъ остался одинъ съ Пьеромъ Тиссье и тѣмъ мальчикомъ, который натаскалъ столько каменьевъ. Все предвѣщало третью аттаку; солдаты начинали подвигаться впередъ, вдоль домовъ.

— Уйдемъ, сказалъ начальникъ баррикады.

— Я останусь, сказалъ Пьеръ Тиссье.

— И я тоже, отвѣчалъ ребенокъ. И онъ прибавилъ:—У меня нѣтъ ни отца ни матери; лучше это, чѣмъ что-нибудь другое.

Начальникъ выстрѣлилъ въ послѣдній разъ и удалился, какъ всѣ другіе, черезъ низкую часть брррикады. Ружейный залпъ сбилъ съ него шляпу. Онъ нагнулся и поднялъ ее. Солдаты были уже въ двадцати пяти шагахъ. Онъ крикнулъ двоимъ оставшимся на баррикадѣ:

— Уходите!

— Нѣтъ, сказалъ Пьеръ Тиссье.

— Нѣтъ, сказалъ мальчикъ.

Нѣсколько минутъ спустя, солдаты влѣзли на баррикаду уже полуразрушенную.

Пьеръ Тиссье и ребенокъ были заколоты штыками.

На этой баррикадѣ оставили до двадцати ружей.

XII.

Баррикада мэріи V-го округа.

Національные гвардейцы, въ мундирахъ, наполняли дворъ мэріи V-го округа. Они прибывали каждую минуту. Бывшій барабанщикъ, изъ гардъ-мобилей, нашелъ въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ караульней, барабанъ, и принялся бить сборъ въ сосѣднихъ улицахъ. Часовъ въ девять, группа, состоявшая изъ четырнадцати или пятнадцати молодыхъ людей, большей частью, въ бѣлыхъ блузахъ, вошли въ мэрію съ крикомъ: да здравствуетъ республика! Они были вооружены ружьями. Національная гвардія встрѣтила ихъ криками: долой Банапарта! На дворѣ братались. Вдругъ сдѣлалось движеніе. Пришли представители Дутръ и Пеллетье.

— Что нужно дѣлать? кричала толпа.

— Баррикады, сказалъ Пеллетье.

Начали вырывать камни изъ мостовой.

Большая телега съ мучными мѣшками, возвращаясь изъ предмѣстья, проѣзжала мимо мэріи. Отложили лошадей, которыхъ хозяинъ телеги увелъ, и, повернувъ телегу, но не опрокидывая поставили ее поперекъ широкаго шоссе предмѣстья. Баррикада была въ минуту кончена. Пріѣхали ломовыя дроги. Ихъ взяли и поставили передъ колесами телеги, какъ ставятъ экранъ передъ каминомъ.

Остальное состояло изъ бочекъ и каменьевъ. Благодаря телегѣ мучника, баррикада была высока и доходила до второго этажа домовъ. Она пересѣкала предмѣстье на самомъ углу улицы Сен-Жанъ. На баррикадѣ оставленъ былъ узкій проходъ, который велъ въ эту улицу.

— Одной баррикады недостаточно, сказалъ Дутръ. — Надо, чтобъ мэрія находилась между двумя преградами и могла защищаться съ обѣихъ сторонъ разомъ.

Построили другую баррикаду, обращенную къ верхней части предмѣстья. Эта баррикада была низенькая и слабая, состоявшая изъ однихъ камней и досокъ. Сто шаговъ отдѣляло баррикады одну отъ другой.

Триста человѣкъ находилось въ этомъ пространствѣ. Только сто изъ нихъ имѣли ружья и у бо́льшей части было по одному патрону.

Перестрѣлка началась около десяти часовъ. Показались двѣ роты и открыли огонь. Но это была фальшивая аттака. Баррикада отвѣчала и имѣла неблагоразуміе истратить напрасно свои боевые запасы. Рота отступила. Тогда началась настоящая аттака. Венсенскіе стрѣлки двинулись со стороны бульвара.

Слѣдуя африканской тактикѣ, они сначала крались вдоль стѣнъ, а потомъ вдругъ пустились бѣглымъ шагомъ, и ринулись на баррикаду.

На баррикадѣ уже не было никакихъ запасовъ. Нечего было ждать пощады.

Тѣ, у кого не было ни пуль, ни пороху, побросали ружья. Нѣкоторые хотѣли снова занять мэрію, но защищаться тамъ не было никакой возможности, она была открыта со всѣхъ сторонъ. Они перелѣзли черезъ стѣны и разсыпались по сосѣднимъ домамъ. Другіе скрылись черезъ узкій проходъ баррикады, приводившій въ улицу С. Жанъ. Большинство бойцовъ бросилось къ противуположной баррикадѣ. Достигнувъ ея тыла, тѣ, у кого еще оставался патронъ, сдѣлали, съ высоты нагроможденныхъ камней,

послѣдній выстрѣлъ по осаждающимъ, и потомъ стали ожидать смерти. Ихъ всѣхъ перебили.

Одинъ изъ тѣхъ, которымъ удалось пробраться въ улицу Сен-Жанъ, гдѣ, впрочемъ, ихъ также преслѣдовали ружейные выстрѣлы осаждающихъ, былъ Костъ, редакторъ Evénement и Avénement du peuple.

Костъ былъ капитаномъ мобилей. При поворотѣ, который дѣлаетъ улица и благодаря которому, онъ очутился внѣ выстрѣловъ, Костъ увидѣлъ передъ собой бывшаго барабанщика гардъ-мобилей, скрывшагося, какъ и онъ, черезъ улицу Сен-Жанъ, и теперь воспользовавшагося уединенностью улицы для того, чтобъ отдѣлаться отъ своего барабана.

— Сохрани барабанъ! крикнулъ онъ ему.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобъ бить сборъ.

— Гдѣ?

— Въ Батиньолѣ.

— Хорошо, сказалъ барабанщикъ.

Эти два человѣка, только что избѣжавшіе смерти, готовы были сейчасъ же идти опять ей навстрѣчу.

Но какъ по всему Парижу пройдти съ барабаномъ? Первый патруль, который имъ встрѣтится, разстрѣляетъ ихъ. Дворникъ сосѣдняго дома, видѣвшій ихъ затрудненіе, далъ имъ холста. Они обвернули имъ барабанъ и пустынными улицами пришли въ Батиньоль.

XIII.

Баррикада въ улицѣ Тевено.

Жоржъ Бискарра былъ тотъ, человѣкъ, который подалъ сигналъ къ враждебной демонстраціи въ Улицѣ де л'Эшелль.

Я зналъ Бискарра съ іюня 1848 г. Онъ участвовалъ въ этомъ гибельномъ возстаніи.

Я имѣлъ случай быть ему не безполезнымъ. Онъ былъ схваченъ, его уже поставили на колѣни, чтобы разстрѣлять; я вступился, и спасъ его—его и еще нѣкоторыхъ. И этого мужественнаго Роллана, архитектора, который потомъ, въ изгнаніи, съ такимъ талантомъ реставрировалъ зданіе суда въ Брюсселѣ.

Это происходило 24 іюня 1848 г., на бульварѣ Бомарше, въ подвальномъ этажѣ дома № 93, тогда еще отстроивавшемся.

Жоржъ Бискарра привязался ко мнѣ. Оказалось, что онъ пле-

мянникъ одного изъ старыхъ и добрыхъ друзей моего дѣтства, Феликса Бискарра, умершаго въ 1828 г. Жоржъ Бискарра по временамъ заходилъ ко мнѣ; совѣтовался со мной въ нѣкоторыхъ случаяхъ, или доставлялъ мнѣ свѣденія.

Желая предохранить его отъ пагубныхъ увлеченій, я посовѣтовалъ ему—и онъ принялъ совѣтъ мой—держаться слѣдующаго правила: «Никогда никакого восстанія иначе, какъ во имя права и долга».

Что такое была эта демонстрація въ улицѣ де л' Эшелль? Разскажемъ этотъ случай.

2-го декабря, Бонапартъ сдѣлалъ опытъ выѣзда. Онъ рискнулъ посмотрѣть на Парижъ. Парижъ не любитъ, когда на него смотрятъ нѣкоторые глаза. Это кажется ему оскорбительнымъ и оскорбленіе раздражаетъ его болѣе, нежели рана. Онъ стерпитъ убійство, но не стерпитъ моргающихъ вѣкъ убійцы. И Луи Бонапарту пришлось солоно.

Въ 9 часовъ утра, въ ту минуту, когда гарнизонъ Курбвуа шелъ на Парижъ, и аффиши переворота были еще свѣжи на стѣнахъ, Луи Бонапартъ выѣхалъ изъ Елисейскаго дворца, проѣхалъ черезъ площадь Согласія, Тюльерійскій садъ, дворъ Карусселя, и его видѣли выѣзжавшимъ изъ улицы де-л'Эшелль. Тотчасъ же собралась толпа. Луи Бонапартъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ; его сопровождали дядя его, бывшій король Жеромъ, ѣхавшій рядомъ съ нимъ, и Флаô, державшійся нѣсколько назади. Жеромъ былъ въ парадной формѣ маршала Франціи, въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ. Лошадь Луи Бонапарта была на цѣлую голову выше лошади Жерома. Луи Бонапартъ былъ мраченъ, Жеромъ внимателенъ; Флаô—сіялъ. У Флаô шляпа надѣта была на бекрень. Сзади слѣдовалъ многочисленный конвой уланъ, ѣхалъ Эдгаръ Ней. Бонапартъ намѣревался доѣхать до Hôtel de Ville. Жоржъ Бискарра находился тутъ. Мостовая была взрыта; дѣлали макадамъ. Онъ влѣзъ на груду камней и вскричалъ: «Долой диктатора! Долой преторіанцевъ!» Солдаты глядѣли на него тупо, а толпа съ удивленіемъ. Жоржъ Бискарра (онъ самъ разсказывалъ это мнѣ) почувствовалъ, что восклицаніе его было слишкомъ «литературно», что его не поняли, и крикнулъ: «Долой Бонапарта, долой уланъ!»

Это было электрической искрой.

—«Долой Бонапарта! Долой уланъ!» кричалъ народъ; улица превратилась въ бѣшеный, бурный потокъ. «Долой Бонапарта!» Это походило на начинающуюся казнь. Бонапартъ сдѣлалъ быстрое движеніе вправо, и въѣхалъ во дворъ Лувра.

Жоржъ Бискарра чувствовалъ потребность дополнить эту бурю

баррикадой. «Кричать хорошо, но дѣйствовать лучше!» сказалъ онъ книгопродавцу Бенуа Мулэ, только что отворившему свою лавку. Онъ возвратился къ себѣ домой, надѣлъ блузу, фуражку и отправился въ темныя улицы. Онъ успѣлъ, въ теченіи дня, условиться съ четырьмя рабочими ассоціаціями. Такъ прошелъ для него день 2-го декабря.

День 3-го прошелъ весь въ ходьбѣ, «почти безполезной», говорилъ Бискарра Версиньи. И онъ прибавлялъ: «Но, по крайней мѣрѣ, я достигъ того, что аффиши переворота повсюду срываютъ, и полиція, чтобъ сдѣлать это срываніе затруднительнѣе, стала, наконецъ, прибивать ихъ въ писсуарахъ, «гдѣ онѣ на своемъ мѣстѣ».

Въ четвергъ 4-го, рано утромъ, Жоржъ Бискарра пошелъ въ ресторанъ Ледубля, гдѣ обыкновенно обѣдали четыре представителя: Бривъ, Бертелонъ, Антуанъ Баръ и Вигье, прозванный père Viguier. Всѣ четверо находилась тамъ. Вигье разсказывалъ, что произошло наканунѣ, и соглашался со мной, что нужно поспѣшить развязкой и столкнуть преступленіе въ вырытую имъ самимъ пропасть. Явился Бискарра. Представители его не знали и смотрѣли на него. «Кто вы такой?» спросилъ одинъ изъ нихъ. Прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ, вошелъ докторъ Пети, съ какой-то бумагой. Развернувъ ее, онъ спросилъ:—Кто знаетъ здѣсь руку В. Гюго?

— Я, отвѣчалъ Бискарра. Онъ посмотрѣлъ бумагу. Это была моя прокламація къ арміи. «Надо это напечатать», сказалъ Пети.—Я за это берусь, сказалъ Бискарра. Антуанъ Баръ спросилъ:—Вы знаете Гюго?—Онъ спасъ мнѣ жизнь, отвѣчалъ Бискарра. Представители пожали ему руку.

Пришелъ Гильго, потомъ Версиньи. Версиньи зналъ Бискарра. Онъ видалъ его у меня Версиньи сказалъ: «Остерегитесь. Тамъ на крыльцѣ какой-то человѣкъ...» «Это рабочій, отвѣчалъ Бискарра:—онъ со мной».—Онъ въ блузѣ, продолжалъ Версиньи:—и подъ блузой у него платокъ, который онъ какъ будто прячетъ. Въ этомъ платкѣ что-то есть.

— Конфекты, сказалъ Бискарра:—драже.

Это были патроны.

Версиньи съ Бискарра пошли въ редакцію Siècle. Тамъ было 30 рабочихъ, которые всѣ, рискуя быть разстрѣлянными, предложили напечатать мою прокламацію. Бискарра оставилъ имъ ее и сказалъ Версиньи:—Теперь мнѣ нужна баррикада!

Рабочій шелъ за ними. Версиньи и Бискарра направились въ верхнюю часть квартала С.-Дени. Приближаясь къ воротамъ С.-Дени, они услышали глухой ропотъ. Бискарра засмѣялся и сказалъ Версиньи: «Сен-Дени сердится. Дѣло идетъ на ладъ». До-

рогой, Бискарра завербовалъ сорокъ человѣкъ бойцовъ, между прочимъ Мулена, старшину ассоціаціи кожевниковъ. Шепюи, фельдфебель національной гвардіи, принесъ имъ четыре ружья и десять сабель.—«Не знаете ли, гдѣ есть еще?» спросилъ Бискарра.—«Знаю, въ Сен-Совёрскихъ баняхъ». Они пошли туда и нашли сорокъ ружей. Имъ дали сабли и патронницы. Господа, щеголевато одѣтые, приносили имъ коробки изъ бѣлой жести, гдѣ находились пули и порохъ. Женщины, съ радостнымъ видомъ, дѣлали патроны. На дворѣ у одного слесаря, они взяли молотки и желѣзныя палки. Нашлось оружіе, нашлись и люди. Ихъ тотчасъ же оказалась сотня. Начали вырывать каменья. Былъ одиннадцатый часъ». Скорѣй! Скорѣй! кричалъ Бискарра.—Баррикада! Любимая мечта моя!» Это было въ улицѣ Тевено. Баррикада возвышалась огромная, страшная... Сократимъ нашъ разсказъ.

Въ одиннадцать часовъ, Жоржъ Бискарра окончилъ свою баррикаду. Въ двѣнадцать онъ былъ убитъ на ней.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭКСКУРСИИ ДѢЛЬЦОВЪ ВЪ ОБЛАСТЬ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

И. С. Блiохъ. Экономическое состоянiе Россiи въ прошломъ и настоящемъ. «Вѣстникъ Европы», 1877, IX, X, XII.

Изслѣдованія къ вопросу о взиманіи русскими желѣзными дорогами провозныхъ платъ въ металлической валютѣ, составленныя по порученію г. министра финансовъ, членомъ ученаго комитета министерства финансовъ И. С. Блiохъ. Спб. 1877.

I.

Много и справедливо было говорено и писано о томъ, что русская литература до сихъ поръ еще имѣетъ очень малое практическое значеніе въ общественной жизни. Нечего, конечно, и доказывать, что рѣшительнаго голоса въ направленіи того или другого общественнаго вопроса нашей прессѣ никогда не принадлежало; но даже и самыя совѣщательныя функціи печатнаго слова въ этомъ отношеніи (о которыхъ недавно такъ краснорѣчиво распространялся извѣстный патріотъ г. Богдановичъ) въ значительной степени проблематичны. Общія условія нашего общественнаго строя и тѣ спеціальныя условія, которыми обставлена наша печать, ограничиваютъ сферу литературной дѣятельности предѣлами гораздо болѣе тѣсными, нежели тѣ, въ которыхъ она находится на Западѣ. Наша печать можетъ имѣть только болѣе или менѣе теоретическое, воспитательное значеніе для общественнаго сознанія; всякія претензіи на болѣе широкую роль, на направляющее теченіе общественныхъ дѣлъ вліяніе, не имѣютъ пока подъ собою никакой почвы. Весьма естественно, что, при такомъ характерѣ и подчиненномъ значеніи литературы, она до послѣдняго времени не привлекала къ себѣ особаго вниманія людей такъ называемыхъ «практическихъ» или «дѣловыхъ» сферъ. Серьёзныхъ и систематическихъ попытокъ сдѣлать изъ печатнаго слова, изъ науки и публицистики прямое орудіе для преслѣдованія тѣхъ или

другихъ чуждыхъ литературѣ и наукѣ цѣлей и интересовъ мы до сихъ поръ еще не видимъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы стремленіе пользоваться литературнымъ оружіемъ было вовсе чуждо нашимъ «практикамъ». Какъ-бы ни было мало значеніе, придаваемое печатному слову въ тѣхъ сферахъ, которымъ принадлежитъ власть вязать и рѣшить, во всякомъ случаѣ поддержка его можетъ пригодиться хотя для извѣстной декораціи того или другого дѣла. Вслѣдствіе этого, время отъ времени, мы встрѣчаемся съ извѣстными экскурсіями въ область науки и литературы, предпринимаемыми изъ лагерей, въ сущности ничего общаго съ этою областью не имѣющихъ.

Въ настоящей статьѣ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателей на одной изъ такихъ экскурсій. Мы говоримъ о научныхъ и публицистическихъ опытахъ г. Бліоха. Опыты эти представляютъ явленіе во многихъ отношеніяхъ весьма любопытное. Г. Бліохъ—какъ извѣстно, одинъ изъ видныхъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей—уже нѣсколько лѣтъ энергично и настойчиво ведетъ свою литературную кампанію, и нельзя, повидимому, сказать, чтобы кампанія это не имѣла никакихъ результатовъ. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ уже имя г. Бліоха, какъ признаннаго авторитета, на страницахъ распространенныхъ и видныхъ періодическихъ изданій, а изъ заголовка книги его, упомянутой выше, узнаемъ, что г. Бліохъ фигурируетъ въ роли эксперта отъ науки и въ высшихъ административныхъ сферахъ. Такимъ образомъ, г. Бліохъ завоевалъ арену для своей пропаганды; небезъинтересно поэтому взглянуть поближе: что же именно вноситъ въ литературу нашъ новый публицистъ и ученый?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы разсмотримъ два послѣднія произведенія г. Бліоха: статьи подъ заглавіемъ «Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ», помѣщенныя въ 3 книжкахъ «Вѣстника Европы» за прошлый годъ (IX, X, XII), и одновременно вышедшую полуоффиціальную книжку: «Изслѣдованія къ вопросу о взиманіи русскими желѣзными дорогами провозныхъ платъ въ металлической валютѣ».

Оба названныя произведенія находятся въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ, и посвящены, въ сущности, одной и той же цѣли; только г. Бліохъ приступаетъ къ своей задачѣ разными путями и съ разныхъ сторонъ. И статьи, и книжка направлены, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы выставить въ возможно болѣе благопріятномъ свѣтѣ характеръ и экономическіе результаты желѣзнодорожной операціи въ Россіи, а также цѣли и побужденія нашихъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей; разница лишь въ томъ, что журнальныя статьи, составляя докладъ публикѣ, представляютъ болѣе общую постановку дѣла; докладъ же для сферъ административныхъ, заключающійся въ книжкѣ, касается только одного спеціальнаго вопроса, именно пресловутаго ходатайства же-

лѣзнодорожниковъ о переложеніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на металлическую валюту. Г. Блiохъ отважно принимаетъ это ходатайство подъ защиту своей «науки». И то, и другое «изслѣдованіе» г. Блiоха опирается на большой, еще не изданный, трудъ объ экономическомъ состояніи Россіи; г. Блiохъ заявляетъ, что онъ уже 4 года занятъ этимъ трудомъ, но еще не привелъ его къ концу. Такимъ образомъ, главный арсеналъ, изъ котораго г. Блiохъ почерпаетъ свое оружіе, пока еще не доступенъ публикѣ, но съ характеромъ его можно познакомиться до извѣстной степени и изъ того, что уже напечатано. Въ статьяхъ «Вѣстника Европы» г. Блiохъ сообщаетъ главные выводы своей работы, а въ книжкѣ, написанной по порученію министра финансовъ, даетъ ключъ къ научнымъ пріемамъ, при помощи которыхъ получены эти выводы. Мы остановимся сначала на желѣзнодорожной публицистикѣ, на общихъ выводахъ и положеніяхъ г. Блiоха и затѣмъ уже перейдемъ къ спеціальной части его работы.

Статьи г. Блiоха, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы», носятъ, какъ мы уже упоминали, очень громкое заглавіе: «Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ»; это заставляетъ съ перваго взгляда предполагать, что г. Блiохъ дѣйствительно задался широкою тэмою. Но если присмотрѣться нѣсколько поближе, то окажется, что, въ сущности, анализъ экономическаго состоянія Россіи есть только декорація, удобный предлогъ для проведенія съ бòльшею помпою излюбленной идеи г. Блiоха о благодѣяніяхъ, доставленныхъ и доставляемыхъ Россіи гг. желѣзнодорожными предпринимателями. Только такою тенденціозною подкладкою статей и можно объяснить ту крайнюю смѣлость и развязность, съ какою г. Блiохъ третируетъ самые сложные вопросы, требующіе серьёзнаго и внимательнаго разсмотрѣнія; для него «всѣ дороги ведутъ въ Римъ», всѣ аргументы хороши, лишь бы при помощи ихъ можно было сдѣлать ловкій ходъ въ той игрѣ, которую въ сущности представляетъ собою все изслѣдованіе; что за бѣда если при этомъ приходится опираться, какъ на доказательства, на такія положенія, которыя именно и слѣдуетъ доказать, или въ одномъ мѣстѣ утверждать одно, а въ другомъ иное! Эти мелкія противорѣчія не имѣютъ значенія, когда сохранено единство общей стратегической цѣли.

Остовъ статей г. Блiоха таковъ: за точку исхода онъ беретъ время предъ крымской компаніей и тотъ тяжелый экономическій и финансовый кризисъ, который слѣдовалъ за войною. Г. Блiохъ сравниваетъ этотъ кризисъ съ переживаемымъ нами нынѣ и находитъ, что положеніе Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе улучшилось самымъ радикальнымъ образомъ. Благодаря этому, нынѣшній кризисъ не можетъ имѣть того характера безвыходности, которымъ отличался предъидущій. Въ настоящее время, говоритъ г. Блiохъ, есть на лицо средства для направленія, для возстановленія экономическихъ силъ, чего прежде не было.

*

Откуда же взялись эти средства? где слѣдуетъ искать причинъ замѣчаемаго кореннаго улучшенія экономическаго состоянія Россіи? По мнѣнію г. Бліоха, причины эти лежатъ въ тѣхъ реформахъ, которыя произошли за послѣднее двадцатилѣтіе; въ особенности же существенное значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ сооруженію сѣти желѣзныхъ дорогъ. О реформахъ г. Бліохъ только упоминаетъ мимоходомъ, останавливается же подробно собственно на желѣзныхъ дорогахъ. Бо́льшая часть его статей посвящена разсмотрѣнію хода и результатовъ сооруженія сѣти. Г. Бліохъ и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ при характеристикѣ современнаго кризиса, вооружается противу «пессимистическихъ» воззрѣній, опроверженіе которыхъ онъ выставляетъ главною задачею своихъ статей. По его мнѣнію, все обстоитъ благополучно. Намъ нечего особенно смущаться тѣми будто бы зловѣщими признаками, на которые указываютъ «пессимисты», и слѣдуетъ твердо идти по тому же пути, по которому шли до сихъ поръ.

Мы сейчасъ увидимъ, какіе узоры вышиваетъ г. Бліохъ по намѣченной канвѣ и по какому именно пути онъ приглашаетъ насъ идти; теперь же мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе и провести одну, какъ намъ кажется не лишенную нѣкотораго значенія, параллель. По странной случайности, произведеніе г. Бліоха появилось на страницахъ того же самаго періодическаго изданія, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гостепріимно открыло свои столбцы для другой экскурсіи въ область литературы, предпринятой изъ иного лагеря «практиковъ», нежели тотъ, къ которому принадлежитъ г. Бліохъ. Мы говоримъ о пресловутомъ походѣ нашей джентри въ пользу, такъ называемой, «всесословной волости». Если читатели припомнятъ, въ это время самый видный представитель нашей землевладѣльческой партіи, гр. Орловъ-Давыдовъ, выступилъ въ «Вѣстникѣ Европы» съ общею теоретическою статьею въ защиту помѣщичьихъ интересовъ, которые выставлялись, какъ интересы всей Россіи. Появленіе статей г. Бліоха тоже совпадаетъ съ параллельною агитаціею желѣзнодорожныхъ дѣятелей—не послѣднее мѣсто между которыми занимаетъ и самъ онъ—для проведенія извѣстнаго проэкта, именно проэкта возвышенія всѣхъ провозныхъ платъ, сообразно паденію цѣнности кредитнаго рубля. Г. Бліохъ, такъ же какъ и гр. Орловъ-Давыдовъ, участвуетъ въ одно и то же время и въ теоретической, и въ практической агитаціи, и онъ точно также имѣетъ въ виду прежде всего интересы цѣлой страны, но только интересы эти оказываются совпадающими съ интересами того класса, къ которому онъ принадлежитъ. Любопытно при этомъ различіе, замѣчаемое въ основныхъ чертахъ угла зрѣнія на наше настоящее и будущее у представителей noblesse и у представителей tiers état, при общности ихъ научныхъ пріемовъ. Какъ гр. Орловъ-Давыдовъ, такъ и другіе публицисты «аристократіи»,

представляли положеніе дѣлъ съ оттѣнкомъ въ значительной степени мрачнымъ; будущее внушало имъ опасенія; чтобы устранить грядущія опасности, рекомендовался довольно рѣшительный поворотъ назадъ, рядъ «реформъ» въ обратномъ смыслѣ. Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются воззрѣнія публицистовъ «буржуазіи». Дѣльцы—оптимисты и либералы; съ легкимъ сердцемъ смотрятъ они на недавно пройденный періодъ и на будущее; если что либо и представляется имъ опаснымъ для Россіи, то развѣ только возможность уклоненія отъ пути, которому они обязаны своимъ возникновеніемъ и разцвѣтомъ. Намъ кажется, что уже одно сближеніе отношенія къ «періоду реформъ» двухъ помянутыхъ слоевъ общества—если его провести далѣе—могло бы дать не безполезныя указанія для характеристики самаго періода; но, къ сожалѣнію, предѣлы статьи не позволяютъ намъ остановиться дольше на этомъ пунктѣ. Мы хотѣли только напомнить читателямъ о дворянской экскурсіи въ область литературы, чтобы показать, что попытка г. Бліоха не первая въ своемъ родѣ.

Какъ мы упоминали выше, въ статьяхъ г. Бліоха заключаются два главныя положенія. Г. Бліохъ утверждаетъ во 1-хъ, что современное экономическое состояніе Россіи представляетъ въ сравненіи съ прошлымъ улучшеніе настолько радикальное, что мы не можемъ уже опасаться, чтобы затрудненія, вызванныя войною и другими неблагопріятными обстоятельствами, могли отозваться на немъ потрясеніемъ, въ родѣ испытаннаго послѣ крымской войны, и во 2-хъ, что такимъ улучшеніемъ мы обязаны если не въ главнѣйшей, то въ весьма значительной степени успѣшному выполненію операціи сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Остановимся ближе на каждомъ изъ этихъ положеній.

Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ претензіи представить здѣсь съ своей стороны отвѣтъ на вопросъ о томъ: насколько, въ какихъ отношеніяхъ и въ какомъ смыслѣ измѣнилось экономическое состояніи Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе и насколько мы можемъ ожидать государственнаго и экономическаго кризиса, подобнаго тому, какой пережила Россія послѣ крымской войны. Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было трактовать въ бѣглой журнальной замѣткѣ. Мы хотѣли бы только намѣтить въ общихъ чертахъ, съ какихъ именно сторонъ и какимъ образомъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, приступать къ его разсмотрѣнію, и сравнить потомъ, что находимъ мы въ изслѣдованіи г. Бліоха.

Замѣтимъ прежде всего, что, говоря объ «экономическомъ улучшеніи», необходимо постоянно и строго различать три стороны: 1) финансовый прогрессъ, улучшеніе *государственнаго хозяйства*; 2) прогрессъ *производства* въ обширномъ смыслѣ, ростъ *національнаго богатства* и, наконецъ, 3) собственно возвышеніе *народнаго благосостоянія*. Конечно въ послѣднемъ счетѣ, всѣ эти три элемента сводятся къ единству: прочное процвѣта-

ніе финансовъ немыслимо при плохой производительности страны; точно также, въ концѣ концовъ, прогрессъ производства долженъ остановиться, если онъ не сопровождается повышеніемъ уровня благосостоянія. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, чтобы развитіе трехъ намѣченныхъ элементовъ экономическаго прогресса шло параллельно и чтобы въ извѣстные періоды между ними не могло существовать даже антагонизма. Плохіе финансы могутъ быть на время приведены нетолько въ сносное, но и блестящее по наружности положеніе разными искуственными мѣрами, гибельно отзывающимися вмѣстѣ съ тѣмъ на производительности страны. Что касается прогресса производства, то уклоненія его въ сторону совсѣмъ не соотвѣтственную интересамъ народнаго благосостоянія могутъ быть еще болѣе рѣзкія и продолжительныя, и чѣмъ болѣе общественная жизнь усложняется и приближается къ тому состоянію, въ которомъ находится въ настоящее время наиболѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи страны Западной Европы, тѣмъ сильнѣе проявляется эта разобщенность между интересами «національнаго богатства» и «народнаго благосостоянія». Когда господствуетъ капиталистическій принципъ, хозяйственная жизнь складывается по типу машиннаго производства; главное направленіе промышленной дѣятельности находится тогда въ рукахъ заправляющаго класса капиталистовъ; большинство производителей обращается въ простыя орудія, «рабочія руки», участіе ихъ въ производствѣ дѣлается чисто пассивнымъ, производительность ихъ труда становится въ зависимость отъ условій по отношенію къ нимъ внѣшнихъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ цѣлесообразнаго употребленія рабочихъ рукъ распорядителями производства. При такихъ условіяхъ, прогрессъ накопленія, увеличенія богатства можетъ идти почти совсѣмъ независимо отъ возвышенія уровня общаго благосостоянія.

Уже изъ приведенныхъ бѣглыхъ замѣчаній видно, что вопросъ объ экономическомъ прогрессѣ есть вопросъ весьма сложный и что для ясной и правильной его постановки необходимо всегда строго различать, о какомъ именно элементѣ идетъ дѣло. Иначе выйдетъ или путаница, или подтасовка. Такая путаница нерѣдко встрѣчается и при сужденіяхъ о значеніи для Россіи періода, въ настоящее время нами переживаемаго.

Въ до-реформенное время хозяйственная жизнь Россіи была несложна и невысока въ своемъ развитія. Общій уровень благосостоянія былъ низокъ, точно также слабо была развита и производительность: она лежала цѣликомъ на плечахъ народныхъ массъ; привилегированные классы были почти безусловно непроизводительны, трудъ же массъ былъ закрѣпощенъ и находился въ условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для своей продуктивности. Хозяйство государства, конечно, тоже не могло быть въ блестящемъ положеніи: его экономическая состоятельность опять-таки опиралась на того же закрѣпощеннаго мужика, во-

торый далеко не представлялъ собою ресурса, достаточнаго для поддержанія государственнаго механизма, разросшагося несоразмѣрно съ средствами и силами страны.

Крымская война наглядно доказала несостоятельность крѣпостнаго строя тогдашней жизни. Наступила эпоха преобразованій, перестройка общественныхъ отношеній. Моментъ въ русской жизни былъ критическій: чрезвычайно многое зависѣло отъ того, въ какой послѣдовательности предпринята будетъ перестройка общественной и государственной жизни; какія потребности, какія цѣли выдвинуты будутъ на первый планъ. Реформы коснулись многихъ сторонъ жизни; но мы здѣсь имѣемъ дѣло только съ экономическими отношеніями и будемъ говорить лишь о нихъ. Преобразованіе хозяйственнаго строя государства и общества могло идти разными путями. Центръ тяжести его могъ лежать въ каждомъ изъ трехъ намѣченныхъ выше элементовъ экономическаго прогресса, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Общественная перестройка могла имѣть прямою и непосредственною цѣлью возвышеніе уровня благосостоянія массъ, созданіе болѣе благопріятныхъ условій для производительности народнаго труда, при сохраненіи того же кореннаго типа производства, опирающагося непосредственно на массы. Въ такомъ случаѣ, *какъ послѣдствіе*, явился бы и прогрессъ въ наращеніи національнаго богатства, прогрессъ не быстрый, но прочный, который, въ свою очередь, обусловилъ бы улучшенія фискальныя. Но можно представить и другой процессъ, когда на первый планъ выдвигается средній членъ приведеннаго выше ряда—*прогрессъ производства*. Несомнѣнно, что, при господствѣ капиталистическаго строя, накопленіе богатства идетъ быстрѣе, нежели при первобытномъ типѣ промышленныхъ отношеній; поэтому, въ интересахъ наибольшаго наращенія національнаго богатства и быстраго развитія производства, усилія государства могли быть направлены, главнымъ образомъ, на созданіе крупной промышленности, на облегченіе перехода общества изъ строя непосредственно въ тотъ, который наиболѣе благопріятствуетъ быстрому прогрессу производительности. Въ случаѣ успѣха этихъ усилій, прежняя зависимость состоятельности государства отъ состоятельности народныхъ массъ была бы устранена; наоборотъ, неуспѣшность попытокъ къ созданію посредствующаго экономическаго элемента легко могла привести къ новому государственному кризису. Наконецъ, оставалось еще третье возможное направленіе реформъ. Главнымъ центромъ, къ которому тяготѣютъ всѣ другія стремленія, могли явиться интересы фиска—созданіе источниковъ для возможно болѣе быстраго расширенія средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія новыхъ государственныхъ потребностей. Въ жертву настоящему, въ такомъ случаѣ, приносилось бы будущее, такъ какъ, при преобладаніи фискальныхъ интересовъ и стремленій предъ остальными, страна живетъ обыкновенно на счетъ капитала, а не на счетъ дохо-

довъ; экономическая дѣятельность неизбѣжно принимаетъ характеръ займа, прямого или косвеннаго. Инымъ путемъ прогрессъ фиска не можетъ перегнать прогресса національнаго обогащенія, а этотъ путь, конечно, рано или поздно приводитъ опять-таки къ государственному кризису.

При всякой попыткѣ опредѣлить значеніе послѣдняго, по-реформеннаго періода нашей жизни, необходимо прежде всего выяснить: къ какому изъ намѣченныхъ гипотетическихъ случаевъ подходили ближе всего, по характеру своему, перемѣны въ экономическомъ состояніи Россіи? Эти требованія мы вправѣ поставить и попыткѣ г. Бліоха. Но въ статьяхъ нашего новаго ученаго публициста мы напрасно искали бы даже намека на объясненные пріемы изслѣдованія. Г. Бліоху чуждо, повидимому, самое сознаніе необходимости изслѣдовать *порознь* каждый изъ намѣченныхъ выше элементовъ экономическаго прогресса, не говоря уже о различеніи значенія той или другой послѣдовательности въ ихъ проявленіи. Понятіе экономическаго прогресса является у него общимъ и неразчлененнымъ; отъ этого весь его анализъ отличается въ высшей степени поверхностнымъ характеромъ. Г. Бліохъ болѣе всего занятъ вексельнымъ курсомъ, торговымъ балансомъ, учетнымъ процентомъ и т. п. болѣе или менѣе внѣшними признаками экономическаго состоянія страны; болѣе глубокое изслѣдованіе ему или не по силамъ, или не входитъ въ его разсчетъ. Храбро ополчась противъ «пессимистическихъ воззрѣній», нашъ авторъ, повидимому, даже не хочетъ дать себѣ трудъ понять, въ чемъ именно состоятъ эти воззрѣнія и на какой почвѣ можно ихъ опровергнуть. Конечно, г. Бліохъ, чужой человѣкъ въ литературѣ; немудрено поэтому, что онъ не помнитъ того, что̀ говорилось и писалось ранѣе его; но вѣдь онъ является въ литературу съ претензіей учить: г. Бліохъ заявляетъ прямо, что онъ поспѣшилъ опубликованіемъ результатовъ своего обширнаго труда, въ виду того, что въ настоящее время господствуютъ неправильныя воззрѣнія на счетъ нашего дѣйствительнаго экономическаго положенія. При такихъ притензіяхъ, казалось бы обязательнымъ познакомиться хотя съ постановкою вопроса, за рѣшеніе котораго г. Бліохъ берется съ такою развязностью. Ка̀къ ни бѣдна наша литература на счетъ изслѣдованія русской экономической жизни, но все-таки вопросы, которыхъ касается г. Бліохъ—для нея далеко не новость: они не разъ уже подвергались болѣе глубокому разсмотрѣрію, причемъ выводы получались не совсѣмъ такіе, какъ у г. Бліоха. Быть можетъ, это происходило именно потому, что писатели, которыхъ г. Бліохъ соединяетъ въ группу «пессимистовъ», всегда помнили различіе между прогрессомъ финансовымъ, расширеніемъ производства и сбыта и поднятіемъ уровня благосостоянія, и притомъ при анализѣ каждой изъ этихъ сторонъ вопроса объ экономическомъ прогрессѣ, обращали болѣе вниманія на самую сущность, нежели на внѣшніе признаки, на которыхъ преимуще-

ственно останавливается нашъ дѣлецъ-оптимистъ. Мы не намѣрены формулировать здѣсь подробно програмы, которую г. Бліоху угодно называть «пессимистическою», но считаемъ необходимымъ только напомнить самымъ общимъ образомъ ея основныя черты.

По воззрѣніямъ «пессимистовъ», самымъ выдающимся, характернымъ явленіемъ въ экономической жизни послѣдняго двадцатилѣтія, особенно второй его половины (т. е. времени, совпадающаго съ періодомъ усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ, которымъ спеціально занимается г. Бліохъ), слѣдуетъ признать расширеніе государственнаго бюджета. Въ теченіи 10 лѣтъ (1866—1875 г.), государственные доходы возрасли почти на $^2/_3$; если взять за норму бюджетъ 1866 г., то окажется, что приращеніе государственныхъ доходовъ, въ общей суммѣ, за всѣ 9 лѣтъ составило свыше 1,300 милліон.; сообразно съ этимъ росли и издержки государства. Но при такомъ быстромъ расширеніи государственнаго бюджета, основной его харатеръ остался тотъ же: новыхъ источниковъ доходовъ не создалось; по прежнему главное бремя всѣхъ налоговъ лежитъ на трудѣ народныхъ массъ; ростъ доходовъ объясняется не тѣмъ, чтобы явились новые объекты обложенія, а тѣмъ, что обложеніе податныхъ классовъ сдѣлалось интенсивнѣе. При такомъ положеніи дѣла, прочное развитіе государственнаго хозяйства возможно только при соотвѣтственномъ развитіи производительности народнаго труда, при расширеніи источниковъ доходовъ и заработковъ классовъ населенія, поддерживающихъ государственную состоятельность. Въ дѣйствительности, однако, мы этого не замѣчаемъ. Рядъ широко произведенныхъ правительственныхъ изслѣдованій (припомнимъ труды комиссій податной и сельскохозяйственной) доказалъ осязательно, что о возвышеніи за послѣднее время общаго уровня народнаго благосостоянія серьёзно говорить нельзя. Да трудно было и ожидать такого возвышенія. Если обратить вниманіе на характеръ и направленіе экономическихъ мѣропріятій послѣдняго времени, мы увидимъ, что они совсѣмъ не клонились *непосредственно* къ этой цѣли. Всѣ усилія были направлены скорѣе на созданіе между государствомъ и массами *посредствующаго* экономическаго элемента: экономическая политика всего болѣе задавалась интересами крупной промышленности, облегченіемъ накопленія капиталовъ и перехода хозяйственнаго строя къ типу буржуазно-капиталистическому. Такимъ образомъ, рядомъ съ фискальнымъ принципомъ, выступалъ, повидимому, принципъ «наибольшаго производства». Тѣмъ не менѣе, въ результатѣ предпринятыхъ мѣръ мы не видимъ дѣйствительнаго развитія промышленности, какъ не видѣли поднятія уровня народнаго благосостоянія. Наше сельское хозяйство такъ же первобытно, какъ и было прежде; фабричная и заводская промышленность тоже не далеко ушла впередъ. Подтвержденіе этому мы можемъ найти опять таки въ изслѣдованіяхъ правительственныхъ комиссій, въ бюджетныхъ цифрахъ, въ статистическихъ данныхъ (несмотря на ихъ скудость) и, нако-

нецъ, въ свидѣтельствахъ самихъ сельскихъ хозяевъ и промышленниковъ, много разъ приводимыхъ въ подкрѣпленіе разныхъ ходатайствъ, клонившихся чаще всего къ испрошенію правительственныхъ пособій въ той или другой формѣ. Можно считать несомнѣннымъ, что прогрессъ производства далеко не достигъ того состоянія, когда крупная промышленность является преобладающимъ экономическимъ факторомъ и когда, слѣдовательно, *въ интересахъ производительности*, условія хозяйственной дѣятельности народныхъ массъ не играютъ особаго значенія. Типъ нашего хозяйственнаго строя остался еще пока прежній.

Если такимъ образомъ ростъ государственнаго хозяйства шелъ шибче, нежели ростъ народнаго благосостоянія и дѣйствительное возрастаніе производства, то финансовый прогрессъ нельзя было считать прочнымъ. Финансовое благополучіе страны въ подобныхъ случаяхъ основывается на искуственныхъ опорахъ и не въ силахъ вынести серьёзныхъ потрясеній; даже и безъ такихъ потрясеній оно неизбѣжно должно закончиться кризисомъ, коль скоро устранится его искуственная поддержка. Вотъ почему, еще до послѣдней войны и возникновенія затрудненій, съ ней сопряженныхъ, не разъ высказывались опасенія на счетъ возможности финансоваго кризиса и регресса въ государственномъ хозяйствѣ, несмотря на его блестящую внѣшность; съ началомъ же кризиса, для всякаго серьёзно вникающаго въ основныя условія нашего экономическаго положенія, должно было сдѣлаться очевиднымъ, что кризисъ этотъ, хотя и не имѣетъ до сихъ поръ остраго характера, но во всякомъ случаѣ представляется крайне серьёзнымъ. Онъ ясно указываетъ на необходимость извѣстнаго поворота въ экономической жизни. Въ какую сторону долженъ совершиться этотъ поворотъ, едва ли настоитъ надобность указывать: нетолько теоретическія построенія, но и недавніе опыты, не оставляютъ сомнѣнія относительно того, въ чемъ именно лежитъ залогъ прочнаго экономическаго благосостоянія Россіи.

Приведенныя положенія идутъ въ разрѣзъ съ тѣми воззрѣніями, которыя защищаются въ статьяхъ г. Бліоха. Тѣмъ не менѣе, прямыхъ опроверженій ихъ въ названныхъ статьяхъ мы не находимъ. Какъ мы уже упоминали, г. Бліохъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, какимъ образомъ поставленъ былъ въ русской литературѣ вопросъ, котораго касаются его статьи. Мы должны обратиться поэтому къ разбору аргументовъ самого г. Бліоха, приводимымъ въ защиту его главнаго тезиса о томъ, что предшествующимъ періодомъ развитія созданы уже экономическія силы и средства, достаточныя для возстановленія раціональнаго теченія экономической жизни, нарушеннаго послѣднею войною. Какъ было объяснено выше, главнѣйшее значеніе въ подготовленіи этихъ средствъ г. Бліохъ приписываетъ вновь выстроенной въ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Разсмотримъ же ближе вопросъ объ экономическомъ вліяніи желѣзныхъ до-

рогъ въ Россіи. Это дастъ намъ возможность, съ одной стороны, опредѣлить точнѣе тотъ путь, который, по мнѣнію г. Бліоха, представляется спасительнымъ для Россіи, а съ другой стороны, позволитъ пояснить и дополнить нѣкоторыя изъ положеній приведенныхъ выше.

II.

Говоря объ экономическомъ вліяніи желѣзныхъ дорогъ, необходимо различать прежде всего двѣ стороны вопроса: во-первыхъ, можно имѣть въ виду вліяніе *постоянное*, связанное съ эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ, а во-вторыхъ, вліяніе болѣе или менѣе *временное*, проявляющееся въ періодъ самаго сооруженія сѣти. Это послѣднее вліяніе проявляется особенно сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка желѣзныхъ дорогъ идетъ не постепенно, а быстро, скачками; привлеченіе къ дѣлу огромныхъ капиталовъ производитъ при этомъ извѣстную, болѣе или менѣе продолжительную пертурбацію въ промышленной сферѣ и даже можетъ до нѣкоторой степени измѣнить самый характеръ существующихъ экономическихъ отношеній.

Разсмотримъ прежде, какое *постоянное* воздѣйствіе могутъ оказать желѣзныя дороги на хозяйственный бытъ страны. Какъ и всякій улучшенный путь сообщенія, желѣзная дорога дѣйствуетъ прежде всего на ускореніе, удешевленіе и бо̀льшую регулярность перевозокъ, а чрезъ это и на *оживленіе и расширеніе обмѣна*. Это—прямое вліяніе путей сообщенія. Затѣмъ, ближайшимъ косвеннымъ воздѣйствіемъ является вліяніе *на цѣны*; именно желѣзныя дороги имѣютъ тенденцію къ уравненію и регулированію цѣнъ на той территоріи, на которую распространяется ихъ дѣйствіе, приводя въ болѣе тѣсную экономическую связь и взаимную зависимость различныя ея области. Наконецъ, косвенно же желѣзныя дороги оказываютъ двоякое дѣйствіе *на производство*: во-первыхъ, съ открытіемъ новыхъ рынковъ и съ оживленіемъ обмѣна является импульсъ къ расширенію и усиленію производства; во-вторыхъ, самая форма производства и распредѣленіе различныхъ отраслей его по территоріи претерпѣваютъ измѣненія. Желѣзныя дороги въ самой значительной степени способствуютъ установленію и усиленію производства *на сторону*, для сбыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ спеціализація производства въ различныхъ мѣстностяхъ и сосредоточенію промышленной и торговой дѣятельности въ крупныхъ центрахъ и въ рукахъ крупныхъ хозяйственныхъ единицъ; словомъ, упроченію тѣхъ свойствъ, которыя составляютъ основныя черты такъ называемаго капиталистическаго строя промышленности.

Таковы *тенденціи* того вліянія, которое желѣзныя дороги оказываютъ на хозяйственный бытъ данной страны. Если мы

припомнимъ выше намѣченный нами рядъ элементовъ экономическаго прогресса: 1) улучшеніе государственнаго хозяйства; 2) ростъ національнаго богатства, и 3) собственно возвышеніе народнаго благосостоянія, то увидимъ, что вліяніе желѣзныхъ дорогъ дѣйствуетъ непосредственно на *средній* членъ этого ряда. Воздѣйствіе на два другіе элемента происходитъ уже болѣе косвенно, по стольку, по-скольку ихъ развитіе находится въ зависимости отъ прогресса промышленности въ томъ направленіи, которому благопріятствуютъ желѣзныя дороги. Если этотъ прогрессъ создаетъ новые источники государственныхъ доходовъ, усиливая вмѣстѣ съ тѣмъ старые или, по крайней мѣрѣ, не ослабляя ихъ, и не налагаетъ на фискъ новыхъ расходовъ, въ такомъ случаѣ фискальное его вліяніе оказывается благопріятнымъ. Можетъ случиться, однако, и обратное: можно представить себѣ, что экономическая революція, совершающаяся подъ вліяніемъ новыхъ путей сообщенія, временно по крайней мѣрѣ, противоположна интересамъ фиска. Такое явленіе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда элементы, на которыхъ долженъ покоиться центръ тяжести вновь слагающагося экономическаго строя, еще не представляются достаточно сильными, чтобы служить опорою государственной состоятельности, старый же строй уже расшатанъ вліяніемъ вновь возникающихъ силъ. Наконецъ, можно представить и болѣе элементарный случай вреднаго фискальнаго вліянія желѣзныхъ дорогъ: дороги эти, въ большинствѣ случаевъ, создаются при дѣятельномъ участіи государства и при условіи гарантіи ихъ доходности со стороны фиска. Если выстроенная сѣть почему либо оказывается бездоходною или недостаточно оплачивающею расходы эксплуатаціи и сооруженія—она ложится бременемъ на государственный бюджетъ.

Значеніе желѣзныхъ дорогъ для интересовъ *народнаго благосостоянія* представляется еще болѣе сложнымъ и условнымъ. Мы уже упоминали, что желѣзныя дороги являются однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ при пересозданіи строя промышленности непосредственнаго, такъ сказать децентрализованнаго, кустарнаго, къ строю болѣе искуственному, централизованному, фабрично-капиталистическому. Эта общая тенденція, клонящаяся къ уничтоженію экономической самостоятельности массъ, сама по себѣ отнюдь не можетъ быть признаваема благопріятною съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія. Но упомянутсе вредное вліяніе можетъ, конечно, имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ непосредственный строй отношеній не былъ разрушенъ уже ранѣе, и притомъ оно можетъ быть въ значительной степени уравновѣшено другимъ—полезнымъ. Быстрый ростъ промышленности, создавая массу новыхъ цѣнностей и источниковъ для заработковъ, можетъ временно способствовать подъему благосостоянія, несмотря на неблагопріятную *форму* этой промышленности. Это возможно особенно въ томъ случаѣ, если въ хозяйственномъ строѣ страны существуютъ условія, въ родѣ правильной

аграрной системы, препятствующiя полному осуществленiю экономической революцiи въ указанномъ направленiи и окончательному превращенiю низшихъ рабочихъ слоевъ изъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ въ «рабочiя руки». Что касается той стороны влiянiя желѣзныхъ дорогъ, которая проявляется въ движенiи цѣнъ, то и въ этомъ отношенiи можно отличить элементы полезные и вредные для интересовъ массъ. Которые изъ этихъ элементовъ выступать на первый планъ, зависитъ въ каждомъ случаѣ отъ совокупности прочихъ хозяйственныхъ условiй страны. Тенденцiя желѣзныхъ дорогъ къ *удешевленiю производства* и *регулированiю цѣнъ*, понижая во многихъ случаяхъ стоимость извѣстныхъ предметовъ потребленiя, недоступныхъ до того массамъ, *при благопрiятныхъ условiяхъ*, можетъ усилить народное потребленiе. Но, съ другой стороны, извѣстно также, что всякiй крупный переворотъ въ цѣнахъ (будетъ ли это повышенiе или пониженiе) вообще сопряженъ съ опасностями для бѣднѣйшихъ классовъ населенiя, которые всегда имѣютъ гораздо менѣе возможности приспособиться къ новымъ условiямъ, нежели классы, экономически господствующiе.

Изъ приведеннаго выше видно, до какой степени условно то или другое влiянiе желѣзныхъ дорогъ какъ на государственное хозяйство, такъ и на интересы народнаго благосостоянiя. Безъ всякаго сомнѣнiя, интересы промышленности, производства въ обширномъ смыслѣ, затрогиваются рельсовыми путями гораздо болѣе прямымъ образомъ. Трудно представить себѣ такiя условiя, при которыхъ сѣть желѣзныхъ дорогъ могла бы остаться вовсе безъ воздѣйствiя на развитiе промышленности. Но *степень* этого воздѣйствiя тоже зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ принять въ соображенiе характеръ и условiя эксплуатацiи и построенiя самыхъ путей. Желѣзныя дороги могутъ быть такъ дурно построены и настолько дурно управляемы, что провозъ по нимъ, вслѣдствiе дороговизны и неисправности, дѣлается мало выгоднымъ. Затѣмъ желѣзныя дороги могутъ быть проведены не въ томъ направленiи, какъ это было бы наиболѣе полезнымъ для торговли. Наконецъ, можетъ случиться, что постройка сѣти произведена въ такихъ размѣрахъ, которые не вызывались дѣйствительными нуждами промышленности; въ такомъ случаѣ, непроизводительная затрата извѣстной части капитала не можетъ не отразиться вредно на хозяйственной жизни страны. Вообще, какъ ни могущественно экономическое влiянiе желѣзныхъ дорогъ, для полнаго своего проявленiя оно требуетъ наличности извѣстныхъ благопрiятныхъ условiй: желѣзныя дороги *способствуютъ* развитiю оживленной торговли и крупной промышленности, но не могутъ *создать* ихъ, если на лицо нѣтъ необходимыхъ для того элементовъ.

Чтобы отвѣтить сколько-нибудь точно на всѣ намѣченныя стороны вопроса объ экономическомъ влiянiи желѣзныхъ дорогъ въ Россiи, слѣдуетъ, безъ сомнѣнiя, обратиться къ фактамъ, къ ста-

тистическимъ даннымъ. Приведенныя общія соображенія могутъ служить при этомъ только руководящею нитью въ изслѣдованіи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы имѣемъ очень мало статистическихъ работъ, сколько-нибудь широко и полно охватывающихъ данный вопросъ. Г. Блiохъ заявляетъ, что онъ восполнилъ этотъ пробѣлъ. «Собранныя нами въ спеціальномъ трудѣ, предназначенномъ къ изданію въ скоромъ времени, исчисленія и таблицы, говоритъ онъ:—представляютъ матеріалъ, который, надѣемся, доставитъ нашимъ ученымъ спеціалистамъ возможность сдѣлать основанныя на точныхъ данныхъ заключенія о вліяніи желѣзныхъ дорогъ на нашъ кредитъ, нашу производительность, потребленіе и торговлю». Общіе выводы этого труда г. Блiохъ и сообщаетъ въ «Вѣстникѣ Европы». Разберемъ каждый изъ нихъ порознь и посмотримъ, насколько они оправдываютъ утвержденіе г. Блiоха о коренномъ улучшеніи экономическихъ условій Россіи, вызванномъ желѣзными дорогами.

«Что постройка обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, говоритъ г. Блiохъ: — не могла остаться безъ значительнаго вліянія на экономическое состояніе государства, это понятно въ общемъ смыслѣ и безъ статистическаго изслѣдованія. Но оцѣнить съ точностью, въ чемъ именно вліяніе это выразилось, представляется возможнымъ лишь только послѣ весьма тщательнаго изслѣдованія, и, прежде чѣмъ обратиться къ тому, мы вынуждены указать на главнѣйшіе моменты, которые при этомъ нужно имѣть въ виду.

«Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что вообще желѣзныя дороги увеличиваютъ чистый доходъ производителей, а тѣмъ самымъ способствуютъ къ увеличенію производительности и *поднятію цѣнъ на землю и на трудъ, помогая, такимъ образомъ, развитію благосостоянія*» («Вѣстн. Евр.», 1877, X., 753).

Вотъ первое общее положеніе г. Блiоха. Нельзя не замѣтить, что это положеніе уже слишкомъ обще и неопредѣленно, а вторая его половина совершенно фальшива. Г. Блiохъ видитъ воздѣйствіе желѣзныхъ дорогъ на общее благосостояніе въ томъ, что онѣ поднимаютъ цѣну *на землю* и *на трудъ*. Но развѣ возвышеніе цѣны на землю, а слѣдовательно и ренты, дѣйствуетъ въ одинаковомъ направленіи на народное благосостояніе, какъ и возвышеніе заработной платы? Это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, еслибы рабочіе были бы рентьеры или еслибы увеличеніе дохода землевладѣльца-нанимателя всегда влекло за собою и увеличеніе платы наемному рабочему. На практикѣ мы этого не замѣчаемъ, и теоретически доказать такое положеніе было бы трудно. Но г. Блiохъ или не видитъ, или не хочетъ видѣть несообразности, въ которую впадаетъ. По крайней мѣрѣ, идея о солидарности экономическаго вліянія вздорожаніе цѣны земельной собственности и рабочихъ рукъ, проводится у него въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ началѣ первой своей статьи («Вѣстн. Евр.», 1877, IX, стр. 309), г. Блiохъ,

описывая замѣчаемое имъ новое направленіе промышленности Европы за послѣднее время, состоящее, по его словамъ, въ «стремленіи къ изысканію средствъ для удовлетворенія болѣе утонченныхъ потребностей низшихъ классовъ общества»—говоритъ, между прочимъ: «достигнутые въ этомъ отношеніи результаты оказались столь удачными, что многіе жизненные припасы и предметы, которые считались роскошью и производились въ прежнее время только для незначительной части населенія, сдѣлались общедоступными и, мало-по-малу, *при постепенномъ вздорожаніи труда и земли, этихъ двухъ главныхъ источниковъ заработковъ*, вошли въ употребленіе и стали уже потребностью для среднихъ и низшихъ классовъ общества, составляющихъ значительнѣйшую часть населенія». Если и возможно бы подыскать какой-нибудь софизмъ для оправданія вывода г. Бліоха по отношенію къ Россіи, гдѣ масса крестьянства является собственниками, то по отношенію къ Западной Европѣ, которая имѣется въ виду въ цитированномъ мѣстѣ, выводъ этотъ является уже по-просту голою нелѣпостью. Но, конечно, и для Россіи приведенный выводъ можетъ быть только софизмомъ. Какъ извѣстно, собственность нашего крестьянина далеко не такова, чтобъ онъ могъ мечтать о какой-нибудь съ нея рентѣ. Напротивъ, чтобы прокормиться и уплатить подати, онъ долженъ или продавать свой трудъ, или принанимать землю у помѣщика. Слѣдовательно, повышеніе цѣнъ на землю отнюдь для него не выгодно. Значитъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь заключеніе относительно вліянія на благосостояніе массъ возвышенія цѣнъ, вызваннаго желѣзными дорогами, нужно разсмотрѣть каждый элементъ отдѣльно. Г. Бліохъ этого не дѣлаетъ. Въ другихъ же источникахъ мы находимъ данныя, далеко не говорящія въ пользу его положенія. Во-первыхъ, вообще повсемѣстное повышеніе цѣнъ на трудъ остается еще въ значительной степени проблематическимъ; во-вторыхъ, тамъ, гдѣ это возвышеніе имѣло мѣсто, оно сопровождалось явленіями, уравновѣшивающими и превышающими его вліяніе. Такъ, напримѣръ, по даннымъ, приводимымъ въ извѣстномъ изслѣдованіи профессора Янсона («О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», стр. 89), возвышеніе цѣнъ на земли, трудъ и хлѣбъ въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ можетъ быть представлено для хлѣбородныхъ мѣстностей Россіи, приблизительно, въ такомъ видѣ:

продажныя и арендныя цѣны на землю	+300—400%
цѣна на трудъ	+ 50—100%
цѣна на хлѣбъ	+ 50— 80%

Ясно, что если кто выигрывалъ отъ возвышенія цѣнъ, то, во всякомъ случаѣ, не крестьяне.

Безъ всякаго сомнѣнія, причинъ возвышенія цѣнъ въ указанномъ направленіи нельзя искать исключительно въ дѣйствіи желѣзныхъ дорогъ; но дѣло въ томъ, что общія экономическія и преимущественно аграрныя условія сложились такъ, что всякое

общее возвышеніе цѣнъ имѣетъ тенденція обращаться ко вреду массы населенія. При подобномъ положеніи вещей, съ данными, касающимися возвышенія цѣнъ, слѣдуетъ вообще обращаться крайне осторожно, и огульные выводы, въ родѣ приводимаго г. Бліохомъ, не имѣютъ никакого серьёзнаго значенія. Но каково бы ни было вліяніе движенія цѣнъ на благосостояніе массъ и зависимость этого движенія отъ желѣзныхъ дорогъ, во всякомъ случаѣ, никакихъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ этому предмету, у г. Бліоха мы не находимъ; поэтому останавливаться долѣе на настоящемъ пунктѣ мы считаемъ излишнимъ и переходимъ къ дальнѣйшей аргументаціи автора.

«Желѣзныя дороги, разсуждаетъ далѣе г. Бліохъ:—оказывая благотворное вліяніе на отдѣльныя мѣстности, непосредственно ими пользующіяся, могутъ, однако, при разсмотрѣніи ихъ съ точки зрѣнія интересовъ цѣлаго государства, оказаться убыточными въ матеріяльномъ отношеніи, именно тогда, когда оказываемыя ими услуги не возвращаютъ сдѣланныхъ государствомъ на ихъ построеніе затратъ, или если вслѣдствіе мало развитаго движенія и дурной администраціи, расходы эксплуатаціи столь значительны, что стоимость перевозки по желѣзнымъ дорогамъ обходится сравнительно дороже, чѣмъ по другимъ путямъ сообщенія.

«Особенно въ первое время послѣ открытія желѣзныхъ дорогъ, когда онѣ не успѣли еще создать себѣ достаточнаго движенія, чтобы, за покрытіемъ расходовъ эксплуатаціи, доставить чистый доходъ, достаточный для покрытія гарантированныхъ процентовъ отъ затраченнаго на постройку капитала, убытокъ, терпимый государствомъ, можетъ быть весьма чувствительнымъ. При томъ, величина этого убытка не измѣряется исключительно суммою дефицита; если государство находится въ такомъ положеніи, что для него необходима затрата капиталовъ для поднятія и другихъ отраслей народной жизни, то къ убытку отъ неоплачивающихъ себя желѣзныхъ дорогъ необходимо причислить еще уменьшеніе кредитоспособности государства, вслѣдствіе затраты капиталовъ на оказавшуюся убыточною сѣть. Сверхъ сего, при оцѣнкѣ разсматриваемаго вліянія, чтобы не придти къ ошибочнымъ выводамъ, необходимо обратить вниманіе на настоящіе результаты эксплуатаціи и на ея будущность. Будущность же всякой дороги зависитъ отъ многихъ условій, между которыми имѣютъ наибольшую важность: географическое положеніе дороги, связь ея съ другими дорогами по отношенію къ транзитному движенію, условія, въ которыхъ находятся мѣстности, прорѣзываемыя желѣзными дорогами, относительно водяныхъ и другихъ грунтовыхъ сообщеній, плодородности почвы, степени заселенности, предпріимчивости и населенія и т. п.»

Вотъ вопросъ, который ставитъ г. Бліохъ и который ему предстоитъ рѣшить по отношенію къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Посмотримъ же, какъ онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

«Но общія разсужденія о столь сложныхъ условіяхъ, продолжаетъ г. Бліохъ непосредственно за приведеннымъ выше мѣстомъ:—особенно когда рѣчь идетъ, какъ у насъ, о построенней въ весьма короткій срокъ столь громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, затруднительны и вообще безъ приведенія многихъ подробныхъ разсчетовъ, для журнальныхъ статей недоступныхъ, мало убѣдительны. Конечныя цифры выводовъ нашихъ, однако, могутъ служить доказательствомъ громадности выгодъ, принесенныхъ странѣ желѣзными дорогами. Въ теченіи 10-ти лѣтняго періода, съ 1866 по 1875 годъ, перевезено пассажировъ на одну версту разстоянія $18^1/_2$ милліардовъ, а грузовъ 1.644 милліарда пудовъ. Считая каждаго пассажира за 15 пудовъ (?), окажется, что перевезено 1.923 милліарда пудо-верстъ. При перевозкѣ на лошадяхъ, за эти 1.923 милліарда пудо верстъ слѣдовало бы заплатить, считая по 0,159 за пудо-версту (т. е. менѣе $^1/_6$ коп. за одинъ пудъ, перевезенный на одну версту)—3.058 милліоновъ рубл., уплачено же желѣзнымъ дорогамъ всего 875 милліоновъ руб. Слѣдовательно, сбереженіе, достигнутое на провозѣ, составляетъ 2.183 милл. руб., т. е. въ $2^1/_4$ раза болѣе израсходованнаго капитала на постройку желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ совершено исчисленное нами движеніе».

Остановимся на минуту на приведенномъ выше исчисленіи двухмилліардной *экономіи въ провозѣ*, достигнутой сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Это исчисленіе можетъ служить образчикомъ «научныхъ» пріемовъ г. Бліоха. Мы не говоримъ уже о томъ, что принатая г. Бліохомъ средняя цѣна гужевого провоза по $^1/_6$ коп. съ пуда и версты ни на чемъ не основана и гораздо выше дѣйствительной; но любопытно самое построеніе формулы г. Бліоха: выводить цифру *сбереженія, достигнутаго на провозѣ* по тѣмъ и другимъ путямъ, можно въ томъ только случаѣ, если предположить, что только стоимость провоза есть величина перемѣнная, самая же цифра перевозокъ постоянная; т. е. въ данномъ примѣрѣ нужно предположить, вмѣстѣ съ г. Бліохомъ, что работа перевозки, выражаемая цифрою 1.923 милліарда пудо-верстъ, была бы совершена и при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ (и притомъ непремѣнно на лошадяхъ, а не водой; стоимости водяной перевозки, гораздо болѣе дешевой, г. Бліохъ вовсе не принимаетъ въ соображеніе), но подобное предположеніе, очевидно, не можетъ имѣть мѣста, а потому и все построеніе г. Бліоха лишено всякаго значенія. Выгода, доставляемая желѣзными дорогами, заключается именно въ увеличеніи перевозокъ (что г. Бліохъ доказываетъ и самъ далѣе), и для того, чтобы оцѣнить конечные результаты вліянія дорогъ, нужно опредѣлить: въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи увеличилось движеніе и что именно выиграла страна отъ этого движенія. Фиктивныя сравненія, въ родѣ только что приведеннаго, никакой помощи при этомъ оказать не могутъ.

Точно также мало убѣдительно и сравненіе русскихъ желѣз-

ныхъ дорогъ съ западно-европейскими (при томъ же, въ высшей степени поверхностное), которое далѣе дѣлаетъ г. Бліохъ. Сравненіемъ этимъ г. Бліохъ пытается доказать, что «предстоящая нашимъ дорогамъ будущность, если принять во вниманіе недавность открытія значительной части ихъ, не хуже, чѣмъ въ заграничныхъ государствахъ, и что затрата капитала, въ общей сложности, сдѣлана, по крайней мѣрѣ, столь же производительно, какъ и въ другихъ странахъ» («Вѣстн. Евр.», X, 761). Но какъ же это доказываетъ г. Бліохъ? Онъ приводитъ рядъ цифръ, указывающихъ сколько приходится въ Россіи, Австро-Венгріи, Германіи, Франціи, Великобританіи, Бельгіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ на 1 версту желѣзныхъ дорогъ: пространства, жителей, строительнаго капитала желѣзныхъ дорогъ, валоваго сбора и чистаго дохода. Сопоставленіе это до извѣстной степени любопытно, но дѣлать изъ него какіе-нибудь выводы для оцѣнки значенія желѣзныхъ дорогъ въ той или другой странѣ, не принимая въ соображеніе прочихъ мѣстныхъ экономическихъ условій, конечно, невозможно. Но г. Бліохъ думаетъ иначе. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ пользуется данными, повидимому столь мало говорящими, объ отношеніи протяженія желѣзныхъ дорогъ къ пространству и населенію страны.

«Изъ приведеннаго сопоставленія, говоритъ г. Бліохъ:—оказывается, что, еслибы русскія желѣзныя дороги находились въ такомъ же отношеніи къ пространству государства, какъ дороги Бельгіи, то ихъ должно бы быть въ 32 раза болѣе, чѣмъ было въ 1872 г., т. е. сѣть должна бы простираться до 500,000 верстъ. Но даже сравнительно съ Австріею, въ Россіи должно бы находиться въ 8 разъ больше дорогъ, чѣмъ въ настоящее время, сравнительно же съ Сѣверо-Американскими Штатами—въ 5 разъ больше, и только прибрежные къ Тихому Океану штаты Сѣверной Америки находятся въ относительно менѣе благопріятномъ положеніи.—Если же взять отношеніе числа верстъ желѣзныхъ дорогъ къ числу народонаселенія и нормой при этомъ принять отношеніе, существующее въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, то окажется, что дорогъ въ Россіи должно быть въ 12 разъ болѣе, чѣмъ было ихъ въ 1874 г., т. е. должно бы ихъ находиться свыше 186,000 верстъ; сравнительно же съ Австро-Венгріей и Франціей, находящихся въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ, у насъ тѣмъ не менѣе должно бы быть около 30 т. верстъ или на половину больше имѣемаго нынѣ протяженія».

«*Эти цифры*, продолжаетъ г. Бліохъ:—*показываютъ, что весьма усиленное движеніе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, проявившееся въ Россіи въ послѣднія 10 лѣтъ, не было преувеличено, а, напротивъ, вполнѣ соотвѣтствовало потребности государства въ желѣзныхъ дорогахъ, потребности, которая, если судить абстрактно, т. е. не принимая во вниманіе другихъ для Россіи не менѣе настоятельныхъ нуждъ, и принять за норму самыя не-*

благопріятныя отношенія, существующія въ иностранныхъ государствахъ, не вполнѣ удовлетворена еще и въ настоящее время».

Что такой выводъ рѣшительно не слѣдуетъ изъ приводимыхъ данныхъ—конечно, нечего и объяснять. Доказывать степень необходимости желѣзныхъ дорогъ для Россіи отношеніемъ существующей въ другихъ государствахъ желѣзно-дорожной сѣти къ пространству и населенію можно бы только, доказавъ предварительно, что всѣ прочія экономическія условія Россіи и этихъ государствъ совершенно одинаковы. Внѣ этого условія, утвержденіе, вродѣ только-что приведеннаго, является рѣшительно логическимъ абсурдомъ, и его трудно было бы понять, еслибы общій тонъ статей г. Бліоха не давалъ ключа къ уразумѣнію въ нихъ многаго, съ перваго взгляда непонятнаго.

Не бо́льшее значеніе для подкрѣпленія выводовъ г. Бліоха имѣетъ и приводимое имъ далѣе сравненіе стоимости постройки, валоваго сбора и расходовъ эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ западно-европейскими. Допуская, что цифры, имъ приводимыя, вполнѣ вѣрны, все-таки онѣ ничего не доказываютъ. Если даже желѣзныя дороги Россіи *абсолютно* стоятъ дешевле, чѣмъ англійскія, бельгійскія и т. д., это не значитъ еще, что онѣ дешевы для Россіи и что капиталъ на нихъ затраченъ производительно. Самъ же г. Бліохъ приводитъ огромныя разницы въ строительной стоимости отдѣльныхъ дорогъ; значитъ, извѣстная часть капитала затрачена была во всякомъ случаѣ излишне, что бы тамъ ни стоили дороги въ Англіи или Америкѣ; наконецъ, повторяемъ, при всякомъ сравненіи нужно брать во вниманіе *всю совокупность условій* сравниваемыхъ явленій; внѣ этого сравненіе можетъ обратиться въ простую игру, съ какимъ характеромъ оно и является у г. Бліоха.

Чтобы исчерпать все, что говоритъ г. Бліохъ объ общемъ экономическомъ значеніи *эксплуатаціи* желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, намъ остается упомянуть о данныхъ, приводимыхъ имъ въ другой части статьи для характеристики вліянія желѣзныхъ дорогъ на *производство* и на *потребленіе*. Въ первомъ отношеніи, г. Бліохъ, въ сущности, не сообщаетъ ничего, кромѣ извѣстнаго факта значительнаго увеличенія оборотовъ нашей внѣшней торговли, въ особенности вывоза сырья за послѣднее время. Безъ всякаго сомнѣнія, увеличеніе это въ главной степени должно быть приписано вліянію желѣзно-дорожной сѣти. Но какое значеніе имѣетъ этотъ усиленный вывозъ для общаго экономическаго состоянія страны, насколько оживилъ онъ внутреннюю торговлю и способствовалъ развитію сельскаго хозяйства и обработывающей промышленности—г. Бліохъ не разъясняетъ. Его интересуетъ въ особенности вліяніе вывоза на торговый балансъ и затѣмъ на поддержаніе вексельнаго курса. Безъ сомнѣнія, и эта сторона дѣла представляетъ интересъ; но ограничиваться ею, когда вопросъ поставленъ принципіально, значитъ, по на-

шему мнѣнію, ходить около сущности предмета, не затрогивая ея прямо.

Соображенія г. Бліоха относительно вліянія эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ *на потребленіе* не лишены своеобразнаго интереса. Приведя нѣсколько цифръ относительно движенія по воднымъ путямъ до и послѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, г. Бліохъ замѣчаетъ, что построеніе сѣти не уменьшило вовсе водяной перевозки. «Точно также, продолжаетъ онъ далѣе: — не уменьшилась и перевозка на лошадяхъ, потому что подвозъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ столь громаднаго количества грузовъ, какое перевозится въ настоящее время, требуетъ болѣе услугъ, чѣмъ перевозка сравнительно ничтожнаго количества грузовъ въ прошедшемъ, хотя прежнія перевозки совершались на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Такимъ образомъ, расходы эксплуатаціи составляютъ увеличеніе денежныхъ оборотовъ въ государствѣ и новый источникъ заработковъ для множества лицъ. *Но если даже допустить, что извозный промыселъ доставляетъ въ настоящемъ менѣе заработковъ, чѣмъ въ прежнее время, то тѣмъ не менѣе потребленіе, вызванное расходами эксплуатаціи, имѣетъ другой характеръ, чѣмъ при извозныхъ заработкахъ, которые распредѣлялись лишь между рабочими классами, тогда какъ эксплуатація желѣзныхъ дорогъ пользуется услугами преимущественно среднихъ и образованныхъ классовъ».*

Далѣе г. Бліохъ приводитъ сдѣланное имъ — неизвѣстно на основаніи какихъ источниковъ — распредѣленіе расходовъ по эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ на 4 категоріи: оплату высшаго труда, оплату низшаго труда и пріобрѣтеніе матеріаловъ: мѣстныхъ и заграничныхъ. По этому исчисленію выходитъ, что изъ общей суммы расходовъ эксплуатаціи всей сѣти, съ начала постройки дорогъ, составлявшей 674,з милл. рубл., было истрачено на оплату высшаго и низшаго труда, по 194,» милл. на каждую категорію; собственно же за періодъ 1866—1875 г. истрачено 154,8 милл. на оплату низшаго труда и столько же на трудъ высшій.

Насколько эти цифры близки къ истинѣ трудно сказать, такъ какъ г. Бліохъ нетолько не указываетъ, какъ онъ пришелъ къ нимъ, но и не объясняетъ даже, что именно разумѣетъ онъ подъ «высшимъ» и «низшимъ» трудомъ. Что же касается общихъ выводовъ, имъ дѣлаемыхъ, то они весьма сомнительны. Очевидно, что желѣзная дорога, какъ и всякое промышленное предпріятіе *машиннаго типа*, съ значительною затратою основного капитала, должна употреблять менѣе капитала оборотнаго (выражающагося главнымъ образомъ въ рабочей платѣ), нежели это имѣетъ мѣсто при способахъ перевозки менѣе искуственныхъ (напримѣръ, при перевозкѣ по водѣ или гужомъ). Поэтому, чѣмъ болѣе въ перевозномъ промыслѣ распространяются паровые желѣзные пути, тѣмъ въ меньшемъ количествѣ рабочихъ рукъ этотъ промыслъ нуждается. Конечно, можетъ случиться, что увеличеніе перево-

жетъ перевѣсить сказанное вліяніе, и *абсолютно* затрата оборотнаго капитала останется таже или даже возвысится. Г. Бліохъ утверждаетъ, что такъ именно и было у насъ. Но утвержденіе это совершенно голословно и не подтверждено ничѣмъ, имѣющимъ хоть какую нибудь тѣнь доказательства. Поэтому едва ли оно можетъ опровергнуть сдѣланное не разъ наблюденіе, что перевозный промыслъ, какъ источникъ заработковъ для массъ, въ общемъ скорѣе упалъ, нежели возвысился съ проведеніемъ сѣти рельсовыхъ путей. Но особенно любопытна вторая, подчеркнутая нами половина приведеннаго мѣста. Г. Бліохъ категорически отмѣчаетъ тенденцію желѣзныхъ дорогъ создавать источники для доходовъ болѣе достаточныхъ классовъ на счетъ уменьшенія заработковъ народныхъ массъ. Съ его точки зрѣнія, повидимому, это тоже вліяніе, направленное къ поднятію общаго благосостоянія. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ г. Бліохъ, когда это ему нужно, говоритъ и другое. Такъ, на той же самой страницѣ, гдѣ находится выписанное мѣсто, г. Бліохъ развязно утверждаетъ, что постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ дала ремесленникамъ и рабочимъ такіе заработки, значительная часть которыхъ могла быть употреблена «непосредственно для удовлетворенія потребностей, состоящихъ прежде всего въ болѣе обильной и здоровой пищѣ, а затѣмъ въ болѣе удобной и изысканной одеждѣ, въ болѣе комфортабельномъ устройствѣ и украшеніи, а также въ лучшемъ освѣщеніи жилья» и, наконецъ, «часть послужила для созданія сбереженій и капиталовъ» (?!).

Мы перебрали главнѣйшіе выводы г. Бліоха относительно благодѣтельнаго вліянія эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Какъ читатели, надѣемся, могли убѣдиться изъ приведеннаго бѣглаго очерка, г. Бліохъ нетолько не разрѣшаетъ, но даже и не касается главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ сторонъ вопроса, имъ поднимаемаго. Не говоря уже о сложныхъ и трудныхъ изслѣдованіяхъ относительно воздѣйствія желѣзныхъ дорогъ на цѣны, на развитіе промышленности, на измѣненіе ея характера въ районѣ расположенія желѣзныхъ дорогъ, г. Бліохъ уклоняется даже отъ серьёзнаго разбора вопросовъ болѣе ему доступныхъ. Мы слышали и слышимъ со всѣхъ сторонъ, что эксплуатація русскихъ желѣзныхъ дорогъ настолько плоха, что онѣ являются плохимъ орудіемъ промышленности и бременемъ для государственнаго казначейства, которое ежегодно приплачиваетъ громадныя суммы для пополненія дефицитовъ въ ихъ бюджетѣ. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать прямо на эти обвиненія на той же почвѣ, на которой они ставятся, г. Бліохъ предпочитаетъ «втирать очки» неимѣющими никакого значенія параллелями съ заграничными дорогами или фантастическими исчисленіями «сбереженій» будто бы доставленныхъ желѣзными дорогами странѣ. Но если даже допустить, что аргументы г. Бліоха вполнѣ серьёзны, мы все-таки до сихъ поръ не видимъ еще въ нихъ ничего, хотя сколько нибудь похожаго на доказательство высказанна-

го имъ положенія, что желѣзными дорогами созданы новыя экономическія средства и силы, которыя устраняютъ возможность повторенія въ нашей государственной жизни стеченія обстоятельствъ столь же неблагопріятныхъ, какъ финансовыя послѣдствія крымской войны. Остается предположить, что коренное измѣненіе къ лучшему въ экономическомъ состояніи Россіи произведено самымъ *процессомъ постройки желѣзнодорожной сѣти* и тѣми экономическими явленіями, которыя были сопряжены съ этимъ процессомъ. Перейдемъ же къ разсмотрѣнію соображеній г. Бліоха по этому предмету.

III.

Построеніе желѣзнодорожной сѣти есть одинъ изъ самыхъ видныхъ и характеристическихъ эпизодовъ въ русской экономической жизни послѣдняго двадцатилѣтія. Прослѣдить исторію этой операціи и ея экономическіе результаты представляло бы поэтому задачу въ высшей степени интересную. Но было бы совершенно напрасно ждать отъ г. Бліоха сколько-нибудь серьёзнаго отношенія къ этой задачѣ. Правда, онъ посвящаетъ много страницъ описанію процесса сооруженія сѣти, приводитъ массу цифръ, но все-таки самыя существенныя стороны предмета остаются не затронутыми, и выводы, являющіеся въ концѣ статьи, до извѣстной степени висятъ въ воздухѣ.

Какъ извѣстно, въ Россіи сооруженіе желѣзныхъ дорогъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь было дѣломъ государства. Громадный капиталъ, вложенный въ предпріятіе, въ самой значительной долѣ своей былъ собранъ путемъ правительственныхъ займовъ. Въ настоящее время номинальная стоимость желѣзныхъ дорогъ въ Россіи (считая основной капиталъ и дополнительныя ссуды правительства) можетъ быть опредѣлена цифрою свыше 1³/₄ милліарда. Изъ этого числа государство вложило въ дѣло болѣе одного милліарда; изъ остальной части (которая во всякомъ случаѣ менѣе номинальныхъ ³/₄ милліарда, такъ какъ значительная часть акцій никогда не была реализована и представляетъ только фиктивную оцѣнку предпріятія) наибольшая доля капиталовъ собрана подъ гарантію правительства, т. е. косвенно тоже равносильна правительственному займу. Но, при такомъ рѣшительномъ участіи государства въ созданіи матеріальныхъ средствъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и сравнительно ничтожномъ содѣйствіи при этомъ частной промышленности, *распорядителями* предпріятій явились, однако, частные капиталисты, а не правительство. Даже инниціатива въ вопросѣ, какія именно линіи желѣзныхъ дорогъ и въ какой постепенности должны быть построены, почти исключительно принадлежала частной предпріимчивости. Результаты такого направленія дѣла по-

нятиы сами собою. Конечно, странно было бы и требовать, чтобы частная промышленность руководствовалась не присущимъ ей принципомъ наибольшей выгоды, а государственными соображеніями. Немудрено поэтому, что строилась зачастую не тѣ дороги, которыя были необходимы, а тѣ, сооруженіе которыхъ почему-либо представлялось выгоднымъ для предпринимателей. Общаго, твердо опредѣленнаго плана при построеніи желѣзныхъ дорогъ не было, и сѣть получилась до извѣстной степени случайная. Ненормальность подобнаго порядка вещей еще болѣе осложнялась и усиливалась тѣмъ, что частная предпріимчивость оперировала не своими, а государственными средствами. Это устраняло всякую задержку для спекуляціи. Капиталы составлялись, благодаря содѣйствію правительства, легко, а высокія строительныя цѣны сулили предпринимателямъ вѣрную наживу. До какихъ размѣровъ доходила эта нажива, можно судить, уже по сравненію концессіонныхъ оцѣнокъ: строительная стоимость дорогъ, сданныхъ въ послѣднее время, почти вдвое дешевле цѣнъ золотого періода строительства, а между тѣмъ, и эта меньшая оцѣнка все таки крайне выгодна; иначе, конечно, концессіонеры не добивались бы съ бою получить постройку хотя по такой оцѣнкѣ. Всѣ эти причины естественно должны были вызвать памятную спекулятивную горячку, жадную погоню за концессіями во что бы то ни стало. Въ результатѣ явилась быстро и плохо построенная сѣть и громадныя состоянія, легко нажитыя счастливыми обладателями концессій.

Едва ли можетъ и возникать серьёзно вопросъ о томъ, что созданіе подобнымъ путемъ класса капиталистовъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ представляться выгоднымъ для страны. Какъ бы ни смотрѣть на роль и значеніе этого класса въ общемъ экономическомъ развитіи, столь *упрощенный* процессъ его происхожденія во всякомъ случаѣ представляется явленіемъ патологическимъ. Богатства, нажитыя посредствомъ простого элементарнаго «перемѣщенія» собранныхъ государствомъ милліоновъ изъ казенныхъ сундуковъ въ карманы концессіонеровъ, не сѣявшихъ а только собиравшихъ въ житницы, не могли послужить основою для развитія промышленности. Но и независимо отъ скопленія громадныхъ средствъ въ рукахъ непроизводительнаго класса, указанное направленіе желѣзнодорожной операціи имѣло и другія опасныя и прямо невыгодныя стороны. Быстрый приливъ массы капиталовъ въ страну, неподготовленную въ промышленномъ отношеніи къ ихъ утилизаціи, всегда способствуетъ развитію спекуляціи, усиленію биржевой игры и разныхъ операцій, основанныхъ на денежномъ обращеніи, въ ущербъ настоящей промышленности. Въ результатѣ получается внѣшній блескъ, прикрывающій внутреннюю пустоту. Такое положеніе вещей является въ особенности опаснымъ, если общее теченіе захватываетъ и государство; а мы видимъ это почти всякій разъ, когда искуственное, фиктивное оживленіе про-

мышленности совпадаетъ съ періодомъ фискальныхъ затрудненій и стремленій къ росту бюджета. Если мы обратимся къ нашей исторіи за послѣдніе годы, то найдемъ, что всѣ указанныя явленія дѣйствительно имѣли у насъ мѣсто. Ненормальное расширеніе денежнаго обращенія, усиленіе спекуляціи, ажіотажъ, ростъ банковаго дѣла, превышающій реальныя нужды промышленности и направленный, главнымъ образомъ, на расширеніе биржевой игры — вотъ характерныя послѣдствія, вызванныя лихорадочною дѣятельностью желѣзнодорожнаго строительства. Безъ сомнѣнія, здѣсь было воздѣйствіе и другихъ факторовъ, но процессъ сооруженія сѣти слѣдуетъ признать однимъ изъ важнѣйшихъ. Припомнимъ далѣе, что съ этимъ временемъ совпадало и усиленное расширеніе нашего бюджета. Мы уже упоминали выше, что за время съ 1866—75 гг. бюджетъ возросъ почти вдвое. Ростъ этотъ объясняется, главнымъ образомъ, возвышеніемъ налоговъ, падающихъ на предметы потребленія массъ. Такимъ образомъ, государственное казначейство явилось резервуаромъ, въ который стеклись избытки, доставшіеся на долю рабочихъ классовъ населенія изъ общей суммы новыхъ цѣнностей, явившихся въ странѣ вслѣдствіе постройки дорогъ. Это имѣло послѣдствіемъ еще большую относительную неравномѣрность въ распредѣленіи денежныхъ средствъ между непроизводительными и производительными элементами общества; съ другой стороны, такъ какъ новыхъ постоянныхъ платежныхъ источниковъ не возникло, то нетолько дальнѣйшій ростъ государственнаго бюджета, но даже и поддержаніе его на томъ же уровнѣ, какъ во время существованія временныхъ заработковъ у населенія—должно было оказаться затруднительнымъ. Между тѣмъ, государственное хозяйство неудержимо шло къ расширенію. Захваченное общимъ теченіемъ и даже въ значительной степени активно содѣйствовавшее усиленію этого теченія, оно неизбѣжно должно было, вслѣдствіе этого, раздѣлить и общую участь всей промышленной сферы въ періодъ ликвидаціи наслѣдія спекулятивнаго періода. Ликвидація эта началась тотчасъ по прекращеніи усиленнаго сооруженія сѣти. Послѣдующія политическія осложненія еще болѣе способствовали быстрому ея ходу.

Такимъ представляется въ общихъ чертахъ экономическое воздѣйствіе самаго *процесса* сооруженія желѣзнодорожной сѣти въ Россіи по воззрѣніямъ «пессимистовъ». Г. Бліохъ такихъ воззрѣній, какъ уже было упомянуто, не раздѣляетъ и рисуетъ «иныя картины»; хотя, какъ увидимъ далѣе, приведенные выводы подтверждаются отчасти даже тѣми данными, которыя мы находимъ у самого г. Бліоха. Исправленіе ошибочныхъ мнѣній пессимистскихъ писателей г. Бліохъ начинаетъ уже въ историческомъ очеркѣ хода построенія сѣти, помѣщенномъ въ первой изъ его статей («Вѣст. Евр.» 1877, IX). Въ исторіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи г. Бліохъ отличаетъ 3 періода: первый до крымской войны—«періодъ начинаній, колебаній, неопытности, когда самая польза и возможность

покрытія Россіи желѣзнодорожною сѣтью была не выяснена; затѣмъ періодъ, когда установилось полное сознаніе необходимости созданія обширной сѣти, но самое положеніе государственнаго кредита представляло затрудненія къ строгому выполненію дѣла»; наконецъ, послѣдній періодъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, когда уже могли оказаться и экономическіе результаты и техническія особенности желѣзнодорожной предпріимчивости въ Россіи». Г. Бліохъ особенно подробно останавливается на второмъ періодѣ и старается изобразить тѣ затрудненія и препятствія, которыя предстояло преодолѣть для прочной постановки дѣла. Главнѣйшія изъ этихъ препятствій проистекали вслѣдствіе трудности пріискать капиталы. Однако, они были устранены, благодаря «свѣтлому взгляду и твердой волѣ финансовой администраціи, которые появились въ постоянной поддержкѣ, оказываемой при выдачѣ новыхъ концессій съ цѣлью добыть капиталъ на необходимѣйшія въ то время государственныя дороги» и благодаря неоцѣненнымъ еще заслугамъ самихъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей и энергіи проявляемой ими въ поискахъ за капиталами на иностранныхъ рынкахъ. Эти-то заслуги и выводитъ изъ забвенія г. Бліохъ. Чтобы пріискать капиталы, говоритъ онъ, («Вѣст. Евр.» IX, 1877, 352) нужна была значительная доля и ума и финансовыхъ связей. «Операція эта не была дѣломъ столь легкимъ и простымъ, какъ это многимъ можетъ сегодня казаться, и еслибы съ этой точки зрѣнія писалась исторія постройки нашихъ дорогъ, то несомнѣнно многія произносимыя до сихъ поръ неблагопріятныя сужденія стояли бы на болѣе справедливой почвѣ» (sic!). Однако, заслуги желѣзнодорожныхъ дѣятелей должны были оплачиваться очень высоко и постройка дорогъ обходилась настолько дорого, что можно было опасаться за будущее распространеніе сѣти, до тѣхъ поръ, пока концессія на либавскую желѣзную дорогу, выданная (синдикату банкировъ, въ числѣ которыхъ былъ и г. Бліахъ) по «заявленной на торгахъ, до того времени небывалой низкой цѣнѣ, не открыла, по словамъ г. Бліоха, новой эпохи дешевой постройки дорогъ въ Россіи» (стр. 355). Въ это же время начинается реализація желѣзнодорожныхъ облигацій правительствомъ, что окончательно уничтожило задержки въ строительствѣ и сооруженіи сѣти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всестороннее улучшеніе экономическаго состоянія Россіи пошло быстрыми шагами.

Исторія послѣдняго періода желѣзнодорожнаго строительства, эпохи собственно концессіонной горячки г. Бліохъ касается только мимоходомъ, быть можетъ потому, что никакихъ особыхъ «заслугъ» предпринимателей, дѣло которыхъ упростилось до послѣдней степени, обнаружить здѣсь было нельзя. Конечно, довольно проблематичны эти заслуги и въ предыдущемъ періодѣ: кредитъ для желѣзнодорожнаго дѣла завоеванъ былъ во всякомъ случаѣ не «частною предпріимчивостью», капиталы изъ заграницы явились

подъ гарантію и при непосредственномъ участіи правительства; когда нашъ бюджетъ нѣсколько улучшился (благодаря частью финансовымъ реформамъ, частью же прямо увеличенію налоговъ) возросъ и государственный кредитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довѣріе къ желѣзнодорожнымъ обязательствамъ. Иностранные рынки для желѣзнодорожнаго дѣла открылъ никто иной, какъ податной мужикъ, когда количество стекавшихся отъ него въ фискъ рублей сдѣлалось болѣе, чѣмъ прежде.

Какъ же отразилось сооруженіе сѣти на мужицкомъ карманѣ? Г. Бліохъ не сомнѣвается, что операція постройки дорогъ принесла огромные денежные рессурсы массамъ; онъ затрудняется только вопросомъ, какъ именно распредѣлились эти рессурсы между потребленіемъ производительнымъ и непроизводительнымъ, именно «въ какой мѣрѣ низшій классъ народонаселенія, при новой обстановкѣ, вызванной крестьянскою реформою, успѣлъ уже, пользуясь правомъ собственности въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ въ прошломъ, сознать необходимость бережливости; или же стремленіе его было направлено лишь къ тому, чтобы расширить свои жизненныя потрѣбности въ ненормальныхъ размѣрахъ» («Вѣст. Евр., 1877, X, 778). Г. Бліохъ съ особеннымъ стараніемъ напираетъ на огромные, по его исчисленію, заработки, доставленные постройкою желѣзныхъ дорогъ населенію. Что касается барышей предпринимателей, то, если вѣрить г. Бліоху, барыши эти, повидимому, въ значительной мѣрѣ наговорены «пессимистами». Изъ словъ г. Бліоха выходитъ наоборотъ, что концессіонеры при низкихъ цѣнахъ часто несли убытки, при высокихъ же цѣнахъ прибыли распредѣлялись на всю массу лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Вотъ подлинныя слова г. Бліоха. Дѣйствіе израсходованныхъ суммъ на народную экономію—говоритъ онъ («Вѣст. Евр.» 1877, X, 773)—съ постепеннымъ значительнымъ пониженіемъ поверстной стоимости дорогъ, должно было быть нѣсколько разное. При высокихъ строительныхъ цѣнахъ прошлаго времени, основной капиталъ расходовался менѣе осмотрительно, и руководящіе дѣломъ не были вынуждены къ строгой экономіи, какъ въ послѣдующее время низкихъ цѣнъ, при которыхъ многіе *изъ предпринимателей иногда терпѣли даже чувствительныя потери*. Въ прежнее время всѣ, отъ простого рабочаго до оптоваго поставщика, реализировали болѣе значительные барыши, служившие для усиленія потребленія или созданія сбереженій. Между тѣмъ, при слѣдующихъ, пониженныхъ конкурренціею цѣнахъ, при значительномъ предложеніи труда и матеріаловъ, расходуемый капиталъ являлся въ значительной степени лишь возвратомъ расходовъ производства, не доставляя выгодъ и заработковъ свыше нормальнаго размѣра.

И такъ оказывается, что желѣзно-дорожное предпринимательство имѣетъ особое свойство быть выгоднымъ для общественной экономіи, въ томъ или другомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ:

и при высокихъ и при низкихъ цѣнахъ. Открывъ г. Бліохъ предъ правительствомъ, при соисканіи на либавскую дорогу, настоящую стоимость желѣзно-дорожныхъ построекъ, что содѣйствовало пониженію концессіонныхъ цѣнъ — это открываетъ въ Россіи чуть не новую эру; но затѣмъ оказывается, что и предъидущій періодъ имѣлъ свою хорошую сторону, такъ какъ въ это время желѣзно дорожные строители болѣе щедрою рукою разсыпали благодѣянія на народныя массы. Трудно, однако, понять и согласить слѣдующее: 1) какимъ образомъ можно допустить, что при постройкахъ новаго періода концессіонеры имѣли малые барыши съ тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что акціонерные капиталы желѣзно-дорожныхъ обществъ въ послѣднее время обыкновенно вовсе не реализовалось, т. е. цѣликомъ оставались въ рукахъ учредителей и 2) какимъ образомъ вяжется утвержденіе о большихъ барышахъ рабочихъ при старыхъ концессіяхъ съ выводомъ г. Блioxa, о постоянномъ возвышеніи рабочей платы? Не можемъ наконецъ не напомнить, что «реализаціи рабочими значительныхъ барышей», о которой говоритъ г. Блioxъ, относится къ тому времени, когда на одной изъ нашихъ старѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ производились знаменитые «опыты отученія людей отъ пищи».

Общая сумма расходовъ, употребленныхъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ на оплату труда, опредѣляется г. Блioxомъ въ 698 милл. р. (изъ 1544, составляющихъ, по его исчисленію, стоимость сѣти); изъ этого числа 217 милл. приходятся на оплату труда высшаго (въ эту категорію входятъ и барыши строителей и подрядчиковъ) и 481 милл. на оплату низшаго труда. Что касается собственно періода 1866 — 75 гг., то за это время всего выпущено было желѣзно-дорожныхъ бумагъ на 920 милл. руб.; изъ этой суммы вознагражденіе высшаго труда потребовало 111,2 милл. и труда низшаго — 249,9 милл. Таблица, изъ которой заимствованы приведенныя данныя, составлена г. Блioxомъ по разнымъ косвеннымъ указаніямъ, такъ какъ прямыхъ свѣдѣній о дѣйствительной строительной стоимости сѣти не имѣется. Поэтому къ цифрамъ ея нельзя относится строго; трудно, однако, не замѣтить въ выводахъ г. Блioxa извѣстной несообразности. Г. Блioxъ исчисляетъ стоимость постройки дорогъ, отбрасывая изъ общей суммы номинальнаго ея капитала извѣстный процентъ на издержки реализаціи бумагъ и уплату процентовъ во время производства работъ. Остальную часть онъ дѣлитъ на категоріи: оплату труда (высшаго и низшаго) и матеріаловъ (заграничныхъ и мѣстныхъ). Но, какъ уже было упомянуто, извѣстная довольно значительная доля капиталовъ желѣзныхъ дорогъ вовсе не реализовалась: акціи нѣсколькихъ дорогъ цѣликомъ остались въ рукахъ учредителей. Стоимость этихъ акцій слѣдуетъ сбросить съ подлежащей распредѣленію суммы или отнести ее цѣликомъ къ категоріи барышей

предпринимателей; соотвѣтственно этому, остальныя категоріи должны быть уменьшены. Но предположимъ, что цифры г. Бліоха вполнѣ вѣрны, и что количество заработковъ, доставленныхъ постройкою дорогъ представителямъ «низшаго труда» (называть вознагражденіемъ *труда* расходы, отнесенные г. Бліохомъ къ разряду «оплата высшаго труда», конечно, можно только въ фигуральномъ смыслѣ [1], соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности исчисленіямъ г. Бліоха. Можно ли безъ натяжки доказывать, что эти заработки могли произвести дѣйствительное улучшеніе въ экономическомъ положеніи массъ и серьёзно разбирать вопросъ: какая часть ихъ пошла на образованіе «капиталовъ» и какая на усиленіе потребленія въ ненормальныхъ размѣрахъ,—когда извѣстно, что за тоже время государственные доходы возросли (главнымъ образомъ вслѣдствіе усиленія налоговъ) сравнительно съ нормою 1866 г., въ общей суммѣ на 1,300 милл. р., и въ громадной степени возвысились цѣны на всѣ предметы продовольствія рабочаго? Намъ кажется, что заработки, доставленные постройкою желѣзныхъ дорогъ, могутъ имѣть значеніе только при объясненіи причинъ возрастанія нашего бюджета, а никакъ не въ смыслѣ показателей увеличенія народного благосостоянія въ сколько нибудь серьёзной мѣрѣ.

Въ фискальномъ отношеніи операціи постройки желѣзныхъ дорогъ въ столь значительныхъ размѣрахъ въ короткій срокъ дѣйствительно имѣло огромное значеніе. Г. Бліохъ совершенно правъ, приписывая ростъ государственныхъ доходовъ за послѣднее время въ очень видной степени воздѣйствію желѣзно-дорожной сѣти. Мы здѣсь опять наталкиваемся на вопросъ: насколько и въ какомъ случаѣ увеличеніе доходовъ и расходовъ государства можетъ считаться признакомъ и доказательствомъ *кореннаго* улучшенія экономическаго состоянія страны? Вѣдь ростъ бюджета можетъ происходить отъ разныхъ причинъ и оказывать совершенно различныя экономическія вліянія. Мы уже упоминали, что ростъ нашего бюджета за послѣдніе года объясняется почти исключительно возвышеніемъ налоговъ и главнѣйшимъ образомъ тѣхъ изъ нихъ, которые лежатъ на массахъ населенія. При слабомъ развитіи промышленной жизни, фискъ до сихъ поръ еще является у насъ важнѣйшимъ экономическимъ факторомъ. Поэтому тенденціи бюджета расширяться при каждой возможности имѣютъ весьма существенное и далеко не благопріятное значеніе какъ для общаго народнаго благосостоянія, такъ и для интересовъ самаго фиска. Припомнимъ, что расширеніе доходнаго бюджета значитъ увеличеніе платежей со стороны массы народа, а увеличеніе бюджета расходнаго (которое идетъ всегда параллельно)—

---

[1] Среднюю норму «вознагражденія» этого рода г. Бліохъ полагаетъ въ 4 т. р. Затѣмъ, какъ было упомянуто въ этой же рубрикѣ, находятся и барыши подрядчиковъ и строителей.

усиленіе потребленія экономически непроизводительнаго. Государственное хозяйство играетъ какъ бы посредствующую роль при перемѣщеніи экономическихъ силъ отъ массъ, питающихъ бюджетъ, къ тѣмъ классамъ, которые въ той или другой формѣ питаются на счетъ бюджета. Такой результатъ никакъ нельзя считать полезнымъ для страны.

Если мы обратимся собственно къ вліянію на бюджетъ процесса постройки желѣзныхъ дорогъ, то увидимъ, что въ этомъ случаѣ полезность вызваннаго этою операціею увеличенія государственныхъ доходовъ оказывается особенно проблематичною. Дѣло въ томъ, что возростаніе доходовъ за это время нетолько поглащало почти всецѣло, тѣ заработки, которые желѣзныя дороги давали массѣ населенія, но еще и создало извѣстные прецеденты для будущаго. Построеніе дорогъ была затрата *капитальная*, единовременная, поэтому экстренные доходы, ею обусловленные, никакъ не могли служить масштабомъ для нормальнаго положенія дѣлъ. Временные заработки прекратились съ пріостановкою построенія сѣти; но постоянныя тягости для поддержанія ея, лежащія на государственномъ бюджетѣ (а, слѣдовательно, и на народныхъ массахъ) остались. Онѣ могли бы уравновѣситься только въ такомъ случаѣ, еслибы, вслѣдъ за сооруженіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, возникли какіе-нибудь новые источники доходовъ. Но подобныхъ источниковъ мы не видимъ; поэтому для насъ трудно понять, въ чемъ же именно заключалось прочное полезное воздѣйствіе операціи построенія желѣзно-дорожной сѣти на государственное хозяйство?

Еще менѣе, нежели ростъ государственныхъ доходовъ, можетъ считаться признакомъ кореннаго улучшенія экономическаго состоянія Россіи, указываемое г. Бліохомъ, расширеніе банковаго дѣла за періодъ времени, совпадающій съ усиленною постройкою желѣзныхъ дорогъ. Мы не говоримъ здѣсь о государственномъ кредитѣ: онъ всецѣло зависитъ отъ состоянія государственнаго бюджета и не можетъ разсматриваться какъ явленіе самостоятельное. Мы имѣемъ въ виду только расширеніе частнаго кредита, которое имѣло мѣсто за послѣднее время. Когда ростъ кредита является естественнымъ послѣдствіемъ роста промышленности, онъ составляетъ одно изъ могущественныхъ пособій дальнѣйшимъ успѣхамъ производства. Но банковыя учрежденія могутъ возникать и другимъ путемъ, болѣе искуственнымъ; ихъ корни иногда лежатъ очень мелко, только въ области спекуляціи и денежнаго обращенія, не достигая собственно производства. Едва ли можно отрицать, что происхожденіе нашего «банковаго прогресса» въ значительной мѣрѣ именно такое искуственное. Банковая горачка явилась частью подъ непосредственнымъ импульсомъ со стороны государственныхъ учрежденій, частью подъ вліяніемъ обусловленнаго разными причинами—и въ значительной мѣрѣ операціею постройки желѣзныхъ дорогъ—

искуственнаго оживленія денежнаго обращенія. Нагляднымъ доказательствомъ, что развитіе банковаго дѣла не пустило глубокихъ корней, можетъ служить роль нашего ипотечнаго кредита. Мы имѣемъ массу земельныхъ банковъ, но много ли произведено у насъ земельныхъ улучшеній? подвинулось ли впередъ помѣщичье хозяйство? Но каково бы ни было значеніе нашихъ кредитныхъ учрежденій для тѣхъ промышленныхъ, сферы которыхъ они касаются, несомнѣнно, что центръ тяжести экономической жизни страны лежитъ, во всякомъ случаѣ, не въ этихъ сферахъ. Вѣдь до сихъ поръ еще Россія живетъ грубымъ мужицкимъ трудомъ и въ его производительности залогъ ея богатства. Поэтому *кор ннымъ* можетъ быть названо только такое измѣненіе въ экономическихъ условіяхъ, которое достигаетъ этого глубоко лежащаго слоя. Все, что происходитъ лишь на поверхности, можетъ имѣть значеніе какъ извѣстный шагъ къ переходу въ другой хозяйственный строй; но до тѣхъ поръ, пока переходъ этотъ не завершился, не можетъ быть разсматриваемо, какъ опредѣляющій моментъ въ направленіи экономической жизни страны.

Болѣе обстоятельно, нежели прочія стороны предмета обработанъ у г. Бліоха вопросъ о вліяніи, которое постройка желѣзныхъ дорогъ имѣла на торговый балансъ и вексельные курсы. Мы уже имѣли случай упоминать объ этомъ выше. Весьма значительная часть статьи г. Бліоха, посвящена подробному разсмотрѣнію именно этой стороны дѣла. Попутно г. Бліохъ излагаетъ и результаты банковыхъ операцій правительства (главнымъ образомъ, извѣстную попытку искуственной поддержки вексельныхъ курсовъ) Большая часть желѣзныхъ дорогъ построена на счетъ внѣшнихъ займовъ, такимъ образомъ, постройка сѣти привлекла къ намъ значительное количество капиталовъ изъ-за-границы; съ другой стороны, потребовала и извѣстныхъ крупныхъ заграничныхъ уплатъ (на проценты по бумагамъ), затѣмъ желѣзныя дороги породили значительный ввозъ изъ за границы (уже одни матеріалы заграничнаго заготовленія для самихъ дорогъ составляли при этомъ видную статью), но въ тоже время способствовали къ громадному усиленію вывоза. Такимъ образомъ, вліяніе дорогъ на отношеніе ввоза къ вывозу и на состояніе нашихъ курсовъ было самое разнообразное и сложное. Въ общемъ, однако, мы можемъ замѣтить постоянный въ этомъ отношеніи прогрессъ: вексельный курсъ возвышался постепенно до 1874 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, курсъ, находящійся подъ такими сложными вліяніями, дѣлался весьма чувствительнымъ. Могущественное воздѣйствіе желѣзныхъ дорогъ на денежное обращеніе и другія стороны экономической жизни заставляло ожидать извѣстнаго потрясенія при какомъ-нибудь рѣзкомъ измѣненіи въ ходѣ операціи. И дѣйствительно, мы видимъ, что первые признаки того финансоваго и экономическаго кризиса, который, усилившись, вслѣдствіе политическихъ осложненій, принялъ те-

перь довольно значительные размѣры, совпадаютъ съ открытіемъ многихъ новыхъ линій при одновременномъ пріостановленіи дальнѣйшей усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и выпуска бумагъ на таковыя.

Г. Бліохъ подробно разъясняетъ ближайшіе причины и поводы современнаго кризиса; но мы не послѣдуемъ за нимъ на этомъ пути. Для насъ, въ данномъ случаѣ, представляется особенно важнымъ не опредѣленіе тѣхъ комплинацій, которыя *непосредственно* вызвали кризисъ, а выясненіе вопроса: не существовало ли другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, которыя дѣлали состояніе страны не прочнымъ; иными словами, представляютъ ли современныя затрудненія явленіе болѣе или менѣе случайное или же онѣ указываютъ на необходимость *измѣненія въ направленіи* экономической жизни страны? Поэтому мы и обращали преимущественное вліяніе на тѣ части статьи г. Бліоха, которыя имѣютъ отношеніе къ этому вопросу.

Какъ мы видѣли, г. Бліохъ стремится доказать, что «современныя экономическія и финансовыя затрудненія ничего особенно опаснаго въ себѣ не имѣютъ. Безъ сомнѣнія, исключительныя явленія, вызванныя войною и другими обстоятельствами, не могутъ не произвести нѣкотораго перерыва въ общемъ раціональномъ направленіи, какое было принято нашимъ государственнымъ хозяйствомъ въ послѣднее десятилѣтіе, но это колебаніе и этотъ перерывъ будутъ только временные». Дѣло въ томъ, что предшествовавшій періодъ подготовилъ средства и силы для исправленія вредныхъ послѣдствій кризиса. Значительнѣйшую роль играли при этомъ вновь созданные пути сообщенія. Мы пересмотрѣли главные доводы г. Бліоха относительно экономическаго вліянія этихъ новыхъ путей и могли убѣдиться, что указываемые г. Бліохомъ факты не могутъ имѣть и тѣни значенія, какое онъ имъ приписываетъ. Да трудно было бы и ожидать, чтобы, идя по пути, которому слѣдуетъ нашъ авторъ, можно было придти къ какимъ нибудь цѣннымъ результатамъ и выводамъ. Чтобы отыскать *коренныя условія* экономическаго улучшенія Россіи, нужно спуститься къ кореннымъ слоямъ ея строя. Только прямой и непосредственный анализъ экономическаго состоянія народныхъ массъ и условій, въ которыхъ стоитъ ихъ трудъ, можетъ дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, улучшилось ли положеніе Россіи за данное время. У г. Бліоха ничего подобнаго мы не находимъ и натурально не можемъ и ожидать найти. Онъ смотритъ на міръ Божій сквозь призму интересовъ того класса, который и выплылъ-то наружу именно благодаря забвенію въ направляющихъ сферахъ жизни той истины, что экономическое преуспѣяніе Россіи можетъ быть достигаемо только мѣрами, клонящимися непосредственно къ поднятію производительности труда народныхъ массъ. Въ настоящее время, результаты этого забвенія начинаютъ сказываться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы начинаемъ

болѣе критически и сознательно относиться къ только что прожитому періоду и отличать въ немъ плевелы отъ здороваго зерна. Плевелами при этомъ и оказываются тѣ элементы и общественные слои, ростъ которыхъ г. Бліоху представляется особенно благопріятнымъ признакомъ прогресса. Безспорно г. Бліохъ съ своей точки зрѣнія правъ; но насколько эта точка зрѣнія имѣетъ общаго съ интересами русскаго общественнаго сознанія вопросъ совершенно иной.

А.

(*Окончаніе будетъ*).

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ ВЪ МІРѢ НОВЫХЪ СУДОВЪ.

«Сводъ статистическихъ свѣденій по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1875 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г.» Изданіе министерства юстиціи въ трехъ частяхъ.

При министерствѣ юстиціи существуетъ нѣсколько лѣтъ особое статистическое бюро для разработки тѣхъ свѣденій о преступленіяхъ и преступникахъ, которыя добываются уголовными судами при производствѣ въ нихъ дѣлъ. Министерство издаетъ эти свѣденія въ видѣ сборниковъ, состоящихъ изъ статистическихъ таблицъ самаго разнообразнаго содержанія, составленныхъ по методамъ криминальной статистики, и въ этой части, безспорно, труды статистическаго бюро представляютъ почтенный вкладъ въ литературу этого предмета.

Но эти изданія задаются и другою цѣлью. По цифровымъ даннымъ извѣстнаго года они составляютъ нѣчто подъ заглавіемъ: «Общій Обзоръ дѣятельности судебныхъ мѣстъ», и ставятъ этотъ отдѣлъ во главѣ всѣхъ другихъ, какъ квинтэссенцію всего содержанія сборника.

Въ началѣ лѣта прошлаго года статистическій сборникъ вышелъ подъ заглавіемъ, которое мы выписали выше. Появленіе его и въ этомъ году, какъ и предъидущіе годы, вызвало въ повременной печати нѣсколько замѣтокъ о достоинствахъ заключающихся въ немъ матеріаловъ уголовной статистики [1]. Боль-

---

[1] См. «Вѣстникъ Европы» кн. VI «Внутреннее Обозрѣніе»; «Отечественныя Записки» статья подъ заглавіемъ «Свѣточи Будущаго» и «Журн. граж. и уголовн. права книга III».

шинство этихъ замѣтокъ имѣло въ виду лишь тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ «Свода» по отношенію къ физіологіи преступленій въ Россіи, лишь косвенно касаясь статистическихъ цифръ о дѣятельности органовъ уголовнаго правосудія или такъ сказать *судебной* части министерской статистики.— Вотъ почему мы намѣрены исключительно заняться этой послѣдней, т. е. первымъ и вторымъ отдѣлами «Свода».

Когда «Сводъ» попадаетъ въ руки составляющихъ служебный персоналъ новыхъ судебныхъ учрежденій, то вниманіе этихъ лицъ обращается преимущественно на первый отдѣлъ изданія. Нерѣдко просмотръ и неидетъ далѣе перваго отдѣла, такъ какъ судебные чиновники, правильно или ошибочно, полагаютъ. что въ этомъ «Общемъ обзорѣ» выражаются руководящіе взгляды судебной администраціи вообще, и министерства юстиціи въ особенности.—Дѣйствительно, нервый отдѣлъ «Свода» имѣетъ такое содержаніе, что его можно считать относящимся къ остальнымъ, какъ выводъ къ посылкамъ; въ немъ приводятся, весьма авторитетнымъ тономъ, общія заключенія о данныхъ, основанныхъ на цифрахъ; онъ можетъ, съ перваго взгляда, показаться столько же научнымъ, какъ и другіе отдѣлы. Но это только можетъ показаться съ перваго разу; при подробномъ же разборѣ этого «Общаго обзора дѣлопроизводства» выходитъ, что онъ не можетъ имѣть притязаній ни на научную, ни на другую какую-либо авторитетность.

Характера научной работы разбираемый отдѣлъ не можетъ имѣть уже потому, что всякая наука въ выводахъ своихъ скромна, и прежде чѣмъ мечтать о примѣненіи ихъ, напротивъ, старается, чтобы эти выводы не стали въ зависимость отъ предвзятой мысли о немедленномъ практическомъ ихъ примѣненіи къ извѣстной, напримѣръ, админастративной цѣли. Въ предисловіи къ «Своду» за 1874 годъ совершенно справедливо было сказано, что *только тогда*, когда развитіе уголовной статистики въ Россіи (а также судебной прибавимъ мы) будетъ поставлено на твердую почву, издаваемые министерствомъ «Своды» дадутъ какъ наукѣ, такъ и требованіямъ *административнаго контроля за судами*, обстоятельный матеріалъ для всестороннихъ выводовъ и заключеній. Но эту, совершенно вѣрную, мысль составители «Свода» часто упускаютъ изъ виду и главный упрекъ, который долженъ быть ему сдѣланъ, состоитъ именно въ томъ, что онъ слишкомъ поспѣшно и широко черпаетъ изъ таблицъ, нерѣдко составленныхъ очень неудовлетворительно, выводы для своего перваго отдѣла, чтобы примѣнить ихъ, какъ онъ выражается, къ требованіямъ административнаго контроля за дѣятельностью судебныхъ учрежденій.

Съ другой стороны, и начальственная, такъ сказать, авторитетность «Свода» сильно сомнительна, потому что нельзя себѣ даже составить яснаго понятія о томъ, кѣмъ и для кого онъ составляется; составляютъ ли его статистическіе чиновники для

г. министра юстиціи, или этотъ послѣдній долженъ считаться личнымъ составителемъ этого публичнаго годового отчета? Вопросъ этотъ отнюдь не маловаженъ; нѣкоторыя мѣста «Свода» прямо требуютъ разъясненія—да кто же это пишетъ, удостовѣряетъ и свидѣтельствуетъ? чиновники ли министерства, или самъ генералъ-прокуроръ [1].

Чтобы доказать нашъ *главный* упрекъ первому отдѣлу «Свода», мы обратимся къ тѣмъ его частностямъ, которыя, на нашъ взглядъ, убѣждаютъ въ злоупотребленіи составителей матеріаломъ статистики — цифрой. Цифра, какъ и littera — nocet vel docet, смотря по обстоятельствамъ. Искать въ цифрѣ немедленнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ изъ практики и въ практикѣ живаго судебнаго дѣла, для статистика также непростительно, какъ для ученаго химика искать философскій камень. Между тѣмъ, гг. статистики министерства юстиціи, тѣмъ цифрамъ, которыя указываютъ лишь внѣшніе результаты судебной дѣятельности (даже не тѣмъ, что записаны въ рѣшеніяхъ; а лишь тѣмъ, что сообщены въ статистическое бюро на форменныхъ листочкахъ), придаютъ рѣшительное значеніе въ оцѣнкѣ судебнаго труда, результатъ котораго, какъ это каждому извѣстно, достигается не физическими, а преимущественно умственными и нравственными силами дѣятелей. — Въ «Сводѣ» вы вовсе не встрѣтите рубрикъ: ни о томъ, сколько разъ высшіе суды утверждаютъ рѣшеніе низшихъ съ примѣненіемъ мотивовъ, и сколько разъ лишь смягчаютъ наказаніе; ни о томъ, сколько отмѣняется сенатомъ опредѣленій палатъ о преданіи суду; ни о томъ, сколько разъ, при несогласіи судовъ съ прокуратурой, дѣла получали исходъ, сообразный мнѣнію одной и сколько разъ другой стороны—а между тѣмъ въ томъ же «Сводѣ» весьма авторитетно для чего-то указывается, что «значительная часть кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ приходится на московскую судебную палату» [2]; что «дѣлопроизводство (?) обвинительныхъ

---

[1] Такъ, напримѣръ, на V стр. «Свода», неизвѣстный составитель его говоритъ, что желательно было бы «болѣе усиленной дѣятельности въ округѣ казанской судебной палаты». Напечатано это особымъ жирнымъ шрифтомъ; но чье это желаніе неизвѣстно, хотя, конечно, далеко не безразлично для обязательныхъ и не обязательныхъ читателей «Свода». Сущности этого упрека казанскому округу мы коснемся далѣе; здѣсь же замѣтимъ только, что такая форма обсужденія дѣятельности судебныхъ учрежденій (даже цифирной) даетъ мѣсто предположенію, что «Сводъ» составляетъ отчетъ самого г. министра, который въ такой формѣ свидѣтельствуетъ фактъ, безспорно неслѣдованный и, вѣроятно, нынѣ уже устраненный по его иниціативѣ. Нельзя же допустить, что статистическіе чиновники министерства признаютъ за собою право опубликованія нерадивыхъ судебныхъ мѣстъ. Мѣра эта, уцѣлѣвшая еще въ статьѣ 263 II тома свода законовъ, отжила уже свой вѣкъ и къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ неприменима. Впрочемъ, другія мѣста «Свода» даютъ поводъ къ обратнымъ предположеніямъ о его составителяхъ.

[2] Неужели гг. составителямъ «Свода» неизвѣстно, что принесеніе жалобы

камеръ достигло въ отчетномъ году до блистательнаго положенія, хотя, конечно желательно видѣть с.-петербургскій округъ не послѣднимъ въ ряду другихъ, тѣмъ болѣе, что онъ менѣе прочихъ *обремененъ* дѣлами» (интересно, кто это взвѣшиваетъ бремя), или, наконецъ, что въ прокуратурѣ—особенно излюбленной «Сводомъ»—«процентъ оконченныхъ дѣлъ ежегодно увеличивается и въ отчетномъ году представляется *вполнѣ удовлетворительнымъ*».

Точно также и тѣ выводы, которые непосредственно могутъ быть сдѣланы изъ цифры «Свода», въ «общемъ обзорѣ» приводятъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ, неоправдаемымъ никакою статистическою индукціей. Взятые вмѣстѣ, указанные недостатки «Свода» ведутъ къ тому, что выводы его въ разбираемыхъ нами отдѣлахъ нетолько не убѣдительны, но явною односторонностію какъ бы напрашиваются на опроверженіе и что уже по первому взгляду, для цѣлей административнаго контроля, они оказываются видимо непригодными. Вотъ частности, которыя подтвердятъ наше мнѣніе.

У слѣдователей (стр. VI—XII) число возникшихъ дѣлъ увеличилось противъ 1874 года; число оконченныхъ слѣдствій тоже увеличилось даже у слѣдователей, болѣе сравнительно обремененныхъ дѣлами. Всякаго непредубѣжденнаго статистика такой фактъ долженъ былъ поразить не на шутку; а priori можно было бы сказать, что такая быстрота производства можетъ только вредить качеству слѣдствій. Мы и беремся утверждать это до тѣхъ поръ, пока гг. статистики не докажутъ намъ, что это не такъ. Доказать этого они, конечно, не могутъ; напротивъ того, мы видимъ, что если число оконченныхъ слѣдствій увеличилось на 4%, за то число отправленныхъ къ прекращенію, по 277 ст. уст. угол. суд., дѣлъ увеличилось на 2,5% [1], что, конечно, ни въ какомъ случаѣ неутѣшительно, такъ какъ не для того же учреждены слѣдователи, чтобы оканчивать дѣла прекращеніемъ. При этомъ нисколько не увеличился процентъ дѣлъ, возвращенныхъ слѣдователямъ, что также врядъ ли рекомендуетъ дѣятельность мѣстъ, обязанныхъ наблюдать за полнотою слѣдствій.

Среднее число дѣлъ, производившихся слѣдователями, колеблется между 114 и 186, а въ частности есть слѣдователи (округа Ржевскаго суда), производившіе по 61, и слѣдователи (Усть-Медвѣдицкаго округа), производящіе въ шесть разъ болѣе, т. е. по 366 дѣлъ въ годъ. Что тутъ *желательно*, составители «Свода» не говорятъ. — Есть цифры болѣе, чѣмъ странныя: напримѣръ—слѣдователями для разрѣшенія пререканій о подсудности

на кого-либо не кладетъ на обжалованнаго никакой тѣни и нерѣдко доказываетъ только изобиліе и досужесть писателей жалобъ. Число этихъ писателей, особенно изъ частныхъ повѣренныхъ, при льготномъ примѣненіи судами льготныхъ объ нихъ правилъ, значительно увеличилось и увеличивается.

[1] Цифру эту мы вывели сами; въ «Сводѣ» ея нѣтъ.

дѣлъ, на основаніи 39 ст. уст. угол. суд.—представлено въ суды въ 1875 году 70 дѣлъ. Въ 1874 году число это равнялось 33! Каждому извѣстно, что во всякомъ отдѣльномъ судѣ 2 разряда постановляется опредѣленій, по пререканіямъ о подсудности, болѣе этихъ цифръ; было бы весьма важно знать, отъ кого же поступаютъ въ суды дѣла этого рода и сколько пререканій разрѣшено согласно съ мнѣніемъ слѣдователей. Безъ этого можно, пожалуй, думать, что слѣдователи мало обращаютъ вниманія на подсудность дѣлъ, сваливаютъ эту работу на другія мѣста, напримѣръ, на мировыхъ судей, что, конечно, въ похвалу слѣдователямъ также поставлено быть не можетъ. Впрочемъ, цифры 70 и 33 до того невѣроятны, что приходится сомнѣваться, не явились ли онѣ какъ результатъ самого способа ихъ собиранія...

Переходя къ *окружнымъ судамъ*, оказывается, что и ихъ дѣятельность выражается въ количественномъ отношеніи весьма крупными цифрами. Въ распорядительныхъ засѣданіяхъ разсмотрѣно 33,103, а въ судебныхъ 23,749 дѣлъ и, конечно, болѣе, чѣмъ въ предъидущіе годы. Но и здѣсь обнаруживается, что суды главнымъ образомъ занимались *прекращеніемъ* дѣлъ, а именно по дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, кромѣ 633 опредѣленій объ измѣненіи подсудности, остальныя были постановлены о пріостановленіи (395) и о прекращеніи (32,754 дѣла). Изъ этого послѣдняго числа прекращено: по недостатку уликъ противъ заподозрѣнныхъ лицъ—2034; за смертію, давностію, примиреніемъ и т. п.—1020 и *по необнаруженію виновныхъ и необнаруженію преступленій*—29,700 дѣлъ. «Сводъ» пытается сравнивать быстроту разрѣшенія дѣлъ въ разныхъ судебныхъ округахъ, установивъ для этого пять рубрикъ (дѣла, лежавшія въ судѣ менѣе 1 мѣсяца, отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, отъ 3 до 6, отъ 6 до года и болѣе года), но результаты этого сравненія ни къ чему не приводятъ, потому что, хотя и оказывается будто бы болѣе половины дѣлъ (55,5%) разрѣшается судами Казанскаго округа въ теченіи мѣсяца, но изъ числа этихъ дѣлъ не исключены распорядительныя, почти огуломъ прекращаемыя, какъ это мы видѣли выше. Очевидно, что не составляетъ никакой заслуги торопиться прекращать дѣла, гдѣ нѣтъ преступниковъ и преступленій, въ ущербъ дѣламъ, по которымъ сидятъ живые арестанты. А между тѣмъ по этому поводу «Сводъ» аттестуетъ, что округа: Казанскій, Саратовскій и отчасти Петербургскій стоятъ нетолько въ лучшемъ положеніи, но и въ дѣлопроизводствѣ ихъ замѣчается постоянное улучшеніе. Тутъ очевидное неумѣніе составителей свода устроить правильныя рубрики для сравненія продолжительности пребыванія дѣлъ въ судахъ.

Далѣе «Сводъ» констатируетъ, что въ окружныхъ судахъ, какъ и у слѣдователей процентъ неразрѣшенныхъ дѣлъ уменьшился. Сопровождалась ли такая усиленная цифирная работа надлежащими внутренними качествами — сомнительно, въ виду

страшной массы дѣлъ, обременявшихъ суды уже въ предшествовавшіе годы. Замѣчательно, что изъ числа оставшихся не разсмотрѣнными къ 1875 году въ Харьковскомъ судебномъ округѣ дѣлъ, 24% составляютъ дѣла, лежащія болѣе года, которыя подъ этой же рубрикой могутъ, пожалуй, переходить на страницы «Свода» сряду нѣсколько лѣтъ.

Нѣкоторый интересъ представляетъ отношеніе дѣлъ, рѣшенныхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, къ дѣламъ, рѣшаемымъ безъ присяжныхъ («Сводъ» приводитъ въ общемъ обзорѣ только общія цифры по округамъ судебныхъ палатъ); это отношеніе въ процентахъ мы вывели сами и убѣдились, что по округамъ Петербургскому и Московскому болѣе вниманія обращено на дѣла съ присяжными засѣдателями, чѣмъ въ другихъ. Въ столичныхъ округахъ дѣла, рѣшенныя безъ участія присяжныхъ засѣдателей, составляютъ только 20% общаго числа рѣшенныхъ дѣлъ; въ другихъ же округахъ процентъ этотъ равняется: въ Одесскомъ и Саратовскомъ 24, въ Харьковскомъ 25, а въ Казанскомъ 30. Въ послѣднемъ изъ этихъ округовъ есть Екатеринбургскій окружный судъ, въ которомъ, по преимуществу, занимались дѣлами о бродягахъ и изъ числа рѣшенныхъ дѣлъ на долю разсмотрѣнныхъ безъ присяжныхъ засѣдателей приходится 64%! Мы не дѣлаемъ укора лично Екатеринбургскому суду (это одинъ изъ судовъ, поставленныхъ въ самое тяжелое положеніе): но думаемъ, что представленныя нами цифры указываютъ на то, что еслибы извѣстному суду вздумалось посвятить всю свою дѣятельность въ году разсмотрѣнію дѣлъ о бродягахъ, то при установленныхъ въ общемъ оборотѣ «Свода» рубрикахъ мы бы отыскали слѣды этого не скоро.

Окружные суды не удостоиваются одобренія составителей «Свода»; объ нихъ сказано: дѣлопроизводство въ нихъ, по сравненію съ слѣдователями и прокурорскимъ надзоромъ, представляется менѣе удовлетворительнымъ, такъ что желательно *болѣе быстрое* разрѣшеніе дѣлъ, особенно по Одесскому округу. Предоставляемъ самому читателю опредѣлить значеніе этой аттестаціи и особенно разумность сравненія коллегіальной дѣятельности судовъ съ дѣятельностью прокурорскаго надзора...

Что касается затѣмъ дѣятельности *судебныхъ палатъ*, *какъ апелляціонныхъ инстанцій*, то въ этомъ качествѣ, палаты всей Россіи въ 1875 году рѣшили 546 дѣлъ, причемъ измѣнили всего 248 приговоровъ окружныхъ судовъ. Въ Казанскую судебную палату поступило всего 13 апелляціонныхъ дѣлъ. Есть окружные суды, на рѣшенія которыхъ ни одной апелляціи приносимо не было. «Сводъ» надъ этимъ не задумывается; намъ же кажется, что пора бы подумать объ уничтоженіи апелляціонной роли палатъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

Количество дѣлъ, производящихся въ *прокурорскомъ надзорѣ*, ежегодно увеличивается—такъ начинаютъ гг. сводчики свою III главу общаго обзора. Это совершенно понятно и не къ чему

было набирать эту фразу, жирнымъ шрифтомъ сенатской типографіи, тѣмъ болѣе что, въ 1875 году, увеличеніе это есть необходимое послѣдствіе вновь открывшихся въ 1874 году судовъ. На каждое лицо прокурорскаго надзора окружнаго суда доставалось къ разсмотрѣнію 232 дѣла и изъ нихъ окончено 216. Если сравнить эти цифры съ цифрами, выведенными для слѣдователей (150 производившихся и 111 оконченныхъ дѣлъ), то, конечно, лица окружной прокуратуры покажутся счастливцами передъ слѣдователями. Процентъ оконченныхъ товарищами прокуроровъ дѣлъ «Сводъ» признаетъ въ отчетномъ году совершенно удовлетворительнымъ. Намъ кажется немного страннымъ, по отношенію къ прошедшимъ чрезъ прокуратуру дѣламъ, употребленіе эпитета *окончены*. Окончаніе дѣлъ состояло, какъ можно убѣдиться изъ того же «Свода», въ направленіи половины изъ нихъ (49%) въ окружные суды, преимущественно для прекращенія [1]; остальныя дѣла направлены къ прокурору палаты. При этомъ будто бы составлено было—32,745 заключеній по указаннымъ въ выноскѣ предметамъ. Говоримъ будто бы, потому что эта цифра положительно невѣрна и обнаруживаетъ въ составителѣ «Свода» поразительное незнаніе существующихъ порядковъ прекращенія дѣлъ. Никакихъ особыхъ письменныхъ заключеній по дѣламъ, предлагаемымъ суду для прекращенія по законнымъ (и аналогическимъ съ законными) причинамъ никогда не составляется. На практикѣ дѣла эти препровождаются въ окружные суды при печатныхъ бланкахъ съ набраннымъ жирнымъ шрифтомъ заглавіемъ «предложеніе» и въ бланки вписывается послѣ словъ «имѣю честь предложить суду, на основаніи 277 статьи уст. угол. суд.» только заглавіе дѣла и то нерѣдко на столько неполно и неправильно, что можно усумниться въ томъ, читалъ ли писавшій бумагу препровождаемое дѣло. Письменныя заключенія составляются окружной прокуратурой только по тѣмъ дѣламъ, которыя предполагается въ окружномъ судѣ прекратить за недостаткомъ уликъ противъ заподозрѣнныхъ лицъ, или по которымъ надобно измѣнить порядокъ подсудности, или раздѣлить предметы слѣдствія. Искомая цифра дѣлъ, отосланныхъ къ прекращенію при бланкахъ, можетъ быть выведена изъ разсчета, приведеннаго на XXVII страницѣ «Свода». Здѣсь видно, что суды прекратили по недостатку уликъ 2034 дѣла и измѣнили подсудность по 633 дѣламъ; слѣдовательно, прокуратура судовъ внесла объ этомъ письменныхъ заключеній 2667; остальныя же 30,720 дѣлъ (за изъятіемъ развѣ незначительнаго количества такихъ, по которымъ предлагалось раздѣлить предметы слѣдствія), прекращаемыхъ судами, были внесены въ эти послѣдніе при бланкахъ, такъ что сводчики статистическихъ цифръ напрасно

[1] Прекращеніе почему-то неразрывно связано въ «Сводѣ» въ одну рубрику съ заключеніями объ измѣненіи подсудности и раздѣленія предметовъ слѣдствія, такъ что вывести точную цифру прекращенныхъ дѣлъ нельзя.

приписали прокуратурѣ около 30,000 письменныхъ работъ, никогда непроизведенныхъ въ дѣйствительности. Также неправильною оказывается и приведенная на той же страницѣ «Свода», кажется тоже въ похвалу прокуратурѣ, цифра дѣлъ, по которымъ заключенія лицъ прокурорскаго надзора утверждены судами. Такихъ дѣлъ, за исключеніемъ 72, гдѣ суды съ прокуратурой не согласились, будетъ не 32,752, а только 2595. Невѣрность эта останется и тогда, если считать за заключенія печатныя сообщенія на бланкахъ, потому что не всѣ же подобнымъ образомъ препровождаемыя дѣла судами были прекращены—нѣкоторая часть ихъ все-таки возвращалась слѣдователямъ для продолженія слѣдствія. Такихъ случаевъ было, на сколько можно судить по вѣдомости о дѣятельности слѣдователей, 490, то есть 1,66% на 29, 480 дѣлъ, направленыхъ слѣдователями къ прокурорамъ, по 277 ст. уст. угол. суд.

Письменными работами по обжалованію приговоровъ судовъ лица прокурорскаго надзора то же не могутъ похвалиться въ количественномъ отношеніи: протестовъ подано въ 1875 году 160 на 367 прокуроровъ и ихъ товарищей, то есть менѣе половины протеста на каждое лицо. Цифру эту мы добыли сами изъ отдѣла объ окружныхъ судахъ.

Всѣхъ же письменныхъ работъ прокуратуры судовъ (подлежащихъ регистрація) окажется за 1875 годъ 47,881 экземпляръ, а именно: протестовъ 160, письменныхъ заключеній направленныхъ въ окружные суды, 2,667, письменныхъ заключеній, направленныхъ къ прокурору палаты 21,379, обвинительныхъ актовъ по дѣламъ съ присяжными и безъ присяжныхъ 23,477 и заключеній объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей обвиняемыхъ 198, и это составитъ на 367 лицъ окружной прокуратуры по 130 письменныхъ работъ. Количество ничтожное въ сравненіи съ числомъ письменныхъ работъ отдѣльныхъ судей по составленію приговоровъ и опредѣленій. Всѣхъ этихъ сопоставленій въ «Сводѣ», конечно, нѣтъ.

Что касается продолжительности производства дѣлъ въ прокуратурѣ судовъ, то 59,357 дѣлъ направлено въ сроки не дальше одного мѣсяца, но при этомъ не указано, какія это были дѣла и особенно старыя ли, или новыя. Мы думаемъ, что преимущественно новыя и вотъ почему. На страницѣ XXI выведено, что изъ числа оставшихся къ 1876 году не оконченныхъ дѣлъ въ производствѣ находится отъ 2-хъ до 6-ти мѣсяцевъ 35% дѣлъ, а это не доказываетъ, чтобы въ прокуратурѣ было принято за правило направлять дѣла по очереди ихъ старшинства. Съ другой стороны, не зная, что̀ имѣли своимъ предметомъ эти 59,357 дѣлъ, мы не видимъ въ одной этой цифрѣ повода хвалить прокуратуру, потому что отнюдь немудрено, даже въ срокъ менѣе 7 дней, подписать тысячи бланокъ съ препровожденіемъ дѣлъ къ прекращенію, или возвратить дѣла слѣдователямъ, или направить въ одинъ день десятокъ дѣлъ о бродягахъ, объ оскор-

бленіяхъ на бумагѣ, поданной въ присутственное мѣсто и т. п. Остальныя 20 тысячъ дѣлъ лежали въ прокуратурѣ въ 1875 году не менѣе мѣсяца и не болѣе... шести мѣсяцевъ Для прокуратуры почему-то не установлено рубрики болѣе одного года.

Повидимому, такая скорость не особенно удивляетъ и составителей «Свода»; они говорятъ, «если предположить, что дѣла, направляемыя по 277-й статьѣ, находятся въ производствѣ прокурорскаго надзора не болѣе 1 мѣсяца, то окажется, что въ теченіи мѣсяца направлено еще 29,977 дѣлъ или $37^{3}/_{4}$%... Затѣмъ *только* (какъ хорошо это только при законномъ семидневномъ срокѣ) 9,672 дѣла или $12^{1}/_{4}$% находилось въ производствѣ отъ 2 до 6 мѣсяцевъ и болѣе 6 мѣсяцевъ? Наименѣе успѣшные результаты въ этомъ отношеніи представляетъ, по выводамъ сводчиковъ, окружная прокуратура казанскаго и саратовскаго округовъ. Сводчики дѣлаютъ разныя сопоставленія цифръ дѣлъ, направляемыхъ по 277 ст., и дѣлъ, оканчиваемыхъ въ прокуратурѣ въ теченіи семи дней, но они не приводятъ «Сводъ» ни къ опредѣленнымъ выводамъ, ни къ сужденію о томъ, что было бы желательно въ этотъ отношеніи. Мы подскажемъ дезидератъ: желательно было бы, чтобы прокуратурѣ было предписано (какъ она иногда предписываетъ слѣдователямъ [1]) не налегать особенно на скорое направленіе дѣлъ съ бланками для прекращенія, держать ихъ у себя, *хотя бы и болѣе 6 мѣсяцевъ*, а обратить вниманіе на направленіе дѣлъ съ обвинительными актами, назначивъ для этихъ дѣлъ срокъ не болѣе мѣсячнаго, что вполнѣ возможно, если чины окружной прокуратуры не будутъ проживать въ мѣстѣ нахожденія судовъ, а своевременно, каждый въ своемъ уѣздѣ [2], будутъ наблюдать за слѣдстіями по дѣламъ, которыя имъ предстоитъ направлять.

Судебныя палаты въ качествѣ высшихъ обвинительныхъ камеръ работаютъ и торопятся, по увѣренію «Свода», *блистательно*. Впрочемъ, это блистательное положеніе дѣлопроизводства выводится главнымъ образомъ изъ того, что палаты разрѣшили 98% и не разрѣшили только 2% вступившихъ дѣлъ, причемъ и *послѣдній* процентъ уменьшится, если принять во вниманіе, что въ палатахъ осталась 260 дѣлъ уже рѣшенныхъ, по которымъ только не успѣли привести въ исполненіе состоявшіяся опредѣленія. Конечно, тутъ ужь никто не виноватъ, что въ декабрѣ всего 31 день. По разсмотрѣннымъ дѣламъ 95% заключеній лицъ про

---

[1] Есть такой прокуроръ суда, который требуетъ у слѣдователей, независимо отъ доставленія разныхъ неустановленныхъ закономъ вѣдомостей и объясненій, еще того, чтобы они кончали въ мѣсяцъ и представляли по 478 ст. уст. угол. судопр. не менѣе 12-ти слѣдствій. За симъ трудъ этихъ *судей* учитывается уже, какъ поденщика, на основаніи установленнаго прокуроромъ урочнаго положенія.

[2] На этотъ фактъ абсентеизма товарищей окружныхъ прокуроровъ изъ назначенныхъ для нихъ уѣздовъ обратило даже вниманіе, какъ извѣстно изъ газетъ, постороннее юстиціи вѣдомство—государственный контроль.

курорскаго надзора утверждено. Болѣе всѣхъ утверждали палаты: одесская, саратовская и харьковская; менѣе всѣхъ — петербургская и московская [1]. По дѣламъ, разсмотрѣннымъ обвинительными камерами, изъ 68,889 лицъ, 28,278 преданы суду, а относительно 40,611 (59%) дѣла прекращены, пріостановлены или измѣнена подсудность. «Въ числѣ сихъ послѣднихъ (?) значительная часть (34,381 лицо) приходится на долю лицъ, о коихъ слѣдствія прекращены». Что здѣсь разумѣть подъ «сими послѣдними» понять трудно, но надобно думать, что 34,000 человѣкъ были неосновательно привлечены слѣдователями къ отвѣту въ качествѣ обвиняемыхъ, что, конечно, также не дѣлаетъ чести ни слѣдователямъ, ни наблюдающимъ за ними прокурорамъ. Увеличеніе числа вступившихъ въ палаты въ 1875 году дѣлъ противъ 1874 года въ казанскомъ, харьковскомъ и саратовскомъ округахъ должно объясняться, по мнѣнію сводчиковъ, тѣмъ, что въ этихъ округахъ открыты въ 1874 г. новые суды. Но почему же въ петербургскомъ и московскомъ округахъ число это уменьшилось (вѣдь не закрывали же тамъ судовъ), а въ одесскомъ округѣ также уменьшилось, несмотря на то, что прибавился новый судъ въ Елисаветградѣ въ томъ же 1874 году. Объясненіе «Свода», очевидно, неудачно, да оно вовсе и невозможно съ точки зрѣнія «Свода». Не слѣдуетъ ли по этому поводу просто вспомнить, что слишкомъ вытянутая струна всегда, наконецъ, лопается.—Въ таблицахъ всегда есть интересная графа о количествѣ дѣлъ, находившихся къ 1876 году *въ передачѣ*, т. е. по просту на почтѣ. Такихъ дѣлъ оказывается около 7,000 и больше всего по передачѣ изъ обвинительныхъ камеръ московской, одесской и казанской; у послѣднихъ двухъ значатся въ передачѣ въ одесскій 14%, а въ казанскій 8% всего числа дѣлъ, оконченныхъ этими камерами.

Дѣятельности *уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената* «Сводъ» касается вкратцѣ. Скажемъ только, что очень жаль, что не выведены цифры уваженныхъ и неуваженныхъ протестовъ прокуратуры, а также число рѣшеній по коимъ отмѣнялись сенатомъ самое преданіе обвиняемыхъ суду.

Во второмъ отдѣлѣ «Свода», первый разъ появившемся въ этомъ изданіи за 1875 годъ и озаглавленномъ «Обзоръ дѣя-

[1] Всѣ писавшіе о «Сводѣ» справедливо удивляются, почему рѣшенія коллегій (судебные приговоры) гораздо чаще отмѣняются палатами, чѣмъ заключенія прокуратуры, и объясняютъ это тѣмъ, что письменныя заключенія прокуратуры, вѣроятно, не повѣряются съ актами слѣдствія, а просто утверждаются надлежащей лаконической надписью. Увѣряютъ, что для такого утвержденія изобрѣтенъ даже практикой особый терминъ «штемпелевать обвинительные акты», т. е. прикладывать штемпель, точь въ точь, какъ сортировщики на письмахъ. По нашимъ наблюденіямъ (мы видѣли явно безграмотные акты, за которые въ 4-мъ классѣ гимназіи русскій учитель поставилъ бы двойку) приходится только присоединяться къ этому предположенію.

тельности общихъ судебныхъ учрежденій по родамъ преступленій», читателю то и дѣло приходится натыкаться на курьёзы, могущіе поразить самого казеннаго поклонника «Свода».

Во-первыхъ, въ числѣ групъ *преступленій* фигурируютъ, между прочимъ, изслѣдованія причинъ смерти и изслѣдованія причинъ пожаровъ. «Сводъ» объясняетъ, что *изслѣдованія причинъ смерти*, какъ отдѣльная група дѣлъ, заключаетъ въ себѣ случаи убійства, самоубійства, нанесенія ранъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть и другіе случаи насильственной смерти, въ которыхъ слѣдствіе не имѣло возможности раскрыть нетолько виновныхъ, но даже и *достаточныхъ основаній къ заключенію о существованіи въ данномъ случаѣ того или другого изъ исчисленныхъ преступленій*. Сюда относятся также и случаи смерти отъ собственной неосторожности, или отъ несчастнаго случая (стр. XLI). Такого рода дѣла были въ наибольшемъ количествѣ въ ярославскомъ, московскомъ и полтавскомъ окружныхъ судахъ.—Случаи же *изслѣдованія причинъ пожаровъ* бываютъ тогда, *когда не представляется достаточныхъ основаній предполагать существованіе поджога или небрежнаго обращенія съ огнемъ*, напримѣръ, въ лѣсныхъ пожарахъ.—И такъ изъ «Свода» оказывается, что вопреки прямому требованію закона, чтобы слѣдствіе не начиналось безъ достаточныхъ къ тому основаній (ст 262 уст. угол. суд), наши слѣдователи занимаются изслѣдованіемъ причинъ разныхъ болѣе или менѣе поражающихъ воображеніе фактовъ. Когда нѣтъ основаній *даже предполагать*, что факты эти составляютъ результатъ преступной человѣческой воли. Можетъ быть, это и похвально съ точки зрѣнія статистической, но съ юридической просто нелѣпо терять силы слѣдователей на такія слѣдствія, въ сущности, не имѣющія ничего общаго съ преступленіемъ и проступками.

Есть, безспорно, факты гораздо болѣе интересные, чѣмъ видъ лѣсного пожара или мертваго тѣла. Изслѣдованіе причинъ неурожаевъ, повальнаго пьянства, разврата, эпидемическихъ болѣзней и т. п. не менѣе желательно, чѣмъ изслѣдованіе причинъ смерти найденныхъ на дорогахъ мертвецовъ; но это не дѣло слѣдователей по уголовнымъ дѣламъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ основаній подозрѣвать прямаго участія злой воли въ произведеніи или облегченіи поименованныхъ несчастій.—Объ такихъ случаяхъ производятся дознанія, а не слѣдствія и, конечно, не подъ наблюденіемъ прокуратуры судовъ и не по формамъ уголовнаго процесса, имѣющаго свои, чисто спеціальныя задачи. Между тѣмъ такихъ не нужныхъ дѣлъ производятся тысячи (въ 1875 году 2,788): въ одномъ округѣ ярославскаго суда ихъ было 189 [1], т. е. по 15 дѣлъ на каждаго слѣдователя. Въ прокурорскомъ над-

---

[1] Вопреки увѣреніямъ «Свода», самоубійство стоитъ особой отъ числа этихъ изслѣдованій цифрой. Объ немъ 30 дѣлъ, а во всѣхъ вмѣстѣ округахъ 1,827 дѣлъ.

зорѣ ярославскаго окружнаго суда 76, изъ этихъ дѣлъ дѣйствительно были направлены ранѣе 7-ми дней; это составляетъ почти 14% всего числа дѣлъ, направленныхъ ярославской прокуратурой въ подобный срокъ; но такой фактъ врядъ ли можетъ считаться заслугой и скорѣе доказываетъ наше мнѣніе, что въ теченіе первыхъ семи дней по поступленіи, прокуратурой направляются по преимуществу пустяковыя дѣла.

Стоитъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Ни ярославскій, ни московскій, ни полтавскій округа не принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ возникаетъ болѣе дѣлъ о поджогахъ, убійствахъ и тѣлесныхъ поврежденіяхъ—это видно изъ цифръ самого «Свода».—Чѣмъ же объясняется такая подозрительность дѣятелей этихъ округовъ относительно каждаго трупа, каждаго пожара? Другихъ объясненій, кромѣ субъективныхъ воззрѣній прокуратуры, мы пріискать не можемъ; но, пора кажется понять, что толочь воду изъ-за того, что прокурору вздумается въ каждомъ пожарѣ подозрѣвать поджогъ, а въ каждомъ трупѣ убитаго, значитъ ронять судебное дѣло до степени послугъ личной любознательности. Высшая прокуратура должна бы сдерживать такую любознательность низшей [1]. Есть въ Россіи судъ (бѣлозерскій), въ которомъ дѣлъ о дракахъ возникаетъ даже болѣе, нежели дѣлъ о кражахъ; есть и другой округъ (нижегородскій), населеніе котораго преимущественно наклонно къ поджогамъ. Мы бы понимали, еслибы бѣлозерскій прокуроръ относился недовѣрчиво къ трупамъ, находимымъ въ его округѣ съ подозрительными внѣшними признаками, или нижегородскій прокуроръ въ случаяхъ пожаровъ; но задаваться мыслію о наклонности населенія къ поджогамъ и убійствамъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ на это данныхъ—нелѣпо.

Второй курьёзъ «обзора по родамъ преступленій» состоитъ въ томъ, что громадный процентъ дѣлъ, производящихся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, имѣетъ своимъ предметомъ, проступокъ, вовсе неподсудный этимъ учрежденіямъ, именно такъ называемое *самоуправство* [2]. Составители «Свода» чувствуютъ неловкость своего положенія въ виду такого факта и потому стараются объяснить его слѣдующими двумя причинами: «1) Нерѣдко

---

[1] Одинъ вице-прокуроръ, въ началѣ ноября настоящаго года, предложилъ полицейскому управленію предписать становымъ приставамъ, «чтобы они, въ случаяхъ *скоропостижной* смерти», не предавали труповъ землѣ безъ медицинскаго вскрытія». И вотъ становые пристава и врачи будутъ тратить время на удовлетвореніе любознательности вице-прокурора суда, забывшаго, что министерство запретило давать общіе циркуляры даже настоящимъ прокурорамъ судовъ (цирк. № 801) и что дознанія о происшествіяхъ, не связанныхъ съ преступленіемъ, вовсе изъяты изъ подъ контроля прокуратуры.

[2] Отмѣтимъ интересную ошибку въ «Сводѣ». Въ первой вѣдомости о подсудимыхъ показано 4 лица приговоренными за самоуправство къ тюремному заключенію, тогда какъ законное наказаніе за этотъ проступокъ есть арестъ!

въ увѣдомленіяхъ полиціи и даже въ производимыхъ ею дознаніяхъ, а чаще въ подаваемыхъ слѣдователю потерпѣвшими лицами заявленіяхъ, служащихъ поводомъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, неправильно квалифицируется самый фактъ преступленія (!), почему бываютъ такого рода случаи: возникоетъ, напримѣръ, у слѣдователя дѣло о кражѣ, или даже о грабежѣ, но дальнѣйшее изслѣдованіе заявляемаго факта правонарушенія обнаруживаетъ въ немъ всѣ признаки самоуправства, такъ что все производство въ самомъ началѣ же прекращается въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ и передается, въ порядкѣ подсудности, въ мировыя учрежденія, и 2) дѣла о самоуправствѣ, правда, въ весьма незначительномъ количествѣ, иногда проходятъ всѣ судебныя инстанціи и даже по опредѣленіямъ обвинительной камеры доходятъ до судебнаго разбирательства съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; но это случается исключительно только въ виду 205 ст. уст. угол. суд., т. е. въ случаяхъ совокупности самоуправства съ другими болѣе важными преступленіями, подлежащими производству въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ».

Не хочется какъ-то вѣрить, чтобы хотя одно дѣло о самоуправствѣ дошло до судебнаго разбирательства съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. По опредѣленію обвинительной камеры въ силу будто бы 205 ст. уст. угол. суд., правительствующій сенатъ уже давно (рѣшеніе уголовнаго департамента 1870 г. № 619) пояснялъ, что въ случаяхъ, подобныхъ приводимому «Сводомъ», слѣдуетъ принимать во вниманіе не только букву этого закона, но и разумъ его, а также больше или меньше удобство его исполненія и что ст. 205 уст. угол. суд. есть въ сущности повтореніе статьи 152 уложенія о наказаніяхъ.

Для чего въ самомъ дѣлѣ затруднять общія судебныя мѣста разсмотрѣніемъ случаевъ самоуправства, хотя бы совокупныхъ съ другими преступленіями, если законъ о совокупности будетъ исполненъ и тогда, когда дѣло о самоуправствѣ рѣшитъ мировой судья и только передаетъ свой приговоръ въ тотъ общій судъ, которому обвиняемый подсуденъ по болѣе важному преступленію.—Мы, съ своей стороны, думаемъ, что причину большой цифры самоуправствъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ «Своду», при теперешнихъ его рубрикахъ, не объяснить. Ее надобно искать въ другихъ, не легко усматриваемыхъ издали, привычкахъ судебныхъ дѣятелей.—Совѣтуемъ «Своду» завести рубрику цифръ о томъ, сколько разъ первоначально сдѣланная обвинительною властію квалификація обвиненія измѣняется отвѣтами присяжныхъ такъ, что подсудимый признается виновнымъ только въ самоуправствѣ.—Нерѣдко такое признаніе подсудимаго (обвинявшагося въ разбоѣ, грабежѣ, нанесеніи ранъ и т. п.) виновнымъ лишь въ самоуправствѣ или насиліи (статья объ нихъ одна) выводится судомъ изъ отвѣтовъ, данныхъ присяжными на поставленные имъ самимъ же судомъ дополнительные вопросы.—

Новая рубрика разъясняетъ, почему общимъ судамъ приходится (независимо отъ неумѣлости полиціи) имѣть дѣло съ самоуправствомъ и насиліемъ и будетъ весьма поучительна во многихъ отношеніяхъ.—Если вспомнить, съ одной стороны, обремененность слѣдователей, а съ другой то, что существуетъ циркуляръ, требующій отъ предсѣдателей оправданій по поводу каждаго оправдательнаго приговора (если процентъ оправданій превышаетъ извѣстную норму въ *данную сессію* (!)), то нельзя удивляться наклонности судей ставить вопросы о виновности подсудимаго въ чемъ нибудь другомъ, если не доказано первоначальное обвиненіе. Ну, а подъ *самоуправство или насиліе* подойдетъ, при извѣстномъ толкованіи, чуть не всякое *плохо обставленное* обвиненіе въ преступленіи противъ личности или противъ имущества.

Какъ бы то ни было, «Сводъ» констатируетъ фактъ весьма печальный, что на ряду съ дѣлами о пожарахъ и трупахъ, дѣятели общихъ судебныхъ мѣстъ занимаются еще и дѣлами мировой юрисдикціи.

Это бы еще не бѣда, еслибы такихъ дѣлъ было немного. Но «Сводъ», переходя къ сравненію количества оконченныхъ дѣлъ по родамъ преступленій (стр. XLII), принужденъ сознаться съ перваго же раза, что «самый значительный процентъ оконченныхъ въ теченіе года дѣлъ (96%) приходится на дѣла о самоуправствѣ», да на изслѣдованія причинъ смерти и пожаровъ (78% и 84%). Значитъ эти дѣла отнимаютъ очень и очень много времени и силъ у судебныхъ дѣятелей. Далѣе «Сводъ» принужденъ сознаться, что *служебныя преступленія и всякаго рода подлоги представляютъ, наоборотъ, наименьшее количество оконченныхъ дѣлъ*. Дѣйствительно, движеніе дѣлъ по служебнымъ преступленіямъ даетъ 34%, а по подлогамъ—43,5%. На эти преступленія приходится и самый значительный процентъ дѣлъ, продолжавшихся болѣе 2 и 3 лѣтъ. «Сводъ» пытается объяснить это крайне прискорбное явленіе; онъ говоритъ, что медленность въ производствѣ этихъ дѣлъ объясняется будто бы характеромъ самыхъ преступленій, не легко поддающихся изслѣдованію по свойственной имъ *запутанности* (?), такъ какъ фактъ преступленія нерѣдко обнаруживается спустя весьма продолжительное время послѣ его совершенія, не говоря уже о томъ, что какъ для разъясненія самаго преступленія, такъ и для приведенія въ возможную ясность (разъясненіе и приведеніе въ ясность неужели не одно и тоже) требуется участіе людей, обладающихъ спеціальными свѣдѣніями. Все это де не можетъ не имѣть вліянія на производство этихъ дѣлъ, особенно у слѣдователей, которые, не имѣя возможности (а почему же?) прослѣдить преступленія по горячимъ слѣдамъ, должны ограничиться собраніемъ только косвенныхъ уликъ. Дѣла по преступленіямъ служебнымъ замедляются еще, по мнѣнію составителей «Свода», отсылкою

ихъ, согласно 1091 ст. уст. угол. суд. къ начальству обвиняемыхъ.

Такія объясненія, можетъ быть, отчасти и справедливы, хотя имѣютъ видъ слишкомъ общихъ оговорокъ. Непонятно, что заставляетъ слѣдователей упускать горячіе слѣды только что упомянутыхъ преступленій и почему дѣла объ изслѣдованіи причинъ пожаровъ и смерти кончаются такъ сравнительно быстро, хотя изслѣдованіе причинъ смерти не обходится, вѣроятно, безъ участія экспертовъ-врачей. Казеннаго характера оговорокъ «Свода» мы коснемся еще въ послѣдствіи, здѣсь же укажемъ только, чего не договорилъ «Сводъ», что по преступленіямъ служебнымъ медленность судебныхъ дѣятелей иногда просто чудовищна. *Около 1000 дѣлъ по служебнымъ преступленіямъ остается неоконченными болѣе трехъ лѣтъ*, почти столько же было и въ 1874 году; прогресса не замѣчается никакого, а въ частности въ нѣкоторыхъ округахъ осталось болѣе такихъ дѣлъ въ 1875, нежели въ 1874 году; такъ въ Самарскомъ съ 20, число ихъ возросло до 58, въ Вятскомъ съ 67 на 100, въ Екатеринбургскомъ съ 87 на 105 и въ Пермскомъ со 104 на 116. Все это въ одномъ и томъ же Казанскомъ округѣ, о которомъ нѣсколько выше «Сводъ» говоритъ, что дѣлопроизводство его въ теченіе отчетнаго года значительно улучшилось противъ 1874 года. Не мудрено догадаться, какой исходъ ожидаетъ эти 380 дѣлъ—по нимъ конечно придется собрать уже не косвенныя, а развѣ чисто горизонтальныя улики.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ (говоритъ «Сводъ») что чѣмъ менѣе инстанцій проходитъ дѣло, тѣмъ оно скорѣе оканчивается и наоборотъ». Подтвержденіе этой аксіомы «Сводъ» находитъ въ данныхъ о незначительной продолжительности дѣлъ о самоуправствѣ, объ изслѣдованіяхъ причинъ смерти и пожаровъ и о нѣкоторыхъ личныхъ преступленіяхъ; «этимъ же объясняется и довольно большой процентъ оконченныхъ дѣлъ о религіозныхъ и имущественныхъ преступленіяхъ, *главная масса* которыхъ прекращается или обвинительною камерою за недостаткомъ уликъ къ обвиненію заподозрѣнныхъ лицъ, или окружными судами по 277 ст. уст. угол. суд. и только сравнительно небольшой процентъ доходитъ до судебнаго разбирательства». Процентъ этотъ дѣйствительно небольшой; ниже «Сводъ» говоритъ, что изъ всего числа оконченныхъ дѣлъ только четвертая часть доходитъ до судебнаго разбора.—Неправда ли результатъ, отъ котораго стоитъ скорѣе отвернуться. И у составителей «Свода» выходитъ именно въ этомъ мѣстѣ престранный поворотъ. Вмѣсто того, чтобы высказать, что доказываетъ приведенный цифирный фактъ, или хоть что желательно по его поводу, статистики «Свода» обрываютъ нить разсужденія словами: «Значеніе приведенныхъ общихъ выводовъ изъ цифровыхъ данныхъ о взаимномъ отношеніи преступленій по количеству дѣлъ, дошедшихъ до суда, *еще болѣе* выяснится, если прослѣдить престу-

пленіе по строгости постановленныхъ по нимъ приговоровъ» и отсылаютъ васъ къ другимъ отдѣламъ «Свода», въ которыхъ, однако, по этому вопросу вы ничего не найдете, такъ какъ въ нихъ говорится только о *лицахъ*, преданныхъ суду и осужденныхъ.

Закроемъ теперь «Сводъ» и посчитаемся относительно достоинства тѣхъ выводовъ, которые онъ даётъ о состояніи судебнаго дѣлопроизводства въ 1875 году. Но прежде всего условимся, что разумѣть подъ этимъ «дѣлопроизводствомъ».

Если это слово должно означать внѣшнее состояніе оконченныхъ судебныхъ дѣлъ для цѣлей внѣшней же ихъ регистраціи, то понятно, что спорить съ статистиками министерства не стоитъ, хотя и было бы возможно. Даже при такомъ пониманіи «дѣлопроизводства» для ликованій не останется никакого мѣста, потому что нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что и въ другихъ, не такъ строго регистрируемыхъ вѣдомствахъ, пишется не менѣе входящихъ и исходящихъ бумагъ и двигается отнюдь не меньшее количество переписокъ съ надписью «дѣло». Сортировщики почтовыхъ конторъ несомнѣнно больше разбираютъ писемъ и пакетовъ, чѣмъ какіе бы то ни было прокуроры и судьи способны рѣшить дѣлъ, хотя бы о бродягахъ; а еслибы судебные члены и догнали въ цифирномъ отношеніи сортировщиковъ, то врядъ ли по такому поводу возможны ликованія съ общественной точки зрѣнія.

Если же подъ словомъ «дѣлопроизводство въ судахъ» должно понимать отправленіе судебнаго дѣла какъ могущественнаго фактора государственной и общественной жизни, регистрируемаго въ его результатахъ, сведенныхъ къ цифрамъ, въ поученіе обществу и судебнымъ дѣятелямъ, то выводы «общаго обзора дѣятельности судебныхъ учрежденій», которые жирнымъ шрифтомъ печатаетъ «Сводъ», окажутся совершенно произвольными.

Въ самомъ дѣлѣ, на какихъ цифрахъ пиѳагорейцы министерства юстиціи основываютъ свои сопоставленія и выводы; существуютъ ли у нихъ свѣденія о средней нормѣ труда по исполненію каждаго отдѣльнаго рода судебной работы, или, другими словами, могутъ ли они дать отвѣтъ, сколько человѣкъ можно допросить въ день, сколько написать обвинительныхъ актовъ, сколько состряпать приговоровъ и опредѣленій въ окончательной формѣ и т. п., при томъ, конечно, предположеніи, что работы эти будутъ исполнены такъ серьёзно, какъ этого требуетъ судебное дѣло. Нѣтъ, этой мѣркой они не запаслись. При начертаніи проэкта учрежденія судебныхъ установленій, члены комиссіи задавались этими вопросами, но оставили ихъ нерѣшенными впредь до указаній опыта; составители «Свода» совсѣмъ обходятъ ихъ, потому ли что подобные вопросы не интересуютъ ихъ, или, быть можетъ, потому, что и матеріаловъ-то для установленія такихъ цифръ у нихъ нѣтъ: ни дѣлъ, ни дѣятелей регистрируемой отрасли они

не видятъ, а имѣютъ на глазахъ только формулярные, такъ сказать, списки тѣхъ и другихъ.—На чемъ же послѣ этого строятъ они свои выводы и свои одобренія или порицанія существующимъ судебнымъ дѣятелямъ?—На сравненіи тѣхъ цифръ, которыя ими же выведены въ канцеляріи изъ отчетовъ и вѣдомостей нерѣдко прямо невозможныхъ. Очевидно, что всю такую статистику дѣлопроизводства надо назвать преждевременною и не по заслугамъ претенціозною.

О какихъ выводахъ для административнаго контроля за судами можетъ идти рѣчь по поводу такой регистраціи нетолько въ настоящемъ, но даже и въ будущемъ времени, при такихъ статистическихъ пріемахъ! Нельзя строить балконъ, хотя бы и для административныхъ наблюденій, раньше фундамента.

На этомъ можно было бы, пожалуй, и покончить оцѣнку значенія разбираемыхъ нами двухъ отдѣловъ изданія министерства юстиціи съ точки зрѣнія ихъ статистическаго достоинства. Но избранная нами точка зрѣнія открываетъ намъ поле для новыхъ выводовъ и размышленій. Для насъ интересенъ вопросъ: если заключенія перваго отдѣла «свода» преждевременны и претенціозны, то, при извѣстномъ взглядѣ на авторитетность «свода», не отразятся ли они вредно въ будущемъ на судебномъ дѣлѣ и дѣятеляхъ. Къ сожалѣнію, на этотъ послѣдній вопросъ мы полагаемъ себя въ правѣ отвѣтить утвердительно.

Вотъ главныя наши соображенія.

а) Каждому понятно, что въ судебномъ дѣлѣ важно не количество, а качество работы. Если это такъ, то немыслимо дѣлать какіе бы то ни было контрольные выводы о судебномъ дѣлѣ изъ однѣхъ цифръ приговоровъ и рѣшеній; допускать же это въ оффиціозномъ изданіи значитъ нерѣдко рекомендовать судебнымъ дѣятелямъ хлопотать о цифрахъ отчетовъ, а не о достоинствѣ судебныхъ работъ; б) менѣе, быть можетъ, понятно, что для сужденія о качествѣ работы, такой, какъ судебная, необходимо знакомство и съ самими дѣятелями, ну хоть только для того, чтобы опредѣлить, такого ли качества работу они поставляютъ, какую могли бы поставлять при нормальныхъ условіяхъ, и если худшую, то не потому ли, что работы-то слишкомъ много. Такое знаніе дѣятелей, по возможности, самое близкое должно составлять pium desiderium всякой правильной судебной администраціи. Это знакомство съ дѣятелями, конечно, также не можетъ быть основано на рапортахъ, вѣдомостяхъ и отчетахъ, а требуетъ, по возможности, живаго и непосредственнаго наблюденія дѣятелей на дѣлѣ. Плодомъ всякой другой системы были бы безконечные ложные выводы и предубѣжденія, а въ томъ числѣ и одно изъ двухъ, одинаково вредныхъ для центральной администраціи предубѣжденій: либо о томъ, что все очень дурно, или черезъ чуръ уже хорошо. Такъ бываетъ вездѣ, и единственный способъ порвать предубѣжденія состоитъ въ повременномъ, по крайней мѣрѣ, воз-

обновленія знакомства съ дѣятелями на дѣлѣ, или въ такъ называемыхъ ревизіяхъ.

Сводя два выше указанныхъ нами необходимыхъ элемента контроля судейской работы, окажется, что вообще необходимо основать этотъ контроль на живомъ наблюденіи и прилагать къ добываемымъ цифрамъ живыя мѣрки. Тогда и выводы, насколько они возможны, получатся совсѣмъ иные, нежели тѣ, къ которымъ приходятъ составители «свода».—Вѣрность этого взгляда доказали намъ отчасти сами эти гг. составители. Одинъ только разъ, во второмъ отдѣлѣ, попробовали они примѣнить къ собраннымъ ими цифрамъ «дѣлопроизводства» живую мѣрку—*качество судебныхъ дѣлъ*—и результатомъ этого явились такіе выводы, которые подорвали весь авторитетъ восхваленій скорости, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ «свода». Оказалось, что около 1,000 дѣлъ о преступленіяхъ должности лежитъ въ судахъ болѣе трехъ лѣтъ. Авторы «Обзора» отвернулись отъ этого факта и читатель помнитъ, какъ на страницѣ XLIV имъ пришлось оборвать естественное теченіе мысли искуственнымъ, хотя далеко неискуснымъ поворотомъ.

Въ свою очередь, мы, за авторовъ обзора, сдѣлали въ настоящей статьѣ нѣсколько сближеній и выводовъ о качествѣ дѣлъ, по коимъ шло дѣлопроизводство, и оказалось опять что-же?—Что и слѣдователи и прокуроры, и суды заняты преимущественно либо окончаніемъ дѣлъ о пожарахъ, трупахъ и самоуправствѣ, либо прекращеніемъ громаднаго числа дѣлъ о религіозныхъ и имущественныхъ преступленіяхъ; что прекращеніе слѣдствій, когда оно испрашивается, разрѣшается чуть не огуломъ; что есть суды, торопящіеся преимущественно по дѣламъ о бродягахъ; что множество дѣлъ къ новому году лежитъ на почтѣ и что при всемъ томъ есть округа палатъ, въ которыхъ число поступающихъ дѣлъ каждый годъ увеличивается. Такіе факты способны заставить задуматься и нестатистика; что-же они значатъ, какая ихъ общая причина?..

Начнемъ съ вопроса: возможны ли были бы такіе факты, еслибы судебные дѣятели всякаго ранга (предполагая въ нихъ обыкновенную среднюю способность и добросовѣстность) несли посильное количество работы; думаемъ, что нѣтъ и что скорѣе всего они обременены несообразно съ физическими даже ихъ силами! Это сквозитъ и во всемъ «обзорѣ дѣлопроизводства», хотя ни разу не высказывается прямо [1].

Пойдемъ дальше. Если обремененные слѣдователи выбираютъ для окончанія дѣла болѣе легкія, то дѣла, сопряженныя съ отдаленными, затруднительными поѣздками въ участокъ, остаются, вѣроятно, также лежать по долгу; если обремененные суды для поправленія цифирной репутаціи своей предпочитаютъ дѣла безъ при-

[1] Мы уже отмѣчали кое-гдѣ выше выраженія составителей «Свода»: *болѣе обремененные, не имѣютъ возможности* и т. п.

сяжныхъ дѣламъ съ присяжными, то не будетъ смѣлымъ и такое предположеніе, что они предпочтутъ также дѣла мѣстныя того уѣзда, гдѣ находится судъ, дѣламъ, требующимъ выѣзда въ другіе отдаленные уѣзды; если въ отчетахъ обращается вниманіе на количество дѣлъ, почти безотносительно къ ихъ качеству, то естественно, что всѣ судебные дѣятели предпочтутъ болѣе легкую работу—труднѣйшей, что всѣ работы будутъ носить на себѣ отпечатокъ торопливости; что обвинительные акты и приговоры будутъ излагаться письменно не такъ, какъ слѣдуетъ, или даже не тѣми, кому слѣдуетъ [1]; что протесты, пожалуй, вовсе писаться не будутъ, а опредѣленія въ окончательной формѣ будутъ замѣняться краткими резолюціями; словесные доклады и разбирательства будутъ сокращены до уродливости; наступитъ торжество печатныхъ бланокъ и штемпелей, въ которыхъ все заранѣе признано обстоящимъ благополучно; войдетъ въ обычай всякое съ виду менѣе существенное упущеніе признавать прямо не существеннымъ, а отрасли дѣятельности судовъ, неподлежащія регистраціи, напр., управленіе и надзоръ лицъ, подчиненныхъ судамъ (нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ, адвокатовъ), отодвинутся совсѣмъ на задній планъ.

Такъ было, есть и будетъ во всякой административной отрасли, если ея дѣятели завалены работой; того же можно смѣло ожидать и въ судахъ.

Будемъ еще откровеннѣе и зададимся вопросомъ: ужъ не дождались ли мы этого теперь?

Судя по многимъ признакамъ, слѣдуетъ думать, что нетолько дождались, но что обремененность всѣхъ судебныхъ дѣятелей и начинающіяся ея послѣдствія составляютъ самый выдающійся *признакъ времени* въ дѣятельности новыхъ судовъ. Надобно имѣть смѣлость ярко констатировать это предъ обществомъ.

Уже давно мы читали и читаемъ отовсюду объ обремененности судебныхъ дѣятелей. На нашихъ глазахъ, временные штаты судебныхъ учрежденій то и дѣло оказываются неудовлетворительными, дополняются и черезъ годъ, два, какъ это было и въ кассаціонномъ сенатѣ, вновь оказываются по прежнему недостаточными. Какъ происходили доклады дѣлъ въ сенатѣ и какая была медленность въ его дѣлахъ до послѣднихъ преобразованій, извѣстно всякому, кто хоть сколько-нибудь интересуется дѣломъ

---

[1] Нѣкоторые изъ подобныхъ фактовъ общеизвѣстны въ судебномъ мірѣ. Напримѣръ, въ окружныхъ судахъ докладъ о томъ, слѣдуетъ ли вызывать, по требованію подсудимаго, свидѣтелей, неуказанныхъ въ обвинительномъ спискѣ, возлагается на канцелярскихъ чиновниковъ подъ видомъ *справки*—были ли свидѣтели эти спрошены на предварительномъ слѣдствіи. Доходитъ и до того, что одинъ откровенный вице-прокуроръ прямо пишетъ въ дѣлѣ резолюцію: «прошу Ф. Ив. разсмотрѣть дѣло и составить обвинительной актъ», а по справкѣ оказывается, что иниціалы Ф. Ив. принадлежатъ лишенному всѣхъ особенныхъ правъ лицу, служащему одновременно письмоводителемъ у вице-прокурора и одного изъ аблакатовъ.

новаго суда. Но пора убѣдиться, что такое же обремененіе тяготѣетъ надъ каждымъ судебнымъ дѣятелемъ. Прислушаемся, что говорятъ судьи другихъ судовъ о своемъ положеніи. Вотъ извлеченія изъ постановленія общаго собранія отдѣленій одного изъ окружныхъ судовъ: «Суду извѣстно, что «чрезмѣрное накопленіе дѣлъ въ судахъ вызываетъ такое направленіе дѣятельности, которое можно назвать цифирнымъ и которое выражается въ возможно скорой поставкѣ возможно-бо̀льшаго количества судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, въ ущербъ ихъ качеству, въ ущербъ интересамъ подсудимыхъ и тяжущихся, въ ущербъ всѣхъ другихъ функцій, возложенныхъ на судъ, напримѣръ, управленія состоящими при судѣ должностными лицами, присяжными и частными повѣренными, въ ущербъ дальнѣйшему развитію здравой судебной практики и къ окончательному истощенію силъ судебныхъ дѣятелей, низведенныхъ до роли чисто номинальной — изготовителей того или другого вида исполнительныхъ приказовъ о подсудимыхъ и тяжущихся. Извѣстно, что многіе суды давно уже лишились возможности вести засѣданія въ полномъ составѣ всѣхъ наличныхъ судей (см. соображенія Харьковской судебной палаты на статью 67-ю Особаго Наказа ея по изданію 1871 года); суды принуждены ограничиваться минимумомъ присутствующихъ, прибѣгая, внѣ закона, чуть не къ постоянному содѣйствію почетныхъ мировыхъ судей, очевидно, только въ крайности могущихъ замѣнять постоянныхъ членовъ суда (ст. 146 учр. суд. уст.); распорядительныя дѣла рѣшаются въ сущности однимъ членомъ-докладчикомъ почти безъ докладовъ. У судей нѣтъ времени нетолько для научныхъ трудовъ, но и для того, чтобы освѣжать свои познанія, слѣдя за успѣхами науки и практики».

«Если правительствующій сенатъ... изъ множества поступающихъ въ оный кассаціонныхъ дѣлъ, въ большинствѣ которыхъ кассаціонныя нарушенія только и могутъ быть объяснены вышеописаннымъ положеніемъ судовъ и несообразнымъ количествомъ дѣлъ, слушаемыхъ въ короткіе промежутки времени, усмотритъ настоящее положеніе судебнаго дѣла и назначитъ *ревизію* (ст. 257 учрежд.), то такая *весьма желательная* ревизія съ ея послѣдствіями выяснитъ несомнѣнно, который изъ двухъ взглядовъ на скорость судебнаго дѣла правиленъ и болѣе соотвѣтствуетъ принципамъ 20-го ноября 1864 года, хранимымъ сенатомъ; а до тѣхъ поръ судъ не отступитъ отъ своего взгляда о предпочтеніи качества работы ея количеству».

Усвоенная составителями «Свода» статистика цифирнаго усердія особенно вредно отражается на тѣхъ изъ судебныхъ дѣятелей, которые правильно или неправильно считаются отвѣтственными за выводы годичныхъ отчетовъ, и на тѣхъ, кто заинтересованъ фраппировать министерство побѣдами надъ многочисленнымъ количествомъ дѣлъ. Того или другого рода лицъ въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, найдется не мало.

Предсѣдатели и прокуроры судовъ (оффиціальные составители отчетовъ) стараются иногда щегольнуть другъ передъ другомъ *своими* цифрами; иначе, пожалуй, будешь опубликованъ въ «Сводѣ». Немудрено, что они находятъ себѣ обязательную поддержку въ безотвѣтныхъ чинахъ канцелярій и въ тѣхъ, кто, не будучи способенъ изготовлять хорошаго качества работы, плодитъ за то ихъ количество, какъ дождь грибы. Стараться чѣмъ нибудь экстреннымъ зарекомендовать себя—весьма нерѣдкій обычай у служащихъ по судебному вѣдомству [1]; въ послѣднее время, самое бо̀льшее число лицъ выѣзжаетъ на цифрахъ... Физическая выносливость входитъ въ число необходимыхъ доблестей, открывающихъ шансы на повышеніе...

Судебныя канцеляріи во многихъ мѣстахъ пали; молодёжь университетская отъ нихъ отвернулась—неинтересно вѣдь щеголять одною физическою выносливостью, и вотъ въ судебномъ засѣданіи по серьёзному дѣлу секретарствуетъ писецъ, въ формулярѣ котораго значится, что онъ хотя и воспитывался въ той же гимназіи, гдѣ и опредѣлившій его предсѣдатель, но, по малоуспѣшности, уволенъ изъ четвертаго класса. За то такой субъектъ способенъ сидѣть, не разгибая спины, сколько прикажутъ, а писать можетъ даже и во снѣ. Судебная карьера много потеряла изъ своей прежней привлекательности и нетолько ее оставляютъ весьма почтенные дѣятели, но и количество слушателей юридическихъ наукъ въ университетахъ падаетъ.

При такихъ ли признакахъ времени могутъ осуществиться тѣ надежды, которыя въ правѣ возлагать на судъ и судебныхъ дѣятелей общество и государство? Чего можно ожидать отъ судей, поставленныхъ въ положеніе сортировщиковъ писемъ въ почтовыхъ конторахъ?

Ужь, конечно, не они будутъ двигать впередъ науку — имъ читать некогда, не то что писать—они не смогли поддержать всѣмъ сословіемъ единственную судебную газету, а два издающіеся судебные журнала расходятся въ такомъ числѣ экземпляровъ, что имъ грозитъ прекращеніе (напримѣръ, у журнала «Гражд. и Угол. Права» въ 1876 году было менѣе 800 подписчиковъ). Не они, измученные судьи, внесутъ въ общество личными сношеніями трезвые охранительные взгляды, какъ выводъ науки и практики; при ихъ ничтожномъ содержаніи и массѣ механическаго труда (одно писаніе вѣдомостей для министерскихъ статистиковъ сколько отнимаетъ времени), имъ въ пору лишь домосѣдствовать, отсыпаться, отмалчиваться, да, по-

---

[1] Въ отчетѣ, напримѣръ, серьёзно пишется: «мы де-занимались дѣлами даже въ неприсутственные дни»—что въ переводѣ означаетъ иногда: слушали 30-го и 31-го декабря дѣла о бродягахъ, оставивъ лежать еще на годъ свыше 2,000 неисполненныхъ перепнсокъ по рѣшеніямъ старыхъ судовъ, благо объ этихъ дѣлахъ формулярчики въ министерство не посылаются.

жалуй, еще самимъ усумниться въ пользѣ ихъ дѣятельности при господствѣ цифирной системы контроля...

Къ какому же заключенію должно привести насъ все выше намѣченное: прежде всего къ тому, что помѣщенныя въ «обзорѣ дѣлопроизводства» цифры суть какія-то уродливыя, максимальныя, въ глазахъ всякаго непредубѣжденнаго человѣка просто невозможныя цифры. А потому лучше всего бросить затѣю писать «обзоръ», основываясь только на такомъ матеріалѣ.

Могутъ, однако, спросить, что же предпринять въ видахъ административнаго контроля за судами. Мы позаимствуемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ у самихъ судей. Въ приведенномъ выше мнѣнія общаго собранія отдѣленій одного окружнаго суда указана совершенно легальная и цѣлесообразная мѣра для возстановленія порядка въ дѣлѣ оцѣнки результатовъ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій—это общая ревизія судовъ.

Думаемъ, что наши личные выводы подтверждаютъ необходимость такой мѣры и что съ ними согласится въ этомъ отношеніи всякій читатель, если онъ истинный другъ судовъ и общества, которому они служатъ.

Ревизія судовъ теперь, особенно послѣ усиленія состава кассаціоннаго сената вполнѣ осуществима. Откладывать ее въ долгій ящикъ врядъ ли желательно.

Такая ревизія, произведенная всесторонне, неторопливо и по возможности повсемѣстно, даетъ возможность выводовъ, которые въ состояніи будутъ уяснить обществу дѣйствительное положеніе судебнаго дѣла за первыя двѣнадцать лѣтъ существованія новыхъ судовъ; выводами такой ревизіи можно будетъ дѣйствительно импонировать судебнымъ дѣятелямъ; такая ревизія даетъ матеріалъ и для вывода средней цифры работъ, возможныхъ къ исполненію судебнымъ дѣятелямъ каждаго ранга; послѣ такой ревизіи, наконецъ, наступитъ, пожалуй, время и для цифирной регистраціи «дѣлопроизводства».—Наступитъ очередь министерскихъ статистиковъ «общаго обзора», нынѣ преждевременно расточающихъ свои похвалы и порицанія.

И. С.
Судья новаго суда.

Декабрь, 1877 года.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Стачки и ихъ быстрое прекращеніе. — Банкетъ рабочихъ ассоціацій и рѣчь Луи Блана. — Пріостановка парламентской сессіи. — Амнистія по дѣламъ печати въ Сенатѣ. — Де-Брольи и Парисъ противъ Савари и Дюфора. — Окончательное принятіе бюджета. — Увеличеніе содержаній по поводу выставки. — Фарсъ, разыгранный сенатомъ. — Мирная сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Рѣчь Барду при открытіи коллежа Паскаля. — Выборы 7-го апрѣля. — Разстройство въ рядахъ бонапартистовъ. — Заявленія Рауля Дюваля, Дюпона и Дюге де-ла-Фоконри «Статьи о союзахъ 1870 г.» — Исторія съ военнымъ министромъ. — Случай съ Геслэномъ и Мирибелемъ. — Территоріальная армія и циркуляръ къ жандармамъ. — Антиреспубликанская магистратура. — Поѣздка Гамбетты и наслѣдство Тьера.

Послѣднее свое письмо я окончилъ извѣщеніемъ о возникновеніи во Франціи, въ концѣ марта, одновременно въ разныхъ мѣстностяхъ, нѣсколькихъ стачекъ рабочихъ. Движеніе это, къ счастію, не приняло слишкомъ серьёзнаго характера, и эти стачки весьма скоро сами собою одна, вслѣдъ за другою, прекратились, благодаря, конечно, вліянію республиканскихъ газетъ, которыя всѣ въ одинъ голосъ доказывали рабочимъ, что всякія волненія соціальнаго характера нетолько не могутъ въ настоящее время принести народу какую нибудь непосредственную пользу, но въ значительной мѣрѣ воспрепятствуютъ возможности желательнаго упроченія демократическихъ учрежденій. Если правительство и произвело нѣсколько арестовъ, чтобы узнать какую роль, при возбужденіи этихъ стачекъ, играли агенты интернаціонала, то слѣдствіе показало съ большою ясностію, что дѣйствія этихъ иноземныхъ агитаторовъ не встрѣтили въ массѣ французскихъ рабочихъ того сочувствія, на которое разсчитывали, и что ихъ стремленія встрѣтили почти повсюду отпоръ. Нельзя не видѣть, что массы французскихъ рабочихъ все больше и больше проникаются идеями политики «своевременности» и вполнѣ поняли, что только дѣйствуя сообразно съ ней, они могутъ достигнуть на практикѣ желаемаго успѣха. Они сознали, какъ и наиболѣе крайніе изъ республиканцевъ палаты, что до возобновленія сената не слѣдуетъ только ничего портить, чтобы получить возможность на-

дѣяться на все съ 1880 года. По этому, въ рабочей средѣ, большинство готово смотрѣть, какъ на безумца или какъ на провокатора, на каждаго своего слишкомъ нетерпѣливаго сочлена. Я вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ, что «Освобожденная коммуна» подверглась значительному штрафу и суду и что первый ея номеръ былъ даже конфискованъ; во всякое другое время это нетолько бы не повредило изданію, но послужило бы ему даже рекламой, сдѣлало бы его популярнымъ и усилило бы цѣлыми тысячами число его читателей; теперь же дѣло произошло иначе: газету перестали покупать и, выпустивъ всего нѣсколько номеровъ, она вынуждена была сама собой прекратиться, по недостатку денежныхъ средствъ. Точно также и другая новая газета «La Marseillaise», въ заголовкѣ которой заявлено, что она издается при непосредственномъ участіи Рошфора, не имѣетъ рѣшительно никакого денежнаго успѣха, несмотря на то, что Рошфоръ пишетъ трижды въ недѣлю, и въ ея фельётонахъ перепечатываетъ свой «Фонарь» времени имперіи. «Les Droits de l'homme» тоже должны были смягчить значительно тонъ своихъ статей, чтобы не потерять читателей. Изъ этого не слѣдуетъ, однако-же, чтобы нашъ пролетаріатъ, такъ сказать, обуржуазился и отказался отъ какихъ либо изъ своихъ надеждъ, но видя, что ему удалось спастись отъ воскрешенія старыхъ порядковъ, онъ довѣрчиво даетъ республикѣ необходимое время для ея усиленія, чтобы потомъ уже логически потребовать отъ нея исполненія ея долга относительно народа. Причина того удивительнаго спокойствія, какое мы видимъ въ цѣлой Франціи, заключается въ томъ, что чуть не все ея населеніе проникло пониманіемъ того, что до 1880 года всѣ усилія французовъ должны быть направлены къ мирному увѣнчанію республиканскаго зданія. Воспитательное значеніе этого терпѣливаго, довѣрчиваго ожиданія состоитъ въ томъ, что оно отучаетъ массы отъ насильственныхъ дѣйствій и научаетъ ихъ идти къ достиженію справедливости путемъ одной законной свободы. На недавнемъ банкетѣ рабочихъ ассоціацій, происходившемъ въ огромномъ помѣщеніи улицы Сенъ-Манде, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ соціалистовъ недавняго прошлаго, Луи Бланъ, не поступившись нисколько основными своими идеями объ индивидуализмѣ и коллективности, заявилъ, что счастіе, или вѣрнѣе, «улучшеніе участи возможно бо̀льшаго числа» находится въ прямой зависимости отъ «труда, согласія и разсудительности» самихъ массъ, и только при ихъ пособіи можетъ быть достигнуто; что «братство людей должно быть мирнымъ орудіемъ освобожденія» и что бѣдные и живущіе дневнымъ заработкомъ, вполнѣ между собою солидарные, «должны обусловить для себя возможность лучшей участи, не нарушая ни одного значительнаго общественнаго интереса, не возставая противъ общественнаго спокойствія, и не подвергая опасности порядка,—при помощи свободы и твердой къ ней приверженности».

При такомъ настроеніи умовъ въ самой удобовоспламеняемой части французскаго населенія и при ненарушимомъ согласіи между республиканскимъ большинствомъ палаты и министерствомъ, никакіе планы реакціи вызвать къ концу сессіи и наканунѣ открытія выставки новый конфликтъ между общественными властями, несмотря на все свое коварство, не могли удаться. Ретрограды достигли только того, что держали чуть не до самаго закрытія сессіи общественное мнѣніе въ постоянномъ страхѣ и опасеніи, чтобы не произошло какихъ нибудь новыхъ столкновеній между двумя палатами и не разрушило бы, передъ самой выставкой, того порядка вещей, котораго съ такимъ трудомъ и, благодаря только настойчивости своего терпѣнія и благоразумія, достигли республиканцы.

Особенную агитаторскую дѣятельность реакція проявила въ сенатѣ въ продолженіи двухъ засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію законо-проэкта объ амнистіи за преступленія и проступки по дѣламъ печати и слова, чему помогло и самое положеніе этого вопроса въ сенатѣ. Палата, ограничивая эту амнистію срокомъ съ 16-го мая по 13 е декабря, имѣла при этомъ въ виду прямое и открытое осужденіе какъ шальной затѣи маршала, такъ и всѣхъ продѣлокъ злосчастныхъ представителей правительства того періода государственной жизни, который она была въ правѣ считать временемъ посягательства на самыя дорогія учрежденія Франціи, посягательства, которое не остановилось бы даже передъ совершеніемъ государственнаго переворота. Но, такъ какъ сенатъ принималъ свою долю участія въ этой позорной попыткѣ, такъ какъ онъ голосовалъ распущеніе, то положеніе конституціоналистовъ при обсужденіи вопроса объ амнистіи было самое жалкое и незавидное. Имъ, вотировавшимъ всегда вмѣстѣ съ правыми, пришлось бы теперь открыто признать незаконность всего того, чему они, по своему легкомыслію и безтактности, сами способствовали. На такое голосованіе отчасти разсчитывала и палата, чтобы дать имъ случай разъ навсегда развязаться съ компрометирующимъ прошлымъ. Но разсчитывать на подобный образъ дѣйствій хотя бы и нѣкоторыхъ изъ наболѣе просвѣщенныхъ орлеанистовъ — значило ожидать отъ нихъ такого героизма, на который они положительно неспособны. Поэтому, когда началъ обсуждаться докладъ Париса объ амнистіи, съ продленіемъ срока ея на весь 1877 годъ, конституціоналисты постыдно молчали. Этимъ, конечно, не преминулъ воспользоваться ловкій де-Брольи и въ рѣчи своей позволилъ себѣ нетолько произнесть апологію 16 мая, но и высказать нѣсколько самыхъ грубыхъ выходокъ противъ настоящаго кабинета, а главное успѣлъ убѣдить сенатъ, что для него отвергать 16 мая значитъ отречься отъ самого себя и всей своей прошлой дѣятельности. Положимъ, что товарищъ министра, Савари, съ трибуны мастерски опровергъ де-Брольи и произнесъ торжественное и суровое обвиненіе какъ самаго 16 мая, такъ и всѣхъ его участниковъ

положилъ, что, вслѣдъ за нимъ, такое же осужденіе высказалъ и Дюфоръ, такъ что страна получила полную возможность составить себѣ вполнѣ ясное представленіе объ истинномъ значеніи 16-го мая и его сообщниковъ, но матеріальный результатъ этихъ преній, продолжавшихся цѣлыхъ два засѣданія, все-таки оказался въ пользу реакціи, такъ какъ амнистія, съ продолженнымъ ея срокомъ, прошла при большинствѣ 147 голосовъ противъ 139. Отвергнуть такое голосованіе палата, съ своей стороны, также не могла, такъ какъ всякое замедленіе въ принятіи амнистіи повлекло бы за собою исполненіе цѣлыхъ сотенъ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній противъ республиканцевъ, которымъ сверхъ того пришлось бы внести весьма значительные штрафы. Поэтому, въ палатѣ, безъ всякихъ преній, на основаніи одного словеснаго доклада, поправка сената была принята при презрительномъ молчаніи лѣвыхъ.

Относительно тѣхъ измѣненій, которыя позволилъ сдѣлать себѣ сенатъ въ бюджетѣ расходовъ, рискуя этимъ обусловить необходимость новой выдачи правительству одной двѣнадцатой, палата съумѣла устроить такъ, что «послѣднее слово» по бюджетному вопросу осталось за народными представителями. Для этого, въ видахъ утвержденія своего авторитета, палата, въ своей финансовой коммиссіи отвергла всѣ возстановленные сенатомъ кредиты; въ публичномъ же засѣданіи, при ничтожномъ большинствѣ въ 7 голосовъ, одинъ только изъ этихъ кредитовъ, въ пользу Отеля Инвалидовъ, и то съ поправками, былъ признанъ. Относительно увеличенія содержанія духовенства, она не сдѣлала никакихъ уступокъ, а только просто вычеркнула знаменитую 10 статью закона, которая въ редакціи сената не выражала того характера осужденія католическихъ конгрегацій, какой ей былъ приданъ палатскимъ большинствомъ. Когда бюджетный законъ этотъ вторично поступилъ въ сенатъ, то напрасно де-Кердрель и де-Белькастель, по вопросу о полковыхъ священникахъ и семинарскихъ стипендіяхъ, старались раздуть въ своихъ сотоварищахъ огонь ультрамонтанскаго одушевленія — большинство сенаторовъ рѣшилось покориться необходимости и законъ, какъ онъ явился изъ членовъ палаты, былъ принятъ большинствомъ 131 голосъ противъ 121. Съ этой минуты, по признанію самого герцога де-Брольи, «торжество республиканцевъ стало окончательнымъ» и для всѣхъ стало яснымъ, что выставка, благодаря усиліямъ Гамбетты, будетъ открыта во имя демократической Франціи кѣмъ либо изъ членовъ неудобосмѣняемаго кабинета, во главѣ котораго сталъ Дюфоръ, а не представителями прежнихъ монархій, хотя они еще и недавно передъ тѣмъ хвастались, что имъ вскорѣ придется предложить гостепріимство Франціи представителямъ всей остальной Европы!

Гамбетта, какъ предсѣдатель бюджетной коммиссіи, между прочимъ, озабочивался и тѣмъ, чтобы республиканское министерство имѣло полную возможность съ надлежащимъ представительствомъ

принять многочисленныхъ гостей Франціи. Письмомъ отъ 18-го марта къ министру финансовъ Леону Сэ онъ заявилъ о томъ, что комиссія намѣрена внести въ палату предложеніе объ увеличеніи, на усиленные расходы по представительству, во время выставки, содержанія маршалу на 500,000 фр., министрамъ иностранныхъ дѣлъ и земледѣлія и торговли, въ вѣденіи которыхъ состоитъ выставка, на 250,000 и всѣмъ остальнымъ министрамъ на 100,000 франковъ. Кромѣ того, въ виду необходимаго вздорожанія во время выставки, при наплывѣ иностранцевъ, всѣхъ предметовъ потребленія, комиссія считала необходимымъ увеличить на 10 процентовъ, на все выставочное время, содержаніе какъ всѣхъ чиновниковъ, живущихъ въ Парижѣ, такъ и всѣхъ служителей и рабочихъ, находящихся въ немъ для надобностей государства. Законо-проэктъ, уполномочивавшій необходимый для этого кредитъ, былъ утвержденъ палатой 1-го апрѣля съ поправкой, которою назначалось 500,000 франковъ для раздачи по департаментамъ на субсидіи делегаціямъ рабочихъ и земледѣльцевъ, которые захотѣли бы посѣтить выставку.

Казалось бы, что подобный законопроэктъ не долженъ былъ встрѣтить никакого противодѣйствія въ сенатѣ. Когда онъ былъ въ него внесенъ, то, на основаніи регламента, онъ былъ напечатанъ и разосланъ по всѣмъ сенаторамъ, но реакціонеры ухитрились не допустить его до внесенія на очередной порядокъ. Для этого они прибѣгли къ такому фарсу. 2-го апрѣля, замѣтивъ, что сенаторовъ лѣвой стороны было еще очень мало, они при самомъ открытіи засѣданія заявили очередной порядокъ исчерпаннымъ, почему и сессію признали законченною, съ отсрочкою новыхъ засѣданій на неопредѣленное время. Такой недостойной продѣлкою они убили сразу нѣсколько зайцевъ и посмѣялись надъ самимъ Макъ-Магономъ, 500,000 франковъ котораго, присужденные палатою къ выдачѣ ему на представительство, оказались не въ его карманѣ, а гдѣ-то въ воздушномъ пространствѣ. Но маршалъ попался при этомъ только, такъ сказать, по спопутности. Главною цѣлью сенатскихъ реакціонеровъ было насолить Гамбеттѣ и республикѣ, также какъ протестанту—министру народнаго просвѣщенія, чего они, хотя весьма неблаговиднымъ образомъ—и достигли.

Виддингтону они насолили тѣмъ, что *позабыли* утвердить кредитъ, необходимый для открытія кассы школьныхъ построекъ, благодаря которой во всѣхъ общинахъ могла бы осуществиться система дарового и обязательнаго обученія.

Гамбеттѣ—въ лицѣ его ближайшаго друга, министра общественныхъ работъ, Фрейссинэ—тѣмъ, что не порѣшили ничѣмъ вопроса о правительственномъ выкупѣ мелкихъ западныхъ и югозападныхъ желѣзно-дорожныхъ компаній; а я уже имѣлъ случай объяснить, къ какимъ немедленнымъ практическимъ выгодамъ приводило быстрое исполненіе этой операціи, занявъ рабочихъ закрытыхъ фабрикъ и заводовъ постройкою недоконченныхъ дорогъ.

Наконецъ республикѣ—помѣшавъ немедленному открытію республиканскихъ мастерскихъ. Въ безсильной злобѣ на невозможность принести ей какой нибудь болѣе существенный вредъ — реакціонеры рады и тому, что отсрочили, если не остановили прибыльную для страны работу. Кромѣ того, они не теряютъ надежды, въ мѣсячный срокъ парламентскихъ вакацій, такъ запутать вопросъ о желѣзно-дорожныхъ выкупахъ, чтобы республиканскому правительству не удалось спасти мелкія компаніи отъ раззоренія и вырвать ихъ изъ рукъ большихъ компаній, въ которыхъ участниками всѣ финансовые тузы Франціи.

На основаніи конституціи, палата не имѣетъ права продолжить своихъ засѣданій, если засѣданія сената закрыты, точно также, какъ и обратно. По поводу быстраго прекращенія сенатомъ засѣданій могъ бы возникнуть весьма щекотливый вопросъ общественнаго права, но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ, дѣло шло не объ окончательномъ закрытіи сессіи, а только объ отсрочкѣ засѣданій, то палата и нашла болѣе удобнымъ для республики не возбуждать вопроса, чтобы не подать тѣмъ поводъ къ какимъ нибудь серьёзнымъ столкновеніямъ властей. Поэтому, 9-го апрѣля, въ тотъ самый день, когда палата была формально извѣщена о прекращеніи сенатскихъ засѣданій, депутаты поторопились закончить всѣ болѣе неотложныя дѣла и къ вечеру разойтись, объявивъ парламентскую сессію пріостановленною до воскресенья, чтобы дать тѣмъ изъ своихъ сочленовъ, которые вмѣстѣ и генеральные совѣтники, возможность присутствовать на очередной сессіи этихъ совѣтовъ. Открытіе же генеральныхъ совѣтовъ было опредѣлено 15 днями ранѣе обычнаго срока, чтобы дать сессіи возможность закончиться до дня открытія выставки.

Никогда еще во Франціи ни одна сессія генеральныхъ совѣтовъ не происходила при такомъ всеобщемъ спокойствіи, какъ настоящая, и никогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, на этихъ сессіяхъ мѣстные интересы не обсуждались съ такою серьёзностью, вниманіемъ и дѣловитостью. Хотя реакціонеры еще и преобладаютъ въ 40 совѣтахъ, но, въ виду спокойнаго и довѣрчиваго настроенія общественнаго мнѣнія, они не отважились на явную оппозицію почти нигдѣ, за исключеніемъ какихъ нибудь шести департаментовъ, гдѣ, впрочемъ, такая оппозиція разрѣшилась также самымъ тихимъ и безвреднымъ образомъ. Въ 50 остальныхъ совѣтахъ, гдѣ преобладаетъ республиканская демократія, не произошло никакихъ политическихъ заявленій; во время зимней сессіи побѣда 14-го декабря была достаточно привѣтствована этими совѣтами и члены ихъ сочли безполезнымъ повторять весною снова какія нибудь демонстраціи. Единственнымъ событіемъ, происшедшимъ за это время въ провинціи, о которомъ много говорили въ Парижѣ, было открытіе въ Клермонъ-Ферранѣ Пюи-де-Домскимъ генеральнымъ совѣтникомъ, министромъ народнаго просвѣщенія, небольшаго коллежа, названнаго коллежемъ Блэза Паскаля. Уже одного имени этого мыслителя, заклеймившаго въ

своихъ Provinciales на вѣки вѣчные іезуитовъ, было достаточно, чтобы возбудить досаду клерикаловъ, но, кромѣ того, министръ, въ качествѣ главы свѣтскаго университета, счелъ нужнымъ произнести на открытіи рѣчь, въ которой, не упоминая о католическихъ университетахъ, назвалъ это учрежденіе достойнымъ всяческой похвалы и «чадомъ революціи» и утверждалъ, что республиканское правительство одно только способно осуществить вполнѣ народное просвѣщеніе, такъ какъ для него свѣтъ знанія служитъ главною основою и долженъ служить вѣнцомъ. Рѣчь эта вызвала неудержимый взрывъ негодованія клерикаловъ, которые, впрочемъ, послѣ двухнедѣльнаго шума, охрипли отъ собственнаго лая, почему и умолкли.

7-го апрѣля, должно было произойти 15 депутатскихъ выборовъ въ различныхъ округахъ для замѣщенія двухъ вакансій умершихъ депутатовъ и 13, полномочія которыхъ не были признаны. Во всѣхъ этихъ округахъ были выбраны республиканцы, такъ что эти выборы, еще яснѣе выборовъ 27-го января и 3-го марта, показали, какъ быстро населенія самыхъ ретроградныхъ мѣстностей, находившіяся до сихъ поръ въ совершенномъ подчиненіи вліяніямъ реакціонеровъ — просвѣтились и поняли преимущество республиканскихъ учрежденій передъ прежде существовавшими. Въ Воклюзскомъ округѣ, какъ и въ Бретани, какъ даже въ самой Вандеѣ, легитимисты были окончательно побиты. Точно такая же участь постигла и бонапартистовъ въ департаментѣ Па де-Кале и даже въ Жерскомъ округѣ. Напрасно пресловутый Кассаньякъ самъ явился къ своимъ землякамъ для рекомендаціи друга своего Пейрусса — его побѣдилъ бывшій мэръ Давидъ, побѣжденный нѣсколько разъ на предшествовавшихъ выборахъ своимъ сильнымъ соперникомъ.

Въ лагерѣ побѣжденныхъ реакціонеровъ старались, хотя и безуспѣшно, ослабить значеніе этой блистательной выборной побѣды; пущены были въ ходъ всевозможныя старанія и средства, чтобы найти хотя какой нибудь слѣдъ правительственнаго вліянія на эти выборы — и разумѣется ничего не удалось, такъ что «Univers» вынуждена была заявить, что при системѣ всеобщей подачи голосовъ нельзя ничего ожидать для блага церкви и спасенія общества, и что, слѣдовательно, должно «подумать о какихъ либо иныхъ способахъ для достиженія этихъ цѣлей». «Pays», «Gaulois» и «Ordre» напрягли всѣ свои усилія, чтобы не показать виду, что они считаютъ себя пораженными, но окончательное распаденіе въ партіи воззванія къ народу тотчасъ же обнаружилось само собой цѣлымъ рядомъ явленій. Такъ въ печати появилось письмо депутата Дюге де ла-Фоконри къ Эмилю де Жирардену, въ которомъ этотъ неукротимый еще недавно бонапартистъ признаетъ, что Франція хочетъ республики и что воспрепятствовать осуществленію этого желанія нѣтъ болѣе никакихъ способовъ. Такъ имперіалистъ Леонсъ Дюпонъ выпустилъ брошюру: «Двѣ Демократіи», въ которыхъ доказываетъ, что имперія потеряла всякую попу-

лярность во Франціи, благодаря тому, что бонапартисты почему-то затѣяли стоять въ хвостѣ другихъ монархическихъ партій, а Наполеонъ IV сталъ невозможнымъ, вслѣдствіе ошибочнаго образа дѣйствій ех-вице-императора Руэра. Такъ Рауль Дюваль отказался отъ предложенной ему кандидатуры на 5-е мая, да и кромѣ того, этотъ единственный талантливый бонапартистъ заявилъ печатно, что онъ считаетъ нелѣпымъ отнынѣ преслѣдовать цѣли партіи, потерявшей всякое вліяніе, вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ. «Въ настоящую минуту, говоритъ этотъ недавно еще столь шумный представитель бонапартизма:—я желаю болѣе всего одного: увидѣть скорѣйшее примиреніе между всѣми французами». Какъ нельзя болѣе кстати для полной погибели имперіализма, принцъ Жеромъ Наполеонъ, непрощающій ортодоксальнымъ бонапартистамъ того, что они отстранили его какъ отъ депутатства въ палатѣ, такъ и отъ совѣтничества въ генеральномъ совѣтѣ Корсики, надумалъ составить для «Revue de Deux Mondes» историческій очеркъ изъ тѣхъ откровеній, какія онъ высказывалъ съ трибуны палаты при обсужденіи бюджета на 1877 годъ. Статья его называется «Союзы Имперіи въ 1869 и 70 годахъ», и хотя она въ настоящее время не представляетъ собой уже ничего особеннаго, но ею вполнѣ доказывается, что, если переговоры, въ видахъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза Франціи, съ одной стороны, и Австріи и Италіи, съ другой, дважды не привели ни къ чему, то это произошло только потому, что тюльерійскій дворъ въ оба раза упорно не соглашался прекратить занятіе Рима французскими войсками. Вліяніе императрицы Евгеніи, выражавшейся о франко-германской войнѣ: «это моя собственная война», и вліяніе духовенства, говорившаго: «дѣло папы прежде всего, прежде даже отечества»—окончательно связали руки Наполеону III и поставили его въ совершенную невозможность добиться союзниковъ, безъ которыхъ его покушеніе на Германію приняло характеръ безумнѣйшаго изъ преступленій и преступнѣйшаго изъ безумствъ. «Клерикальная политика, навязанная Наполеону III, заключаетъ литературный кузенъ Седанскаго героя:—была главною причиною всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдствій Франціи и безпристрастная исторія признаетъ, что защита свѣтской власти папъ обошлась Франціи въ дорогую цѣну потери Эльзаса и части Лотарингіи».

Клерикалы и бонапартисты, раздраженные до послѣдняго нельзя, попытались смягчить результаты обличительныхъ показаній принца Наполеона при пособіи опроверженія, написаннаго бывшимъ посланникомъ и министромъ, герцогомъ де Грамономъ, выступившимъ въ публицистику подъ псевдонимомъ Memor'а и, къ своему позору, орлеанистскій журналъ «Revue de France», ради одной только конкуренціи съ «Revue des Deux Mondes» — далъ мѣсто на своихъ страницахъ діатрибѣ дипломата, котораго Бисмаркъ весьма остроумно прозвалъ «глупѣйшимъ человѣкомъ въ

цѣлой Европѣ». Наполеонъ III восхваляется въ ней до небесъ за ту твердость, съ какою онъ, въ 1869 году, отвергъ союзы, предлагавшіеся ему на условіи «выдачи папы его врагамъ». Статья извиняетъ ему и то, что онъ, послѣ первыхъ понесенныхъ имъ пораженій въ 1870 году, отстранился отъ 100,000-го войска союзниковъ, готовыхъ сдѣлаться его помощниками, еслибы онъ обязался не препятствовать болѣе Италіи закончить ея объединеніе. По мнѣнію де-Грамона, еслибы Макъ-Магонъ и де Фальи, въ началѣ августа, оказались побѣдителями, а не были бы, напротивъ того, побиты, то итальянцы и австрійцы все равно соединились бы съ французами, несмотря на то, что римскій вопросъ не былъ бы разрѣшенъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ; изъ чего будто бы слѣдуетъ, что Франція поплатилась Эльзасомъ и Лотарингіей не за приверженность свою къ папству, а за... за что же еще, кромѣ глупости своихъ дипломатовъ и бездарности военноначальниковъ временъ имперіи? Такимъ образомъ, въ глазахъ публики, съ огромнымъ вниманіемъ слѣдившей за этой ретроспективной полемикой, герцогъ-публицистъ своей неловкой статьей только усилилъ страшную отвѣтственность, тяготѣющую надъ печальной памятью Наполеона III. Если ультрамонтаны и находятъ поводы къ оправданію злосчастнаго седанскаго героя въ его приверженности папству, то французскимъ патріотамъ слишкомъ позднее очищеніе Рима подаетъ только новый случай одинаково проклинать и папство и имперію, тѣсно связанныя между собой въ общей отвѣтственности за всѣ тяжелыя національныя невзгоды, вынесенныя нами.

При такомъ разоблаченіи ихъ прошедшаго, при жестокомъ пораженіи, только что выдержанномъ ими на выборахъ, среди неблагопріятныхъ для нихъ заявленій Рауля Дюваля, Дюпона и де-ла-Фоконри, бонапартистамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ безъ шума сойти съ политической арены. И дѣйствительно, за исключеніемъ неисправимаго Поля де-Касаньяка и его «Pays», всѣ ихъ журналисты пріуныли, выказали необычную скромность и стали обходить благоразумнымъ молчаніемъ всякіе сколько-нибудь жгучіе вопросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, агитаторы этой партіи не отказались производить, на основаніи издавна полученнаго ими лозунга, попытки ко всевозможнымъ демонстраціямъ даже въ самомъ Парижѣ. Такъ, послѣ годовщины смерти Наполеона III, они нѣсколько недѣль сряду заказывали въ различныхъ парижскихъ церквахъ безчисленныя заупокойныя мессы. При выходѣ, по окончаніи одной изъ такихъ мессъ, изъ церкви Сен-Ламберта, пять индивидуумовъ, украшенныхъ извѣстной бонапартистской эмблемой — букетомъ фіалокъ въ петлицѣ, обратились къ рабочимъ мостовщикамъ, занятымъ кладкою рельсовъ для желѣзно-коннаго пути, съ рѣчами такого рода: «Зачѣмъ вы такъ усиленно трудитесь для республики?.. На дняхъ возстановится имперія и весь вашъ трудъ пропадетъ... Долой республику!.. Завтра же молодой императоръ

явится въ Парижѣ и никакой выставки не будетъ!» Рабочіе, сначала озадаченные такими словами, скоро пришли въ себя и, весьма возможно, что разсчитались бы по своему съ агитаторами, еслибы полицейскіе сержанты не положили конца этой сценѣ, поспѣшно арестовавъ пророковъ. Къ удивленію всей читающей Франціи, бонапартистская пресса нетолько не приняла подъ защиту своихъ адептовъ, но обозвала ихъ «бѣснующимися» и чуть не обвинила республиканскую полицію въ томъ, что она выпустила изъ своей среды агентовъ-провокаторовъ. Въ дѣйствительности, эти индивидуумы точно оказались полицейскими, но только прогнанными со службы, такъ какъ они были уличены въ сослуженіи бонапартистскому счетному комитету. Можетъ быть, они производили бонапартистскую агитацію и за свой счетъ, въ досадѣ на то, что при республикѣ болѣе не получаютъ денегъ ни отъ Вуазена, ни отъ Руэра. Вообще, похожденіями этихъ мизераблей заканчивается такъ долго тянувшаяся во Франціи эпопея «бѣлыхъ блузъ». Если конецъ мизеренъ и не соотвѣтствуетъ началу, то за это онъ служитъ весьма характернымъ признакомъ того упадка, въ какомъ находится партія бонапартистовъ.

При разъѣздѣ съ одного публичнаго бала, между городскою стражею и содержателями публичныхъ женщинъ произошло столкновеніе, окончившееся нанесеніемъ раны одному изъ послѣднихъ. Комендантъ города Парижа, де-Геслэнъ, извѣстный своею принадлежностью къ католическимъ клубамъ, издалъ по этому поводу приказъ, произведшій значительный скандалъ въ Парижѣ. Съ одной стороны, онъ въ приказѣ этомъ поздравлялъ своего подчиненнаго, нанесшаго рану, и высказывалъ такую мысль, что онъ «нисколько не сталъ бы сожалѣть, еслибы нанесенный ударъ произвелъ и болѣе тяжелое поврежденіе» (sic). Съ другой стороны, онъ назвалъ пріятеля публичной женщины, получившаго рану, просто на-просто «избирателемъ». Такъ какъ исторія эта произошла въ то время, когда палата еще засѣдала, то депутатъ отъ Монмартрскаго Округа, докторъ Клеменсо, видя въ этомъ пренебрежительномъ отношеніи со стороны Геслэна къ избирательному праву желаніе оскорбить республику, собирался внести запросъ военному министру, но не успѣлъ даже сдѣлать этого, такъ какъ де-Геслэнъ былъ уже отстраненъ отъ исполненія обязанностей коменданта. Быстрое закрытіе засѣданій сената спасло Бореля и отъ другого запроса, который собирались сдѣлать ему лѣвые по поводу производства подвѣдомственныхъ ему генераловъ, причемъ были обойдены многіе генералы республиканцы, имѣющіе неотъемлемыя права на повышеніе по службѣ. Только сенаторъ-республиканецъ Билльо избѣгъ этой участи и былъ изъ бригадныхъ генераловъ сдѣланъ дивизіоннымъ, но его товарищъ, депутатъ Соссье, такъ и остался бригаднымъ. Когда нѣкоторые сенаторы спросили министра, въ частной бесѣдѣ, о причинахъ такой немилости, то Борель

отвѣчалъ имъ: «Я ничего не могу сдѣлать для Соссье; онъ занимается политикой!» Точно также, когда ему былъ сдѣланъ вопросъ, почему не былъ произведенъ полковникъ д'Андлò[1], онъ отвѣчалъ такъ: «Безспорно, д'Андлò старѣйшій и первѣйшій полковникъ въ цѣлой нашей арміи. И старшинство и заслуги за него! Но онъ занимается политикой и, главное, позволилъ себѣ напечатать заявленіе, оскорбительное для императорскаго семейства, и я не могъ для него ничего сдѣлать!» Оба эти отвѣта возбудили негодованіе общественнаго мнѣнія и сдѣлали весьма естественнымъ вопросъ: если Борель, подобно Берто, навязанъ кабинету Мак-Магономъ, какъ человѣкъ въ политикѣ индиферентный, то дѣйствуетъ ли онъ при этомъ сообразно своей роли, обходя республиканцевъ въ пользу бонапартистовъ?

При отсутствіи парламенскихъ засѣданій, имѣютъ весьма важное оффиціозное значеніе телеграммы и замѣтки «Агентства Гавасъ», служащаго òрганомъ всѣмъ смѣняющимся у насъ правительствамъ. И вотъ, отъ его имени появляется въ газетахъ загадочное сообщеніе, въ которомъ за начальникомъ штаба военнаго министра утверждается «исключительная несмѣняемость», какъ за лицомъ, долженствующимъ стоять «внѣ политическихъ колебаній», въ качествѣ «хранителя военныхъ традицій и подготовителя защиты, долженствующаго, въ извѣстный моментъ, дѣлаться отвѣтственнымъ лицомъ за армію, между тѣмъ, какъ министры отвѣтственны, обыкновенно, только на короткій срокъ управленія ими министерствомъ». Комичнѣе всего при этомъ было то, что лицо, занимающее въ настоящее время мѣсто начальника штаба, де-Мирибель, назначено на этотъ постъ, въ замѣнъ Гресле, не такъ давно, и не представляетъ собою никакихъ особенныхъ гарантій, которыя могли бы сколько нибудь оправдать навязываемую ему «постоянную отвѣтственность».

Замѣтка эта должна была произвести шумъ и, дѣйствительно, вызвала его. Всѣ вспомнили, что мѣстомъ своимъ де-Мирибель обязанъ протекціи правительства «нравственнаго порядка», а во время ожесточенія недавняго кризиса, въ декабрѣ прошлаго года, былъ ближайшимъ повѣреннымъ и другомъ отрѣшеннаго отъ мѣста Дюкро, изобрѣтателя «боевого распорядка» передвиженія войскъ, расположенныхъ вблизи Парижа, на случай «политическихъ или военныхъ надобностей». Республиканское общественное мнѣніе было сильно возбуждено и раздражено, и во всѣхъ газетахъ настойчиво требовалось отъ правительства объясненія замѣтки «Агентства Гавасъ». Отвѣтомъ на это и явилось, черезъ недѣлю, въ «Оффиціальномъ Журналѣ», правительственное заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Хотя и было бы въ высшей степени желательно, въ интересахъ

[1] Д'Андлò, сенаторъ коституціоналистъ, извѣстный своимъ заявленіемъ, что если онъ и голосовалъ за распущеніе палаты, то «со смертью въ душѣ». Съ 14-го декабря онъ примкнулъ къ лѣвому центру.

страны и арміи, чтобы органъ подготовительной дѣятельности, на случай возникновенія войны, обладалъ наивозможно большей устойчивостью, но никакой министръ, рядомъ съ собой, не потерпитъ лица, облеченнаго одинаковою съ нимъ отвѣтственностью. Съ другой стороны, лицо, занимающее мѣсто начальника штаба, слишкомъ проникнуто сознаніемъ своихъ обязанностей, чтобы стараться избѣгать, въ какомъ бы то ни было отношеніи, подчиненія власти военнаго министра, главнаго начальника всей арміи». Однимъ словомъ, этимъ правительственнымъ сообщеніемъ совершенно опровергалась замѣтка «Агентства Гавасъ», а равно и то, что она была отправлена для напечатанія изъ кабинета министра или канцеляріи главнаго штаба. Но кѣмъ же она могла быть составлена и отправлена? — этотъ вопросъ такъ и остался неразъясненнымъ. Хотя послѣ этого сообщенія власть начальника штаба и приведена въ надлежащія границы, но общественное мнѣніе желало не этого, а просто удаленія съ этого поста де-Мирибеля, какъ сообщника и наперстника злосчастнаго Дюкро. Вообще, противъ военнаго министра возникло недольство и, чтоби какъ-нибудь его загладить, Борель назначилъ начальникомъ кавалеріи лицо, пользующееся сочувствіемъ республиканцевъ, и издалъ циркуляръ къ жандармамъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующій требованіямъ республики.

До временъ имперіи, жандармскія команды не имѣли у насъ никакого отношенія къ политикѣ и вся обязанность ихъ заключалась въ охраненіи имуществъ и личной неприкосновенности гражданъ, такъ что между жандармами и населеніемъ не существовало никакой взаимной ненависти, и избѣгали ихъ развѣ только злоумышленники. Въ деревняхъ, жандармы пользовались даже особеннымъ почетомъ; къ слову жандармъ прилагались почти всегда прилагательныя *добрый* или *бравый* и сельчане принимали ихъ въ свои семьи, безъ всякаго опасенія съ ихъ стороны доносовъ. Родитель 2-го декабря все это сразу измѣнилъ. Ему понадобились постоянные сообщники-охранители и онъ обратилъ жандармскія команды въ шайки воинствующихъ шпіоновъ. Во все продолженіе имперіи, жандармы были слѣпыми орудіями ея произвола и слѣдили въ городахъ и деревняхъ за исполненіемъ обывателями всѣмъ неизвестныхъ «законовъ общественной безопасности». При выборахъ, кромѣ того, они были сообщниками всѣхъ избирательныхъ продѣлокъ и неправдъ, представляя собою контингентъ наружныхъ охранителей всякой административной нечести. Понятно, что продолжительное исполненіе такихъ противуобщественныхъ обязанностей до мозга костей развратило этихъ малопочтенныхъ слугъ деспотизма, и правительству 24-го и 16-го мая было чрезвычайно удобно продѣлывать свои избирательные фокусы при ихъ содѣйствіи. Ревность ихъ при исполненіи этихъ незавидныхъ обязанностей была до того усердна, что въ одной Савойской деревушкѣ, одинъ молодой человѣкъ, горячившійся на выборахъ про-

тивъ оффиціальной кандидатуры, былъ буквально изрубленъ жандармскимъ палашемъ! Съ 14-го декабря, во многихъ общинахъ Франціи, обнаружилась такая ненависть къ жандармамъ, что жители чуть не буквально отлучаютъ ихъ «отъ огня и воды», а мэры изъ республиканцевъ отказываются отъ всякихъ служебныхъ услугъ съ ихъ стороны. Военный министръ, въ своемъ циркулярѣ къ начальникамъ жандармскихъ командъ, рекомендуетъ «употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы подобный антагонизмъ прекратился, и прежде всего считаетъ необходимымъ повсюдную перемѣну стоянокъ жандармскихъ отрядовъ». Самимъ жандармамъ министръ приказываетъ, въ сношеніяхъ «съ гражданскими властями и обывателями, соблюдать всевозможную вѣжливость и сдержанность, и остерегаться нетолько поступковъ или разговоровъ политическаго характера, но и не позволять себѣ ничего, что бы подавало поводъ къ какимъ-либо толкамъ противъ нихъ».

Поводомъ къ появленію этого циркуляра послужило слѣдующее обстоятельство. Въ мартѣ мѣсяцѣ, изъ-за жандармовъ, чуть не возникло весьма важное столкновеніе между военнымъ министерствомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло было такъ. Одинъ изъ префектовъ, посѣтившій жандармскія казармы своего департамента, обратилъ вниманіе на то, что чуть не всѣ стѣны казармъ были покрыты изображеніями бонапартистскихъ символовъ и таковыми же надписями, за что онъ и распекъ весьма обстоятельно команду. Начальникъ этой команды, сочтя дѣйствія префекта за злоупотребленіе гражданской власти надъ военною, донесъ объ этомъ Борелю, но товарищи по министерству побудили военнаго министра, въ отвѣтъ на это донесеніе, обвинить жандармскаго начальника. Министръ же внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто осужденія префекта, объявилъ ему публичную благодарность. Этотъ-то прецедентъ и подалъ поводъ къ циркуляру Бореля, котораго отъ него потребовали товарищи. Если этотъ циркуляръ и не въ состояніи измѣнить какъ бы по щучьему велѣнью дурныхъ привычекъ жандармовъ и отучить ихъ отъ шпіонства и доносовъ, ставшихъ для нихъ какъ бы второю натурою, то въ немъ все таки нельзя не видѣть какъ бы знаменія времени и симптомовъ близости того порядка вещей, который, съ 1880 г., долженъ войти во всѣ наши государственныя учрежденія, не исключая и арміи. Если же республиканское большинство бережетъ до сихъ поръ Бореля, дѣйствующаго во многихъ случаяхъ непозволительно, то это дѣлается, разумѣется, не ради его прекрасныхъ глазъ, а потому, что республиканцамъ было крайне необходимо сохранить министерство неприкосновеннымъ до открытія выставки, точно также, какъ оно и впредь будетъ остерегаться возбужденія всякаго, хотя бы и частнаго министерскаго кризиса, вплоть до наступленія срока возобновленія трети сенаторовъ.

Самъ по себѣ, Борель еще человѣкъ покладистый, съ нимъ, какъ говорится, еще можно ладить, и это именно качество и обусловило за нимъ поддержку Гамбетты при образованіи мини-

стерства Дюфора, но окружающіе его—люди никуда негодные. Они, очевидно, потому и стараются компрометировать его на каждомъ шагу, что понимаютъ, какъ важно для республиканцевъ сохраненіе его въ министерствѣ. Такъ, едва только въ обществѣ стихло недовольство противъ Бореля за то, что де-Мирибель не былъ смѣщенъ, какъ въ Бельфорѣ возникло новое непріятное дѣло. Въ этомъ городѣ, два почтенныхъ гражданина подверглись лишенію чиновъ, заслуженныхъ ими въ территоріальной арміи, за то, что на выборахъ противились избранію въ депутаты Келлера, подполковника ихъ полка. Дѣло это получило гласность, благодаря письму секретаря сената Шерера Кестнера, который угрожаетъ сдѣлать министру объ этомъ запросъ съ трибуны, если до открытія парламентскихъ засѣданій справедливость относительно этихъ лицъ не будетъ возстановлена. Вопросъ на самомъ дѣлѣ весьма важенъ для разъясненія того, слѣдуетъ ли смотрѣть на территоріальную армію, какъ на сохраняющую свои избирательныя права, или какъ на теряющую ихъ, въ качествѣ «военной части». «Не возмутительно ли видѣть, говорится въ этомъ письмѣ, что изъ кадровъ территоріальной арміи изгоняютъ республиканцевъ и одновременно сохраняютъ въ нихъ людей, прямо измѣнившихъ своему долгу во время войны, трусовъ, прятавшихся за непріятельскіе штыки. Добрымъ гражданамъ, виновнымъ только своею преданностію республикѣ, отказываютъ въ томъ, чего не лишаютъ прямыхъ нарушителей важнѣйшихъ своихъ обязанностей!»

Въ самомъ дѣлѣ, кадры территоріальной арміи формировались при «правительствѣ борьбы» 24 мая 1873 года, а укомплектовывались при министерствѣ 16 мая. Республиканскія министерства, такимъ образомъ, могли только урывками внести туда ничтожную часть республиканскихъ элементовъ. Черезъ нѣсколько дней, будетъ еще въ первый разъ собранъ подъ ружье первый призывъ этой арміи, существовавшей пока только на бумагѣ. Антагонизмъ между солдатами-избирателями, демократами, и начальниками, большая часть которыхъ герцоги, маркизы или финансисты, сторонники той или другой изъ большихъ монархій, не замедлитъ обнаружиться. Тѣмъ лучше! Это можетъ обусловить ревизію кадроваго состава, прежде чѣмъ произойдетъ окончательная организація территоріальной арміи, и съ нею, по крайней мѣрѣ, не повторится того, что произошло съ мобилями времени Имперіи, которыхъ не рѣшались созывать ранѣе наступленія внѣшней опасности, а когда она наступила, то не было уже времени ими воспользоваться, такъ какъ пришлось измѣнять всю ихъ организацію и предоставить имъ выборъ офицеровъ, для замѣщенія назначенныхъ, но оказавшихся негодными.

До чего, однимъ словомъ, ни коснись, приходится повторять все одно и тоже, то есть, что до того времени, пока въ сенатѣ не образуется республиканское большинство, необходимо покоряться обстоятельствамъ и не удивляться тому противодѣйствію,

какое встрѣчаетъ установившійся законный порядокъ, какъ въ управленіи арміи, такъ и въ дѣйствіяхъ магистратуры въ ея современномъ составѣ, а равно и въ средѣ самой гражданской администраціи. Пока нельзя предпринимать ничего, кромѣ частныхъ поверхностныхъ реформъ, между тѣмъ, какъ необходимы общія и радикальныя. Поэтому, министры дѣлаютъ что могутъ. Такъ, Дюфоръ отставилъ, напримѣръ, на дняхъ генеральнаго адвоката кассаціоннаго суда, Годелля, который послѣ того, какъ его депутатскія полномочія были уничтожены палатою, заявилъ снова свою оппозиціонную республикѣ кандидатуру. Но генеральные адвокаты смѣняемы и министръ можетъ ихъ назначать и смѣщать, какъ хочетъ, подъ личною отвѣтственностью. Онъ можетъ точно также дѣйствовать на мировую юстицію и очищать мало-по-малу составъ мировыхъ судей отъ элементовъ, внесенныхъ въ эту среду де-Брольи. Но, рядомъ съ этой магистратурой, существуетъ магистратура несмѣняемая, республиканизировать которую нѣтъ никакой возможности и противъ которой ничего не подѣлаешь, пока не будетъ измѣненъ самый законъ несмѣняемости, о чемъ нельзя и думать раньше 1879 и 1880 годовъ. До тѣхъ же поръ, приходится выносить противореспубликанскихъ судей, которые нисколько не стѣсняются въ заявленіяхъ своей враждебности существующему порядку, такъ какъ сознаютъ, что ихъ царствію наступаетъ конецъ, почему и стараются на всѣхъ ступеняхъ судебной ерархіи организовать себѣ защиту. Въ настоящемъ мѣсяцѣ кассаціонный судъ отказался принять къ разсмотрѣнію жалобу противъ предсѣдателя Алжирскаго суда Бастьена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ составлявшаго подложные протоколы судебныхъ засѣданій, о чемъ заявлялъ въ палатѣ такой компетентный обличитель, какъ бывшій министръ юстиціи Мартель. Очень можетъ быть, что кассаціонный судъ нисколько не сомнѣвается въ виновности Бастьена, но онъ беретъ его подъ свою защиту, на основаніи того парадоксальнаго принципа, что несмѣняемая магистратура, какъ нѣкогда жена Цезаря, должна быть выше всякаго подозрѣнія.

Передъ самымъ перерывомъ сессіи, Гамбетта вынужденъ былъ временно оставить политическую арену и уѣхать въ провинцію. Уѣхалъ онъ въ Ниццу на похороны умершей своей тетки, замѣнявшей ему мать и которая ранѣе, чѣмъ онъ получилъ обезпечившую его извѣстность, поддерживала его въ теченіи 15-ти лѣтъ матеріально, своими небольшими средствами, и нравственно, поддерживая его духъ при всякихъ неудачахъ и непріятностяхъ. Хотя Гамбетта пробылъ въ Ниццѣ всего нѣсколько дней, но печать весьма озабочивалась его отсутствіемъ и объясняла его самыми многоразличными способами. Однѣ газеты говорили, что онъ уѣхалъ въ Римъ и Берлинъ, другія—въ Петербургъ и Константинополь, третьи, наконецъ, въ Дюссельдорфъ, куда, будто бы, для дипломатичическихъ съ нимъ переговоровъ, пріѣхалъ и нашъ посланникъ при германскомъ дворѣ,

де-Сен-Валье. Послѣднее извѣстіе произвело такую сенсацію, что «Агентство Гавасъ» сочло необходимымъ напечатать формальное его опроверженіе. Это было вполнѣ необходимо, такъ какъ реакціонныя газеты обвиняли Гамбетту, что онъ заводитъ, помимо всякаго соглашенія съ маршаломъ, дипломатическія сношенія съ иностранными державами, сильно компрометирующія Францію. Возвратясь черезъ двѣ недѣли въ Парижъ, Гамбетта не счелъ нисколько нужнымъ публично объявлять, куда онъ ѣздилъ разсѣявать свое личное горе и отдыхать послѣ своихъ громадныхъ парламентскихъ трудовъ. Оба его журнала «République Française» и «La petite république française», державшіяся, во все время его отсутствія, въ сторонѣ отъ этой полемики, помѣстили, по его возвращеніи, одну и ту же замѣтку, въ которой зло подсмѣивались надъ свѣдѣніями, полученными монархическими газетами и надъ несообразными выводами и заключеніями редакторовъ этихъ изданій. «Г. Гамбетта, говорится въ окончаніи этой замѣтки:—и впредь будетъ пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ своимъ правомъ свободнаго передвиженія, такъ какъ онъ думаетъ, что каждый человѣкъ и гражданинъ прежде всего совершенно свободенъ въ выборѣ мѣстностей для своего отдохновенія и вовсе не обязанъ публично заявлять о своемъ мѣстопребываніи».

Еслибы Гамбетта и дѣйствительно проѣхался за это время по Италіи и Германіи, чтобы наглядно ознакомиться съ настроеніемъ населеній и переговорить съ компетентными лицами о современныхъ стремленіяхъ кабинетовъ — въ этомъ не было бы ничего страннаго, такъ какъ, при громадномъ его политическомъ значеніи, это составляло бы ни болѣе, ни менѣе, какъ его прямой долгъ и право. Проявлялась ли его дѣятельность чѣмъ-нибудь большимъ? Я имѣю нѣкоторыя основанія думать, что нѣтъ; но еслибы даже случайно онъ и объяснился съ кѣмъ-либо изъ дипломатическихъ свѣтилъ или даже счелъ своевременнымъ искать такихъ встрѣчъ, то и въ этомъ случаѣ, Франція могла бы совершенно спокойно и довѣрчиво относиться къ его дѣятельности. Для внѣшнихъ дипломатическихъ сношеній, онъ настолько же компетентенъ, какъ покойный Тьеръ, который при жизни, какъ бы чувствуя въ немъ своего наслѣдника, самъ перезнакомилъ его со всѣми дипломатами и вліятельными иностранцами, появлявшимися за послѣднее время въ Парижѣ. Что иностранные дипломаты, съ своей стороны, отнесутся къ нему весьма серьёзно, въ этомъ тоже не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ лучшей гарантіей служитъ то, что съ тѣхъ-поръ, какъ этотъ народный трибунъ сталъ безспорнымъ главою республиканской партіи, т. е. съ голосованія февральской конституціи 1875 года и вплоть до самаго образованія министерства 13-го декабря 1877 года, онъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій заслужилъ себѣ полное уваженіе всѣхъ европейскихъ политиковъ и государственныхъ людей Европы, почему и можетъ быть дѣйствительнымъ дипломатическимъ представите-

лемъ Франціи съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ самъ покойный Тьеръ.

Что Гамбетта вполнѣ замѣнилъ для Франціи Тьера и сталъ, такъ сказать, въ нравственно-политическомъ смыслѣ, его прямымъ и единственнымъ наслѣдникомъ — это не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Я совершенно увѣренъ, что и самое кресло Тьера въ академіи, оставшееся вакантнымъ за его смертью — займетъ не кто иной, какъ Гамбетта.

Я дописываю эти страницы въ самый канунъ открытія всемірной выставки. Въ слѣдующихъ моихъ письмахъ я надѣюсь говорить о ней много и подробно. Пока ограничусь только нѣсколькими словами. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ смыслѣ полезности, выставка эта значительно превзойдетъ выставку 1867 года, а если пріѣзжіе гости встрѣтятъ на ней меньше развлеченій и различныхъ безумныхъ и мало-нравственныхъ затей, какія любила примѣшивать ко всѣмъ своимъ предпріятіямъ злосчастной памяти имперія, то этимъ мы, конечно, только выиграемъ въ глазахъ Европы, а ужь никакъ не потеряемъ. Открытіе выставки не будетъ, къ крайней досадѣ реакціонеровъ, отсрочено, а произойдетъ непремѣнно завтра 1-го мая и при самой торжественной обстановкѣ. Ни одно государство не оскорбило нашей демократіи и всѣ они прислали высокопоставленныхъ лицъ въ качествѣ своихъ представителей. Правители и народы откликнулись съ полнымъ сочувствіемъ и радушіемъ на наше приглашеніе принять участіе въ мирномъ торжествѣ наукъ, искуствъ, промышленности и земледѣлія — всего того, что живитъ, просвѣщаетъ, образуетъ и подготовляетъ къ свободѣ.

II.

Театръ и музыка. — «Семейство Фуршамбо», комедія Эмиля Ожье, на сценѣ театра «Французской Комедіи».—«Бразильянка», мелодрама Поля Мериса въ театрѣ «Ambigu». — Возобновленіе на сценѣ Комической оперы «Сѣверной Звѣзды», Мейербера.—«Статуя» Роберта и «Торжество мира», на сценѣ Итальянскаго театра.—Духовная музыка.

Комедія Эмиля Ожье, «Семейство Фуршамбо», имѣвшая на сценѣ Французской Комедіи, передъ самымъ открытіемъ выставки, весьма значительный успѣхъ, появилась чрезвычайно кстати. Хотя отъ литературнаго творчества, разумѣется, нельзя требовать, чтобы лучшія произведенія появлялись именно въ тотъ или другой срокъ, но все-таки для Франціи было бы какъ-то неловко и до-нельзя обидно, еслибы наша сцена, прославленная такими дѣятелями, какъ Мольеръ, Реньяръ, Бомарше, пожалуй, даже Скрибъ и Баррьеръ, въ то время, когда къ намъ соберутся сотни тысячъ европейскихъ гостей, не могла бы представить ничего заслуживающаго въ литературномъ и сценическомъ смыслѣ

серьёзнаго вниманія. Конечно, и новое произведеніе академика Ожье не есть нѣчто великое и геніяльное, что либо такое, что свидѣтельствовало бы о значительной степени нашего литературнаго прогресса за послѣднее время и блистало бы первостепенными качествами, но, во всякомъ случаѣ, это произведеніе хорошее и талантливое, исполненное литературныхъ и сценическихъ достоинствъ; однимъ словомъ, это такая пьеса, съ какою не стыдно явиться на судъ критики представителей всего образованнаго міра, собравшихся на выставку въ Парижъ.

Наша критика отнеслась съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ почтенному автору, потрудившемуся немало для нашей сцены и въ каждомъ изъ своихъ произведеній, выроставшихъ въ глазахъ своихъ цѣнителей. На самомъ дѣлѣ, Ожье, начавшій съ «Габріели» и «Цикуты», подвергавшихся нѣкогда такимъ насмѣшкамъ со стороны романтиковъ за то, что авторъ являлся въ нихъ представителемъ реализма и здраваго смысла, подарилъ нашу сцену такими пьесами, какъ «Бѣдныя львицы» и «Поль Форестье», въ которыхъ какъ бы закрѣпилъ право гражданства реализма и здраваго смысла въ сценическихъ произведеніяхъ. Такимъ же здравымъ смысломъ и жизненною правдою проникнуто и новое его произведеніе, и современная критика уже не бранитъ за это Ожье, а скорѣе даже превозноситъ, можетъ быть, выше мѣры. Правда, нашлись и недовольные, обвиняющіе автора, ни болѣе ни менѣе, какъ *въ отъявленной безнравственности*. Для объясненія такихъ обвиненій, необходимо сказать, что герой пьесы незаконнорожденный сынъ, спасающій отъ безчестія семью соблазнителя своей матери. Незаконнорожденные сыновья и до сихъ поръ десятки разъ появлялись у насъ героями мелодрамъ и комедій; но до сихъ поръ всѣ авторы, начиная отъ Дидро и Туруда до Скриба и Эмиля де Жирардена, какъ бы сговорившись, тэмою для своихъ произведеній брали обыкновенно несправедливость соціальнаго положенія этихъ пасынковъ судьбы. Конечно, такая постановка вопроса о незаконнорожденныхъ и вѣрна, и нравственна, и справедлива.... но кому же она, наконецъ, не надоѣла, послѣ того, что объ ней было уже сотни разъ высказано во всѣхъ литературахъ? Эмиль Ожье, наперекоръ рутинѣ, не плачетъ о жребіи своего героя, котораго выставилъ вполнѣ чистымъ и честнымъ человѣкомъ, да, мало того, еще и богатымъ, выручающимъ, по желанію своей матери, изъ критическаго положенія своего отца и его семью, не блистающую никакими добродѣтелями. Вотъ это-то и возмутило нашихъ моралистовъ. Кàкъ! закричали они, намъ стараются показать, что такія безобразныя дѣйствія, какъ соблазнъ и оставленіе дѣвушки, могутъ приводить въ жизни къ такимъ послѣдствіямъ, что самымъ этимъ преступленіемъ обусловливается спасеніе соблазнителя, разореннаго легкомысліемъ своей законной семьи! Да неужели это не верхъ безнравственности? Извольте спорить противъ такой аргументаціи людей, требующихъ отъ

драматическихъ произведеній, чтобы это были какія-то проповѣди на соціальныя тэмы, раздѣленныя на акты съ нравственнымъ поученіемъ въ эпилогѣ, не желающихъ понимать, что «въ жизни всяко бываетъ» и что типъ Бернара, выставленный Ожье, совсѣмъ не говоритъ того, что имъ кажется.

Впрочемъ, позвольте познакомить читателей съ содержаніемъ пьесы, которое я постараюсь передать нѣсколько подробно.

1-е дѣйствіе вводитъ насъ въ семейный бытъ Фуршамбò. Фуршамбò—банкиръ, съ честью поддерживающій въ Гаврѣ достоинство своей наслѣдственной фирмы. Женатъ онъ на легкомысленной кокеткѣ, которая, подъ предлогомъ того, что принесла съ собою въ приданое 200,000 франковъ — тратитъ ежегодно на свои туалеты и прихоти по 80 тысячъ. У нихъ дочь — дѣвушка совершенно совращенная легкомысліемъ и страстію къ роскоши своей матери съ пути истиннаго. Въ нее влюбленъ очень развитой и хорошій юноша, Викторъ Шове, и дѣвушка тоже была бы не прочь ему отвѣчать, еслибы онъ занималъ какое нибудь видное общественное положеніе. Бракъ, по ея понятіямъ, долженъ ей дать, кромѣ богатства, еще и титулъ. Поэтому, она нисколько не противъ мысли своей матери выдать ее за сына нѣкоего барона, котораго правительство борьбы сдѣлало префектомъ. Кромѣ дочери, у Фуршамбò еще и сынъ. Въ сущности, это добрый малый, но тоже донельзя испорченный окружающей его средой и представляющій собой типъ отъявленнаго гандэна. Вся цѣль его жизни, повидимому, въ томъ, чтобы весь Гавръ говорилъ объ его лошадяхъ, любовницахъ и карточныхъ проигрышахъ. Впрочемъ, передъ самымъ началомъ дѣйствія, въ немъ замѣтны нѣкоторыя перемѣны. Онъ бросаетъ своихъ любовницъ и начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ отеческою кровлею. Перемѣна эта объясняется, впрочемъ, очень просто; въ семью Фуршамбò пріѣзжаетъ изъ Америки красавица креолка, Мари Летеллье, дочь бывшаго компаньона Фуршамбò, только-что раззорившагося до того, что родственники дѣвушки сочли необходимымъ отправить ее въ Европу для прінсканія мѣста учительницы. Фуршамбò, однако-же, не торопятся помочь своей гостьѣ въ ея поискахъ, а хотѣли бы, чтобы она прогостила у нихъ, какъ можно дольше. Г-жа Фуршамбò не безъ удовольствія замѣчаетъ, что красота дѣвушки произвела впечатлѣніе на ея сына; ухаживаніе за Мари, по соображеніямъ ея, предохранитъ его отъ дорого стоющихъ связей съ камеліями; когда же представится для него случай выгодной женитьбы, то такому ухаживанію не трудно будетъ положить и конецъ. Фуршамбò-отецъ не смотритъ такъ чорство на гостепріимство, оказанное имъ дочери своего пріятеля. Онъ не хотѣлъ бы, чтобы съ дѣвушкой произошла какая нибудь непріятность. Замѣтя образъ дѣйствій своего сына, онъ, въ видахъ предостереженія его отъ какого-либо неосторожнаго шага, разсказываетъ ему исторію одного обольщенія, происшедшую якобы съ однимъ изъ

его пріятелей. Но легкомысленный Леопольдъ рѣшительно не хочетъ понять, что за фантазія пришла его отцу разсказывать ему всю эту исторію учительницы музыки, обольщенной сыномъ тѣхъ лицъ, у которыхъ она давала уроки, и которая могла бы выйти замужъ, еслибы на сомнѣнія, возникшія по поводу ея поступковъ, она не отвѣчала презрительнымъ молчаніемъ. Что соблазнитель, послѣ этого, женится тотчасъ на невѣстѣ, чуть ли не съ милліономъ приданаго, кокодесъ находитъ весьма естественнымъ, а когда узнаетъ отъ отца, что у учительницы былъ уже сынъ, начинаетъ по поводу этого пикантнаго обстоятельства отъ души хохотать.

Второе дѣйствіе переноситъ зрителей въ домъ г-жи Бернаръ. При поднятіи занавѣса, эта пожилая дама, почти старушка, занята приведеніемъ къ окончанію счетовъ по кассѣ своего сына моряка, занимающагося арматорствомъ. Сынъ этотъ, человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, сидитъ тутъ же, подлѣ матери и любовно слѣдитъ за ея дѣятельностью. «Твои дѣла идутъ прекрасно, замѣчаетъ старушка, оканчивая счеты:—по балансу у тебя оказывается 2 милліона, безъ трехъ франковъ». «Такъ возьми же эти три франка для ровнаго счета», весело говоритъ сынъ, цѣлуя своего кассира. Г-жа Бернаръ именно та бывшая учительница, исторію которой мы слышали въ 1 дѣйствіи, не перестающая оплакивать единственную печальную ошибку, сдѣланную ею въ молодости. Сынъ ея оказался способнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ и на средства, полученныя матерью отъ соблазнителя, нажилъ, какъ видите, солидное состояніе. Онъ же сопровождалъ изъ Америки и Мари Лételлье, къ которой питаетъ особенное сочувствіе, по сходству ея положенія съ тѣмъ, въ которомъ нѣкогда была его мать. Опасаясь Леопольда Фуршамбо, онъ уже успѣлъ подъискать для Мари хорошее мѣсто въ одномъ англійскомъ семействѣ. Бернаръ только что возвратился съ биржи и, передавая матери различныя новости, услышанныя имъ въ это утро, между прочимъ, передаетъ слухъ и о томъ, что одинъ изъ значительнѣйшихъ французскихъ банкирскихъ домовъ сдѣлался несостоятельнымъ и прекратилъ платежи. Съ банкротствомъ этой фирмы, говорилъ онъ, банкиръ Фуршамбо теряетъ 240 тысячъ франковъ, что, вѣроятно, обусловитъ также и его банкротство. Мать, хладнокровно слушавшая другія новости, обращается вся во вниманіе, когда дѣло доходитъ до имени Фуршамбо и волненіе ея, когда она узнаетъ, что ему угрожаетъ бѣда, доходитъ до крайней степени. «Ты долженъ, говоритъ она сыну тревожно и порывисто:—не теряя ни минуты, доставить Фуршамбо 240 тысячъ, необходимыя для поддержанія чести его банка, ты долженъ сдѣлаться его компаньономъ и привести его дѣла въ цвѣтущее состояніе...» Сынъ недоумѣваетъ, какъ его мать, женщина съ такимъ умомъ и комерческимъ тактомъ, рѣшается ему совѣтовать такое странное предпріятіе, но она, очевидно, заинтересована не одною матеріальною стороною этого дѣла, и

задыхающимся голосомъ повторяетъ ему: «У тебя деньги есть, ты можешь отдать ихъ... и отдай!.. это необходимо... ты должникъ Фуршамбо, и я этого хочу!» «Я заплачу ихъ! отвѣчаетъ сынъ. —Я понялъ, что Фуршамбо мнѣ отецъ, шепчетъ онъ, бросаясь передъ матерью на колѣна и умоляя ее, чтобы она его простила за то, что онъ не избавилъ ее отъ этого тяжолого объясненія.

Сцена эта, сухая въ моей передачѣ, при игрѣ г-жи Агаръ и Го, представляетъ собою нѣчто до того живое, эффектное и вѣрное дѣйствительности, что всѣ зрители невольно увлечены и растроганы. Никому не приходитъ даже въ голову разбирать ее критически и по опущеніи занавѣса г-жу Агаръ и Го вызываютъ безчисленное множество разъ.

Въ 3-мъ дѣйствіи, мы застаемъ Фуршамбо въ самыя тяжелыя минуты постигшей его бѣды. Онъ уже испыталъ всѣ средства достать необходимыя ему деньги для спасенія чести своего банка и безъ всякаго успѣха. Ему остается одно—просить у жены, чтобы она помогла ему изъ своего приданаго. Между супругами происходитъ объясненіе. Выслушавъ мужа, г-жа Фуршамбо прежде всего начинаетъ его упрекать, что онъ не обратился къ ней первой въ своемъ несчастіи, а когда мужъ говоритъ, что онъ боялся съ ея стороны отказа, отвѣчаетъ ему, что она и дѣйствительно не можетъ ему не отказать. Честь банка—для нея понятіе темное; существенно для нея только, чтобы за дочерью ея Бланшъ было солидное приданое, чтобы хозяйство въ домѣ велось на широкую ногу и ея роскошныя привычки не были нарушены. Напрасно и Леопольдъ, сохранившій, по крайней мѣрѣ, понятіе о торговой чести, начинаетъ ее убѣждать въ необходимости жертвы съ ея стороны. Г-жа Фуршамбо остается непреклонною, и только Мари, сдѣлавшаяся невольною свидѣтельницею этой сцены, предлагаетъ банкиру нѣсколько тысячъ франковъ, которыми снабдили ея родные на черный день. Банкиръ, разумѣется, отказывается отъ этихъ денегъ, которыя составляютъ какъ бы каплю въ морѣ необходимой ему суммы, говоря ей: «деньги эти, дитя мое, васъ раззорятъ, а меня не спасутъ!» Тогда г-жа Фуршамбо рѣшительно вдохновляется и произноситъ цѣлую рѣчь о томъ, какъ ея *обязанности* не позволяютъ ей исполнить того, что было бы конечно, ея *долгомъ*, и распространяется въ упрекахъ слабости и недальновидности Фуршамбо, поставившаго ее и всю семью въ невыносимое положеніе раззоренія... Тирада прерывается появленіемъ Бернара, который говоритъ, входя:

— Вы нуждаетесь въ 240 т. франковъ! Не угодно ли вамъ ихъ получить?

Леопольдъ оскорбляется такимъ дерзкимъ предложеніемъ мало знакомаго человѣка, Фуршамбо-отецъ говоритъ, что онъ можетъ принять это предложеніе только послѣ того, какъ ему будетъ объясненъ мотивъ, на основаніи котораго онъ дѣлается; но Бернаръ рѣзко прерываетъ его словами: «Я хочу быть вашимъ ком-

паньономъ—вотъ вамъ все объясненіе... Я нахожу это для себя выгоднымъ... и вовсе не считаю, чтобы я этимъ васъ обязывалъ... Хотите или нѣтъ?.. Я же думаю, что эта сдѣлка можетъ быть выгодною для насъ обоихъ...

— Въ такомъ случаѣ, по рукамъ, отвѣчаетъ Фуршамбо.—Между порядочными людьми простое пожатіе руки обязательнѣе всякаго контракта. И они подаютъ другъ другу руки.

Вы видите, что въ этой сценѣ Ожье освободилъ публику отъ всякихъ банальностей. Фуршамбо отецъ не разсыпается въ благодарностяхъ передъ Бернаромъ, а скромная сдержанность, какою сопровождаетъ Бернаръ свой великодушный поступокъ, говоритъ чувству зрителей несравненно болѣе всякихъ хорошихъ словъ, какія онъ могъ бы при этомъ произнести. Въ его взглядѣ и жестахъ публика какъ бы читаетъ его слова, обращенныя къ Фуршамбо: «Ты далъ мнѣ жизнь, я возвращаю тебѣ честь и мы квиты!»

Сдѣлавшись компаньономъ Фуршамбо, Бернаръ тотчасъ же принимается поправлять нетолько дѣла банка, но и ограничиваетъ расходы на содержаніе дома и личныя прихоти г-жи Фуршамбо, а когда она начинаетъ противъ этого протестовать, говоря, что она принесла съ собою мужу такое приданое, которое позволяетъ ей тратить столько, сколько хочетъ, что она и впредь намѣрена дѣлать, то онъ холодно прерываетъ ее словами:

— Ваше приданое представляло сумму въ 200.000 франковъ. Въ теченіе 25 лѣтъ вы тратили на себя ежегодно по 80 тысячъ. Потрудитесь сосчитать, много ли у васъ осталось отъ вашего приданаго?..

— Вы грубый и жосткій человѣкъ, отвѣчаетъ ему г-жа Фуршамбо; но когда онъ велѣлъ затѣмъ уходить, то она замѣчаетъ про себя: «Вотъ какимъ человѣкомъ долженъ бы былъ быть мужъ мой!..»

Четвертое дѣйствіе начинается комическимъ эпизодомъ. Префектъ «нравственнаго порядка»—баронъ Ратибулуа, узнавъ о разстройствѣ дѣлъ Фуршамбо, уже успѣлъ взять назадъ свое предложеніе о бракѣ своего сына съ Бланшъ, но, при извѣстіи о вступленіи въ фирму Бернара, торопится снова поправить дѣло и везетъ сына къ Фуршамбо. Въ лицѣ этого барона, Ожье, считавшійся ретроградомъ во время имперіи, старался не пощадить своихъ враговъ и съ неподражаемымъ талантомъ заклеймилъ ненавистный типъ личностей, готовыхъ служить всякому правительству, было бы это только выгодно. Весь іезуитизмъ личностей этой категоріи онъ выразилъ въ томъ, что Ратибулуа прикрываетъ свой своекорыстный отказъ таковымъ якобы благовиднымъ предлогомъ, что онъ считаетъ неприличнымъ родниться съ такимъ семействомъ, которое, имѣя дочь невѣсту, въ тоже время терпитъ въ своемъ домѣ любовницу своего сына! Злая эта клевета, не прошедшая, какъ мы увидимъ далѣе, безъ послѣдствій, оказывается, однакожь, недостаточно сильною, чтобы служить препятствіемъ къ

браку сына барона съ Бланшъ послѣ сцены примиренія родителей! Но противъ этого брака дѣйствуютъ уже Бернаръ и Мари, сговорившіеся спасти Бланшъ. Они, какъ бы не замѣчая присутствія Бланшъ въ одной съ ними комнатѣ, начинаютъ между собою разговоръ о серьёзности обязанности супруговъ и о преимуществахъ всякаго рода браковъ, при которыхъ дѣвушка цѣнитъ сердце и умъ своего жениха выше случайностей его внѣшняго общественнаго положенія. Разговоръ этотъ переходитъ мало-помалу въ бесѣду о счастіи семейной жизни, при условіяхъ пониманія своего долга со стороны обоихъ брачущихся, при чемъ и Бернаръ и Мари такъ душевно высказываются, что публика въ этой сценѣ видитъ какъ бы граціозное объясненіе въ любви, хотя ни тотъ ни другой не говорятъ объ ней ни слова, да и едва ли они даже догадываются о томъ, что они другъ друга любятъ. Сцена эта одна изъ самыхъ счастливыхъ и удачныхъ въ сценическомъ смыслѣ изо всѣхъ, какія только существуютъ въ репертуарѣ нашихъ театровъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за нею наступаетъ другая, составляющая съ нею полный контрастъ. Леопольдъ позволяетъ себѣ дерзкую выходку относительно Мари, за что и получаетъ ударъ хлыстомъ отъ американки, до тѣхъ поръ отдѣлывавшейся отъ его искательствъ шутками.

Въ пятомъ дѣйствіи письмо префекта, въ которомъ онъ мотивируетъ свой отказъ породниться съ семьей Фуршамбо, служитъ поводомъ для того, чтобы Бернаръ увидѣлъ щекотливость пребыванія Мари въ этомъ домѣ. Конечно, Бернаръ, какъ онъ выставленъ авторомъ, при его умѣ и дальновидности, могъ бы и безъ такого письма самъ все разглядѣть, но за то эта довольно неловкая ошибка въ постройкѣ пьесы даетъ поводъ къ превосходной и капитальной сценѣ ея—объясненія между двумя братьями. Бернаръ, узнавъ, что Мари скомпрометирована и, вспомнивъ притомъ судьбу своей матери, требуетъ отъ Леопольда, чтобы онъ женился на ней.

— Жениться?.. вотъ еще!... отецъ раззорился и я больше чѣмъ когда-нибудь нуждаюсь въ невѣстѣ съ большимъ приданымъ.

— Пусть даже и такъ, но я люблю Мари, какъ отецъ, и готовъ назначить ей триста тысячъ въ приданое...

— Въ самомъ дѣлѣ? Ваше великодушіе напоминаетъ образъ дѣйствій людей временъ прежнихъ монархій. Но я, къ сожалѣнію, ношу имя Фуршамбо, и потому не разсчитываю на бракъ съ чужими любовницами!

— Несчастный! раздражается Бернаръ.—Какъ узнаю я въ этихъ словахъ внука человѣка, не остановившагося даже передъ клеветой, чтобы не допустить своего сына жениться на честной женщинѣ, имъ соблазненной! Вы достойный сынъ своего дѣда—гнуснаго клеветника.

— Повторите!.. что вы сказали?..

— Я сказалъ, что вы такой же гнусный клеветникъ, какъ и дѣдъ вашъ.

Леопольдъ бросается на Бернара и бьетъ его перчаткой по лицу. Кровь приливаетъ къ головѣ Бернара, онъ въ свою очередь бросается на своего противника, но внезапно останавливается и вскрикиваетъ, ломая себѣ руки: «О, какъ ты счастливъ, что имѣешь дѣло... съ братомъ!..»—что, впрочемъ, нисколько не удерживаетъ Леопольда отъ дальнѣйшихъ дерзостей.

— А, такъ вы, продолжаетъ онъ: — сынъ музыкальной учительницы?... Такъ не стѣсняйтесь же и убивать меня, такъ какъ въ вашихъ жилахъ, конечно, не течетъ ни одной капли общей крови.

Бернаръ еще разъ сдерживаетъ себя и, скрестивъ на груди руки, говоритъ: — Я—не братъ твой, а между тѣмъ, я, по приказанію своей матери, спасъ вашъ домъ отъ раззоренія... я не братъ твой, а по одному слову ея, я бросился снять безчестіе съ твоего отца и охранить отъ позора твою мать, сестру и тебя самого!...

Эти слова пробуждаютъ въ Леопольдѣ совѣсть. Онъ невольно склоняется передъ нравственнымъ превосходствомъ брата и начинаетъ просить у него прощенія... Бернаръ выпрямляется и, указывая пальцемъ на мѣсто лица, по которому ему нанесено оскорбленіе, говоритъ одно только слово: «Efface!» (загладь же скорѣе это оскорбленіе), вслѣдъ за которымъ Леопольдъ бросается его цѣловать—и оскорбленіе смыто!

На этомъ мѣстѣ пьесы, по настоящему, она должна была бы оканчиваться, но автору, по условіямъ комедіи, необходимо было еще озаботиться о бракахъ дѣйствующихъ лицъ, почему онъ прибавилъ еще двѣ прелестныя сценки, которыя, однакоже, послѣ великолѣпной сцены объясненія братьевъ — кажутся блѣдными. Дѣло въ томъ, что Мари освобождаетъ Леопольда отъ честнаго слова, которое онъ далъ, что на ней женится, а Леопольдъ настаиваетъ, чтобы Бернаръ самъ на ней женился; но Бернаръ тоже связанъ. Онъ далъ слово, что женится только на такой дѣвушкѣ, которой онъ можетъ разсказать исторію своей матери. «Женись на Мари, говоритъ ему г-жа Бернаръ:—она уже столько сама выстрадала, что пойметъ насъ!..»

Роль Бернара удалась Го̂ еще болѣе роли раввина въ «Другѣ Фрицѣ», Эркмана и Шатріана; онъ превзошелъ въ ней самого себя. Го̂, товарищъ дѣтства Ожье и, очень можетъ быть, что, создавая Бернара, онъ имѣлъ въ виду нравственный обликъ самого Го̂. Поэтому, Го̂ даже не игралъ, рѣчь его лилась совершенно естественно и свободно, какъ будто онъ самъ переживалъ всѣ перипетіи пьесы. Это была сама жизнь и истина. Кокеленъ, комично изобразившій гандэна Леопольда, въ патетическихъ мѣстахъ этой роли возвышался до настоящаго жизненнаго трагизма. Барре — былъ настоящій Фуршамбо̂-отецъ. Роль г-жи Фуршамбо̂ тоже хорошо была передана г-жею Прево-Понсиль, но Кру-

азеттъ нѣсколько утрировала рѣзкость манеръ американки, а Рейхенбергъ, напротивъ, слишкомъ чиста для Бланшъ—до того времени, когда настоящая любовь ее преобразила. Г жа Агаръ, которую мы привыкли видѣть въ классическихъ трагедіяхъ, провела тоже хорошо всю свою роль, а въ сценѣ, когда она приказываетъ сыну спасти Фуршамбо даже неподражаема. Тиронъ мастерски схватилъ всѣ смѣшныя стороны комическаго префекта нравственнаго порядка. Однимъ словомъ, исполненіе почти равнялось достоинству самаго произведенія и могло бы казаться безукоризненнымъ... еслибы Го не дошелъ въ исполненіи Бернара до такой высоты, которая оказалась недосягаемой для его товарищей.

Поль Мерисъ, одинъ изъ главныхъ редакторовъ «Rappel'я», окончившій для сцены «Мизераблей» Шарля Гюго — поставилъ недавно и на сцену театра «Ambigu» мелодраму «Бразильянка», передѣланную имъ изъ романа, подъ тѣмъ же названіемъ, печатавшагося въ «Rappel». Романъ былъ подписанъ именемъ Матеи (псевдонимомъ Рошфора) и имѣлъ въ публикѣ успѣхъ, но пьеса не удалась, такъ какъ по сценическимъ условіямъ пришлось ее почти всю построить на антипатической дѣятельности главнаго лица, впечатлѣніе отъ которой весьма мало смягчается вводными лицами и эпизодами. Лицо же это — креолка Бальда, поклявшаяся въ непримиримой ненависти ко всѣмъ бѣлымъ за то, что они задушили ея любовника, возмутившагося метиса. Появившись въ Европѣ, Бальда избираетъ семью де-Сержи ареною для своей мести; дѣлается любовницею мужа, убиваетъ жену, страдающую болѣзнью сердца, ложнымъ извѣстіемъ о смерти ея отсутствующаго сына и собирается отравить дочь. Но ей во всемъ препятствуетъ ея собственная дочь, Анжелика, настолько же чуждая всякой злобы, насколько мать ею преисполнена. Ядъ, приготовленный для Люси де-Сержи, тоже случайно выпивается Анжеликою. Чтобы спасти дочь, Бальда вынуждена открыть всѣ свои преступленія доктору, жениху Люси, котораго она тоже покушалась довести до самоубійства. Но такъ какъ помочь Анжеликѣ все-таки нельзя—слишкомъ поздно! то Бальда, въ которой материнская любовь оказывается еще сильнѣе ненависти къ бѣлымъ — теряетъ разсудокъ, что ее, впрочемъ, и спасаетъ отъ гильотины. Еслибы пьеса еще не была слишкомъ длинна, то послѣдняя сцена могла бы показаться эффектной для невзыскательной публики бульварнаго театра, но пьесѣ, кромѣ растянутости, мѣшаетъ еще и то, что современнымъ парижанамъ извѣстнаго класса, рѣшительно не можетъ быть понятна ненависть креолки къ бѣлымъ, такъ какъ негры, какъ имъ извѣстно, давно освобождены; они смотрятъ на Бальду, какъ на обыкновенную убійцу, и мы сами въ партерѣ слышали сожалѣніе, что помѣшательство спасаетъ подобную негодяйку отъ уголовной отвѣтственности. Самое помѣшательство Бальды, при всемъ реализмѣ исполненія этой роли г-жею Фар-

гёйль, кажется зрителямъ чуть не притворствомъ. Вообще, роль Бальды, роль неблагодарная, и Фаргёйль, при всѣхъ ея драматическихъ средствахъ, не могла ничего изъ нея сдѣлать.

Кромѣ «Фуршамбо» и «Бразильянки» на сценахъ театровъ Гимназіи и Пале-Рояля шло нѣсколько новыхъ одноактныхъ пьесокъ, о которыхъ не стоитъ говорить, а потому и перехожу къ новостямъ музыкальнымъ.

Возобновленіе «Сѣверной Звѣзды» Мейербера на сценѣ «Комической Оперы» оказалось весьма неудачнымъ. Г-жа Риттеръ, въ продолженіи трехъ или четырехъ представленій, окончательно испортила свою репутацію, такъ быстро пріобрѣтенную ею ролью Виргиніи въ оперѣ Масенэ. Ее вынуждены были замѣнить молодой дебютанткой г-жею Исаакъ, у которой, по крайней мѣрѣ, нѣтъ недостатка въ доброй волѣ и здоровыхъ легкихъ. Другіе исполнители только сносны, а хорошему исполненію оркестра безпрестанно мѣшали ошибки хоровъ.

Гораздо удачнѣе было возобновленіе «Статуи», въ которой значительные лавры достались молодому тенору Талозену, имя котораго я привожу нарочно, такъ какъ ему предстоитъ блестящая будущность. «Статуя» принадлежитъ композитору Рейеру — музыкальному критику «Journal des Débats» и лѣтъ восемнадцать тому назадъ имѣла успѣхъ на сценѣ «Лирическаго театра», находившагося тогда на Тампльскомъ бульварѣ. Почему ее никогда не возобновляли на сценѣ второго «Лирическаго Театра» площади Шатле, или въ то время, когда ее уже репетировали, не попытались поставить на сцену третьяго (Gaité) прежде, чѣмъ рѣшились его закрыть—остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, но такой вопросъ невольно приходитъ въ голову слушателямъ оперы, исполненной всевозможныхъ достоинствъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не страшиться за участь французскихъ композиторовъ, видя во-очію, какъ человѣкъ, отличающійся далеко незауряднымъ талантомъ, былъ, такъ сказать, задушенъ при самомъ началѣ своей музыкальной карьеры театральными поставщиками и принужденъ былъ чуть не двадцать лѣтъ добывать себѣ хлѣбъ критическимъ разборомъ чужихъ произведеній—не имѣя возможности отдаться творческой работѣ! Безъ всякаго пристрастія нельзя не сказать, что «Статуя» одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній французской музыкальной школы. Она на столько же мелодична какъ «Лалла Рукъ» Фелисьена Давида. Либретто оперы составлено очень удачно величайшими мастерами либретныхъ дѣло—Жюлемъ Барбье и Мишелемъ Карре и заимствована ими изъ одной сказки «Тысячи и одной ночи», что даетъ случай композитору ввести въ музыку два или три эффекта въ Веберовскомъ стилѣ. Музыка Рейера совершенно оригинальная, доказывающая, что онъ старался открыть новый путь и стоитъ дѣйствительно особнякомъ между итальянской и нѣмецкой школами, какими они представлялись послѣ смерти Берліоза и до появленія Вагнера. Отрывки изъ большой

и кажется еще неоконченной оперы того же автора «Сигмундъ», исполненные на популярныхъ концертахъ Паделу и въ Консерваторіи—доказываютъ, что талантъ его прогрессируетъ и теперь безъ сомнѣнія и «Сигмундъ» будетъ также поставленъ. Но не печальна ли исторія подобнаго двадцатилѣтняго перерыва въ карьерѣ человѣка высоко талантливаго? Хорошо еще, что Рейеръ съумѣлъ сохранить до настоящаго своего возраста и физическую крѣпость и свѣжесть своихъ вдохновеній, чтобы хотя на склонѣ дней воспользоваться плодами такъ поздно наступающей для него извѣстности.

Я уже писалъ вамъ, что для доставленія возможности начинающимъ композиторамъ знакомить съ своими произведеніями публику—послѣ банкротства Лирическаго театра, парламентъ оставилъ неприкосновенною выдаваемую имъ субсидію въ 200,000 франковъ, предоставляя министру народнаго просвѣщенія употребить ее для поддержки исполненія симфоническихъ произведеній или для пособій при постановкахъ новыхъ оперъ. Желая воспользоваться этою субсидіей, дирекція Итальянскаго театра поставила на своей сценѣ оду-симфонію «Торжество мира» слова Пароди, музыка Самуэля Давида. Она исполнялась уже три раза, но, къ сожалѣнію, не произвела особеннаго впечатлѣнія. Оркестры были дурно срепетованы, хоры малочисленны, а сама симфонія—первое accesit парижскаго городскаго конкурса,—не представляетъ собою. какихъ либо выдающихся качествъ. Кромѣ того, время исполненія этой симфоніи было выбрано неудачно. Она шла въ страстной четвергъ и субботу и въ понедѣльникъ на Святой, когда въ нѣсколькихъ залахъ заразъ исполнялись дѣйствительныя chefs d'oeuvr'ы.

Такъ въ залѣ театра Шатлè, оркестръ Коллона исполнялъ въ этотъ день пасторальную симфонію Бетховена и Requiem Берліоза. Въ циркѣ Паделу—«Потопъ» Сенъ-Санса и Stabat Mater Россини, а въ Консерваторіи исполнялась симфонія Бетховена и первая часть восхитительной мистеріи Массенэ «Ева». Кромѣ того, во всѣхъ церквахъ, какъ это обыкновенно водится, во всѣ эти дни свободные пѣвцы и музыканты участвовали въ духовныхъ концертахъ, привлекавшихъ массы публики, и въ одной изъ нихъ даже былъ исполненъ цѣликомъ Stabat Mater Сальватора, извѣстнаго автора оперы «Браво».

Людовикъ.

Парижъ, 20-го февраля 1878 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Педагогическая психологія для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ. Составилъ *П. Каптеревъ*. Спб. 1877 г.

Г. Каптеревъ задался чрезвычайно широкою задачею: онъ имѣлъ въ виду нетолько сообщить необходимыя свѣденія о психическихъ явленіяхъ, безъ «болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства» съ которыми невозможна «вполнѣ разумная педагогическая дѣятельность» и которыхъ между тѣмъ «не рѣдко недостаетъ занимающимся воспитаніемъ и обученіемъ»; но и «связать главнѣйшія ученія теоретической педагогики съ твердыми данными науки о душѣ, вывесть первыя изъ послѣднихъ». Тогда, говоритъ авторъ, «различныя педагогическія правила и теоріи будутъ обоснованы тверже и раціональнѣе, чѣмъ теперь», что, конечнѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. У насъ послѣ К. Ушинскаго («Опытъ педагогической антропологіи») никто не ставилъ вопроса такъ широко. У Ушинскаго не было продолжателей, которые, какъ это само собою предполагается, должны бы были пойти дальше, между тѣмъ потребность въ такомъ сочиненіи сильно ощущалась. Все это, въ связи съ тѣмъ, что Г. Каптеревъ пишетъ теперь во многихъ педагогическихъ журналахъ и дѣлаетъ рефераты въ педагогическомъ обществѣ, нарушая его тишину, возбудило въ насъ сильный интересъ къ «Педагогической психологіи», въ которой авторъ, сверхъ всего прочаго, обѣщалъ еще такую важную вещь: излагать «данныя психологической и педагогической науки» такъ, чтобы «это изложеніе съ одной стороны не было ниже уровня современнаго развитія этихъ наукъ, а съ другой—было настолько общедоступно, чтобы могло быть читаемо народнымъ учителемъ».

Съ глубокимъ смиреніемъ и благоговѣніемъ послѣдовали мы въ глубь огромнаго тома (631 стр.). въ надеждѣ услышать новую мысль, новое слово, увидѣть новую постановку вопроса и посмотрѣть, какъ наконецъ главныя ученія теоретической педагогики будутъ связаны «съ твердыми данными науки о душѣ». Но, къ сожалѣнію, насъ встрѣчали на каждомъ шагу лишь одни разочарованія. Ничего новаго въ книгѣ г. Каптерева мы не нашли; мало того, мы не нашли тамъ даже основательнаго изученія предмета и руководящей

мысли. Авторъ, правда, съ необыкновенною развязностью толкуетъ обо всемъ, какъ простомъ, такъ и сложномъ, какъ о томъ, что знаетъ, такъ и о томъ, чего не знаетъ; онъ, правда, много читалъ и цитируетъ многихъ ученыхъ авторовъ; но ему прежде всего недостаетъ основныхъ знаній, которыя необходимы даже для толковаго цитированія авторовъ, для того, чтобы отличать одного автора отъ другого и отдѣлять у одного и того же автора существенное отъ несущественнаго. Современная педагогическая психологія, разумѣется, должна начинаться съ анатоміи и физіологіи мозга, органовъ чувствъ и проч. Такъ, конечно, поступаетъ и г. Каптеревъ, начиная книгу ab ovo, т. е. со связи психическихъ явленій съ физіологическими процессами и сообщая необходимыя свѣдѣнія изъ анатоміи, физіологіи, химіи и другихъ относящихся сюда наукъ. И, посмотрите, что онъ здѣсь говоритъ, какія даже дѣлаетъ открытія. Такъ на стр. 106 онъ открываетъ по химіи, что пищу и питье «можно, по ихъ основнымъ составнымъ элементамъ, свести къ небольшому числу классовъ: 1) вода и водянистыя жидкости, включая сюда вещества, растворимыя въ водѣ; 2) сахаристыя вещества, добываемыя изъ растеній; сюда относятся сахаръ, крахмалъ и т. п., 3) маслянистыя вещества; сюда относятся различные жиры и масла, а также алкоголь». Сдѣлавъ эти важныя открытія: во-1) что твердыя вещества, растворимыя (не растворенныя, а растворимыя) въ водѣ, относятся къ водѣ и водянистымъ жидкостямъ, 2) что сахаръ и крахмалъ одно и тоже, и 3) что жиръ и алкоголь одно и тоже, г. Каптеревъ продолжаетъ: 4-й классъ «составляютъ бѣлковыя вещества, содержащія азотъ: фибринъ, желатинъ, альбуминъ, казеинъ и проч.» и говоритъ, что «всѣ эти вещества получаются изъ животнаго царства». Г. Каптеревъ, очевидно, не знаетъ, что есть очень большой классъ растительныхъ бѣлковыхъ веществъ и не полюбопытствовалъ заглянуть въ любой учебникъ химіи или физіологіи, гдѣ нашелъ бы также и болѣе удовлетворительную классификацію пищи. Мало того, онъ упустилъ изъ виду даже то: какими судьбами живутъ люди, питающіеся исключительно растительной пищей, а такихъ людей очень много. Что касается разныхъ анатомическихъ и физіологическихъ подробностей, то авторъ излагаетъ ихъ, хотя и чрезвычайно подробно, но далеко не ясно (напр. описывая черепной и хребетный мозгъ—стр. 26, органы осязанія—стр. 127, органъ зрѣнія—143, органъ слуха—166, и проч.), при чемъ любопытно слѣдующее: когда описаніе ведется по какому-нибудь источнику, напр. по руководствамъ Гиртля, Германа, Сѣченова, то даже сложныя явленія и подробности выходятъ гораздо яснѣе; какъ же только авторъ понадѣется на себя или попробуетъ передавать чуждые ему предметы «своими словами», такъ и выйдетъ какая-нибудь путаница, которая ставитъ читателя въ самое полное недоумѣніе. Нужно, напримѣръ, г. Каптереву доказать, что «нервная система не можетъ постоянно ра-

ботать безъ возобновленія силъ.» Положеніе это, само по себѣ чрезвычайно ясное, можно подтвердить множествомъ самыхъ наглядныхъ и самыхъ глубокихъ примѣровъ, между тѣмъ г. Каптеревъ доказываетъ его слѣдующимъ манеромъ: люди, говоритъ онъ, «много работавшіе головой, но не тратившіе своихъ силъ на мускульную дѣятельность, отличались значительнымъ аппетитомъ. О Наполеонѣ I извѣстно, что, во время его походовъ его поваръ былъ обязанъ доставлять ему, по первому востребованію, во всякое время дня и ночи, жареную курицу» (66) «Итакъ, заключаетъ Каптеревъ:—нервная система постоянно нуждается въ возобновленіи своихъ силъ...» Вотъ вамъ и всѣ доказательства. Читатель, конечно, въ полномъ недоумѣніи: во-1) онъ не видитъ, чтобы во время похода, когда человѣкъ усиленно двигается, потребность въ пищѣ вызывалась исключительно умственною работою, а во-2) тотъ же самый г. Каптеревъ нѣсколько ниже приводитъ въ примѣръ того же самаго Наполеона и ту же самую жареную курицу въ доказательство того, что Наполеонъ I былъ эгоистъ, а эгоисты вообще любятъ покушать. (стр. 109). И въ такомъ недоумѣніи читатель будетъ находиться очень часто. при чтеніи труда г. Каптерева.

Если г. Каптеревъ трактуетъ такимъ образомъ о такихъ безспорныхъ и очевидныхъ данныхъ, какъ данныя физіологическія и анатомическія, то можете себѣ представить, что продѣлываетъ онъ собственно въ области психологической, гдѣ, какъ извѣстно, гораздо меньше точныхъ и опредѣленныхъ положеній и гдѣ можно, подобно вѣтру въ полѣ, свободно рѣзвиться во всѣ стороны. Новыя психологическія теоріи отрицаютъ старыя школы; нѣмецкіе психологи не признаютъ англійскихъ, англійскіе—нѣмецкихъ; даже психологи близко, повидимому, стоящіе другъ къ другу (какъ напримѣръ, Бэнъ и Спенсеръ) и расшаркивающіеся другъ передъ другомъ, какъ это подобаетъ настоящимъ джентльмэнамъ, сильно расходятся. При такомъ положеніи вещей, автору, задумавшему не произвести переворотъ въ наукѣ (тогда нужно было бы писать спеціальное сочиненіе), а написать по психологіи книгу для практическаго примѣненія, слѣдовало бы: или выдѣлить изъ спорныхъ положеній однѣ безспорныя и на нихъ уже возводить свою постройку (при этомъ пришлось бы, конечно, во избѣжаніе опасности, остаться съ пустыми руками, примирять различныя школы—задача въ значительной степени невозможная), или же держаться одной какой-нибудь школы, школы, если не особенно крайней, въ видахъ шаткости новыхъ гипотезъ и строгости школьной цензуры, то и не отсталой. Въ этомъ случаѣ даже не дурно было бы держаться одного какого-нибудь автора, указывая, разумѣется, въ чемъ съ нимъ не согласенъ, положимъ, хоть того же самого Спенсера, котораго г. Каптеревъ во многихъ случаяхъ конфиденціально и придерживается, переходя въ другихъ случаяхъ на сторону болѣе отсталыхъ психологовъ. Психологія Спенсера все таки обоснована на положитель-

ныхъ данныхъ, и если въ ней и встрѣчается кое-гдѣ метафизика, то въ приличныхъ дозахъ. Для писателя, не задумывающаго совершить переворотъ въ наукѣ, это, говоримъ мы, было бы самое лучшее; но г. Каптереву, какъ видно, больше всего хотѣлось именно совершить переворотъ въ наукѣ, создать нѣчто совсѣмъ самобытное, а потому, не обладая для этого достаточнымъ зарядомъ знаній, онъ и очутился въ первомъ положеніи, т. е. въ положеніи примирителя разныхъ школъ. У него фигурируютъ одинаково часто и Гербартъ, и Ушинскій, и Вайцъ, и Бэнъ, и Фехнеръ, и Спенсеръ и т. д. Всѣхъ почти онъ разбираетъ и на всѣхъ въ тоже время ссылается въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Благодаря шаткости психологіи, онъ представилъ себя такимъ же полновластнымъ хозяиномъ въ ней, какъ и каждый изъ европейскихъ ученыхъ. Онъ до того важенъ въ своей роли, что, классифицируя, напримѣръ, чувствованія (на физическія и идеальныя и затѣмъ послѣднія—на эгоистическія и альтруистическія) говоритъ: «лучшимъ оправданіемъ *нашей* классификаціи послужитъ самое изслѣдованіе чувствованій въ порядкѣ этой классификаціи» и только между прочимъ, въ выноскѣ, поясняетъ, что «подобную классификацію чувствованій можно встрѣтить у Г. Спенсера въ принципахъ психологіи, 2 т. часть VIII, гл. V—IX» (402). Вообще очевидно, что авторъ смотритъ на себя, какъ на новатора въ наукѣ. Въ чемъ же состоитъ это наватсрство? Больше всего занятъ авторъ различными описаніями (чувствъ, мыслей и т д.), различными классификаціями и перемѣщеніемъ разныхъ философскихъ и логическихъ категорій съ одного мѣста на другое. Такъ напримѣръ, «главнѣйшіе, существеннѣйшіе способы разсудочной дѣятельности» онъ сводитъ къ слѣдующимъ тремъ групамъ: «1) понятіе, классификація, анализъ, синтезъ, опредѣленіе, 2) сужденіе, предложеніе, индукція, 3) силлогизмъ, дедукція, аналогія» (342). Сдѣлано это «для удобства обозрѣнія формъ разсудочной дѣятельности съ психологической точки зрѣнія». Положимъ, что тутъ видно стремленіе установить психическій генезисъ, но подобное стремленіе вовсе не ново; что же касается до самого генезиса, то тутъ г. Каптеревъ ничего не доказалъ и только вышелъ на то самое огромное поприще для спора, на которомъ уже не разъ сходились разные философскіе бойцы для того, чтобы не побѣдить другъ друга и опять разойтись. Вѣдь объ одной дедукціи и индукціи можно наговорить чортъ знаетъ сколько и чортъ знаетъ чего, не пріиди рѣшительно ни къ чему, въ особенности по примѣненію къ педагогикѣ. Одинъ нашъ авторъ сколько наговорилъ по этому поводу, пріидя въ концѣ къ тому, что, слѣдуя Лейбницу, надо уважать оба метода мышленія, «обѣ формы мысли» и что это-то «равновѣсіе между двумя противоположными формами мысли и надо воспитывать въ ребенкѣ» (364). «Воспитатели—держитесь середины!» — вотъ все, что можетъ сказать вамъ авторъ послѣ празднаго упражненія философскою

гимнастикою. Это сказано уже давным давно и Миллем въ его «Логикѣ», и многими другими. И г. Каптеревъ, точно почувствовавъ нѣчто недоброе, нѣчто въ родѣ метафизической трясины подъ ногами, счелъ не лишнимъ, установивъ свою классификацію, добавить, что «навязывать ее онъ никому не намѣренъ» (342). Затѣмъ г. Каптеревъ сдѣлалъ еще слѣдующее перемѣщеніе—перемѣстилъ эстетическія чувствованія въ разрядъ альтруистическихъ на томъ основаніи, что «предметъ эстетическаго волненія есть предметъ, такъ сказать, всеобщій, который доставляетъ наслажденіе нетолько мнѣ (какъ Ego), но и безконечному множеству другихъ людей», такъ какъ «эстетическія чувствованія вызываются прекрасными предметами природы и искуства» (460—61). Сказавъ сначала рѣшительно, что относитъ эстетическія чувствованія къ альтруистическимъ и доказавъ затѣмъ, что «главными посредниками эстетическихъ наслажденій служатъ глазъ и ухо» и что «прекрасный ландшафтъ, пѣснь соловья, хорошая арія, хорошій оркестръ въ одно и тоже время доставляютъ наслажденіе огромной массѣ людей», тогда какъ «одинъ кусокъ хлѣба, одинъ глотокъ вина, одно покойное кресло не могутъ въ одно и тоже время доставить наслажденіе многимъ», авторъ какъ будто чувствуетъ шаткость своихъ характерныхъ признаковъ, какъ будто бы сознаетъ шаткость аргументацій, а можетъ быть припоминаетъ и то, что и арія и даже пѣснь соловья не общія достоянія, и немножко ретируется, немножко смягчаетъ твердость своего перваго положенія: эстетическія чувствованія, говоритъ онъ, «стоятъ, такъ сказать, на межѣ, на границѣ между эгоистическими и альтруистическими», составляютъ «переходъ отъ эгоистическихъ къ альтруистическимъ» (463). Нужно замѣтить, что вообще г. Каптеревъ очень часто ретируется въ своихъ положеніяхъ и совѣтахъ, ища постоянно переходовъ и середины.

Съ особенною подробностью, чего не встрѣтишь въ другихъ психологіяхъ, изслѣдовано г. Каптеревымъ ощущеніе мягкаго и теплаго. «Мягкій и теплый предметъ, говоритъ Каптеревъ:—намъ кажется пріятнѣе, чѣмъ мягкій и холодный, потому что умѣренная теплота и мягкость пріятны сами по себѣ, въ отдѣльности. Ощущеніе мягкаго, особенно въ соединеніи съ ощущеніемъ умѣренной теплоты, стоитъ въ тѣсной связи съ нѣжными чувствами, съ одной стороны служитъ ихъ выраженіемъ, съ другой—возбуждаетъ и поддерживаетъ ихъ. Сильное желаніе касаться любимой особы составляетъ обыкновенное проявленіе любви. Поэтому-то мы желаемъ заключить въ свои объятія тѣхъ, кого нѣжно любимъ... Поцалуй есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и распространенныхъ способовъ выражать любовь... болѣе удовольствія доставляетъ поцаловать теплую, чѣмъ холодную щечку; точно также есть значительная разница между поцалуемъ въ лобъ и поцалуемъ въ губы» (133 и послѣдующія). Вообще описаніе чрезвычайно подробное, даже черезчуръ по-

дробное для педагогической психологіи. На этотъ счетъ г. Каптеревъ не скупится. Добрая половина его книги занята перечисленіемъ и опредѣленіемъ различныхъ чувствованій; распредѣляются они на групы, на разряды, и т. д. Эгоистическихъ чувствъ множество: чувство силы, чувство мужества, чувство чести и высшая форма этого чувства—чувство славы; чувство раздраженія, гнѣва, ярости, мести, злобы; затѣмъ, чувство скромности, застѣнчивости, страха; затѣмъ, чувство легкости, противоположное напряженію, чувство разнообразности, монотонности, и проч.; чувство контраста, удивленія, изумленія, неожиданности, и т. д. Каждому изъ этихъ чувствъ дается самое подробное описаніе и характеристика, напоминающая старые учебники психологіи и поражающая иногда странностью. Такъ, напримѣръ: «чувство, возбуждаемое въ насъ лицами, заработавшими свое счастіе, есть соревнованіе, а не зависть. Соревнованіе не имѣетъ грубыхъ эгоистическихъ чертъ зависти, это—благородное чувство, вызывающее на состязаніе», и т. д. (437). Чувство чести, «свойственное всѣмъ людямъ—есть ничто иное, какъ расширеніе нашего самочувствія на другихъ, желаніе, чтобы другіе, особенно близкіе къ намъ люди, воздавали должное нашимъ способностямъ, уважали насъ, насколько мы того заслуживаемъ» (417). Примѣръ этому: «многіе взрослые бываютъ очень довольны, если какая-нибудь важная особа удостоитъ ихъ своимъ вниманіемъ, назоветъ по имени, пожметъ руку» (ibid). «Высшія формы скуки — апатія и тоска, когда бываетъ «и скучно, и грустно, и не кому руку подать... и жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка»—ужасны, убійственны» (445). «Скучать, разумѣется, скучно» (527). Но противъ чувства скуки направлены «всѣ, такъ называемыя, развлеченія, и они, дѣйствительно, много ослабляютъ его» (445). Въ особенности хорошо описалъ г. Каптеревъ любовь. Въ любви «очень большую роль играетъ осязаніе». «Основа, почва любви—органическая половая потребность». Чувственный элементъ иногда, въ особенности вначалѣ, скрывается, но «мало-по-малу эта потребность заявляетъ себя все сильнѣе и сильнѣе». Если иногда и говорятъ о «такъ называемой платонической любви, лишенной, будто бы, всякихъ чувственныхъ порывовъ, то это простое недоразумѣніе» (488). «Вообще, говоритъ г. Каптеревъ:—отрицаніе чувственности въ любви, какъ чего-то унизительнаго, недостойнаго этого высокаго чувства—смѣшно. Дѣло не въ томъ, чтобы отрицать чувственность, а въ томъ, чтобы примирить ее съ высшими потребностями ума и сердца, не давать ей широкаго преобладающаго значенія, *сочетать чувственность съ духовнымъ наслажденіемъ. А это вполнѣ возможно для человѣка, у котораго на ряду съ чувственными есть другія столь же существенныя потребности. Гёте хорошо выразилъ это сочетаніе чувственнаго и духовнаго наслажденія въ любви, въ одной изъ своихъ римскихъ элегій* (Amor der Schalk): *Она спитъ*,

а я лежу подлѣ и думаю. Часто въ ея объятіяхъ предавался я поэтическому творчеству и тихонько на ея спинѣ провѣрялъ указательнымъ пальцемъ свои гекзаметры, между тѣмъ, какъ она покоилась въ сладкомъ снѣ и ея дыханіе глубоко проникало мнѣ въ грудь» (489). Лучшаго примѣра г. Каптеревъ не могъ подобрать. Очень ужъ хорошо!

Подобныя же описанія и разсужденія встрѣтимъ мы и при описаніи воли, инстинктовъ, характеровъ и т. д. Но описать всѣ прелести труда г. Каптерева нѣтъ никакой возможности въ рецензіи. Что касается до практическихъ совѣтовъ г. Каптерева, то они также не представляютъ ничего новаго. Приблизительно ихъ можно формулировать такимъ образомъ: не очень учите дѣтей, но и не давайте имъ лѣниться; не очень стѣсняйте свободу, но и не давайте слишкомъ большой свободы; подчините ребенка дисциплинѣ, не очень строгой и мелочной, но за то неукоснительной, какъ природа; наказанія должны быть «натуральными» (тѣ самые, что Спенсеръ называетъ естественными) и т. п. Для правильнаго развитія альтруистическихъ и нравственныхъ чувствъ, нужно «разъяснять ребенку пользу, необходимость выполненія тѣхъ элементарныхъ требованій, которыя къ нему обращены, чтобы онъ слушался, не лгалъ, училъ исправно свой урокъ, возможно, хотя и по дѣтски» и т. д. (522). Для развитія совѣсти необходимо знать, что «первыя основы совѣсти въ душѣ ребенка кладутся пріученіемъ его къ послушанію, позволеніемъ и поощреніемъ однихъ дѣйствій и воспрещеніемъ и наказаніемъ другихъ. Почему одни дѣйствія ему позволяются, а другія воспрещаются, ребенокъ не понимаетъ. Но онъ слушается, любя своихъ родителей и боясь наказанія. Такимъ образомъ, онъ навыкаетъ признавать одно хорошимъ, а другое—дурнымъ и этимъ воспитываетъ свою совѣсть. Далѣе, по вступленіи въ жизнь, такую же опеку беретъ надъ нимъ законъ» и т. д. (499). Вообще у насъ, собственно говоря, все не дурно устроено, но кое-что нѣсколько измѣнить все-таки не мѣшало бы—такъ въ концѣ-концовъ выходитъ у г. Каптерева. Хотя совѣты его для нашихъ педагоговъ не новость, но все-таки онъ считаетъ нужнымъ имъ кое-что напомнить. Совѣтуетъ, впрочемъ, иногда г. Каптеревъ и довольно оригинальныя вещи, не то, чтобы совсѣмъ оригинальныя, но не употребляемыя, по крайней мѣрѣ, педагогами. Говоря о борьбѣ различныхъ «мотивовъ», которые поднимаются и спорятъ другъ съ другомъ въ умѣ человѣка передъ какимъ-нибудь рѣшеніемъ, онъ совѣтуетъ для того, чтобы «процессъ обдумыванія вѣрнѣе достигалъ своей цѣли», употреблять «нѣкоторыя искуственныя средства и пособія». Одно изъ такихъ средствъ есть нравственная алгебра Франклина. Вы можетъ быть, не знаете, читатель, въ чемъ состоитъ эта алгебра? А вотъ въ чемъ: нужно раздѣлить полулистъ бумаги на два столбца, надъ однимъ написать pro, надъ другимъ contra, потомъ, впродолженіи трехъ или че-

тырехъ дней размышленія, записывать различные мотивы, говорящіе pro и contra искомаго рѣшенія, наконецъ, по истеченіи этого срока, оцѣнивая «сравнительный вѣсъ мотивовъ», сокращать pro на contra (одинъ, напримѣръ, вѣскій мотивъ можетъ пойти за два, за три легкихъ на противоположной сторонѣ) и такимъ образомъ получится рѣшеніе. Бэнъ, говоритъ Каптеревъ: — призналъ эту алгебру «очень цѣлесообразнымъ средствомъ» и совѣтовалъ продлить срокъ размышленія до 31 дня и сокращать мотивы просто число на число, не вдаваясь въ ихъ вѣсъ (563—4). Подобное средство есть лучшее средство для того, чтобы пріучить человѣка къ нерѣшительности, далеко нелогическому мышленію и подтасовкѣ доводовъ. Со стороны Бэна это просто недоразумѣніе, какія нерѣдко встрѣчаются у разныхъ ученыхъ и у того же самого Бэна: развѣ онъ не отрицалъ чувства злобы у животныхъ, развѣ онъ не совѣтывалъ примѣнить электричество къ тѣлеснымъ наказаніямъ? И отчего бы это г. Каптереву не воспользоваться и послѣднимъ его совѣтомъ?

Мы истинно сожалѣемъ тѣхъ читателей, которые будутъ читать «Педагогическую Психологію» г. Каптерева, потому что они затратятъ добрую недѣлю на чтеніе и ничего оттуда не вынесутъ. Тѣ изъ читателей, которые плохо знакомы съ предметами, о которыхъ идетъ рѣчь, навѣрное не разъ усомнятся въ собственныхъ знаніяхъ и, чего добраго, даже перепутаютъ и забудутъ то, что знали, а тѣ, кто ничего не зналъ, получатъ превратныя понятія. Больше всего читатель будетъ ошеломленъ массою фактическаго матеріала, набросаннаго въ страшномъ безпорядкѣ, и цитатами, провѣрить которыя, по большей части, очень трудно. Указывается, напримѣръ: Бэнъ «Волненія и Воля» (414). Это сочиненіе Бэна имѣло три изданія и каждый разъ авторъ ихъ измѣнялъ, дополнялъ и передѣлывалъ. Извольте искать. Нѣкоторые факты, безъ всякаго сомнѣнія, очень цѣнны, но обработывать ихъ надо самому. Сочиненіе г. Каптерева можно сравнить съ большимъ пароходомъ, на которомъ наложены разные товары (керосинъ съ табакомъ, сальныя свѣчи съ бархатомъ и т. п.), машина пыхтитъ, работаетъ, но у парохода нѣтъ ни винта, ни руля. Несетъ его по либеральному теченію, но пойти куда-нибудь на такомъ пароходѣ нельзя. Подобныя сочиненія писать чрезвычайно легко и и легко ошеломлять ими публику: побольше ученаго виду, побольше фразъ, цитатъ, побольше тумана, и—дѣло готово.

Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. *Алекс. Смирнова.* Выпускъ первый. Москва. 1878.

Для разъясненія первобытныхъ формъ семьи и ихъ остатковъ въ современной русской жизни, г. Смирновъ притянулъ и народныя пѣсни, и сказки, и былины, даже пословицы, независимо отъ прямыхъ свидѣтельствъ, какъ историческихъ, такъ и современныхъ наблюдателей народной и общественной жизни. Такимъ образомъ, методъ, употребленный г. Смирновымъ, безукоризненно

хорошъ, это тотъ методъ, который практикуется народившеюся на нашихъ глазахъ наукою—соціальною антропологіею и уже успѣлъ привести къ весьма важнымъ результатамъ. Г. Смирновъ отличается также и большимъ трудолюбіемъ въ собираніи и записываніи подходящихъ фактовъ. Онъ обладаетъ слѣдовательно всѣми необходимыми качествами для того, чтобы его изслѣдованія были основательны. Но основательность въ научной работѣ только половина дѣла, хотя, конечно, весьма важная. Другая половина состоитъ въ систематизированіи, классифицированіи данныхъ и подведеніи итога подъ ними. А между тѣмъ, о системѣ и порядкѣ г. Смирновъ знаетъ весьма смутно, по наслышкѣ только, чѣмъ онъ, конечно, затрудняетъ для себя и другихъ возможность дѣлать выводы изъ приведенныхъ имъ же фактовъ. Если полѣнья — каковыми въ настоящемъ случаѣ являются факты—сложены прямо, а не разбросаны вкось и вкривь, то связать ихъ не представляется большой трудностью. А выводъ и есть ничто иное, какъ выраженная словами *связъ*, существующая между однородными фактами. Разъ факты систематизированы, сложены, выводъ навязывается, напрашивается самъ собою, диктуется самими фактами.

Въ соціальной антропологіи и между прочимъ въ авторитетномъ сочиненіи Леббока, на которое часто ссылается и г. Смирновъ, принято за основное положеніе, что коммунальная или общинная форма брака, подобно общинной формѣ собственности, была первоначальною формою, многообразные остатки которой сохранились и по настоящее время въ бòльшей или меньшей мѣрѣ въ различныхъ слояхъ *всякаго* цивилизованнаго народа. Признано также, что первобытная форма брака вытѣснена была изъ жизни первоначальныхъ общественныхъ группъ, изъ жизни и нравовъ общинъ, другою формою брака—бракомъ посредствомъ похищенія, умычки, увода женщинъ изъ чужихъ общинъ. Можно назвать эту форму брака, въ противуположность коммунальной — *междукоммунальною, междуобщинною*. Слѣды этой формы, въ свою очередь, сохранились и понынѣ въ народной и общественной жизни. Если мы будемъ наблюдать обряды современной свадьбы, символическія дѣйствія, окружающія ее, то остатки этихъ формъ окажутся сплетенными, смѣшанными, наслоенными одни на другія; но въ научномъ изслѣдованіи смѣшивать эти формы и остатки ихъ невозможно. А г. Смирновъ дѣлаетъ это и дѣлаетъ очень часто. Еслибы онъ хоть на минуту призадумался надъ разницей между коммунальнымъ и интеркоммунальнымъ бракомъ—а около двухъ этихъ формъ вращается весь настоящій выпускъ его книги—то его книжка представляла бы собою весьма интересный трудъ, а не окрошку, въ которой безъ связи плаваетъ множество фактовъ. Разницу, о которой мы говоримъ, очень легко понимать и удержать въ памяти. Общинный бракъ заключается между лицами, принадлежащими къ одной и той же общинѣ. По от-

ношенію къ сообщинникамъ вообще господствуетъ миръ, согласіе и ладъ, какого бы пола они ни были. Общинный бракъ проникнутъ, вслѣдствіе этого, такимъ же характеромъ. Добровольное согласіе, притомъ обоюдное, при вступленіи и расторженіи брачнаго союза, полная равноправность брачущихся, отсутствіе насилія и порабощенія — вотъ, по необходимости, существенныя черты этой формы брака. Совершенно противоположнымъ характеромъ отличается междуобщинный бракъ. Убійство, разбой, грабежъ, обманъ и надувательство — вотъ тѣ современные термины, которыми могутъ быть охарактеризованы отношенія первобытныхъ общинъ другъ къ другу. Бракъ, заключенный между лицами, принадлежащими къ различнымъ общинамъ, долженъ быть опять таки проникнутъ соотвѣтствующимъ характеромъ. Возьмемъ теперь слѣдующую пѣсню. Въ ней обрученная дѣвушка, сравнивая свою судьбу съ судьбою «лебедушки», говоритъ (Смирновъ, стр. 30):

У *ней* крылышки ощипаны,
У *меня* коса расплетена,
У *ней* ноженьки обломаны,
У *меня* да *воля* снятая.

Очевидно, что эта пѣсня никакого отношенія къ общинному браку имѣть не можетъ и относится исключительно къ междуобщинному браку. Нельзя, слѣдовательно, этой пѣсни смѣшивать съ тѣмъ разрядомъ фактовъ, который характеризуетъ общинный бракъ. Точно, также сюда не относится и цѣлый рядъ фактовъ о большинѣ (34 и сл.); о томъ, кому изъ супруговъ господствовать другъ надъ другомъ въ брачной жизни. Въ общинномъ бракѣ, повторяемъ, не можетъ быть рѣчи ни о господствѣ, ни о подчиненіи, такъ какъ оба брачущіеся равноправные члены одной и той же общины. Мы не считаемъ нужнымъ указывать на другія погрѣшности г. Смирнова въ этомъ родѣ, такъ какъ ими полна вся его книга, и всякій, заглянувшій въ нее, можетъ убѣдиться въ вѣрности нашего замѣчанія. Обиліе матеріала, а порядка въ немъ нѣтъ. Все разбросано, все разсѣяно. Понятно, что при такой анархіи, царствующей въ собранномъ г. Смирновымъ матеріалѣ, замѣчанія, дѣлаемыя имъ и претендующія на значеніе выводовъ, значенія таковыхъ имѣть не могутъ и не должны. Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ г. Смирновъ: «Если независимая женщина ранняго порядка вещей (??) не подчинялась добровольно желаніямъ мужчины... то послѣдній, какъ представитель сильнѣйшаго пола, былъ въ состояніи одолѣть ее, подчинить своей власти и держать въ своей волѣ». (стр. 68). И далѣе на той же страницѣ: «Первенствующее положеніе женщины является только какъ исключеніе и объясняется главнымъ образомъ тѣмъ простымъ фактомъ, что въ первобытномъ обществѣ, изъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, не мужчина, а женщина могла имѣть жилище, хозяйство и вообще экономическую самостоятельность, такъ что не жена шла въ домъ мужа и станови-

лась такимъ образомъ въ зависимость отъ мужа, а наоборотъ, мужъ шелъ въ домъ жены и потому становился въ зависимость отъ нея». Во-первыхъ, кто сказалъ г. Смирнову, что первобытный мужчина сильнѣе первобытной женщины? Вѣдь онъ самъ же приводитъ изъ былинъ данныя, хотя по обыкновенію не тамъ, гдѣ ихъ слѣдуетъ приводить, въ родѣ слѣдующихъ (стр. 31): «Василиса Микулична побѣждаетъ всѣхъ богатырей князя Владиміра, въ томъ числѣ и своего мужа, Ставра Годиновича. Настасья Микулична, «поленица-женщина великая», побѣждаетъ богатыря Добрыню Никитича... Молодая жена Ильи-Муромца, Савишна, прогоняетъ отъ Кіева Тугарина, со всею его ратью». Независимо отъ сказочныхъ данныхъ, г. Смирновъ могъ бы убѣдиться изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ жизнью первобытныхъ народовъ, что женщины тамъ вовсе не являются «слабосильнымъ» поломъ и, вслѣдствіе этого, заурядъ участвуютъ въ войнахъ. Такъ въ Новой-Зеландіи, въ Гаванѣ (Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker IV. s. 149), въ Новой Голландіи (Ibid. s. 747). Тоже разсказываютъ старинные путешественники объ американскихъ народахъ, между прочимъ, о караибахъ въ Картагенѣ и Куманѣ, (Waitz. IV s. 375), что онѣ дерутся вмѣстѣ и рядомъ съ мужчинами. Очевидно, что такія данныя и многія другія, изъ которыхъ нѣкоторыя изъ быта русскихъ племенъ приводятся и г. Смирновымъ (стр. 32), сокрушаютъ непогрѣшимость выставленнаго имъ догмата о «слабосиліи» первобытныхъ женщинъ. Это разъ. Во-вторыхъ, почему это г. Смирнову кажется столь простымъ фактъ, что только женщина, а не мужчина «могла имѣть жилище, хозяйство и вообще экономическую самостоятельность»? Намъ этотъ фактъ представляется, напротивъ, чрезвычайно сложнымъ. Въ книгѣ Бытія дѣйствительно говорится, что «мужчина оставляетъ отца и мать и прилѣпляется къ женѣ» (II. 24). Патріархъ Іаковъ, въ свою очередь, остается въ семьѣ, къ которой принадлежатъ его жены. Г. Смирновъ, въ подтвержденіе своего «простого» соображенія, даже этихъ общеизвѣстныхъ данныхъ не привелъ. Но, еслибы онъ и привелъ ихъ, то, вѣроятно, затруднился бы, на основаніи того, что объ этихъ общественныхъ явленіяхъ повѣствуется въ первыхъ главахъ «Бытія», заключить, что таковыми они были въ началѣ всякаго «бытія». Такое явленіе, какъ переходъ мужа въ семью своей жены, «прилѣпленіе» къ женѣ, имѣетъ мѣсто при очень сложномъ порядкѣ вещей. Первоначальная вражда различныхъ общинъ уже успѣла улечься, начинаютъ относиться болѣе безразлично къ «своему» и «чужому»: къ «своимъ» холоднѣе, къ «чужимъ» дружелюбнѣе. И вотъ тогда-то пріобрѣтеніе жены посредствомъ личнаго труда и работы въ семьѣ родичей своей жены, «прилѣпленіе» къ женѣ, къ семьѣ своей жены, вхожденіе въ составъ семейно-рабочей артели, съ одной стороны, и ассимилированіе ею чужеродца—съ другой представляется возможнымъ и необходимымъ. Такія явленія дѣйствительно совершa-

ются, но въ очень позднія времена и на очень позднихъ ступеняхъ культуры, а отнюдь не въ тѣ первобытныя времена, о которыхъ идетъ рѣчь, когда говорятъ о господствѣ общиннаго брака. Наконецъ, въ-третьихъ, если тотъ фактъ, о которомъ говоритъ г. Смирновъ, дѣйствительно столь «простъ», какъ онъ себѣ представляетъ его, то при господствѣ такого «простого» факта въ первобытныхъ обществахъ, при заурядности его, господство жены надъ мужемъ, «зависимость» мужа отъ жены сама собою разумѣется, по мнѣнію г. Смирнова. Гдѣ же тутъ подчиненность женщины «ранняго порядка» и какимъ образомъ мужъ можетъ держать ее «въ своей волѣ»? Нѣтъ, г. Смирновъ, такъ «разсуждать» нельзя! Нельзя также, замѣтимъ мимоходомъ, такъ выражаться по русски, какъ это дѣлаетъ въ иныхъ мѣстахъ г. Смирновъ.

Въ той безбрежной пустынѣ, которую представляетъ собою современная русская книжная литература, какъ-то совѣстно встрѣчать непривѣтливо новую книгу, если она представляетъ хоть какія-нибудь достоинства. При той полнѣйшей «эманципаціи» отъ книгъ серьёзнаго содержанія нашей такъ называемой культурной публики, старой и молодой, печатаніе серьёзной книги въ весьма рѣдкихъ случаяхъ приноситъ какія-либо выгоды. Порицать людей, рѣшающихся на «безкорыстное» служеніе обществу, если они чѣмъ-нибудь дѣйствительно служатъ ему, опять-таки не приходится. Мы желали бы поэтому, чтобы г. Смирновъ принялъ наши замѣчанія не въ укоръ, а въ видѣ доброжелательнаго совѣта устранить тѣ недостатки его работы, на которые мы указали и нѣкоторые другіе, о которыхъ мы, по недостатку отведеннаго намъ мѣста, не считаемъ возможнымъ распространяться. Той области науки, куда относится и изслѣдованіе г. Смирнова—сравнительной исторіи культуры—принадлежитъ будущность. Установленіе «законовъ» развитія общественныхъ явленій возможно только на основаніи изученія массы сравнительныхъ данныхъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Всякій новый работникъ на этомъ обширномъ полѣ есть, слѣдовательно, гость желанный. Необходимо только, чтобы онъ проникся важностью той задачи, которая лежитъ на немъ, чтобы онъ не работалъ спустя рукава. Въ этомъ заключается нашъ совѣтъ г. Смирнову и наши требованія отъ него.

Литературная, музыкальная и художественная собственность. Томъ I. Изслѣдованіе *И. Табашникова*. Спб. 1878 г.

Г. Табашниковъ возмущается и крайне негодуетъ противъ «*страннаго* отношенія» къ литературной собственности «*всѣхъ* законодательствъ цивилизованныхъ государствъ» (стр. 3). Эта странность заключается въ томъ, что всѣ они признаютъ за авторами и ихъ наслѣдниками только право «срочнаго» пользованія доходами съ литературныхъ трудовъ, а не «вѣковѣчное» право собственности, со всѣми его послѣдствіями. Такъ, по прусскому закону 1837 года, авторы въ теченіе всей жизни, а на-

слѣдники въ теченіе 30 лѣтъ послѣ смерти автора пользовались этимъ правомъ (299, 300). Такой же срокъ пользованія опредѣленъ въ 1854 году во Франціи (324). Статутъ королевы Викторіи 1842 года постановляетъ, что право литературной собственности «имѣетъ продолжаться въ теченіе всей жизни автора и послѣ его смерти въ теченіе 7 лѣтъ. Но если этотъ семилѣтній срокъ истечетъ прежде, чѣмъ исполнится 42 года со времени перваго изданія, то право собственности продолжается до конца этого періода» (343). Въ Россіи, по прежнимъ законамъ (1828 и 1830 годовъ), право пользованія признано за авторомъ въ теченіе всей жизни и за наслѣдниками послѣ его смерти въ теченіе 25 (законъ 1828 г.) и 35 лѣтъ (законъ 1830 г.). По закону 1857 г. послѣдній срокъ замѣненъ 50-ти-лѣтнимъ (345, 346, 348, 349, 350).

Но этого мало. Нетолько всѣ «цивилизованныя» государства, къ числу которыхъ г. Табашниковъ причисляетъ и Россію, такимъ «страннымъ» образомъ относятся къ литературной собственности, но и большинство ученыхъ и литераторовъ пренебрегли своими собственными литературными произведеніями и ограничиваются однимъ только «срочнымъ правомъ пользованія». *Всѣ*, безъ исключенія, доводы этихъ почтенныхъ ученыхъ и литераторовъ въ пользу срочности литературной собственности г. Табашниковъ третируетъ слѣдующимъ образомъ. Одни изъ нихъ не выдерживаютъ «даже снисходительной критики» (57), другіе не могутъ «выдержать даже снисходительной критики, не говоря уже о строгой» (стр. 79), третьи «построены на пескѣ» (84, 60) и болѣе приличествуютъ «адвокату, говорящему съ трибуны, чѣмъ ученому» (60). Наконецъ, есть еще доводы, которые г. Табашниковъ приравниваетъ къ «мыльному пузырю» (85). Г. Табашниковъ этими характеристиками не ограничивается и даетъ еще общую характеристику писателей, отстаивающихъ срочность литературной собственности. Эти писатели, говоритъ онъ (18—19) «создаютъ нѣчто химерическое, нѣчто совершенно лишенное твердой почвы и блуждающее въ обширной области гражданскаго права, не зная, гдѣ пріютиться».

Французскій писатель Ренуаръ приводитъ слѣдующій «построенный на пескѣ» доводъ противъ приравненія литературной собственности къ частной собственности вообще. «Писатель, говоритъ онъ:—даже самый оригинальный, есть продуктъ своего и предшествующихъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и своего собственнаго генія.. Общее достояніе доставило ему элементы разработанныхъ имъ идей;... возвращая ихъ цивилизаціи, отъ которой онъ ихъ получилъ, онъ выполняетъ свою обязанность предъ человѣчествомъ и платитъ своимъ современникамъ и потомству долгъ признательности, которою онъ обязанъ своимъ современникамъ и предкамъ» (59). Признавая этотъ аргументъ въ пользу срочности литературной собственности «декламаціей, болѣе приличествующей адвокату» и т. д., г. Та-

балашниковъ обращается къ Ренуару съ слѣдующимъ вопросомъ (60): «Развѣ тѣ средства и орудія, которыми пользуются ремесленники, земледѣльцы, промышленники при своихъ специальныхъ занятіяхъ, не суть продукты умственной дѣятельности предшествующихъ поколѣній? Развѣ соха, плугъ, борона, топоръ, рубанокъ, долото, бухгалтерія, пароходъ, желѣзная дорога, и т. п. вновь изобрѣтаются каждымъ изъ этихъ лицъ?.. Но кто же, восклицаетъ въ заключеніе г. Табашниковъ:—рѣшится»? и т. д.. Постойте, г. Табашниковъ. Вамъ самимъ, вѣроятно, извѣстно, что «рѣшаются» очень многіе. Значитъ, какой же это аргументъ: «кто рѣшится»?

Надо сказать правду, г. Табашниковъ занимается, очевидно, не созиданіемъ безпредѣльной литературной собственности, а теоретическимъ разрушеніемъ «безпредѣльности» и неограниченности частной собственности вообще и занимается весьма успѣшно. Онъ подкапывается подъ частную собственность самымъ ехиднымъ образомъ. Тотъ же Ренуаръ говоритъ, напримѣръ, что переходъ литературной собственности въ безсрочное пользованіе наслѣдниковъ автора имѣлъ бы своимъ результатомъ безсрочное и безпредѣльное поощреніе праздности дѣтей въ ущербъ всего общества (65). А г. Табашниковъ ему: «Нужно быть последовательнымъ, нужно признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что къ тѣмъ же результатамъ приводитъ преемственный переходъ въ одномъ и томъ же родѣ вотчинъ, помѣстій и другихъ недвижимостей (о движимостяхъ г. Табашниковъ забылъ). Слѣдовательно, Ренуару нужно было бы сказать, что потомственная собственность нетолько на сочиненія, но и на всякія другія вещи вредно отзывается на интересахъ общества и поощряетъ тунеядство людей, получившихъ эти вещи путемъ наслѣдства» (65). Вы видите, что г. Табашниковъ не созидаетъ, а разрушаетъ, и разрушаетъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ, даромъ, что онъ прикидывается защитникомъ частной собственности. Тотъ же Ренуаръ утверждаетъ, что установленіе за наслѣдниками вѣчной монополіи на книги «повлекло бы за собою вѣчную дороговизну книгъ, что было бы неизлечимымъ зломъ». Г. Табашниковъ побиваетъ его слѣдующимъ образомъ. «Еще большее зло, говоритъ онъ:—прогрессивно возрастающая дороговизна квартиръ; благо общества требуетъ, чтобы причина такого вздорожанія была уничтожена; но она ближайшимъ образомъ кроется въ вѣчномъ правѣ собственности домохозяевъ на ихъ дома; отсюда, придерживаясь логики Ренуара, слѣдуетъ заключить, что это право по истеченіи извѣстнаго срока необходимо отнять у домохозяевъ и предоставить ихъ дома общему пользованію. Вотъ къ какимъ *рогатымъ* (!!) заключеніямъ, оканчиваетъ г. Табашниковъ, приводитъ теорія Ренуара и его послѣдователей» (88). Къ этому онъ присовокупляетъ, что отъ подобнаго сообразованія съ благомъ общества «само общество было бы расшатано въ своихъ основаніяхъ» (89). Не угодно ли вамъ

будетъ, г. Табашниковъ, прочесть слѣдующее въ учебникѣ политической экономіи профессора берлинскаго университета А. Вагнера. «Съ точки зрѣнія народно-хозяйственнаго распредѣленія и съ соціально-политической точки зрѣнія, необходимо произнесть рѣшительно неблагопріятный приговоръ надъ частною собственностью относительно домовъ и земель въ городахъ, сравнительно болѣе неблагопріятный, чѣмъ надъ какимъ-либо другимъ видомъ поземельной собственности». Вздорожаніе квартиръ при частной собственности, въ свою очередь, по мнѣнію Вагнера, не говорить въ пользу этой формы собственности. (Ado Wagner. Lehrbuch der politschen Oekonomie. Leipzig. 1876. I (Aufl. 2) S. 667). Въ виду этихъ соображеній Вагнеръ находитъ возможнымъ «устраненіе частной городской собственности, экспропріированіе домовладѣльцевъ и установленіе общественной собственности на земли и дома, съ правомъ срочнаго пользованія квартирами для частныхъ лицъ, причемъ дальнѣйшая постройка домовъ должна производиться на общественный счетъ». (Ibid. S. 669).

Г. Табашниковъ, конечно, не знаетъ, что «неограниченность» частной собственности вообще, «безсрочность» пользованія предметами матеріальнаго міра выработалась *исторически*, что нѣкогда и земли, и дома повсюду находились въ «срочномъ» пользованіи, что литературная собственность, со времени своего возникновенія, проходитъ тѣ же фазисы развитія, какія проходила въ теченіи продолжительнаго времени частная собственность вообще. Онъ не соображаетъ также того, что современники не хотятъ *сознательно* лѣзть въ хомутъ, въ который отчасти *безсознательно* попали предки, что трудно *устранять* вредныя учрежденія и весьма легко не заводить вновь таковыхъ. Всего этого онъ не знаетъ и не соображаетъ. «Законодательство, твердитъ г. Табашниковъ:—обязано озаботиться, чтобы... право собственности было ограждено отъ насилія и произвольныхъ ограниченій со стороны третьихъ лицъ. Вотъ точка, отъ которой должно отправляться всякое разумное законодательство въ разсматриваемомъ институтѣ, а отнюдь не какое-то неопредѣленное, тягучее, эластичное и капризное благо общества» (89). Намъ приходится измѣнить теперь наше мнѣніе о г. Табашниковѣ. Литературной собственности онъ, конечно, не создаетъ, но онъ и не разрушаетъ частной собственности. Онъ, во-первыхъ, наивный человѣкъ, такъ какъ, отстаивая «безсрочность» литературной собственности, онъ поражаетъ, самъ того не вѣдая и не сознавая, безсрочность частной собственности вообще. Во-вторыхъ, онъ весьма мало знающій человѣкъ, и, въ третьихъ, онъ весьма безцеремонный человѣкъ.

Г. Табашниковъ, «блуждающій по обширной области гражданскаго права, не зная, гдѣ пріютиться», читаетъ предику ученымъ за то, что они не добиваются «безсрочности» литературной собственности, дѣлаетъ имъ внушенія объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Онъ говоритъ имъ, что «ученые получаютъ

возможности отыскивать истину», которую «современное имъ человѣчество не всегда умѣетъ понять и надлежаще оцѣнить». Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ онъ:—истинные ученые не страшатся такого отношенія къ нимъ человѣчества и неуклонно идутъ по своему надлежащему пути. Но тотъ, кто поддается давленію современной жизни и готовъ во всѣхъ ея явленіяхъ видѣть выраженіе вѣчной правды и защищать ихъ, какъ таковыя, тотъ не истинный ученый, а дилетантъ науки» (7). Эта фраза, какъ намъ кажется, окончательно подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о г. Табашниковѣ, т. е. что онъ и безцеремонный и мало знающій и совсѣмъ наивный человѣкъ.

Съ «литературною, музыкальною и художественною собственностью» подъ мышкою, г. Табашниковъ отправляется, очевидно, въ храмъ науки, для того, чтобы добиться тамъ каѳедры. Что его тамъ ждетъ, намъ неизвѣстно. Но что его книга не имѣетъ ровно никакого научнаго значенія и годится только для справокъ насчетъ законовъ и мнѣній разныхъ умныхъ и глупыхъ людей о литературной собственности—это для насъ совершенно ясно.

Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества *А. Н. Плещеева*. Спб. 1878.

Трудно быть въ наше время поэтомъ. Проза заняла первенствующее положеніе и въ жизни и въ литературѣ, и гдѣ прежде съ купидонами сражалися цари, тамъ въ наши времена живутъ чоботари. Не въ томъ дѣло, что современная дѣйствительность не даетъ поэту мотивовъ и тэмъ, что, какъ жаловался Лермонтовъ, «Востокъ и Югъ давно описаны, воспѣты, толпу бранили всѣ поэты», а въ томъ, что современному поэту, въ самомъ дѣлѣ, надо обладать нетолько исключительно впечатлительными, но и исключительно крѣпкими нервами.

Волю дамъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни,

писалъ умирающій Некрасовъ и эти слова не были пустыми словами. А съ другой стороны, не лишено значенія и то обстоятельство, что, какъ говоритъ г. Плещеевъ въ своей книжкѣ:

На сердцѣ заботы, какъ свинецъ, лежатъ,
Поневолѣ пѣсня не пойдетъ на ладъ (28).

Конечно, ладъ ладу рознь. Собственно говоря, техническая сторона поэтическаго искусства усовершенствовалась и вмѣстѣ съ тѣмъ упростилась на столько, что теперь граматному человѣку, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе выучиться шить сапоги, нежели писать совершенно «ладныя» стихотворенія. Но то-то и горе, что платье еще не дѣлаетъ монаха. Въ любой книжкѣ любого журнала можно найти очень хорошо сшитые стихи, но надо стоять на одномъ уровнѣ развитія съ поручикомъ Пироговымъ, чтобы восхищаться тѣмъ, что они «на диво стачены». Такимъ образомъ, если у насъ и есть не мало, напримѣръ, такихъ счастливцевъ, у которыхъ «на сердцѣ, какъ свинецъ, лежатъ» един-

ственная «забота» не опоздать, сообразно съ сезономъ, доложить читателю въ совершенно ладныхъ стихахъ, что «вотъ пришла, вотъ пришла золотая!», «вотъ идетъ, приближается красное!», «надвигается осень—капъ! капъ!», «подступаетъ зима—бррь! бррь! бррь!» или какъ-то эдакъ, то вѣдь это не значитъ, что у насъ поэтовъ также много, какъ сапожниковъ, а значитъ только, что у насъ много поэтовъ, напоминающихъ сапожниковъ.

Если въ наше время трудно быть поэтомъ вообще, вслѣдствіе извѣстныхъ особенностей нашей эпохи, то писать стихи «для дѣтей и юношества», едва ли еще не труднѣе, даже помимо какихъ бы то ни было временныхъ и преходящихъ условій. Г. Плещеевъ очевидно, понималъ эту трудность и если не устранилъ, то довольно удачно обошелъ ее. Вообще говоря, онъ остался въ своей книжкѣ самимъ собою—тѣмъ же задушевнымъ и искреннимъ лирикомъ, какимъ мы давно привыкли видѣть его—но *мотивы* его лиризма на этотъ разъ значительно видоизмѣнены имъ, въ виду спеціальныхъ потребностей его новой аудиторіи. Это очень естественно и совершенно резонно. Для насъ были понятны и сочувственны, напримѣръ, горькія сѣтованія поэта на то, что его «казнитъ палачъ неумолимый—совѣсть», что онъ «въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаетъ погибшей жизни повѣсть» и т. п. Мы понимаемъ теоретически и знаемъ по опыту тѣ общія причины, которыя привели его къ этому самобичеванію. Эти изліянія—наши собственныя чувства и наша собственная исповѣдь—въ большей или меньшей степени. Но, очевидно, ничего, кромѣ недоумѣнія они не могли бы возбудить въ тѣхъ, кто еще не вкусилъ отъ горькаго плода познанія добра и зла жизни. Вотъ почему, въ книжкѣ г. Плещеева господствуетъ—если только философскую терминологію позволительно примѣнять къ произведеніямъ поэзіи—индуктивный методъ. Авторъ даетъ факты, картины—веселыя или мрачныя, радостныя или грустныя — въ перемежку, какъ онѣ чередуются и въ дѣйствительности, причемъ, однако же, общій колоритъ всѣхъ этихъ картинъ, то свѣжее, теплое и нѣсколько наивное чувство, которое вообще такъ свойственно поэзіи г. Плещеева, остается вездѣ неизмѣннымъ. Это качество—искренность и задушевность лиризма—необходимое вообще для каждаго поэта, въ особенности драгоцѣнно въ той средѣ, гдѣ самодѣятельность мысли возникаетъ и развивается главнымъ образомъ вслѣдствіе воздѣйствія на непосредственное чувство. Дѣло извѣстное, мысль ребенка можно разбудить прежде всего конкретными и живыми образами и г. Плещеевъ дѣлаетъ это, можно сказать, вдвойнѣ — во-первыхъ, давая непосредственно описательныя бытовыя изображенія; во-вторыхъ, какъ лирикъ, онъ, такъ сказать, инсинуируетъ читателю свои собственныя чувства, тѣ впечатлѣнія, которыя возбуждаются въ немъ самомъ этими картинами. При всемъ томъ, г. Плещеевъ вовсе не изображаетъ собою лирическаго соловья, который, усѣвшись на свою вѣточку и крѣпко зажмурившись, высвистываетъ свои трели, не

руководствуясь ничѣмъ, кромѣ желанія прочистить себѣ горло. Въ его стихахъ есть регулирующая тенденція—пусть читатель не пугается этого «страшнаго» слова. Тенденція г. Плещеева опирается на ту почву общихъ понятій о злѣ и добрѣ, о ложномъ и истинномъ, которая нейтральна и обязательна вообще для всѣхъ людей безъ различія. Это, если угодно, не столько тенденція, сколько мораль, но не та мораль прописей о вредѣ праздности и т. п., которая своею безспорностью и добродѣтельностью наводитъ сонъ на старыхъ и малыхъ, а та, которая есть ничто иное, какъ нравственный законъ человѣка. Въ роли морализатора г. Плещеевъ всегда остается поэтомъ: онъ морализируетъ образами, отнюдь не искажая ихъ и даже не распологая предумышленно свѣтотѣней, а просто, въ процессѣ передачи, невольно согрѣвая ихъ своимъ собственнымъ внутреннимъ чувствомъ. Онъ неравнодушенъ къ тѣмъ картинамъ, которыя рисуетъ, онъ самъ исповѣдуетъ то, чему наставляетъ и въ этомъ его сила, въ этомъ секретъ его задушевности.

Въ книжкѣ г. Плещеева болѣе сорока стихотвореній, изъ которыхъ, приблизительно, половина оригинальныхъ, другая половина—переводныхъ. Наши предыдущія общія замѣчанія о характерѣ книжки г. Плещеева относились, главнымъ образомъ, къ стихотвореніямъ первой категоріи — къ оригинальнымъ. Лучшія изъ нихъ «Родина» (88), «На берегу» (32), «Зимній вечеръ» (36), «Житейское» (51), «Изъ жизни» (69) и пр. Что касается до переводныхъ пьесъ (изъ Соути, Теннисона, Гюго, Деруледа. Гамерлинга, Гейне и пр., и пр.), то, судя по пьесѣ Деруледа «Le bon gîte», въ которой переданъ совершенно точно только первый куплетъ, остальные же болѣе или менѣе видоизмѣнены, переводы г. Плещеева скорѣе передѣлки, чѣмъ собственно переводы. Но не въ томъ, однако же, дѣло, хотя и не лишнее замѣтить, что духъ, внутренній смыслъ стихотворенія Деруледа нисколько не пострадалъ отъ не вполнѣ точной передачи внѣшней формы. Важно то, что выборъ пьесъ произведенъ г. Плещеевымъ очень тщательно и, какъ ни разнохарактерны поэты, произведеніями которыхъ онъ пользовался, всѣ они, при полномъ сохраненіи своей индивидуальности, бьютъ въ одну и туже точку, производятъ одно и тоже общее впечатлѣніе. Даже Гейне (21), вѣроятно, къ своему собственному удивленію, оказался очень милымъ, очень добродушнымъ и покладистымъ дѣтскимъ собесѣдникомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, несмотря на свою простодушную форму, заключаютъ въ себѣ очень серьёзную мысль, до которой не доросли еще многіе изъ нашихъ взрослыхъ пишущихъ и политиканствующихъ дѣтей. Таково, напримѣръ, стихотвореніе Соути «Бленгеймскій бой». Какъ на единственное исключеніе, можно указать на «Легенду», переведенную г. Плещеевымъ съ англійскаго. Мысль этой аллегорической «Легенды» темна, неопредѣленна и способна ввести въ недоразумѣніе. Эта «Легенда»—не то обыкновенное «жалкое слово»

на битую и неребитую тэму, въ поэтическомъ отношеніи, правда, благодарную, но положительно нездоровую; не то — просто издѣліе фанатическаго ханжества, отъ котораго избави Богъ и взрослыхъ и дѣтей. Ужь если говорить съ дѣтьми притчами, то необходимо, чтобы нравственный смыслъ этихъ притчей былъ ясенъ и недвусмысленъ.

Новая русская энциклопедія, издаваемая *А. О. Жолкѣвичемъ*. Томъ I. А. Спб. 1878.

Г. Жолкѣвичъ чрезвычайно любитъ свое отечество. Онъ «не пожалѣетъ довольно значительныхъ издержекъ, простирающихся на все изданіе до 50,000 р. с., чтобы доказать на дѣлѣ, что и у насъ, въ Россіи, пришла наконецъ пора имѣть общедоступную по цѣнѣ и необходимую для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка книгу-библіотеку», то есть, по просту говоря, энциклопедическій словарь. Конечно, возлагая на алтарь отечества 50,000, г. Жолкѣвичъ желаетъ получить ихъ съ теченіемъ времени обратно съ процентами. Это совершенно натурально. Но шарлатанство г. Жолкѣвича или, по крайней мѣрѣ, предпринятаго имъ изданія даже не натурально. Жестоко обирая злополучный, но прекрасный «Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами» (1861—63), котораго вышло всего шесть томовъ, г. Жолкѣвичъ пользуется имъ, однако, крайне своеобразно. Пусть, напримѣръ, читатель сравнитъ статью «Аахенскій конгрессъ» въ обоихъ словаряхъ. Онъ увидитъ, что г. Жолкѣвичъ просто переписалъ статью «Энциклопедическаго словаря», кое-какія строки въ ней, неизвѣстно для чего, выпустивъ и кое-гдѣ переставивъ слова, весьма, впрочемъ, не хитрымъ образомъ. Такъ въ «Словарѣ» написано: «рѣшеніе дѣла о французскихъ крѣпостяхъ было главною задачею аахенскаго конгресса», а въ «*Новой* энциклопедіи» сказано: «главною задачею аахенскаго конгресса было рѣшеніе дѣла о французскихъ крѣпостяхъ». И т. п. Но въ подобныхъ заимствованіяхъ, весьма, конечно, выгодныхъ для г. Жолкѣвича, читатель все-таки, по крайней мѣрѣ, не остается въ прямомъ убыткѣ. Г. Жолкевичъ дѣлаетъ и хуже. Какъ истинный «патріотъ своего отечества», презирающій корыстныя поползновенія и стремящійся лишь къ благу родины, онъ предпочитаетъ оставить ее во блаженномъ невѣдѣніи относительно словъ «ажіо», «ажіотажъ» и не выписываетъ ихъ значенія ни изъ «Энциклопедическаго словаря», ни изъ какой другой книги. Бываетъ и еще хуже. Въ «Энциклопедическомъ словарѣ» слово «аггрегатъ» имѣетъ слѣдующее объясненіе: «Въ химіи и минералогіи называется такъ всякое тѣло, состоящее изъ разнородныхъ, соединенныхъ между собою частицъ; такъ напр. гранитъ есть аггрегатъ изъ кварца, полеваго шпата и слюды». Г. Жолкѣвичъ пожелалъ быть самостоятельнымъ и утверждаетъ, что аггрегатомъ «называется механическое соединеніе крупныхъ обломковъ разнородныхъ минераловъ, связанныхъ между собою какимъ нибудь веществомъ». «Энци-

клопедическій словарь» вышелъ 15—17 лѣтъ тому назадъ, да и то онъ говоритъ о значеніи аггрегата въ химіи и минералогіи, а г. Жолкѣвичъ довольствуется минералогіей. Но со времени изданія «Энциклопедическаго словаря» слово аггрегатъ получило такое общее значеніе, что владѣлецъ *новой* энциклопедіи окажется въ крайнемъ недоумѣніи, прочитавъ что нибудь объ органическихъ аггрегатахъ, общественныхъ аггрегатахъ, аггрегатномъ состояніи вообще и т. п. Другого рода курьёзъ вышелъ у г. Жолкѣвича со словомъ «адвокатъ». По обыкновенію, онъ выписалъ соотвѣтственную статью изъ «Энциклопедическаго словаря», но обработалъ ее слѣдующимъ образомъ. Словарь говоритъ: «Извѣстный французскій юристъ Дюпенъ выражаетъ въ слѣдующихъ сильныхъ словахъ необходимость права судебной защиты». Дальше идетъ обширная цитата изъ Дюпена. Г. Жолкѣвичъ списываетъ и ее (опять съ нелѣпыми выпусками и перестановками словъ), но при этомъ не увѣдомляетъ читателя, что «сильныя слова» принадлежатъ французскому юристу Дюпену, а отнюдь не русскому патріоту своего отечества Жолкѣвичу. Вообще сюрпризы разсыпаны по всей «Новой русской энциклопедіи». Раскрываете вы, напримѣръ, страницу 65 и читаете: «*Академія наукъ*—важнѣйшая изъ португальскихъ академій, учреждена королевою Маріей въ 1799 г.» и т. д. Что за чудеса! Неужто академія наукъ есть исключительная принадлежность Португаліи? Нѣтъ, благополучно миновавъ «академію медицинскую, парижскую», «академію музыки», «академію надписей и словесности», вы добираетесь, наконецъ, опять до «академіи наукъ»—парижской. Затѣмъ слѣдуютъ «академія наукъ нравственныхъ и политическихъ», «академія французская», «академія французской промышленности» и т. д., и т. д. и, наконецъ, опять «академія наукъ»—стокгольмская. Читатель понимаетъ, насколько столь нелѣпое расположеніе удобно для справокъ.

Что касается до граматности г. Жолкѣвича, когда онъ уклоняется отъ своихъ предшественниковъ, то вотъ два образчика. Мы узнаемъ изъ «Новой русской энциклопедіи», что Альбертъ Великій «составлялъ уже гипотезы о половыхъ органахъ, на которые только въ новѣйшее время обращено вниманіе» (453) Узнаемъ также, что «мнѣнія объ артистическомъ талантѣ А(О?)льдриджа различны; одни находили въ немъ необыкновенный талантъ въ представленіи человѣческихъ страстей, другіе же признавали въ немъ чистаго натуралиста, которому удаются только страстныя роли» (180).

Если къ этому прибавить, что «Новая русская энциклопедія» не снабжена даже оглавленіемъ, то жертва, возложенная г. Жолкѣвичемъ на алтарь отечества, вполнѣ выяснится какъ со стороны добросовѣстности издателя, такъ и со стороны удобства читателей.

ПО ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛАХЪ.

Въ Апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», г. Костычевъ, въ статьѣ своей «Крестьянскiе надѣлы и крестьянское хозяйство», написанной по поводу отвѣта князя Васильчикова рецензентамъ его сочиненiя «Землевладѣнiе и Земледѣлiе», цитируетъ, между прочимъ, изъ этой послѣдней статьи приведенный въ ней разсчетъ, сколько крестьянинъ Тамбовской губернiи можетъ обработать десятинъ—разсчетъ, ошибочно приписанный мнѣ. Подобнаго разсчета нѣтъ ни въ одной изъ моихъ работъ, и ссылка на меня оказывается невѣрной. Считаю необходимымъ просить Редакцiю помѣстить эту замѣтку, тѣмъ болѣе, что я совершенно согласенъ съ г. Костычевымъ, какъ относительно невѣрности самаго разсчета, такъ особенно относительно невѣрности вывода, который изъ него дѣлается, будто бы крестьяне Тамбовской губернiи не въ состоянiи обработать болѣе 4 хъ десятинъ на душу.

Напротивъ, разсчетъ, который дѣлаетъ затѣмъ самъ г. Костычевъ, долженъ быть близокъ къ истинѣ, потому что подтверждается и при другомъ прiемѣ исчисленiя, именно посредствомъ дѣленiя числа обработываемыхъ въ Тамбовской губернiи земель на число наличныхъ работниковъ. Въ Тамбовской губернiи, въ концѣ 60 хъ годовъ, считалось до 4,350 т. дес. пашенъ и сѣнокосовъ, а вмѣстѣ съ усадебной и выгонной землею около 4,600 т. десятинъ. [1] Приблизительная вѣрность этихъ цифръ подтверждается оффицiальными данными о посѣвѣ хлѣба за пятилѣтiе 1870—1874 г. По этимъ даннымъ, въ Тамбовской губернiи засѣвается въ двухъ поляхъ (кромѣ картофеля) около 2,400 т. десятинъ [2], такъ что общее количество пахатныхъ полей (3,600

---

[1] Вильсонъ. «Объясненiя къ хоз. стат. атласу Европ. Россiи», стр. 42.

Пашни считалось	3,600	т.	д.
Сѣнокосовъ	750	»	»
Усадебной, выгонной и неудобной .	639	»	»

(Для усадебной и выгонной земли мы беремъ, какъ minimum, 250 т. д.).

Лѣсу	1,069	»	»

[2] Засѣвается ржи . . . . 1,288 т. четв.

»	пшеницы	102	»	»

т. д.) сходится съ прежними данными о размѣрахъ угодій. Число наличныхъ работниковъ въ сельскомъ податномъ населеніи считается въ Тамбовской губерніи до 433,250 человѣкъ [1]; число работниковъ во дворѣ 1,7. Такимъ образомъ на каждаго работника въ губерніи приходится угодій:

пашни	8,21	дес.
всей эксплуатируемой удобной земли (не считая лѣса)	10,61	»
а на дворъ въ 1,7 работниковъ:		
пашни	14,13	»
всей эксплуатируемой земли (кромѣ лѣса)	18,04	»

Если же мы примемъ въ соображеніе, что не всѣ наличныя рабочія силы принимаютъ участіе въ полевыхъ работахъ, потому что многіе отвлекаются наймомъ въ прислугу, исполненіемъ разныхъ служебныхъ должностей и т. п., что затѣмъ изъ Тамбовской губерніи уходитъ довольно много крестьянъ въ заработки въ другія губерніи, между тѣмъ какъ въ нее сельскіе рабочіе почти не приходятъ, то, полагая на всѣ эти категоріи неучаствующихъ въ работахъ только 15°/o всего рабочаго населенія, получимъ, что остающіеся дома работники обработываютъ каждый, въ среднемъ по губерніи:

пашни не менѣе	9,77	дес. [2]
всей эксплуатируемой земли (кромѣ лѣса) не менѣе	12,48	»

По этому разсчету выходитъ, что средній дворъ (въ 1,7 работника) въ состояніи эксплуатировать участокъ земли въ 21,23 дес

»	овса	1,236	»	»
»	ячменя	15	»	»
»	гречихи	210	»	»
»	проч. хлѣбовъ	168	»	»

Считая средній посѣвъ на десятину: для овса въ 2 четверти, для ржи и проч. хлѣбовъ по 1 четверти (въ западныхъ уѣздахъ больше, въ юго-восточныхъ меньше), получаемъ:

подъ посѣвомъ	ржи	1,288	т.	дес.
» »	пшеницы	102	»	»
» »	овса	618	»	»
» »	ячменя	15	»	»
» »	гречихи	210	»	»
» »	проч. хлѣбовъ	168	»	»
	Итого	2,401	»	»

Слѣдовательно въ 3-хъ поляхъ 3.600 т. д, не считая посѣвовъ картофеля.

[1] «Труды Под. Ком.», т. XXII, ч. III, Отд. I, стр. 363. (Число работниковъ въ Тамб. губ. считается въ 55°/o всего населенія. Тамъ же).

[2] Въ отдѣльныхъ случаяхъ приходится обработывать и гораздо болѣе; мы знаемъ одну волость въ Курской губерніи, гдѣ каждый работникъ вынужденъ обработывать 14 дес. пашни въ двухъ поляхъ, т. е. 21 дес. въ 3-хъ поляхъ. («Хлѣбная торг. въ центр. районѣ Россіи». Часть II. стр. 241 и 242 (17 и 18)

(въ томъ числѣ пашни 16,61 дес. въ 3-хъ поляхъ), а вмѣстѣ съ лѣснымъ участкомъ до 25 десятинъ, что на ревизскую душу составитъ около 8 десятинъ.

Мы думаемъ, что пріемъ, употребленный нами для вычисленія возможной обработки, есть наиболѣе удобный: какъ простое констатированіе существующихъ фактовъ, онъ едва ли можетъ вызвать какіе бы то ни было споры. Между тѣмъ, какъ учетъ, сколько *можетъ* крестьянинъ обработать, часто вызываетъ подобные споры. Въ каждомъ данномъ случаѣ, на величину возможной обработки вліяетъ такъ много разнородныхъ причинъ, наши наблюденія надъ жизнію крестьянъ, знакомство наше съ ихъ бытомъ—такъ еще малы, къ тому же каждому изъ насъ, не живущихъ жизнію крестьянина, до того трудно стать въ его положеніе и вѣрно представить себѣ, что именно для крестьянина возможно и что невозможно, что всѣ наши разсчеты будутъ болѣе или менѣе гадательны. Поэтому-то подобные разсчеты, сдѣланные двумя разными лицами, всегда почти расходятся между собою и вызываютъ недоразумѣнія и споры; между тѣмъ, какъ простое констатированіе фактовъ говоритъ прямо само за себя.

Конечно, при недостаточной точности статистическихъ данныхъ, и сдѣланныя нами вычисленія не могутъ быть признаны вполнѣ точными; конечные результаты должны быть нѣсколько выше, чѣмъ приведенные нами, особенно въ отношеніи пахатныхъ земель, такъ какъ количество ихъ и размѣры посѣвовъ, въ оффиціальныхъ данныхъ, скорѣе уменьшены, чѣмъ преувеличены, но все же эти выводы (какъ средніе) должны быть довольно близки къ истинѣ.

Необходимо замѣтить, что при вычисленіи размѣровъ угодій, которыя можетъ эксплуатировать крестьянинъ, надо имѣть въ виду, что въ степной полосѣ съ залежнымъ хозяйствомъ и на сѣверѣ Россіи, гдѣ хлѣбъ не можетъ родиться безъ постояннаго и сильнаго удобренія, а слѣдовательно нужно значительно больше сѣнокосовъ и выгоновъ, размѣры угодій должны быть больше, чѣмъ приведенные выше. Этими соображеніями и руководилось управленіе государственными имуществами въ 40-хъ годахъ, надѣляя новыхъ переселенцевъ: по сѣверной окраинѣ степной полосы 8-ми десятиннымъ, а въ самой степной полосѣ 15-ти десятиннымъ надѣломъ на душу. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ размѣры надѣловъ были больше [1]. Притомъ, когда общество новыхъ переселенцевъ садилось впервые на новыя земли, ему всегда отводилось гораздо больше земли, чѣмъ слѣдовало по разсчету, для того, чтобы дать ему приволье на первое время и возможность принимать въ свою среду новыхъ переселенцевъ. Эта система, основанная на началѣ общиннаго землевладѣнія и примѣненная къ условіямъ тѣхъ мѣстностей, куда крестьяне переселялись, представляется и до сихъ

[1] См. «Обзоръ Гос. Им.» за 1858 г., стр. 680 и слѣд.

поръ самой лучшей изъ всѣхъ, какія намъ извѣстны. Система американской колонизаціи, на которую указываетъ кн. Васильчиковъ въ своей книгѣ, система—съ подворнымъ поселеніемъ и покупкою участковъ въ собственность,—при исконныхъ обычаяхъ и взглядахъ русскаго народа, при естественныхъ условіяхъ нашей страны, кажется намъ непримѣнимой и невозможной. Мы будемъ подробнѣе говорить, какъ объ этомъ предметѣ, такъ и о другихъ сторонахъ аграрнаго вопроса, въ отдѣльной статьѣ.

Теперь же возвратимся къ вопросу о размѣрѣ надѣловъ.—Когда рѣчь идетъ о достоинствѣ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, о значеніи, которое они имѣютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и объ отношеніи къ нимъ налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, особенно на крестьянахъ, бывшихъ помѣщичьихъ, здѣсь уже приходится прибѣгать къ совсѣмъ иной мѣркѣ. Эти надѣлы, въ общемъ, до того малы, особенно въ черноземной полосѣ, что сравнивать ихъ съ приведенными выше разсчетами почти невозможно; часто дѣйствительный надѣлъ составляетъ менѣе 1/10 того, что крестьянинъ можетъ обработать. Для характеристики и оцѣнки достоинства существующихъ надѣловъ приходится уже разсчитывать, могутъ ли эти надѣлы давать крестьянину хотя бы одинъ только *хлѣбъ,* не говоря уже объ удовлетвореніи другихъ потребностей и о налогахъ. Для этого приходится, по среднимъ урожаямъ, высчитывать, какой размѣръ надѣла можетъ дать крестьянину одни только средства существованія, т. е. пропитаніе и самый необходимый кормъ скоту. По сдѣланному нами разсчету для Курской губерніи, такой надѣлъ долженъ быть не менѣе 4 десятинъ на душу [1]; но даже и этотъ надѣлъ встрѣчается очень рѣдко у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ во всей 3-хъ польной черноземной полосѣ; въ среднихъ же и западныхъ губерніяхъ этой полосы крестьяне имѣютъ (въ среднемъ по разнымъ губерніямъ) съ небольшимъ по 2 десятины (въ Полтавской даже 1.97 десятины)[2]; но очень многіе изъ крестьянъ получили 1½, 1 десятину и менѣе, не говоря уже о тѣхъ, которые получили даровой надѣлъ. Для губерній нечерноземныхъ (кромѣ губерній крайняго сѣвера) надѣломъ, могущимъ дать пропитаніе, по тѣмъ же разсчетамъ (т. е. по среднимъ урожаямъ), можетъ быть признано не менѣе 6—8 десятинъ на душу въ разныхъ мѣстностяхъ, смотря по плодородію почвы и качеству угодій. Большинство крестьянъ имѣетъ и здѣсь надѣлы значительно меньше этой нормы [3]. Ясно, что такимъ образомъ налоги па-

---

[1] «Хлѣбная Торговля въ Центральномъ районѣ Россіи». Часть II, стр. 238 (9) и слѣд.

[2] «Правит. Вѣст.» 14-го янв. 1878 г.

[3] Цѣлая масса данныхъ о размѣрахъ надѣловъ, ихъ значеніи и отношеніи къ нимъ налоговъ помѣщена въ «Трудахъ Податной Комиссіи» и Приложеніи I къ докладу Комиссіи для изслѣдованія Сельскаго Хозяйства. Эти данныя тщательно выбраны, сгруппированы и вѣрно освѣщены въ трудѣ проф. Янсона (Опытъ стат. изслѣд. о крест. надѣлахъ и платежахъ).

давить почти всецѣло на трудъ крестьянъ, что и заявлено, какъ извѣстно, почти всѣми земствами, высказано и правительственными комиссіями, занимавшимися въ послѣднее время изслѣдованіемъ этого вопроса.

В. Чаславскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Уставъ новаго уголовнаго судопроизводства, отнимающій у полиціи право сажать россійскихъ гражданъ въ кутузку собственною властію.—Игнорированіе этого устава россійскими Держимордами и прежнія безчинія и произволъ полиціи при взятіи подъ стражу.— Необходимость какихъ-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ для обузданія произвола полиціи и для огражденія свободы личности россійскихъ гражданъ.—Назначеніе комиссіи для изслѣдованія дѣйствій товарищества Горвица, Когана, Грегера.—Необходимость изслѣдованія дѣйствій разныхъ товариществъ по поставкѣ сухарей для арміи.—Дѣло о погонцахъ.— Неправильное отношеніе къ этому дѣлу гражданскихъ властей. — Капитанъ Одесскаго порта Вейсъ.—Необходимость строгаго слѣдствія и преданія суду подрядчиковъ и агентовъ по найму погонцевъ.—Опасность разсоренія, угрожающаго всей Россіи отъ обманныхъ условій, заключаемыхъ разными подрядчиками и нанимателями съ рабочими.—Почтеніе, оказываемое русскому мужику въ Семирѣченскомъ краѣ.—Письма студентки Некрасовой.

Гарантія свободы лица, неприкосновенности жилища отъ произвола и насилія различныхъ органовъ административно-полицейской власти есть одна изъ первыхъ основъ каждаго благоустроеннаго гражданскаго общества. У насъ самая мысль о необходимости такой гарантіи является очень поздно. Въ своей запискѣ къ проэкту устава уголовнаго судопроизводства, графъ Блудовъ говоритъ, что до 1860 года, когда изданъ былъ наказъ судебнымъ слѣдователямъ, которымъ предписывалось «о заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу составлять особые акты и въ тотъ же день, и не далѣе, какъ на другой день, представлять ихъ на утвержденіе суда» — до этого самаго времени «въ законѣ о судопроизводствѣ не были опредѣлены, даже не указаны случаи, въ коихъ слѣдователь въ правѣ взять подозрѣваемаго подъ стражу». Отъ этого власть полиціи во взятіи кого либо подъ стражу дѣлалась, по словамъ графа Блудова, «неограниченною», и, при составленіи новаго устава уголовнаго судопроизводства, обращено было все вниманіе на то, чтобы «предотвратить всякій въ этомъ отношеніи произволъ полиціи».

И дѣйствительно, новый уставъ уголовнаго судопроизводства сдѣлалъ, повидимому, все, чтобы положить конецъ полицейскому произ-

волу въ распоряженіи свободой личности. Этимъ уставомъ у полиціи совершенно отнимается право собственною властію «брать кого либо подъ стражу, кромѣ лишь чрезвычайныхъ случаевъ, точно опредѣленныхъ уставомъ». Къ такимъ чрезвычайнымъ случаямъ относятся происшествія, когда, по усмотрѣнію полиціи, производящей первоначальное дознаніе, окажется вѣроятность, что тутъ совершены такія преступленія или проступки, которые влекутъ за собою наказанія уголовныя или высшія исправительныя (т. е. каторгу, ссылку на поселеніе или заключеніе въ рабочемъ домѣ, арестантскихъ ротахъ, ссылку на житье въ Сибирскія и другія отдаленныя губерніи съ лишеніемъ особенныхъ правъ и преимуществъ). Но и при такихъ происшествіяхъ право это предоставляется полиціи «преимущественно только тогда, когда она застигнетъ или усмотритъ преступника при самомъ совершеніи противузаконнаго дѣянія, или когда онъ обвиняется достойными вѣроятія очевидцами событія, или же когда подозрѣваемый покушается бѣжать или скрыться, или же по образу жизни не представляетъ ручательства въ неуклоненіи отъ слѣдствія и суда, т. е., не имѣетъ постояннаго мѣстожительства или же извѣстнаго ремесла и промысла. За исключеніемъ сихъ случаевъ, полиція не вправѣ никого задерживать, но о имѣющемся противъ кого-нибудь подозрѣніи должна немедленно сообщить слѣдователю. Всякаго задержаннаго полиція обязана, также *безъ замедленія*, представить къ слѣдователю подъ личною ея отвѣтственностію». Такъ что, по высочайше утвержденнымъ общимъ правиламъ новаго судопроизводства по уголовнымъ дѣламъ, каждый «обвиняемый», подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ *непремѣнно* въ теченіи сутокъ судебнымъ слѣдователемъ.

Судя по этому, казалось бы, что новымъ закономъ личность каждаго россійскаго подданнаго вполнѣ гарантирована противъ произвола полиціи, тѣмъ болѣе, что полиція во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ при первоначальномъ дознаніи преступленія поставлена въ полную зависимость нетолько отъ прокурора, но и отъ судебнаго слѣдователя, которому и должна немедленно давать знать о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ особенности же о взятіи подъ стражу, и который «имѣетъ право повѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія полиціи по произведенному ею первоначальному изслѣдованію».

Посмотримъ теперь, какъ эта свобода личности россійскаго подданнаго, вполнѣ огражденнаго закономъ отъ произвола полиціи, ограждена на практикѣ.

Въ видахъ привлеченія нашихъ старообрядцевъ къ православію, всѣмъ имъ было объявлено, что они имѣютъ право свободно и во всякое время пріѣзжать въ Москву, посѣщать здѣсь безпрепятственно всѣ древнія библіотеки, кремлевскіе соборы, даже патріаршую ризницу, осматривать всѣ памятники древности, рукописи и т. п. Многіе изъ старообрядцевъ этимъ и пользовались, какъ свидѣтельствуетъ іеромонахъ Пафнутій, об-

ратившійся въ православіе изъ старообрядцевъ, и вмѣстѣ съ нимъ занимались въ Москвѣ разсмотрѣніемъ и изученіемъ древностей. Въ нынѣшнюю войну, которая велась за освобожденіе единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ славянъ изъ подъ власти турокъ, въ старообрядцахъ пробудился, вѣроятно, особенный интересъ доподлинно разузнать: дѣйствительно ли наша церковь такъ свято чтитъ старую вѣру, какъ это показываетъ война, предпринятая, между прочимъ, за ея свободу? — Надобно имѣть въ виду при этомъ, что, по мнѣнію старообрядцевъ, только Россія, увлеченная патріархомъ Никономъ, удалилась отъ истиннаго православія, а что и въ Сербіи, и въ Болгаріи и въ Греціи древнее православіе сохраняется во всей чистотѣ. И вотъ, когда наши войска, одолѣвъ Плевну, являются за Балканами, чтобы нанести рѣшительный ударъ врагу и освободить древнее, истинное православіе отъ гнета мусульманъ, старообрядцы являются толпами въ Москву, чтобы по памятникамъ древности еще разъ повѣрить: не ошибаются ли они, считая русскую церковь отступницею отъ древняго православія? — Можетъ быть, между ними состоялось даже тайное соглашеніе въ виду предстоящаго великаго торжества освобожденія православнаго востока, не раздирать болѣе церковнаго единенія, вступить снова въ нѣдра церкви, если, по новомъ тщательномъ разсмотрѣніи памятниковъ древности, окажется, что въ новыхъ отступленіяхъ отъ нихъ нѣтъ ничего существенно важнаго. И вдругъ, какой аффронтъ! Едва эти любители и изыскатели истины успѣли въ числѣ 22 человѣкъ явиться въ Москву, какъ бдительная московская полиція немедленно всѣхъ ихъ захватила и отвела въ кутузку.

Іеромонахъ Пафнутій такъ описываетъ это происшествіе («Русс. Міръ № 49):

«Еще разъ пришлось говорить печатно: *люди, ищущіе свѣта истины, обрѣлись въ темницѣ*. Въ Москвѣ въ Рогожской части, 3 квартала, на Большой Алексѣевской улицѣ, 24 января 1878 года въ 10 часовъ вечера, показалась выходящая изъ одного дома весьма оригинальная толпа людей бородачей, въ длинныхъ крестьянскихъ шубахъ и мѣховыхъ овчинныхъ шапкахъ, окруженная полицейскими нижними чинами, подъ предводительствомъ квартальнаго надзирателя. Несмотря на ночное время, любопытныхъ зрителей набралось довольное число. Когда придвинулась эта толпа къ мѣсту своего назначенія, т. е. къ мѣсту заключенія Рогожской части, тогда понятно стало, кто такіе эти арестованные люди. Они, входя въ грязную, зловонную темницу, всѣ до единого, снявши шапки, благоговѣйно осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ по старообрядчески. А одинъ изъ нихъ, болѣе всѣхъ отличающійся лицомъ постника (лѣтъ 30), при входѣ въ тюрьму, остановившись на минуту близъ ночнаго фонаря, набожно обвелъ братію свою со-узниковъ скромными своими глазами и, благоговѣйно перекрестившись, произнесъ тихимъ голосомъ слѣдующія знаменательныя слова: «*гдѣ бо бы имѣлъ свѣтъ твой возсіяти, токмо на сѣдящія во тьмѣ, слава тебѣ*». Такими-то святыми словами привѣтствовали сами себя, входя въ мрачную темницу, старообрядцы, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія. Зрѣлище умилительное, говорилъ одинъ изъ самовидцевъ

этого въ высшей степени поучительнаго событія, и присовокупилъ еще, какъ онъ, душевно взволнованный, обратился въ эти минуты къ одному изъ полицейскихъ чиновъ, съ слѣдующимъ вопросомъ: «*какихъ это вы баши-бузуковъ или черкесовъ заполонили*? Ужъ не на преступной ли пропагандѣ вы ихъ застали? Но развѣ правительству неизвѣстно, что преступная пропаганда въ старообрядческой средѣ не имѣетъ мѣста?» На такой простодушный вопросъ посторонняго зрителя, немедленно данъ былъ со стороны одного изъ полицейскихъ чиновъ не менѣе простодушный отвѣтъ: что «за этими овчинными шапками день и ночь полиція слѣдила; нужно было схватить одного старовѣрскаго попа, а теперь, какъ видите, удалось захватить сразу *двадцать два попа*— и какъ-же ловко ихъ схватили! Они только что усѣлись ужинать, а ихъ, голубчиковъ, и забрали по указанію какого-то анонимнаго письма, присланнаго полицейскому начальству, того самаго письма, которое г. квартальный надзиратель читалъ, когда тѣ еще сидѣли за ужиномъ: видите, полиція не станетъ понапрасну поднимать тревогу!»

Въ числѣ посаженныхъ въ кутузку ни одного, однако жъ, попа не оказалось, и на другой день половину посаженныхъ, т. е. 11 человѣкъ выпустили на свободу, а другую половину препроводили въ тюремный пересыльный замокъ, вѣроятно, потому, что у нихъ не оказалось паспортовъ, хотя все это были лица вовсе не безвѣстныя, которыхъ можно бы было только изъ-за неимѣнія паспорта держать въ тюрьмѣ и отправлять по этапу. Іеромонахъ Пафнутій пишетъ, что всѣ арестованные двадцать два человѣка до единаго были «честные сельскіе крестьяне, старообрядцы безпоповцы по Филиппову согласію, большею частію Новгородской Губерніи», что «нѣкоторые изъ нихъ, въ качествѣ депутаціи, неоднократно нынѣшней зимой бывали у насъ въ Чудовѣ монастырѣ и въ синодальной библіотекѣ и вмѣстѣ со мною занимались обозрѣніемъ памятниковъ древности». При этомъ іеромонахъ Пафнутій замѣчаетъ, что если полиція искала дѣйствительно раскольничьяго попа, то она не имѣла никакого резону брать этихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, остановившихся въ домѣ всѣмъ извѣстнаго московскаго *безпоповца* А. П. О., на Большой Алексѣевской улицѣ, гдѣ эти мнимые попы были арестованы». Развѣ безпоповецъ могъ принимать у себя старообрядческихъ поповъ?

Замѣчательно, что на сценѣ является дѣйствующимъ лицомъ только полиція. Квартальный получаетъ анонимное письмо, и по анонимному письму идетъ и собственною властію немедленно беретъ подъ стражу двадцать слишкомъ человѣкъ, хотя по уставу новаго уголовнаго судопроизводства нетолько квартальнымъ, но и чинамъ повыше его, и вообще всей полиціи указано, что «возымѣвъ противъ кого-ли подозрѣніе, полиція должна, не требуя его къ себѣ для объясненій, и не приводя къ допросу, посредствомъ подлежащихъ развѣдываваній и собранія нужныхъ свѣденій, удостовѣриться въ основательности своего подозрѣнія и если въ томъ убѣдится, довести о семъ до свѣденія судебнаго слѣдователя. Ей самой запрещается брать кого либо подъ стражу, кромѣ лишь чрезвычайныхъ

случаевъ». Москва—не деревня. Тутъ на лицо и судебные слѣдователи, и прокуроры. Какимъ же образомъ квартальный позволяетъ себѣ собственною властiю, здѣсь въ Москвѣ, брать подъ стражу ни въ чемъ неповинныхъ людей, единственно на основанiи анонимнаго письма, нелѣпость котораго видна была уже изъ того одного, что оно указывало укрывательство старообрядческихъ поповъ въ домѣ всѣмъ извѣстнаго безпоповца?

Ну, и что-жъ въ концѣ концовъ—прокуроръ потребовалъ объясненiя отъ полицiи за незаконное взятiе подъ стражу 22 человѣкъ ни въ чемъ неповинныхъ? Преданъ квартальный, взявшiй ихъ подъ стражу по собственному произволу, суду?—По моему мнѣнiю, прокурорская власть должна преслѣдовать полицейскiе чины безъ всякой пощады и неупустительно каждый разъ, когда они произвольно подвергнутъ взятiю подъ стражу то или другое лицо, хотя бы на самое короткое время, ибо, выражаясь словами графа Блудова, «отъ взятiя подъ стражу хотя бы на самое короткое время нетолько страдаетъ свобода и честь задержаннаго, но иногда зависитъ благосостоянiе цѣлыхъ семействъ». Но необходимо нетолько преслѣдованiе, но и объявленiе объ этомъ во всеобщее свѣденiе, чтобы всѣ знали, что прилагается старанiе о томъ, чтобы оградить свободу личности всякаго, кто бы онъ ни былъ, отъ полицейскаго произвола. Въ данномъ случаѣ, это было тѣмъ болѣе необходимо, что безпричинный арестъ 22 хъ любителей и изыскателей истины произвелъ общiй ропотъ въ средѣ старообрядцевъ и въ нѣкоторыхъ возбудилъ даже опасенiя за собственную личность. «Вслѣдствiе этого прискорбнаго событiя, пишетъ iеромонахъ Пафнутiй:—старообрядцы обращаются ко мнѣ съ вопросомъ о томъ: гдѣ же то обѣщанiе, которое на Кремлевской Площади публично возвѣщалось, что старообрядцы могутъ свободно и во всякое время посѣщать всѣ публичныя библiотеки, кремлевскiе соборы и самую патрiаршую ризницу—словомъ, всѣ сокровища памятниковъ древности могутъ старообрядцы обозрѣвать, не опасаясь, какъ прежде, грозныхъ спросовъ и допросовъ, напримѣръ: «кто ты и откуда?» — «О! раскольникъ — острожникъ!» и т. п. «Исторiя эта, говоритъ далѣе iеромонахъ Пафнутiй:—надобно сказать правду, надѣлала не мало тревогъ среди московскихъ старообрядцевъ — особенно начетчиковъ, часто посѣщавшихъ публичныя библiотеки и почти всегда принимавшихъ участiе въ публичныхъ и домашнихъ религiозныхъ бесѣдахъ. Имъ кажется теперь, что всѣ они *переписаны полицейскою властiю*, а потомъ?—потомъ все-таки имъ кажется, конечно, напрасно, *будто бы они будутъ прибраны къ рукамъ*»...

Такъ полицiя позволяетъ себѣ распоряжаться въ Москвѣ въ виду множества всевозможныхъ властей, при строгомъ и, конечно, бдительномъ надзорѣ проживающихъ съ нею въ одномъ городѣ многочисленныхъ прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей и т. д. Можно поэтому судить, насколько безцеремоннѣе и развязнѣе на счетъ взятiя подъ стражу должна вести себя полицiя провинцiальная.

У меня, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ есть два образчика, которые ясно показываютъ, что провинціальная полиція нашего времени относится къ свободѣ личности съ такою же непринужденностью, съ какою относилась и полиція прежняго времени, для произвола которой, по словамъ графа Блудова, не было никакихъ границъ... Образчики эти я взялъ изъ газетныхъ извѣстій не болѣе какъ за полтора или за два послѣдніе мѣсяца. А еслибы собирать ихъ внимательно за цѣлый годъ, то набралось бы, конечно, очень много. Вотъ эти образчики:

«Корреспондентъ «Новостей» изъ Старобѣльскаго уѣзда сообщаетъ слѣдующій любопытный случай: Предъ масляной, мѣстный исправникъ, катаясь на своихъ рысакахъ по городу, на поворотѣ въ переулокъ, съ розмаху врѣзался въ свадебный поѣздъ и, зацѣпившись за сани, нагруженныя людьми, опрокинулся и вылетѣлъ на землю. Раздосадованный паденіемъ, онъ возвратился въ полицію и приказалъ задержать свадьбу. Приказаніе это, къ несчастію, было отдано какъ разъ въ ту минуту, когда свадебный поѣздъ подъѣхалъ, для разныхъ покупокъ къ гостинному двору, который находится въ близкомъ разстояніи отъ полицейскаго дома. Такимъ образомъ, добыча сама попала въ руки. Надзиратель, въ сопровожденіи полицейскихъ нижнихъ чиновъ, быстро бросается на свадьбу, захватываетъ молодого, молодую, двухъ свахъ, дѣвицу дружку и ямщика и, безъ всякихъ объясненій, засаживаетъ ихъ въ холодную. Это происшествіе не могло, разумѣется, не произвести шума и на мѣстѣ происшествія моментально выросла огромная толпа народа (около 400 чел.). Поднялись протесты и требованія отпустить ни въ чемъ неповинныхъ арестантовъ; дали также знать отцу жениха, который бросился съ жалобой къ исправнику; но послѣдній встрѣтилъ его съ бранью и угрозами. Затѣмъ, третій актъ происходитъ уже около полицейскаго дома. Здѣсь, среди страшной толкотни, шума, визга и воплей толпы, вдругъ неожиданно дѣлается извѣстнымъ, что арестована не та свадьба, которую встрѣтилъ исправникъ, что та уже давнымъ давно, съ перепугу, удрала за тридевять земель и неизвѣстно гдѣ спряталась... Несмотря, однако, на это открытіе, молодыхъ продержали до девяти часовъ ночи, причемъ ямщика избили до крови, а молодого, ни за что ни про что, поколотили. Побитая свадьба принадлежала старобѣльскому крестьянину Драулѣ.»

Въ этомъ образчикѣ дѣло идетъ, какъ видитъ читатель, о мужикѣ или о мужикахъ. Мужикъ еще не Богъ знаетъ какая птица, и всѣмъ намъ извѣстно, что мужиковъ садятъ въ холодную всѣ, и ихъ собственныя волостныя и сельскія власти, и становые, и каждый наѣзжій чиновникъ, такъ, что насчетъ заключенія въ холодныхъ они, т. е. мужики, представляютъ нѣкоторымъ образомъ подобіе куръ, за которыхъ отвѣта никто никому не даетъ, да и требовать таковаго вовсе не принято. Слѣдовательно, исправнику, какъ хозяину города и уѣзда, и Богъ велѣлъ сажать мужика въ холодную, когда вздумается и по винѣ, и безъ всякой вины. Но вотъ слѣдуетъ образчикъ, который касается уже людей благородныхъ и затрогиваетъ особы и наши съ вами, читатель.

«Одинъ господинъ, служащій на коронной службѣ, лѣтъ пятидесяти, баронъ О., пріѣхалъ, 11 числа апрѣля, въ Мелитополь къ знакомому доктору посовѣтоваться относительно своей болѣзни. Вечеромъ, часовъ въ 10, онъ вышелъ

съ своимъ родственникомъ мальчикомъ изъ гостинницы, въ которой остановился, и сѣлъ на крыльцѣ. Выходитъ изъ той же гостинницы мѣстный исправникъ, гдѣ онъ былъ въ гостяхъ у пріѣзжаго губернскаго чиновника, и, проходя мимо барона, накидывая небрежно на себя шинель, зацѣпилъ, какъ говоритъ баронъ, полою своей шинели по его лицу. Не извинившись, какъ бы слѣдовало, за такую неловкость, исправникъ пошелъ далѣе, но баронъ, не зная лично исправника, крикнулъ ему вслѣдъ, плохо произнося по русски: «квартальный, нельзя ли поосторожнѣй!» Такое обращеніе къ исправнику, какъ видно, оскорбило его, такъ что онъ остановился, и тутъ произошло между ними крупное объясненіе. . Всякое поползновеніе на неуваженіе власти должно быть немедленно пресѣкаемо... Вѣроятно, руководствуясь этимъ положеніемъ, исправникъ отправляется въ полицію, беретъ десятскихъ и забираетъ барона въ «кутузку». Напрасно взываетъ баронъ: «да помилуйте, я такой-то, меня знаетъ весь городъ, пошлите къ предводителю дворянства, предсѣдателю управы» и т. д.; наконецъ, посаженный подъ арестъ проситъ свиданія съ исправникомъ, требуетъ сообщить товарищу прокурора — все напрасно, ни что не помогаетъ. Сиди въ кутузкѣ, т. е. въ сыромъ подвалѣ, съ подобранными на улицѣ пьяницами и сиди на полу, усѣянномъ свѣжими изверженіями, сиди на голомъ полу всю ночь, такъ какъ нѣтъ тебѣ и стула! Помни, что ты имѣешь дѣло не съ какимъ-нибудь квартальнымъ!.. Не выдержали нервы 50-ти лѣтняго человѣка, не перенесъ онъ этого посмѣянія и истязанія, и на другой день отправленъ въ больницу, схвативъ нервную горячку («Одесскій Вѣстникъ», № 89).

То, что случилось съ барономъ О. въ Мелитополѣ, то можетъ случиться и во всякомъ другомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ и городишкѣ и со всякимъ — со мной, съ вами, читатель, съ третьимъ, съ десятымъ, однимъ словомъ, со всѣми, въ комъ заподозритъ исправникъ непочтительность къ себѣ. И предупредить этого ничѣмъ нельзя; можетъ васъ бросить каждый самый ледящій исправникъ въ холодную тюрьму и продержать тамъ цѣлые сутки и заставить за это поплатиться иногда нетолько здоровьемъ, а, можетъ быть, и жизнію. Во всякомъ другомъ государствѣ, возмутительный мелитопольской случай вызвалъ бы нетолько громкій протестъ въ литературѣ, нетолько повлекъ бы за собою не менѣе громкій уголовный процессъ, но и въ оффиціальномъ мірѣ возбудилъ бы вопросъ о мѣрахъ, которыми необходимо гарантировать свободу личности каждаго гражданина. У насъ этотъ случай пройдетъ совершенно безслѣдно. Да и кого въ самомъ дѣлѣ это можетъ интересовать, что мелитопольскій исправникъ продержалъ какого-то стараго барона цѣлую ночь въ холодной кутузкѣ и вогналъ его въ нервную горячку? Пресса наша такъ занята коварствомъ Альбіона, ковами Биконсфильда, проливами, будущими границами Болгаріи и тому подобными возвышенными предметами, что еслибы исправники всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ условились съобща ежедневно выдерживать и выдерживали бы въ кутузкѣ по десяти гражданъ, находящихся въ ихъ вѣдѣніи, по собственному выбору, то пресса на это не обратила бы никакого вниманія. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ обращать вниманіе на такіе пустяки, когда коварство Англіи, ковы Биконсфильда

и т. д., и т. д. угрожають территорію новой Болгаріи ограничить, о ужасъ! Балканами? — А безъ голоса прессы, безъ участія общества, что можетъ сдѣлать самъ потерпѣвшій въ отмщеніе за свое поруганное право? - Подать просьбу губернатору?—Но вѣдь извѣстно, что всѣ исправники избираются лично губернаторами и большею частію пользуются и ихъ полнымъ довѣріемъ, а иногда даже расположеніемъ ихъ семействъ. Предположимъ, однакожъ, что дѣло въ настоящемъ случаѣ стоитъ не такъ и губернаторъ передастъ просьбу барона въ губернское правленіе для разсмотрѣнія дѣянія исправника по всей строгости закона; предположимъ даже, что и губернское правленіе не ограничится поставленіемъ на видъ, замѣчаніемъ, выговоромъ, а предастъ исправника суду. Во всемъ этомъ нѣтъ еще ничего страшнаго. Если читатель заглянетъ въ помѣщенную въ нынѣшней книжкѣ журнала статью: «Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ», то онъ увидить, что слѣдствія по преступленіямъ по должности и при нашемъ новомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, тянутся по два и по три года. Слѣдовательно, пока будутъ производиться разныя дознанія и разсмотрѣнія администраціи, пока будутъ тянуться слѣдствіе и судъ, со времени происшествія, т. е. ночевки барона въ кутузкѣ, можетъ пройдти благополучно лѣтъ пять, а, можетъ быть, и шесть. Если баронъ благополучно перенесетъ нервную горячку, въ которую вогналъ его Мелитопольскій исправникъ, и останется къ тому времени здравъ и невредимъ, чего мы ему отъ души желаемъ, то очень можетъ быть, что тогда и онъ самъ, по добротѣ ли сердца или по какимъ нибудь новымъ отношеніямъ, не будетъ давать того значенія перенесенной имъ обидѣ, какое даетъ теперь. Что же касается другихъ, то дѣяніе Мелитопольскаго исправника для нихъ будетъ представляться такимъ давнимъ и старымъ, такимъ незначущимъ въ настоящемъ, что исправникъ навѣрное будетъ оправданъ, а если пользуется расположеніемъ мѣстнаго начальства, то, пожалуй, даже и награду получитъ, что такъ долго страдалъ за правду! (Sic!) Если бы рѣчь шла о частномъ оскорбителѣ, то съ такимъ рѣшеніемъ въ виду давности времени и того, что потерпѣвшій готовъ уже самъ простить ему вину, помириться было бы кой-какъ можно. Но исправникъ есть органъ администраціи, представитель власти. Въ качествѣ представителя власти имя ему легіонъ. Цѣлые полки исправниковъ и становыхъ смотрятъ, какъ отнеслось и относится вообще начальство и судъ къ тому или другому преступному дѣянію кого-нибудь изъ нихъ по должности. Фактъ ненаказанности одного вызоветъ десятки, сотни подобныхъ дѣяній со стороны остальныхъ. Это одна сторона дѣла, а потомъ есть и другая... Позвольте васъ спросить: что еслибы васъ поставить въ положеніе барона, ручаетесь ли вы, что удовольствовались бы подачей губернатору просьбы на противозаконное дѣяніе исправника? Или, еслибы вашего новобрачнаго сына или новобрачную дочь, со всею сопровождающею ихъ свитою, исправ-

никъ засадилъ въ кутузку, имѣли ли бы вы настолько само-обладанія, чтобы не сдѣлать исправнику какой-нибудь непріятности, предусмотрѣнной уложеніемъ о наказаніяхъ? Это, конечно, было бы противузаконіе, но оно при подобныхъ возмутительныхъ дѣйствіяхъ исправниковъ такъ естественно въ человѣкѣ живомъ, имѣющемъ нервы и сердце, что поставьте вы себя на мѣсто присяжнаго засѣдателя на судѣ, вы почувствуете, что тутъ преступленіе не вызывается только, а насильно вынуждается. Надобно представлять себѣ людей каменными, чтобы думать, что каждый изъ нихъ, когда его какой-нибудь уѣздный Держиморда заставитъ, ни за что ни про что, переночевать въ холодной кутузкѣ или такому же наругательству подвергнетъ его новобрачныхъ сына или дочь, будетъ настолько хладнокровенъ и терпѣливъ, что рѣшится искать удовлетворенія за обиду существующимъ законнымъ путемъ, будетъ ждать, пока дѣло его, путешествуя многіе годы по разнымъ административнымъ и судебнымъ инстанціямъ, закончится если не полнымъ оправданіемъ исправника, то объявленіемъ ему строгаго выговора. Да, впрочемъ, тутъ и не въ тяжести наказанія дѣло. Какъ бы ни было тяжело позднее наказаніе, оно не можетъ удовлетворить потерпѣвшаго, потому именно, что оно слишкомъ позднее. Позоръ, нанесенный въ виду цѣлаго общества Держимордою, могъ быть смытъ только немедленнымъ обузданіемъ, немедленною карою послѣдняго. Разъ этого не случилось, Держиморда достигъ вполнѣ своей цѣли, онъ получилъ полное торжество надъ потерпѣвшимъ. Нанесенный позоръ, начиная съ перваго момента во всѣхъ стадіяхъ его развитія, вплоть до того времени, когда о немъ забыло общество, переживетъ потерпѣвшимъ сполна. Его не воротишь изъ жизни потерпѣвшаго также, какъ не воротишь влѣпленнаго въ спину кнута или плети. Но и въ видахъ правосудія, позднее наказаніе въ данномъ случаѣ нетолько безцѣльно, но и вредно. Оно доказываетъ не безсиліе, а силу Держимордъ; ибо для всякаго дѣлается очевиднымъ, что каждый Держиморда въ настоящемъ есть всегда господинъ положенія и противъ него не можетъ защитить васъ никакой законъ. Если ему вздумается, онъ можетъ васъ ни-за-что ни-про-что бросить въ тюрьму, продержать тамъ сколько ему вздумается, изолировать отъ всѣхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, и слѣдовательно даже отъ возможности протеста, и потомъ выпустить, а можетъ, пожалуй, и хуже что-нибудь сдѣлать, потому что въ кутузкѣ онъ полный хозяинъ... И все это ничего. Правда, вы можете потомъ жаловаться, и, можетъ быть, на ваше счастье, которое—надобно замѣтить—достается на долю очень немногихъ—и не безуспѣшно: въ васъ приметъ участіе и губернаторъ, и губернское правленіе, Держиморду предадутъ слѣдствію, суду... Но когда то улита еще пріѣдетъ и что то будетъ... А онъ, Держиморда, свое дѣло все-таки сдѣлалъ.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что, при существующихъ у

насъ порядкахъ, уставомъ новаго уголовнаго судопроизводства свобода личности каждаго гражданина также не гарантирована отъ произвола полиціи, какъ она не гарантирована была и прежде. Власть полиціи относительно взятія подъ стражу остается также неограниченною, какъ неограничена была и прежде, и такою будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ учреждены такія иституціи, при которыхъ наглое попраніе закона чиновниками сдѣлается немыслимымъ, въ особенности когда дѣло касается свободы личности, неприкосновенности жилища, или пока, по крайней мѣрѣ, каждому, подвергшемуся взятію подъ стражу безъ уважительныхъ причинъ, противузаконно, не будетъ предоставлено право вчинать иски противъ подлежащихъ чиновъ полиціи или администраціи не тѣмъ порядкомъ, какой установленъ для преступленій по должности, а прямо черезъ прокурорскій надзоръ, тѣмъ же порядкомъ, *какимъ преслѣдуются* и другія преступленія.

Въ одномъ изъ №№ «Голоса» было сообщено слѣдующее извѣстіе: по соглашенію государственнаго контроля и военнаго министерства, учреждена особая комиссія для провѣрки счетовъ товарищества по продовольствію войскъ въ дѣйствующей арміи въ Бухарестѣ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ числящійся по военному министерству полковникъ Н. А. Боровковъ. Въ составъ комиссіи вошли три члена отъ государственнаго контроля, два чиновника, посланные въ Бухарестъ главнымъ интендантскимъ управленіемъ, и три члена отъ бухарестскаго интендантскаго управленія. Извѣстіе это очень пріятно, тѣмъ болѣе, что оно совсѣмъ неожиданно; ибо никто не думалъ, чтобы и на сей разъ отступили отъ извѣстныхъ русскихъ, обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ практикуемыхъ пословицъ: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», или: «сора изъ избы не выносить» и т. п. А еще пріятнѣе было бы услышать, что комиссія исполнила свое дѣло самымъ тщательнымъ образомъ, что участвующіе въ комиссіи представители государственнаго контроля оказались достойными сдѣланаго имъ порученія и вполнѣ во всѣхъ подробностяхъ раскрыли злоупотребленія товарищества и предали всѣхъ виновныхъ заслуженной карѣ. Кромѣ того, было бы желательно, чтобы преслѣдованіе не ограничилось только товариществомъ Горвица, Когана и Грегера, а были наряжены подлежащимъ начальствомъ комиссіи для изслѣдованія дѣйствій и другихъ товариществъ, непримѣръ, *сухарныхъ*, которыя хотя и были чисто русскія, и все изъ лицъ интеллигентныхъ, но охулки на руку не положили и раззорили, надобно полагать, не мало тысячь народу.

Исторія этихъ *сухарныхъ* товариществъ, по разсказу кіевскаго корреспондента «Голоса» (№ 101) была слѣдующая:

Сначала передъ выступленіемъ въ походъ, когда войска наши стояли въ Кишиневѣ, заготовленіе сухарей шло хозяйственнымъ образомъ и войска заготовили для себя около 200,000 пудовъ сухарей. Съ выступленіемъ въ походъ, когда таковое заготовленіе дѣлалось затруднительно и вовсе невозможно, интендантство поставку сухарей отдало разнымъ предпринимателямъ и товариществамъ. Таковы были товарищества: 1) Шереметева, Оболенскаго и комп.; 2) Баранова, Данилевскаго (кажется, профессоръ?) и комп.; 3) Посохова и др. Всѣ эти поставщики взялись изготовить по 850,000 пудовъ сухарей къ 10 декабря—въ срокъ сравнительно очень короткій—надѣясь, что при машинно фабричномъ производствѣ такое громадное количество поставить будетъ не трудно. Но эти надежды рухнули. Товарищество Баранова-Данилевскаго къ 10 декабря приготовило всего 30,000 пудовъ; Бобринскій, думавшій высушивать въ своихъ сушильняхъ до 4,000 пудовъ въ день, вмѣсто этого могъ высушивать только около 200 пудовъ.

Интендантство, видя неисправность товариществъ, принуждено было заготовлять сухари въ Румыніи по цѣнамъ гораздо болѣе дорогимъ, товариществамъ же въ Россіи дало знать, что, вслѣдствіе ихъ неисправности, сухари отъ нихъ будутъ приниматься лишь по мѣрѣ надобности. Но въ это время секретъ быстраго и дешоваго приготовленія сухарей былъ открытъ евреями. Принимая на себя изъ вторыхъ и третьихъ рукъ поставку сухарей небольшими партіями, евреи отдавали печь сухари крестьянамъ и другимъ мелкимъ хозяевамъ и успѣвали такимъ образомъ исполнять своевременно свои маленькіе подряды, приготовлять сухарей болѣе, чѣмъ приготовлялось машинами Тоже попыталось сдѣлать, бросивъ свои машины и фабрики, и товарищество Баранова-Данилевскаго и въ одинъ мѣсяцъ получило 200,000 пудовъ! Этотъ быстрый способъ приготовленія сухарей вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался и самымъ дешевымъ и сулилъ товариществу громадные барыши. Товарищество Баранова-Данилевскаго, получало отъ интендантства 2 р. 55 к. за пудъ сухарей съ доставкою въ Унгены; доставка до Унгенъ за пудъ стоила 35 к.; слѣдовательно за пудъ сухарей на мѣстѣ товарищество получало 2 р. 20 к. Между тѣмъ, товарищество могло сдать поставку сухарей мелкимъ предпринимателямъ по 1 р. 70 к. съ пуда при принудительномъ взятіи муки у товарищества, съ платою 80 к. за пудъ (53 фунта на одинъ пудъ сухарей), при дѣйствительной стоимости ея на мѣстѣ 60 — 65 к. Товарищество пріобрѣтало чистой пользы 50 и 30 к. на мукѣ (такъ какъ на пудъ сухарей идетъ 67—80 фунтовъ хлѣба), итого 80 к. на пудъ».

Гешефтъ представлялся, какъ видитъ читатель, великолѣпный! Можно было ни за что ни про что получать по 80 к. на пудъ сухарей, а пудовъ могли потребоваться милліоны!—Но чтобы совершить этотъ великолѣпный гешефтъ, предстояло сдѣлать маленькое мошенничество или маленькую подлость, какъ хотите на-

зовите, а именно: надобно было мелкимъ предпринимателямъ не объявлять о томъ, что товарищество въ своемъ подрядѣ на поставку сухарей оказалось уже не состоятельнымъ, и что отъ него будутъ приниматься сухари только по мѣрѣ надобности, по волѣ и усмотрѣнію интендантства, что̀ равносильно почти тому, что могутъ и со всѣмъ не приниматься.

И товарищество Баранова-Данилевскаго рѣшилось на это. Оно заподрядило мелкихъ хозяевъ готовить сухари въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по 1 р. 70 к. за пудъ, скрывъ отъ нихъ и свою несостоятельность передъ казною, и что вслѣдствіе этой несостоятельности, у него отнято право на поставку сухарей.

Обманутая мелюзга съ жаромъ принялась за дѣло. Правда, изъ 1 р. 70 к. за пудъ приготовленныхъ сухарей съ доставкою на станцію желѣзной дороги, барыша ей оставалось очень не много, по разсчету корреспондента, не болѣе 10 к. съ пуда [1]; но мелюзга, которой, по пословицѣ: «не до жиру, быть бы живу», была рада и этому. «Бо̀льшею частію, говоритъ корреспондентъ, это былъ народъ бѣдный, который радъ былъ тому, что въ зимнее время нашелся спросъ на его трудъ. При общемъ застоѣ въ требованіяхъ на рабочія руки, при отсутствіи торговли и предпріятій, бѣдное населеніе радо было, что нашло себѣ дѣло; кто посостоятельнѣе, строилъ сушилки; другіе же строили печи для приготовленія сухарей; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были выстроены сушильни, кажется, все бѣдное населеніе взялось за дѣло». Много людей убили на это дѣло «послѣднія крохи, надѣлали долговъ въ виду будущихъ заработковъ». Какъ вдругъ, въ январѣ, когда, по условію оставалось для производства чуть не два мѣсяца, товарищество объявило, что «*принимать болѣе сухарей не намѣрено и не считаетъ себя связаннымъ какими нибудь условіями*. Мы, продолжаетъ корреспондентъ, были въ то время свидѣтелями того отчаянія и картины раззоренія, которое постигло населеніе. Толпы рабочихъ, по 800 человѣкъ, ходили по улицамъ, съ воплемъ о томъ, что они не вознаграждены; нѣсколько дней они оставались безъ крова, а потомъ скоро очутились и безъ хлѣба, такъ какъ испеченные сухари питали ихъ всего нѣсколько дней. Предприниматели, настроившіе заводы и сушилки, разумѣется, окончательно раззорены». «Теперь эта бѣдность, замѣчаетъ корреспондентъ:—имѣетъ печи, сушилки и цѣлые заводы, изъ которыхъ многіе выстроены на чужой землѣ, причемъ аренда взята на короткій срокъ, такъ что требуются новые убытки за снесеніе построекъ. Одинъ изъ представителей товарищества эксплуататоровъ, говорятъ, уже бѣжалъ за границу; другіе представители этой же компаніи хлопочутъ передъ правитель-

---

[1] «На одинъ пудъ сухарей требуется муки 58 ф. (80 к.) 1 руб. 7 к., хлѣба (67—70 фунт.) 10 коп., топлива на хлѣбъ 5 к., топлива на сухари 7 к., рабочіе и сушильщики 10 к., надзоръ 5 к., непредвидѣнные расходы 5 к., мѣшокъ 8 к., доставка къ вокзалу 3 к., итого 1 р. 60 к.».

своимъ, чтобы оно заплатило товариществу убытки. Интересно знать, считаетъ ли своимъ долгомъ товарищество заплатить убытки своимъ истиннымъ работникамъ, или же эти убытки населенія останутся барышомъ эксплуататоровъ?»

Нѣтъ, г. корреспондентъ, это нисколько не интересно, ибо впередъ извѣстно, что ни эксплуататоръ бѣжавшій, ни эксплуататоръ оставшійся здѣсь и не подумаютъ объ обманутомъ и раззоренномъ ими народѣ, разъ они имѣли наглость объявить ему, что они не считаютъ себя связанными съ нимъ никакими условіями; а вотъ что интересно: неужели это товариществу Баранова-Даниленскаго сойдетъ съ рукъ? Неужели ихъ не посадятъ на скамью подсудимыхъ, чтобъ они, по крайней мѣрѣ, выяснили, что̀ побудило ихъ на такое мошенничество, и чтобы цѣлая Россія знала, что подобныя обманныя дѣйствія, направленныя на раззореніе неграматнаго народа, кѣмъ бы ни были они совершены, у насъ преслѣдуются безъ всякаго послабленія и снисхожденія?

Не менѣе интересно знать: что будетъ сдѣлано и по вопросу о погонцахъ? Дѣло это было также вопіющее, повлекшее за собою безчисленныя раззоренія, и совершено оно было также обманнымъ образомъ. Варшавскій и его агенты набрали тысячи крестьянъ-подводчиковъ въ губерніяхъ Херсонской, Полтавской, Черниговской и югозападныхъ губерніяхъ, съ условіемъ, что они будутъ заниматься извозомъ только внутри имперіи. Между тѣмъ, ихъ погнали за границу, въ Румынію, въ Болгарію. Здѣсь, при страшной дороговизнѣ, при невылазныхъ дорогахъ, при отсутствіи всякихъ средствъ для содержанія себя и лошадей, погонцы нетолько лишились своихъ лошадей, но многіе изъ нихъ перемерли сами—одни отъ тифа, другіе замерзли, оставшіеся въ живыхъ возвращаются на родину голодные, оборванные, безъ гроша въ карманѣ даже на проѣздъ и пропитаніе въ дорогѣ. Напрасно они толкаются ко всевозможнымъ начальствамъ съ просьбою войти въ ихъ положеніе; имъ вездѣ отказываютъ за неимѣніемъ *юридическихъ доказательствъ!* Черезъ одну Одессу ихъ ежедневно проходятъ сотни; въ Одессѣ находится контора Варшавскаго, ихъ раззорившаго, а начальство считаетъ себя не въ правѣ, дабы за неимѣніемъ *юридическихъ доказательствъ*, выслушать показанія тысячъ людей и обязать контору Варшавскаго уплатить за ихъ проѣздъ и пропитаніе. Какія же еще нужны юридическія доказательства, когда есть свидѣтельство тысячъ людей!? Отобраніе показаній отъ всѣхъ проходящихъ погонцевъ было бы необходимо уже и для того, чтобы, какъ говоритъ одесскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», «добраться до корня погонщицкаго вопроса и воздать военнымъ промышленникамъ, что̀ ими заслужено». Говорятъ, что агенты Варшавскаго позволяли себѣ самыя возмутительныя насилія надъ погонщиками—начиная отъ сторублевыхъ штрафовъ до битія нагайками и кнутомъ. Нельзя не отдать чести капитану надъ Одесскимъ Портомъ, г. Вейсу;

онъ распорядился съ конторой Варшавскаго по отношенію къ погонцамъ по военному, какъ и слѣдуетъ всякому начальству распоряжаться въ виду такихъ живыхъ уликъ, какъ тысячи людей голодныхъ, оборванныхъ, неимѣющихъ что ѣсть.

«На дняхъ, пишетъ помянутый одесскій корреспондентъ: — прибыла въ Одессу значительная партія погонцевъ на одномъ изъ пароходовъ «русскаго общества» и прибыла безъ корки хлѣба въ сумахъ. Капитанъ парохода потребовалъ отъ погонцевъ билетовъ на проѣздъ, — ихъ не оказалось; потребовалъ денегъ, — тоже не оказалось. Вышло недоразумѣніе, для разрѣшенія котораго приглашенъ былъ капитанъ надъ портомъ г. Вейсъ. Погонцы обступили его со всѣхъ сторонъ, съ плачемъ и рыданіями разсказывали свои страданія въ Румеліи, просили защиты, покровительства, просили законнаго разслѣдованія ихъ несчастій, просили отправить ихъ «къ начальству». Вышла одна изъ тѣхъ сценъ, хватающихъ за сердце, которыя можетъ понять и прочувствовать только очевидецъ. Послѣ долгихъ разспросовъ и многихъ совѣщаній, г. Вейсъ узналъ отъ одного изъ частныхъ зрителей, что въ Одессѣ имѣется отдѣленіе конторы г. Варшавскаго и что завѣдываетъ этимъ отдѣленіемъ нѣкій Кауфманъ. Одинъ изъ таможенныхъ сторожей отправленъ былъ за этимъ агентомъ, который дѣйствительно въ скорости и явился самолично. Отъ него потребовали уплаты за проѣздъ погонцевъ. Болѣе трехъ часовъ длились препирательства между агентомъ и г. Вейсомъ, но все-таки агентъ не соглашался заплатить и отговаривался «незнаніемъ» даже самого г. Варшавскаго. Составили протоколъ и вмѣстѣ съ агентомъ препроводили къ мировому судьѣ; сейчасъ же послѣдовало и рѣшеніе о взысканіи, и судьей выданъ былъ исполнительный листъ. Несмотря на это, агентъ все-таки продолжалъ упорствовать и затѣмъ пытался войти въ сдѣлку съ капитаномъ парохода: «Возьмите 50, ну 60, ну 65%. . Больше не дамъ». И только когда агенту пригрозили немедленнымъ арестомъ, онъ заплатилъ всю слѣдуемую сумму. Тѣмъ не менѣе партія погонцевъ все-таки очутилась на улицахъ Одессы безъ гроша за душой и безъ куска хлѣба.

Еслибы гражданское начальство дѣйствовало также энергически, какъ капитанъ Вейсъ, то погонцы не были бы и безъ хлѣба. Въ Систовѣ идетъ теперь, говорятъ, слѣдствіе о погонцахъ. Что это за слѣдствіе и какую оно имѣетъ цѣль, мы не знаемъ. Очень можетъ быть, что это не болѣе, какъ простое собраніе свѣденій о погонцахъ, претерпѣвшихъ убытки, съ цѣлію по возможности вознаградить хотя часть этихъ убытковъ насчетъ обманувшихъ ихъ подрядчиковъ. По всей вѣроятности, подрядчики, которые платили погонцамъ половинную цѣну того, что получали сами за подводы, охотно согласятся дать въ пользу потерпѣвшихъ погонцевъ еще четверть того, что они получили за подводы сами; все-таки у нихъ еще останется четверть въ барышѣ. На нашъ взглядъ это вовсе не рѣшеніе дѣла. Подобная миролюбивая сдѣлка не была бы рѣшеніемъ дѣла даже и въ томъ случаѣ, еслибы подрядчики согласились отдать погонцамъ не только все, что они получили сами за подводы, но прибавили еще столько же изъ своего кармана. Единственное рѣшеніе дѣла здѣсь преданіе публичному суду подрядчиковъ, обманомъ разорившихъ несчастныхъ погонцевъ. Ибо вопросъ здѣсь идетъ вовсе не о томъ только, чтобы вознаградить погонцевъ, которыхъ

вполнѣ за все ими претерпѣнное теперь вообще вознаградить невозможно, а тѣхъ, которые умерли, даже и нѣсколько вознаградить нельзя, а о томъ, чтобы сдѣлать извѣстными и предать должной карѣ тѣхъ подрядчиковъ, которые посредствомъ мошенничества ограбили и раззорили тысячи народа, и такимъ образомъ сдѣлать для нихъ подрядъ на будущее время невозможнымъ, другимъ же подрядчикамъ дать понять, что за подобное грабительство и раззореніе народа они никогда не будутъ оставаться не наказанными.

Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что ни война, ни голодъ, ни наводненія и т. п., однимъ словомъ, ничто такъ не подрываетъ благосостоянія народа, какъ обманы разнообразныхъ подрядчиковъ и нанимателей, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе размножающіеся и принимающіе все болѣе и болѣе грандіозныя формы. И это не въ военное только время. Тоже самое продѣлываютъ подрядчики, наниматели, поставщики и въ мирное время, только въ меньшихъ, конечно, размѣрахъ. Исторія всѣмъ извѣстная—каждогодно по нѣскольку разъ въ году повторяющіеся, такъ называемые бунты рабочихъ противъ своихъ хозяевъ-подрядчиковъ на желѣзныхъ дорогахъ, и въ разныхъ другихъ промышленныхъ наймахъ. Бунты эти приготовляются такимъ образомъ: подрядчики, заманивая къ себѣ обыкновенно безграматныхъ рабочихъ, на словахъ сулятъ имъ золотыя горы, предлагаютъ условія самыя льготныя и выгодныя, въ условіяхъ же, совершаемыхъ въ волостныхъ правленіяхъ, благодаря ворожбѣ волостныхъ старшинъ и писарей, пишутъ совсѣмъ другое. Рабочіе, прибывъ на мѣсто, проработавъ здѣсь нѣсколько недѣль, и видя, что имъ не даютъ ничего, что̀ было обѣщано на словахъ, ни помѣщенія порядочнаго, ни пищи порядочной,—мало того: обсчитываютъ даже въ платѣ, натурально, начинаютъ сначала роптать и требовать, чтобы исполнялось все по условію, что̀ имъ было обѣщано. Но такъ какъ ничего не исполняется, а между тѣмъ и въ разсчетѣ имъ отказываютъ, то они бросаютъ работу и идутъ въ городъ съ жалобою къ властямъ. Тогда туда же летятъ съ своими письменными условіями подрядчики и, на основаніи ихъ, доказываютъ, что они исполняютъ все то, что должны были исполнять по этимъ условіямъ, что только по лѣности, пьянству, подстрекательству такихъ-то изъ рабочихъ (имярекъ) рабочіе бунтуются. Кончается эта исторія, благодаря ловкости подрядчиковъ, большею частію тѣмъ, что для усмиренія рабочихъ же, подрядчикомъ обсчитанныхъ, вогнанныхъ въ болѣзни, раззоренныхъ, является военная команда. А еслибы подлежащія власти при каждомъ подобномъ случаѣ, вмѣсто того, чтобъ полагаться на условія, представляемыя подрядчиками, обращали вниманіе на жалобы рабочихъ и вмѣсто команды предоставляли суду, посредствомъ строгаго слѣдствія, изслѣдовать: не обманнымъ ли образомъ составлены означенныя письменныя условія, тогда дѣло навѣрное каждый разъ прини-

мало бы другой оборотъ. Подрядчики и всѣ помогавшіе имъ въ обманѣ попадали бы на скамью подсудимыхъ и, кромѣ удовлетворенія рабочихъ за всѣ протори и убытки, несли бы уголовную кару. Стоило бы всего нѣсколько разъ проучить такимъ образомъ подрядчиковъ—и тогда навѣрное исчезли бы навсегда и обманныя условія, и бунты рабочихъ. Теперь же подрядчикамъ—лафа; безвинное преслѣдованіе разворенныхъ рабочихъ по обманнымъ условіямъ, безнаказанность составителей такихъ обманныхъ условій даетъ подрядчикамъ, при помощи ихъ, полную возможность раззорять народъ сколько угодно. Вотъ и недавно еще въ «Новомъ Времени» (№ 757) сообщено было слѣдующее извѣстіе изъ деревни Липокъ Шлиссельбургскаго уѣзда:

400 или 500 человѣкъ рабочихъ (крестьяне Тверской губ.), нанятыхъ гидротехнической компаніей на работы по очисткѣ канала Императора Александра II, 31-го марта и 1-го апрѣля не пошли на работу, требуя разсчета и выдачи паспортовъ. Причины подобнаго явленія, по показаніямъ выборныхъ изъ среди рабочихъ, слѣдующія: условія найма писались въ волостныхъ правленіяхъ почти безъ участія нанимаемыхъ. Отъ этого произошла разница въ условіяхъ, предлагавшихся лично крестьянамъ однимъ изъ компаніоновъ, и въ условіяхъ, написанныхъ въ правленіяхъ. Такъ, въ случаѣ, если рабочій раньше срока откажется работать, «платитъ компаніи неустойку—25 руб.» Между тѣмъ объ этомъ пунктѣ условія крестьяне не знали до послѣдняго времени. Работа на тачкахъ—говорено было рабочимъ—начнется съ мая, а началась съ 15 марта. Но и письменныя условія найма не выполнялись, какъ слѣдуетъ. Рабочіе, явившись на мѣсто работъ, должны были найдти готовыми: квартиры, баню, удовлетворительную пищу (щи со снетками или горохъ и гречневую кашу, и квасъ). Между тѣмъ, бани и кваса не было до послѣдняго времени. Кушанье варилось на открытомъ воздухѣ и, за недостаткомъ дровъ или отъ небрежности «кухарей», было часто сырое и притомъ въ недостаточномъ количествѣ. Приказчики, завѣдующіе кладовыми, обвѣшивали и обмѣривали. Приказчики же, слѣдящіе за ходомъ работъ, не совсѣмъ гуманно обращались съ рабочими: надъ боками рабочихъ упражнялись здоровенные приказчичьи кулаки, а съ языка сыпались брань и сарказмы. Одного изъ рабочихъ приказчикъ самовольно арестовалъ. Дорогу отъ Твери до Тосны многіе изъ рабочихъ, за неимѣніемъ денегъ на билеты, ѣхали по подлавкамъ вагоновъ, согнувшись въ три погибели, не смѣя выйдти оттуда, чтобы расправить онѣмѣвшіе члены, подъ опасеніемъ быть пойманными, а отъ Тосны до мѣста работъ должны были идти христовымъ именемъ.

Хотя я не знаю представителей гидротехнической компаніи, заправляющихъ дѣлами этой компаніи, но предполагаю, что это должно быть все люди интеллигентные, которые въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, пожалуй, горой стоятъ за мужика; а на дѣлѣ—видите, что выходитъ—не стыдятся нетолько держать въ проголодь своихъ рабочихъ, а даже бить ихъ, чего нынѣ не водится, пожалуй, и у людей непросвѣщенныхъ. А еще болѣе зазорно для интеллигентныхъ представителей компаніи, что они не стѣсняются, подобно какимъ-нибудь темнымъ Ицкамъ, унижаться до того, чтобы писать мошенническія (извините за выраженіе; иначе назвать трудно) условія даже на закабаленіе рабочихъ. Шутка ли сказать, что рабочій, отказывающійся ранѣе срока

отъ работы, долженъ заплатить неустойки 25 р. А сколько онъ получаетъ заработной платы въ день?—Вѣроятно, 50 или 40 к. въ день, если не 25 или 20 к., такъ какъ теперь при общемъ застоѣ, рабочія руки ни по чемъ.

Очень интересенъ разсказъ одного изъ бывшихъ нанимателей, помѣщенный въ 83 № покойнаго «Сѣвернаго Вѣстника», о томъ: какъ нанимаются подрядчиками рабочіе и какъ фабрикуются и объявляются послѣдними обманныя условія. Въ Пермской Губерніи для сплава судовъ съ металлами, и также съ съѣстными продуктами, саломъ, пшеницею и проч., внизъ по рѣкѣ Чусовой до Перми, ежегодно нанимается рабочихъ до 40,000 ч. Этотъ наемъ въ разныхъ уѣздахъ производится различнымъ образомъ. Въ Кунгурскомъ Уѣздѣ къ нанимателю являются такъ называемые десятники, выбираемые желающими наниматься въ рабочіе съ *одобреніями*, въ которыхъ значится, что такіе-то, желая наняться, поручаютъ такому-то порядиться за нихъ и получить задатокъ. Десятникъ, явившись къ нанимателю, начинаетъ съ того, что требуетъ магарыча отъ нанимателя, отъ 20 до 50 к. за каждаго поименованнаго въ одобреніи, котораго онъ можетъ *«заложить»*, т. е. отдать въ наемъ. Затѣмъ, когда на счетъ магарыча дѣло сдѣлано, устанавливается плата рабочему, обыкновенно 8 руб. за сплавъ до Перми. Съ рабочихъ, которыхъ *въ одобреніи* бываетъ иногда до 80, десятникъ получаетъ по 3 копейки съ человѣка за то, что имъ купленъ былъ 20-копеечный гербовый листъ для написанія одобренія. Но этимъ дѣло не кончается. Наниматель съ каждаго рабочаго долженъ дать не менѣе 50 коп. волостному старшинѣ, иначе или условіе не будетъ составлено, или нанявшіеся рабочіе наймутся къ другому подрячику, или, наконецъ, не явятся всѣ къ сроку на пристань. Въ Пермскомъ, Соликамскомъ и Осинскомъ уѣздахъ наниматели сами ѣздятъ по волостямъ. Здѣсь торгъ о магарычѣ идетъ съ волостнымъ старшиной и писаремъ за приличнымъ угощеніемъ, и когда дѣло улаживается, то собирается сходъ желающихъ рядиться, которому ставится извѣстное количество вина для угощенія, а кромѣ того дается рублей по 5 нѣсколькимъ горланамъ. Въ случаѣ недостачи желающихъ рядиться на сплавъ, старшина составляетъ списокъ *недоимщиковъ*, которыхъ всегда въ волости довольно, и приказываетъ имъ немедленно явиться въ волость и внести недоимки. При одномъ такомъ случаѣ присутствовалъ корреспондентъ-наниматель и разсказываетъ слѣдующее: «крестьяне-недоимщики, по требованію старшины, явились; кто принесъ деньги, тотъ и освободился; грозный старшина не дѣлалъ отсрочки ни на одинъ день; крестьяне валялись въ ногахъ у своего начальника, но отсрочки не могли получить, и отправились на сплавъ невольниками за ту цѣну, за какую за нихъ подрядился старшина. *Въ условіи, однако-жъ, было сказано, что они порядились по собственной своей волѣ добровольно и непринужденно* (чего, разумѣется, въ слухъ передъ сходомъ не чи-

тается)». Въ Осинскомъ Уѣздѣ по р. Тулвѣ, гдѣ проживаютъ башкиры, бо́льшею частію не умѣющіе говорить по-русски, рабочіе изъ башкиръ вообще заподряжаются «свободно» старшинами на сплавъ, яко-бы за подати, хотя все дѣло зависитъ отъ величины магарыча старшинѣ, а на то, удовлетворительна ли плата рабочему, не обращается никакого вниманія, такъ что условленной платы недостаетъ даже на пропитаніе рабочему. Такъ за 4 или 5 рублей, рабочій долженъ пройти отъ мѣстожительства верстъ 200 до пристани и, нагрузивъ судно, жить здѣсь, если по многоводью или маловодью плыть тотчасъ нельзя, иногда двѣ или три недѣли. А жить на пристани, гдѣ иногда собирается до 4,000 и въ одной крестьянской избѣ помѣщается по 30 ти и болѣе человѣкъ, бываетъ очень дорого. Вообще, говоритъ корреспондентъ-наниматель, «рабочему въ большинствѣ случаевъ по сплавѣ судна въ Пермь, не причитается получить ни копейки, притомъ еще надо пройти до своего дома около 100 верстъ».—Еще одна любопытная подробность относительно того, до какой степени доходятъ обманы рабочихъ при наймѣ. Рабочіе, обыкновенно, нанимаются прибыть на пристань къ 5-му апрѣля, а если весна наступитъ ранѣе, то и ранѣе этого числа, и работать за условленную плату до 1-го мая, а съ 1-го мая получать поденную плату по 40 или 50 копеекъ въ день. Но рабочіе на это не охотно соглашаются: для нихъ каждый майскій день очень дорогъ, и они требуютъ, чтобы съ 1-го мая, была новая ряда, а въ условіи пишется совсѣмъ другое, но этого другого имъ, конечно, не читаютъ. По дорогѣ рабочіе узнаютъ, что обмануты, но дѣлать нечего; иногда подымается только сильный ропотъ и неудовольствія. Но «и противъ этого, говоритъ корреспондентъ-наниматель, есть средства: такъ, напримѣръ, распорядитель одного каравана въ подобномъ случаѣ, прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: онъ утвердилъ вторую ряду (т. е. послѣ 1 мая) и выдалъ ее каждому рабочему на руки, но тотчасъ же далъ знать пермской полиціи и попросилъ ее, по прибытіи каждаго судна къ мѣсту назначенія, отобрать у рабочихъ деньги, полученныя противъ контракта, что, разумѣется, и было исполнено».

Вотъ видите, какъ въ Перми все благоустроено и организовано! Даже полиція губернскаго города Перми считаетъ себя обязанною, по требованію каждаго проходимца, обирать изъ кармановъ рабочихъ заработанныя деньги и дѣлаетъ это собственною властію, не доводя до свѣденія суда? А мы все болтаемъ о бѣдствіяхъ кулiевъ? Чѣмъ же эти несчастные наши собственные кули лучше?

Да, если не желаютъ, чтобы Россія была въ конецъ раззорена, то мы рекомендуемъ неопустительно преслѣдовать, т. е. предавать публичному суду всѣхъ подрядчиковъ, нанимателей, поставщиковъ за обманно заключенныя условія, и начать преслѣдованіе теперь же немедленно преданіемъ суду разныхъ

товариществъ, дѣйствовавшихъ во время войны, не щадя при этомъ ни ихъ пособниковъ, ни попустителей, какъ бы они высоко ни стояли. — Безъ этого, ни предполагаемый подоходный всесословный налогъ въ облегченіе мужика, ни предполагаемыя колонизаціи изъ мѣстъ малоземельныхъ — ничто не поможетъ. Народъ непремѣнно будетъ раззоренъ мошенническими условіями, выдаваемыми за легальныя, въ чемъ примутъ участіе нетолько безчисленные темные Ицки, но и просвѣщенные представители разныхъ желѣзнодорожныхъ и вообще акціонерныхъ обществъ, и даже управители такихъ просвѣщенныхъ филантроповъ, какъ Павелъ Ивановичъ Демидовъ, котораго служащіе, по словамъ корреспондента-нанимателя, «точно также, какъ и другіе, закабаляютъ себѣ рабочихъ обманными условіями». Мужику не останется ничего тогда болѣе дѣлать, какъ бѣжать изъ мѣста своего жительства, чтобы не быть отданнымъ кому нибудь въ вѣчную кабалу, такъ точно, какъ онъ бѣгалъ отъ закрѣпощенія въ продолженіе всего царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича.

А, впрочемъ, куда и бѣжать въ наше время, когда вездѣ одно и тоже и когда, благодаря телеграфамъ и желѣзнымъ дорогамъ, васъ быстро найдутъ вездѣ и представятъ къ водворенію на мѣстѣ жительства. То ли дѣло было во время оно—въ блаженное царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича, когда человѣкъ былъ также безсиленъ противъ лежавшаго надъ нимъ мѣстнаго гнета, какъ теперь, но когда имѣлъ возможность цѣлую жизнь бѣгать отъ людей, желавшихъ закабалить его свободу, отъ своихъ притѣснителей въ образѣ властей, отъ судей неправедныхъ и т. д. Теперь мы знаемъ только одно мѣсто, гдѣ мужику лафа— это Семирѣченскій край. Почтенный начальникъ его, прилагая всѣ заботы о томъ, какъ бы поскорѣе обрусить край, поставилъ тамъ русскаго мужика по отношенію къ инородческому населенію на такую высоту, какою внутри Россіи, вѣроятно, не всегда пользуются и особы начиная съ IV класса и выше. Такъ въ «Туркестантскихъ Вѣдомостяхъ», между прочимъ, напечатанъ слѣдующій циркуляръ военнаго губернатора Семирѣченской области, генералъ-лейтенанта Колпаковскаго:

«При объѣздѣ области мною между прочимъ неоднократно замѣчалось, что киргизы, дѣлая заявленіе на лицъ крестьянскаго сословія, называютъ ихъ «мужиками»; хотя я и указывалъ на это уѣзднымъ начальникамъ, требуя, чтобы они учили киргизъ относиться къ нашимъ *колонизаторамъ* (видите, какъ тамъ почтенъ мужикъ? даже колонизаторомъ называется, точно нѣмецъ-американскій!) въ выраженіяхъ вѣжливой формы, но требованія мои имѣли мало успѣха.

«Вслѣдствіе чего, вынужденнымъ нахожусь предписать гг. уѣзднымъ начальникамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы на будущее время киргизы называли крестьянъ не мужиками, а крестьянами».

Такъ видите ли, какъ дѣла стоятъ въ Семирѣченскомъ краѣ. Мы здѣсь въ печати мужика называемъ мужикомъ, да и самъ мужикъ иначе себя не называетъ, какъ мужикомъ. А въ Семирѣ-

ченскомъ краѣ, это бранное слово и чуть киргизъ осмѣлился произнести его, какъ за нимъ выросъ уже уѣздный начальникъ: ты говоритъ, какъ смѣешь такъ непочтиво называть нашего колонизатора! Любопытно, однакожъ, знать, какими мѣрами уѣздные начальники приводятъ въ исполненіе предписаніе семирѣчинскаго военнаго губернатора? Что они дѣлаютъ съ киргизомъ, который обмолвится и вмѣсто крестьянинъ скажетъ: мужикъ. Наставленіе что ли даютъ, въ кутузку сажаютъ, а съ рецидивистами поступаютъ, быть можетъ, и еще строже. Да и комиссія для уѣздныхъ начальниковъ, должно быть, не малая научить всѣхъ киргизъ говорить вмѣсто мужикъ крестьянинъ. Въ Россіи нѣкоторыя инородческія племена, напримѣръ, чуваши, черемизы живутъ среди русскаго населенія, и нѣкоторыя изъ нихъ крещены болѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ, но и до сихъ поръ не пріучились нетолько къ употребленію галантныхъ выраженій относительно мужика, а и генераловъ не выучились называть: ваше превосходительство, а говорятъ, обращаясь къ нимъ: или бачка, или много что янаралъ. И, однако, Россія отъ этого нисколько не пострадала. А я думаю, что она въ лицѣ чувашъ и черемисъ, значительно пострадала бы, еслибы на становыхъ возложить обязанность учить ихъ, чтобы они не смѣли называть русскаго мужика мужикомъ, а называли бы его крестьяниномъ. Надобно полагать, что въ Семирѣченскомъ краѣ, уѣздные начальники не завалены работой, если на нихъ, помимо ихъ прямыхъ обязанностей, возлагаются такія не свойственныя имъ обязанности чисто гувернерскія—обучать киргизъ галантности...

Нынѣшней зимой по Петербургу ходили нѣкоторое время таинственные слухи о томъ, что въ редакціи разныхъ газетъ приносили письма какой-то, находящейся на войнѣ, студентки — письма очень интересныя, но что редакціи отказались печатать эти письма, потому, дескать, что было бы скандаломъ печатать письма, въ которыхъ мужской медицинскій персоналъ, дѣйствующій на войнѣ, представляется въ такомъ гнусномъ видѣ по отношенію къ женщинамъ-студенткамъ, сестрамъ милосердія, съ такими скотскими вожделѣніями, что почти употребляетъ насиліе для вынужденія женщинъ на удовлетвореніе своей похоти, что положеніе женщинъ становится просто невыносимымъ... Слухи эти потомъ замолкли, но теперь оказывается, что они дѣйствительно были справедливы, что такія письма были и что справедливо, вѣроятно, и то, что нѣкоторыя петербургскія газеты, поставляющія высшую политику въ томъ, чтобы обманывать и морочить публику, какъ было съ ними и въ сербскую, и въ нынѣшнюю войну, не приняли ихъ. Теперь эти письма обнародовало «Московское Обозрѣніе» и сдѣлало этимъ великую услугу русскому обществу. Прямой долгъ каждой газеты въ томъ и состоитъ, чтобы открывать и выводить наружу подобныя общественныя язвы, а не скрывать ихъ. Тогда только мы и бу-

демъ знать: какія мѣры надобно принимать въ томъ или другомъ случаѣ для устраненія зла. Въ особенности это должно сказать о письмахъ, напечатанныхъ въ «Московскомъ Обозрѣніи». Подобныя откровенныя признанія дѣлаются такъ рѣдко, что, не будь этихъ писемъ, общество наше долго не знало бы: въ какомъ ужасномъ положеніи находится каждая сестра милосердія, каждая студентка, находящаяся на войнѣ, и сколько она должна выносить нетолько тяжкихъ оскорбленій, но и прямо борьбы противъ скотскихъ вожделѣній мужчинъ, употребляющихъ для развращенія женщинъ всякія пакости и рѣшающихся чуть не на насиліе.

Письма, о которыхъ мы говоримъ, писаны студенткой В. С. Некрасовой, скончавшейся отъ тифа въ одномъ изъ лазаретовъ дѣйствующей арміи, въ редакцію же «Московскаго Обозрѣнія» доставлены сестрой покойной Е. С. Некрасовой, которая, въ предисловіи къ напечатаннымъ письмамъ, такъ объясняетъ причину, по которой она сочла нужнымъ публиковать письма своей сестры. «Въ послѣднее время, говоритъ она: — нерѣдко сталъ въ обществѣ раздаваться голосъ противъ сестеръ милосердія, появились даже газетныя статьи; сестеръ начали винить въ легкомысліи, въ крайне свободномъ поведеніи, ихъ чуть не обозвали публичными женщинами. Очень можетъ быть, что одна или двѣ оказались безсильны противъ тѣхъ соблазновъ, которые сулились имъ». «Но вина всею своею тяжестью, съ карою общественнаго мнѣнія, съ потерею честнаго имени, со всѣмъ, что дорого для чести человѣка, падаетъ нетолько на этихъ двухъ недостойныхъ, обезсиленныхъ отъ борьбы; она падаетъ и на тѣхъ, у кого достало силы бороться, страдать, мучительно страдать и выйти, хотя и съ потерею большого запаса силъ, но побѣдителями. А чего стоила эта побѣда? Какой награды стоятъ онѣ за свой героизмъ? Общество, въ замѣнъ награды, — огуломъ даетъ имъ за ихъ нравственную выдержку желтый билетъ...» «У него, у этого общества даже не мелькнетъ мысль взглянуть на дѣло съ другой стороны, взглянуть на тѣхъ, кто является виновникомъ того разврата, въ которомъ клеймятъ женщину». «Я приведу тѣ изъ писемъ покойной Некрасовой, которыя касаются именно отношенія мужчинъ къ женщинамъ на войнѣ. Я не буду затемнять дѣла недомолвками, и не буду щадить имена тѣхъ, кто не стоитъ, не заслуживаетъ этой пощады. Эти отрывки (изъ писемъ) и письма хорошо покажутъ, кому надо дать тѣ желтые билеты, на которые такъ щедро наше общество».

Въ первомъ письмѣ разсказывается о строившемъ дороги въ Болгаріи генералѣ Кренке и офицерѣИвановѣ. Сижу я, говоритъ покойная Некрасова: — разъ по возвращеніи изъ госпиталя за письмомъ въ ожиданіи чая—какъ вдругъ слышу чей то мужской голосъ, называющій меня по имени. Выхожу, вижу друга моего дѣтства — Виктора Михайловича

Иванова, котораго я знала еще гимназистомъ и котораго, по старой памяти, считала хорошимъ человѣкомъ и идеалистомъ. Теперь Викторъ Михайловичъ молодой человѣкъ, герой, дравшійся на Шипкѣ, контуженный и взысканный милостью начальства. Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій и распросовъ, т. Ивановъ круто поворачиваетъ рѣчь на восхваленіе достоинствъ своего начальника Кренке, у которого онъ живетъ. Ужъ такой, говоритъ, это начальникъ и доброты необыкновенной и ума необыкновеннаго. Некрасова слушаетъ и недомѣваетъ, потому что прежде не примѣчала въ Ивановѣ такихъ восторженныхъ чувствъ по отношенію къ начальству. Однако, ничего не подзрѣвая, она соглашается принять сдѣланное ей Ивановымъ отъ имени необыкновенной доброты и ума генерала предложеніе придти къ нимъ вечеромъ, такъ какъ дескать она можетъ быть укажетъ генералу такихъ офицеровъ, которые вышли изъ лазарета и въ строй болѣе негодятся и въ Россію возвратиться не хотятъ, и которые могли бы быть полезны генералу въ работахъ на дорогѣ. Потому вечеромъ Ивановъ опять пришелъ къ Некрасовой и они вмѣстѣ отравились къ генералу, который, по словамъ Некрасовой, былъ ничего, какъ и другіе начальники, только на счетъ субординаціи похуже другихъ. Съ первыхъ же словъ начальникъ заявилъ ей, что онъ хорошо знаетъ Приселкова (главнаго полеваго доктора) и можетъ у него все для нея сдѣлать, что у него большое знакомство въ Петербургѣ, гдѣ онъ, по выдержаніи ею выпускнаго экзамена, можетъ выхлопать ей мѣсто, доставить большую практику», и т. д. Невинной дѣвушкѣ все не вдомекъ, почему это генералъ, хотя необыкновенной доброты и ума, но все таки совершенно ея незнающій и видящій всего въ первый разъ, такъ ею занятъ. Между тѣмъ, среди разговора, Ивановъ заводитъ рѣчь о новой дорогѣ, ими устраиваемой. «Вы теперь и не узнаете той дороги отъ мостовъ къ Систову, по которой ѣздили назадъ тому недѣлю», говоритъ онъ, обращаясь къ Некрасовой. Начальникъ кстати предлагаетъ ей сдѣлать прогулку съ нимъ по этой дорогѣ завтра же, если день будетъ солнечный. Некрасова соглашается и на другой день отправляется съ начальникомъ вдвоемъ (такъ какъ Ивановъ по дѣламъ службы уѣхалъ въ Никополь, хотя прежде говорилъ, что ему нужно будетъ ѣхать только черезъ недѣлю) смотрѣть дорогу. Дорогой начальникъ держитъ себя ничего, прилично, по пріѣздѣ домой, приглашаетъ Некрасову отобѣдать у него, и они садятся вдвоемъ обѣдать. За обѣдомъ сцена перемѣняется. Начальникъ необыкновенной доброты и ума начинаетъ говорить разныя сальности, дѣлать двусмысленныя, но понятныя предложенія, заявляетъ желаніе обнять, поцѣловать Некрасову, однимъ словомъ—пишетъ Некрасова,—«ведетъ себя такъ, что, не будь я въ его квартирѣ, гдѣ онъ могъ сдѣлать со мной всякую мерзость, я надавала бы ему пощечинъ, а въ моемъ положеніи пришлось только повернуть дѣло въ шутку». Теперь только поняла Некрасова, что другъ ея дѣтства, Ивановъ, есть

господинъ, который, по ея выраженію, «служитъ своему начальнику заразъ двѣ службы». Встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней ѣдущаго на лошади Иванова, который ее не примѣчалъ, она остановила его, но на протянутую имъ руку отвѣчала, что она «такимъ людямъ руки не подаетъ, и что она не сердится на его начальника, но что онъ, Викторъ Михайловичъ, современемъ получитъ достойную награду за свое своднячество». Ивановъ покраснѣлъ и струсилъ, что всю эту исторію узнаютъ въ Россіи, сталъ увѣрять, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, даже письмо ей написалъ, что онъ ничего не знаетъ и проч.

Послѣ письма покойной Некрасовой о генералѣ Кренке и Ивановѣ слѣдуютъ выдержки изъ ея писемъ о шалостяхъ съ женскимъ поломъ мужскаго медицинскаго персонала. Но эти письма имѣютъ такой глубокій, общественный интересъ и въ настоящемъ и будущемъ, что считаю необходимымъ ихъ передать въ подлинникѣ.

Вотъ выдержка изъ письма отъ 17-го сентября изъ Фратешти.

«Мужчины здѣсь совсѣмъ перестали быть людьми—они обратились въ какихъ-то чертей: они готовы устраивать цѣлые гаремы и быть въ нихъ султанами. Мнѣ теперь приходится справляться съ третьимъ нахаломъ, третьяго нахала отпарировать. И это третій никто иной, какъ Жданко. Во имя одного этого, я бы желала уѣхать изъ Фратешти, потому что, уходя неудовлетворенными, они готовы потомъ дѣлать разныя мерзости, на что и пустился Студенскій. Этотъ послѣдній не пропускаетъ ни одной женщины, отъ каждой хочетъ сорвать клочекъ шерсти. Я страшно возмущалась, когда одна изъ нашихъ студентокъ разсказывала мнѣ, какъ онъ нетолько подъѣзжалъ къ ней съ разными возмутительными предложеніями, но разъ прямо бросился цѣловать, обнимать ее съ возгласами: «Такъ вы не хотите?! такъ вы не хотите?!» въ которыхъ звучала скорѣй угроза, чѣмъ вопросъ. Послѣ этого пассажа, когда студентка отъ него убѣжала, онъ сталъ съ ней очень суровъ и, пожалуй, чѣмъ-нибудь нагадитъ. Со мной онъ продѣлалъ почти ту же исторію, и мы съ нимъ больше не говоримъ и не здороваемся. Теперь онъ всѣми неправдами нашелъ себѣ султаншу—въ лицѣ одной сестры милосердія—актрисы изъ театра... Пожелай мнѣ поскорѣе распроститься съ Фратешти!?»...

Оттуда же 23-го сентября.

«Исторію съ Стденскимъ, можетъ быть, придется выводить на свѣжую воду, можетъ быть, придется дѣлать очную ставку какъ мнѣ съ нимъ, такъ студенткѣ N. Дѣло въ томъ, что послѣ неудачной попытки купить меня за честь самостоятельной работы въ хирургическомъ отдѣленіи, онъ мнѣ сдѣлалъ непріятность до нѣкоторой степени публичнымъ образомъ, т. е. при всѣхъ: вдругъ вздумалъ мнѣ дѣлать замѣчаніе—что я не такъ держу тазъ, что не умѣю промыть раны, что я должна брать не тотъ, а другой тазъ. Я на это ему отвѣтила, что это не его дѣло и что я дѣлала, дѣлаю и буду такъ дѣлать, какъ дѣлаю. Онъ на это замѣтилъ, что если я не желаю его слушать, то онъ мнѣ приказываетъ дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ. Я отвѣчала, что онъ мнѣ не смѣетъ приказывать и что если онъ не желаетъ теперь замолчать, а желаетъ продолжать въ томъ же духѣ, то я отвѣчать ему не буду, а поговорю съ нимъ послѣ достодолжнымъ образомъ. Я имѣла основаніе ему такъ отвѣтить: во-первыхъ, потому, что знала тѣ мотивы, которые заставляютъ его придираться, а во-вторыхъ, потому, что мое начальство, докторъ X., а не Студенскій. Онъ, само собою разумѣется, исторіи за мои отвѣты не поднялъ и жаловаться на меня

доктору X. не подумалъ, а я сочла излишнимъ возобновлять эту исторію, тѣмъ болѣе, что докторъ X. былъ тогда въ Бухарестѣ и вернулся черезъ нѣсколько дней. Въ данное же время дѣло приняло такой оборотъ, что волей неволей оказалось нужнымъ поднять всю эту исторію: она повторилась съ студенткой N., какъ я тебѣ уже писала—это первое, а во-вторыхъ, насъ подумали оставить здѣсь во Фратешти; докторъ X. черезъ 2—3 дня уѣзжаетъ въ Россію, и слѣдовательно мы остаемся подъ начальствомъ Студенскаго. Сегодня мы рѣшили разсказать всю эту исторію доктору X. Докторъ X. до глубины души былъ возмущенъ нашимъ разсказомъ; онъ говорилъ, что намъ тогда же слѣдовало дать Студенскому надлежащій отпоръ. Но понятно, что этого сдѣлать мы не могли: мы же бы тогда остались виноваты, насъ же бы осудили. Докторъ X. согласился, что наше положеніе во Фратешти безъ него будетъ невыносимо (Студенскій, оказывается, уже ругалъ насъ; про меня говорилъ, что я ничего не знаю, ничего не умѣю...) и испросилъ позволеніе передать всю эту исторію профессору Чудновскому, говоря, что еслибы Студенскій не былъ полезенъ въ «Красномъ Крестѣ», какъ хорошій хирургъ, то необходимо было бы настоять, чтобы его, Студенскаго, выслали вонъ за такія продѣлки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Собираясь бесѣдовать о произведеніяхъ гг. Авсѣенки, Полонскаго и г-жи Анны Стацевичъ, чувствую прежде всего потребность возблагодарить судьбу за то, что я не спеціалистъ по литературной критикѣ. Занимай я это почтенное и важное амплуа, читатель потребовалъ бы подробнаго и обстоятельнаго анализа разнообразныхъ красотъ означенныхъ произведеній, оцѣнки ихъ общаго плана и проч. Ничего этого онъ теперь съ меня требовать не вправѣ, а я тѣмъ самымъ избавляюсь отъ ужасающей скуки. Въ утѣшеніе читателя, могу, впрочемъ, сказать, что и его вѣдь минуетъ горькая чаша скуки, ибо—истинно говорю вамъ—наименѣе скучное изъ упомянутыхъ твореній есть водевилеобразная повѣсть г. Полонскаго, но и она, въ качествѣ водевиля, растянувшагося на много печатныхъ листовъ, непомѣрно скучна. Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, пусть творцы скучныхъ твореній сами упиваются сотворенною ими скукой. Мы возьмемъ только нѣчто у гг. Авсѣенки, Полонскаго и г-жи Анны Стацевичъ и посмотримъ на это нѣчто только съ одной стороны. Читатель получитъ не критическій отчетъ, а только замѣтки объ одномъ небезъинтересномъ беллетристическомъ пріемѣ и, можетъ быть, небезъинтересномъ поэтическомъ типѣ.

Жила была дѣвица Липочка Ипатова. Это была прекрасная дѣвица: умна, хороша, добродѣтельна, благородна, но нѣсколько неопытна. Жила она въ провинціи, но затѣмъ попала въ Пе-

тербургъ, прямо въ лапы адвоката Безбѣднаго. Подъ какимъ соусомъ съѣстъ Липочку Ипатову ловкій адвокатъ и даже съѣстъ ли онъ ее или же этотъ лакомый кусочекъ достанется другому, болѣе достойному гурману—это пока еще неизвѣстно. Еслибы адвокатъ съѣлъ Липочку въ самомъ началѣ романа, то не было бы и романа. Прежде, чѣмъ придти къ предназначенному ей концу, Липочка должна пройти нѣкоторыя мытарства, должна людей посмотрѣть и себя показать. Такъ она и поступаетъ. «Молоденькая, только что пріѣхавшая изъ глухой провинціи и еще тамъ, въ провинціальной глуши, составившая себѣ весьма фантастическія представленія о петербургской жизни, она очень интересовалась познакомиться съ нѣкоторыми сторонами этой жизни. Больше же всего ей хотѣлась увидѣть двѣ вещи: какого-нибудь знаменитаго литератора и потомъ члена тайнаго революціоннаго общества». И вотъ желанія Липочки, наконецъ, отчасти исполнились; она встрѣтилась съ одной подругой дѣтства, которая пригласила ее къ себѣ, обѣщая показать нѣчто во вкусѣ ея желаній.

Когда Липочка вошла къ Настенькѣ (такъ звали подругу), «въ первую минуту она ничего не могла разглядѣть сквозь густой табачный дымъ, застилавшій слабое мерцаніе рабочей лампы и двухъ свѣчей, страшно оплывшихъ оттого, что вокругъ нихъ постоянно толклись и махали руками и стаканами. Вмѣстѣ съ этимъ дымомъ, въ воздухѣ носились облака испареній, произведенныхъ разгоряченнымъ, спиртуознымъ дыханіемъ и талою сыростью, врывавшеюся сквозь раскрытую форточку». — «Пиво или чай?»—таковъ былъ первый лаконическій вопросъ, заданный Липочкѣ хозяйкой. Пива! пива Липочкѣ Ипатовой! Она, конечно, съ негодованіемъ отвергла пиво, потребовала чаю и стала прислушиваться къ разговору нѣсколькихъ молодыхъ людей обоего пола, сидѣвшихъ въ комнатѣ. Разговоръ былъ сначала политическій и, конечно, крайне глупый, но скоро измѣнилъ характеръ. «Пиво выпивалось скорѣе, Баламутовъ, помѣстившись за стуломъ Попрыгинной, явно обнималъ ее за талію. Хорошенькая Кронгольдъ поглядывала на нихъ съ насмѣшливой гримасой: она получила воспитаніе въ театральномъ училищѣ и, вопреки всему, сохранила вынесенное оттуда предпочтеніе къ офицерамъ. Липочка, хотя о многомъ имѣла очень самостоятельныя понятія и считала себя женщиной безъ предразсудковъ, но ей становилось все болѣе и болѣе неловко. Все, что она видѣла, совсѣмъ не отвѣчало ея ожиданіямъ». Но впереди Липочку ждали еще большія разочарованія. Именно двое изъ видѣнныхъ ею у Настеньки мужчинъ явились къ ней одинъ вслѣдъ за другимъ съ чрезвычайно нелѣпымъ политическимъ приставаніемъ. Второй гость, впрочемъ, очень быстро и «съ невѣроятною наглостью» съѣхалъ на вопросъ: «Ну, а на счетъ физической любви, вы какихъ придерживаетесь мнѣній?» Липочка, разумѣется, немедленно выгнала его вонъ.

Это эпизодъ изъ повѣсти г. Авеѣенки «Скрежетъ зубовный», печатающейся въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Надо замѣтить, что Липочка Ипатова, «по убѣжденіямъ, очень презирала такъ называемый свѣтъ, но инстинктами своими умѣла оцѣнить и хорошій туалетъ, и тонъ». Такъ, одна свѣтская дама, госпожа Олжанская, «всегда нарядная, всегда пахнущая какими то отличными духами, производила на нее успокоивающее впечатлѣніе своими мягкими движеніями, своею красотой, своимъ ласковымъ и легкомысленно звучащимъ голосомъ». Это внутреннее бореніе инстинктовъ и убѣжденій, склонности къ «отличнымъ духамъ» и различныхъ идеальныхъ стремленій очень важно замѣтить для нашей, не особенно, впрочемъ, важной цѣли.

Жила была другая дѣвица Леля Затаилова. Это была также прекрасная и также неопытная дѣвица. Еще въ дѣтствѣ Леля Затаилова «была такой хорошенькой дѣвочкой, что всѣ ею любовались и всѣ ее баловали; даже учителя (что грѣха таить!) невольно прибавляли ей баллы за ея золотыя кудри и херувимское личико». Но и въ возрастъ придя, она имѣла «свѣтло голубые, какъ лѣтнее небо, глаза», прикрытые «темными рѣсницами». Леля была собственно «избалованная, изнѣженная барышня», хотя и прекрасная, и умная, и добродѣтельная. Но, благодаря своему кузену-студенту, она «попала въ такое молодое общество, которое совершенно измѣнило весь складъ ея прежнихъ пансіонскихъ понятій и, такъ сказать, заставило ее сжечь все то, чему она поклонялась». О склонности ея къ отличнымъ духамъ точныхъ свѣдѣній не имѣется, но опекунъ (Леля—сирота) удостовѣряетъ, что она «боится сквознаго вѣтра и всякій разъ, какъ промочитъ свои фарфоровыя ножки, вытираетъ ихъ одеколономъ». «Въ глубинѣ души своей, она глубоко сожалѣла о тѣхъ удобствахъ, о той относительной роскоши, какою пользовалась при жизни своего отца. Ей было тяжело, очень тяжело просторную и удобную квартиру въ Троицкомъ переулкѣ промѣнять на темную квартиру на Знаменской. Боже мой, какъ желала она убрать свою комнату!—къ окну примостить письменный столикъ и уставить его разными письменными фарфоровыми и бронзовыми бездѣлушками, въ углу помѣстить свой маленькій туалетикъ, съ табуретомъ передъ зеркаломъ, прикрытымъ розовымъ чахломъ съ кисейной отдѣлкой». Таковы «инстинкты» Лели Затаиловой. Ея «убѣжденія», благодаря «молодому обществу», въ которое она попала, тянутъ совсѣмъ въ противоположную сторону. Въ этомъ обществѣ есть юный критикъ Кроликовъ (кузенъ Лели), послѣдователь и, по мнѣнію его почитателей, какъ бы замѣститель Писарева, золотушный, зябкій, вообще плюгавый, но имѣющій о себѣ чрезвычайно высокое мнѣніе и чрезвычайно развязно толкующій о Гейне, уголовномъ правѣ, вообще о всѣхъ «матерьяхъ важныхъ», какія только подъ руку подвернутся. Есть Юленька Дицъ, очень симпатичная, но немножко черезъ-чуръ развязная и съ значительной придурью

дѣвица. Есть литераторъ Минераловъ, пишущій въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, подъ псевдонимами «Гвоздь», «Заноза», «Подвальный поэтъ» и проч., вѣчно пьяный, острякъ по профессіи, отзывающійся о «своихъ» слѣдующимъ образомъ: «Люди съ идеями, новые люди, которые за словомъ въ карманъ не полѣзутъ, люди, для которыхъ никакихъ предразсудковъ не существуетъ, ни религіозныхъ, ни литературныхъ, ни политическихъ». Маленькій образчикъ остроумія литератора Минералова:

«— Носовые платки слѣдуетъ терять, замѣтилъ литераторъ.

— Отчего слѣдуетъ?

— Для распространенія насморка; насморкъ—это единственная вещь, которую мы имѣемъ право пропагандировать.

— Что бы вы такое желали пропагандировать? замѣтилъ Симеонъ Родіоновичъ.

— А вы семейный человѣкъ или холостой?

— Семейный.

— А есть у васъ дочки?

— Слава Богу!

— Пригласите меня къ вашимъ старшимъ дочерямъ—уроки давать, возьму не дорого.

— А зачѣмъ я васъ приглашу имъ уроки давать?

— Да я... я имъ, если угодно, свободную любовь буду пропагандировать».

Фигурируютъ и другія личности въ молодомъ обществѣ, совратившемъ Лелю Затаилову съ пути ея инстинктовъ на путь ея убѣжденій. Есть тамъ звѣрообразный молодой человѣкъ Стихаревъ, наглый дармоѣдъ, который объясняется Лелѣ въ любви слѣдующимъ, даже маловѣроятнымъ образомъ: «Чтобы любить такъ, какъ я люблю васъ, прежде всего надо животнымъ быть—имѣть зубы, чтобы кусать и загрызать своихъ соперниковъ, и имѣть дерзновеніе силой взять то, что по праву принадлежитъ только сильному. Будь вы замужемъ хоть за десятью мужьями, я и тогда не откажусь отъ того, что мнѣ забрело въ голову! Видно у меня такая натура; я не виноватъ, что вы меня привлекаете!» Есть еще въ молодомъ обществѣ нѣкто Умековъ, красавецъ, талантливый, но весьма пустой. Есть его кроткая любовница Маша Студенецкая. О глупости этой кроткой дѣвицы можете судить по слѣдующему ея разговору съ нѣкіимъ Пулькинымъ. Пулькинъ спросилъ Машу, кто, по ея мнѣнію, первый поэтъ въ Россіи.

«—Писаревъ, быстро отвѣтила Маша и также быстро поглядѣла ему въ глаза: она была увѣрена, что ея отвѣтъ изумитъ его. Но Пулькинъ не изумился.

— Такъ вы думаете, что онъ поэтъ?

— Выше всѣхъ поэтовъ, какіе когда-либо были въ Россіи. Одна страница его стоитъ иногда десятка лирическихъ Пушкинскихъ или Лермонтовскихъ стихотвореній. Я уже не говорю о другихъ—тѣ просто нули..

*

— А Некрасовъ?

— Некрасова я люблю, но его Антоновича терпѣть не могу»...

Есть еще гигантъ-дѣвица Нельбитова, поднимающая восемь пудовъ и немилосердно пыхтящая папиросой. Молодое общество много разговариваетъ о трудѣ и наукѣ, но не прочь заняться и вещами, довольно посторонними какъ труду, такъ и наукѣ. Такъ Минераловъ предлагаетъ уроки свободной любви, такъ Стихаревъ («съ невѣроятною наглостью», совершенно справедливо сказалъ бы г. Авсѣенко) обѣщаетъ «силой» добиться любви Лели Затаиловой, такъ Умековъ обнимаетъ Машу Студенецкую съ несравненно бо́льшою публичностью, чѣмъ Баламутовъ Попрушкину въ повѣсти г. Авсѣенки.

Это эпизодъ изъ повѣсти «Нечаянно» извѣстнаго нашего поэта Я. Полонскаго, печатающейся въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ къ «Недѣлѣ».

Жила-была третья дѣвица Наденька Ракитина... Но этой дѣвицей и ея похожденіями намъ предстоитъ заняться нѣсколько пристальнѣе, потому что исторія ея похожденій составляетъ уже не эпизодъ, а все содержаніе повѣсти «Идеалистка» г жи Анны Стацевичъ, печатающейся въ «Словѣ».

Повѣсть эта заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, авторъ ея, сколько мнѣ извѣстно — писательница начинающая и притомъ обнаруживающая нѣкоторый, хотя и не чрезмѣрный талантъ. Г. Авсѣенко, г. Полонскій—люди законченные. До нихъ лично критикѣ, можно сказать, нѣтъ никакого дѣла. Ихъ произведенія могутъ служить, конечно, объектомъ критическаго разбора, но всякіе совѣты и указанія лично имъ были бы дѣломъ совершенно празднымъ, ибо, извѣстное дѣло, ученаго учить—только портить. Г-жа Стацевичъ находится въ иномъ положеніи. Чѣмъ лукавый не шутитъ! Можетъ быть, изъ нея выработается звѣзда первой величины, которая освѣтитъ туманный небосклонъ россійской словесности. Откровенно говоря, я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, но, опять-таки, чѣмъ лукавый не шутитъ, и разъ г-жа Стецевичъ обнаруживаетъ нѣкоторый талантъ, критика обязана предостеречь ее отъ фальшивыхъ путей. Дѣло г-жи Стацевичъ—принять эти предостереженія къ исполненію, или только къ свѣденію, или даже и къ свѣденію не принимать. Далѣе, съ точки зрѣнія того беллетристическаго пріема и того поэтическаго образа, которымъ посвящаются настоящія замѣтки, произведеніе г-жи Стацевичъ представляетъ тэму, много благодарнѣйшую, чѣмъ писанія гг. Авсѣенки и Полонскаго. Уже одно то много значитъ, что прелестная, щедро осыпанная всѣми дарами природы дѣвица, попадающая въ неподходящія для ея высокой натуры условія, не составляетъ центра тяжести тѣхъ произведеній, тогда какъ «Идеалистка» цѣликомъ построена на этомъ мотивѣ. Кромѣ того, гг. Авсѣенко и Полонскій, хотя и выдѣляютъ своихъ героинь изъ сонма окружающихъ ихъ ходячихъ пошлостей и неблагопристойностей, изъ

породы разныхъ «истовъ» и «новыхъ людей», но все-таки и на нихъ, на героинь смотрятъ со стороны, съ высока. Они позволяютъ себѣ иногда легкую насмѣшку надъ прелестной дѣвицей, какъ со стороны ея инстинктовъ, такъ и со стороны ея убѣжденій. Г-жа Стацевичъ, напротивъ, всю душу свою кладетъ въ Наденьку Ракитину, чуть не молится на нее и оттого живопись ея выходитъ наивнѣе, грубѣе, нагляднѣе и тѣмъ самымъ поучительнѣе. Извѣстно, что для всякаго опыта, наблюденія, изслѣдованія полезно уединить изучаемый предметъ, добиться условій, при которыхъ онъ сталъ бы рѣзче, грубѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ. Грубость пріемовъ г-жи Стацевичъ сослужитъ и намъ въ этомъ отношеніи полезную службу. Мы получимъ въ почти чистомъ видѣ беллетристическій пріемъ, состоящій въ наваливаніи даровъ природы на дѣвицу, не умѣющую уладить распрю своихъ инстинктовъ съ своими убѣжденіями и разочаровывающуюся во всемъ, кромѣ собственной личности, которою, однако, самому беллетристу отнюдь не полагается очаровываться.

Наденька Ракитина столь прелестна, что восхищенный своимъ созданіемъ авторъ говоритъ объ ней не иначе, какъ съ какимъ-то страннымъ присюсюкиваніемъ. У Наденьки не голова, а «головка», не фигура, а «фигурка», не голосъ, а «голосокъ», даже не умъ, а «умокъ». Фигурка у Наденьки, разумѣется, легкая и граціозная; голосокъ — «звучный и симпатичный», способный звучать и строго, и мягко, и насмѣшливо, и задушевно, но всегда восхитительно; головка—«кудрявая», а кудерки на ней «свѣтлорусыя, пушистыя»; «умокъ»... умокъ тоже маленькій и бѣлокуренькій. Этого послѣдняго, впрочемъ, г-жа Стацевичъ не говоритъ, напротивъ, она склонна представить «умокъ» Наденьки Ракитиной столь же сильнымъ и обширнымъ, сколь кудрява и пушиста ея головка. Но на этомъ пунктѣ мы можемъ дѣлать свои заключенія, совершенно независимо отъ подсказываній суфлера-автора. Дѣйствительно, когда рѣчь идетъ о необычайной физической красотѣ Наденьки, мы должны вѣрить автору на слово. Напримѣръ, авторъ разсказываетъ: «Только что вошла она, въ корридорѣ, слабо освѣщенномъ одной керосиновой лампочкой, стало вдругъ какъ будто свѣтлѣе. Отъ всей ея легкой фигурки, отъ оживленнаго лица, съ парой блестящихъ выразительныхъ глазъ, отъ пушистыхъ свѣтлорусыхъ кудрей, волной сбѣгавшихъ на плеча изъ подъ бархатной шапочки, вѣяло жизнью, свѣтлымъ взглядомъ на жизнь». Такъ разсказываетъ авторъ и мы должны ему вѣрить, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ возможности провѣрить его показанія на основаніи имѣющихся на лицо матеріаловъ. Къ счастію, оно и не важно. Освѣщается ли корридоръ одной керосиновой лампочкой, или въ немъ, кромѣ того, горитъ факелъ живой красоты Наденьки Ракитиной, это за предѣлами корридора не имѣетъ ровно никакого значенія. Красота не подражаема. Уроковъ, поученій изъ нея не извлечешь. Значитъ, Богъ съ ней, съ провѣркой автор-

скихъ показаній на счетъ красоты. Но когда намъ говорятъ, что такой то человѣкъ уменъ и благороденъ, и не голословно говорятъ, а сообщаютъ нѣчто изъ его мыслей, чувствъ и поступковъ, то мы имѣемъ полную возможность оцѣнить степень справедливости показаній автора.

Г-жа Стацевичъ до такой степени влюблена въ свою героиню, что даже не трудится (а можетъ быть и не умѣетъ) искусно подтасовывать факты. Поэтому нѣкоторая дрянность Наденьки, прошу извиненія у влюбленнаго автора—обнаруживается сама собой, не взирая на усердное кажденіе г-жи Стацевичъ. Обнаруживается также истинная причина преслѣдующихъ «идеалистку» разочарованій. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о правдивости автора.

Наденька, какъ это всегда бываетъ съ подобными, нѣсколько аляповатыми героинями, чуть не въ утробѣ матери начала плѣнять собою свѣтъ. Достовѣрно, что въ гимназіи (а она окончила гимназическій курсъ пятнадцати лѣтъ) учителя называли ее «звѣздой» и пророчили ей «будущность». Однажды она, въ классѣ русской словесности, прочитала отрывокъ изъ «Камоэнса» Жуковскаго такъ превосходно, что учитель, вмѣсто того, чтобы, на основаніи этого опыта декламаціи, предсказать ей будущность актрисы, выразился вообще: «Изъ этой Ракитиной непремѣнно выйдетъ что-нибудь особенное!»

Рано расцвѣла эта прекрасная, избранная душа, но за то рано начались для нея неудачи и разочарованія. Они начались въ гимназіи. Любопытно при этомъ слѣдить за авторомъ, за тѣмъ, какъ борется въ немъ правдивость съ пристрастіемъ къ Наденькѣ.

«Между тѣмъ, какъ ея молодыя сверстницы, съ пылающими щеками, отбивали ноги и полы въ шумныхъ галопахъ и полькахъ-мазуркахъ, Надя сидѣла въ уголку и, глядя на чужое веселье, анализировала свою душу. Она сознавала въ себѣ чувство, похожее на зависть, при видѣ своихъ веселящихся, влюбленныхъ и счастливыхъ взаимностью подругъ». Но сама она, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, была слишкомъ серьёзна («слыла bas bleu») и возвышенна для участія въ этомъ весельи и сторонилась отъ него. Такъ разсказываетъ авторъ, но онъ тутъ же, на той же и на предыдущей страницѣ сообщаетъ, что положеніе bas bleu было весьма почетное въ гимназіи. «Это была эпоха общественнаго пробужденія, эпоха горячей вѣры въ новое время, въ новые идеалы. Всѣ чувствовали себя болѣе обыкновеннаго людьми и ждали многаго отъ себя и другихъ. Учителя въ этой гимназіи были бо́льшею частью молодые, съ любовью относившіеся къ новому учрежденію. Ученицы также учились съ любовью и сознаніемъ. Гимназисты и гимназистки вели дебаты о свободѣ и равноправности женщины, объ *эмансипаціи* вообще, о началѣ всѣхъ началъ, о клѣточкѣ, объ инфузоріяхъ и монадахъ, о послѣднемъ сочиненіи Бюхнера. Въ клас-

съ закона божія украдкой читали «Отцовъ и дѣтей». Устраивались вечеринки съ танцами и съ «серьёзными разговорами». Казалось бы четырнадцатилѣтнему синему чулку тутъ раздолье было. А между тѣмъ Наденькѣ «хотѣлось бѣжать прочь, въ темноту, въ тишину». Зачѣмъ бы это? отчего? Г-жа Стацевичъ представляетъ дѣло такъ, что отъ танцевъ. Но вѣдь были и «серьёзные разговоры?» Не правдивѣе ли поэтому поступила бы г-жа Стацевичъ, еслибы представила Наденьку убѣгающею мысленно въ пустыню, вслѣдствіе прямыхъ неудачъ на танцовальномъ поприщѣ? Оно и естественнѣе въ четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Впрочемъ, какъ увидитъ читатель, танцы и впослѣдствіи играютъ важную роль въ жизни Наденьки Ракитиной: все она какъ-то на нихъ сердится и все больше, кажется, за личныя неудачи, потому что, собственно говоря, она любитъ танцы и доднесь, то есть до той минуты, къ которой относятся не дѣтскія воспоминанія, а самая фабула «Идеалистки». Танцы и — какъ у Липы Ипатовой и Лели Затаиловой—духи, это слабость Наденьки Ракитиной, важная составная часть ея «инстинктовъ».

Но вотъ гимназическій курсъ конченъ. Нашей героинѣ шестнадцать лѣтъ. «Во всей фигурѣ ея, во всѣхъ движеніяхъ ея гибкихъ, стройныхъ, дѣтски-неразвитыхъ членовъ сказывалась особая чарующая грація, полная жизни и поэтичности и заставлявшая оглядываться на нее на улицѣ, въ толпѣ. Какъ-то случайно, одинъ заѣзжій художникъ, замѣтивъ ее въ церкви, всю всенощную не сводилъ глазъ съ этихъ мягкихъ, изящныхъ линій дѣвственнаго стана, съ этихъ смиренно скрещенныхъ на колѣнахъ рукъ, съ этой благоговѣйно склоненной головки, обрамленной вѣнкомъ волнистыхъ, золотисто-пепельныхъ волосъ. Онъ нашелъ въ ней прелестную модель св. мученицы къ иконѣ въ древне-итальянскомъ стилѣ, которую въ то время писалъ. Первое ухаживанье вскружило ей голову. Лесть и похвала дѣйствовали на нее, какъ хорошее вино, какъ шампанское. Она чувствовала тогда себя созданной для любви и поклоненія. Лѣтомъ, молодежь бѣгала за ней толпами. Сама она влюблялась безъ конца: въ заѣзжаго пѣвца, въ больного музыканта, въ портретъ Тургенева, въ его глаза—«глубокіе, какъ пропасть», во всѣхъ героевъ, страдальцевъ, борцовъ, въ одного ссыльнаго». И вдругъ все это надоѣло Наденькѣ—«пошлость, скука», говорила она и стала стремиться къ химіи, къ медицинѣ и еще къ чему то такому, что непонятно ни ей самой, ни ея біографу. Опять отчего такой странный оборотъ? Г-жа Стацевичъ объясняетъ, что отъ «пошлости и скуки» веселаго времяпровожденія. Но опять таки она столь правдива, что тутъ же сообщаетъ истинную причину душевной пертурбаціи Наденьки: «Прошло лѣто и молодежь, вертѣвшаяся около нея, мало-по-малу отхлынула. «Богъ съ ней, съ этой серьёзной музыкой, не всякій способенъ переварить ее, говорила о ней эта молодежь». Помилуйте, г-жа Стацевичъ, какая тутъ «серьёзная музыка», когда дѣвица мила се-

бя быть «созданной для любви и поклоненія» и даже «глубокимъ, какъ пропасть, глазамъ» почтеннѣйшаго Ивана Сергѣевича не давала спуску? Музыка самая несерьёзная и дѣло происходило, увѣряю васъ, чрезвычайно просто: дѣвица мнила себя созданной для поклоненія, а молодежь думала иначе, и единственно въ этомъ печальномъ обстоятельствѣ заключается источникъ разочарованія Наденьки Ракитиной.

Потянуло Наденьку въ Петербургъ. Это ужъ какъ водится. Что ее туда потянуло—серьёзная или несерьёзная музыка—рѣшить довольно трудно. Однако, вѣрная своей фактической правдивости, г-жа Стацевичъ не скрыла слѣдующаго эпизода. Однажды Наденька встрѣтила толпу заѣзжихъ изъ Петербурга молодыхъ людей, которые «шли всѣ въ рядъ и во весь голосъ, съ увлеченіемъ распѣвали арію изъ «Прекрасной Елены»: «Всѣ мы жаждемъ любви». Надя впервые слышала такую заразительно живую мелодію и заслушалась, какъ очарованная... И все это было тамъ, въ Петербургѣ! И трудъ, и наслажденіе!.. Ей чудилось въ ту минуту, будто она слышитъ даже гулъ этого далекого міра, ускоренную пульсацію его жизни». Право это, кажется, не само серьёзная музыка и я искренно удивляюсь почему отъ Наденьки отхлынули провинціальные враги серьёзной музыки: жить бы имъ да жить, вмѣстѣ «всѣ мы жаждемъ любви» распѣвать. Развѣ вотъ что: можетъ быть, глазки Наденьки совсѣмъ не такъ выразительны, какъ разсказываетъ авторъ, а имѣютъ видъ оловянныхъ пуговицъ? Можетъ быть, у нея и какіе-нибудь другіе есть изъяны въ красотѣ? или можетъ быть непомѣрныя претензіи Наденьки отвадили провинціальныхъ поклонниковъ? Все можетъ быть, все, что угодно, но только не «серьёзная музыка». Она тутъ рѣшительно не причемъ.

Въ Петербургѣ, опять-таки какъ водится, Наденька Ракитина не замедлила попасть въ кружки разныхъ «истовъ» и «новыхъ людей». Вотъ какъ вспоминаетъ она объ этомъ сама: «Медикъ одинъ, напримѣръ, постоянно просвѣщалъ меня относительно «ненормальности» моей жизни; порицалъ за любовь къ духамъ (онъ понималъ одинъ ароматъ—препаровочной! такъ увѣрялъ онъ, по крайней мѣрѣ), къ крѣпкому чаю, за всѣ мои волненія, стремленія и проч. Все было ненормально, нездорово. Я слушаю. Является другой—технологъ—порицаетъ за чистые воротнички и ленточку на шеѣ: аристократизмъ, «кисейная барышня», по Писареву. «Общественный нуль—и никакой идеи!»—«Отчего вы не поступаете въ акушерки?»—Господи! говорю, да я совсѣмъ не хочу въ акушерки! Что же все акушерки, да акушерки! — «Ну, поступайте въ академію».—А кто за меня платить будетъ? А что я ѣсть буду?— «Ну, такъ изъ васъ ничего не выйдетъ!»—и машетъ рукой, какъ надъ отпѣтой.—Поневолѣ разозлишься. — Да я, говорю, ничѣмъ и не хочу быть. Я хочу быть просто человѣкомъ, и, если можно, образованнымъ человѣкомъ.—«Къ чорту образованность! Не до того! Народъ стра-

даетъ. Приближается время, когда всѣ будутъ равны и свободны и никто превосходенъ!» И все это, замѣтьте, тономъ невыносимо отвратительнаго авторитета».

Надо отдать справедливость г-жѣ Стацевичъ. Вложивъ эту тираду въ уста своей обожаемой героини, она тотчасъ же возвышается уже не до фактической только правдивости, а до правдивости, такъ сказать, принципіальной, ибо немедленно заставляетъ Наденьку сознаться, что не имѣетъ никакого права смѣяться надъ осмѣянными ею молодыми людьми, что они много лучше ея, лучезарной Наденьки. Но это первое и послѣднее признаніе автора въ нѣкоторой небезподобности героини. Слѣдующій кружокъ, въ который попадаетъ Наденька, раздавленъ ея безподобностью безъ всякой пощады. Кружокъ этотъ литературный. Какіе это такіе литераторы, я сказать не умѣю. Для литературной богемы они слишкомъ хорошо живутъ (пикники, балы, шампанское), для литераторовъ болѣе или менѣе серьёзныхъ и, такъ сказать, прочныхъ, они слишкомъ богемы. Подробности ихъ изображенія г-жою Стацевичъ даже совсѣмъ невѣроятны для всякого, мало-мальски знакомаго съ этой средой. Но все равно. Главное въ томъ, что Наденька Ракитина, совершенно какъ Липа Ипатова, пожелала видѣть литераторовъ, но, увидѣвъ ихъ, совершенно разочаровалась.

Читатель знаетъ, что я никакой особенной предилекціи къ литераторамъ, какъ къ литераторамъ, не чувствую и даже выношу за это громы собратовъ по ремеслу, громы, гремящіе, впрочемъ, не столько изъ тучи, сколько изъ «Недѣли». Тѣмъ паче не могу я уважать фантастическихъ литераторовъ г жи Стацевичъ, которые только и дѣла дѣлаютъ, что срываютъ цвѣты наслажденія, вальсируютъ, полькируютъ, порхаютъ отъ поцалуя къ поцалую и отъ одной бутылки шампанскаго къ другой. Но я долженъ по совѣсти сказать, что даже при этихъ фантастическихъ условіяхъ, разочарованіе Наденьки совершенно неумѣстно, что ей надлежало бы разочароваться только въ самой себѣ и что слѣдовательно г-жѣ Стацевичъ слѣдовало бы выбрать нѣсколько болѣе подходящій субъектъ для идеализаціи.

Посмотримъ на окружавшій Наденьку персоналъ. Во-первыхъ, литераторъ Крамской, пьяный и грубый дикарь, но, что называется, человѣкъ съ душой и не глупый. Объ немъ будетъ рѣчь особо. Во-вторыхъ, поэтъ Талызинъ, совершенный двойникъ Минералова, изображеннаго г. Полонскимъ: такой же пьяный, такой же наглый, такой же острословъ и такой же охотникъ пропагандировать свободную любовь. Въ третьихъ, литераторъ Павлищевъ и его жена—легкомысленная супружеская пара, живущая «по Чернышевскому». Въ-четвертыхъ, скульпторъ Истоминъ, не безталанный, но глупый, удостоившійся, однако, любви Наденьки. Въ пятыхъ, докторъ Мордвиновъ, «превосходный танцоръ, сердцеѣдъ, рьяный агитаторъ во всѣхъ тогдашнихъ студенческихъ исторіяхъ и ученый, которому предстоитъ блестящая будущность».

Есть еще другіе разные, но поименно они неизвѣстны. Все это не великіе люди, конечно, и съ большими слабостями, но рѣшительно недурные, сравнительно, конечно, съ тѣмъ, что вообще русское общество представляетъ. Сама Наденька получила отъ нихъ нѣсколько не маловажныхъ услугъ. Такъ она влюбилась въ глупаго скульптора Истомина, завела эту интригу довольно далеко и завела бы еще дальше, еслибы ея не остановила истинно благодѣтельная рука никого другого, какъ обливаемаго презрѣніемъ г-жи Стацевичъ поэта Талызина. Да, послѣ одного только разговора съ этимъ пьянымъ поэтомъ, Наденька «тутъ же, сейчасъ же постигла, что художникъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ далеко не уменъ, хотя былъ и добръ, и говорилъ тихо и изящно; что онъ совсѣмъ не образованъ и можетъ говорить только о своихъ статуяхъ и бюстахъ... да объ ней; и главное, что онъ мужъ другой женщины, противъ которой Наденька поступала безчестно». Ничего этого Наденька, при всей своей лучезарности и несмотря на весь свой «умокъ», не понимала до тѣхъ поръ и на все это ей раскрылъ глаза Талызинъ. Далѣе, Наденька влюбилась въ Мордвинова, а тотъ мягко, но откровенно замѣтилъ, что не любитъ ея и бережно отклонилъ добровольно предлагавшуюся ему жертву вечернюю. Опять ничего, кромѣ порядочности и серьёзнаго отношенія. Я уже не говорю о Крамскомъ, который и работу Наденькѣ доставалъ, и руководилъ ею въ выборѣ книгъ для чтенія, и систему занятій для нея придумалъ, и вообще нянчился съ ней, какъ съ любимымъ ребенкомъ. Правда, Наденька, какъ дѣвица вполнѣ лучезарная, могла презирать эти личныя услуги и устремлять свою критику на общественную дѣятельность окружавшихъ ее людей. Но тутъ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно странною вещью: г-жа Стацевичъ показываетъ намъ весь этотъ людъ только со стороны пьянства, кутежей, танцевъ. Но на какія же деньги странствуютъ благородные рыцари? Чтобы литераторы могли такъ весело проводить время, они должны зарабатывать кучу денегъ, а куча денегъ можетъ зарабатываться литераторами только цѣною страшнаго труда, такого труда, объ какомъ г-жа Стацевичъ, вѣроятно, даже и понятія не имѣетъ, такого труда, который въ чахотку вгоняетъ и въ могилу сводитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, литературный трудъ, требующій постояннаго и усиленнаго умственнаго напряженія, по необходимости, сосредоточиваетъ занятыхъ имъ на умственныхъ интересахъ. Эти интересы могутъ быть, глядя по людямъ, мелки или важны, пониматься правильно или вкривь и вкось, но они необходимо должны быть на лицо. И, однако, объ этой сторонѣ дѣла мы ничего не узнаемъ изъ «Идеалистки», кромѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ свѣденій о Крамскомъ. Все вниманіе какъ самой Наденьки, такъ и ея біографа, устремлено на сферу половыхъ отношеній и различныхъ увеселеній, тогда какъ, по обстоятельствамъ дѣла, совершенно невѣроятно, чтобы ничего иного Наденька и не встрѣчала.

Замѣчательно вотъ что. Съ Талызинымъ, человѣкомъ, рекомендуемымъ за отпѣтаго, Наденька заговаривала иногда, какъ очень забавно сама разсказываетъ, «объ чемъ-нибудь серьёзномъ: о Спенсерѣ, о нравственности, о своихъ стремленіяхъ къ совершенствованію», на что получала только одну отповѣдь, что все это, дескать, не бабьяго ума дѣло. Но, напримѣръ, съ «агитаторомъ и ученымъ, которому предстоитъ блестящая будущность», съ Мордвиновымъ она только танцовала, да въ жертвы себя предлагала. Правда, Мордвиновъ изумительно танцовалъ. Наденька и до сихъ поръ вспоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ съ содроганіемъ. «Вся суть дѣла была въ вальсѣ, разсказываетъ она.—Онъ танцовалъ его такъ (она замѣтно вздрогнула и нервно повела плечами)... Духъ захватывало! Ни прежде, ни послѣ я такъ не танцовала». Это такъ. Но вѣдь Мордвиновъ былъ, кромѣ того, «рьяный агитаторъ» и «ученый съ блестящею будущностью». Почему же бы Наденькѣ, вмѣсто Талызина, отъ котораго завѣдомо, какъ отъ козла молока, не поговорить съ Мордвиновымъ «о Спенсерѣ, о нравственности, о своихъ стремленіяхъ къ совершенствованію». Можетъ быть, онъ такое ей сказалъ бы, что всякимъ ея разочарованіямъ конецъ насталъ бы. Можетъ быть, и нѣтъ, конечно, но отчего же не попробовать? А она именно даже и не попробовала. Наденька «все не въ то мѣсто попадала» и въ этомъ ея истинная бѣда, а совсѣмъ не въ ея лучезарности.

Какъ Наденька, такъ и ея біографъ, очевидно, весьма недовольны встрѣченнымъ ими въ изображаемомъ кружкѣ неуваженіемъ къ семейному принципу. Она (право, не разберешь, гдѣ кончается обожаемая Наденька и гдѣ начинается обожающая г-жа Стацевичъ) саркастически подчеркиваетъ, что люди эти были *снисходительны* къ ея таинственнымъ прогулкамъ въ лѣсу съ художникомъ Истоминымъ; что *тамъ* считалось позволительнымъ мужчинѣ публично положить голову на плечо дѣвицы. Она негодуетъ на Павлищевыхъ, которыхъ только иронически можно называть людьми «семейными» и которые живутъ «по Чернышевскому». Она негодуетъ и на Талызина, который пропагандируетъ ей свободную любовь; и на Мордвинова, который «былъ женатъ фиктивно, съ благотворительною цѣлью, и *жилъ* съ какою-то артистской, у которой былъ свой ami de coeur». Допустимъ, что все это, въ самомъ дѣлѣ, неодобрительно. Но вѣдь Наденька играетъ роль того diable, qui prêche la morale.

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

Припомните, въ самомъ дѣлѣ, какую важную роль въ дѣлѣ переправы Наденьки въ Петербургъ игралъ оффенбаховскій мотивъ «всѣ мы жаждемъ любви». Припомните, что отъ свободной любви къ Истомину ее удержалъ только пропагандистъ свободной любви Талызинъ, что отъ свободной любви къ Мордвинову ее удержалъ только отказъ самого Мордвинова. Поэтому него-

дованіе Наденьки на недостатокъ уваженія къ семейному принципу что-то подозрительно. Не потому ли оно такъ сильно, что тутъ опять замѣшались личныя неудачи, неудачи на поприщѣ той самой свободной любви, которая нынѣ объявляется зеленымъ виноградомъ? Весьма можетъ быть. Даже навѣрное такъ.

Будь я на мѣстѣ г-жи Стацевичъ, я взялъ бы весь фактическій матеріалъ «Идеалистки» (за исключеніемъ, конечно, кое-какихъ невѣроятныхъ подробностей), но воспользовался бы имъ совсѣмъ иначе. Факты остаются фактами, но разсказать ихъ можно на разныя манеры, и я не могу удержаться, чтобы не привести одного образчика различія манеры, который самъ собой подвертывается подъ руку.

Былъ канунъ свѣтлаго праздника. На Наденьку нашелъ стихъ разочарованія. Она писала въ своемъ дневникѣ: «Первый разъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ я *пропустила* (этотъ и прочіе курсивы принадлежатъ Наденькѣ) эту ночь. Я спала, усталая, измученная всѣмъ вчерашнимъ и сегодняшней сценой съ Крамскимъ. Я *не встрѣтила* праздника. Я *одна* теперь. Глухо доносится церковный звонъ. Во всѣхъ окнахъ свѣтъ. Весь Петербургъ не спитъ. И не одинъ Петербургъ: вся Россія... Весь *народъ* встрѣчаетъ, а мы!.. Какъ тяжело жить чужой среди народа и *не мочь* уже больше вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ храмѣ, одному и тому же Богу поклониться... Семья! младенчество! вѣра! мнѣ жаль тебя» и проч. Можетъ быть въ эту же самую минуту двойнику Талызина Минералову не даютъ, какъ разсказываетъ г. Полонскій, водки у Кроликовыхъ. Минераловъ доказываетъ, что ему должны дать водки, потому что сегодня праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ.

«— Да какой для васъ сегодня праздникъ, сказалъ Умековъ. —Развѣ вы христіанинъ, чтобы праздновать Свѣтлое Христово Воскресеніе!

«— Да отчего же не праздновать? Положимъ, я не христіанинъ, такой же, какъ и вы, но я русскій человѣкъ, простой русскій человѣкъ, и то, что русскій народъ празднуетъ, я тоже долженъ праздновать: у меня съ нимъ одна душа, онъ напивается и я напиваюсь. Какъ вы этого не понимаете!»

Такимъ образомъ въ милліонный разъ оправдывается мудрая поговорка, что les beaux esprits se rencontrent. Лучезарная Наденька Ракитина и пьяный острословъ Талызинъ-Минераловъ сошлись въ принятіи имени народа всуе по случаю праздника пасхи. Но какъ чувствительно выходитъ это у Наденьки и какъ грубо у Минералова!

Да, много значитъ манера разсказа. И вотъ почему я взялъ бы всѣ или почти всѣ факты изъ «Идеалистки», но освѣтилъ бы ихъ совсѣмъ иначе. Я ничего не имѣю противъ идеальныхъ типовъ въ беллетристкѣ. Думаю и даже увѣренъ, что русская дѣйствительность не клиномъ сошлась и можетъ давать матеріалъ для постройки образовъ рыцарей безъ пятна и упрека. Думаю,

что они вполнѣ законны, какъ продукты поэтическаго творчества, и были бы очень желательны. Но—не въ обиду будь сказано г-жѣ Стацевичъ—за это дѣло могутъ браться только очень умные и знающіе люди... Дѣло въ томъ, что разобраться въ «добродѣтеляхъ», въ положительныхъ качествахъ совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Взять хоть бы такое несомнѣнное, всѣми признанное положительное качество, какъ способность къ самопожертвованію. Прекрасно оно, что и говорить, но художникъ можетъ на эту тэму и дѣйствительно идеальную фигуру создать, и всю обѣдню испортить, смотря потому, какъ и на что направитъ самопожертвованіе своего героя или героини. Но эта тэма на столько все-таки ясна и благодарна, что даже при неправильномъ возвеличеніи самопожертвованія ради какихъ-нибудь грошовыхъ цѣлей, здѣсь все-таки можетъ получиться образъ живого человѣка, если приняты въ соображеніе другія требованія здраваго смысла. Обыкновенный пріемъ неумныхъ беллетристовъ много хуже. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы навалить на героя гору добродѣтелей, даже не соображая, нѣтъ ли между ними противорѣчій, можетъ ли вынести ихъ одинъ человѣкъ, не превращаясь въ ходячій арсеналъ, въ которомъ помѣщено разнообразное смертоносное оружіе: холодное и огнестрѣльное, старое и новое, вышедшее и не вышедшее изъ употребленія, пушки и карманные револьверы. Вы, конечно, встрѣчали въ плохихъ романахъ такихъ героевъ, которые на одной страницѣ отличаются невозмутимымъ хладнокровіемъ, а на слѣдующей — неудержимою пылкостью. Неумные авторы этихъ романовъ разсуждаютъ такъ: невозмутимое хладнокровіе есть достоинство, неудержимая пылкость — тоже достоинство, а мой герой, въ качествѣ идеальнаго типа, долженъ быть носителемъ всѣхъ достоинствъ. Верблюжья выносливость, ослиная настойчивость, слоновья сила, соловьиный голосъ, гренадерскій ростъ, ньютоновъ умъ, вольтеровскій сарказмъ, дѣтская невинность, лебединая шея—все это валится въ одну кучу. И можете посудить какой изъ этого выходитъ несообразный звѣрь, вмѣсто идеальнаго-то типа. Самые неумные доходятъ до того, что глаза своихъ героинь дѣлаютъ заразъ и свѣтлыми и темными, щеки—румяными и блѣдными, бюсты — роскошными и дѣвственно-несложившимися. Потому—и голубые глаза хороши, и черные тоже хороши и проч. Если у такого неумнаго художника есть маленькая практическая сметка или литературный навыкъ, онъ непремѣнно наровитъ изобразить, что называется, порывистую натуру. Эта все вынесетъ: сегодня у нея могутъ быть румяныя щеки, а завтра онѣ могутъ поблѣднѣть интересною блѣдностью; сегодня она вся—страсть, огонь, завтра вся—мудрость и самоотреченіе. Это очень легко, конечно, живописать, но за то и не умно, во-первыхъ, а во-вторыхъ страшно надоѣло.

Таковы опасности, предстоящія созидателямъ идеальныхъ типовъ, и г-жа Стацевичъ, къ сожалѣнію, не избѣжала этихъ фальши-

ныхъ путей. Ея Наденька, раздавленная горой красоты, ума и добродѣтели, есть именно такая порывистая натура, которой любезность автора предоставляетъ право носить сегодня дѣтски-румяныя, а завтра интересно-блѣдныя щеки, сегодня являться мудрою, яко змій, а завтра легкомысленно порхать, подобно красивой бабочкѣ. Это въ порядкѣ вещей, такіе люди бываютъ, это даже самые обыкновенные, уличные, такъ сказать, люди, но молиться на нихъ совсѣмъ не полагается. Они, большею частью, дрянные люди и могутъ много напакостить своимъ ближнимъ. Г-жа Стацевичъ заставляетъ Наденьку дѣлать выписки изъ всевозможныхъ книгъ на всевозможныхъ языкахъ; заставляетъ ее штудировать Тацита и Гёте, Шекспира и Спинозу, Милля, Костомарова и Адама Смита; заставляетъ ее писать въ дневникѣ: «Stabo quoqumque ferar - т. е. устою, гдѣ бы я ни былъ. Какой дивный языкъ!—скала! Зачѣмъ это насъ не учили по-латыни?!»—Подождите, chère et charmante mademoiselle, г. Катковъ еще возведетъ васъ на эту скалу, а пока вы бы хоть съ тѣмъ мало-мальски справились, чему васъ учили. А то вотъ у васъ «на туалетѣ, посреди флаконовъ съ духами (эти мнѣ духи!), на самомъ видномъ мѣстѣ эффектно красовался бѣлоснѣжный алебастровый бюстъ Свифта». Каково положеніе бѣднаго Свифта! могъ ли когда нибудь воображать великій сатирикъ, что черезъ какихъ-нибудь сто, сто-двадцать-пать лѣтъ послѣ его смерти, лучезарная m-lle Ракитяна, съ полнымъ сознаніемъ своей лучезарности, будетъ держать его бюстъ среди косметиковъ. Бѣдный Свифтъ и... счастливые духи, хотѣлъ-было я сказать. Умоположеніе Наденьки лучше всего характеризуется этимъ сопоставленіемъ на одномъ туалетѣ Свифта и духовъ и, главное, самодовольствомъ по этому поводу. Она знаетъ, что хорошіе духи хороши и что Свифтъ тоже хорошая штука, а потому, не обинуясь, валитъ ихъ въ одну кучу. Опять-таки я не говорю, что такихъ людей нѣтъ на свѣтѣ. Напротивъ, ихъ много, слишкомъ много, но изображать ихъ надо не съ колѣнопреклоненіемъ, а на манеръ хоть бы того, какъ Свифтъ отдѣлывалъ ханжей и лицемѣровъ.

Будь я на мѣстѣ г-жи Стацевичъ, я бы, пожалуй, оставилъ Наденькѣ ея красоту, хотя и то, въ виду несомнѣнныхъ ея неудачъ на поприщѣ любви и танцевъ, надо бы немножко сбавить краски. Можно бы, напримѣръ, оставить Наденькѣ кудрявую шевелюру, но предоставить оловянные глаза или устроить носъ пуговицей. Что-нибудь въ этомъ родѣ. Далѣе я вложилъ бы въ нее огромный запасъ самомнѣнія, претензій, желанія блистать, первенствовать въ чемъ попало, безъ разбора, но одарилъ бы ее далеко не такъ щедро умственными и нравственными качествами, какъ это сдѣлала г-жа Стацевичъ. Вслѣдствіе такого разлада между претензіями и средствами, Наденька терпѣла бы рядъ неудачъ и естественно переходила бы отъ одного «порыва» къ другому: не удается въ танцахъ—она погружается въ науку, не удается въ наукѣ—она купается въ духахъ и все стремится.

стремится никому, ниже ей самой не извѣстно куда. Фактически оно такъ и у г-жи Стацевичъ выходитъ.

«Первая лесть вскружила голову» Наденькѣ, когда ей было шестнадцать лѣтъ. Она вообразила себя созданной для поклоненія и любви, но вотъ неудача: молодежь оставила ее втунѣ, и Наденька немедленно признаетъ свои увлеченія «пошлостью и скукой» и мечтаетъ о химіи, о медицинѣ. Не выгорѣло съ химіей, Наденька подъ звуки «Прекрасной Елены» маршируетъ бѣглымъ шагомъ въ Петербургъ. Здѣсь она сталкивается съ разной молодежью, которая худо ли, хорошо ли высказываетъ свои мысли, но вѣрно оцѣниваетъ m-lle Ракитину, и m-lle Ракитина отворачивается. Попадаетъ она къ литераторамъ. Когда она въ первый разъ пришла къ Крамскому, тамъ было (какъ и въ произведеніяхъ гг. Полонскаго и Авсѣенки) страшно накурено, стояли бутылки, стаканы, говорили люди о своихъ литературныхъ дѣлахъ. А m-lle Ракитина, еще полная мотивомъ «всѣ мы жаждемъ любви», сидитъ «среди всего этого какой-то феей, въ кисеѣ, кружевахъ, перчаткахъ gris-perle!» Естественно, что передъ ней колѣна не преклонились. «Вы понимаете, разсказываетъ она:— мнѣ хотѣлось быть тоже замѣченной и тоже говорить!» А ея не замѣтили! Неудача! Везутъ Наденьку къ «семейнымъ» литераторамъ Павлищевымъ на дачу. Тамъ ее встрѣчаютъ ласково, но не особенно почтительно и даже немножко насмѣшливо. Наденька вспоминаетъ: «Я попросила не безпокоиться обо мнѣ, предоставивъ мнѣ, какъ и другимъ, полную свободу дѣлать что хочется. Я воображала, что сказала нѣчто умное и либеральное. Это произвело «фуроръ», но совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: всѣ переглянулись и расхохотались. Мнѣ хотѣлось провалиться на мѣстѣ». Неудача! Да и вообще новые знакомые не оцѣнили многоразличныхъ достоинствъ лучезарной Наденьки. Правда, Талызинъ пристаетъ къ ней съ свободною любовью, но Талызинъ пьяница и ко всѣмъ съ свободною любовью пристаетъ. Правда, въ Наденьку влюбился Истоминъ и она осчастливила его взаимностью, но скоро оказалось, что она постыдно разметала бисеръ своей взаимности, если не передъ свиньей, то передъ самымъ глупымъ и даже, кажется, единственнымъ глупымъ человѣкомъ изо всей кампаніи. Правда, въ Наденьку влюбился еще, какъ кошка, Крамской, но Крамской не молодъ, не красивъ, грубъ, пьянъ и, несмотря на эти недостатки, до такой степени все таки заслоняетъ собой въ глазахъ новыхъ знакомыхъ лучезарную Наденьку, что они только по отношенію къ нему и цѣнятъ Наденьку. Она вспоминаетъ: «Для нихъ она, со всей ея внутренней жизнью, въ сущности, сама по себѣ и не существовала; на нее обращали вниманіе потому, что знали, что Крамской къ ней не равнодушенъ». Опять, значитъ, обида, опять неудача и Наденька, какъ угорѣлая, мечется то въ оперу, то въ Адама Смита и Тацита, то въ сліяніе съ народомъ по вопросу о праздновании Свѣтлаго Христова Воскресенья. И нигдѣ,

нигдѣ не удается ей добиться колѣнопреклоненій и онміаковъ! Бѣдная Наденька..

Попадаетъ Наденька на литературный пикникъ. Этотъ пикникъ, по своей фантастичности, заслуживаетъ воспроизведенія: «У каждаго мужчины была своя дама—и непремѣнно не жена: conditio sine qua non. Танцы были тоже какіе-то импровизированные. Въ одномъ углу пляшутъ и распѣваютъ carmagnole; въ другомъ — самые сливки интеллигенціи, сѣдобородые мужи, должно быть, вспомнивъ Парижъ и бульварныя сцены 48-го года, въ шляпахъ, съ сигарами въ рукахъ, топочутъ ногами и распѣваютъ марсельёзу... Здѣсь въ бѣшенной мазуркѣ несутся влюбленныя пары... Тамъ—какой то нескладный галопъ почтеннаго критика въ юпкѣ подъ ручку съ мизернымъ лысымъ педагогомъ. Однимъ словомъ, картина! И все это подъ акомпаниментъ хохота, пѣсенъ и болтовни, подъ громогласное пѣніе Крамского». Но у бѣдной Наденьки, несмотря на ея лучезарность, не было кавалера, хотя ея положеніе, какъ дѣвицы, было въ этомъ отношеніи особенно выгодно тамъ, гдѣ «у каждаго мужчины была своя дама и непремѣнно не жена». Оловянные глазки Наденьки затуманились, курносый носикъ покраснѣлъ, она сѣла въ уголъ и задумалась о суетѣ мірской. Но вотъ къ ней довольно вольно подсѣлъ Мордвиновъ и позвалъ танцовать. Наденька мигомъ воспрянула: ее замѣтили! Въ знакъ благодарности, она тотчасъ же влюбилась въ Мордвинова, но когда тотъ ее отвергъ, она окончательно познала всю мелкость окружавшихъ ее людей и опять заметалась на всемъ невообразимо громадномъ и невообразимо пустомъ пространствѣ, граничащемъ съ одной стороны Свифтомъ, а съ другой violettes de Parme.

Бѣдная Наденька! Еслибы ея біографія состояла только изъ подобныхъ неудачъ, то, несмотря на всю мелочность мотивовъ ея несчастія, можно бы было простить ей ея неосновательныя бутады на людей, не оцѣнившихъ ея оловянныхъ глазъ, и отъ души пожалѣть ее. По человѣчеству пожалѣть. Даже не по человѣчеству, а такъ, какъ невольно жалѣешь всякую тварь божію, чистую и не чистую, если видишь, что ея жизнь непріятно сложилась. Конечно, всѣ эти пререканія съ разными «новыми людьми», «агитаторами», «сливками интеллигенціи» и проч., пререканія изъ-за собственныхъ прекрасныхъ или непрекрасныхъ глазъ, остаются, во всякомъ случаѣ, нелѣпыми и непривлекательными. Но самую обладательницу глазъ все-таки пожалѣть можно.

Однако, я не жалѣю Наденьку. Окончанія «Идеалистки» еще нѣтъ на лицо и я не знаю, какъ справится авторъ съ своей героиней. Думаю, что онъ ее уморитъ. Наденька еще и еще разъ пронесется бабочкой со Свифта на флаконъ violettes de Parme и обратно, совсѣмъ, совсѣмъ убѣдится, что никто не въ состояніи оцѣнить ее, и, истомившись, умретъ. Умретъ какъ-нибудь особенно. Либо на солнцѣ растаетъ, либо, какъ роза,

умретъ и душа ея, видимо для всей публики, вознесется на небо, какъ возносится душа Маргариты въ оперѣ «Фаустъ», а могилу ея закроютъ цѣлой горой цвѣтовъ запоздалые поклонники. Или, какъ поется, въ какомъ-то водевилѣ, Наденька... «съ флаконами въ рукахъ, станетъ плавать вся въ духахъ». Поплаваетъ, поплаваетъ и утонетъ, какъ новая и гораздо болѣе ароматическая Офелія, а благодарные парфюмеры изобрѣтутъ новые духи «Надинъ ароматикъ». Но даже и въ такомъ трагическомъ случаѣ я не пожалѣю о Наденькѣ и буду имѣть жестокость сказать: дурная трава изъ поля вонъ.

Если вы потрудитесь внимательно прочитать тѣ страницы «Идеалистки», на которыхъ описываются взаимныя отношенія Крамскаго и Наденьки Ракитиной, вы должны будете согласиться, что я правъ. Крамской—самая симпатичная фигура въ «Идеалисткѣ». Это человѣкъ слабой воли и не богъ знаетъ какихъ широкихъ идеаловъ, но сама г-жа Стацевичъ признаетъ за нимъ и умъ, и душу недюжинную. Онъ безъ памяти влюбленъ въ Наденьку. И посмотрите, какъ дрянно, какъ—скажу прямо—подло играетъ лучезарная дѣвица на этомъ инструментѣ. Наденькѣ, замѣтьте, двадцать три года. Годы, конечно, молодые, но двадцать три года не шестнадцать лѣтъ, особливо когда обладательница ихъ глотаетъ и Гёте, и Милля. Шестнадцати семнадцати лѣтней дѣвочкѣ простительно, играючи, царапать чужую душу по невѣдѣнію. Но что прощается котятамъ, за то кошекъ бьютъ. Наденька, какъ ни глупа она (въ этомъ надо признаться), понимаетъ, что Крамской ее любитъ и мечтаетъ на ней жениться. Сознаетъ она также, что сама она его полюбить никогда не можетъ, хотя бы уже потому, что еслибы этотъ честный и умный человѣкъ пустился въ область хореграфіи, такъ у него вышло бы нѣчто въ родѣ медвѣжьяго представленія, какъ дѣвки горохъ воруютъ. А для Наденьки «вся суть была въ вальсѣ». Но Наденька понимаетъ, кромѣ того, что Крамской человѣкъ слабый, на которомъ ѣздить очень легко, и потому неустанно, изо дня въ день, щекочетъ его, позволяя себѣ, въ качествѣ «порывистой натуры», то приласкать несчастнаго, то оттолкнуть, то подразнить, то чуть не на шею къ нему лѣзть и унижать то себя, то его. Словомъ, изъ жизни человѣка, и безъ того измученнаго и безспорно заслуживающаго лучшей участи, лучезарная Наденька ухитрилась устроить адъ; настоящій адъ, въ сравненіи съ которымъ обличаемый г-жею Стацевичъ образъ жизни нетолько Павлищевыхъ и Мордвинова, но самого Талызина есть образчикъ свѣта и чистоты. Истинно противно читать описаніе этихъ пакостныхъ отношеній. Тѣмъ болѣе противно, что г-жа Стацевичъ разсказываетъ все это не въ судъ и осужденіе своей русокудрой любимицы, а въ видахъ идеализаціи дѣвчонки не просто пустой, а положительно дрянной. Мало-мальски порядочная дѣвушка, даже изъ тѣхъ, которыя довольствуются духами и не слыхивали о Свифтѣ, съумѣла бы порвать пакостныя отношенія.

ну хоть бы на другую квартиру, по крайней мѣрѣ, переѣхала изъ уваженія къ себѣ и изъ состраданія къ Крамскому. Это, кажется, элементарно и наикисейнѣйшей барышнѣ доступно. А Наденька, столь щедро осыпанная нравственными и умственными дарами природы, у которой, по ея собственнымъ словамъ, «цѣлый міръ въ свободной и пылкой душѣ», остается жить съ Крамскимъ стѣна объ стѣну, дверь объ дверь въ меблированныхъ комнатахъ. Мало того, что она пользуется на каждомъ шагу его услугами и не дѣлаетъ ни одного шага для измѣненія отношеній, она не пользуется даже тѣми благопріятными для разрыва случаями, которые ей сама судьба посылаетъ. Напримѣръ, Крамской рѣшаетъ переѣхать на новую квартиру, сосѣди ему не нравятся. Наденька отнюдь не раздѣляетъ этого взгляда на сосѣдей и все-таки переѣзжаетъ вмѣстѣ съ Крамскимъ, чтобы и на новой квартирѣ не оставить его въ покоѣ! Въ другой разъ, измученный Крамской объявляетъ Наденькѣ, что ѣдетъ завтра въ деревню. Кажется, чего бы лучше. Но посмотрите, какъ ломается по этому поводу лучезарная дѣвица, то «не поднимая головы отъ шитья», то «поднимая на него свои грустные глаза», то говоря «тихо и печально», то говоря «чуть слышно и смущенно». Этакая мерзость! А когда Крамской уходитъ, она спрашиваетъ у себя: «Вотъ вѣдь какъ будто я и виновата передъ нимъ... а чѣмъ?»—Вы не понимаете, чѣмъ, chère et charmante mademoiselle? Вы не понимаете, Надинъ ароматикъ? Но за что же: скажите, за что г-жа Стацевичъ облѣпила васъ сусальнымъ золотомъ и посадила на пьедесталъ и увѣнчала розами и облила благовоніями, когда вы такъ неизмѣримо глупы и такъ уродски лишены нравственнаго чутья? Я не удивлюсь, если узнаю изъ второй части «Идеалистки», что Крамской ругаетъ Наденьку, какъ ломовой извощикъ, пожалуй, даже бьетъ ее, а она все тянетъ свою пакостную канитель. Крамской—человѣкъ грубый и пьяный, а Наденька, съ своей стороны, дѣлаетъ все нужное для того, чтобы довести пьянаго и грубаго человѣка до непечатныхъ словъ и драки...

Полюбуйтесь же, г-жа Стацевичъ, какую дрянь вы возвеличали насчетъ разнаго рода «новыхъ людей». Не говорю, чтобы эти люди огуломъ не заслуживали никакого порицанія; но, во всякомъ случаѣ, не Надинъ ароматикъ можетъ бросить въ нихъ камнемъ. Это-то уже внѣ сомнѣнія. Припомните тоже на будущее время, что для созданія идеальнаго типа требуются такія данныя, которыхъ вы, по крайней мѣрѣ, теперь (дай вамъ Богъ умнѣть и учиться) не имѣете.

Вотъ тоже г. Писемскій тряхнулъ стариной и создалъ идеальный типъ...

Впрочемъ, позвольте сначала вернуться къ повѣсти г. Полонскаго «Нечаянно». Какъ уже сказано, центръ тяжести повѣсти составляетъ не Леля Затаилова и не «молодое общество», увлекшее

ее съ пути violettes de Parme на путь Свифта. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ такъ, а повѣсть г. Полонскаго еще не кончена. Сюжетъ въ томъ, что молодой чиновникъ Пулькинъ нашелъ на улицѣ бумажникъ съ пятью тысячами. Нашелъ и присвоилъ, а чтобы замаскировать дѣло, объявилъ, что у него умеръ дядя, оставившій ему 50,000. Постепенно усиливая вранье, Пулькинъ довелъ эту цифру даже до 200,000. Ну, разумѣется, отношенія къ нему знакомыхъ перемѣнились, когда онъ оказался богачемъ, а незнакомые спѣшили познакомиться. Для поддержанія своего вранья, Пулькинъ долженъ жить далеко несообразно съ размѣрами найденнаго имъ на улицѣ капитала, часть котораго у него вдобавокъ украли Бумажникъ, кажется, принадлежитъ опекуну Лели Затаиловой, на которой Пулькинъ собирается жениться. Изъ всего этого выходитъ длинный, сложный и запутанный водевиль. Да, къ сожалѣнію, только водевиль, хотя сюжетъ могъ бы дать матеріалъ и не для водевиля. Пулькинъ задуманъ очень недурно: «Нельзя сказать, чтобы въ душѣ Пулькина не было честныхъ и благородныхъ побужденій. Не даромъ же онъ считалъ себя гражданиномъ, страдающимъ недугами своего отечества, не даромъ читалъ современные романы и сочувствовалъ героямъ идеальнымъ и съ европейской точки зрѣнія, но на каждое такое честное побужденіе появлялось въ немъ по нѣскольку иныхъ хищническихъ побужденій, порожденіями (?) среды, избалованности, нужды разлагающейся, гнилой нравственности нашего общества». Это очень распространенный и очень поучительный сортъ людей. Хищническіе инстинкты, конечно, въ концѣ концовъ, большею частью преодолѣваютъ въ нихъ «честныя побужденія». Но до поры до времени, у нихъ обыкновенно не хватаетъ достаточно наглости для производства грабежей. Ихъ должна подтолкнуть какая нибудь случайность, а тамъ уже они и сами подъ гору покатятся или, пожалуй, въ гору полѣзутъ. Въ видахъ пикантности, недурно взять такую случайность, на какой вертится повѣсть г. Полонскаго: нашелъ человѣкъ 5,000, совралъ, что получилъ наслѣдство въ 50.000—200,000 и долженъ вести себя соотвѣтственно. Понятно, какую великолѣпную и правдивую картину могъ бы написать на эту тэму настоящій мастеръ, окруживъ мнимаго богача Пулькина соотвѣтственнымъ персоналомъ. При достаточной серьёзности и подготовленности художника, фиктивное богатство Пулькина могло бы сослужить службу не хуже мертвыхъ душъ Чичикова. Но г. Полонскій предпочелъ, во-первыхъ, водевиль, а во-вторыхъ, направилъ стрѣлы своей водевильной сатиры на такихъ, по малой мѣрѣ, невинныхъ и безвреднѣйшихъ людей, какъ юный критикъ Кроликовъ, литераторъ Минераловъ, поклонница Писарева Маша Студенецкая и проч. Ничего, конечно, и не вышло.

Много серьёзнѣе посмотрѣлъ на свою задачу г. Писемскій, когда писалъ романъ «Мѣщане», печатавшійся сначала въ «Пчелѣ» и теперь вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ.

Задача романа лучше всего характеризуется слѣдующей тирадой одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «... и такимъ образомъ Таганка и Якиманка безапелляціонные судьи актера, музыканта, поэта... Дѣло не въ людяхъ, а въ томъ, что силу даетъ этимъ господамъ и какую еще силу: совѣсть людей становится въ рукахъ Таганки и Якиманки... Разсказываютъ даже, что нѣмцы въ Москвѣ, болѣе прозорливые, начинаютъ принимать православіе, чтобы только угодить Якиманкѣ и на благосклонности оной сотворить себѣ честь и благостыню... Это безсмыслица какая-то историческая! разные рыцари, чтобы тамъ про нихъ ни говорили, и всевозможные воины ломали себѣ ребра и головы, чтобы добыть своей родинѣ какую нибудь новую страну, а Таганка и Якиманка поѣхали туда и нажили себѣ тамъ денегъ... Великіе мыслители изсушили свои тяжеловѣсные мозги, чтобы дать міру новыя открытія, а Таганка, эксплуатируя эти открытія и обсчитывая при этомъ работника, зашибла и тутъ себѣ копейку и теперь комфортабельнѣйшимъ образомъ разъѣзжаетъ въ вагонахъ 1-го класса и поздравляетъ своихъ знакомыхъ по телеграфу со всякими вздорами... Наконецъ самъ Бетховенъ и божественный Рафаэль какъ будто затѣмъ только и горѣли своимъ вдохновеніемъ, чтобы развлекать Таганку и Якиманку... Я совершенно убѣжденъ, что всѣ ваши московскіе Сентъ-Жермены, т. е. Тверскіе бульвары, большія и малыя Никитскія о томъ только и мечтаютъ, къ тому только и стремятся, чтобы какъ нибудь уподобиться и сравниться съ Якиманкой и Таганкой... Еслибы вопросъ только о жизни былъ, тогда и говорить нечего; но тутъ хотятъ шубу на шубу надѣть, сразу хапнуть, какъ Екатерининскіе вельможи дѣлали: въ десять лѣтъ такія состоянія наживали, что послѣ три, четыре поколѣнія мотаютъ, мотаютъ и все-таки промотать не могутъ!»

Въ этихъ словахъ, по обыкновенію г. Писемскаго, очень грубо, но очень вѣрно намѣчается одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашего времени. Г. Писемскій уже не въ первый разъ принимается за эту тэму. Его послѣднія комедіи «Ваалъ» и «Просвѣщенное время» построены на томъ же мотивѣ, хотя, къ сожалѣнію, это не литературныя произведенія, а какія-то рогожи. Какъ бы то ни было, но «мѣщанство», это по-европейски значитъ буржуазія, и пора бы намъ перестать толковать объ отличіи историческихъ путей, коими слѣдуетъ наше отечество, отъ тѣхъ, по которымъ шла и идетъ Европа. Еще есть, конечно, до извѣстной степени возможность позаимствовать у историческаго опыта Европы все хорошее и избѣжать дурного. Но для этого нужны энергическія усилія, а не безсмысленное закрываніе глазъ на то, что кругомъ насъ творится. Лучшее средство умереть отъ заразительной болѣзни состоитъ въ томъ, чтобы, ходя среди больныхъ, увѣрять и себя и другихъ, что опасности никакой нѣтъ. У насъ сплошь и рядомъ можно услышать утѣшительные разговоры насчетъ того, что мы, такъ сказать, не

отъ міра сего, объ нашемъ не думаемъ, а потому и буржуазіи вырастить изъ себя не можемъ. Хорошо бы, кабы этими устами да медъ пить. Но въ то самое время, какъ медоточивыя уста разглагольствуютъ, сборная команда купцовъ, помѣщиковъ, предпринимателей и кулаковъ-крестьянъ слагается въ совершенно опредѣленную буржуазію, хотя, конечно, на нашъ отечественный салтыкъ и притомъ пока еще не сомкнутую корпоративнымъ духомъ. Такъ какъ, благодаря нашей умышленной или неумышленной, намѣренной или вынужденной слѣпотѣ, ростъ этого элемента происходитъ совершенно безконтрольно; такъ какъ мы не хотимъ или не можемъ видѣть, какъ слагаются и крѣпнутъ Таганка и Якиманка, какъ Тверской бульваръ за ними тянется и какъ вообще вся старая Русь (хороша ли она или дурна сама по себѣ) фактически совершенно разворочена, то въ одинъ прекрасный день мы можемъ получить не совсѣмъ пріятный сюрпризъ. И сюрпризъ этотъ будетъ почище тѣхъ ежедневныхъ, чуть не ежеминутныхъ кражъ и грабежей, которые нынѣ поражаютъ наивныхъ людей своей наглостью. Впрочемъ, это въ настоящую минуту сюжетъ не подходящій. Вѣрно то, что г. Писемскій, какъ авторъ «Мѣщанъ» правъ: Таганка и Якиманка и расширеніе ихъ власти и значенія — фактъ. Нельзя поэтому не поблагодарить г. Писемскаго за его намѣренія.

Что же касается до исполненія... Что касается до исполненія, то «Мѣщане» много приличнѣе «Ваала» и «Просвѣщеннаго времени». Но это очень небольшая похвала, а большой похвалы «Мѣщане» не заслуживаютъ. Какая-то странная, площадная грубость красокъ и пріемовъ и способность изображать вмѣсто людей деревянныхъ болвановъ портитъ всѣ благія намѣренія г. Писемскаго. Притомъ же намѣренія его благи только съ отрицательной стороны. Еслибы онъ даже превосходно изучилъ и представилъ читателю собственно «Мѣщанъ», все таки дѣло было бы испорчено главною фигурой романа, въ которой авторъ воплотилъ свои положительные идеалы.

Въ Бѣгушевѣ (такъ зовутъ героя «Мѣщанъ») мы опять имѣемъ образчикъ совершенно несообразнаго звѣря, вмѣсто идеальнаго типа, какимъ онъ долженъ бы былъ быть по замыслу автора. Г. Писемскій—человѣкъ немолодой и много видовъ на своемъ вѣку видавшій. Судя по чрезвычайно комической наивности и неумѣстности, съ которыми онъ влагаетъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ разсужденія о «теоріи Бенеке», о пантеизмѣ, о солнцѣ, какъ источникѣ жизни на землѣ, и т. п., надо думать, что самъ г. Писемскій только на-дняхъ получилъ нѣкоторыя свѣденія объ этихъ «матерьяхъ важныхъ». Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда, и я очень радъ за г. Писемскаго. Но, въ устахъ почтеннаго возрастомъ человѣка, комическая наивность и неумѣстность разсужденій на ученыя темы свидѣтельствуютъ о значительномъ безпорядкѣ его умственнаго развитія. Видно, что развитіе это происходило, такъ сказать, слоеобразно: верхній слой ложился

на нижній, ни мало не измѣняя его, не ассимилируя его и самъ не ассимилируясь. Маленькая и даже не маленькая путаница понятій при этихъ условіяхъ очень естественна. Вслѣдствіе того, г. Писемскому особенно трудно разобраться въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, о хорошихъ и дурныхъ качествахъ, а потому трудно создать идеальный типъ. Что Бѣгушевъ красивъ, уменъ и благороденъ не плоше Наденьки Ракитиной — это уже само собою разумѣется. Но г. Писемскій пожелалъ еще наградить своего любимца огромнымъ богатствомъ, богатырскою грудью, физическою храбростью, способностью и охотою пить по три бутылки вина въ день, тончайшимъ гастрономическимъ вкусомъ, «бѣшенымъ характеромъ» и многими другими грандіозными вещами Главное тутъ дѣло въ грандіозности, въ томъ, чтобы никто и никогда не могъ перещеголять Бѣгушева. Выходитъ чрезвычайно забавно, а отчасти и стыдно за автора. Напримѣръ, такой казусъ. Нѣкто Янсунскій, изъ «мѣщанъ», человѣкъ наглый, глупый и мошенникъ празднуетъ день своего рожденія обѣдомъ въ трактирѣ. Въ обѣдѣ, вообще роскошномъ, фигурируютъ, между прочимъ, трюфели. На обѣдѣ, въ числѣ конвивовъ, присутствуютъ Бѣгушевъ и его любовница. Бѣгушевъ уѣзжаетъ съ обѣда крайне всѣмъ недовольный и въ тотъ же день даетъ своей любовницѣ ужинъ у себя дома.

«Они прошли въ столовую.

— Я нарочно велѣлъ приготовить пулярдку съ труфелями, чтобы вамъ показать, какіе могутъ быть настоящіе труфели сравнительно съ тѣми пробками, которыми насъ угощалъ сегодня нашъ амфитріонъ... И Бѣгушевъ самъ наложилъ Домнѣ Осиповнѣ пулярды и труфелей. Она скушала ихъ всѣ.

— Есть, надѣюсь, разница? спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Да! согласилась Домна Осиповна, но въ самомъ дѣлѣ она такъ не думала и даже врядъ ли тѣ труфели ей не больше нравились.

— Теперь позвольте вамъ предложить и краснаго вина, которое, надѣюсь, повыше сортомъ вина изъ садовъ герцога Бургундскаго! (за таковое выдавалъ свое вино мошенникъ Янсутскій).

— О, это гораздо лучшее вино, согласилась Домна Осиповна, все-таки не чувствуя въ винѣ никакого особеннаго превосходства. Въ слѣдующемъ затѣмъ маседуанѣ она обнаружила, наконецъ, нѣкоторое пониманіе.

— Какъ хорошо это пирожное; его никакъ нельзя сравнить съ давешнимъ!... начала уже она сама.

— Это изъ свѣжихъ фруктовъ, а то изъ сушеной дряни. Мѣщане!... Они никогда не будутъ порядочно ѣсть! заключилъ Бѣгушевъ».

Къ этому прибавить надо, что въ числѣ многоразличныхъ достоинствъ Бѣгушева значится «отвлеченное міросозерцаніе»... На что уже отвлеченнѣе! Но если человѣкъ съ «отвлеченнымъ міросозерцаніемъ» можетъ пикироваться съ «мѣщанами» изъ-за

труфелей и маседуана, то почему-же человѣку съ «бѣшенымъ характеромъ» не отличаться мягкостью и уступчивостью? «Неукротимость», «бѣшеный характеръ»,—это въ старые годы считалось, а кое гдѣ и теперь считается большимъ достоинствомъ. Не могъ же обойти его г. Писемскій въ инвентарѣ добродѣтелей положительнаго типа! Однако, Бѣгушевъ только самъ говорить о своемъ бѣшеномъ характерѣ, да еще Домна Осиповна зоветъ его «своимъ тигромъ». На самомъ же дѣлѣ Бѣгушевъ больше на овцу или барана похожъ и нетолько, на всемъ протяженіи романа, ни одного «бѣшенаго» поступка не совершаетъ, но постоянно «сдерживается» и «смягчается». Однако, и то сказать: сдержанность и мягкость тоже добродѣтели и нельзя же ихъ миновать.

Самый планъ идеальнаго типа, раздавленнаго горою стольких «достоинствъ», уже предрѣшалъ вопросъ объ общественномъ положеніи героя. Само собою разумѣется, что пить по три бутылка превосходнѣйшаго вина въ день и угощать изумительными труфлями и маседуаномъ можетъ только очень богатый человѣкъ. А очень богатаго человѣка можно взять только или изъ «мѣщанъ», или, такъ какъ задача состоитъ въ покараніи и обличеніи мѣщанства, изъ старинныхъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ и вышелъ послѣдній могиканъ Бѣгушевъ, скала стараго дворянства, подъ которую тщетно подмываются волны мѣщанства. Конечно, послѣдній могиканъ обнаруживаетъ мало проницательности, ибо по поводу настоящей турецкой войны замѣчаетъ: «Меня въ этой войнѣ одно радуетъ, что пусть хоть на время рыцарь проснется, а мѣщанинъ позатихнетъ». Это называется попасть пальцемъ въ небо. Но оно, впрочемъ, и приличествуетъ послѣднему могикану.

Вообще мысль противопоставить послѣдняго могикана растущей силѣ мѣщанства нельзя признать неудачною. Напротивъ, это тэма очень благодарная. Но при разработкѣ ея надо имѣть въ виду слѣдующее. Что бы ни говорилъ Бѣгушевъ объ идеалахъ (а онъ говоритъ большею частью страшныя глупости, хотя всѣ остальныя дѣйствующія лица романа и самъ авторъ считаютъ его чуть не геніемъ), но самая суть его будированія состоитъ въ томъ, что какіе-то прощалыги, смыслящіе въ труфляхъ столько же, сколько свинья въ апельсинахъ, покушаются на это достояніе знатоковъ и исконныхъ обладателей этого блага. Рыцарями Бѣгушевыхъ можно называть только въ шутку, а въ сущности они рыцари труфельнаго права. Значитъ, вся борьба идетъ собственно изъ-за того, кому принадлежатъ право ѣсть труфели: разбогатѣвшимъ мѣщанамъ или родовымъ дворянамъ. Борьба, безъ сомнѣнія, любопытная, достойная вниманія мыслящаго художника. Но такъ какъ обѣ стороны стоятъ на одной и той же почвѣ, то ни та, ни другая не могутъ выставить идеальнаго типа, безъ грубой размалевки и каррикатурнаго нагораживанія «достоинствъ». Какія, въ самомъ дѣлѣ, мало-мальски раз-

умныя основанія можно привести для признанія любви къ трюфелямъ въ Бѣгушевѣ достоинствомъ, а въ Янсутскомъ—недостаткомъ? Въ Янсутскомъ она, по крайней мѣрѣ, вяжется со всѣмъ остальнымъ его содержаніемъ, а Бѣгушевъ вѣдь объ идеалахъ толкуетъ, рыцаремъ себя полагаетъ. Поэтому, даже съ чисто эстетической точки зрѣнія, какъ художественный образъ, Бѣгушевъ неизбѣжно долженъ былъ выдти плохъ, какимъ онъ и вышелъ у г. Писемскаго. Положительнымъ типомъ, героемъ романа «Мѣщане», романа, дѣйствительно заслуживающаго этого заглавія, могъ бы быть только такой человѣкъ, который не борется за трюфельное право, а отрицаетъ его. Скоро ли мы такого романа дождемся, этого я не знаю. Думаю, впрочемъ, что скоро, потому что давно пора.

Н. М.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь!

Прошу извиненія въ неисправности, впрочемъ, невольной. По обстоятельствамъ, совершенно отъ меня независящимъ, я не могу доставить въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» продолженія моего романа *Былое* и даже не могу назначить времени, когда его доставлю. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что впослѣдствіи, когда будетъ возможно продолжать этотъ романъ, вы не откажете дать ему мѣсто на страницахъ вашего журнала.

В. Крестовскій.

19-го апрѣля 1878 г.

Редакторъ **М. Е. Салтыковъ.** Издатель **А. А. Краевскій.**

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1878

№ 6 IЮНЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(*См. страницу 3-ю*)

ГРЫЗУНЫ.

(РАЗСКАЗЪ).

Грызуны обитаютъ частію на деревьяхъ, частію на поверхности земли и даже въ землѣ; нѣкоторые же живутъ въ домахъ, по темнымъ угламъ. Многіе, живущіе въ домахъ, наносятъ значительный вредъ человѣку.

(Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою).

Въ концѣ прошлаго сентября, погода, послѣ долго продолжавшагося ненастья, установилась великолѣпная. Утренніе морозы, доходившіе до шести, семи градусовъ Реомюра, живо подсушили землю, а солнце, свѣтившее не хуже лѣтняго и обильно осыпавшее землю искристыми лучами, оживляло природу и такъ хорошо нагрѣвало воздухъ, что можно было выходить безъ теплой одёжи. Мужики засуетились. На гумнахъ застучали цѣпы; пошла молотьба и вѣйка, и каждый торопился воротить упущенное послучаю ненастья. Грязныя дороги накатались и, сдѣлавшись словно свинцовыми, ярко свѣтились на солнцѣ. Загремѣли по нимъ телеги и далеко въ воздухѣ разносился стукъ колесъ.

Въ одно именно такое-то утро, рано проснувшись и увидавъ ворвавшіеся въ окна лучи солнца, а главное замѣтивъ, что дымъ изъ трубъ поднимался совершенно прямыми столбами (что̀ означало отсутствіе даже малѣйшаго вѣтра), я рѣшился, въ туже минуту, воспользоваться этой восхитительной погодой и отправиться на охоту за зайцами по *узерку*. Наскоро одѣвшись и напившись чаю, я взялъ ружье, перекинулъ черезъ плечо патронташъ и отправился въ графскій боръ. Такъ назывался боръ, принадлежавшій графу Иксъ.

Охотой по *узерку* въ нашей мѣстности называется то время, когда заяцъ выцвѣтетъ, то есть, перемѣнитъ свою грязно-сѣрую шерсть и, нарядившись въ зимнюю шубу, дѣлается совершенно

бѣлымъ. Пока снѣгъ еще не выпалъ, бѣлая шуба эта выдаетъ его и даетъ охотнику возможность *подóзрить* его на далекомъ пространствѣ. Заяцъ таится, поджимаетъ уши, но охотникъ, замѣтивъ добычу, идетъ къ нему смѣло и, если принадлежитъ къ числу *шкурятниковъ*, то прямо бьетъ его лежачаго, а если къ числу таковыхъ не принадлежитъ, то спугиваетъ его и бьетъ на бѣгу. Охота эта очень веселая, въ особенности въ чистыхъ сосновыхъ лѣсахъ, въ которыхъ видно кругомъ далеко.

Графскій боръ раскинулся на десятки верстъ и, соединяясь съ казенными лѣсами, представляетъ богатое убѣжище для зайцевъ и бѣлокъ; въ немъ даже изрѣдка попадаются медвѣди, забирающіеся полакомиться медомъ на пчельники, лѣпившіеся по опушкамъ бора. Я очень люблю сосновые лѣса. Чтò за прелесть эти прямыя сосны, словно колоны, поддерживающія зеленый шатеръ вѣтвей, и какъ роскошенъ и величественъ этотъ шатеръ, сквозь который даже солнце съ трудомъ пробиваетъ свои огненные лучи! Воздухъ пропитанъ запахомъ смолы и кàкъ легко дышется этимъ воздухомъ! А что за чистота кругомъ! Подъ ногами словно коверъ изъ низкой травы, брусники и мха; идете вы неслышно и только изрѣдка хрустятъ подъ вами свалившіяся сосновыя шишки и сухія вѣтки. И вдругъ трескъ этотъ пугаетъ бѣлку: стремглавъ бросается она на дерево, вбѣгаетъ по гладкому стволу его и, быстро достигнувъ вѣтвей, въ одно мгновеніе изчезаетъ, перелетая съ одного дерева на другое. Изрѣдка въ лѣсахъ этихъ разбросаны болотца съ кочкарникомъ, окруженныя густо поросшимъ тальникомъ и березками! Болотца эти служатъ самымъ любимымъ прибѣжищемъ зайцевъ и можно смѣло разсчитывать, что въ кочкахъ этихъ охотникъ непремѣнно найдетъ двухъ, трехъ зайцевъ.

Я еще ни разу не былъ въ графскомъ бору и, откровенно сказать, очень былъ доволенъ, попавши въ него. Боръ былъ дѣйствительно замѣчательный. Сосны достигали необычайной вышины и были прямы, какъ свѣчи. Самый легкій вѣтерокъ, пробѣгая по ихъ верхушкамъ, заставлялъ ихъ колыхаться, при чемъ вѣтви, стукаясь другъ о друга, наполняли тишину бора какими-то волшебными звуками. Точно сотни невидимыхъ существъ стучали гдѣ-то палочками и дразнили васъ этой странной музыкой... Клюква и брусника попадались на каждомъ шагу; кое гдѣ, раскинувъ красиво свои шляпки, бѣлѣли грузди. Отрывавшіяся съ деревьевъ сосновыя шишки падали иногда прямо на голову и заставляли вздрагивать. Красивые дятлы перелетали съ дерева на дерево, прицѣплялись къ стволу, и торопливо долбили носами...

Удачная охота и примѣшавшаяся къ этому новизна картины сдѣлали то, что я даже и не замѣтилъ, какъ прошло время и какъ наступило два часа. Пора было возращаться домой. Я повернулъ по направленію къ дому, но не прошло и десяти минутъ, какъ, проходя мимо небольшаго болотца, окаймлявшагося густымъ березникомъ, я поднялъ зайца. Я схватилъ ружье и только-что успѣлъ выстрѣлить, какъ въ березнякѣ, какъ разъ по направленію выстрѣла, раздался испуганный крикъ и изъ кустовъ опрометью выскочилъ толстенькій мужчина со спущенными желтыми панталонами.

— Убили! кричалъ онъ.

И въ то же время, изъ тѣхъ же кустовъ гремѣлъ чей то оглушительный хохотъ, сопровождавшійся хлопаньемъ въ ладоши и криками: браво, брависсимо! прелестно!.. это—превосходно!..

Все это было дѣломъ одной минуты. Я подбѣжалъ къ незнакомцу и, по правдѣ сказать, перетрусилъ не на шутку.

Что̀ съ вами? спросилъ я.

Но, вмѣсто отвѣта, незнакомецъ продолжалъ корчиться, поджиматься и стонать. Я взглянулъ ему въ лицо и. несмотря на всю серьёзность минуты, чуть не покатился со смѣху. Смѣшнѣе этого лица и вообще всей этой несчастной фигурки я еще ничего не видывалъ. Это былъ маленькій, толстенькій, кругленькій мужчина, лѣтъ сорока, на коротенькихъ кривыхъ ножкахъ, съ коротенькими ручками, съ круглымъ краснымъ лицомъ, посреди котораго, вмѣсто носа, торчала какая-то шишечка съ двумя раздутыми дырочками. Огромный ротъ съ толстыми губами, доходившими чуть не до ушей; круглые сѣрые глаза, какъ будто собиравшіеся выскочить вонъ; все это смотрѣло до того смѣшно и до того смѣшно перекосилось, что трудно было придумать что нибудь уморительнѣе. На незнакомцѣ была форменная фуражка съ кокардой, какой то рыженькій пиджакъ и желтыя лѣтнія панталоны. Черезъ плечо висѣлъ патронташъ.

— Что̀ съ вами? повторилъ я.

— Ничего, ничего! раздался вдругъ голосъ другого незнакомца, выходившаго изъ тѣхъ-же кустовъ, и затѣмъ опять тотъ самый хохотъ, который раздался вслѣдъ за выстрѣломъ.—Ничего, пустяки!..

— Пустяки, какъ-же! Тебѣ хорошо смѣяться!

— Конечно, пустяки! Лёгонькій обжогъ, и только!

— Тебя-бы обжечь этакъ...

— Да гдѣ-же вы были? спросилъ я.—Я не видалъ васъ.

— Тутъ-же за кустами! подхватилъ хохотавшій. — Евстафій

Кузьмичъ хлопочетъ объ уменьшеніи объема своего живота и пьетъ разрѣшающія воды.

Я было принялся извиняться, но товарищъ Евстафія Кузьмича опять перебилъ меня.

— Да ничего-же, говорятъ вамъ! басилъ онъ.—Евстафій Кузьмичъ очень хорошо понимаетъ, что запрещено бить лежачаго, а сидячаго дозволяется.

Я былъ въ самомъ неловкомъ положеніи; но, сообразивъ разстояніе, на которомъ я былъ отъ кустовъ, убѣдился, что ничего серьёзнаго быть не могло, и если я и попалъ нѣсколькими дробинами въ Евстафія Кузьмича, то ужъ никакъ не могъ ранить его, а только напугать развѣ. Осмотрѣвъ затѣмъ совершенно неожиданно подвернувшуюся мнѣ мишень, я увидалъ три, четыре красныя пятнышка, но никакихъ ранъ не было. Дробь была на излетѣ и не пробила кожи.

— Ранъ нѣтъ? допрашивалъ между тѣмъ Евстафій Кузьмичъ.

— Ни малѣйшихъ! отвѣтилъ за меня товарищъ его.

— Батюшка, Валеріанъ Иванычъ! У тебя водка есть; примочи, отецъ родной!

— Можно! хоть и жаль тратить водку на такой ничтожный предметъ.

Мы прошли нѣсколько шаговъ по березняку и вышли на небольшую полянку, на которой тотчасъ-же увидалъ я приставленное къ дереву ружье, а неподалеку разостланную на травѣ салфетку съ остатками отъ закуски. Валеріанъ Иванычъ примочилъ ранки и опять принялся хохотать, а Евстафій Кузьмичъ, успѣвшій тѣмъ временемъ поуспокоиться, приподнялъ фуражку и отрекомендовался:

— Ласточкинъ, Евстафій Кузьмичъ, землемѣръ.

— А меня что̀-же не представили?

— И самъ можешь.

— Мѣстный адвокатъ Верхолётовъ.

Я назвалъ себя, и мы пожали другъ другу руки.

— Не прикажете-ли? проговорилъ Верхолётовъ, взявъ стаканчикъ и приложивъ къ нему бутылку.

— Съ удовольствіемъ.

Мы выпили и закусили калёнымъ яйцомъ.

— А вы-то что̀-же? спросилъ я землемѣра.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Я говорилъ вамъ, замѣтилъ адвокатъ:—что Евстафій Кузьмичъ вòды кушаютъ; а спросите его: зачѣмъ?

— Затѣмъ, что нужно.

— А зачѣмъ это нужно?

— А затѣмъ, что печень страдаетъ и катаръ желудка.

— Ахъ, Боже мой, важность какая! У какого-же порядочнаго человѣка не страдаетъ печень и нѣтъ катара!.. Нѣтъ, вы вòды пьете для женщинъ-съ... хочете быть граціознѣе, воздушнѣе...

— Пожалуй, и для этого. Развѣ красота портитъ человѣка?

— Понятно, что красота ничего не можетъ портить, проговорилъ Верхолёговъ, и кстати за красоту выпилъ еще стаканчикъ.

По всему было замѣтно, что адвокатъ былъ пьянъ и что только сейчасъ случившееся его немного пріободрило. Онъ закурилъ папиросу и, прислонившись спиной къ дереву, замолчалъ. Напротивъ, Ласточкинъ, убѣдившись, что раны его несмертельны, видимо развеселился и даже какъ будто обрадовался новому знакомству. Посмотрѣвъ на адвоката, онъ подмигнулъ мнѣ и, щелкнувъ себя по галстуку, проговорилъ:

— А знаете ли, чтò я вамъ доложу-съ!.. Мое такое счастіе, что всѣ по мнѣ стрѣляютъ... ей-богу, не шучу!

— Эго странно!

— Однажды даже цѣлый день въ меня палили! подхватилъ онъ и молодецки разбилъ яйцо о коблукъ сапога.

— Неужели?

— Такъ-таки цѣлый день и палили! И вотъ кàкъ дѣло было. Пошли мы однажды съ пріятелемъ на озёра за утками. Разошлись въ разныя стороны: я пошолъ направо, онъ — налѣво. Подхожу къ озеру, смотрю — сидятъ утки. Я началъ подкрадываться (а кругомъ озера кусты и камыши), подкрался, приложилъ ружье... вдругъ: пафъ! и мнѣ въ щеку пять дробинъ!.. Оказывается, что пріятель-то съ другаго берега хватилъ въ тѣхъ-же самыхъ утокъ, въ которыхъ и я цѣлилъ... Ну, конечно, оба перепугались, однако, вышло на повѣрку, что ничего особеннаго не было и тоже, какъ сегодня, покончилось однѣми ссадинами. Я снялъ шляпу, подвязалъ щеку носовымъ платкомъ, и мы опять разошлись. Подошелъ лѣсъ. Я иду себѣ по лѣсу, а на грѣхъ подвернись клюква. Я присѣлъ, знаете ли, и сталъ себѣ собирать ягоды; вдругъ: пафъ! и опять мнѣ въ щеку три дробины. Оказывается, что мы опять съ пріятелемъ сошлись и, такъ какъ я, собирая клюкву, присѣлъ, то концы бѣлаго платка, которымъ была подвязана щека, пріятель принялъ за заячьи уши да и выстрѣлилъ. Спасибо, далеко стрѣлялъ, а то на повалъ-бы убилъ. Я опять принялся кричать, а пріятель даже плюнулъ. «Чортъ тебя побирай! говоритъ.—Отъ тебя, дурака, ничѣмъ не отдѣлаешься, хоть бы убить тебя поскорѣе, чтобы ты не подвертывался!»—И опять ничего, тоже примочили водкой и разо-

шлись. Прошло часа два, я успѣлъ къ стану сбѣгать, перекусилъ немного и, оставивъ тамъ ружье, взялъ ястреба... А ястребъ былъ у меня отличный, самъ вынашивалъ и перепеловъ ловилъ превосходно! Попалось мнѣ просянье; просо было уже въ снопахъ, значитъ—самое перепелиное мѣсто! И дѣйствительно, перепеловъ оказалось пропасть, и до того были они жирны, что насилу летѣли. Въ какихъ нибудь полчаса я штукъ тридцать накаталъ ихъ; право, не лгу...

— Я вѣрю.

— День былъ жаркій; ястребъ мой пріусталъ, да и я тоже. Надо было отдохнуть... Выпилъ я рюмку водки (я еще тогда вкушалъ), прилегъ на снопы и руку-то съ ястребомъ тоже на снопъ положилъ; улегся великолѣпно, задремалъ... вдругъ: бацъ! и мой ястребъ наповалъ, а рука вся въ крови...

— Неужели опять пріятель? спросилъ я.

— Онъ, подлецъ! вскрикнулъ Евстафій Кузьмичъ. — Увидалъ моего ястреба да и выстрѣлилъ въ него... Ей-ей, не лгу, и вотъ вамъ доказательства...

И Ласточкинъ показалъ мнѣ слѣды дробинъ на щекѣ и на рукѣ.

— Въ рукѣ, добавилъ онъ, до сихъ поръ еще одна дробинка сидитъ, не вытащили. И онъ далъ мнѣ пощупать то мѣсто, гдѣ сидѣла дробина.

— Ну-съ, а вы, спросилъ онъ:—много убили сегодня?

— Шесть зайцевъ.

— Гдѣ же они?

— Спряталъ, а завтра пріѣду за ними. Лѣнь было носить.

— Какая охота! Однако, мой *дровокатъ*-то заснулъ, кажется; вишь какъ захрапываетъ! И, указавъ на спящаго Верхолётова, опять подмигнулъ мнѣ.

— Усталъ, должно быть...

— Водку-то пить! подхватилъ Евстафій Кузьмичъ и залился самымъ добродушнѣйшимъ и звонкимъ хохотомъ. Онѣ съ собой цѣлую бутылку взялъ и всю осушилъ! И потомъ, нагнувшись ко мнѣ, прибавилъ шопотомъ:—муху убить любитъ и пьетъ сухо.

— Онъ только и занимается однимъ адвокатствомъ? спросилъ я.

— Только этимъ и занимается. Ѣздитъ по судьямъ, по съѣздамъ, у него и свидѣтельство отъ съѣзда есть. Мужиковъ обираетъ ненадо лучше, да некуда... Онъ изъ священныхъ, отецъ его протопопомъ. И все, что выработаетъ, все пропиваетъ. Жаль, способный малый, и, не будь этой водки, далеко пошелъ бы. Разъ какъ-то отецъ вздумалъ было вытрезвлять его; держалъ у себя

на глазахъ, водки давалъ понемногу... не вытерпѣлъ! Напился одеколономъ, надѣлъ на голову отцовскую комилавку—и маршъ въ кабакъ!..

И Евстафій Кузьмичъ опять захохоталъ.

— Однако, началъ онъ немного погодя и посмотрѣвъ на солнышко:—время и о ночлегѣ подумать.

— Да, пора! проговорилъ я, вставая.

Евстафій Кузьмичъ тоже всталъ и, подойдя къ Верхолётову, крикнулъ:

— Эй! пріятель! amice!

Но amicus только сопѣлъ, какъ-то особенно надувъ губы и какъ-то сердито наморщивъ брови.

— Вставай.

— Вы его не добудитесь!

— Нѣтъ, онъ—чуткій; вскочитъ разомъ. У него хмѣль скоро проходитъ; стоитъ вздремнуть немного и опять какъ встрепаный. Эй, адвокатъ, вставай!..

Верхолётовъ открылъ глаза и безсмысленно посмотрѣлъ на насъ.

— Вставай, пора идти.

Адвокатъ сталъ протирать глаза.

— Что это? говорилъ онъ.—Я никакъ заснулъ?!

Похоже на то.

— Долго?

— Да съ полчасика будетъ... И храпѣлъ во всѣ носовыя завертки.

— Это называется: потолки поднимать! замѣтилъ Верхолётовъ и, быстро вскочивъ на ноги, потянулся.

— Есть у тебя вода? спросилъ онъ Ласточкина.

Сельтерская? переспросилъ тотъ.

— Ну, понятно.

— Одна бутылочка осталась еще!

— Дай-ка мнѣ!

— А какъ же я-то безъ воды останусь?

— Одну-то бутылку, полагаю, можно уступить, Аполонъ ты бельведерскій.

— Ну, такъ ужъ и быть, возьми, подавись, только пойдемъ поскорѣе.

— Верхолётовъ отбилъ горлышко и залпомъ выпилъ всю бутылку.

— Хорошо, отлично освѣжаетъ! проговорилъ онъ. — Ну-съ, куда-же мы пойдемъ?

— Домой идти поздно, подхватилъ Ласточкинъ. — Надо идти на кордонъ къ графскому лѣсничему.

— Что-о? промычалъ адвокатъ.—Ты хочешь идти къ лѣсничему, къ Трампедаху!

А что-же, забормоталъ Евстафій Кузьмичъ.—Почему-же не идти? Кстати, я съ женою повидаюсь...

— Кажется, послѣднее запрещено тебѣ! замѣтилъ Верхолётовъ.

— Кто-же посмѣетъ мнѣ запретить?

— Тотъ, у кого она живетъ—Трампедахъ.

Ласточкинъ даже захохоталъ.

— Нѣтъ, все это кончилось! проговорилъ Ласточкинъ.—Жена со мной примирилась и, послѣ моего послѣдняго свиданія съ ней, даже просила меня навѣщать ее.

— Вотъ какъ! А давно это было?

— Съ недѣлю тому назадъ. Она убѣдилась теперь, что ссориться намъ неизчего.

— А вы тоже, конечно, съ нами? спросилъ Верхолётовъ, обращаясь ко мнѣ.

— Конечно, конечно, заговорилъ Ласточкинъ. — Намъ будетъ веселѣе. и, кромѣ того, домой засвѣтло вы не дойдете, а ночевать въ лѣсу, да еще осенью, не очень-то пріятно.

— Совѣтую слѣдовать за нами! проговорилъ Верхолётовъ.

— Что же это за кордонъ такой? спросилъ я.

Верхолётовъ снялъ фуражку, отмахнулъ назадъ волосы и, снова надѣвъ ее на бекрень, спросилъ:

— Кордонъ-то?

— Да.

— Кордонъ, это—разбойничье гнѣздо сихъ окружающихъ насъ лѣсовъ, атаманомъ котораго прусскій подданный Фридрихъ, Адольфъ, Августъ Трампедахъ (котораго, впрочемъ, мужики перековеркали и просто называютъ *Астраханскій тарантасъ*), одѣтый въ костюмъ лѣсничаго, т. е. сѣрый пиджакъ съ зелеными кантами, таковымъ-же воротникомъ и зелеными аксельбантами, на концахъ которыхъ висятъ свистокъ и карандашъ. Это—мужчина высокаго роста, съ длинными усами, довольно красивый, курящій отличныя сигары и получающій жалованья 2400 въ годъ на всемъ на готовомъ. Мужчина этотъ весь пропитанъ могуществомъ Пруссіи (отъ войны съ Франціей, впрочемъ, отвильнулъ, пославъ свидѣтельство о болѣзни), на Францію смотритъ съ пренебреженіемъ, а на своего довѣрителя, какъ на дурака. Послѣдній взглядъ, впрочемъ, пожалуй, и вѣренъ. Разбойникъ этотъ за 2400 ежегоднаго жалованья отлично рубитъ и продаетъ мачтовые лѣса, а взамѣнъ ихъ сѣетъ на грядахъ елки и сосны; имѣются уже трехъ и четырехлѣтніе экземпляры, которые скоро бу-

дутъ высаживаться изъ грядокъ. На грядахъ этихъ, весьма красиво обдѣланныхъ, торчатъ ерлычки съ надписями: пинусъ абіесъ, пинусъ сильвестрисъ, пинусъ цембра и т. д... Разбойникъ этотъ, наконецъ, человѣкъ холостой, отбившій жену у сего юноши...

Ласточкинъ, покачивавшій до тѣхъ поръ неодобрительно головой, услыхавъ послѣднее, въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ Верхолётову.

— Прошу не забываться! крикнулъ онъ.

И въ ту же секунду лицо его побагровѣло, щеки надулись, какъ будто ротъ его былъ полонъ воды; глаза выкатились, какъ у жабы; онъ стиснулъ кулаки, но Верхолётовъ, не обращая на все это ни малѣйшаго вниманія, продолжалъ, какъ ни въ чемъ небывало:

— Но для меня лично—человѣкъ хорошій. Угощаетъ меня водкой, коньякомъ и другими тонкими винами, которыя я пью, сколько душѣ угодно; угощаетъ прелестными сигарами; даритъ чужія дрова и даже брусья и, покровительственно хлопая меня по плечу, называетъ добрымъ малымъ. Словомъ, свинья въ полномъ смыслѣ...

— Чудесно, прелестно, превосходно... горячился Ласточкинъ съ пѣной у рта и брызгая во всѣ стороны слюнями.—Человѣкъ и поитъ, и кормитъ его, одолжаетъ дровами и лѣсомъ, а онъ называетъ его свиньей!..

— И свинья можетъ быть щедрою.

— А насчетъ жены моей, перебилъ его Евстафій Кузьмичъ:— вы напрасно такъ изволите выражаться... Моя жена ему не чужая-съ; она его кузина-съ; и если оставила меня и переѣхала жить къ нему-съ, то этимъ она хотѣла наказать меня-съ, за мою вѣтренность и за любовь къ хорошенькимъ женщинамъ.

Дѣло становилось интереснымъ, и я рѣшился слѣдовать за моими новыми знакомыми, тѣмъ болѣе, что добраться засвѣтло до дома дѣйствительно не было возможности.

Немного погодя, мы подходили къ кордону лѣсничаго.

Трудно было-бы представить себѣ, что-нибудь восхитительнѣе этой мѣстности и вообще того ландшафта, который раскинулся передъ нами. Кордонъ лѣсничаго, т. е. домъ и необходимыя службы былъ построенъ на довольно большой площади, со всѣхъ сторонъ окруженной темно-синимъ боромъ. Площадь эта, зеленѣвшая прелестной зеленью недавно скошеннаго рейграса, пересѣкалась небольшой, но водной рѣкой, берега которой были искуственно срыты и устланы дерномъ. Все, помѣщавшееся на берегу, какъ въ зеркалѣ, отражалось въ этой рѣкѣ. На проти-

воположномъ берегу рѣки, на небольшомъ отлогомъ холмикѣ, возвышался домъ лѣсничаго. Домъ былъ самой затѣйливой архитектуры, съ пристроечками, башенками; мѣстами въ одинъ, мѣстами въ два этажа, и со множествомъ балкончиковъ и террасъ. Онъ былъ срубленъ изъ прекраснаго сосноваго лѣса, украшенъ многочисленной и разнообразной рѣзьбой и покрытъ толемъ. На главной конусообразной башнѣ развѣвался флагъ (обозначавшій, что самъ лѣсничій дома), а затѣмъ на остальныхъ торчали или флюгера, или оленьи рога, или какія нибудь другія украшенія. Я не знаю, что̀ это была за архитектура, но знаю, что домъ своею оригинальностію чрезвычайно поразилъ меня. Службы были расположены неподалеку отъ дома и тоже не походили на обыкновенныя строенія въ этомъ родѣ. Онѣ не тянулись въ линію, какъ это всегда бываетъ, но были, напротивъ, разбросаны здѣсь и тамъ среди кустовъ и деревьевъ, разсаженныхъ съ большимъ вкусомъ по роскошному газону. Чистота повсюду была неимовѣрная; затѣйливо вьющіяся дорожки были усыпаны золотистымъ пескомъ; кое-гдѣ виднѣлись диванчики и скамейки и пестрѣли клумбы осеннихъ цвѣтовъ. Перейдя мостикъ, мы приблизились къ воротамъ. Ворота были затворены, но тутъ-же на столбѣ виднѣлась ручка отъ звонка, а подъ ручкой надпись: *звонокъ къ лѣсному кондуктору*. Я хотѣлъ было позвонить, но Верхолётовъ удержалъ меня.

— Это совершенно лишнее, проговорилъ онъ:—ворота никогда не запираются, и, толкнувъ ногою, онъ отворилъ ихъ.— Здѣсь правды нѣтъ, продолжалъ онъ.—Здѣсь все только для виду и все одна декорація. Правду увидите вы за полверсты отсюда, гдѣ, вмѣсто мачтовыхъ лѣсовъ, словно ульи па пчельникѣ, торчатъ пеньки, слѣды разрушительныхъ подвиговъ ученаго лѣсничаго, ловко набивающаго себѣ свои нѣмецкіе карманы...

— А! вотъ, кстати, очень кстати! долетѣлъ до насъ чей-то рѣзкій голосъ.

Я оглянулся и въ нѣкоторомъ разстояніи увидалъ высокаго мужчину въ сѣромъ пиджакѣ съ зелеными аксельбантами. Передъ нимъ, на колѣнахъ и безъ шапки, стоялъ оборванный мужичишка. По костюму, въ первомъ узналъ я лѣсничаго. Увидавъ его, Верхолётовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, снялъ фуражку и, почтительно наклонивъ голову, проговорилъ, указывая на себя и на насъ:

— Вельможный господинъ! Бродившіе по лѣсамъ вашимъ охотники, убившіе несравненно болѣе драгоцѣннаго времени, чѣмъ дичи, утомились и просятъ васъ великодушно дозволить имъ от-

дохнуть и провести ночь хотя-бы подъ одной кровлей съ вашими слугами и рабами.

И, принявъ театральную позу, онъ съ наклоненной головой и опущенными глазами покорно ждалъ отвѣта.

— Мой домъ, проговорилъ лѣсничій, подходя къ намъ и тоже принявъ театральную позу: — всегда открытъ усталымъ путникамъ. Путники могутъ войти въ него и быть увѣренными, что найдутъ у меня и ночлегъ, кусокъ мяса и кружку добраго вина.

— Вельможный господинъ! проговорилъ опять Верхолётовъ, указывая на меня рукою.— Я не назову вамъ имени этого путника, потому что забылъ и не знаю, откуда онъ; но этого, продолжалъ онъ, указывая на Ласточкина:—могу назвать. Это—Евстафій Ласточкинъ, ищущій въ лѣсахъ этихъ своей Дульцинеи!

Ласточкинъ послѣ словъ этихъ сдѣлалъ комическій книксенъ и произвелъ всеобщій хохотъ, каковымъ и заключилась разыгранная сцена, въ продолженіи которой ободранный мужичишка, съ растрепавшимися волосами, держа обѣими руками шапку, словно одной онъ не могъ удержать ее, продолжалъ стоять на колѣнахъ, безсмысленно посматривая на всѣхъ на насъ. Ласточкинъ познакомилъ меня съ лѣсничимъ, который, крѣпко пожавъ мнѣ руку и проговоривъ обрывисто: очень радъ! обратился къ Верхолётову.

— Вы очень кстати подошли; я хотѣлъ было посылать за вами нарочнаго.

— Чтò прикажете?

— Хочу опять просить васъ съѣздить къ мировому и подать жалобу на этого мерзавца.

— Чтò же сдѣлалъ онъ, несчастный? спросилъ Верхолётовъ.

— Осьмушку дровъ увезъ, и пойманъ съ поличнымъ. Надо-же, наконецъ, прекратить это воровство и заставить ихъ уважать чужую собственность.

— Отецъ родной, прости! вопилъ мужикъ, бухаясь въ ноги.

— Я передамъ тебя въ руки правосудія и прощать теперь не могу, проговорилъ Трампедахъ и принялъ торжественно серьёзную позу.

— Да, несчастный! заговорилъ Верхолётовъ, подбоченясь и нахмуривъ брови.—Ты теперь въ моихъ рукахъ, и я тебѣ покажу правосудіе! Чтò ты сдѣлалъ, несчастный? на чтò посягнулъ? на чтò рѣшился? Сообразилъ-ли, куда ты заѣхалъ? У кого укралъ дрова? У графа... понимаешь-ли, у графа!.. Графъ и—ты, презрѣнный! Сообрази, какая между вами разница! Сообрази и отвѣчай!..

— Прости, родимый! вопилъ мужикъ. — Лукавый попуталъ... Другу недругу закажу, избёнку нечѣмъ топить было!

— Вѣдь, тебя въ тюрьму, понимаешь-ли? продолжалъ Верхолётовъ:—потому-что ты, вѣдь, не дерево съ корня срубилъ, а похитилъ лѣсное произведеніе, заготовленное и сложенное!

Мужикъ снова бухнулся въ землю и завопилъ въ голосъ.

— Я надѣюсь, продолжалъ между тѣмъ адвокатъ, обращаясь къ Трампедаху: — что вашъ кондукторъ записалъ имя и прозванье этого несчастнаго?

— О, это все оформлено, составлена сказка, которую я вамъ передамъ, и о поимкѣ вора мною донесено уже конторѣ рапортомъ.

— Превосходно! Имѣя все это подъ руками, можно считать дѣло оконченнымъ и прѣнія прекратить. Прошу васъ передать мнѣ сказку.

— Покорнѣйше прошу въ домъ, проговорилъ лѣсничій, и мы направились къ дому, а слѣдомъ за нами поплелся и мужикъ, всю дорогу голосившій, что его попуталъ лукавый и что онъ другу недругу закажетъ воровать графскія дрова. Мужикъ не унялся даже и тогда, когда мы вошли въ переднюю. Онъ тоже вломился туда, опять упалъ въ ноги и дождался - таки того, что его вытолкали въ шею.

Мы вошли въ огромную комнату съ квадратными большими окнами и стеклянной дверью на балконъ, выходившій въ садъ. Комната эта оказалась кабинетомъ лѣсничаго. Чѣмъ-то министерскимъ выглядѣла эта щегольски-убранная комната. Полы были устланы коврами. Массивныя драпировки оконъ, съ бахрамой и кистями, сообщали кабинету какой-то таинственный полумракъ. Посреди комнаты стоялъ большой письменный столъ съ изящными письменными принадлежностями, тутъ были и бронзовыя статуэтки Бисмарка и Мольтке, и гипсовыя куколки дамъ, ищущихъ блохъ, и красавицъ въ однѣхъ сорочкахъ, обувающихъ ноги, и массивные счеты, и щегольскія конторскія книги. Вдоль одной стѣны тянулись полки съ красиво уложенными образцами бревенъ и на каждомъ изъ образцовъ этихъ отпечатана была цѣна, толщина, длина и даже возрастъ дерева. Задняя стѣна положительно закрывалась оружіемъ; тутъ были и ружья, и штуцера, и карабины, и пистолеты, и шашки, и сабли, и всевозможныя охотничьи принадлежности, развѣшенныя на оленьихъ и буйволовыхъ рогахъ. Тутъ же неподалеку, въ простѣнкѣ между двумя окнами, помѣщалось пьянино. Мягкіе турецкіе диваны заставляли остальныя стѣны, а надъ диванами висѣли въ золотыхъ рамахъ картины весьма плохой живописи, но зато пикант-

наго содержанія. Превосходныя чучелà лисицъ, зайцевъ, бѣлокъ и разныхъ птицъ разставлены со вкусомъ здѣсь и тамъ, а огромный каминъ съ мягкими передъ нимъ креслами довершалъ убранство этого изящнаго кабинета.

Войдя въ комнату и еще разъ крѣпко тряхнувъ намъ руки, лѣсничій свиснулъ, и въ комнату влетѣлъ мужчина съ солдатской наружностію и тоже въ форменномъ пиджакѣ съ зелеными кантами, но только съ бляхой на груди, на которой (бляхѣ) была надпись *«лѣсной сторожъ»*. Влетѣвъ въ комнату, онъ вытянулся въ струнку, вытаращилъ глаза и растопырилъ усы.

— Вели подать намъ чаю...

— Слушаю-съ.

— Да скажи, чтобъ изготовили ужинъ...

— Слушаю-съ.

— Я очень хорошо понимаю, продолжалъ лѣсничій съ улыбкой, потирая руками:—что у людей, цѣлый день ходившихъ по лѣсу, апетитъ рождается отличный, а потому скажи, чтобы намъ изготовили хорошій бифштексъ...

— Слушаю-съ.

Тушеныхъ грибовъ въ кострюлѣ...

— Слушаю съ.

— И разварнаго судака съ той подливкой, дѣлать которую я недавно научилъ повара.

— Слушаю-съ.

— Ну, ступай.

Сторожъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и вышелъ.

— Дуракъ, но исполнителенъ! замѣтилъ лѣсничій, и потомъ, усадивъ насъ всѣхъ и похлопавъ насъ по плечамъ, добавилъ:— я тоже сегодня много шатался по лѣсу и тоже буду кушать съ удовольствіемъ. Кстати я сегодня отъ Депре получилъ такой портеръ, что чудо! И лѣсничій поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— У меня даже теперь текутъ слюнки! замѣтилъ Верхолётовъ.

— Водка у насъ тоже отличная...

— Еще бы! имѣя свой винокуренный заводъ! вздохнулъ Верхолётовъ.

— Пятьдесятъ градусовъ и рисовая очистка... Недурно?

— Чтò можетъ сравниться съ этимъ! проговорилъ адвокатъ.

— Мы прикажемъ отпустить вамъ ведра два.

Верхолётовъ въ знакъ благодарности сдѣлалъ глубокій поклонъ и приложилъ руку къ сердцу.

— Вы знаете, какая штука! заговорилъ вдругъ лѣсничій, обращаясь ко мнѣ. — Нашъ графъ, кромѣ этой водки, никакой

другой пить не можетъ—изжога съ нимъ отъ другой водки. Недавно получили мы отъ него письмо.—«Все идетъ хорошо, пишетъ онъ:—только одно скверно, что постоянно страдаю изжогой отъ здѣшней противной водки».

— Отчего же вы ему не высылаете? спросилъ я.

— Куда! вскрикнулъ лѣсничій:—на Шибку-то!

— А онъ—на Шибкѣ?

Лѣсничій даже съ мѣста вскочилъ.

— Да, на Балканахъ, на Шибкѣ. А вы и не знали этого? Ахъ! это великолѣпнѣйшій человѣкъ, это такая добрая, широкая натура! Вы представьте себѣ: у него французъ поваръ, и у графа каждый день и обѣдаютъ, и ужинаютъ всѣ бѣдные офицеры... Подумайте, чего это стòитъ!

И взявъ меня за бортъ сюртука, лѣсничій слегка потрёсъ меня.

— О, зато графъ и бомбардируетъ насъ письмами о деньгахъ! Боже мой, кàкъ бомбардируетъ! И, вынувъ сигару, онъ откусилъ ея конецъ. — То и дѣло требуетъ денегъ, а денегъ нѣтъ! Кабацкое дѣло идетъ плохо, мужики пьютъ мало...

— А я думалъ, напротивъ, что они пропиваютъ послѣднее, замѣтилъ Верхолётовъ.

— Да, это—правда, совершенная правда! перебилъ его лѣсничій. — Но, такъ какъ у нихъ очень мало или, лучше сказать, ничего нѣтъ, то натурально и пропивать нечего. Отъ этого самаго и малъ доходъ, а между тѣмъ, нашъ графъ... о! онъ требуетъ!

— Такъ надо это разъяснить мужикамъ! замѣтилъ Верхолётовъ.—Пусть они почувствуютъ и уразумѣютъ, и пусть пьютъ... Словомъ, пусть поступаютъ, такъ, какъ я...

Лѣсничій захохоталъ грубымъ нѣмецкимъ хохотомъ.

— О, еслибъ всѣ были такіе, какъ мы съ вами!

— Не щажу ни жизни, ни живота, такъ сказать, для пользы графа и... и надѣюсь получить за это сигару...

— Ахъ, виноватъ, вùноватъ! вскрикнулъ вдругъ лѣсничій.—Я и забылъ предложить... Но, позвольте, засуетился онъ:—эти сигары — такъ себѣ. Я предложу вамъ лучшихъ.

И, опустивъ въ карманъ руку, лѣсничій вынулъ цѣлую связку ключей, отперъ письменный столъ и вынулъ непочатый еще ящикъ сигаръ.

— Эти будутъ превосходнѣе! проговорилъ онъ и, взявъ со стола соотвѣтствующій инструментъ, вскрылъ ящикъ, понюхалъ его, закрылъ отъ восхищенія глаза и предложилъ намъ по сигарѣ.

— Прошу! А вотъ, кстати, и чай подаютъ.

Дѣйствительно, знакомый уже намъ сторожъ вошелъ въ комнату съ подносомъ, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ, лимонъ, сливки и графинчикъ съ ромомъ. Усѣвшись въ мягкія кресла, мы закурили сигары и принялись за чай.

Лѣсничій оказался самымъ любезнымъ и радушнымъ хозяиномъ. Это былъ мужчина, лѣтъ тридцати пяти, высокаго роста, плечистый, съ высокой грудью, съ руками мускулистыми, длинными крѣпкими пальцами и лицомъ грубымъ, но цвѣтущимъ здоровьемъ. Одѣтъ онъ былъ почти щегольски: бѣлье снѣжной бѣлизны, длинные сапоги прекрасной работы, костюмъ сшитъ безукоризненно, словомъ, по всему было видно, что лѣсничій пощеголять любитъ. Длинные усы, смазанные фиксатуаромъ, онъ закручивалъ по-наполеоновски, на затылкѣ носилъ англійскій проборъ, движенія имѣлъ развязныя, съ нѣкоторой даже претензіей на изящество, но тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что все это было какъ-то не то грубо, топорно. Насколько наполеоновскіе усы приличествуютъ французскому типу, настолько они неуклюжи подъ носомъ нѣмца, тѣмъ болѣе, что нѣмецъ всегда какъ-то пересолитъ.

Напившись какъ слѣдуетъ чаю и опорожнивъ при этомъ графинчикъ съ ромомъ, лѣсничій предложилъ намъ немного пройтись и освѣжиться. Онъ опять свиснулъ и на свистъ, какъ послушная собака, опять влетѣлъ лѣсной сторожъ и, остановясь у притолки, словно сталъ на заднія лапы.

— Мы пойдемъ немного прогуляться, командовалъ лѣсничій: — а ты пока накрой на столъ.

— Гдѣ прикажете-съ?

— Ахъ, какъ ты глупъ; конечно, въ столовой.

— Слушаю-съ.

— Да скажи Софьѣ Ивановнѣ, что господа эти будутъ здѣсь ночевать, такъ чтобы она потрудилась распорядиться насчетъ постелей.

— Слушаю съ! и солдатъ повернулся.

— Постой, куда! Передай эти ключи Софьѣ Ивановнѣ.

— Слушаю съ.

— Теперь ступай.

Сторожъ повернулся и скрылся.

— Ну, господа, прошу! проговорилъ лѣсничій, указывая жестомъ руки на дверь.

Мы вышли.

— Я покажу вамъ свое хозяйство: питомникъ и пильню.

— А какъ здоровье многоуважаемой Софьи Ивановны? спросилъ Верхолётовъ, обращаясь къ лѣсничему.

— Изъ рукъ вонъ! Все по немъ тоскуетъ! проговорилъ лѣсничій, кивнувъ головой на Ласточкина.

— О, чувствительная женщина! И въ вознагражденіе за все это имѣть столь безчувственнаго мужа! замѣтилъ Верхолётовъ.

— Ну, ужъ пожалуйста! подхватилъ Евстафій Кузьмичъ, закуривая папиросу.—Можетъ быть, почувствительнѣе другихъ еще!

— Это-то и горе! продолжалъ грызть Верхолётовъ.—Ты, какъ мотылекъ порхаешь съ одного цвѣтка на другой, нисколько не заботясь о томъ, нравится ли это или нѣтъ той, которой ты поклялся въ постоянствѣ.

Между тѣмъ, мы подошли къ питомнику. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ десятинъ земли, огороженной живой изгородью кратегуса. Небольшая калитка вела внутрь питомника, отворивъ которую лѣсничій немного отстранился и, опять-таки, жестомъ руки пригласилъ насъ войти.

Мы вошли.

Все пространство, обсаженное кратегусомъ, было разбито на правильныя красивыя гряды, усаженныя разными породами елей и сосенъ. Маленькія деревца эти, изъ которыхъ самыя большія достигали аршина, весело смотрѣли и зеленѣли самой молодой, свѣжей зеленью. Всѣ гряды были тщательно подпушены и на каждой изъ нихъ торчали ерлыки съ надписью о породѣ дерева. Весело было смотрѣть на это молодое поколѣніе растительнаго царства!

— Что за прелесть! невольно вскрикнулъ я, глядя на эти веселыя, кудрявыя деревца!

— Не правда ли? спросилъ лѣсничій съ нѣжной улыбкой.

— Прелесть.

— Это—мои дѣти! продолжалъ онъ.—Я ихъ сѣялъ, я ростилъ, я ухаживалъ за ними, я лѣчилъ ихъ и, право, вслѣдствіе всего этого, привязался къ нимъ, сжился съ ними, и теперь не безъ горести думаю о томъ, что скоро съ нѣкоторыми изъ нихъ придется разставаться!

— Отчего? спросилъ я.

— Нѣкоторыя изъ нихъ достигли уже того возраста, когда онѣ должны жить самостоятельно, безъ няньки, безъ ухода. На будущій годъ многіе изъ этихъ моихъ питомцевъ покинутъ школу и пересадятся въ лѣсъ, поступятъ, такъ сказать, на службу... Но, Боже мой! Сколько хлопотъ положилъ я, защищая ихъ отъ разныхъ невзгодъ, а главное, отъ нападеній этихъ докучливыхъ грызуновъ. Ихъ обижали и зайцы, и хорьки, и мыши, и крысы, и кроты... Ахъ, что за надоѣдливая, что за назойливая тварь эти грызуны.

— Да, подхватилъ Верхолётовъ:—съ этими подлецами не скоро справишься...

— И трудно вести войну съ ними, потому что они — вездѣ. Они и въ поляхъ, и въ лѣсахъ, и въ комнатахъ, и подъ поломъ, и, чортъ знаетъ, гдѣ только нѣтъ ихъ. Идешь на медвѣдя, напримѣръ: вооружаешься—берешь штуцеръ, рогатину, ножъ; идешь на волка —тоже самое, а тутъ что вы сдѣлаете? Нарочно весь питомникъ густо обсадилъ колючимъ кратегусомъ, такъ нѣтъ-съ! И сквозь кратегусъ пробираются.

Осмотрѣвъ питомникъ, мы отправились на пильню. Пильня приводилась въ движеніе водою и построена была на той самой рѣкѣ, на которой былъ и кордонъ. Еще далеко не доходя до пильни, до слуха нашего долетѣлъ стонъ и шумъ водяныхъ колесъ. Какъ-то особенно величаво стонъ этотъ царилъ въ окружавшемъ насъ лѣсу, то замиралъ, то раскатывался широкой волной въ колоннадѣ сосенъ, молча внимавшихъ ему. То-этотъ стонъ какъ будто убѣгалъ, куда-то далеко, далеко, и тогда, взамѣнъ его, слышался лязгъ стальныхъ пилъ, рѣзавшихъ стройные стволы деревъ. И заслыша лязгъ этотъ, живыя еще деревья словно содрагались... «Убійство! убійство!..» словно шептали они, но, не имѣя силъ бѣжать, только махали своими вѣтвями, протестуя противъ насилія. Такъ, вѣроятно, ждутъ своей очереди еще недорѣзаные члены семьи, въ домъ которой забралась шайка разбойниковъ и выходъ изъ котораго обложенъ.

Пильня имѣла видъ громаднаго фабричнаго заведенія. Вокругъ нея, точно на пристани, былъ повсюду наваленъ лѣсъ. По одну сторону пильни возвышались ярусы брусьевъ, комли которыхъ были заклеймены и носили на себѣ какіе-то красные знаки въ видѣ крестовъ и буквъ; а по другую сторону словно улица стояли выстроившіяся въ линію треугольныя стопы досокъ и тёса. Громадныя кучи опилокъ возвышались здѣсь и тамъ, а позади ихъ, и тоже правильными рядами, цѣлыя сотни сложенныхъ въ сажени дровъ. Среди всего этого, словно на ярмаркѣ, суетился народъ. Тамъ, подтаскивая брусья, распѣвали *дубинушку*, здѣсь наваливали дрова, швыряли полѣньями словно пряниками. Повсюду суетились какія-то чуйки съ бумажками въ рукахъ, муслили обгрызенные карандаши, и карандашами этими что-то записывали на бумажкахъ. Стонъ и гамъ царили повсюду и только изрѣдка заглушались шумомъ колесъ и лязгомъ стальныхъ пилъ. Пропитанный смолой воздухъ довершалъ эту картину лѣсного промысла.

— А что означаютъ эти красныя буквы? спросилъ Верхолётовъ указывая на помѣченныя бревна.

— Это—мѣтки, кому именно лѣсъ принадлежитъ, т. е. кѣмъ купленъ, отвѣтилъ лѣсничій.

— Чаще всего встрѣчается буква Т.

— Это означаетъ, что лѣсъ проданъ купцу Требухину.

— Я такъ и думалъ.

— О, онъ много покупаетъ лѣса, очень много! — Онъ нашъ главный покупатель.

— Да у него и денегъ много.

— Много денегъ и мало совѣсти! вскрикнулъ вдругъ молчавшій до того времени Евстафій Кузьмичъ, да такъ смѣшно, что всѣ невольно разхохотались.

Пильня была устроена по самой послѣдней системѣ и не оставляла желать ничего лучшаго. Насколько было много народа вокругъ пильни и насколько было много тамъ суеты и крику, настолько мало было того и другого внутри. Люди замѣнялись тамъ колесами, сила человѣка силою воды и гдѣ только можно было оттолкнуть человѣка, тамъ человѣкъ это сдѣлалъ и воткнулъ шестерню. Помилости шестеренъ этихъ, колесъ и воды, пилы поднимались и опускались, и брусья, какъ будто сами, своей волей, ползли къ этимъ пиламъ, подставляли свои головы и молча дозволяли рѣзать себя на части.

Осмотрѣвъ пильню, мы пошли домой, а минутъ черезъ двадцать снова входили въ садъ, окружавшій кордонъ. Но только что успѣли войти въ калитку, какъ услыхали дробное побрякиванье бубенчиковъ и увидали стоявшій возлѣ каретника тарантасъ, запряженный тройкой сѣрыхъ толстыхъ лошадей съ громаднѣйшею дугой, разрисованной яркими букетами. Лошади были разнузданы и, привязанныя къ яслямъ, жевали сѣно.

— А! вотъ и Требухинъ пріѣхалъ! вскрикнулъ лѣсничій. Деньги привезъ.

Дѣйствительно, это былъ Требухинъ. Войдя въ кабинетъ, мы увидали его сидящимъ рядомъ съ Софьей Ивановной и попивающимъ чаекъ. При видѣ Софьи Ивановны, Евстафій Кузьмичъ немного смутился, но, вскорѣ оправившись, подлетѣлъ къ ней мелкой рысцой, шаркнулъ своими кривыми ножками и приложился къ ручкѣ. Всего этого Трампедахъ не замѣтилъ, потому что какъ только увидалъ Требухина, такъ въ ту же минуту растопырилъ руки и, прокричавъ: — «А! вотъ онъ, вотъ онъ, почтеннѣйшій Акимъ Саватичъ!» принялся обнимать его.

— Давно-ли пожаловали?

— Съ полчаса небольше-съ.

— Чаю не хотите ли?

— Я пью-съ, вотъ и стаканъ мой. Софья Ивановна меня угостили.

— Отлично, отлично! сейчасъ буду благодарить ее...

Но, взглянувъ на Софью Ивановну и увидавъ стоявшаго предъ нею съ сіяющимъ лицомъ Евстафія Кузьмича, разразился громкимъ хохотомъ.

— А! вотъ оно что значитъ! проговорилъ лѣсничій. — Вотъ оно что значитъ!...

И, подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ, онъ заговорилъ, повертывая ее передъ собою.

— Посмотрите ка, разфрантилась какъ!... Вотъ что значитъ муженька то увидать...

— Какъ это глупо! проговорила она и, надувъ губки, усѣлась въ кресло, а Евстафій Кузьмичъ растерялся окончательно. Бѣдный не зналъ, что̀ дѣлать. Оборачиваясь то въ одну, то въ другую сторону, онъ краснѣлъ, какъ ракъ, вертѣлъ въ рукахъ фуражкой и съ какимъ-то особенно жалкимъ видомъ хлопалъ своими смѣшными глазами. Но на смѣшные глаза эти нельзя было смотрѣть безъ состраданія. Онъ хлопалъ ими, и тѣмъ не менѣе въ нихъ проглядывала мольба о пощадѣ, объ оставленіи въ покоѣ тѣхъ чувствительныхъ струнъ сердца, грубое прикосновеніе къ которымъ коробитъ человѣка. Но мольбы этой никто не хотѣлъ прочесть и всѣ, глядя на эти смѣшные глаза и на всю смѣшную фигурку Евстафія Кузьмича только хохотали. Хохоталъ лѣсничій, хохоталъ Верхолётовъ, хохоталъ мужикъ Требухинъ, и только одна Софья Ивановна продолжала сидѣть, нахмуря личико и протестуя противъ этой грубой выходки. Евстафій Кузьмичъ былъ весь мокрый, потъ ручьями катился съ его лица, онъ видимо изнемогалъ и опустился наконецъ на стоявшее возлѣ него кресло.

— Свой своему поневолѣ другъ! острилъ лѣсничій.

— Недаромъ говорится, подхватилъ Верхолётовъ:—оставь отца и мать свою и прилѣпися къ женѣ.

— А жена, да боится, забасилъ Требухинъ, подражая дьякону: — своего м...у...у...жа...а...а...

Но тутъ Евстафій Кузьмичъ не вытерпѣлъ и, не давъ даже Требухину дотянуть какъ слѣдуетъ «мужа» въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ нему и поднялъ сжатые кулаки.

— И ты туда-же, алтынникъ! закричалъ онъ, брызгая слюнями.—И ты туда-же! Ты бы лучше мои деньги отдалъ!

Хохотъ мгновенно утихъ.

— Какія такія деньги-съ? тихо спросилъ Требухинъ, улыбаясь мягкой улыбкой.

— А такія, которыя ты мнѣ долженъ! кричалъ Евстафій Кузьмичъ. — Я тебѣ пять тысячъ десятинъ обмѣрилъ, пять тысячъ десятинъ на клѣтки разбилъ, планъ тебѣ нарисовалъ... Договоръ у насъ былъ по десяти копеекъ съ десятины, а ты сколько мнѣ отдалъ? а? сколько? говори!...

— Кажется, всѣ сполна-съ...

— Врешь, ты мнѣ только сто рублей далъ, а четыреста зажилилъ.. халдейская твоя харя!

— Кажется, неправда-съ.

— Лжешь, правда. У нищаго суму отнялъ, а еще потомственный почетный гражданинъ! Воръ ты и грабитель!

— Господа-съ прислушайте-съ! проговорилъ мягкимъ голосомъ Акимъ Саватичъ, приложивъ руку къ сердцу и обращаясь ко всѣмъ намъ.—Прислушайте-съ....

И сдѣлавъ общій поклонъ, онъ отошелъ къ окну, возлѣ котораго сидѣла Софья Ивановна.

— Воръ! воръ! гремѣлъ Ласточкинъ.

И Богъ знаетъ, скоро ли кончилась-бы вся эта сцена, еслибы лѣсничій не принялъ мѣръ умиротворенія. Онъ прикрикнулъ на Евстафія Кузьмича, приказавъ ему замолчать; пожалъ крѣпко руку Акиму Саватичу, шепнувъ на ухо, что на дураковъ не обижаются, и затѣмъ, обратившись къ перепугавшейся Софьѣ Ивановнѣ, приказалъ ей распорядиться насчетъ водки и закуски. Всѣ какъ будто переконфузились и только одинъ Верхолётовъ съ радостной улыбкой потиралъ руками.

— Отлично! шепнулъ онъ мнѣ.

— Что̀ именно? спросилъ я.

— Тутъ все есть; и клевета, и оскорбленіе, и халдейская харя...

— Такъ неужели Требухинъ будетъ судиться?

— Всенепремѣнно!

Акимъ Саватичъ Требухинъ былъ старичекъ, лѣтъ шестидесяти, благообразной наружности, средняго роста, сухопарый, съ лицомъ юнымъ и свѣжимъ. На лицѣ этомъ постоянно играла мягкая и пріятная улыбка; точно такъ-же улыбались и голубые глаза Акима Саватича, но, улыбаясь, глаза эти заглядывали какъ-то особенно глубоко, словно сверлили и выпытывали, что̀ именно имѣется у васъ на душѣ, выказывая явное недовѣріе ко всему вами произносимому. Сѣдые волосы и борода, начавшіе даже желтѣть отъ времени, хотя и производили рѣзкій контрастъ со свѣжимъ и юнымъ лицомъ Акима Саватича, но тѣмъ не менѣе придавали ему еще болѣе благообразности. Походку имѣлъ онъ мягкую, каблуковъ не носилъ и потому ступалъ неслышно.

словно подъѣзжалъ къ вамъ. Встрѣтившись съ вами, онъ еще издали начиналъ улыбаться, какъ будто и невѣсть какъ доволенъ повидаться съ вами, и, улыбаясь, торопился какъ можно поскорѣе получить удовольствіе пожать вашу руку, которую за тѣмъ пожималъ крѣпко, не одною, а обѣими руками, долго не выпускалъ и даже слегка сверху поглаживалъ. Одѣвался онъ съ нѣкоторой претензіей на моду и хотя не могъ совершенно отрѣшиться отъ длиннополыхъ купеческихъ сюртуковъ, но всё таки шилъ ихъ у модныхъ портныхъ по новѣйшему фасону, съ большими лацканами и модными низенькими воротниками. Панталоны тоже носилъ модныя и за сапоги не пряталъ. Платье его всегда было сшито изъ тонкаго хорошаго сукна, но зато всё то, что было подъ платьемъ и что дѣлалось не на показъ, особенной доброкачественностію не отличалось. Такъ напримѣръ: когда изъ подъ рукава сюртука выбивался нечаянно рукавъ сорочки, то можно было убѣдиться, что сорочка эта грязная и ситцевая. Дома, однако, въ своемъ имѣніи, Акимъ Саватичъ костюмомъ не стѣснялся и ходилъ просто или въ засаленной поддевкѣ, или-же въ курпейчатомъ нанковомъ тулупчикѣ.

Акимъ Саватичъ былъ однимъ изъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ уѣзда; онъ имѣлъ тысячъ восемь десятинъ земли и жилъ въ большомъ барскомъ домѣ. Однако, многіе помнятъ, когда Акимъ Саватичъ былъ еще простымъ тарханомъ и когда онъ, разъѣзжая по селамъ и деревнямъ, скупалъ шкуры, пеньку, тряпки и торговалъ разнымъ крестьянскимъ товаромъ, а равно помнятъ и то время, когда, бросивъ тарханство, онъ занимался гуртами, каждый годъ отправляясь въ орду для закупки скотины. Всѣ, помнившіе вышеприведенное, смотрѣли и дивились, какъ это Акимъ Саватичъ изъ тархановъ вдругъ сдѣлался именитымъ купцомъ. Но именитый купецъ не зѣвалъ. Поѣздивъ лѣтъ пять, шесть въ орду, онъ бросилъ гурты, сталъ покупать земли, а сдѣлавшись землевладѣльцемъ, вскорѣ былъ возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина, получилъ за что-то (кажется за постройку женскаго монастыря) двѣ медали на шею и, несмотря на свою безграмотность, былъ избранъ въ члены училищнаго совѣта, въ уѣздные и губернскіе гласные и даже въ почетные мировые судьи. Нечего говорить, что на судейскій мундиръ и знакъ Акимъ Саватичъ денегъ не пожалѣлъ и расфрантился лучше всѣхъ судей. На съѣзды однако онъ ѣздилъ рѣдко и только тогда, когда нужно было выручить своего брата-купца, совершившаго какую нибудь пакость, какъ напримѣръ: пустившаго въ продажу солонину изъ дохлой скотины, подмѣшавшаго песку въ муку и т. д. Въ торжественныя минуты, Акимъ Саватичъ, блестя золотомъ, являлся на

съѣздъ судей, улыбался, пожималъ всѣмъ руки, шаркалъ ногами и затѣмъ, принявъ глубокомысленный видъ, проповѣдывалъ, что засадить потомственнаго почетнаго гражданина *въ кутузку*, человѣка, сверхъ того, ворочающаго мильйонами, будетъ скандалъ и позоръ на весь уѣздъ; что если обвиняемый, по недоразумѣнію, и посолилъ какого-нибудь дохлаго быка, то поступокъ этотъ не настолько еще важенъ, чтобы сажать за это въ кутузку вмѣстѣ со всякой сволочью; надо притомъ принять въ соображеніе, что всякому своего добра жалко, не говоря уже о томъ, что дохлая скотина даже слаще убитой и вреда отъ этого никакого нѣтъ, доказательствомъ чего можетъ служить, что въ ордѣ киргизы завсегда употребляютъ въ пищу дохлыхъ барановъ, и за всѣмъ тѣмъ отличаются примѣрнымъ здоровьемъ. Приводя въ примѣръ орду, онъ при этомъ совершенно справедливо доказывалъ, что мировой судъ потому и называется мировымъ, что обязанъ всячески умиротворять, а не раздражать и не допекать людей почетныхъ; что обвинить мильйонера значитъ досадить ему, возстановить его, такъ сказать, противу общества, которому онъ всегда можетъ быть полезенъ своими денежными пожертвованіями. Акимъ Саватичъ, въ отношеніи къ подобнымъ людямъ, приводилъ даже принципъ неприкосновенности, и ясно доказывалъ, что если человѣкъ носитъ званіе неприкосновенности, потомственнаго почетнаго гражданина, имѣетъ медали на шеѣ и мильйоны за пазухой, то онъ долженъ быть неприкосновененъ. Иначе, къ чему бы служили и *на какой лядъ* почетное званіе и медали, если такое лицо будетъ имѣть одинаковыя *привиллегіи* съ какимъ-нибудь паршивымъ мужичишкой; что равнять людей нельзя никоимъ образомъ, что подобное выравниваніе и построеніе людей разныхъ сословій въ одну шеренгу будетъ большой политической ошибкой, могущей отозваться весьма тяжело какъ на нравственномъ, такъ и на финансовомъ положеніи страны...

По поводу быстраго и затѣмъ постояннаго обогащенія Акима Саватича, въ уѣздѣ ходили, конечно, самые нелѣпые и разнорѣчивые слухи. Помнившіе прошлое Акима Саватича, когда онъ въ грязной поддевкѣ, постукивая кнутикомъ въ мужичьи окна, выкрикивалъ:—«Нѣтъ ли продать чего!», и взиравшіе на настоящіе хоромы Акима Саватича и на ежегодное расширеніе его владѣній, только руками разводили. Люди же опытные, искусившіеся все это оставляли безъ вниманія, ничему не удивлялись и съ усмѣшкой объясняли, что въ ордѣ дураковъ *до пропасти*, потому ордынецъ или тамъ киргизъ чего въ степи видитъ, ни-

какой фабрикаціи не понимаетъ, ничего отличить не можетъ и съ роду настоящихъ денегъ и въ глаза-то не видывалъ!

Въ настоящее время, въ орду Акимъ Саватичъ уже не ѣздитъ, а преспокойно живетъ себѣ въ своемъ барскомъ домѣ, выписываетъ «Саратовскій Справочный Листокъ» и «Дневникъ» и, наслаждаясь полемикой этихъ двухъ достопочтенныхъ органовъ мѣстной прессы, ведетъ торговлю хлѣбомъ, лѣсомъ, дѣлаетъ громадные посѣвы и расточаетъ благодѣянія. Дѣйствительно, Акимъ Саватичъ былъ патріархомъ своей мѣстности и, занимаясь торговлей и посѣвомъ, онъ не забывалъ и нуждающихся и одолжалъ окрестныхъ мужиковъ всѣмъ, что только имъ требовалось, даже деньгами, а затѣмъ заключалъ съ ними въ волостныхъ правленіяхъ *условьица*, ставилъ неустойки и, одолживъ такимъ образомъ, успокоивался. Въ рабочую пору за жнитво пшеницы люди платили по 40, по 50 рублей за сотенникъ, а Акиму Саватичу жали такую же пшеницу за взятую баранью требуху. Люди, бывало, плачутъ, что пахарей нѣтъ, а у Акима Саватича все поле усѣяно пахарями за какую-нибудь гречишную солому. И все это Акимъ Саватичъ дѣлалъ не свысока, не съ обычной купеческой грубостію, но со свойственной ему пріятной улыбкой и мягкими движеніями. Насколько Акимъ Саватичъ былъ благодѣтелемъ окрестныхъ мужиковъ, которыхъ онъ подъ веселую руку остроумно сравнивалъ съ киргизами, настолько былъ онъ и религіознымъ человѣкомъ. Религіозностію онъ отличался съ малыхъ лѣтъ, а когда достигъ сорокалѣтняго возраста, то даже выстроилъ небольшую женскую обитель, сдѣланъ былъ попечителемъ этой обители, а чтобы благочестивыя сестры не проводили время въ праздности (этой матери всѣхъ пороковъ), онъ возлѣ обители построилъ себѣ мельницу и кирпичный заводъ. И нужно было видѣть какъ искусно *черничкu*, за ничтожную поденную плату, мяли ногами глину, подвозили песокъ и воду, выдѣлывали кирпичи, обжигали ихъ и какъ проворно таскали на мельницѣ кули съ хлѣбомъ и мукой—только бывало пятки сверкаютъ по лѣстницамъ.

Однако, Акимъ Саватичъ выручалъ и не однихъ мужиковъ. Со свойственной ему предупредительностью онъ являлся на выручку и къ помѣщикамъ. Ему было все извѣстно и стоило только прослышать, что такой-то проигрался въ карты, у такого-то описанъ хлѣбъ, тому то надо ѣхать за-границу, какъ Акимъ Саватичъ спѣшилъ уже на выручку даже и тогда, если нуждавшійся ему совершенно незнакомъ и живетъ не въ имѣніи, а гдѣ-нибудь или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ. Съѣздить въ Москву или въ Питеръ ему было всегда кстати, а попавъ туда,

кстати розыскивалъ и обрѣталъ нуждавшагося. Такъ пріобрѣталъ онъ прилегавшія къ его участку лѣсныя дачи, луга, пахотную землю и другія угодья.

Несмотря, однако, на то, что Акимъ Саватичъ, въ настоящую минуту, богатый землевладѣлецъ и пользуется почетомъ, онъ все-таки не возгордился; къ происхожденію своему отвращенія не питалъ и своего прошлаго не стыдился, а даже напротивъ любилъ разсказывать про свою жизнь и невзгоды первыхъ лѣтъ тарханства. Онъ только умалчивалъ про орду, какъ будто въ воспоминаніяхъ этихъ не было ничего ни любопытнаго, ни остроумнаго, а ограничивался тѣмъ только, что, описывая киргизовъ, говорилъ, что эти самые киргизы какъ есть свиньи, нечистый народъ, живутъ въ кибиткахъ, чай варятъ въ котлахъ и съ бараньимъ саломъ, но что всякаго скота, какъ-то: лошадей, коровъ, овецъ у нихъ до пропасти и что киргизская овца для нагула не въ примѣръ лучше русской.

Тоже самое случилось и въ описываемый вечеръ. Какъ только подана была водка и приличная къ ней закуска, состоявшая изъ колбасы, сыра, икры, семги и балыка, и какъ только общество пропустило по рюмочкѣ, такъ Акимъ Саватичъ тутъ же повеселѣлъ, щеки его зарумянились, а повеселѣвъ, онъ припомнилъ прошлое, и принялся разсказывать намъ анекдотъ за анекдотомъ, и надо сказать правду, что какъ разсказъ Акима Саватича, такъ и самые анекдоты были до того своеобразны и любопытны, что всѣ слушали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Когда же было выпито еще по другой рюмкѣ, а немного погодя по третьей, то Акимъ Саватичъ разошелся окончательно и какъ будто забылъ про непріятное столкновеніе свое съ Евстафіемъ Кузьмичемъ. Подсѣвъ къ Софьѣ Ивановнѣ, онъ даже началъ съ нею любезничать, любовался ея ручками, ея маленькой ножкой, ея костюмомъ и выразилъ при этомъ удивленіе, что купчихи какъ бы много ни тратили денегъ на тряпки, а никогда не могутъ одѣться съ такимъ вкусомъ, съ какимъ одѣваются другія барыни. Софья Ивановна все это слушала и посмѣивалась.

Однако, какъ ни болталъ Акимъ Саватичъ, какъ ни былъ онъ веселъ и разговорчивъ, но, все-таки, помнилъ, что лясы точить можно, а дѣло забывать не слѣдуетъ, и потому, выпивъ еще рюмку водки и закусивъ ломтемъ балыка, обратился къ лѣсничему.

— Изъ Питера ничего не получали-съ? спросилъ онъ.

— Отъ кого?

Отъ главнаго управляющаго?

— Ничего-съ. А что?

— Такъ, я спросилъ только; думалъ насчетъ лѣса нѣтъ ли распоряженій какихъ? И Богданъ Иванычъ тоже ничего не получали? допытывалъ Требухинъ.

— Ничего. Я сегодня утромъ былъ у него.

— Слухи до меня дошли, проговорилъ Акимъ Саватичъ, посмотрѣвъ на насъ и понизивъ голосъ: — что графъ тысячу десятинъ лѣсу продать желаетъ...

— На срубъ? спросилъ лѣсничій.

— Зачѣмъ на срубъ! съ землей въ вѣчность.

Лѣсничій какъ будто смутился.

— Не слыхалъ! сказалъ онъ. — А вы отъ кого слышали?

— Одинъ человѣкъ изъ Питера писалъ мнѣ; вишь графъ изъ Турціи приказъ такой прислалъ главному управляющему: продай, говоритъ, немедленно тысячу десятинъ лѣса, потому мнѣ до зарѣзу деньги нужны. Только это значитъ вздоръ выходитъ, потому вамъ ужъ безпремѣнно было бы извѣстно.

И потомъ, снова осмотрѣвъ насъ, добавилъ:

— Мнѣ бы съ вами поговорить надо.

— Такъ что-жъ, пойдемте сюда въ эту комнату... Ахъ, да! прибавилъ лѣсничій: — деньги привезли за дрова?

— Еще бы, конечно-съ...

— Всю тысячу?

— Всѣ до копеечки съ! съ улыбкой проговорилъ Акимъ Саватичъ.

— Отлично.

И лѣсничій, обнявъ Акима Саватича за талію, повелъ его въ сосѣднюю комнату.

— Достопочтенный человѣкъ! проговорилъ Верхолётовъ, когда лѣсничій и Требухинъ вышли изъ комнаты. — Достопочтенная и многоуважаемая особа! И посмотрите что купитъ...

— Что̀?

— А эту тысячу десятинъ лѣса.

— Но, вѣдь, неизвѣстно еще, назначенъ ли лѣсъ въ продажу.

— Это намъ неизвѣстно! подхватилъ Верхолётовъ: — а они-то знаютъ отлично. Ужъ если Акимъ Саватичъ слышалъ, такъ ужъ это вѣрно. А лѣсъ-то ему кстати, межа къ межѣ.

И потомъ, нагнувшись ко мнѣ, прошепталъ:

— Я пари готовъ держать, что онъ теперь нѣмца подкупаетъ, чтобы не препятствовалъ, а напротивъ помогалъ бы дѣльце обдѣлать.

Между тѣмъ, Евстафій Кузьмичъ продолжалъ бесѣдовать съ Софьей Ивановной. Усѣвшись рядомъ съ нею возлѣ окна, онъ что-то разсказывалъ ей, а она съ работою въ рукахъ слушала,

изрѣдка улыбаясь самой пріятной дѣтской улыбкой. Евстафій Кузьмичъ былъ видимо счастливъ. Лицо его сіяло, губы слагались въ какую-то самодовольно-сладкую улыбку, глаза блестѣли. Не спуская ихъ съ Софьи Ивановны, онъ безпрестанно передвигалъ ножками и какъ-то судорожно потиралъ руками. Счастье и довольство проглядывало во всей его фигурѣ.

Мнѣ чрезвычайно понравилась Софья Ивановна.

Это была женщина, лѣтъ двадцати пяти, тоненькая, маленькая, живая, веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма симпатичная и пріятная. Какъ-то весело становилось, глядя на нее, на это нѣжное симпатичное личико и на эти голубые глаза, окаймленные черными длинными рѣсницами... Точно вѣкъ былъ съ нею знакомъ и точно съ незапамятныхъ временъ находился съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Какъ теперь помню, бѣлокурые волосы, перемѣшанные съ шиньономъ, были убраны изящно, но просто, даже небрежно, а пробранный на боку рядъ придавалъ еще болѣе веселости и безъ того уже веселому личику ея. Свѣтлое шерстяное платье, сшитое со вкусомъ, весьма пикантно обрисовывало ея нероскошныя, но хорошенькія формы; маленькія ножки были обуты въ щегольскія ботинки съ высокими каблуками, которыми она какъ-то особенно шикозно потопывала, прохаживаясь по мягкому ковру. Ходила она скоро, словно летала, быстро вставала, быстро садилась и, усѣвшись, закидывала одну ножку на другую, посматривала на эту ножку и какъ будто сама любовалась своею щегольскою обувью.

Словомъ, Софья Ивановна была женщина весьма симпатичная, съ которой весьма пріятно можно было провести время.

И дѣйствительно, вечеръ былъ проведенъ очень весело.

Акимъ Саватичъ какъ только покончилъ свои секреты съ лѣсничимъ, такъ сталъ собираться домой, предупредивъ, однако, что на всякій случай онъ завернетъ къ управляющему Богдану Иванычу узнать, нѣтъ-ли какой телеграммы изъ Питера отъ главнаго управляющаго. Затѣмъ, со свойственной ему пріятной улыбкой, онъ пожалъ намъ руки, поцѣловалъ ручку Софьи Ивановны и, сдѣлавъ холодно-вѣжливый поклонъ Евстафію Кузьмичу, взялъ подъ руку Верхолётова, и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ переднюю. Лѣсничій пошелъ провожать.

— Ну полноте, будетъ вамъ, ну охота, бросьте! послышался изъ-за двери передней голосъ лѣсничаго.

— Не могу-съ, ей-ей не могу-съ! раздавался голосъ Акима Саватича.—Для меня честь дорога-съ...

— Онъ, кажется, хочетъ прошеніе подать на васъ! заговорила Софья Ивановна, прислушиваясь къ разговору.

— Чортъ съ нимъ, пускай подаетъ! вскрикнулъ Ласточкинъ.

Немного погодя, загремѣлъ тарантасъ, зазвенѣли бубенчики и Акимъ Саватичъ уѣхалъ.

Дѣла своего съ Евстафіемъ Кузьмичемъ онъ дѣйствительно не бросилъ, а напротивъ поручилъ Верхолётову привлечь Ласточкина къ отвѣтственности, и тутъ-же, въ передней, вынувъ пятьдесятъ рублей, передалъ ихъ Верхолётову, и объявилъ, что остальные пятьдесятъ онъ выплатитъ ему по окончаніи дѣла. Верхолётовъ торжествовалъ. Что-же касается до Евстафія Кузьмича, то, осчастливленный свиданіемъ съ Софьей Ивановной, онъ, какъ говорится, даже и ухомъ не повелъ, а напротивъ объявилъ, что, такъ какъ все высказанное имъ Акиму Саватичу есть истинная правда, то онъ и въ камерѣ судьи назоветъ Требухина воромъ и подлецомъ. Все это очень возмутило Софью Ивановну, и она не на шутку вспылила на Верхолётова.

— И вамъ не совѣстно, проговорила она, возвысивъ голосъ:— браться за подобныя дѣла?..

— Нисколько.

— Очень вѣрю, потому что въ васъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Вы очень хорошо знаете, что Требухинъ дѣйствительно не додалъ мужу четырехсотъ рублей.

— Совершенно вѣрно.

— А также понимаете и то, что неумѣстная выходка Требухина не только могла, но даже должна была вызвать гнѣвъ Евстафія Кузьмича?

— Понимаю очень хорошо.

— Но для васъ деньги выше всего?

— Дѣйствительно, они имѣютъ большое значеніе.

— И ради ихъ вы не стѣсняетесь ничѣмъ?

— Зачѣмъ-же я буду стѣсняться въ своемъ отечествѣ.

Съ какимъ-то презрѣніемъ взглянула Софья Ивановна на глумившагося Верхолётова, быстро отвернулась отъ него и усѣлась снова въ кресло.

— Циникъ! проговорила она довольно громко и принялась опять за свою работу.

Евстафій Кузьмичъ былъ на верху блаженства. Онъ подошелъ къ женѣ, поцѣловалъ ея руку и даже объявилъ, что сердиться изъ-за такихъ пустяковъ и безпокоить себя не стоитъ.

Отъѣздъ Акима Саватича подѣйствовалъ на общество благотворно: точно гора съ плечь свалилась, а такъ, какъ и гнѣвъ Софьи Ивановны тоже продолжался недолго, то вскорѣ все было уже забыто и веселое настроеніе общества не замедлило вернуться. Софья Ивановна, какъ только подали свѣчи, усѣлась

за пьянино, разложила ноты, и веселый голосокъ ея раздался по кабинету. Ставъ позади ея стула, Евстафій Кузьмичъ перевертывалъ ноты, но такъ какъ ноты онъ зналъ плохо, то часто перевертывалъ листы невпопадъ, тогда Софья Ивановна, ко всеобщему удовольствію, хлопала его по рукамъ и принималась хохотать. Голосокъ Софьи Ивановны оказался пріятнымъ, а веселыя пѣсенки, которыя распѣвала она, какъ разъ подходили подъ ея веселый видъ. Евстафій Кузьмичъ былъ самъ не свой: лицо его становилось все яснѣй и яснѣй; стоя за стуломъ жены, онъ впивался глазами и въ ея шею, и въ ея грудь, и глаза эти разгорались все болѣе и болѣе. Видно было, что человѣкъ и счастливъ, и въ тоже время страдаетъ! Страданіе это не ускользнуло ни отъ лѣсничаго, ни отъ Верхолётова. Глядя на него, они перешептывались, подсмѣивались, и кажется, еслибы видѣла все это Софья Ивановна, то имъ очень-бы досталось отъ нея.

Между тѣмъ, водка, конечно, убавлялась; лѣсничій, какъ оказалось, насчетъ выпивки былъ не дуракъ, и по мѣрѣ того какъ выпивалъ, становился все веселѣе и веселѣе. Розыскавъ флейту (извѣстно, что нѣмецъ безъ флейты не мыслимъ), онъ сталъ акомпанировать Софьѣ Ивановнѣ, но такъ какъ по случаю выпивки плохо потрафлялъ дуть въ дыру флейты, то и счелъ за благо музыку эту прекратить, а взамѣнъ того, попросилъ Софью Ивановну уступить ему мѣсто и, усѣвшись за пьянино, забарабанилъ польку.

Однако, духота комнаты и выпитое вино потребовали чего-нибудь освѣжающаго... Я вышелъ на балконъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Нельзя было подумать, чтобы сентябрь подходилъ къ концу, до того воздухъ былъ лѣтній. Ночь была темная, но вѣтра ни малѣйшаго; все было тихо, только изрѣдка съ пильной долеталъ шумъ колесъ и лязгъ пилъ. Прямо передъ балкономъ, на темной синевѣ неба, чернѣли два пирамидальныхъ тополя, между тѣмъ какъ рѣшетка балкона, освѣщенная свѣтомъ, падавшимъ изъ окна, блестѣла серебристымъ блескомъ... Очень эффектно бросалась въ глаза эта посеребренная рѣшотка на темномъ фонѣ листвы тополей. Я спустился въ садъ и пошелъ по дорожкѣ. Чуть слышно хрустѣлъ песокъ подъ ногами; я шелъ, и точно призраки двигались мимо меня, здѣсь и тамъ разбросанныя красивыми групами деревья; въ особенности ели съ своими густыми, мохнатыми вѣтвями, начинавшимися вплоть отъ земли, кончавшіяся шпилемъ, были красивы. Я оглянулся назадъ; освѣщенныя окна дома среди мрака блестѣли еще ярче; цѣлые снопы свѣта вырывались оттуда, серебря ближайшіе кусты и деревья. Весьма изящно выглядывалъ этотъ необыкновен-

ный домъ; точно фантастическая иллюминація возвышался онъ съ своими башенками и ломаными линіями среди зелени деревъ. Я пошелъ дальше, и вскорѣ былъ на берегу рѣки. Спокойно и обильно струилась вода, шелестя и покачивая прибрежнымъ камышемъ. На противуположномъ берегу чернѣлъ боръ, наполненный таинственнымъ гуломъ. Все было тихо, а гулъ между тѣмъ все-таки былъ. Точно эти мохнатыя сосны и ели, пользуясь ночнымъ мракомъ, а главное отсутствіемъ людей, могущихъ ихъ подслушать, сдержанно роптали, и ропотъ этотъ тревожилъ нервы и невольно заставлялъ вздрагивать. Вдругъ балконная дверь отворилась; фортепіанные звуки, чуть слышные до сихъ поръ и сдерживаемые внутри дома, хлынули на свободу, послышалась серенада Шуберта, но дверь снова хлопнула, звуки опять замерли и еле-еле долетали до меня. «Кто-то вышелъ», подумалъ я, и пошелъ назадъ, но немного не доходя дома въ кустахъ сирени послышался шопотъ, изрѣдка прерываемый сдержаннымъ смѣхомъ. Я остановился и увидалъ лѣсничаго и Верхолётова. Оба они, сидя на скамейкѣ, курили папиросы.

— Какъ-бы только Софья Ивановна не узнала! гудѣлъ Верхолётовъ.—Узнаетъ—плохо будетъ...

— Почему она узнаетъ! бормоталъ нетвердо лѣсничій.

— Боюсь я ее.

— Не узнаетъ... За то потѣха-то какая!

— Вы только подготовьте его хорошенько; скажите, что онъ сегодня увлекъ Софью Ивановну, а ужь остальное мое дѣло... У насъ есть стряпуха, солдатка шустрая... цѣлковый ей въ зубы...

Верхолётовъ захохоталъ.

Вслѣдъ за тѣмъ они встали и пошли къ дому. Когда я вернулся, все общество было уже въ столовой. Посреди комнаты стоялъ столъ совсѣмъ уже накрытый, а у стѣны—другой, небольшой, съ водкой и закуской. Мы сѣли ужинать. Бифштексъ, тушеные грибы и разварной судакъ съ подливкой, о которой такъ хлопоталъ лѣсничій, были изготовлены на славу, а хорошее вино, которымъ обильно запивалось все это, какъ нельзя лучше довершили дѣло. Ужинъ прошелъ незамѣтно. Поблагодаривъ хозяина и Софью Ивановну, мы всѣ ожидали скорѣйшаго указанія ночлега.

Указавъ назначенную мнѣ комнату и пожелавъ мнѣ покойной ночи, лѣсничій вышелъ, а вскорѣ за сосѣдней перегородкой послышались его шаги и голосъ Верхолётова.

— Ну что? спросилъ лѣсничій шопотомъ:—повѣрилъ?

— Нетолько повѣрилъ, но даже объявилъ, что онъ и безъ

меня это знаетъ, потому де что ссориться намъ съ женою нечего...

Раздался сдержанный хохотъ.

— Ну-съ, а теперь я пойду командовать! проговорилъ лѣсничій опять-таки шопотомъ.

— Вы тогда разбудите меня.

— Непремѣнно.

И лѣсничій снова затопалъ мимо моей комнаты, заскрипѣлъ гдѣ-то дверной блокъ, хлопнула дверь и все замолкло. Я сталъ раздѣваться, но, заслышавъ подъ окномъ чьи-то шаги, отворилъ осторожно окно и увидалъ лѣсничаго. Онъ шелъ скоро, съ сигарой въ зубахъ, и немного погодя скрылся въ сѣняхъ одного изъ флигелей.

Я затворилъ окно, поспѣшно раздѣлся, потушилъ свѣчу и улегся въ постель. Все затихло, а усталость брала свое; глаза мои стали закрываться... гдѣ-то запищалъ комаръ... гдѣ-то въ углу за комодомъ завозился мышенокъ и принялся что-то грызть... Я заснулъ.

Вдругъ въ комнатѣ Верхолётова хлопнула дверь, я вздрогнулъ и проснулся.

— Вставайте! крикнулъ лѣсничій.

— Что? отозвался Верхолётовъ.

— Тамъ.

— А я и забылъ, заснулъ.

— Идемте слушать.

Они ушли и всё стихло. На часахъ пробило три часа и сонъ опять склонилъ меня. На этотъ разъ я спалъ, какъ убитый, и проснулся только часовъ въ семь утра. Солнце было уже довольно высоко и весело освѣщало комнату. Утро также, какъ и наканунѣ, было восхитительное. Я отворилъ окно; теплый воздухъ, пропитанный запахомъ смолы, ворвался въ комнату. Я сталъ умываться, какъ вдругъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ Евстафій Кузьмичъ, чистенькій, умытый, напомаженный и съ лицомъ, сіяющимъ отъ радости.

— Хорошо ли почивали? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Отлично, а вы?

Но вмѣсто отвѣта Ласточкинъ только закрылъ глаза и вздохнулъ.

Минутъ черезъ десять, я былъ уже одѣтъ и такъ какъ всѣ еще спали, то я попросилъ Евстафія Кузьмича поблагодарить отъ меня хозяина за гостепріимство и пошелъ домой. Ласточкинъ проводилъ меня до воротъ.

— До свиданья, проговорилъ я.

— До свиданья.

— А вы скоро домой?

— Нѣтъ, теперь ужь лѣсничій не скоро меня выживетъ отсюда! проговорилъ Ласточкинъ и залился смѣхомъ.

— О чемъ вы смѣетесь? спросилъ я.

— Да смѣюсь надъ тѣмъ, въ какихъ онъ дуракахъ остался! И Ласточкинъ снова захохоталъ.

— Этого только недоставало! подумалъ я и еще разъ простился съ Ласточкинымъ.

— До свиданья-съ! проговорилъ онъ и, напѣвая какую-то игривую пѣсенку, пошелъ по направленію къ дому.

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго, я получилъ отъ мироваго судьи повѣстку, которою вызывался въ камеру въ качествѣ свидѣтеля, по дѣлу объ оклеветаніи коллежскимъ регистраторомъ Ласточкинымъ, потомственнаго почетнаго гражданина Акима Саватича Требухина. Хотя до камеры судьи и было отъ меня верстъ сорокъ, но, все-таки, я съ удовольствіемъ собрался въ путь, желая узнать, чѣмъ окончится эта исторія. Не доѣзжая версты полторы до камеры, я догналъ Верхолётова и Ласточкина. Оба ѣхали въ тарантасѣ. Верхолётовъ былъ одѣтъ щегольски, на немъ былъ цилиндръ и совершенно новое пальто, подъ мышками виднѣлся раскрашенный разноцвѣтными полосками уставъ.

— Здраствуйте! крикнулъ я, поровнявшись съ ними.—Въ камеру?

— Да, въ камеру тащитъ, мерзавецъ! отвѣчалъ Ласточкинъ, указывая на Верхолётова.

— Нельзя съ, отвѣчалъ тотъ серьёзно, не поворачивая головы.—Оскорблять людей почтенныхъ запрещено-съ... И вы тоже въ камеру? добавилъ онъ, важно раскланиваясь со мной. И тоже по нашему дѣлу?

— Да.

— Отлично-съ!.. впрочемъ, вы меня извините, что я васъ потревожилъ... наша профессія такая! Можете просить судъ о вознагражденіи за отвлеченіе васъ отъ занятій, и съ него взыщутъ...

И онъ ткнулъ пальцемъ въ плечо Ласточкина.

— А вы повѣреннымъ?

— Да-съ. Повѣренный обвинителя.

— И вмѣстѣ ѣдете? спросилъ я.

— Это ничего, отвѣчалъ Верхолётовъ съ тою же серьёзностью.—Я, все-таки, питаю къ этому несчастному чувство непритворной дружбы, и хотя и буду хлопотать сегодня, чтобы его засадили въ

арестантскую, но, имѣя въ своемъ полномъ распоряженіи покойный тарантасъ, принадлежащій Требухину, заѣхалъ къ другу, дабы избавить его отъ лишнихъ расходовъ нанимать подводу, или же отъ непріятности свершить сей путь терновый по образу пѣшаго хожденія. Я не говорю уже о томъ, что въ тарантасѣ онъ, все-таки, ѣдетъ бариномъ и что всѣ встрѣчающіеся мужики передъ его какардой почтительно снимаютъ шапки.

Позади послышался быстрый конскій топотъ. Я оглянулся и увидалъ лѣсничаго. Крупной рысью и въ сопровожденіи трехъ лѣсныхъ сторожей, летѣвшихъ въ карьеръ, ѣхалъ онъ верхомъ на превосходномъ конѣ и, догнавъ насъ, осадилъ немного лошадь и расхохотался.

— Собирается сила, рать великая! проговорилъ Верхолётовъ.

— Боже мой, въ цилиндрѣ! кричалъ, между тѣмъ, лѣсничій, глядя на Верхолётова, продолжавшаго съ комической важностію сидѣть въ тарантасѣ, съ законами подъ мышкой.

— Это онъ все на требухинскія деньги накупилъ.

— А вы все получили съ него? спросилъ я.

— Всѣ впередъ-съ; иначе я не соглашался. Довѣрять ему я считаю неумѣстнымъ.

Немного погодя, мы были уже въ камерѣ. Судья еще не выходилъ, но народу было много. Въ числѣ мужиковъ я замѣтилъ и того, котырой изъ графскаго лѣса укралъ осьмушку дровъ. Въ углу камеры стоялъ какой-то священникъ въ ваточной рясѣ, повязанный шерстянымъ шарфомъ, съ торчавшей, вслѣдствіе этого бородой кверху. Онъ назидательно объяснялъ что то двумъ мужикамъ, стоявшимъ передъ нимъ; оказывается, что и священникъ и мужики тоже пріѣхали судиться.

— Батюшка! брось ты дѣло это, ради Господа! упрашивали мужики.

— Я бы его и не началъ, говорилъ священникъ, богобоязненно закрывая глаза: — если бы вы не загнали моихъ поросятъ, изъ коихъ одинъ оказался съ проломленной ногой. Я нарочито засвидѣтельствовалъ это сосѣдямъ, которые все это подтвердятъ.

— Мы, батюшка, не ломали.

— Это мнѣ неизвѣстно.

— Вотъ-тѣ Христосъ не ломали! Мы только загнали ихъ въ хлѣвъ съ огорода; вѣдь, они у насъ картошку всю какъ есть выкопали; вѣдь, поросята съ добрую свинью будутъ, а ихъ одинадцать штукъ. Ты погляди-ка, какъ они огородъ-атъ перекакали.

— Заявили бы объ этомъ старостѣ?

— Да гдѣ-жъ его найдешь, старосту! Вѣдь, пора рабочая

была, самъ знаешь, въ полѣ всѣ... брось, ради Бога, давай мириться!

— Я не прочь. Перевезите мнѣ на огородъ мое сѣно...

— Да вѣдь сѣна-то у тебя восемь стоговъ.

— Вотъ ихъ перевезите, и я дѣло прекращу.

— Да вѣдь этакъ обидно, батюшка! говорили мужики.—Перевести съ луговъ восемь стоговъ сѣна, плохо стòитъ шестнадцать рублей, а поросенку цѣна рублевка.

— Всякому свое добро жалко! поучительно проговорилъ священникъ и продолжительно вздохнулъ.

— Вѣстимо, жалко! Нѣтъ, а ты вотъ какъ давай мириться—чего намъ до большаго суда доходить! ты съ насъ за поросенка не ищи, вѣдь нога-то срослась у него, ужь опять на огородѣ былъ, а мы, значитъ, тебя за картошку не станемъ тревожить. Нуждà нѣтъ, что безъ кортошки остались.

— Нѣтъ, я такъ не согласенъ.

— Грѣхъ, батюшка, ей Богу, грѣхъ! Мы и сами тебѣ можетъ пригодимся. Тоже, вѣдь, къ намъ часто ходишь: то топорикъ, то веревочка понӯждится... дѣло сосѣдское...

Священникъ опять вздохнулъ и, набожно закрывъ глаза, замолчалъ. Мировая не состоялась.

— Эхъ, головушка горькая! простонали мужики и сѣли.

Верхолётовъ снялъ пальто. Оказалось, что онъ былъ во фракѣ, оправивъ который, онъ сложилъ по-наполеоновски руки и съ какимъ-то олимпійскимъ видомъ прислонился къ стѣнѣ. Ласточкинъ, какъ только вошелъ въ камеру, такъ въ ту же минуту упалъ духомъ.

Наконецъ, вошелъ и судья. Всѣ встали.

— Прошу садиться, проговорилъ судья, и, надѣвъ знакъ, сѣлъ на свое мѣсто, поковырявъ языкомъ въ зубахъ. Взявъ изъ лежавшей на столѣ пачки верхнее дѣло, онъ громко прочелъ: Дѣло о похищеніи осьмушки дровъ изъ лѣса графа Икса крестьяниномъ деревни Гривокъ Петромъ Чуркинымъ. И, перевернувъ листъ, началъ вызывать: лѣсничій Трампедахъ!

— Здѣсь.

— Обвиняемый Чуркинъ?

— Есть.

— Свидѣтели: Дергачовъ, Горбачевъ, Левинъ, Митинъ...

— Здѣсь, здѣсь...

— Я довѣряю *стать* за себя г. Верхолётову! проговорилъ лѣсничій.

Верхолётовъ подошелъ и раскланялся.

— Свидѣтели! прошу васъ оставить камеру и пожаловать въ эту комнату. Канатниковъ! удалите свидѣтелей.

Писарь Канатниковъ вывелъ свидѣтелей.

Начался разборъ дѣла, наконецъ дошла очередь и до свидѣтелей.

— Освобождаете ли вы свидѣтелей отъ присяги? спросилъ судья, обращаясь къ тяжущимся.

— Я желаю, чтобы они были спрошены съ присягой, проговорилъ Верхолётовъ и, откинувъ назадъ волосы, заложилъ руку за жилетъ.

Свидѣтели были приглашены въ камеру, и по допросу оказалось, что никто изъ нихъ ни въ родствѣ, ни въ тяжбѣ со сторонами не состоитъ и что всѣ вѣры православной.

Судья оглянулъ публику и, замѣтивъ священника, спросилъ его.

— Вы, кажется—священникъ?

— Точно такъ-съ.

— Потрудитесь привести свидѣтелей къ присягѣ. Вотъ здѣсь въ эпитрахилѣ крестъ и Евангеліе, проговорилъ онъ, указывая на лежавшую на столѣ свернутую эпитрахиль, и кстати немного отодвинулъ тутъ же стоявшую пепельницу.

Священникъ, неожидавшій, что его вызовутъ, сконфузился, засопѣлъ носомъ, но все-таки всталъ, подошелъ къ столу, надѣлъ эпитрахиль и разложилъ на столѣ крестъ и Евангеліе.

— Приглашаю встать! проговорилъ судья и тоже всталъ, подавъ священнику клятвенное обѣщаніе.

— Свидѣтели, подойдите къ священнику.

Свидѣтели подошли, кромѣ одного крестьянина.

— Вы что же не подходите? спросилъ его судья.

— Нельзя.

— Почему?

— Я безъ присяги...

— Что же вы, сектантъ что ли? допрашивалъ судья.

— Нѣтъ.

— Православный?

— Православный.

— Почему же не желаете принять присягу?

— Не могу.

— Вы обязаны объяснить причину.

Мужикъ переминался, вздыхалъ и чесалъ въ затылкѣ. Священникъ, немного ободрившійся, поднялъ глаза къ небу и приложилъ лѣвую руку къ эпитрахилю; борода продолжала торчать кверху.

— Объясните, почему вы не можете присягнуть? продолжалъ приставать судья.

Мужикъ мялся, мялся и наконецъ проговорилъ.

— Рубаху не смѣнялъ.

— Я васъ не понимаю, проговорилъ судья.

— Вечёрушну рубаху не смѣнялъ.

Священникъ подошелъ къ судьѣ и шепнулъ ему что-то на ухо.

— Свидѣтель! проговорилъ потомъ священникъ: — я разрѣшаю вамъ и благословляю васъ. Свидѣтели подошли къ священнику. Онъ перекрестился и, откашлянувшись, проговорилъ:

— Сложите пальцы, какъ молитесь, поднимите руки вотъ такъ и говорите за мной. И священникъ звонкимъ теноромъ сталъ читать на *о* клятвенное обѣщаніе! «Обѣщаюсь и клянусь предъ Всемогущимъ Богомъ...

— «Богомъ», повторяли свидѣтели.

— «И животворящимъ крестомъ Господнимъ въ томъ, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ...

— «Ни родствомъ», повторяли свидѣтели.

— «Я по совѣсти покажу въ семъ дѣлѣ всю сущую о всемъ правду...», читалъ священникъ и, докончивъ присягу, проговорилъ:—Аминь. Ну, теперь прикладывайтесь къ Евангелію и къ кресту.

— И говорите: клянусь! добавилъ судья.

Свидѣтели стали прикладываться, причемъ одинъ изъ нихъ, а именно тотъ, который не смѣнялъ рубахи, приложился, сверхъ того, и къ пепельницѣ, почему и воротился въ публику съ пепломъ и окурками папиросъ на бородѣ.

— Ну, смотрите, говорите правду, не лгите и помните, что Господь Богъ за ложное показаніе строго васъ накажетъ, говорилъ священникъ, закрывъ глаза.

Одинъ изъ свидѣтелей былъ оставленъ въ камерѣ, а прочіе удалены. Начался допросъ свидѣтелей. Свидѣтели изъ солдатъ подходили къ столу бойко, становились на вытяжку и руки пошвамъ и въ показаніяхъ своихъ безпрестанно повторяли: значитъ, выходитъ, такимъ манеромъ, точно такъ ваш-діе, никакъ нѣтъ-съ и, затѣмъ, когда судья отпускалъ ихъ, дѣлали налѣво кругомъ и садились на свои мѣста. Свидѣтели же изъ мужиковъ подходили съ перевалкой, шлепали лаптями, чесались, рыгали и все останавливали судью, требуя, чтобы онъ ихъ не перебивалъ и что они *сами разскажутъ съ конца какъ дѣло было* и судью называли то ваше высокопревосходительство, то *братецъ ты мой*.

Наконецъ, разборъ кончился и обвиняемый Чуркинъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на три мѣсяца.

Затѣмъ, вынувъ изъ пачки слѣдующее дѣло, судья опять громко прочелъ: дѣло объ оклеветаніи коллежскимъ регистраторомъ Ласточкинымъ потомственнаго почетнаго гражданина Акима Саватьева Требухина.

— Вотъ оно! шепнулъ Евстафій Кузьмичъ.

— Обвиняемый Ласточкинъ?

— Здѣсь.

— Обвинитель Требухинъ?

— Имѣю отъ него довѣренность, проговорилъ Верхолётовъ и, подойдя къ столу, подалъ судьѣ довѣренность. Затѣмъ были вызваны свидѣтели: я и Трампедахъ.

Минутъ черезъ десять по отобраніи отъ насъ обычныхъ вопросовъ, судья обратился къ Ласточкину и Верхолётову.

— Какъ желаете спрашивать свидѣтелей, съ присягой, или безъ присяги?

Осмѣлившійся священникъ привсталъ было съ своего мѣста, чтобы снова пофигурировать, но Верхолётовъ и Ласточкинъ великодушно отъ присяги насъ освободили.

Я взглянулъ на Ласточкина, и мнѣ даже стало жаль бѣднягу. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, потъ ручьями катилъ съ лица его, между тѣмъ какъ Верхолётовъ посматривалъ на него съ какой-то убійственно-холодной ироніей.

Трампедахъ былъ удаленъ, я же остался въ камерѣ. На предложеніе судьи разсказать все мнѣ извѣстное по этому дѣлу, я передалъ все какъ было.

— Такъ вы сами слышали, какъ Ласточкинъ обозвалъ Требухина воромъ?

— Да, отвѣчалъ я.—Укоряя Требухина въ неотдачѣ ему четырехсотъ рублей за межевую работу, г. Ласточкинъ выразился такъ: ты у нищаго суму отнялъ, а еще потомственный почетный гражданинъ, ты просто воръ и грабитель!

Священникъ вздохнулъ и неодобрительно покачалъ головой.

— Я и не отпираюсь, бормоталъ Ласточкинъ.

— Скажите, обратился ко мнѣ судья:—не было ли предварительно передъ этимъ какой-либо ссоры между Требухинымъ и Ласточкинымъ?

— Требухинъ передъ этимъ подшутилъ надъ супружескими отношеніями Ласточкина и жены его.

— Въ какихъ выраженіяхъ?

— Требухинъ привелъ изреченіе апостола, что жена должна

бояться своего мужа и изреченіе это прочелъ громкимъ басомъ, какъ обыкновенно читается оно дьяконами при вѣнчаніяхъ.

Священникъ скромно закрылъ глаза рукою.

— Конечно, это показалось мнѣ насмѣшкой! забормоталъ Ласточкинъ, заикаясь и картавя.—Требухину были извѣстны мои *бывшія* отношенія къ женѣ, продолжалъ Ласточкинъ, налегая на слово *бывшія*:—и потому, понятно, меня это затронуло, оскорбило... Я не давалъ Требухину повода подтрунивать надо мной... ну, и назвалъ его воромъ и грабителемъ. А что Требухинъ дѣйствительно зажилилъ у меня четыреста рублей, такъ это извѣстно и г. Верхолётову, и онъ, вѣроятно, подтвердитъ это...

— Вы ошибаетесь, мнѣ ничего неизвѣстно, и думаю, что довѣритель мой не сдѣлаетъ столь безчестнаго поступка.

Проговоривъ это и попросивъ у судьи дозволенія сдѣлать мнѣ нѣсколько вопросовъ, Верхолётовъ сталъ ко мнѣ придираться. Просилъ меня пояснить то и другое; просилъ припомнить съ азартомъ или безъ азарта была произнесена клевета; называлъ ли Ласточкинъ Требухина халдейской харей, поднималъ ли при этомъ кулаки, былъ ли пьянъ, или нѣтъ, извѣстно ли мнѣ, что Требухинъ зналъ о холодныхъ отношеніяхъ, существующихъ или существовавшихъ между Ласточкинымъ и его женой; приведено ли Требухинымъ помянутое изреченіе апостола съ намѣреніемъ уколоть или оскорбить Ласточкина, или же просто безнамѣренно: гдѣ я въ то время стоялъ, то есть далеко ли или близко отъ ссорившихся, словомъ, засыпалъ меня вопросами и нѣкоторые изъ отвѣтовъ моихъ просилъ занести въ протоколъ.

Точно также былъ допрошенъ и Трампедахъ, съ тою только разницею, что послѣдній, не желая, вѣроятно, распространяться о супружескихъ отношеніяхъ Ласточкина съ женой, объявилъ, что въ это время онъ былъ настолько *подкутивши* (онъ видимо стѣснялся произнести слово *пьянъ*), что рѣшительно ничего не помнитъ.

— Виноватъ, перебилъ его Верхолётовъ:—въ моментъ ссоры вы были еще трезвы, опьяненіе произошло гораздо позднѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я былъ подкутивши...

— Помилуйте, настаивалъ Верхолётовъ: — мы даже ничего еще не пили.

— Нѣтъ, мы пили чай съ ромомъ, и я очень много подливалъ рому.

— Все-таки, отъ чая съ ромомъ нельзя потерять память.

— Я еще до вашего прихода *былъ готовъ*.

Судья попросилъ перейти къ дѣлу, и Верхолётовъ принялся обвинять. Ставъ въ приличную позу, онъ началъ съ того, что

клевета въ общепринятомъ значеніи этого слова есть ложь, помрачающая честь и доброе имя человѣка, и что потому, согласно съ значеніемъ этого слова, наши уголовные законы считаютъ клеветою несправедливое обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, что въ данномъ случаѣ клевета выразилась въ лживомъ возведеніи Ласточкинымъ на потомственнаго почетнаго гражданина Требухина, неучиненнаго имъ безчестнаго дѣянія. Что, хотя законъ и не опредѣляетъ, что̀ именно должно разумѣть подъ дѣяніемъ, противнымъ правиламъ чести, но что взамѣнъ того подчиняетъ это опредѣленію общепринятому понятію и что поэтому несправедливое или неосновательное распространеніе между людьми, считающими, напримѣръ, безчестнымъ не полный разсчетъ съ кредиторомъ, заключаетъ въ себѣ, конечно, несомнѣнное намѣреніе оскорбить это лицо. Затѣмъ, немного помолчавъ, Верхолётовъ перешелъ къ разсмотрѣнію оправданій, представленныхъ обвиняемой стороной, и объявилъ, что оправданія эти, какъ не имѣющія подъ собою почвы, не заслуживаютъ никакого вниманія. Что судъ тогда только можетъ дать нѣкоторое значеніе оправданіямъ г. Ласточкина, когда онъ убѣдится, что дѣйствительно г. Требухинъ, выражаясь словами апостола, имѣлъ намѣреніе посмѣяться надъ отсутствіемъ боязни у госпожи Ласточкиной къ ея мужу, и тогда только, когда судъ убѣдится, сверхъ того, въ существованіи такихъ отношеній между супругами, а равно и въ томъ, были ли отношенія эти, если только они существовали, извѣстны г. Требухину. Въ виду всего этого, а равно и того, что г. Ласточкинъ ничѣмъ не доказалъ, что будто г. Требухинъ не додалъ ему *какихъ-то* денегъ за *какую-то* межевую работу, Верхолётовъ просилъ подвергнуть Ласточкина наказанію, предусмотрѣнному 136 ст. Устава о наказаніяхъ, и при томъ имѣть въ виду то высокое положеніе, которое занимаетъ въ обществѣ его кліентъ.

— Вы не имѣете ли сказать что-либо въ свое оправданіе? спросилъ судья, обращаясь къ Ласточкину.

— Что̀ мнѣ говорить! забормоталъ онъ совершенно уничтоженный краснорѣчіемъ Верхолётова и оглядываясь кругомъ, какъ бы ища помощи:—что̀ могу сказать я? обидѣлъ онъ меня... по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ. Требухинъ три года не отдаетъ мнѣ денегъ... четыреста рублей для меня не бездѣлица... Однако, несмотря на это, я прежде никогда не называлъ его ни воромъ, ни грабителемъ; а тутъ, какъ онъ меня обидѣлъ, у меня и сорвалось съ языка!

И голосъ Ласточкина дрогнулъ.

— Не желаете ли покончить дѣло миромъ, спросилъ судья.

— Что же, если г. Требухинъ оскорбилъ меня неумышленно, то я готовъ попросить у него прощенія! проговорилъ Ласточкинъ и слезы хлынули изъ глазъ его.

— Я не желаю-съ, проговорилъ Верхолётовъ, вставая.

Судья сталъ писать приговоръ, и немного погодя, пригласилъ всѣхъ встать, прочелъ его и, ко всеобщему удовольствію публики, объявилъ Ласточкина оправданнымъ.

Верхолётовъ заявилъ неудовольствіе.

Мы вышли.

Насколько Ласточкинъ былъ убитъ въ камерѣ, настолько онъ торжествовалъ и, такъ сказать, воспрянулъ, очутившись на воздухѣ. Его нельзя было узнать; откуда взялась бойкость! Онъ уже не хныкалъ, а напротивъ, надѣвъ картузъ на бекрень и подбоченясь фертомъ, допрашивалъ Верхолётова:

— Что, шляпа! чья взяла! Нѣтъ, братъ, врешь, вѣдь теперь не старыя времена!

Я былъ радъ за Ласточкина и отъ души поздравилъ его.

— Не преждевременно ли поздравленіе ваше! замѣтилъ Верхолётовъ, закуривая папиросу:—дѣло это я перенесу на съѣздъ, и увѣренъ, что приговоръ будетъ отмѣненъ, а юношу сего посадятъ въ арестантскую.

— Неужели вы будете переносить это дѣло? спросилъ я.

— Всенепремѣнно-съ..... я даже радъ очень, что судья оправдалъ его! По крайней мѣрѣ, дѣло пойдетъ дальше, и я опять получу сотенную.

— Требухинъ броситъ, я увѣренъ.

— Нѣтъ ужъ этого я ему не дозволю.

— Почему это?

— А потому, что наше дѣло разсѣевать раздоры, а не умиротворять оные.

И увидавъ лѣсничаго, Верхолётовъ вскрикнулъ:

— Хорошъ свидѣтель! а? Помнитъ, что пилъ чай съ ромомъ, а ссоры не помнитъ!

Лѣсничій, вмѣсто отвѣта, захохоталъ во все горло.

— Ну, да Богъ съ вами! проговорилъ Верхолётовъ.—А вотъ позвольте-ка съ васъ заполучить....

— За что?

— А за веденіе дѣла о дровахъ. Или тоже забыли?

— Нѣтъ, нѣтъ, это я помню. Сколько прикажете?

— Такъ какъ дѣло это было кстати, то, сверхъ обѣщанной водки, достаточно и десяти рублей.

— И трёшницы довольно! подхватилъ Ласточкинъ.

Лѣсничій передалъ Верхолётову десять рублей, которые тотъ небрежно сунулъ въ карманъ жилета.

— А знаете что! почти вскрикнулъ Трампедахъ, обращаясь къ намъ.—Поѣдемъ ко мнѣ. Вчера мужики какимъ-то образомъ убили лося, и я васъ такимъ накормлю блюдомъ, что пальчики оближете!

Какъ ни соблазнительно было предложеніе, но я отказался.

— А ты какъ думаешь? обратился Ласточкинъ къ адвокату.

— Я никогда не имѣю привычки отказываться отъ хорошаго.

— И прекрасно! проговорилъ лѣсничій.

Сторожъ, между тѣмъ, подвелъ ему лошадь. Лѣсничій ловко вспрыгнулъ въ сѣдло.

— Ну, маршъ!

— Стойте! кричалъ Ласточкинъ. Надо узнать прежде, посадитъ-ли меня съ собой сей баринъ въ шляпѣ?

— Ага! проговорилъ Верхолётовъ, усѣвшись въ тарантасъ.

— Возмешь что-ли?

— Пожалуй, садись на козлы.

— Что я, лакей что ли!

— А иначе не возьму.

— Не хочу я на козлахъ....

— Какъ знаешь! И Верхолётовъ крикнулъ кучеру: трогай!

Лошади тронули, а Ласточкинъ пустился за тарантасомъ.

— Да будетъ вамъ шутить-то!.. кричалъ Ласточкинъ, силясь догнать тарантасъ.—Будетъ вамъ, въ самомъ дѣлѣ!... Ну, какъ-же я, съ кокардой и буду сидѣть на козлахъ.... Да остановитесь-же! Кучеръ! остановись!...

Въ это время изъ камеры вышелъ священникъ.

— Ну какъ ваше дѣло о поросенкѣ? спросилъ я его.

— Отказали! проговорилъ онъ, махнувъ рукой.—Я это предвидѣлъ, ибо нѣтъ чести пророку въ отечествѣ своемъ. Обидно, весьма обидно....

Вышли и мужики и рѣшительно ничего не поняли, какъ разсудилъ ихъ судья.

— Теперь какъ же мы, батюшка? спросили они священника.—Теперь чего-же намъ дѣлать.

— Вы слышали рѣшеніе! сухо проговорилъ священникъ, отвязывая свою лошадь.

— Слышать-то слышали, да поди-ка, какіе мы грамотѣи-то!

— Ну вотъ и прекрасно! Чего-же вамъ еще!

— Такъ. Значитъ, опять повѣстка будетъ?

— Какая-же теперь повѣстка!

— А копію просить надоть?

— Если желаете имѣть, то попросите, вамъ не откажутъ! проговорилъ священникъ, налегая на слово *вамъ*.

— И ко дворамъ тоже можно?

— И ко дворамъ можно!

— Ну, благодаримъ!

И мужички пошли, все-таки, недоумѣвая, чѣмъ кончился судъ, Я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ домой.

На слѣдующій день, я отправился въ Москву, гдѣ и провелъ зиму, а въ среднихъ числахъ марта, снова возвратился въ деревню.

Весна была ранняя: 12 марта санный путь уже рушился и незначительный снѣгъ, не имѣвшій зимой осадки, таялъ не по днямъ, а по часамъ. Когда я пріѣхалъ домой, рѣка была въ полномъ разливѣ; успѣла уже прорвать двѣ, три плотины; поснести нѣсколько мостовъ и гатей и шумно разливалась по раздольнымъ лугамъ. Погода была восхитительная, воздухъ теплый, пролётъ дичи большой. Въ небѣ звенѣли стаи журавлей, кричали гуси, утки; скворцы вились по скворечнямъ и, разсѣвшись по-парно на вѣткахъ, распѣвали, потряхивая крылышками. Словомъ, все, что̀ такъ украшаетъ и дѣлаетъ восхитительнымъ пребываніе въ деревнѣ, было на лицо. Мужички оживѣли, принялись за прилаживаніе сохъ и боронъ. На возвышенныхъ мѣстахъ, на бахчаньяхъ сѣяли уже арбузы; все кипѣло дѣятельностію.... Война съ Турціей со славой окончена; въ рѣдкомъ городѣ не было плѣнныхъ турокъ; народъ смотрѣлъ на нихъ и торжествовалъ патріотической гордостію. Все ликовало вмѣстѣ съ пробудившейся природой, и даже слухи о тифѣ и козняхъ Англіи и Австріи не такъ уже возмущали народъ. Раненые, вернувшіеся на родину, передавая о славныхъ подвигахъ, собирали вокругъ себя толпы слушателей...

Въ концѣ марта, поля уже настолько просохли, что всѣ принялись за посѣвъ. Я тоже началъ сѣять и потому нигдѣ не успѣлъ еще побывать. Правда, ходилъ раза два по вальдшнепамъ, но такъ какъ пролётъ ихъ былъ незначителенъ, то и пришлось на время оставить ружье въ покоѣ. Весной хлопотъ много и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что вставалъ я вмѣстѣ съ солнцемъ, садился на лошадь и ѣхалъ въ поле, гдѣ и проводилъ почти весь день. И зато какъ отлично спалось ночью! Заблеститъ заря и опять за тоже!—И все это среди этой ликующей природы, среди труженика-народа, муравьями разсыпавшагося по необозримымъ полямъ. Глядя на этихъ тружениковъ, забываются невольно всѣ мелочи и дрязги праздной жизни. Предавшись дѣлу, я забылъ про все случившееся осенью, по

крайней мѣрѣ ни разу не вспоминалъ о немъ, какъ вдругъ пришлось опять все припомнить и всему случившемуся подвести итогъ.

Это было такъ.

Возвратившись однажды домой, я къ немалому изумленію увидалъ у себя Евстафія Кузьмича. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и читалъ газету. Къ Евстафію Кузьмичу я питалъ симпатію и потому даже обрадовался, увидавъ его. Онъ былъ одѣтъ совершенно по лѣтнему, въ парусинномъ платьѣ.

— Извините, проговорилъ онъ, подавая мнѣ руку.—Я, кажется, не во время пришелъ... такая пора, что всѣ заняты?

— Напротивъ, очень радъ, перебилъ я его, усаживая на кресло.—Ну какъ вы поживаете, весело-ли провели зиму?

— Какое-же можетъ быть веселье! Отсидѣлъ двѣ недѣли въ арестантской!

— Кàкъ, за чтò?

— Да все по дѣлу Требухина.

— Что вы говорите! Но, вѣдь, вы были оправданы?

— Судья точно оправдалъ, а съѣздъ засадилъ.

— И все Верхолётовъ дѣйствовалъ?

— Все онъ! Что-жъ дѣлать! вѣдь это хлѣбъ его насущный: онъ за это дѣло съ Требухина двѣсти рублей взялъ.

— А гдѣ теперь Верхолётовъ?

— Незнаю, право, пропалъ куда-то!

Я велѣлъ подать чаю. Евстафій Кузьмичъ былъ видимо не въ духѣ, и какъ ни старался я развеселить его, всѣ старанія были напрасны. Онъ безпрестанно вздыхалъ и на всѣ вопросы давалъ самые короткіе отвѣты. Это былъ какъ будто совсѣмъ не тотъ Евстафій Кузьмичъ, котораго видѣлъ я осенью.

— А вы что-то не въ духѣ? спросилъ я его, наконецъ.

— Горе у меня большое.

— Что такое?

— Жена больна очень.—Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ съ постели не встаетъ....

— Чѣмъ-же больна Софья Ивановна?

— Боюсь, не чахотка-ли съ ней.—Незнаю, чтò и дѣлать. Доктора-бы надо.

— Такъ что-жъ, зачѣмъ дѣло стало? Вѣдь, здѣсь есть земскій врачъ.

— Чтò-что есть, все одно, что нѣтъ его. Для бѣдныхъ людей земскихъ врачей нѣтъ, не ѣздятъ они къ нимъ и знать не хотятъ...

— Гдѣ-жъ теперь Софья Ивановна?

— У меня дома лежитъ.

— Такъ она не у Трампедаха, не у брата своего? поспѣшилъ я добавить.

— Нѣтъ, гдѣ же! И Трампедаха-то ужь нѣтъ давно... Онъ теперь въ Оренбургѣ гдѣ-то землю купилъ! Вѣдь, графъ все свое имѣніе продалъ; и винокуренный заводъ, и землю, и лѣсъ...

— Что вы говорите! Кому же?

— Требухинъ купилъ, не одинъ, а съ кѣмъ-то въ товариществѣ; человѣкъ пять, вишь, ихъ собралось... Сначала, графъ только одинъ лѣсъ хотѣлъ продать, а потомъ видитъ, что имѣніе дохода не даетъ, что наживаются только одни управляющіе, винокуры, лѣсничіе, подвальные — ну, и рѣшился обратить все въ капиталъ.

Извѣстіе это было для меня совершенною новостью.

— Отчего же захворала Софья Ивановна?

— Простудилась, должно быть! отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ. — Вы знаете ее; видѣли, какой живой и веселый характеръ. Вѣдь, она на мѣстѣ покойно не посидитъ, все бы ей рѣзвиться, бѣгать — вотъ и дорѣзвилась! И помолчавъ немного, онъ началъ: на послѣдній день масляницы было это дѣло. Пристала она ко мнѣ: поѣдемъ, да поѣдемъ въ городъ турокъ плѣнныхъ посмотримъ, да кстати и въ клубъ на танцовальный вечеръ. А погода, надо вамъ сказать, дурная была, дожди все шли. Я было не соглашался, но она такъ пристала, что пришлось уступить. Мы поѣхали; она въ одной коротенькой шубкѣ была. Въ клубѣ пробыли часовъ до двухъ ночи; надо бы переночевать въ городѣ, а мы поѣхали въ ночь, да еще на грѣхъ заплутались да вплоть до свѣту и проплутали. Она прозябла, сдѣлалась лихорадка, а черезъ недѣлю слегла и съ той поры все хуже и хуже.

— И докторъ ни разу не былъ.

— Не былъ. Фельдшеръ земскій ходитъ; да что! проговорилъ Евстафій Кузьмичъ, махнувъ рукой. — Одинъ грѣхъ только!

— А что?

— Пьяный всегда! Того и гляди, съ пьяныхъ глазъ-то, вмѣсто лекарства, яду какого-нибудь закатитъ!

— А лекаря-то вы приглашали?

— Сколько разъ! Разъ пять самъ ѣздилъ къ нему!

— И что же?

— Пріѣду, говоритъ — и не ѣдетъ. Знаетъ, что за визитъ платить нечѣмъ, ну и не ѣдетъ.

— Неужели же у васъ денегъ нѣтъ, столько-то хоть?

— Откуда же я ихъ возьму! какъ-то глухо проговорилъ Ев-

стафій Кузьмичъ.—Сами знаете, теперь нашему брату, землемѣру, вовсе плохо, не то, что во время освобожденія крестьянъ, когда мы надѣлы отводили! А зимой-то и вовсе ужь сложа руки сидишь. Было у меня рублей полтораста, на черный день берегъ, а тутъ, какъ переѣхала ко мнѣ жена, пришлось обзаводиться кое-чѣмъ, надо было тоже и жену потѣшить, удовольствія ей кое-какія дѣлалъ... денегъ и не стало. Жить, вѣдь, тоже нужно. Вѣдь, оно не видно, а расходъ-то каждый день... и такъ ужь по мелочи кругомъ задолжалъ. Въ лавочкѣ даже вѣрить перестали.

— И у Софьи Ивановны нѣтъ денегъ?

— Ничего у нея нѣтъ, кромѣ нарядовъ да бездѣлушекъ разныхъ. Можно было бы кое-что продать лишнее, да языкъ какъ-то не поворачивается объявить ей, что нужда, крайность подошла.

— А она сама не догадывается?

— Почему же она догадается, когда я изъ кожи вонъ лѣзу, чтобы только скрыть отъ нея все это. Вѣдь, жалко мнѣ ее... вѣдь, не чужая она мнѣ!

И вдругъ слёзы градомъ хлынули изъ глазъ его, и онъ упалъ мнѣ въ ноги.

— Пожалѣйте!

— Что вы, что вы! вскрикнулъ я.

— Выручите, дайте рублей пятьдесятъ... я заработаю.

Я насилу поднялъ его, насилу уговорилъ его успокоиться, обѣщавъ помочь горю, насилу усадилъ его въ кресло. Закрывъ лицо руками, онъ ревѣлъ, какъ ребенокъ.

И вотъ опять передо мною этотъ смѣшной человѣкъ, вся фигурка котораго какъ будто соединила въ себѣ все, что только можетъ возбудить смѣхъ. Вотъ онъ, это посмѣшище, издѣваться надъ которымъ доставляетъ столь великое удовольствіе любителямъ пошутить! Вотъ онъ, этотъ шутъ гороховый! Но отчего же глядя на этого шута, сердце сжимается и обливается кровью?

Въ слѣдующее же воскресенье, я поѣхалъ въ село Песчанку, гдѣ нанималъ Ласточкинъ квартиру.

Домикъ, или лучше сказать небольшой флигель, въ которомъ квартировалъ Евстафій Кузьмичъ, былъ окруженъ палисадникомъ, деревья котораго только-что распускали свои нѣжныя листья, наполняя воздухъ ароматомъ. Вымазанный и выбѣленный мѣломъ, флигель этотъ какъ-то особенно весело выглядывалъ и блестѣлъ на солнышкѣ своими небольшими окнами съ зелеными ставнями. Просторныя сѣни раздѣляли флигель на двѣ половины; въ одной половинѣ квартировалъ Евстафій Кузьмичъ, въ

другой—хозяинъ съ своей семьей. Небольшое крылечко съ скворечной, привязанной къ колонкѣ, вело въ сѣни. Какая-то женщина въ сарафанѣ и съ лоханкой въ рукахъ встрѣтилась мнѣ.

— Что, матушка, здѣсь живетъ Ласточкинъ? спросилъ я.

— Межевой, что ли?

— Да, межевой.

— На-лѣво, сударикъ, на-лѣво.

Я отворилъ дверь, и только-что успѣлъ войти въ крохотную комнатку, служившую, какъ видно, прихожей, какъ изъ-за перегородки послышался продолжительный и съ какимъ-то захлебываніемъ кашель. Я остановился.

— Кто тамъ? послышался слабый голосъ, прерываемый этимъ кашлемъ.

Я отозвался.

— Да кто вы? войдите...

Я вошелъ и увидалъ Софью Ивановну. Маленькая, худенькая, сидѣла она въ большомъ креслѣ, обложенная подушками, и, нагнувшись надъ стеклянной плевальницей, вся багровая отъ напряженія, съ синими надувшимися на лбу жилами, продолжала хрипло кашлять, силясь освободиться отъ душившей ее мокроты. На ней былъ сѣренькій изящный капотъ; ноги, обутыя въ теплыя ботинки, помѣщались на скамейкѣ. Батистовый платокъ, обшитый кружевомъ, лежалъ на маленькомъ столикѣ. Превосходные волосы зачесаны все такъ же изящно-небрежно; должно быть, иначе Софья Ивановна и не умѣла причесывать ихъ.

Припадокъ кашля не позволялъ ей поднять головы и потому мнѣ пришлось нѣсколько минутъ простоять незамѣченнымъ. Наконецъ кашель кончился, мокрота отдѣлилась, и больная, вздохнувъ свободнѣе, поставила плевальницу на столъ. Отеревъ ротъ платкомъ, она взглянула на меня, и удивленіе выразилось на ея лицѣ.

— Какими судьбами? проговорила она.—Вотъ не ожидала-то!

— Пріѣхалъ навѣстить васъ, слышалъ, что больны.

— Отъ кого это вы слышали?

— Евстафій Кузьмичъ говорилъ мнѣ, что вы простудились.

— А вы его видѣли?

— Да, онъ былъ у меня.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ. Ну, благодарю, что вспомнили. Садитесь-ка и побесѣдуемъ. Мужа дома нѣтъ; онъ еще чуть свѣтъ къ лѣкарю побѣжалъ; впрочемъ, скоро долженъ вернуться. Такой, право, уморительный! заговорила она съ веселой улыбкой.—Вообразилъ, что я при смерти, и не даетъ покоя этому несчастному лѣкарю. И представьте, все пѣшкомъ бѣгаетъ, хоть

бы лошадь нанялъ, а, вѣдь, до лекаря десять верстъ, не забудьте. Тотъ уже смѣялся мнѣ.—«Я, говоритъ, на вашего мужа мировому прошеніе подамъ. Онъ, говоритъ, мнѣ покоя не даетъ; нарушаетъ чуть ли не каждое утро мое супружеское спокойствіе. Привяжите, говоритъ, его за ногу что-ли къ чему-нибудь!»

— У васъ веселый докторъ!

— Прелесть, я отъ него въ восторгѣ, и когда онъ бываетъ у насъ, я постоянно хохочу. Однако, соловья баснями не кормятъ, проговорила она и позвонила въ колокольчикъ.

— Вы чего хотите, кофею или чаю?

— Я буду пить тоже, что и вы?

— Ну, батюшка, меня, вѣдь, ячменнымъ кофеемъ поятъ.

— И я буду пить ячменный.

— Впрочемъ, я могу вамъ дать *подправу*, какъ называетъ лекарь, ромъ.

— И прекрасно.

Вошла дѣвочка босая, съ востренькими плутовскими глазками, въ коротенькомъ ситцевомъ платьицѣ, съ дрянными бусами на шейкѣ, вошла и, остановившись среди комнаты, выпятила впередъ животикъ.

— Вѣрочка! проговорила Софья Ивановна: — свари-ка намъ кофею; только поскорѣе.

— Ячменнаго или простого?

Софья Ивановна улыбнулась.

— Она настоящій-то простымъ называетъ! — Да, свари намъ ячменнаго и рому подай.

— Рому, такъ чуть на донышкѣ. Намѣдни лекарь всю охолостилъ.

— Ну, подай сколько есть.

Дѣвочка бросилась за перегородку, постучала тамъ посудой и, немного погодя, примчалась съ кофейникомъ, топая и какъ-то вывертывая босыми ножками.

— Прелестный ребенокъ! задумчиво проговорила Софья Ивановна.—Это дочь нашего хозяина. Отъ скуки я ее грамотѣ учу, и такая понятливая, что въ самое короткое время читать выучилась и теперь очень порядочно читаетъ.

И потомъ вдругъ перемѣнивъ тонъ, Софья Ивановна спросила:

— Вы что же не курите? Вы кажется курили!.. Да, да, конечно, курили... я помню...

— Хорошо ли это будетъ для вашего кашля?..

— Ахъ, вздоръ какой!.. Докторъ всегда куритъ... Вы отворите окно, и дыма не будетъ...

Я отворилъ окно. Чистый воздухъ ворвался въ комнату и заколыхалъ слегка бѣлыми коленкоровыми занавѣсками оконъ.

— Ахъ, какъ хорошо! проговорила Софья Ивановна.—Съ какимъ удовольствіемъ пошла бы я теперь погулять! Да вотъ ноги что-то... Не то чтобы болѣли, не то что слабы... а какъ-то плохо ходятъ! А въ комнатѣ, да еще вдобавокъ, въ этой, прибавила она, махнувъ рукой:—тоска, мученье! Какъ только выздоровлю, такъ переѣдемъ отсюда въ городъ, а здѣсь, въ этомъ противномъ селѣ, лучше этой и квартиры нѣтъ.

Квартира дѣйствительно была незавидная и состояла только изъ одной комнаты, раздѣленной перегородкой на три части. Комната, въ которой мы сидѣли, была, какъ видно, самой большой и рѣзко бросалась въ глаза своими контрастами. Мебель бѣдная, соломенная, старинный диванъ съ рыжимъ ободраннымъ сафьяномъ, а надъ диваномъ фотографическіе портреты въ дорогихъ орѣховыхъ рамахъ. Разложенный ломберный столъ, приставленный къ простѣнку и накрытый зеленымъ запачканнымъ сукномъ, замѣнялъ письменный, а на столѣ красовались прекрасной работы бронзовая чернильница, такая же статуэтка Минина и Пожарскаго и роскошный массивный альбомъ для фотографическихъ карточекъ. Орѣховое кресло, обитое синимъ сукномъ, на которомъ сидѣла Софья Ивановна, тоже не подходило какъ-то къ остальной мебели. Направо, небольшая дверка вела за перегородку, и дверь эта позволяла видѣть желѣзную односпальную кровать, накрытую изящнымъ шерстянымъ одѣяломъ; висѣвшее надъ кроватью распятіе изъ слоновой кости и стоявшій въ ногахъ кровати орѣховый гардеробъ, изъ-за котораго торчали грязныя ножки астролябіи. Видно было по всему, что все это хорошее было принесено послѣ и не принадлежало хозяину этой квартиры, да и сама Софья Ивановна словно была не дома, а на почтовой станціи въ ожиданіи перемѣны лошадей: перемѣнитъ лошадей, напьется кофею и поѣдетъ дальше.

Немного погодя, мы пили уже кофей. Рому дѣйствительно было мало, но недостатокъ этотъ вскорѣ загладился, такъ какъ къ крылечку флигеля подкатилъ тарантасъ, въ которомъ увидалъ я Евстафія Кузьмича, съ бутылкой въ рукахъ, и рядомъ съ нимъ толстенькаго мужчинку въ поярковой шляпѣ и сѣромъ пальто.

— А вотъ и докторъ! почти вскрикнула Софья Ивановна.

— И не одинъ, а съ ромомъ! подхватилъ врачъ, входя въ комнату, и подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ, не снявъ даже верхняго пальто, подалъ ей руку.

— Ну что, какъ, моя хорошенькая паціентка?

— Да что, проговорила она. — Ваша хорошенькая паціентка скучаетъ; хочется ей на воздухъ, на волю...

— Понятное желаніе, моя красавица! понятное желаніе, но... весьма непріятно для меня. Ей Богу, жаль выпустить изъ клѣтки такую прелестную птичку.

Вошелъ Евстафій Кузьмичъ съ бутылкой въ рукахъ и, увидавъ меня, словно просіялъ.

— Ахъ, здравствуйте! проговорилъ онъ. — Насилу-то навѣстили!

— Что это у тебя за бутылка? спросила Софья Ивановна.

— Ромъ, ромъ, подхватилъ докторъ. — Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ объ этомъ. Въ прошлый разъ я замѣтилъ, что рому оставалось очень мало — ну, и порекомендовалъ почтеннѣйшему Евстафію Кузьмичу запастись новой бутылкой. Вѣдь великолѣпно придумано?

— Великолѣпно.

— Очень радъ, что угодилъ. Гораздо лучше угодить человѣку, нежели дать ему подзатыльникъ.

Съ появленіемъ доктора, все мгновенно измѣнилось. Тяжелая картина какъ будто освѣтилась совершенно новымъ свѣтомъ: точно начался веселый водевиль послѣ тяжелой слезливой драмы. Докторъ оказался дѣйствительно развеселымъ малымъ и большимъ говоруномъ. Онъ болталъ безъ умолку и городилъ всякую ерунду; разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ, передавалъ уѣздныя сплетни, потребовалъ, чтобы ему немедленно, прежде кофею, дали водки и кусочекъ чернаго хлѣба на закуску, и только выпивъ водки и стакана два кофею съ ромомъ принялся разспрашивать Софью Ивановну о здоровьѣ, началъ щупать пульсъ и выслушивать грудь. Чтобы не мѣшать ему, мы вышли съ Евстафіемъ Кузьмичемъ на крылечко.

— Ну что, какъ нашли вы жену?

Я началъ утѣшать, но видно не успѣшно, потому что Евстафій Кузьмичъ слушалъ меня и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчиво покачивалъ головой. Вдругъ, изъ комнаты послышался веселый, звонкій хохотъ доктора. Евстафій Кузьмичъ встрепенулся.

— Должно быть кончилъ, проговорилъ онъ. — Пойдемте.

Мы вернулись въ комнату и убѣдились, что выслушиваніе груди докторъ дѣйствительно покончилъ, потому что онъ стоялъ уже посреди комнаты и, держа въ одной рукѣ рюмку водки, а въ другой обильно посоленный кусочекъ хлѣба, допрашивалъ Софью Ивановну, указывая на рюмку.

— Это что?

— Водка.

— Нѣтъ; говорите: aqua vita.

— Ну, aqua vita.

— Изъ чего? говорите: изъ жита.

— Ну, изъ жита.

— А паспортъ ма? говорите: не ма.

— Не ма.

— Такъ вотъ ей тюрьма! проговорилъ докторъ и, выпивъ залпомъ водку, добавилъ:—Не ходи безъ паспорта, строго запрещено! Послѣ этого, докторъ взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Вы теперь куда? спросила его Софья Ивановна.

— Къ Алексѣю Семенычу.

— Неужели онъ боленъ?

— Да, флюсомъ страдаетъ! Нѣтъ, я шучу. Просто ѣду поздравить его съ прошедшимъ ангеломъ. На Алексѣя Божьяго, по случаю вскрытія рѣкъ, не могъ попасть къ нему, такъ ѣду теперь воротить упущенное.

— Итакъ, лекарство тоже самое?

— Тоже самое-съ.

— А на воздухъ можно?

— Конечно, можно. Погода восхитительная; прикажите вынесть кресло на крылечко и посиживайте себѣ да любуйтесь природой. Вонъ какой у васъ прелестный видъ! говорилъ онъ, посматривая въ окно. — Вонъ огородъ передъ глазами, капустники, вонъ свинья съ поросятами... Чтò можетъ быть восхитительнѣе этого ландшафта? А въ маѣ, красавица моя, кумысъ примемся пить. Въ Бековѣ кумысъ великолѣпный, и спектакли, и музыка, и танцы, и даже въ кегли можно играть. Однако, до свиданья! вашу прелестную ручку!

Онъ пожалъ руку и вышелъ. Евстафій Кузьмичъ былъ уже въ сѣняхъ.

— Ну что? спросилъ онъ робко.

— Отлично, превосходно.

— А мнѣ кажется, ей хуже.

— Съ чего это взяли? Ахъ вы, труснишка... ну, однако, до свиданья!

Евстафій Кузьмичъ протянулъ руку и, поблагодаривъ доктора, передалъ ему пять рублей, которые докторъ и препроводилъ въ карманъ панталонъ.

— Эхъ, тяжела ты служба ученая! проговорилъ онъ, кряхтя и усаживаясь на подушки. — Ну, валяй! крикнулъ онъ ямщику.

И еще разъ поклонившись, онъ уѣхалъ, а изъ комнаты послышался снова тотъ ужасный кашель, свидѣтелемъ котораго я уже былъ.

Евстафій Кузьмичъ бросился въ комнату, а я остался на крылечкѣ и, закуривъ папиросу, присѣлъ на скамейку.

Но не прошло и четверти часа, какъ къ крылечку подошелъ какой-то мужчина съ бородой, въ лаптяхъ и въ женской ваточной кацавейкѣ, подпоясанной бичевкой; на головѣ былъ изодранный картузъ, изъ-подъ котораго выбивались вьющіеся черные волосы; лицо опухшее и съ синякомъ подъ глазомъ. Увидавъ меня, незнакомецъ остановился, продолжительно посмотрѣлъ на меня и вдругъ крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Не узнаете?

— Не узнаю.

— И не мудрено, потому что лѣта измѣняютъ человѣка.

Снявъ фуражку, онъ отрекомендовался:

— Мѣстный адвокатъ Верхолётовъ.

— Вотъ тебѣ разъ! невольно вскрикнулъ я. — Что же это съ вами?... Давно ли я видѣлъ васъ во фракѣ, въ цилиндрѣ...

— Полинялъ! Перемѣнилъ зимнюю шерсть на лѣтнюю.

И, подсѣвъ ко мнѣ, Верхолётовъ вынулъ изъ кармана ситцевый кисетъ и коротенькую трубочку.

— Ну что, какъ нашъ общій другъ поживаетъ? спросилъ онъ, высѣкая огонь.

— Какой другъ?

— Ласточкинъ Евстафій?

— Жена у него умираетъ.

— Слышалъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ господина земскаго врача, котораго имѣлъ честь только-что встрѣтить.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Сообщилъ, что скоро должна отправиться ad patres, сирѣчь засохнуть на вѣки.

И Верхолётовъ пыхнулъ дымомъ, дымомъ отвратительнѣйшей махорки.

— Какъ нравится вамъ моя сигара? спросилъ онъ, искоса взглянувъ на меня; но, не дождавшись отвѣта, проговорилъ какъ будто про себя:

— Да, много было дѣла, очень много!

— Когда?

— А когда мы лѣсничаго провожали! промычалъ онъ, сплюнувъ сквозь зубы. — Чуть было не оттягали у него всю движимость. Тутъ какой-то изъ Питера ревизоръ пріѣзжалъ, сталъ доказывать, что вся движимость принадлежитъ графу; но мы этого не допустили и съ помощію лжесвидѣтелей доказали діаметрально противуположное. Да-съ, тутъ я рублей триста зара-

ботал, изъ коихъ, впрочемъ, рублей пятнадцать роздалъ свидѣтелямъ...

— Говорятъ, онъ имѣніе купилъ?

— Да-съ, женился и купилъ имѣніе въ Оренбургѣ, чуть ли не десять тысячъ десятинъ.

— Развѣ Трампедахъ женился?

— Совершенно законнымъ образомъ, хотя и тайно отъ Софьи Ивановны. Слезъ было очень много; слезы лились потоками, а затѣмъ всё кончилось дракой, такъ какъ лѣсничій, видя неистовства Евстафія Кузьмича, заступавшагося за жену, счелъ необходимымъ отлупить его нагайкой и выпроводить вонъ изъ дома. Я его и выпроваживалъ.

— Какъ такъ?

— Въ качествѣ повѣреннаго Трампедаха, просилъ судъ объ очищеніи квартиры и получилъ за это четвертной билетъ; а потомъ и Трампедаха выпроводилъ.

— А его-то какъ же?

— Точно также судомъ, но только уже по просьбѣ Требухана, купившаго имѣніе, и тоже получилъ четвертной.

— Всѣхъ разогнали!

— Положительно. А вотъ теперь плохо дѣло, рабочая пора... Эти подлые мужичишки уткнулись въ землю, помѣщики и купцы— тоже, и судбищъ нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, вчера одного купца съ попомъ поссорилъ; попъ богатый и ужь просилъ меня сочинить челобитную.

Въ это время вышелъ на крылечко Ласточкинъ. Увидавъ Верхолётова, онъ даже забылъ про свое горе и захохоталъ звонкимъ раскатистымъ хохотомъ.

— Верхолётовъ, ты ли это? Да что̀ ты на богомолье, что̀ ли, собрался? кричалъ онъ, разведя руками и выпучивъ отъ удивленія и безъ того уже выпуклые глаза свои.

— Нѣтъ, отмолился, и возвращаюсь домой.

— А синякъ-то гдѣ поднялъ?

Верхолётовъ усмѣхнулся.

— Подлецы дьячки отдули! проговорилъ онъ.

— Съ дьячками воевать началъ? Гдѣ же это?

— Въ Гороховѣ въ селѣ. Застали меня въ банѣ въ хорошемъ обществѣ—ну, и отлупили и меня, и общество... насилу вырвался! тамъ же утратилъ и верхнюю одежду, въ замѣнъ которой уже вечеромъ, тайно, получилъ отъ дьячихи сію кацавейку. Однако, вотъ что̀, любезный другъ, проговорилъ онъ, вставая. — Такъ гостепріимные люди не дѣлаютъ. Я пришелъ къ тебѣ въ гости, а ты даже меня и въ комнату не приглашаешь!

*

— Ну, братъ, извини; въ комнату, въ которой лежитъ жена, не приглашаю, потому что она тебя видѣть не можетъ, но въ хозяйскую половину пойдемъ и даже водочкой тамъ угощу! Да что же это у тебя, кромѣ этой дьячихинской кацавейки, ничего развѣ нѣтъ?

— Да, я немного пообносился.

— И сапогъ нѣтъ?

— Сапоги слишкомъ жали ноги, и я промѣнялъ ихъ...

— На лапти? подхватилъ Ласточкинъ.

— Да.

Ласточкинъ снова захохоталъ.

— Ну да ничего! Не унывай! проговорилъ онъ.—Мы это дѣло поправимъ. Пойдемъ, у меня есть сапоги и парусинная пара; всё это мнѣ узко, а тебѣ будетъ въ самую пору.

— Благородный другъ! перебилъ его Верхолётовъ. — Только предупреждаю, что въ моей конторѣ денегъ нѣтъ.

— Ахъ, ты свинья! вскрикнулъ Ласточкинъ. — Да хоть бы они и были! Неужели же ты думаешь, что я взялъ бы съ тебя деньги?

Немного погодя, распростившись со всѣми, я уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько дней и какъ разъ на первый день Пасхи является ко мнѣ Верхолётовъ. Онъ успѣлъ уже снова обриться и принять прежній видъ. На немъ былъ лѣтній пиджакъ, такія же панталоны, смазные сапоги и даже пуховая шляпа. Войдя въ комнату, онъ небрежно бросилъ шляпу на столъ и, пожавъ мнѣ руку, проговорилъ:

— А вѣдь Ласточкина-то умерла!

Хотя я и ожидалъ этого, но, всё-таки, тѣмъ не менѣе извѣстіе это меня поразило.

— Когда? спросилъ я.

— Передъ заутреней.

Я велѣлъ запречь лошадей и вмѣстѣ съ Верхолётовымъ отправился къ Евстафію Кузьмичу.

Сѣни его квартиры были полны народомъ. По случаю праздника, всѣ были расфранчены и веселы. Шумъ происходилъ неимовѣрный. Тутъ были подвыпившія попадьи, дьяконицы, дьячихи, попы, мелкія купчики, какіе-то молодцы въ суконныхъ чуйкахъ, съ нахальными лицами и съ гармоніями въ рукахъ, дьячки, горничныя, хихикавшія съ чуйками, словомъ — всякій разночинный сбродъ. Весело разговаривая и христосуясь, вся эта толпа грызла орѣхи, сѣмечки, рожки и съ красными, лоснящимися лицами тѣснилась вокругъ Евстафія Кузьмича, державшаго въ рукахъ разныя шубки, бурнусы, платья, шляпки и другія принадлежности женскаго туалета. Волосы его были растре

панн, опухшіе красные глаза растерянно бѣгали. По требованію публики, онъ поднималъ то шубку, то платье. И всё это щупалось, гладилось руками, осматривалось съ лица, выворачивалось на изнанку, оцѣнивалось и корилось. Оказалось, что вся эта давка и этотъ шумъ происходили по случаю распродажи вещей покойницы. Торгъ былъ самый живой. Всѣ другъ друга толкали, стараясь долѣзть до Евстафія Кузьмича, а добравшись до него, разсматривали продаваемое.—«За шубку-то сколько?»—«Бурнусу-то какая цѣна?» — «Платье-то матеревое дорого, что-ли?»—«Покажите-ка шляпку-то!» И всѣ эти попадьи, купчихи, мѣщанки и молодцы въ поддёвкахъ, не имѣвшіе даже и понятія объ этихъ изящныхъ вещахъ, кричали:—«Дорого! дорого! Куда это! Развѣ можно!.. Это въ губерніи, въ магазинѣ—и то дешевле!.. Куда это годится! Даже совѣстно такъ запрашивать!»

— Однако, покойница-то, говорила попадья мужу: — наклевала много кое чего... видно, нѣмецъ-то добрый былъ!

— Злѣ пріобрѣтено, злѣ и расхищено! назидательно проговорилъ священникъ.

— Вотъ бы вы мнѣ шляпочку-то купили! шептала горничная суконной чуйкѣ.

— Можно; а свиданье гдѣ назначаете для передачи этого самаго предмета?

— За мельницей, въ кустахъ! шепнула горничная.—Мы тамъ съ дѣвушками яйца катать будемъ, такъ я какъ нибудь увернусь.

— Слушаю-съ, очень восхитительно будетъ.

Чуйка принялась торговать шляпку.

Я протолкался сквозь эту толпу и вошелъ въ комнату.

Тамъ всё было тихо.

Среди той самой комнаты, въ которой я такъ недавно еще бесѣдовалъ съ Софьей Ивановной, на столѣ, покрытомъ бѣлымъ каленкоромъ, убраннымъ съ боковъ голубыми бантами, лежала теперь она, недвижимая, вся въ бѣломъ, со сложенными, какъ будто восковыми, руками и накрытая прозрачной кисеей. Кончились ея страданія! Три свѣчи коптѣли вокругъ нея, а неподалеку всторонѣ, возлѣ самаго окна, разложивъ на маленькомъ столикѣ большую грязную церковную книгу съ мѣдными застежками, стояла Вѣрочка и дѣтскимъ голосочкомъ, водя по книгѣ пальчикомъ, читала псалтирь.

«Учительница и ученица», подумалъ я и подошелъ къ столу.

Точно спала Софья Ивановна; точно отдыхала, лежа на этомъ столѣ и положивъ голову на подушки, обшитыя кружевомъ. Таже веселая улыбка, также волосы причесаны, тотъ-же рядъ на боку. Вѣнокъ изъ голубыхъ подснѣжниковъ, первыхъ вѣстниковъ

весны, лежалъ на подушкѣ, окружая ея голову; муравей силился забраться подъ вѣку глаза. «Тоже и этотъ грызть собирается!» И я прогналъ муравья. «Вѣрочка! Свари-ка намъ кофе! — Какого прикажете, ячменнаго или простова?»—вдругъ вспомнилось мнѣ, и дрожь пробѣжала по тѣлу.

За дверью раздавался торгъ, а тутъ дѣтскій голосокъ Вѣрочки, серьёзно читавшей псалтырь. Нахмуривъ брови, она словно урокъ твердила. И внимательно прислушиваясь къ голоску босоногой ученицы своей, Софья Ивановна улыбалась и какъ будто хотѣла сказать:—«Вѣрочка! Ты не такъ ударенія дѣлаешь. Не *мукѝ*, а *мӳки* адскія. Мукà—это изъ чего лепёшки пекутъ, а мӳки—это значитъ мученія!»

— Нѣтъ никакой возможности!.. Нѣтъ силъ никакихъ!.. раздался вдругъ голосъ Евстафія Кузьмича, ворвавшагося въ комнату.—Люди эти ничего не понимаютъ; ни цѣнности вещей, ни нужды человѣка! Я все бросилъ, все передалъ Верхолётову, пускай его продаетъ!

И потомъ, взглянувъ на жену, закрылъ лицо руками, упалъ на стулъ и зарыдалъ.

— Нѣтъ у меня жены! вскрикивалъ Ласточкинъ.

— И кàкъ неожиданно! кàкъ неожиданно! проговорилъ онъ, немного успокоившись. Утромъ вчера дурно сдѣлалось ей, очень дурно; кровь хлынула изо рта, такъ что она сама даже перепугалась и просила послать за докторомъ. У меня былъ Верхолётовъ; я его сейчасъ на лошадь верхомъ: скачи, говорю. Часамъ къ двѣнадцати дня ей сдѣлалось лучше, легко очень; она встала, ходила по комнатѣ и даже пожалѣла, что за докторомъ послала; но при этомъ высказала желаніе причаститься—постомъ-то ей не пришлось говѣть! Часовъ въ восемь вечера пришелъ священникъ, причастилъ ее, а къ тому-же времени подъѣхалъ и докторъ съ Верхолётовымъ. Докторъ подъ куражемъ былъ. Посмотрѣлъ на нее, пульсъ пощупалъ и расхохотался. — Пустяки! говоритъ, вздоръ! И такъ знаете ли успокоилъ, такъ обнадежилъ, что даже и я повеселѣлъ. Стали чай пить, священника пригласилъ остаться, болтали, шутили; докторъ про кумысъ заговорилъ. «Въ Вековo говоритъ, поѣдемъ», и даже объявленіе прочелъ, что два, три спектакля будетъ тамъ, на которые больныхъ будутъ пускать даромъ; посмѣялись еще, что изъ-за одного этого надо въ Бековo лечиться ѣхать, и жена даже шутила. Часамъ къ девяти она начала дремать, священникъ съ нею въ комнатѣ остался, а мы, чтобы не мѣшать, пошли на хозяйскую половину. Докторъ велѣлъ подавать лошадей и попросилъ на дорогу водки. Рюмочка за рюмочкой, да такъ развеселились, что даже и про лошадей забыли. «Давайте, говоритъ онъ Верхолётову:—на дуэль вы-

демъ!» — «Можно, говоритъ.—На какомъ инструментѣ?» — «На водкѣ, говоритъ:—кто кого уложитъ?» — «Отлично!» Послали за водкой, и пошла у нихъ дуэль, и достигли до такого градуса, что даже плясать затѣяли. «Евстафій Кузьмичъ, отецъ родной! кричитъ мнѣ Верхолётовъ.—Ты, говоритъ, отлично барыню на губахъ играешь; утѣшь, сыграй, а мы попляшемъ!» Я и руками, и ногами. И хозяинъ-то увѣщевать сталъ; сегодня де—великая суббота, въ церкви страсти Христовы читаются! Не тутъ-то было! пристали такъ, что я и барыню заигралъ. Я сижу—играю, а они въ плясъ пустились, въ присядку, дробь ногами выколачиваютъ. Вдругъ въ комнату священникъ входитъ... «Что вы, говоритъ, дѣлаете?.. Вѣдь Софья-то Ивановна отходитъ!..» Я бросился къ ней въ комнату, схватилъ ее за руку, а она такъ испуганно смотритъ на меня, сжала мнѣ руку, ротъ у нея открытый... а тамъ внутри-то, въ горлѣ-то клокотаніе, какого я сроду не слыхивалъ... Говорятъ, въ сѣняхъ слышно было это клокотаніе.. Словно какъ все у нея внутри перегнило, обратилось въ жидкость и прихлынуло къ горлу... Минутъ пять прохрипѣла—и конецъ...

И снова раздалось его истерическое рыданіе.

Въ комнату вошелъ Верхолётовъ.

— Ну вотъ, на тебѣ! проговорилъ онъ, положивъ передъ Ласточкинымъ пачку мелкихъ ассигнацій.

— Сколько тутъ?

— Сто двадцать рублей.

— Одна шубка двѣсти рублей стоила!

— Мало-ли чего! Всѣмъ извѣстно, что тебѣ крайность!.. Ужъ это, братъ, въ порядкѣ вещей! Всякій человѣкъ пользуется случаемъ; тутъ претендовать нечего!

— Даже и похоронить-то не удалось мнѣ ее на собственныя деньги!.. Даже въ гробѣ-то будетъ лежать она въ чужомъ, а не въ моемъ! Вѣдь, не мое все это! Не мною куплено, не мною подарено!

И снова комната наполнилась рыданіями, и снова смѣшались они съ звонкимъ голосочкомъ Вѣрочки, продолжавшей читать псалтырь.

Дня черезъ три послѣ похоронъ Софьи Ивановны, встрѣтилась мнѣ надобность въ брусьяхъ, и я поѣхалъ къ Требухину на тотъ самый кордонъ, въ которомъ были когда-то у Трампедаха и на которомъ познакомился съ дѣйствующими лицами настоящаго разсказа. У Требухина засталъ я Верхолётова. Оба они, попивая водочку и закусывая пасхальными яйцами и ветчиной, сидѣли въ томъ самомъ кабинетѣ, въ которомъ принималъ насъ лѣсничій. Но кабинета этого узнать ужъ было невозможно: ни ковровъ, ни мёбе-

ли—ничего не было. Передъ окномъ стоялъ столъ, обтянутый черной клеенкой, а на столѣ двѣ-три ободранныя конторскія книги, массивные счеты и пузырекъ съ ализариновыми чернилами; тутъ-же стоялъ и графинъ съ водкой, и тарелка съ яйцами и ветчиной. Стѣны были голыя, и только одни темныя пятна на обояхъ, да большіе невыдернутые гвозди обозначали тѣ мѣста, гдѣ висѣли когда-то картины. Требухинъ встрѣтилъ меня съ тою-же мягкой ласковой улыбкой и, похристосовавшись, точно такъ же обѣими руками пожалъ мнѣ руку. Покончивъ съ нимъ дѣло о брусьяхъ, рѣчь зашла о новокупленномъ имъ имѣніи. Акимъ Саватичъ даже рукой махнулъ.

— Столько хлопотъ, что я даже вамъ и разсказать не могу. Ну, конечно, купилъ я его не одинъ, а въ товариществѣ со сватомъ, зятемъ и шуриномъ, а все-таки и четверо то не поспѣваемъ. Вотъ вы теперь и подумайте! продолжалъ онъ:—ужъ коли сами мы, хозяева, и то не усмотримъ, такъ кàкъ же можно было графу-то наемными-то глазами усмотрѣть! Я, признаться, все это отписалъ ему. Онъ сначала, вѣдь, только тысячу десятинъ лѣсу думалъ продать. Ну, я и написалъ ему, что лѣсъ я куплю, но что отъ ефтаго толкòвъ для него будетъ не много, а что лучше всего имѣніе обратить въ капиталъ и получать себѣ проценты. Помилуйте, скажите, ради Бога! Вѣдь, кому другому, а мнѣ-то все это видно было. Вѣдь, здѣсь, доложу вамъ, грабежъ шелъ, чистый грабежъ! Вѣдь, всѣ эти управляющіе, лѣсничіе, винокуры, подвальные, вѣдь, это все одна шайка грабителей была. Вѣдь, они съ графомъ-то пополамъ дѣлили—посмотрите-ка какія имѣнія накупили! А чтò у нихъ было? Вѣдь я помню, какъ и Богданъ-отъ Иванычъ сюда пріѣхалъ, и какъ Трамнедахъ. Вѣдь, чисто шарманщики, въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ, дыра въ горсти! вѣдь—только всего и имѣнія-то у нихъ было! Нѣтъ, ты, кàкъ не трудись, а такихъ имѣній безъ грабежа не купишь. Вы вотъ сами хозяйничаете, сами до всего доходите, свой участокъ имѣете—а ну-те ка: много ли у васъ денегъ-то? Тоже, чай, иной разъ пятишницы нѣтъ! А вѣдь они—гдѣ же! Ни одинъ помѣщикъ такъ не жилъ, какъ они! Помните, тогда, какъ вмѣстѣ-то здѣсь были, какая закуска была? А лошади-то, а экипажи-то? Вѣдь, подлецы, на лежачихъ ресорахъ, да на рысакахъ ѣздили; мужикъ съ дороги не свернетъ, такъ, вѣдь, въ зубы! Вѣдь, вотъ они что; эти нѣмцы, за рускую-то, за хлѣбъ-то за соль дѣлали! Вѣдь, вчужѣ зло брало! Наконецъ, не вытерпѣлъ:—Стой, говорю, собачьи дѣти, ужъ я распишу васъ! И расписалъ, да все подробно, до тонкости всѣ ихъ продѣлки выставилъ. Войска наши въ тѣ поры ужъ за Дунаемъ были; а такъ на тотъ берегъ Дуная и письмо къ графу

Олин ... Рассказ... Правду...

послалъ. Коли, говорю, не вѣрите, ваше сіятельство, то извольте благороднаго человѣка прислать. Я думалъ, не дойдетъ письмо; однако, дошло: смотрю, и ревизоръ пріѣхалъ, родственникъ какой-то графскій. Да помилуйте, скажите, вѣдь, жалко смотрѣть! Ну, ужь я и отдѣлалъ ихъ, разбойниковъ. Конечно, такъ, открыто дѣйствовать не ловко мнѣ было, потому что, все-таки — пріятели: управляющій-то, Богданъ-атъ Иванычъ, даже кумъ былъ мнѣ, потому воспреемникомъ его дочки былъ — такъ я, значитъ, черезъ стороннихъ указывалъ... Вотъ тутъ-то, молъ, провѣрь! Вотъ здѣсь-то гляди. И довелъ дѣло, какъ есть, какъ слѣдуетъ такъ, что къ ихъ имуществу было приступлено! За то ужь и ругали меня!

— Да, вѣдь, вы тайно, черезъ людей дѣйствовали!..

— Догадались, собачьи дѣти! Ну, да пёсъ съ ними! Покрайности, я знаю, что я его сіятельству графу заслужилъ и выручилъ его! Вѣдь, имѣніе-то съ *укціону* бы пошло! въ дѣлишкахъ-то тоже позапутался, бѣднякъ! А теперь, по крайности, у него капиталъ хорошій, съ котораго процентъ получать будетъ. Только вотъ горе-то! прибавилъ онъ, покачавъ головой. — Ка̀къ бы капиталъ-атъ эфтотъ не́ ахнулъ!

— Ка̀къ такъ?

— А вотъ ка̀къ-съ. Положилъ онъ его въ одинъ банкъ, а въ банкѣ этомъ, читалъ я намѣдни въ вѣдомостяхъ, растрата! Казначей, вишъ, какой-то на нѣсколько мильйончиковъ нагрѣлъ. Жалко будетъ! Вѣдь, вотъ какой народъ нынѣ сталъ! совсѣмъ набаловался, другъ друга грызутъ... ей-Богу! Что̀ ты будешь дѣлать! Куда дѣваться-то и съ деньгами! Жалко, жалко! ужь больно человѣкъ-отъ хорошій, души самой добрѣйшей. Я даже прослезился, когда поразсказалъ онъ мнѣ про эту самую про войну, ка̀къ они эту Плевну брали, да черезъ эти, стало быть, снѣговыя горы переходили! Господи! Вотъ гдѣ страсти-то! бѣды!

— Да гдѣ же вы графа видѣли? спросилъ я.

— Вѣдь, я туда къ нему ѣздилъ...

— Куда? не безъ удивленія спросилъ я.

— Да въ этотъ самый городъ, гдѣ они теперь стоятъ... Ка̀къ бишь его... возлѣ Царьграда-то...

— Сан-Стефано?

— Во-во-во...

— Вы туда ѣздили?

— Туда. Я въ Царьградѣ былъ.

— Что̀ вы говорите?..

— Съ мѣста не сойти! Меня туда самъ графъ возилъ... Поѣдемъ, говоритъ, я тебѣ Царьградъ покажу... Пущина лейтенан-

та, что къ туркамъ въ полонъ попалъ, тоже видѣлъ. Теперь ничего, на свободѣ, по улицамъ ходитъ.

— Да зачѣмъ же вы туда ѣздили?

— Самое это имѣніе покупать. Вѣдь, какая штука-то! Прослышалъ я, что это самое имѣніе собирается купить Кособрюховъ, Пуплій Егорычъ—слыхали, можетъ? Купецъ богатый, денежный. И прослышалъ я, что онъ ужь въ Питеръ собирается, къ главному управляющему. Ахъ, думаю себѣ, я хлопоталъ, трудился, все дѣло какъ слѣдоваетъ подстроилъ, а онъ за чужой канонъ родителевъ поминать лѣзетъ! Постой, думаю! Коли ты въ Питеръ—такъ, вѣдь, мы и дальше махнемъ! И въ ту же минуту, пятьдесятъ тысячь на задатки въ карманъ—и маршъ! А тутъ, знаете ли, какъ миръ-то заключили, такъ проѣздъ слободный вышелъ—на Одесту, а тамъ Чернымъ Моремъ. Докатилъ живо и въ два дня съ графомъ все покончилъ! А кабы не поѣхалъ, такъ бы имѣніе это Кособрюхову и досталось. И какъ чудно вышло! Только-что я въ обѣдъ графу передалъ пятьдесятъ тысячь, а вечеромъ телеграмма отъ главнаго управляющаго насчетъ Кособрюхова! Ужь и натерпѣлся же я только мýки! прибавилъ онъ, немного погодя:—когда по морю-то плылъ! Я думалъ, по морю-то плыть все одно—что по Волгѣ. Куда тебѣ!.. Думалъ, что и нутро-то все изъ меня повыскочитъ! Какъ начало это насъ швырять, какъ начало... волны-это, вѣтеръ, свистъ, а самого-то тебя по кораблю-то такъ изъ угла въ уголъ и перебрасываетъ! Въ кровь избился весь! Ну, думаю, Требухинъ! Пропала твоя головушка; покорыствовался на имѣніе, а какъ бы, на мѣсто того, въ пучину не угодить! Ей-Богу, и не чаялъ доѣхать!.. Да чего! вотъ диковина-то!.. На берегъ-то когда вышелъ, такъ и на берегу-то, на землѣ-то все качало!.. Вотъ провалиться, не лгу; дня два качало; такъ вотъ земля изъ-подъ ногъ и уходитъ! Ужь графъ и то смѣялся: — «Что ты, говоритъ, словно пьяный ходишь!»

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, Акимъ Саватичъ спросилъ меня:

— Посѣвецъ-то свой покончили?

— Давно.

— Такъ-съ. Раненько сѣять начали... Обождать бы надоть. Вѣдь, вы до Благовѣщенія еще отсѣялись?

— Да.

— Поторопились! Вонъ у сосѣда-то вашего, у Александра-то Александровича, пашеничку-то морозцемъ прихватило. Вѣдь, она какъ иголочка лѣзетъ, много ли ей надо! А что въ прошломъ году овесецъ-то у васъ плоховато зародился?

— Да, незавидно.

— Землю съ осени не подготовили. — Зато продали хорошо; дороже всѣхъ...

— Да, я хорошо продалъ...

— Николаю Иванычу? подхватилъ Тебухинъ.—А знаете ли, овесъ-то вашъ до сей поры еще на плацформѣ въ куляхъ валяется! И что только дѣлаютъ съ нами эти желѣзныя дороги, такъ это просто бѣды... сколько хлѣба погноили!..

— Все знаетъ! подумалъ я.

— А что, не слыхали? спросилъ онъ, обратясь къ Верхолётову.—Ласточкинъ все пораспродалъ послѣ покойной-то?

— Платье все продалъ. Хоронить не-на что было.

— Не зналъ я, проговорилъ Требухинъ.—Больше всего мнѣ шубку бархатную съ куньимъ воротникомъ жалко!.. Эхъ, и хороша только шубка была! Безпремѣнно дочкѣ своей купилъ бы, пускай бы щеголяла. И только вишь за четвертной билетъ пошла?

— Да, отвѣтилъ Верхолётовъ.

— Жалко; двѣсти рублей было заплачено!..

Немного погодя, я возвращался уже домой. Дорога шла степью. Далеко и необозримо разстилалась эта степь, сливаясь съ горизонтомъ, вся уставленная прошлогодними стогами сѣна. Нѣкоторые изъ стоговъ приплюснулись, нѣкоторые покосились. Видно, что урожай травы былъ громадный и что убирали ее кое-какъ, лишь бы убрать поскорѣй. День былъ превосходный; по чистому голубому небу только кое-гдѣ носились прозрачныя бѣлыя облачка, да и тѣ какъ-то быстро таяли и исчезали въ лучахъ солнца. Звенѣли жаворонки, кружились ястреба; плавно и величаво парили они въ воздухѣ, а, завидѣвъ добычу, мгновенно останавливались, трепетали крыльями и, козырнувъ на землю, схватывали добычу и улетали съ нею прочь. Со всѣхъ сторонъ раздавался рѣзкій, обрывистый свистъ сурковъ. Они суетились, перебѣгали, кувыркаясь, отъ одной норы къ другой, ныряли въ норы, выскакивали изъ нихъ и, взбѣжавъ на курганъ, садились на заднія лапы, скрещивали на толстомъ животѣ переднія лапки и, оглядывая кругомъ степь, отчеканивали свой посвистъ.

— Эко сурковъ-то сколько! проговорилъ кучеръ.

— Да, много.

— Ишь вѣдь, ишь вѣдь какъ торопится! продолжалъ онъ, поглядывая на этихъ грызуновъ.—Ужъ такіе-то прокураты!..

— А что?

— Ужъ больно шельмоваты. Насмотрѣлся я на нихъ достаточно, когда у барина у Вихорева въ кучерахъ былъ. У него два сурка подъ кухней жило—такъ не повѣрите ли, житья, бывало, отъ нихъ не было. Ничѣмъ не запрешься отъ нихъ, всюду пролѣзутъ; шкафы, бывало, отворяли... ей-Богу! У барыни

образница была, а подъ образницей-то шкафчикъ небольшой устроенъ, въ который барыня варенье прятала—такъ отворять, бывало, дверки и все варенье полопаютъ. А ужь это сухари, хлѣбъ, сахаръ—лучше и на столъ не ставь, все погрызутъ, изъ рукъ, бывало, вырывали! Да, вѣдь, кàкъ это смѣшно смотрѣть: сядетъ на заднія лапы, а передними уцѣпитъ сухарь, къ примѣру, и, словно человѣкъ, сидитъ, да погрызываетъ. Все то имъ надо, и все-то это они къ себѣ въ нору тащатъ. Разъ у меня подушку да сапогъ упёрли, а ужь платье лучше въ сундукъ прячь, а то какъ разъ въ клочки изгрызутъ. Спасибо, барыня разсердилась и приказала перевести ихъ!

— За чтò же разсердилась?

— Да и впрямь досада возьметъ! Цвѣты барыня любила очень; вокругъ дома столько, бывало, цвѣтовъ насадятъ, что пріятно даже смотрѣть было, а заберутся эти сурки—все и погрызутъ. Да вѣдь кàкъ: въ одну минуту чисто сдѣлаютъ! Звѣрокъ озорной, ну, а суслики, тѣ еще хуже—тѣ, проклятые, какъ разъ безъ хлѣба оставятъ! Охъ, и бѣда только, бѣда, гдѣ эта тварь разведется!

— «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!» слышалось гдѣ-то вдалекѣ...

Я оглянулся и увидалъ толпу *богоносцевъ*. Хоругви развѣвались въ воздухѣ, блестѣли образà на солнышкѣ, и все это двигалось такъ скоро, такъ торопливо, такъ спѣшно, что. казалось, и на лошади не догнать этихъ богоносцевъ. Ходили они изъ деревни въ деревню, изъ избы въ избу, христосывались, цѣловались, собирали яйца и пили водку.

— Въ Грачевку образа понесли! проговорилъ кучеръ и, снявъ купленный къ празднику картузъ, началъ набожно креститься.— Житье теперь попамъ! добавилъ онъ, немного погодя.

— А чтò?

— Да кàкъ же! Всего домой натащàтъ, и денегъ, и яицъ, и хлѣбовъ, и пироговъ, и соли.

— «Іесущимъ во гробѣхъ животъ доровавъ!» отхватывали богоносцы, и громкіе голоса ихъ далеко разносились по широко раскинувшейся степи.

И. Салов.

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

(Изъ Ришпена).

Вотъ грязный заднiй дворъ, совсѣмъ обыкновенный:
Конюшня, хлѣвъ свиной, коровникъ и сарай,
А въ глубинѣ—овинъ, подъ шляпой неизмѣнной
Соломенной своей. Тутъ для животныхъ рай...

Тутъ вѣчно ѣстъ и пьётъ бездушная порода;
На солнышкѣ блеститъ навозъ, какъ золотой,
И дремлютъ сонныя канавъ и лужицъ воды,
Омывшiя весь дворъ вонючею рѣкой.

Вдали отъ мокроты и жирной кучи чёрной,
Тамъ, гдѣ навозъ просохъ и такъ овсомъ богатъ,
Хозяйка-курица разбрасываетъ зёрна,
Гордясь семьей тупыхъ, прожорливыхъ цыплятъ.

Отецъ-пѣтухъ сидитъ повыше на телегѣ;
Доволенъ, жиренъ, сытъ, свернулся онъ клубкомъ.
Онъ спитъ блаженнымъ сномъ, онъ утопаетъ въ нѣгѣ,
И сонные глаза завѣсилъ гребешкомъ.

Вонъ плаваютъ въ пруду мечтательныя утки,
На тину устремивъ сентиментальный взглядъ—
И съ селезнемъ своимъ, разъ по двѣнадцать въ сутки,
О радостяхъ любви законной говорятъ...

Рубиномъ, бирюзой на солнцѣ отливая,
На крышѣ, высоко̀, подъ золотомъ лучей,
Нарядная сидитъ и радужная стая,
Семья породистыхъ, спѣсивыхъ голубей.

Ихъ круглое брюшко набито, чисто, гладко...
Съ голубками они воркуютъ о любви...
Но красны лапки ихъ; смотрѣть на нихъ такъ гадко,
Онѣ какъ будто бы запачканы въ крови.

Какъ войско стройное въ своихъ мундирахъ бѣлыхъ,
Пасется въ сторонѣ красивый полкъ гусей;
А дальше—чёрный рядъ индюшекъ осовѣлыхъ,
Надутыхъ важностью и глупостью своей.

Здѣсь царство гордое своею грязью, саломъ,
Скотскóй, счастливый бытъ разъѣвшихся мѣщанъ,
Въ помойной ямѣ жизнь, съ навознымъ идеаломъ...
Здѣсь щедрою рукой удѣлъ блаженства данъ!

Довольны всѣ собой, своей пушистой шубкой;
Декабрь ли на дворѣ, иль май—имъ все равно...
Хоть знаетъ голубокъ, что невѣрна голубка,
Такъ чтò-жъ?... Вѣдь онъ и самъ не вѣренъ ей давно...

Да!.. Счастливъ ты, индюкъ!.. И ты... мамаша-утка...
Утятамъ скажешь ты, навѣрно, въ смертный часъ:
«Живите такъ, какъ я!.. Не портите желудка!..
«Я исполняла долгъ!.. Я расплодила васъ»!..

— Ты... исполняла долгъ?.. Чтò значитъ: «*долгъ*» — для утки?..
Не то-ли, что она въ грязи всегда жила?..
Да, выйдя на траву, топтала незабудки,
И крылья мотыльковъ со злобою рвала?

Не то-ль, что, чуждая, тревоги и волненья,
Она, въ своемъ тупомъ,. невозмутимомъ снѣ,
Не вѣдала всю жизнь неяснаго стремленья
На волѣ полетать, при звѣздахъ, при лунѣ?..

Что подъ перомъ у ней ни разу лихорадка
Не растопила жиръ, не разбудила кровь,
Не родила мечты уйдти изъ лужи гадкой
Туда, гдѣ свѣтъ и жизнь, и чистая любовь?..

Да... Счастливы они... Живётъ патріархально,
Спокойно, весело безстрастный этотъ родъ,

Онъ близь покойныхъ ямъ блаженствуетъ нахально,
По маковку въ грязи, набивъ навозомъ ротъ.

Да!.. Счастливъ задній дворъ... Но вотъ надъ нимъ взвилася
Большая стая птицъ... Какъ точка въ небесахъ...
Приблизилась... Ростётъ, плывётъ и пронеслася,
Нагнавъ на птичникъ весь непобѣдимый страхъ.

Вспорхнули голубки съ своей высокой крыши:
Испуганы они; валятся кувыркомъ;
Увидя, что полётъ тѣхъ птицъ гораздо выше...
Усѣлися въ пыли, съ цыплятами рядкомъ.

Вотъ куры отъ земли приподняли головки...
Пѣтухъ, со сна, вскочилъ и, съ гребнемъ на боку,
Застукалъ шпорами, какъ офицерикъ ловкій,
Воинственно крича свое «кукуреку!»

Что съ вами, господа?.. Да будьте же спокойны!..
Чего орёшь, пѣтухъ?.. Не докричишь до нихъ!..
Молчи!.. Они летятъ на берегъ дальній, знойный;
Не соблазнитъ ихъ видъ навозныхъ кучъ твоихъ!

Смотрите!.. Въ синевѣ прозрачной утопая,
Далёко отъ земли, отъ рабства и цѣпей,
Летятъ они стрѣлой, ни горъ не замѣчая,
Ни шума грозныхъ волнъ бушующихъ морей.

На эту вышину вамъ и глядѣть опасно...
Да!.. Многіе изъ нихъ погибнутъ на пути—
И не увидятъ край свободный и прекрасный,
Гдѣ грезилося имъ свой рай земной найти...

У нихъ, какъ и у васъ, есть также жены... дѣти...
Могли бы жить они въ курятникѣ, какъ вы,
Блаженствовать!.. Но имъ милѣй всего на свѣтѣ
Мечта—безумный бредъ ихъ гордой головы...

Истерзаны они... И худы... И усталы...
За то имъ на верху какъ дышется легко!..
И дикій рёвъ стихій не страшенъ имъ ни мало,
Ихъ крылья всѣмъ вѣтрамъ раскрыты широко.

Пусть буря перья рвётъ! Пусть злятся непогоды,
Пусть ливень мочитъ ихъ, сѣчётъ холодный градъ,
Согрѣтые лучёмъ живительнымъ свободы,
Въ волшебный, свѣтлый край отважные летятъ...

Летятъ къ странамъ чудесъ, къ странѣ обѣтованной,
Гдѣ солнце золотитъ лазури вѣчной гладь,
Гдѣ вѣчная весна, гдѣ берегъ тотъ желанный,
Къ которому всю жизнь вамъ не дано пристать!..

Смотрите, пѣтухи, индюшки, гуси, утки!..
Смотрите, дураки, да разѣвайте ротъ...
И, можетъ быть, судьба, въ насмѣшку, ради шутки,
На плоскіе носы швырнетъ вамъ... ихъ помётъ.

А. Барыкова.

Ростовъ на Дону.
10-го марта 1878 г.

ЗА ДУНАЕМЪ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ).

IX.

Путь къ переправѣ.

Городъ Журжево приткнулся къ самому берегу Дуная. Это — небольшой торговый городокъ, имѣющій въ мирное время лишь 15,000 постоянныхъ жителей. Журжево всегда былъ чрезвычайно живой городокъ, какъ придунайская гавань, какъ портъ, соединенный съ Бухарестомъ вѣтвью желѣзной дороги. Но какимъ одичалымъ, пустымъ, всѣми брошеннымъ городомъ казался онъ въ то время, когда я туда пріѣхалъ! Безлюдныя площади и улицы, широкій и одинокій бульваръ. Ставни оконъ были заперты во всѣхъ домахъ, двери и ворота наглухо заколочены; ни одной женщины, ни одного ребенка не встрѣтишь на улицѣ. Всюду пустота и могильная тишина! Кое-гдѣ пройдетъ грекъ, еврей, венгерецъ, румынъ—неизвѣстно кто такой! Въ иномъ дворѣ увидишь бывшаго жильца; онъ вернулся къ своему заброшенному очагу и угрюмо собираетъ въ кучу жалкіе остатки домашней утвари, чтобы спасти ихъ. Лавки заперты, торговли никакой, судоходство прекратилось. Безпорядочно приткнулись къ берегу коммерческія суда съ высокими мачтами, небрежно перепутались между собою ихъ швартовы (канаты), и тамъ, гдѣ прежде была таможня, находится теперь караулка нашихъ сторожевыхъ аванпостовъ.

Журжево раскинулся на широкомъ пространствѣ. Какъ и русскіе города, онъ требуетъ простора. Широкія, прямыя улицы, обширные сады между низкими домами, рядъ «кафанъ» на главной площади города, открытыя лавки, гостинницы съ постоялыми дворами — словомъ, торговый городъ Журжево старается одинаково удовлетворить вкусамъ и проѣзжаго европейца, и со-

сѣдняго восточнаго человѣка. Рядомъ съ бронзою, позолотою и мраморнымъ столикомъ вы видите грязную открытую лавченку съ бараниною и турецкимъ табакомъ. Контингентъ покупателей былъ очень невеликъ въ немногихъ лавкахъ, открытыхъ на площади. Иногда покажется казакъ отряда Скобелева, пройдутъ по улицѣ нѣсколько солдатиковъ; иной разъ появится и крестьянинъ изъ сосѣдней деревеньки. Разсчитывая найти въ Журжевѣ много русскаго войска, я нашелъ одни только пикеты, необходимые для аванпостной службы. Изъ мѣстныхъ жителей осталось въ городѣ семейство греческаго консула. «До перваго выстрѣла», говорили офицеры, гуляя вечеркомъ по тѣнистому бульвару и подмигивая на развѣвавшійся флагъ надъ зеленою крышею.

Съ этого бульвара мы смотрѣли обыкновенно на страшные холмы и редуты грознаго Рущука. Рущукъ; это было наше больное мѣсто въ ту минуту; онъ пророчилъ намъ десятки тысячъ будущихъ смертей. И дѣйствительно, Рущукъ былъ страшенъ своими укрѣпленіями.

Вдоль по берегу на много верстъ отъ Журжева, вверхъ и внизъ по Дунаю, тянутся крестьянскія деревни. Крестьяне выѣхали изъ своихъ избъ; русскіе солдатики заняли ихъ помѣщенія и скоро освоились на новыхъ мѣстахъ, какъ у себя дома. Рущукъ стоитъ нѣсколько выше Журжева; его скрываетъ за собою густая зелень продолговатаго острова, который тянется посреди Дуная. Рущукъ былъ страшенъ и въ тоже время красивъ. Прелестный видъ открывался съ румынскаго берега. Широко разлился Дунай между берегами двухъ противниковъ и затопилъ поперечный островъ; курчавая зелень высовывалась изъ воды. Вдоль по берегу виденъ былъ рядъ высокихъ минаретовъ. Стройные, какъ пальмы, они рѣзко выдѣлялись своею бѣлизною среди остальныхъ турецкихъ зданій; надъ плоскими крышами турецкихъ домовъ красиво развѣвались разноцвѣтные флаги европейскихъ консуловъ. Рущукъ стоитъ у подошвы очень высокой, конусообразной горы. Рядомъ съ этой господствующей возвышенностью подымается къ востоку еще одинъ холмъ, затѣмъ слѣдующій, и такимъ образомъ вся эта мѣстность представлялась гористою и окаймленною сильными укрѣпленіями. На самой высотѣ господствующей горы построена внушительная батарея. На сосѣднихъ холмахъ воздвигнуты такіе же сильные редуты. Справа и слѣва Рущука, вдоль по берегу Дуная, тянулись батареи для четырехъ, шести и болѣе орудій. При помощи бинокля мы насчитывали ихъ до 14. Редуты были окопаны въ нѣсколько ярусовъ ружейными ложементами. На высокой горѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ,

былъ раскинутъ главный турецкій лагерь. Мы видѣли цѣлую массу бѣлыхъ палатокъ. Группы такихъ же палатокъ показывались и на высотахъ сосѣднихъ холмовъ. Вѣтвь желѣзной дороги тянулась вдоль по берегу, и локомотивы работали день и ночь. Вообще, цѣлыми днями замѣчалось усиленное движеніе на турецкомъ берегу: поѣздовъ и обозовъ, нагруженныхъ телегъ, запряженныхъ волами. Но военнаго движенія не было никакого. Вдали обрисовывались только фигуры турецкихъ часовыхъ, мѣрнымъ шагомъ расхаживающихъ вдоль по берегу Дуная, да изрѣдка выводились изъ лагеря роты на ученье.

Во время моей бытности въ Журжевѣ, въ одной изъ мѣстныхъ гостинницъ помѣщалась канцелярія штаба летучаго отряда. Въ одномъ изъ номеровъ этой гостинницы, выходящемъ окнами прямо на Дунай, занимался генералъ Скобелевъ 2-й.

— Да, говаривалъ онъ не разъ, взирая на силу позицій грознаго Рущука: — намъ придется брать Рущукъ силою и дорогою цѣною мы купимъ эти турецкія укрѣпленія.

«Намъ придется брать Рущукъ силою!» говорилъ онъ. Значитъ, мы предполагали «брать» его атакою, блокадою, осадою, чѣмъ хотите. И это говорилъ не одинъ Скобелевъ; объ этомъ толковали и въ главной квартирѣ, и всюду въ арміи. Представленіе кровавой атаки уже рисовалось въ воспаленномъ воображеніи нашихъ воиновъ; въ арміи передавали другъ другу даже способъ проэктируемой осады Рущука, направляли туда дальнобойныя орудія. По всѣмъ признакамъ лихорадочнаго движенія подъ Рущукомъ можно было заключить, что мы рѣшились брать его «силою»; оставалось только выбрать способъ и приступить къ дѣлу. Но Рущукъ мы, все таки, не атаковывали и не осаждали: онъ палъ по силѣ мирнаго договора. Чѣмъ это объяснить? Благоразуміе ли взяло верхъ надъ увлеченіемъ, или атака Рущука съ спеціальною цѣлью «взять» его вышли изъ программы нашего плана въ силу сложившихся обстоятельствъ? Мы не можемъ даже утверждать, что планъ кампаніи существовалъ вообще...

Мы бродили въ Журжевѣ, какъ тѣни, ожидали переправы. Съ каждымъ лишнимъ часомъ приближавшагося рокового дня—мы все болѣе и болѣе старались сосредоточиться въ самихъ себѣ. Ничто не развлекало нашихъ тяжелыхъ думъ, и городская обстановка вполнѣ гармонировала съ тяжелымъ настроеніемъ нашихъ чувствъ. Мы не могли сознавать нашихъ собственныхъ силъ, потому что никогда ихъ не прилагали къ дѣйствительности, никогда не испытывали ихъ. Все, чѣмъ мы жили до сихъ поръ, во имя чего мы горевали, радовались, сдерживались и увлекались, волновались и утѣшались, все это были ложь, само-

обольщенія, тѣнь. Но вотъ приближалась минута, когда намъ сказали: «идите и докажите!..» Господи, какъ тяжело доказывать то, во что самъ такъ смутно вѣришь!

Днемъ, на бульварѣ, подъ тѣнью деревъ, грудь тяжело дышала, губы сохли, взоръ обращался далеко, туда, за Дунай и старался проникнуть сквозь зеленѣющіе холмы Рущука и провидѣть картины и положенія скораго будущаго. Воображеніе витало надъ долинами, холмами, горами и ущельями несчастной Болгаріи. Болгарія представлялась намъ именно «несчастною» въ эти часы. Звѣрство, фанатизмъ, посягательство на жизнь, на честь, на собственность несчастныхъ болгаръ—все это казалось безусловно вѣрнымъ. При всей отрадѣ сознанія роли «спасителей», въ душу каждаго порядочнаго человѣка врывалось и другое сознаніе: ужасное, безпокойное, гнетущее сознаніе того, что мы являлись отчасти причиною этихъ звѣрствъ. Отъ этого внутри происходилъ такой сумбуръ разнородныхъ чувствъ, что иногда становилось просто невыносимо. Правда, немного было въ арміи людей нервныхъ; военная дисциплина, особенные интересы, привычка солдата оставлять вопросы безъ анализа двигали армію все впередъ и впередъ, а чувство физическаго утомленія подавляло всякую мысль. Но каково было положеніе тѣхъ немногихъ людей, которые привыкли и чувствовать, и разсуждать, и тревожится, и волноваться!

Мы видѣли офицеровъ, которые дѣйствительно радовались походу на турокъ. Но для нихъ было совершенно безразлично идти на турокъ или на нѣмцевъ. Я увѣренъ, что на нѣмцевъ они пошли бы еще съ большимъ увлеченіемъ, потому что за спиною каждаго изъ нихъ стоялъ непремѣнно какой нибудь нѣмецъ, который насолилъ имъ не мало въ жизни. Это была просто радость человѣка, всю свою службу стрѣлявшаго въ мишень холостыми зарядами въ мнимаго непріятеля и, наконецъ, узрѣвшаго его въ дѣйствительности. Это была радость человѣка, сознавшаго, что послѣ долгаго мирнаго періода скучныхъ и никому ненужныхъ ученій наступила, наконецъ, пора настоящаго дѣла на благо и на пользу своего народа. Но кровожадности тутъ не было. Многихъ влекло и чувство тщеславія, потому что передъ каждымъ открывалось широкое поле отличій, хотя большинство и ошиблось въ разсчетахъ.

Днемъ мы сидѣли обыкновенно на бульварѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ думъ, вечеркомъ собирались тосковать въ городскомъ циркѣ. Какъ ни курьёзно существованіе цирка въ брошенномъ городѣ, но и артисты ошибаются въ своихъ разсчетахъ. Помню, какая-то несчастная трупа забрела въ Журжево, надѣясь встрѣ-

тилъ здѣсь обширный контингентъ зрителей. Двѣ полуголодныя танцовщицы, три тощія, голодныя лошади, пьяный наѣздникъ, общій любовникъ двухъ танцовщицъ, причина ихъ ревности, голода и душевныхъ страданій, вереница оборванныхъ дѣтей, три тускло мерцающія лампы, убійственный оркестръ армейскаго полка, одна только занятая ложа молодымъ Скобелевымъ и самый скудный сборъ: вотъ своеобразная картина изъ жизни города, находящагося на военномъ положеніи. Бѣдныя танцовщицы! Мы сидимъ въ ложѣ; въ театрѣ пустынно; глухимъ эхомъ раздается каждое слово подъ сводами большого цирка; вдругъ, среди этой тишины, залъ оглашается сильными ударами, неистовымъ крикомъ женщины, слезами и мольбами... Пьяный танцоръ вымѣщаетъ неудачный сборъ на голодной танцовщицѣ матери его несчастныхъ дѣтей. Но вотъ, наконецъ, умолкли стоны, прекратился женскій плачь, вывели коня; *она* вышла на арену и сдѣлала книксенъ; *онъ* крикнулъ: «гоп-ля!»; «гремитъ музыка боевая»; *она* пляшетъ сквозь слёзы... Кто поручится за то, что турецкая граната не ворвется въ эту минуту въ стѣну деревяннаго цирка и не уничтожитъ разомъ воздушную мать многочисленной семьи?

— Желаете присутствовать при переправѣ? спросилъ меня Скобелевъ, получивъ приказаніе оставить Журжево и двинуться въ походъ.

— Непремѣнно желаю, отвѣтилъ я ему.

— Въ такомъ случаѣ сѣдлайте коня и ѣдемте; мы выѣзжаемъ сегодня вечеромъ; если поѣдете со мною, то какъ разъ попадете на переправу.

Это было 9-го іюня. Къ вечеру того-же дня турки открыли огонь изъ Рущука на Журжево, а къ ночи мы уже выѣхали по направленію къ румынской деревнѣ Гогошани-Нову.

Насъ было шестеро: Скобелевъ 2-ой, его бывшій ординарецъ, урядникъ князь Цертелевъ, я, переводчикъ и два казака. Мы выѣхали за городъ, когда уже солнце начало закатываться за горизонтъ. Проѣхавъ сосѣднюю съ городомъ деревушку, по направленію къ деревнѣ Парапанъ, мы очутились на широкой полянѣ, засѣянной кукурузою и хлѣбомъ, и дорога начала постепенно отходить отъ берега Дуная и повела насъ вправо отъ рѣки. Тамъ далеко, на правой сторонѣ, открылись курганы, покрытые хвойнымъ лѣсомъ; слѣва искрилась лента Дуная, орошая подошвы возвышеннаго берега Турціи. Подулъ свѣжій вѣтерокъ, сла-

бо шелестя колосьями поспѣвавшихъ хлѣбовъ; убаюкивающій шумъ волнующейся ржи пріятно раздражалъ нервы; легко стало дышать послѣ знойнаго дня, и лошади пошли охотнѣе. Поляна была широка и пустынна; ни одной деревушки не открывалось передъ нашими глазами; безлюдностію повѣяло отъ этихъ мѣстъ, и одно только небо очаровывало путника подборомъ своихъ неподражаемыхъ, разнообразныхъ красокъ. Вся поляна и горные скаты были покрыты сплошнымъ ярко-зеленымъ ковромъ. По мѣрѣ того, какъ солнце закатывалось за линію западнаго горизонта, мракъ все ниже и ниже спускался на землю, тщательно окутывая предметы, между тѣмъ какъ голубое небо становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе и покрывалось подборомъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Вотъ солнце уже закатилось окончательно, и весь западъ залился огненнымъ пурпуромъ. Сѣверная часть небосклона покрылась мрачною, свинцовою тучею. Восточныя горы окрасились лиловою краскою. Но вотъ эти горы, поля и деревья начинаютъ быстро скрываться въ темнотѣ вечерней мглы; прошло еще десять минутъ, и все исчезло.

Звѣзды показались на небѣ, но луна еще пряталась. Наши кони выпрямили шеи и пошли ровною рысцой. Еле замѣтная роса легла на землю. Громкимъ, веселымъ хоромъ залились кузнечики вдоль и поперекъ по всему зеленому пространству.

Лѣтняя прелестная ночь вошла въ свои права; она была совершенно темная, только изрѣдка блестѣла молнія на сѣверѣ, да падали загадочные метеоры.

Тихо и безлюдно было по всему пространству. Жердь колодца показалась въ сторонѣ отъ дороги. Три лошади свободно паслись на полянѣ; онѣ фыркнули и пугливо шарахнулись въ стороны, услыхавъ топотъ нашихъ коней. Силуэтъ одинокаго дуба показался впереди, и стекляннымъ звукомъ быстраго потока огласился тихій воздухъ, когда мы переѣхали канавку по сосѣдству съ деревомъ.

Тихимъ шагомъ ѣхалъ къ намъ на встрѣчу румынскій крестьянинъ.

— Опросите его, эта-ли дорога на Гогошани-Нову? обратился Скобелевъ къ переводчику.

Крестьянинъ тихо и молча указалъ намъ путь на западъ. Онъ возвращался съ полевыхъ работъ.

— Пусть онъ проведетъ насъ, сказалъ генералъ.

Два казака пришпорили коней, занесли свои плети и, пригнувшись къ сѣдлу, налетѣли на крестьянина, такъ что тотъ даже и опомниться не успѣлъ.

— Кажи дорогу!

И лошадь крестьянина моментально повернулась въ обратную сторону.

Къ полночи мы уже были въ деревушкѣ.

Деревушка состояла изъ нѣсколькихъ домовъ; низенькія мазанки окопаны глубокими канавами и заросли высокою, дикою травою. Румыновъ какъ будто и не было въ деревнѣ; но изъ каждой подворотни выглядывало по нѣскольку злыхъ собакъ, готовыхъ броситься на всякаго прохожаго. Переночевавъ на крыльцѣ какой-то мазанки, я проснулся съ первымъ проблескомъ утренней зари. Деревушка стояла въ лощинѣ между двумя холмами. Утренняя зорька загорѣлась первымъ, дребезжащимъ свѣтомъ. Солнышко привѣтливо выглянуло изъ-за горъ востока и быстро осушило траву, покрытую влагою ночной росы. Раннее іюньское утро застало кавказскую бригаду на походномъ ночлегѣ, расположенную летучимъ лагеремъ по скатамъ холмовъ съ обѣихъ сторонъ деревеньки.

Кавказская бригада была единственная бригада въ арміи, составленная изъ сыновъ «погибельнаго Кавказа». Это была, во всякомъ случаѣ, интересная бригада, среди остального казачьяго войска, главный контингентъ котораго составляли донскіе казаки. Терцы и кубанцы, это—молодое войско, воспитанное въ традиціяхъ старыхъ казаковъ, всю свою жизнь джигитовавшихъ по ущельямъ, горамъ и долинамъ противъ дикихъ и неустрашимыхъ черкесовъ. Правда, въ составѣ этой бригады совсѣмъ почти не было старыхъ казаковъ, но воинственный духъ горнаго джигита передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Извѣстно, что главнымъ развращающимъ элементомъ старо-казачьяго духа, главными попирателями дорогой для нихъ старины, являются у насъ такъ называемые «временщики», т. е. казачьи атаманы изъ нѣмцевъ; но, не взирая на цѣлый рядъ такихъ «временщиковъ», въ средѣ кубанскихъ казаковъ можно замѣтить и до сихъ поръ совершенно самостоятельный складъ, отличающій ихъ отъ всего остального войска. Кубанскій казакъ своеобразно честенъ, гордъ, самостоятеленъ; въ немъ живетъ жажда воли, духъ простора и чувство самолюбія, товарищества и даже нѣсколько дикая черта: чувство мщенія за кровную обиду. Кубанскій казакъ терпѣть не можетъ «временщика»; онъ вѣритъ только своему. Гоголь очень популяренъ среди кубанскихъ казаковъ. «Это нашъ, кровный», говаривали мнѣ не разъ казаки. Тарасъ Бульба никогда не умретъ въ сердцахъ кубанскаго войска; это ихъ люби-

мое чтеніе, лучшее воспоминаніе. Въ разговорахъ съ кубанскимъ казакомъ, онъ поражаетъ всѣхъ своей смѣкалкой, смѣлымъ взглядомъ, правдивостію и независимостью заключеній. Впрочемъ, въ мирное время, казакъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ военное. Въ военное время, понятія его извращаются, становятся часто совершенною противуположностью тѣмъ, на которыхъ онъ основывается обыкновенно въ своей станичной жизни. Въ военное время, его нельзя упрекнуть въ излишней гуманности, въ правильномъ пониманіи чужой собственности.

— Эта битва похарчила, случалось мнѣ слышать среди казаковъ:—одного турку сшибъ, у него въ карманѣ пять золотыхъ нашелъ.

— Ну, и что́-же?

— Ничего, взялъ и товарищу не сказалъ.

Но кубанскій казакъ никогда не тронетъ и не обидитъ бѣдняка. Судя по отношеніямъ ихъ къ болгарамъ, мнѣ случалось приходить къ тому заключенію, что нищета всегда смѣло можетъ разсчитывать на сотраданіе казака. Подъ грубой, внѣшней оболочкой бьется мягкое, доброе кубанское сердце. Съ богатаго крестьянина онъ, пожалуй, и поживится, если терпитъ голодъ, но собственности бѣднаго никогда не тронетъ, если ему прямо не прикажутъ скосить ячмень для корма лошадей.

Другимъ развращающимъ элементомъ казачей старины являются «пришельцы». Послѣдніе становятся въ строй казаковъ. Само собою разумѣется, что между казаками и пришельцами нѣтъ ничего общаго. Казаки терпятъ ихъ по-неволѣ, а пришельцы, чувствуя неловкое положеніе въ чужой семьѣ, стараются или породниться съ ними, или поддѣлаться подъ нихъ; но не имѣя никакихъ понятій казачьяго быта, они бьютъ на внѣшность и часто ошибаются. Нѣтъ ничего болѣе рѣжущаго глаза, какъ пришлецъ въ обществѣ казаковъ. Ради достиженія популярности, они готовы даже брить свои головы, какъ дѣлаютъ это казаки, впрочемъ только въ очень жаркое время года. Какая-то ермолка на головѣ, какихъ въ сущности казаки вовсе не носятъ, какая-то неестественная, театрально-комическая поза напускной лихости, поддѣланная грубость рѣчи, хамскія манеры— все это считается, по мнѣнію пришельцевъ, свойственнымъ казаку; но, въ сущности, все это выходитъ самою грубою клеветою на казачье войско.

— Ѣсть нѐчего?.. замѣчали мнѣ, бывало, подобные пришельцы на предположеніе, что запасы закусокъ съѣдены, въ походѣ:— намъ-то ѣсть нѐчего?.. намъ, казакамъ? что́ вы—Богъ съ вами!

вы срамите казаковъ.... эй, Куриченко! поищи-ко, братъ, гдѣ нибудь на заднихъ дворахъ.. авось, чего нибудь....

Замѣтьте, что это приказывало начальство нижнему чину. Начальство при этомъ подмигивало, потирало руки, какъ-бы хвастаясь доблестью подобной миссіи, будто-бы столь естественной въ казачьей средѣ. Это была, однакожь, чистѣйшая клевета на казаковъ. Кубанскіе казаки никогда не были ворами, хотя и не отказывались, по долгу службы, исполнять приказанія начальства. Правда, они шарили карманы убитыхъ туроkъ, у нихъ была даже узаконенная обычаями общая касса, въ которую поступали всѣ добычи, но это касалось только собственности непріятеля.

Всякому пришельцу было очень лестно служить съ терскими и кубанскими казаками; за ними была боевая слава ихъ отцевъ, а, главное, каждый пришлецъ безопаснѣе чувствовалъ себя въ обществѣ такихъ воиновъ. Смѣло можно сказать, что это—единственное войско, на которое можно положиться, зажмуривъ глаза, въ самую критическую минуту битвы. Казакъ васъ не броситъ, онъ не оставитъ даже вашего тѣла на полѣ битвы, если только не крайность. Изъ боевой жизни кавказскихъ горцевъ извѣстны многіе случаи, когда изъ-за тѣла убитаго разъѣзднаго или аванпостнаго казака начинались цѣлыя битвы. Въ томъ же кубанскомъ полку я зналъ одного офицера, полковаго командира Кухаренко, который имѣлъ солдатскій георгіевскій крестъ, получивъ его, по приговору товарищей, за то, что, будучи еще простымъ казакомъ, онъ отбивался одинъ отъ непріятеля, защищая трупъ своего товарища до тѣхъ поръ, пока не явились ему на выручку. Съ такими казаками всякому пришельцу служить было и лестно, и выгодно, потому что скорѣе можно было загрести жаръ при помощи ихъ рукъ.

Казачья бригада состояла изъ двухъ полковъ: терскаго и кубанскаго. Я позволяю себѣ останавливаться на нѣкоторыхъ подробностяхъ о кавказской бригадѣ, потому что ей пришлось играть довольно отвѣтственную роль на правомъ флангѣ, въ отрядѣ барона Криденера, и она займетъ довольно видное мѣсто въ моемъ послѣднемъ разсказѣ. Дѣятельность кавказской бригады—впрочемъ, не столько дѣятельность самой бригады, сколько дѣятельность ея начальника—тѣсно связана съ судьбою знаменитой Плевны. Вотъ почему мнѣ хочется познакомить васъ и съ составомъ этой бригады. Въ самомъ началѣ войны, кавказскій отрядъ дунайской арміи состоялъ изъ четырехъ элементовъ: кубанскихъ казаковъ, терскихъ казаковъ, осетинъ и ингушей. Въ составъ кубанскаго полка вошли исключительно казаки изъ-

за Кубани, въ составъ терскаго: трехъ-племенные жители Терской Области. Осетины—на половину христіане, на половину магометане. Въ началѣ войны, когда сводный кавказскій казачій отрядъ двинулся, подъ командою Скобелева, 1-го въ предѣлы Румыніи, ингуши, какъ дикое, необузданное племя, начали грабить и дѣлать всякія безчинства. Поведеніе ингушей вызвало съ одной стороны репрессивныя мѣры начальства, съ другой—вселило въ отрядѣ товарищескій раздоръ, попреки, ругань и уличенья. Ингушамъ все это неправилось. Въ отвѣтъ на репрессивныя мѣры начальства—ингуши начали двусмысленно высказываться относительно будущей войны съ турками, «съ братьями по религіи», какъ они называли турокъ. Положиться на ихъ добросовѣстность было мудрено; они доказывали это на дѣлѣ, да, кромѣ того, въ составѣ ингушей не было постороннихъ элементовъ, на которые можно было бы разсчитывать, какъ на могущіе сдержать ихъ двусмысленные порывы. Контингентъ ихъ офицеровъ состоялъ тоже изъ ингушей, которые ничѣмъ не отличались отъ нижнихъ чиновъ какъ въ смыслѣ поведенія, такъ и въ смыслѣ развитія вообще. Несмотря на то, что среди осетинъ находилось много магометанъ, послѣдніе не сочувствовали ингушамъ, и между ними всегда выходили жестокія ссоры. Это объясняется тѣмъ, что осетины принадлежатъ къ болѣе мирному, болѣе обрусѣлому племени кавказскихъ горцевъ, среди которыхъ нашли себѣ почву христіанскіе миссіонеры. Послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ безобразій ингушей, прошла молва, что они хотятъ «передать свое знамя туркамъ», при первомъ удобномъ случаѣ. Благоразуміе заставило, конечно, отдѣлить ингушей отъ отряда и отправить ихъ обратно на родину. Передъ отъѣздомъ ингушей изъ Журжева въ отрядѣ произошла довольна бурная сценка. Они, кажется, передрались съ осетинами. Потомъ, уже на перепутьи, ингуши фигурировали на куликовомъ полѣ мирной Одессы, въ качествѣ сердцеѣдовъ и развлекателей одесскихъ дамъ и дѣвицъ, джигитовкою и дикими плясками съ кинжаломъ. Такимъ образомъ, отрядъ остался съ двумя полками.

Лихое это было войско. Лихо, бывало, вскочатъ десять сотенъ казаковъ на свои высокія сѣдла и, красиво подбоченясь, всѣ сразу готовы кинуться съ мѣста въ атаку при первой командѣ полковаго командира. Осетины, стройные, какъ пальмы, черные какъ смоль, съ выразительными лицами—страстные любители лихихъ набѣговъ. Они оставили на родинѣ женъ, дѣтей, покинули хозяйства, приносящія многимъ изъ нихъ тысячи рублей годоваго дохода, и, не будучи призваны въ обязательную службу,

сами просились на войну. Чтò влекло ихъ сюда? Война—ихъ жизнь. Георгіевскій крестъ—ихъ мечта и счастіе.

— Мэнэ ничаво нэ нужно, только Георгій давай! мечтали они въ разговорахъ.

Любо смотрѣть на эти стройные ряды кубанскихъ и терскихъ сотенъ въ походѣ. Образуя дивизіонъ, казацкая бригада растягивается по дорогѣ, окружая орудія своей легкой полевой батареи. Рослые, широкоплечіе, здоровые кавказцы свободно и красиво держатся въ сѣдлѣ. Закинувъ назадъ свои высокія мѣховыя шапки, казаки гарцують на коняхъ, высоко подтянувъ мѣдныя, круглыя стремена и коротко подобравъ уздечку, украшенную жестяными пуговками. Кубанцы—блондины; терцы—брюнеты. Загорѣлыя лица казаковъ, обросшія широкими и длинными, клинообразными бородами, носятъ отпечатокъ удали, терпѣнія, силы, хладнокровія. Туго подтянувъ кинжалъ и шашку, по завѣту отцовъ, закинувъ за спину винтовки въ мохнатыхъ чехлахъ, казаки двигаются въ авангардѣ, будучи всегда на чеку и на-готовѣ. Во главѣ каждой сотни красиво развѣвается цвѣтной значекъ. Въ одной сотнѣ значекъ этотъ желтый, въ другой—голубой, въ третьей—оранжевый и т. д. Эффектный видъ представляется зрителю, когда онъ смотритъ со стороны на двигающуюся по полямъ и холмамъ бригаду кавказскихъ казаковъ. Это—лучшая боевая кавалерія нашей арміи; это самый удалой, самый надежный авангардъ для пѣхотной части, если съумѣть управиться имъ.

При всемъ томъ, это—самое дешевое для правительства войско. Правительство выдаетъ ему жалованье и кормовыя деньги. Все обзаведеніе казака возлагается на его собственныя средства. Казакъ долженъ обмундировать себя, завести лошадь, купить сѣдло, подковать коня на собственный счетъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ и выскажетъ о своихъ правахъ громче остальныхъ; всякая собственность даетъ право на нѣкоторую самостоятельность. Требованія казака весьма ограниченны: они касаются неприкосновенности сокровенныхъ въ казачьей средѣ обрядностей; между тѣмъ, «временщики» не стѣсняются накладывать руку и на эту неотъемлемую казачью собственность.

Между кубанцами—все молодой народъ; терцы и кубанцы не изъяты отъ обязательствъ по части воинской повинности. Между осетинами-волонтерами находилось много стариковъ, убѣленныхъ сѣдинами, отцовъ многочисленныхъ семействъ. Были даже юнкера, лѣтъ пятидесяти. Въ первыхъ офицерскихъ чинахъ были люди старые, и офицеры почти не отдѣлялись отъ нижнихъ чиновъ въ своей обыденной жизни. Большинство изъ нихъ,

какъ люди самостоятельные, часто очень богатые, отправились на войну, разсчитывая «воевать»—и только. Никому и въ голову не приходила черновая сторона службы; они даже и мысли не допускали, что кому нибудь изъ нихъ придется исполнять роль офицерскаго деньщика, убирать навозъ офицерской лошади и т. д. Вы видите, что это были, въ своемъ родѣ, помѣщики, не безъ претензіи на привилегированность. Но когда, въ дѣйствительности, имъ пришлось и вычистить офицерскій сапогъ, и убрать навозъ изъ офицерской конюшни, между ними начался ропотъ; многіе готовы были вернуться на родину, но ропотъ скоро прекратился, и осетины снова погрузились въ сладкія мечтанія объ георгіевскомъ крестѣ.

Въ концѣ концовъ, казачій отрядъ Скобелева, какъ извѣстно, былъ расформированъ сейчасъ же при вступленіи нашихъ войскъ въ Болгарію. Одна часть этого отряда, донцы—перешла подъ команду Гурко, другая, кавказская бригада — поступила подъ команду гвардіи уланскаго полка, полковника Тутолмина.

Кавказцы не любили донцовъ. Донцовъ считали трусами, балованными, нечистыми на руку. «Имъ бы только грабить», говорили кубанцы про донцовъ.

— Ну, братцы, Донъ идетъ, домой пойдемъ, острили кубанцы, при видѣ снимавшихся съ позиціи донскихъ казаковъ.

Донцы, въ свою очередь, не сходились съ кубанцами. Надо отдать справедливость донцамъ — кубанцы выставляли ихъ въ настоящемъ видѣ. Донецъ такъ и норовитъ, какъ бы стащить что-нибудь, бабу поймать на полѣ жатвы и ротъ ей заткнуть. Придетъ болгаринъ къ кубанцамъ жаловаться, что у него рожь скосили казаки.

— Иди вонъ туда, указываютъ кубанцы болгарину на донскихъ казаковъ.

Придетъ болгаринъ къ донцамъ, сниметъ шапку, поклонится низко, почешетъ въ затылкѣ и выразитъ свою претензію:

— Такъ, молъ, и такъ, казаки у меня рожь скосили, корову нѣчѣмъ кормить, корова подохнетъ.

— Ничего, братушка, отвѣтятъ донцы, ласково похлопывая его по плечу:—пущай лучше твоя корова дохнетъ, чѣмъ моя лошадь. Моя лошадь подохнетъ, казаку на твоей коровѣ не приходится ѣхать.

Засмѣются казаки въ отвѣтъ на такой резонъ. Улыбнется и болгаринъ сквозь слёзы. Что дѣлать? война!

Въ число коренныхъ офицеровъ изъ казаковъ вошли многіе, служившіе прежде въ разныхъ кавалерійскихъ полкахъ; въ особенности, они лакомы были на высшія должности; всякому хо-

тѣлось командовать, но командовать казаками надо умѣючи; у казаковъ свои пріемы, своя выправка, своя тактика и свои соображенія. Это—цѣлая школа, при незнаніи которой, иной командиръ можетъ и спасовать, рискуя быть осмѣяннымъ своими подчиненными.

Рѣзкій звукъ кавалерійской трубы раздался въ сыромъ воздухѣ, когда ранняя зорька разбудила насъ на разсвѣтѣ. Въ бригадѣ началось лихорадочное движеніе. Тамъ, гдѣ за ночь царила глубокая тишина, понесся гулъ общаго говора; люди закопошились, лагерь проснулся. Вылѣзая изъ-подъ теплыхъ буровъ, разоспавшіеся за ночь казаки сначала крестились, озираясь вокругъ себя, приводили на скоро въ порядокъ свою одежду, затѣмъ подходили къ своимъ конямъ, привязаннымъ на коновязи, чистили ихъ и повели на водопой; вернувшись, опускаясь на корточки, принимались закусывать размоченнымъ сухаремъ или оставшимся отъ ужина, кое-какъ на скоро подогрѣтымъ, супомъ-брандахлыстомъ. Движеніе царило во всемъ лагерѣ. Палатокъ не было раскинуто; здѣсь была короткая стоянка на перепутьи къ Дунаю. Палатки были только у бригаднаго, у полковыхъ командировъ, да у офицеровъ, у которыхъ онѣ были легкія, французскія. Офицеры, групируясь въ кучки, каждый около своихъ сотенъ, пили чай, поминутно отдавая приказанія. Короче, съ первой утренней зорькой, закипѣла жизнь живымъ ключемъ въ бригадѣ, гдѣ за полчаса до того царилъ непробудный сонъ людей, до нельзя утомленныхъ походною жизнью.

— Сходимте въ бригаду, я васъ познакомлю съ полковымъ командиромъ К. — хорошій человѣкъ, предложилъ мнѣ капитанъ А.

Мы отправились. Мнѣ никогда не случалось бывать въ обществѣ линейныхъ казаковъ. Признаться, я находился въ эту минуту подъ впечатлѣніемъ того представленія, которое выработалось во мнѣ на основаніи общественнаго мнѣнія о казакахъ. Я разсчитывалъ встрѣтить людей черствыхъ, грубыхъ, съ которыми можно говорить только о лошадяхъ, подпругахъ да нагайкахъ. И подъ вліяніемъ этихъ мыслей я началъ взбираться по скату холма въ лагерь, слѣдуя пѣшечкомъ за капитаномъ А., который значительно уѣхалъ впередъ, будучи верхомъ. Казаки довольно безразлично отнеслись къ новому пришельцу, штатскому человѣку, когда я проходилъ ихъ лагерь. Немногіе даже и оглядывались въ мою сторону. Я видѣлъ, какъ капитанъ А. подъ-

ѣхалъ къ лучшей палаткѣ, которыя стояли въ рядъ въ задней линіи, всталъ съ лошади и вошелъ въ палатку, гдѣ сидѣло общество офицеровъ и старикъ, генералъ Скобелевъ, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться еще въ Журжевѣ. Около палатки стоялъ какой-то господинъ съ бумагою въ рукахъ и отдавалъ какія-то приказанія чрезвычайно рѣзкимъ голосомъ, крикливымъ тономъ и съ сильною жестикуляціей. Его видъ былъ очень оригиналенъ. На немъ не было никакихъ признаковъ офицерскаго достоинства. Высокаго роста, худощавый, онъ былъ одѣтъ въ бѣлый, длинный бешметъ, который казаки надѣваютъ подъ чекмень; на гладко выстриженной головѣ, едва ли даже не выбритой, сидѣла уморительная бѣлая ермолка. Лицо его отличалось татарскимъ типомъ; вообще видъ его казался донѣльзя оригинальнымъ, но во всѣхъ его движеніяхъ, въ интонаціи крикливаго голоса сказалось такъ много напыщенности, горделивой повелительности, разносительнаго элемента, что даже хотѣлось обойти этого господина. Когда я поровнялся съ нимъ, онъ остановилъ меня самымъ дерзкимъ, грубымъ тономъ.

— Куда вы идете? кто вы такой?

Онъ говорилъ почему-то по-французски.

— Чтò вамъ здѣсь нужно? чтò вы шатаетесь здѣсь? неугодно ли вамъ немедленно удалиться отсюда... вонъ!

Я до того растерялся, что первую минуту не зналъ, чтò и отвѣчать ему.

— Позвольте, я иду въ палатку полковника К., сказалъ я по-русски.

— Здѣсь—моя палатка, здѣсь—мое знамя, потрудитесь убираться вонъ отсюда!

«Ничего нѣтъ удивительнаго въ такомъ пріемѣ», подумалъ я въ первую минуту. «Я залѣзъ въ общество линейныхъ казаковъ... я долженъ былъ впередъ предвидѣть такой пріемъ». Мнѣ померещился даже видъ нагайки. Но я жестоко ошибся въ эту минуту и совершенно несправедливо обвинилъ казаковъ. Каюсь въ этомъ. Передо мной стоялъ уланскій полковникъ, бригадный командиръ, не имѣвшій ничего общаго съ казаками и сходившійся съ ними до тѣхъ поръ только на марсовомъ полѣ.

— Позвольте, полковникъ, явился ко мнѣ на выручку капитанъ А., позвольте вамъ представить корреспондента; мы идемъ въ палатку К.

Полковникъ и не подумалъ сконфузиться или извиниться. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, по своему положенію, воображаютъ себя внѣ всякихъ условій публичнаго слова. Желчь его обрушилась на капитана А., но не въ томъ смыслѣ, что онъ не

предупредилъ его, а въ томъ смыслѣ, что онъ подвелъ меня къ его палаткѣ, а не къ другой.

Генералъ Скобелевъ вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія, пригласивъ обѣдать.

Привожу эту сценку ради характеристики того положенія, въ которомъ приходилось бывать корреспонденту. Пожалуй, это весьма яркая черта многихъ «дѣятелей» войны, выработанная на фундаментѣ нашихъ своеобразныхъ занятій дисциплинарнáго отношешенія къ людямъ.

Къ вечеру того же дня мы снялись съ позиціи и сдѣлали еще одинъ промежуточный переходъ къ Дунаю, на деревню Вея.

X.

Переходъ черезъ Дунай.

Русскіе не были новичками въ дѣлѣ переправы черезъ Дунай. Впродолженіи послѣдняго столѣтія, мы совершили не менѣе двадцати переправъ въ различныхъ пунктахъ Дуная; мы переходили у Виддина, у Силистріи, у Гособоля, у Черноводъ и Сатунова; мы переходили у Кладовой, Браилова, Галаца, у Туртукая, Гирсова и Измаила.

Но никогда еще эти переходы не совершались при такой обстановкѣ, въ которой была теперь турецкая армія. Время измѣнило положеніе вещей. Въ былыя времена, мы имѣли дѣло съ безпардонными турками, слабымъ, жалкимъ и плохо вооруженнымъ войскомъ; мы видѣли устья Дуная въ своихъ рукахъ и вообще владѣли рѣкою, какъ у себя дома. Въ настоящее время турки, хотя и являлись слабѣйшимъ войскомъ, сравнительно съ нашей арміей, но эта слабость касалась лишь внутренней организаціи ихъ арміи, нравственныхъ и умственныхъ силъ ихъ генераловъ... Мы могли спорить съ турками на полѣ битвы съ полнымъ разсчетомъ на успѣхъ, но, касаясь переправы черезъ Дунай, мы должны были отдать туркамъ должное и признать ихъ болѣе сильными на берегахъ шумной, быстротечной рѣки, высокіе берега которой защищались рядомъ первокласныхъ крѣпостей, прекрасно устроенныхъ въ фортификаціонномъ отношеніи и отлично вооруженныхъ круповскими орудіями, и устье которой запиралось броненосною эскадрою турецкаго флота. Цѣлая рѣчная эскадра съ вооруженными рѣчными мониторами плавала въ самомъ Дунаѣ и грозила разбить мостъ, потопить

всякій понтонъ—словомъ, нанести намъ такихъ непріятностей, мысль о которыхъ даже не могла придти въ голову во времена нашихъ прошлыхъ переправъ. Вооруженіе турокъ значительно превосходило наше. Засѣвшіе въ своихъ траншеяхъ, на высокихъ берегахъ рѣки, турки могли во всякое время дня и ночи засыпать насъ мильярдами пуль и гранатъ и уничтожить десятки тысячъ нашего войска. Чтò могли мы, лишенные всякихъ перевозочныхъ средствъ, въ формѣ мало-мальски порядочно-устроенныхъ судовъ, съ какими-то плотами и воздушными понтонами? Вся Европа взирала на насъ съ чувствомъ глубокого любопытства, и едва ли находился одинъ недругъ, который бы не предсказывалъ намъ полнаго фіаско на берегахъ Дуная.

Нужно было сдѣлаться владѣльцемъ какой-нибудь части Дуная прежде, чѣмъ приступить къ переправѣ. Чтобы сдѣлаться владѣльцемъ, нужно было покупать участокъ рѣки, шагъ за шагомъ, дорогою цѣною труда и терпѣнія. У насъ были подъ рукою однѣ только мины—это единственное средство, при помощи котораго можно было заручиться клочкомъ Дуная. Но чтò такое мины? Это—средство новое, неиспытанное; каждую мину можно выловить легко изъ воды, а кàкъ трудно опускать ее съ математическою точностію подъ градомъ непріятельскаго огня! Безъ математической же точности страдаетъ вся система миннаго загражденія. Это доказали намъ факты миннаго загражденія при Парапанѣ, гдѣ, при всѣхъ усиліяхъ моряковъ, часть Дуная, между турецкимъ берегòмъ и островомъ Мечинъ, осталась, все-таки, незагражденной, по случаю убійственнаго огня непріятеля. Такимъ образомъ, мониторы могли свободно проходить изъ Рущука къ Систову и разрушать мосты. На второй день переправы, турецкій мониторъ даже показывался въ виду Зимницы; но онъ почему-то не рискнулъ приблизиться къ мосту, который мы тогда наводили. Нерѣшительность турецкихъ мониторовъ можно объяснить вліяніемъ страха, который нагнали на нихъ Шестаковы, Дубасовы и браиловская батарея.

При выборѣ пункта переправы, нужно было принимать многое въ соображеніе. Мы находились въ зависимости отъ нашихъ обстоятельствъ, отъ прошлыхъ примѣровъ изъ исторіи турецкихъ войнъ, отъ проведенныхъ дорогъ въ Румыніи и отъ будущихъ намѣреній въ Болгаріи. При двадцати-кратныхъ примѣрахъ переправы черезъ Дунай, мудрено было выбрать такое мѣсто, гдѣ бы насъ вовсе не ожидали. Наученные совѣтами своихъ европейскихъ друзей, турки довольно бдительно слѣдили за нами, хотя и прозѣвали въ концѣ концовъ. Необходимо было выбрать такой пунктъ, который не былъ бы слишкомъ удаленъ

отъ вѣтви желѣзной дороги, проходящей черезъ Бухарестъ на Яссы и Кишиневъ, и отъ такого мѣста, откуда открывался бы болѣе или менѣе открытый и прямой путь за Балканы. Такимъ пунктомъ было Систово. Дорога отъ Систова вела насъ прямо на Трново, въ столицу древне-болгарскаго княжества, оттуда—за за Балканы на Габрово, на Адріанополь и прямо въ Константинополь, о которомъ мы тогда мечтали, какъ о завоеванномъ уже городѣ. Эта дорога сокращала путь, разрѣзала турецкія силы и была даже выгодна, съ точки зрѣнія дипломатической: она являлась, такъ сказать, неожиданностью въ глазахъ Европы и Турціи, потому что въ это время всѣ газеты предсказывали переправу у Никополя и кричали объ этомъ съ такою настойчивостью, что турки готовы были совершенно искренно вѣрить глашатаямъ. Этотъ путь велъ насъ прямо въ древнюю столицу Болгаріи, что̀ входило отчасти въ интересы гражданскаго управленія, а благополучное занятіе этого города могло воодушевить болгарское народонаселеніе и увеличить численность болгарскаго ополченія. Всѣ крѣпости восточнаго четырехугольника Турціи оставались въ сторонѣ. Такимъ образомъ, Зимница, находящаяся почти противъ Систова, явилась самымъ выгоднымъ, самымъ удобнымъ мѣстомъ для переправы. Недалеко отъ Зимницы, выше по Дунаю, течетъ рѣка Ольта, на верхнихъ берегахъ которой заготовлялся лѣсной матеріалъ для моста и по теченію которой удобно было сплавлять его и спускать потомъ, по теченію же Дуная, къ Зимницѣ. Возвышенные, крутые турецкіе берега у Систова, весьма опасные для атаки, и плоскій, низменный противуположный берегъ Зимницы, съ котораго чрезвычайно мудрено предпринимать переправу, не будучи замѣченнымъ на первыхъ же порахъ своего движенія—могли только отвлечь вниманіе турокъ отъ этого мѣста и убѣдить ихъ окончательно, что здѣсь русскіе переправляться не будутъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Дунай широка и представляетъ, по внѣшности, большія неудобства для переправы. Словомъ сказать, переправа у Зимницы представляла собою всѣ шансы на успѣхъ и, сверхъ того, это былъ пунктъ, гдѣ мы никогда еще не переправлялись.

Кому принадлежитъ мысль переправы черезъ Дунай и планъ ея исполненія? Мысль переправы черезъ Дунай—одна изъ свѣтлыхъ мыслей прошлой кампаніи, а когда являются хорошія мысли въ замкнутомъ кружкѣ одинаково заинтересованныхъ лицъ, то оказывается потомъ, что каждому хочется быть ея хозяиномъ. Я слышалъ такъ много именъ собственниковъ этой мысли, что, положа руку на сердце, рѣшительно не могу указать на ея настоящаго хозяина. Курьёзнѣе всего то, что каждый тянетъ сто-

рону «своего». Трудно себѣ представить, чтобы эта мысль родилась на самомъ берегу Дуная; поздно собакъ кормить, когда надо на охоту идти. Вѣроятнѣе всего, что выборъ мѣста переправы былъ уже сдѣланъ заранѣе, такъ сказать, вошелъ въ общій планъ кампаніи, безъ котораго воевать нельзя. Современемъ, всѣ эти планы могутъ, конечно, видоизмѣняться; но исходная точка должна же быть. Вотъ почему, мнѣ кажется, грѣшатъ передъ истиною тѣ, которые увѣряютъ, что мысль пареправы черезъ Дунай вблизи Турно-Магурелли родилась на самомъ берегу Дуная, во время рекогносцировки зимницкихъ прибрежій. Что же касается плана исполненія и замѣчательной систематичности этого исполненія, то это принадлежитъ всецѣло генералу Драгомирову.

Еще въ Кишиневѣ ходили слухи, что дивизіи генерала Драгомирова, входящей въ составъ 8-го корпуса, предстоитъ совершить переправу черезъ Дунай. Ничего невѣроятнаго въ этихъ слухахъ не было, такъ какъ генералъ Драгомировъ извѣстенъ былъ своимъ научнымъ образованіемъ, какъ одинъ изъ рабочихъ теоретиковъ генеральнаго штаба. А кому же и поручать подобные манёвры, какъ не людямъ, имѣющимъ за собою научную подготовку? Правда, Драгомировъ никогда не былъ практикомъ, но въ этомъ отношеніи всѣ наши генералы стояли на одной почвѣ. Во всякомъ случаѣ, Драгомировъ выдѣлялся своею прошлою ученою дѣятельностью и былъ извѣстенъ, какъ иниціаторъ новыхъ теорій по части образованія нашихъ войскъ. Безспорно, и у Драгомирова были свои недруги; и теперь не рѣдко слышатся мнѣнія въ осужденіе нѣкоторыхъ его теорій; но отъ враговъ избавлены только тѣ люди, которые ничего не дѣлаютъ. Драгомировъ не разъ выступалъ на поприще общественности по части литературной пропаганды своихъ теорій и, слѣдуетъ замѣтить, теорій до извѣстной степени либеральныхъ, принятіе которыхъ налагало печать забвенія на старые порядки автоматической дисциплины. Случалось, что онъ бралъ верхъ къ досадѣ тѣхъ, которые охотно вырыли бы ему яму. Конечно, людямъ свойственно ошибаться; легко можетъ быть, что и Драгомировъ подъ-часъ ошибался въ своихъ тактическихъ соображеніяхъ; съ нимъ можно спорить, но никто не въ правѣ отнять отъ Драгомирова его дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, Драгомировъ работалъ въ своей жизни. Мы переживаемъ такое время, когда честная дѣятельность человѣка и честные пути должны цѣниться на вѣсъ золота.

Драгомировъ—человѣкъ чисто русскаго ума, не воспитаннаго на теоріяхъ смѣлыхъ, самостоятельныхъ заключеній; но умъ его—сильный, не лишенный до нѣкоторой степени, нѣмецкой педантич-

чности и систематичности. Положительная и самая цѣнная сторона его натуры выражается въ томъ, что русскій солдатъ его любитъ искренно и горячо. Не много такихъ начальниковъ, которыхъ такъ любятъ нижніе чины. Затѣмъ извѣстна и другая чрезвычайно симпатичная черта его характера: идти по возможности прямымъ путемъ къ достиженію своихъ цѣлей.

Я говорю «по возможности», потому что мудрено же, въ самомъ дѣлѣ, быть простакомъ человѣку его среды. Въ лицѣ генерала Драгомирова я видѣлъ свѣтскаго генерала, но въ немъ не было рѣшительно ничего напускного, заносчиваго, наружно-самолюбиваго; все было въ немъ просто и искренно настолько, насколько позволялъ его тонкій умъ. Онъ хмурился, когда ему покушались говорить комплименты, и весь успѣхъ переправы черезъ Дунай приписывалъ «доброму, послушному русскому солдату». Онъ плакалъ, говоря о солдатахъ: несомнѣнно это—человѣкъ добраго сердца.

Четырнадцатая дивизія генерала Драгомирова выступила на деревню Атернаци изъ деревни Кареда, находящейся въ семнадцати верстахъ къ югу отъ Бухареста. 8-го іюня, дивизія пришла въ Атернаци. На другой день, т. е. 9-го іюня, туда-же прибыла часть штаба главной квартиры.

— Мы ѣдемъ на рекогносцировку, пояснилъ генералъ Левицкій.

Драгомирова пригласили ѣхать вмѣстѣ со штабомъ. Въ тотъ же день вечеромъ, выѣхали къ берегамъ Дуная, въ Зимницу: Главнокомандующій арміей, генералы Непокойчицкій, Левицкій. Драгомировъ и Рихтеръ заняли, 10 іюня, мѣста въ небольшой рощѣ, находящейся на самомъ берегу Дуная, въ правомъ концѣ деревни и, принявъ самыя тщательныя мѣры предосторожности, для того, чтобы не обнаружить своего присутствія, провели цѣлый день въ наблюденіяхъ за движеніями и положеніемъ противуположнаго турецкаго берега. Но прежде всего, необходимо познакомить читателя съ мѣстностью.

Турецкій берегъ вполнѣ господствуетъ надъ лѣвымъ, румынскимъ берегомъ Дуная. На сравнительно низменномъ, хотя и обрывистомъ (на нѣсколько саженъ), румынскомъ берегу расположена Зимница. Почти противъ Зимницы, нѣсколько правѣе, на противуположномъ берегу, усматривается среди роскошной зелени болгарской городъ Систово. Онъ какъ будто приклеенъ къ высокой горѣ, которая переходитъ въ безконечную цѣпь возвы-

шенностей. Всѣ эти горы густо заросли зелеными лѣсами, кустарниками. На румынскомъ-же берегу Дуная вы видите громадную, песчаную поляну, которая тянется на нѣсколько верстъ вдоль румынскаго берега и затопляется каждый разъ, когда воды Дуная поднимаются выше своего нормальнаго уровня. Во время разлива здѣсь цѣлое море воды, но лишь только вода спадаетъ, образуется топкая песчаная степь. Узкій рукавъ Дуная врывается въ одномъ мѣстѣ въ эту песчаную степь и орошаетъ крутой берегъ самой Зимницы. Лѣвѣе, въ порядочномъ разстояніи отъ Зимницы, на песчаной полянѣ, на самомъ берегу нормальнаго Дуная находится небольшая роща; она приходится какъ разъ противъ узкаго и длиннаго острова на Дунаѣ, находящагося гораздо ниже Систова. Правѣе отъ этой рощи, т. е. выше по Дунаю, въ нѣкоторомъ разстояніи, находилась, такъ называемая, австрійская мачта, мѣсто остановки пароходовъ у Зимницы. У самой рощи стояла караулка. Затѣмъ, все громадное пространство песчаной и низменной поляны оставалось совершенно открытымъ съ высоты турецкаго берега. Прежде, чѣмъ дойдти до рѣки, нужно было проходить пространство болѣе двухъ верстъ. Черезъ зимницкій рукавъ Дуная былъ перекинутъ мостикъ. Самый городъ Систово расположенъ въ лощинѣ, окруженъ фруктовыми садами, раскинулся въ оврагѣ, и вся эта мѣстность представляетъ собою чрезвычайно живописный видъ. Если смотрѣть на Систово съ румынскаго берега, вы видите густую зелень, изъ-за которой еле-еле виднѣются крыши домовъ и куполъ большаго болгарскаго собора. Турецкіе минареты придаютъ общей картинѣ своеобразную, чрезвычайно красивую обстановку; стройные и высокіе, они украшаютъ мѣстность въ связи съ этой роскошной зеленью, съ этими холмами и зеленѣющими лощинами. Чтобы войти въ городъ, нужно взобраться на высокую гору и дойти до того оврага, въ которомъ раскинулся Систово. Турецкіе берега на всемъ этомъ пространствѣ чрезвычайно круты и обрывисты: мѣстами находятся овраги и лощины. Ниже Систова, почти какъ разъ противъ австрійской мачты, втекаетъ въ Дунай небольшая рѣченка Текиръ-Дыре; она течетъ въ оврагѣ. Мѣстами берега до того круты, что нѣтъ никакой возможности на нихъ взобраться. Общій планъ занятія города Систова могъ заключаться въ томъ, что войска, по мѣрѣ своей высадки, должны были направляться лѣвѣе Систова въ горы, занимать рядъ отдѣльныхъ возвышенностей и, по мѣрѣ занятія этихъ холмовъ, двигаться на самую высокую гору. Эта гора образуетъ, такъ сказать, фонъ передовыхъ холмовъ и тянется хребтомъ, отдѣляя собою прибрежные окрестности Систова отъ дру-

тихъ, внутреннихъ болгарскихъ округовъ. Выше того мѣста, гдѣ течетъ Текиръ-Дыре, стоитъ городъ Систово, какъ разъ у подножія этой высокой горы. Такимъ образомъ, разъ эта гора занята и непріятель прогнанъ съ ея возвышенности, городъ самъ собою попадалъ въ руки побѣдителя.

Но для того, чтобы овладѣть этою горою, необходимо было пройти черезъ цѣлый рядъ испытаній: спуститься съ понтонами, съ артиллеріею и съ войсками, съ румынскаго берега, перейти песчаную поляну, спустить понтоны на воду, переплыть Дунай, взобраться на крутизну турецкаго берега, выбить непріятеля со всѣхъ отдѣльныхъ высотъ и тогда уже стараться занять конечную, большую гору сзади Систова.

Въ день упомянутаго наблюденія изъ Зимницы за Систовомъ генералъ Рихтеръ получилъ приказаніе—съ возможною тщательностію освидѣтельствовать почву песчаной поляны, насколько она плотна и возможно ли провезти по ней артиллерію и понтонные парки. Результаты его дневной рекогносцировки увѣнчались успѣхомъ и привели къ благопріятнымъ заключеніямъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ Главнокомандующій съ остальною своею свитою изъ Зимницы въ Пятру, вечеромъ 10 іюня, ничего не рѣшая на мѣстѣ относительно переправы. Въ Пятрѣ ночевали. Берега Зимницы охранялись въ то время пикетами люблинскаго гусарскаго полка, находящагося подъ командою полковника Бороздина. Люблинцы мирно коротали время на своихъ аванпостныхъ пикетахъ и не видѣли рѣшительно ни малѣйшаго движенія нашихъ войскъ. Около Зимницы не было построено ни одной нашей батареи; не было вырыто ни одного стрѣлковаго ложемента. Мѣсто переправы сохранялось въ полномъ секретѣ не только отъ турокъ, но и отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Мѣстоположеніе береговъ, въ связи съ тѣми соображеніями, что движеніе войскъ по песчаной полянѣ сопряжено съ громадными потерями отъ артиллерійскаго огня непріятеля, что наводка моста чрезвычайно затруднительна, приводили турокъ къ заключенію, что переправы у Систова никогда не будетъ.

Изъ Пятры главная квартира поѣхала въ Сяку, верстахъ въ десяти выѣхали на берегъ, затѣмъ отправились въ Турнъ-Магурели. Тамъ, около двухъ часовъ пополудни, собрался военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе Главнокомандующій, Непокойчицкій, Левицкій, Драгомировъ и великій князь Николай Николаевичъ младшій. На совѣтѣ принято было окончательное рѣшеніе переправы черезъ Дунай у Зимницы. Драгомирову приказано было вернутся въ Бею, гдѣ находилась его дивизія, и въ ночь съ 14-го на 15-ое приступить къ переправѣ. Рѣшено было

для отвлеченія вниманія турокъ отъ пункта переправы, принять слѣдующія демонстративныя мѣры: корпусъ генерала Циммермана перевести черезъ Дунай у Браилова, въ ночь съ 12-го на 13-ое іюня, открывать самыя сильныя канонады по ночамъ съ 13-го на 14-ое іюня и съ 14-го на 15-ое противъ Рущука и у Никополя; въ это время, противъ Систова должна быть могильная тишина. Великій князь Главнокомандующій приказалъ Драгомирову подводить войска къ Зимницѣ или ночью, или раннимъ утромъ, но отнюдь не днемъ и не вечеромъ, принимая во вниманіе сильное солнечное освѣщеніе румынской стороны берега, между тѣмъ какъ раннимъ утромъ солнце било въ глаза турокъ и, слѣдовательно, лишало ихъ возможности въ точности слѣдить за движеніемъ на румынскомъ берегу. Къ вечеру 11-го іюня, генералъ Драгомировъ уѣхалъ въ деревню Бею.

Во время ночевки въ д. Пятра генералъ Левицкій приказалъ послать офицера въ д. Бею съ цѣлью узнать, прибыли-ли туда понтоны? Офицеръ генеральнаго штаба Литвиновъ отправился въ Бею и вернулся оттуда въ Пятру.

— Всѣ понтонные парки уже прибыли въ Бею, донесъ онъ Драгомирову:—и сегодня въ ночь предполагается движеніе понтоновъ на Пятру, согласно маршруту, данному майору Копанскому, начальнику парковъ.

Это движеніе предполагалось въ ночь съ 12-го на 13-ое іюня. Въ это время, Литвиновъ уже не засталъ главной квартиры, такъ какъ она переправилась въ Драчу. Разговоръ этотъ происходилъ около семи часовъ вечера, 12-го іюня, а въ этотъ-же вечеръ, по донесенію Литвинова, понтонные парки должны были выступить по совершенно другой дорогѣ, если принять во вниманіе рѣшеніе переправляться черезъ Дунай у Зимницы. Разстояніе до Беи около двадцати верстъ. Если послать Литвинова обратно въ Бею, для того, чтобы остановить движеніе понтоновъ на Пятру и направить ихъ на Зимницу—офицеръ рискуетъ уже не застать ихъ въ Беѣ и, въ лучшемъ случаѣ, встрѣтить ихъ по дорогѣ; между тѣмъ какъ Литвинову необходимо еще ѣхать за главной квартирою въ Драчу съ этимъ донесеніемъ, такъ какъ онъ былъ посланъ генераломъ Левицкимъ. Что оставалось дѣлать Драгомирову, въ виду рѣшенія главной квартиры и въ тотъ моментъ, когда для него была дорога каждая минута и когда всякій лишній, ненужный маршрутъ понтоновъ вызывалъ вредную для дѣла проволочку времени?

— Поѣзжайте немедленно обратно въ Бею; я вамъ дамъ всѣ средства, загоните лошадей, дѣлайте, что хотите—остановите понтоны въ Беѣ; я сейчасъ тамъ буду самъ лично.

— Но мнѣ необходимо ѣхать въ главную квартиру съ отвѣтомъ, настаивалъ офицеръ, исполняя долгъ службы.

— Именемъ главной квартиры, я вамъ отдаю это распоряженіе, сказалъ ему Драгомировъ, не имѣвшій права говорить съ нимъ въ эту минуту искренно, дабы не обнаружить рѣшенія главной квартиры.

Литвиновъ, дѣльный и энергичный офицеръ генеральнаго штаба—одна изъ несчастныхъ жертвъ нашихъ за Дунаемъ (онъ былъ убитъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій въ Болгаріи)—сѣлъ на коня и поскакалъ обратно въ Бею. Генералъ Драгомировъ пріѣхалъ въ Бею часовъ около двѣнадцати по полуночи. Подъѣзжая къ мѣстечку Смердозы, онъ встрѣтилъ длинный обозъ, тянувшійся по дорогѣ.

— Чтò такое тянется?.. какой обозъ?

— Понтонные парки, ваше превосходительство.

— Пригласите ко мнѣ майора Копанскаго.

Явился майоръ Копанскій.

— Куда идете?

— Мнѣ первоначально приказано было идти на Пятру, ваше превосходительство, отвѣтилъ майоръ Копанскій:—а потомъ мнѣ дали направленіе къ Смердозѣ, на Сойму.

— Офицеръ генеральнаго штаба Литвиновъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Съ Богомъ!

Дѣльный офицеръ понялъ, въ чемъ дѣло. Когда Драгомировъ проѣзжалъ, обозъ-понтонные парки уже переѣхали черезъ мостъ находившейся здѣсь рѣчонки. Переѣхать мостъ обозу—значитъ, половину дѣла сдѣлать.

Генералъ приступилъ къ исполненію плана переправы. 12-го іюня, часовъ около 11, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей 14-й дивизіи, артиллерійской бригады, командировъ 4-й стрѣлковой бригады, полковыхъ и батальйонныхъ командировъ, батарейныхъ командировъ 14-й бригады, командировъ двухъ горныхъ батарей, состоящихъ при стрѣлковой бригадѣ, командира пластуновъ, командира 63-го донскаго полка и командира гвардейской полу-роты. Всѣ эти части вошли въ составъ его отряда. Пригласивъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, генералъ обошелъ ряды войскъ и подозвалъ къ себѣ командира шестого понтоннаго парка.

— Намъ приказано идти на Зимницу, а куда мы пойдемъ дальше—того не знаю, объявилъ онъ офицерамъ.—Въ Зимницѣ мы будемъ ждать приказаній; тамъ занимаютъ и будутъ занимать аванпосты люблинцы и брянцы; надо постараться сдѣлать дви-

женіе возможно скрытно и чтобы ничто не измѣнилось на берегу Дуная.

Затѣмъ генералъ пригласилъ начальниковъ въ ближайшій сарай, за неимѣніемъ лучшаго мѣста, и объявилъ имъ:

— Движеніе пойдетъ въ слѣдующемъ порядкѣ; гг. командиры стрѣлковой бригады, пластуновъ, горной батареи, пожалуйте сюда!

Они вышли впередъ.

— Вы выступаете первыми, въ 6 часовъ вечера, дѣлаете привалъ у колодцевъ и должны приступить къ Зимницѣ въ 6 часовъ утра, когда разсвѣтетъ; но вы примете всѣ мѣры для того, чтобы ваше движеніе не было обнаружено.

Командиры поименованныхъ частей выслушали генерала и отошли въ сторону.

— Гг. командиры первой бригады 14-й дивизіи и первыхъ трехъ батарей, пожалуйте сюда!

Опять образовалась группа: Іолшинъ, Родіоновъ, Мольскій.

— Вы составляете второй эшелонъ, выступаете 13-го іюня, рано утромъ, доходите до колодцевъ, дѣлаете большой привалъ до сумерекъ и ночью подступаете къ Зимницѣ.

Приглашены были командиры второй бригады 15-й дивизіи, Петрушевскій, Духонинъ, Тележниковъ, и командиры двухъ батарей (четвертая, легкая, была уже въ Зимницѣ въ это время).

— Вы, гг., выступаете въ 5 часовъ пополудни 13 іюня, доходите до колодцевъ и оттуда, сдѣлавши привалъ, идете на Зимницу и подходите къ ней къ тремъ или четыремъ часамъ утра.

Таковы были первыя распоряженія генерала Драгомирова. Я нарочно передаю сцену въ подлинникѣ для того, чтобы охарактеризовать ту систематичность, которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ характера Драгомирова.

Всѣ предписанныя движенія были сдѣланы, какъ говорится, безъ осѣчки. Отъ бумагъ великій князь приказалъ воздерживаться. Вообще, на это время главная квартира умышленно отстранила себя отъ 14-й дивизіи.

Тысячъ около 20,000 войска свершали движеніе въ Зимницу; но никакой внѣшней стороны этого движенія не было видно. У Зимницы встрѣчали войска начальникъ штаба дивизіи Якубовскій и старшій адъютантъ, капитанъ Котельниковъ, которые и размѣщали эшелоны такимъ образомъ, чтобы не обращать на себя вниманіе, т. е. не разбивая палатокъ и пряча за дома и за заборы задняго фасада города, такъ что ночь съ 13-го на 14-ое іюня войска провели на открытомъ воздухѣ. Въ эту-же ночь, на-

вели мостъ черезъ рукавъ Дуная, омывавшій берегъ самой Зимницы, и ушли пòсты по ту сторону болотовины, къ лѣвой рощѣ на берегу Дуная.

Сильно должны были биться сердца служакъ 14-й дивизіи. По мѣрѣ дальнѣйшаго приготовленія, люди ажитировались все болѣе и болѣе; всякій сознавалъ: сегодня живъ, завтра могу быть мертвымъ. Если бы не вѣра въ лучшее, согрѣвающая каждаго человѣка—это сознаніе способно убѣлить человѣка сѣдинами въ одну ночь. День 14-го іюня проведенъ былъ генераломъ Драгомировымъ въ самомъ тяжеломъ ожиданіи. Это былъ для него вопросъ жизни или смерти; это былъ «экзаменъ граматы» въ рядахъ русской арміи.

14-го іюня, къ 12 часамъ пополудни, въ Зимницу пріѣхалъ генералъ Радецкій, съ своимъ начальникомъ штаба, полковникомъ Дмитровскимъ. Драгомировъ былъ въ такомъ нервно-возбужденномъ состояніи, что замѣтилъ, между прочимъ, Дмитровскому:

— Теперь я понимаю, почему люди иногда пускаютъ себѣ пулю въ лобъ.

Утромъ 14-го іюня, Драгомировъ снова пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, до ротныхъ командировъ включительно. Генералъ помѣщался въ томъ-же самомъ домѣ, въ правой сторонѣ города, на берегу Дуная, гдѣ останавливалась и главная квартира. Размѣстивъ офицеровъ групами за деревьями небольшой рощицы, съ биноклями въ рукахъ—генералъ началъ съ ними рекогносцировку.

— Видите, гг., Систово, повелъ онъ имъ такую рѣчь:—мы будемъ здѣсь переправляться черезъ Дунай, мы будемъ высаживаться у устья вонъ той рѣчки, называемой Текиръ-Дыре. По высадкѣ на берегъ, прилагайте всѣ силы, чтобы сканывать на дорогѣ все, чтò вы встрѣтите... намъ нужно стремиться къ тому, чтобы занять высокую гору, надъ Систовымъ. Когда эта гора будетъ занята, мы займемъ и самый городъ. Этимъ пока ограничимся; преслѣдованіемъ непріятеля не увлекайтесь, намъ необходимо прикрыть переправу, а не гоняться за дешевыми лаврами. Теперь, чтобы насъ не замѣтили, разойдитесь по три, по четыре человѣка и постарайтесь хорошенько высмотрѣть все, чтò я вамъ указалъ.

Офицеры разошлись. Генералъ продолжалъ волноваться. Затѣмъ онъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ начальники собрались въ какомъ-нибудь домѣ на сѣверной, т. е. задней сторонѣ города. Первый рейсъ должны были составлять: 1) стрѣлки волынскаго полка; 2) пластунская рота; 3) гвардейская полурота, и 4) вторая горная батарея. Въ составъ втораго рейса вошли:

1) остальныя роты волинскаго полка; 2) десять ротъ минскаго полка, первая горная батарея и т. д. Генералъ предупредилъ, что первый составъ отплыветъ разомъ, а остальные—по мѣрѣ возвращенія понтоновъ, и просилъ командира люблинскаго полка усилить разъѣзды съ началомъ перваго рейса. Генералъ наблюдалъ затѣмъ, чтобы людямъ было точно растолковано, чтобы на берегу нетолько не было скопленія, но и одиночно стоящихъ людей; чтобы было обращено вниманіе, чтобы на берегу у Зимницы не разводились костры, не являлись люди съ флагами и вообще съ подозрительными сигналами, а если кто-нибудь будетъ замѣченъ, представлять его къ генералу Драгомирову.

Вдругъ, въ ночь съ 13-го на 14-е, на самомъ берегу Дуная, между лѣвою рощею и австрійскою мачтою, загорѣлась караулка. Это была мучительная минута для Драгомирова. «Ну, кончено! предупредили!» подумалъ онъ. Сердце упало, онъ послалъ немедленно узнать, въ чемъ дѣло. Пожаръ объяснился простою случайностью. Стало легче на душѣ генерала, и онъ началъ приготовляться къ роковой ночи.

Молодой генералъ Скобелевъ оставилъ казачій бивакъ въ д. Беѣ, гдѣ казаки нагнали дивизію Драгомирова, когда уже послѣдняя часть дивизіи снималась въ походъ на Зимницу. Скобелевъ 2-й пріѣхалъ въ Зимницу къ Драгомирову. Въ распоряженіи послѣдняго находился 63 й донской полкъ. Съ каждымъ рейсомъ предполагалось переправлять по 60 казаковъ.

Вечеромъ 14-го іюня, рѣшено было начать спускъ понтоновъ съ 9 часовъ. Понтоны спускались выше того дома, въ которомъ остановился Драгомировъ. Если до сихъ поръ нравственное состояніе Драгомирова и было мучительно, то со спускомъ понтоновъ оно могло только ухудшится. Всякій громъ, всякое бряцаніе артиллерійскаго лафета, всякій скрипъ телеги ударяли прямо въ сердце.

Ночь наступила темная; въ воздухѣ пахло дождемъ. Рѣзкій вѣтеръ дулъ съ запада. Кругомъ было пустынно и дико. Вѣтеръ налеталъ шквалами на листья тучныхъ деревьевъ; деревья клонились, и рѣзкій шелестъ ихъ листьевъ раздавался въ мутномъ воздухѣ. Лѣсная опушка на берегу Дуная шумѣла какимъ-то зловѣщимъ шипѣніемъ. На минуту воцарялась тишина, а тамъ снова налеталъ сердитый шквалъ и снова смѣнялся тишиною лѣтняго вечера.

Низко колыхались грозныя тучи, темныя, тяжелыя, мрачныя;

онѣ тѣснились и порывисто неслись по небу, лѣзли другъ на друга, расплывались, снова сгущались и снова разрывались на клочья, на отрепья, и всѣ эти отрепья летѣли потомъ куда-то вдаль, неслись быстро, перегоняя другъ друга.

Въ моментъ зловѣщаго шипѣнія деревьевъ, среди возбужденной природы, при волнующемся, пѣнистомъ Дунаѣ—наши солдатики спускали понтоны, и каждый шумъ массивной клади заставлялъ ихъ останавливаться на мѣстѣ и устремлять свой взглядъ на турецкій берегъ. Темно было впереди; все, что̀ творилось на турецкомъ берегу въ это время—все это было покрыто мракомъ. «Что̀ дѣлаютъ турки?.. знаютъ ли они наши намѣренія?.. можетъ быть, и они теперь готовятся насъ встрѣтить убійственнымъ огнемъ?.. можетъ быть, они въ душѣ глумятся надъ нами? все можетъ быть!.. Какія тяжелыя, невыносимыя минуты!»

Спущенные понтоны вытянулись вдоль и ниже около австрійской мачты. Гуси подняли шумъ и, испугавшись, полетѣли въ сторону.

— Ну, если бы это противъ черкесовъ — даромъ не прошло бы! сказалъ Дмитровскій, долго служившій на Кавказѣ.

После парковъ начала спускаться на болотовину артиллерія. Дорога до берега Дуная идетъ на три версты. Цѣлыя три версты приходится шумѣть артиллеріей, цѣлыя три версты нервнаго раздраженія! Для прикрытія этихъ батарей спустился брянскій полкъ. Три батареи заняли мѣста на берегу въ право отъ австрійской мачты, двѣ батареи—влѣво на площадкѣ, въ рощѣ. Батареямъ было приказано отнюдь не начинать огня ранѣе открытія артиллерійскаго или значительнаго пѣхотнаго огня непріятеля съ того берега. Необходимо было вести операцію насколько возможно тихо и осторожно до послѣдней крайности. Когда артиллерія проѣзжала мостикъ около Зимницы, поднялся такой шумъ, что пришлось остановить ее и послать за соломою для подстилки. Батареи вели на мѣсто офицеры люблинскаго полка, участвовавшіе съ Рихтеромъ на рекогносцировкѣ. Около десяти или одиннадцати часовъ, Драгомировъ отправился на берегъ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ, съ дивизіоннымъ штабомъ и съ состоявшимъ или, вѣрнѣе, прикомандировавшимъ себя, генераломъ Скобелевымъ, полковникомъ Сухотинымъ, капитаномъ Ласковскимъ, штабсъ ротмистромъ Цуриковымъ и поручикомъ Мухановымъ. Въ штабѣ Драгомирова находились: полковникъ Якубовскій, штабсъ-капитанъ Котельниковъ, капитанъ Вольскій и бывшій ординарецъ, поручикъ Шостакъ. Генералъ пришелъ на берегъ,

артиллерія встала на мѣста, понтоны вытянулись, войска подошли въ полномъ порядкѣ и съ замѣчательною точностію. Воображеніе Драгомирова, послѣ ряда нравственныхъ мученій, перешло въ фазисъ болѣзненнаго состоянія. «Да, *они* все знаютъ, *имъ* все извѣстно...» шептали его воспаленныя губы. Утомленіе взяло верхъ: Драгомировъ прилегъ, чтобы отдохнуть, и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Проспавъ полчаса, онъ былъ разбуженъ, всталъ, и успокоился. Сдѣлавъ распредѣленіе по рейсамъ, онъ сказалъ солдатамъ:

— Счастливъ буду, если увижу васъ живыми и невредимыми на томъ берегу и если останусь самъ живъ вмѣстѣ съ вами. Онъ назначилъ очередь на случай его убыли. Команда переходила къ Петрушевскому, затѣмъ къ Іолшину и Родіонову.

Около часу ночи, началась посадка перваго эшелона. Она была исполнена въ полной тишинѣ. Солдаты были проникнуты сознаніемъ торжественности минуты; они молчали отчасти вслѣдствіе глубокой и слѣпой вѣры въ руководителей, отчасти вслѣдствіе того состоянія сосредоточенности, въ которое приходитъ каждый человѣкъ въ такія минуты.

— Съ Богомъ, отваливайте! сказалъ Драгомировъ, перекрестивши первый эшелонъ.

Солдатики сняли шапки, перекрестились. Весла ударили по водѣ. Начало брезжится... первые признаки утренней зорьки показались на восточной части неба. Въ бинокль можно было слѣдить за силуэтами отвалившихъ лодокъ. Съ минуты на минуту ждали выстрѣловъ. Но вотъ видно, какъ первыя лодки уже подплываютъ къ берегу... вотъ они подплыли и начинаютъ высаживаться на турецкій берегъ. Показались огоньки, раздались первые ружейные выстрѣлы. Стрѣляли, очевидно, одни только часовые и стрѣляли въ двухъ мѣстахъ, въ полуверстномъ разстояніи другъ отъ друга. Къ хвосту перваго рейса весь турецкій берегъ занятъ стрѣлками и весь берегъ у Текиръ-Дыре, выше и ниже горѣлъ огнями. Турецкая артиллерія открыла пальбу съ батарей у Систова. Ей отвѣтили двадцати-четырехъ-фунтовыя орудія 14-й бригады, отъ австрійской мачты вправо. Батарея девятой бригады, находившаяся въ ротѣ, открыла огонь по турецкимъ стрѣлкамъ, спѣшившимъ къ мѣсту высадки изъ лагеря, въ двухъ верстахъ отъ Текиръ-Дыре, ниже рѣчки, въ сторону Вардина. Начало свѣтать; можно было ясно различать движенія на противуположномъ берегу. Бо̀льшая часть изъ состава перваго рейса переправилась почти безъ потерь, но, такъ какъ теченіе было быстрое, то самая высадка происходила неправильно, разбросанно. Высадившіеся солдатики должны были

сбивать турокъ кучками. Первый рейсъ занялъ времени около 20 минутъ или получаса. Данныхъ не было о теченіи Дуная, поэтому трудно было разсчитать время переплытія заблаговременно. Мало по малу, по мѣрѣ дальнѣйшей высадки, всѣ кучки сплочивались и дѣйствовали сообща. Пріѣзжаютъ гребцы назадъ.

— Слава Богу, благополучно, говоритъ солдатикъ.

Но, какъ не разсчитывай, какой порядокъ ни проэктируй, въ дѣйствительности всегда выйдетъ ломка предварительныхъ приказаній. Еще хвостъ перваго эшелона не дошелъ до того берега, какъ уже начало свѣтать; можно было различить все, что происходило на томъ берегу.

Вотъ, видитъ Драгомировъ, что тамъ происходитъ какая-то каша; гдѣ турки, гдѣ наши—разобрать невозможно... вотъ, видятъ всѣ, какой-то паромъ, болтающійся на водѣ; очевидно, онъ идетъ ко дну; это былъ тотъ самый паромъ, на которомъ погибъ несчастный Стрельбицкій. Въ одной изъ лодокъ, въ началѣ второго рейса, видно, какъ люди стрѣляютъ въ воздухъ... что это значитъ?.. стрѣлять съ лодокъ было запрещено по инструкціи! несчастные!.. они идутъ ко дну, они дѣлаютъ прощальный салютъ!

Это была минута, когда Драгомировъ обратился къ Радецкому:

— Позвольте мнѣ ѣхать на тотъ берегъ, сказалъ онъ старшему въ чинѣ. Нервы его не выдерживали. Чувствовалась потребность войдти въ строй и увидѣть воочію, что творится на томъ берегу.

Больше всего досталось хвосту перваго рейса и головѣ втораго. Изъ минскаго полка два или три понтона пошли ко дну.

— Позвольте артиллерію и казаковъ пока не перевозить, обратился Драгомировъ къ Радецкому передъ отъѣздомъ:—давайте побольше пѣхоты, пѣхоты и пѣхоты, пока окончательно не утвердимся на томъ берегу.

Во время перваго рейса, были эпизоды подчасъ траги-комическаго свойства. Выбросило одну кучку солдатиковъ прямо подъ обрывъ, выше Текиръ-Дыре. Узрѣли солдатики передъ собою отвѣсныя стѣны, сходятъ на берегъ, начинаютъ карабкаться; но, какъ только высунутъ головы, турки стрѣляютъ въ нихъ.

— Такъ, братцы, не годится, говорятъ они другъ другу:—это не резонтъ.

— А какъ-же?

—Разомъ подсадить человѣкъ пятнацать, дать здоровый залпъ—они и опалѣютъ, а потомъ кричи «ура»!» да и лупи его прямо въ морду. Такъ и сдѣлали солдатики.

Драгомировъ вступилъ на турецкій берегъ съ мучительнымъ страхомъ за неуспѣхъ предпріятія. Видитъ онъ, что пластуны прячутся за кусты.

— Чтò вы прячетесь, ребята?

— Солдаты насъ за турокъ принимаютъ, въ насъ-же стрѣляютъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что костюмъ пластуновъ дѣйствительно малымъ отличается отъ костюмовъ турецкихъ баши-бузуковъ; высокая, мѣховая, казацкая папаха, рваный бешметъ, загорѣлая физіономія съ всклокоченною бородою.

Драгомировъ высадился нѣсколько выше Текиръ-Дыре; первая встрѣча его была съ офицеромъ Брановымъ. Штабсъ капитанъ волынскаго полка—онъ получилъ 8 штыковыхъ ранъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ получилъ эти раны, весьма знаменательны. Иванъ Ильичъ Брановъ былъ въ бою, командуя своею ротою. Когда онъ узналъ, что турки обошли флангъ стрѣлковой роты, онъ рѣшился выручить людей своего полка. Часть своей роты онъ отправилъ для поддержки обойденныхъ, другую часть поставилъ въ сомкнутый строй на случай атаки. Усиленная наша цѣпь быстро отодвинула и отрѣзала цѣлую турецкую роту. Брановъ бросился на эту роту въ атаку. Немного опередивъ людей, онъ сразу наткнулся на два штыка, которые проткнули ему лѣвую и правую руки. У Бранова было ружье; несмотря на свои раны, ему удалось убить штыкомъ одного турка; человѣкъ 15 турокъ вдругъ окружили Бранова, и между нимъ и турками завязался рукопашный бой. «Многихъ я положилъ на мѣстѣ», разсказывалъ мнѣ Брановъ за нѣсколько часовъ до смерти (онъ умеръ отъ ранъ):—но, въ концѣ концовъ, все-таки, получилъ 8 штыковыхъ ранъ и упалъ, лишившись чувствъ.» Онъ былъ въ Сербіи, служилъ тамъ въ отрядѣ Меженинова, былъ легко раненъ, но поправился, и вотъ судьба направила его въ первой же битвѣ здѣсь на 8 турецкихъ штыковъ.

— Ну, чтò Брановъ, ранены... кàкъ идутъ дѣлà? спросилъ Драгомировъ, при встрѣчѣ съ нимъ.

— Дѣлà идутъ хорошо, ваше пр — ство, отвѣтилъ Брановъ.

Драгомировъ подошелъ къ мельницѣ. Вправо валяется убитый турокъ, слѣва два музыканта чтò-то копошатся около мельницы... Имъ, видимо, хочется проникнуть въ мельницу, но они никакъ не могутъ найти дорогу.

— Чтò вы тутъ дѣлаете?

— А вотъ, ваше пр—ство, покончить надо.

— Съ кѣмъ покончить?

— А Богъ ихъ знаетъ! народъ какой-то въ мельницу засѣлъ.

Посмотрѣли въ окно мельницы; изъ окна выглядываютъ два блѣдныя лица страшно перепуганныхъ, болгаръ... они не живы, не мертвы.

— Да это—болгаре! это—наши братья!

— Не должно быть, ваше пр—ство.

— Перекреститесь, сказалъ Драгомировъ болгарамъ.

Болгаре начали усиленно креститься.

— Видите вы, они крестятся.

Солдатики угомонились. Это была самая первая встрѣча спасителей съ угнетенными. Мы даже не знали нашихъ братій въ физіономію.

Выйдя къ цѣпи, Драгомировъ въ волненіи обратился къ Скобелеву, какъ къ человѣку болѣе или менѣе опытному въ дѣлахъ.

— Ну, какъ, по вашему мнѣнію?

— Все идетъ превосходно, придется поздравить васъ съ полнымъ успѣхомъ.

Это успокоило Драгомирова. Вся вмѣстѣ взятая битва отличалась совершенно неправильнымъ характеромъ; дрались кучками, вытѣсняли групами, короче — это была какая-то общая свалка нападающаго съ непріятелемъ. Всякая переправа черезъ рѣку, по понятіямъ теоретиковъ, относится къ категоріи правильныхъ нападеній, въ которыхъ все должно быть предусмотрѣно и все идти согласно выработаннымъ наукою правиламъ и порядкамъ. Но въ дѣйствительности получается нѣчто въ родѣ общаго хаоса, въ которомъ нѣтъ никакой послѣдовательности, ничего строгаго и опредѣленнаго. Когда нѣкоторые изъ иностранныхъ агентовъ поздравляли съ удачною переправою— они говорили: «теоретики будутъ весьма затруднены, въ какую сторону здѣсь выгибъ рѣки (такъ какъ въ наукѣ предполагается выгибъ рѣки для успѣха всякой переправы) и какимъ образомъ это могло случиться, что сначала начали переправляться, а потомъ открыли артиллерійскій огонь, тогда какъ сначала всегда предполагается открыть огонь, а потомъ уже начинать переправу... теоретики не будутъ знать, къ какой категоріи нападеній отнести настоящую переправу»...

— Къ категоріи нечаянныхъ нападеній, съострилъ генералъ Радецкій на замѣчаніе иностранныхъ агентовъ.

Въ разгарѣ самой переправы, часу въ шестомъ утра, доложили генералу, что сверху идетъ турецкій мониторъ. Сейчасъ-же послали вверхъ по Дунаю лейтенанта Палтова узнать, насколько было основательно это донесеніе. Лейтенантъ Палтовъ убѣдился въ томъ, что это шелъ изъ устья Ольты нашъ пароходъ «Ане-

та», купленный нами заблаговременно въ Австріи; пароходъ шелъ съ двумя баржами, подъ командою капитанъ-лейтенанта Тудера, въ Зимницу для содѣйствія переправѣ. Смолкнувшіе-было къ этому времени ружейные и артиллерійскіе выстрѣлы возобновились съ большею энергіею съ появленіемъ нашего парохода. Хотя одною гранатою туркамъ и удалось повредить одну баржу, буксируемую съ лѣвой стороны, но въ общемъ они стрѣляли плохо и не причинили пароходу никакого вреда. Убѣдившись въ этомъ, турки сами прекратили стрѣльбу въ пароходъ послѣ двух-часоваго упорнаго огня и направили этотъ огонь на островъ, гдѣ находился нашъ перевязочный пунктъ. Тѣмъ временемъ, пароходъ продолжалъ перевозку, забирая съ собою и на баржахъ до трехъ батальйоновъ въ одинъ рейсъ. Моряки принялись за буксировку понтоновъ еще съ помощію двухъ паровыхъ шлюпокъ. Совершенное отсутствіе моряковъ и паровыхъ средствъ при самомъ началѣ переправы объясняется намѣреніемъ скрыть ее отъ турокъ. Буксировка понтоновъ ускорила дѣло, такъ что къ 6 часамъ утра переправились почти всѣ войска.

Наши солдатики встрѣтили чрезвычайно сильное сопротивленіе со стороны турокъ. Турки съ перваго-же раза заявили себя мужественными защитниками своихъ позицій. Борьба была ожесточенная. Турки разсыпались по кустамъ, по холмамъ, по оврагамъ и канавкамъ, и каждую турецкую роту приходилось выбивать штыками.

Выгнавъ турокъ съ первыхъ позицій, мы отправились занимать высокую гору, у подножія которой стоитъ Систово. Турки раздѣлились на двѣ партіи; находя дѣло проиграннымъ, они кинулись — одни въ сторону Никополя, другіе — въ сторону Рущука. Изъ Рущука было выслано имъ подкрѣпленіе, которое они встрѣтили по дорогѣ и которое вернулось вмѣстѣ съ ними обратно въ Рущукъ. Турки совершенно не ожидали переправы русскихъ вблизи Систова. Наши войска встрѣтили всего шесть таборовъ низама.

Послѣ битвы мы вступили въ городъ. Городъ Систово принадлежитъ къ числу турецкихъ городовъ средней руки. Онъ расположенъ въ лощинѣ, окруженъ весь фруктовыми садами, раскинулся въ оврагѣ, и вся эта мѣстность представляетъ собою чрезвычайно живописный видъ. Чтобы войти въ городъ, нужно взобраться на высокую гору и дойти до того оврага, въ которомъ раскинулся Систово. Улицы, узенькія, кривыя, отвратительно вымощенныя, застроены небольшими домами, въ нижнихъ этажахъ которыхъ помѣщаются лавки, турецкія кафаны, винные и хлѣбные склады и магазины. Переходя изъ одного

квартала въ другой, приходится то подыматься, то опускаться по ступенькамъ узенькихъ лѣстницъ или по крутымъ переулкамъ и закоулкамъ города. Турецкое зданіе легко было отличить отъ болгарскаго: окна жилыхъ помѣщеній закрыты рѣшетчатыми ставнями, тщательно охраняющими въ обыкновенное время лица турецкихъ женщинъ отъ глазъ посторонняго наблюдателя. Но въ то время эти зданія отличались еще по наружнымъ знакамъ: на каждомъ болгарскомъ домѣ можно было видѣть мѣломъ или углемъ сдѣланный крестъ; на каждомъ турецкомъ зданіи можно было видѣть луну, которую поспѣшили изобразить болгаре. Послѣдніе прибѣгали къ такому наглядному способу изображенія своего имущества во всѣхъ случаяхъ, когда желали что-либо предохранить отъ опасности военнаго времени; они даже рисовали черные кресты на заднихъ частяхъ своихъ быковъ.

Русскому солдату стôитъ только разойтись. Солдатики, разгоряченные битвою, такъ разошлись въ городѣ, что, соединившись съ болгарами, камня на камнѣ не оставили въ турецкомъ кварталѣ. Черезъ полчаса, послѣ занятія города, тамъ были одни руины. Я заходилъ въ турецкіе дома. Они были покинуты окончательно турками. Турецкое населеніе бѣжало изъ города въ паническомъ страхѣ, еле-еле успѣвъ спасти кой-какое имущество и захватывая у болгаръ подводы. Въ разрушенныхъ домахъ, съ выбитыми дверями и окнами, я находилъ нѣсколько турецкихъ кoрановъ, много тряпья, разнаго ненужнаго хлама, брошенную домашнюю утварь, иногда склады овса, пшеницы и кукурузы. Вдоль по берегу Дуная, въ нижней части города, стояли турецкіе магазины съ хлѣбными запасами. Со взятіемъ Систова, намъ досталось хлѣбныхъ запасовъ на сумму до 250,000 рублей.

Эти хлѣбные магазины въ разныхъ городахъ давали лишній поводъ къ злоупотребленіямъ. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ случай съ магазинами, найденными въ Рущукѣ. Тамъ запасы оказались громадные, когда мы вступили въ городъ. Комендантъ хотѣлъ уже приступить къ пріемкѣ этихъ магазиновъ, содержимыхъ въ замѣчательномъ порядкѣ, гдѣ всякій продуктъ находился въ своемъ отдѣлѣ и за своимъ номеромъ. Между тѣмъ, турки, предъугадывая вступленіе русскихъ въ Рущукъ, поторопились перевести эти магазины якобы въ собственность желѣзнодорожной администраціи. Такимъ образомъ, когда русскій комендантъ хотѣлъ-было приступить къ описи магазиновъ, ему сказали: «нѣтъ, позвольте!.. это—частная собственность, а если вамъ угодно воспользоваться запасами, неугодно ли купить ихъ за деньги; мы, пожалуй, готовы вамъ уступить». Нѣчего дѣлать,

пришлось торговаться. Запасы, говорятъ, уступали за весьма выгодную для насъ цѣну, во всякомъ случаѣ, несравненно дешевле, чѣмъ тѣ цѣны, по которымъ поставляла провіантъ въ армію жидовствующая компанія гг. Грегера, Горвица и комп. Говорятъ, что комендантъ обращался за разрѣшеніемъ купить въ хозяйственное отдѣленіе главнаго штаба. Отвѣтъ почему-то замѣшкался. Въ это время, налетѣли агенты жидовской компаніи, перекупили всѣ эти склады и поставили купленные продукты по справочнымъ цѣнамъ дѣйствующей арміи. Таковы слухи, идущіе изъ Рущука.

На берегу Дуная въ Систовѣ стоитъ пароходная пристань, принадлежащая австрійскому товариществу пароходства и торговли. Въ гавани нашлось нѣсколько турецкихъ каиковъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ. Они пригодились нашимъ морякамъ, которые, выбравъ изъ нихъ лучшіе, помѣстили въ нихъ свои команды.

А высоты Систова замѣчательны. Весь городъ раскинулся амфитеатромъ на этихъ высотахъ въ нѣсколько этажей; его прорѣзываютъ два глубокіе оврага. Ни одна дорога, поднимающаяся на гору, не идетъ прямымъ путемъ, но всѣ выдѣлываютъ зигзаги, выискавши себѣ наименьшую крутизну; вотъ почему крыша одного дома находится у фундамента другого, другого—у фундамента третьяго и т. д.; вотъ почему необыкновенно кривые переулки и закоулки этого города выводятъ васъ на высоту такихъ громадныхъ и обрывистыхъ горъ, что просто духъ захватываетъ, когда вы становитесь на краю этого страшнаго обрыва. И такія позиціи турки отдали почти безъ боя!

Слѣдующіе дни были для насъ днями томительнаго ожиданія. Мы были убѣждены въ томъ, что турки, быстро сосредоточивъ въ окрестностяхъ Систова свои войска, ударятъ на насъ, пользуясь малочисленностью переправившихся войскъ; другіе предполагали это нападеніе въ связи съ появленіемъ мониторовъ при наводкѣ моста—и все это казалось весьма вѣроятнымъ, потому что нельзя же было сказать, что обстоятельства благопріятствовали намъ въ это первое горячее время. Переправа шла медленно, мостъ наводился вяло и долго, кавалерія отсутствовала на турецкомъ берегу, слѣдовательно не могла освѣщать мѣстность. Мы сидѣли какъ во тьмѣ; артиллеріи было немного, подвозъ провіанта затруднялся, короче—будь это другой непріятель, а не турки, грозовыя тучи непремѣнно разразились бы изъ-за систовскихъ высотъ, и, чего добраго, намъ пришлось бы выкупаться въ Дунаѣ.

На другой день, утромъ, подъѣхавъ къ берегу на румынской

сторонѣ, я нашелъ картину торжественнаго ожиданія. Нѣсколько сотъ моряковъ молча сидѣли на понтонахъ, вытянутыхъ вдоль по берегу. У каждаго было при себѣ полное вооруженіе. Безконечное число орудій стояли вдоль по берегу. Всѣ чего-то ждали, какъ будто на парадѣ какомъ!

— Въ чемъ дѣло? спрашиваю.

— Мониторъ идетъ.

— Откуда?

— Изъ Рущука.

Мы въ это время начали уже наводить мостъ.

— Что же будетъ?

— Будемъ его на абордажъ брать, хладнокровно отвѣтилъ морякъ.

Любопытно. До сихъ поръ моряки взрывали мониторы, а тутъ пришла имъ охота взять мониторъ живьемъ. Однако, я не дождался этой картины. Мониторъ заблагоразсудилъ повернуть назадъ.

16-го и 17-го іюня, мало-по-малу начали прибывать понтоны и лѣсной матеріалъ для моста изъ устьевъ Ольты. Рѣка Дунай раздѣляется между Зимницею и Систовомъ на три рукава. Такимъ образомъ, приступили къ постройкѣ трехъ отдѣльныхъ мостовъ (двухъ большихъ). Съ этихъ поръ на обширной, высохшей полянѣ, между водою рѣки и крутымъ берегомъ Зимницы, потянулась нескончаемая вереница обозовъ, орудій, пороховыхъ ящиковъ и т. д. Батальйоны, полки, артиллерія, саперы—все это потянулось къ мѣсту переправы. Вся поляна была буквально запружена народомъ, лошадьми, повозками и т. п.

Всѣ войска, расположенныя въ разныхъ пунктахъ Румыніи, потянулись къ Зимницѣ. Лазаретъ явился въ Зимницу какъ разъ къ началу переправы и раскинулъ палатки внутри города. Въ то время, когда я посѣтилъ полевой лазаретъ, дѣятельность полевыхъ врачей была въ полномъ разгарѣ. Раненые прибывали безпрерывно. Ужасный, подавляющій видъ представляла собою внутренность палатки полеваго лазарета: стоны, кровь, слёзы, запахъ карболовой кислоты. Инспекторъ госпиталей былъ генералъ Косинскій; его нервы не выдержали—онъ рыдалъ.

Съ момента переправы, Зимница оживилась и оживлялась все crescendo и crescendo по мѣрѣ притока туда коммерческаго элемента. Когда уже наши войска всѣ перешли Дунай и начали оперировать въ Болгаріи, Зимница сдѣлалась перепутьемъ въ тылу арміи. Ради характеристики такого перепутья, имѣющаго чрезвычайно своеобразную физіономію, обрисую вамъ этотъ тыловой пунктъ дѣйствующей арміи въ военное время.

*

Широко раскинулась Зимница на возвышенномъ берегу Дуная. За все время моего пребыванія въ Болгаріи мнѣ случалось нѣсколько разъ проѣзжать черезъ Зимницу, по дорогѣ въ Бухарестъ и обратно въ Болгарію. Каждый разъ она поражала меня своею многолюдностью и необыкновенной грязью, въ которой одинаково пачкались люди и на улицѣ, и въ низенькихъ избахъ, домахъ и въ двухъ гостинницахъ, стоящихъ почти на самомъ берегу Дуная. Съ тѣхъ поръ, какъ наша армія перешла Дунай, въ Зимницѣ появились цѣлые полки евреевъ, румыновъ, грековъ и людей самой неопредѣленной національности, самаго смутнаго происхожденія. Всѣ эти господа, за малымъ исключеніемъ, сколотили на главной улицѣ этого города—не города, села—не села, деревянныя лавки, разложили свои товары, въ видѣ бѣлья, фуфаекъ, дешеваго платья, винъ, водки, спирта, чая, сахара, консервовъ и т. д. и начали безъ зазрѣнія совѣсти грабить и обирать всякаго, кто только покушался у нихъ купить что-либо. Евреи выбрали Зимницу своею резиденціею по той простой причинѣ, что многіе изъ нихъ просто боялись переправляться черезъ Дунай въ Болгарію, гдѣ «штриляли пушки» и «летали бомби». Пьянство шло въ Зимницѣ непомѣрное. Воровство было развито поразительное. Вамъ стоило только привязать вашего коня къ уличному фонарю около гостинницы, войти въ нее и пробыть тамъ минуту, чтобы потерять коня безвозвратно. Его моментально воровали чуть-чуть не изъ-подъ самаго вашего носа. Дворы двухъ гостинницъ были переполнены извозчиками, которые поддерживали сообщеніе между Зимницею и Журжево. Маленькіе, грязные, душные, отвратительные номера гостинницъ были переполнены женщинами, какихъ я нигдѣ не видѣлъ никогда. До того онѣ были противны и циничны. На улицахъ и въ кофейныхъ съ утра до ночи толпилась масса народа, и общій гулъ, пронзительные крики продавцовъ носились въ воздухѣ. Среди этой массы разнокалибернаго люда я однажды наткнулся на курьёзную личность. Пробираясь въ Бухарестъ изъ-подъ Плевны, я пріѣхалъ вечеркомъ въ Зимницу. Извозчики не хотѣли меня везти ночью, между тѣмъ какъ я нигдѣ не могъ найти себѣ помѣщенія. Я рѣшился переночевать гдѣ-нибудь на дворѣ. Я зашелъ на одинъ дворъ. Вижу: на дворѣ тянется бѣлая стѣна сложенныхъ кулей съ мукою. Около кулей съ мукою лежатъ на землѣ два человѣка. Я подошелъ къ этимъ лицамъ, но за темнотою ночи не могъ разсмотрѣть ни ихъ костюмовъ, ни ихъ физіономій. Они спали на брезентѣ. Измученный поѣздкою, не зная, кто они такіе, я тѣмъ не менѣе рѣшился переночевать рядомъ съ ними,

нашелъ какой то хлѣвъ, крытый хворостомъ, и поставилъ туда своего коня.

— Кто здѣсь? слышу я русскую рѣчь.

Я откликнулся. Передъ мною выросла фигура низенькаго, плотнаго человѣка.

— Вы кто такой?

— Корресподентъ.

— Очень пріятно! я самъ когда-то пописывалъ, сказалъ мнѣ кто-то подозрительно хриплымъ голосомъ; — ночевать здѣсь негдѣ; будемте ночевать вмѣстѣ съ нами, а пока пойдемте въ кофейную: тамъ публика въ карты играетъ.

Мы вошли въ кофейную. Народу была масса, несмотря на поздній уже часъ. Я посмотрѣлъ на моего новаго знакомаго и поразился его видомъ. Вся его грязная, опухшая физіономія была изрыта оспою. Борода клочками торчала изъ подъ толстаго подбородка. На головѣ небрежно сидѣла потертая, старая, измятая черная шляпа, съ широкими полями. Изъ-подъ шляпы спускались длинные, лѣтъ шесть нечесанные, волосы. Низенькій господинъ былъ одѣтъ въ длиннополое, мѣстами разодранное пальто, очевидно съ плечъ высокаго человѣка. На ногахъ широко болтались сѣренькіе, нанковые панталоны, мѣстами съ заплатами другаго цвѣта; мѣстами они были въ масляныхъ пятнахъ. Руки его были грязны и дрожали, когда касались какого-либо предмета. Посмотрѣлъ я на эту фигуру и невольно подумалъ: «что̀ это за экземпляръ? кто онъ такой? мазурикъ?»..

— Вы это откуда? спрашиваю.

— Изъ Орловской Губерніи... васъ это удивляетъ? н-да, могу сказать: совершилъ путешествіе!.. чуть-чуть не пѣшкомъ пробираюсь въ Болгарію.

— Зачѣмъ? Въ армію поступать?

— Нѣтъ!.. важно процѣдилъ сквозь зубы мазурикообразный господинъ:—я желаю на службу къ князю Черкасскому.

— Вотъ что̀? значитъ, въ администраторы!

— Н-н-да! въ нѣкоторомъ родѣ.

— Добрый путь и успѣха.

Въ слѣдующей комнатѣ стояли столы. За каждымъ столомъ сидѣли или еврей, или грекъ, или румынъ, и каждый изъ нихъ металъ штосъ. Масса публики военной и статской понтировала имъ.

— Слышь, ты! эй, руманешти! смотри, мазура паршивая, кричалъ одинъ понтёръ, подсовывая серебряный рубль подъ носъ банкомета:—передернешь—такъ прямо по мордѣ и свисну!

Банкомётъ ласково улыбался и какъ нарочно давалъ карту.

— Смотри, ты!.. во! еще одинъ рубль!.. давай, слышь!.. не дашь—сейчасъ по мордѣ!

Самъ полиціймейстеръ игралъ тутъ же. Кое гдѣ сидѣли женщины. Игра шла мирно. Вдругъ тотъ самый господинъ, который кричалъ: «эй, слышь, ты, не дашь—въ морду!».. какъ свистнетъ на самомъ дѣлѣ банкомета по уху—такъ у того только мурашки по тѣлу пробѣжали. Полиціймейстеръ успѣлъ проиграться. Позвали обходъ, выгнали публику, закрыли вертепъ.

На другой день, всѣ банкомёты сложились и возвратили полиціймейстеру его проигрышъ.

Съ тѣхъ поръ, вертепъ снова началъ процвѣтать подъ сводами грязной гостинницы.

Оставляя за собою подобные неизбѣжные слѣды всякой воюющей арміи, мы вошли въ предѣлы Турціи. За нами потянулись поразительные администраторы... Посмотримъ, что̀ дѣлалъ въ это время нашъ авангардъ и ка̀къ воевали «воители»?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Н. Максимовъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

(ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ).

Съ 1840 по 1845 годъ, слѣдуетъ періодъ жизни Некрасова, самый темный въ біографическомъ отношеніи. Это былъ важнѣйшій періодъ во всей его жизни, потому что въ продолженіи его окончательно сформировались всѣ его и умственныя, и нравственныя силы, и подъ конецъ его онъ является уже передъ нами такимъ, какимъ оставался почти неизмѣнно во всю свою послѣдующую жизнь. Въ тоже время, въ этотъ періодъ, отъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Мечтахъ и звукахъ», онъ перешелъ къ стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ началѣ перваго тома изданія его произведеній. Но какъ произошла эта сформировка и этотъ радикальный переворотъ, изъ посредственнаго риѳмослагателя сдѣлавшій первостепеннаго поэта—это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Мы знаемъ только, что въ это время, продолжая жить литературнымъ трудомъ, онъ вращался въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, великосвѣтскихъ, чиновныхъ, литературныхъ, театральныхъ, студенческихъ и пр. Къ этому же времени относится и знакомство его съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, безъ сомнѣнія, и былъ главнымъ двигателемъ умственнаго развитія Некрасова и виновникомъ переворота, опредѣлившаго всю дальнѣйшую литературную дѣятельность его.

«Въ началѣ 40-хъ годовъ, говоритъ объ этомъ И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—къ числу сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» присоединился Некрасовъ; нѣкоторыя его рецензіи обратили на него вниманіе Бѣлинскаго, и онъ познакомился съ нимъ. До этого Некрасовъ имѣлъ прямыя сношенія съ Краевскимъ. Я въ первый разъ встрѣтилъ Некрасова въ половинѣ 30-хъ годовъ (?) у одного моего пріятеля. Ему было тогда лѣтъ 17, онъ только-что издалъ небольшую книжечку своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Мечты и звуки», которую впо-

слѣдствіи онъ скупалъ и истреблялъ. Мы возобновили знакомство съ нимъ черезъ семь лѣтъ (?). Онъ, какъ и всѣ мы, очень увлекался въ это время Жоржъ-Зандомъ. Онъ былъ знакомъ съ нею только по русскимъ переводамъ. Я звалъ его къ себѣ и обѣщалъ прочесть ему отрывки, переведенные мною изъ «Спиридіона». Некрасовъ вскорѣ послѣ этого зашелъ ко мнѣ утромъ, и я тотчасъ же приступилъ къ исполненію своего обѣщанія.

«Съ этихъ поръ мы видѣлись чаще и чаще. Онъ съ каждымъ днемъ болѣе сходился съ Бѣлинскимъ, разсказывалъ намъ свои горькія литературныя похожденія, свои разсчеты съ редакторами различныхъ журналовъ, и принесъ однажды Бѣлинскому свое стихвореніе «На дорогѣ».

«Некрасовъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала очень пріатное впечатлѣніе. Онъ полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ, не по лѣтамъ, который вынесъ онъ изъ своей труженической и страдальческой жизни—и которому Бѣлинскій всегда мучительно завидовалъ.

«Некрасовъ пускался передъ этимъ въ изданіе разныхъ мелкихъ литературныхъ сборниковъ, которые постоянно приносили ему небольшой барышъ. Но у него уже развивались въ головѣ болѣе обширныя литературныя предпріятія, которыя онъ сообщалъ Бѣлинскому.

«Слушая его, Бѣлинскій дивился его сообразительности и сметливости и восклицалъ обыкновенно:

«— Некрасовъ пойдетъ далеко... Это не то, что мы... Онъ наживетъ себѣ капиталецъ!

«Ни въ одномъ изъ своихъ пріятелей Бѣлинскій не находилъ ни малѣйшаго практическаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасовѣ, онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ.

«Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій полагалъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ, но когда онъ прочелъ ему свое стихотвореніе: «На дорогѣ», у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:

«— Да знаете-ли вы, что вы поэтъ—и поэтъ истинный?

«Съ этой минуты Некрасовъ еще болѣе возвысился въ глазахъ его... Его стихотвореніе «Къ Родинѣ» привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ вызубрилъ его наизусть и послалъ его въ Мо-

сжу къ своимъ пріятелямъ...(У Бѣлинскаго были эпохи, какъ я уже говорилъ, когда онъ особенно увлекался кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ. Некрасовъ съ этихъ поръ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка».

Къ этому періоду увлеченія Некрасовымъ относятся и тѣ строки письма Бѣлинскаго къ Тургеневу, которыя приводитъ г. Н. Пыпинъ въ своей біографіи Бѣлинскаго (см. 275 стр. II части:), «Некрасовъ написалъ недавно страшно-хорошее стихотвореніе (Дѣло идетъ о стих. «Нравственный человѣкъ», помѣщенномъ въ № 3 «Современника)». Если не попадетъ въ печать (а оно назначается въ № 3), то пришлю къ вамъ въ рукописи. Чтò за талантъ у этого человѣка! И чтò за топоръ его талантъ!» Въ вышеприведенной выдержкѣ изъ воспоминаній И. Панаева проглядываетъ уже передъ нами то радикальное различіе въ складѣ воспитанія, которое сразу обнаружилось между Некрасовымъ и кружкомъ Бѣлинскаго. Съ одной стороны передъ нами идеалисты, воспитавшіеся преимущественно по книгамъ, судившіе обо всемъ съ различныхъ теоретическихъ, философскихъ точекъ зрѣнія, выработанныхъ западною наукою, но въ то же время до дѣтской простоты и наивности чуждые практики жизни и того индуктивнаго знанія жизни и народа, какое дается только непосредственнымъ опытомъ, путемъ всевозможныхъ столкновеній съ различными житейскими дрязгами. Съ другой стороны, былъ человѣкъ, несмотря на свои 23, 24 года, прожженный практикою жизни, успѣвшій ожесточиться подъ гнетомъ борьбы за существованіе и въ то же время представлявшій изъ себя непосредственную натуру, черноземную силу, чуждую какого-бы то ни было идейнаго развитія. Это различіе еще ярче обрисовывается передъ нами въ разсказахъ самого Некрасова о своихъ спорахъ и столкновеніяхъ съ людьми, принадлежавшими къ кружку Бѣлинскаго.

«Тяжелое, говорилъ онъ:—производили на меня впечатлѣніе всѣ эти люди: преобладала чисто фраза, діалектика, говорились общія мѣста, говорили больше о Западной Европѣ, видно было незнаніе русской жизни и русскаго народа. Я сознавалъ, что все это было не то, чтò намъ нужно, но въ тоже время спорать съ ними не могъ, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознавая все больше и больше, что намъ нужно нѣчто иное, я началъ работать, учиться»...

Эти слова вдвойнѣ многознаменательны: наглядно указывая намъ на то различіе, какое существовало между Некрасовымъ и его новыми друзьями, въ то же время они свидѣтельствуютъ и

о томъ сильномъ вліяніи на умственное развитіе Некрасова, какое имѣло столкновеніе его съ кружкомъ Бѣлинскаго. Въ нихъ такъ и сквозитъ пробудившееся сознаніе недостатка теоретическаго развитія, научныхъ знаній и необходимости восполнить этотъ пробѣлъ. Такое сознаніе естественно должно было развиться въ Некрасовѣ вслѣдствіе соприкосновенія съ средою, болѣе его умственно развитою и обогащенною знаніями. Рядомъ съ этимъ и нравственные идеалы Некрасова должны были значительно возвыситься и расшириться. Онъ не могъ не проникнуться тѣмъ горячимъ энтузіазмомъ къ новымъ идеаламъ и требованіямъ отъ жизни, какой господствовалъ въ кружкѣ подъ вліяніемъ Бѣлинскаго. По крайней мѣрѣ, въ томъ образѣ, въ какомъ рисуетъ намъ Некрасова г. Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ писателя», разсказывая о знакомствѣ своемъ съ нимъ именно въ ту эпоху его жизни, мы видимъ достаточную долю того самаго восторженнаго идеализма, съ которымъ Некрасовъ стоялъ, по своимъ словамъ, въ такой оппозиціи. Вотъ что разсказываетъ г. Достоевскій:

«Тогда (это тридцать лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее—изъ того, что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. Намъ тогда было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самими неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Въ началѣ зимы, я началъ вдругъ «Бѣдныхъ людей», мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ, какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: «Принесите рукопись» (самъ онъ еще не читалъ ее): «Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу». Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ съ своимъ сочиненіемъ, и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова...

«Вечеромъ того-же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о «Мертвыхъ Душахъ» и читали ихъ, въ который разъ, не помню. Тогда это бывало между моло-

дежью; сойдутся двое или трое: «а не почитать-ли намъ, господа, Гоголя!» — садятся и читаютъ, и пожалуй всю ночь. Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ день, петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. «Читаетъ онъ про смерть студента, передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ:— и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи. «Ахъ, чтобъ его!» Это про васъ-то, и этакъ мы всю ночь». Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: «Что-жъ такое, что спитъ, мы разбудимъ его, это выше сна!» Потомъ, приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я часто удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало сообщительный. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей первой встрѣчи была, во истину, проявленіемъ самаго глубокаго чувства. Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь; говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о «тогдашнемъ положеніи», разумѣется, и о Гоголѣ, цитируя изъ «Ревизора», изъ «Мертвыхъ душъ», но главное о Бѣлинскомъ. «Я ему сегодня-же снесу вашу повѣсть, и вы увидите — да вѣдь человѣкъ-то человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!» — восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. «Ну теперь спите, спите, мы уходимъ, а завтра къ намъ!»...

«Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ-же день. Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше любилъ его во всю свою жизнь. Тогда Некрасовъ ничего еще не написалъ такого размѣра, какъ удалось ему вскорѣ, черезъ годъ потомъ. Некрасовъ очутился въ Петербургѣ, сколько мнѣ извѣстно, лѣтъ шестнадцати, совершенно одинъ. Писалъ онъ тоже чуть не съ 16-ти лѣтъ. О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало

знаю, но Бѣлинскій его угадалъ съ самаго начала и, можетъ быть сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними навѣрно ужь и тогда бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ на вѣкъ и связываютъ неразрывно... «Новый Гоголь явился!» закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ «Бѣдными людьми». «У васъ Гоголи-то, какъ грибы растутъ, строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ»..

Вотъ въ видѣ какого восторженнаго и увлекающагося романтика рисуется передъ нами Некрасовъ въ разсказѣ г. Достоевскаго. Эта восторженность, впрочемъ, не мѣшала Некрасову въ то же время заниматься практическими дѣлами и издавать сборники, приносившіе ему барыши, по словамъ И. Панаева Такихъ сборниковъ намъ извѣстны три: «Физіологія Петербурга», изд. въ 1845 году. «Первое апрѣля», изд. въ 1846 г., и «Петербургскій сборникъ»—1846 г.

«Физіологія Петербурга» вышла въ двухъ томахъ. Сборникъ этотъ носитъ еще на себѣ слѣды того спекулятивнаго духа петербургской прессы, въ школѣ которой Некрасовъ былъ воспитанъ. Даже самая мысль изданія подобнаго сборника отзывается подражаніемъ другому, столь же спекулятивному предпріятію—именно «Панорамѣ Петербурга» Башуцкаго, о чемъ можно судить и по предисловію, въ которомъ излагается цѣль изданія сборника:

«Во Франціи, читаемъ мы въ предисловіи:—обо всякомъ уголкѣ ея, сколько нибудь и въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательномъ, не одна книга написана, а сочиненія о Парижѣ образуютъ собою большую отдѣльную литературу. Правда, Петербургъ описанъ не разъ въ отношеніи топографическомъ, климатическомъ, медицинскомъ и т. п. Г. Башуцкій, въ своей *Панорамѣ Петербурга*, предпринялъ было описать нетолько *внѣшность* первой нашей столицы (улицы, зданія, домы, рѣки, каналы, мосты и т. д.), съ историческимъ обозрѣніемъ построенія и распространенія города, но и бросить взглядъ на характеристическія отличія петербургскаго быта и нравовъ; но почему-то его предпріятію, весьма полезному и прекрасно начатому, не суждено было дойти до окончанія, не говоря уже о томъ, что со времени его изданія, Петербургъ во многомъ уже измѣнился. Сверхъ того, книга г-на Башуцкаго имѣетъ въ виду преимущественно *описаніе*, а не *характеристику* Петербурга, и ея типъ и характеръ болѣе оффиціальный, нежели литературный. Содержаніе нашей книги, напротивъ, не *описаніе* Петербурга въ

какомъ бы то ни было отношеніи, но его *характеристика* преимущественно со стороны нравовъ и особенностей его народонаселенія....

«Что касается лично до составителей этой книги, они совершенно чужды всякихъ притязаній на поэтическій или художественный талантъ; цѣль ихъ была самая скромная—составить книгу въ родѣ тѣхъ, которыя такъ часто появляются во французской литературѣ и, занявъ вниманіе публики, уступаютъ мѣсто новымъ книгамъ въ томъ-же родѣ. Все самолюбіе составителей этой книги ограничивается надеждою, что читатели найдутъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ, если не во всѣхъ изъ нашихъ очерковъ петербургской жизни болѣе или менѣе мѣткую наблюдательность, болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на предметъ, который взялись они изображать. Что же касается до нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ нашей книгѣ и подписанныхъ извѣстными въ нашей литературѣ именами, эти имена сами отвѣчаютъ за ихъ достоинство, и мы продоставляемъ судить о нихъ публикѣ».

Такимъ образомъ: «Физіологія Петербурга» не есть безразличный литературный сборникъ или альманахъ, какіе часто выходили въ то время, но является пріуроченнымъ къ опредѣленной специальной цѣли, сообразно которой подобраны и всѣ статьи. Такъ, въ первой части, тотчасъ-же послѣ вступленія, помѣщена статья Бѣлинскаго «Петербургъ и Москва», далѣе слѣдуетъ разсказъ В. И. Луганскаго—«Петербургскій дворникъ», Д. В. Григоровича «Петербургскіе шарманщики», Е. П. Гребенки «Петербургская Сторона» и заканчивается первая часть разсказомъ самого Некрасова «Петербургскіе углы», отдѣльно отъ прочихъ разсказовъ почему-то процензурованнымъ Никитенкою. Этотъ незатѣйливый разсказецъ Некрасова носитъ на себѣ яркое отраженіе его прежней литературной нищеты. Героемъ его является интеллигентный пролетарій, нанимающій уголъ на заднемъ дворѣ у квартирной хозяйки и созерцающій изъ своего угла пьяную оргію прочихъ обитателей трущобы, справляющихъ новоселье новаго постояльца. Въ этомъ заключается все содержаніе разсказика, чуждаго какой-бы то ни было идеи и написаннаго вполнѣ въ духѣ жанра или «натуральной школы», какъ тогда выражались. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вы видите явное желаніе подражать гоголевскому комизму, но комизмъ выходитъ нѣсколько натянутымъ.

Во второй части сборника, среди ряда статей и разсказовъ, точно также трактующихъ о нравахъ и особенностяхъ петербургской жизни, Некрасовъ помѣстилъ большую свою сатиру—

«Чиновникъ», вошедшую потомъ въ приложеніе къ третьей части послѣдняго изданія его сочиненій.

Сборникъ былъ украшенъ рисунками Тима, Бернардскаго и Маслова. Издателемъ «Физіологіи Петербурга» является книгопродавецъ Ивановъ, а Некрасовъ парадируетъ лишь редакторомъ сборника.

За этимъ сборникомъ, въ слѣдующемъ 1846 году, является альманахъ «Первое апрѣля». Полное его заглавіе слѣдующее: «Первое апрѣля, комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій, анекдотовъ и пуфовъ» С.-Петербургъ 1846 г. Начинается сборникъ комическимъ вступленіемъ, въ которомъ авторъ, потѣшаясь надъ обычаемъ надувать другъ друга 1-го апрѣля, разсказываетъ, какъ надуваютъ въ Петербургѣ въ этотъ день въ разныхъ слояхъ общества. «Просимъ васъ однако, любезнѣйшій читатель, говорится въ концѣ вступленія:—не думать, что все сказанное нами, сколько нибудь касается нашей книги; нѣтъ! оно такъ только къ слову пришлось. Мы не интриганы и, смѣемъ увѣрить, гордимся этимъ. Скажемъ болѣе, трудъ нашъ добросовѣстенъ, до того добросовѣстенъ, что мы рѣшились даже посвятить нѣсколько страницъ однимъ пуфамъ, разнымъ лживымъ анекдотамъ и совершенно невѣроятнымъ исторіямъ съ тою только цѣлію, чтобы заглавіе книги «Первое Апрѣля» имѣло какое-нибудь значеніе, смыслъ; хоть сколько нибудь-бы относилось къ содержанію и не показалось-бы публикѣ одною пустою обманчивою вывѣскою, выставленною такъ только для приманки. Если-же благосклонному читателю нѣкоторыя страницы, тѣ или другія, придутся не по вкусу, то да проститъ онъ насъ великодушно, или—что еще лучше—пусть вырветъ ихъ вовсе вонъ изъ книги. Богъ съ ними, мимо ихъ! Пусть предастъ ихъ даже пламени, закуритъ ими трубку, обернетъ что нибудь, словомъ, распорядится этою дрянью по благоусмотрѣнію. Мы заранѣе на все соглашаемся и утѣшаемся тѣмъ только, что вѣдь «единъ Богъ безъ грѣха».

Послѣднія строки написаны не даромъ: онѣ имѣютъ то значеніе, что въ книжкѣ на каждомъ шагу вы встрѣтите личные намеки и обличенія. Такова статейка о томъ, «какъ одинъ господинъ пріобрѣлъ себѣ за безцѣнокъ домъ въ полтораста тысячъ», обличающая нѣкоего Ведрина (Погодина), «столь прославившагося своими путевыми записками». Такова «Портретная галлерея», заключающая въ себѣ пять стихотворныхъ портретовъ разныхъ личностей того времени; изъ нихъ особенно замѣчательна всѣмъ извѣстная эпиграмма на Булгарина:

Онъ у насъ восьмое чудо.
У него завидный нравъ и пр.

Такой-же обличительный характеръ имѣютъ статейки: «Дядюшка и племянникъ», «Пощечина», «Водевилистъ» (Кони).

Здѣсь же помѣщена шутка Кульчицкаго, имѣющая отношеніе къ страсти Бѣлинскаго къ преферансу: «Какъ играютъ въ новѣйшее время въ преферансъ образованнѣйшіе люди». Книжка переполнена некрасовскими куплетами. Между ними вы найдете и пріобрѣвшую популярность извѣстную пародію на стихотвореніе Лермонтова: «И скучно, и грустно и некого въ карты надуть». Изъ вошедшихъ въ позднѣйшія изданія стихотвореній Некрасова здѣсь помѣщено только одно «Передъ дождемъ». Книга украшена массою каррикатурныхъ политипажей. Некрасовъ самъ уже является издателемъ ея, безъ участія какой-либо книгопродавческой фирмы.

Въ томъ же 1846 году былъ изданъ Некрасовымъ и третій альманахъ, извѣстный подъ заглавіемъ «Петербургскаго сборника».

Этотъ сборникъ не имѣетъ уже ничего общаго съ предыдущими, ни по своей внѣшности, ни по своему содержанію. Тутъ уже не бросается вамъ въ глаза спекуляція, нѣтъ зазывающихъ предисловій. Почтенный по своимъ размѣрамъ сборникъ имѣетъ вполнѣ солидно-литературный видъ и напоминаетъ собою толстый нумеръ журнала, совершенно въ родѣ одного изъ нумеровъ послѣдовавшаго за нимъ «Современника». Здѣсь вы встрѣчаете рядъ лучшихъ литературныхъ именъ того времени: Тургенева (Помѣщикъ), Искандера (Капризы и раздумье) А. Майкова, Соллогуба, Кронеберга. Начинается сборникъ «Бѣдными людьми» Достоевскаго, оканчивается «Мыслями и замѣтками о русской литературѣ» Бѣлинскаго. Самъ издатель помѣстилъ въ немъ четыре своихъ стихотворенія: «Въ дорогѣ», «Пьяница», «Колыбельную пѣснь» и «Отрадно видѣть».

Практическіе совѣты Некрасова, а еще болѣе успѣхъ этихъ сборниковъ, такъ подѣйствовали на Бѣлинскаго, что и самъ онъ увлекся-было издательскою дѣятельностью и предпринялъ изданіе сборника подъ заглавіемъ «Левіаѳанъ». Уже было собрано много матеріалу для этого изданія, когда, лѣтомъ 1846 года, во время путешествія Бѣлинскаго по Россіи, Некрасовъ порѣшилъ купить у Плетнева пушкинскій «Современникъ», влачившій самое жалкое существованіе. По возвращеніи изъ путешествія, Бѣлинскій такъ былъ увлеченъ новымъ предпріятіемъ Некрасова, дававшимъ возможность всему кружку Бѣлинскаго имѣть свой самостоятельный органъ, что оставилъ тотчасъ же свое на-

мѣреніе издавать «Левіаѳанъ» и передалъ Некрасову для первыхъ нумеровъ «Современника» весь собранный для проэктировавшагося сборника матеріалъ. Съ 1847 года, «Современникъ» началъ издаваться подъ новой редакціей.

Здѣсь мы приближаемся къ факту, всѣмъ извѣстному, но до сихъ поръ мало разъясненному—размолвкѣ Некрасова съ Бѣлинскимъ и кружкомъ его изъ-за положенія Бѣлинскаго въ «Современникѣ». Принимая въ разсчетъ значеніе Бѣлинскаго, какъ вообще въ литературѣ, такъ и по отношенію его къ новому журналу, друзья Бѣлинскаго ожидали, что онъ войдетъ въ журналъ полнымъ хозяиномъ его, рядомъ съ Некрасовымъ и Панаевымъ, нетолько въ литературномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи; но Бѣлинскій вошелъ въ журналъ лишь въ качествѣ постояннаго сотрудника по критическому отдѣлу съ опредѣленною годовою платою сначала въ 7,000, а потомъ въ 10,000 р. ассигн. Это положеніе показалось имъ слишкомъ второстепеннымъ для Бѣлинскаго; они охладѣли къ новому журналу и заявили, что они будутъ смотрѣть на него, какъ на новыя «Отечественныя Записки», и будутъ посылать свои статьи безразлично въ оба журнала. Что касается до самого Бѣлинскаго, то, сколько можно судить изъ обнародованной до сихъ поръ переписки (см. Бѣлинскій, соч. А. Н. Пыпина, т. 2, гл. 9), положеніе его во всемъ этомъ недоразумѣніи было между двухъ огней. Онъ то соглашался со своими друзьями относительно ненормальности своего положенія въ «Современникѣ», писалъ рѣзкія письма о Некрасовѣ и вступалъ съ нимъ въ объясненія, то становился на сторону послѣдняго и начиналъ укорять друзей въ неправильномъ пониманіи дѣла и въ совершенно неосновательномъ охлажденіи ихъ къ «Современнику».

Не имѣя лично отъ себя ничего внести въ разъясненіе этого обстоятельства, я ограничусь только тѣмъ, что сопоставлю рядомъ взгляды на него двухъ главныхъ виновниковъ разлада—Бѣлинскаго, въ видѣ писемъ его къ Тургеневу, помѣщенныхъ въ «Воспоминаніяхъ Тургенева о Бѣлинскомъ» (см. «Вѣстникъ Европы» 1869 г. № 3), и имѣющуюся у меня въ рукахъ записку Некрасова, написанную имъ вскорѣ по обнародованіи г. Тургеневымъ этихъ писемъ. Вотъ письма Бѣлинскаго:

1) «С. Петербургъ, 19-го февраля 1847 года. Получилъ отъ К. ругательное письмо, но не показалъ Некрасову. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мною онъ былъ не хорошъ; кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что̀ я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя

сейчасъ же объяснить, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ — я сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки — видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ *преувеличеніи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него — за него, а не за себя. Мнѣ трудно переболѣть внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ, а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню Некрасова, и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ — человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ, а я знаю, кàкъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

... «Скажу, какъ новость: я, можетъ быть, буду въ Силезіи. Б. достаетъ мнѣ 2,500 руб. асс. Я было начисто отказался — ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство — а просить, чтобы мнѣ выдали жалованье за время отсутствія — мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненія съ Некрасовымъ я подумалъ, что церемониться глупо. Онъ очень былъ радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ къ Б., и теперь отвѣтъ его рѣшитъ дѣло.

2) «С. Петербургъ, 1-го марта 1847... Скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе насчетъ источника извѣстныхъ поступковъ Некрасова. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ — а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не доросъ — а пріобрѣсти его не могъ, по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу — изъ его примѣра — какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можетъ быть полезенъ для иныхъ натуръ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Гадки они — этотъ идеализмъ и романтизмъ; но что за дѣло человѣку, что ему помогло дурное на вкусъ лекарство, даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертельной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже не смертельныя болѣзни; главное тутъ не то, что оно гадко, а то, что оно помогло».

Вотъ чтò написалъ Некрасовъ подъ главнымъ впечатлѣніемъ этихъ двухъ писемъ:

«Мнѣ попался здѣсь «Вѣстникъ Европы», и я прочелъ выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго. Прямо беру ихъ на себя, ибо

онъ для меня—не новость. Не такой былъ человѣкъ Бѣлинскій, чтобъ долго молчать. Помолчавъ нѣсколько дней, онъ высказалъ мнѣ горячо и болѣе рѣзко, чѣмъ въ этихъ письмахъ, свое неудовольствіе и свои сожалѣнія о внутреннемъ разрывѣ со мною и съ Панаевымъ. Можетъ быть, плодомъ этихъ объясненій и было второе письмо къ Тургеневу, въ значительной долѣ уничтожающее первое. Сопоставивъ эти два письма, останется, что «Н. дѣйствовалъ добросовѣстно, но не переходилъ той черты, гдѣ начиналась его невыгода, изъ-за принципа, до котораго онъ не доросъ». Кажется, такъ? Я останавливаюсь на этомъ. Я былъ очень бѣденъ и очень молодъ, восемь лѣтъ боролся съ нищетою, видѣлъ лицомъ къ лицу голодную смерть, въ 24 года я уже былъ надломленъ работой изъ-за куска хлѣба. Не до того мнѣ было, чтобы жертвовать своими интересами чужимъ. Бѣлинскій это понималъ, иначе не написалъ бы въ томъ же первомъ обвиняющемъ меня письмѣ, что онъ и *теперь* меня *высоко цѣнитъ*. А во второмъ письмѣ онъ говоритъ, что почти перемѣнилъ свое мнѣніе и насчетъ *источника* моихъ поступковъ. Съ меня этого довольно. Я не знаю, исчезло-ли въ его воззрѣніи на меня впослѣдствіи это *почти*, но отношенія наши до самой его смерти были короткія и хорошія. Я не былъ точно *идеалистъ* (иначе прежде всего не взялся бы за журналъ, требующій практическихъ качествъ), еще менѣе былъ я равенъ ему по развитію; ему могло быть скучно со мною, но помню, что онъ всегда былъ радъ моему приходу. Отношенія его ко мнѣ до самой смерти сохраняли тотъ характеръ, какой имѣли въ началѣ. Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ богато одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мною, имѣвшія для меня значеніе поученія [1]. Несмотря на сильный по тому времени успѣхъ «Современника» въ первомъ году, мы понесли отъ перваго года 10,000 убытка (въ 1-мъ году «Современникъ» имѣлъ 2000 подписчиковъ); денежныя заботы, необходимость много работать (всѣ, такъ сказать, черновыя работы по журналу: чтеніе и исправленіе рукописей, а также и добываніе ихъ, чтеніе корректуръ, объясненіе съ цензорами, возстановленіе смысла и связи статей послѣ ихъ карандашей лежали на мнѣ; да я еще писалъ рецензіи и фельетоны, все это, а также и послѣдовавшія съ февраля 1848 года цензурныя гоненія, сопровождавшіяся крайней шаткостью почвы подъ

[1] Далѣе вычеркнуты Некрасовымъ слѣдующія строки: онъ ловилъ меня часто на словахъ—и одно слово давало ему поводъ высказать мнѣ многое, что было для меня и ново, и полезно.

ногами каждаго причастнаго тогда къ литературѣ — довело мое здоровье до такого разстройства, что Бѣлинскій часто говаривалъ, что я немногимъ лучше его. Бѣлинскій вообще зналъ мою тогдашнюю жизнь до мельчайшей точности и строго говаривалъ мнѣ: «Что вы съ собой дѣлаете, Некрасовъ? смотрите! берегитесь! иначе съ вами тоже будетъ, что со мною». При этомъ въ его умирающихъ глазахъ я уловилъ однажды выраженіе, которое не умѣю иначе истолковать, какъ тою любовью, о которой упоминается въ письмѣ къ Тургеневу, какъ о потерянной мною. Въ этомъ взглядѣ была еще глубокая скорбь. Впослѣдствіи я узналъ отъ общихъ нашихъ друзей, что въ близкой моей смерти онъ былъ убѣжденъ положительно. Припоминая и тысячу разъ передумывая, я прихожу къ убѣжденію, что главная моя вина въ томъ, что я дѣйствительно не умеръ вскорѣ за нимъ, но за эту вину я готовъ выносить не только клеветы г. А., но и тонкіе намеки г. Т., которые онъ хитро старается скрѣпить авторитетомъ Бѣлинскаго».

Чтобы вполнѣ ясно представить себѣ нравственный міръ Некрасова въ эту эпоху, въ которую онъ является передъ нами окончательно сформированнымъ человѣкомъ, надо обратить вниманіе прежде всего на общее состояніе нравственныхъ идеаловъ въ это время, а потомъ мы увидимъ, какъ ярко эти общіе идеалы отразились въ одномъ изъ тогдашнихъ произведеній Некрасова, весьма важномъ въ этомъ отношеніи.

Въ эту эпоху на Западѣ бродили новыя политико-экономическія ученія, которыя представляли собою насущный вопросъ дня, обусловливая собою, какъ общественные, такъ и индивидуальные нравственные идеалы, но въ нашей жизни эти ученія, если и усвоивались нѣкоторыми наиболѣе передовыми и начитанными людьми, то оставались въ отвлеченной сферѣ науки, безъ малѣйшаго примѣненія не только къ общественнымъ интересамъ, но и къ личному поведенію. Но этого мало, что люди, увлекавшіеся мечтами объ осуществленіи въ отдаленномъ будущемъ теорій всеобщаго благосостоянія—въ настоящемъ продолжали руководствоваться рутинною практикою жизни: передъ умственными очами ихъ носились такіе нравственные идеалы, которые, не имѣя ничего общаго съ новыми политико-экономическими ученіями, тѣмъ не менѣе увлекали людей, въ свою очередь, какъ нѣчто новое и прогрессивное. Это обусловливалось тѣмъ, что Россія въ эту эпоху доживала свой патріархально-крѣпостной складъ жизни. Съ каждымъ днемъ онъ чувствовался все болѣе и болѣе невыносимымъ. Это было положеніе нѣсколько аналогичное съ положеніемъ Франціи во вторую половину прошедшаго

*

столѣтія, которая, въ свою очередь, въ то время доживала феодальный періодъ. И, подобно тому, какъ во Франціи, въ оппозицію феодально-версальской распущенности нравовъ, явились новые буржуазные идеалы бережливости, скопидомства, семейной чистоты и наживы путемъ индивидуальнаго труда или честной промышленности, тоже самое было въ это время и у насъ. У насъ подобные идеалы развились тѣмъ быстрѣе, что передъ нашими глазами былъ уже готовый образецъ ихъ на Западѣ, гдѣ въ это время буржуазный строй достигъ апогея своего владычества и поражалъ насъ своими успѣхами промышленности, представляя бросающуюся въ глаза противоположность съ сонною неподвижностью и апатіею помѣщичьей жизни, день ото дня клонившейся къ полному разворенію. Въ силу этого, въ литературѣ нашей и начали появляться типы практическихъ Адуевыхъ, энергическихъ Штольцевъ, предпріимчивыхъ помѣщиковъ и купцовъ на манеръ англійскихъ пропріетеровъ и негоціантовъ— въ противуположность изнѣженнымъ, распущеннымъ, непрактичнымъ и лѣниво-соннымъ обитателямъ Обломовокъ.

Нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о томъ, успѣлъ-ли усвоить Некрасовъ въ то время, когда вращался въ кружкѣ Бѣлинскаго, тѣ новыя политико-экономическія идеи, которыми до нѣкоторой степени увлекался теоретически кружокъ, и насколько могъ онъ ихъ усвоить, но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что онъ былъ въ это время всецѣло увлеченъ тѣми нравственными идеалами, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Объ этомъ мы можемъ судить по роману его «Три страны свѣта», который, въ цѣломъ своемъ составѣ, представляетъ изъ себя не что иное, какъ апоѳеозъ честной наживы путемъ энергической, практической предпріимчивости. На первыхъ же страницахъ этого романа рисуется передъ нами герой его Каютинъ въ видѣ интеллигентнаго пролетарія, въ образѣ котораго Некрасовъ вспоминаетъ свою молодость. Каютинъ, подобно автору, вышелъ изъ помѣщичьей среды. «Отецъ его промотался; на послѣднія деньги отправилъ сына въ Петербургъ къ старому сослуживцу *съ просьбою опредѣлить мальчика въ дворянскій полкъ*. Съ тѣхъ поръ Каютинъ не видалъ своего отца и своей родины. Старикъ скоро умеръ. Его деревню, проданную съ публичнаго торга, купилъ родственникъ покойнаго, приходившійся дядею нашему герою по матери. *Поступить въ дворянскій полкъ возможности не представилось, за что Каютинъ, нечувствовавшій призванія къ военной службѣ, впослѣдствіи горячо возблагодарилъ судьбу. Его отдали въ гимназію.* За него платилъ дядя. *Каютинъ никогда не отличался особеннымъ прилежаніемъ, но, началъ понимать свое положеніе, учился на.*

столько хорошо, что выдержалъ экзаменъ въ университетъ. Около того времени дядя, человѣкъ причудливый, рѣшительно отказался давать ему содержаніе. Каютинъ сталъ жить уроками, причемъ имѣлъ удовольствіе убѣдиться собственнымъ опытомъ, какъ труденъ и подъ часъ горекъ хлѣбъ, добываемый продажею своего времени въ томъ періодѣ жизни, который нуженъ человѣку на собственное образованіе. Кончивъ курсъ, онъ пробовалъ служить, но служба требуетъ труда упорнаго и непрерывнаго, а Каютину хотѣлось жить. Онъ не всегда являлся аккуратно къ своей должности и подвергался выговорамъ. Тутъ примѣшались дѣла, которыя называютъ сердечными—Каютинъ сошелся съ Полинькой (бѣдной швеей — сиротой) и горячо полюбилъ ее: аккуратно ходить на службу не оказалось уже никакой возможности. Каютинъ вышелъ въ отставку и возвратился къ урокамъ, проводя все остальное время у своей невѣсты...»

Въ началѣ романа мы находимъ его въ страшной нищетѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполнѣ олицетворяетъ собою типъ, выросшій на почвѣ крѣпостнаго строя жизни. Онъ добръ, великодушенъ, никакая обида и непріятность долго не застаивается въ немъ, и потому онъ вѣчно сохраняетъ веселое настроеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ — онъ лѣнивъ, вѣтренъ, безпеченъ. Хозяинъ выставляетъ у него раму за неплатежъ квартирныхъ денегъ, а онъ, возвращаясь поздно домой съ пьяной пирушки, не замѣчаетъ этого, ложится спать въ комнатѣ, продуваемой осеннимъ вѣтромъ, и у него ночью крадутъ послѣднее платье. Отправляясь искать счастья по бѣлу свѣту на послѣднія трудовыя деньги, занятыя у Полиньки, онъ проигрываетъ эти деньги въ карты на одной изъ станцій, какимъ-то незнакомымъ совсѣмъ людямъ и вслѣдъ затѣмъ, самовольно завладѣвая ружьемъ смотрителя станціи, отправляется на озеро бить утокъ, затѣмъ попадаетъ на помѣщичью свадьбу и влюбляетъ въ себя невѣсту и т. д.

Размышляя съ Полинькой о своемъ печальномъ положеніи, Каютинъ додумывается до слѣдующихъ мыслей, составляющихъ весь узелъ романа:

«— Въ Петербургѣ тебѣ нельзя работать, а въ провинціи дѣлать нѣчего, сказала Полинька.

«— Нечего! воскликнулъ Каютинъ.—Какъ, нечего? Напротивъ, тамъ-то и работа нашему брату! Недаромъ говорятъ, продолжалъ онъ съ шутливою торжественностью:—что отечество наше велико и обильно! Въ разнообразной производительности нашихъ лѣсовъ и горъ, земель и необъятныхъ рѣкъ скрываются неисчерпаемые источники богатствъ, неразработанные, нетронутые! Нужно только

умѣнье, да твердая, желѣзная воля... Бываютъ же примѣры и у насъ, что человѣкъ, неимѣвшій гроша, черезъ десять-двадцать лѣтъ ворочаетъ сотнями тысячъ; а отчего? онъ отказываетъ себѣ во всемъ, отказывается отъ всего... обрекаетъ себя на безсрочную разлуку съ роднымъ угломъ, съ дѣтьми, со всѣмъ дорогимъ его сердцу... Съ опасностью жизни переплываетъ онъ огромныя пространства на плоту, на дрянной баркѣ, мерзнетъ, мокнетъ, питается Богъ знаетъ чѣмъ, и надежда выгодно сбыть дрова, получить гривну на рубль за доставку чужаго хлѣба подкрѣпляетъ и одушевляетъ его въ долгомъ, скучномъ и опасномъ плаваніи. Только успѣлъ онъ вздохнуть спокойно, почувствовавъ подъ ногами твердую землю, какъ новый выгодный оборотъ увлекаетъ его часто на совершенно-противуположный конецъ нашего необъятнаго царства. И вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже мчится на оленяхъ по унылой и однообразной тундрѣ, покупаетъ, вымѣниваетъ у дикарей звѣриныя шкуры, братается съ ними... А черезъ годъ, ему, можетъ быть, придется быть въ Сибири... Таже опять борьба, лишенія, вѣчный страхъ и вѣчная, неумирающая надежда... Вотъ какъ куются денежки, Поленька! «Счастье!» говоримъ мы, когда такой человѣкъ воротится къ намъ съ мильйонами. А многіе безъ дальнихъ справокъ просто пожалуютъ его въ плуты... *Не всѣ наживаются плутнями и рѣшительно никто не наживался безъ долгаго, упорнаго, самоотверженнаго труда... Но мы бѣлоручки: мы ждемъ, чтобы деньги сами пришли къ намъ, упали съ неба... о, тогда мы радёхоньки!.. да притомъ всѣ мы большіе господа: если мы не служимъ, такъ намъ давай, по крайней мѣрѣ, занятіе профессора, литератора, артиста... Званіе артиста конекъ нашъ, — а купецъ, подрядчикъ, промышленникъ... намъ обидно и подумать! Какъ будто быть дѣятельнымъ купцомъ не почетнѣе и не полезнѣе, чѣмъ ничего не дѣлающимъ гулякой, каковъ я, напримѣръ...* а, не правда ли, Полинька?

«— Ну, ты еще будешь дѣлать, отвѣчала она.—Вѣдь ты годъ только какъ вышелъ изъ университета: когда же тебѣ...

«— И еще надо взять въ разсчетъ, началъ Каютинъ, увлеченный своею мыслію: — что люди, пускающіеся у насъ въ такіе отважные промыслы, всѣ они безъ образованія, даже часто безъ свѣдѣній, необходимыхъ въ томъ дѣлѣ, которому они посвятили себя. Врожденный умъ, инстинктъ—скорѣе: желѣзная настойчивость, постепенно пріобрѣтаемый опытъ, русская сметливость, да русское авось—вотъ единственные ихъ руководители... Что же можетъ сдѣлать человѣкъ, у котораго при доброй волѣ, трудолюбіи, настойчивости и умѣ, разумѣется, есть еще свѣдѣнія?.. Я

наю, продолжалъ Каютинъ, одушевляясь болѣе и болѣе и начиная скорыми шагами ходить по комнатѣ:—нѣкоторыя свѣдѣнія въ механикѣ, въ горномъ искуствѣ... водяные пути сообщенія были всегда предметомъ особенныхъ моихъ занятій...

«— Поѣзжай въ провинцію! тихо и нерѣшительно сказала Полинька».

Вслѣдствіе этого разговора Каютинъ и отправился въ провинцію сколачивать копейку торговлею. Послѣ долгихъ странствій по тремъ странамъ свѣта, всевозможныхъ мытарствъ, неудачъ, опасностей и разнообразныхъ столкновеній со всевозможнаго рода людьми Каютинъ прибылъ въ Петербургъ совершенно перерожденнымъ: изъ сонливаго шелопая и бѣлоручки онъ превратился въ предпріимчиваго, энергическаго и практическаго дѣльца и привезъ своей Полинькѣ нѣсколько сотенъ тысячъ, которыя сдѣлали ее счастливою.

Лелѣяніе подобнаго рода буржуазныхъ идеаловъ въ ту эпоху нетолько не мѣшало любви и сочувствію къ народу; но даже обѣ вещи казались вполнѣ солидарными другъ съ другомъ и выходящими одна изъ другой. Здѣсь, опять-таки для яснаго представленія себѣ этой кажущейся несообразности, мы можемъ обратиться къ вышеприведенной аналогіи: подобно тому, какъ во Франціи, въ прошломъ столѣтіи, люди, глубоко проникнутые стремленіями улучшить участь народа, воображали, что стоитъ только справиться съ феодализмомъ и народъ тотчасъ же процвѣтетъ, вслѣдствіе одного того, что каждому будутъ дарованы право и свобода наживаться честнымъ трудомъ по тому или другому промыслу, такъ точно и у насъ, разсуждало большинство интеллигентныхъ людей до крымской кампаніи: отрицалось одно заѣданіе крестьянскаго хлѣба на почвѣ крѣпостнаго права, и въ этомъ одномъ видѣлось все зло, при чемъ думали, что, стоило только освободить народъ отъ крѣпостной зависимости, и ничто не помѣшаетъ ему наживаться въ волюшку, мирно эксплуатируя богатства родного края.

На такой точкѣ зрѣнія стоялъ и Некрасовъ, когда писалъ свои «Три страны свѣта». Но было бы совершенно ошибочно предполагать, чтобы однимъ идеаломъ узкаго практицизма весь исчерпывался этотъ человѣкъ. Въ тѣхъ же «Трехъ странахъ свѣта», во второмъ томѣ ихъ, въ дневникѣ Каютина, мы видимъ нѣсколько какъ бы случайно брошенныхъ взглядовъ на русскаго крестьянина, взглядовъ, глубоко прочувствованныхъ и весьма многознаменательныхъ, которые совершенно выходятъ изъ рамокъ того времени, въ которыхъ были высказаны, и не теряютъ своей современности до сегодня. Взгляды эти показываютъ намъ

все богатство и многостороннюю сложность натуры Некрасова. Вотъ эти взгляды:

«Въ моихъ странствованіяхъ, несчастіяхъ и трудахъ одна была у меня отрада, безъ которой, можетъ быть, я не вынесъ бы своей тяжелой раны. Не зналъ я русскаго крестьянина; готовыя истины были въ основѣ моего о немъ мнѣнія. Какъ всѣ мы, изъяснялъ я каждый поступокъ его по внѣшности факта, а еще чаще старался удаляться такихъ мыслей, также какъ и столкновеній съ простымъ классомъ.

«Но необходимость свела меня съ нимъ, скука и общая доля сблизила; познакомился и породнился я съ русскимъ крестьяниномъ... среди моря, гдѣ равно каждому не разъ грозила смерть, въ снѣжныхъ степяхъ, гдѣ отогрѣвали мы другъ друга рукопашной борьбой, а подъ часъ и дыханьемъ, въ сырой и тѣсной избѣ, гдѣ голодные и холодные жались мы другъ къ другу, шестьдесятъ дней не видя солнца Божьяго...

«Труденъ доступъ къ его сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство; глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину. Ошибается тотъ, кто иначе думаетъ, кто, побродивъ по базару въ праздничный день, увидавъ двѣ-три деревенскія сходки, поговоривъ, хоть и за чаркой, съ нѣсколькими мужиками, думаетъ знать всю ихъ подноготную... Жалокъ такой наблюдатель! Нѣтъ, сердце его открывается не всякому и не вдругъ. Вотъ ужь, кажется, ты довольно сблизился съ нимъ: онъ воленъ съ тобою въ обращеніи, и за словомъ въ карманъ не ходитъ; ты думаешь, говоритъ онъ тебѣ свою подноготную... Погоди, она у самого у него неясна, а ты не на столько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобы она у него выяснилась, облеклась въ слово... Ты самъ скоро убѣдишься, что не поймалъ еще истины, когда замѣтишь, что черезъ день онъ уже говоритъ не то, съ полнымъ равнодушіемъ, которое такъ часто тебя обманывало, приводя къ ложнымъ и неотраднымъ выводамъ! Будешь говорить ты съ нимъ еще разъ, узнаешь больше, услышишь много опять новаго, но и тутъ часто не то еще, чего ищешь... Будь простъ и добръ, а главное — будь искрененъ, спрячь подальше чувство собственнаго превосходства, умѣй отстранить всѣ порывы неизбѣжной надменности, которая невольно пробивается въ подобныхъ отношеніяхъ, да еще не показывай, что ты стараешься подъ него подладиться, и тогда только можешь ждать его искренности...

«И тогда увидишь ты, что въ немъ есть душа, чувство, энергія, а что, главное, въ немъ много ироніи, ироніи дѣльной и

мѣткой, которая уже можетъ быть давно твою собственную особу пустила ходячей притчей по всему околодку...

«Ни въ комъ, кромѣ русскаго крестьянина, не встрѣчалъ я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершенномъ отсутствіи хвастовства (замѣтьте, черта важная!) и, опять повторяю, такой удивительной насмѣшливости (Эти черты уже ли мало говорятъ въ пользу его?)

«Я много люблю русскаго крестьянина, потому что хорошо его знаю. А кто, подобно многимъ нашимъ юношамъ, послѣ обычной «жажды дѣлъ», впалъ въ апатію и сидитъ, сложа руки, кого тревожатъ (скептическія) мысли, безотрадныя, безвыходныя, тому совѣтую я, подобно мнѣ, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всякихъ людей, посмотрѣть всякихъ видовъ...

«Въ столкновеніи съ народомъ, онъ увидитъ, что много жизни, здоровыхъ и свѣжихъ силъ въ нашемъ миломъ и дорогомъ отечествѣ, увидитъ, что все идетъ впередъ.. (можетъ быть иначе, чѣмъ думали кабинетные теоретики, но совершенно согласно съ характеромъ народнымъ, съ его судьбами, древними и настоящими, и съ неизмѣннымъ закономъ историческимъ..) Увидитъ и устыдится своего бездѣйствія, (своего скептицизма) и самъ, какъ русскій человѣкъ, разохотится, расходится: откинетъ лѣнь и положитъ посильный трудъ въ сокровищницу развитія, славы и процвѣтанія русскаго народа»...

Вотъ что думалъ Некрасовъ въ моментъ смерти Бѣлинскаго и въ первые годы изданія «Современника».

Здѣсь, кстати, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, какъ о беллетристикѣ, такъ и вообще о прозѣ Некрасова. Изъ беллетристическихъ произведеній Некрасова извѣстны: «Опытная женщина», повѣсть, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 года, «Необыкновенный завтракъ», «Отеч. Зап.» 1843 г., «Петербургскіе углы» въ «Физіологіи Петербурга» 1846 г., «Три страны свѣта», «Современникъ» 1848—1849 г., «Новоизобрѣтенная привилегированная краска Дирлинга и К°, «Совр.» 1850 г., «Мертвое озеро» «Совр.» 1851 г., «Тонкій человѣкъ» «Совр.» 1855 г.» Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Некрасовъ является полнымъ приверженцемъ натуральной школы. Во многихъ мѣстахъ онъ впадаетъ въ явное подражаніе Гоголю, какъ относительно его юмора, такъ и манеры изображенія пошлости преимущественно въ мелочахъ обыденной жизни. Такъ, напримѣръ, «Новоизобрѣтенная привилегированная краска» очень напоминаетъ собою «Невскій проспектъ» Гоголя. Сюжетъ этой повѣсти заключается въ томъ, что петербургскій шалопай, въ родѣ поручика

Пирогова, волочится за женою красильщика Дирлинга, а тотъ подмѣчаетъ это и жестоко мститъ ему тѣмъ, что выкрашиваетъ его физіономію своей нелиняючей краской и ставитъ его въ весьма неприятное положеніе передъ невѣстой, за которую герой сватается. Въ тоже время, въ беллетристикѣ Некрасова преобладаетъ конкретный, фотографическій элементъ. Большинство характеровъ и даже сюжетовъ взяты непосредственно изъ дѣйствительности. Изъ этого не исключается даже и такой сложный по составу и мѣстами сказочный романъ, какъ «Три страны свѣта», написанный на манеръ французскихъ романовъ школы Евгенія Сю. Въ романѣ этомъ вы найдете не мало живыхъ чертъ тогдашней петербургской жизни. Такъ, напримѣръ, всѣ подробности о книгопродавческой фирмѣ Кирпичева и К° представляются фотографическими снимками съ одной изъ извѣстнѣйшихъ въ то время книгопрадавческихъ фирмъ.

Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что о двухъ большихъ романахъ, написанныхъ Некрасовымъ вмѣстѣ съ г-жей Панаевой (Станицкимъ) — т. е. «Трехъ странахъ свѣта» и «Мертвомъ озерѣ» — появилось въ послѣднее время совершенно ложное извѣстіе въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ г. Незнакомца, написанныхъ якобы со словъ покойнаго. «Онъ разсказывалъ мнѣ, сообщаетъ г. Незнакомецъ: — какъ писались, напримѣръ, романы «Три страны свѣта» и «Мертвое озеро».—У меня въ кабинетѣ было нѣсколько конторокъ. Бывало, зайдетъ Григоровичъ, Дружининъ и др., я сейчасъ къ нимъ: становитесь и пишите что-нибудь для романа, главу, сцену. Они писали. Писала много и Панаева».

По свидѣтельству-же г-жи Авд. Як. Головачовой (бывшей Панаевой) дѣло было не такъ: сначала Н. А. Некрасовъ съ г-жею Панаевой составляли общими совѣщаніями сюжеты романовъ, а потомъ распредѣляли, какую кому изъ нихъ писать главу, и никакое третье лицо не принимало въ этихъ работахъ ни малѣйшаго участія. Г-жа Головачова была столь любезна, что снабдила меня томомъ «Трехъ странъ свѣта», въ которомъ собственною ея рукою обозначено, что̀ было написано ею, и что̀ Некрасовымъ. Изъ этихъ отмѣтокъ видно, что все, касающееся интриги и вообще любовной части романа, принадлежитъ перу г-жи Панаевой; Некрасовъ же на свою долю избралъ детальную, аксесуарную часть, комическія сцены, черты современной жизни и описаніе путешествій Каютина. Затѣмъ, если въ романѣ участвовало третье лицо, то оно парадируетъ въ видѣ какого-то купца, который разсказалъ Некрасову во всѣхъ подробностяхъ, какъ проводятъ барки черезъ боровицкіе пороги. Руководствуясь этимъ

разсказовъ, Некрасовъ совсѣмъ передѣлалъ 6-ю главу 4-й части романа, такъ какъ онъ никогда не былъ на боровицкихъ порогахъ и описалъ несовсѣмъ вѣрно крушеніе барокъ Кантина. Затѣмъ, лишь г. Григоровичъ сдѣлалъ-было попытку написать одну изъ главъ романа, но ландшафтная поэзія г. Григоровича оказалась неподходящею къ духу и характеру романа: г. Григоровичъ, по свидѣтельству г-жи Панаевой, всю главу посвятилъ описанію лунной ночи; глава эта такъ и не вошла въ романъ, и затѣмъ г. Григоровичъ болѣе ничего для романа не писалъ.

Что-же касается «Мертваго озера», то Некрасову принадлежитъ въ немъ лишь одинъ сюжетъ, въ составленіи котораго онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ г-жею Панаевой, и много что двѣ-три главы. А затѣмъ Некрасовъ захворалъ, слегъ въ постель и рѣшительно отказался продолжать романъ. Такимъ образомъ, «Мертвое озеро» почти всецѣло принадлежитъ перу г-жи Панаевой.

Что касается до прозы Некрасова въ истинномъ смыслѣ этого слова, то вся она состоитъ изъ критики, рецензій, журналистики, фельётоновъ, носившихъ въ то время характеристическое названіе «смѣси» и т. п. Какъ на болѣе выдающіяся и позднѣйшія его критическія статьи, мы можемъ указать на «Журнальныя замѣтки» въ «Современникѣ» 1856 года, которыя онъ писалъ по случаю уѣзда заграницу И. Панаева, завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ. Статьи эти можно легко отличить по тому, что всѣ онѣ начинаются со словъ «читатель». (На это отличіе есть письменное указаніе въ бумагахъ Некрасова).

Какъ критикъ, Некрасовъ является защитникомъ «натуральной школы» отъ различныхъ нападокъ на нее какъ въ московской, такъ и въ петербургской прессѣ, и вообще, не вводя ничего новаго, онъ твердо придерживается идей Бѣлинскаго. Тонъ его рецензій и журнальныхъ обозрѣній отличается бросающеюся въ глаза благодушною мягкостью и отсутствіемъ всякаго полемическаго задора. Каждаго писателя онъ, прежде чѣмъ выразить свое несогласіе съ нимъ, старается осыпать лестными похвалами, въ каждой разбираемой вещи старается открыть свои хорошія стороны и достоинства. Трудно объяснить причину подобнаго елейнаго характера его критическихъ замѣтокъ: происходилъ ли онъ вслѣдствіи цензурныхъ условій того времени, когда малѣйшій задорный, рѣзкій тонъ, хотя бы не заключавшій въ себѣ ни малѣйшаго слѣда чего-либо политическаго, возбуждалъ уже подозрѣнія цензуры, какъ нѣчто нарушающее мирное настроеніе общества и благочиніе. Или это зависѣло отъ того, что въ то время количество литературныхъ силъ было еще

крайне ограничено, всѣ литераторы, болѣе или менѣе знакомые между собою, не раздѣлялись еще на такіе непримиримо враждебные лагери, какъ впослѣдствіи, а напротивъ того, сближались общими тяжелыми условіями ихъ положенія, наконецъ, въ рѣдкомъ изъ нихъ Некрасовъ не подозрѣвалъ человѣка, который завтра-же могъ пригодиться въ качествѣ сотрудника «Современника; такъ что здѣсь руководилъ Некрасовымъ особенный тактъ журналиста, хотя, конечно, мягкость некрасовской критики могла обусловливаться и благодушными чертами его характера. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ Некрасова находится слѣдующая замѣтка, записанная сестрою покойнаго съ его словъ. Дѣло идетъ о началѣ знакомства Некрасова съ Бѣлинскимъ, когда Некрасовъ не былъ еще издателемъ журнала. Онъ написалъ въ то время рецензію на романъ Загоскина въ какой-то газетѣ. Позже, когда Бѣлинскій познакомился съ Некрасовымъ, онъ сказалъ ему:

— Вы вѣрно смотрите, но зачѣмъ вы расхвалили Ольгу?

— Нельзя, говорятъ, ругать все сплошь, отвѣчалъ Некрасовъ.

— Надо ругать все, что не хорошо, Некрасовъ, возразилъ Бѣлинскій:—нужна одна правда!

Журнальную дѣятельность Некрасова, начиная съ основанія «Современника», можно раздѣлить на три періода: первый періодъ отъ 1847 по 1855 годъ—представляется самой мрачной эпохой, какъ въ его журнальной дѣятельности, такъ и вообще въ жизни. Бѣлинскій умеръ въ 1848 году. Наступилъ періодъ самой мрачной реакціи, ударившейся въ панику подъ впечатлѣніемъ европейскихъ событій 1848 года. Журналъ все это время висѣлъ на волоскѣ, безъ денегъ, безъ подписчиковъ, подъ непрестаннымъ Дамокловымъ мечемъ цензуры. До какой степени доходила въ то время строгость цензуры, можно судить по «Иллюстрированному альманаху», который издатели «Современника» обѣщали выдать своимъ подписчикамъ въ приложеніи къ журналу въ 1848 году. Альманахъ этотъ предполагался въ видѣ увѣсистаго тома, въ родѣ «Петербургскаго Сборника», но онъ таялъ, таялъ и достигъ до 7½ печатныхъ листовъ, но и въ такомъ тощемъ видѣ онъ все-таки не былъ выпущенъ, и подписчики были такимъ образомъ невольно обмануты. Между тѣмъ онъ заключалъ въ себѣ все такія вещи, которыя впослѣдствіи безъ малѣйшаго затрудненія были напечатаны въ разныхъ журналахъ: «Семейство Тальниковыхъ» Станицкаго, «Лола Монтесъ» Дружинина, «Смотрины и рукобитье» В. Даля, «Встрѣча на станціи» И. Панаева, «Старушка» Майкова, «Заборовъ» Гребенки и проч. Вся бѣда была въ томъ, что большинство этихъ

произведеній принадлежало къ натуральной школѣ, въ которой въ то время видѣли все зло и положили по возможности истребить ее съ корнемъ.

Съ 1853 года положеніе «Современника» сдѣлалось еще болѣе критическимъ: началась война и еще болѣе убавила число подписчиковъ и безъ того довольно скудное; однимъ было не до чтенія журналовъ въ это мрачное время, другіе предпочли журналу газету. Въ 1856 году Некрасовъ предпринялъ-было изданіе своихъ стихотвореній, но изданіе это было безусловно запрещено. Къ этому ко всему присоединилась тяжкая болѣзнь, которая была слѣдствіемъ частію ненормальной жизни въ молодости, частію неустанной, изнурительной работы, такъ какъ въ это время весь журналъ лежалъ на его плечахъ. Это была упорная, неподдавшаяся никакимъ леченіямъ болѣзнь горловыхъ органовъ. Лучшіе доктора русскіе и иностранные опредѣлили горловую чахотку и присудили его къ неизбѣжной смерти. Видя передъ собою приближеніе могилы, поэтъ, какъ это было и впослѣдствіи лѣтъ черезъ двадцать, началъ писать свои послѣднія пѣсни:

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милыя, постылы
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ —
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтелъ умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной,
Я вижу все.. А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ:
Теперь бы могъ я сдѣлать что-нибудь.
Но поздно!.. и т. д.

Въ сущности же, было нетолько не поздно, но, напротивъ того, рано: настоящая дѣятельность Некрасова, наиболѣе благотворная и широкая, предстояла ему еще впереди. Какъ ни мрачны были тучи, со всѣхъ сторонъ сгустившіяся надъ его головою, и какъ ни казалось, что и конца имъ не будетъ и что ждетъ впереди одна неминуемая гибель, но вдругъ повѣяло отраднымъ тепломъ, тучи разсѣялись, засіяло солнышко, бури какъ не бывало, и новою жизнью и энергіею преисполнился совсѣмъ-было увядшій поэтъ. Во первыхъ, болѣзнь вовсе не оказалась

такою смертельною, какъ предрекли ученые эскулапы. Профессоръ медико-хирургической академіи Шипулинскій опредѣлилъ ее совсѣмъ иначе и предписалъ сообразно своему опредѣленію леченіе, идущее въ полный разрѣзъ со всѣми мнѣніями знаменитостей, и выздоровленіе Некрасова, тщетно проведшаго передъ тѣмъ зиму въ Римѣ и зябнувшаго тамъ немилосердно въ холодныхъ отеляхъ, пошло такъ быстро, что вскорѣ отъ мнимой чахотки не осталось слѣда, кромѣ небольшой фистулы въ горлѣ. А затѣмъ кончилась крымская война, началась эпоха либерализма и реформъ. «Современникъ» ожилъ: къ нему начали приливать новыя могучія литературныя силы, и количество подписчиковъ съ каждымъ годомъ начало возростать тысячами.

Здѣсь начинается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, который слѣдуетъ считать съ 1856 по 1866 годъ. Это былъ періодъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его. Прежніе идеалы оттѣсняются новыми, и, подобно тому, какъ Бѣлинскій не любилъ, когда ему напоминали о его прежнихъ статьяхъ, въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ неохотно потомъ вспоминалъ о грѣхахъ своей молодости въ родѣ «Трехъ странъ свѣта». Это просвѣтленіе отразилось и въ творчествѣ поэта. Изъ поэта горячаго, но крайне неопредѣленнаго протеста противъ подлости, насилія, рабства и всяческаго угнетенія онъ теперь обращается въ пѣвца народнаго горя въ широкомъ и глубокомъ, но вполнѣ опредѣленномъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности: «Размышленія у парадного подъѣзда», «Морозъ-красный носъ», «Коробейники», «Желѣзная дорога», «Крестьянскія дѣти» и проч. Въ тоже время не перестаетъ онъ принимать горячее участіе и въ изданіи журнала: и своимъ руководительствомъ, и своими практическими совѣтами, и связями, и, наконецъ личными трудами. Такъ, между прочимъ, ему принадлежитъ мысль о приложеніи «Свистка» къ «Современнику». Мысль эта явилась у него еще во время пребыванія въ Римѣ въ 1856 году. Ему тамъ часто попадалась въ руки сатирическая газета «Diritto» (Свистокъ) и, подъ впечатлѣніемъ ея, онъ вознамѣрился завести «Свистокъ» при «Современникѣ». Въ «Свисткѣ» этомъ было помѣщено немало его сатирическихъ куплетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ приложеніе ко

2-й части полнаго собранія его сочиненій. Между прочимъ, ему принадлежитъ «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ», приписанная Добролюбову и напечатанная въ IV томѣ сочиненій Добролюбова (см. стр. 518, изд. 1871 г.). Добролюбовъ написалъ лишь одни примѣчанія къ этимъ куплетамъ. Въ тоже время, и матеріальное благосостояніе Некрасова окончательно упрочилось лишь въ этотъ второй періодъ его жизни. Кромѣ успѣха «Современника», Некрасовъ не мало былъ обязанъ этимъ и изданію своихъ стихотвореній, которое было, наконецъ, ему разрѣшено въ 1860 году, вслѣдствіе ходатайства графа А. В. А. По этому поводу въ бумагахъ Некрасова находится слѣдующаго рода собственноручная его записка:

«Великая моя благодарность графу А. В. А., онъ много сдѣлалъ для меня, выхлопотавъ въ 60 году позволеніе на изданіе моихъ стихотвореній, что запретилъ Норовъ въ 1856 году. Это дало мнѣ до 150,000. Желаю, чтобы это было напечатано послѣ моей смерти. Н. Некрасовъ».

Прекращеніемъ «Современника», въ 1866 году, кончается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, и затѣмъ слѣдуютъ два года переходнаго состоянія, весьма тяжелаго. Съ 1868 года начинается третій періодъ, въ которомъ Некрасовъ является уже во главѣ «Отечественныхъ Записокъ», и періодъ этотъ длится до его смерти.

Въ эти послѣдніе десять лѣтъ своей жизни, Некрасовъ былъ все также дѣятеленъ и бодръ духомъ, талантъ его стоялъ все на той же высотѣ, и творчество его ознаменовалось рядомъ произведеній, неуступающихъ прежнимъ—каковы: «Русскія женщины». «Кому на Руси жить хорошо» и проч.; но въ то же время физическія силы начали измѣнять ему, съ каждымъ годомъ, онъ замѣтно старѣлъ, хилѣлъ, а въ послѣднія пять лѣтъ часто началъ и прихварывать.

Жизнь въ послѣдніе годы велъ онъ довольно однообразную. Зимы проводилъ въ своей городской квартирѣ, на Литейной, въ домѣ Краевскаго, въ которой онъ прожилъ лѣтъ двадцать. Зимою писалъ онъ весьма мало. Лѣтомъ уѣзжалъ или къ брату, въ ярославское имѣніе послѣдняго, или же въ Чудово, гдѣ онъ имѣлъ охотничью дачу. Тутъ-то обыкновенно, среди сельской обстановки и природы, и возбуждалось въ немъ поэтическое творчество, и рѣдкая осень обходилась безъ того, чтобы, по возвращеніи въ городъ, онъ не привозилъ чего-либо новаго, что читалъ обыкновенно друзьямъ и обработывалъ для печати, пока столичная жизнь не втягивала его въ свое колесо. Большое вліяніе на его

творчество имѣла врожденная и унаслѣдованная отъ отца страсть къ охотѣ. Объ этомъ предметѣ вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ сестра покойнаго:

«Братъ мой всю жизнь любилъ охоту съ ружьемъ и лягавой собакой. Десяти лѣтъ, онъ убилъ утку на Пчельскомъ озерѣ. Былъ октябрь; окраины озера уже заволокло льдомъ; собака не шла въ воду. Онъ поплылъ самъ за уткой и досталъ ее. Это стоило ему горячки, но отъ охоты не отвадило. Отецъ бралъ его на свою псовую охоту, но онъ не любилъ ея. Пріучили его къ верховой ѣздѣ очень оригинально и не особенно нѣжно. Онъ самъ разсказывалъ, что однажды восемнадцать разъ въ день упалъ съ лошади. Дѣло было зимой — мягко. Зато послѣ всю жизнь онъ не боялся никакой лошади и смѣло садился на клячу и на бѣшеннаго жеребца. Но ѣздить любилъ шагомъ и хорошо стрѣлялъ съ лошади.

«По мѣрѣ того, какъ средства его росли и онъ дѣлался самостоятельнымъ, онъ придалъ охотѣ своей характеръ, по своему вкусу и своимъ планамъ. Охота была для него не одною забавою, но и средствомъ знакомиться съ народомъ. Каждое лѣто періодически повторялось одно и то же. Поработавъ нѣсколько дней, братъ начиналъ собираться. Это значило подавали къ крыльцу простую телегу, которую нагружали провизіей и порохомъ. Затѣмъ, вечеромъ, или рано утромъ на другой день, братъ отправлялся самъ въ легкомъ экипажѣ съ любимой собакой, рѣдко съ товарищемъ. Товарища на охотѣ братъ не любилъ. Онъ пропадалъ на нѣсколько дней, иногда недѣлю и болѣе. По разсказамъ, происходило вотъ что: въ разныхъ пунктахъ охоты у него были уже знакомцы—мужики-охотники. Онъ до каждаго доѣзжалъ и охотился въ его мѣстности. Поѣздъ, сперва изъ двухъ троекъ, доходилъ до пяти, брались почтовыя лошади, ибо братъ собиралъ своихъ провожатыхъ и уже не отпускалъ ихъ до извѣстнаго пункта.

«По окончаніи утренней охоты, выбиралось удобное мѣсто; братъ со всей компаніей завтракалъ, говорилъ самъ мало или дремалъ. Компанія, которая получала не мало водки и сколько угодно мяса, была разговорчива—братъ слушалъ, или нѣтъ, это—его дѣло.

«Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за *Коробейниковъ*, которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня и явились «Крестья-

скія дѣти». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно выдумать форму этой идиліи? Этотъ сарай съ цвѣтными глазками:

Чу! шопотъ какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрые, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты... и проч.

«*Орина мать солдатская* сама ему разсказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ, чтобы поговорить съ нею; а то боялся сфальшивить. Одно стихотвореніе, о которомъ сожалѣлъ, что не написалъ его, это — *эпитафіи*. Съ однимъ изъ своихъ друзей-охотниковъ, онъ однажды переходилъ кладбище. Гаврило разсказывалъ ему о покойникахъ, могилы которыхъ обращали на себя вниманіе брата. Я помню только эпитафію:

Зимой игралъ въ картишки
Въ уѣздномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ груды,
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ водки и простуды.

«На зимней охотѣ съ нимъ, однажды, былъ казусъ. Онъ набралъ до восьмидесяти человѣкъ и ѣхалъ на медвѣдя. Мужики шли впереди. Увидалъ братъ зарево пожара и всю свою команду повернулъ отъ медвѣдя туда. Деревню спасли, но охота на тотъ день пропала. Мужики не жалѣли медвѣдя, и убить его брату не пришлось, а деньги отдай. Надували его мужики много, но часто поступали съ нимъ честно. Кругъ его лѣтней охоты—луга смежныхъ губерній—Ярославской, Костромской, Владимірской. Онъ ихъ хорошо зналъ, и бо́льшая часть его типовъ принадлежитъ Средней Россіи. Память у него была удивительная; онъ записывалъ *однимъ словечкомъ* цѣлый разсказъ и помнилъ его всю жизнь по одному записанному слову. При работѣ, тетради эти съ непонятными никому отмѣтками были передъ его глазами».

Первые признаки болѣзни, сведшей Некрасова въ могилу, появились уже въ началѣ 1875 года, но Некрасовъ перемогался больше года, продолжая вести прежнюю жизнь и не обращая особеннаго вниманія на болѣзнь, которую приписывалъ геморроидальнымъ припадкамъ, и былъ увѣренъ, что они не представляютъ никакой серьёзной опасности. Но къ веснѣ 1876 года, болѣзнь

начала заявлять себя такъ сильно и мучительно, что потребовала уже серьёзнаго леченія. Лѣто провелъ Некрасовъ въ Чудовѣ, въ упорной борьбѣ со своею болѣзнію, а осенью долженъ былъ ѣхать въ Крымъ, сильно уже ослабѣвшій и изнемогшій. Воротился онъ изъ Крыма, гдѣ пользовалъ его Боткинъ, зимою въ Петербургъ—и уже почти не вставалъ съ постели, изрѣдка только прогуливаясь по комнатѣ. Жестокія нервныя боли, увеличиваясь день ото дня, къ веснѣ 1877 года, дошли до нестерпимыхъ, чисто адскихъ мукъ. Въ рѣдкія минуты успокоенія Некрасовъ не переставалъ слѣдить за литературою и жизнію, читалъ газеты, корректуры, писалъ свои послѣднія пѣсни. Сознаніе близости смерти не покидало его еще съ осени 1876 года. Уже тогда, вспоминая свою прежнюю болѣзнь (50-хъ годовъ) и сравнивая ее съ настоящей, онъ говорилъ:

— Тогда всѣ доктора въ одинъ голосъ приговорили меня къ смерти, а у меня внутри не переставало жить убѣжденіе, что я останусь жить, а теперь совсѣмъ наоборотъ: доктора все обнадеживаютъ, а я убѣжденъ, что мнѣ не встать...

Двѣнадцатаго апрѣля 1877-го года, была сдѣлана надъ Некрасовымъ знаменитымъ вѣнскимъ хирургомъ, Бильротомъ, операція, которая спасла его отъ неминуемо-угрожавшей смерти, въ нѣкоторой степени облегчила его страданія и продлила его существованіе на восемь съ половиною мѣсяцевъ.

Но незавидно было это нестолько существованіе, сколько постепенное угасаніе. Больной былъ такъ уже слабъ, что лѣтомъ, несмотря на всю необходимость для него сухаго, здороваго и свѣжаго воздуха, его могли едва перевезти на Черную Рѣчку, гдѣ онъ провелъ лѣто на дачѣ графа Строгонова. Какъ онъ страдалъ и что̀ онъ чувствовалъ въ это время, объ этомъ можно судить по слѣдующему, сохранившемуся въ его бумагахъ, листочку его дневника, который онъ принялся-было писать во время своей дачной жизни:

«*14-го іюня.* Буду писать, что̀ приходитъ въ голову; надо же убивать время.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
Но былъ мучительно ревнивъ,
Но былъ въ любви неблагодаренъ
И къ дружбѣ нерадивъ.

«Сибиряки обнаружили особенную симпатію ко мнѣ со времени моей болѣзни. Много получаю стиховъ, писемъ и теле-

граммъ. Было двѣ съ двумя десятками подписей. Я хотѣлъ сдѣлать на это намекъ въ стихотвореніи «Баюшки-баю»—и было тамъ четыре стиха:

И ужь несетъ изъ дебрей снѣжныхъ
На гробъ твой лавры и вѣнецъ
Друзей невѣдомыхъ и нѣжныхъ
Хранимый Богомъ посланецъ.

да побоялся, не глупо ли будетъ. А теперь этого вопроса рѣшить не могу и подавно.

«Вообще, изъ страха и нерѣшительности и за потерею памяти, я, передъ операціей, испортилъ въ поэмѣ «Мать» много мѣстъ, замѣнилъ точками иныя строки.

«Очень тяжело растревоживать мысли—сейчасъ боли, какъ и въ эту минуту.

«15-е іюня за полдень.

«16-го іюня. Любимое стихотвореніе Бѣлинскаго было:

Въ степи мірской, широкой и безбрежной (Пушкинъ).

«Я-же когда-то очень любилъ стихотвореніе Лермонтова «Бѣлѣетъ парусъ одинокій» и т. д. А теперь все повторяю:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день (Пушкинъ).

«16-го іюня, 7-й часъ.

«Хотѣлъ было анализировать свое положеніе и свои ощущенія, но слишкомъ это мрачная работа, прибавишь себѣ муки—а ея много!

«Не забыть отвѣтить Ир...ву (поэтъ-юноша граматный, но дарованія не замѣтно), пишетъ, что прибылъ въ Петербургъ на занятыя деньги.

«Всего болѣе страшно, чтобы мое теперешное положеніе не затянулось—или хоть не много бы получше, или поскорѣй бы конецъ.

«Ничего не понимаю, что со мной дѣлается. Очень тяжело. Дождь! (Воскресенье)».

Такъ изнывалъ поэтъ, борясь съ своею смертью, и единственнымъ отраднымъ утѣшеніемъ для него въ это время было скорбное участіе въ его болѣзни всего русскаго общества. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ дальнихъ ея участковъ стекались къ нему письма, стихотворенія, телеграммы, выражавшія глубокое,

искреннее сочувствіе къ нему, какъ къ поэту народной скорби, вмѣстѣ съ пожеланіями избавленія отъ болѣзни и долголѣтней жизни. Но дни поэта были сочтены: «Около 20-го ноября, по словамъ пользовавшаго его доктора Бѣлоголоваго («Новое Время», 1877 г., № 661): — стали появляться приступы изнурительной лихорадки съ небольшими ознобами и пòтами, но настолько не рѣзкими, что больной не измѣнялъ обычный распорядокъ своего дня, хотя его крайнее исхуданіе и слабость еще замѣтно усилились за это время. Такъ продолжалось до 14-го декабря; въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера, онъ всталъ съ кровати и перешелъ въ столовую, чтобы посидѣть и пить чай, но съ первымъ же глоткомъ, съ нимъ сдѣлался потрясающій ознобъ; его тотчасъ же перевели и уложили въ постель; ознобъ продолжался около четверти часа и, подъ исходъ его, началась рвота, во время которой, безъ видимой потери сознанія, онъ сталъ несвязно гововорить и, затѣмъ, лишился употребленія правой руки и ноги. Когда, черезъ полчаса, я пришелъ къ нему, то нашелъ его въ видимо возбужденномъ состояніи, какъ бы подъ вліяніемъ страха; тѣмъ не менѣе, онъ удивился, увидавъ меня въ неположенное время, и прежде всего сказалъ: «Зачѣмъ это васъ тревожили?» Затѣмъ, менѣе ясно сталъ жаловаться на чай съ лимонами, который онъ пилъ, говорилъ, что было кисло и что это возбудило въ немъ рвоту. Рвота при мнѣ была уже нѣсколько тише, а къ утру, подъ вліяніемъ холоднаго шампанскаго, почти совсѣмъ прекратилась. Всю ночь онъ провелъ безпокойно, но не произнесъ ни одного слова, такъ что окружающіе думали, что онъ лишился совсѣмъ языка, но когда я пришелъ утромъ, то онъ сталъ просить, чтобы его подняли съ постели, надѣли на него сапоги и поводили его по комнатѣ. Въ виду неотступныхъ просьбъ, ему помогли подняться, и, опираясь на двухъ человѣкъ, онъ два раза прошелся по комнатѣ, волоча правую ногу и, очевидно, не понимая происшедшей съ нимъ перемѣны, и только постоянно повторяя одну и ту же фразу: «ну, что̀ это?» — Затѣмъ его уложили, и съ этого времени онъ уже болѣе не вставалъ съ постели, хотя параличныя явленія обнаружили быструю наклонность къ улучшенью; рѣчь стала гораздо чище, движеніе въ ногѣ возстановлялось все болѣе и болѣе, только правая рука оставалась до конца жизни совершенно парализована. Съ этого же дня больной все ослабѣвалъ, очень мало ѣлъ, но много страдалъ отъ жажды и разныхъ бòлей, преимущественно въ лѣвой ногѣ, на которой стали появляться ограниченные инфильтраты въ клѣтчаткѣ, особенно на бедрѣ. 26-го декабря слабость достигла

крайнихъ предѣловъ, рѣчь стала менѣе внятной и односложной, глотанье затруднительнымъ; около 5 часовъ этого дня, у больного явилось какъ бы желаніе проститься съ окружающими: онъ каждаго изъ нихъ подозвалъ къ себѣ и произнесъ какое-то односложное слово, какъ бы: «простите». Часа черезъ три послѣ этого, я нашелъ его уже въ начавшейся агоніи, которая развивалась въ теченіи всего 27-го числа. Эти послѣднія сутки тѣло его оставалось совершенно неподвижнымъ: мышцы лица не выражали никакого признака страданія и какъ бы застыли, равно и самый взглядъ, не фиксировавшій уже предметовъ; работала только грудная клѣтка, и лѣвая рука все время находилась въ постоянномъ движеніи; онъ то поднималъ ее къ головѣ, то подносилъ къ губамъ, то клалъ на грудь. Такъ было еще въ 5 часовъ вечера, но когда я пріѣхалъ три часа спустя, то эти движенія руки уже прекратились, пульсъ почти исчезъ, дыханье стало нѣсколько рѣже и шумнѣе, и такъ продолжалось до самаго конца, передъ которымъ вылетѣлъ легкій, короткій хрипъ изъ груди — а въ 8 часовъ 50 минутъ Некрасова не стало.

«Вскрытіе, произведенное профессоромъ Груберомъ, ограничилось, къ сожалѣнію, только брюшною полостью; результатъ его — эпителіальный ракъ средней части прямой кишки, изъязвленіе ея, нагноеніе въ клѣтчаткѣ и прохожденіе гноя черезъ большую сѣдалищную дыру на бедро; срощеніе прямой кишки какъ съ пузыремъ, такъ и съ крестцовой костью и поверхностная костоѣда послѣдней».

Похороны его происходили 30-го декабря въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. День былъ ясный, но чрезвычайно морозный, и это, конечно, было главною причиною, что толпа, шедшая за гробомъ, не превышала четырехъ тысячъ душъ—это было, конечно, очень мало, если взять во вниманіе, что, въ лицѣ Некрасова, русское общество хоронило любимѣйшаго и великаго поэта своего времени, который, впродолженіи сорока лѣтъ, не переставалъ откликаться на всѣ завѣтныя чувства и стремленія своихъ современниковъ и волновалъ сердца ихъ высокими помыслами самопожертвованія въ пользу народнаго блага. Но, тѣмъ не менѣе, похороны Некрасова, все-таки, представляли собою видъ торжественной оваціи въ память почившаго поэта. Гробъ его черезъ весь городъ, отъ дверей его квартиры и до церкви, былъ пронесенъ на рукахъ молодежи, при непрестанномъ пѣніи священныхъ гимновъ. Впереди несли много вѣнковъ отъ различныхъ учебныхъ заведеній, отъ русскихъ женщинъ, отъ сотрудниковъ. Послѣ отпѣванія, въ церкви Новодѣвичьяго монастыря было про-

изнесено протоіереемъ Горчаковымъ надгробное слово, глубоко прочувствованное и очень умное. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ, было произнесено еще нѣсколько теплыхъ словъ надъ могилою поэта, и затѣмъ толпа тихо разошлась, унося въ сердцахъ глубокую скорбь и вѣчную память о своемъ дорогомъ поэтѣ.

А. Скабичевскій.

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

V.

Привѣтствія.

Льюисъ и Кларкъ, говоря объ одной групѣ шошоновъ, захваченной ими врасплохъ, разсказываютъ, что «двое изъ нихъ, пожилая женщина и маленькая дѣвочка, замѣтивъ наше приближеніе и невозможность убѣжать отъ насъ, опустились на землю и склонили головы, точно примирившись съ смертью, которая, какъ онѣ полагали, неминуемо ожидала ихъ. Этотъ обычай склонять голову, будто приглашая непріятеля нанести ударъ послѣ того, какъ всякая надежда на спасеніе исчезла, сохранился въ Египтѣ и по настоящее время». Здѣсь мы видимъ желаніе умилостивить путемъ абсолютнаго подчиненія; а изъ дѣйствій, такимъ образомъ мотивированныхъ, возникаютъ привѣтствія.

Когда, въ началѣ настоящаго изслѣдованія, въ доказательство того, что обряды предшествуютъ нетолько общественному, но и вообще человѣческому развитію, я указалъ на поведеніе маленькой болонки, которая, въ присутствіи большой, пугающей ее собаки, бросается на спину ногами вверхъ — вѣроятно, многіе изъ читателей подумали, что данное мною объясненіе этого поведенія нѣсколько натянуто. Они пришли бы къ другому заключенію, еслибы знали, что подобный же способъ обращенія существуетъ и между людьми. Описывая формы привѣтствій, употребляемыя у племени Батока, Ливингстонъ говоритъ: «они бросаются на землю на спину и, перекатываясь съ одного боку на дру-

гой, ударяютъ себя по бедрамъ въ видѣ выраженія благодарности и привѣтствія». Принятіе, сознательное ли то, или безсознательное, подобнаго положенія, подъ которымъ подразумѣвается: «вамъ незачѣмъ покорять меня—я уже покоренъ», есть наилучшее средство спасенія. Сопротивленіе порождаетъ антагонизмъ и возбуждаетъ разрушительные инстинкты. Сильнѣйшее животное и сильнѣйшій человѣкъ часто дѣлаются менѣе опасными, когда болѣе слабое животное или болѣе слабый человѣкъ оказываютъ имъ пассивное подчиненіе, такъ какъ въ такомъ случаѣ ничто уже не возбуждаетъ въ нихъ страстнаго желанія одержать побѣду. Отсюда—естественное происхожденіе обычая ложиться на спину для выраженія привѣтствія, положеніе, которое, быть можетъ, болѣе всякаго другаго дѣлаетъ невозможною самооборону. Я говорю «быть можетъ» потому, что можно указать еще на другое положеніе, которое, дѣлая человѣка въ одинаковой степени безпомощнымъ, еще яснѣе обнаруживаетъ его полное подчиненіе. «Въ Тонга Табу... туземцы выказываютъ своему верховному вождю... самое высокое уваженіе, какое только можно себѣ вообразить: они падаютъ ницъ передъ нимъ и кладутъ его ногу на свои шеи». То же происходитъ и въ Африкѣ. Лэрдъ разсказываетъ, что каждый изъ пословъ короля Фундаха «преклонился передо мною, положилъ мою ногу на свою голову и посыпалъ себя прахомъ.» А у историческихъ народовъ древняго міра это положеніе, первоначально обусловливаемое пораженіемъ въ битвѣ, обращается въ положеніе, принимаемое для выраженія подчиненія.

За этими видами привѣтствій, представляющими, по возможности точно, положеніе, принимаемое побѣжденнымъ передъ побѣдителемъ, слѣдуютъ тѣ разнообразныя привѣтствія, которыя выражаютъ подчиненіе раба господину, подчиненіе, явившееся вслѣдствіе нанесеннаго пораженія. Какимъ образомъ высказывалось въ старину на Востокѣ такое подчиненіе, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: «И опоясали слуги Венадада чресла свои и возложили веревки на головы свои и пришли къ царю Израильскому». А вотъ что разсказываетъ Гарсилассо о перуанцахъ, у которыхъ воинственный типъ организаціи достигъ высшей степени развитія: они, для выраженія смиренія и покорности, связываютъ себѣ руки и обматываютъ вокругъ шеи веревку, другими словами, добровольно налагаютъ на себя тѣ узы, которые въ древнія времена носили плѣнные, приведенные съ поля битвы. Рядомъ съ подобнымъ способомъ выказывать видимость рабства существуетъ и другой, употреблявшійся при приближеніи къ Инкѣ: подчиненность выражается ношеніемъ тя-

жести. «Ношеніе тяжести на плечахъ при приближеніи къ Атагуальпа составляло обрядъ, исполнявшійся всѣми владѣтелями, управлявшими въ этой странѣ».

Я привожу эти немногіе примѣры въ началѣ настоящей статьи съ цѣлью показать, каковъ былъ естественный путь происхожденія привѣтствій, а именно: ихъ употребляли, какъ средство получить пощаду, первоначально отъ побѣдителя, а послѣ битвы— отъ правителя. Но полное и точное понятіе о привѣтствіи включаетъ въ себѣ еще и другой элементъ. Въ первой главѣ я уже указалъ, что многіе знаки удовольствія, имѣющіе физико-психическое происхожденіе и проявляемые въ присутствіи любимыхъ лицъ, переходятъ въ привѣтственные обряды: людямъ вообще пріятно думать, что ихъ любятъ, вслѣдствіе чего выраженія привязанности доставляютъ имъ удовольствіе. Поэтому, высшее лицо стараются умилостивить нетолько выраженіями подчиненія, но и выраженіями радости отъ его присутствія. Имѣя въ виду оба эти элемента, обусловливающіе происхожденіе привѣтствій, перейдемъ теперь къ изученію ихъ разновидностей, какъ они проявляются въ политическомъ, религіозномъ и общественномъ строѣ.

Хотя, при поверженіи себя на землю лицомъ внизъ, потеря силы сопротивленія не ведетъ еще къ такой крайней безпомощности, какая получается, если человѣкъ ляжетъ на спину, тѣмъ не менѣе, она достаточно велика, чтобы принятіе подобнаго положенія могло послужить знакомъ глубокой и полной покорности. Отсюда—существованіе его въ видѣ привѣтствія въ тѣхъ странахъ, гдѣ деспотизмъ господствуетъ съ полною силой и гдѣ подчиненіе носитъ характеръ рабства. Подобныя привѣтствія мы встрѣчаемъ въ древней Америкѣ: у гибчасовъ тѣ, кто приходятъ къ касику, должны «припадать къ его ногамъ и притомъ такъ, чтобы лица ихъ касались земли». Мы находимъ ихъ и въ Африкѣ: «когда житель Борго обращается къ королю, онъ долженъ простереться на землѣ на подобіе плоскуши и лежать въ этомъ положеніи, лобызая прахъ земли, до тѣхъ поръ, пока не покончитъ своей бесѣды съ государемъ». Не мало примѣровъ того же представляетъ намъ Азія. «Произнося жалобу, хондъ или пану долженъ припасть къ землѣ лицомъ внизъ, съ сложенными руками и съ пучкомъ соломы или травы во рту»; въ Сіамѣ «всѣ низшія лица припадаютъ къ ногамъ знатныхъ, а знатные, въ свою очередь, къ ногамъ государя». Тоже и въ Полинезіи. Припаданіе на землю лицомъ внизъ считается знакомъ подчиненія у жителей Сандвичевыхъ Острововъ: король такъ поступилъ, напримѣръ, при первой встрѣчѣ съ Кукомъ. А

въ лѣтописяхъ историческихъ народовъ древняго міра можно найдти массу подобныхъ же примѣровъ: такъ, Мемфивосвей палъ на лицо свое и поклонился Давиду»; царь Виеинскій прималъ ницъ къ землѣ передъ римскимъ сенатомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе такого положенія, принимаемаго обыкновенно покореннымъ предъ побѣдителемъ и выражающаго полную покорность, усугубляется повтореніемъ. Бутанъ приводитъ слѣдующій примѣръ: «Они... девять разъ припадаютъ къ ногамъ раджи; это и есть то привѣтствіе, которымъ подданные должны встрѣчать своего государя при всякомъ приближеніи къ нему».

Первоначальный характеръ всякаго обряда можетъ быть затемненъ вслѣдствіе сокращенія; тѣмъ же путемъ самое глубокое привѣтствіе можетъ быть превращено въ менѣе глубокое. Мы желаемъ лечь пластомъ на землю, мы должны необходимо, почти неизбѣжно, принять сначала такое положеніе, при которомъ мы стоимъ на колѣняхъ, а голова наша касается земли; если же мы хотимъ встать, то тѣмъ болѣе дѣлается необходимымъ, прежде, чѣмъ поднять голову и встать на ноги, поднять колѣни. Отсюда это колѣнопреклоненное положеніе можно разсматривать, какъ неполное припаденіе къ ногамъ. Подобнаго рода поклоны очень распространены. У береговыхъ негровъ, туземецъ, «при посѣщеніи начальника или при случайной встрѣчѣ съ нимъ, немедленно падаетъ на колѣни, три раза послѣдовательно цѣлуетъ землю, хлопаетъ руками, желаетъ начальнику доброй ночи или добраго дня и поздравляетъ его». Лэрдъ разсказываетъ, что король брассовъ никогда не говоритъ съ королемъ ибосовъ иначе, какъ «падая на колѣни и касаясь головою земли», въ знакъ своего подчиненія. Въ Ембомкѣ, въ Конго, «привѣтствіе выражается хлопаніемъ руками; дѣлая это, подчиненный въ то же время ползетъ на колѣняхъ къ начальнику и цѣлуетъ у него браслетъ на ногѣ».

Часто смиреніе, выражающееся въ подобномъ поклонѣ, усиливается тѣмъ, что голову приводятъ въ соприкосновеніе съ землею. По нижнему теченію Нигера «туземцы, въ знакъ большого уваженія, падаютъ ницъ и ударяютъ головою о землю». Въ прежнее время, при коронованіи императора россійскаго, дворянство приносило ему присягу въ вѣрности «склонивъ головы и ударяя ими о землю у его ногъ». Въ Китаѣ, въ настоящее время, различаются восемь видовъ поклоновъ, все болѣе и болѣе униженныхъ: при пятомъ, становятся на колѣни и ударяютъ головою о землю; при шестомъ, становятся на колѣни и трижды стучатъ о землю головою; при седьмомъ стучатъ вдвое больше

число разъ, а при восьмомъ—втрое бóльшее; послѣдній поклонъ приносится императору и небу. Въ древнее время, у евреевъ, повтореніе имѣло подобное же значеніе. Въ библіи можно найдти много примѣровъ такихъ поклоновъ, напримѣръ: Наѳанъ «поклонился царю лицомъ до земли»; такъ же поклонились Абигаилъ Давиду, а Руѳь—Воозу; а Іаковъ «поклонился до земли семь разъ, подходя къ брату своему».

Изъ предъидущаго можно съ полною основательностью заключить, что такое же положеніе побѣжденнаго, усвоиваемое рабомъ передъ господиномъ, а подданнымъ передъ правителемъ, принимаетъ и поклоняющійся божеству. Исторія Востока, прошлая и современная, представляетъ намъ въ этомъ отношеніи большое количество примѣровъ. Что евреи, желая умилостивить какое-либо видимое или невидимое существо, падали на землю ницъ, видно изъ библіи: «Авраамъ палъ на лицо свое» передъ Господомъ въ то время, какъ принялъ его завѣтъ; «Навуходоносоръ палъ на лицо свое и поклонился Даніилу»; тотъ же Навуходоносоръ, сдѣлавъ и поставивъ золотой истуканъ, угрожалъ смертью всѣмъ тѣмъ, кто «не падетъ и не поклонится ему.» Подобное неполное преклоненіе, совершаемое передъ царями, производится и передъ божествами. «Кланяясь своимъ идоламъ, монголы трижды касаются лбомъ земли, калмыки—только одинъ разъ. Японцы въ своихъ храмахъ надаютъ на колѣни и преклоняютъ медленно съ большимъ смиреніемъ свои головы къ землѣ». Рисунки, изображающіе молящихся магометанъ, достаточно знакомятъ насъ съ подобными положеніями.

Всѣ такого рода поклоны имѣютъ одну общую черту, а именно: лица, занимающія низшее общественное положеніе, доводятъ ихъ до бóльшей степени униженія, нежели лица, занимающія высшее; въ тоже время, въ нихъ наблюдается замѣчательное разнообразіе. Отъ простираній на спину или навзничь и полупреклоненій на колѣняхъ перейдемъ теперь къ другимъ видамъ поклоновъ, которые, впрочемъ, какъ и выше разсмотрѣнные, выражаютъ относительную неспособность къ сопротивленію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволяется мѣнять положеніе: такъ, въ Дагомэ «высшіе сановники лежатъ передъ королемъ въ положеніи римлянъ на *triclinium*. Иногда они ложатся на животъ, или облегчаютъ себя тѣмъ, что стоятъ на четвереньках». Дюранъ говоритъ, что у мексиканцевъ присѣданіе на корточкахъ считалось положеніемъ, выражающимъ почтеніе, подобно тому какъ у насъ колѣнопреклоненіе. Сидѣть скорчившись служитъ знакомъ почтенія у ново-каледонійцевъ, жители Фиджи и Таити.

Другія измѣненія въ подобнаго рода положеніяхъ являются слѣдствіемъ необходимости двигаться. Въ Дагомэ «лица, приближающіяся къ королю, либо ползутъ какъ змѣи, либо тащутся на колѣняхъ». Мѣняя мѣсто передъ высшимъ лицомъ, «сіамцы ползутъ на рукахъ и колѣняхъ». То же и въ Камбоджѣ: «Тотъ, кто приближается къ королевской особѣ, слѣдуя ли призыву, или для того, чтобы подать что-нибудь королю, долженъ, по предписанію камбодскаго этикета, ползти на колѣняхъ и локтяхъ, какъ бы велико не было разстояніе». На Явѣ низшіе «обязаны тащиться на пятахъ съ согнутыми колѣнями, пока не удалятся на такое разстояніе, гдѣ высшее лицо не можетъ уже видѣть ихъ». То же обязаны дѣлать подданные зулускаго короля и даже его жены: жены Дингарна разсказывали, что, пока онъ находится въ домѣ, «онѣ не смѣютъ стоять, а должны передвигаться», опираясь на руки и колѣни. А въ Лоанго обязанность домашнихъ становиться въ такое положеніе распространяется и за предѣлы двора: жены вообще «не говорятъ съ своими мужьями иначе, какъ на колѣняхъ, а при встрѣчѣ съ ними должны ползти на рукахъ». Обычай, существующій въ сосѣднемъ государствѣ, представляетъ собою примѣръ послѣдовательныхъ ступеней перехода этихъ различныхъ формъ неполнаго преклоненія и пониманія ихъ значенія. Бёртонъ разсказываетъ, что «Дакро», женщина, служащая посломъ короля дагомейскаго къ Мею, двигается передъ королемъ на четверенькахъ. Также «двигается она на четверенькахъ и передъ Мею, а передъ низшими лицами она только колѣнопреклоняется; послѣднія, въ свою очередь, становятся передъ нею на четвереньки».

Такимъ образомъ, намъ случайно пришлось упомянуть о дальнѣйшемъ сокращеніи первоначальнаго полнаго преклоненія или паденія ницъ на землю—сокращеніи, изъ котораго возникъ одинъ изъ наиболѣе широко распространенныхъ видовъ поклоновъ. Отъ вполнѣ распростертаго положенія мы переходимъ къ положенію молящагося магометанина, касающагося головою земли; затѣмъ къ положенію на четверенькахъ и, наконецъ, поднятіемъ тѣла, къ простому колѣнопреклоненію. Что колѣнопреклоненіе, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена, служило средствомъ выразить уваженіе и благоговѣніе политическое, домашнее и религіозное, на это не требуется доказательствъ. Замѣтимъ только, что оно всегда, и прежде, и теперь, соединялось съ деспотическою формою правленія, напр., въ Африкѣ, гдѣ «вслѣдствіе этихъ постоянныхъ колѣнопреклоненій на твердой землѣ, колѣна у дагомейцевъ дѣлаются такими же твердыми, какъ и пяты»; въ Японіи, гдѣ, «уходя отъ императора, придворные ползутъ на колѣняхъ»;

въ Китаѣ, гдѣ «дѣти вице-короля, проходя мимо палатки своего отца, падаютъ на колѣни и трижды кланяются ему, ударяя лицами о землю»; и въ средневѣковой Европѣ, гдѣ сервы колѣнопреклонялись передъ своими господами, феодальные вассалы—передъ своими сюзеренами, и гдѣ герцогиня Изабелла Бурбонская, дѣлая въ 1444 г. визитъ королевѣ, три раза становилась на колѣни прежде, чѣмъ приблизилась къ ней.

Не останавливаясь на переходѣ отъ стоянія на обоихъ колѣнахъ къ стоянію на одномъ, что̀ выражаетъ собою мѐньшее униженіе и болѣе подходитъ къ прямому положенію, достаточно отмѣтить переходъ отъ стоянія на одномъ колѣнѣ къ сгибанію колѣнъ. Что этотъ видъ привѣтствія—не иное что̀, какъ сокращеніе, доказывается японскими обычаями.

При встрѣчѣ, японцы выказываютъ свое уваженіе тѣмъ, что сгибаютъ колѣно; когда же они желаютъ выразить особое почтеніе, то становятся на колѣни и наклоняются до земли. Они никогда не дѣлаютъ этого только на улицахъ, довольствуясь просто движеніемъ, показывающимъ желаніе стать на колѣни. Кланяясь важному лицу, они сгибаютъ колѣно такъ, что пальцы ихъ касаются земли.

То же, въ одинаковой степени, если даже не лучше, замѣтно и въ обычаяхъ Китая, гдѣ, между различными установленными градаціями привѣтствій, третья форма—сгибаніе колѣна, четвертая—полное колѣнопреклоненіе. Изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ видѣть достаточно ясно, что присѣданія одного пола и шарканье ногою другого пола (причемъ правую ногу двигаютъ назадъ), переживаемыя нами въ настоящее время, представляютъ собою исчезнувшія формы обычая становиться на одно колѣно.

Остается разсмотрѣть сопровождающее это привѣтствіе наклоненіе тѣла. Оно, съ одной стороны, составляетъ первичную форму привѣтствій, въ видѣ полнаго преклоненія, и переживаетъ съ другой стороны и тогда, когда это полное преклоненіе подвергается, мало-по-малу, все бо̀льшему и бо̀льшему сокращенію. Указанія на этотъ переходъ мы можемъ найти во многихъ мѣстностяхъ. «У сувусовъ даже жены важнаго лица, говоря съ нимъ, склоняютъ свое тѣло и кладутъ руки на колѣни; то же дѣлаютъ онѣ, когда проходятъ мимо него». Въ Самоа «проходить, держась прямо, черезъ комнату, въ которой сидитъ вождь, считается знакомъ неуваженія; необходимо нагнуться и склонить тѣло». Древніе мексиканцы, обыкновенно лежавшіе въ совѣтѣ распростертыми передъ своимъ вождемъ, «обязаны были, при выходѣ изъ засѣданія, склонять голову». А въ китайскомъ церемоніаль-

номъ ритуалѣ, о которомъ мы упоминали выше, поклонъ въ видѣ наклоненія тѣла съ сложенными руками упоминается подъ нумеромъ вторымъ и считается менѣе униженнымъ, чѣмъ сгибаніе колѣна. Имѣя передъ собою такіе факты и помня, что между смиреннымъ салаамомъ индуса, глубокимъ поклономъ европейца, выражающимъ глубокое уваженіе, и слабымъ наклоненіемъ головы въ знакъ уваженія, существуютъ самыя нечувствительныя ступени перехода, мы не будемъ считать себя вправѣ усумниться въ томъ, что фамильярные и еле-замѣтные кивки головою, которыми мы иногда размѣниваемся, составляютъ послѣдній остатокъ первобытнаго преклоненія.

Всѣ эти разнообразныя сокращенія преклоненія, которыя мы замѣчаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выказывается подчиненіе политическое или общественное, встрѣчаются, и тогда, когда выказывается подчиненіе религіозное. Вотъ, что̀ Бастіанъ разсказываетъ о жителяхъ Конго:

«Вступая въ разговоръ съ высшимъ лицомъ, они становятся на колѣни, поворачиваютъ голову нѣсколько въ сторону, простираютъ руки къ лицу, къ которому они обращаются, и ударяютъ ими одна о другую каждый разъ, какъ начинаютъ говорить. Они могли бы послужить моделями для тѣхъ фигуръ, которыми египетскіе жрецы украшали стѣны храмовъ; до такой степени поразительно сходство между тѣмъ, что̀ изображено тамъ, и тѣмъ, что̀ мы видимъ здѣсь».

Параллельныя явленія можно наблюдать въ религіозныхъ обрядахъ Европы. Таковы, напр., припаданіе на два колѣна или на одно, наклоненіе головы и тѣла въ нѣкоторыхъ случаяхъ при произнесеніи имени Христа.

Мы уже объясняли выше, что рядомъ съ дѣйствіемъ, выражающимъ смиреніе, въ понятіе о привѣтствіи включается и дѣйствіе, выражающее удовольствіе. Для того, чтобы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ умилостивить высшее лицо, необходимо одновременно выказать слѣдующія два чувства: «Я—вамъ рабъ» и «я васъ люблю».

Нѣкоторые изъ примѣровъ, приведенныхъ нами выше, показываютъ соединеніе этихъ двухъ факторовъ. Принимая положеніе полнаго подчиненія, Батока, въ то же время, ударяютъ себя въ тактъ руками по бедрамъ, а въ другихъ случаяхъ, описанныхъ нами, хлопаніе въ ладоши, выражающее радость, сопровождаетъ въ Африкѣ движенія, выражающія подчиненіе. Къ этимъ примѣрамъ можно прибавить много другихъ. Астлей разсказываетъ, что дворяне, приближаясь къ королю Лоанго, «дважды или трижды хлопаютъ въ ладоши, затѣмъ падаютъ на песокъ къ ногамъ

его величества и катаются въ знакъ подчиненія»; а Спикъ, говоря о нѣкоторыхъ приближенныхъ короля Уганда, замѣчаетъ, что они «ложатся на животъ рядами, вертятся на подобіе рыбы и, въ то же время, барахтаются, подымаютъ и опускаютъ ноги, трутъ лицо и бьютъ по землѣ рукою». Становясь на колѣни передъ высшими лицами, Балонда до тѣхъ поръ «продолжаетъ хлопать руками, пока важное лицо не пройдетъ»; то же производится и въ Дагомэ.' Къ этому нужно прибавить другое ритмическое движеніе, имѣющее одинаковое значеніе. Мы уже видѣли, что прыжки, составляющіе естественное выраженіе радости, служатъ у огнеземельцевъ выраженіемъ дружескаго привѣтствія, а въ Лоанго считаются знакомъ почтенія относительно короля. Африка доставляетъ другой примѣръ. Грантъ разсказываетъ, что король Карагве сидѣлъ, спрятавшись, у дверей своей главной хижины: «виднѣлась наружу только одна голова его; въ такомъ положеніи онъ принималъ привѣтствіе своихъ подданныхъ, проходившихъ мимо него; поровнявшись съ нимъ, каждый изъ нихъ вскрикивалъ и дѣлалъ прыжокъ, принося присягу въ вѣрности». Приведите всѣ такого рода движенія, прыжки и т. п. въ систему. Въ такомъ случаѣ они образуютъ, мало-по-малу, тотъ видъ танцевъ, которымъ иногда привѣтствуютъ правителя, что̀ можно видѣть, напр., изъ вышеприведеннаго случая съ королемъ Богота, и изъ того, который разсказываетъ Уилльямсъ въ своемъ отчетѣ о Фиджи: младшій вождь и его свита, входя къ королю, «начали пляску и, по окончаніи ея, предложили верховному владыкѣ свои палицы и верхнее платье».

Изъ другихъ знаковъ удовольствія, входящихъ обыкновенно въ составъ привѣтствіи, цѣлованіе наиболѣе бросается въ глаза. Оно при этомъ принимаетъ всегда формы, вполнѣ соотвѣтствующія смиренному преклоненію или другому сходственному положенію. Изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше примѣровъ можно легко подмѣтить, что въ томъ случаѣ, когда подчиненныя лица не могутъ или не смѣютъ приблизиться къ старшему лицу и поцѣловать его ноги или платье, они цѣлуютъ землю. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. «Въ Эбоэ существуетъ слѣдующій обычай: «когда король выходитъ или даже когда онъ находится дома, при проходѣ его, всѣ знатныя лица падаютъ на колѣни и трижды цѣлуютъ землю», а древне-мексиканскіе послы, подойдя къ Кортесу, «сначала дотронулись руками до земли, а затѣмъ поцѣловали ее». Въ древнемъ Востокѣ этимъ выражалось подчиненіе побѣжденнаго побѣдителю, и это доходило иногда до того, что цѣловали слѣды лошади побѣдителя. Въ Абиссиніи, гдѣ деспотизмъ достигъ крайнихъ предѣловъ развитія и

гдѣ привѣтствія отличаются рабскимъ характеромъ, мы встрѣчаемъ одно видоизмѣненіе. Въ Шоа для выраженія почтенія или благодарности цѣлуютъ ближайшій неодушевленный предметъ, принадлежащій высшему лицу или благодѣтелю. Отъ этого вида привѣтствія мы переходимъ къ лизанію и цѣлованію ногъ. Друри разсказываетъ, что лизаніе колѣна у малагазовъ служитъ знакамъ почтенія, но не даетъ никакихъ указаній на лизаніе ногъ, служащее выраженіемъ столь же глубокаго униженія; описывая возвращеніе съ войны малагазскаго вождя, онъ говоритъ: «какъ только онъ усѣлся у дверей, его жена выползла изъ хижины на рукахъ и колѣнахъ, подползла къ нему и начала лизать его ноги; затѣмъ ея мѣсто заступила его мать; всѣ женщины поселенія встрѣчали такимъ образомъ своихъ супруговъ». Такъ же поступаютъ и рабы и т. д. относительно своихъ господъ. Въ древнемъ Перу, гдѣ царствовалъ крайній деспотизмъ, «вожди, являясь къ Атагуальпѣ, цѣловали его руки и ноги». Что приношеніе подобной высокой дани уваженія еще и до настоящаго времени въ обычаѣ на Востокѣ, тому мы имѣемъ массу очевидныхъ доказательствъ. Въ ассирійскихъ лѣтописяхъ упоминается о томъ, что Менагемъ Самарійскій явился ко двору Сеннахериба для поднесенія ему даровъ и цѣлованія его ногъ. Женщина, пришедшая къ Христу съ благовоніями, выразила ему свое благоговѣніе, между прочимъ, тѣмъ, что поцѣловала его ноги. А что поступокъ Маріи Магдалины, которая «ухватилась за ноги его», причемъ это движеніе сопровождалось несомнѣнно цѣлованіемъ, не былъ явленіемъ исключительнымъ, это видно изъ описанія подобнаго же дѣйствія со стороны сонамитянки относительно Елисея. И въ настоящее время, у арабовъ низшіе цѣлуютъ высшимъ ноги, колѣни, одежду. Цѣлованіе ногъ шаха и султана, какъ одинъ изъ способовъ выраженія преданности, и теперь производится въ Персіи и Турціи; а сэръ Р. К. Портеръ разсказываетъ, что одинъ персіанинъ, въ благодарность за подарокъ, бросился на землю, началъ цѣловать мои колѣни и ноги и заревѣлъ отъ «радости такъ громко, что плачъ его заглушалъ его выраженіе радости».

Цѣлованіе рукъ менѣе унизительно, чѣмъ цѣлованіе ногъ, потому что оно связано съ менѣе глубокимъ преклоненіемъ. Чтобы поцѣловать ногу, необходимо наклонить голову почти до земли; для того же, чтобы поцѣловать руку, нужно непремѣнно болѣе или менѣе выпрямить тѣло. Эта разница въ значеніи обоихъ дѣйствій признается и понимается въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга областяхъ. Жители Тонга, «кланяясь старшему родственнику, цѣлуютъ его руку; самому же старшему изъ родствен-

никовъ цѣлуютъ ногу». А д'Арвьё разсказываетъ, что женщины, прислуживающія арабскимъ принцессамъ, цѣлуютъ ихъ руки, когда принцессы настолько къ нимъ милостивы, что не дозволяютъ цѣловать ноги или край ихъ одежды. Привѣтствіе это, выражающее одновременно любовь и подчиненіе, преобладаетъ повсюду, въ такой степени, что излишне приводить новые примѣры для доказательства его существованія у различныхъ племенъ.

Но что же подразумѣвается въ томъ случаѣ, когда, вмѣсто того, чтобы поцѣловать руку у другого лица, лицо, кланяющееся цѣлуетъ свою собственную. Имѣетъ ли подобное дѣйствіе символическое значеніе? выражаетъ ли оно хотя бы приблизительно поцѣлуй руки у другого лица въ томъ случаѣ, когда это становится невозможнымъ вслѣдствіе различнаго рода обстоятельствъ? Подобное предположеніе можетъ показаться смѣлымъ, но оно подтверждается фактами. По словамъ д'Арвьё, приводимымъ профессоромъ Пакстономъ, «жители Востока выказываютъ уваженіе къ высшимъ лицамъ тѣмъ, что подходятъ къ нимъ, цѣлуютъ ихъ руку и прикладываютъ ее къ своему лбу; но если высшее лицо нрава снисходительнаго и отнимаетъ свою руку, какъ только до нея дотрогиваются, тогда подчиненный цѣлуетъ свои собственные пальцы и прикладываетъ ихъ ко лбу».

Отсюда, какъ я думаю, ясно, что столь распространенный обычай цѣлованія у другого лица руки первоначально выражалъ желаніе или, по крайней мѣрѣ, готовность цѣловать эту руку.

Подобно предъидущимъ, и этотъ обрядъ, возникающій въ видѣ самопроизвольнаго умилостивленія побѣдителя побѣжденнымъ, господина рабомъ, правителя управляемымъ и расширяющійся затѣмъ въ измѣненной формѣ въ умилостивленіе общественное, вскорѣ переходитъ также и въ умилостивленіе религіозное: эти дѣйствія, выражающія любовь и привязанность, употребляются какъ въ отношеніи духа, такъ и въ отношеніи бога, развившагося изъ духа. Обниманіе и цѣлованіе ногъ, которыми у евреевъ привѣтствовали живыхъ людей, изображаются на египетскихъ стѣнныхъ рисункахъ въ видѣ привѣтствія муміямъ, лежащимъ въ гробахъ; затѣмъ, слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ этого дѣйствія, мы видимъ цѣлованіе ногъ у статуй боговъ среди римлянъ и священныхъ иконъ среди христіанъ. Древняя Мексика доставляетъ намъ примѣръ перехода отъ цѣлованія земли, какъ политическаго обряда, въ видоизмѣненное цѣлованіе земли, какъ обряда религіознаго. Описывая церемонію принесенія присяги въ Мексикѣ, Клавигеро говоритъ: «Затѣмъ, произнося имя главнаго бога или того, къ которому они чувствуютъ особое почтеніе, они цѣлуютъ свою руку, предварительно дотронувшись ею

до земли». Въ Перу этотъ обрядъ подвергся еще большему сокращенію: здѣсь обходились безъ всякаго цѣлованія. Вотъ что пишетъ объ этомъ д'Акоста:—«Совершая поклоненіе божествамъ, перуанцы раскрывали руки, производили губами звукъ поцѣлуя и, принося жертву, спрашивали, чего желаютъ боги;» а Гарсилассо, описывая, какимъ образомъ перуанцы производятъ возліяніе капли жидкости въ честь солнца прежде, чѣмъ начинаютъ пить за обѣдомъ, прибавляетъ:—«Въ то же время они два или три раза цѣлуютъ воздухъ, что... у индѣйцевъ служитъ знакомъ поклоненія». Европейскія расы представляютъ примѣры, имѣющіе сходство съ вышеприведенными: цѣлованіе руки у статуи бога составляло у римлянъ одну изъ формъ поклоненія.

Далѣе, прыжки, служащіе, какъ мы уже видѣли, естественнымъ выраженіемъ радости и обращаемые въ привѣтственныя дѣйствія относительно видимаго правителя, переходятъ также въ дѣйствія богослужебныя передъ правителемъ невидимымъ. Для примѣра, укажемъ на пляску Давида передъ ковчегомъ; на танцы, какъ религіозный обрядъ, у грековъ: «съ раннихъ временъ поклоненіе Аполлону было связано съ религіознымъ танцемъ, называемымъ гипоркема». Пепинъ, «подобно королю Давиду, забывъ достоинство своего царскаго сана, въ радости своей омочилъ слезами свои драгоцѣнныя одежды и началъ плясать передъ мощами св. мученика». Въ средніе вѣка въ церквахъ совершались религіозныя пляски.

Для того, чтобы объяснить другую серію обрядовъ, связанныхъ съ вышепоименованными, мы должны вернуться къ разсмотрѣнію преклоненія въ его первобытной формѣ. Я говорю объ обычаѣ посыпать пепломъ или прахомъ нѣкоторыя части тѣла для выраженія подчиненія.

Катаясь по песку передъ королемъ или ударяя по нѣскольку разъ о землю головою, или, наконецъ, ползая по землѣ передъ нимъ, нельзя не запачкаться. Отсюда связанная съ этимъ пыль или земля считаются сопутствующими знаками подчиненія; желая умилостивить, самопроизвольно посыпаютъ себя землею; тоже производятъ и въ томъ случаѣ, когда не принимаютъ положенія, соединеннаго съ необходимостью оказаться запачканнымъ. Описывая нѣкоторые африканскіе обычаи, мы уже указали на связь, существующую между этимъ дѣйствіемъ и преклоненіемъ; но Африка доставляетъ намъ и другіе примѣры, еще яснѣе выказывающіе, какъ этотъ обычай развивается въ болѣе законченную форму. «Въ Конго, говоритъ Бёртонъ:—передъ каждымъ банза или начальникомъ деревни преклоняются, цѣлуютъ землю и затѣмъ посыпаютъ пескомъ лобъ и руки»; а по словамъ того же автора, привѣтствіе дагомейцевъ состоитъ изъ двухъ дѣйствій:

преклоненія и посыпанія головы пескомъ или землею. Подобнымъ же ôбразомъ каканда, народъ, живущій по теченію Нигера, «кланяясь кому либо изъ постороннихъ, припадаетъ почти до земли, и по нѣскольку разъ посыпаетъ лицо прахомъ». А описывая «церемонность манеръ Балонда», Ливингстонъ говоритъ:

«Низшія лица, при встрѣчѣ на улицѣ съ высшими, одновременно падаютъ на колѣни и трутъ прахомъ руки и грудь... Произнося рѣчь передъ какимъ-нибудь почетнымъ лицомъ, ораторъ каждыя двѣ или три секунды наклоняется, беретъ немного песку и третъ имъ верхную часть своихъ рукъ и груди... Желая выказать особенную вѣжливость, они приносятъ съ собою пепелъ и трубочную глину, завернутыя въ кусокъ кожи, берутъ оттуда по горсти и трутъ себѣ грудь и верхнюю часть каждой руки».

Даже болѣе. Мы видимъ, какъ и въ этомъ случаѣ, подобно всѣмъ другимъ, которые были приведены выше, церемонія эта подверглась нѣкоторому сокращенію. О тѣхъ же Балонда Ливингстонъ говоритъ, что «ихъ вожди также продѣлываютъ церемонію натиранія рукъ пескомъ; но они не берутъ, на самомъ дѣлѣ, песку, а только дѣлаютъ видъ, что подымаютъ его». Жители Нижняго Нигера, «преклоняясь, по нѣскольку разъ посыпаютъ свои головы пескомъ; или, по крайней мѣрѣ, принимаютъ такой видъ, какъ будто дѣлаютъ это. Женщины, завидѣвши своихъ друзей, тотчасъ же становятся на колѣни и дѣлаютъ движеніе, какъ будто онѣ посыпаютъ попеременно обѣ руки пескомъ». Что въ Азіи эта церемонія какъ прежде, такъ и теперь, имѣла именно это значеніе, не подлежитъ сомнѣнію. Къ ней, для выраженія политическаго смиренія, прибѣгли священники, отправившіеся къ Флору съ мольбою о пощадѣ евреевъ и явившіеся къ нему «съ головами, покрытыми пепломъ, съ открытою грудью и разодранными одеждами». А въ Турціи, въ настоящее время, можно видѣть и сокращенія этого вида привѣтствія. На смотру, даже сидящіе на лошади офицеры, привѣтствуя своихъ начальниковъ, «дѣлаютъ такое движеніе, какъ будто посыпаютъ голову прахомъ»; а простой народъ, встрѣчая караванъ пилигримовъ, «продѣлываетъ пантомиму посыпанія головы пепломъ».

Книги евреевъ вполнѣ подтверждаютъ, что указанный выше знакъ подчиненія употреблялся нетолько въ отношеніи видимыхъ лицъ, но и по отношенію къ лицамъ невидимымъ. Рядомъ съ кровопусканіемъ, клейменіемъ тѣла и обрѣзываніемъ волосъ, помощью чего евреи старались во время похоронъ умилостивить духа, у нихъ существовалъ и обычай посыпанія пепломъ главы. Тоже производилось и для умилостивленія божества: такъ, напримѣръ, «Іисусъ разодралъ одежды свои и палъ лицомъ своимъ

на землю передъ ковчегомъ Господнимъ и лежалъ до самого вечера, онъ и старѣйшины израилевы, и посыпали прахомъ головы свои». Даже и въ настоящее время этотъ обрядъ употребляется иногда у католиковъ для выраженія особаго смиренія.

Теперь мы должны вновь вернуться къ той ранней формѣ привѣтствія, которая изображала собою, вначалѣ на самомъ дѣлѣ, а впослѣдствіи искуственно, положеніе побѣжденнаго передъ побѣдителемъ. Въ этомъ—ключъ для объясненія цѣлой серіи тѣлесныхъ движеній, выражающихъ подчиненіе. Я говорю объ обычаѣ складывать руки. Мы уже описывали раньше, какъ хондъ, умоляя о чемъ-нибудь, «бросается на землю ницъ съ сложенными руками». Откуда произошло подобное положеніе рукъ?

Говоря объ обычаяхъ народа, у котораго и подчиненіе, и всѣ его знаки были доведены до высшей степени развитія, мы привели примѣръ, указывавшій на естественное происхожденіе этого дѣйствія, именно—что древніе перуанцы для выраженія смиренія связывали руки и обматывали шею веревкою, то есть, подражали внѣшнему положенію плѣнника. Намъ незачѣмъ доказывать, что въ то время существовалъ обычай дѣлать военно-плѣнниковъ беззащитными, связывая имъ руки. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что и въ настоящее время полиція, арестуя преступника, связываетъ ему руки, достаточно показываетъ, насколько распространенъ этотъ способъ дѣлать плѣнника беззащитнымъ. Если для подкрѣпленія того мнѣнія, что связываніе рукъ, обозначавшее первоначально побѣжденнаго, обращается впослѣдствіи въ знакъ подчиненія, необходимы еще новыя доказательства, то достаточно для этой цѣли привести еще два странные обычая изъ жизни африканцевъ и китайцевъ. Когда король Уганда отдавалъ визитъ Спику и Гранту, «его братья, толпа маленькихъ бездѣльниковъ, нѣкоторые съ цѣпями на рукахъ, сидѣли позади его... Намъ разсказывали, что прежде, чѣмъ король вступилъ на престолъ, онъ всегда ходилъ въ цѣпяхъ, какъ то дѣлаютъ теперь его младшіе братья». А о китайцахъ Дулитль сообщаетъ, что «на третій день по рожденіи ребенка, совершается церемонія связыванія у него ручныхъ кистей. Эти узы ребенокъ носитъ до 14-ти дней, иногда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже года. Полагаютъ при этомъ, что это связываніе кистей сдѣлаетъ дитя болѣе спокойнымъ въ теченіи всей его послѣдующей жизни».

Подобныя указанія на происхожденіе складыванія рукъ, рядомъ съ вытекающими изъ него обычаями, заставляютъ насъ думать, что подниманіе сложенныхъ рукъ, какъ составная часть первобытнаго привѣтствія, выражающаго полное подчиненіе, въ дѣйствительности было не инымъ чѣмъ, какъ протягиваніемъ рукъ для того, чтобы ихъ связали. Вышеприведенное описаніе поло-

женія хонда рисуетъ намъ это дѣйствіе въ его первобытной формѣ, а, прочитавши у Гука, что «монгольскій охотникъ поклонился намъ, сложивъ руки и поднявъ ихъ ко лбу», или у Дрюри, что малагазцы, приближаясь къ важному лицу, складываютъ руки какъ будто для мольбы, мы не вправѣ будемъ сомнѣваться, что положеніе рукъ выражаетъ теперь почитаніе, потому что прежде оно подразумѣвало подчиненіе. О сіамцахъ, находящихся на крайне низкой ступени политическаго развитія и обладающихъ рабскими обычаями, Ла-Луберъ говоритъ: «Если вы протянете руку сіамцу, чтобы вложить ее въ его руку, онъ протянетъ вамъ обѣ свои руки, точно желая весь предаться въ вашу власть». А что протягиваніе вложенныхъ рукъ имѣетъ именно указанное нами значеніе, ясно изъ слѣдующаго: въ Уніаніембо «при встрѣчѣ, Вези складываетъ обѣ ладони рукъ, а Ватузи, изъ болѣе могущественнаго племени, нѣжно беретъ ихъ»; а на Суматрѣ, поклонъ выражается «наклоненіемъ тѣла, при чемъ низшій кладетъ свои руки въ руки своего начальника и затѣмъ подноситъ ихъ ко лбу». Эти факты напоминаютъ намъ, что подобное же дѣйствіе служило когда-то и въ Европѣ знакомъ подчиненія. Принося присягу въ вѣрности, вассалъ, колѣнопреклоняясь, клалъ свои сложенныя руки въ руки своего сюзерена.

Что и въ настоящемъ случаѣ положеніе это, выражающее политическое подчиненіе, обращается впослѣдствіи въ составную часть религіозныхъ обрядовъ, врядъ ли требуетъ доказательствъ. На Востокѣ молящіеся магометане поднимаютъ надъ головою сложенныя руки совершенно также, какъ дѣлаютъ то другіе народы по отношенію къ новымъ начальникамъ. У грековъ «олимпійскимъ богамъ молились стоя, поднявъ руки кверху; морскимъ богамъ, протянувъ руки горизонтально; богамъ тартара, опустивъ руки внизъ». И въ настоящее время, заставляя дѣтей просить, ихъ учатъ складывать руки такъ, чтобы ладони прикасались другъ къ другу, учатъ, однимъ словомъ, принимать то положеніе, въ какое когда-то во всей Европѣ принужденъ былъ становиться подчиненный, желавшій выразить начальнику свое смиреніе и подчиненіе.

Нужно замѣтить, что такого рода движеніе или положеніе рукъ употребляется въ общественныхъ сношеніяхъ. Одно и то же происхожденіе всѣхъ этихъ движеній ясно высказывается въ обычаяхъ отдаленнаго Востока. «Когда сіамцы кланяются другъ другу, они складываютъ руки и поднимаютъ ихъ передъ лицемъ или надъ головою». Изъ восьми разрядовъ поклоновъ, установленныхъ въ Китаѣ, первый и наименѣе глубокій состоитъ въ складываніи рукъ и поднятіи ихъ передъ грудью. Даже среди насъ можно прослѣдить остатки этого дѣйствія: нерѣдко случается видѣть, какъ услужливый лавочникъ или хлопотливый и

усердный трактирщикъ складываетъ и двигаетъ слегка приподнятыя руки, продѣлываетъ это такимъ образомъ, что невольно возникаетъ въ умѣ мысль о происхожденіи этого движенія отъ первобытнаго способа выраженія подчиненія.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ изслѣдованію другой групы поклоновъ, имѣющей другое, хотя и смежное происхожденіе. Тѣ, которые мы разсматривали до сихъ поръ, не имѣли никакого отношенія къ одеждѣ подчиненнаго лица; а между тѣмъ, видоизмѣненіе костюма, по фасону или по качеству матеріала, даютъ начало цѣлому ряду церемоніальныхъ обрядовъ.

Побѣжденный, преклоняясь передъ своимъ побѣдителемъ, обращаясь такимъ образомъ въ его собственность, теряетъ тѣмъ самымъ право на какія либо вещи, принадлежавшія ему, побѣжденному. Потеря болѣе важной части собственности включаетъ потери менѣе важной; такъ что, отдавая побѣдителю свое оружіе, онъ, по требованію перваго, отдаетъ ему и ту часть одежды, которая имѣетъ цѣну. Причина, почему берутъ послѣднее, во многихъ случаяхъ сходна съ причиною, обусловливающею сдачу оружія: часто одежда состоитъ изъ шкуры какого либо страшнаго звѣря или вся разукрашена трофеями. Въ такомъ случаѣ, она, наравнѣ съ оружіемъ, является новымъ вещественнымъ доказательствомъ мужества побѣдителя. Но какъ бы то ни было, ясно, что, откуда бы ни произошелъ обычай брать одежду у побѣжденныхъ, нагота, полная или частичная, плѣнника служитъ новымъ доказательствомъ его подчиненія. Что именно такъ смотрѣли на наготу на Востокѣ, легко представить тому доказательства. Въ кн. Исаіи, XX, 2—4 мы читаемъ: «И сказалъ Господь: какъ рабъ мой, Исаія, ходилъ нагой, босой три года, въ указаніе... такъ поведетъ царь Ассирійскій плѣнниковъ изъ Египта и переселенцевъ изъ Ефіопіи, молодыхъ и старыхъ, нагими и босыми». Мы имѣемъ, сверхъ того, и данныя изъ жизни другихъ племенъ, показывающія, что взятіе и унесеніе одежды служитъ для обозначенія политическаго подчиненія, а въ иныхъ случаяхъ является привѣтственною церемоніею. Такъ, на островѣ Фиджи, въ день уплаты дани

«Вождь Сомо-Сомо, разоблачившись предварительно отъ всѣхъ своихъ одеждъ, сѣлъ и снялъ даже свой шлейфъ громадной длины. Онъ передалъ его оратору, а тотъ, въ свою очередь, передалъ ему кусокъ матеріи, достаточный для того, чтобы удовлетворить условіямъ благопристойности. Остальные вожди Сомо-Сомо являлись каждый со шлейфомъ, который волочился по полу на нѣсколько ярдовъ длины; всѣ они разоблачались до нага, снимали свои шлейфы и уходили... Все населеніе Сомо-Сомо оказалось такимъ образомъ обнаженнымъ».

Далѣе мы читаемъ, что, во время пребыванія Кука на островѣ Таити, два важные сановника «явились на корабль, и каждый изъ нихъ выбралъ себѣ друга... Церемонія эта состояла въ томъ, что они сняли бо̀льшую часть своихъ одеждъ и возложили ихъ на насъ». А на другомъ полинезійскомъ островѣ, Самоа, этотъ привѣтственный обрядъ подвергается значительному сокращенію: снимается и подносится только одинъ поясъ.

Съ такими фактами въ рукахъ мы врядъ ли можемъ допустить сомнѣніе въ томъ, что эта передача одежды даетъ начало ряду привѣтствій, состоящихъ изъ бо̀льшаго или мѐньшаго разоблаченія тѣла. Дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ разными степенями разоблаченія, которыя имѣютъ всѣ одно и тоже значеніе. Изъ отчета Ибнъ-Батула о путешествіи его въ Суданъ въ XIV в. Тэйлоръ приводитъ слѣдующія слова: «женщины не могутъ являться въ присутствіе султана Мелли иначе, какъ нагими; даже его дочери должны подчиниться этому обычаю»; и ка̀къ бы сильно мы ни были склонны сомнѣваться въ существованіи подобнаго обычая, особенно въ его наиболѣе рѣзкой и крайней формѣ, наше сомнѣніе невольно исчезаетъ, когда мы читаемъ у Спика, что даже въ настоящее время при дворѣ Уганда «прислуживаютъ совершенно обнаженныя взрослыя женщины». Въ другихъ частяхъ Африки разоблаченіе, неполное, хотя все еще значительное, употребляется также въ видѣ привѣтствія. Въ Абиссиніи низшіе въ присутствіи своихъ начальниковъ должны обнажиться до пояса, «предъ равными же они приподнимаютъ лишь на время край одежды». Тоже происходитъ и въ Полинезіи. Таитяне «обнажаются до поясницы въ присутствіи короля»; а Форстеръ разсказываетъ, что на Островахъ Товарищества вообще «низшіе классы народа, по чувству почтенія, снимаютъ съ себя верхнее платье въ присутствіи своихъ старшихъ вождей». Ка̀къ впослѣдствіи подобный привѣтственный обрядъ подвергается сокращенію и ка̀къ онъ затѣмъ распространяется нетолько на правителей, но и на другихъ лицъ, это можно видѣть изъ обычаевъ жителей Золотого Берега. Вотъ что̀ пишетъ Круикшенкъ:

«Они раскланиваются съ европейцами, а иногда и другъ съ другомъ, слегка передвигая свое платье правою рукою на лѣвомъ плечѣ и приэтомъ граціозно наклоняясь. Если они желаютъ выказать особенное уваженіе, то обнажаютъ совсѣмъ плечо и поддерживаютъ платье подъ рукою, такъ что все ихъ тѣло до груди оказывается обнаженнымъ».

О тѣхъ же племенахъ Бёртонъ говоритъ, что «въ Іорубѣ и по всему Золотому Берегу обнаженіе плечъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и сниманіе шляпъ въ Англіи».

Врядъ ли нужно доказывать, что обнаженіе головы имѣетъ

то же первоначальное значеніе, какъ и обнаженіе верхней части тѣла. Даже относительно европейскихъ народовъ связь между этими двумя обычаями была подмѣчена, напримѣръ, Фордомъ. «Снятіе одеждъ въ Испаніи, говоритъ онъ:—равносильно нашему снималію шляпы». Та же связь замѣчается въ Африкѣ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Дагомэ, оба эти обычая соединены: «они обнажали свои плечи, снимая въ то же время шляпы», говоритъ Бёртонъ, разсказывая о сдѣланномъ ему пріемѣ. Тоже и въ «Полинезіи, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Таити, жители обнажаются до половины передъ королемъ и во то же время снимаютъ шляпу. Отсюда, повидимому, ясно, что столь распространенный среди европейскихъ народовъ обычай снимать шляпы, сокращенный иногда до простого дотрогиванія къ ней, составляетъ остатокъ того процесса разоблаченія, помощью котораго, въ первобытныя времена, плѣнникъ выражалъ отдачу въ собственность побѣдителя всего своего имущества.

Что обычай обнажать ноги имѣетъ то же происхожденіе, доказывается фактами изъ жизни жителей Золотого Берега: обнажая въ знакъ почтенія верхнюю часть своего тѣла, они также, по словамъ Крункшенка, снимаютъ и сандаліи съ ногъ, «въ знакъ уваженія»; они обнажаютъ такимъ образомъ тѣло съ обоихъ концовъ. По всей древней Америкѣ обнаженіе ногъ имѣло то же значеніе. Въ Перу «какое нибудь лицо, какъ бы оно ни было важно, не могло войти къ Инкѣ въ богатой одеждѣ, а непремѣнно въ скромномъ костюмѣ и съ босыми ногами»; въ Мексикѣ короли, вассалы Монтезумы, обязаны были снимать башмаки, а потомъ уже входить къ нему». Насколько велико было значеніе, придаваемое этому дѣйствію, видно изъ того, что «когда Михоаканъ отдѣлился отъ Мексики, то государь его принялъ титулъ casonzi, то есть, обутый». Подобныя же данныя относительно азіатскихъ народовъ вполнѣ знакомитъ насъ, съ этимъ обычаямъ. Въ Бурмѣ европеецъ, встрѣтившійся съ королемъ или попавшій въ его свиту, обязанъ снять башмаки даже и въ томъ случаѣ, если встрѣча произойдетъ на улицѣ или на большой дорогѣ». Тоже и въ Персіи: всякій приближающійся къ шаху долженъ обнажать ноги.

Не трудно провѣрить различныя толкованія этихъ обычаевъ; достаточно для этой цѣли уяснить нѣкоторые другіе обычаи, господствующіе въ обществахъ, гдѣ изъявленія крайней подчиненности считаются необходимыми. Я говорю объ обычаѣ являться въ присутствіе правителей одѣтыми въ грубыя одежды—одежды рабовъ. Въ древней Мексикѣ, приближенные Монтезумы, поступавшіе къ нему «въ его апартаменты, въ услуженіе, обязаны были прежде всего снять свои богатыя одежды и надѣть болѣе

простыя; они могли предстать предъ нимъ не иначе, какъ босыми и съ опущенными глазами». Тоже происходило и въ Перу: рядомъ съ правиломъ, что, какъ бы ни былъ знатенъ подчиненный, онъ можетъ явиться въ присутствіе Инки не иначе, какъ съ тяжестью на плечахъ и босымъ, подъ чѣмъ подразумѣвается рабство, существовало и другое, а именно: «какъ бы знатно и могущественно ни было лицо, входящее къ Инкѣ, оно не могло явиться въ богатыхъ одеждахъ, а лишь въ скромномъ костюмѣ». А это послѣднее дѣйствіе также служило для обозначенія рабства. Подобный же обычай, хотя не доведенный до такой крайности, существуетъ и въ Дагомэ, гдѣ самодержавіе неограниченно и подчиненность полная: подданные высшаго званія, королевскіе министры, могутъ «ѣздить верхомъ, быть носимыми въ гамакахъ, наряжаться въ шелкъ, держать многочисленную свиту, употреблять во время прогулокъ большіе зонтики, флаги, трубы и другіе музыкальные инструменты. Но, при входѣ въ ворота королевскаго жилища, всѣ эти знаки ихъ высокаго званія должны быть оставлены». Даже въ средневѣковой Европѣ, подчиненіе побѣдителю или высшему лицу выражалось сниманіемъ такихъ частей одежды и украшеній, которыя были въ связи съ высшимъ общественнымъ положеніемъ; считалось, слѣдовательно необходимымъ являться въ сравнительно бѣдномъ костюмѣ, согласовавшемся съ рабскимъ состояніемъ. Такъ, во Франціи, въ 1467 г., главы покореннаго города, сдавая его во власть побѣдоносснаго герцога, «привели съ собою въ его лагерь триста лучшихъ гражданъ, одѣтыхъ только въ рубашки, съ непокрытыми головами и босыми ногами. Эти послѣдніе поднесли герцогу городскіе ключи и предали себя въ его руки и его милосердію». Принесеніе присягъ въ вѣрности было связано съ обрядами, имѣвшими подобное же значеніе. Сен-Симонъ, описывая одну изъ церемоній этого рода и разсказывая, между прочимъ, объ отдачѣ сюзерену меча, перчатокъ и шляпы, говоритъ, что это дѣлалось съ цѣлью «лишить вассала знаковъ его званія въ присутствіи господина». Такимъ образомъ, и надѣваніе въ присутствіи господина грубыхъ одеждъ, и сниманіе дорогихъ одеждъ и украшеній имѣютъ одно и то же значеніе.

Умилостивительныя дѣйствія такого рода, подобно всѣмъ другимъ, распространяются отъ видимаго лица, предъ которымъ испытываютъ страхъ, на невидимое, внушающее подобный же страхъ—на духа и бога. Припомнимъ, что у евреевъ посыпаніе головы пепломъ и надѣваніе вретищъ производилось одновременно съ обрѣзываніемъ волосъ, кровопусканіемъ и нанесеніемъ ранъ на тѣлѣ—при чемъ все это дѣлалось для умилостивленія духа; что далѣе обычай этотъ существуетъ и до сихъ поръ на

Востокѣ, гдѣ, по описанію Сальта, одна женщина, оплакивающая покойника, была одѣта во вретище и покрыта пепломъ, а, по словамъ Букгардта, «родственницы умершаго вождя бѣгали по главнымъ улицамъ полуобнаженныя, лишь слегка прикрытыя лохмотьями, между тѣмъ какъ ихъ головы, лица и груди были почти вполнѣ покрыты пепломъ». Не очевидно ли послѣ этого, что полу-нагота, разодранныя и грубыя одежды, выражающія подчиненіе живущему правителю, служатъ и для выраженія подчиненія лицу умершему, превратившемуся въ духа и получившему, такимъ образомъ, силу, внушающую страхъ? Что дѣйствительно таково значеніе обнаженія тѣла, доказывается тѣмъ, что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращается и въ дѣйствіе религіознаго подчиненія, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: Исаія, показывая самъ первый примѣръ, убѣждаетъ мятежныхъ израильтянъ заключить миръ съ Іеговою и говоритъ имъ:—«Бичуйте себя и обнажитесь, и опоясайте чресла вретищемъ», и изъ примѣра шестидесяти лицъ, пришедшихъ изъ Сихема, Шилоха и Самаріи, которыя для умилостивленія Іеговы нетолько обрѣзали себѣ волосы и стали себя бичевать, но и разодрали одежды. Паралельное явленіе мы встрѣчаемъ и относительно обнаженія ногъ. Мы уже видѣли, что это дѣйствіе служило для выраженія смиренія передъ правителемъ; но оно, въ то же время, употреблялось, вмѣстѣ съ другими дѣйствіями, для выраженія сѣтованія по умершимъ, напримѣръ, у евреевъ, какъ то видно изъ слѣдующаго повелѣнія въ кн. Іезекіиля: «Вздыхай въ безмолвіи, плача по умершемъ не совершай; но обвязывай себя повязкою и обувай ноги твои въ обувь твою». У евреевъ сниманіе обуви употреблялось также при богослуженіи. Въ другихъ мѣстахъ сниманіе обуви является знакомъ какъ политическаго, такъ и религіознаго подчиненія. О перуанцахъ, которые являются босыми въ присутствіе Инки, мы читаемъ, что «всѣ они, за исключеніемъ короля, снимаютъ обувь за двѣсти шаговъ до входа въ храмъ Солнца; король же сохраняетъ обувь до самаго входа въ храмъ, а тамъ снимаетъ ее». То же можно замѣтить и относительно сниманія шляпы. Употребляясь рядомъ съ другими дѣйствіями для умилостивленія живыхъ правителей, оно служитъ также для умилостивленія духовъ обыкновенныхъ смертныхъ и духовъ важныхъ, обожествленныхъ впослѣдствіи мертвецовъ, которымъ приносится постоянное поклоненіе. Такъ, напримѣръ, даже въ нашемъ обществѣ существуетъ обычай снимать шляпы, подлѣ могилы; на континентѣ снимаютъ шляпы при встрѣчѣ съ похоронною процессіею. Снимаютъ шляпы передъ изображеніемъ Христа и Божьей Матери, какъ въ домахъ, такъ и на улицѣ, что̀ предписывается въ старинныхъ книгахъ объ обхожденіи; въ

католическихъ странахъ падаютъ на колѣни и снимаютъ шляпы, когда проносятся св. дары; мы видимъ, наконецъ, повсюду снимание шляпъ передъ входомъ въ мѣсто богослуженія.

Но не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія того факта, что подобнаго рода привѣтствія, совершаемыя первоначально по отношенію къ высшимъ лицамъ, внушающимъ сильнѣйшій страхъ, а въ настоящее время и по отношенію къ менѣе могущественнымъ лицамъ, мало-по малу расширяются, пока не обращаются, наконецъ, въ общераспространенный обычай. Вышеприведенныя цитаты показали, что въ Африкѣ легкое обнаженіе плеча употребляется какъ средство привѣтствія между равными, между тѣмъ какъ въ Испаніи къ той же цѣли служитъ легкое передвиженіе плаща. Подобнымъ же образомъ, обычай ходить босикомъ въ присутствіи короля и въ храмахъ порождаетъ обычай вѣжливости въ общественныхъ сношеніяхъ: дамары снимаютъ сандаліи при входѣ въ чужой домъ; японцы, при входѣ даже въ лавку, оставляютъ свою обувь у порога; при входѣ въ турецкій домъ, необходимо оставить верхнюю обувь или галоши у подножія лѣстницы, наконецъ, въ Европѣ церемонія сниманія шляпы съ головы, выражавшая первоначально феодальное подчиненіе и религіозное поклоненіе, теперь служитъ для выраженія уваженія даже земледѣльцу, при входѣ въ его домъ.

Послѣднее изъ приведенныхъ нами фактовъ требуетъ нѣкоторыхъ прибавочныхъ разъясненій. Необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ путемъ, вслѣдствіе распространенія привѣтствій, выражавшихъ первоначально отдачу себя во власть побѣдителя и подчиненіе правителю, образовались привѣтствія всякаго рода между равными.

Мы уже приводили доказательства того, что ритмическія мускульныя движенія, обозначающія радость, каковы: прыганіе, хлопаніе въ ладоши и даже хлопаніе по ребрамъ локтями, обращаются въ искуственные знаки радости для умилостивленія повелителя, при чемъ возникаютъ особыя положенія тѣла, выказывающія подчиненіе. Эти искуственные знаки радости переходятъ въ обмѣнъ вѣжливостей въ тѣхъ случаяхъ, когда различіе званій не имѣетъ мѣста. Согласно словамъ Гранта, когда въ лагерѣ Торки кто-нибудь рождался... у дверей матери собиралась толпа женщинъ, выражавшая свою радость хлопаніемъ въ ладоши, плясками и криками. Пляска ихъ состояла въ прыганіи, въ подыманіи ногъ самымъ неуклюжимъ образомъ и въ хлопаніи локтями по бокамъ. Тамъ, гдѣ то дозволяютъ обстоятельства, подобныя изъявленія уваженія дѣлаются взаимными. Босманъ разсказываетъ, что на негрскомъ берегу «два лица одинаковаго званія падаютъ при встрѣчѣ другъ передъ другомъ на колѣни и

хлопають въ ладоши и кланяются, желая добраго дня.» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между друзьями происходитъ обмѣнъ вѣжливостей, доходящій даже до паденія ницъ на землю. У москитовъ, говоритъ Банкрофтъ, «одно изъ двухъ встрѣтившихся лицъ падаетъ къ ногамъ другаго; послѣдній помогаетъ ему встать, обнимаетъ его и затѣмъ, въ свою очередь, падаетъ къ его ногамъ, чтобы быть также поднятымъ и утѣшеннымъ объятіемъ». Подобнаго рода примѣры вполнѣ подтверждають, что поклоны, присѣданія и сниманіе шляпъ, которыми мы обмѣниваемся, составляютъ остатки, переживаніе прежнихъ преклоненій плѣнниковъ и разоблаченіе ихъ.

Я привожу всѣ эти примѣры, главнымъ образомъ, съ цѣлью объяснить другой, еще болѣе распространенный обычай. Я уже указалъ на то, какъ среди вѣжливыхъ арабовъ высшее лицо, если оно въ милостивомъ настроеніи духа, противится желанію низшаго поцѣловать его руку и какъ, наконецъ, борьба между ними оканчивается тѣмъ, что низшее цѣлуетъ свою собственную руку. Приведемъ теперь слѣдующій отчетъ Нибура о другомъ, тѣсно связанномъ съ этимъ обычаемъ.

«Два араба, встрѣчаясь въ пустынѣ, пожимаютъ другъ другу руки болѣ десяти разъ; каждый изъ нихъ цѣлуетъ свою руку и непрестанно повторяетъ вопросъ: «какъ твое здоровье?!» Въ Іеменѣ каждое лицо дѣлаетъ видъ, какъ будто желаетъ взять руку другаго, а самъ отодвигаетъ свою, чтобы избѣгнуть подобной же почести. Наконецъ, для окончанія спора, старшій изъ двухъ позволяетъ другому поцѣловать свои пальцы».

Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать происхожденіе пожатія рукъ? Что должно произойдти, если изъ двухъ лицъ одно желаетъ привѣтствовать другое поцѣлуемъ руки и каждое, въ свою очередь, отымаетъ свою руку, противится поцѣлованію? Подобно тому, какъ въ томъ случаѣ, когда два лица оставляютъ комнату и каждое изъ нихъ, уступая другому первый шагъ, отказывается идти впередъ, возникаетъ необходимо у дверей столкновеніе нѣкоторыхъ движеній, мѣшающихъ движенію впередъ— такъ и въ случаѣ, если два лица пытаются поцѣловать другъ у друга руки, а сами отказываютъ въ поцѣлуѣ своихъ рукъ, порождается рядъ движеній: каждый старается поднять руку другаго къ губамъ и отнять свою, опуская ее внизъ, и т. д. попеременно. Вначалѣ подобное дѣйствіе окажется совершенно неправильнымъ, но, по мѣрѣ распространенія обычая и вмѣстѣ съ болѣе установившимся исходомъ этой борьбы—неудачею въ поцѣлуѣ, движенія сдѣлаются болѣе правильными и размѣренными. Ясно, что различіе между простымъ соединеніемъ рукъ, до чего теперь часто сокращается это привѣтствіе, и стариннымъ

сердечнымъ пожатіемъ, потрясеніемъ руки—гораздо бо́льшее, чѣмъ между сердечнымъ пожатіемъ руки и тѣмъ движеніемъ, которое произошло бы, какъ результатъ усилія одного лица поцѣловать руку у другаго.

Но если бы даже арабскіе обычаи и не проливали свѣта на указанныя дѣйствія, мы вынуждены были бы заключить, что таково именно ихъ происхожденіе. Послѣ всего сказаннаго, врядъ ли возможно сомнѣваться въ томъ, не есть ли пожатіе рукъ—заранѣе установленная, обдуманная форма привѣтствія. А если это пожатіе, подобно остальнымъ обычаямъ того же рода, произошло естественнымъ образомъ изъ какого-либо дѣйствія, выражающаго подчиненіе, то такимъ дѣйствіемъ долженъ быть именно поцѣлуй руки, который только одинъ и могъ породить такой обычай.

Итакъ, какого бы рода ни были привѣтствія, всѣ они имѣютъ происхожденіе общее съ трофеями и изувѣченіями. Находясь вполнѣ во власти своего побѣдителя, который либо убиваетъ побѣжденнаго, отрѣзавъ часть его тѣла въ знакъ побѣды, либо, отрѣзавъ менѣе важную часть тѣла, налагаетъ такимъ образомъ на него клеймо подчиненности, побѣжденный врагъ лежитъ распростершись у ногъ его то на спинѣ, то съ ногою побѣдителя на шеѣ, покрытый прахомъ или грязью, безъ оружія, съ разодранными одеждами, лишенный своей одежды, покрытой трофеями и наиболѣе цѣнной въ его глазахъ. Такимъ образомъ, преклоненіе, посыпаніе прахомъ, потеря одеждъ—явленія, сопровождающія покореніе, подчиненіе—обращаются, подобно изувѣченіямъ, въ признанныя доказательства подчиненія; отсюда происходятъ, во первыхъ, искуственные и принудительные знаки подчиненія, выказываемые рабами передъ господами и подданными передъ правителями, затѣмъ—добровольное принятіе смиренныхъ положеній передъ высшими и, наконецъ—тѣ привѣтственныя движенія, выражающія низшее подчиненное положеніе, которыми размѣниваются между собою равные.

Что начало всѣхъ привѣтствій и поклоновъ лежитъ въ воинственномъ строѣ общества—заключеніе, гармонирующее вполнѣ съ тѣмъ фактомъ, что они развиваются вмѣстѣ съ этимъ строемъ. Въ племенахъ, у которыхъ вовсе нѣтъ правительства, и въ тѣхъ, гдѣ власть вождя слабо установлена, мы почти не встрѣчаемъ положеній и движеній, выражающихъ подчиненіе: напр. у огнеземельцевъ, андамановъ, австралійцевъ, тасманійцевъ, эскимосовъ; а въ отчетахъ объ этикетѣ, господствующемъ среди бродячихъ и почти неорганизованныхъ племенъ Сѣв. Америки, почти вовсе не упоминается о дѣйствіяхъ, выражающихъ рабство или подчиненіе. Правда, въ Индіи существуютъ простыя, политически-неорганизованныя и мирныя общества, среди ко-

торыхъ употребляются униженныя привѣтствія, напр. тодасы. Во время бракосочетанія, тодаская невѣста кладетъ голову подъ ногу жениха. Но коль скоро исключенія подобнаго рода, такъ же какъ и менѣе рѣзко обозначающіяся, встрѣчаются у осѣдлыхъ пастушескихъ или земледѣльческихъ племенъ, прошедшихъ уже рядъ ступеней развитія отъ бродячей жизни къ осѣдлой, ступеней, въ теченіи которыхъ военная дѣятельность была очень сильна—мы вправѣ съ полнымъ основаніемъ предположить, что они—не иное что̀, какъ переживающіе обряды, утратившіе свое первоначальное значеніе; и это тѣмъ болѣе, что у упомянутыхъ нами народовъ не существуетъ ни общественнаго подчиненія, ни подчиненія домашняго, выраженіемъ которыхъ служатъ изслѣдуемые нами обряды. Съ другой стороны, въ сложныхъ обществахъ, установившихся подъ вліяніемъ воинственнаго духа и пріобрѣвшихъ воинственный типъ организаціи, политическая и общественная жизнь отличается рабскими привѣтствіями и поклонами. Если мы спросимъ себя, въ какихъ именно слабо развитыхъ обществахъ встрѣчаются униженныя преклоненія, ползанія и пресмыканія—отвѣтъ будетъ ясенъ. Мы находимъ ихъ у воинственныхъ каннибаловъ на Фиджи, гдѣ власть правителей надъ подданными и ихъ собственностью неограниченна и гдѣ, въ нѣкоторыхъ порабощенныхъ округахъ, жители смотрятъ на себя, какъ на существа, откармливаемыя для съѣденія; мы находимъ ихъ, далѣе, въ Уганда, гдѣ война представляетъ хроническое явленіе, гдѣ единственный источникъ дохода—грабежъ какъ сосѣднихъ племенъ, такъ и подданныхъ и гдѣ король, «за отсутствіемъ дичи, сталъ стрѣлять и убивать своихъ собственныхъ подданныхъ». Мы находимъ ихъ у кровожадныхъ дагомейцевъ, гдѣ производятся нападенія на сосѣдніе округа съ цѣлью добыванія возможно бо̀льшаго числа головъ для украшенія королевскаго дворца и гдѣ всѣ, начиная съ перваго министра, считаются рабами короля. Что касается до болѣе цивилизованныхъ государствъ, мы встрѣчаемъ привѣтствія въ Бирмѣ и Сіамѣ, гдѣ воинственный типъ, завѣщанный прошлымъ, создалъ сильную неограниченную монархическую власть; въ Японіи, гдѣ, рядомъ съ деспотизмомъ, порожденнымъ и упроченнымъ войнами ранняго времени, возникли и униженныя преклоненія каждаго класса общества передъ классомъ, стоящимъ на высшей ступени общественной лѣстницы; въ Китаѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ такимъ же деспотическимъ правительствомъ, возникшимъ подобнымъ же путемъ, продолжаютъ существовать полу-преклоненія и ударенія о землю головою въ присутствіи верховнаго правителя. То же можно сказать и объ обычаѣ цѣловать ноги. Онъ существовалъ въ древнемъ Перу, гдѣ весь народъ былъ подчиненъ воинственной

дисциплинѣ и организація. Онъ преобладаетъ въ Мадагаскарѣ, гдѣ строй и дѣятельность отличаются воинственнымъ характеромъ. А среди многихъ народовъ Востока, живущихъ издавна подъ деспотическимъ правленіемъ, этотъ видъ привѣтствія существуетъ и теперь, какъ существовалъ въ давнопрошедшія времена. То же происходитъ и съ обычаемъ снимать либо всю одежду, либо только нѣкоторую часть ея. Самыя рѣзкія формы проявленія этого обычая встрѣчаются, какъ мы уже видѣли, въ Фиджи и Уганда; между тѣмъ какъ менѣе рѣзкія — обнаженіе тѣла до поясницы—попадаются въ Абиссиніи и Таити, гдѣ королевская власть, хотя и отличается своимъ могуществомъ, все же менѣе деспотична, чѣмъ въ Фиджи и Уганда. Тоже замѣчается и относительно обнаженія ногъ. Оно служило привѣтствіемъ королю въ древнемъ Перу и древней Мексикѣ, служитъ и теперь для той же цѣли въ Бурмѣ и Персіи. Во всѣхъ этихъ странахъ деспотическое правительство развилось изъ военнаго духа. Та же связь наблюдается и по отношенію къ другимъ крайнимъ формамъ привѣтствій: посыпанію головы пепломъ, надѣванію грубыхъ одеждъ, ношенію тяжестей, связыванію рукъ.

Мы придемъ къ тѣмъ же результатамъ, если сравнимъ обычаи европейскихъ народовъ въ раннія времена, когда война наполняла всю жизнь, съ обычаями, существующими теперь, когда война перестала быть жизненною дѣятельностью. Въ феодальныя времена выказывали свое уваженіе и преданность тѣмъ, что цѣловали ноги, становились на колѣни, складывали руки, снимали нѣкоторыя части одежды — въ наши дни наиболѣе униженныя изъ этихъ привѣтствій исчезли, нѣкоторыя совсѣмъ, другія почти совершенно: сохранились поцѣлуй, поклонъ и сниманіе шляпы. Даже болѣе: тѣ же различія можно прослѣдить между болѣе и менѣе воинственными европейскими націями—на континентѣ отвѣшиваютъ болѣе глубокіе и болѣе старательные поклоны, чѣмъ въ Англіи. Даже въ нашемъ обществѣ проявляется это различіе: высшіе классы, составляющіе регулятивную часть общественнаго строя, развившуюся какъ здѣсь, такъ и повсюду, благодаря воинственному духу, обращаютъ болѣе вниманія на эти формы привѣтствія (нетолько при дворѣ, но и въ частныхъ сношеніяхъ), чѣмъ классы, образующіе собою промышленный строй, члены которыхъ теперь размѣниваются при встрѣчахъ почти исключительно легкимъ поклономъ или кивкомъ головы. Можно прибавить еще другой многозначительный фактъ: въ чисто воинственныхъ частяхъ нашего общества—арміи и флотѣ — установленныя и предписанныя привѣтствія не только соблюдаются болѣе правильно и строго, нежели въ другихъ частяхъ общества, но, кромѣ того, во флотѣ, гдѣ главные

офицеры обладаютъ сильною властью, переживаетъ обычай, аналогичный съ обычаями варварскихъ обществъ: въ Бурмѣ считается обязательнымъ «преклоняться при приближеніи къ дворцу»; дагомейцы преклоняются передъ воротами дворца; на Фиджи предписывается склоняться «въ знакъ уваженія къ вождю или къ его жилищу»; когда же англійскій военный отправляется на бортъ короблѧ, онъ долженъ снять шляпу передъ шканцами.

Примѣры подобнаго различія мы встрѣчаемъ и въ привѣтствіяхъ, приносимыхъ сверхъестественнымъ существамъ, духамъ или богамъ. Ношеніе вретищъ для умилостивленія духа, напр. въ старину у евреевъ, а теперь въ Китаѣ, частичное обнаженіе тѣла и посыпаніе головы пепломъ — что̀ дѣлается и теперь на Востокѣ при похоронныхъ обрядахъ—всѣ эти обычаи не встрѣчаются въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ, гдѣ промышленность оказала сильное дѣйствіе на измѣненіе строя. Среди насъ, гдѣ это дѣйствіе индустріи сказалось сильнѣе всего, привѣтствія мертвецамъ почти вполнѣ исчезли; исключеніе составляетъ обычай снимать шляпу подлѣ могилы. То же можно сказать и относительно привѣтствій, употребляемыхъ при богослуженіи. Обнаженіе ногъ при приближеніи къ храму, какъ, напр., въ древнемъ Перу, и снятіе обуви при входѣ въ храмъ, какъ, напр., на Востокѣ, все это—дѣйствія, которыхъ мы не встрѣчаемъ болѣе среди насъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, а на континентѣ лишь въ случаѣ покаянія. Преклоненія и ударенія о землю головою молящагося китайца или магометанина не встрѣчаются вовсе въ тѣхъ странахъ, гдѣ болѣе свободныя формы соціальныхъ учрежденій, свойственныя промышленному типу, видоизмѣнили воинственный типъ. Даже колѣнопреклоненіе, какъ одинъ изъ видовъ религіознаго поклоненія, въ значительной степени вышло у насъ изъ употребленія, а у наименѣе воинственныхъ изъ нашихъ сектъ, у квакеровъ, мы вовсе не встрѣчаемъ религіозныхъ привѣтствій.

Такого рода отношенія, параллельныя съ тѣми, которыя мы уже прослѣдили, покажутся намъ вполнѣ естественными, если мы вспомнимъ, что воинственная дѣятельность, будучи, по сущности своей, понудительна, требуетъ по необходимости приказанія и послушанія, такъ что тамъ, гдѣ она преобладаетъ, преобладаютъ и изъявленія покорности; напротивъ того, промышленная дѣятельность, какъ напр. въ отношеніяхъ между нанимателемъ и нанимающимся, между продавцомъ и покупателемъ, по сущности своей—не понудительна; поэтому тамъ, гдѣ она преобладаетъ, настаивается лишь на исполненіи контракта, условія: отсюда—упадокъ въ употребленіи знаковъ покорности.

Гербертъ Спенсеръ.

СВАДЬБА ПО ТЕЛЕФОНУ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

МАРКА ТВЭНА.

I.

Былъ холодный, зимній день. Городъ Истпортъ, въ штатѣ Мэнъ, лежалъ погребенный подъ глубокимъ слоемъ только что выпавшаго снѣга. Умолкъ обычный шумъ на улицахъ. На нихъ можно было видѣть только гробовую пустоту, при такомъ же безмолвіи. Тротуары казались длинными канавами, окруженными съ обѣихъ сторонъ высокими снѣжными стѣнами. По временамъ, въ воздухѣ раздавался отдаленный скрипъ деревянной лопаты, и если вы были очень поспѣшны въ своихъ движеніяхъ, то успѣли бы замѣтить черную фигуру въ одной изъ этихъ канавъ. То былъ работникъ, пытавшійся сгребать снѣгъ, но черезъ нѣсколько минутъ онъ уже бросалъ лопату и удалялся въ домъ, постукивая одной рукой объ другую. Холодъ былъ слишкомъ убійственный, чтобъ даже работники, сгребавшіе снѣгъ, оставались долго на воздухѣ.

Потомъ на небѣ потемнѣло, поднялся сильный вѣтеръ, и его энергичные порывы стали разносить по всѣмъ сторонамъ облака снѣжной пыли. Одинъ изъ этихъ порывовъ заграждалъ улицу снѣжнымъ сугробомъ, на подобіе могилы, другой—разметывалъ этотъ сугробъ, устроивая нѣчто въ родѣ бушующаго водоворота, а третій — очищалъ все пространство, какъ ладонь. Это была безумная игра, но порывы вѣтра имѣли свою прямую обязанность заносить снѣгомъ тротуары, и это они исполняли самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Алонзо Фитцъ-Кларенсъ сидѣлъ въ своемъ красивомъ, уютномъ, маленькомъ кабинетѣ; на немъ былъ прелестный голубой шелковый халатъ съ искусно стеганными пунцовыми отворотами. Веселый огонь пылалъ въ каминѣ, а на столѣ виднѣлись остатки

роскошно сервированнаго завтрака. Все это вмѣстѣ составляло граціозную, гармоническую и пышную картину.

Вдругъ, стекла задребезжали въ окнѣ отъ страшнаго порыва вѣтра, и снѣжная волна ударила о деревянную раму. Красивый молодой холостякъ промолвилъ:

— Значитъ, сегодня сиди дома. Я очень радъ, но съ кѣмъ мнѣ промолвить хоть слово? Матушка и тётка Сюзанна—пріятное общество, но ихъ обществомъ я могу всегда пользоваться, а въ такой мрачный, скучный день необходимъ, для развлеченія, какой-нибудь новый интересъ, какой-нибудь свѣжій элементъ.

Онъ взглянулъ на хорошенькіе французскіе бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ.

— Опять отстали. Они никогда не знаютъ настоящаго времени. Альфредъ!

Отвѣта не было.

— Альфредъ!.. Хорошій слуга, но такой же невѣрный, какъ часы.

Алонзо ткнулъ пальцемъ въ пуговку электрическаго звонка, подождалъ минуту, снова позвонилъ еще сильнѣе и, наконецъ, промолвилъ:

— Вѣрно, баттарея не въ порядкѣ. Но ужъ я узнаю, во что бы то ни стало, который часъ.

Онъ подошелъ къ разговорной трубѣ, сначала свистнулъ, а потомъ произнесъ два раза:

— Матушка!

Отвѣта также не было.

— Вѣроятно, и у матушки баттарея не въ порядкѣ. Видно, отъ домашнихъ ничего не добьешься.

Онъ сѣлъ къ столику изъ розового дерева и, припавъ щекою къ лѣвой его сторонѣ, сказалъ, какъ бы обращаясь къ полу:

— Тётка Сюзанна!

Тихій, но пріятный голосъ отвѣчалъ:

— Это ты, Алонзо?

— Да. Я не могу сойти въ нижній этажъ, а никто не идетъ мнѣ на помощь. Я въ крайне затруднительномъ положеніи.

— Что съ тобой? Ты меня пугаешь.

— Мнѣ самому страшно.

— Говори скорѣе. Не терзай.

— Я не знаю, который часъ.

— Гадкій мальчикъ! Вѣчно шутишь. Вотъ и все?

— Все, клянусь честью. Успокойтесь. Скажите мнѣ, который часъ, и примите мое благословеніе.

— Пять минутъ десятаго. Не надо твоего благословенія. Я и даромъ скажу.

— Напрасно, благословеніе мнѣ ничего не стоитъ. Благодарю васъ.

Онъ всталъ и, посмотрѣвъ на свои часы, сказалъ:

— Сегодня они еще лучше себя ведутъ; отстали только на 34 минуты. Въ Сан-Франциско пять минутъ десятаго... слѣдовательно.. Дай-ка, посчитаю: 31 и 23 будетъ 54, четыре раза 54 составитъ 236; отнять одинъ, останется 235. Это вѣрно.

Онъ перевелъ стрѣлки на своихъ часахъ и поставилъ на часѣ безъ двадцати минутъ.

— Ну, теперь, если можете, не врите болѣе, а то я вамъ задамъ.

Онъ снова возвратился къ столику изъ розоваго дерева и произнесъ:

— Тётка Сюзанна!

— Что̀, голубчикъ?

— Вы завтракали?

— Да̀, часъ тому назадъ.

— Вы заняты?

— Нѣтъ, то есть, шью. А тебѣ что̀?

— У васъ есть кто нибудь?

— Нѣтъ, но я жду въ половинѣ десятаго.

— Жаль, что я никого не жду. Мнѣ скучно. Я хотѣлъ бы съ кѣмъ-нибудь поговорить,

— Хорошо, говори со мной.

— Но я хотѣлъ бы поговорить наединѣ.

— Не бойся, здѣсь никого нѣтъ.

— Право, не знаю, рѣшиться ли...

— Чего ты колеблешься? Ты знаешь, что можешь мнѣ все довѣрить.

— Знаю, тётя; но дѣло очень серьёзное, оно касается нетолько меня и моего семейства, но всего общества.

— О! Алонзо, говори скорѣе. Я никому не скажу.

— Вотъ видите, тётя...

— Продолжай скорѣй. Я тебя люблю и могу сочувствовать тебѣ во всемъ. Повѣрь мнѣ свою тайну. Въ чемъ дѣло?

— Здѣсь скверная погода.

— Ка̀къ тебѣ не стыдно меня такъ мучить, Алонзо!

— Простите, милая тётя, никогда больше не буду.

— Я тебя прощаю, если ты раскаеваешься. Но вѣдь ты опять станешь меня дурачить?

— Нѣтъ, клянусь честью. Но вы не можете себѣ представить, какая здѣсь погода: холодъ, вѣтеръ, снѣгъ. А у васъ что̀?

— Жара, дождь, темнота. На улицахъ только и видны зон-

тяки и струящаяся съ нихъ вода. Окна открыты для прохлады, а въ каминѣ пылаетъ огонь, чтобъ хоть немного повеселить глазъ и разогнать скуку. Но все напрасно. На душѣ мрачно, а въ воздухѣ ароматъ декабрскихъ цвѣтовъ, какъ бы на зло распустившихся въ саду.

Алонзо хотѣлъ сказать: «Краснорѣчиво, тётя, это надо бы напечатать», но остановился, услыхавъ, что тётка заговорила съ кѣмъ-то другимъ. Онъ подошелъ къ окну и выглянулъ на улицу. Мятель бушевала еще сильнѣе прежняго, оконный переплетъ дрожалъ; бездомная собака съ поджатымъ хвостомъ прислонилась, дрожа всѣмъ тѣломъ, къ стѣнѣ дома, какъ бы прося защиты; бѣдная молодая дѣвушка, съ развѣвающимся капишономъ ватерпруфа, пробиралась по колѣна въ снѣгу. Алонзо вздрогнулъ и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Нѣтъ, лучше жаръ, дождь и даже благоуханіе цвѣтовъ, чѣмъ такая гадость.

Онъ отвернулся отъ окна и сталъ прислушиваться. До него долетали нѣжные звуки любимаго романса. Голосъ и пѣніе далеко не достигали совершенства, но въ нихъ было что то особенно очаровательное. Когда прелестные звуки умолкли, Алонзо промолвилъ:

— Я никогда не слыхалъ ничего подобнаго.

И, подходя къ столику изъ розоваго дерева, онъ тихо спросилъ:

— Тётя, кто эта небесная пѣвица?

— Гостья, которую я ожидала. Она пріѣхала погостить ко мнѣ на мѣсяцъ. Я тебя сейчасъ ей представлю. Миссъ...

— Подождите, тётя, вы всегда все дѣлаете необдуманно.

Съ этими словами, Алонзо убѣжалъ въ спальню и вернулся одѣтый по послѣдней модѣ.

— Чортъ возьми! Она хотѣла меня представить этому ангелу въ голубомъ халатѣ съ пунцовыми отворотами.

Онъ поспѣшно приблизился къ столику изъ розоваго дерева и съ нетерпѣніемъ произнесъ, улыбаясь и расшаркиваясь:

— Теперь я готовъ, тётя.

— Хорошо. Миссъ Розанна Этльтонъ, позвольте мнѣ представить вамъ моего любимаго племянника, мистера Алонза Фитцъ-Кларенса. Вы оба—хорошіе люди и я васъ одинаково люблю; мнѣ надо заняться по хозяйству и я васъ оставлю вдвоемъ. Сядьте, Розанна, сядьте, Алонзо. До свиданія, я вскорѣ вернусь.

Алонзо все это время улыбался и кланялся, пододвигалъ кресла воображаемой молодой дѣвушкѣ и, наконецъ, самъ усѣлся.

— Вотъ это такъ счастье! думалъ онъ:—пусть теперь свирѣпствуетъ мятель. Мнѣ какое дѣло!

Пока молодые люди знакомились и весело болтали, мы бросимъ взглядъ на миссъ Розанину Этльтонъ. Она сидѣла въ граціозной позѣ одна въ богато убранной гостиной, очевидно, принадлежавшей умной, образованной и развитой женщинѣ. Передъ низкимъ, покойнымъ кресломъ стоялъ роскошный рабочій столикъ и вокругъ него полъ былъ усѣянъ концами шерстей и шелковъ всевозможныхъ цвѣтовъ, лоскутками лентъ и различныхъ матерій. На богатомъ диванѣ, покрытомъ индійской матеріей съ золотыми разводами, лежала тамбурная работа. У окна виднѣлся мольбертъ съ недоконченной картиной, а подлѣ, на стулѣ—палитра и кисти. Всюду были раскиданы книги: сочиненія Тенисона, Гауторна, проповѣди Робертсона; молитвенники, хозяйственныя руководства и т. д. Фортепіано было завалено нотами, по стѣнамъ висѣло много картинъ, а на этажеркахъ разставлены были статуэтки, фарфоровыя фигурки и прочія художественныя бездѣлушки. Окна выходили въ садъ, изобиловавшій рѣдкими цвѣтами и кустарниками.

Но всего прелестнѣе въ этой комнатѣ была молодая дѣвушка. Черты ея были правильныя, греческія; цвѣтъ лица бѣлоснѣжный съ розоватымъ отливомъ; глаза большіе, голубые, рѣсницы длинныя, загибающіяся, волосы густые, золотисто-русые, фигура статная, граціозная. Во всемъ ея существѣ выражалась дѣтская простота и грація газели. Ея костюмъ отличался гармонической прелестью и тонкимъ развитымъ вкусомъ.

Время шло, а молодые люди все болтали. Вдругъ, миссъ Розанна подняла голову и, посмотрѣвъ на часы, вспыхнула.

— Прощайте, мистеръ Фитцъ-Клaренсъ, сказала она: — мнѣ надо идти.

Она поспѣшно вскочила, не обращая вниманія на отвѣтъ молодого человѣка и, не сводя глазъ съ часовъ, промолвила сквозь зубы:

— Пять минутъ двѣнадцатаго! Прошло два часа, а мнѣ они показались не болѣе двадцати минутъ. Что онъ обо мнѣ подумаетъ?

Въ тоже время и Алонзо съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свои часы.

— Три часа безъ двѣнадцати минутъ! промолвилъ онъ:—прошло два часа, а мнѣ они показались двумя минутами. Неужели мои часы опять врутъ! Миссъ Этльтонъ, вы еще не ушли?

— Нѣтъ, но я ухожу.

— Будьте такъ добры, скажите, который часъ?

Молодая дѣвушка покраснѣла и, промолвивъ про себя: «это жестоко съ его стороны», отвѣчала очень равнодушно:

— Пять минутъ двѣнадцатаго.

— Благодарю васъ. Вы уходите?

— Да.

— Какъ жаль!

Отвѣта не было.

— Миссъ Этльтонъ!

— Что̀?

— Вы еще не ушли!

— Нѣтъ, но ухожу. Что̀ вамъ надо?

— Ничего. Мнѣ очень скучно. Не будете ли вы такъ добры поговорить со мною опять попозже?

— Не знаю, подумаю, постараюсь.

— Благодарю васъ, миссъ Этльтонъ! Она ушла. Какъ здѣсь холодно! Она сказала прощайте!.. Однако, часы правы. Какъ скоро прошло два часа.

Онъ сѣлъ къ камину, мрачно опустивъ голову и тяжело вздыхая.

— Странно, два часа тому назадъ, я былъ свободный человѣкъ, а теперь мое сердце въ плѣну въ Сан-Франциско!

Въ это самое время, Розанна Этльтонъ, сидя на окнѣ своей спальнѣ и смотря на лужи, покрывавшія улицы, думала:

— Онъ гораздо лучше глупаго Бурлея съ его пустой головой и пошлымъ талантомъ передразнивать знакомыхъ.

II.

Мѣсяцъ спустя, мистеръ Сидней Альджернонъ Бурлей сидѣлъ за роскошнымъ завтракомъ въ своемъ богатомъ домѣ на Телеграфной Горѣ и забавно передразнивалъ извѣстныхъ актёровъ, литераторовъ и мѣстныхъ аристократовъ. Онъ былъ очень красивъ, щегольски одѣтъ. Повидимому, онъ былъ очень веселъ, но все же безпокойно поглядывалъ на дверь. Наконецъ, появился лакей и что̀-то въ полголоса сказалъ хозяйкѣ, которая молча кивнула головой. Мистеръ Бурлей понялъ, въ чемъ дѣло, и внезапно осовѣлъ; одинъ его глазъ выразилъ глубокое разочарованіе, а другой мрачное отчаяніе.

Когда всѣ гости разъѣхались, онъ подошелъ къ хозяйкѣ и сказалъ:

— Она рѣшительно избѣгаетъ меня, и всегда отказывается выйти, когда я здѣсь. Еслибъ мнѣ только увидать и сказать ей два слова...

— Это, быть можетъ—одна случайность, мистеръ Бурлей. Прой-

дите въ маленькую гостиную верхняго этажа и подождите меня. Я распоряжусь по хозяйству и потомъ пойду къ ней въ комнату; авось я ее уговорю принять васъ.

Мистеръ Бурлей повиновался, но по дорогѣ, проходя мимо будуара тётки Сюзанны, услыхалъ черезъ полу-отворенную дверь веселый смѣхъ Розанны; не постучавшись и не спросивъ позволенія, онъ вошелъ въ комнату. Но не успѣлъ онъ переступить порога, какъ юная кровь его застыла и сердце оледенѣло. Онъ услыхалъ голосъ, говорившій:

— Наконецъ-то, радость моя, я получилъ вашъ портретъ.

Розанна Эгльтонъ, обернувшись къ нему спиною, отвѣчала:

— А, я—вашъ, голубчикъ.

Она нагнулась и что-то поцѣловала. Онъ задрожалъ отъ злобы. Ужасный разговоръ продолжался.

— Розанна, я былъ увѣренъ, что вы прелестны, но ваша красота ослѣпительна, опьяняюща!

— Я очень рада слышать это отъ васъ, Алонзо. Я знаю, что вы говорите неправду, но мнѣ пріятны ваши похвалы. Я была увѣрена, что у васъ благородное лицо, но никогда не ожидала такого величія и нѣжности.

И снова раздались поцѣлуи.

— Благодарю васъ, Розанна. Но фотографія слишкомъ мнѣ льститъ. Знаете ли что, Розанна!

— Что, Алонзо?

— Я ужасно счастливъ!

— О! Алонзо, никто до сихъ поръ не зналъ и впослѣдствіи не узнаетъ такого счастья, какъ я.

— О! моя Розанна! Вѣдь ты моя, не правда ли?

— Ваша Алонзо, вся ваша и на вѣки. Днемъ и ночью я только повторяю одно: «Алонзо Фитцъ-Кларенсъ. Истпортъ, въ штатѣ Мэнъ».

— Проклятый! я, по крайней мѣрѣ, имѣю его адресъ! воскликнулъ Бурлей и поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

За Алонзо стояла его мать, пораженная изумленіемъ. Она была укутана съ головы до ногъ въ мѣховую шубу и представляла прекрасную картину зимы, такъ какъ вся была въ снѣгу.

За Розанной стояла тётка Сюзанна, столь же изумленная. Она могла служить олицетвореніемъ лѣта; на ней было легкое платье, а въ рукахъ она держала вѣеръ, которымъ обмахивалась отъ жара.

На глазахъ обѣихъ женщинъ выступили слезы.

— Такъ вотъ отчего, Алонзо, тебя не могли вытащить изъ комнаты впродолженіи шести недѣль? воскликнула мистриссъ Фитцъ-Кларенсъ.

— Такъ вотъ почему вы упорно вели затворническую жизнь Розанна, впродолженіи шести недѣль, произнесла тётка Сюзанна.

Молодые люди отскочили въ сторону и казались пойманными на мѣстѣ преступниками.

— Христосъ съ тобою, сынъ мой, я очень рада твоему счастью. Приди въ мои объятія.

— Да благословитъ васъ Господь, Розанна, за вашу любовь къ моему племяннику. Придите въ мои объятія.

И слезы радости проливались какъ на Телеграфной Горѣ, въ Сан-Франциско, такъ и въ скверѣ Истпорта.

Тутъ и тамъ были позваны слуги.

— Подложите дровъ въ каминъ и принесите мнѣ горячаго лимонаду.

— Погасите огонь въ каминѣ и принесите воды со льдомъ.

Послѣ этого молодыхъ людей удалили, и обѣ старухи принялись дружески бесѣдовать о предстоящей свадьбѣ.

Между тѣмъ, мистеръ Бурлей, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ дома на Телеграфной Горѣ. Онъ бормоталъ сквозь зубы съ дикимъ свистомъ, какъ злодѣй въ мелодрамѣ.

— Клянусь, она никогда не выйдетъ за него замужъ, и прежде чѣмъ веселая весна замѣнитъ мрачную зиму, *она* будетъ моей!

III.

Прошло двѣ недѣли. Въ послѣдніе дни постоянно посѣщалъ Алонзо какой-то джентльмэнъ, съ строгимъ, набожнымъ выраженіемъ лица. Онъ называлъ себя пасторомъ Гаргрэвомъ изъ Цинцинати и говорилъ, что вышелъ изъ лона церкви по нездоровью, что̀, повидимому, совершенно противорѣчило его здоровенной фигурѣ и розовымъ щекамъ. Онъ изобрѣлъ какое-то усовершенствованіе въ телефонѣ и надѣялся продажей привилегіи на это изобрѣтеніе нажить много денегъ.

— Въ настоящее время, говорилъ пасторъ:—каждый владѣлецъ телефона можетъ приставить его къ телеграфной проволокѣ и подслушать то, что̀ говорятъ совершенно посторонніе люди.

— Такъ что̀-жъ? замѣтилъ Алонзо:—вѣдь это не мѣшаетъ разговаривающимъ слышать другъ друга.

— Конечно, продолжалъ пасторъ:—но я не знаю, пріятно ли, напримѣръ, жениху и невѣстѣ, если ихъ нѣжныя изліянія подслушаетъ посторонній.

Алонзо вздрогнулъ.

— Да, сэръ, ваше изобрѣтеніе неоцѣненно! воскликнулъ онъ:— продайте мнѣ его за какую хотите цѣну.

Но инструментъ, сочиненный пасторомъ, не приходилъ изъ Цинцинати по неизвѣстной причинѣ. Алонзо сгоралъ отъ нетерпѣнія. Мысль, что слова его Розанны, дышавшія такою любовью, были достояніемъ перваго встрѣчнаго, сводила его съ ума. Пасторъ приходилъ къ нему по нѣскольку разъ въ день и утѣшалъ увѣреніями, что вскорѣ драгоцѣнный инструментъ будетъ полученъ.

Однажды изобрѣтатель пришелъ къ Алонзо, когда его не было дома, и, постучавшись, вошелъ въ дверь, которая была не заперта. Лицо его сіяло торжествомъ и онъ прямо подбѣжалъ къ телефону. Нѣжные, отдаленные звуки любимаго романса Розанны раздавались въ комнатѣ. Послушавъ нѣсколько минутъ, онъ произнесъ съ нетерпѣніемъ, искусно подражая голосу Алонзо:

— Голубушка?

— Что̀, Алонзо?

— Пожалуйста, не пойте болѣе этого стариннаго романса. Попробуйте что-нибудь поновѣе.

Въ эту минуту раздались поспѣшные шаги Алонзо, и пасторъ съ адской улыбкой на устахъ спрятался за тяжелыя, бархатныя занавѣси окна. Войдя въ комнату, Алонзо прямо бросился къ телефону.

— Милая Розанна, сказалъ онъ:—споемъ, что-нибудь вмѣстѣ.

— Что̀-нибудь новенькое? спросила она съ горькимъ сарказмомъ.

— Да, если желаете.

— Нѣтъ, ужь пойте одни.

Этотъ рѣзкій отвѣтъ огорчилъ молодого человѣка.

— Розанна! вы сегодня не походите на себя.

— И вы не очень приличны сегодня, мистеръ Фитцъ Кларенсъ!

— Мистеръ Фитцъ-Кларенсъ! Да что̀ же я сказалъ неприличнаго?

— Неужели! значитъ я не хорошо разслышала и вы не просили меня не пѣть моего любимаго романса?

— Никогда я этого не просилъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, что просили!

— Позвольте вамъ отвѣтить, что никогда не просилъ.

— Довольно, милостивый государь, вы опять меня оскорбили. Я никогда вамъ этого не прощу. Все кончено между нами.

Вслѣдъ за этимъ раздался плачъ, и Алонзо поспѣшно произнесъ:

— О, Розанна! откажитесь отъ вашихъ словъ. Увѣряю васъ,

тутъ какая-нибудь ошибка. Я никогда не говорилъ ничего подобнаго. Какъ могли вы подумать, что я способенъ васъ оскорбить? Отвѣчайте, Розанна, отвѣчайте!

Отвѣта не было, и по удаляющимся звукамъ плача Алонзо понялъ, что молодая дѣвушка отошла отъ телефона. Онъ глубоко вздохнулъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Я отыщу матушку, думалъ онъ:—и она убѣдитъ, конечно, Розанну, что я не хотѣлъ ее оскорбить.

Черезъ минуту, пасторъ стоялъ у телефона, съ нетерпѣніемъ ожидая чего-то. Ему пришлось ждать не долго. Нѣжный, раскаивающійся голосъ произнесъ:

— Милый Алонзо, я виновата. Вы не могли меня такъ жестоко оскорбить. Это, вѣрно, за васъ говорилъ кто-нибудь другой, искусно подражая вашему голосу.

Пасторъ отвѣчалъ голосомъ Алонзо:

— Вы сказали, что между нами все кончено. Быть по вашему. Я отвергаю съ презрѣніемъ ваше раскаянье.

И онъ вышелъ изъ комнаты, торжествуя свою побѣду.

Спустя четыре часа, Алонзо возвратился домой съ матерью которую онъ нашелъ въ какомъ-то бѣдномъ семействѣ. Они оба тщетно произносили безсчетное число разъ: «Розанна»! Наконецъ, когда въ Сан-Франциско сѣло солнце, а въ Истпортѣ ночь наступила уже три съ половиною часа, они получили отвѣтъ, но не отъ молодой дѣвушки, а отъ тётки Сюзанны.

— Я только-что вернулась домой. Подождите, я сейчасъ ее отыщу.

Прошло десять минутъ, и тётка Сюзанна произнесла тревожнымъ, испуганнымъ голосомъ:

— Она уѣхала. Она взяла съ собою всѣ свои вещи и сказала слугамъ, что поѣхала къ другимъ знакомымъ. На ея столѣ я нашла слѣдующую записку: «Я уѣхала, не ищите меня; сердце мое разбито, мы никогда больше не увидимся. Скажите ему, что я буду всегда о немъ вспоминать, когда буду пѣть свой бѣдный, любимый романсъ, но забуду его оскорбительныя слова». Что̀ это значитъ, Алонзо? Что̀ случилось?

Алонзо поблѣднѣлъ и похолодѣлъ, какъ мертвецъ. Мать поспѣшно отдернула занавѣсъ и открыла окно. Свѣжій воздухъ благодѣтельно подѣйствовалъ на Алонзо, и онъ разсказалъ матери все случившееся. Между тѣмъ, она подняла съ полу карточку, на которой красовалось: «Мистеръ Сидней Алъджернонъ Бурлей, Сан-Франциско».

— Подлецъ! воскликнулъ Алонзо и бросился на улицу съ цѣлью найти и уничтожить ложнаго пастора.

Эта карточка объясняла все, такъ какъ Розанна разсказала своему жениху обо всѣхъ своихъ поклонникахъ и, между прочимъ, отозвалась насмѣшливо о талантѣ Бурлея подражать чужимъ голосамъ.

IV.

Впродолженіи слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ случилось многое. Розанна не возвратилась къ своей бабушкѣ въ Портландъ, въ штатѣ Орегонъ, а послала ей только копію съ записки, оставленной теткѣ Сюзаннѣ. Гдѣ была теперь бѣдная сиротка, если она только не умерла—оставалось непроницаемой тайной.

Но Алонзо не отказался отъ надежды ее отыскать. Онъ говорилъ себѣ: «Она будетъ пѣть въ грустную минуту свой любимый романсъ и я такимъ образомъ ее отыщу». Съ этой цѣлью онъ взялъ переносный телефонъ, сак-вояжъ съ вещами и отправился странствовать по всѣмъ штатамъ. Часто, въ отдаленныхъ, пустынныхъ мѣстахъ, жители съ удивленіемъ видали въ это время, какъ блѣдный, исхудалый человѣкъ влѣзалъ на телеграфный столбъ, приставлялъ къ проволокѣ какой-то небольшой ящикъ и прикладывалъ къ нему ухо. Просидѣвъ около часу на столбѣ, онъ слѣзалъ и уходилъ грустный, мрачный. Иногда его принимали за бѣшеннаго и даже стрѣляли по немъ. Но, несмотря на полученныя контузіи и пробитое пулями платье, онъ все сносилъ терпѣливо, повторяя: «Ахъ, еслибъ мнѣ только услышать ея любимый романсъ!»

Наконецъ, черезъ мѣсяцъ и три недѣли, какіе-то гуманные люди схватили его и посадили въ съумасшедшій домъ въ Нью-Йоркѣ. Онъ не жаловался, ибо въ немъ исчезла теперь всякая сила воли и всякая надежда. Директоръ дома умалишенныхъ сжалился надъ нимъ и, помѣстивъ его въ своей собственной квартирѣ, съ большой любовью ухаживалъ за нимъ.

По истеченіи недѣли, больной уже былъ на ногахъ и вечеромъ, лежа на диванѣ, прислушивался къ свисту холоднаго мартовскаго вѣтра и шуму на улицѣ. Комната была теплая, свѣтлая; въ каминѣ пылалъ веселый огонь, а на столахъ виднѣлись зажженныя лампы. Алонзо съ грустной улыбкой думалъ о своей странной судьбѣ, которая привела его въ съумасшедшій домъ, благодаря несчастной любви. Вдругъ, до его слуха донеслись отдаленные, слабые, но неописанно нѣжные звуки. Кровь застыла въ его жилахъ. Онъ притаилъ дыханіе и сталъ прислушиваться. Наконецъ, онъ воскликнулъ:

— Это—она! Это—она! о, божественные звуки!

Соскочивъ съ дивана, онъ подбѣжалъ къ окну и, нетерпѣливо оторвавъ занавѣсъ, нашелъ тамъ телефонъ. Онъ прильнулъ къ нему губами и произнесъ:

— Слава Богу! я васъ нашелъ, моя Розанна. Все объяснилось. Подлый Бурлей наговорилъ вамъ дерзостей, подражая моему голосу.

Прошло нѣсколько минутъ лихорадочнаго ожиданія, и потомъ нѣжный голосъ произнесъ:

— Повторите ваши драгоцѣнныя слова, Алонзо!

— Клянусь, что я говорю правду, Розанна. И я могу это доказать.

— О! Алонзо, не уходите отъ меня. Дайте мнѣ сознавать, что вы со мною. Скажите, что мы болѣе не разстанемся. О! счастливая, блаженная минута!

— Мы всю жизнь будемъ праздновать эту несравненную минуту.

— Конечно, Алонзо.

— Шесть часовъ и четыре минуты вечера...

— Двѣнадцать часовъ и двадцать три минуты утра...

— О! Розанна, гдѣ же вы?

— Въ Гонолулу, на Сандвичевыхъ Островахъ. А вы гдѣ? Вы дома?

— Нѣтъ, я въ Нью-Йоркѣ, больной, у доктора.

Алонзо услыхалъ слабый стонъ, который, пробѣжавъ пять тысячъ миль, естественно потерялъ свою силу.

— Успокойтесь. Я совершенно здоровъ съ тѣхъ поръ, какъ нашелъ васъ.

— Вы меня ужасно напугали, Алонзо.

— Назначьте день нашей свадьбы, Розанна.

Наступило молчаніе.

— Я краснѣю, но отъ счастья, отвѣчалъ слабый, нѣжный голосокъ:—вы хотите поскорѣй.

— Да, да, сегодня, сейчасъ.

— Какой вы нетерпѣливый. У меня здѣсь только дядя, старый миссіонеръ, и его жена, а я желала бы, чтобъ ваша мать, и ваша тётка Сюзанна...

— Наша мать и наша тётка.

— Да, да, я желала бы, чтобъ наша мать и тётка присутствовали на нашей свадьбѣ.

— Я бы тоже этого желалъ. Телеграфируйте тёткѣ Сюзаннѣ. Когда она можетъ пріѣхать къ вамъ?

— На восьмой день, то есть 31-го марта.

— Такъ назначьте, Розанна, 1-е апрѣля днемъ нашей свадьбы.
— Ни за что.
— Какое намъ дѣло до суевѣрныхъ глупостей, когда въ этотъ день мы будемъ счастливѣйшіе люди на свѣтѣ.
— Ну, хорошо, пусть будетъ 1-го апрѣля.
— А въ которомъ часу?
— Утромъ лучше. Хотите въ восемь часовъ?
— Всякій часъ, когда вы станете моей, будетъ блаженнѣйшимъ въ моей жизни.

Въ комнатѣ раздался какой-то слабый, неопредѣленный звукъ, словно эхо отдаленнаго поцѣлуя. Потомъ Розанна сказала:

— Извините меня, милый Алонзо, мнѣ надо кого-то принять по дѣлу.

Молодая дѣвушка выбѣжала изъ своей комнаты въ большую гостиную и остановилась у окна, изъ котораго открывался великолѣпный видъ. Налѣво вдали тянулась прелестная Нуанаская Долина, усѣянная тропическими цвѣтами, кокосовыми пальмами и апельсинными рощами; прямо противъ виднѣлся красивый городъ, а на горизонтѣ искрились сѣдыя волны океана.

Розанна въ легкомъ бѣломъ платьѣ обмахивала вѣеромъ свое раскраснѣвшееся лицо. Черезъ минуту, въ дверяхъ показался мистеръ Сидней Альджернонъ Бурлей въ полотняномъ сьютѣ. Онъ хотѣлъ поспѣшно подойти къ молодой дѣвушкѣ, но та его остановила.

— Я васъ жду, какъ обѣщала, сказала она холодно:—я повѣрила всѣмъ вашимъ клятвамъ и согласилась назначить день нашей свадьбы. Она будетъ 1-го апрѣля въ восемь часовъ утра. Теперь вы можете идти.

— Цѣлый жизни будетъ мало...

— Ни слова. Я не хочу ни видѣть васъ, ни говорить съ вами до свадьбы. Не просите, а повинуйтесь.

Когда онъ ушелъ, она опустилась въ изнеможеніи на кресло.

— И подумать, что этотъ гнусный подлецъ могъ бы быть моимъ мужемъ! Я вѣдь дошла до того, что какъ будто начала любить. Онъ мнѣ дорого заплатитъ за все это, коварный лжецъ!

2-го апрѣля въ газетѣ «Вѣстникъ Гонолулу» было напечано:

«Сегодня утромъ, въ восемь часовъ, въ этомъ городѣ обвѣнчаны по телефону мистеръ Алонзо Фитцъ-Кларенсъ изъ Истпорта, въ американскомъ штатѣ Мэнъ, и миссъ Розанна Этльтонъ изъ Портланда, въ штатѣ Орегонъ. Церковный обрядъ совершали пасторъ Гэйзъ изъ Гонолулу и пасторъ Дэвисъ изъ Нью-Йорка. Присутствовали: другъ невѣсты, мистриссъ Сюзанна Голандъ изъ Сан-Франциско, и мистеръ Сидней Альджернонъ Бурлей изъ того

же города, который, однако, не остался до конца службы. Послѣ церемоніи молодая и ея друзья отправились въ новобрачное путешествіе на прекрасной яхтѣ капитана Готорна къ островамъ Гамакала и Лагана».

Въ тотъ же день въ нью-йоркскихъ газетахъ было напечатано:

«Вчера, въ половинѣ втораго, обвѣнчаны по телефону мистеръ Алонзо Фитцъ-Кларенсъ изъ Истпорта, въ штатѣ Мэнъ, и миссъ Розанна Этльтонъ изъ Портланда, въ штатѣ Орегонъ. Церемонію совершали: пасторъ Дэвисъ изъ здѣшняго города и пасторъ Гэйзъ изъ Гонолулу. Присутствовали родственники и друзья жениха. Послѣ церковнаго обряда былъ роскошный завтракъ, а потомъ всѣ предприняли брачное путешествіе въ аквааріумъ, такъ какъ, по слабому здоровью молодого, нельзя было предпринять дальнѣйшей поѣздки».

Вечеромъ, въ этотъ памятный день мистеръ и мистриссъ Фитцъ-Кларенсъ нѣжно бесѣдовали объ ихъ брачныхъ путешествіяхъ. Вдругъ молодая воскликнула.

— О! Алонзо, я забыла тебѣ сказать, что исполнила свое намѣреніе.

— Какое?

— Я сдѣлала ему славное 1-е апрѣля. Онъ явился въ черномъ фракѣ, несмотря на нестерпимую духоту, и былъ вполнѣ увѣренъ, что будетъ вѣнчаться со мною. Еслибъ ты только видѣлъ его лицо, когда я объяснила ему, въ чемъ дѣло. Я много перенесла горя изъ-за него, но тутъ мнѣ стало жаль бѣднягу, и я просила его остаться на свадьбѣ, увѣряя, что все ему простила. Но, онъ не хотѣлъ и объявилъ, что жестоко отомститъ намъ обоимъ. Но вѣдь, онъ не можетъ помѣшать нашему счастью, Алонзо?

— Никогда, Розанна.

Тётка Сюзанна благополучно привезла молодую съ Сандвичевыхъ Острововъ въ Нью-Йоркъ, гдѣ произошло первое свиданіе между пламенно любящими супругами.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ КРИЗИСЫ.

(по Максу Вирту [1]).

Экономическіе кризисы, періодически разражающіеся надъ Европою и Америкою, сдѣлались постоянными явленіемъ въ жизни государствъ, постоянными спутникомъ ихъ экономическаго прогресса. Они нетолько повторяются періодически, съ наклонностью повторяться все чаще и чаще, но и съ каждымъ почти разомъ все глубже захватываютъ жизнь и раскидываются все на бо́льшее и бо́льшее пространство: начинаясь въ одной экономической области, напр. въ фабричной промышленности, они распространяются на торговлю, кредитъ, сельское хозяйство и вообще на всѣ сферы экономической дѣятельности, а, начинаясь въ одномъ государствѣ, переходятъ въ другія, находящіяся съ нимъ, въ торговыхъ или промышленныхъ сношеніяхъ. Все это, т. е. и распространенность кризисовъ, и тѣсная связь ихъ съ капиталистическимъ хозяйствомъ, и размѣры причиняемыхъ ими бѣдствій и проч., дѣлаетъ изученіе кризисовъ нетолько интереснымъ, но и крайне необходимымъ. Это изученіе пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что кризисы представляютъ собою явленіе, еще весьма мало изслѣдованное экономическою наукою. Въ исторической и экономической литературахъ, правда, можно встрѣтить монографіи отдѣльныхъ кризисовъ и отдѣльныя попытки дать имъ научное объясненіе, но никогда еще они не разсматривались всѣ въ сово-

---

[1] «Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ», переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1877 г. Максъ Виртъ разсматриваетъ: любекскій торговый кризисъ, тюльпаноманію въ Нидерландахъ, англійскій денежный кризисъ 1696 г., систему Лау во Франціи, періодъ спекуляцій въ Англіи на южно-американскую торговлю, гамбургскіе кризисы 1763—99 гг., англійскіе кризисы 1815—25—36—39 и 47 гг., кризисы въ Америкѣ въ 1814—37 и 39 гг., кризисъ 1857 г., французскій денежный кризисъ 1863—4 г., Лондонскій кризисъ 1866 г, Черную Пятницу въ Нью-Йоркѣ въ 1869 г. и вѣнскій крахъ 1873 г.

купности, не разсматривались обстоятельно, и потому далеко не было ясно, что они составляють именно постоянное и генетическое явленіе общественной жизни. Недавно одинъ неутомимый нѣмецкій экономистъ Максъ Виртъ собралъ въ своей «Исторіи торговыхъ кризисовъ» громадный матерьялъ для изученія этого вопроса. Хотя матерьялъ этотъ преимущественно относится къ торговой и кредитной области, а область собственно производственная недостаточно изслѣдована, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ достаточно данныхъ для изученія экономическихъ кризисовъ во обще. Равнымъ образомъ слѣдуетъ замѣтить и то, что, можетъ быть, изслѣдованіе М. Вирта, обнимающее собою періодъ времени съ XVII ст. по 1874 г., и несовсѣмъ полно въ историческомъ отношеніи, такъ какъ кризисы происходили, вѣроятно, и раньше XVII ст. (на что, надо надѣяться, дальнѣйшія историческо-экономическія работы, столь скудныя въ настоящее время, прольютъ новый свѣтъ); но для насъ собственно этотъ чисто историческій интересъ неособенно важенъ, такъ какъ мы интересуемся больше настоящимъ и будущимъ, а изслѣдованіе М. Вирта какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда началась новая экономическая эра, когда капиталистическій процессъ, начавшійся собственно нѣсколько раньше, пріобрѣтаетъ въ жизни господствующее значеніе: какъ разъ въ это время акціонерныя общества, играющія громадную роль въ капиталистическомъ процессѣ, входятъ во всеобщій обычай; какъ разъ въ это время создается міровой рынокъ, вырабатывается новѣйшая система кредита, государственныхъ долговъ и налоговъ, развивается протекціонная политика и вообще создаются другія столь важныя условія этого роковаго историческаго процесса, который все развивается и, по всей вѣроятности, не скоро еще уступитъ иному порядку вещей, если только не произойдутъ какія нибудь экстренныя и рѣшительныя событія. Изслѣдованіе М. Вирта прежде всего показываетъ, что кризисы являются вовсе не результатомъ какихъ нибудь случайностей или отдѣльныхъ ошибокъ въ народномъ хозяйствѣ и тѣмъ болѣе не происходятъ какимъ нибудь загадочнымъ или стихійнымъ образомъ, какъ это, можетъ быть, кажется при первомъ взглядѣ на дѣло, а составляютъ именно постоянное и генетическое явленіе въ современномъ народномъ хозяйствѣ, имѣютъ свои опредѣленныя причины и свою правильную исторію развитія. Причины кризисовъ въ высшей степени сложны и разнообразны: войны, неурожайные годы и тому подобныя бѣдствія, неправильное направленіе кредита и производства, съ неизбѣжными при этомъ: спекуляціей, ажіотажемъ и биржевыми плутнями, неудовлетворя-

тельная система денежнаго обращенія и дурно устроенные финансы, обременительные налоги, протекціонизмъ и вообще дурно устроенныя экономическія и международныя отношенія, причемъ одна какая нибудь причина рѣдко достигаетъ такой напряженности, чтобы вызвать кризисъ, а обыкновенно дѣйствуютъ нѣсколько причинъ. Какъ бы, однако, ни были разнообразны всѣ эти причины, онѣ сводятся: или къ истребленію (напр. войною) необходимыхъ для народа капиталовъ и непроизводительной затратѣ ихъ вообще, или къ экспропріаціи ихъ государствомъ у государства, однимъ сословіемъ у другаго и однимъ разрядомъ лицъ у другихъ разрядовъ лицъ въ одномъ и томъ же сословіи. Послѣднее, т. е. экспропріація капиталовъ, совершающаяся мирнымъ путемъ, обусловливается капиталистическимъ процессомъ, который проявляется прежде всего: стремленіемъ отрѣшить трудъ отъ условій производства (земли, орудій и проч.), затѣмъ стремленіемъ экспропріировать прибавочный капиталъ, который получается ежегодно, и, наконецъ, стремленіемъ концентрировать, сосредоточивать капиталы въ немногихъ рукахъ, что̀ проявляется борьбою капиталистовъ другъ съ другомъ и поглощеніемъ мелкихъ капиталовъ крупными путемъ конкуренціи, привилегій и монополій.—Всѣ эти проявленія мы можемъ наблюдать почти въ каждомъ кризисѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ и попытаемся, слѣдуя за изложеніемъ М. Вирта, отмѣтить наиболѣе существенныя черты кризисовъ. Выводы явятся сами собою.

Любекскій кризисъ, происшедшій въ началѣ XVII в., обусловливался торговымъ соперничествомъ Любека, съ одной стороны, съ Гамбургомъ, а съ другой—съ усилившеюся предпріимчивостью англичанъ и голландцевъ, которая все болѣе и болѣе вытѣсняла любекскихъ торговцевъ и заставляла ихъ терять одну торговую привилегію за другою. Когда торговля этого когда-то славнаго города (въ XIV и XV ст.) пришла, въ началѣ XVII ст., въ упадокъ, то, дѣлая отчаянныя усилія для завоеванія прежняго положенія, онъ былъ вовлеченъ въ сумасшедшія спекуляціи, которыя, поглотивъ нетолько весь наличный капиталъ, но и тотъ, какой только можно было достать въ кредитъ, привели къ злоупотребленіямъ векселями. Къ этому присоединились еще безпорядки въ монетной системѣ и то, что около 1619 г. такъ называемые кипперы и випперы (обрѣзчики монетъ) выпустили въ обращеніе, отъ имени и подъ гербомъ г. Любека, множество фальшивой монеты. Одинъ изъ современниковъ, бургомистръ Любека, описывая происшедшій застой въ дѣлахъ, даетъ нѣсколько характеристическихъ чертъ той эпохи: «нужда въ деньгахъ подняла % на капиталъ до громадныхъ размѣровъ; знат-

ные господа, граждане, именитѣйшіе бургомистры и члены магистрата занимались ростовщичествомъ». Многіе граждане, по своей неосторожности, высокомѣрію и чванству, желая на чужія деньги пустить другимъ пыль въ глаза и вести большія торговыя дѣла, не замѣчали того, что платимые ими проценты поѣдали ихъ, пока раззоренье у нихъ не очутилось на носу». «Тогда оказалось, что они такъ запутались взаимными поручительствами другъ за друга и письменными обязательствами другъ передъ другомъ, что всѣ черезъ это погибли и обѣднѣли, и вынуждены были бѣжать, оставляя обманутыми многихъ честныхъ людей...» (3)

Вторымъ кризисомъ, занесеннымъ въ лѣтописи исторіи, былъ кризисъ, вызванный въ Голландіи спекуляціями на тюльпаны. Естествоиспытатель Бусбекъ, вывезшій въ 1554 г. этотъ простой цвѣтокъ изъ Адріанополя, конечно, и не думалъ, что онъ причинитъ столько бѣдъ людямъ. Однако, это вышло такъ: благодаря тюльпану, многіе раззорились. Сначала акклиматизированный тюльпанъ былъ рѣдкостью и стоилъ довольно дорого; нѣсколько человѣкъ богатыхъ любителей высоко цѣнили его, не выпускали изъ своихъ оранжерей и садовъ; гордились и соперничали имъ другъ съ другомъ. Богатымъ людямъ, какъ извѣстно, всегда является много подражателей. Тюльпанъ пожелали имѣть многіе. Спекулянты не замедлили эксплуатировать это желаніе и обратили его для себя въ богатый источникъ наживы. Тюльпанъ сдѣлался цѣнностью. Эта искуственная цѣнность все росла, давала барыши и все больше и больше разжигала увлеченіе. Наконецъ, въ 1634—7 г., увлеченіе тюльпаномъ приняло характеръ настоящей маніи. Амстердамъ, Утрехтъ, Роттердамъ, Алькмаръ, Лейденъ, Гарлэмъ и многіе другіе города сдѣлались центрами настоящей биржевой игры, гдѣ въ ресторанахъ и харчевняхъ, замѣнявшихъ биржу, люди заключали нотаріальныя сдѣлки, дѣлали заказы на поставку извѣстныхъ сортовъ луковицъ, которыхъ ни маклера, ни продавцы даже и въ глаза не видали и т. д. «Спекуляція, говоритъ М. Виртъ:—уже и въ то время велась на тѣхъ же началахъ, какъ и теперь. Весь механизмъ биржевой игры былъ тогда уже въ полномъ ходу со всѣми своими продѣлками. Только акція называлась тюльпаномъ, и въ томъ была вся разница» (6). Мѣриломъ цѣнности были сортъ и вѣсъ луковицы, стоившей иногда дороже золота: 400 гранъ адмирала Лифкена стоили 4,400 флориновъ, 410 гр. вицекороля—3,000 фл., 200 гр. Semper Augustus—5,500 фл. и т. д. Въ Алькмарѣ въ 1637 г. было продано съ публичныхъ торговъ въ пользу сиротскаго дома 120 луковицъ за 900,000 фл. Мно-

гіе города считали свои обороты десятками милліоновъ. Знатные и убогіе торговали цвѣтами: дворяне, купцы, ремесленники, крестьяне, матросы, носильщики тяжестей, трубочисты, батраки, служанки, торговки тряпьемъ и т. д., всѣ были одержаны одною страстью обогащенія черезъ продажу тюльпановъ. «Нѣкоторое время, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобные періоды, выигрывали всѣ и никто не терялъ.» (5) Въ самое непродолжительное время наживали состоянія. «Голландецъ, говоритъ Дж. Фрэнсисъ:—при всей своей трезвости, предавался мечтамъ о прочномъ благополучіи въ будущемъ. Люди самыхъ различныхъ профессій торопились превратить свое имущество въ деньги и тюльпаны. Дома, посуда и земля продавались за безцѣнокъ». «Вся страна предалась обманчивой надеждѣ, что страсть къ тюльпанамъ будетъ продолжаться вѣки вѣчные, а когда узнали, что горячка эта охватила и другія страны (Лондонъ и Парижъ также волновались), то не на шутку вообразили, что богатство всего міра стечется къ берегамъ Зюдерзее и что бѣдность впредь сдѣлается въ Голландіи преданіемъ временъ давно минувшихъ.» Мечты эти скоро смѣнились бѣдствіемъ и отчаяніемъ. Въ 1637 же году, настамъ внезапный поворотъ дѣлъ: разразилась паника, заключенныя условія были нарушены, довѣріе исчезло, начались судебные процессы, имущества продавались за долги, многіе разорились въ конецъ и только весьма немногіе успѣли обогатиться. Люди, которые лишь нѣсколько дней тому назадъ были такъ счастливы обладаніемъ нѣсколькихъ луковицъ, реализація которыхъ должна была доставить имъ княжеское состояніе, теперь «печально и растерянно смотрѣли на лежавшіе передъ ними жалкіе клубни, не имѣвшіе сами по себѣ никакой цѣнности и которые уже болѣе нельзя было сбыть съ рукъ за что бы то ни было.» (6) Напрасно торговцы тюльпанами созывали публичныя собранія и говорили велеколѣпныя рѣчи, доказывая, что паника безсмысленна и что ихъ товаръ не утратилъ цѣнности—никто не хотѣлъ брать тюльпановъ. Ни суды, ни мудрость генеральныхъ штатовъ въ Гаагѣ, къ которымъ обращались растерянные коммерсанты, ничего не могли подѣлать, и прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ страна оправилась отъ удара, нанесеннаго ей спекуляціей на тюльпаны.

Англійскій денежный кризисъ 1696 г. обусловливался недостаткомъ денежныхъ знаковъ. Ухудшеніе звонкой монеты, столь распространенное въ средніе вѣка и состоявшее какъ изъ пониженія пробы самими правительствами, такъ и изъ обрѣзыванія и фальсификаціи монетъ, вынудило, наконецъ, парламентъ изъять плохую монету изъ обращенія; но, объявивъ 2-е мая 1696 г.

послѣднимъ днемъ, въ который обрѣзанные кроны, пол-кроны и шиллинги будутъ приниматься государственнымъ казначействомъ въ уплату податей, правительство не приняло необходимыхъ мѣръ для заготовленія достаточнаго количества новыхъ денегъ, чтобы, по мѣрѣ изъятія старой монеты изъ обращенія, не затруднить торговлю. Наставшее затрудненіе было такъ велико, что народъ принужденъ былъ обратиться къ отмѣткамъ на биркахъ и къ первобытному обмѣну продуктовъ на продукты; даже богатые люди, какъ разсказываетъ Маколей, рѣдко имѣли возможность расплачиваться по счетамъ съ мясниками и булочниками. Государственное казначейство, въ подвалахъ котораго лежало только 4 мил. фунтовъ въ монетѣ и въ слиткахъ, съ разсвѣта до полуночи осаждалось громадными толпами народа, такъ что для поддержанія порядка призывались войска. Монетный дворъ работалъ въ высшей степени медленно. Нѣкоторую помощь оказывали росписки извѣстныхъ мѣнялъ, ходившія за чистыя деньги, и билеты основаннаго за два года передъ тѣмъ англійскаго банка (курсъ ихъ съ 110 упалъ до 88); но всего этого было чрезчуръ мало для существовавшей нужды въ деньгахъ. Вслѣдствіе безденежья, подписка на акціи земельнаго банка не могла состояться, и предпріятіе пришлось оставить, несмотря даже на королевскую поддержку. Когда министръ финансовъ Монтэгью провелъ добавочную статью къ закону о земельномъ банкѣ, которою правительство уполномочивалось выпускать свидѣтельства казначейства стоимостью въ 100 и 5 ф. ст., долженствовавшія быть погашенными изъ доходовъ будущаго года (эта форма взиманія налоговъ впередъ имѣла впослѣдствіи обширную практику и показываетъ всегда недостатокъ наличнаго капитала), то это оказало нѣкоторое пособіе: свидѣтельства казначейства, выпущенныя среди всеобщей нужды и замѣшательства, одно время служили средствомъ обмѣна. Но окончательно затрудненіе, продолжавшееся 3 мѣсяца, было устранено только тогда, когда банкъ нашолъ возможность увеличить запасъ своего золота и, при помощи дѣятельнаго и безкорыстнаго Ньютона, сдѣлавшагося начальникомъ монетнаго двора, выпустилъ достаточное количество звонкой монеты. Машины и рабочіе встрѣчались въ городахъ, гдѣ открывались новые монетные дворы, пушечными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ.—Кризисъ значительно усложнился отправкою арміи во Фландрію, бестактными дѣйствіями администраціи и происками приверженцевъ Іакова. Кромѣ того, существовала еще партія богатыхъ людей, требовавшая повышенія номинальной цѣны новой монеты и, въ ожиданіи этого, удерживавшая массу вновь выпущенной монеты, вслѣдствіе чего, даже послѣ выпуска она не сразу попала въ обращеніе.

Гораздо тяжелѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ кризисъ, вызванный во Франціи, въ началѣ XVIII столѣтія, операціями знаменитаго Лау (1715 — 1720 года). Хоть кризисъ этотъ и былъ неоднократно описанъ, но такъ какъ онъ чрезвычайно характеренъ и навсегда останется поучительнымъ примѣромъ, до чего можетъ доходить спекуляція и ослѣпленіе общества жаждою наживы, то мы, не вдаваясь въ подробности, напомнимъ его главныя черты. Финансы Франціи того времени были крайне разстроены непрерывными войнами, расточительностью Людовика XIV и откупщиками податей; общенародный годовой доходъ уменьшился на 1,500 мил. фр.; средства, къ которымъ прибѣгалъ Людовикъ въ послѣдніе годы своего царствованія (продажа должностей, титуловъ, ухудшеніе монеты, выпускъ бумажныхъ денегъ, займы и проч.), оказывались палліативами, затрудненіе возрастало, и передъ преемникомъ «великаго короля» открывалась мрачная перспектива. Поэтому, когда явился во Францію Лау съ своими широкими замыслами и блестящими проектами, обѣщавшими нетолько устранить финансовыя затрудненія, но и обогатить страну, то правительство встрѣтило его съ распростертыми объятіями. Регентъ нетолько предоставилъ Лау полную свободу дѣйствій, но и оказалъ ему всю свою поддержку и принялъ самое близкое участіе въ осуществленіи его плановъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Лау стоялъ далеко впереди своего времени и что идеи его заключали въ себѣ много вѣрнаго; но тѣмъ не менѣе, онъ «страдалъ неясностью основныхъ политико-экономическихъ понятій»: смѣшивалъ деньги съ капиталомъ, а бумаги съ деньгами и, понимая совершенно вѣрно, что при кредитѣ бумажные знаки замѣняютъ деньги, надѣялся, «создавая бумажные знаки, создать капиталъ». (12) Подобную неясность понятій мы встрѣчаемъ, къ сожалѣнію, весьма часто и въ наши дни. Первымъ дѣломъ Лау было основаніе акціонернаго банка (съ капиталомъ въ 6 мил. ливр.), цѣлью котораго было: усилить денежное обращеніе, облегчить сбытъ мѣстныхъ произведеній, уплату податей и положить предѣлъ ростовщичеству. Въ то время какъ обычная норма роста—20—30%, банкъ сталъ учитывать надежные векселя изъ 6%; правительство же, для оказанія ему поддержки, требовало, чтобы сборщики податей дѣлали взносы въ казначейство не иначе, какъ билетами банка. Все это пріобрѣтало банку популярность, придавало ему силу, и успѣхъ его вскорѣ превзошолъ всякія ожиданія.—Банкъ сталъ такъ прочно, что вскорѣ билетовъ было выпущено на сумму, въ 5 разъ превышавшую его капиталъ. Но, не довольствуясь этимъ успѣхомъ и желая стать во главѣ всего финансоваго дѣла Франціи, Лау

добился отъ герцога Орлеанскаго эдикта, которымъ частный банкъ превращался въ королевскій. Затѣмъ имъ было задумано основаніе, по примѣру Англіи и Голландіи, громадной привилегированной компаніи, которая сосредоточила бы въ себѣ всю внѣшнюю заморскую торговлю. За концессіей, разумѣется, дѣло не стало, и вскорѣ возникла знаменитая «Compagnie d'Occident» (съ капиталомъ въ 100 мил. ливр., раздѣленномъ на 200.000 акцій, по 500 ливр. каждая), девизомъ которой была выставлена—колонизація береговъ Миссисипи. Компанія получила: полное право собственности и верховной власти надъ всѣми открытыми уже и имѣющими впослѣдствіи открыться землями въ Луизіанѣ; монополію канадской торговли бобрами и, безъ всякаго возмездія, всю правительственную собственность въ колоніи, какъ-то: укрѣпленія, запасы оружія, провіанта и денегъ. За все это она обязывалась, при каждомъ восшествіи на престолъ, подносить королю, въ видѣ почетнаго дара, золотую корону вѣсомъ въ 30 марокъ [1], ввозить въ колонію ежегодно не менѣе 6,000 бѣлыхъ колонистовъ и 3,000 негровъ-невольниковъ, а для обращенія индійцевъ въ христіанство построить достаточное количество церквей и содержать въ нихъ духовенство. Компанія представляла собою финансовую комбинацію чрезвычайно, повидимому, выгодную и для правительства, и для самой К°, и для публики: для правительства потому, что взносы для образованія основнаго капитала К° должны были уплачиваться исключительно свидѣтельствами государственнаго казначейства, которыя передавались правительству и такимъ образомъ извлекались изъ обращенія и погашались; для Компаніи—потому, что правительство обязывалось платить ей ежегодно ренту въ 4 мил. ливровъ, и для публики—потому, что свидѣтельства казначейства, курсъ которыхъ стоялъ на 6% ниже номинальной цѣны, принимались al pari и взамѣнъ ихъ выдавались акціи съ громадною будущностью. Полученіе съ правительства ренты было гарантировано табачною монополіею, которая уступалась Компаніи на 9 лѣтъ за ежегодную арендную плату въ 4.020,000 ливровъ. Изъ этой-то ренты, благодаря тому, что акціонеры въ теченіи 1 года 9 мѣсяцевъ не распредѣляли ея въ видѣ дивиденда, и составился первый эксплуатаціонный капиталъ Компаніи въ 7 мил. ливр., на который можно было въ 1718 г. пріобрѣсти за 1.600,000 ливр. привилегію и имущество Сенегальской Компаніи, состоявшее изъ товаровъ и кораблей, сдѣлать другія необходимыя затраты и въ 1719 году отправить въ Луизіану 10 кораблей съ 500 колонистами и 700 солдатами для основанія

[1] 15 фунтовъ.

новой колоніи. Въ этомъ же году, къ Западной Компаніи перешло имущество и привилегія «Ост-Индской и Китайской Компаніи», а затѣмъ, вскорѣ и привилегія «Африканской Компаніи». Акціонеры первой изъ этихъ компаній не желали этого, но для Лау все было возможно—онъ становился могущественнымъ человѣкомъ. Предпріятіе принимало громадные размѣры, между тѣмъ наличнаго капитала было мало (около 3 мил. ливр.); поэтому было приступлено къ искуственному раздуванію предпріятія, къ выпуску новыхъ акцій и къ биржевой игрѣ Издавались брошюры, разсказывавшія объ удивительномъ богатствѣ бассейна Миссисипи; разсказывалось объ изумрудной скалѣ на берегахъ Арканзаса; печатались гравюры, на которыхъ индійцы и индіанки то преклоняли колѣни передъ католическимъ духовенствомъ и молили о крещеніи, то радостно спѣшили на встрѣчу французамъ и мѣняли драгоцѣнности—золото, серебро и камни, на горшки, ножи, водку и т. п. Масса бумагъ была пущена въ страну и, благодаря ажіотажу, въ которомъ Лау показалъ столько искуства, и поддержкѣ, оказываемой Компаніи правительствомъ, жадно разбиралась. Вскорѣ послѣдовало еще новое выраженіе правительственнаго довѣрія—распоряженіе о передачѣ «Западной Компаніи» на 9 лѣтъ (за (50.000 ливр., разсроченныхъ на 15 мѣсячныхъ взносовъ) монетной регаліи. Принятіемъ отъ казны монетной регаліи Лау прежде всего хотѣлъ поднять кредитъ билетовъ королевскаго банка, такъ какъ какъ разъ въ это время его противники и соперники, среди которыхъ въ особенности выдавались братья Пари (сыновья однаго трактирщика, разбогатѣвшіе отъ поставокъ на армію), постоянно интриговавшіе противъ него и старавшіеся повредить ему — скупили множество билетовъ банка и, представивъ ихъ сразу въ банкъ, требовали по нимъ уплаты звонкою монетою. Разсчетъ подорвать банкъ не удался, потому что Лау тотчасъ же выхлопоталъ декретъ о пониженіи цѣнности луидора съ 35 на 34 ливра, благодаря чему звонкая монета стала стекаться въ банкъ, который продолжалъ принимать ее нѣкоторое время по старому курсу и принялъ нѣкорыя другія энергическія мѣры, чѣмъ и предупредилъ грозившую опасность. Затѣмъ Лау предложилъ правительству за податной откупъ, вмѣсто $48^1/_2$ мил. ливр., платимыхъ братьями Пари, за которыми онъ состоялъ, 52 мил. и, сверхъ того, предложилъ еще въ кредитъ изъ 3% — 1,200 мил. ливр., которыми можно было немедленно же уплатить всѣ правительственные долги, ренты и обязательства. Контрактъ съ Пари былъ совершенно незаконно нарушенъ, и откупъ былъ переданъ Лау, который такимъ образомъ очутился во главѣ всеобъемлющихъ предпріятій. Онъ мечталъ уже теперь слить всю

націю въ одну громадную Компанію, управленіемъ которой завѣдывала бы «Западная Компанія» и кассой которой былъ бы королевскій банкъ. Онъ мечталъ уже о полномъ преобразованіи всего государственнаго и народнаго хозяйства, всей промышленности, кредита и финансовой организаціи въ странѣ.—Будучи директоромъ «Западной Компаніи», пользуясь неограниченнымъ вліяніемъ на регента и вообще представляя собою силу, онъ, въ то же время, всѣми возможными средствами искалъ популярности въ обществѣ: онъ отрекался отъ протестантскаго вѣроисповѣданія и переходилъ въ лоно католической церкви; онъ дарилъ правительству 1 мил. ливр. съ просьбою освободить народъ отъ налоговъ на сало, масло и карты и проч. Между тѣмъ, «Западная Компанія», переименованная въ «Компанію Обѣихъ Индій», выпускала, выпускъ за выпускомъ, новыя акціи, для чего предлогомъ служили то уплата капитала «Ост-Индской и Китайской Компаніи», то уплата за монетную регалію.—Выпуски акцій приизводились не сразу, а небольшими серіями, благодаря чему публика набрасывалась на нихъ съ бо̀льшею жадностью: акцій не хватало, а это разжигало увлеченіе. Биржевая игра росла. Лау держалъ подставныхъ лицъ и самъ покупалъ сотни акцій, надбавляя преміи или гарантируя, при сдѣлкахъ на срокъ, уплату разницы, въ случаѣ, еслибы акціи понизились къ тому времени. Когда былъ произведенъ второй выпускъ 50,000 акцій, по 500 ливровъ каждая, то въ публикѣ проявилось такое увлеченіе новыми акціями, что къ старымъ стало замѣтно нѣкоторое охлажденіе. Продолжалось, впрочемъ, это недолго: едва было издано постановленіе, что новыя акціи выдаются только предъявителямъ старыхъ акцій, въ пропорціи 1 на 4, какъ старыя акціи снова стали искать—«за матерями стали ухаживать, чтобы получить дочерей». Черезъ нѣсколько дней послѣ второго, послѣдовалъ третій выпускъ «акцій-внучекъ», также въ количествѣ 50,000 экземпляровъ, но уже по 1,000 ливровъ за штуку, и для полученія которыхъ нужно было предъявить 4 бабушки и 1 мать на каждую. За внучками послѣдовали «правнучки», пущенныя уже по 5,000 ливровъ за каждую и выдававшіяся уже всѣмъ, безъ предъявленія старшихъ родственницъ. Курсъ акцій быстро поднимался: въ началѣ 1719 года, онѣ ходили по номинальной цѣнѣ, черезъ 6 мѣсяцевъ поднялись на 150%, а вскорѣ затѣмъ на 800%. Въ теченіи только 3 недѣль на рынокъ было выпущено 300,000 акцій, которыя, будучи номинальною стоимостью въ 150 мил. ливровъ, дали компаніи 1,500 мил. ливр., а во вторыхъ рукахъ сто̀или уже 3,000 мил., причемъ иногда за акцію уже съ 1,000% преміей надбавляли еще отъ 1,000 до 1,500%. Являлись и игроки на пониже-

ніе, которые, какъ, напримѣръ, при выпускѣ кранучекъ, пользуясь вновь проявившимся охлажденіемъ къ «арабабушкамъ», въ сущности, совершенно равноцѣннымъ, съумѣли спустить ихъ курсъ съ 8,000 на 4,000 ливровъ и, скупивъ ихъ въ большомъ количествѣ, съиграли на повышеніе и нажили огромные барыши. Такіе случаи бывали, впрочемъ, очень рѣдко, потому что настроеніе биржи было по большей части бодрое и курсы до самаго крушенія все росли и росли. Погоня за акціями превосходила всякое воображеніе. «Старые и молодые, знать и простолюдины, мужчины и женщины густыми толпами тѣснились день и ночь передъ бюро комп. и, въ ожиданіи открытія подписки, терпѣливо выносили голодъ и жажду, ежеминутно рискуя быть задавленными или изувѣченными въ тѣснотѣ. Самаго Лау буквально осаждали въ его кабинетѣ. Самыя высокопоставленныя лица, не исключая и прекраснаго пола, не отступали ни передъ какою низостью, лишь бы снискать милость великаго финансоваго чудодѣя—милость, отъ которой зависѣло полученіе акцій. Даже его слуги и лакеи обогащались, продавая желающимъ доступъ въ кабинетъ своего господина или въ бюро, гдѣ шла подписка» (19). Одна знатная дама, не зная, чѣмъ обратить на себя вниманіе Лау, велѣла опрокинуть свою карету, въ разсчетѣ, что онъ поспѣшитъ къ ней на помощь; другая кричала: горимъ! горимъ! чтобы вызвать его изъ отеля, гдѣ онъ обѣдалъ; нѣсколько аристократокъ оспаривали въ одно прекрасное утро другъ у друга честь усѣсться на передкѣ экипажа любовницы Лау. Духовенство ничуть не менѣе аристократіи пресмыкалось передъ великимъ финансистомъ. Улица Кэнкампуа была запружена экипажами и сдѣлалась сборнымъ пунктомъ для всей спекулирующей Европы. Каждый день было по нѣскольку человѣкъ раздавленныхъ. Въ Парижъ началось настоящее переселеніе народовъ изъ провинцій и другихъ странъ. Люди становились богачами въ самое короткое время. Тьеръ разсказываетъ про одного биржеваго плута, который, получивъ порученіе купить акцій, два дня пропадалъ; думали, что онъ укралъ деньги, но ничуть не бывало: онъ возвратилъ всю сумму владѣльцу, а самъ за два дня нажилъ 1 милльйонъ. Герцогъ Бурбонскій нажилъ 60 мил., герцогъ Отенскій—12 мил., принцъ Конти—$4^{1}/_{2}$ мил., банкиръ Лебланъ—100 мил., Андрэ—50 мил., нѣкто Дюпенъ, слуга банкира Туртона—60 мил., одинъ савояръ, занимавшійся до этого чисткою сапогъ—40 мил., Габріэль Бурдонъ, лакей изъ гостиницы—30 мил., лавочница Шомонъ—100 мил., одинъ горбунъ заработалъ своимъ горбомъ, представлявшимъ удобную покатость для подписыванія сдѣлокъ, 50,000 ливровъ. Самая безумная расто-

чительность и роскошь или рядомъ съ этой быстротой обогащенія. Трактиры переполнялись народомъ, а мастерскія пустѣли. Капиталъ былъ оттянутъ отъ промышленности и сосредоточился вокругъ биржи. Производительность страны уменьшалась, но никому до этого не было ровно никакого дѣла. Среди всеобщей гонки за барышами никто и не думалъ о томъ—чѣмъ кончится эта гонка, что̀ выйдетъ изъ всего этого черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, на другой же день? Что дѣло не могло такъ продолжаться долго, это могъ сообразить, говоритъ М. Виртъ, самый ограниченный человѣкъ въ минуты спокойнаго размышленія; но тутъ было не до того: каждый до послѣдняго часа думалъ обдѣлать свои дѣлишки и отретироваться; каждый разсуждалъ: если акціи поднялись до 8,000, то отчего имъ не подняться до 10,000, 15,000 и 20,000? И онѣ, въ концѣ 1719 г., дѣйствительно дошли до 15,000 и даже до 18,000, но это было очень непродолжительно. Поворотъ дѣлъ уже наступалъ, хотя въ попыхахъ никто и не замѣчалъ приближенія роковаго дня. Наступало время выдавать дивидендъ. Комп., при выпускѣ внучекъ, обязалась выдать 12%. Денегъ этихъ не было. Лау прельщалъ доходами будущаго 1720 г. и высчитывалъ ихъ въ 91 мил.; но, во-первыхъ, это касалось будущаго года, а, во-вторыхъ, выводимая цифра была крайне преувеличена и произвольна. Откуда могъ получиться такой доходъ, когда самая колонизація береговъ Миссисипи и другія компанейскія предпріятія обратились просто только въ предлогъ для выцѣживанія изъ публики денегъ, велись небрежно и были заброшены ради биржевой игры? Самый оборотный капиталъ Компаніи, несмотря на громадныя подписныя суммы, былъ просто ничтоженъ, потому что бо̀льшая его часть была отдана правительству (20) и разошлась по частнымъ рукамъ. Дирекція начала призадумываться. Замѣтивъ опасенія акціонеровъ, что послѣдуетъ новый выпускъ акцій, который, при избыткѣ бумагъ, могъ погнать курсъ старыхъ акцій книзу, Лау прежде всего объявилъ, что новаго выпуска акцій не будетъ. Затѣмъ, подъ предлогомъ облегченія торговли и, главнымъ образомъ, для облегченія биржевыхъ оборотовъ, приступилъ къ другого рода бумажной фабрикаціи—къ выпуску ассигнацій: 10-го іюня 1719 года, было выпущено ассигнацій на 50 мил. ливровъ, 25-го іюля—на 240 мил., въ сентябрѣ—на 120 мил., въ октябрѣ—на 120 мил. и въ декабрѣ—на 360 мил. Первые выпуски ассигнацій расхватывались съ непонятно̀ю жадностью и стояли выше звонкой монеты; по крайней мѣрѣ, ихъ принимали гораздо охотнѣе: разсказываютъ, что покупавшіе акціи желали расплачиваться золотомъ, а продавцы непремѣнно требовали уплаты бумажками. По-

слѣдующіе выпуски были далеко не такъ счастливы... Наконецъ, 30-го сентября 1719 г. настало требуемое уставомъ общее собраніе акціонеровъ. Обѣщанный 12% дивидендъ составлялъ не болѣе 1/2% на затраченный капиталъ. Опасаясь, что отъ оглашенія такого факта все возведенное зданіе рухнетъ, Лау обѣщалъ выдать 40% на номинальный капиталъ, причемъ осталось совершенно необъясненнымъ—откуда возьмутся эти 40%. Если бы опьяненіе было не настолько велико, говоритъ М. Виртъ, то можно бы разсчесть, что и 40% дивидендъ на капиталъ номинальный составитъ только 1 2/3% на капиталъ дѣйствительно затраченный; но опьяненіе было настолько велико, что именно послѣ этого-то общаго собранія акціи и поднялись до наибольшей высоты—18,000 ливровъ. Продолжалось однако такое возвышеніе не болѣе 8 дней: нашлось нѣсколько человѣкъ какихъ-то любознательныхъ людей, которые, не дожидаясь полученія дивиденда, попробовали провѣрить разсчетъ, и полученныя цифры побудили ихъ поспѣшить продать свои акціи; на нихъ посмотрѣли сначала, какъ на чудаковъ, но затѣмъ нашлись чудакамъ подражатели, и сорвавшійся съ вершины кусочекъ снѣга обрушился на биржу цѣлою лавиною... Наступила общая паника. Когда Лау, видя, что всѣ манёвры его не удаются, прибѣгъ къ насильственнымъ мѣрамъ: пониженію цѣнности луидора [1], обыскамъ для отобранія благородныхъ металловъ, у кого таковыхъ окажется болѣе 500 ливровъ, запрещенію вывозить звонкую монету, закрытію биржи и воспрещенію торговать бумагами, то паника еще больше увеличилась. Не помогло и объявленіе о передачѣ королевскаго банка компаніи. Акціи, стоившія недавно 18.000, можно было покупать по 40 ливровъ. Послѣдовало банкротство. Лау бѣжалъ. Онъ прибылъ въ Парижъ съ 2 1/2 мильйонами, а покидалъ его съ 800 луидорами и 5 мильйонами бумагъ, утратившихъ всякую цѣнность; имѣнія его, купленныя во Франціи, были конфискованы. Изслѣдованіе банка обнаружило, что въ немъ было: 21 мил. наличныхъ денегъ, 28 мил. металловъ въ слиткахъ и на 240 мил. товаро-залоговыхъ свидѣтельствъ; между тѣмъ, въ обращеніи находилось билетовъ на 3 мильярда. Слѣдовательно, дефицитъ простирался до 2,500 мильйоновъ. А «въ общей сложности изъ всего капитала уцѣлѣлъ лишь 1%» (27).

Одновременно съ экспериментами Лау во Франціи, происходилъ совершенно тождественный періодъ спекуляцій въ Англіи, извѣстный подъ именемъ спекуляцій на южно-американскую тор-

[1] Горнъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій интересный фактъ: съ конца 1719 г. по декабрь 1720 г. цѣнность золотой монеты измѣнялась 28 разъ, а серебряной—35 разъ.

говлю. Война съ Испаніей и Франціей ввела Англію въ значительные долги. Въ 1711 г., англійскій банкъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Торговый міръ тревожился. Изыскивая средства для уплаты долговъ, тогдашній первый министръ гр. Оксфордъ прежде всего искалъ возможности образовать фондъ для покрытія неуплаченныхъ % % по государственнымъ займамъ. Чтобы привлечь капиталы, задумано было основаніе большаго торговаго общества для торговли въ южныхъ моряхъ.—Въ публику былъ пущенъ слухъ, что правительство намѣревается вооруженными силами основать въ Южной Америкѣ колоніи, такъ какъ тамъ будто бы находятся несмѣтныя количества золота, серебра и проч., и что испанцы готовы уступить англичанамъ 4 гавани въ южныхъ моряхъ, у береговъ Перу и Чили.—Парламентъ разрѣшилъ основаніе «Южн. Ам. К°.», которой были даны громадныя полномочія, гарантіи и субсидіи: К° получила въ предѣлахъ отмежеванныхъ ей владѣній законодательную и судебную власть, могла для защиты ихъ вербовать войска и прибѣгать къ силѣ оружія для арестованія лицъ, торгующихъ безъ ея разрѣшенія, и къ конфискаціи ихъ кораблей и товаровъ въ свою собственность; становилась исключительной собственницею, на правахъ леннаго владѣнія, всѣхъ городовъ, фортовъ и островов, какіе впредь откроетъ и проч.—Здѣсь мы опять видимъ соединеніе интересовъ частной компаніи съ правительствомъ въ видахъ погашенія долговъ. Перечень текущихъ долговъ, сдѣланныхъ на веденіе войны, составлялъ сумму 9.471,325 фунт. ст. Долгъ этотъ долженъ былъ быть погашенъ Компаніей.—Проценты съ этой суммы, считая по 6%, составляли 568,279 фунт. и должны были покрываться пошлинами съ винъ, табаку и другихъ предметовъ. Дефицитъ гарантировался суммами морскаго министерства, а излишекъ долженъ былъ поступать въ погашеніе капитала.—Компаніи было назначено отъ правительства, сверхъ всего прочаго, еще 8 т. фун. ежегодно на расходы управленія; было дано нѣсколько кораблей въ подарокъ, въ видѣ экстренной субсидіи, и была уступлена вся торговля неграми въ испанскихъ колоніяхъ, предоставленная испанскимъ правительствомъ Англіи (ассіентскій и утрехтскій договоры) и изъ которой англійское правительство сначала пользовалось ¼ частью. Понятно, что акціи такой привилегированной К° находили собственниковъ, и, несмотря на убытки, вслѣдствіе возобновленной войны съ Испаніей, капиталъ ея увеличивался. Но собственно колонизаціонная дѣятельность и торговля интересовали К° мало и служили больше предлогомъ для спекуляціи, а около 1720 г. и совсѣмъ отошли на задній планъ. Въ это время въ Англіи,

какъ въ высшихъ сферахъ, такъ и въ капиталистическомъ мірѣ, или оживленные толки объ уплатѣ государственныхъ долговъ во Франціи, которую производилъ Лау. Успѣхъ Лау породилъ и здѣсь множество жадныхъ до наживы проектовъ, спекулировавшихъ на государственные долги. Правительство также было озабочено этимъ вопросомъ, а когда пришло къ рѣшенію выкупить ренты царствованій Вильгельма и Анны, то «Южн. Ам. К°» не замедлила предложить свои услуги. Англійскій банкъ явился конкурентомъ и предложилъ-было болѣе выгодныя условія, но, послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ надбавокъ съ той и съ другой стороны, «Южн. Ам. К°» осталась побѣдительницей. Компанія стояла въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ министерству, и все, что продѣлывалось ею, падаетъ одинаковою отвѣтственностью на обоихъ. Даже открыто ходили слухи о томъ, что министры и капиталисты составили финансовый заговоръ съ цѣлью эксплуатировать публику—заговоръ, носившій названіе «Клики» (the Cabale). Первымъ дѣломъ послѣдовали, разумѣется, новые выпуски акцій и биржевая игра со всѣми ея интригами и подвохами: съ обѣщаніемъ дутыхъ дивидендовъ, съ подставными лицами, съ выдачею акцій въ кредитъ игрокамъ и проч. Акціи нужно было поднять какъ можно выше, потому что К°, обязавшись выплатить владѣльцамъ долгосрочныхъ рентъ стоимость ихъ по разсчету 20-ти лѣтняго съ нихъ дохода, а владѣльцамъ краткосрочныхъ рентъ, стоимость, капитализированную изъ 15-ти лѣтняго дохода, платила собственно больше того, что владѣльцы могли бы получить на денежномъ рынкѣ; но дѣло въ томъ, что въ отношеніи тѣхъ бумагъ, которыя выдавались въ обмѣнъ рентъ, т. е. въ отношеніи своихъ акцій, К° не была обязана держаться какого нибудь опредѣленнаго курса, а слѣдовательно: чѣмъ выше стояли онѣ на биржѣ, тѣмъ было выгоднѣе для нея. Для поднятія курса акцій у Компаніи были всѣ средства. Пользуясь покровительствомъ и поддержкой правительства, имѣя въ немъ вѣрнаго дебитора и плательщика %%, она импонировала на публику своимъ авторитетомъ. Мы сказали уже о близкихъ отношеніяхъ К° къ министерству. Президентомъ ея былъ самъ гр. Оксфордъ, директорами—знать и капиталисты. Многимъ изъ директоровъ были пожалованы титулы баронетовъ, и они были окружены почетомъ.—Довѣріе къ К° было самое полное. Но она, для поднятія курса акцій, не брезгала и другими средствами биржеваго искуства: она ссужала, напр., игрокамъ акціи по половинной цѣнѣ, и въ какихъ размѣрахъ производились эти ссуды, можно видѣть изъ того, что, когда былъ произведенъ новый выпускъ акцій, то въ одинъ только день, подъ предлогомъ «снабженія торговли на-

личными деньгами», было роздано въ кредитъ изъ 5 м. ф. всего количества акцій 3 м. ф. Благодаря всему этому, акція, стоявшія въ 1711 г.—77½ ф., поднялись въ іюнѣ 1720 г. до 890 и затѣмъ до 1050 фунт. Происходили временныя паденія курса, но для того, чтобы смѣниться новымъ повышеніемъ. Сильныя руки держали и руководили биржей. Спекулятивное возбужденіе достигало не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Парижѣ. Чэндсъ-Элли, гдѣ помѣщалась лондонская биржа, представляла изъ себя такой же видъ, какъ и улица Кэнкамнуа. Наплывъ публики былъ такъ великъ, что не было проходу, и на одномъ концѣ улицы акціи продавались на 10% дороже, чѣмъ на другомъ. Акціи другихъ компаній также сильно поднялись. Было высчитано, что, вслѣдствіе такого повышенія курсовъ, общая цѣнность этихъ акцій и бумагъ другихъ предпріятій въ концѣ іюня 1720 года доходила до 500 мил. фунт. ст., т. е. въ 5 разъ превышала все количество наличныхъ денегъ, находившихся въ то время въ обращеніи въ Европѣ. (35) Успѣхи «Южн. Амер. К°» вызвали страшную жажду обогащенія и вызвали къ жизни множество другихъ эфемерныхъ предпріятій, которыя извѣстны подъ именемъ bubles (мыльныхъ пузырей) и, главнымъ образомъ, были разсчитаны на мелкія состоянія, для которыхъ акціи «Южн. Амер. К°» были недоступны. Производили подписку на просроченныя концессіи или, имѣя концессію на одно дѣло, производили подписку на другое, а многіе собирали деньги и безъ всякихъ концессій. Парламентъ былъ заваленъ просьбами о концессіяхъ. Просителями являлись перы, епископы и прочая знать. То появлялся проектъ страхованія кораблей, немедленно же приносившій 1 м. ф. ст.; то возникалъ проектъ рыболовства въ большихъ размѣрахъ, и семь перовъ королевства украшали его своими подписями. Два страховыя общества, каждое съ капиталомъ въ 1½ мил., были разрѣшены «за обѣщаніе доставить по 300,000 фунтовъ стерлинговъ на покрытіе расходовъ личнаго бюджета короля». (36) Наконецъ, наплывъ мыльныхъ пузырей обратилъ на себя вниманіе вліятельныхъ патріотовъ, и парламентъ издалъ актъ противъ дутыхъ предпріятій (Bables act), объявившій недѣйствительными всѣ предпріятія, возникшія послѣ 24 іюня 1718 года подъ ложными фирмами или на основаніи устарѣвшихъ концессій. Но напрасно... «Ажіотажъ, пріостановившійся всего лишь на нѣсколько дней, сталъ еще болѣе возростать. Даже крушеніе системы Лау, происшедшее около этого времени въ Парижѣ, ни для кого не послужило урокомъ. Предметы потребленія дорожали». Трудовая и промышленная дѣятельность съ каждымъ днемъ приходила все въ

бо́льшій и бо́льшій застой, и въ то же время роскошь и расточительность ежедневно усиливались. «Съ утра до вечера, Чэнджъ-Элли кипила людьми, тѣснившимися и толкавшимися въ отчаянномъ безпорядкѣ, и среди непрерывнаго крика и перебранокъ акціи «Южн. Ам. К°» и бумаги «мыльныхъ пузырей» брались на расхватъ. Ни одного дня не проходило безъ того, чтобы въ газетахъ не появлялось новыхъ проектовъ, превозносимыхъ въ напыщенныхъ рекламахъ и служившихъ приманкою на новыя подписки. Въ однихъ требовался первоначальный взносъ всего только въ 6 пенсовъ чистыми деньгами, въ другихъ—только 1 шиллингъ со 100, въ третьихъ—только 1 шиллингъ съ 1000. Нѣкоторые изъ безъименныхъ бухгалтеровъ, состоявшихъ при этихъ подпискахъ, исчезали, по разсказу лѣтописца, тотчасъ же по полученіи перваго взноса, а съ ними вмѣстѣ и исчезали и книги, въ которыя заносилась подписка; оказывалось, что мѣсто, гдѣ они производили свои операціи, было нанято ими всего на одинъ день. Тѣ проекты, по которымъ взносился процентъ въ 10 шил., уже пользовались покровительствомъ личностей, занимавшихъ видное общественное положеніе. Знатныя особы обоего пола были сильно замѣшаны въ эти спекуляціи на мыльные пузыри» (38). Ослѣпленіе публики было такъ велико, что самыя невозможныя изобрѣтенія и предпріятія находили подписчиковъ: были общества «доставки живой рыбы въ Лондонъ», «общество для пособія трудолюбивымъ людямъ», «общество для покупки и возвращенія кому слѣдуетъ незаконно отнятыхъ имуществъ», «общество, устроивавшее perpetuume mobile» и т. д. Были общества безъ названія, просто публиковавшія: «Подписка на капиталъ въ 2 м. ф. на одно предпріятіе, обѣщающее большія выгоды и цѣль котораго будетъ объяснена впослѣдствіи». И охотниковъ было множество. Подписчики часто сами сознавали нелѣпость предпріятія, но тѣмъ не менѣе подписывались на акціи, чтобы перепродавать ихъ. Казалось, люди сошли съ ума. Многими умами дѣйствительно стали овладѣвать самыя эксцентрическія идеи: «двѣ личности—дама и господинъ—объявили, что ни за что не согласятся нажить менѣе 3.000,000 ф. Господинъ замышлялъ на эти деньги купить польскую корону; мечты дамы были не менѣе царственнаго свойства». (40) Но, такъ какъ всему бываетъ конецъ, то насталъ конецъ и этимъ спекуляціямъ. По странному стеченію обстоятельствъ, сигналъ былъ поданъ самими директорами «Южн. Амер. К°». Когда акціи этой К° достигли наивысшаго курса 1100 и всѣ манёвры поднять ихъ выше оказались безуспѣшными, то правленіе представило себѣ, что ему мѣшаютъ въ этомъ другія предпріятія, и по-

тому выхлопотало правительственное распоряженіе, которымъ мыльнымъ пузырямъ не на шутку полагался предѣлъ. Мыльные пузыри стали лопаться еще быстрѣе, чѣмъ возникали, но дошла очередь и до «Южн. Амер. Ко». Напрасно директора обѣщали выдать 30% дивид. въ полгода и ручались уплачивать, въ теченіи 12 лѣтъ, по 50%. Зданіе рухнуло. Водворилась паника, и послѣдовали банкротства. Разоренныхъ и нищихъ оказалось множество. Когда парламентъ назначилъ комиссію для разслѣдованія дѣлъ Ко, то были обнаружены факты самаго поразительнаго плутовства: 12 мил. чистыми деньгами были выданы подъ залогъ 3 мил. акціями; изъ книгъ были вырваны цѣлые листы, на приходъ записывались вымышленныя суммы; бо̀льшая часть акціонернаго капитала была промотана и расхищена. Секретарь Ко показалъ, что, если бы онъ «смѣлъ раскрыть все, что̀ ему было извѣстно, то вышла бы такая картина, что цѣлый міръ изумился бы». Вотъ ка̀къ кончился финансовый заговоръ министровъ и капиталистовъ. Историкъ говоритъ, что 1720 годъ долженъ служить вѣчнымъ предостереженіемъ законодателямъ и министрамъ Англіи, чтобы они никогда болѣе не предоставляли одному человѣку возможности эксплуатировать такимъ наглымъ и позорнымъ образомъ легковѣріе націи, отвлекая ее отъ правильной трудовой дѣятельности (31).

Гамбургскій торговый кризисъ 1763 г. обусловливался злоупотребленіями вексельнымъ кредитомъ. Вексельныя дѣла имѣютъ то свойство, что легко увлекаютъ занимающихся ими людей, представляютъ для предпринимателей, не располагающихъ достаточнымъ количествомъ своего капитала, много соблазна для злоупотребленій кредитомъ и, когда послѣдній не обезпечивается дѣйствительною производительностью, становятся чрезвычайно рискованными. Между тѣмъ, обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали вексельному дѣлу. Семилѣтняя война, тяжело обошедшаяся сѣверной и восточной Германіи, была для Гамбурга скорѣе источникомъ наживы: въ немъ развилась хлѣбная торговля, лѣсная и сахароваренная промышленность; Англія, поддерживавшая Пруссію, переводила часть денегъ векселями черезъ Гамбургъ; контрибуціи, которыя Фридрихъ II налагалъ на Курфюрста саксонскаго, заставляли послѣдняго обращаться къ банкирамъ и вынуждали ихъ пускать въ ходъ всѣ свои наличныя средства и весь свой кредитъ; поставки въ армію, производившіяся подрядчиками, не имѣвшими, какъ это по бо̀льшей части бываетъ, своего капитала, также производились при помощи кредита. Къ этому присоединилась еще путаница, вызванная ухудшеніемъ монеты, которая приняла громадные размѣры:

Фридрихъ II, чтобы выпутаться изъ затрудненій, причиненныхъ войнами, нѣсколько разъ прибѣгалъ къ перечеканкѣ монеты, ухудшая ея пробу; то же самое дѣлалось въ Швеціи (которая, кромѣ того, выпустила еще такую массу бумажныхъ денегъ, что онѣ упали до 1/3 цѣны мѣдной монеты) и въ другихъ странахъ. Такъ какъ, при перечеканкѣ монеты, переплавлялась не одна только наличная монета, но и покупались металлы въ слиткахъ, то Голландія и Гамбургъ сдѣлались посредниками и поставщиками въ этой торговлѣ, которая совершалась также на векселя, съ расплатою по отчеканкѣ монеты. Торговля деньгами и металлами была очень выгоднымъ дѣломъ: гамбургскій мѣняльный банкъ и другія фирмы дѣлали громадныя дѣла. Все это и послужило поводомъ къ развитію обширныхъ вексельныхъ оборотовъ, которые продолжались и послѣ войны, когда государства, приступивъ къ возстановленію валюты, предъявили новый спросъ на металлы и когда ожившая торговая дѣятельность, въ свою очередь, потребовала денегъ и кредита. Но продолжаться долго такое положеніе вещей не могло. Съ одной стороны: торговля металлами была сама по себѣ непроизводительнымъ дѣломъ, и, когда монетные дворы уменьшили спросъ на этотъ «благородный товаръ», то гамбургскій банкъ, въ которомъ скопилось много слитковъ и который, при колебаніяхъ валюты, не желалъ нести ущерба отъ частныхъ спекулянтовъ, не принялъ новаго металлическаго транспорта изъ Амстердама и возвратилъ его обратно, а это подорвало много спекулятивныхъ разсчетовъ, а съ другой стороны: въ основѣ векселей вообще лежали не солидныя, а рискованныя предпріятія, превышавшія въ 10—20 разъ дѣйствительный капиталъ и иногда разсчитанныя даже на одинъ только кредитъ; въ Гамбургѣ скопилось такое множество товаровъ, что они не шли съ рукъ; между тѣмъ, предметы первой необходимости сильно вздорожали; даже наиболѣе солидныя предпріятія, какъ, напримѣръ, постройка домовъ, въ которую было затрачено много денегъ, представляли только временную выгоду, такъ какъ наплывъ населенія въ Гамбургъ былъ временный, обусловленный войною и исключительными обстоятельствами, такъ что, когда, по окончаніи войны, многіе капиталисты, а за ними и рабочіе, разбрелись по другимъ городамъ, те дома въ значительной степени потеряли свою цѣнность. «Между тѣмъ какъ одни убаюкивали себя самыми радужными надеждами на ожидающіе ихъ въ будущемъ громадные барыши, другіе уже считали себя обладателями несметныхъ богатствъ и предавались такой безумной роскоши, что возбуждали зависть и соревнованіе въ остальномъ населеніи...» (49) Кредитъ былъ крайне напряженъ; денежный

курсъ безпрестанно колебался: дисконтъ то стоялъ довольно низко, то поднимался до 12%. Вексельная цѣпь обыкновенно растягивается очень широко по торговому и промышленному міру, и, такъ какъ бланко-надписатели никогда почти не держатъ въ запасѣ денегъ для расплаты, въ случаѣ несостоятельности векселедателей, по своимъ поручительствамъ за нихъ (деньги у нихъ обыкновенно затрачены въ свои предпріятія, изъ которыхъ извлечь ихъ по первому востребованію не такъ-то легко, а часто они и сами обременены векселями)—то стбитъ лопнуть одному звену въ цѣпи, чтобы все зданіе пошатнулось. Такъ это было и здѣсь: стбило обанкротиться одному большому торговому дому братьевъ Нёфвиль въ Амстердамѣ, чтобы въ Гамбургѣ появилась масса протестованныхъ векселей и 95 значительныхъ торговыхъ домовъ объявили себя несостоятельными.

Урокъ, полученный Гамбургомъ, послужилъ, однако, ему не на долго: въ 1799 г. опять, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, онъ испыталъ новый кризисъ, и кризисъ болѣе тяжелый, чѣмъ первый. Затишье и упадокъ благосостоянія, наступившіе послѣ кризиса 1763 г., снова смѣнились въ 1788 году оживленіемъ. Обстоятельства, предшествовавшія и въ особенности сопровождавшія французскую революцію, чрезвычайно благопріятствовали развитію дѣятельности Гамбурга, который снова сдѣлался торговымъ центромъ; въ него стали стекаться товары и деньги со всѣхъ сторонъ, гдѣ только чувствовалась тревога и опасность войны; переселялись зажиточныя семьи, а изъ Голландіи, послѣ занятія ея войсками, переселились многіе банкиры. Вмѣстѣ съ этимъ оживленіемъ и приливомъ капиталовъ появилась и неизмѣнная ихъ спутница—спекуляція, придавшая вексельному кредиту чрезмѣрное и ложное направленіе, приведшее къ злоупотребленіямъ: «дутые векселя, говоритъ М. Виртъ:—выдавались очертя голову; наиболѣе ловкіе спекулянты держали въ главнѣйшихъ центрахъ для учета векселей такъ называемыхъ «коньковъ» (Pferde), т. е. подставныхъ личностей, не имѣвшихъ ни гроша за душою и которыя за ничтожное вознагражденіе дозволяли писать на свое имя векселя на сотни тысячъ, при чемъ, по наступленіи платежа, векселя эти покрывались новыми векселями». (55) Наступленіе кризиса сопровождалось обычными симптомами: переполненіемъ рынка товарами, расточительностью, роскошью и высокимъ дисконтомъ. Разрушивъ въ Гамбургѣ 136 торговыхъ домовъ, обанкротившихся на 36 мил. марокъ, кризисъ перекинулся въ Германію, Данію, Голандію и Англію, гдѣ также причинилъ не мало опустошеній.

Англійскій кризисъ 1815 г. произошелъ при слѣдующихъ об-

стоятельствахъ. Несмотря на то, что наполеоновскія войны стоили Англіи одними только займами до 3 мильярдовъ талеровъ, что, въ теченія 22-хъ лѣтней борьбы съ Франціей, она израсходовала до 50 мильярдовъ франковъ, что финансы ея были истощены, а народъ обремененъ чудовищными налогами—экономическое положеніе ея стало поправляться, благодаря развитію промышленности, къ которой подоспѣли на помощь паровые двигатели, бумагопрядильныя, шерстопрядильныя и другія машины, поставившія производство каменнаго угля, желѣза и обработку хлопка на неслыханную дотолѣ высоту. Но для промышленности, какъ извѣстно, нуженъ сбытъ. Между тѣмъ, Наполеонъ, отчаявшись побѣдить Англію открытою силою, задумалъ нанести ей ударъ именно съ этой стороны, со стороны ея промышленности, и запретилъ ввозъ англійскихъ товаровъ на материкъ. Это извѣстно въ исторіи подъ именемъ континентальной блокады. Какъ самъ Наполеонъ, такъ и всѣ тогдашніе политики, предсказывали англійской торговлѣ и промышленности гибель. Однако, обстоятельства не оправдали этихъ столь вѣроятныхъ разсчетовъ: благодаря своему флоту, Англія открыла для сбыта новые рынки и направила свои корабли къ берегамъ Малой Азіи, Африки, Сѣверной Америки, Мексики, Бразиліи и испанскихъ республикъ въ Южной Америкѣ, на острова Вест-Индіи, въ Океанію, на мысъ Доброй Надежды, въ Аравію, Персію, Китай и на острова Индійскаго Архипелага. Производство въ большихъ размѣрахъ и машины дали ей возможность подавить вездѣ дешевизною продуктовъ всякую конкурренцію. Такимъ образомъ, не только получилась возможность сбывать обыкновенное годовое количество продуктовъ, но и была открыта новая и такая обширная область для сбыта, что производство стало возростать и скоро удвоилось, учетверилось, а во многихъ случаяхъ даже удесятерилось. (67) Въ ожиданіи заключенія мира, многіе англійскіе заводчики спекулировали также и на европейскіе рынки и, предполагая, что спросъ материка на ихъ произведенія будетъ неограниченный, заготовили такую массу товаровъ, что сразу надѣялись вытѣснить всѣ туземные товары и нажить мильйоны. Когда парижскій миръ вновь открылъ для Англіи континентальныя гавани и провозгласилъ свободу торговли, то дѣйствительно можно было думать, что англійскіе товары убьютъ своею дешевизною европейскую промышленность, взрощенную подъ опекой протекціонной политики. Такъ оно дѣйствительно и случилось въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности (въ желѣзной и хлопчатобумажной), которыя насаждались и поддерживались нѣкоторыми государствами искуственно. Но дѣло въ томъ, что во многихъ

отрасляхъ и на континентѣ былъ сдѣланъ значительный успѣхъ: были введены машины и производство въ большихъ размѣрахъ, такъ что товары могли успѣшно конкуррировать съ англійскими. Англійскіе промышленники ошиблись въ разсчетѣ: товары ихъ дѣйствительно запрудили европейскіе рынки, но никто ихъ не покупалъ. Кромѣ вышеуказанныхъ успѣховъ собственнаго производства, здѣсь играла роль еще и другая причина: покупательная сила материка была истощена войнами и потому не шли даже такіе товары, какъ желѣзныя издѣлія, бумажныя ткани и т. п., т. е. товары, имѣвшіе несомнѣнныя преимущества передъ европейскими. Въ замѣнъ ихъ, Европа могла бы дать еще хлѣбъ, но какъ разъ въ это время были изданы хлѣбные законы и доступъ европейскому хлѣбу былъ загражденъ въ Англію. Англійское сельское хозяйство переживало въ ту эпоху тяжелое время. Послѣ нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ и вслѣдствіе войны, цѣны на хлѣбъ въ 1812 г. были очень высоки. Это привлекло къ земледѣлію много капиталовъ. Но затѣмъ послѣдовалъ рядъ урожайныхъ годовъ, и когда къ этому, по заключеніи мира, присоединился еще заграничный подвозъ, то настало такое изобиліе хлѣба, что цѣны сильно упали. Землевладѣльцы подняли ропотъ и увѣряли, что имъ предстоитъ банкротство, что арендная плата не платится и нечѣмъ ее платить, что почву Англіи нельзя обработывать и проч. «Никто, говоритъ М. Виртъ:—на эти жалобы землевладѣльцевъ не возражалъ съ достаточною энергіею того, что слѣдовало бы на нихъ возразить, а именно: что невыгодность низкихъ цѣнъ можетъ наверстываться массою продуктовъ, что сельское хозяйство можетъ улучшить эти цѣны заграничною торговлею, что въ плачевномъ положеніи еще болѣе, чѣмъ низкія цѣны, виновата легкомысленная расточительность сельскихъ хозяевъ и ихъ ложное стремленіе занять болѣе высокое общественное положеніе не помощью познаній и осмотрительности, а внѣшняго блеска; что несостоятельность и описи ихъ имущества за долги обусловлены исключительно «чрезмѣрнымъ повышеніемъ арендной платы» и тѣмъ, что привлеченные къ земледѣлію капиталы были затрачены непроизводительно, что «хваленыя сельско-хозяйственныя улучшенія, въ сущности, сводились почти исключительно на расширеніе запашекъ при обработкѣ, ставившей ни во что правила раціональной агрономіи» (68) и т. д. Однако, рабочіе, въ земледѣльческихъ округахъ вскорѣ были отпущены, при чемъ многіе изъ нихъ не получили разсчета, и, несмотря на дешевизну хлѣба, не имѣли на что купить его. Они толпами переходили изъ одного прихода въ другой, прося работы и пропитанія. Часть ихъ направилась въ города и мануфактурные

округи и сбавляла тамъ заработную плату, такъ что рабочій классъ, оказался въ крайне скверномъ положеніи отъ безработицы и пониженій заработной платы. Многіе изъ хлѣбопромышленниковъ обанкротились. Парламентъ былъ осажденъ жалобами на безработицу и голодъ. Все это и послужило причиною изданія хлѣбныхъ законовъ, воспрещавшихъ ввозъ пшеницы въ Англію, пока цѣна туземной пшеницы не дойдетъ до 80 шиллинговъ за квартеръ. Однако это искуственное средство не устранило «мнимаго зла: цѣны продолжали оставаться низкими. Дѣло въ томъ, что эти низкія цѣны были естественнымъ послѣдствіемъ нѣсколькихъ урожайныхъ годовъ и заключенія мира, которое разомъ положило конецъ спекуляціямъ хлѣбныхъ поставщиковъ». (69) Мануфактурный кризисъ усложнился земледѣльческимъ. Многіе земельные банки лопнули. Еще бо́льшее число хлѣбныхъ торговцевъ объявили себя несостоятельными. Мечты нажить золотыя горы на континентѣ продолжали оставаться мечтами: товары продолжали лежать, и никто ихъ не покупалъ. Лордъ Брумъ, въ 1816 г., констатировалъ положеніе вещей слѣдующимъ образомъ: «Англійскіе товары продавались въ Голландіи и на Сѣверѣ Европы гораздо дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ и Манчестерѣ; въ большинствѣ мѣстностей они лежали недвижимою массою и совсѣмъ не находили покупщиковъ; въ результатѣ съ нихъ или ровно ничего не выручалось, или единицы фунтовъ выручались тамъ, гдѣ были затрачены тысячи». Все это не могло, конечно, не отразиться на англійскомъ банкѣ: билеты его, упавшіе въ 1814 году на 25%, одно время (послѣ того какъ была изъята изъ обращенія масса бумагъ обанкротившихся земельныхъ банковъ) снова поднялись-было на 8%, но затѣмъ опять упали. Паденіе курса билетовъ непосредственно обусловливалось недостаткомъ звонкой монеты, которая была поглощена войной и уходила заграницу, но болѣе глубокая причина лежала въ общемъ положеніи вещей того времени. Прежде всего дали себя почувствовать военныя издержки: «По заключеніи мира, говоритъ М. Виртъ:—стало очевидно, что, продолжись война еще нѣкоторое время съ тѣми же издержками, съ какими она велась въ послѣдніе годы — и національный капиталъ во всѣхъ отрасляхъ производительной дѣятельности, не взирая на все развитіе торговли и промышленности, былъ бы совершенно истощенъ. Другая причина тогдашняго стѣсненнаго положенія, продолжаетъ онъ: — лежала въ чрезмѣрной тягости налоговъ, продолжавшейся и по заключеніи мира». (70) И, наконецъ, развитіе безумной спекуляціи было послѣднею причиной. Не смотря на то, что кризисъ 1815 г. былъ не особенно тяжелъ для

промышленности и торговли сравнительно съ другими кризисами, тѣмъ не менѣе, онъ крайне тягостно отозвался на рабочемъ населеніи. Въ промышленности произошелъ застой и во всѣхъ отрасляхъ индустріи множество работниковъ осталось безъ занятій». Бѣдняки оставляли свои жилища, цѣлые приходы опустѣли, и толпы несчастныхъ становились все многочисленнѣе. Къ нимъ присоединялись отпущенные солдаты и матросы. Когда эти безденежные странники приходили въ города, они наталкивались тамъ на работниковъ, которые также бѣдствовали. Ко всему этому присоединился полнѣйшій неурожай и наставшая дороговизна жизни. Народъ врывался въ лавки и погреба и требовалъ назначенія таксы на хлѣбъ и мясо. Наконецъ, въ довершеніе бѣдствія, все ожесточеніе рабочихъ обратилось на машины: молотилки, прядильныя машины и ткацкіе станки ломались и сжигались, а для возстановленія порядка призывались войска» (73).

Когда кризисъ миновалъ, страна мало по малу выпуталась изъ затрудненія, и когда въ особенности возрасло благосостояніе среднихъ классовъ, то спекуляція опять начала свое дѣло, закончившееся новымъ кризисомъ въ 1825 году. Опять «расплодилась, говоритъ М. Виртъ:—такая масса проектовъ и предпріятій, грандіозныхъ по своимъ размѣрамъ и нерѣдко фантастичныхъ по своимъ цѣлямъ, что, казалось, снова вернулась эпоха мыльныхъ пузырей» (76). Опять заговорили объ Америкѣ и ея неисчерпаемыхъ богатствахъ. Опять бросилось въ спекуляцію «все населеніе безъ различія возраста, пола, состоянія и общественнаго положенія. Все было вовлечено въ водоворотъ, и поле дѣятельности было до того всеобъемлюще, что едва ли былъ хоть одинъ предметъ на сушѣ или на морѣ, который ускользнулъ бы отъ вниманія спекулянтовъ» (77). Обсуждались: и прорытіе Панамскаго Перешейка, и паровыя прачешныя, и государственные займы, и искуственное высиживаніе цыплятъ. Если откинуть всѣ очевидно эфемерныя и оставить только наиболѣе солидныя предпріятія, то и тутъ можно было видѣть, что капиталъ, требовавшійся для ихъ осуществленія, далеко превышалъ наличныя средства Англіи. Только въ 2 года, 1822—24, въ Лондонѣ, черезъ посредство англійскихъ капиталистовъ, было заключено иностранными государствами займовъ на сумму болѣе 70 мил. фунт. ст., и, сверхъ того, еще Сѣверною Америкою на 63.966,535 дол.—Кромѣ бумагъ этихъ займовъ, въ обращеніи еще находилось много другихъ фондовъ иностранныхъ правительствъ: голандскихъ, русскихъ, австрійскихъ и т. д., которые не записывались на лондонской биржѣ, но также доставляли спекуляціи пищу. Кромѣ того, въ тѣ же два года было основано 114

различныхъ обществъ (банковыхъ, страховыхъ, горнозаводскихъ, транспортныхъ и проч.) съ капиталомъ въ 101.690,000 ф. ст. Бумаги большинства этихъ предпріятій ходили съ значительною премiей. Въ особенности были популярны акціи горнозаводскихъ обществъ для разработки рудъ въ Южной Америкѣ: акціи «Реаль де-Монтской К°», номинальной стоимостью въ 400 фунт. и, будучи оплачены только 70 фунт., имѣли премію 1350 фунт.; акціи «Соединенной Мексиканской К°», стоимостью въ 40 ф. и, при оплатѣ только 10 фунт., имѣли премію 150 ф. и т. д. Биржевая игра была въ полномъ ходу. Когда наступилъ вторичный взносъ по акціямъ и оказалось нѣкоторое затрудненіе въ капиталѣ, то англійскій банкъ прибѣгъ къ обычному средству: значительно увеличилъ выпускъ билетовъ. Тоже самое дѣлали и провинціальные банки, выпускавшіе свои билеты безъ всякаго контроля и наводнявшіе страну бумагами. Въ особенности отличались въ этомъ отношеніи поземельные банки, совершенно, повидимому, забывшіе постигшую ихъ, 8 лѣтъ тому назадъ, катастрофу. Парламентъ, вмѣсто того, чтобы ограничить наплывъ бумагъ, напротивъ усилилъ его тѣмъ, что продлилъ въ 1824 г. обращеніе мелкихъ билетовъ за предѣлы первоначальнаго срока. Англійскій банкъ, вмѣсто того, чтобы стать на сторожѣ, въ виду эксцессовъ спекуляціи, напротивъ поощрялъ ее пониженіемъ дисконта, который держалъ чрезвычайно низко до самой роковой минуты. Банки охотно учитывали долгосрочные векселя, и вообще недостатка въ деньгахъ не чувствовалось; со стороны капиталовладѣльцевъ слышался даже ропотъ на низкій процентъ на капиталъ. Между тѣмъ, въ это же самое время звонкая монета вывозилась изъ Англіи въ Америку и другія страны милліонами. Между тѣмъ, уже одни государственные займы и вышеуказанныя предпріятія были въ состояніи поглотить весь свободный капиталъ. Но они составляли только часть всѣхъ предпріятій. За ними слѣдовали компаніи, занимавшіяся пекарнями, прачешными, пивоварнями, купальнями, страхованіемъ жизни, выдѣлкою масла въ Буэносъ-Айресѣ, искуственнымъ высиживаніемъ цыплятъ и т. д. Сооруженіе пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ приняло такіе размѣры, что въ одну парламентскую сессію 1825 г. было представлено 438 ходатайствъ о концессіяхъ на эти предпріятія и было выдано 286 концессій.—Концессіи выдавались щедрою рукою. «Многіе высокостоящіе люди, говоритъ М. Виртъ:—забывали свое призваніе, не забывая самихъ себя, и жертвовали своею законодательною совѣстью ради интересовъ друзей и своихъ собственныхъ» (82). Съ особенною силою спекуляція направилась опять на Америку, разсчитывая, что провозглашенная независимость

южно-американскихъ государствъ откроетъ богатое поприще для сбыта. Правительство поторопилось отправить туда своихъ консуловъ. А рядомъ съ этимъ шли увѣренія, что у береговъ Колумбіи въ изобиліи добывается жемчугъ и разныя другія драгоцѣнности. Увѣряли, что «золото и серебро должны были притечь изъ Америки въ такомъ количествѣ, что канцлеръ казначейства получитъ возможность уплатить весь государственный долгъ, и цѣна денегъ въ Англіи и во всей Европѣ подвергнется сильному измѣненію. Жемчугъ и драгоцѣнные каменья долженствовали явиться въ такихъ массахъ, что наслѣдственныя фамильныя драгоцѣнности покраснѣютъ отъ стыда» (83). Слушая эти разсказы, нетолько аристократія, опасавшаяся, что низшіе классы вдругъ разбогатѣютъ, но и люди, наименѣе склонные къ спекуляціи, увлекались идеей обогащенія посредствомъ торговли въ новооткрытыхъ рынкахъ.—Вскорѣ эти новые рынки были положительно завалены товарами: въ Ріо-Жанейро, напримѣръ, за нѣсколько недѣль прибыло изъ Манчестера больше товаровъ, чѣмъ сколько требовалось въ прежнее время на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Не хватало складовъ, товары лежали на берегу, поливаемые дождемъ. Въ числѣ другихъ предметовъ, доставленныхъ въ этотъ знойный климатъ, были, между прочимъ, присланы изъ Бирмингэма грѣлки для постелей, а изъ Шеффильда коньки для народа, никогда не видавшаго льда.—Англія переживала какой-то экономическій праздникъ; даже тронная рѣчь, которою была закрыта сессія парламента 6-го іюня 1825 г., говорила о прочности положенія и о «благосостояніи, которымъ наслаждаются всѣ части королевства.» Но спекуляція достигала уже поворотной точки, и не больше какъ чрезъ два мѣсяца обнаружилось, что̀ это было за благосостояніе. Цѣны бумагъ различныхъ предпріятій дошли до maximum'а. Чтобы дѣло держалось, нужно было чтобы, подоспѣли на выручку барыши и проценты съ затраченнаго капитала. Между тѣмъ, ни золота, ни серебра и никакихъ другихъ доходовъ не получалось. Въ то время какъ товары лежали и портились, все новыя и новыя массы ихъ прибывали на рынки. Наконецъ, владѣльцы были вынуждены начать продавать ихъ за полъ-цѣны. Въ это же время, въ Англію были сдѣланы въ Америкѣ громадныя закупки хлопка. Нѣкоторыя фабрики, прельщаясь дешевизною цѣнъ и на основаніи невѣрныхъ свѣдѣній о недостаткѣ хлопка въ Америкѣ, дѣлали заказы на цѣлые три года впередъ. Спекуляція вогнала цѣны на хлопокъ до громадной высоты. Между тѣмъ, усиленный спросъ вызвалъ подвозъ хлопка изъ другихъ странъ, и у бразильскихъ плантаторовъ оказались неожиданно

большіе запасы его, которые они припрятывали въ ожиданіи повышенія цѣнъ. Хлопокъ сильно подешевѣлъ. Наступали платежи. Торговцы и фабриканты осаждали банки просьбами о дальнѣйшихъ ссудахъ, но банки сами находились въ крайне стѣсненномъ положеніи, потому что, увлекаемые низкимъ дисконтомъ англійскаго банка, они учитывали долгосрочные векселя, выдавали крупныя ссуды и израсходовали такимъ образомъ всѣ свои капиталы. Англійскій банкъ, на который падаетъ значительная доля отвѣтственности за этотъ кризисъ, находился въ не менѣе затруднительномъ положеніи. Затруднительное положеніе это сказалось внезапнымъ прекращеніемъ учета векселей даже наиболѣе крупныхъ фирмъ и ограниченіемъ выпуска билетовъ, что и послужило сигналомъ наступленія кризиса. Такая неожиданность вызвала общую панику. Всѣ бросились на биржу выпоражнивать свои портфели. Нетолько курсы частныхъ, но и государственныхъ, бумагъ падали съ необыкновенною быстротою. До 70 провинціальныхъ банковъ прекратили платежи. Вчерашніе богачи становились сегодня нищими. Люди раззорялись тысячами. Вдовы и сироты, существовавшія на небольшой капиталъ, напрасно ждали причитающихся имъ процентовъ. Миссъ Мартино, которую цитируетъ Максъ Виртъ, рисуетъ много тяжелыхъ сценъ изъ той эпохи. Вотъ, напримѣръ, одна изъ провинціальной жизни: «Въ одно прекрасное утро, разсказываетъ миссъ Мартино:—торговая площадь одного провинціальнаго города имѣла совсѣмъ необычайный видъ. Поселяне бросали свои мѣста на базарѣ и собирались кучами; другіе торопливо собирали свой товаръ, выводили лошадей изъ стойла и спѣшили домой, какъ будто боясь, что ихъ ограбятъ, если они останутся. Тутъ шолъ человѣкъ съ мрачнымъ лицомъ и судорожно сжималъ въ рукѣ банковый билетъ; тамъ женщина ломала руки и плакала. Настоящій стонъ стоялъ по городу, покрывая обычный его шумъ. Объяснялось это тѣмъ, что мѣстный банкъ прекратилъ платежи» (86). Акціи промышленныхъ компаній утратили почти всякую цѣнность. Торговля совсѣмъ стала. «Напрасно лондонскіе купцы сошлись на митингѣ и объявили, что положеніе дѣлъ внушаетъ имъ полное довѣріе, что паника не имѣетъ никакого основанія и что довѣріе тотчасъ же возстановится, если только по всей странѣ устроятся такіе же митинги. Кризисъ свирѣпствовалъ, какъ ураганъ, и опрокидывалъ одинъ домъ за другимъ». Фабрики закрывались. Весь вопросъ сводился къ одному: откуда достать денегъ, чтобы просуществовать со дня на день?—вопросъ, который подразумѣвалъ въ себѣ судьбу рабочихъ классовъ въ теченіи зимы. «Цѣлымъ мильйонамъ людей, повидимому, ничего

не оставалось болѣе, какъ умереть съ голоду» (87). Дома закладчиковъ были набиты имуществомъ, но кассы ихъ были пусты. Торговцы обратились къ правительству съ просьбою о помощи. Правительство потребовало отъ директоровъ англійскаго банка, чтобы они для поддержанія торговаго сословія щедрѣе дисконтировали векселя; а директоры банка потребовали отъ министерства обратно тѣхъ ссудъ, которыя были сдѣланы банкомъ правительству. Тогда министры поспѣшили къ королю, совѣщались съ нимъ день и ночь и, наконецъ, рѣшились принять быстрыя и энергическія мѣры для прекращенія бѣдствія. Благодаря денежному содѣйствію правительства и разрѣшенію банку выпустить билеты въ одинъ и два фунта, кризисъ былъ успокоенъ; но онъ глубоко потрясъ всѣ экономическія отношенія и закончился безработицей, которая крайне тяжело отозвалась на рабочемъ классѣ. Тамъ и сямъ повторялись тѣ же самыя сцены, которыя видѣла Англія въ 1815 г., и нужно было нѣсколько лѣтъ, чтобы она оправилась.

Но едва урожайные годы и промышленность успѣли загладить слѣды разрушенія и поправить дѣла, какъ снова явилась на сцену спекуляція, чтобы вызвать въ 1836 и 1839 гг. новые кризисы. Теперь съ особенною силою набросилась она на банковое дѣло. Нужно замѣтить, что послѣ только-что описаннаго погрома, а именно въ 1826 г., былъ изданъ банковый законъ, имѣвшій въ виду предупредить на будущее время бумажную неурядицу созданіемъ болѣе крупныхъ кредитныхъ учрежденій предпочтительно передъ мелкими, распространеніемъ въ провинціяхъ отдѣленій привилегированнаго англійскаго банка, воспрещеніемъ банкамъ выпускать мелкіе билеты ниже 5 фунт. и проч. Несмотря, однако, на это, банки расплодились, какъ грибы: въ первые 7 лѣтъ по изданіи закона возникло 37 ассигнаціонныхъ банковъ, въ 1835 г.—также 37, «въ 1836 г. горячка спекуляціи до того уже возросла, что появилось 42 паевые ассигнаціонные банка, которые, вмѣстѣ со своими отраслями, составили 200 учрежденій этого рода, а общая цифра банковъ къ концу 36 г. дошла до 670 съ 37 тысячами акціонеровъ» (133). Послѣдствіемъ такого размноженія банковъ былъ чрезмѣрный выпускъ билетовъ и щедрый учетъ векселей, поощрявшій нетолько отечественныхъ, но и американскихъ дѣльцовъ всякаго рода. Злоупотребленія выпускомъ билетовъ и векселями ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ злоупотребленій этого рода, они приняли только въ то время громадные размѣры. Естественнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго размноженія бумагъ было то, что звонкая монета стала утекать изъ Англіи. Металлическій запасъ англійскаго банка

уменьшился на 15 мил. Когда банкъ, почуявъ недоброе, чтобы удержать вывозъ золота, возвысилъ дисконтъ съ 4½ до 5% и поспѣшилъ на выручку къ впавшему въ затрудненіе «Центральному манчестерскому банку», то оказалось, что и общее финансовое положеніе чрезвычайно шатко.—Между прочимъ, обнаружилось громадное злоупотребленіе, пущенное въ ходъ банкомъ Соединенныхъ Штатовъ и другими американскими фирмами для привлеченія къ себѣ звонкой монеты: когда англійскій банкъ, возвысивъ дисконтъ, сдѣлалъ, въ то же время, ссуды вексельнымъ маклерамъ, чтобы облегчить имъ дисконтированіе торговыхъ бумагъ, то вдругъ стали стекаться такія массы американскихъ бумагъ, что всѣ изумились; оказалось, что шесть лондонскихъ фирмъ и одна ливерпульская, промышляя вексельными спекуляціями, «выдали ссудъ за счетъ американцевъ не менѣе, какъ на 15—16 мил., между тѣмъ какъ собственный капиталъ ихъ... едва составлялъ ⅙ этой суммы» (134). Кромѣ этого, много было и другихъ горькихъ плодовъ. Послѣ этого вторичнаго урока явилось сильное желаніе подвергнуть принципы и практику банковаго дѣла новому болѣе тщательному разсмотрѣнію, и парламентъ назначилъ, въ 1836 г., для этого комиссію, поручивъ ей отобрать показанія у людей свѣдущихъ. Комиссія выработала нѣкоторыя измѣненія въ организаціи банковъ и акціонерныхъ обществъ, которыя, въ 1837 г., были утверждены парламентомъ. Измѣненія эти были вовсе не такъ существенны, какъ казалось современникамъ: законъ обставилъ открытіе банковъ нѣкоторыми формальностями, замѣнилъ неограниченную отвѣтственность участниковъ ограниченною отвѣтственностью въ размѣрѣ акцій и т. п. Для спекуляцій оставалось открытымъ громадное поприще, даже увеличившееся съ введеніемъ ограниченной отвѣтственности, и она не замедлила снова настолько запутать дѣла съ Америкой, что вызвала, въ 1839 г., при содѣйствіи неурожая, новый денежный кризисъ, закончившійся 1082-мя банкротствами и сильною нуждою рабочаго класса. Фабрики поджигались, и тамъ и самъ происходили волненія, которыя подавлялись оружіемъ. Сваливаніе смутъ того времени на чартистскую пропаганду было, конечно, не больше, какъ стараніемъ плутократіи и землевладѣльцевъ закрыть обществу глаза на его настоящія язвы. Между тѣмъ, банковыя и вобще акціонерныя дѣла возбудили къ себѣ большое вниманіе. Между теоретиками и практиками шли безконечные споры: объ исключительно металлической и исключительно бумажной системѣ денегъ, объ ограниченной и неограниченной свободѣ дѣйствій банковъ, объ ограниченной и неограниченной отвѣтственности и проч.—Спорили въ прессѣ, въ бро-

шюрахъ, въ собраніяхъ, въ экономическомъ клубѣ и даже въ парламентѣ. «Сохранившіеся отъ того времени отчеты о преніяхъ по этому предмету въ парламентѣ и въ комиссіи, говоритъ М. Виртъ:—свидѣтельствуютъ, къ сожалѣнію, что Англія еще очень недалеко ушла въ правильномъ разумѣнія принциповъ банковаго дѣла и даже основныхъ понятій денегъ, капитала и кредита» (135). Корифеи науки, на дебаты которыхъ въ экономическомъ клубѣ являлись министры, никакъ не могли придти между собою къ какому нибудь соглашенію и не могли, конечно, внушить министрамъ нетолько правильныя, но и какія бы то ни было опредѣленныя воззрѣній. Насколько убѣдительно доказывали одни, что неограниченная отвѣтственность директоровъ можетъ уменьшить злоупотребленія, настолько же убѣдительно доказывали другіе, что эта отвѣтственность всегда будетъ лишь номинальною, такъ какъ имущество всегда легко скрыть, а между тѣмъ публика вовлекается такимъ образомъ въ слѣпое довѣріе; насколько защитники ограниченнаго выпуска билетовъ убѣдительно доказывали пользу этой мѣры, настолько же убѣдительно имъ возражали, что система банковыхъ билетовъ представляетъ только одну изъ формъ кредита и что, если недостатокъ звонкой монеты замѣняется суррогатомъ — билетами, то, за недостаткомъ билетовъ, онъ будетъ замѣняться другимъ суррогатомъ — векселями, съ которыми возможны еще большія злоупотребленія, и т. д. Въ особенности эта безконечная полемика приняла большіе размѣры послѣ того, какъ Р. Пиль потребовалъ новой реорганизаціи банковаго дѣла и назначенія по этому поводу новой парламентской комиссіи. Очевидно, что споръ могъ тянуться до скончанія вѣка и никогда не кончиться, а потому, когда новая парламентская комиссія заключила свои засѣданія тѣмъ, что она «никакого мнѣнія не имѣетъ», то сэръ Робертъ Пиль изложилъ, 19-го іюля 1844 года, передъ парламентомъ свои предложенія, которыя были приняты и сдѣлались закономъ.

Пиль провелъ, между прочими условіями, которыя должны были соблюдаться банками, еще два измѣненія, которыя долгое время были непопулярны въ Англіи и вызывали противъ себя нападки, это: во 1-хъ) ограниченіе количества билетовъ, необезпеченныхъ металлическимъ фондомъ, опредѣленною нормою [1], и во

[1] Норма эта была опредѣлена по разсчету билетнаго обращенія въ Англіи за 20-ти лѣтній періодъ. Было высчитано, что изъ суммы билетовъ на 30 мил. фунт., обращавшихся тогда, собственно внутреннее обращеніе требовало 22 мил., а остальные 8 мил. служили внѣшней торговлѣ. Поэтому, первые билеты было признано достаточнымъ обезпечивать государственными бумагами, а вто-

2-хъ) раздѣленіе банка, согласно съ мнѣніемъ С. Дж. Ллойда, считавшагося тогда первымъ англійскимъ финансистомъ, на два отдѣленія банка—департаментъ выпуска билетовъ (issue departament) и собственно банковый департаментъ (banking departament). И теоретики (Миль, Тукъ, Фуллартонъ и друг.), и въ особенности коммерческая публика были очень недовольны закономъ Пиля; дѣйствіе этого закона нѣсколько разъ пріостанавливалось (въ 1847—1857 и 1865 годовъ) и онъ, дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ оказался неудовлетворительнымъ, но возражатели не предлагали ничего лучшаго. Впрочемъ, это мы увидимъ ниже, а теперь не будемъ уклоняться отъ предмета и посмотримъ на причины кризиса 1847 года. Послѣ 1844 года спекуляція съ жадностью набросилась на желѣзныя дороги. «Когда миновалъ первый страхъ, внушаемый новизною этихъ предпріятій и когда первые обильные барыши успѣли раззадорить алчность капиталистовъ, говоритъ М. Виртъ:—то всѣми головами, склонными къ безумнымъ спекуляціямъ, вскорѣ овладѣло настоящее желѣзнодорожное бѣшенство. Проснулась конкурренція и довела соревнованіе до зависти, ослѣплявшей людей на всѣ другія соображенія: проэктировались линіи желѣзныхъ дорогъ, не имѣвшія, повидимому, другой цѣли, какъ губить одна другую. Увлеченіе смѣлостью, новизною и обширностью предпріятій шло рука объ руку съ жаждою быстрой и легкой наживы; безумная смѣлость и ажіотажъ всюду ворочали дѣлами, и вскорѣ снова дошло до того положенія, при которомъ спекуляція не спрашивала ни о необходимости, ни о полезности, ни о доходности предпріятія, а заботилась лишь о томъ, чтобы добывать концессіи, открывать подписки и спускать акціи съ надбавкою въ публику» (152). Въ безразсудныхъ и падкихъ до легкой наживы людяхъ, разумѣется, недостатка не было, и акціи расхватывались. Число желѣзнодорожныхъ проэктовъ было по истинѣ «ужасающее» и суммы, до которыхъ простирались выданныя концессіи, «поражали изумленіемъ». Въ 1844 было выдано концессій на постройку 800 англійскихъ миль на сумму 190 милл. гульд., по оцѣнкѣ, оказав-

---

рые требовалось непремѣнно обезпечивать золотомъ. Выпускъ необезпеченныхъ металлическимъ фондомъ билетовъ былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: на 14 мил. фун. предоставлялось выпускать англійскому банку и на 8 мил.—провинціальнымъ банкамъ; добавочное же количество предоставлялось выпускать англійскому банку не иначе, какъ по особому разрѣшенію правительства или, въ случаѣ закрытія какого-нибудь провинціальнаго банка, въ размѣрѣ его доли. Расширеніе промышленности и торговли, разумѣется, потребовало увеличенія билетнаго обращенія. Что касается обезпеченныхъ металлическимъ фондомъ билетовъ, то число ихъ могло увеличиваться съ увеличеніемъ запаса золота въ банкѣ и должно было уменьшаться съ уменьшеніемъ запаса.

шейся впослѣдствіи вдвое меньше дѣйствительной стоимости. Но 1844 годъ далеко отсталъ отъ послѣдующихъ годовъ: въ 1845 году, въ одинъ только день 16-го іюля, было утверждено королевскою подписью 65 желѣзнодорожныхъ предпріятій съ линіей въ 600 англ. миль, для сооруженія которой, по крайне уменьшенному разсчету, требовалось 13.366,620 фунт. стерл.; а общее число проэктовъ, представленныхъ на разсмотрѣніе въ эту сессію парламента, простиралось до 678, изъ которыхъ 136 были утверждены (1142 мили, по примѣрной оцѣнкѣ на сумму 25.895,900 фунт.). Подобнымъ же образомъ продолжалось дѣло и въ слѣдующіе два года, хотя энергія спекуляціи нѣсколько и ослабѣла: въ 1846 году было представлено 260 и въ 1847 г.—148 проэктовъ. Журналъ «Economist» разсчитывалъ, что за эти послѣдніе три года парламентъ разрѣшилъ постройку желѣзныхъ дорогъ на сумму болѣе 1,400.000,000 тал. (ранѣе этого было уже израсходовано до 600,000,000 тал.), да лежало въ концѣ послѣдняго года еще неразсмотрѣнныхъ проэктовъ болѣе, чѣмъ на 3.000,000 тал. Смотря на это настоящее бѣшенство, люди, наиболѣе осмотрительные, еще въ концѣ 1844 г., выражали сомнѣніе насчетъ той пользы, какую можетъ принести такое количество дорогъ торговлѣ и промышленности сравнительно съ сдѣланными на нихъ затратами, и высказывали опасеніе—вынесутъ ли торговля и промышленность такое значительное отвлеченіе капиталовъ изъ оборота?—Нѣсколько позже подобныя же сомнѣнія появились и въ парламентѣ, и парламентъ, желая нѣсколько поостудить желѣзнодорожную горячку, постановилъ: что цѣны за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, послѣ того какъ доходность достигнетъ извѣстной высоты, должны сбавляться; что простые конспекты о выгодахъ вновь проэктируемыхъ линій недостаточны и что торговой палатѣ должны представляться подробные планы съ чертежами, сметами расходовъ и проч., чтобы можно было лучше вникать въ дѣло и оцѣнивать пользу проэктируемыхъ дорогъ. Кромѣ того, 30-е ноября было назначено послѣднимъ днемъ, въ который будутъ приниматься въ 1845 году проэкты. Но всѣ эти преграды были слишкомъ малы для расходившейся спекуляціи. Торговая палата и комитеты вскорѣ не знали куда дѣться отъ массы плановъ и проэктовъ, поступавшихъ къ нимъ на разсмотрѣніе. Спекулянты и основатели обществъ дѣлали отчаянныя усилія, чтобы перебивать другъ у друга концессіи и чтобы опередить соперника въ представленіи плановъ. Спросъ на литографическія работы возросъ до громадныхъ размѣровъ. Хозяинъ одного заведенія этого рода выписалъ изъ Бельгіи 400 литографовъ и, все-таки, не поспѣвалъ испол-

нять всѣ дѣлаемые ему заказы. Рисовальщики и печатники жили въ самомъ помѣщенiи литографiи и спали лишь урывками, приткнувшись гдѣ-нибудь на полу или на скамьѣ» (153). Чтобы поспѣть къ назначенному сроку въ Лондонъ, отправлялись экстренные поѣзды, причемъ бывали случаи, что директоры соперничествующихъ линiй отказывали своимъ конкуррентамъ отправить ихъ такимъ образомъ и вынуждали бросаться въ объѣздъ, по другимъ дорогамъ, съ опасностью опоздать. Максъ Виртъ разсказываетъ нѣсколько очень характерныхъ и курьёзныхъ сценъ того времени. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ: «Когда насталъ роковой день, 30-е ноября, то въ торговой палатѣ были приняты всѣ мѣры на случай страшнаго натиска публики. Цѣлая армiя писцовъ была наготовѣ, и до 11 часовъ вечера работа шла довольно спокойно. Было рѣшено, что всѣ искатели концессiй, которые окажутся на лицо въ залѣ торговой палаты, будутъ считаться явившимися во-время. Въ теченiе послѣдняго часа давка сдѣлалась такъ велика, что занесенiе прошенiй въ списки, не взирая на всѣ старанiя, не могло производиться такъ же быстро, какъ происходило предъявленiе прошенiй. Дожидающiеся въ первой залѣ съ лихорадочнымъ напряженiемъ прислушивались къ именамъ, которыя выкликалъ сторожъ, а на улицѣ у входа стояла еще бóльшая толпа народа, потѣшавшаяся надъ шумомъ, который производили вновь прибывающiе, и надъ боязливою торопливостью, съ которою они старались просунуть куда слѣдуетъ свои груды бумагъ. Уже пробило полночь и собирались запереть двери палаты, когда одному новоприбывшему агенту удалось таки протискаться въ залу. Такъ какъ въ моментъ его прибытiя звонка еще не было, то его, послѣ нѣкоторыхъ пререканiй, допустили. Прошло еще нѣсколько минутъ, въ теченiи которыхъ новыхъ соискателей не являлось. Но не пробило еще четверти перваго, какъ къ подъѣзду подкатила почтовая карета, запряженная четверкою измученныхъ лошадей. Изъ кареты выскочили три господина, каждый съ ворохомъ бумагъ, и бросились къ дверямъ, но нашли ихъ запертыми. Толпа, стоявшая у входа, посовѣтовала имъ дернуть за звонокъ, чтò они и сдѣлали. Дверь отперъ полицейскiй надзиратель, и, какъ скоро новоприбывшiе убѣдились, что онъ ихъ ни за чтò не впуститъ, они бросили свои бумаги черезъ отворенную дверь во внутренность помѣщенiя, причемъ разбили лампу, горѣвшую въ прiемной. Бумаги имъ выбросили оттуда назадъ; они еще разъ попытались ихъ туда забросить, но имъ опять ихъ выбросили назадъ. Одинъ изъ этихъ господъ разсказалъ свою исторiю и исторiю своихъ товарищей толпѣ, тѣснившейся у входа и отъ души хохотавшей надъ этой сценой. Оказалось, что

кучеръ почтовой кареты не зналъ лондонскихъ улицъ и, вмѣсто того, чтобы прямо везти ихъ къ торговой палатѣ, свернулъ въ другую сторону и съ половины одиннадцатаго кружилъ такимъ образомъ несчастныхъ желѣзнодорожныхъ предпринимателей въ какой-то отдаленной части города.»

За этимъ комическимъ прологомъ слѣдовала, однако, не комедія, а драма. Конечно, было утѣшительно смотрѣть, что Англія, имѣвшая, всего какія-нибудь 10 лѣтъ тому назадъ, только одну коротенькую ливерпульско-манчестерскую линію, вдругъ покрывается громадною желѣзно-дорожною сѣтью; но подобное утѣшеніе покупалось слишкомъ дорогою цѣною. Какъ ни велики были выгоды, которыя сулили желѣзныя дороги въ будущемъ, но въ первые годы онѣ не давали ничего. Какъ ни велики были капиталы Англіи, но, рѣшаясь затрачивать подобныя суммы (до 2 мильярдовъ талер.) въ долгосрочныя предпріятія, она не имѣла ихъ свободными, а отвлекала отъ промышленности, съуживала послѣднюю и обрекала капиталъ сначала на полную бездоходность, а затѣмъ на слишкомъ медленное погашеніе. И дѣлалось это въ то время, когда сельское хозяйство испытывало неудачи и когда требовался капиталъ на поддержку уже начатыхъ предпріятій. Открытіе портовъ Китайской Имперіи для европейцевъ нетолько заняло въ Англіи много капитала въ торговлю, но вызвало даже возникновеніе многихъ фабрикъ для этой страны. Кромѣ того, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, многіе англійскіе торговые дома всадили значительные капиталы въ кофейныя и сахарныя плантаціи въ обѣихъ Индіяхъ и, вызвавъ несоотвѣтственное усиленіе производства, вызвали такую дешевизну этихъ продуктовъ, что «капиталы бо̀льшею частью были потеряны». Затѣмъ, ко всѣмъ этимъ расходамъ необходимо присоединить еще крупные займы, заключенные въ Англія другими государствами. Словомъ, весь свободный капиталъ былъ истощенъ, и желѣзныя дороги натягивали тетиву до послѣдняго... Можетъ быть, зданіе, нагроможденное спекуляціей и не рухнуло бы и Англіи удалось бы съ нѣкоторыми жертвами пережить трудное время, если бы затрудненіе не увеличилось еще другими причинами. Во-первыхъ, случился въ Америкѣ неурожай на хлопокъ, на этотъ важнѣйшій продуктъ англійской промышленности, вслѣдствіе чего фабрики должны были или стать, или значительно сократить производство; затѣмъ, въ 1845 году, болѣзнь истребила почти весь сборъ картофеля, составлявшаго главную пищу рабочихъ, и, наконецъ, въ 1846 году, былъ неурожай хлѣба и наступилъ настоящій голодъ. Въ Ирландіи не хватало хлѣба противъ годовой нормы на 140 мил. талл., Англія

должна была выписать хлѣба, въ теченіи только 8 мѣсяцевъ, на 250 мил. тал. Между тѣмъ, происшедшее раньше сокращеніе производства, вслѣдствіе неурожая хлопка, значительно уменьшило отпускъ Англіи и сократило ея доходы. Въ то время, какъ цѣны на жизненные припасы возросли вдвое и втрое, треть или даже половина рабочихъ была отпущена съ фабрикъ и лишилась заработка. Ко всему этому присоединились неудачи хлѣбной торговли, которая, благодаря спекуляціи, приняла за послѣдніе годы въ Англіи такіе большіе размѣры, что Лондону предсказывали, что онъ сдѣлается центральнымъ всемірнымъ рынкомъ и перетянетъ къ себѣ всю торговлю Амстердама и Гамбурга. Торговля хлѣбомъ, безъ сомнѣнія—дѣло чрезвычайно прибыльное, но въ то же время она есть и дѣло чрезвычайно рискованное, зависящее отъ множества случайностей. А 1847 годъ былъ именно полонъ такихъ случайностей: неурожай постигъ почти всю Европу. Громадные транспорты хлѣба пришлось стягивать изъ такихъ отдаленныхъ портовъ, какъ черноморскіе, Архангельскъ и Америка; доставка настолько замедлилась, что хлѣбъ пришолъ уже тогда, когда имѣлись виды на хорошій урожай; за хлѣбъ приходилось расплачиваться по большей части чистыми деньгами, чего прежде не было, и т. п. Нужно замѣтить, что хлѣбныя спекуляціи велись въ Англіи, по большей части, въ кредитъ, который щедро оказывался имъ банками и фирмами, занимавшимися учетомъ векселей. Англійскій банкъ до самаго наступленія кризиса держалъ дисконтъ крайне низко:—3—2%; онъ раздавалъ въ ссуду даже суммы, подлежавшія выдачѣ въ видѣ дивидендовъ, какъ это заявилъ тогдашній министръ финансовъ. Другіе банки не отставали, несмотря на то, что золото утекало за границу и наступленіе кризиса было очевидно «съ неизбѣжностью математическаго вывода»: такъ, напримѣръ, обанкротившійся ливерпульскій королевскій банкъ, весь акціонерный капиталъ котораго не превышалъ 600 т. фунт., выдалъ въ ссуду одному только торговому дому 500 т. фунт., и т. д. Англійскій банкъ обвиняли въ томъ, что онъ вызвалъ кризисъ внезапнымъ повышеніемъ дисконта, и всю причину этого приписывали закону Пиля. Банкъ, дѣйствительно, когда почувствовалъ себя зарвавшимся, возвысилъ дисконтъ: сначала, 14 янв., до 3% и затѣмъ, 21 янв.—до 4%. Конечно, это было довольно круто, но банку давно слѣдовало это сдѣлать. Но и порицавшіе банкъ съ этой стороны также винили законъ Пиля. Даже парламентская комиссія, назначенная для разслѣдованія причинъ кризиса, и та объявила, что законъ 1844 г. только ухудшилъ бѣдственное положеніе вещей того времени. Всѣ

обвиненія сводились: 1) къ раздѣленію банка на два департамента, вслѣдствіе чего банкъ становится недостаточно подвижнымъ: не можетъ регулировать норму своего дисконта сообразно съ условіями рынка и держитъ его либо низко, либо внезапно повышаетъ, не можетъ быстро регулировать билетнаго обращенія, и въ то время, какъ въ банковомъ отдѣленіи запасъ билетовъ истощается, въ билетномъ отдѣленіи лежитъ громадный запасъ золота и т. п., и 2) къ ограниченію количества билетовъ и вообще къ нецѣлесообразности правительственной регламентаціи въ дѣлѣ кредита, къ нецѣлесообразности искуственнаго регулированія посредствомъ законодательства билетнаго обращенія, вслѣдствіе чего въ затруднительныя минуты, во время натиска публики въ банкъ, онъ не можетъ оказывать достаточной помощи торговцамъ и предпринимателямъ, не можетъ увеличивать количества своихъ билетовъ и расширять своего кредита.—Но какъ будто для регулированія дисконта съ условіями рынка департаменты, находившіеся подъ однимъ управленіемъ, не могли и не должны были сноситься и согласовать свои дѣйствія; какъ будто, еслибы банкъ имѣлъ право выпускать неограниченное количество билетовъ, то кризисъ не наступилъ бы (онъ, конечно, только отсрочился бы и разразился бы съ бо̀льшею силой); какъ будто банкъ съумѣлъ бы всегда сказать себѣ во̀ время «довольно», избѣжать вліянія спекулянтовъ и увлеченій. Еслибы это было такъ, то, конечно, и не потребовалось бы издавать законъ, регулирующій билетное обращеніе. Находились люди, которые объясняли, что кризисъ 1847 г. успокоился довольно благополучно только благодаря тому, что пилевскій законъ былъ пріостановленъ и банку было разрѣшено выпустить билетовъ свыше нормы; но полномочіемъ этимъ банку не пришлось даже воспользоваться, такъ какъ оно послѣдовало уже послѣ того, какъ первый натискъ кризиса на банкъ миновалъ. Успокоеніе, которое замѣчалось послѣ пріостановки дѣйствія закона, точно такъ же, какъ и въ 1857 г., было гораздо больше нравственнымъ, благодаря авторитету того же самаго банка. И правительство отлично понимало, что подобное успокоеніе можетъ производить только пріостановка, а не отмѣна закона. Англійскіе финансы все таки стоятъ устойчивѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, и не знаютъ такихъ колебаній валюты, какъ страны, искусившіяся въ чрезмѣрномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ (напр. Австрія, Россія). Что̀ касается регламентированія банковаго дѣла вообще, то регламентація, весьма, впрочемъ, недостаточная для прекращенія злоупотребленій, явилась плодомъ горькой необходимости для прекращенія наглаго, дневнаго грабежа, производившагося банка-

ми. Функціи банковъ черезъ это, правда, были до нѣкоторой степени стѣснены, но изъ двухъ золъ было выбрано меньшее. Для насъ гораздо важнѣе не то, что законъ Пиля оказался безсильнымъ противъ спекуляцій и злоупотребленій, а то, что онъ не разрѣшилъ банковаго вопроса и полонъ грубыхъ недостатковъ и ошибокъ, которыя мы отлично сознаемъ—не диковина: то же самое будетъ ждать всякій законъ, пока финансы не будутъ приведены въ непосредственное соприкосновеніе съ трудомъ, пока кредитъ не будетъ оказываться непосредственно производительности, т. е. работнику.

Крушеніе началось съ хлѣбныхъ торговцевъ. Вслѣдствіе удовлетворительнаго урожая, цѣны на хлѣбъ стали быстро падать и съ мая по сентябрь упали съ 102 до 48 шиллинговъ. Напрасно торговцы, не брезгая никакими средствами, старались удержать ихъ отъ паденія. Дутые векселя могли сослужить службу не на долго; еще меньше приносили пользы ложныя успокоительныя свѣдѣнія: встревоженное общество мало вѣритъ успокоеніямъ и вѣритъ только тому, что видитъ. Словомъ—часъ наступилъ, и нужно было обанкротиться одной какой-то неважной фирмѣ, чтобы за нею пошли лопаться одна фирма за другою. Цѣлые 5 мѣсяцевъ происходило это крушеніе, и не проходило дня, чтобы не слышалось о банкротствѣ того или другаго дома или цѣлой дюжины домовъ. Когда, въ концѣ года, можно было обозрѣть опустошенія, то оказалось, что обанкротилось 400 фирмъ на сумму 250 мил. ф. Крушеніе не ограничилось одними только банками и хлѣбными торговцами, но распространилось на торговцевъ мануфактурными и другими товарами и на фабрикантовъ. Не только акціи разныхъ компаній упали до 25%, но даже курсъ государственнаго консолидированнаго займа значительно спустился. Банкъ повысилъ дисконтъ до 8%; въ частныхъ же конторахъ брали до 13%. Въ особенности въ затруднительномъ положеніи находились желѣзнодорожныя общества. Они выпустили массу 5% облигацій и пускали ихъ со скидкою 6—7° съ номинальной цѣны; но покупателей было мало. Работы ихъ по постройкамъ прекратились. Фабрики также стали. Рабочіе остались безъ работы и безъ хлѣба. Число бѣдныхъ въ однихъ только рабочихъ домахъ возрасло на 100 т. чел. Налогъ для бѣдныхъ пришлось увеличить на цѣлый мильйонъ фунт., и онъ составлялъ въ этомъ году, вмѣстѣ съ прежнимъ, 6 мил. фунт. Въ Ирландіи происходили аграрныя убійства и началась громадная эмиграція въ Америку. «То была страшная пора», лаконически добавляетъ М. Виртъ. Всѣ торговые центры континента ощущали послѣдствія кризиса: онъ отдавался въ Парижѣ, Амстердамѣ, Гамбур-

*

гѣ (гдѣ обанкротилось, между прочимъ, 128 домовъ), въ Карлсруэ, Петербургѣ и другихъ городахъ.

Прежде, чѣмъ сказать о послѣдующихъ кризисахъ въ Англіи, мы посмотримъ на кризиси 1814—37 и 39 гг. въ Америкѣ, къ которой англійскіе капиталы и политика имѣли самое близкое отношеніе. Нигдѣ промышленность такъ быстро не развивалась и нигдѣ такъ часто кризисы не тревожили общество, какъ въ Америкѣ. Вначалѣ, когда главными предметами производства и вывоза были сырые продукты, затрудненія, главнымъ образомъ, происходили въ производствѣ сырья, преимущественно въ земледѣліи. Пока американская производительность и рынокъ пришли въ болѣе или менѣе правильное соприкосновеніе съ Европой, происходили нѣсколько разъ колебанія, сопровождавшіяся убытками для новой страны: то дороговизна хлѣба и хлопка въ Европѣ, какъ, напримѣръ, вначалѣ настоящаго столѣтія, побуждали американскихъ капиталистовъ затрачивать громадные капиталы въ земледѣліе и производить громадное количество хлѣба и хлопка; то урожай хлѣба и подвозъ хлопка изъ другихъ странъ уменьшали спросъ и ставили производителей въ затрудненіе, въ необходимость сбывать свои товары по крайне низкимъ цѣнамъ; цѣны на землю то поднимались до чудовищной высоты, то вдругъ падали на 40 — 50 и болѣе процентовъ. Такъ погибло очень много капиталовъ. Равнымъ образомъ, Америка очень рано вошла во вкусъ бумажныхъ денегъ и извѣдала послѣдствія ихъ чрезмѣрности. Когда, во время войны за независимость, конгрессъ усилилъ выпускъ бумажныхъ денегъ до громадной суммы въ 160 мил. дол. и когда, вслѣдствіе этого, государству угрожало банкротство (деньги эти впослѣдствіи могли быть погашены лишь въ размѣрѣ 1%), то, послѣ принятія конституціи, выпускъ бумажныхъ денегъ былъ отмѣненъ и золотыя и серебряныя деньги были объявлены единственною монетою съ обязательнымъ курсомъ (94). Но то, отъ чего отказалось правительство, вскорѣ было съ избыткомъ возмѣщено частными банками. Исторія американскихъ спекуляцій тѣсно переплетается съ исторіей американскихъ банковъ, злоупотребленія которыхъ гораздо бóльшіе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, вынудили нѣсколько президентовъ (Джэксона, ван-Бьюрена и Бёкэнэна) вести съ банками упорную борьбу. Съ 1780-го года, когда открылся въ Пенсильваніи первый американскій банкъ, къ концу 1810-го года въ Америкѣ уже считалось 88 ассигнаціонныхъ банковъ, которые, «казалось, принимали свои станки для печатанія ассигнацій за золотыя розсыпи» (95). Успѣхъ первыхъ кредитныхъ предпріятій вызвалъ сильное банковое учредительство: такъ, напри-

мѣръ, въ одной только Пенсильваніи въ 1812—13 г. возникло 24 банка, въ 1814 г.—41 банкъ и т. д. Такъ какъ въ банковыхъ операціяхъ почти не соблюдалось никакихъ границъ, то бумаги ихъ скоро упали въ цѣнѣ до 80—50%, а звонкая монета настолько исчезла изъ обращенія, что принуждены были даже мелкую монету замѣнять бумажками. Это паденіе курсовъ побудило европейцевъ потребовать уплаты по римессамъ исключительно звонкою монетою, а это вызвало и въ Америкѣ со стороны владѣльцевъ билетовъ требованіе отъ банковъ звонкой монеты. Движеніе это «вскорѣ возросло со всею стремительностью бурнаго потока», и въ августѣ 1814-го года банки должны были прекратить платежи[1]. «Но вышеупомянутая пріостановка платежей вмѣсто того, чтобы положить конецъ спекулятивной горячкѣ, усилила ее еще больше... Опрометчивыя операціи банковъ, все-таки, продолжались; во многихъ изъ нихъ, какъ разсказываютъ, ссуды просто навязывались публикѣ. Въ то же время, цѣны на товары и на землю возросли до громадныхъ размѣровъ и люди считали себя обладателями несмѣтныхъ богатствъ, которыя, между тѣмъ, были чистою фикціею. Все населеніе было вовлечено черезъ это въ спекуляцію и въ займы, роскошь возросла до чрезвычайныхъ размѣровъ и еще выше подняла цѣны. Не взирая на усиленное потребленіе, коммерсанты, занимавшіеся ввозомъ товаровъ, все-таки, перецѣнили спросъ и завалили рынокъ европейскими товарами. При громадномъ числѣ ассигнаціонныхъ банковъ, фабрикантамъ фальшивыхъ ассигнацій было раздолье» и т. д. (96). Это положеніе дѣлъ продолжалось до 1818-го года, когда банки, подъ давленіемъ конкуренціи вновь основаннаго «Банка Соединенныхъ Штатовъ», должны были сократить количество своихъ билетовъ и возобновили платежи. Съ этого времени, «Банку Соединенныхъ Штатовъ» принадлежитъ первая роль въ дѣлѣ банковыхъ спекуляцій, а потому слѣдуетъ замѣтить, что онъ, въ качествѣ національнаго банка, пользующагося правительственною привилегіею и билеты котораго должны были приниматься государственными кассами наравнѣ съ чистыми деньгами, пользовался, во-первыхъ, большимъ общественнымъ довѣріемъ, а во-вторыхъ, представлялся тогдашнимъ экономистамъ лучшимъ средствомъ для обузданія мелкихъ частныхъ банковъ и предотвращенія бумажныхъ неурядицъ. Онъ былъ основанъ собственно нѣсколько раньше, а именно въ 1790 году, но въ 1809 году, вслѣдствіе того, что возобновленіе его концессіи

---

[1] Исключеніе составили только банки Новой Англіи, гдѣ законодательство угрожало денежными штрафами за отказъ отъ уплаты по билетамъ и гдѣ, вслѣдствіе этого, банки были осторожнѣе.

встрѣтило сопротивленіе нѣкоторыхъ штатовъ, прекратилъ свое существованіе. Основанный вновь въ 1816 г. съ капиталомъ въ 35 мил. дол. (изъ которыхъ центральное правительство подписалось на 5 мил.), банкъ Соединенныхъ Штатовъ далеко не весь акціонерный капиталъ получилъ чистыми деньгами, а потому прежде, чѣмъ приступить къ регулярнымъ операціямъ, озаботился обезпечить себя звонкою монетою и скупилъ таковой въ Европѣ болѣе 7 мил. дол. Этого, съ одной стороны, требовало самое его положеніе, а съ другой—здѣсь открывалась богатая спекуляція: бо́льшая часть капитала была роздана въ ссуду подъ залогъ своихъ же акцій, вслѣдствіе чего, акціи банка, и безъ того стоявшія высоко, поднялись еще выше и сдѣлались предметомъ «чудовищнаго ажіотажа». Тотчасъ же по открытіи правильныхъ операцій, банкъ выпустилъ въ огромномъ количествѣ и свои билеты, которые, вмѣстѣ съ билетами другихъ банковъ, составили такой бумажный фондъ, который еле держался на плечахъ народа. «Наконецъ, въ 1818 г., шаткое сооруженіе не могло долѣе держаться; банкамъ ничего болѣе не оставалось, какъ выбирать между ликвидаціей и сокращеніемъ количества билетовъ, находящихся въ обращеніи». Разумѣется, банки выбрали послѣднее, и инниціативу въ этомъ принялъ на себя банкъ Соединенныхъ Штатовъ. «Но послѣдствіемъ такой мѣры было значительное паденіе цѣнъ, а это повлекло за собою банкротство многихъ купцовъ, занимавшихся ввозомъ иностранныхъ товаровъ, а также фабрикантовъ и сельскихъ хозяевъ. Многіе несчастные кредиторы потеряли плодъ многолѣтней работы и многіе превосходные работники вынуждены были промѣнять родной кровъ на негостепріимные лѣса дальняго Запада. Вынужденныя продажи запасовъ товаровъ и домашняго скарба производились въ убытокъ, многія семейства отказывали себѣ въ самомъ необходимомъ. Деньги и кредитъ становились до такой степени рѣдки, что невозможно было получить ссуду подъ самую надежную земельную ипотеку. Работа и заработокъ прекратились, и лучшіе изъ граждань были доведены до нищеты и отчаянія. Торговля ограничилась необходимыми жизненными потребностями. Фабричныя зданія и машины стояли праздно. Продукты промышленности попадали въ руки ростовщиковъ. Долговыя тюрьмы переполнились, на общинахъ лежало прокормленіе заключенныхъ въ нихъ неисправныхъ должниковъ. Суды были завалены жалобами, и самыя хозяйства едва въ состояніи были сколачивать деньги, необходимыя для покрытія потребностей жизни со дня на день» (97). Грустный опытъ 1818-го года заставилъ банкъ Соединенныхъ

Штатовъ быть нѣкоторое время осмотрительнѣе и обратиться къ солиднымъ предпріятіямъ; но уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ началась таже самая неурядица въ выпускѣ билетовъ, и снова начались биржевая игра и всевозможныя спекуляціи, среди которыхъ особенно большіе размѣры приняли спекуляціи государственными землями. Спекуляціи на государственныя земли, состоявшія въ покупкѣ земель у правительства по низкимъ цѣнамъ и перепродажѣ ихъ въ частныя руки съ барышомъ, уже приняли большіе размѣры еще въ 1819 — 20 гг. и тогда причинили не мало бѣдъ. Въ то время имъ былъ положенъ предѣлъ тѣмъ, что съ 1-го іюля 1820 г. земли перестали продавать съ разсрочкою платежей, а стали требовать немедленной же уплаты (по $4^1/_2$ дол. за акръ). Это нѣсколько поостудило спекуляцію, но съ 1832 г. она снова приняла громадные размѣры, и на этотъ разъ во главѣ ея очутился банкъ Соединенныхъ Штатовъ, который совершенно парализировалъ вышеуказанную мѣру путемъ щедрой раздачи спекулянтамъ въ ссуду своихъ билетовъ, которые, какъ мы видѣли, государственныя кассы обязаны были принимать наравнѣ съ чистыми деньгами. Самъ банкъ, а равно и другіе банки, выдавали эти билеты безъ всякихъ гарантій. При этомъ продѣлывалась обыкновенно слѣдующая исторія: билеты, вносимые покупщиками, въ уплату за землю въ учрежденія, завѣдывавшія продажею земли, должны были немедленно же препровождаться въ банкъ въ видѣ государственныхъ депозитовъ, а банкъ сейчасъ же выдавалъ ихъ снова въ ссуду; снова возвращались они въ банкъ и снова выдавались и т. д. Такимъ образомъ, каждая спекуляція доставляла средства для новой спекуляціи, и одни и тѣ же билеты по нѣскольку разъ являлись средствомъ уплаты. Такимъ образомъ, банки нетолько являлись орудіемъ, доставлявшимъ спекулянтамъ возможность прибирать къ рукамъ лучшія земли, но и являлись, въ концѣ концовъ, несостоятельными. Правительственный приходъ отъ продажи земель возросъ до громадныхъ размѣровъ, между тѣмъ состоялъ онъ не изъ чего иного, какъ изъ кредита въ книгахъ банка. Но банки поддерживали спекуляцію не въ одномъ только этомъ направленіи, а во всѣхъ отраслахъ промышленности. Количество билетовъ, выпущенныхъ банками, считалось сотнями мильйоновъ долларовъ; между тѣмъ совокупный капиталъ ихъ представлялъ не болѣе 200 мил. дол., и значительная часть этого капитала (около 100 мил.,) была занята въ Европѣ и отчасти у союза и отдѣльныхъ штатовъ. Кромѣ того, негоціанты и въ особенности нью-йоркскіе купцы были очень много должны въ Лондонѣ. Вмѣстѣ съ размноженіемъ бу-

мажныхъ денегъ, золото утекало за границу. Но бѣда состояла собственно не въ этомъ. Промышленность во многихъ случаяхъ получила фальшивое направленіе: въ то время какъ нѣкоторыя фабрики производили убыточный избытокъ товаровъ, даже въ то время какъ спекуляціи на землю были въ полномъ разгарѣ, земледѣліе находилось въ крайнемъ упадкѣ, и Америка, покупавшая въ 1834 г. въ Европѣ хлѣба на 250,000 дол., должна была, въ теченіи только перваго полугодія 1837 года, выписать таковаго на 2 мил. дол. Значительнѣйшая часть займовъ, произведенныхъ въ Англіи, предназначалась на постройку желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, но лишь ничтожная часть ихъ достигла своего назначенія — остальное было расхищено и растрачено на эфемерныя предпріятія. Президентъ Джэксонъ очень рано обратилъ вниманіе на такое положеніе вещей: онъ, еще въ 1829 г., энергически высказался противъ системы бумажныхъ денегъ, которыми банки поддерживаютъ духъ спекуляціи, и началъ съ ними упорную борьбу въ лицѣ банка Соединенныхъ Штатовъ, борьбу, кончившуюся тѣмъ, что банкъ лишился привилегій правительственнаго учрежденія и сдѣлался учрежденіемъ частнымъ. Многіе нападали на Джэксона за его образъ дѣйствій и изобличали его въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ просто, какъ орудіе южанъ, потому что какъ разъ въ это время начиналась вражда сѣвера съ югомъ изъ-за слишкомъ широкаго толкованія сѣверомъ союзной конституціи, и банковый вопросъ былъ первымъ вопросомъ, на которомъ партіи помѣрялись силами: сѣверяне, основываясь на аналогіи бумажныхъ денегъ съ звонкою монетою, желали отстоять за союзомъ право исключительнаго выпуска и бумажныхъ денегъ; южане оспаривали это право. — Положимъ, что въ складкахъ этой борьбы сидѣлъ вопросъ о невольничествѣ, разросшійся впослѣдствіи; но Джэксонъ, этотъ любимецъ демократіи, дѣйствовалъ по отношенію къ банку, какъ истый демократъ, а не какъ орудіе рабовладѣльцевъ.—Конечно, уничтоженіе національнаго банка не уничтожило зла и породило только массу мелкихъ частныхъ банковъ, которые проявили еще болѣе ужасныя плутни; конечно, можно было бы и другими средствами предотвратить банковыя неурядицы, ограничить полновластіе директоровъ и провести банковую реформу; но банкъ Соединенныхъ Штатовъ не представлялъ собою ничего цѣннаго, онъ былъ такимъ возмутительнымъ соединеніемъ частнаго интереса съ государственнымъ, такимъ орудіемъ эксплуатаціи государства въ пользу какой-нибудь дюжины пройдохъ, что жалѣть о немъ не стóитъ. Къ тому же, для такихъ рѣшительныхъ дѣйствій, продолжавшихся однако цѣлыхъ 7 лѣтъ, у Джэксона были всѣ основанія: рискован-

ныя спекуляціи, которыя велъ банкъ, указывали на его несостоятельность; съ другой стороны, спекуляціи принимали все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры и грозили общественному благосостоянію. Наконецъ, на счетъ несостоятельности банка онъ имѣлъ и болѣе достовѣрныя доказательства: заботясь объ уплатѣ государственныхъ долговъ и имѣя въ банкѣ 11.600,000 дол. государственныхъ вкладовъ, онъ приказалъ банку уплатить по трехпроцентнымъ облигаціямъ 2.700,000 дол. въ два срока — 1-го іюля и 1-го октября; обязанный это сдѣлать, государственный банкъ попросилъ трехмѣсячной отсрочки, на которую и получилъ согласіе, а самъ, между тѣмъ, сталъ требовать съ нью-йоркскихъ купцовъ возврата ссудъ и отправилъ въ Лондонъ агентовъ для переговоровъ, черезъ банкирскую контору Берингъ и Линъ, съ кредиторами правительства объ отсрочкѣ платежей на годъ и прося у этой фирмы кредита въ 5 мил. дол. Это окончательно убѣдило Джэксона, что банкъ несостоятеленъ, и побудило его потребовать возвращенія правительственныхъ вкладовъ и не возобновлять банку привилегіи, когда въ 1836 г. истекъ срокъ его старой привилегіи.—Одновременно съ этимъ, для возстановленія денежнаго обращенія, были приняты и нѣкоторыя другія мѣры: усиленная чеканка монеты; воспрещеніе пріема и выдачи за счетъ государства мелкихъ билетовъ въ 1 дол., выпускъ которыхъ уже былъ воспрещенъ банкамъ ранѣе; затѣмъ было потребовано, чтобы плата за землю непремѣнно вносилась звонкою монетою. Эта послѣдняя мѣра на нѣкоторое время «отняла средства у чрезмѣрной спекуляціи и обуздала ея стремленія превратить покупку лучшихъ государственныхъ земель въ свой монополь. Она оградила новые штаты отъ той язвы, какъ классъ землевладѣльцевъ, не живущихъ на своихъ земляхъ—классъ, представляющій одно изъ величайшихъ препятствій къ развитію новой страны и къ благосостоянію старой. Она много способствовала поддержанію доступности государственыхъ земель для эмигрантовъ по цѣнамъ, назначеннымъ отъ правительства, между тѣмъ какъ прежде прибывающіе переселенцы вынуждены были перекупать ее у спекулянтовъ, платя вдвое и втрое противъ первой ихъ стоимости» (106). Очевидно, что М. Виртъ преувеличиваетъ значеніе этой мѣры, которая вовсе не настолько была сильна и имѣла только нѣкоторое временное значеніе. Равнымъ образомъ, и другія мѣры, принятыя Джэксономъ, не могли спасти и не спасли страны отъ кризисовъ. Что̀ касается банка Соединенныхъ Штатовъ, то, потерявъ привилегію правительственнаго учрежденія, онъ не прекратилъ своего существованія, а добился при помощи своего директора, г. Бидля, концессіи отъ штата Пенсильваніи и, оставшись, въ сущности, тѣмъ

же самымъ банкомъ, надѣлъ только другую юридическую маску и не считалъ уже больше союзнаго правительства въ числѣ своихъ акціонеровъ. Устроилъ это г. Бидль посредствомъ пожертвованія 10 мил. дол., употребленіе которыхъ покрыто таинственнымъ мракомъ. Продѣлка эта поражала своею наглостью, когда ее выяснили передъ конгрессомъ государственный статс-секретарь и Джэксонъ: банкъ нетолько не возвратилъ правительству его вкладовъ, но не далъ даже увѣдомленія, когда отъ него можно было ожидать этой уплаты, несмотря на неоднократныя обращенія къ нему по этому поводу. Статс-секретарь, т. е. американскій министръ финансовъ, обращался къ банку за отчетомъ о положеніи его дѣлъ, но не получилъ и отчета. Въ силу § 21 устава, банкъ имѣлъ право, въ теченіи двухъ лѣтъ со дня истеченія срока концессіи, дѣйствовать въ качествѣ корпораціи для заключенія счетовъ, ликвидаціи своихъ дѣлъ и распоряженія имуществомъ, какое въ немъ окажется, при чемъ хотя и оговаривалось довольно туманно, что банкъ «отнюдь не долженъ пользоваться этимъ правомъ для какихъ либо другихъ цѣлей», но чѣмъ онъ именно и воспользовался для другихъ цѣлей: онъ счелъ за лучшее, вмѣсто того, чтобы возвратить правительственные вклады, простиравшіеся уже до 16 мил. дол., передать всѣ свои книги, бумаги, билеты и обязательства новому учрежденію. Безцеремонность дошла до того, что билеты стараго банка были пущены въ обращеніе, на что̀ банкъ ни самъ не имѣлъ права, ни тѣмъ болѣе не могъ передавать этого права другому учрежденію: съ прекращеніемъ концессіи, билеты, находившіеся въ обращеніи, должны были быть вытребованы посредствомъ публикаціи, сейчасъ же по предъявленіи оплачены и затѣмъ уничтожены вмѣстѣ съ остававшимися въ банкѣ.—«Вторичный выпускъ ихъ въ обращеніе не былъ разрѣшонъ никакимъ закономъ и не оправдывался никакою потребностью. Если Соединенные Штаты гарантировали уплату по этимъ билетамъ своими капиталами, ввѣренными банку, то этотъ вторичный выпускъ старыхъ билетовъ новою корпораціею въ свою пользу былъ обманомъ передъ правительствомъ; если же союзное правительство не отвѣчало за эти билеты, то уплата ихъ ничѣмъ не была гарантирована и выпускъ ихъ былъ обманомъ передъ страною» (107). Такъ формулировалъ вопросъ Джэксонъ въ своей прощальной рѣчи, которою престарѣлый президентъ прощался съ своею должностью и съ политическою дѣятельностью. Во все время своего президентства, Джэксонъ ратовалъ противъ чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ и стремился къ развитію металлическаго обращенія, въ особенности среди рабочаго класса, который

не имѣетъ возможности наблюдать за постоянно мѣняющеюся цѣнностью бумажныхъ денегъ. — Вдаваясь иногда въ односторонность и впадая подъ часъ даже въ совершенное отрицаніе бумажныхъ денегъ, онъ неоднократно и совершенно вѣрно доказывалъ конгрессу, что тяжелѣе всего бумажная система отзывается на рабочемъ классѣ, что банки служатъ только людямъ алчнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ наживы на счетъ страны, что, поощряя спекуляціи, они постоянно вызываютъ колебанія въ цѣнахъ, придаютъ промышленности ложное направленіе и вызываютъ потрясенія. Онъ доказывалъ также, что подобный порядокъ вещей, кромѣ того, какъ нельзя болѣе развращаетъ общественные нравы. Преемникъ Джэксона—ван-Бьюренъ, совершенно раздѣлялъ эти воззрѣнія и продолжалъ ту же политику. Но какъ бы тамъ ни было, а, благодаря стараніямъ Джэксона (закупкѣ золота въ Европѣ, усиленной чеканкѣ преимущественно мелкой монеты и проч.), въ Америкѣ къ концу 1836 г. было уже на 73 мил. дол. металлическихъ денегъ. Одновременно съ этимъ, ввозъ и вывозъ товаровъ значительно увеличились, а государственный бюджетъ, при крайне скромномъ управленіи, уменьшился: составляя, въ 1817 г., около 40 мил. дол., бюджетъ въ 1834 г. былъ менѣе 25 мил. дол, а въ 1836 оказалось 18 мил. излишка доходовъ передъ расходами. Съ этими данными гармонируютъ свѣденія и о процвѣтаніи промышленности, и, главное, о благосостояніи націи. Положеніе «представлялось одинаково завиднымъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ: промышленность, торговля и земледѣліе изображались процвѣтающими, цѣны на землю, заработная плата и прибыльность всевозможныхъ предпріятій возросшими» и т. д. «Но именно, говоритъ М. Виртъ:—это-то всеобщее процвѣтаніе носило въ самомъ себѣ зародышъ разрушенія; чувство мѣры было потеряно» (112). Скоро спекуляція на государственныя земли превратилась въ игру; было проектировано до 100 новыхъ желѣзныхъ дорогъ, столько же каналовъ и еще больше горнозаводскихъ и другихъ промышленныхъ предпріятій, которыя одни потребовали для своего осуществленія до 300 мил. дол. Спекуляція снова переоцѣнила избытокъ капитала. Въ одномъ только штатѣ Нью-Іоркѣ было выдано 60 концессій на желѣзныя дороги, требовавшія $43^1/_2$ м. д.; а въ самомъ городѣ Нью-Йоркѣ было выстроено въ теченіи 9 мѣсяцевъ, съ 1 января по 1 сентября, до 1518 новыхъ домовъ и т. д. Банкъ Соединенныхъ Штатовъ, отдѣлившись отъ союзнаго правительства, выпустилъ громадное количество ассигнацій, подлежавшихъ во всякое время размѣну, и «срочныхъ почтовыхъ билетовъ», подлежавшихъ оплатѣ черезъ

годъ и болѣе. Банкъ долженъ былъ расплачиваться съ правительствомъ и выпутывался рискованными предпріятіями, стараясь, въ тоже время, сбыть массу своихъ акцій въ Лондонѣ, чтобы выручить чистыя деньги. Отчасти изъ конкурренціи съ нимъ, а отчасти и подъ вліяніемъ партіи, опасавшейся возстановленія привилегированнаго государственнаго банка, основалось болѣе 100 ассигнаціонныхъ и дисконтныхъ банковъ съ капиталомъ въ 125 м. д. Средства этихъ банковъ были, въ сущности, очень шатки: кое-какая поземельная собственность, личное довѣріе къ директорамъ, незначительные товарные запасы въ видѣ залоговъ и т. п. Несмотря на то, что, по статутамъ своимъ, они могли принимать на себя обязательствъ только на сумму втрое бо́льшую ихъ акціонернаго капитала, они выпускали билеты безъ всякой мѣры и вскорѣ сумма выдаваемыхъ ими ссудъ въ 20 разъ превышала ихъ капиталъ.—Передъ историкомъ открывалась слѣдующая картина: отъ 500 до 600 банковъ, съ номинальнымъ капиталомъ въ 400 мил. дол., соперничали между собою, наводняя страну бумагами и гоняясь за процентами безъ всякаго разсужденія о будущемъ и правильномъ направленіи промышленности. Этотъ наплывъ бумажныхъ цѣнностей вызвалъ еще болѣе искуственное возбужденіе торговой и промышленной дѣятельности. Искуственно поднятыя цѣны на хлопокъ побудили южныхъ плантаторовъ бросить воздѣлываніе индиго и риса и заняться хлопкомъ. Для этого покупались земля въ Арканзасѣ и на Миссиссипи, устроивались новыя колоніи и проч. Въ то же время, вздорожаніе жизненныхъ припасовъ, цѣны на которые успѣли удвоиться и дороговизна которыхъ въ особенности сдѣлалась тяжела, несмотря на довольно высокую заработную плату, послѣ наступившаго неурожайнаго года заставило тысячи рабочихъ рукъ переселиться на Западъ, гдѣ, вслѣдствіе этого, цѣны на землю, въ свою очередь, возросли въ 5, въ 10 и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ 20 разъ. Между тѣмъ, ввозъ, превысившій въ 1836 г. вывозъ на 50 м. д., былъ оплаченъ векселями, и по векселямъ наступали платежи. Какъ разъ въ это время появилось вышеупомянутое распоряженіе (Specie Circular), которымъ покупщики государственныхъ земель и купцы атлантическихъ городовъ обязывались уплачивать слѣдовавшіе съ нихъ долги, подати и пошлины исключительно звонкою монетою. Въ государственное казначейство, такимъ образомъ, притекло до 50 мил. дол., но денежный рынокъ, вслѣдствіе такого отлива, почувствовалъ большое стѣсненіе. Когда обратились къ новымъ займамъ въ Англію и Голландію, то англійскій банкъ, въ видахъ массы уже утекшихъ капиталовъ въ Америку, повысилъ дисконтъ. Это сразу осадило американскую спекуляцію въ самомъ ея разгарѣ.

Всѣ увидѣли невозможность окончить и черезъ 10 лѣтъ хотя бы только 1/3 начатыхъ уже желѣзнодорожныхъ построекъ. Одновременно съ этимъ упали и цѣны на хлопокъ. Торговый міръ переполошился. Хотя американская торговля и промышленность и привыкли къ такимъ періодическимъ колебаніямъ, которыя повторялись приблизительно черезъ періоды отъ 4 до 6 лѣтъ и которыя въ особенности были сильны въ 1821—27 и 34 годахъ, когда застой въ дѣлахъ также заставлялъ распускать рабочихъ массами, однако, все это было ничтожно сравнительно съ настоящимъ затрудненіемъ. Тогда бѣдствіе никогда не затягивалось дольше какихъ-нибудь 3 мѣсяцевъ; кредиторы и должники, утомившись застоемъ въ дѣлахъ, вступали обыкновенно между собою въ соглашеніе, и дѣятельность пробуждалась снова; но теперь затрудненіе приняло характеръ и размѣры настоящаго кризиса. Наступила паника, и многія фирмы объявили себя несостоятельными, а вскорѣ и *«всѣ банки Соединенныхъ Штатовъ прекратили платежи»* (116). Денегъ, которыя обыкновенно прячатся въ такую пору, нельзя было достать ни подъ какое обезпеченіе: «орудіе обмѣна, это масло, которымъ смазывается торговая машина, казалось, совсѣмъ высохло». Звонкая монета почти исчезла изъ обращенія; банковые билеты упали на 20 %. Торговля и ремесла совсѣмъ стали. Всякое довѣріе и личный кредитъ прекратились. Тысячи людей бродили по улицамъ безъ куска хлѣба. Театры опустѣли, собранія и концерты прекратились, и вообще все имѣло такой видъ, какъ будто послѣ непріятельскаго нашествія или убійственной эпидеміи. «Съ тѣхъ поръ, какъ Америка сдѣлалась независимой, гласили безотрадныя извѣстія, приходившія изъ Нью-Йорка отъ послѣднихъ чиселъ іюля 1837 г.:— не бывало еще такой бѣдственной поры»... Послѣдовали безчисленныя банкротства. Англійскія фирмы, занимавшіяся внѣшней торговлей, потеряли до 6 мил. фунт. ст. Но еще больше были потери американскихъ фирмъ, оставшихся состоятельными, и союзнаго правительства, раздавшаго передъ этимъ свои свободныя суммы въ ссуду капиталистамъ. Цѣны на товары и на землю упали; хлопокъ продавался за безцѣнокъ. Когда нужда достигла крайнихъ предѣловъ, то нью-йоркскіе купцы обратились за помощью къ банку Соединенныхъ Штатовъ. Положеніе банка было въ это время самое критическое; онъ также прекратилъ платежи (объясняя это, впрочемъ, тѣмъ, что его подрѣзали нью-йоркскіе банки, и обѣщая немедленно же возобновить ихъ, какъ скоро возобновятъ платежи послѣдніе); но изворотливый Бидль розыгралъ роль спасителя отечества—«пришолъ за помощь» къ растерявшимся спекулянтамъ, и ему дѣйстви-

тельно удалось, при помощи новой спекуляціи, ослабить кризисъ 1837, пока не разразился кризисъ 1839 и не увлекъ и самый банкъ въ пропасть, изъ которой онъ уже и не выбрался. Бидль обѣщалъ нью-йоркскимъ купцамъ платить по ихъ заграничнымъ векселямъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Амстердамѣ своими почтовыми билетами, за новымъ выпускомъ которыхъ, разумѣется, дѣло не стало, и векселями. Онъ собственно ждалъ прекращенія платежей банками—это ему было какъ нельзя болѣе на руку: давно уже несостоятельный банкъ могъ выпутываться только при помощи самыхъ рискованныхъ и обширныхъ спекуляцій, изъ которыхъ одна покрывала другую, и при помощи безпримѣрныхъ дотолѣ злоупотребленій векселями и бумажными деньгами; и пріостановка платежей давала ему возможность выступить съ новою комбинаціею, которою онъ расчитывалъ запутать въ свою паутину какъ можно больше банковъ и купцовъ нетолько въ Новомъ Свѣтѣ, но и въ Европѣ, чтобы установить такимъ образомъ солидарность кредита, при которой всѣ участники были бы заинтересованы въ его судьбѣ и въ случаѣ нужды оказали бы ему поддержку (118). Главнѣйшимъ средствомъ, на которое расчитывалъ Бидль, было—монополизація хлопчатобумажнаго рынка, спекуляція, «которая, по громадности размѣровъ и по рискованности, не имѣетъ другой себѣ равной ни въ предшествовавшихъ, ни въ послѣдующихъ періодахъ». Оказывая съ одной стороны помощь нью-йоркскимъ купцамъ (не даровую, конечно) своими векселями и почтовыми билетами, банкъ старался, въ тоже время, упрочить свой кредитъ въ Европѣ тѣмъ, что выступалъ въ роли крупнѣйшаго торговца хлопкомъ въ цѣломъ мірѣ, въ роли комиссіонера по главному продукту Америки. Устроилъ же хлопчатобумажный монополь Бидль слѣдующимъ образомъ. Пользуясь тѣмъ, что цѣны на хлопокъ съ наступленіемъ кризиса сильно упали и что плантаторы, вслѣдствіе остановки торговли, находились въ крайне стѣсненномъ положеніи, онъ предложилъ имъ выдавать подъ хлопокъ ссуды съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдній отсылался агентамъ банка въ Ливерпуль и Гавръ. Плантаторы, разумѣется, согласились, и банкъ Соединенныхъ Штатовъ сталъ отправлять въ Европу громадные транспорты хлопка, задерживалъ ихъ тамъ въ своихъ складахъ, и, благодаря тому, что Америка была почти исключительною поставщицею сырагэ хлопка на европейскія фабрики, нетолько удержалъ такимъ образомъ цѣну на хлопокъ отъ дальнѣйшаго паденія, но и поднялъ ее на значительную высоту и нажилъ большіе барыши. Барыши эти пошли на расширеніе операцій банка.—Кредитъ его въ Европѣ все болѣе и болѣе возрасталъ: въ теченіи одного только

1837 г. сумма векселей, выданныхъ банкомъ на Англію, превышала 3 мил. фунт., и векселя эти, въ особенности благодаря высотѣ платимаго по нимъ % (5—6), при низкомъ уровнѣ дисконта въ самой Англіи (2—3%) быстро находили помѣщеніе.— Операціи банка разростались; платя плантаторамъ бумагами и выручая въ Европѣ за хлопокъ чистыя деньги, банкъ реализировалъ большія суммы. Это раззадорило вскорѣ мѣстныхъ спекулянтовъ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ сосредоточивалось преимущественно производство хлопка, и во второй половинѣ 1837 г. въ Луизіанѣ, Арканзасѣ, Миссури и Элебэмѣ возникло множество банковъ, которые стали также выдавать плантаторамъ авансы и отправлять хлопокъ и другіе продукты за свой счетъ въ Европу. Конкурренція эта, впрочемъ, не долго угрожала банку Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ вновь основанные банки располагали незначительнымъ капиталомъ, выпускали билеты безъ всякой мѣры и вообще такъ дурно повели свои дѣла, что билеты ихъ упали въ 1838 г. на 25—30%, и плантаторы стали отказываться принимать ихъ. Тогда, опасаясь, чтобы не явились иностранные капиталисты и не начали, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ плантаторскихъ банковъ, скупать хлопокъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ опять рѣшилъ *придти на помощь* къ банкамъ или, лучше сказать, втянулъ ихъ въ себя, скупивъ бо̀льшую часть ихъ акцій, очутившись, такимъ образомъ, опять монополистомъ и доведя свои обороты до 100 мил. дол. Въ эту операцію по покупкѣ акцій было затрачено до 20 мил. дол.; но, собственно говоря, она ничего не сто̀ила и дала еще значительные барыши, такъ какъ акціи банковъ скупались по бо̀льшей части посредствомъ почтовыхъ билетовъ съ разсрочкою платежей на три года, причемъ уплата должна была производиться изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи хлопка, такъ какъ, наконецъ, скупивъ акціи по низкой цѣнѣ и поднявъ ихъ курсъ до номинальной цѣны, банкъ немедленно же спустилъ ихъ на лондонскомъ рынкѣ. Нужно замѣтить, что лондонскій рынокъ хотя и съ осторожностью, сказавшеюся въ 1837 г., но, все-таки, охотно принималъ всякія американскія бумаги: погашеніе союзныхъ долговъ, излишки бюджета доходовъ центральнаго правительства и вообще благопріятное положеніе Америки бросили ложный свѣтъ на положеніе отдѣльныхъ штатовъ и частныхъ обществъ, преувеличили ихъ кредитъ, что̀ такъ ловко и эксплуатировалъ банкъ Соединенныхъ Штатовъ, стягивая къ себѣ громадныя суммы. Но, мало-по-малу, американскія бумаги запрудили лондонскій рынокъ, принимать ихъ стали менѣе охотно, и векселя банка пошли не столь бойко. Въ то же время, запасъ хлопка накоплялся

все болѣе и болѣе (банкъ затратилъ на закупку не менѣе 15 мил. дол.), рынокъ былъ переполненъ, и удерживать далѣе цѣны отъ паденія было трудно! Производители хлопка, въ виду такой преспективы, находились въ крайне тревожномъ состояніи. Они и такъ мало выигрывали, потому что должны были сбывать бумаги южныхъ банковъ, которые дѣйствовали теперь за одно съ Бидлемъ, не иначе какъ съ потерею 15—25%. Такимъ образомъ, вся выгода искуственно поднятыхъ хорошихъ цѣнъ на хлопокъ проходила мимо нихъ, а тутъ еще предстояла бѣда. Кризисъ надвигался. Несмотря на то, что сборъ хлопка въ 1838 г. оказался на 400 т. тюковъ, т. е. на 1/5 ниже ожидавшагося урожая, цѣны на хлопокъ не поднялись, потому что нетолько оставался значительный запасъ его отъ предшествовавшихъ годовъ, но и повторилось тоже самое, что̀ произошло въ 1825 г.: высокія цѣны привлекли хлопокъ со всѣхъ концовъ земли, и въ то же время нѣкоторые фабриканты, въ ожиданіи пониженія цѣнъ, ограничили спросъ на него. Между тѣмъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ, не обращая на это вниманія, отправлялъ въ Ливерпуль и Гавръ транспортъ за транспортомъ и прекратилъ подвозъ уже только тогда, когда очутился въ самомъ критическомъ положеніи, когда произошелъ полный застой въ дѣлахъ. Чтобы предупредить грозу, Бидль обратился къ новому расширенію предпріятій: съ одной стороны, онъ выступилъ съ проэктомъ новаго банка, съ основнымъ капиталомъ не менѣе 50 мил. дол., а съ другой—выпустилъ «несметное количество новыхъ долгосрочныхъ почтовыхъ билетовъ», на которые скупалъ множество американскихъ желѣзнодорожныхъ акцій, акцій каналовъ, промышленныхъ предпріятій и старался спускать ихъ на лондонскомъ рынкѣ. Между тѣмъ, домъ Готтингера въ Парижѣ, имѣвшій хлопчатобумажную агентуру банка, заподозривъ дутую аферу, отказался отъ комиссіонерства и протестовалъ векселя банка Соединенныхъ Штатовъ. Примѣру Готтингера послѣдовалъ и домъ Гоппе въ Амстердамѣ. Лондонскій агентъ банка, г. Джаундонъ, обратился за помощью къ англійскому банку, который, хотя и оказалъ таковую, но крайне неохотно, потребовавъ поручительства лондонскихъ фирмъ и обезпеченія соотвѣтственнымъ количествомъ бумагъ. Напрасно Бидль старался замаскировать положеніе дѣлъ, напрасно защищался наемными перьями и убѣдилъ Ротшильда принять векселя, протестованные Готтингеромъ (обезпечивъ его, какъ оказалось впослѣдствіи, правительственными и другими надежными бумагами на 400 т. фунт. ст.). Наступилъ «кризисъ американскихъ займовъ въ Европѣ». Векселя и американскія бумаги совсѣмъ перестали приниматься въ

Лондонѣ. Англійскій денежный рынокъ самъ переживалъ въ это время тяжелыя испытанія: число банкротствъ, происшедшихъ въ Англіи съ 11-го іюня 1838 г. по 11-е іюня 1839 г., простиралось до 1087 (306 въ Лондонѣ и 781 въ провинціяхъ). Между капиталистами «господствовалъ паническій страхъ». Главная масса американскихъ займовъ, достигшихъ за послѣдніе только три года приблизительно 75 мил. дол., была произведена въ Англіи. Вскорѣ и въ Америкѣ бумаги нельзя было иначе сбывать какъ съ огромными потерями, дисконтъ поднялся до 18—25%, а взаймы денегъ можно было достать только за 20—30%. Банковый кризисъ усложнился займами отдѣльныхъ штатовъ, займами, предназначавшимися на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, которыя не давали еще дохода, и пошедшими частью на другія предпріятія, доходность которыхъ также еще не проявлялась и была сомнительна. Проценты по займамъ давно уже уплачивались Америкою новыми займами. Положеніе банка Соединенныхъ Штатовъ было самое печальное. Между тѣмъ, борьба между банковою партіей и ея противниками, во главѣ которыхъ стоялъ теперь президентъ ван-Бьюренъ, продолжалась своимъ чередомъ, и сенатъ объявилъ выпускъ билетовъ стараго банка на 4 мил. дол. обманомъ и воспретилъ эти «воскресшіе билеты». Нужно замѣтить, что правительство имѣло на банкахъ значительные долги, изъ которыхъ на одномъ банкѣ Соединенныхъ Штатовъ числилось 6 милл. дол. и которые оно, со времени остановки платежей банками, въ 1837 г., никакъ не могло съ нихъ получить. Суммы эти вмѣстѣ съ таможенными пошлинами, слѣдовавшими съ купцовъ, составляли до 40 мил. дол. Нуждаясь въ деньгахъ, правительство обратилось къ конгрессу за разрѣшеніемъ выпустить на 10 мил. дол. свидѣтельствъ казначейства. «Банковой партіи хотѣлось довести правительство до банкротства, чтобы вынудить его обратиться къ помощи банковъ, и вліяніе этой партіи было настолько велико, что ей удалось оттянуть требуемое разрѣшеніе на многія недѣли» (126). Однако, правительство настояло на своемъ. Другая попытка «нападенія на правительство» была болѣе удачна: была проведена отмѣна Specie Circular: секретарь казначейства получилъ приказаніе, при пріемѣ платежей въ разныхъ отрасляхъ государственныхъ доходовъ, не дѣлать различія между бумажными и металлическими деньгами, т. е. принимать, значитъ, упавшія въ цѣнѣ бумаги al pari. Но радость банковой партіи и на этотъ разъ была непродолжительна, потому что вскорѣ послѣдовалъ второй циркуляръ, которымъ подтверждалось всѣмъ правительственнымъ пріемщикамъ, чтобы они отнюдь не принимали билеты ни-

же 1 дол., а равно билеты тѣхъ банковъ, которые выпускаютъ мелкіе билеты ниже 5 долларовъ, ассигнаціи, которыя на мѣстахъ своего выпуска немедленно же не оплачиваются звонкою монетою, и тѣ свидѣтельства, которыя повсемѣстно не размѣниваются на чистыя деньги. Все это было со стороны правительства рѣшительными шагами къ отдѣленію государственныхъ финансовъ отъ банковъ, къ отдѣленію, вопросъ о которомъ тянулся цѣлыхъ 8 лѣтъ и которое окончательно произошло тотько въ 1840 г., когда былъ проведенъ ван-Бьюреномъ Sub-treasury Bill, окончательно порвавшій связь правительства съ банками. Замѣчательно, что правительство, уже твердо рѣшившись произвести это отдѣленіе финансовъ, находилось въ крайнемъ затрудненіи, какъ осуществить его—до такой степени были запутаны отношенія. Двѣ сессіи конгресса не могли придти по этому поводу къ какому нибудь соглашенію [1]. Между тѣмъ, кризисъ производилъ страшныя опустошенія: сотни торговыхъ домовъ объявляли себя несостоятельными; еще бо̀льшее число висѣло, что̀ называется, на волоскѣ; рабочіе бѣдствовали; но хуже всего было то, что надо всею Америкою тяготѣла еще какая-то туча, которая, грозя каждую минуту разразиться новыми бѣдствіями, тормозила всякую дѣятельность. Это тяжелое и продолжительное неопредѣленное состояніе создавалось банками, которые, неизвѣстно на что̀ надѣясь, употребляли всѣ средства, чтобы какъ нибудь оттянуть свой смертный часъ. Наконецъ, правительство «рѣшилось или согнуть банки, или сломать ихъ и выйдти хоть посредствомъ ликвидаціи изъ неизвѣстности, которая только ухудшала финансовое бѣдствіе». Конгрессъ поставилъ банкамъ на выборъ: или возобновить въ трехмѣсячный срокъ платежи звонкою монетою, или же ликвидировать свои дѣла. Срокъ былъ назначенъ на 15-е января 1841 года, и множество банковъ, а въ томъ числѣ и банкъ Соединенныхъ Штатовъ, должны были обратиться къ ликвидаціи. Такимъ образомъ, говоритъ М. Виртъ, закончился «этотъ періодъ грандіозныхъ банковыхъ плутень». Передъ правительствомъ открывалось слѣдующее зрѣлище: въ 1814 г.—90 банковъ прекратили платежи; въ 1830—165; въ 1837—618 и въ 1839 г.—955 банковъ. Что̀

[1] Между прочимъ, въ вопросѣ объ отдѣленіи государственныхъ финансовъ отъ банковъ заключался вопросъ о помѣщеніи и храненіи государственныхъ суммъ, которыя сначала помѣщались въ банкѣ Соединенныхъ Штатовъ; затѣмъ, послѣ исторіи съ нимъ—въ наиболѣе надежныхъ банкахъ; а когда, послѣ прекращенія банками платежей, и это помѣщеніе оказалось ненадежнымъ, то правительство было поставлено въ серьёзное затрудненіе, пока, наконецъ, въ 1840 г. не было рѣшено ввѣрить храненіе и управленіе государственными суммами правительственнымъ чиновникамъ.

касается торговыхъ и промышленныхъ потерь вообще, которыя, конечно, въ концѣ-концовъ, переводились на рабочiе классы, то объ этихъ потеряхъ можно составить себѣ нѣкоторое, приблизительное понятiе изъ того, что только въ промежуткѣ времени между 1837 и 1841 годомъ произошло 33,739 банкротствъ, а общая сумма долговъ «окончательно черезъ это похеренныхъ, простиралась до 440.934,615 долларовъ» (132). Конгрессъ и законодательныя собранiя отдѣльныхъ штатовъ обратились къ преобразованiю банковаго законодательства. Законодательство, выработанное штатомъ Нью-Йоркъ и послужившее образцомъ для большинства другихъ банковъ, обставило выпускъ билетовъ болѣе тѣсными предѣлами, гарантiями и правительственнымъ контролемъ. Воспрещая выдачу банкамъ и другимъ акцiонернымъ обществамъ концессiй и предоставляя имъ основываться совершенно свободно, оно въ то же время потребовало отъ нихъ соблюденiя установленныхъ правилъ: полнаго обезпеченiя выпускаемыхъ билетовъ и вообще всякихъ бумажныхъ денегъ облигацiями штата и другими общественными фондами, которые должны были вноситься въ особое контрольное бюро и изъ которыхъ должна была производиться уплата, въ случаѣ, еслибы банки прекратили платежи; потребовало занесенiя билетовъ въ официальные списки, правительственнаго на нихъ штемпеля и подписи государственнаго контролёра; потребовало представленiя двухъ полугодовыхъ отчетовъ контролёру и одного годоваго—законодательному собранiю; воспретило взимать процентъ за ссуды свыше 7% и 1/4% комисiонныхъ; воспретило банкамъ, имѣющимъ болѣе 200,000 долларовъ основнаго капитала, выпускать билеты свыше этой суммы; потребовало, чтобы въ кассѣ всегда находилось опредѣленное количество звонкой монеты и проч. Къ сожалѣнiю, это превосходное во многихъ отношенiяхъ законодательство, ставя предѣлъ злоупотребленiямъ бумажными деньгами, не создало гарантiй противъ другаго рода многочисленныхъ злоупотребленiй: со вкладами, довѣряемыми банкамъ, съ выдачею ими ссудъ и проч., которыя, между тѣмъ, не замедлили проявиться. Къ сожалѣнiю, также далеко не всѣ штаты послѣдовали примѣру Нью-Йорка и приняли его законодательство.

Кризисъ 1857 г. отличался отъ всѣхъ видѣнныхъ нами кризисовъ какъ обширностью охваченнаго имъ пространства, такъ и особенностью нѣкоторыхъ условiй. «Движенiе, начавшись въ Америкѣ, потрясло до основанiя первый торговый центръ Германiи, разразилось страшною грозою надъ столицами Скандинавскихъ Королевствъ, пронеслось, роняя одну фирму за другою,

надъ столицами и торговыми центрами Германіи, Бельгіи, Голландіи, Польши, Австріи, Франціи и, перескочивъ гигантскимъ скачкомъ черезъ два океана, опрокинуло множество торговыхъ домовъ въ Бразиліи, въ штатахъ Ла-Платы и въ Батавіи». Такъ начинаетъ М. Виртъ чрезвычайно подробное описаніе этого кризиса. Причины кризиса восходятъ еще къ революціи 1848 года, провозглашенной, по недоразумѣнію, соціальной и, въ сущности, глубоко-буржуазной, а затѣмъ усложняются послѣдующими событіями. Отразившись на всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, революція 1848 года дала сильный толчокъ и новую силу буржуазному порядку. Начиная съ политическихъ реформъ и измѣненій внутренняго управленія, которыя тамъ и самъ послѣдовали и дали такую силу представителямъ капитала, и кончая доктриною «à chacun selon ses capacités», все чрезвычайно благопріятствовало индивидуализму, капиталистическому порядку и его вѣрной спутницѣ—спекуляціи. Капиталъ сдѣлался настоящею силой, настоящимъ господиномъ жизни, опираясь на который, Наполеонъ III поработилъ народъ и рабомъ котораго оставался самъ до самаго своего паденія, опираясь на который, нѣмецкое грюндерство разцвѣло такимъ пышнымъ цвѣтомъ. Несмотря на такія событія, какъ крымская война и мѣстные неурожаи, колебавшія экономическія отношенія, во всѣхъ странахъ замѣчался быстрый экономическій прогрессъ, если судить о прогрессѣ, вслѣдъ за М. Виртомъ, по возростанію національныхъ капиталовъ, суммъ оборотовъ внѣшней и внутренней торговли, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и проч. Рядомъ съ этимъ прогрессомъ, такъ часто совпадающимъ съ народною нищетою, шло въ каждой странѣ и накопленіе причинъ кризиса. Франція взяла на себя иниціативу мѣръ и начинаній, «долженствовавшихъ довести спекуляцію до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какихъ европейскій континентъ еще не видѣлъ въ текущемъ столѣтіи» (182). Наполеоновское правительство, какъ извѣстно, вело съ капиталомъ самую тѣсную дружбу. Переворотъ 2-го декабря прежде всего успокоилъ тѣхъ капиталистовъ, которые, будучи напуганы революціей, либо попрятали, либо помѣстили свои деньги въ англійскія и американскія бумаги. Конечно, суммъ этихъ было не особенно много—200—300 мильйон. таллеровъ; но это все-таки до нѣкоторой степени успокоило затрудненіе, доходившее до того, что нигдѣ нельзя было даже за ростовщическіе проценты достать денегъ. Когда норма процента нѣсколько упала, правительство понизило еще свои ренты съ 5% до 4½% и вошло, въ видахъ возобновленія пріостановленныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ, въ соглашеніе съ французскимъ банкомъ на счетъ

пониженія послѣднимъ дисконта съ 4 на 3% и расширенія до мил. франк. кредита подъ акціи дорогъ и векселя. Затѣмъ было оказано поощреніе и послѣдовало искуственное усиленіе торговой дѣятельности. Поощряя спекуляцію, правительство прежде всего имѣло въ виду отвлечь вниманіе націи отъ политики, занявъ ее матеріальными интересами, и дать оставшимся безъ работы рабочимъ занятіе, для чего, кромѣ того, въ попыхахъ была, какъ извѣстно, предпринята чуть ли не цѣлая перестройка Парижа, стоившая сотни мильйоновъ. Положеніе французскихъ крестьянъ было въ то время едва ли не такое же бѣдственное, какъ и рабочихъ. Сельское хозяйство тогда вообще нуждалось въ кредитѣ, и въ особенности эта нужда чувствовалась крупными и средними собственниками. Для успокоенія провинцій явился ипотечный банкъ, знаменитый «Crédit foncier» съ капиталомъ въ 60 мил. франк. и съ правомъ выпуска облигацій, и затѣмъ, нѣсколько позднѣе—«Crédit agricole», имѣвшій цѣлью доставлять землевладѣльцамъ личный кредитъ. Наконецъ, въ 1853 году, появилось пресловутое созданіе наполеоновскаго правительства и ревностныхъ эх-сен-симонистовъ братьевъ Перейра—«Crédit mobilier». Девизъ былъ выставленъ самый возвышенный: поддерживать, поощрять и, мало того, вносить духъ инициативы въ промышленность и торговлю; на самомъ же дѣлѣ, имѣлось въ виду ни больше, ни меньше, какъ возбудить спекуляцію и монополизировать биржу. Тогдашній министръ Персиньи превозносилъ это дѣло въ докладѣ, представленномъ имъ Наполеону во время еще его президентства, «съ слишкомъ подозрительною горячностью». Когда бр. Перейра, Фульду и Опенгейму была выдана концессія, то во главѣ предпріятія очутились бр. Перейра и лица, приближенныя къ императору: въ совѣтѣ фигюрировали, рядомъ съ финансовыми тузами, гр. де-Морни, баронъ Селльеръ, герцогъ де-Гольеръ и др. Не было операціи, которая не разрѣшалась бы банку, и уставъ его былъ такъ хорошо написанъ, что, при 120,000 акціяхъ, на которыя раздѣлялось предпріятіе, годичныя общія собранія составлялись только изъ 200 крупнѣйшихъ акціонеровъ, такъ какъ голосъ давался только тѣмъ, у кого было не менѣе сорока акцій, причемъ владѣльцы 200 акцій пользовались 5 голосами; акціонерный капиталъ опредѣлялся въ 60 мил. франк., но банкъ могъ выпускать на сумму въ 10 разъ бо́льшую, т. е. на 600 мил. франк., облигацій. Пышная реклама распространялась о великихъ цѣляхъ и назначеніи дѣла и, сверхъ всего прочаго, доказывала, что такое учрежденіе не боится ни политическихъ, ни промышленныхъ, ни торговыхъ катаклизмовъ и что въ такія-то именно критическія минуты «оно и призвано оказывать

наиболѣе важныя услуги». Хуже всего то, что во всемъ этомъ была нѣкоторая доля истины или, лучше сказать, вѣроятія, потому что, пріобрѣтая въ собственность и учреждая новыя предпріятія, переводя на себя акціи и облигаціи промышленныхъ и торговыхъ компаній и выпуская, въ замѣнъ ихъ, свои облигаціи, банкъ становился представителемъ большинства ихъ, становился, такъ сказать, въ фокусѣ промышленности и дѣйствительно могъ представлять изъ себя страховое начало, регулировать и цѣлесообразно направлять капиталы. Идея Crédit mobilier, дѣйствительно, заключала въ себѣ много увлекательнаго, и она, конечно, будетъ когда-нибудь примѣнена съ пользою въ качествѣ государственнаго или международнаго учрежденія при участіи и гарантіи правительствъ, но отнюдь, конечно, не въ видѣ монополистской затѣи нѣсколькихъ пройдохъ, которые всегда будутъ направлять дѣятельность на биржевыя аферы и портить всякое дѣло. Кромѣ кредитныхъ операцій, банкъ занимался учредительствомъ разныхъ фабрикъ, акціонерныхъ обществъ, отелей, участвовалъ въ подпискѣ на національный заемъ, занимался желѣзными дорогами и проч., и проч. Чтобы судить о размѣрахъ и разнообразіи его дѣятельности, достаточно сказать, что въ одномъ только 1854 г. имъ было предпринято: сліяніе газовыхъ обществъ и омнибусовыхъ компаній въ Парижѣ, основаніе желѣзно-дорожнаго общества С. Ромберъ—Гренобль, заемъ для арденской желѣзной дороги, концессія для проведенія парижско-суасонской желѣзной дороги до бельгійской границы въ видахъ эксплуатаціи тамошнихъ каменно-угольныхъ копей, присоединеніе къ пиринейской желѣзно-дорожной сѣти швейцарскихъ — центральной и западной — желѣзныхъ дорогъ, канализація р. Эбро, устройство мореходнаго товарищества, присоединеніе къ себѣ трансатлантическаго пакетботнаго сообщенія и образованіе общества австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Словомъ: это было учрежденіе всеобъемлющее и, въ сущности, только игравшее на биржѣ и эксплуатировавшее публику. Акціи общества стояли очень высоко: при номинальной стоимости въ 500 франк. и будучи еще оплачены только 200 франк., онѣ продавались по 1800 франк. Дивидендъ выдавался, дѣйствительно, очень большой: въ 1853 г. — 10%, въ 1854 — 13%, въ 1855 — 47%... Но выдавали этотъ дивидендъ не изъ дѣйствительныхъ прибылей, а изъ барышей ажіотажа. Чтобы прельщать имъ публику, правленіе муссировало тѣ предпріятія, которыми занималось, и пускало въ ходъ всѣ средства, чтобы поднять ихъ бумаги какъ можно выше. Когда, въ 1857 г., настала пора расплаты за спекуляціи, то, кромѣ опредѣленныхъ 5% на акціи, банкъ ни-

чего не выдалъ, а впослѣдствіи и былъ привлеченъ къ суду. Играя на биржѣ, Crédit mobilier разжогъ во Франціи страшную спекулятивную горячку; публика очертя голову бросалась во всевозможныя предпріятія: банковыя, промышленныя, транспортныя и проч. Предпріятія эти поглощали громадный капиталъ: чтобы судить приблизительно объ этихъ затратахъ, достаточно припомнить, что однѣ только желѣзныя дороги, постройка которыхъ, главнымъ образомъ, началась съ 40-хъ годовъ, поглотили къ осени 1856 г. 3080 мил. франк., да что не менѣе того было затрачено на разработку копей. Настоящій разгулъ ажіотажа, который такъ безпощадно бичевалъ Прудонъ, начался собственно только по окончаніи восточной войны. Война нѣсколько поохладила спекуляціи, но заключеніе мира придало ей новыя силы: предпріятія плодились чуть ли не ежедневно. Парижскія постройки и крымская война поглотили безвозвратно, сверхъ бюджета, 1500 мил. франк.; постройка желѣзныхъ дорогъ только въ періодъ времени между 1854—6 взяла 1150 мил. франк.; къ этому слѣдуетъ присоединить еще расходы по испанскимъ и австрійско-французскимъ желѣзнымъ дорогамъ, да то, что акціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, обращавшіяся въ Европѣ на сумму 600 мил. франк., сосредоточивались преимущественно во Франціи. Такіе колоссальные расходы не могли, конечно, покрываться излишкомъ отъ обычнаго годоваго дохода страны. Капиталы были отвлечены отъ земледѣлія: спекуляція стянула ихъ къ желѣзнымъ дорогамъ, фабрикамъ, торговлѣ и на биржу. «Земледѣліе было совсѣмъ брошено; многіе землевладѣльцы продавали свои большія помѣстья, чтобы пристроить вырученныя деньги въ рискованныя предпріятія; сельское населеніе стремилось въ Парижъ и въ большіе города, гдѣ производилась постройка желѣзныхъ дорогъ и другія общественныя работы; его соблазняли болѣе крупные заработки и удовольствія городской жизни» (234). Села пустѣли и лишались хорошихъ работниковъ, «потребители умножались, а производители становились малочисленнѣе.» Роскошь возросла до «невѣроятныхъ размѣровъ.» Но вотъ наступила нужда въ хлѣбѣ: Франція испытала неурожай и закупка хлѣба потребовала большихъ денегъ; а, съ другой стороны въ концѣ 1856 г. наступила реакція и на биржѣ: для покупки новыхъ бумагъ потребовалось, за недостаткомъ денегъ, сбывать старыя, а это вызвало паденіе курсовъ. Значительно упали всѣ бумаги и акціи Crédit mobilier, стоявшія годъ тому назадъ на 1980, спустились до 590... Спекулянты, между тѣмъ, просили новыхъ концессій и, совершенно забывая, что для заграничныхъ платежей неоплаченные билеты служить не могутъ, требовали, чтобы фран-

цузскій банкъ прекратилъ платежи звонкой монетой и сдѣлалъ новый выпускъ билетовъ. Правительство, увидя надвигавшуюся бѣду, однако, объявило, что выдавать концессій не будетъ, что въ связи съ содѣйствіемъ французскаго банка и тайными пособіями отъ правительства, предупредило обостреніе кризиса и не дало развиться паникѣ. Но застой въ дѣлахъ, остановки въ работахъ и вообще послѣдствія были гораздо больше, чѣмъ въ этомъ сознавались французскіе спекулянты-патріоты. Кризисъ выразился прежде всего въ рядѣ скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ были замѣшаны самыя крупныя личности финансоваго міра, духовныя особы и государственные мужи. Послѣ того какъ, въ маѣ 1857 г., обанкротился на 16 милл. фр. домъ Турнейсенъ, глава котораго бѣжалъ въ Америку, послѣдовалъ цѣлый рядъ банкротствъ, и до 40 различныхъ обществъ подпали подъ судъ. Банкротства и процессы продолжались далеко за роковой годъ. Кризисъ растянулся на нѣсколько лѣтъ.

Германія не отставала въ спекуляціяхъ отъ Франціи и во многихъ отношеніяхъ даже перещеголяла ее. Послѣ переворота 2-го декабря, германскимъ промышленнымъ міромъ овладѣла такая предпринимательная горячка, какой еще не было въ Германіи: банки, пароходныя сообщенія, желѣзныя дороги, машиностроительныя фабрики, каменноугольныя копи, желѣзные заводы, прядильни, ткацкія фабрики и проч. выростали «точно изъ подъ земли.» Этому усиленію дѣятельности значительно содѣйствовало то, что крымская война не потревожила Германіи и довольно низкій дисконтъ на главныхъ денежныхъ рынкахъ, обусловленный подвозомъ въ Англію золота изъ Калифорніи, которое отзывалось и на континентѣ. Нѣмецкая промышленность сдѣлала такіе успѣхи, что даже Англія стала опасаться конкурренціи нѣмецкихъ фабрикъ: англійскіе суконщики жаловались, что нѣмецкія сукна вытѣсняютъ англійскія даже изъ Англіи; а шеффильдскіе стале-заводчики подавали даже министру петицію по поводу угрожавшей имъ нѣмецкой конкурренціи.—Но если производительно были затрачены капиталы въ нѣкоторыя предпріятія, то этого нельзя сказать про бо̀льшую часть предпріятій, которыхъ спекуляція затѣяла гораздо больше, чѣмъ позволялъ капиталъ. «Если, говоритъ, М. Виртъ:—внесенный акціонерный капиталъ банковъ, основанныхъ въ 1853—57 г., простиравшійся до 200 мил. талл., можно было разсматривать, какъ оборотный капиталъ, который, послѣ кратковременнаго перерыва, шолъ опять въ обращеніе, то такъ нельзя было смотрѣть на затраты въ другія предпріятія: новыя желѣзныя дороги взяли до 140 мил. таллер. по акціямъ и болѣе 206 милл.

по облигаціямъ; 50 страховыхъ обществъ взяли 60 мил. тал.; 259 рудокопныхъ, горнозаводскихъ и нѣкоторыхъ другихъ обществъ—260 мил. тал. Одна Австрія, въ 1856 г., предприняла постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ на 100 мил., а въ Пруссіи было выдано концессій на 150 мил. тал. Превращеніе такой громадной массы капитала, бывшаго въ обращеніи, въ неподвижный капиталъ влекло за собою «настоящій переворотъ во всей торговлѣ» (227). «Хотя, продолжаетъ авторъ:—весь свободный капиталъ и сгребался со всѣхъ концовъ земли и выманивался изъ своихъ норокъ на удочку высокихъ процентовъ, хотя производство, при помощи желѣзныхъ дорогъ, машинъ и другихъ остроумныхъ приспособленій, и могло разростись до величавыхъ размѣровъ, хотя общая сумма національнаго дохода значительно возросла, все же капиталъ, требовавшійся для всѣхъ этихъ предпріятій, не могъ быть доставленъ доходами этого года: это было невозможно уже по той одной причинѣ, что значительная часть рабочихъ классовъ, обычный трудъ которыхъ въ обыкновенное время увеличиваетъ годовой доходъ націи (каковы, напримѣръ, сельскіе рабочіе), была отвлечена отъ своихъ занятій для работъ по проложенію желѣзныхъ дорогъ, по постройкѣ кораблей и фабричныхъ зданій, по устройству каменноугольныхъ копей и т. п. предпріятій, которыя въ отдаленномъ будущемъ обѣщали богатые барыши, но въ настоящемъ и въ ближайшіе послѣдующіе годы не могли дать ничего» (228). Но это были еще лучшія предпріятія, а было много такихъ, которыя не стоили ломанаго гроша и, между тѣмъ, погребали мильйоны. Нужда въ рабочихъ всюду была такъ велика, что заработная плата поднялась въ нѣкоторыхъ отрасляхъ на 25%, а иногда вдвое, и, несмотря на это, нерѣдко нельзя было достать рабочихъ. Это возвышеніе платы было очень кратковременно, такъ какъ кризисъ скоро снова повергъ рабочихъ въ страшную нищету, нетолько возвратилъ ихъ въ прежнее состояніе, но и понизилъ заработную плату еще ниже, чѣмъ она стояла. Наконецъ, говоритъ М. Виртъ:—спекуляція перешла «въ рядъ безумій и плутень». Въ особенности отличались банки, которыхъ вездѣ было основано великое множество. Французскіе земельные банки, но въ особенности кредитъ движимыхъ имуществъ нашли въ Германіи обширныя подражанія: Crédit mobilier послужилъ образцомъ для Дармштатскаго и для многихъ другихъ банковъ. «Можно навѣрное сказать, говоритъ М. Виртъ:—что громадныя суммы, которыя пошли на основаніе всей массы кредитныхъ учрежденій въ Германіи, представляли собою не заново образовавшіеся капиталы, а были отвлечены отъ различныхъ отраслей производ-

ства...» (204). Сосредоточивались эти капиталы преимущественно на биржахъ и направлялись на игру бумагами. Основывались кредитныя учрежденія, «что называется зря», даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не существовало въ нихъ надобности, «съ единственною цѣлью наживы посредствомъ ажіотажа.» Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Дармштатѣ, глухомъ маленькомъ городкѣ, не имѣющемъ ни промышленности, ни торговли, было основано одними и тѣми же учредителями два банка, сначала одинъ съ капиталомъ въ 50 мил. гульд., а затѣмъ другой—съ 20 мил. гульд. Семидесяти-милліонный капиталъ очутился въ курьёзномъ положеніи, не находя для себя помѣщенія. Такое положеніе было создано прямо тѣмъ, что не самое дѣло, а ажіотажъ руководили учредителями: оставляя за собою изъ 40 тыс. акцій перваго выпуска 4 тыс. акцій (на 1 мил. гульд.), учредители, по уставу, сверхъ того, могли оставить еще за собою по номинальной цѣнѣ 9 тыс. акцій; а изъ 2-го выпуска имъ и велико-герцогскому правительству предоставлялось преимущественное право оставлять акціи за собою по номинальной же цѣнѣ. Выдавая дутый дивидендъ и поднимая курсъ акцій, учредители пожинали богатую жатву въ видѣ разности между номинальною и курсовою цѣною, которую они и собирали. Но биржевая игра, сверхъ своей непроизводительности, еще не всегда приноситъ и правильную поживу: періоды возбужденія обыкновенно чередуются съ періодами ослабленія. Принужденные постоянно держать капиталъ въ биржевыхъ фондахъ, учредители нерѣдко несли потери отъ паденія этихъ фондовъ, предотвратить которое они были не въ силахъ. Акціонерамъ же нужно было выдать новые дивиденды. Изъ затрудненій можно было выпутываться только путемъ новыхъ спекуляцій, одною изъ которыхъ и было основаніе второго банка, при чемъ изъ 20 мил. акціонернаго капитала 8 мил., въ видѣ акцій по номинальной цѣнѣ, доставались учредителямъ и должны были дать имъ возможность перекрыться. Дармштатскія банковыя спекуляціи повторялись съ нѣкоторыми варіантами и въ другихъ банкахъ. Публика оставалась въ полномъ невѣденіи закулисныхъ тайнъ учредительства и биржи и спѣшила подписываться на акціи. «При подпискахъ, говоритъ М. Виртъ:—повторялись тѣ же самыя сцены, какія происходили некогда въ улицѣ Кэнкампуа, а давка, происходившая при подпискѣ на акціи Вѣнскаго Банка, даже, пожалуй, превосходила то время». Не меньше было увлеченіе и другими предпріятіями. «Постоянная гвардія», какъ прозвали клику господъ, имена которыхъ фигурировали въ проэктахъ почти каждаго крупнаго предпріятія, основавъ предпріятіе, нашумѣвъ про него и

сбыть свои акціи, оставляла его въ руки обобранныхъ акціонеровъ, а сама начинала новое дѣло. Чѣмъ крупнѣе было предпріятіе, тѣмъ бо̀льшихъ взносовъ требовало оно, тѣмъ охотнѣе публика шла въ ловушку. Многія общества, уже послѣ того, какъ была произведена подписка, закрывались «за неимѣніемъ дѣлъ». Рынокъ былъ заваленъ бумагами. Рука объ руку съ легкой наживой шла, разумѣется, роскошь и расточительность: спекулянты бросали деньги на право и на лѣво, а за ними тянулись всѣ; цѣна шампанскаго поднялась до 50%, было основано нѣсколько фабрикъ шипучихъ винъ, дамскіе наряды дошли до невозможной вычурности и дороговизны. Все возроставшій спросъ на капиталъ довелъ, наконецъ, норму % до такой высоты, на какой она еще никогда не стояла въ текущемъ столѣтіи. Злоупотребленія векселями охватили собою нетолько всю сѣверную Европу, но и всѣ торговые центры Америки. Торговцы, поднимая цѣны на товары, закупали ихъ массами и задерживали въ складахъ. Между тѣмъ, наступали платежи въ банки, взносы въ акціонерныя общества, и промышленность требовала капиталовъ. Для окончанія сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ требовалось 1,260 мил. фран.; въ Австріи на тотъ же предметъ было необходимо 325 мил. гульд.. въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ 302 мил. гульд. Реакція прежде всего проявилась на фондовой биржѣ: въ то время какъ дисконтъ постепенно поднимался и достигъ даже въ Гамбургѣ 10%, нужда въ деньгахъ заставила начать спускать на биржу бумаги и фонды: сильное предложеніе вызвало паденіе курсовъ, причемъ понижались нетолько дармштатскія акціи (съ 420 до 204), но даже свидѣтельства консолидированнаго займа (съ 98 до 88). Продолжалось это до самаго заостренія кризиса, до самаго толчка къ этому, послѣдовавшаго черезъ Гамбургъ изъ Америки, когда, наконецъ, курсы «были совсѣмъ опрокинуты» и начались многочисленныя банкротства. Все говорило о приближающейся бѣдѣ; тревога чувствовалась еще въ концѣ 1856 года, но промышленный и торговый міръ «находились въ полномъ ослѣпленіи». На биржѣ и въ печати слышалась только рѣзкая ругань на «контр-мину» (на спекулянтовъ на пониженіе); во всемъ была виновата эта проклятая контр-мина. Другіе сваливали всю бѣду на вывозъ серебра на Востокъ. «Единичные голоса, говоритъ М. Виртъ:— спокойно доказывавшіе, что корень зла не въ недостаткѣ денегъ, а въ недостаткѣ капитала, котораго не хватало при тѣхъ размѣрахъ, которыхъ достигла спекуляція, были заглушены гвалтомъ голосовъ, утверждавшихъ противное» (230). Наличный запасъ золота въ Америкѣ и Европѣ, вслѣдствіе подвоза его изъ

Калифорніи и Австраліи, увеличался съ 1848 по 1856 годъ на 2,500 мил. гульд., а запасъ серебра на 1,200 мил. гульд., тогда какъ вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ на Востокъ съ 1851 по 1857 годъ представлялъ только 727 мил. гульд. Неосновательность сваливанія бѣды на эту причину очевидна; но ни сдѣлать такого простого разсчета, ни сообразить того, что вывозъ металловъ на Востокъ производился не даромъ, никто не хотѣлъ. Что касается Англіи, то она никогда не отставала въ дѣлѣ спекуляціи отъ другихъ государствъ. Несмотря на крымскую войну, стоившую 600 мил. гульд., несмотря на то, что въ однѣ только желѣзныя дороги, не считая другихъ предпріятій, было израсходовано до 1849 г. 308.775,894 фунт. стерл., промышленность ея и торговля шли на полныхъ парусахъ. Въ 1851 году, въ одномъ только Ланкаширскомъ Графствѣ была выстроена и пущена въ ходъ 81 новая фабрика, а въ 1852 г., въ теченіи только 5-ти мѣсяцевъ, возникло не менѣе 153 обществъ (банковыхъ, желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, горнозаводскихъ и другихъ) съ акціонернымъ капиталомъ болѣе 500 мил. гульд.— Такой ростъ промышленности находился въ тѣсной связи съ разработкою золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи. Новооткрытыя розсыпи, съ одной стороны, давали золото, а съ другой— сильно возбуждали торговую дѣятельность, движеніе населенія и товаровъ на пріиски. Для спекуляціи открывалось новое поле. Товарное движеніе вскорѣ возросло до такой степени, что утратило всякую мѣру; «рынокъ Сан-Франциско былъ до того заваленъ всевозможными товарами, что складочныхъ магазиновъ не хватало и самые дорогіе продукты валялись на открытомъ воздухѣ и либо портились, либо сбывались за такія цѣны, которыя не окупали даже стоимости ихъ производства» (180). Многіе торговцы несли большіе убытки, а это вызывало сокращеніе подвоза и вздорожаніе товаровъ въ 5 и въ 10 разъ. Подобныя колебанія происходили нѣсколько разъ. Предметы первыхъ потребностей оставались, впрочемъ, почти все время въ очень высокой цѣнѣ. Обогащеніе на пріискахъ было чистою лотереею; выигрывали лишь очень немногіе, заработокъ же большинства, поглощался дороговизною жизни. Что касается выгодъ всей страны, то выгоды эти, какъ превосходно доказалъ Ньюмарчъ, были преувеличены. Еслибы сложить всѣ расходы, которые были употреблены на добываніе золота, какъ-то: содержаніе многочисленнаго служебнаго персонала и массы рабочихъ, стоимость ихъ доставки и проч., и сопоставить съ количествомъ добытаго золота, то оказалось бы, что затраченные капиталъ и трудъ можно бы было гораздо выгоднѣе употребить въ другія отрасли про-

мышленности. Въ золотѣ, правда, имѣлся ходкій товаръ, на который встрѣчался въ Европѣ жадный спросъ, но товаръ этотъ былъ только орудіемъ обмѣна и не представлялъ собою богатства. Однако, Англія всегда могла возвратить сдѣланныя затраты, разлагая ихъ на другія государства; кромѣ того, капиталъ, концентрированный такимъ образомъ во времени и въ пространствѣ (затраты на добываніе золота производились не сразу, производились многими, многое не считалось, золото же было все на виду и скоплялось въ рукахъ немногихъ), могъ сильно возбуждать спекулятивную предпріимчивость. И спекуляція не замедлила, разумѣется, выйдти за предѣлы благоразумія и возможности, не замедлила расширить промышленность, торговлю и создать новыхъ предпріятій гораздо больше, чѣмъ позволялъ дѣйствительный капиталъ. Въ особенности отличались при этомъ банки, которые, послѣ ограниченія выпуска билетовъ, въ особенности развили операціи по вкладамъ и съ векселями. Текущіе счеты и учетъ векселей достигли громадныхъ цифръ въ ихъ балансахъ. Ссуды выдавались безъ всякаго соотвѣтствія съ собственными средствами и солидностью предпріятій: одинъ банкъ выдавалъ въ ссуду двумъ только фирмамъ сумму, «вдвое превышавшую его акціонерный капиталъ» (281); другой принималъ по закладной 120 кораблей, которые могли быть проданы лишь съ огромными потерями (272). «У глазговскихъ торговцевъ металлическими издѣліями вошло въ обычай заключать съ владѣльцами рудниковъ контракты, по которымъ послѣдніе обязывались доставлять имъ извѣстное количество желѣза къ опредѣленному сроку, и эти документы, не представлявшіе никакой стоимости, щедро учитывались банками. «Въ округахъ, занимающихся разработкою желѣза и каменнаго угля, кредитъ давался съ тѣмъ же непростительнымъ легкомысліемъ, и цѣлые мильйоны были непроизводительно всажены въ желѣзные рудники и въ каменноугольныя копи» (280). Торговый міръ совершенно зарвался; не говоря уже о крупныхъ негоціантахъ, которые оперировали на громадныя суммы, «простые лавочники не боялись заключать сдѣлки на сумму, въ 10—20 разъ превышавшія ихъ состоянія». Товары принимались отъ фабрикантовъ на комиссію, учетъ векселей, промессъ и свидѣтельствъ, выдававшихся доками и товарными складами, давалъ возможность дѣлать новыя закупки товаровъ и спекулировать на повышеніе.—Дутые или, какъ ихъ называли тогда, «аккомадаціонные векселя» писались обоюдно въ громадныхъ количествахъ; являлись подставныя лица, которыя за извѣстный комиссіонный % ставили бланки и подмахивали векселя въ 5—10 тыс. ф.; когда наступали платежи то выдавались новые век-

селя; вообще, «организовалась цѣлая система обмановъ и [illegible]котворства». И, конечно, не въ одномъ только «Британскомъ королевскомъ банкѣ» можно бы было раскрыть «страшную сѣть мошенническихъ продѣлокъ» и усадить директоровъ въ тюрьму, еслибы почаще назначали слѣдствія. «Сущность совершавшихся сдѣлокъ, говоритъ М. Виртъ:—была такова, что даже самому проницательному, разсчетливому и практически-опытному негоціанту трудно было до нея добиться, потому что почти невозможно было, не впадая въ слишкомъ неопредѣленную огульность сужденій, выяснить всѣ уловки и увертки, употреблявшіяся спекулянтами, чтобы отсрочить день окончательнаго сведенія счетовъ» (281). Но день этотъ все-таки, въ концѣ концовъ, настилъ. Толчокъ послѣдовалъ изъ Америки послѣ того, какъ тамъ разразился кризисъ. Первые испытали затрудненіе торговцы по ввозу: наступили платежи, въ банкахъ денегъ не оказалось, товары не шли; а по вывозу, вслѣдствіе общаго экономическаго разстройства Европы и преимущественно Америки, платежи замедлились и не пришли къ сроку. Нужно замѣтить, что, по установившемуся въ англійскомъ торговомъ мірѣ обычаю, товары, ввозимые въ Англію, оплачиваются векселями въ тѣхъ странахъ, откуда они идутъ въ моментъ нагрузки ихъ на корабли, причемъ, хотя вексселя эти и не подлежатъ немедленной оплатѣ по доставкѣ товаровъ, но немедленно же акцептируются и получаютъ тождественное значеніе съ другими цѣнными бумагами; товары же, вывозимые изъ Англіи, отпускаются по большей части въ кредитъ на 6—9 и болѣе мѣсяцевъ. Положимъ, что, благодаря этому кредиту, англійскій вывозъ, главнымъ образомъ, и увеличился въ теченіи 10 лѣтъ съ 60 мил. фун. до 120 мил. ф.; но, благодаря этому же, происходятъ и замедленія во время экономическихъ затрудненій въ акредитованныхъ странахъ. Равнымъ образомъ и векселя англійскихъ торговцевъ, когда въ банкахъ есть деньги, не вызываютъ затрудненій. Но въ описываемую эпоху банки были истощены какъ отечественной, такъ и американской спекуляціей: въ однѣхъ американскихъ бумагахъ англійскихъ капиталовъ было пристроено въ 1857 г.—480 мил. дол. Кромѣ того, Англія израсходовала въ это время много денегъ на усмиреніе возстанія въ Индіи, на улаженіе непріятныхъ отношеній съ Китаемъ и на поддержку Ост-Индской К°. Произошло нѣсколько торговыхъ банкротствъ, и дошла очередь до банковъ. За банкротствомъ ливерпульскаго банка послѣдовали банкротства фирмы Нейлоръ и К°, Деннистоунъ, Кросъ и К°; затѣмъ обанкротился громадный «шотландскій западный банкъ» съ его 98-ю отдѣленіями, и другіе шотландскіе банки, глазговскій городской банкъ и т. д. «Каждый день,

говоритъ М. Виртъ:—приносилъ банкротства, перечисленіе которыхъ утомило бы читателя». Всего обанкротилось 207 фирмъ съ пассивомъ въ 50 мил. ф. Но кризисъ не ограничился горестью спекулянтовъ и купцовъ: «Совершенная остановка всѣхъ торговыхъ операцій вызвала всеобщее прекращеніе работъ въ фабричныхъ округахъ, нанесла фабрикантамъ громадные убытки и тяжело отозвалась на рабочихъ классахъ» (276). Потери однѣхъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шолковыхъ фабрикъ были никакъ не менѣе 1 мил. фунт. Рабочіе вездѣ почти отпускались или сажались на половинную заработную плату. Цѣны на товары быстро и значительно упали: шотландское невыдѣланное желѣзо съ 83 шил. за тонну упало до 48 шил., листовая мѣдь съ 14 пенс. за фунтъ до 12. пенс., олово съ 140 ф. ст. за тонну до 114 ф.; хлопчатобумажная пряжа упала на 24%, шолкъ на 31%, селитра на 26%, рисъ на 26%, льняное сѣмя на 27%, кофе на 16—23%, сахаръ на 20—28%, сало на 18%, чай и шерсть на 16%. Паденіе биржевыхъ бумагъ также было значительно: консоли упали на 4%, желѣзно-дорожныя акціи до 23% и т. д. Дисконтъ въ англійскомъ банкѣ, достигъ 10%. Опять послышался ропотъ на злополучный законъ Пиля, который и былъ снова пріостановленъ. Противники точно забывали, что обанкротились, главнымъ образомъ, шотландскіе банки, система которыхъ была существенно отлична отъ англійскаго банка, что они выпустили чрезмѣрное количество билетовъ и, въ то же время, точно такъ же, какъ и англійскіе банки, развили до громадныхъ размѣровъ операціи со вкладами, которые, будучи розданы въ ссуду преимущественно спекулянтамъ, не могли быть вытребованы обратно, когда въ банки поступили разомъ требованія объ ихъ возвратѣ. Это, главнымъ образомъ, и послужило причиною катастрофы. Англійскій банкъ оказалъ шотландскимъ банкамъ денежную поддержку и помогъ имъ выдти изъ затрудненія. Нельзя было теперь пожаловаться на банкъ и за то, что онъ несвоевременно или слишкомъ круто поднялъ дисконтъ; дисконтъ его, стоявшій въ 1852 г. на 2%, поднимался въ высшей степени постепенно и достигалъ въ 1856 г. 7%, затѣмъ въ началѣ 57 г.—8% и въ сентябрѣ—9%. Законъ былъ уже пріостановленъ, а банкротства все продолжались: черезъ 8 дней, напримѣръ, лопнуло нѣсколько фирмъ, торговавшихъ съ Швеціей и Даніей, и т. д.

Во то время, какъ континентальные коммерсанты и буржуазные экономисты ратовали за абсолютную свободу банковъ, государственные люди въ Америкѣ говорили противъ этой свободы: тогдашній президентъ Бёкэнэнъ приписывалъ причину кризиса 1857 г. опять «безумной и полной недостатковъ системѣ бумажныхъ де-

негъ и банковаго кредита, которая поощряетъ націю заниматься спекуляціями и биржевою игрою» и доказывалъ, что «потрясенія должны неизбѣжно возвращаться періодически, пока количество обращающихся бумажныхъ денегъ, банковыя ссуды и дисконтъ предоставлены въ распоряженіе 1400 банковыхъ учрежденій, ни передъ кѣмъ неотвѣтственныхъ и по самому характеру своему склонныхъ ставить интересъ своихъ акціонеровъ выше общаго блага» (250). Нью-йоркское законодательство, ограничивавшее количество билетовъ и обставлявшее выпускъ ихъ гарантіями, какъ мы сказали уже выше, нашло мало подражанія въ другихъ штатахъ и, кромѣ того, наверстывалось окольными путями—операціями по вкладамъ и учету векселей. Операціи эти, мобилизируя самые мелкіе капиталы и самые малые промежутки ихъ свободности, когда основываются на дѣйствительной производительности, чрезвычайно полезны и не сопряжены съ рискомъ; но разъ капиталы выдаются въ ссуду не производительнымъ классамъ, а спекулянтамъ, какъ это по большей части и бываетъ, банки рискуютъ потерять ввѣренные имъ капиталы. Уплаты по векселямъ затягиваются; сбыть бумажныя цѣнности, подъ обезпеченіе которыхъ выданы ссуды, оказывается затруднительнымъ, въ особенности въ эпохи кризисовъ, во время натиска публики въ банки: въ 1857 г. даже государственныя бумаги, которыя нью-йоркское законодательство требовало въ обезпеченіе билетовъ, не представляли достаточной гарантіи и сбывались съ огромными потерями. При централизаціи кредита, англійскій банкъ, дѣйствующій на громадномъ пространствѣ, находится въ этомъ отношеніи еще въ лучшемъ положеніи, чѣмъ американскіе банки, дѣйствующіе на небольшихъ районахъ и которые въ 2—3 дни могутъ быть осаждены требованіями, какъ это и случилось въ 1857 г. Но посмотримъ на Америку. Еще весною этого злополучнаго года, осень котораго принесла кризисъ, Америка представлялась на такой высокой степени процвѣтанія и благоденствія, какой никогда еще не достигала со времени объявленія независимости: промышленность, торговля, желѣзныя дороги, телеграфы—все это представляло невиданный ростъ. Сельское хозяйство и промышленность дали въ 1856 году доходъ въ 2600 мил. дол., государственный долгъ уменьшился на 30 мил. долларовъ и т. д. Но, всматриваясь ближе въ это блистательное положеніе, не трудно было замѣтить въ немъ ясные признаки болѣзненности. Конечно, было осуществлено много серьёзныхъ и полезныхъ предпріятій; но этимъ спекуляція не ограничилась: «разъ отвѣдавъ прелестей наживы, она не знала удержу и приступила къ самымъ дерзкимъ предпріятіямъ», «пе-

рестала довольствоваться настоящимъ и стала эскомтировать будущее». Желѣзныя дороги прокладывались черезъ пустыни, гдѣ никакихъ торговыхъ сношеній не могло существовать; строились города въ безплодныхъ мѣстностяхъ; разработывали минеральныя богатства, не заручившись рынкомъ для сбыта; «строили фабрики и лишь послѣ того, какъ онѣ были выстроены, открывали, что рабочихъ для нихъ негдѣ достать или что имъ не подъ силу выносить конкуренцію европейскихъ продуктовъ» (255). Въ то же время роскошь развивалась съ каждымъ днемъ: ввозъ сахара увеличился въ 1856—57 г. противъ предъидущаго года на 27 мил. доллар.; ввозъ дамскихъ нарядовъ, не считая еще французской обуви, мѣховъ, духовъ и разныхъ другихъ мелочей, доходилъ до 40.828,844 доллар.; ввозъ сигаръ и винъ простирался до 14 мил. доллар. и т. д. «Съ открытіемъ калифорнскихъ розсыпей, говоритъ М. Виртъ:—у американцевъ произошелъ полнѣйшій переворотъ всѣхъ экономическихъ привычекъ и взглядовъ». Америка сдѣлалась главнымъ рынкомъ для сбыта всѣхъ предметовъ роскоши, изготовлявшихся въ Европѣ. Несмотря, однако, на громадное увеличеніе потребленія, спекуляція перецѣнила вдвое и втрое спросъ и завалила рынокъ товарами, причемъ, задерживая товары въ складахъ, долгое время искусственно поднимала ихъ цѣны на 20 и на 30%. Рука объ руку съ жаждою быстраго обогащенія шло «гигантскими шагами» и развращеніе нравовъ: похищенія, подлоги и взятки были самымъ обычнымъ дѣломъ въ промышленныхъ и финансовыхъ компаніяхъ; начиная съ высшаго желѣзнодорожнаго персонала и кончая кочегарами, всѣ руководились «особою желѣзнодорожною совѣстью» и брали магарычи съ каждой бочки сала, поставляемаго для смазки колесъ, съ каждаго локомотива; въ финансовой сферѣ происходила война всѣхъ противъ всѣхъ при полной неразборчивости средствъ; подкупы проложили путь даже къ губернаторамъ и другимъ высшимъ должностнымъ лицамъ. То, что чиновникъ или кассиръ *наживается*, «принималось, какъ дѣло вполнѣ естественное и само собою разумѣющееся, и на честность, не поддающуюся соблазнамъ, если таковая оказывалась, смотрѣли какъ на курьёзъ, частью съ насмѣшливой улыбкой, частью съ изумленіемъ» (254). «Безвозмездная раздача союзныхъ земель желѣзнодорожнымъ обществамъ сдѣлалась предметомъ настоящей торговли» (264). «Никогда, говоритъ М. Виртъ:—антагонизмъ между частнымъ и общегосударственнымъ интересомъ и противуположность между частнымъ и національнымъ богатствомъ не выступали такъ рѣзко, какъ въ эту эпоху. Соблазняемая грудами золота, притекавшими изъ Калифорніи, и торопясь пускать ихъ

какъ можно скорѣе въ оборотъ, спекуляція совершенно смѣшивала золото съ капиталомъ и, когда золота не хватило, замѣнила его въ изобиліи бумагами: «при этомъ забывали, что не золотые и бумажные доллары кормятъ работниковъ, которые исполняютъ земляныя работы, дѣлаютъ рельсы и изготовляютъ разнообразные сырые матерьялы и орудія, требующіяся для исполненія всѣхъ этихъ предпріятій; забывали, что деньги суть лишь представитель и орудіе для обмѣна капитала, а не самый капиталъ; забывали, что послѣдній состоитъ изъ продуктовъ, необходимыхъ для существованія, и изъ орудій производства, посредствомъ которыхъ работники, осуществляющіе новое предпріятіе, должны быть прокармливаемы и вооружены для цѣлей производства; забывали, наконецъ, что дѣйствительный запасъ капитала, въ этой реальной его формѣ, не такъ великъ, какъ можно было предполагать, судя по новосозданнымъ денежнымъ запасамъ» (253). А потому нисколько не долженъ казаться страннымъ тотъ фактъ, что, возлагая всѣ надежды на Калифорнію, американцы, въ то же время, очень много должали Европѣ: забирали на громадныя суммы товары въ долгъ, строили пароходы въ долгъ и т. д. Суммы эти нѣкоторое время покрывались отпускомъ хлѣба, но когда въ 1857 году, послѣ хорошаго повсемѣстнаго урожая въ Европѣ, отправлять хлѣбъ оказалось совсѣмъ невыгодно; тогда «все зданіе, державшееся на ухищреніяхъ кредита, не могло устоять и рухнуло». Запасъ звонкой монеты въ банкахъ Соединенныхъ Штатовъ равнялся въ 1857 г.—58 мил. доллар., а сумма обращающихся билетовъ составляла около 215 мил. доллар. и вклады 230 мил. доллар: слѣдовательно, гарантирована была, въ сущности, только 1/7 ихъ обязательствъ. Послѣ того, какъ въ началѣ августа послѣдовало нѣсколько торговыхъ банкротствъ, а 24 августа обанкротился банкъ «Ohio Life and trust company», бывшій сколкомъ съ французскаго «Crédit mobilier», банки начали ограничивать кредитъ и стараться вернуть свои ссуды. Это еще болѣе затруднило торговлю: товары упали въ цѣнѣ на 20—50%, хлопокъ съ 16 цент. спустился на 8 7/8 цент., а хлѣбъ на 100% (266). Курсы желѣзнодорожныхъ акцій также упали на 30—75%. Извлекши 16 мил. доллар. изъ обращенія, банки тѣмъ не менѣе не возбуждали къ себѣ довѣрія и не предупреждали банкротствъ: къ 30 сентабря уже обанкротилось 109 торговыхъ домовъ, 175 банковъ прекратили платежи и 40 банковъ должны были считаться совсѣмъ погибшими. «Многія фабрики были закрыты, многія тысячи рабочихъ лишились заработка» (260). Дисконтъ, стоявшій въ августѣ на 24%, дошелъ въ октябрѣ до 100% и въ частныхъ случаяхъ поднимался даже выше. Возбуж-

деніе достигло крайней степени напряженности: банки брались приступомъ; толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ ходила по улицамъ Нью-Йорка изъ банка въ банкъ; въ Сан-Франциско банкъ Сэдера и Черча былъ окруженъ многочисленною толпою въ полночь и былъ вынужденъ, въ 2¹/₂ часа утра, открыть свою кассу и начать платежи (263). Наконецъ, всѣ банки прекратили платежи, послѣ чего въ Нью-Йоркѣ въ теченіи одной только недѣли обанкротилось 100 домовъ. Общее количество банкротствъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, происшедшихъ въ то время—5,123 съ суммою пассива до 300 мил. доллар., изъ которыхъ только немногіе выплатили по 40% и еще меньшее число выплатили свои долги сполна. Потери на важнѣйшихъ вывозныхъ товарахъ простирались до 77 мил. доллар. и на ввозныхъ до 35 мил. доллар.; на мануфактурныхъ товарахъ, корабляхъ и т. п. было потеряно 30 мил. доллар.; ущербъ рабочихъ въ теченіи только первыхъ 4 мѣсяцевъ застоя простирался до 12 мил. доллар.; 14 больших желѣзнодорожныхъ обществъ съ капиталомъ въ 189.800,000 доллар. прекратили работы и платежи; на акціяхъ было потеряно 50 мил. доллар. Изъ Америки кризисъ перебросился, какъ мы уже видѣли, въ Англію, затѣмъ въ Гамбургъ, Берлинъ, Штеттинъ, Данцигъ, Прагу, Бреславль, въ фабричные округи въ Гервицѣ, Тюрингенѣ и въ другіе пункты Германіи и Австріи. Изъ Гамбурга онъ перешелъ въ Швецію, Данію и Норвегію, затѣмъ прошелъ черезъ Бельгію, Голландію и Швейцарію. Въ особенности пострадалъ отъ кризиса Гамбургъ, поплатившійся за свои вексельныя спекуляціи и за паразитное торгово-посредническое положеніе между государствами: убытки 150 обанкротившихся домовъ оцѣнивались въ 200 мил. марокъ, цѣны на товары упали до 50%; а многіе изъ нихъ, закупленные въ огромныхъ количествахъ, и совсѣмъ не находили сбыта. Общій испугъ и смятеніе были въ Гамбургѣ гораздо больше, чѣмъ въ Америкѣ и Англіи: «купцы врывались съ мольбами о помощи въ приходскія собранія гражданъ, которымъ со стороны коммерческихъ депутацій дѣлались предложенія, отзывавшіяся чисто якобинскимъ терроризмомъ» (288).

Денежному кризису въ 1863—4 гг. во Франціи, какъ и всегда, предшествовало оживленіе промышленности, торговли и вообще предпріимчивости. Въ Парижѣ орудовали гг. Перейера, Мирѐсъ, Мильо и другіе. Основывались желѣзнодорожныя, портовыя, торговыя, каменноугольныя и разныя другія общества и кассы; братья Перейра начали спекуляціи по перестройкѣ Парижа и т. д. Хотя американская война и поставила хлопчатобумажное производство во Франціи въ довольно печальное положеніе; но за то

производство винъ, шерстяныхъ и шолковыхъ издѣлій сильно возросло; торговля, благодаря облегченіямъ въ запретительной системѣ и новымъ торговымъ договорамъ, также приняла громадные размѣры; вывозъ превзошелъ, въ 1863 г., ввозъ на 680 милл. фр. Нужно замѣтить, что и французское торговое сословіе, подобно англійскому, даетъ своимъ заграничнымъ покупщикамъ 6-ти мѣсячный кредитъ. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, это, разумѣется, не составляло затрудненія; но въ данномъ случаѣ цифра вывоза была чрезмѣрно велика, что, въ связи съ другими спекуляціями, потратившими также немало капиталовъ, вызвало денежное злоупотребленіе. Французскій національный банкъ, дисконтъ котораго въ іюнѣ стоялъ на $3^1/_2$%, сталъ поднимать его на 4, 5, 6 и 7% (въ ноябрѣ), а къ маю 1864 г. поднялъ его даже до 8%. Торговцы обвиняли банкъ въ спекуляціи на благородные металлы и подали въ министерство финансовъ по этому поводу петицію. Черезъ нѣсколько времени, къ нимъ присоединились еще парижскіе хозяева ткацкихъ фабрикъ и ліонскіе фабриканты, прося назначить слѣдствіе надъ образомъ дѣйствій французскаго банка. Гг. Перейра и К°, стоявшіе за неограниченное расширеніе кредита и расчитывавшіе «эксплуатировать общественный кредитъ въ пользу своихъ грандіозныхъ проэктовъ», всѣми силами поддерживали петиціонеровъ; но назначенная комиссія, собравшая справки какъ во Франціи, такъ и за-границей и труды которой были изданы въ 8 ми томахъ, совершенно оправдала дѣйствія банка и показала только, что онъ во-время «наложилъ узду на спекуляцію», чѣмъ немало содѣйствовалъ предупрежденію кризиса.

Если американская война не особенно сильно отозвалась на Франціи, то англійская хлопчатобумажная промышленность, получавшая сырье, главнымъ образомъ, изъ Америки, была поставлена въ самое критическое положеніе. «Лишь немногія бумагопрядильни, которыя имѣли предусмотрительность запастись ранѣе большимъ количествомъ хлопка — а это сдѣлали большею частью лишь континентальныя фабрики—могли продолжать свои работы въ большихъ размѣрахъ. Значительное число фабрикъ было вынуждено совсѣмъ закрыться. Другія посадили рабочихъ на половинные рабочіе часы» (315). Когда, въ 1863 году, т. е. на третій годъ войны, сырой хлопокъ началъ прибывать изъ Египта и Ост-Индіи, то англійскія прядильни, обработывавшія до сихъ поръ хлопокъ только съ длинными волокнами, должны были приспособлять машины къ индійскому хлопку съ короткими волокнами, что вызвало новыя затрудненія и новыя пріостановки работъ. Число нищихъ сильно возросло, но «рабочіе, говоритъ М.

Виртъ:—прославились мужествомъ и спокойствіемъ, съ которыми они несли выпавшее на ихъ долю несчастіе» (314). Понимая, что причина бѣдствія исходитъ извнѣ, рабочіе, несмотря на сильныя страданія, не тревожили хозяевъ, какъ это было въ другія времена. Несмотря, однако, на затрудненіе въ дѣлахъ, англійская спекуляція, въ томъ же 1863 году, снова начала свое дѣло. Съ одной стороны, послужило поводомъ для различныхъ комбинацій расширеніе производства хлопка въ Египтѣ и Ост-Индіи, а съ другой стороны—торговля, желѣзныя дороги и другія предпріятія. Торговцы охотно платили по 10%, такъ какъ могли наживать 25% и болѣе. Капиталъ, пристроенный въ желѣзныя дороги въ 1861 году, равнялся 342 мил. фунт., а въ 1865 году онъ уже простирался до 412½ милл. Новый законъ объ акціонерныхъ обществахъ, изданный въ 1862 году, послужилъ толчкомъ къ основанію значительнаго числа самыхъ разнообразныхъ акціонерныхъ компаній съ ограниченною отвѣтственностью и къ преобразованію прежде основанныхъ обществъ съ неограниченною отвѣтственностью въ общества съ ограниченною отвѣтственностью: съ 1862 по 1868-й годъ было основано и регистровано до 3,540 новыхъ обществъ съ номинальнымъ капиталомъ въ 700 мил. фунт. Многія изъ этихъ обществъ фактически не могли осуществиться прямо по недостатку средствъ: журналъ «Economist» разсчитывалъ, что съ 1864-го по 1866-й годъ по акціямъ, включая сюда и премію на нихъ, было уплачено только 63 мил. И когда, въ 1866 году, наступили послѣдующія уплаты по акціямъ и открылись подписки на новыя предпріятія, когда, съ прекращеніемъ американской войны, торговля потребовала новыхъ средствъ, этотъ недостатокъ капитала сказался уже со всею своею очевидностью. Въ маѣ, крупный учетный банкъ, подъ фирмою «Оверендъ, Герни и К°», прекратилъ платежи съ пассивомъ до 15.552,003 фунта, на покрытіе которыхъ имѣлось лишь 120,394 фунт. наличныхъ денегъ да на 371,983 ф. надежныхъ государственныхъ фондовъ, такъ какъ остальной активъ состоялъ изъ векселей и никуда негодныхъ бумагъ. «Вѣсть эта, говоритъ М. Виртъ:—подѣйствовала на Лондонъ, какъ ударъ молніи изъ яснаго неба, и послужила сигналомъ къ паникѣ и многочисленнымъ банкротствамъ. Англійскій банкъ возвысилъ дисконтъ до 8%, а нѣсколько спустя—до 10%. Журналъ «Economist» объявилъ, что это—кредитная паника, что другими словами означало, что было затѣяно больше предпріятій и выдано болѣе долговыхъ обязательствъ, чѣмъ сколько позволяло имѣвшееся въ запасѣ количество капитала» (317). «Въ сущности, оно такъ и было, добавляетъ М. Виртъ:—

но ближайшею причиною былъ законъ Пиля, въ третій разъ доказавшій свою несостоятельность—невозможностью удовлетворять, вслѣдствіе раздѣленія банка на два отдѣленія, экстренный натискъ публики, а между тѣмъ, законъ и понынѣ неустраненный» (320). И въ данномъ случаѣ, злополучный законъ былъ опять ни при чемъ: банкъ былъ виноватъ въ томъ, что держалъ дисконтъ слишкомъ низко, на 2%, несмотря на то, что все говорило о спекулятивномъ настроеніи и процентъ на капиталъ на континентѣ и въ частныхъ рукахъ поднялся, а это гораздо меньше зависѣло отъ закона, чѣмъ отъ отношеній къ другимъ банкамъ, которыхъ было основано «множество», и отъ распоряженій. Но обо всемъ этомъ мы уже говорили. Законъ Пиля былъ снова пріостановленъ, но, несмотря на это, дисконтъ продолжалъ держаться на 10—8% и понизился только съ окончаніемъ австро-прусской войны. Вексельная сѣть обанкротившагося банка Оверендъ, Герни и К° широко раскидывалась по провинціямъ и вызвала цѣлый рядъ банкротствъ и тамъ: къ 4-му августа 1866 года—180 акціонерныхъ обществъ подпали ликвидаціи судебнымъ порядкомъ, и, между прочимъ, произошло паденіе и желѣзно-дорожныхъ предпріятій г. Пето, который «былъ творцомъ тѣхъ позорно-знаменитыхъ желѣзно-дорожныхъ спекуляцій, которыя въ Германіи связаны такою недоброю памятью съ именемъ Струсберга» (322).

ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

ТОМЪ II.

(*Продолженіе*).

XIV.

Оссіанъ и Сципіонъ.

Число арестовъ все увеличивалось.

Около полудня, полицейскій комиссаръ, по имени Будро, явился въ кафѐ, въ улицу Лепеллетье. Его сопровождалъ агентъ Делагоддъ. Делагоддъ былъ тотъ самый писатель-соціалистъ, который, когда его уличили въ измѣнѣ, нашелся вынужденнымъ перейти изъ тайной полиціи въ явную. Я зналъ его и отмѣчаю эту подробность. Въ 1832 году, онъ былъ наставникомъ въ школѣ, куда ходили мои сыновья; тогда онъ даже посвятилъ мнѣ стихи. Въ то же время, онъ слѣдилъ за мной. Кафѐ въ улицѣ Лепеллетье было мѣстомъ сходки многихъ республиканскихъ журналистовъ. Делагоддъ зналъ ихъ всѣхъ. Отрядъ республиканской гвардіи занялъ всѣ выходы кофейни. Тогда начался осмотръ всѣхъ обычныхъ посѣтителей. Делагоддъ шелъ впереди, комиссаръ сзади; за ними слѣдовали двое городовыхъ. Отъ времени до времени Делагоддъ оборачивался и говорилъ: «берите вотъ этого». Такимъ образомъ, арестовали до двадцати писателей, въ числѣ ихъ Генета де-Кеслера (умеръ въ изгнаніи, въ Герней). Кеслеръ былъ наканунѣ на Сент-Антуанской баррикадѣ. Кеслеръ сказалъ Делагодду: «Вы—негодяй».—«А вы—неблагодарный, отвѣчалъ тотъ:—*я спасаю вамъ жизнь*». Странныя слова, потому что трудно думать, чтобы Деллагодъ былъ посвя-

щенъ въ тайну того, что должно было произойти въ роковой день 4-го декабря.

Въ комитетъ намъ доставляли со всѣхъ сторонъ ободрительныя вѣсти. Тестеленъ, лилльскій представитель—нетолько ученый, но и мужественный человѣкъ. 3-го, онъ пришелъ, нѣсколько времени спустя послѣ меня, на Сент-Антуанскую баррикаду, гдѣ былъ убитъ Боденъ. Все было кончено съ этой стороны. Тестелена сопровождалъ другой неустрашимый человѣкъ—Гамбонъ (умеръ въ изгнаніи, въ Термондѣ). Оба представителя бродили по длиннымъ, полнымъ движенія улицамъ. Ихъ не понимали и мало кто шелъ за ними. Они искали негодующихъ, а встрѣчали только любопытныхъ. Тестеленъ, однакоже, придя въ комитетъ, сообщилъ намъ слѣдующее: «На углу одной улицы, въ Сент-Антуанскомъ Предмѣстьѣ, онъ и Гамбонъ, замѣтили сборище. Они пошли туда. Тамъ читали афишу, приклееную на стѣнѣ. Это былъ призывъ къ оружію, за подписью В. Гюго. Тестеленъ спросилъ у Гамбона, есть ли у него карандашъ. Гамбонъ отвѣчалъ, что есть. Тестеленъ взялъ карандашъ и, подойдя къ афишѣ, написалъ свое имя, подъ моимъ; потомъ передалъ карандашъ Гамбону, который, въ свою очередь, написалъ свое имя подъ именемъ Тестелена. Тогда толпа закричала: «Браво! Это—хорошіе люди!» — «Кричите: да здравствуетъ республика!» сказалъ Тестеленъ. Всѣ закричали: «Да здравствуетъ республика!». «Вверху, въ открытыхъ окнахъ, прибавилъ Гамбонъ:—женщины аплодировали».

— Когда маленькія женскія руки аплодируютъ, это—хорошій знакъ! сказалъ Мишель де-Буржъ. Какъ мы уже не разъ говорили, комитетъ сопротивленія всѣми силами старался препятствовать кровопролитію. Воздвигать баррикады, оставлять ихъ, разрушать и начинать на другихъ пунктахъ—избѣгать войска и утомлять его, вести въ Парижѣ войну, какъ она ведется въ степи; всегда отступать, но не уступать и, взявъ себѣ въ пособники время — для того, чтобы, съ одной стороны, народъ могъ одуматься и возстать, а съ другой, армія дошла до изнеможенія—побѣдить такимъ образомъ переворотъ—вотъ въ чемъ состоялъ обсужденный и принятый комитетомъ планъ.

Вслѣдствіе этого, былъ отданъ приказъ слабо защищать баррикады.

Мы во всѣхъ возможныхъ формахъ повторяли бойцамъ: «Проливайте какъ можно менѣе крови. Щадите кровь солдатъ и берегите вашу собственную».

Но, несмотря на это, когда борьба разъ завязалась, то въ извѣстные моменты боя, на нѣкоторыхъ пунктахъ, сдерживать

отвагу бойцевъ становилось невозможнымъ. Многія баррикады были упорно защищаемы, какъ, напримѣръ, въ улицахъ Рамбюто, Монторгёйль и Neuve S-te Eustache.

Начальниками этихъ баррикадъ были мужественные люди.

Назовемъ здѣсь, для исторіи, нѣкоторыхъ изъ этихъ великодушныхъ бойцовъ. Силуэты, мелькнувшіе и исчезнувшіе въ дыму битвы. Раду — архитекторъ, Делюкъ, Маларме, Феликсъ Бони, Люно—бывшій капитанъ республиканской гвардіи; Камиллъ Беррю, редакторъ «Avénement», веселый, сердечный, неустрашимый, и этотъ молодой Эженъ Мильело (Millelot), который, въ Каеннѣ, приговоренный къ двумъ стамъ ударамъ плетьми, при двадцать третьемъ ударѣ умеръ на глазахъ у отца и брата, сосланныхъ подобно ему.

Баррикада въ улицѣ Омэръ была изъ тѣхъ, которыми овладѣли не безъ сопротивленія. Хотя и наскоро воздвигнутая, она, однакожъ, была хорошо построена; пятнадцать или шестнадцать человѣкъ, людей рѣшительныхъ, защищали ее. Двое изъ нихъ пали на ней.

Баррикада была взята приступомъ. Батальонъ 16-го линейнаго полка, пущенный противъ нея бѣглымъ шагомъ, встрѣченъ былъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Нѣсколько солдатъ были ранены.

Первый, упавшій въ рядахъ войска, былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, поручикъ первой роты, по имени Оссіанъ Дюма. Двѣ пули раздробили ему обѣ ноги, какъ однимъ ударомъ.

Въ арміи тогда служили два брата Дюма, Оссіанъ и Сципіонъ. Сципіонъ былъ старшій. Они приходились довольно близкими родственниками представителю Мадье де-Монжó. Эти два брата принадлежали къ почтенной и бѣдной семьѣ. Старшій воспитывался въ политехнической школѣ, младшій—въ Сен-Сирской.

Сципіонъ Дюма былъ четырьмя годами старше своего брата. Родители его—трогательный героизмъ нынѣшнихъ бѣдныхъ семействъ—отказывали себѣ въ хлѣбѣ для того, чтобы дать сыну знаніе. Такимъ образомъ, онъ попалъ въ политехническую школу, гдѣ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Выпущенный по окончаніи курса въ артиллерію офицеромъ, онъ былъ назначенъ въ Мецъ. Тогда пришла его очередь помогать мальчику, слѣдовавшему за нимъ. Онъ протянулъ руку своему младшему брату. Онъ удѣлялъ на его воспитаніе часть своего скуднаго жалованья артиллерійскаго поручика; и благодаря ему, Оссіанъ также вышелъ въ офицеры. Между тѣмъ какъ

служба Сципіона продолжала удерживать его въ Мецѣ, Оссіанъ, назначенный въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, отправился въ Африку. Тамъ онъ въ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ.

Сципіонъ и Оссіанъ были республиканцы. Въ октябрѣ 1851 года, 16-й полкъ, гдѣ служилъ Оссіанъ, потребовали въ Парижъ. Это былъ одинъ изъ полковъ, выбранныхъ преступной рукой Бонапарта и на которые переворотъ разсчитывалъ.

Настало 2 е декабря.

Поручикъ Оссіанъ Дюма повиновался, какъ и всѣ почти его товарищи, приказанію взяться за оружіе; но каждый изъ окружавшихъ его могъ замѣтить, что онъ былъ мраченъ.

Весь день 3-го декабря прошелъ въ маршіахъ и контр-маршахъ. 4-го завязался бой; 16-му полку, входившему въ составъ бригады Эрбильона, предписано было овладѣть баррикадами въ улицѣ Бабуръ, Трансхонэнъ и Омэръ.

Это былъ грозный пунктъ, состоявшій изъ цѣлой групы баррикадъ. Рѣшено было начать дѣйствія съ улицы Омеръ и пустить впередъ батальйонъ, къ которому принадлежалъ Оссіанъ. Въ ту минуту, какъ батальйонъ, съ заряженными ружьями, долженъ былъ направиться въ улицу Омэръ, Оссіанъ Дюма подошелъ къ своему капитану, старому, храброму офицеру, любившему его, и объявилъ ему, что онъ не сдѣлаетъ болѣе ни одного шага, что дѣло 2-го декабря есть преступленіе, что Луи Бонапартъ измѣнникъ и что они—солдаты—обязаны сдержать клятву, которую нарушилъ Бонапартъ. Что же касается до него—Оссіана—то онъ не дастъ своей сабли для умерщвленія республики.

Произошла остановка. Ожидали сигнала къ атакѣ. Старый капитанъ и молодой поручикъ говорили между собой вполголоса.

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ капитанъ.

— Сломать свою шпагу.

— Васъ отправятъ въ Венсеннъ.

— Это мнѣ все равно.

— Разжалуютъ.

— Очень вѣроятно.

— Можетъ быть, разстрѣляютъ.

— Я готовъ къ этому.

— Но уже теперь поздно. Надо было вчера подать въ отставку.

— Никогда не поздно воздержаться отъ преступленія.

Капитанъ, какъ видите, былъ не что иное, какъ одинъ изъ этихъ рубакъ по ремеслу, состарившихся подъ офицерскимъ знакомъ и для которыхъ не существуетъ иного отечества, кромѣ знамени, иного закона, кромѣ дисциплины. Желѣзныя руки и

деревянныя головы. Они уже болѣе не люди, не граждане. Честь представляется имъ не иначе, какъ въ генеральскихъ эполетахъ. Чтò вы имъ говорите о политическомъ долгѣ, о повиновеніи законамъ, о конституціи! Развѣ они это знаютъ? Чтò такое конституція, чтò такое законы самые священные въ сравненіи съ тремя словами, которыя ефрейторъ шепчетъ на ухо часовому? Возьмите вѣсы, положите на одну чашку Евангеліе, на другую — приказъ. Теперь взвѣсьте. Ефрейторъ перетянулъ.

Богъ входитъ въ лозунгъ Варѳоломеевской ночи: «Убивайте всѣхъ. Онъ своихъ разберетъ». Вотъ чтò патеры допускаютъ и иногда прославляютъ. Варѳоломеевскую ночь благословилъ папа. Въ честь ея выбита въ Римѣ медаль въ 1572 г. Pro Hugonotorum strage.

Однакожъ, Оссіанъ Дюма казался непоколебимымъ. Капитанъ сдѣлалъ послѣднюю попытку.

— Вы себя губите, сказалъ онъ.

— Я спасаю свою честь.

— Честь-то вы именно и приносите въ жертву.

— Потому что ухожу?

— Уйти—значитъ дезертировать.

Это слово, казалось, поразило Оссіана Дюма; капитанъ продолжалъ:

— Черезъ нѣсколько минутъ, будутъ драться... брать приступомъ баррикаду. Ваши товарищи падутъ мертвые или раненые. Вы—еще молодой офицеръ; вы не часто бывали въ огнѣ.

Оссіанъ прервалъ съ живостью:

— Ну, чтожъ! Я не хотѣлъ драться противъ республики. Никто не скажетъ, по крайней мѣрѣ, что я—измѣнникъ.

— Нѣтъ; но скажутъ, что вы—трусъ.

Оссіанъ не возражалъ.

Минуту спустя раздалась команда, и батальйонъ бѣглымъ шагомъ пустился на приступъ. Съ барикады дали залпъ. Оссіанъ Дюма упалъ первый.

Онъ не могъ перенести слова «трусъ» и остался на своемъ мѣстѣ, въ первой шеренгѣ.

Его отнесли на перевязочный пунктъ, а оттуда—въ госпиталь. Разскажемъ теперь же конецъ этой грустной исторіи.

У него были раздроблены обѣ ноги. Врачи думали, что обѣ придется отнять. Генералъ Сент-Арно прислалъ ему крестъ.

Какъ извѣстно, Луи Бонапартъ поспѣшилъ оправдать себя, съ помощью преторіанцевъ—своихъ пособниковъ. Сабля, покончивъ рѣзню, вотировала.

Бой еще дымился, когда армію призвали къ голосованію.

Парижскій гарнизонъ вотировалъ *да*. Онъ оправдывалъ себя самъ въ своемъ преступленіи.

Въ остальной арміи было не такъ. Военная честь возмущалась тамъ и пробудила гражданскую доблесть. Какъ ни сильно было давленіе и хотя многіе полки должны были опускать бюльлетени въ кивера своихъ полковниковъ, но на многихъ пунктахъ, во Франціи и въ Алжирѣ, армія отвѣчала—нѣтъ.

Политехническая школа вся вотировала *нѣтъ*. Почти всюду артиллерія — которой политехническая школа есть колыбель — вотировала такъ же, какъ и школа.

Сципіонъ Дюма, какъ вы помните, находился въ Мецѣ.

Не знаю, вслѣдствіе какой случайности, артиллерія во всѣхъ другихъ мѣстахъ, высказавшаяся противъ переворота, въ Мецѣ колебалась и, повидимому, склонялась на сторону Бонапарта.

Сципіонъ Дюма, при видѣ этого колебанія, подалъ примѣръ. Онъ вотировалъ вслухъ, открытымъ бюльлетенемъ—*нѣтъ*.

Потомъ подалъ въ отставку. Въ то самое время какъ министръ, въ Парижѣ, получилъ эту просьбу объ отставкѣ, подписанную Сципіономъ Дюма,—Сципіонъ Дюма, въ Мецѣ, получилъ отрѣшеніе за подписью министра.

Послѣ голоса, поданнаго Сципіономъ Дюма, одна и таже мысль, въ одинъ и тотъ же часъ явилась и у правительства, что офицеръ опасенъ и что нельзя болѣе терпѣть его на службѣ; и у офицера—что правительство гнусно и что нельзя болѣе служить ему.

Просьба объ отставкѣ и отрѣшеніе отъ должности встрѣтились на дорогѣ.

Подъ этимъ словомъ отрѣшеніе слѣдуетъ разумѣть отставку. По нынѣшнимъ нашимъ военнымъ законамъ, такимъ образомъ совершается разжалованіе офицера. Лишеніе должности значитъ нѣтъ службы, нѣтъ жалованья, т. е. нищета.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о своемъ увольненіи, Сципіонъ Дюма получилъ извѣстіе о взятіи баррикады въ улицѣ Омеръ и о томъ, что братъ его раненъ въ обѣ ноги. Цѣлую недѣлю онъ ничего не слышалъ объ Оссіанѣ, посреди этого вихря событій.

Самъ Сципіонъ ограничился тѣмъ, что написалъ брату о своемъ *нѣтъ* и о своей отставкѣ и совѣтовалъ ему поступить точно также.

«Его братъ былъ раненъ! Его братъ въ Валь де-Грасѣ!» Онъ тотчасъ же поскакалъ въ Парижъ. Онъ прибѣжалъ въ госпиталь. Его подвели къ кровати Оссіана. Бѣдному молодому человѣку наканунѣ отняли обѣ ноги.

Въ ту минуту, какъ Сципіонъ, глубоко взволнованный, подхо-

дилъ къ нему, Оссіанъ держалъ въ рукѣ крестъ, присланный ему генераломъ Сент-Арно.

Раненый обернулся къ адъютанту, который привезъ его, и сказалъ:

— Мнѣ не надо этого креста... На моей груди онъ былъ бы окрашенъ кровью республики.

Но вдругъ, увидавъ Сципіона, онъ протянулъ къ нему руку, державшую крестъ, и вскричалъ:

— Возьми его ты! Ты сказалъ *нѣтъ* и разбилъ свою шпагу. Ты заслужилъ его!

XV.

Вопросъ выясняется.

Былъ часъ по полудни.

Бонапартъ снова сдѣлался мраченъ. Эти лица проясняются не на долго. Онъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, сѣлъ передъ каминомъ, положивъ ебѣ ноги на рѣшотку и остался неподвиженъ. Никто уже, кромѣ Роге, не приближался къ нему. О чемъ онъ думалъ? Извивы ехидны—неожиданны. О томъ чтò было сдѣлано этимъ человѣкомъ, въ этотъ ужасный день, я говорилъ подробно въ другой книгѣ, «Наполеонъ маленькій».

По временамъ входилъ Роге и сообщалъ ему разныя свѣдѣнія. Бонапартъ слушалъ молча, погруженный въ думы; мраморъ, въ которомъ кипѣла лава.

Онъ получилъ въ Елисейскомъ Дворцѣ тѣ же вѣсти, что и мы: для него—дурныя, для насъ—хорошія.

Въ одномъ изъ вотировавшихъ батальйоновъ было сто шестьдесятъ голосовъ—противъ. Этотъ батальйонъ былъ потомъ расхассированъ по разнымъ полкамъ африканской арміи.

Разсчитывали на 14-й полкъ, стрѣлявшій по народу въ февралѣ 48-го г. Полковникъ 14-го не захотѣлъ снова начинать то же самое. Онъ переломилъ свою шпагу.

Нашъ призывъ былъ, наконецъ, услышанъ. Парижъ, положительно, подымался. Паденіе Бонапарта, казалось, обрисовывалось... Два представителя, Фабье и Крестенъ, встрѣтились въ улицѣ Royale, и Крестенъ, указывая на зданіе національнаго собранія, сказалъ Фабье: *Завтра мы будемъ тамъ.*

Отмѣчу подробность. Мазасъ представлялъ чтò-то необычайное. Въ тюремныхъ порядкахъ замѣчались ослабленія. Внутри тюрьмы какъ будто отозвалось то, чтò происходило за стѣнами ея.

Должностныя лица, накануне столь нагло державшія себя съ представителями, выходившими гулять на лужайку, кланялись имъ теперь до земли. Въ это самое утро, въ четвергъ, 4-го декабря, директоръ тюрьмы посѣтилъ узниковъ и сказалъ: «Я не виноватъ». Онъ принесъ имъ книгъ и бумаги для писемъ, въ чемъ до сихъ поръ отказывали. Представитель Валантенъ сидѣлъ въ секретной. 4-го, по утру, его сторожъ сдѣлался вдругъ любезенъ и изъявилъ готовность доставлять ему извѣстія черезъ жену свою, бывшую служанку генерала Лефлô, какъ онъ увѣрялъ. Знаменательные симптомы. Если тюремщикъ улыбается, значитъ, тюрьма должна отвориться.

Прибавимъ—и это не будетъ противорѣчіемъ—что гарнизонъ Мазаса въ то же время усиливали. Туда ввели еще 1,200 солдатъ, являвшихся отрядами, человѣкъ по сту, и которыхъ размѣщали небольшими кучками. Позже, прибыли еще 400 человѣкъ. Имъ роздали сто литровъ водки; по одному литру на 16 человѣкъ. Узники слышали, какъ разъѣзжала вокругъ тюрьмы, туда и сюда, артиллерія.

Броженіе овладѣло самыми мирными кварталами, но центръ Парижа въ особенности былъ грозенъ. Центръ Парижа, со множествомъ извилистыхъ, одна другую пересѣкающихъ улицъ, какъ будто созданъ для возмущеній. Лига, фронда, революція—полезно напомнить эти факты—14-е іюля, 10 е августа, 1792, 1830, 1848 г. вышли отсюда. Эти старыя, доблестныя улицы пробудились. Въ одиннадцать часовъ утра, на пространствѣ между соборомъ Notre Dame и Сен-Мартенскими Воротами было семьдесятъ семь баррикадъ. Три изъ нихъ, въ улицахъ Maubuée. Bertin-Poirée и Guérin-Boisseau, вышиной достигали до 3-го этажа домовъ. Баррикада у воротъ Сен-Дени смотрѣла почти такъ же грозно какъ и Сент-Антуанская въ 1848. Горсть представителей народа разсыпалась по этимъ знаменитымъ, полнымъ горючаго матерьяла переулкамъ, подобно искрамъ. Пожаръ начался. Старинный, центральный кварталъ парижскаго рынка, des Halles—этого города въ городѣ—кричалъ: «Долой Бонапарта»! Полицію, войско сопровождали свистки. Нѣкоторые полки, казалось, пришли въ смущеніе. Имъ кричали: «приклады вверхъ!» Изъ оконъ верхнихъ этажей женщины ободряли строившихъ баррикады. Былъ порохъ, были ружья. Теперь мы были не одни. Мы видѣли за собой, въ туманѣ, подымавшуюся гигантскую голову народа.

Надежда была теперь на нашей сторонѣ. Колебанія, неизвѣстность кончились, и мы—настаиваю на этомъ—почти съ полнымъ довѣріемъ смотрѣли впередъ.

Была минута, когда, благодаря добрымъ вѣстямъ, со всѣхъ

сторонѣ доходившимъ до насъ, довѣріе это было такъ сильно, что мы, которые поставили свою жизнь на карту, въ этой последней попыткѣ, въ виду близкаго успѣха, казавшагося намъ несомнѣннымъ, вставъ съ своихъ мѣстъ, обнялись преисполненные восторга. Мишель де Буржъ, въ особенности, оскорбленный Бонапартомъ, слову котораго онъ повѣрилъ и о которомъ даже сказалъ: «это—нашъ человѣкъ», негодовалъ, можетъ быть, сильнѣе насъ всѣхъ. Имъ овладѣлъ порывъ какого-то мрачнаго торжества. Онъ ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ: «О! злодѣй! Завтра...» и онъ еще разъ повторилъ свой ударъ... «Завтра, голова его падетъ на Гревской Площади передъ Hôtel de Ville!»

Я смотрѣлъ на него.

— Нѣтъ, сказалъ *я*.—Его голова не падетъ.

— Какъ?

— Я не хочу.

— Почему?

— Потому, что послѣ такого преступленія, оставить въ живыхъ Бонапарта—значитъ уничтожить смертную казнь.

Этотъ великодушный Мишель де-Буржъ нѣсколько минутъ оставался въ задумчивости и потомъ пожалъ мнѣ руку.

Преступленіе — случай, предоставляющій намъ всегда возможность выбора, и потому не разумнѣе ли сдѣлать такъ, чтобы оно повело за собой прогрессъ, улучшеніе, а не казнь. Это понялъ Мишель де Буржъ.

Эта подробность показываетъ, до какой степени мы надѣялись.

Видимость была за насъ, но въ сущности было иное. Сент-Арно, какъ увидятъ, имѣлъ приказанія.

Произошли странныя вещи.

Около полудня, на площади Мадленъ, одинъ генералъ задумчиво сидѣлъ на лошади передъ своимъ войскомъ, имѣвшимъ нерѣшительный видъ. Онъ колебался. Подъѣхала карета. Изъ нея вышла женщина и стала говорить съ генераломъ. Толпа могла ее видѣть. Представитель Раймонъ, жившій на площади Мадленъ, № 4, также видѣлъ ее изъ окна. Эта женщина была г-жа К. Генералъ, нагнувшись къ гривѣ своей лошади, слушалъ и потомъ сдѣлалъ отчаянный жестъ побѣжденнаго. Г-жа К. снова сѣла въ свою карету. Говорятъ, этотъ человѣкъ любилъ эту женщину. Она могла побудить и къ героизму, и къ преступленію, смотря по тому, какая сторона ея красоты, подъ обаяніемъ которой всѣ находились, брала верхъ. Эту странную

красоту составляли: бѣлизна ангела и взглядъ призрака. На этотъ разъ побѣдилъ взглядъ.

Этотъ человѣкъ уже не колебался—онъ примкнулъ къ преступному предпріятію.

Съ двѣнадцати до двухъ часовъ, въ этомъ огромномъ городѣ, отданномъ на жертву неизвѣстности, замѣчалось какое-то мрачное, суровое ожиданіе. Все было спокойно и ужасно. Полки и запряженныя батареи покидали предмѣстья и, безъ шума, скучивались вокругъ бульваровъ. Ни одного крика въ рядахъ войска. Одинъ свидѣтель говоритъ: «солдаты шли съ видомъ добряковъ» (d'un air bonhomme). На набережной Feronnerie, которая съ утра 2-го декабря была запружена батальйонами, теперь оставался только постъ муниципальной стражи. Все стремилось къ центру—народъ такъ же какъ и войско. Молчаніе арміи сообщилось народу. Обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ.

У каждаго солдата былъ трехдневный запасъ провіанта и по шести пачекъ патроновъ.

Впослѣдствіи узнали, что, въ это время, отпускалось каждый день на десять тысячъ франковъ водки въ каждую бригаду.

Около часу, Маньянъ отправился въ Hôtel de Ville, велѣлъ въ своемъ присутствіи запречь всѣ пушки резервнаго парка и не прежде уѣхалъ, какъ удостовѣрившись, что всѣ батареи были готовы двинуться.

Дѣлались разныя подозрительныя приготовленія. Около полудня, въ Монмартрскомъ Предмѣстьѣ, въ домѣ № 2, больничные служители устроили нѣчто въ родѣ обширнаго перевязочнаго пункта. Нагромоздили множество носилокъ. Къ чему все это? говорила толпа. Докторъ Девиллъ, лечившій раненаго Эспинаса, встрѣтивъ его на бульварѣ, спросилъ: «До чего вы намѣрены идти?» Отвѣтъ Эспинаса историческій. Онъ отвѣчалъ: «До конца».

Въ два часа, пять бригадъ де Котта, Бургона, Канробера, Дюлака и Рейбеля, пять артиллерійскихъ батарей, 16,400 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, уланы, кирассиры, гренадеры и канониры, были разставлены, неизвѣстно зачѣмъ, между улицей Мира и предмѣстьемъ Пуассоньеръ. Пушки стояли при входѣ въ каждую улицу. На одномъ пуассоньерскомъ бульварѣ ихъ было одиннадцать, выстроенныхъ въ батареи. Пѣхотинцы стояли подъ ружьемъ, кавалеристы обнажили сабли. Что это значило? Это была рѣдкость; это стоило посмотрѣть, и по обѣимъ сторонамъ, съ тротуаровъ, изъ лавокъ, изъ оконъ всѣхъ этажей удивленная, ироническая, довѣрчивая толпа смотрѣла...

Мало-по-малу, однакожъ, эта довѣрчивость исчезала. Иронія уступала мѣсто изумленію, изумленіе переходило въ оцѣпене-

ніе. Тѣ, которые пережили эту необычайную минуту, не забудутъ ея. Очевидно было, что подъ этимъ что-то скрывалось. Но что? Повсюду глубокій мракъ. Представьте себѣ Парижъ въ погребѣ. Всѣ чувствовали надъ собой низкій потолокъ. Всѣ были словно замурованы въ неожиданномъ и неизвѣстномъ. Угадывалось присутствіе чьей-то таинственной воли. Но что за бѣда! Мы были сильны... Мы назывались республика, Парижъ, Франція... Чего же было бояться? Нѐчего. И толпа кричала: «Долой Бонапарта!» Войско продолжало молчать, но сабли оставались обнаженными, и зажженый фитиль дымился на углахъ улицъ. Туча становилась каждую минуту все чернѣй, все беззвучнѣе, все нѣмѣй... Эта густота мрака была трагическая. Чувствовалось, что все клонится къ катастрофѣ, чувствовалось присутствіе злоумышленника. Измѣна подкрадывалась въ этой темнотѣ, а кто можетъ предвидѣть, гдѣ остановится преступная мысль, скользящая по склону, созданному событіями?

Что должно было выйдти изъ этого мрака?..

XXI.

Избіеніе.

Вдругъ открылось окно, окно въ адъ. Еслибы Дантъ взглянулъ съ вышины, изъ царства тѣней, онъ увидѣлъ бы въ Парижѣ восьмой кругъ своей поэмы: монмартрскій бульваръ.

Парижъ—сдѣлавшійся добычею Бонапарта. Чудовищное зрѣлище!

Вооруженные люди, собранные на этомъ бульварѣ, почувствовали, что въ нихъ вселился страшный духъ. Они перестали быть самими собой и превратились въ демоновъ. Не было болѣе ни одного французскаго солдата; были какіе-то призраки, выполняющіе ужасное дѣло. Не было болѣе знамени, не было закона, не было человѣчества, не было отчизны, не было Франціи! Принялись убивать.

Нѣтъ! мы не приписываемъ французкой арміи того, что совершилось въ этотъ моментъ затмѣнія чести.

Исторія представляетъ намъ много примѣровъ рѣзни; они отвратительны, безъ сомнѣнія, но они имѣли какое нибудь основаніе. Варѳоломеевская ночь и драгонады объяснялись религіей; сицилійскія вечерни и сентябрскія убійства объяснялись отечествомъ—уничтожаютъ врага, уничтожаютъ чужестранца. Престу-

пленія подъ хорошими предлогами. Но рѣзня на монмартрскомъ бульварѣ есть преступленіе, неизвѣстно за чѣмъ совершенное.

И, однакоже, причина существуетъ. Она ужасна, укажемъ ее.

Двѣ вещи существуютъ въ государствѣ: законъ и народъ. Человѣкъ убиваетъ законъ. Онъ чувствуетъ, что наказаніе приближается. Ему остается только одно: убить народъ. Онъ убиваетъ народъ.

2-е декабря, это—рискъ. 4-е, это—увѣренность.

На пробуждающееся негодованіе дѣйствуютъ страхомъ.

Эта Эвменида—правосудіе, останавливается въ оцѣпененіи передъ этой фуріей — Истребленіе. Эриннисѣ противупоставляютъ Медузу.

Обратить въ бѣгство Немезиду—какое страшное торжество!

На долю Луи Бонапарта выпала эта слава, которая есть вершина его позора.

Разскажемъ объ этомъ; разскажемъ о томъ, чего еще не видала исторія: объ убійствѣ народа однимъ человѣкомъ. По данному сигналу — это былъ ружейный выстрѣлъ, сдѣланный неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно кѣмъ—въ народъ пустили картечью. Картечь—тоже толпа. Это—множество смертей. Она не знаетъ, куда летитъ и что̀ дѣлаетъ. Она убиваетъ и летитъ дальше.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, у ней есть что̀-то въ родѣ души. Она пущена намѣренно; она исполняетъ чужую волю. Эта минута была невыразимая. Словно горсть молній разсыпалась надъ народомъ. Ничего не могло быть проще. Это имѣло ясность рѣшенной задачи: картечь раздавила толпу. Что̀ вы тутъ дѣлаете? Умирайте! Быть прохожимъ — преступленіе. Зачѣмъ вы на улицѣ? Зачѣмъ переходите дорогу правительству? Правительство — убійца! Что̀ разъ объявили, то̀ нужно же сдѣлать! Что̀ начато, то̀ должно быть кончено! Если спасаютъ общество, то нужно же уничтожить народъ.

Развѣ не существуетъ общественныхъ нуждъ? Развѣ Вейль не долженъ получать 87 тысячъ франковъ въ годъ, а Флёри—95? Развѣ Манжо, епископъ Нансійскій, не долженъ получать 342 франка въ день, а Вальянъ—168; а С. Арно—822, а Бассано и Камбсаресъ по 383 франка каждый? Развѣ Луи Бонапартъ не долженъ получать 76,712 франковъ въ день? Императоромъ Франціи нельзя быть за меньшую плату.

Въ одно мгновеніе она на бульварѣ, на протяженіи четверти льё, произошла бойня. Одиннадцать пушекъ разрушили отель Салландрузъ. Двадцать восемь домовъ были насквозь пробиты ядрами. Цѣлый парижскій кварталъ бѣжалъ, спасаясь, съ раздирающимъ крикомъ. Повсюду—внезапная смерть. Человѣкъ ни-

чего не ждалъ — вдругъ нападетъ. Откуда это идетъ? Свыше, говорятъ молебны епископовъ. Снизу, говоритъ истина. Изъ болѣе низкаго мѣста, чѣмъ каторга, чѣмъ преисподняя.

Это—мысль Калигулы, приведенная въ исполненіе Папавуаномъ.

Ксавье Дюррьё приходитъ на бульваръ. Онъ разсказывалъ: «*я сдѣлалъ шестьдесятъ шаговъ и видѣлъ шестьдесятъ труповъ*»; и онъ отступаетъ. Быть на улицѣ—преступленіе; оставаться у себя дома—преступленіе. Убійцы входятъ въ домà и рѣжутъ. На ихъ гнусномъ, разбойническомъ арго это называлось «*chaparder*». «*Chapardons tout!*» кричали солдаты.

Аддъ, книгопродавецъ, на бульварѣ Пуассоньеръ № 17, стоитъ въ дверяхъ своей лавки—его убиваютъ. Въ ту же минуту, весьма далеко оттуда, потому что избіеніе происходитъ на обширномъ пространствѣ—въ улицѣ Ланкри, владѣлецъ дома № 5, г. Тиріонъ де-Монтобанъ стоитъ у себя на крыльцѣ, его убиваютъ. Въ улицѣ Тикстоннъ, проходитъ семилѣтній ребенокъ, по имени Бурсье—его убиваютъ. Мадмуазель Сулакъ въ улицѣ Тампль № 196, открываетъ своё окно—ее убиваютъ. Въ той же улицѣ № 97, двѣ женщины, г-жи Видаль и Рабуассонъ, швеи, сидятъ у себя. Ихъ убиваютъ. Бельваль мебельщикъ въ улицѣ Луны, № 10, сидитъ у себя—его убиваютъ. Дебекъ, нагоціантъ въ улицѣ Сантье № 45, Куверсеклъ цвѣточникъ, въ улицѣ С-Дени № 257, Лабиттъ, ювелиръ на С-Мартенскомъ бульварѣ № 55, Монпеласъ, парфюмёръ, въ С-Мартенской улицѣ № 182—всѣ четверо убиты у себя дома. Въ С-Мартенской улицѣ № 240, изранили саблями бѣдную золотошвейку, мадмуазель Сегенъ, которая, не имѣя средствъ платить доктору, умерла въ больницѣ 1-го января 1852, г. въ тотъ самый день, когда епископъ Сибуръ служилъ благодарственный молебенъ въ соборѣ Парижской Богоматери. Другая, жилетница, Франсуаза Ноэль, въ которую выстрѣлили въ улицѣ Фобур-Монмартръ, умерла въ больницѣ Милосердія. Еще другая, г-жа Ледо, жившая въ пассажѣ du Caire, № 76, и раненая картечью передъ епископскимъ домомъ, умерла въ Моргѣ. Прохожія, мадмуазель Грессье, жившая въ С-мартенскомъ предмѣстьѣ № 209, г-жа Гиларъ, жившая въ предмѣстьи С-Дени, № 77, г-жа Гарнье, жившая на бульварѣ Bonne Nouvelle № 6, пораженныя картечью, первая—на монмартрскомъ бульварѣ, двѣ другія—на бульварѣ С-Дени, упали, но были еще живы. Пытаясь подняться, онѣ сдѣлались мишенью для солдатъ, которые покатывались со смѣху, цѣлясь въ нихъ, и на этотъ разъ онѣ уже упали мертвыя. Были блистательные воинскіе подвиги. Такъ, напр.: въ улицѣ Мира, полковникъ Рошфоръ—вѣроятно получившій за это генерала —

*

командуя уланскимъ полкомъ, ударилъ на нянекъ, шедшихъ съ дѣтьми, и разбилъ ихъ на голову.

Такова была эта невообразимая экспедиція. Всѣ люди, участвовавшіе въ ней, дѣйствовали подъ вліяніемъ темныхъ силъ. У каждаго было что-то подталкивавшее его. Эрбиньонъ имѣлъ позади себя Заатчу; С-Арно—Кабилію; Рено—дѣло при деревняхъ Сент-Андре и Сент-Ипполитъ; Эспинасъ—Римъ и приступъ 30-го іюня; Маньянъ—свои долги.

Нужно ли продолжать? Колеблешься. Докторъ Пике, семидесятилѣтній старикъ, былъ убитъ въ своей гостиной, пулей въ животъ; художникъ Жолливаръ передъ своимъ мольбертомъ, пулей въ лобъ. Мозгъ его забрызгалъ его картину. Англійскій капитанъ Уильямъ Джэссъ избѣжалъ пули, пробившей потолокъ надъ его головой. Въ книжной лавкѣ, сосѣдней съ магазинами подъ фирмой Prophète, отецъ, мать и двѣ дочери были изрублены саблями; другого книгопродавца, Лефолеля, разстрѣляли въ его магазинѣ, на бульварѣ Пуассоньеръ. Въ улицѣ Лепельтье, аптекаря Бойе, сидѣвшаго за своей конторкой, закололи уланы. Одинъ капитанъ, уничтожая передъ собой все, взялъ приступомъ домъ «du Grand Balcon». Въ музыкальномъ магазинѣ Брандюса былъ убитъ слуга; и Рейбель, сквозь дождь картечи, говорилъ Саксу: «я тоже за музыку принялся». Кафе Леблонъ разграбили. Въ домъ Билькова было пущено столько ядеръ, что на другой день оказалось нужнымъ приставить къ нему подпорки. Передъ домомъ Жувена лежала куча труповъ; и между прочимъ, какой-то старикъ съ зонтикомъ и молодой человѣкъ съ лорнетомъ. Hôtel de Castille, Maison-Dorée, La petite Jeanette, Café de Paris, Café d'Angletterе, въ продолженіи трехъ часовъ, служили мишенью для пушекъ. Домъ Ракено былъ разрушенъ гранатами. Ядра разрушили базаръ Monmartre.

Никому не удавалось уйдти отъ смерти: ружья и пистолеты работали въ упоръ.

Это было не задолго до новаго года; и во многихъ лавкахъ были выставлены игрушки. Въ пассажѣ Сомонъ, тринадцатилѣтній ребенокъ, бѣжавшій отъ ружейныхъ выстрѣловъ, спрятался въ одной изъ такихъ лавокъ, подъ грудой игрушекъ. Его нашли и убили. Убійцы со смѣхомъ повертывали свои сабли въ его ранахъ. Одна женщина говорила мнѣ: «по всему пассажу разносились крики бѣдненькаго малютки». Четыре человѣка были разстрѣляны передъ той же лавкой. Офицеръ говорилъ имъ: «это васъ научитъ шляться!» Пятый, по имени Мальяре, котораго сочли мертвымъ, получилъ одиннадцать ранъ и былъ на

другой день отнесенъ въ больницу Милосердія. Тамъ онъ и умеръ. Стрѣляли въ погреба сквозь отверстія.

Кожевникъ, по имени Муленъ, спрятавшійся въ одинъ изъ такихъ погребовъ, видѣлъ изъ окна погреба, какъ одинъ прохожій, раненый въ бедро, присѣлъ на мостовую: онъ прислонился спиной къ стѣнѣ и хрипѣлъ. Солдаты, услышавъ это хрипѣнье, прибѣжали и добили раненаго штыками.

Одна бригада убивала прохожихъ на пространствѣ между Мадленой и Оперой. Другая—между Оперой и театромъ Gymnase, третья между бульваромъ Bonne Nouvelle и воротами С.-Дени. Послѣ того какъ 75-й полкъ овладѣлъ баррикадой у воротъ С-Дени, борьбы больше не было, была только рѣзня; она шла отъ бульвара по всѣмъ окружающимъ улицамъ, «лучами» (ужасное, но вѣрное выраженіе). Это былъ чудовищный спрутъ, вытягивавшій свои щупальцы. Бѣжать? Зачѣмъ? Спрятаться? Что проку? Смерть бѣжала за вами, быстрѣе васъ. Въ улицѣ Pagevin одинъ солдатъ сказалъ прохожему: «что вы тутъ дѣлаете?»—«Я возвращаюсь домой».—Солдатъ убиваетъ прохожаго. Въ улицѣ Маре убиваютъ четырехъ молодыхъ людей, у нихъ на дворѣ. Полковникъ Эспинассъ кричалъ: *«послѣ штыковъ—пушки!»* Полковникъ Рошфоръ кричалъ: *«Бей, коли, рѣжь!»* и прибавлялъ:—*«Это—экономія пороху, да и меньше шуму»*. Передъ магазиномъ Барбедіеннъ, одинъ офицеръ хвалился передъ товарищами своимъ оружіемъ. Онъ говорилъ: *«изъ этого ружья я отлично попадаю между глазъ»*. Потомъ онъ прицѣливался въ перваго встрѣчнаго и дѣйствительно попадалъ. Бойня была неистовая, френетическая. Между тѣмъ какъ на бульварѣ избивали народъ подъ начальствомъ Карреле, бригада Бургона свирѣпствовала въ Тамплѣ, а бригада Марюлаза—въ улицѣ Рамбюто. Дивизія Рено отличалась на лѣвомъ берегу. Рено былъ тотъ самый генералъ, который въ Маскарѣ подарилъ Шаррасу свои пистолеты. Въ 1848 г. онъ говорилъ Шаррасу. «Нужно распространить революцію по всей Европѣ». Шаррасъ отвѣчалъ ему: «Потише! не торопитесь Луи Бонапартъ, въ іюлѣ 1851 г., сдѣлалъ его дивизіоннымъ генераломъ. Улица aux Ours въ особенности пострадала. Морни говорилъ вечеромъ Луи Бонапарту: «спасибо 15-му. Онъ очистилъ улицу aux Ours.»

На углу улицы du Sentier, офицеръ спаговъ, махая саблей, кричалъ: *«не то, не то! Вы ничего не смыслите. Стрѣляйте въ женщинъ»*. Одна женщина бѣжала. Она была беременна. Она падаетъ. Ей наносятъ ударъ прикладомъ, и она рожаетъ. Другая, растерянная, хочетъ скрыться за поворотомъ улицы. Она несетъ на рукахъ ребёнка. Двое солдатъ прицѣливаются. Одинъ гово-

рить: *«въ женщину!»* и кладетъ ее на мѣстѣ. Ребёнокъ падаетъ на мостовую. Другой солдатъ говоритъ *«въ ребенка!»* и убиваетъ ребёнка.

Человѣкъ, извѣстный въ наукѣ, докторъ Жерменъ Сее (Sée), разсказываетъ, что въ одномъ только домѣ, гдѣ помѣщаются ванны Жуванса, въ шесть часовъ вечера, лежало на дворѣ подъ навѣсомъ, до восьмидесяти раненыхъ, почти все старики, женщины и дѣти. Докторъ Сее подалъ имъ первую помощь.

Въ улицѣ Mandar, говоритъ одинъ свидѣтель, тянулся длинный рядъ труповъ вплоть до улицы Neuve st. Eustache. Передъ домомъ Одье двадцать шесть труповъ. Тридцать—передъ отелемъ Монморанси. Передъ театромъ Variétés—пятьдесятъ два трупа; между ними одиннадцать женскихъ. Въ Улицѣ Grange Batelière три обнаженные трупа. Домъ № 19 въ Монмартрскомъ Предмѣстьѣ былъ наполненъ убитыми и ранеными.

Женщина, съ распущенными волосами, съ поднятыми къ небу руками, совсѣмъ обезумѣвшая, бѣжала по улицѣ Пуассоньеръ крича: «убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ!»

Солдаты бились объ закладъ: «Побьемся, что я уложу вотъ этого!» Такъ былъ убитъ возвращавшійся къ себѣ домой, въ улицу Мира, въ № 82, графъ Понинскій.

Я хотѣлъ лично узнать, въ чемъ дѣло. Въ нѣкоторыхъ фактахъ должно лично удостовѣриться для того, чтобъ сказать утвердительно, что они существовали. Я пошелъ на мѣсто убійства.

Въ эти минуты гнетущей тоски такъ много чувствуешь, что перестаешь думать, а если и думаешь, то какъ-то безсвязно. Желаешь только скорѣе какого-нибудь конца. Смерть другихъ вселяетъ въ тебя такое отчаяніе, что является жажда собственной смерти.—Еслибы, умирая, на что-нибудь пригодиться, по крайней мѣрѣ. Начинаешь припоминать тѣхъ, чья смерть вызывала возстанія, месть. Быть полезнымъ трупомъ—вотъ единственное честолюбіе, какое еще у тебя остается.

Я шелъ, погруженный въ мрачную задумчивость.

Я направлялся къ бульвару. Я видѣлъ там адъ; я слышалъ громъ.

Мнѣ встрѣтился Жюль-Симонъ, который, въ эти ужасные дни, мужественно подвергалъ опасности драгоцѣнную жизнь. Онъ остановилъ меня. «Куда вы идете? сказалъ онъ мнѣ.—Васъ убьютъ. Чего вы хотите?»—«Именно этого», сказалъ я.

Мы пожали другъ другу руку.

Я пришелъ на бульваръ. Онъ представлялъ зрѣлище невообразимое. Я видѣлъ это преступленіе, эту бойню, эту трагедію. Я видѣлъ эту слѣпую смерть, видѣлъ, какъ падали вокругъ ме-

ня толпой обезумѣвшія отъ ужаса жертвы. Вотъ почему я назвалъ эту книгу показаніемъ *свидѣтеля.*

У судьбы есть свои намѣренія. Она таинственно охраняетъ будущаго историка. Она допускаетъ его вмѣшаться въ борьбу, присутствовать при истребленіи и рѣзнѣ; но не дозволяетъ умереть, *желая*, чтобъ онъ разсказалъ о нихъ.

Переходя обстрѣливаемый картечью бульваръ, я увидѣлъ шедшаго мнѣ на встрѣчу Ксавье Дюррьё. «А! вотъ и вы, сказалъ онъ мнѣ.—Я сейчасъ встрѣтилъ г-жу Д. Она васъ ищетъ!»

Г-жа Д. и г-жа Р., двѣ великодушныя женщины, обѣщали больной и лежавшей въ постели женѣ моей узнать, гдѣ я нахожусь, и принести обо мнѣ извѣстіе. Г-жа Д. героически пустилась отъискивать меня въ этой бойнѣ. Съ нею случилось слѣдующее: на углу одной улицы она наткнулась на груду труповъ и имѣла мужество возмутиться. При вырвавшемся у нея крикѣ ужаса, за нею погнался всадникъ съ пистолетомъ въ рукѣ, и еслибъ ей не удалось быстро отворить одну дверь, въ которую она бросилась, она была бы убита.

Число погибшихъ въ этой ужасной бойнѣ осталось неизвѣстнымъ. Бонапартъ набросилъ на него покровъ тайны. Это—привычка избивающихъ; они не допускаютъ исторію подводить итогъ избіеннымъ. Одинъ изъ двухъ полковниковъ, о которыхъ было упомянуто на первыхъ страницахъ этого тома, утверждалъ, что только однимъ его полкомъ убито по крайней мѣрѣ 2,500 человѣкъ. Это приходилось бы болѣе одного человѣка на солдата. Намъ кажется, что этотъ ревностный полковникъ преувеличиваетъ. Преступленіе иногда хвастаетъ чернотой.

Лирё, писатель, котораго схватили для того, чтобы разстрѣлять, и который спасся какимъ-то чудомъ, говоритъ, что онъ видѣлъ болѣе восьмисотъ труповъ.

Около четырехъ часовъ, почтовыя кареты, стоявшія на дворѣ Елисейскаго Дворца, были отпряжены. Это истребленіе, которое одинъ англійскій свидѣтель Уильямъ Джессъ называлъ пальбой «отъ веселаго сердца», длилась отъ двухъ до пяти часовъ. Въ продолженіе этихъ ужасныхъ трехъ часовъ, Луи Бонапартъ исполнилъ задуманное имъ, довершилъ свое дѣло. До этой минуты несчастная, маленькая буржуазная совѣсть была почти снисходительна. Ну, что за бѣда! Это—игра принца, фокусъ въ большихъ размѣрахъ, нѣчто въ родѣ государственнаго мошенничества. Скептики и способные говорили: «Славную штуку сыграли съ этими дураками» (съ нами). Вдругъ Луи Бонапартъ, которымъ овладѣло безпокойство, долженъ былъ разоблачить «всю свою политику». *Скажите С. Арно, чтобъ онъ исполнилъ*

мои приказанія. Сент-Арно повиновался, переворотъ совершилъ то, что̀ ему слѣдовало совершить по закону вещей, и съ этой страшной минуты, огромный ручей крови протекаетъ черезъ это преступленіе.

Трупы оставляли на мостовой, блѣдные, оцѣпенѣвшіе отъ испуга и съ вывороченными карманами. Солдатъ, исполняющій приказанія злодѣевъ, осужденъ на это мрачное crescendo: утромъ—убійца, вечеромъ—воръ.

Съ наступленіемъ ночи, въ Елисейскомъ Дворцѣ началось ликованіе. Эти люди торжествовали. Конно наивно разсказалъ эту сцену. Приближенные отдались безумному восторгу. Фіаленъ говорилъ Бонапарту: *ты*. «Отвыкните отъ этого», сказалъ ему вполголоса Вьельяръ. Дѣйствительно, эта бойня дѣлала Бонапарта императоромъ. Онъ теперь былъ «Величество». Пили, курили, какъ солдаты на бульварѣ, которые послѣ дня, проведеннаго въ убійствахъ, всю ночь пропьянствовали. Елисейцы были въ восхищеніи отъ удачи. Они удивлялись, приходили въ экстазъ. «Какая великолѣпная мысль озарила принца»! И какъ это было мастерски ведено. Это получше, чѣмъ бѣжать черезъ Діеппъ, подобно д'Оссе, или черезъ Мамброль подобно Гернонъ-Ранвилю; или чѣмъ нарядиться лакеемъ и чистить башмаки г-жи Сенъ Фаржо, какъ это сдѣлалъ Полиньякъ. «Гизо былъ то же не искуснѣе Полиньяка!» вскричалъ Персиньи.—Флёри обратился къ Морни: «Вашимъ доктринёрамъ, я полагаю, не удалось бы сдѣлать переворота?»—«Это правда», отвѣчалъ тотъ.—Они на этотъ счетъ плохи»... онъ прибавилъ:—и однакожъ Луи Филиппъ, Гизо, Тьеръ, всё это—умные люди...

Луи Бонапартъ, вынувъ изо рта сигару, прервалъ:—Если это—умные люди, то я предпочитаю быть дуракомъ...

— Дикимъ звѣремъ, поправляетъ исторія.

XVII.

Свиданіе, назначенное рабочимъ ассоціаціямъ.

Что̀ дѣлалъ нашъ комитетъ, во время этихъ трагическихъ событій? Необходимо сказать объ этомъ.

Возвратимся за нѣсколько часовъ назадъ.

Въ ту минуту, какъ началась бойня, комитетъ засѣдалъ еще въ улицѣ Ришельё: я только-что посѣтилъ нѣкоторые возставшіе кварталы и давалъ своимъ сотоварищамъ отчетъ о своей поѣздкѣ.

Мадье де-Монжо, также возвратившійся съ баррикадъ, въ свой чередъ разсказалъ то, что онъ видѣлъ самъ. Мы слышали съ нѣкотораго времени страшную пальбу, и очень близкую, которая перемѣшивалась съ нашими голосами. Вдругъ пришелъ Версиньи. Онъ сообщилъ намъ, что на бульварѣ происходитъ нѣчто ужасное—что нельзя еще знать въ чемъ дѣло, но что стрѣляютъ картечью и ядрами и вся мостовая усѣяна трупами; что, по всей вѣроятности это—рѣзня, нѣчто въ родѣ варѳоломеевской ночи, импровизированной переворотомъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ обыскиваютъ домà и всѣхъ убиваютъ. Убійцы ходятъ изъ дома въ домъ и приближаются къ намъ. Онъ убѣждалъ насъ тотчасъ же оставить домъ Греви. Ясно, что комитетъ возстанія былъ бы находкой для ихъ штыковъ. Мы рѣшились уйти. Человѣкъ высокаго характера и талантливый, г. Дюпонъ-Витъ, предложилъ намъ убѣжище у себя, въ улицѣ Монтаборъ, № 11. Мы прошли черезъ черную лѣстницу, выходившую въ улицу Фонтенъ-Мольеръ, но не спѣша и по двое: Мадье де-Монжо съ Версиньи, Мишель де-Буржъ съ Карно, я шелъ подъ руку съ Жюль-Фавромъ. Жюль-Фавръ, всегда мужественный и улыбающійся, повязалъ себѣ ротъ фуляромъ и сказалъ мнѣ:—«пускай меня разстрѣливаютъ, но кашля я не хочу нажить».

Мы достигли съ Жюль-Фавромъ улицы Saint Roch, наводненней толпой прохожихъ, которые, возвращаясь со стороны бульваровъ, скорѣй бѣжали въ испугѣ, нежели шли. Мужчины говорили громко, женщины кричали. Слышались пушечные выстрѣлы и трескъ картечи. Всѣ лавки запирались. Де-Фаллу, подъ руку съ Альберомъ Рессегье, большими шагами шли по направленію къ улицѣ Сент-Оноре.

Вся улица Сент-Оноре была въ смятеніи. Люди сновали туда и сюда, останавливались, бѣжали, распрашивали другъ друга. Купцы, стоя у своихъ пріотворенныхъ дверей, обращались къ прохожимъ съ вопросами и слышали только крикъ: «О, Боже, Боже!» Жители выходили изъ своихъ домовъ съ открытой головой и примѣшивались къ толпѣ. Шелъ мелкій дождь. Ни одного экипажа на улицѣ.

При поворотѣ изъ улицы Saint-Roch въ улицу Сент-Оноре, мы услышали за собой голоса, говорившіе: Викторъ Гюго убитъ.— «Пока еще нѣтъ», сказалъ Жюль-Фавръ, продолжая улыбаться и сжавъ мнѣ локоть. Наканунѣ говорили тоже самое Эскиросу и Мадье де-Монжо. И этотъ слухъ, пріятный людямъ реакціи, дошелъ до моихъ сыновей, сидѣвшихъ въ Консьержери.

Толпы прохожихъ, оттѣсненныхъ отъ бульваровъ и улицы Ришельё, направлялись въ улицу Мира. Мы узнали нѣсколькихъ

представителей правой, за два дня передъ тѣмъ арестованныхъ и уже выпущенныхъ. Г. Бюффе, бывшій министръ г. Бонапарта, въ сопровожденіи многихъ другихъ членовъ правой, шелъ въ Пале-Руайялю. Проходя мимо насъ, онъ съ проклятіемъ произносилъ имя Луи Бонапарта. Г. Бюффе—человѣкъ не безъ значенія. Это одинъ изъ трехъ руководителей правой, остальные два—Фульдъ и Моле.

Въ улицѣ Монтаборъ, въ двухъ шагахъ отъ улицы Сент-Оноре—тишина и молчаніе. Ни одного прохожаго, ни одной отворенной двери, ни одной головы въ окнахъ.

Въ комнатѣ третьяго этажа, куда насъ ввели, спокойствіе было не менѣе полное. Окна ея выходили на внутренній дворъ. Пять или шесть креселъ, обитыхъ краснымъ, были разставлены вокругъ камина. На столѣ лежало нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ къ области права и политической экономіи. Представители, шумно вошедшіе почти вслѣдъ за нами, бросали въ уголъ этой мирной гостиной, какъ попало, свои зонтики и плащи, по которымъ струилась вода. Никто не зналъ въ точности, что̀ происходило; каждый выражалъ свои предположенія.

Едва комитетъ успѣлъ размѣститься въ сосѣдней съ гостиной комнатѣ, какъ намъ сообщили о приходѣ нашего стараго товарища Леблона. Онъ привелъ съ собой Кинга, делегата отъ рабочихъ ассоціацій. Делегатъ сказалъ намъ, что комитеты ассоціацій, собравшіеся въ непрерывное засѣданіе, прислали его къ намъ. Согласно инструкціямъ комитета возстанія, они дѣлали все, что̀ могли, для того чтобы затянуть борьбу, избѣгая слишкомъ рѣшительныхъ столкновеній. Главная часть ассоціацій еще не выступала. Но дѣйствіе, однакожь, обозначается. Бой впродолженіе всего утра былъ очень жаркій. «Общество Правъ Человѣка» было на улицѣ. Бывшій конституціоналистъ Белэ собралъ въ пассажѣ du Caire, отъ шести до семи сотъ рабочихъ изъ Марэ и велѣлъ имъ занять позицію вокругъ банка. Вечеромъ будутъ воздвигнуты, по всей вѣроятности, новыя баррикады; сопротивленіе ускориваетъ свою дѣятельность; и стычка, которую комитетъ желалъ отдалить по возможности, казалась неизбѣжной. Всё неудержимо стремится впередъ. Слѣдовать ли за этимъ движеніемъ, или остановить его? Попытаться ли кончить однимъ ударомъ, который будетъ послѣднимъ и, очевидно, положитъ на мѣстѣ или имперію, или республику? Рабочія ассоціаціи требовали нашихъ инструкцій; онѣ еще все удерживаютъ въ резервѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ бойцовъ и могутъ, смотря потому какое приказаніе получатъ отъ комитета, продолжать ихъ удерживать, или тотчасъ же послать ихъ въ огонь. Они

ручаются за своихъ единомышленниковъ и поступать такъ, какъ рѣшитъ комитетъ; хотя не скрываютъ отъ насъ, что рабочіе желали бы немедленной битвы и что дать имъ успокоиться едвали будетъ полезно.

Большинство членовъ комитета, по прежнему, склонялось къ нѣкоторой медлительности дѣйствій, имѣвшей цѣлью затянуть борьбу; и трудно было не согласиться съ этимъ. Ясно было, что, если можно продлить до слѣдующей недѣли то положеніе, въ которое Парижъ поставленъ переворотомъ, то Луи-Бонапартъ погибъ. Парижъ не дастъ войску попирать его ногами въ теченіи восьми дней. Но что касается до меня лично, то у меня являлось слѣдующее соображеніе: рабочія ассоціаціи предлагали намъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ бойцовъ: помощь значительная. Работникъ плохо понимаетъ стратегію. Онъ живетъ энтузіазмомъ: промедленія сбиваютъ его съ толку. Его пылъ не гаснетъ, но охлаждается. Сегодня три тысячи; будетъ ли завтра пять сотъ? И потомъ что̀-то важное произошло на бульварахъ. Что̀ именно—мы все еще не знали. Къ какимъ результатамъ это поведетъ—мы не могли угадать. Но мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ этотъ фактъ, хотя еще неизвѣстный, но, во всякомъ случаѣ, кровавый, не измѣнилъ положенія, а слѣдовательно, и нашего плана дѣйствій. Я сталъ говорить въ этомъ смыслѣ. Я объявилъ, что нужно было принять предложеніе ассоціацій и тотчасъ же ввести ихъ въ борьбу. Я прибавилъ, что революціонная война часто требуетъ внезапныхъ перемѣнъ тактики. Генералъ, въ открытомъ полѣ, можетъ дѣйствовать ка̀къ онъ хочетъ. Вокругъ него свѣтло. Онъ знаетъ наличный составъ войска, число своихъ солдатъ, цифру своихъ полковъ; столько-то людей, столько-то лошадей, столько-то пушекъ; онъ знаетъ свою силу и силу непріятеля; онъ выбираетъ часъ и мѣсто, у него передъ глазами карта, онъ видитъ что̀ дѣлаетъ.

Онъ спокоенъ на счетъ своего резерва, который никуда не уйдетъ отъ него, который всегда у него подъ рукой. Онъ можетъ употребить его въ дѣло, когда захочетъ. «Но мы, вскричалъ я:—мы находимся въ области неопредѣленнаго, неуловимаго. Мы идемъ на рискъ, мы во власти случайностей. Кто противъ насъ—мы видимъ. Но кто за насъ—мы не знаемъ. Сколько солдатъ? Сколько ружей? Сколько патроновъ? Ничего! и мракъ. Можетъ быть, весь народъ, можетъ быть—никто. Беречь резервъ! Но кто намъ отвѣчаетъ за этотъ резервъ? Сегодня это—армія, завтра—горсть пыли. Мы видимъ ясно одно—нашъ долгъ; что касается до всего остальнаго—темная ночь. Мы даемъ слѣпую битву. Будемъ наносить всѣ удары, какіе возможно наносить; пойдемъ

прямо на встрѣчу случаю; ринемся въ опасность и будемъ вѣрить, потому что мы—законъ, мы—справедливость! Богъ долженъ быть съ нами—въ этомъ мракѣ. Примемъ эту гордую и злополучную роль—безоружнаго и борящагося права!»

Лебланъ и Кингъ, спрошенные комитетомъ, примкнули къ моему мнѣнію. Комитетъ рѣшилъ, что ассоціаціи будутъ приглашены, отъ нашего имени, немедленно собрать всѣ свои силы и вывести ихъ на улицу. «Но мы ничего не оставляемъ на завтрашній день! возразилъ одинъ изъ членовъ комитета.—Какой союзникъ будетъ у насъ завтра?»—«Побѣда!» сказалъ Жюль Фавръ.— Карно и Мишель де-Буржъ замѣтили, что было бы не безполезно членамъ ассоціацій, принадлежавшимъ къ національной гвардіи, надѣть свои мундиры.—Такъ и условились.

Делегатъ Кингъ всталъ. «Граждане представители! сказалъ онъ намъ:—Приказанія будутъ немедленно отданы. Наши друзья готовы. Черезъ нѣсколько часовъ они соберутся. Въ эту ночь—баррикады и битва!»

Я спросилъ его: «Не признаете ли вы полезнымъ, чтобы кто нибудь изъ представителей, членъ комитета, нынѣшней ночью находился посреди васъ, въ своемъ шарфѣ?»

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.

— Я готовъ идти съ вами. Возьмите меня, сказалъ я.

— Мы пойдемъ всѣ! вскричалъ Жюль Фавръ.

Делегатъ замѣтилъ, что достаточно, если одинъ изъ насъ будетъ присутствовать при выступленіи ассоціацій, и что потомъ дадутъ знать остальнымъ членамъ комитета, которые могутъ присоединиться къ нему.

Мы условились, что, когда пункты сбора и мѣсто свиданія будутъ назначены, онъ пришлетъ кого нибудь увѣдомить меня и проводить къ ассоціаціямъ.—Не пройдетъ часа, какъ вы получите отъ меня извѣстіе, сказалъ онъ мнѣ, оставляя насъ.

Въ ту минуту, какъ делегаты уходили, пришелъ Матьё (изъ департамента Дромы). Онъ остановился на порогѣ, блѣдный, и закричалъ намъ: «Вы болѣе не въ Парижѣ; у васъ болѣе не республика—вы въ Неаполѣ! у короля Бомбы!»

Онъ явился съ бульваровъ.

Позже я снова увидѣлся съ Матьё и сказалъ ему:

— Хуже, чѣмъ Бомба—Сатана!

XVIII.

Констатированіе нравственныхъ законовъ.

Въ бойнѣ на Монмартрскомъ Бульварѣ заключается оригинальность переворота. Безъ этой бойни 2-е декабря было бы только повтореніемъ 18-го Брюмера. Луи-Бонапартъ посредствомъ убійствъ избѣжалъ плагіата.

До сихъ поръ онъ только копировалъ. Его булонскія продѣлки, маленькая трехугольная шляпа, сѣрый сюртукъ, прирученный орелъ казались только каррикатурой. Всѣ говорили: чтò это за пародія? Онъ смѣшилъ. Вдругъ онъ заставилъ дрожать.

Гнусное—это выходъ изъ смѣшного.

Онъ довелъ гнусность до злодѣянія.

Онъ завидовалъ громадности нѣкоторыхъ преступленій и захотѣлъ сравняться съ худшими изъ злодѣевъ. Эти усилія навести ужасъ отводятъ ему особое мѣсто въ звѣринцѣ тирановъ. Мошенничество, стремящееся достичь размѣровъ злодѣянія, маленькій Неронъ, надувающійся въ огромнаго Ласенэра—вотъ въ чемъ феноменальность явленія. Искуство для искуства, убійство для убійства.

Луи Бонапартъ создалъ жанръ.

Такъ дебютировалъ Луи Бонапартъ въ неожиданномъ. Это его изобличило.

Мозгъ нѣкоторыхъ людей — бездна. Очевидно, что мысль достичь трона путемъ убійства давно жила въ головѣ Бонапарта. Предумышленность посѣщаетъ преступниковъ: съ этого начинается злодѣяніе. Преступленіе долго живетъ въ нихъ, но колеблющееся, смутное, почти безсознательное. Душа чернѣетъ не вдругъ, медленно. Такія гнусныя дѣла не импровизируются; они не съ разу достигаютъ до своего совершенства. Они ростутъ и зрѣютъ, неопредѣленныя, безформенныя, до удобной минуты. Я настаиваю, что мысль достичь трона посредствомъ рѣзни давно гнѣздилась въ умѣ Бонапарта. Она не была противна этой душѣ; она какъ рыба въ акваріумѣ, двигалась въ ней, въ полумракѣ, среди сомнѣній, хищническихъ наклонностей, туманныхъ мечтаній о какомъ-то соціалистскомъ цезаризмѣ; онъ едва зналъ, что эта безобразная мысль живетъ въ немъ. Когда она ему понадобилась, онъ нашелъ ее, во всеоружіи, готовой къ его услугамъ. Его мозгъ, эта мрачная бездна, втайнѣ питалъ ее. Въ безднахъ всегда обитаютъ чудовища.

До этого страшнаго дня, 4-го декабря, Луи Бонапартъ, можетъ быть, и самъ не вполнѣ зналъ себя. Люди, изучавшіе это необыкновенное животное, не считали его кровожаднымъ: въ немъ видѣли какую-то помѣсь мошенническихъ способностей съ властолюбивыми помыслами; существо, которое даже и въ коронѣ останется мошенникомъ, даже совершивъ отцеубійство, заставитъ воскликнуть: какое мошенничество! и которое не въ состояніи удержатся ни на какой вершинѣ, даже на вершинѣ позора; всегда на полдорогѣ, немножко повыше мелкихъ плутовъ, немножко пониже крупныхъ злодѣевъ. Его считали способнымъ продѣлывать все, что̀ дѣлается въ вертепахъ и игорныхъ домахъ; но только при тѣхъ условіяхъ, что онъ будетъ плутовать въ вертепѣ и рѣзать въ игорномъ домѣ.

Бульварная рѣзня вдругъ обнажила эту душу. Ее увидѣли такою, какая она есть. Забавныя прозвища gros bec, Badinguet исчезли. Увидали бандита; увидали настоящаго Контрафатто, спрятаннаго за лже-Бонапартомъ.

Всѣ содрогнулись. Такъ вотъ что̀ было у этого человѣка въ запасѣ.

Были попытки къ его восхваленію. Но эти попытки не могли имѣть успѣха. Хвалить Луи-Бонапарта очень легко, вѣдь хвалили же Дюпена; но смыть съ него позоръ—эта операція будетъ нѣсколько посложнѣе.

Куда дѣвать 4-е декабря?. Какъ выпутаться изъ этого? Оправдывать затруднительнѣе, чѣмъ прославлять; губка работаетъ не съ такой легкостью, какъ кадило. Панегиристы переворота потратили даромъ трудъ свой. Сама Ж. Зандъ — хотя и великая душа—сдѣлала прискорбную попытку реабилитировать эту личность. Но что̀ ни дѣлай, а цифра убитыхъ, всё-таки, выступаетъ послѣ этого мытья.

Нѣтъ! Никакое смягченіе невозможно! Злополучный Бонапартъ! Что̀ ты посѣялъ, то̀ и долженъ пожать.

Дѣло въ томъ, что 4-е декабря есть самый колоссальный ударъ кинжаломъ, какой когда-либо нанесенъ былъ разбойникомъ, вторгнувшимся въ цивилизацію, мы не говоримъ народу, но всему человѣчеству. Ударъ былъ чудовищный и сразилъ Парижъ. А сраженный Парижъ, это — совѣсть, разумъ и вся человѣческая свобода, это — результаты прогресса цѣлыхъ столѣтій повергнутые во прахъ. Это—свѣточь истины, справедливости, жизни, опрокинутый и потушенный. Вотъ что̀ совершилъ Бонапартъ, въ тотъ день, какъ совершилъ свое преступленіе.

Успѣхъ злодѣя былъ полный. 2-е декабря погибало; 4-е декабря спасло его. Это было нѣчто въ родѣ Герострата, спасаю-

щаго Іуду. Парижъ понялъ, что еще не всѣ ужасы были исчерпаны, что, кромѣ притѣснителей, бываютъ убійцы. Вотъ что значитъ мошенникъ, укравшій мантію Цезаря. Положимъ, что этотъ человѣкъ былъ ничтоженъ, но онъ былъ и страшенъ. Парижъ подчинился этому страху, отказался отъ послѣдняго слова, легъ и прикинулся мертвымъ. Преступленіе это не походило ни на какое другое. И кто, по прошествіи вѣковъ, будь то Эсхилъ или Тацитъ, приподыметъ крышку съ него, почувствуетъ смрадъ. Парижъ покорился. Парижъ отрёкся; Парижъ отдался. Въ новизнѣ преступленія заключалась главная причина его успѣха. Парижъ почти пересталъ быть Парижемъ. На другой день можно было слышать во мракѣ, какъ этотъ титанъ щелкалъ зубами отъ страха.

Подтвердимъ... потому что нравственные законы должны быть констатированы, что Луи-Бонапартъ, даже послѣ 4-го декабря, остался Наполеономъ маленькимъ; даже эта громадность злодѣянія оставила его карликомъ. Размѣры преступленія не измѣняютъ роста преступника. Ничтожества убійцы не преодолѣетъ колоссальность убійства.

Какъ бы то ни было — пигмей, однакоже, побѣдилъ колосса. Какъ ни унизительно это признаніе, но уклониться отъ него невозможно.

Вотъ до какого позора доведена великая обезчещенная исторія.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

Побѣда.

I.

Событія ночи. Улица Тиктонъ.

Когда Матьё произносилъ эти слова: «у васъ король Бемба», вошелъ Шарль Гамбонъ. Онъ опустился на стулъ и сказалъ: «это ужасно!» за нимъ слѣдовалъ Бансель: «Мы оттуда», прошепталъ онъ. Гамбону удалось укрыться гдѣ-то въ дверяхъ. Только передъ Barbedienne онъ насчиталъ 37 труповъ. Но что̀ это значитъ? Съ какой цѣлью совершалось это звѣрское избіеніе всѣхъ безъ разбора? Никто не понималъ. Изъ бойни сдѣлали загадку.

Мы были въ пещерѣ сфинкса.

Пришелъ Лабруссъ. Необходимо было оставить домъ Дюпонъ-

Витта; его каждую минуту могли окружить. Улица Монтаборъ, обыкновенно пустынная, начала наполняться какими-то подозрительными личностями. Какіе-то люди внимательно наблюдаютъ за домомъ № 11. Нѣкоторыя изъ этихъ личностей, какъ будто совѣщавшіяся между собой, принадлежали къ бывшему Клубу Клубовъ, въ который реакція, внесла нѣсколько полицейскій запахъ. Слѣдовало разойтись. Лабруссъ сказалъ намъ: «я видѣлъ, что около дома бродитъ Лонжпье.»

Мы разстались. Всѣ вышли по одиночкѣ, каждый пошелъ въ свою сторону. Мы не знали, гдѣ свидимся и свидимся ли, не знали, что̀ будетъ и что̀ ожидаетъ насъ? Мы дышали однимъ ужасомъ. Я отправился на бульвары, чтобъ посмотрѣть, что происходило тамъ.

Что̀ тамъ происходило—я уже сказалъ.

Вансель и Версиньи пришли туда вслѣдъ за мной.

Когда я возвращался съ бульваровъ, смѣшавшись съ обезумѣвшей отъ страха толпой, не зная куда иду, направляясь къ центру Парижа, чей-то голосъ вдругъ раздался надъ моимъ ухомъ:—«Есть нѣчто—что̀ вы должны увидѣть». Я узналъ этотъ голосъ. Это былъ голосъ Э. П.

Э. П.—драматическій писатель, человѣкъ съ талантомъ, котораго я, при Луи Филиппѣ, освободилъ отъ военной службы. Я не встрѣчалъ его лѣтъ пять или шесть. Онъ заговорилъ со мной такъ, какъ будто мы видѣлись только вчера. Таково свойство этихъ сумятицъ. Люди не имѣютъ возможности, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, соблюсти общепринятыхъ правилъ, и заговариваютъ такъ, какъ будто уже не сомнѣваются, что все гибнетъ и разрушается.

— Ахъ! это—вы, сказалъ я.—Что̀ вамъ угодно?

Онъ отвѣчалъ: «Я живу здѣсь недалеко» и прибавилъ: «пойдемте».

Онъ увлекъ меня въ темную улицу. Въ глубинѣ ея слышались пушечные выстрѣлы, виднѣлись развалины баррикады. Вансель и Версиньи, какъ я уже сказалъ, были со мной. Э. П. обратился къ нимъ.

— Эти господа могутъ идти съ нами.

Я спросилъ его: какая это, улица?

— Улица Тикетонъ. Пойдемте.

Мы послѣдовали за нимъ. Я уже разсказалъ въ другомъ мѣстѣ эту трагическую исторію. (Les Châtiments).

Э. П. остановился передъ высокимъ и темнымъ домомъ. Онъ толкнулъ дверь, которая была не заперта, потомъ другую дверь,

и мы вошли въ комнату нижняго этажа, гдѣ была тишина и горѣла лампа.

Эта комната, казалось, примыкала къ лавкѣ. Въ глубинѣ ея виднѣлись двѣ кровати, одна подлѣ другой, большая и маленькая. Надъ маленькой кроватью висѣлъ женскій портретъ и за портретомъ была заткнута освѣщенная вѣтка. Лампа стояла на каминѣ, который топился.

У камина, на стулѣ сидѣла старуха, сгорбленная, какъ будто надломленная и согнутая пополамъ, наклонившись надъ чѣмъ-то, что она держала въ рукахъ, но чего нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ. Я подошелъ къ ней. То, что она держала, былъ мертвый ребёнокъ. Бѣдная женщина тихо плакала. Э. П., который былъ здѣсь домашнимъ человѣкомъ, прикоснулся къ ея плечу и сказалъ: — покажите.

Старуха подняла голову, и я увидѣлъ у ней на колѣняхъ маленькаго мальчика, блѣднаго, полураздѣтаго, съ двумя кровавыми ранами на лбу.

Старуха посмотрѣла на меня, но я понялъ, что она меня не видитъ. Она пробормотала, разговаривая сама съ собой:

— И какъ подумаешь, что нынче утромъ онъ называлъ меня «моя милая мама!»

Э. П. взялъ руку ребёнка. Эта рука тяжело упала.

— Семь лѣтъ, сказалъ онъ мнѣ.

На полу стояла лахань съ водой. Ребёнку омыли личико. Двѣ струи крови текли изъ его ранъ.

Въ глубинѣ комнаты, подлѣ отвореннаго шкафа, гдѣ виднѣлось бѣлье, стояла женщина лѣтъ сорока, серьёзная, бѣдная, чисто одѣтая, довольно красивая!

— Сосѣдка, сказалъ мнѣ Э. П.

Онъ объяснилъ мнѣ, что въ домѣ былъ докторъ, что онъ приходилъ сюда и сказалъ: «Ничего нельзя сдѣлать». Двѣ пули попали ребенку въ голову, когда онъ перебѣгалъ улицу, «спасаясь». Его понесли къ его бабушкѣ, у которой «онъ только одинъ и былъ на свѣтѣ».

Надъ маленькой постелью висѣлъ портретъ покойной матери ребёнка.

Малютка лежалъ съ полуоткрытыми глазами, съ тѣмъ невыразимымъ взглядомъ мертвецовъ, въ которомъ сознаніе дѣйствительности смѣнилось созерцаніемъ безконечнаго. Старуха, сдерживая рыданія, приговаривала по временамъ:

— Охъ! Господи, Господи! Можно ли представить себѣ такой ужасъ! Вотъ изверги!

Она вдругъ вскричала:

— Такъ это-то правительство?

— Да, сказалъ я.

Мы раздѣли ребёнка. Въ карманѣ у него былъ волчокъ. Голова его качалась то въ ту, то въ другую сторону. Я поддерживалъ ее и поцѣловалъ его въ лобъ. Версиньи и Бансель сняли съ него чулки. Бабушка вдругъ встрепенулась: «осторожнѣй, чтобъ ему не было больно...»

Она взяла въ свои старыя руки его холодныя, бѣлыя ножки, стараясь отогрѣть ихъ.

Когда это маленькое, бѣдное тѣло совсѣмъ обнажили, надо было позаботиться о похоронахъ. Изъ шкафа вынули простыню.

Тогда бабушка разразилась страшными рыданіями.

Она вскричала: «Я хочу, чтобъ мнѣ его отдали!»

Она выпрямилась, посмотрѣла на него и стала произносить безсвязныя, дикія рѣчи, гдѣ упоминала и Бонапарта, и Бога, и своего малютку, и школу, куда онъ ходилъ, и дочь, которой она лишилась; упрекала и насъ. Побагровѣвшая, съ неподвижнымъ взглядомъ и словно во снѣ, она болѣе походила на призракъ, нежели ея мертвый ребёнокъ.

Она схватилась за голову, потомъ обняла своего ребёнка и опять начала рыдать.

Женщина, находившаяся тутъ, подошла ко мнѣ и молча отерла мнѣ ротъ платкомъ. На губахъ моихъ была кровь.

Увы! Что было дѣлать? Мы вышли съ тяжелымъ чувствомъ.

Было совсѣмъ темно. Бансель и Версиньи разстались со мной.

II.

События ночи. Кварталъ Рынка.

Я возвратился въ свое убѣжище, въ улицу Ришельё, № 19.

Бойня, казалось, прекратилась. Не слыхать было болѣе ружейной пальбы.

Я уже хотѣлъ постучаться въ дверь, какъ вдругъ остановился въ колебаніи. Я увидѣлъ человѣка, который, казалось, кого-то ждалъ. Я прямо подошелъ къ нему и спросилъ: «Вы ждете кого-нибудь?»

Онъ отвѣчалъ: Да.

— Кого?

— Васъ. И онъ прибавилъ, понизивъ голосъ:—Мнѣ надо поговорить съ вами.

Я посмотрѣлъ на этого человѣка. Фонарь освѣщалъ его. Онъ не избѣгалъ его свѣта.

Это былъ молодой человѣкъ, съ русой бородой, въ синей блузѣ; у него былъ кроткій взглядъ мыслителя и сильныя руки рабочаго.

— Кто вы такой? спросилъ *я*.

Онъ отвѣчалъ: Я изъ ассосіаціи формовщиковъ. Я васъ хорошо знаю, г. Викторъ Гюго.

— Отъ кого вы пришли?

— Отъ гражданина Кинга.

— Хорошо, отвѣчалъ *я*.

Тогда онъ сказалъ мнѣ свое имя. Такъ какъ онъ пережилъ событія этой ночи 4-го декабря и до сихъ поръ избѣжалъ доносовъ, то понятно, что мы не можемъ назвать его по имени и въ продолженіи нашего разсказа будемъ называть его просто формовщикомъ. [1].

— Что вы мнѣ скажете? спросилъ *я* его.

Онъ объяснилъ мнѣ, что еще не вся надежда потеряна. Что онъ и его друзья думаютъ продолжать сопротивленіе, что сборные пункты ассосіацій еще не назначены, но будутъ назначены въ теченіи вечера; что мое присутствіе было бы очень желательно и что, если я захочу прійдти около девяти часовъ подъ арку Кольбера, то онъ или кто нибудь другой изъ его товарищей будетъ находиться тамъ и проводятъ меня. Мы условились, что ко мнѣ подойдутъ и скажутъ: «Что дѣлаетъ Жозефъ?»

Не знаю, показалось ли ему, что я колеблюсь и не совсѣмъ ему довѣряю, но онъ вдругъ прибавилъ:

— Впрочемъ, конечно, вы не обязаны мнѣ вѣрить. Всего вдругъ не придумаешь; мнѣ бы слѣдовало взять записку къ вамъ. Въ такія минуты ко всѣмъ относишься подозрительно.

— Напротивъ, возразилъ *я*—всѣмъ довѣряешься. Въ девять часовъ, я буду подъ аркой Кольбера. И я разстался съ нимъ.

Я возвратился въ свой пріютъ. Я былъ утомленъ и голоденъ и прибѣгнулъ къ шоколаду, полученному отъ Шарамоля, и къ хлѣбу, который еще у меня оставался. Я опустился въ кресло, поѣлъ и заснулъ. Бываютъ мрачные сны. Мнѣ приснился именно такой, полный призраковъ. Я видѣлъ мертваго ребёнка, съ его двумя кровавыми ранами, изъ которыхъ образовалось два рта: одинъ говорилъ: *Морни*, другой—С. Арно. Но исторія пишется

[1] Теперь, послѣ 28 лѣтъ, можно назвать этого честнаго и мужественнаго человѣка. Его имя Галуа. (Оно пишется Galoy, а не Galloix, какъ писали нѣкоторые исторіографы переворота, разсказывавшіе эти событія по своему).

не для того, чтобъ разсказывать сны. Буду кратокъ. Я вдругъ вскочилъ. Меня точно кто нибудь толкнулъ. «Лишь бы не было болѣе девяти часовъ!» Я забылъ завести часы свои. Они остановились. Я поспѣшно вышелъ. Улица была пуста; лавки были заперты. На площади Лувра пробили часы, вѣроятно, въ церкви St. Roch. Я сталъ считать и насчиталъ девять ударовъ. Два шага, и я очутился подъ аркой Кольбера. Я присматривался въ темнотѣ. Никого подъ аркой.

Я чувствовалъ, что нельзя было оставаться тутъ, съ видомъ человѣка, который кого-то ждетъ. По близости отъ арки Кольбера находился полицейскій постъ и каждую минуту обходили патрули. Я пошелъ вдоль улицы и никого не встрѣтилъ. Я достигъ улицы Вивьеннъ. На углу ея стоялъ какой-то человѣкъ, старавшійся сорвать со стѣны афишу. Я приблизился къ этому человѣку, который принялъ меня, вѣроятно, за полицейскаго и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Я повернулъ назадъ. У арки Кольбера, когда я поравнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наклеиваютъ театральныя афиши, мимо меня прошелъ работникъ.

— Что̀ дѣлаетъ Жозефъ?

Я узналъ формовщика.

— Идемте, сказалъ онъ мнѣ.

Мы отправились въ путь, не говоря другъ съ другомъ и неподавая виду, что мы знакомы. Онъ пошелъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня—впереди. Мы сначала пошли по двумъ адресамъ, которыхъ я не могу назвать здѣсь, потому что это значило бы указывать преслѣдователямъ новыя жертвы. Въ обоихъ этихъ домахъ — ничего, никакой вѣсти. Никто не являлся отъ имени ассоціаціи.

— Пойдемте въ третье мѣсто, сказалъ мнѣ формовщикъ; и онъ объяснилъ мнѣ, что они назначили свиданіе въ трехъ мѣстахъ, для того чтобы имѣть возможность встрѣтиться, еслибъ даже полиціи сдѣлались извѣстны два первые адреса; предосторожность, которую и мы, съ своей стороны, принимали часто, во время сходокъ лѣвой и комитета.

Мы находились въ кварталѣ Рынка. Тамъ весь день дрались. На улицахъ не было уже фонарей. Мы останавливались по временамъ, прислушиваясь, чтобъ не наткнуться на патруль. Мы перелѣзли черезъ досчатый, почти разрушенный заборъ, безъ сомнѣнія, послужившій матеріаломъ для баррикадъ, и миновали постройки, которыми загромождена была въ то время нижняя часть улицъ Монмартской и Мантергейльской. На высокихъ стѣнахъ домовъ виднѣлся красноватый свѣтъ, вѣроятно, отраженіе

бивуачныхъ огней войска, расположеннаго въ рыночномъ кварталѣ и около St.-Eustache. Этотъ отблескъ свѣтилъ намъ. Однако же, формовщикъ едва не упалъ въ яму, которая была не что иное, какъ погребъ сломаннаго дома. Выбравшись изъ этихъ развалинъ, среди которыхъ тамъ и сямъ возвышались деревья— остатки старыхъ, исчезнувшихъ садовъ — мы очутились въ узкихъ, извилистыхъ, совершенно темныхъ улицахъ, гдѣ невозможно было узнать другъ друга. Но формовщикъ шелъ свободно, какъ днемъ и какъ человѣкъ, прямо идущій къ цѣли. Разъ онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ.

— Весь кварталъ въ баррикадахъ, и, если наши пойдутъ, какъ я надѣюсь, то отвѣчаю вамъ, что они здѣсь продержатся долго.

Вдругъ онъ остановился.—«Вотъ одна», сказалъ онъ. Дѣйствиствительно, передъ нами, въ семи или восьми шагахъ, баррикада, вся изъ булыжника, не превышавшая человѣческаго роста, предстала во мракѣ, точно полуразрушенная стѣна. Въ одномъ концѣ ея устроенъ былъ узкій проходъ. Мы перебрались черезъ нее; позади баррикады не было никого.

— Здѣсь уже дрались сегодня, сказалъ мнѣ вполголоса формовщикъ и, помолчавъ, прибавилъ:—мы приближаемся.

На мостовой, вслѣдствіе вырытыхъ камней, образовались ямы, которыхъ надо было избѣгать. Мы шагали черезъ нихъ, а иногда даже перескакивали съ камня на камень. Какъ бы ни была темна ночь, но въ ней всегда есть отсвѣтъ. Продолжая идти впередъ, мы вдругъ увидали на землѣ, подлѣ тротуара, что-то, имѣвшее длинную форму. «Чортъ возьми, пробормоталъ мой проводникъ:— мы чуть-чуть не наступили на это». Онъ вынулъ изъ кармана восковую спичку, шаркнулъ ею объ рукавъ свой, спичка вспыхнула. Свѣтъ упалъ на блѣдное лицо, которое смотрѣло на насъ неподвижными глазами. Это лежалъ трупъ, трупъ старика. Формовщикъ, быстро проведя спичкой отъ головы до ногъ, освѣтилъ всю фигуру.

Мертвый лежалъ почти въ положеніи распятаго человѣка. Обѣ руки его были распростерты, волосы, съ окрашенными кровью концами, лежали въ грязи. Подъ нимъ была лужа крови. Широкое черноватое отверстіе на жилетѣ показывало мѣсто, гдѣ пуля ударила въ грудь; одна подтяжка разстегнулась; на ногахъ были грубые зашнурованные башмаки. Формовщикъ приподнялъ одну руку старика и сказалъ: ключица сломана. Отъ этого движенія, голова трупа съ открытымъ ртомъ повернулась къ намъ, какъ будто хотѣла заговорить съ нами. Я смотрѣлъ на это видѣніе, я почти слушалъ... Вдругъ оно исчезло.

Спичка погасла, и обликъ мертвеца опять погрузился во мракъ...

Мы удалились въ молчаніи; сдѣлавъ еще шаговъ двадцать, формовщикъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой, произнесъ въ полголоса: «не знаю кто это».

Мы все подвигались впередъ. Отъ погребовъ до крышъ, отъ подваловъ до чердаковъ — нигдѣ ни одного огонька въ домахъ. Казалось, мы блуждаемъ въ какой-то огромной могилѣ.

Вдругъ въ этомъ мракѣ раздался твердый, звучный, мужественный голосъ и крикнулъ намъ: кто идетъ?

— А! вотъ они! сказалъ формовщикъ и сталъ свистать особеннымъ образомъ.

— Идите, прозвучалъ голосъ.

Это была опять баррикада. Она была нѣсколько выше первой и находилась отъ нея въ ста шагахъ, построенная, насколько я могъ различить, изъ бочекъ, наполненныхъ булыжникомъ. На самомъ верху ея виднѣлись колеса телеги, заваленной бочками. Между всѣмъ этимъ попадались также бревна и доски. Проходъ, оставленный на этой баррикадѣ, былъ еще уже нежели на предъидущей.

— Сколько васъ тутъ, граждане? спросилъ формовщикъ, входя на баррикаду.

Голосъ окликавшій насъ отвѣчалъ:

— Двое.

— Какъ? только?

— Только.

Ихъ, дѣйствительно, было двое; и въ двоемъ-то они, въ эту темную ночь, въ этой пустынной улицѣ, за этими грудами булыжника, ожидали нападенія цѣлаго полка.

— «Пойдемте, наши еще не приходили», съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ сказалъ формовщикъ.

— Такъ подождемте ихъ здѣсь, возразилъ я ему.

Формовщикъ нѣсколько минутъ говорилъ вполголоса съ однимъ изъ защитниковъ баррикады и, вѣроятно, назвалъ ему меня, потому что тотъ подошелъ ко мнѣ и поклонился. «Гражданинъ-представитель, сказалъ онъ:—здѣсь скоро будетъ жарконько».

— А пока еще холодно, отвѣчалъ я ему, смѣясь.

Дѣйствительно, было очень холодно. Позади баррикады, вся улица, изъ которой вырыты были каменья, превратилась въ клоаку. Вода въ ней стояла по щиколдку.

— Я говорю вамъ, что будетъ жарко, продолжалъ работникъ:—и вы хорошо сдѣлаете если уйдете подальше.

Формовщикъ положилъ свою руку ему на плечо: «Мы долж-

ны здѣсь остаться, товарищъ! Свиданіе назначено рядомъ, во временномъ госпиталѣ».

— Все равно, возразилъ работникъ, который былъ очень маленькаго роста и стоялъ на камнѣ:—гражданинъ-представитель хорошо сдѣлалъ бы, еслибъ ушелъ подальше.

— Гдѣ находитесь вы, тамъ могу быть и я, сказалъ я ему.

Улица была совсѣмъ темна. Не видать было даже неба. Внутри баррикады, влѣво отъ прохода, можно было различить высокій, плохо сколоченный досчатый заборъ, сквозь щели котораго мѣстами пробивался слабый свѣтъ. За этимъ заборомъ возвышался огромный шести или семиэтажный домъ. Нижній этажъ его чинился, и заборъ закрывалъ то мѣсто, гдѣ производились работы. Узкая полоса свѣта, выходившаго изъ щелей забора, падала на противоположную стѣну и освѣщала старую, изодранную афишу, на которой читалось: *Аньеръ, сраженіе на водѣ. Большой балъ.*

— Есть у васъ другое ружье? спросилъ формовщикъ работника, который былъ повыше ростомъ.

— Еслибы у насъ было три ружья, насъ было бы три человѣка, отвѣчалъ работникъ и прибавилъ: — Развѣ вы думаете, что намъ недостаетъ доброй воли? Музыканты нашлись бы, да нѣтъ кларнетовъ.

Подлѣ досчатаго забора виднѣлась низенькая и узкая дверь, походившая скорѣе на дверь какой-нибудь лачуги, нежели лавки. Лавка, въ которую вела эта дверь, была герметически заперта. Дверь казалась также запертой. Формовщикъ подошелъ къ ней и слегка толкнулъ ее. Она отворилась.

— Пойдемте, сказалъ онъ.

Я вошелъ первый. Онъ слѣдовалъ за мной и тотчасъ же заперъ дверь. Мы очутились въ низкой комнатѣ. Въ глубинѣ ея, влѣво отъ насъ, изъ полуотворенной двери выходилъ свѣтъ, которымъ только и освѣщалась вся эта комната, гдѣ я могъ разглядѣть контору и что-то въ родѣ печи, выкрашенной черной и бѣлой краской.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ былъ свѣтъ, слышалось глухое хрипѣніе, короткое, перемежающееся. Формовщикъ быстро направился къ полуотворенной двери. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ, и нашимъ глазамъ представился какой-то пространный подвалъ, освѣщенный свѣчкой. Мы находились по другую сторону досчатаго забора. Только этотъ заборъ отдѣлялъ насъ теперь отъ баррикады.

Подвалъ этотъ и былъ тотъ самый низъ дома, гдѣ происходила перестройка. Маленькія желѣзныя колонки, выкрашенныя

красной краской и вдѣланныя въ камни, поддерживали тамъ и сямъ потолочныя балки. Впереди огромный срубъ, поставленный въ самой серединѣ забора, подпиралъ большую поперечную балку второго этажа, т. е. поддерживалъ весь домъ. Въ углу лежали инструменты каменьщиковъ, груды штукатурки и большая двойная лѣстница; кое-гдѣ стояли соломенные стулья; вмѣсто пола—сырая земля. Подлѣ стола, на которомъ горѣла свѣчка и уставленнаго аптечными стклянками, старуха и дѣвочка, лѣтъ восьми—старуха, сидя на стулѣ, дѣвочка, присѣвши на корточки—щипали корпію, передъ большой корзиной, съ старымъ бѣльемъ. Въ глубинѣ подвала, терявшейся во мракѣ, на соломенную подстилку брошено было три тюфяка. Храпѣніе слышалось оттуда.

— Это—госпиталь, сказалъ мнѣ формовщикъ.

Старуха обернулась и, увидѣвъ насъ, судорожно вздрогнула; потомъ, вѣроятно, успокоенная блузой формовщика, встала и подошла къ намъ.

Формовщикъ сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо. Она отвѣчала: «я никого не видѣла».—Потомъ она прибавила: — Но меня безпокоитъ, что мужъ мой до сихъ поръ не вернулся. Сегодня весь вечеръ то и дѣло стрѣляли изъ ружей.

На двухъ тюфякахъ лежали два человѣка.—Третій тюфякъ былъ порожній; онъ ждалъ.

Человѣкъ, лежавшій ближе ко мнѣ, былъ раненъ картечью въ животъ. Это онъ хрипѣлъ. Старуха подошла къ тюфяку со свѣчкой и сказала намъ, почти шопотомъ, показывая кулакъ свой:—Вы вотъ сколько корпіи напихали ему въ животъ. Если-бъ вы только видѣли, что у него за рана!

Она прибавила:—лѣтъ двадцати пяти, не больше. Завтра умретъ.

Другой былъ еще моложе. Ему едва ли было 18 лѣтъ.

— У него хорошенькій сюртучекъ, сказалъ старуха.—Должно быть, студентъ.

Вся нижняя часть лица этого юноши была обвязана окровавленными тряпками. Старуха объяснила намъ, что пуля попала ему въ ротъ и раздробила челюсть. Онъ лежалъ въ сильномъ жару и смотрѣлъ на насъ блестящими глазами. По временамъ, онъ протягивалъ свою правую руку къ лахани, наполненной водой, гдѣ плавала губка; онъ бралъ губку, прикладывалъ ее къ лицу и самъ обмывалъ свою рану.

Мнѣ казалось, что взглядъ его устремлялся на меня, особенно пристально. Я подошелъ къ нему, нагнулся и протянулъ ему руку, которую онъ взялъ въ свои.—«Развѣ вы меня знаете»? спро-

силъ я его. Онъ отвѣчалъ мнѣ *да*, пожатіемъ руки, тронувшимъ меня до глубины сердца.

Формовщикъ сказалъ мнѣ:—Подождите меня съ минуту, я сейчасъ возвращусь. Поищу, нельзя ли гдѣ раздобиться ружьемъ.

Онъ прибавилъ:—Не нужно ли и вамъ также?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я:—я останусь безъ ружья. Я только на половину участвую въ междоусобной войнѣ. Я готовъ умереть, но не хочу убивать.

Я спросилъ его: разсчитываетъ ли онъ, что друзья его придутъ? Онъ отвѣчаетъ мнѣ, что онъ ничего не понимаетъ; что они должны бы давно прійдти и что, вмѣсто двухъ человѣкъ на баррикадѣ, ихъ должно бы быть двадцать и, вмѣсто двухъ баррикадъ на улицѣ, должно бы быть десять; что, вѣроятно, что-нибудь случилось.

Онъ прибавилъ: «Впрочемъ, я узнаю; обѣщайте мнѣ подождать меня здѣсь.

— Обѣщаю, отвѣчалъ я:—и прожду, если нужно, всю ночь.

Онъ оставилъ меня.

Старуха снова усѣлась подлѣ дѣвочки, которая, повидимому, не очень-то понимала, что вокругъ нея происходитъ, и по временамъ взглядывала на меня своими большими спокойными глазами. Обѣ они были бѣдно одѣты, и мнѣ показалось, что у дѣвочки нѣтъ на ногахъ чулокъ. «А мой мужъ все нейдетъ, говорила старуха.—Только бы съ нимъ чего не случилось!» Надрывая мнѣ сердце своими «Ахъ Боже мой, Боже мой» и торопясь щипать корпію, она плакала. Я подумалъ съ невольнымъ страхомъ о томъ старикѣ, котораго мы видѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, распростертаго на мостовой...

На столѣ лежалъ нумеръ газеты. Я взялъ его и раскрылъ; это была la P... остальная часть заглавія была оторвана. На газетѣ широко отпечатлѣлась окровавленная рука. Вѣроятно, какой-нибудь раненый, войдя, положилъ руку на столъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала газета. Глаза мои упали на слѣдующія строки:

«Г. Викторъ Гюго обнародовалъ призывъ къ грабежу и убійствамъ».

Такими словами характеризовалъ органъ елисейцевъ прокламацію, продиктованную мною Бодену и которую можно прочесть въ 1-мъ томѣ этой исторіи.

Въ ту минуту, какъ я отбросилъ газету на столъ, вошелъ одинъ изъ защитниковъ баррикады. Это былъ маленькій.

— Стаканъ воды! сказалъ онъ. Посреди стклянокъ стоялъ графинъ съ водой и стаканъ. Онъ напился съ жадностью. Онъ держалъ въ рукѣ кусокъ хлѣба и мозговую колбасу, которую ѣлъ.

Вдругъ мы услышали нѣсколько выстрѣловъ, раздавшихся послѣдовательно одинъ за другимъ и, казалось, довольно близко. Это походило, посреди безмолвія темной ночи, на стукъ дровъ, вываливаемыхъ изъ тележки на мостовую.

Серьёзный и спокойный голосъ другого бойца кричалъ съ улицы: начинается.

— Успѣю ли я доѣсть свой хлѣбъ? спросилъ маленькій.

— Успѣешь еще, отвѣчалъ тотъ.

Тогда маленькій обратился ко мнѣ.

— Гражданинъ представитель! сказалъ онъ... Вотъ и пальба по взводно. Съ той стороны атакуютъ баррикаду. Право, вамъ нужно уйдти.

Я отвѣчалъ ему:

— Но вѣдь вы же остаетесь.

— Мы вооружены, возразилъ онъ:—а вы — нѣтъ. Вы не пригодитесь ни къ чему; васъ только могутъ убить безъ пользы для кого бы то ни было. Еслибы у васъ было ружье, тогда—другое дѣло; но вы его не имѣете. Вы должны уйти.

— Я не могу, сказалъ я ему:—я поджидаю кое-кого.

Онъ хотѣлъ продолжать и настаивать. Я пожалъ ему руку.

— Не мѣшайте мнѣ, сказалъ я.

Онъ понялъ, что мой долгъ былъ—оставаться на мѣстѣ, и не настаивалъ болѣе.

Послѣдовало молчаніе. Онъ снова принялся жевать свой хлѣбъ. Не слышно было ничего, кромѣ хрипѣнія умирающаго. Въ эту минуту до насъ донесся какой-то глухой и глубокій ударъ. Старуха привскочила на своемъ стулѣ и прошептала:

— Это—пушка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ маленькій человѣкъ:—это запираютъ калитку. Затѣмъ продолжалъ:

— Ба! я кончилъ свой хлѣбъ. Съ этими словами онъ похлопалъ одною рукою о другую и вышелъ.

Между тѣмъ, удары продолжали раздаваться и, повидимому, приближались. Въ лавкѣ послышался шумъ. Это возвращался формовщикъ. Онъ показался на порогѣ лазарета. Онъ былъ блѣденъ.

— Вотъ и я, сказалъ онъ:—я пришелъ за вами. Нужно вернуться домой. Уйдемте сейчасъ же.

Я всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ.

— Что̀ это значитъ? Развѣ они не придутъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—никто не придетъ. Дѣло кончено.

Затѣмъ онъ наскоро объяснилъ мнѣ, что онъ исходилъ цѣлый кварталъ, чтобы найти ружье, но напрасно; что онъ говорилъ

съ «двумя или тремя»; что нужно отказаться отъ ассоціацій, что онѣ не придутъ, что происшествія дня навели страхъ, что наилучшіе люди напуганы, что бульвары наполнены трупами, что войско дѣлаетъ «ужасы», что готовится нападеніе на баррикаду, что, подходя къ ней, онъ слышалъ шумъ шаговъ по направленію къ перекрестку и что это шло войско; что тамъ дѣлать намъ уже нѣчего, что мы должны уходить, что этотъ домъ «выбранъ глупо», что въ немъ нѣтъ задняго выхода, что, можетъ быть, намъ уже трудно будетъ выйти изъ улицы и что намъ остается только воспользоваться временемъ.

Все это онъ проговорилъ, задыхаясь, коротко, отрывисто и прерывая безпрестанно свою рѣчь восклицаніемъ:—И подумать, что мы не имѣемъ оружія! и подумать, что у меня нѣтъ ружья!.

Когда онъ оканчивалъ, мы услыхали крикъ съ барикады: — Слушай! И почти вслѣдъ затѣмъ раздался ружейный выстрѣлъ.

Сильный залпъ отвѣчалъ на этотъ выстрѣлъ. Множество пуль попало въ перегородку лазарета, но удары послѣдовали въ слишкомъ косвенномъ направленіи и, ни одна пуля не пробила ея. Мы услыхали шумный трескъ отъ паденія множества разбитыхъ оконъ на улицѣ.

— Теперь уже не время, спокойно сказалъ формовщикъ.—Баррикада аттакована.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ. Два работника были, очевидно, превосходные стрѣлки. По баррикадѣ сдѣлали два залпа сряду. Баррикада отвѣтила энергически. Затѣмъ выстрѣлы смолкли. Наступилъ промежутокъ тишины.

— Они идутъ въ штыки! Они наступаютъ бѣглымъ шагомъ! сказалъ одинъ голосъ на баррикадѣ.

Другой голосъ сказалъ:—Бѣжимъ!

Раздался послѣдній ружейный выстрѣлъ. Затѣмъ—ударъ, который мы приняли за предостереженіе, поколебалъ нашу досчатую стѣну. Это одинъ изъ рабочихъ бросилъ свое ружье, уходя; ружье падая, толкнуло перегородку временнаго лазарета. Мы услыхали быстрые шаги двухъ бойцовъ, которые удалялись.

Почти въ тотъ же моментъ, шумъ голосовъ и стукъ ружейныхъ прикладовъ о мостовую наполнили баррикаду.

— Кончено, сказалъ формовщикъ и задулъ свѣчу.

За безмолвіемъ, охватившимъ улицу за минуту передъ тѣмъ, послѣдовала какая-то зловѣщая суматоха. Солдаты стучали въ двери домовъ ружейными прикладами. Только благодаря какому-то чуду, дверь лавки ими не была тронута. Еслибы они толкнули ее хоть локтемъ, то увидали бы, что она не заперта и вошли бы туда.

Какой-то голосъ, принадлежавшій, должно быть, офицеру, кричалъ:

— Освѣтите ὀкна. Солдаты ругались. Мы слышали, кàкъ они говорили:—Гдѣ они, эти подлецы, красные? Обшаримъ дома.— Лазаретъ былъ погруженъ въ глубокій мракъ. Тамъ не произносили ни одного слова, тамъ не слышно было ничьего дыханія; даже умирающій, точно чувствуя опасность, переставалъ хрипѣть. Я чувствовалъ, кàкъ дѣвочка прижалась къ моимъ колѣнямъ.

Одинъ солдатъ стучалъ въ бочки и говорилъ, смѣясь:

— Это годится на костеръ, въ эту ночь.

Другой повторялъ:—Куда они дѣвались? Ихъ было, по крайней мѣрѣ, тридцать человѣкъ. Осмотримъ домà.

Третій возражалъ:

— Ба! чтò ты будешь дѣлать въ такую ночь? Пойти къ буржуа! Но тамъ есть лазейки. Они улизнули.

— Все равно, повторяли другіе:—обшаримъ домà.

Въ эту минуту изъ глубины улицы послышался ружейный выстрѣлъ.

Онъ былъ нашимъ спасеніемъ. Это выстрѣлилъ, вѣроятно, одинъ изъ двухъ рабочихъ, чтобы выручить насъ.

— Это оттуда! вскричали солдаты:—они—тамъ! И, бросавшись всѣ разомъ къ мѣсту, откуда послышался выстрѣлъ, они оставили барикаду и побѣжали въ улицу.

Формовщикъ и я встали.

— Ихъ уже нѣтъ, тихо сказалъ онъ мнѣ:—скорѣй! уйдемъ.

— Но эта бѣдная женщина, возразилъ я:—неужели мы оставимъ ее?

— О! вскричала она, не бойтесь, мнѣ опасаться нѐчего: я—сидѣлка. У меня на рукахъ раненые. Я даже зажгу опять свѣчу, когда вы уйдете. Но мой бѣдный мужъ, который не вернулся!

Мы прошли черезъ лавку на цыпочкахъ. Формовщикъ пріотворилъ дверь и окинулъ улицу взглядомъ. Нѣкоторые изъ жителей повиновались приказанію освѣтить ὀкна, и пламя четырехъ или пяти зажженныхъ свѣчей тамъ и самъ колебалось отъ вѣтра на карнизахъ оконницъ. Улица была нѣсколько освѣщена.

— Никого нѣтъ! сказалъ мнѣ формовщикъ: — но поторопимся, потому что они, вѣроятно, сейчасъ вернутся.

Мы вышли, старуха захлопнула за нами дверь, и мы очутились на улицѣ. Мы перелѣзли черезъ баррикаду и удалились большими шагами. Мы прошли возлѣ мертваго старика. Онъ былъ все еще тамъ, распростертый на мостовой, тускло освѣщаемый невѣрнымъ свѣтомъ оконъ; казалось, что онъ спитъ.

Дойдя до второй баррикады, мы услыхали позади насъ шаги возвращавшихся солдатъ.

Намъ удалось дойти до перестроекъ. Тамъ мы были уже въ безопасности. Шумъ ружейной пальбы все еще доходилъ до насъ. Формовщикъ говорилъ:

— Въ сторонѣ улицы Клери дерутся.

Выйдя изъ развалинъ, мы обогнули рынокъ, дѣлая множество обходовъ и переходя изъ одной маленькой улицы въ другую, причемъ подвергались опасности наткнуться на патруль. Мы дошли до улицы Сент-Онорэ.

На углу улицы Сухого Дерева (de l'Arbre Sec) мы, т. е. я и формовщикъ, разстались, такъ какъ, по его словамъ, «двоимъ опаснѣе идти, чѣмъ одному». И я добрался до своего 19 номера въ Ришельёвской Улицѣ.

Проходя по улицѣ Бурдонэ, мы замѣтили бивуакъ на площади St.-Eustache. Войска, отправившіяся для атаки, еще не вернулись. Площадь охранялась только нѣсколькими ротами. Слышны были взрывы хохота. Солдаты тамъ и сямъ грѣлись у большихъ костровъ. На ближайшемъ къ намъ кострѣ среди горящихъ угольевъ можно было различить колеса телегъ, служившія для устройства баррикадъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не оставалось ничего кромѣ большой шины изъ раскаленнаго желѣза.

III.

Событія ночи. Улица Petit-Carreau.

Въ эту же ночь, почти въ ту же самую минуту, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда происходила кровавая расправа.

Послѣ взятія баррикады, гдѣ былъ убитъ Пьеръ Тисье, семьдесять или восемьдесятъ человѣкъ сражавшихся отступало въ порядкѣ улицею Сен-Совёръ. Они достигли улицы Монторгёйль и собрались въ пунктѣ соединенія улицъ Пти-Карро и Кадранъ. Въ этомъ мѣстѣ улица подымается въ гору. Въ пунктѣ, гдѣ улица Пти-Карро примыкаетъ къ улицѣ Клери, находилась оставленная баррикада, довольно высокая и хорошо устроенная. Тамъ утромъ происходила битва. Солдаты взяли эту баррикаду, но не разрушили ея. Почему? Въ этотъ день, какъ мы уже сказали, было много загадокъ подобнаго рода.

Група вооруженныхъ людей, которые шли съ улицы Сен-Дени, остановилась тамъ въ ожиданіи. Эти люди удивлялись тому, что ихъ не преслѣдуютъ. Не побоялось ли войско проникнуть не

ихъ слѣдамъ въ эти маленькія тѣсныя улицы, гдѣ за каждымъ угломъ дома могла скрываться засада? Не былъ ли отмѣненъ приказъ? Они дѣлали множество догадокъ. Впрочемъ, они слышали, какъ разъ возлѣ, должно быть, на бульварѣ, страшный трескъ ружейной пальбы и канонаду, походившую на безпрерывный громъ. Не имѣя боевыхъ припасовъ, они поневолѣ ограничивались тѣмъ, что слушали въ бездѣйствіи. Еслибы они знали, что происходило тамъ, то поняли бы, почему ихъ не преслѣдуютъ. Это начиналось избіеніе на бульварѣ. Генералы, употребленные для этой бойни, оставили битву.

Къ нимъ приливала толпа людей, бѣжавшихъ съ бульвара, но, замѣтивъ баррикаду, бѣглецы возвращались назадъ. Однакоже, нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ групѣ, негодуя и крича о мщеніи. Одинъ изъ нихъ, жившій въ этой сторонѣ, побѣжалъ къ себѣ въ домъ и принесъ оттуда маленькій жестяной боченокъ, наполненный патронами.

Этого запаса было достаточно для того, чтобы сражаться въ теченіи одного часа. Они принялись строить баррикаду на углу улицы Кадранъ. Такимъ образомъ, улица Пти-Карро, замкнутая двумя баррикадами, одною къ улицѣ Клери и другою на углу улицы Кадранъ, командовала надъ всею улицею Монторгейль. Подъ защитою этихъ двухъ баррикадъ они находились какъ бы въ цитадели. Вторая баррикада была сильнѣе первой.

Эти люди почти всѣ были одѣты въ платье буржуа, нѣкоторые ворочали камни мостовыхъ въ перчаткахъ. Между ними было мало рабочихъ, но эти рабочіе были люди смышленые и энергичные, ихъ можно было бы назвать отборнымъ цвѣтомъ толпы.

Къ нимъ присоединился Жанти Сарръ; онъ тотчасъ же сдѣлался начальникомъ.

Его сопровождалъ Шарпантье, слишкомъ храбрый для того, чтобы отказаться отъ битвы, но слишкомъ мечтательный для того, чтобы командовать.

На высотѣ улицы Моконсейль только-что были устроены двѣ баррикады, замыкавшія такимъ же образомъ около сорока метровъ улицы Монторгёйль.

Еще три баррикады, но очень слабыя, пересѣкали улицу Монторгёйль въ промежуткѣ, отдѣляющемъ улицу Моконсейль отъ площади St.-Eustache.

Вечеръ приближался. Ружейная пальба стихала на бульварѣ. Возможно было нечаянное нападеніе. Они поставили часовыхъ на углу улицы Кадранъ и послали большой караулъ къ улицѣ Монмартръ. Ихъ развѣдчики возвратились и сообщили имъ нѣ-

которыя свѣдѣнія. Одинъ полкъ, повидимому, готовился расположиться бивуакомъ на площади Побѣдъ.

Ихъ позиція, сильная, повидимому, не была таковою въ дѣйствительности. Ихъ число было слишкомъ незначительно для того, чтобы защищать на улицахъ Клери и Монторгёйль разомъ двѣ баррикады, и войско, зайдя имъ съ тыла, подъ прикрытіемъ второй баррикады, могло надвинуться на нихъ прежде, чѣмъ оно было бы замѣчено. Это побудило ихъ поставить сторожевой постъ на улицѣ Клери. Они вошли въ сообщеніе съ баррикадами улицы Кадранъ и съ двумя баррикадами улицы Моконсейль. Эти двѣ послѣднія баррикады были отдѣлены отъ нихъ только пространствомъ около ста шаговъ. Онѣ имѣли болѣе шести футовъ высоты, были довольно крѣпки, но охранялись только шестью рабочими, которые построили ихъ.

Около четырехъ часовъ съ половиною, въ сумеркахъ—сумерки въ декабрѣ наступаютъ рано—Жанти-Сарръ взялъ съ собою четырехъ человѣкъ и пошелъ на рекогносцировку. Онъ думалъ устроить также передовую баррикаду въ какой нибудь изъ маленькихъ сосѣднихъ улицъ. По пути они нашли одну оставленную баррикаду, выстроенную изъ бочекъ. Но эти бочки были пусты, только въ одной было нѣсколько камней, и тамъ нельзя было продержаться и двухъ минутъ. Выходя изъ этой баррикады, они были встрѣчены внезапнымъ залпомъ. Какъ разъ вблизи находился взводъ пѣхоты, едва видный въ сумеркахъ. Они быстро отступили, но одинъ изъ нихъ, башмачникъ изъ Тампльскаго Предмѣстья, былъ раненъ и остался на мостовой. Они вернулись и унесли его. Ему перебило большой палецъ правой руки.

— Слава Богу, сказалъ Жанти Сарръ:—они не убили его.

— Нѣтъ, сказалъ бѣднякъ:—они убили мой хлѣбъ.—Затѣмъ онъ прибавилъ:—ужь мнѣ нельзя будетъ работать. Кто будетъ кормить моихъ дѣтей?

Они вернулись, неся раненаго. Одинъ изъ нихъ, медицинскій студентъ, сдѣлалъ ему перевязку.

Ведеты, которыя они должны были ставить повсюду и которыя были выбраны изъ самыхъ надежныхъ людей, истощали и уничтожали небольшую центральную силу. На баррикадѣ оставалось не болѣе тридцати человѣкъ.

Тамъ, такъ же какъ въ кварталѣ Тампля, всѣ фонари были погашены, газопроводы заперты, окна закрыты и темны. Не видно было луны, даже звѣздъ. Царствовала глубокая ночь.

Вдали была слышна ружейная пальба. Войско стрѣляло съ оконечности S-te Eustache и посылало имъ оттуда каждыя три

минуты по одной пулѣ, какъ бы желая этимъ сказать: — Я здѣсь. Однако же, они не ждали нападенія ранѣе утра.

Между ними происходили разговоры въ такомъ родѣ:

— Очень желалъ бы я имѣть пукъ соломы, говорилъ Шарпантье.—Мнѣ кажется, что въ эту ночь намъ придется спать здѣсь.

— Развѣ ты будешь въ состояніи заснуть? спросилъ его Жанти Сарръ.

— Я-то засну навѣрное.

Дѣйствительно, онъ заснулъ, нѣсколько минутъ спустя.

Въ этой темной сѣти маленькихъ улицъ, пересѣченныхъ баррикадами и блокированныхъ войсками, два винные погреба оставались открытыми. Тамъ занимались больше щипаніемъ корпіи, чѣмъ питьемъ вина: начальники запретили пить всякіе напитки, кромѣ воды съ краснымъ виномъ.

Дверь одной изъ этихъ винныхъ лавокъ выходила какъ разъ въ промежутокъ между двумя баррикадами улицы Пти-Карро. Тамъ были стѣнные часы, по которымъ производили смѣну карауловъ. Въ задней части лавки были заперты двѣ подозрительныя личности, которыя присоединились къ сражавшимся. Одинъ изъ этихъ людей, въ ту минуту, какъ его арестовали, сказалъ.

— Я пришелъ драться за Генриха V.

Его держали подъ замкомъ, поставивъ часового у двери.

Въ сосѣдней залѣ былъ устроенъ подвижной лазаретъ. Тамъ, на матрасѣ, брошенномъ на полъ, лежалъ раненый баррикадникъ.

Въ улицѣ Кадранъ устроили, *на всякій случай*, другой подвижной лазаретъ. Съ этой стороны, на углу баррикады былъ сдѣланъ проходъ, для того чтобы было удобно носить раненыхъ.

Около половины десятаго вечеромъ, на баррикаду пришелъ одинъ человѣкъ.

Жанти Сарръ узналъ его.

— Здравствуй, Денисъ, сказалъ онъ ему.

— Называй меня Гастономъ, отвѣчалъ тотъ.

— Почему это?

— Такъ нужно.

— Развѣ ты—твой братъ?

— Да, я—мой братъ. На сегодня.

— Пусть будетъ такъ. Здравствуй, Гастонъ.

Они пожали руки другъ другу.

Это былъ Денисъ Дюссубъ.

Онъ былъ блѣденъ, спокоенъ и окровавленъ, онъ уже дрался утромъ. На одной баррикадѣ Сенмартенскаго Предмѣстья пули

попала ему въ грудь, скользнула по нѣсколькимъ монетамъ, лежавшимъ у него въ жилетѣ, и пробила ему только кожу. Онъ имѣлъ рѣдкое счастіе—быть только оцарапаннымъ пулею. Это былъ, такъ сказать, первый ударъ когтей смерти. На головѣ у него была фуражка, такъ какъ его шляпа осталась на баррикадѣ, гдѣ онъ сражался, а свое пальто изъ бельильскаго драпа, продыравленное пулей, онъ замѣнилъ плащемъ, купленнымъ у старьевщика.

Какимъ образомъ добрался онъ до баррикады въ улицу Пти-Карро? Онъ этого не могъ объяснить. Онъ шелъ куда глаза глядятъ. Онъ проскальзывалъ изъ улицы въ улицу. Судьба беретъ отмѣченныхъ ею людей за руку и ведетъ ихъ во тьмѣ прямо къ цѣли.

Когда онъ входилъ во внутренность баррикады, ему крикнули:

— Кто идетъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Республика!

Видя, что Жанти-Сарръ жметъ ему руку, спрашивали у перваго:

— Кто это?

Жанти-Сарръ отвѣчалъ:

— Это — нѣкто.

И онъ прибавилъ:

— Сейчасъ насъ было всего шестьдесятъ человѣкъ, а теперь мы составляемъ сотню.

Всѣ тѣснились вокругъ новоприбывшаго. Жанти-Сарръ предложилъ ему командованіе.

— Нѣтъ, сказалъ тотъ:—для баррикады существуетъ особая тактика, которой я не знаю. Я былъ бы плохимъ начальникомъ но я—хорошій солдатъ. Дайте мнѣ ружье.

Усѣлись на камняхъ мостовой. Обмѣнивались разсказами о происшествіяхъ дня. Денисъ разсказалъ о сраженіяхъ, о битвахъ въ Сенмартенскомъ Предмѣстьѣ, а Жанти-Сарръ разсказалъ ему о схваткахъ въ улицѣ Сен-Дени.

Между тѣмъ, генералы приготовляли послѣднюю атаку.

Во всемъ Парижѣ оставался только этотъ пунктъ сопротивленія. Этотъ узелъ баррикадъ, эта сѣть улицъ, покрытая зубцами подобно редуту—была послѣднею цитаделью народа и права. Генералы осаждали ее медленно, шагъ-за-шагомъ и со всѣхъ сторонъ. Они сосредоточили свои силы. А бойцы роковой минуты не знали ничего о происходившемъ. Только отъ времени до времени они прерывали свои разсказы и прислушивались. Спра-

ва, слѣва, спереди, сзади, со всѣхъ сторонъ разомъ до нихъ доходилъ сквозь ночную тишину шумъ, ясный, слышившійся все громче и отчетливѣй каждую минуту, хриплый, громкій, грозный. Это шли батальйоны, по сигналу горнистовъ разсыпавшіеся по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ. Они снова заводили свои мужественные разговоры, затѣмъ, черезъ минуту, останавливались опять и прислушивались къ этому зловѣщему шуму приближавшейся смерти.

Однако же, нѣкоторые все еще думали, что на нихъ будетъ сдѣлано нападеніе только утромъ. Ночныя сраженія въ уличной войнѣ рѣдки. Они больше, чѣмъ всякія другія битвы, подвержены «риску». Немногіе генералы отваживаются на нихъ. Но ветераны баррикадъ, по нѣкоторымъ, никогда не обманывающимъ признакамъ, ожидали немедленнаго нападенія.

Дѣйствительно, въ половинѣ одиннадцатаго (а не въ восемь часовъ, какъ говоритъ генералъ Маньянъ въ гнусномъ документѣ, который онъ называетъ своимъ рапортомъ), со стороны рынка послышалось какое-то странное движеніе. Это заколыхалось войско. Полковникъ де-Лурмель рѣшился сдѣлать нападеніе. 51-й линейный батальйонъ, поставленный на оконечности площади S-te Eustache шолъ въ улицу Монторгёйль. 2-й батальйонъ составлялъ авангардъ. Гренадеры и стрѣлки, пущенные бѣглымъ шагомъ, быстро овладѣли тремя небольшими баррикадами, находившимися, такъ сказать, за ширмами улицы Моконсейль и слабо защищенными баррикадами сосѣднихъ улицъ. Въ этотъ-то моментъ была прорвана та, возлѣ которой находился я.

Съ баррикады Пти Карро слышно было приближеніе ночной битвы, сопровождавшееся безпрерывнымъ, страннымъ и грознымъ шумомъ. Сперва громкіе крики, потомъ—батальный огонь, затѣмъ—молчаніе; далѣе опять возобновлялось то же. При блескѣ молніи ружейной пальбы, фасады домовъ внезапно выступили изъ мрака и имѣли какой-то испуганный видъ.

Критическая минута приближалась.

Ведеты отступали въ баррикаду; передовые посты въ улицѣ Клери вернулись туда же. Число всѣхъ бойцовъ было сосчитано. Изъ находившихся утромъ всѣ были на-лицо.

Мы сказали, что всѣхъ было шестьдесятъ человѣкъ, а не *сто*, какъ утверждаетъ въ своемъ разсказѣ Маньянъ.

Изъ этой верхней оконечности улицы, гдѣ они помѣщались, было трудно дать себѣ ясный отчетъ о происходившемъ. Они не знали въ точности, сколько баррикадъ въ улицѣ Монторгёйль между ихъ баррикадй и оконечностью площади откуда шло войско. Имъ было извѣстно только то, что ближайшій пунктъ

сопротивленія представляла двойная баррикада улицы Моконсейль и что какъ только тамъ будетъ все кончено наступитъ ихъ очередь.

Дениса помѣстили на внутреннемъ изгибѣ баррикады, такимъ образомъ, что половина его тѣла возвышалась надъ ея гребнемъ, и оттуда онъ дѣлалъ наблюденія. Свѣтъ, выходившій изъ лавки виноторговца, давалъ возможность видѣть его жесты.

Вдругъ онъ подалъ знакъ. Начиналась атака на редутъ Моконсейль.

Солдаты, послѣ нѣкотораго колебанія передъ этою двойною довольно высокою и хорошо построенною стѣной изъ булыжника, которую они считали хорошо защищенною, наконецъ, бросились на нее, стрѣляя.

Они не ошибались: баррикада была хорошо защищена. Мы уже сказали, что тамъ было только шесть человѣкъ—шесть работниковъ, которые построили ее. Изъ нихъ только одинъ имѣлъ три патрона, другіе могли сдѣлать только по два выстрѣла. Эти шесть человѣкъ слышали приближеніе батальйона и слѣдовавшей за нимъ батареи, но не трогались съ мѣста. Каждый остался безмолвно на своемъ посту, положивъ дуло своего ружья между двумя камнями. Когда войско подошло на надлежащее разстояніе, они выстрѣлили; батальйонъ отвѣчалъ имъ.

— Ладно, побѣситесь голубчики! смѣясь, сказалъ тотъ, у котораго было три заряда.

Позади нихъ защитники баррикады Пти-Карро сгруппировались вокругъ Дениса и Жанти-Сарра и, облокотившись на гребень баррикады, вытянувъ шею къ редуту Моконсейль, ожидали своей очереди, подобно гладіаторамъ.

Шестеро бойцовъ этого редута выдерживали нападеніе батальйона около четверти часа. Они не стрѣляли всѣ разомъ, чтобы, по словамъ одного изъ нихъ, *продлить это удовольствіе*.

Удовольствіе дать убить себя за исполненіе долга, это—великія слова въ устахъ работника. Они отступили въ сосѣднія улицы только по совершенномъ истощеніи ихъ боевыхъ припасовъ. Послѣдній, именно тотъ, который имѣлъ три патрона, оставался на мѣстѣ до той самой минуты, когда солдаты взобрались на вершину баррикады.

Въ баррикадѣ Пти-Карро никто не произносилъ ни слова; тамъ слѣдили за всѣми фазами этой борьбы и пожимали руки другъ другу.

Внезапно, шумъ прекратился: послѣдній ружейный выстрѣлъ былъ сдѣланъ. Минуту спустя, во всѣхъ окнахъ, выходившихъ къ

редуту Моконсейль, показались зажженныя свѣчи. Штыки и бляхи на киверахъ блестѣли отъ этого свѣта. Баррикада была взята.

Начальникъ баталъйона, по существующему въ подобныхъ случаяхъ обыкновенію, послалъ въ сосѣдніе домà приказъ освѣтить всѣ òкна.

Съ редутомъ Моконсейль все было покончено.

Шестьдесятъ человѣкъ, сражавшіеся на баррикадѣ Пти-Карро, видя, что ихъ часъ наступилъ, взошли на свою груду камня и въ одинъ голосъ крикнули:—Да здравствуетъ республика!

Никто не отвѣчалъ имъ.

Они слышали только, что батальйонъ заряжаетъ ружья.

Между ними поднялось нѣчто въ родѣ боевой тревоги. Всѣ они изнемогали отъ усталости; со вчерашняго дня они были на ногахъ, таская камни или сражаясь; большинство изъ нихъ не ѣло и не спало.

Шарпантье сказалъ Жанти-Сарру:

— Насъ всѣхъ убьютъ.

— Parbleu! сказалъ Жанти-Сарръ.

Жанти-Сарръ велѣлъ затворить дверь лавки виноторговца, чтобы ихъ баррикада, совершенно погруженная въ тьму, давала имъ нѣкоторое преимущество надъ баррикадою, занятою солдатами, которая была освѣщена.

Между тѣмъ, 51-й батальйонъ осматривалъ улицы, носилъ раненыхъ на перевязочные пункты и занималъ позиціи въ двойной баррикадѣ Моконсейль. Такъ прошло полчаса.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, что послѣдовало далѣе, нужно вообразить себѣ—въ этой безмолвной улицѣ, среди мрака ночи, на промежуткѣ шестидесяти или восьмидесяти метровъ—эти два редута, стоящіе другъ противъ друга и могущіе обмѣниваться между собою словами.

Съ одной стороны армія, съ другой—народъ; мракъ надъ всѣмъ.

Нѣчто въ родѣ перемирія, которое всегда предшествуетъ рѣшительнымъ ударамъ, приходило къ концу, и съ той, и съ другой стороны приготовленія были окончены. Съ баррикады слышались движеніе солдатъ и команда офицеровъ. Было очевидно, что скоро начнется борьба.

— Начнемъ, сказалъ Шарпантье и зарядилъ свой карабинъ.

Денисъ удержалъ его руку.—Подождите, сказалъ онъ.

Тогда произошло нѣчто эпическое.

Денисъ медленно взобрался на камни баррикады и сталъ на ея вершинѣ безъ оружія, съ обнаженною головой.

Оттуда онъ возвысилъ голосъ и, обратившись къ солдатамъ, вскричалъ имъ:—Граждане!

При этомъ словѣ произошло какое-то электрическое сотрясеніе, пробѣжавшее отъ одной баррикады до другой. Всякій шумъ прекратился, всѣ голоса замолчали, съ обѣихъ сторонъ наступило безмолвіе—глубокое, религіозное, торжественное. При отдаленномъ мерцаніи освѣщенныхъ оконъ, солдаты смутно видѣли человѣка, стоявшаго на какой-то темной массѣ, подобно призраку, который въ глубинѣ ночи обращался къ нимъ съ рѣчью.

Денисъ продолжалъ.

— Граждане арміи! выслушайте меня.

Безмолвіе удвоилось.

Онъ началъ снова.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? И вы, и мы — всѣ мы, находящіеся въ этой улицѣ, въ этотъ часъ, съ ружьемъ или саблею въ рукѣ, что хотимъ мы дѣлать? Убить другъ друга. Убить другъ друга, граждане? Почему? Потому что между нами посѣяно недоразумѣніе! потому что всѣ мы повинуемся: вы—вашей дисциплинѣ, а мы — нашему праву! Вы думаете, что исполняете данный вамъ приказъ; а мы знаемъ, что мы исполняемъ свой долгъ. Да, мы защищаемъ общую подачу голосовъ, право республики, мы защищаемъ наше право, а наше право, солдаты, есть также и ваше! Армія есть народъ, такъ же какъ и народъ есть армія. Мы всѣ—одна и та же нація, одна и та же страна, одни и тѣ же люди! Слушайте, развѣ есть русская кровь въ моихъ жилахъ, во мнѣ, говорящемъ съ вами? Есть ли прусская кровь въ вашихъ жилахъ, у васъ, которые меня слушаете? Нѣтъ! Въ такомъ, случаѣ, изъ-за чего же мы сражаемся другъ съ другомъ? человѣкъ стрѣляющій въ человѣка это — всегда прискорбно. Однакоже, ружейный выстрѣлъ француза въ англичанина понятенъ, но выстрѣлъ француза въ такого же француза—о! это оскорбляетъ разумъ, это оскорбляетъ Францію, это оскорбляетъ нашу мать!

Его слушали съ безпокойствомъ. Въ эту минуту съ противуположной барикады какой-то голосъ крикнулъ ему:

— Въ такомъ случаѣ, уходите домой!

Этотъ грубый перерывъ вызвалъ въ средѣ товарищей Дениса гнѣвное содроганіе. Послышался шумъ заряжаемыхъ ружей, Денисъ остановилъ ихъ жестомъ.

Этотъ жестъ обладалъ какимъ-то страннымъ могуществомъ.

— Кто этотъ человѣкъ? спрашивали другъ друга защитники баррикады. Вдругъ они вскричали:

— Это—представитель народа.

Дѣйствительно, Денисъ внезапно опоясался шарфомъ своего брата Гастона.

Его замыселъ долженъ былъ осуществиться, часъ геройской лжи насталъ. Онъ вскричалъ:

— Солдаты, знаете ли вы кто тотъ человѣкъ, который говоритъ съ вами въ эту минуту? Это—нетолько гражданинъ, это—законодатель! Это—избранникъ всеобщаго голосованья! Меня зовутъ Дюссубъ, и я—представитель народа. Я, во имя Національнаго Собранья, во имя верховнаго собранія, во имя народа, во имя закона, требую, чтобы вы меня выслушали. Солдаты, вы — сила. Хорошо! когда законъ говоритъ, то сила слушаетъ!

На этотъ разъ молчаніе не было прервано.

Мы приводимъ эти слова почти буквально, въ такомъ видѣ, ка̀къ они запечатлѣлись въ памяти людей, которые ихъ слышали; но, чтобы понять ихъ дѣйствіе, къ нимъ должно прибавить позу, тонъ, трепетъ волненья, вибрацію словъ, выходившихъ изъ этой благородной груди, торжественную и грозную обстановку времени и мѣста.

«Онъ говорилъ около двадцати минутъ», говоритъ одинъ свидѣтель. По словамъ другого, «онъ говорилъ громко, вся улица слушала его.» Онъ былъ пылокъ, краснорѣчивъ, глубокъ, являясь судьею Бонапарта и другомъ солдатъ. Онъ старался расшевелить ихъ всѣмъ, что̀ еще могло найти отголосокъ въ ихъ душѣ; онъ напомнилъ имъ истинныя войны, истинныя побѣды, національную славу, истинную военную честь, знамя. Онъ сказалъ имъ, что все это они намѣреваются убить своими пулями. Онъ заклиналъ ихъ, приказывалъ имъ—присоединиться къ защитникамъ народа и закона; затѣмъ, вдругъ возвращаясь къ первымъ произнесеннымъ имъ словамъ, увлеченный чувствомъ братства, переполнявшимъ его душу, онъ прервалъ свою рѣчь въ половинѣ начатой фразы и вскричалъ:

— Но къ чему всѣ эти слова? Нужно не это, а пожатіе рукъ между братьями! Солдаты, вы стоите тамъ, лицомъ къ лицу съ нами, въ сотнѣ шаговъ отъ насъ, на баррикадахъ, съ обнаженными саблями, съ наведенными ружьями, вы прицѣливаетесь въ меня—пусть такъ, но мы всѣ, находящіеся здѣсь, любимъ васъ! Между нами нѣтъ ни одного, который не отдалъ бы своей жизни за каждаго изъ васъ. Вы—крестьяне французскихъ деревень, мы—парижскіе работники. Что̀ же намъ нужно дѣлать! Просто повидаться, поговорить, а не душить другъ друга. Скажите, не попытаться ли намъ? О, что̀ касается меня, то на этомъ ужасномъ полѣ битвы, среди междоусобной войны, я желаю лучше умереть, чѣмъ убивать. Слушайте, я сейчасъ спущусь съ этой баррикады и пойду къ вамъ; у меня нѣтъ оружія, я знаю только,

что вы—мои братья. Я твердъ, я спокоенъ, и если кто изъ васъ приставитъ къ моей груди штыкъ, я протяну ему руку.

Онъ замолчалъ.

Съ противуположной баррикады раздался голосъ:—Подходи!

Тогда увидѣли, какъ онъ медленно сошелъ съ едва освѣщеннаго гребня баррикады и какъ его высоко поднятая голова исчезла въ темнотѣ.

Изъ баррикады слѣдили за нимъ глазами съ невыразимымъ безпокойствомъ. Сердца перестали биться, губы—дышать.

Никто не пытался удержать Дениса Дюссуба. Каждый чувствовалъ, что онъ идетъ туда, куда долженъ былъ идти. Шарпантье хотѣлъ сопровождать его.

— Хочешь, чтобъ я шелъ съ тобою? вскричалъ онъ. Дюссубъ отрицательно покачалъ головой.

Дюссубъ, одинокій и величественный, приблизился къ баррикадѣ Моконсейль. Ночь была такъ темна, что его почти тотчасъ же потеряли изъ виду. Только на нѣсколько секундъ можно было различить его спокойную и неустрашимую осанку. Затѣмъ ничего не было видно болѣе. Это былъ зловѣщій моментъ. Ночь была черна и безмолвна. Въ этой тьмѣ слышали только мѣрный и твердый звукъ удалявшихся шаговъ.

Спустя нѣкоторое время, продолжительность, котораго никто не могъ опредѣлить, до того сильно было волненіе свидѣтелей этой необычайной сцены на баррикадѣ, занятой солдатами, появился свѣтъ. Это, вѣроятно, принесли и поставили тамъ фонарь. При этомъ свѣтѣ увидѣли Дюссуба; онъ былъ вблизи баррикады, онъ уже подходилъ къ ней съ открытыми объятіями.

Вдругъ послышалась команда: — Пли!

Раздался ружейный залпъ.

Они выстрѣлили въ Дюссуба, въ упоръ.

Дюссубъ упалъ.

Затѣмъ онъ всталъ и вскричалъ: — Да здравствуетъ республика!

Его поразила другая пуля, и онъ упалъ снова. Затѣмъ видѣли, какъ онъ поднялся еще разъ, и услыхали, какъ онъ громкимъ голосомъ вскричалъ: — Я умираю съ республикой.

Это были его послѣднія слова.

Такъ умеръ Денисъ Дюссубъ.

Не даромъ онъ сказалъ своему брату: твой шарфъ будетъ тамъ.

Онъ желалъ, чтобы этотъ шарфъ исполнилъ свой долгъ. Въ глубинѣ своей великой души онъ рѣшилъ, что этотъ шарфъ

восторжествуетъ посредствомъ закона или же посредствомъ смерти.

То есть, что въ первомъ случаѣ онъ спасетъ право, а во второмъ — честь.

Умирая, онъ могъ сказать себѣ: я достигъ успѣха.

Изъ двухъ возможныхъ тріумфовъ, о которыхъ онъ мечталъ, этотъ мрачный тріумфъ не менѣе прекрасенъ.

Елисейскій крамольникъ думалъ, что онъ убилъ представителя народа, и похвалился этимъ. Единственный журналъ, издававшійся государственнымъ переворотомъ подъ разнообразными заглавіями—Patrie, Univers, Moniteur parisien и проч., возвѣстилъ на другой день, въ пятницу 5 декабря, что «экс-представитель Дюссубъ (Гастонъ)» убитъ на баррикадѣ въ улицѣ Neuve Saint Eustache и что «въ рукахъ у него было красное знамя».

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАША МИРОВАЯ ЮСТИЦІЯ.

Je n'impose rien, je ne propose même rien: j'expose.

(Dunoyer).

Петръ Великій, войдя въ одинъ изъ лондонскихъ судовъ, былъ пораженъ страннымъ видомъ судей и адвокатовъ, облеченныхъ въ средневѣковый костюмъ. Когда онъ освѣдомился, кто были эти занятые люди въ напудренныхъ парикахъ и черныхъ мантіяхъ, ему отвѣчали, что это—законовѣды. «Законовѣды! воскликнулъ императоръ. Зачѣмъ же ихъ такъ много? у меня только два законовѣда во всемъ моемъ обширномъ царствѣ, и то, я думаю повѣсить одного изъ нихъ по возвращеніи домой» [1]. Спустя слишкомъ три четверти столѣтія послѣ того, какъ русскій царь выразилъ въ разсказанномъ сейчасъ случаѣ свое нерасположеніе къ законовѣдамъ, прусскій король, побуждаемый тѣмъ же чувствомъ, задумалъ издать такое уложеніе гражданскихъ законовъ, при дѣйствіи котораго юристы стали-бы почти излишними. Всякій гражданинъ могъ-бы обходиться безъ помощи адвоката. Для отправленія судейскихъ обязанностей не требовалось-бы особыхъ спеціальныхъ познаній, потому что, при общедоступности и всеобъемлющей полнотѣ законодательныхъ опредѣленій, основанныхъ только на естественномъ разумѣ (blos auf die natürliche Vernunft), дѣятельность судьи походила-бы на работу какого то интеллигентнаго механизма для примѣненія закона. Такимъ образомъ, утратилось бы прежнее значеніе законовѣдовъ, а, пожалуй, устранилась бы даже самая надобность въ нихъ. Почти повсемѣстно въ Европѣ обнаружившееся, въ XVIII вѣкѣ, нерасположеніе къ юристамъ проистекало, главнымъ образомъ, изъ двухъ источниковъ. Крайняя неудовлетворительность судоустройства и

---

[1] М И. Зарудный, общественный бытъ Англіи. 1865, стр. 14.

судопроизводства постоянно давали себя чувствовать практическим людямъ. Они тяготились неуклюжими формами тогдашняго процесса и блужданіемъ въ безконечномъ лабиринтѣ судебныхъ инстанцій. Подавляющій формализмъ, сквозь который рѣдко могла пробиваться естественная справедливость, не могъ привлечь ихъ симпатій къ органамъ правосудія. Злоупотребленія властей, въ свою очередь, также не мало содѣйствовали зарожденію предубѣжденія противъ всѣхъ вообще законовѣдовъ. Что касается мыслителей прошлаго столѣтія, то они свое нерасположеніе къ юриспруденціи перенесли и на ея служителей. Наука права не удовлетворяла ихъ умственныхъ потребностей. Она была еще слишкомъ загромождена казуистикою, и добытый ею матеріалъ оказывался непригоднымъ для широкихъ философскихъ обобщеній. Отвлеченные умы гораздо болѣе тяготѣли къ процвѣтавшей тогда теоріи естественнаго права, которая являлась какъ бы противовѣсомъ формальной юриспруденціи. Приверженцы этой теоріи не могли относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ судебнымъ дѣятелямъ, въ которыхъ они видѣли представителей казуистики и схоластическаго формализма. Тяжебный процессъ казался всѣмъ системою крючкотворства, терпимою въ государствѣ только какъ очень печальная необходимость. Во Франціи, въ бурную эпоху революціи, стали помышлять чуть-ли не объ упраздненіи даже и самыхъ судебныхъ учрежденій и тогда вспомнили о томъ средствѣ по возможности обходиться безъ ихъ содѣйствія, о которомъ нѣкогда было упомянуто въ литературѣ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, Вольтеръ писалъ: «Въ Голландіи существуетъ самый лучшій и полезный законъ, какой я когда-либо видалъ: желающіе затѣять тяжбу обязаны сперва обратиться въ судъ примирителей, называемыхъ миротворцами (faiseurs de paix). Если стороны являются туда съ адвокатами, то прежде всего устраняютъ этихъ послѣднихъ, какъ удаляютъ дерево отъ огня, который хотятъ потушить, а затѣмъ миротворцы говорятъ имъ: должно быть, вы—величайшіе глупцы, коли хотите бросать деньги на то, чтобъ сдѣлать другъ друга несчастными, тогда какъ мы можемъ уладить дѣло между вами полюбовно, да еще и безъ всякихъ затратъ». Думаютъ, что приведенный отрывокъ изъ одного письма фернейскаго философа остался не безъ вліянія на введеніе во Франціи примирительнаго начала въ судопроизводственные законы, обсуждавшіеся въ 1790 году въ учредительномъ собраніи [1]. Депутатъ Турэ (Thouret) предложилъ собранію проэктъ устройства мировой юстиціи, органами которой должны бы служить мировые судьи. Проэктъ этотъ былъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшій общему умственному настроенію той эпохи. Закономъ 24 августа 1790 года, были введены во Франціи мировые судьи. Съ теченіемъ времени, первоначальная организація мироваго суда и

[1] Leçons de procédure civile par Boitard, ed. 1872, t. I, стр. 42.

его юрисдикція подвергались различнымъ преобразованіямъ; но всѣ эти преобразованія не коснулись основной и самой существенной его функціи — склоненія тяжущихся къ миролюбивому соглашенію.

По дѣйствующему нынѣ во Франціи уставу гражданскаго судопроизводства, мировому судьѣ подсудны иски по обязательствамъ личнымъ и о движимомъ имуществѣ до 50 рублей. При производствѣ подобныхъ дѣлъ, мировой судья дѣйствуетъ одновременно и какъ примиритель, и какъ представитель судебной власти, т. е. совершенно такъ же, кȧкъ должны дѣйствовать и наши мировые судьи: если всѣ попытки склонить тяжущихся къ примиренію оказываются тщетными, то онъ постановляетъ судебное рѣшеніе. Но французскій мировой судья несетъ еще иную обязанность. За немногими исключеніями, всякое тяжебное дѣло, подсудное окружному суду, должно предварительно поступить къ подлежащему мировому судьѣ для склоненія сторонъ къ примиренію. Производство по такому дѣлу въ окружномъ судѣ можетъ быть начато лишь по представленіи удостовѣренія, что тяжущіяся стороны являлись къ мировому судьѣ для склоненія ихъ къ миру, но что примиренія между ними не состоялось, или же что одна изъ сторонъ не явилась по вызову и тѣмъ косвенно выразила нежеланіе вступать въ какое-либо соглашеніе. Мировой судья не располагаетъ никакою судебною властью въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ, поступающихъ къ нему для предварительнаго примиренія. Онъ нетолько не можетъ разрѣшать споръ тяжущихся по существу, но даже не вправѣ обсуждать какіе-бы то ни было возникающіе при производствѣ у него дѣла побочные юридическіе вопросы, подлежащіе разрѣшенію судебной власти. Такъ, напримѣръ, если отвѣтчикъ заявляетъ, что примирительное производство начато истцемъ у неподлежащаго мироваго судьи, послѣдній не имѣетъ права разсматривать вопросъ о томъ, подвѣдомственно-ли ему дѣло, или нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, онъ просто-на-просто записываетъ въ протоколъ, что примиренія между сторонами не состоялось. Правильность же предъявленнаго отвѣтчикомъ отвода подлежитъ разсмотрѣнію того окружного суда, въ которомъ должно производиться дѣло въ тяжебномъ порядкѣ. За неявку по вызову мироваго судьи для примирительнаго разбирательства полагается штрафъ въ 10 франковъ, но самъ судья штрафа не налагаетъ, а только констатируетъ въ протоколѣ фактъ неявки тяжущагося. Начало полнаго отдѣленія примирительной функціи отъ судебной проведено во французскомъ законодательствѣ съ такою тщательностью и послѣдовательностью, которыя заставляютъ предполагать, что присвоеніе ихъ двумъ совершенно различнымъ органамъ представлялось законодателю существеннымъ условіемъ нормальнаго отправленія каждаго изъ нихъ. Хотя гражданскія дѣла, подсудныя мировому судьѣ, не проходятъ чрезъ особую примирительную инстанцію и въ отношеніи такихъ дѣлъ судья является одновременно и примири-

телемъ, и органомъ судебной власти, но это представляется уступкою практическимъ соображеніямъ о неудобствѣ и дороговизнѣ заводить особыхъ представителей примирительнаго начала и для малоцѣнныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судьямъ. Нѣкогда были учреждены во Франціи особыя bureaux de conciliation, исключительно занимавшіяся склоненіемъ тяжущихся къ примиренію по всякимъ гражданскимъ дѣламъ, независимо отъ той или другой ихъ подсудности; но впослѣдствіи эти bureaux были упразднены, а обязанности ихъ возложены на мировыхъ судей. Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ обязанностей примирителя и судьи было допущено просто ради сокращенія расходовъ на содержаніе служебнаго персонала. Вообще же, по основной идеи примирительнаго розбирательства, мировой судья является въ качествѣ безпристрастнаго и авторитетнаго совѣтника тяжущихся, не облеченнаго судебною властью.

Многіе считаютъ крайне стѣснительнымъ обрядъ примиренія сторонъ до предъявленія иска и готовы признать его пустою и совершенно излишнею формальностью. Нельзя, конечно, не согласиться, что для нѣкоторыхъ лицъ, намѣревающихся обратиться къ посредству судебной власти, установленный во Франціи порядокъ примиренія оказывается стѣснительнымъ и составляетъ для нихъ безполезную формальность. Но этого еще недостаточно для признанія его вообще излишнимъ. Для опредѣленія значенія примирительнаго производства въ общемъ ходѣ правосудія необходимо удостовѣриться, на сколько имъ достигаются тѣ полезные результаты, ради которыхъ оно установлено. Въ 1834 году, изъ числа 97,558 дѣлъ, поступившихъ къ мировымъ судьямъ для склоненія тяжущихся къ миру, болѣе одной трети окончились примиреніемъ. Въ 1847 году, изъ 64,593 дѣлъ прекращено за примиреніемъ сторонъ 28,446. Въ 1856 г., изъ числа всѣхъ дѣлъ, производившихся у мировыхъ судей 70% на сто окончились миромъ [1]. Въ 1861 году, къ 2,938 мировымъ судьямъ поступило собственно только для примирительнаго производства 60,555 дѣлъ, изъ которыхъ по 10,703 дѣламъ отвѣтчики вовсе не явились къ мировому судьѣ — что̀ исключало возможность склоненія къ примиренію, а по 6,072 дѣламъ они прислали повѣренныхъ, что̀ уменьшало шансы на примиреніе; въ 20,488 дѣлахъ состоялось примиреніе [2]. Должно замѣтить, что порядокъ предварительнаго примиренія не вездѣ даетъ такіе же полезные результаты, какъ во Франціи. До введенія судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ, тамъ дѣйствовалъ французскій кодексъ гражданскаго судпроизводства и, слѣдовательно, практиковался обрядъ предварительнаго примиренія. Въ 1855 году, изъ числа 2,828 дѣлъ, поступившихъ къ 80 мировымъ судьямъ для склоненія

---

[1] Laferrière, Essai sur l'histoire du droit français, 1859, t. II, стр. 56.

[2] Block et Guillaumin, Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1864, стр. 75, 76.

сторонъ къ примиренію, окончено миромъ 221 дѣло; въ 1861 г., изъ 3,587 дѣлъ—196 дѣлъ, а въ 1873 г., изъ 4,181 дѣла—175 дѣлъ [1]. Очевидно, миролюбивый исходъ дѣлъ зависитъ не отъ одного только порядка примиренія тяжущихся, но также и отъ наличности условій его успѣшности.

У насъ обрядъ предварительнаго примиренія встрѣчается только въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. По 35 статьѣ этого устава, вѣдомству мирового судьи подлежатъ, собственно только для склоненія сторонъ къ миру, дѣла, влекущія за собою наказанія, болѣе строгія, чѣмъ какія можетъ налагать мировой судья, но которыя начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ и могутъ быть прекращены примиреніемъ. Обрядъ предварительнаго примиренія до предъявленія гражданскаго иска былъ отвергнутъ. Однако же, примирительная дѣятельность не устранена совершенно и въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Хотя, при обсужденіи основныхъ началъ судебной реформы, предполагалось не возлагать на члена общихъ судебныхъ учрежденій разнородныхъ обязанностей примирителя и судьи [2]; но впослѣдствіи, при разработкѣ правилъ гражданскаго судопроизводства, найдено нужнымъ предоставить предсѣдательствующему въ засѣданіи окружнаго суда по гражданскому дѣлу склонять тяжущихся къ примиренію въ томъ случаѣ, когда онъ «признаетъ это возможнымъ» (ст. 337 уст. гражд. судопр.). Если обрядъ предварительнаго примиренія по дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, и былъ отвергнутъ, а склоненіе тяжущихся къ примиренію при производствѣ дѣлъ въ окружномъ судѣ поставлено въ зависимость личнаго усмотрѣнія предсѣдателя, то за то примирительное начало должно было получить самое обширное примѣненіе въ мировомъ судѣ.

По первоначальному замыслу составителей судебныхъ уставовъ, наши мировые судьи должны были, по характеру своей дѣятельности, походить на тѣхъ faiseurs de paix, о которыхъ писалъ Вольтеръ. При начертаніи правилъ мирового судопроизводства, комиссія по составленію уставовъ 20-го ноября 1864 года исходила изъ того мнѣнія, что мировой судья «долженъ быть, по преимуществу, судья-примиритель, такъ что рѣшенія мировымъ судьею поставляются только въ случаѣ неуспѣха въ примиреніи». Предполагалось, что судебная функція будетъ у мировыхъ судей дѣломъ побочнымъ; главное же ихъ назначеніе должно составлять примиреніе тяжущихся. Согласно этому, намѣревались «поставить мирового судью въ такое положеніе, чтобы онъ дѣйствовалъ, по возможности, примирительно». Къ доставленію

---

[1] Журналъ гражданскаго и уголовнаго права за 1875 годъ, кн. 6, стр. 18.

[2] Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны. Изданіе государственной канцеляріи. 1866, г. III, стр. 24 и 25.

мировому судьѣ такого положенія разсчитывали приспособить правила судопроизводства въ мировыхъ установленіяхъ. Конструкція процесса въ мировомъ судѣ должна была быть до послѣдней степени несложная и доступная пониманію всѣхъ и каждаго. Главнымъ упрощеніемъ процесса признавалось освобожденіе его отъ всякихъ сложныхъ формальностей, стѣснительныхъ для суда и затруднительныхъ для тяжущихся. Что же касается системы формальныхъ доказательствъ въ гражданскомъ процессѣ, то имѣлось въ виду совершенно выжить ее изъ мирового суда. Да она и не соотвѣтствовала-бы его назначенію. «На мирового судью возлагается разсмотрѣніе маловажныхъ дѣлъ, возникающихъ почти ежедневно между большинствомъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ формализма, уважаетъ только естественную справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ, на своихъ понятіяхъ о справедливости основанномъ рѣшеніи. Главная задача мирового судьи – удовлетворить насущнымъ потребностямъ народа въ судѣ по совѣсти». Поэтому нужно предоставить ему постановлять рѣшенія по внутреннему своему убѣжденію, сложившемуся на основаніи совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла. Всякій судья, конечно, долженъ разрѣшать дѣла «по убѣжденію совѣсти», но въ отношеніи мирового судьи это выраженіе имѣетъ особенный, спеціальный смыслъ. Въ гражданскомъ процессѣ для убѣжденія судьи есть, такъ сказать, обязательныя основы; какое бы ни сложилось у него личное мнѣніе, онъ не можетъ счесть недоказаннымъ то, что законъ признаетъ доказаннымъ при наличности извѣстныхъ данныхъ, которыя сами по себѣ могли бы показаться судьѣ и неубѣдительными. Но мировой судья не долженъ быть связанъ формальными доказательствами. Онъ вникаетъ въ индивидуальныя особенности каждаго дѣла, принимаетъ въ соображеніе различныя мѣстныя условія и обычаи, характеръ народонаселенія, его экономическій бытъ и т. д. Можетъ случиться, что, по конкретнымъ обстоятельствамъ дѣла, формальная законность окажется въ противорѣчіи съ естественною справедливостью. Такъ какъ мировой судья постановляетъ рѣшенія «по убѣжденію совѣсти», то онъ можетъ, не стѣсняясь требованіями формальной законности, разрѣшить дѣло согласно съ естественной справедливостью. Однимъ словомъ, въ законодательной комиссіи рѣчь шла о томъ, чтобъ мировой судъ былъ судомъ по совѣсти, а не по писанному закону; чтобъ онъ, въ противоположность общимъ судебнымъ учрежденіямъ, согласовалъ свои рѣшенія не столько съ абстрактною, сколько съ конкретною справедливостью, но «главнѣйшая задача его, и высшее качество его правосудія — примиреніе».

Содѣйствовать окончанію дѣла примиреніемъ мировой судья можетъ двоякимъ образомъ: онъ можетъ предлагать тяжущимся примириться, т. е., въ сущности, просто освѣдомляться, не явилось-ли

у нихъ желанія къ примиренію, причемъ самъ онъ ничѣмъ не способствуетъ зарожденію у нихъ такого желанія, или же судья склоняетъ стороны къ примиренію, т. е. употребляетъ извѣстныя старанія къ миролюбивому между ними окончанію дѣла. Склонять тяжущихся къ примиренію возможно опять-таки двумя различными способами. Во первыхъ, судья можетъ увѣщевать стороны примириться, выставляя имъ на видъ чисто нравственныя преимущества миролюбиваго исхода дѣла, не предлагая какихъ-либо условій, на которыхъ могло бы состояться примиреніе; во-вторыхъ, онъ можетъ указывать имъ такой способъ разрѣшенія возникшаго между ними спора, при которомъ судебное рѣшеніе становится излишнимъ, то-есть указывать справедливыя, по его мнѣнію, обоюдныя или одностороннія уступки, ведущія къ заключенію мировой сдѣлки. Само собою разумѣется, что этотъ второй способъ склоненія къ примиренію не исключаетъ возможности употребленія и тѣхъ пріемовъ, какіе свойственны первому изъ нихъ. Не безъинтересно будетъ опредѣлить, въ чемъ, по нашимъ законамъ, должна заключаться примирительная дѣятельность судьи. По 120 ст. устава уголовнаго судопроизводства, въ дѣлахъ, которыя могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ, «мировой судья обязанъ склонять ихъ къ миру»; а по 165 ст. того же устава въ—подобныхъ дѣлахъ и предсѣдатель суда «старается примирить обвинителя съ обвиняемымъ». Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства повелѣніе о склоненіи судьею къ примиренію выражено такъ: «по предварительномъ объясненіи съ обѣими сторонами, мировой судья предлагаетъ имъ прекратить дѣло миромъ, указывая дѣйствительные, по его мнѣнію, къ тому способы. Мѣры для склоненія тяжущихся къ примиренію мировой судья обязанъ принимать и во время производства дѣла, и, только въ случаѣ неуспѣха, приступаетъ къ постановленію рѣшенія» (ст. 70). При сравненіи этихъ законоположеній, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе различіе въ выраженіи велѣнія законодателя о примирительной дѣятельности мирового судьи въ уголовномъ и въ гражданскомъ процессахъ. Но на чемъ основывается это различіе? Имѣлъ ли въ виду законодатель выразить, что для примиренія обвинителя съ обвиняемымъ мировой судья долженъ употреблять иной способъ, чѣмъ при склоненіи къ миру истца съ отвѣтчикомъ, или же все сводится къ тому, что въ одномъ случаѣ, онъ изъяснилъ свою волю подробнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ другомъ? Наконецъ, не слѣдуетъ ли изъ указаннаго различія вывести заключеніе, что отъ судьи требуется бо̀льшее усердіе при склоненіи къ примиренію въ гражданскихъ дѣлахъ, нежели въ уголовныхъ? Для разрѣшенія поставленныхъ нами вопросовъ приходится разсмотрѣть возможныя условія примиренія въ уголовномъ процессѣ. Примиреніе обвинителя съ обвиняемымъ можетъ состояться вслѣдствіе того, что первый изъ нихъ прощаетъ послѣднему правонарушеніе безусловно или же подъ

условіемъ формальнаго извиненія. Единственно возможною уступкою со стороны обвинителя будетъ согласіе удовлетвориться извиненіемъ обвиняемаго, а со стороны послѣдняго—готовность дать обвинителю такое удовлетвореніе. Никакой иной «сдѣлки» произойти между ними не можетъ. Правда, бываетъ и то, что уголовное дѣло иногда оканчивается примиреніемъ, вслѣдствіе того, что обвинитель получаетъ отъ обвиняемаго какую-нибудь общественную выгоду; но такъ какъ корыстная причина примиренія въ уголовной сферѣ признается противонравственною, то законодатель игнорируетъ ее. Такимъ образомъ, мировой судья не можетъ указывать противникамъ такія условія примиренія, которыхъ они сами не имѣли бы въ виду. Его примирительныя старанія, по самой сущности дѣла, должны ограничиваться увѣщаніями чисто нравоучительнаго характера. Но совсѣмъ не то въ гражданскомъ процессѣ. Здѣсь возможны очень разнообразныя уступки со стороны тяжущихся въ пользу другъ друга, а потому и примиреніе между ними можетъ состояться на столь же разнообразныхъ условіяхъ. Мировой судья можетъ убѣдить тяжущихся въ существованіи основательнаго повода къ уступкѣ, согласить ихъ относительно ея справедливаго размѣра и указать надлежащіе способы къ упроченію и огражденію интересовъ, выговоренныхъ каждою изъ сторонъ. Выступая въ роли примирителя въ уголовномъ процессѣ, мировой судья можетъ вліять на убѣжденія противниковъ исключительно какъ моралистъ; въ гражданскомъ же процессѣ онъ можетъ повліять на него еще и какъ опытный знатокъ экономическаго быта, а въ извѣстныхъ предѣлахъ—даже и какъ юристъ-консультантъ. Это различіе зависитъ отъ свойствъ, цѣлей и интересовъ, преслѣдуемыхъ въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ. Ими же опредѣляется и особенный характеръ примирительной дѣятельности судьи въ томъ и другомъ процессѣ. Отсюда вытекаетъ также и различіе въ содержаніи ст. 120-ой устава уголовнаго и 70-ой ст. устава гражданскаго судопроизводствъ. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что законодатель не можетъ желать, чтобы примирительная дѣятельность судьи была энергичнѣе въ гражданскомъ процессѣ, чѣмъ въ уголовномъ, потому что цѣль склоненія гражданъ къ миролюбивому окончанію возникающихъ между ними несогласій одинакова въ обоихъ процессахъ.

Въ виду того, что склоненіе тяжущихся къ примиренію сосоставляетъ главнѣйшую обязанность мировыхъ установленій, было бы чрезвычайно интересно узнать, въ какой мѣрѣ успѣшна ихъ примирительная дѣятельность. Но, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія нашей судебной статистики, не представляется возможности указать точныя числовыя данныя о количествѣ дѣлъ, оканчивающихся примиреніемъ тяжущихся. Мы думаемъ, однако же, что количество это должно быть относительно очень не велико. Къ такому заключенію приводитъ насъ

всѣмъ извѣстный способъ примѣненія мировыми судьями 70 ой статьи устава гражданскаго судопроизводства. Обыкновенно практикуемый пріемъ склоненія тяжущихся къ примиренію заключается въ обращеніи къ нимъ, въ извѣстный моментъ процесса, съ стереотипною фразою: «не желаете ли вы окончить дѣло миромъ?» По полученіи отвѣта отрицательнаго, а чаще всего уклончиваго, благодаря тому, что ни одна изъ сторонъ не знаетъ даже, на какія уступки пошелъ бы его противникъ — мировой судья, безъ дальнѣйшихъ околичностей, записываетъ въ протоколъ, что примиренія между сторонами не состоялось. Ни о какомъ «склоненіи» тяжущихся къ примиренію нѣтъ и помина. Исполняется только процессуальная формальность, да и то не какъ слѣдуетъ. Бóльшая или меньшая степень усердія мирового судьи при склоненіи тяжущихся къ примиренію зависитъ отъ усмотрѣнія самого судьи, и никакой обязательной мѣры усердія съ его стороны, разумѣется, не можетъ быть установлено закономъ; но подробности обряда примиренія указаны въ 70-ой ст. устава гражданскаго судопроизводства, въ которой говорится, что «мировой судья предлагаетъ имъ прекратить дѣло миромъ, *указывая дѣйствительные, по его мнѣнію, къ тому способы*». Отъ бóльшей или меньшей степени усердія судьи при примѣненіи этой мѣры къ примиренію, можетъ зависить миролюбивый исходъ дѣла. Хотя, при исключительно формальномъ отношеніи къ своей примирительной обязанности, мировой судья скорѣе всего и не достигнетъ тѣхъ цѣлей, ради которыхъ установленъ обрядъ примиренія, но онъ, при извѣстномъ взглядѣ на эту обязанность, можетъ успокоить свое чувство легальности точнымъ выполненіемъ формальностей, изъ коихъ состоитъ обрядъ. Въ практикѣ же нашихъ мировыхъ судей, склоненіе тяжущихся къ примиренію не исполняется даже и ради хотя бы одного только соблюденія формальности, потому что при этомъ не выполняются всѣ тѣ мѣропріятія, изъ которыхъ слагается обрядъ примиренія. Мы знаемъ, что законъ требуетъ содѣйствія судьи миролюбивому окончанію дѣлъ въ видѣ «склоненія» противниковъ къ примиренію, а не въ видѣ простого освѣдомленія о томъ, не желаютъ ли они примириться, даже не въ видѣ однихъ только увѣщаній. Практикуемый мировыми судьями способъ умиротворенія тяжущихся ничего общаго съ «склоненіемъ» ихъ къ примиренію не имѣетъ. Участіе въ дѣлѣ мирового судьи въ качествѣ примирителя, обыкновенно, нисколько не содѣйствуетъ окончанію дѣла миромъ. Если же тяжущіяся и примиряются при производствѣ дѣла у мирового судьи, то это происходитъ совершенно независимо отъ его примирительной дѣятельности. Вообще же можно сказать, что въ настоящее время лишь незначительный процентъ на общее количество поступающихъ къ мировымъ судьямъ дѣлъ оканчивается примиреніемъ.

Очень часто приходится слышать нареканія на мировыхъ судей за формалистическій характеръ ихъ примирительной дѣя-

тельности. Что она оказывается малоуспѣшною — это ни для кого уже не тайна. Многіе склонны думать, что одна только лѣность и невниманіе мировыхъ судей къ своей главной обязанности заставляютъ ихъ относиться къ примиренію тяжущихся, какъ къ простой формальности, въ исполненіе которой они не влагаютъ никакого усердія. Мы не можемъ съ этимъ согласиться, думая, что примирительному началу въ судебномъ процессѣ не посчастливилось у насъ, и по другимъ, болѣе серьёзнымъ и труднѣе устранимымъ причинамъ.

Возвратимся опять къ типу мирового судьи эпохи составленія основныхъ положеній судебной реформы. Тогда предполагалось, что мировой судья будетъ избираемъ изъ числа мѣстныхъ жителей; что онъ будетъ имѣть внѣшнюю связь съ своимъ участкомъ при посредствѣ имущественнаго ценза. При обсужденіи проэкта мирового судоустройства, постоянно налегали на то, что мировой судья будетъ «кореннымъ» жителемъ той мѣстности, гдѣ будетъ находиться кругъ его дѣятельности. Этому обстоятельству придавали въ то время огромное значеніе. Дѣло въ томъ, что на знаніе мировымъ судьею мѣстныхъ отношеній и обычаевъ, хозяйственнаго быта и характера населенія возлагались тогда большія надежды, какъ на главное подспорье къ успѣшному отправленію имъ своихъ служебныхъ обязанностей. Судить не по строгому правилу, а по совѣсти и обычаю, точно такъ же, какъ и быть примирителемъ, только и можно подъ условіемъ полнаго и всесторонняго знакомства съ мѣстными нуждами, интересами, обычаями и понятіями населенія. А такое знакомство можетъ быть вполнѣ доступно только для мѣстнаго же жителя. Чтобъ указывать сторонамъ «дѣйствительные» способы къ примиренію, часто нужно знать даже ихъ личныя свойства, вникать въ ихъ временныя отношенія, для чего недостаточно тѣхъ матеріаловъ, какіе можетъ доставить производство дѣла у мирового судьи, не исключая представляемыхъ тяжущимися документовъ и словесныхъ объясненій. Только будучи мѣстнымъ жителемъ, мировой судья можетъ обладать тѣми свѣдѣніями, какія ему необходимы для отправленія правосудія не по писанному закону, а по совѣсти и обычаю. Для обезпеченія за мировыми судьями задатковъ успѣшной дѣятельности, предполагалось косвеннымъ образомъ, а именно при посредствѣ имущественнаго ценза, достигнуть того, чтобы они избирались изъ числа мѣстныхъ жителей. Въ 19-ой ст. учрежденія судебныхъ установленій такъ-таки и говорится: «въ мировые судьи могутъ быть избираемы тѣ изъ мѣстныхъ жителей», которые удовлетворяютъ извѣстнымъ требованіямъ, поименованнымъ въ той же статьѣ. Въ числѣ этихъ требованій значится обладаніе опредѣленнымъ количествомъ недвижимаго имущества, которое, однако же, можетъ находиться не въ той мѣстности, даже и не въ той губерніи, гдѣ его владѣлецъ баллотируется въ мировые судьи. Если въ намѣреніе законодателя входило установить, посредствомъ

имущественнаго ценза, извѣстную связь между лицомъ, избираемымъ въ мировые судьи, и тою мѣстностью, въ которой должна совершаться его дѣятельность, то нужно признать, что такая связь совершенно порвана допущеніемъ представлять въ цензъ недвижимое имущество, находящееся и не въ той мѣстности, гдѣ его владѣлецъ выступаетъ кандидатомъ на должность мирового судьи. Такой кандидатъ можетъ не имѣть ничего общаго съ тою мѣстностью, гдѣ онъ будетъ избранъ въ мировые судьи. Кромѣ того, развѣ, ради формальнаго удовлетворенія требованію закона объ имущественномъ цензѣ, не изобрѣтены такъ называемые «фиктивные» цензы? Развѣ соискатели должности мирового судьи не додумались до пріобрѣтенія для ценза гдѣ-нибудь на сторонѣ сыпучихъ песковъ по 50 копеекъ за десятину? Да и, наконецъ, оставя всѣ эти практическія приспособленія къ удовлетворенію требованія закона о цензѣ, развѣ мѣстный землевладѣлецъ непремѣнно бываетъ и мѣстнымъ жителемъ? Въ дѣйствительности, сплошь да рядомъ, мировой судья оказывается совершенно чуждымъ той мѣстности, гдѣ онъ служитъ. Говоря «чуждымъ», я подразумѣваю только отсутствіе той тѣсной связи между имъ и мѣстомъ его служебной дѣятельности, какая первоначально имѣлась въ виду; но само собою разумѣется, что, при выборномъ порядкѣ замѣщенія должности мирового судьи, лицо, занявшее эту должность, должно имѣть извѣстныя отношенія къ той мѣстности, въ которой послѣдовало избраніе его въ мировые судьи. Однако же, отношенія эти могутъ быть таковы, что результатомъ ихъ не будетъ пріобрѣтеніе обстоятельнаго знанія условій мѣстной жизни. Дѣло можетъ ограничиваться знакомствомъ съ вліятельными избирателями или хорошею репутаціею; но этимъ еще не обезпечивается всестороннее знаніе извѣстной мѣстности. Врядъ ли можно предположить, что мировой судья, чуждый той сферы, въ которой ему приходится дѣйствовать, окажется хорошимъ совѣтникомъ тяжущихся, какимъ онъ непремѣнно долженъ быть при склоненіи ихъ къ примиренію. Для этого недостаточно знакомства съ лицевою стороною дѣла, которая одна только и обнаруживается тяжущимися передъ судомъ. Трудно указать противникамъ подходящія для нихъ условія мировой сдѣлки, не зная ихъ понятій, ихъ экономическихъ интересовъ. Вотъ волостные судьи, такъ тѣ могутъ быть убѣдительными совѣтниками, а потому также и дѣятельными примирителями тяжущихся, потому что они обладаютъ нетолько знаніемъ всего этого, но еще даже и знаніемъ индивидуальныхъ свойствъ характера каждаго изъ нихъ. Мировой судья, если онъ — не мѣстный житель, ознакомившійся съ интересами и понятіями населенія, можетъ вліять на тяжущихся развѣ только авторитетомъ своего почетнаго положенія, но отнюдь не убѣдительностью его мнѣнія о справедливыхъ и цѣлесообразныхъ условіяхъ мировой сдѣлки. Поэтому-то чаще всего попытки мировыхъ судей къ примиренію тяжущихся не достигаютъ цѣли.

а затѣмъ уже они, сознавая или нѣтъ настоящую причину неудачи своихъ попытокъ, но имѣя въ виду ихъ результаты, смотрятъ на обязанность склонять тяжущихся къ примиренію, какъ на одну только формальность. Ихъ дѣятельность становится чисто судебною. Посмотримъ теперь, каково можетъ быть ея направленіе.

При разработкѣ правилъ гражданскаго судопроизводства, мысль составителей основныхъ началъ судебной реформы—предоставить мировымъ судьямъ право судить по совѣсти, а не по писанному закону—значительно поблекла. Здѣсь рѣчь шла уже только о томъ, чтобы возможно менѣе стѣснять мирового судью формальною законностью. При практическомъ осуществленіи этого намѣренія, представилась трудно разрѣшимая дилемма. Упростить правила мирового судопроизводства, освободивъ ихъ отъ сложныхъ и стѣснительныхъ формальностей общаго процесса, можно было безъ всякаго затрудненія; но какимъ образомъ согласовать право рѣшать дѣла по совѣсти и обязательность примѣненія свода законовъ? Въ 129 ст. устава гражд. судопр. мы встрѣчаемъ такое разрѣшеніе этой трудной задачи: «мировой судья, опредѣливъ, по убѣжденію совѣсти, значеніе и силу доказательствъ, постановляетъ рѣшеніе, которое не должно противорѣчить закону». Смыслъ приведенной статьи преграждаетъ мировому судьѣ всякую возможность обойти постановленіе писаннаго права, ради достиженія въ своемъ рѣшеніи конкретной справедливости. Какъ бы ни было правильно его рѣшеніе съ точки зрѣнія естественной справедливости, оно непремѣнно подлежитъ кассаціи, если не будетъ согласоваться съ закономъ. Такимъ образомъ, мировой судья, при разрѣшеніи дѣлъ, долженъ руководиться не субъективнымъ понятіемъ о справедливости, а исключительно положительнымъ закономъ.

Разсчитывали, что въ мировомъ судѣ вспомогательнымъ источникомъ права будетъ служить обычай. «Значеніе и сила обычая въ жизни, разсуждали составители судебныхъ уставовъ:—требуютъ, чтобы онъ былъ допущенъ и при разборѣ дѣлъ у мирового судьи, ибо въ противномъ случаѣ стѣснялась бы, безъ всякой надобности, самая жизнь, и рѣшеніе мирового судьи было бы явно несправедливымъ». Примѣненіе обычая обставлено условіями, очень сходными съ тѣми, при наличности которыхъ дозволяется рѣшать дѣла по совѣсти. По 130 ст. уст. гражд. судопр., мировой судья можетъ руководствоваться мѣстными обычаями «лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ или въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами». По замѣчанію покойнаго И. Г. Оршанскаго, статья 130 носитъ въ себѣ зародыши своей неосуществимости. Условія возможности примѣненія обычая оказываются слишкомъ затруднительными и сложными. Сюда въ особенности относится то правило, что обычай можетъ быть примѣняемъ лишь къ разрѣшенію такихъ вопросовъ, которые не разрѣшены

закономъ. На основаніи 9 ст. уст. гражд. судопр., обязательной и для мировыхъ учрежденій, въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія существующихъ законовъ, судъ обязанъ основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ закона. Поэтому, не можетъ возникнуть въ дѣлѣ такого юридическаго вопроса, который не разрѣшался бы если не буквальнымъ, то общимъ смысломъ закона. Стало быть, мировой судья вовсе не имѣетъ возможности примѣнять когда-либо обычай по случаю неполноты законовъ [1]. Еще того менѣе возможно примѣненіе обычая, противорѣчащаго закону (consuetudo legi contraria).

При обсужденіи правилъ гражданскаго судопроизводства, въ мировыхъ учрежденіяхъ, было высказано много очень вѣскихъ доводовъ въ пользу ихъ простоты и немногосложности. Указывали, между прочимъ, на желательную общедоступность мирового суда, которому будутъ подсудны дѣла, возникающія изъ случаевъ повседневной жизни. Простота конструкціи процесса должна соотвѣтствовать объему юрисдикціи этого суда. Зачѣмъ было бы обременять производство мировыхъ судей балластомъ сложныхъ формальностей, когда къ вѣдомству ихъ отнеслись «малоцѣнныя» и «маловажныя» дѣла, не требующія особенныхъ юридическихъ мудрствованій? «Малоцѣнность» и «маловажность» дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судьямъ, имѣли самое рѣшительное вліяніе во всѣ періоды разработки основъ судебной реформы и притомъ нетолько на организацію процесса, но и на судоустройство. «Къ предметамъ вѣдомства мирового судьи, значится въ журналѣ законодательной комиссіи:—должны быть отнесены только дѣла самыя простыя и несложныя, не представляющія трудности въ разрѣшеніи. Сюда относятся: вообще малоцѣнные иски, основанные на личныхъ обязательствахъ и договорахъ, иски о движимости, о вознагражденіи за ущербъ и убытки...» По поводу раздѣленія дѣлъ на цѣнныя и малоцѣнныя, Миттермайеръ замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи «Ueber den gegenwärtigen Zustand der Civilprozessgesetzgebung in Deutschland», что такое раздѣленіе совершенно произвольно и не основывается на какомъ-либо принципѣ. Почему искъ въ 500 рублей, подсудный, по нашему уставу гражданскаго судопроизводства, мировому судьѣ, съ увеличеніемъ исковой суммы на одинъ рубль, перестаетъ быть малоцѣннымъ, вслѣдствіе чего измѣняется его подсудность? ужъ, конечно, никакъ не потому, что различіе относительнаго значенія цѣнности этихъ двухъ исковъ зиждется на какомъ-нибудь раціональномъ основаніи. Тутъ все дѣло заключается въ томъ, что чисто практическія соображенія вызываютъ надобность установить какой-нибудь maximum цѣны иска, за предѣлами котораго измѣняется его подсудность. Этотъ maximum, опредѣляя подсудность дѣлъ, имѣетъ исключительно лишь процессуальное значеніе. Юридическая сложность дѣла не находится ни въ какой

---

[1] Журналъ гражданскаго и уголовнаго права. 1875 г. кн. 5, стр. 31—32.

зависимости отъ его цѣнности. Разрѣшеніе тысячнаго иска можетъ представлять менѣе юридическихъ трудностей, чѣмъ какъ могутъ представиться въ искѣ о десяти рубляхъ. А что это возможно не теоретически только, а и въ дѣйствительности часто такъ бываетъ, то простѣйшимъ доказательствомъ этого можетъ служить сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, изъ котораго легко убѣдиться, что бо́льшую часть сложныхъ и трудныхъ юридическихъ вопросовъ сенату приходилось разрѣшать при повѣркѣ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ. Отсюда слѣдуетъ, что юридическая сложность дѣла нисколько не зависитъ отъ его цѣнности. Въ заключеніе приведенныхъ соображеній относительно раздѣленія дѣла на цѣнныя и малоцѣнныя, слѣдуетъ упомянуть, что, при опредѣленіи степени состоятельности такого раздѣленія, должна быть принята во вниманіе и относительность понятія о малоцѣнности. Для бѣдныхъ людей, говоритъ Миттермайеръ, небольшая сумма имѣетъ такое же значеніе, какъ для богатыхъ большая. Но, кромѣ того, въ отношеніи принятаго у насъ maximum'а исковой суммы дѣлъ, относимыхъ къ категоріи малоцѣнныхъ, нужно еще замѣтить, что дѣло въ 500 рублей можетъ быть признано малоцѣннымъ развѣ въ богатой Англіи или въ Соединенныхъ Штатахъ.

Говоря о «маловажныхъ» дѣлахъ, составители судебныхъ уставовъ часто подъ маловажностью понимали собственно малоцѣнность и употребляли эти слова, какъ синонимы; но бо́льшею частію «маловажными» дѣлами они называли такія дѣла, въ которыхъ предположительно не можетъ представляться трудныхъ и сложныхъ юридическихъ вопросовъ. Сюда они относили иски по личнымъ обязательствамъ и о движимости; всѣ же дѣла о недвижимомъ имуществѣ изъяты изъ категоріи маловажныхъ дѣлъ. Раздѣленіе дѣлъ по вышеуказаннымъ признакамъ на важныя и маловажныя такъ же произвольно, какъ и дѣленіе ихъ на цѣнныя и малоцѣнныя. Пожалуй, съ извѣстной точки зрѣнія, дѣла о недвижимой собственности, дѣйствительно, представляются важнѣе дѣлъ о движимости и личныхъ искахъ, но только такая точка зрѣнія будетъ уже не цивилистическая. Ни которая изъ этихъ двухъ категорій дѣлъ не отличается преимущественною юридическою трудностью. При разрѣшеніи дѣлъ, какъ о недвижимости, такъ и о движимости, а равно исковъ по личнымъ обязательствамъ, могутъ потребоваться одинаково тонкій юридическій анализъ и глубокія познанія въ юриспруденціи. Впрочемъ, Миттермайеръ совершенно раздѣляетъ мнѣніе того члена баварской законодательной комиссіи, который, при обсужденіи проэкта кодекса гражданскаго судопроизводства, утверждалъ, что дѣла по обязательствамъ труднѣе дѣлъ о недвижимости.

Если признать, что малоцѣнности дѣла не соотвѣтствуетъ всегда юридическая простота и что дѣла о недвижимости не отличаются несравненными трудностями, то окажется, что наши мировые судьи разрѣшаютъ столь же трудные и сложные во-

просы гражданскаго права, какъ и общія судебныя мѣста. Нужно при томъ имѣть въ виду, что они должны разрѣшать ихъ по тѣмъ же самымъ юридическимъ началамъ, какими руководствуются окружные суды и судебныя палаты. Мы уже видѣли, что право мировыхъ судей основывать рѣшенія на субъективномъ чувствѣ справедливости и на обычаѣ хотя и признано въ принципѣ, но осуществленіе его допускается лишь при наличности такихъ условій, которыя едва ли могутъ встрѣтиться на самомъ дѣлѣ. Въ концѣ-концовъ, наши мировые судьи, при разрѣшеніи дѣлъ, могутъ руководствоваться только положительнымъ правомъ, пользуясь, какъ пособіемъ, общими научными началами. Хотя уже и самый текстъ судебныхъ уставовъ свидѣтельствуетъ объ этомъ съ достаточною ясностію, однако же, практика поняла это не сразу. Для вразумленія ея понадобилась многолѣтняя регулирующая дѣятельность сената. Но теперь уже дѣло выяснилось на чистоту. Если же и въ послѣднее время нѣкоторые мировые съѣзды разрѣшаютъ дѣла «на основаніи *трогательнаго* объясненія истца» (см. гражд. кас. рѣш. 1875 г. № 545), то это объясняется тѣмъ, что ихъ члены не одержимы склонностью слѣдить за кассаціонною практикою и спеціальною литературою, или же что они, и при всемъ добромъ желаніи, не могли преобразиться въ юристовъ.

Законодательная комиссія, обсуждавшая проэктъ устава гражданскаго судопроизводства, никогда не переставала считать въ числѣ источниковъ права, на которыхъ мировые судьи будутъ основывать свои рѣшенія, обычай и естественную справедливость. Если же оказалось, что пользованіе этими источниками допущено лишь при наличности такихъ условій, которыя вовсе не могутъ наступить, то это, конечно, не было сознаваемо комиссіею. Нельзя же предположить, чтобъ доступъ къ признаннымъ самою комиссіею источникамъ права былъ ею же прегражденъ сознательно. Разсчитывая, что мировой судъ будетъ органомъ не одного только формальнаго правосудія, она располагала установить соотвѣтствующія этому судопроизводственныя правила. Только спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, выяснилось, что, при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ, мировые судьи должны руководствоваться исключительно сводомъ законовъ. Причина исключенія изъ числа источниковъ права обычая и естественной справедливости крылась, какъ мы видѣли, въ постановленіяхъ устава гражданскаго судопроизводства, а не въ нерасположеніи мировой практики къ разрѣшенію дѣлъ по совѣсти и обычаю, подъ вліяніемъ котораго могло бы произойти извращеніе смысла этихъ постановленій. Напротивъ того: въ первое время, мировая практика, раздѣляя господствовавшую въ обществѣ увѣренность, что судебная дѣятельность мировыхъ судей будетъ отличатся патріархальнымъ характеромъ, недостаточно вникала въ смыслъ законоположеній, опредѣлявшихъ дѣйствительный характеръ дѣятель-

ности мировыхъ учрежденій, и воображала, что она можетъ не стѣсняться требованіями формальной законности. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой иллюзіи была масса отмѣненныхъ сенатомъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ. Когда съ теченіемъ времени выяснилось, что мировые судьи должны разрѣшать вопросы гражданскаго права «на точномъ основаніи законовъ», тогда обнаружилась недостаточность правилъ устава гражданскаго судопроизводства въ мировыхъ установленіяхъ, предназначавшагося преимущественно для суда по совѣсти и обычаю, а не по строгимъ и сложнымъ началамъ положительнаго права.

Формы процесса должны, по возможности, содѣйствовать раскрытію матеріальной истины. Чѣмъ эти формы совершеннѣе, тѣмъ онѣ болѣе способствуютъ проявленію конкретной справедливости. Но въ гражданскомъ процессѣ послѣдняя пока составляетъ только pium desiderium законодателя и ученыхъ. Современная наука права указываетъ лишь такую конструкцію процесса, которая способствуетъ обнаруженію условной, формальной правды, возможно болѣе согласующейся съ дѣйствительною, конкретною правдою. Процессуальныя правила, предназначенныя содѣйствовать открытію истины, составляютъ гарантію правосудія. Такъ думали и составители судебныхъ уставовъ, заключившіе свои соображенія по этому поводу замѣчаніемъ, что никакой судъ не можетъ обойтись безъ этихъ правилъ, «ибо безъ нихъ онъ былъ бы не судомъ, а произвольною расправою». Объ освобожденіи производства мировыхъ судей отъ всякихъ процессуальныхъ формальностей не могло быть и рѣчи, такъ какъ отъ нихъ не освобождено даже производство волостныхъ судовъ. Вопросъ сводился къ опредѣленію степени простоты и несложности порядка мироваго судопроизводства. По мнѣнію законодательной коммиссіи, общій характеръ его опредѣлялся свойствомъ подвѣдомственныхъ мировому суду дѣлъ, относящихся къ числу «маловажныхъ» и «малоцѣнныхъ». Правильность разрѣшенія такихъ дѣлъ не представляется надобности обезпечивать сложными формами процесса. Соотвѣтственно этому мнѣнію, были установлены самыя простыя и немногосложныя правила судопроизводства въ мировыхъ учрежденіяхъ. Когда же обнаружилось, что мировые судьи должны разрѣшать дѣла по тѣмъ же юридическимъ началамъ, какъ и общія судебныя мѣста, а съ другой стороны оказалось, что трудность и сложность дѣлъ не зависятъ отъ ихъ цѣнности, тогда сталъ чувствоваться недостатокъ общепризнанныхъ гарантій правосудія въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, предназначенномъ для мирового суда. Явилась надобность почти въ такомъ же сложномъ процессуальномъ аппаратѣ, какимъ дѣйствуютъ общія судебныя учрежденія. Но безъ вмѣшательства законодательной власти гдѣ было взять процессуальныя гарантіи правосудія, которыхъ не заключалось въ уставѣ? На этотъ разъ дѣло обошлось безъ той «ломки» судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, которой такъ страшатся нѣкоторые

ихъ почитатели, со стороны законодательной власти не послѣдовало измѣненія ни одной буквы въ уставахъ; а между тѣмъ, формы гражданскаго процесса въ мировомъ судѣ подверглись весьма значительнымъ преобразованіямъ. Передѣлка устава гражданскаго судопроизводства производилась такимъ способомъ, что ходъ ея былъ замѣтенъ далеко не для всѣхъ. Пополненіе устава недостававшими въ немъ процессуальными правилами было совершено сенатомъ; но само собою разумѣется, что кассаціонный судъ, не обладающій законодательною властью, не могъ бы, оставаясь въ предѣлахъ присвоенной ему власти, восполнять пробѣлы устава, еслибъ въ самомъ уставѣ не заключалось извѣстной точки опоры для дѣятельности его въ этомъ направленіи. Такою точкою опоры послужило содержаніе 80-й статьи устава гражданскаго судопроизводства. Въ этой статьѣ говорится, что «случаи, въ которыхъ мировой судья встрѣтитъ въ порядкѣ судопроизводства какое-либо затрудненіе, разрѣшаются имъ по соображеніи постановленій, изложенныхъ въ настоящей книгѣ (т. е. въ уставѣ мирового судопроизводства), съ подробными правилами судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ». Гражданскій кассаціонный департаментъ сената пояснилъ, что правила судопроизводства, установленныя для общихъ судебныхъ мѣстъ, должны быть примѣняемы по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ установленіямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ не установлено особыхъ изъятій для этихъ установленій и въ которыхъ примѣненію тѣхъ правилъ не препятствуютъ нѣкоторыя особенности въ порядкѣ производства, опредѣленныя исключительно для мировыхъ установленій. Во всѣхъ случаяхъ, для которыхъ въ уставѣ особаго постановленія для мировыхъ судей не содержится, они безусловно должны руководствоваться правилами судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ [1]. Смыслъ одного позднѣйшаго кассаціоннаго рѣшенія приводитъ къ заключенію, что въ тѣхъ случаяхъ, когда особенности въ порядкѣ судопроизводства, опредѣленныя исключительно для мирового суда, препятствуютъ примѣненію правила, установленнаго для общихъ судебныхъ мѣстъ, то правило это все-таки можетъ быть примѣняемо мировыми судьями, но только «не безусловно», а лишь въ той мѣрѣ, насколько оно можетъ быть принаровлено къ сказаннымъ особенностямъ» (гражд. кас. рѣш. 1875 г. № 264). Ближайшія цѣли настоящей статьи не требуютъ разрѣшенія вопроса о томъ, насколько формулированное сенатомъ общее правило руководства мировыми судьями законоположеніями, опредѣляющими порядокъ судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, правильно при-

[1] См., наприм., кас. рѣш. 1867 г. № 187; 25 апр. и 9 окт. 1874 г. по дѣлу Галицкой (Книримъ и Ковалевскій, Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента правит. сената за 1874 годъ, т. II. стр. 588); 9 янв. 1876 г. по дѣлу правленія товарищества никольской мануфактуры («Судеб. Вѣстникъ» 1876 г. № 153) и мн. др.

мѣнялся имъ къ частнымъ случаямъ, т. е. насколько основательно сенатъ считаетъ обязательнымъ для мировыхъ учрежденій примѣненіе той или другой статьи, помѣщенной въ отдѣлѣ устава гражданскаго судопроизводства, предназначенномъ для окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Для насъ достаточно знать, что указаннымъ путемъ постепенно были введены въ производство мировыхъ судей всѣ формы общаго процесса. Въ настоящее время, уже никакъ нельзя сказать, что правила гражданскаго судопроизводства въ мировомъ судѣ отличаются простотою и немногосложностью. Ошибочно было бы думать, что, при знаніи коротенькаго устава для мировыхъ учрежденій, можно вести дѣло у мироваго судьи, не рискуя натворить непоправимыхъ процессуальныхъ ошибокъ и упущеній. Теперь въ мировой судъ можно являться безъ опасенія проиграть вѣрное дѣло только во всеоружіи знанія судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и полнаго знакомства съ кассаціонною практикою. Но къ этому нужно еще присоединить почти совершенно такой же обширный запасъ свѣдѣній по гражданскому праву, какой требуется для веденія дѣлъ въ окружномъ судѣ. Неспеціалистъ справиться со всѣмъ этимъ отнюдь не можетъ. А между тѣмъ, надъ всякимъ, обращающимся въ мировой судъ, тяготѣетъ юридическая фикція, что правильно обнародованный законъ считается извѣстнымъ каждому гражданину. Никакихъ послабленій и изъятій изъ этого общаго начала не допускается, а потому и въ мировомъ судѣ не можетъ имѣть примѣненія правило, по которому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для лицъ извѣстнаго сословія и общественнаго положенія, jus ignorare permissum est.

Теперь своевременно будетъ обратится къ указанію той причины исключительно формальнаго отношенія нашихъ мировыхъ судей къ обязанности примирать тяжущихся, которую ранѣе мы должны были обойти молчаніемъ. Мы говорили уже, что, при склоненіи ихъ къ примиренію, мировому судьѣ приходится указывать имъ на справедливость взаимныхъ уступокъ и опредѣлять размѣръ послѣднихъ. Предлагая сторонамъ безобидныя, по его мнѣнію, условія мировой сдѣлки, судья руководствуется чисто субъективнымъ понятіемъ справедливости, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что въ извѣстномъ частномъ случаѣ оно можетъ и не согласоваться съ формальною справедливостью. Если старанія мирового судьи о примиреніи тяжущихся не увѣнчаются успѣхомъ, а это легко можетъ случатся, если одинъ изъ противниковъ понимаетъ, что формальная правда на его сторонѣ, то судьѣ приходится постановить судебное рѣшеніе. При разрѣшеніи судьею дѣлъ по совѣсти и обычаю, оно можетъ быть постановлено какъ разъ въ духѣ тѣхъ условій, на которыхъ онъ предлагалъ окончить дѣло миромъ. Въ случаѣ же сужденія дѣлъ по строгому праву, рѣшеніе мирового судьи непремѣнно должно согласоваться съ формальною законностью, хотя бы смыслъ его былъ діаметрально противоположенъ тѣмъ условіямъ, которыя,

при склоненіи тяжущихся къ примиренію, онъ самъ же предлагалъ или только одобрялъ, какъ справедливыя. Въ гражданскихъ дѣлахъ коллизія между формальною и естественною справедливостью можетъ встрѣтиться очень нерѣдко. Для не-юриста трудно примириться съ предпочтеніемъ первой, дѣлаемымъ, однакоже, ради достиженія послѣдней изъ нихъ, при чемъ предпочтеніе формальной законности разсматривается какъ гарантія конечнаго стремленія къ конкретной справедливости; для человѣка же малообразованнаго подобныя тонкости и вовсе недоступны. Разнорѣчіе формальной законности съ естественною справедливостью, выражающееся какимъ-нибудь практически ощутительнымъ для него образомъ, представляется ему просто беззаконіемъ. Выраженія: «законно» и «справедливо» онъ считаетъ синонимами. На такого человѣка должно произвести глубокое впечатлѣніе рѣшеніе мирового судьи, разрѣшающее споръ между тяжущимися несогласно съ тѣмъ, какъ онъ считалъ справедливымъ его окончить, когда склонялъ ихъ къ примиренію. Въ его головѣ возникнетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Почему, напримѣръ, мировой судья, признавъ, при склоненіи тяжущихся къ примиренію, какую нибудь уступку со стороны того или другого изъ нихъ справедливою, не принудилъ къ ней въ рѣшеніи? Если силою закона нельзя заставить сдѣлать такую уступку, то почему же мировой судья выдавалъ ее за справедливую? Не выходитъ ли, что онъ тянулъ въ сторону противоположную закону? Какъ могло случиться, что рѣшеніе судьи находится въ противорѣчіи съ его же собственнымъ понятіемъ о справедливости? Я не буду утверждать, что каждый изъ тяжущихся дѣйствительно станетъ задаваться такими вопросами; но полагаю, что мировой судья всегда имѣетъ основаніе думать, что онъ можетъ ими задаться. Сознаніе возможности щекотливаго недоумѣнія со стороны тяжущагося по поводу несогласія, основаннаго на формальныхъ соображеніяхъ рѣшенія мирового судьи съ началами естественной справедливости, къ примѣненію которыхъ онъ собственно склонялъ ихъ, ставитъ его въ ненормальное и тягостное положеніе. Опасеніе стать въ такое положеніе можетъ иногда ослабить усердіе мирового судьи при склоненіи тяжущихся къ миру и заставить его исполнять обрядъ примиренія только для соблюденія формальности.

В. Ивановъ.

Воскресенское, 11 нояб. 1877 г.

НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЬИ.

(Мотивы и выводы.)

VIII.

Послѣ Вѣны Пештъ — важный центръ славянства. На это у насъ никто, хорошенько, не обращалъ вниманія. Вообще, наши отношенія къ мадьярамъ — самыя односторонiя. Нашу печать вовсе не оправдываетъ то обстоятельство, что сами мадьяры, въ послѣднее время, предались неистовому антагонизму со всѣмъ, что̀ носитъ на себѣ отпечатокъ славянскихъ идей. Мы, ни въ журналистикѣ, ни въ книжной литературѣ, не занимаемся серьёзно этимъ своеобразнымъ и страннымъ народомъ, который, во всякомъ случаѣ, будетъ долго играть роль въ борьбѣ южнаго и югозападнаго славянства. Ниже, я выскажу свое мнѣніе, въ какой степени мадьяры будутъ вліять на судьбы славянства; но значеніе ихъ, какъ антиславянской націи въ предѣлахъ Австрійской Имперіи, несомнѣнно, и они заслуживаютъ болѣе точнаго изученія и даже (насколько это возможно для друзей славянства) безпристрастнаго отношенія къ ихъ исторической роли, къ ихъ стремленіямъ, національнымъ задачамъ, достоинствамъ и недостаткамъ. Сообразите только, что Пештъ теперь—не провинціальный городъ, какъ 12 лѣтъ тому назадъ, а настоящая, всѣми признанная, узаконенная столица государства чуть не въ 20 мильйоновъ жителей, изъ которыхъ почти половина принадлежитъ къ славянскому племени.

Мадьяры, въ силу своего соглашенія съ Австрійской Имперіей или, лучше сказать, съ домомъ Габсбурговъ, заняли, какъ извѣстно, исключительное положеніе нетолько въ своей собственной Транслейтаніи, но и вообще въ Австріи. (Сказать въ скобкахъ: они не любятъ слово «Транслейтанія»; они просто говорятъ «корона святаго Стефана» или «Венгерское королевство», прибавляя, что Транслейтанію выдумали нѣмцы, чтобы смягчить значеніе весьма невыгоднаго для нихъ дуализма).

Чтобы возможно-объективнѣе посмотрѣть на мадьяровъ, слѣдуетъ припомнить, что они, какъ нація, въ своемъ общественномъ и

культурномъ характерѣ, очень и очень напоминаютъ *нашъ* соціальный складъ. Собственно говоря, это—земледѣльческій народъ съ помѣщичьимъ сильнымъ и вліятельнымъ сословіемъ и съ массой крестьянства, находящагося отъ помѣщиковъ въ матеріальной зависимости. Цѣлыя губерніи Русской Имперіи, въ особенности наши западныя окраины въ Литвѣ и Польшѣ, представляютъ или недавно еще представляли почти такую же картину; разница состоитъ только въ степени довольства крестьянъ и въ той политической физіономіи, которую землевладѣльческое сословіе пріобрѣло въ Венгріи. Кто на своемъ вѣку встрѣчался со старыми венгерскими помѣщиками, бесѣдовалъ съ ними, изучалъ немножко ихъ типъ, взгляды и отношенія къ сельскому сословію, тотъ во многомъ узнавалъ нашу родную Русь. Опять повторяю: разница заключается только въ новѣйшемъ, чисто-политическомъ развитіи высшаго сословія. Средняго класса, буржуазіи, въ Венгріи сравнительно мало. Города, за исключеніемъ Пешта, скорѣе—огромныя села, чѣмъ настоящіе города. Въ странѣ національное промышленное развитіе самое слабое, а торговля и городская индустрія находятся, по бо́льшей части, въ рукахъ евреевъ и нѣмцевъ. Мадьяръ, оставаясь вѣренъ традиціямъ своего національнаго типа—воинъ, помѣстный баринъ, земледѣлецъ, винодѣлъ или скотоводъ. Торговля и промышленность и все то, что̀ составляетъ жизненную струю буржуазнаго сословія, до сихъ поръ не развито въ Венгріи и не находится въ почетѣ въ глазахъ истыхъ мадьяровъ. Я припоминаю разсказъ одного русскаго чиновника, человѣка развитаго и наблюдательнаго, который былъ, лѣтъ 8—9 тому назадъ, посланъ изучать табачное производство въ Западной Европѣ. Онъ жилъ и въ Венгріи и пораженъ былъ этимъ отсутствіемъ промышленнаго развитія богатой страны. Венгерскіе землевладѣльцы такъ равнодушны къ успѣхамъ техническаго и торговаго дѣла, что даже не пользуются, какъ слѣдуетъ, продуктами своихъ сельско хозяйственныхъ произведеній, не строятъ даже фабрикъ, заводовъ въ такомъ количествѣ, какое могло бы соотвѣтствовать хлѣбородію венгерской земли; но тѣ же помѣщики, въ смыслѣ государственнаго, политическаго развитія страны, играютъ самую выдающуюся роль. Русскимъ читателямъ извѣстно, что мадьяры создали свою новѣйшую конституцію въ духѣ консервативнаго либерализма, консервативнаго въ томъ смыслѣ, что они удержали всѣ права и преимущества высшаго сословія, оставили у себя палату господъ, т. е. титулованныхъ дворянъ, и даже съ сохраненіемъ такихъ правъ, которыя и въ Англіи не существуютъ: по венгерской конституціи, *всѣ члены* каждой титулованной фамиліи имѣютъ право засѣдать въ палатѣ господъ, а не одни только старшіе сыновья, какъ это мы видимъ въ англійской и прусской конституціяхъ. Но, несмотря на такую приверженность къ историческому старью, на такое противорѣчіе съ общимъ либеральнымъ духомъ, господствующимъ въ современной Венгріи, мадьярскіе помѣщики, въ

особенности изъ нетитулованныхъ, пріобрѣли въ послѣднее время значительное вліяніе на весь внутренній политическій строй своей земли. Мадьярскіе патріоты либеральнаго оттѣнка возлагаютъ самыя лучшія надежды на землевладѣльческій классъ, соотвѣтствующій тому, что̀ въ Англіи называется «джентри». Въ этомъ классѣ собственно сидитъ вся суть теперешняго мадьярскаго «духа», т. е. сильное національное чувство, желаніе обособиться отъ нѣмцевъ, антагонизмъ съ славянствомъ, стремленіе сдѣлать свою національную культуру очень либеральной. Все это, конечно, въ рамкахъ мадьяризма. Съ этой джентри и надо бороться каждому другу славянства, ее и нужно, по преимуществу, изучать и слѣдить за тѣмъ, что̀ въ ней происходитъ, а она, сколько мнѣ извѣстно, такъ же мало изучается нашими публицистами, путешественниками и даже славянолюбцами, какъ и многое другое, что̀ слѣдовало бы знать не по наслышкѣ и не въ видѣ общихъ мѣстъ.

IX.

Въ Пештъ попалъ я въ началѣ лѣта 1877 года, т. е. въ самый разгаръ антирусскихъ и антиславянскихъ чувствъ, послѣ тѣхъ туркофильскихъ манифестацій, которыя возмутили такъ всю русскую публику. Это туркофильство, на взглядъ безпристрастнаго человѣка, являлось, дѣйствительно, непослѣдовательнымъ и смѣшноватымъ. Самое поверхностное знакомство съ исторіей венгерскаго народа показываетъ, что турки должны бы считаться мадьярами своими исконными, историческими врагами. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, турецкій паша господствовалъ въ Будѣ, т. е. въ томъ же Пештѣ, только въ задунайской его половинѣ, и занималъ крѣпость и окрестныя мѣстности въ теченіи болѣе столѣтія? Вся Западная Европа (съ того момента, какъ турки овладѣли Константинополемъ) смотрѣла на венгерцевъ (и отчасти на поляковъ), какъ на особаго рода крестоносцевъ, предназначенныхъ своимъ географическимъ положеніемъ къ непрестанной борьбѣ съ невѣрными. Эта вражда входила въ плоть и кровь каждаго мадьяра-воина, каждаго крестьянина и пастуха. До сихъ поръ въ любомъ ресторанѣ Пешта вы найдете, на картѣ винъ, вино, называющееся *турецкая кровь*. Униженіе, какое турки нанесли венгерскому народу своимъ господствомъ—самое недавнее; оно немногимъ старше сербскаго гнёта; оно продолжалось до XVIII-го столѣтія; но въ томъ-то и дѣло, что политическія событія, которыя сопровождаются напряженіемъ всѣхъ силъ націи, если за ними слѣдуетъ достиженіе извѣстныхъ цѣлей, такъ вліяютъ на національный духъ, что старое слишкомъ быстро забывается. На что̀ уже сильна и продолжительна была борьба и вражда между нѣмцами и мадьярами! 27 лѣтъ тому назадъ, габс-

бургская имперія, дѣйствительно, одну минуту, находилась въ рукахъ венгерскаго «мятежника» Кошута, и что же мы видимъ? Что самые завзятые мадьяры, бывшіе эмигранты, люди, приговоренные по нѣскольку разъ къ повѣшенію и разстрѣлянію, теперь совершенно помирились съ нѣмцами, въ лицѣ австрійцевъ нѣмецкаго происхожденія—помирились не сердечно, а головой, съ сознаніемъ своей выгоды, съ сознаніемъ того, что эти самые нѣмцы, по разнымъ соображеніямъ, утвердили ихъ первенство въ Транслейтаніи, сдѣлали ихъ настоящими хозяевами и владѣльцами «короны святаго Стефана». Быть можетъ, современемъ, и даже не въ далекомъ будущемъ, столкновеніе опять произойдетъ; но теперь всякій мадьяръ (и чѣмъ онъ—болѣе патріотъ, тѣмъ сильнѣе будетъ вамъ это утверждать) доказываетъ, что время остраго антагонизма съ нѣмцами прошло, что, въ настоящую минуту, каждый венгерскій патріотъ долженъ хлопотать о соглашеніи съ Австріей и забывать все болѣе и болѣе недавнія обиды, кровавую борьбу и продолжительный габсбургскій гнётъ. Точно тоже произошло и относительно Турціи. Все лѣтосчисленіе новѣйшіе мадьярскіе патріоты начинаютъ съ 1849 года; это для нихъ—какая-то, особаго рода, магометанская эра; дальше ея они не хотятъ идти въ вопросахъ текущей политики, дальше они проникаютъ только для подкрѣпленія своихъ историческихъ претензій, о чемъ можно будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ. Кто оказался ихъ другомъ или, по крайней мѣрѣ, кто не былъ ихъ врагомъ въ тотъ моментъ, когда они возстали противъ Австріи, тотъ и получилъ естественное право на ихъ признательность и сочувствіе. Турки принимали ихъ бѣглецовъ, давали имъ хорошія мѣста и денежную поддержку; съ тѣхъ поръ патріоты-мадьяры и считаютъ турокъ дружественнымъ народомъ; да, вдобавокъ, въ самой Турціи есть милліоны славянъ, стремящихся къ освобожденію; а это освобожденіе, прямо и всецѣло, нарушаетъ интересы мадьяровъ, какъ они понимаются интеллигенціей этого властолюбиваго, исключительнаго и пылкаго народа. Но, несмотря на манифестаціи, бывшія въ Пештѣ во время пріѣзда константинопольскихъ софтовъ, я смѣло могу утверждать, что далеко не всѣ представители мадьярской интеллигенціи заражены крайнимъ туркофильствомъ; скажу даже болѣе: есть не мало хорошихъ мадьярскихъ патріотовъ, принадлежащихъ къ очень либеральному оттѣнку, депутатовъ, профессоровъ, землевладѣльцевъ, которые совсѣмъ не преданы туркофильству, смѣются надъ нимъ не менѣе нашихъ русскихъ публицистовъ, очень хорошо сознавая, что нація, считающая себя культурной, только компрометируется, необузданно проявляя свои симпатіи къ мусульманскому преобладанію. Я такихъ людей знаю, бесѣдовалъ съ ними въ Пештѣ и прибавлю, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ кружку настоящихъ западниковъ и, въ то же время, хорошихъ патріотовъ. Одинъ изъ нихъ — сынъ извѣстнаго эмигранта 1849 года и ученаго археолога Пульскаго, о которомъ

читатели моихъ корреспонденцій имѣютъ понятіе. Отецъ и сынъ расходятся радикально на этомъ пунктѣ, и такой антагонизмъ, въ данномъ случаѣ—весьма характеристиченъ. Сынъ, въ общемъ политическомъ смыслѣ—воспитанникъ своего отца: провелъ дѣтство заграницей, въ изгнаніи, въ Лондонѣ, воспитался подъ вліяніемъ западнаго радикализма и рѣзкихъ мадьярскихъ стремленій; занимаетъ мѣсто профессора философіи права въ пештскомъ университетѣ и депутата въ нижней палатѣ. И въ то время, какъ отецъ его, искренно или нѣтъ, предсѣдательствовалъ на митингѣ ярого туркофильскаго оттѣнка, сынъ не принималъ въ немъ ни малѣйшаго участія и даже въ интимныхъ домашнихъ бесѣдахъ полемизировалъ съ нимъ, что и мнѣ приходилось слышать; а меня лично увѣрялъ, что не мало молодыхъ депутатовъ, землевладѣльцевъ и вообще интеллигентныхъ людей, въ Пештѣ и въ странѣ, воздерживаются отъ этого комическаго пристрастія къ софтамъ и отъ неумѣренныхъ надеждъ на турецкую цивилизацію. Молодой Пульскій и его единомышленники увѣряли меня даже, что и во время пламенныхъ проявленій сочувствія, бывшихъ въ Пештѣ, все мыслящее и трезвое воздерживалось отъ нихъ, стояло въ сторонѣ и относилось къ увлеченіямъ города Пешта болѣе, чѣмъ скептически. И нельзя не согласиться съ ними, что подъ этимъ напускнымъ турколюбіемъ кроется одинъ существенный и вполнѣ понятный мотивъ—непріязнь къ славянамъ, которые явились въ 1848 и 1849 годахъ врагами либеральныхъ стремленій мадьяровъ.

X.

Тутъ я предвижу сейчасъ же возраженіе безусловныхъ защитниковъ славянъ. Они скажутъ: «славяне дѣйствовали подъ вліяніемъ здраваго инстинкта, ставши на сторону габсбургскаго дома; они чувствовали, что торжество мадьяровъ вело за собой ихъ униженіе, ихъ дальнѣйшее, еще болѣе сильное, порабощеніе чуждой національности». Я не буду доказывать, что такой взглядъ не имѣетъ никакой основательности; но я, все таки, приглашу каждаго изъ моихъ читателей стать, прежде всего, на точку зрѣнія мадьяровъ, враговъ австрійскаго деспотизма, стремившихся къ освобожденію своей національности и, вдобавокъ, въ то время, въ эпоху 1848 года, бывшихъ гораздо менѣе исключительными, допускавшихъ даже идею *федеративнаго* венгерскаго государства. Стать на такую точку зрѣнія мы обязаны, потому что положеніе насъ, русскихъ, въ этомъ смыслѣ, самое выгодное: мы можемъ и *должны* быть безпристрастны. И что же говорятъ намъ факты? Они говорятъ, что славяне, населявшіе ту территорію, которую мадьяры считали, по праву или нѣтъ, *своей*, явились покорными защитниками *чего?* Меттерниковскихъ прин-

цiею. *Этого отрицать невозможно.* Если и было у венгерскихъ славянъ, т. е. у сербовъ и хорватовъ, тайное желанiе заявленiемъ своей преданности Габсбургскому дому отстоять мѣстную автономiю, то это, опять-таки, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ либерализмомъ, какимъ одушевлялась Европа въ 1848 г. У хорватовъ, сыгравшихъ такую антилиберальную роль подъ предводительствомъ своего бана Елачича, былъ, въ крайнемъ случаѣ, простой *разсчетъ,* да и то еще расчетъ полусознательный; гораздо же болѣе дѣйствовали страстный антагонизмъ съ мадьярами и славянская привычка къ династической вѣрности. Событiя 1849 г. слишкомъ еще близки. Kàкъ же мы можемъ требовать, чтобы истый мадьярскiй патрiотъ забылъ ихъ, чтобы онъ не чувствовалъ, до сихъ поръ, до какой степени поддержка, оказанная венгерскими славянами вѣнскому правительству, была фатальна для мадьярской свободы? Эта поддержка почти такъ же доканала мадьяровъ, какъ и русская военная сила. Но и раньше, въ теченiи вѣковъ, вражда между сербами и мадьярами не переставала. Была эпоха, когда сербы побѣдоносно дрались и подчиняли себѣ мадьяровъ; и, надо сказать правду, сербскiе патрiоты вовсе не стѣсняются въ своей страстной полемикѣ и сплошь и рядомъ напоминаютъ о томъ фактѣ, что ихъ предки «рѣзали табакъ на мадьярскихъ головахъ». Бана Елачича нѣтъ въ живыхъ; но другаго сербскаго полководца изъ той же эпохи, Стратимировича, я знаю лично. Онъ—образованный и талантливый военный человѣкъ, искреннiй другъ славянства и сербскiй патрiотъ; въ немъ, вѣроятно, жило болѣе сознательное чувство, чѣмъ въ массѣ сербовъ и хорватовъ, пошедшихъ на помощь меттерниховской политикѣ; но и въ немъ, до сихъ поръ, сказывается племенной антагонизмъ, въ которомъ черезчуръ много того же высокомѣрiя, нетерпимости и историческаго хвастовства, какими сербы попрекаютъ мадьяровъ. Врядъ ли, какая бы то ни было нацiя, очутившись въ теперешнемъ положенiи венгерцевъ, способна была отрѣшиться отъ всякаго чувства возмездiя или, по крайней мѣрѣ, горечи. Они не могутъ переварить и тотъ фактъ, что въ предѣлахъ ихъ «короны» существуетъ небольшое автономное государство, Хорватiя, съ своими историческими славянскими правàми; они должны были сдѣлать эту уступку, пойти на подобный компромиссъ; но мириться съ нимъ не въ состоянiи, и тутъ, по моему мнѣнiю, чувство исторической вражды, поддерживаемой событiями 1849 г., играетъ самую выдающуюся роль. Каждый мадьяръ, кàкъ бы онъ нѝ былъ умѣренъ, говоритъ:

— «Хорватiя прiобрѣла свои правà измѣной дѣлу свободы, а теперь каждый хорватъ насъ же считаетъ притѣснителями, хотя всѣ они пользуются совершенно исключительными правàми, считаясь подданными венгерскаго королевства».

И хорваты, и сербы венгерскихъ комитатовъ, и граничары (т. е. жители Военной Границы) одинаково антипатичны мадьярамъ. Съ граничаромъ венгерскiй воинъ могъ бы имѣть общность

воинственныхъ привычекъ и геройскаго духа; но этотъ граничаръ, опять-таки, былъ всегда вѣрнѣйшимъ слугою габсбургскаго дома и до сихъ поръ не признаетъ надъ собой никакого авторитета, кромѣ австрійскаго, *военнаго*. Не въ правѣ ли, послѣ того, мыслящій венгерскій патріотъ говорить, что въ цѣломъ населеніи славянскихъ національностей живетъ до сихъ поръ духъ рабскаго подчиненія авторитетамъ; что даже сами сербы, которые кричатъ о своемъ анти-нѣмецкомъ политическомъ движеніи, могутъ, въ видѣ жителей Военной Границы, превращаться въ вѣрныхъ слугъ габсбургскаго дома, поддерживая нѣмецкую гегемонію, которая не имѣетъ никакого преимущества, ни въ государственномъ, ни въ національномъ смыслѣ, надъ гегемоніей мадьярской, по крайней мѣрѣ въ глазахъ каждаго славянина?

Мы, русскіе, волей или неволей, не какъ народъ, но какъ матеріалъ правительственной власти, явились тоже поддержкой дряхлѣющей Австрійской Монархіи въ 1849 году. Нетолько каждый мадьярскій эмигрантъ, депутатъ, образованный буржуа, но всякій старый крестьянинъ, отставной солдатъ и безграмотный первобытный пастухъ мадьярскихъ равнинъ сохранилъ до сихъ поръ чувство вражды къ имени русскаго. Поди́те, убѣдите его, что Россія поддерживала Австрію безкорыстно. Онъ вамъ, съ своимъ простымъ здравымъ смысломъ, навѣрно отвѣтитъ, что никто русскихъ не звалъ въ Венгрію, кромѣ тогдашняго заклятаго врага мадьярской свободы, австрійскаго императора; что этимъ пришлымъ войскамъ должны были сдаться предводители возстанія и увеличить, такимъ образомъ, позоръ мадьярской націи; и если такой первобытный мадьяръ начнетъ проповѣдывать, что русскіе дрались въ угоду и въ интересахъ исконнаго врага славянскаго племени, онъ будетъ нетолько *по своему*, но и вообще, правъ, какими бы хитросплетеніями ни запутывали вопроса иные славянолюбцы.

Все, что̀ я сказалъ сейчасъ—факты общеизвѣстные; но почему-то ихъ обѣгаютъ, и въ нашей печати привыкли брать исходной точкой всякихъ политическихъ разсужденій только одни притязанія мадьяръ на гегемонію, на эксплуатацію и подавленіе славянъ. Односторонность очевидна.

Надо, прежде всего, присмотрѣться немного къ складу извѣстнаго народа, а не довольствоваться готовыми фразами и произвольными соображеніями. Мнѣ кажется, что мадьяры, сами по себѣ, не хуже и не лучше тѣхъ славянъ, надъ которыми они теперь господствуютъ. Ихъ главный политическій недостатокъ—стремленіе къ гегемоніи, несоотвѣтствующее ни ихъ численности, ни культурному развитію — есть, какъ разъ, *недостатокъ общеславянскій*. Врядъ ли я впадаю въ парадоксъ. Развѣ не справедливо, что каждая, даже самая маленькая славянская народность, какъ только она возрождается или приходитъ къ своему самосознанію, тотчасъ же проявляетъ наклонность къ самомнѣнію, къ преувеличенію своей силы и, главное, къ захвату, къ господ-

ству, къ подчиненію другихъ славянскихъ племенъ? Эта исторія повторяется въ теченіи многихъ вѣковъ, и, въ настоящую минуту, можно ее прослѣдить во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Хотя на это и указали многіе до меня, но не мѣшаетъ припомнить, что чехи страдаютъ въ высшей степени этой наклонностью къ гегемоніи; они провозгласили себя передовымъ народомъ западнаго славянства и безъ церемоніи причислили словаковъ къ своей національности, враждуютъ съ ними за то, что тѣ стали разрабатывать свою литературу, и, дай имъ только власть и силу, прибрали бы этихъ словаковъ преспокойно къ своимъ рукамъ не хуже мадьяровъ. Тоже самое мы видимъ и въ двухъ развѣтвленіяхъ сербскаго племени: хорватахъ и собственно сербахъ, о чемъ я еще буду говорить подробнѣе ниже. Ихъ антагонизмъ извѣстенъ вмѣстѣ съ ихъ взаимными притязаніями, между которыми стоятъ и притязанія Сербіи на другую, уже совсѣмъ не сербскую разновидность славянскаго племени—на болгаръ. Въ исторіи Польши повторялся тотъ же фактъ славянской національной психологіи; да и мы, русскіе (если хотимъ быть безпристрастны), должны сознаться, что очень и очень хромаемъ на ту же ножку. Почему же не быть безпристрастными относительно мадьяровъ? Боритесь съ ними, не позволяйте имъ заявлять фактически свои притязанія, отстаивайте свою самобытность, подкапывайтесь подъ венгерское владычество; но согласитесь, что этотъ духъ господства и исключительнаго преобладанія — общій вашъ и съ монголо-тюркскимъ племенемъ, которое врѣзалось клиномъ въ восточныя окраины Европы и перепутало тамъ всѣ народности. Вся бѣда мадьяровъ и заключается въ этомъ ненормальномъ географическомъ положеніи; имъ нужно или погибнуть, или основать націю, именно *націю, а не народъ;* къ этому они и стремятся; успѣшно или нѣтъ—покажетъ будущее. Въ сущности, что такое венгерское королевство, какъ оно теперь существуетъ, по конституціи дуалистической имперіи? Это есть полу-федеративный политическій организмъ, въ которомъ народность средней численности, вслѣдствіе своего политическаго развитія, имѣетъ возможность домогаться государственнаго господства; но и крайнія притязанія мадьяровъ (если признать, что существуетъ королевство венгерское) сводятся только къ проведенію національнаго единства. Потолкуйте-ка вы съ либеральнымъ мадьяромъ на эту тэму! Онъ вамъ сейчасъ укажетъ на примѣръ Франціи, Пруссіи и Англіи (не говоря уже о Россіи), гдѣ національное единство точно также попираетъ племенныя особенности. Другой вопросъ: какими путями достигнуто это единство? Да и тутъ на сторонѣ Венгріи не окажется *никакихъ особенныхъ прегрѣшеній*; вездѣ это единство достигнуто, болѣе или менѣе, путемъ силы и насилія. Во Франціи мы имѣемъ нѣсколько племенъ, не говорящихъ французскимъ языкомъ, не имѣющихъ, по типу, историческимъ преданіямъ и культурнымъ особенностямъ, почти ничего общаго съ типомъ средняго француза: это—баски, провансальцы,

бретонцы, оверньцы. Въ Англіи мы видимъ цѣлую страну, какъ Ирландія, которая до сихъ поръ всячески бьется изъ-за своей самобытности и не можетъ этого достигнуть; мы видимъ цѣлый народъ чисто кельтическаго происхожденія, населяющій княжество Уэльсъ. Въ Пруссіи и даже въ Саксоніи цѣлыя области населены чистѣйшими славянами: въ первой—поляками, во второй—верхними и нижними лужичанами, а въ Венгріи оказывается, что цѣлое славянское племя, хорваты, такъ или иначе, добилось весьма серьёзной автономіи и прикрѣплено къ общему венгерскому государственному организму самыми тонкими нитями, которыя почти не вліяютъ на внутренній бытъ страны. Все же остальное, что заключается въ предѣлахъ «венгерской короны»—сербовъ, словаковъ, румыновъ—мадьяры желаютъ непремѣнно подвести къ одному знаменателю, образовать изъ этого націю съ однимъ государственнымъ языкомъ и съ единствомъ учрежденій политическихъ, соціальныхъ, культурныхъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Вещь — самая простая; она кажется ужасною и возмутительною только съ исключительно-славянской точки зрѣнія; но опять-таки проявляетъ собой отрицательныя свойства, общія всѣмъ славянамъ, какъ я указалъ на это сейчасъ. Разъ вы хоть сколько-нибудь помирились съ тѣмъ, что мадьяры не могутъ не стремиться къ національному единству, вы должны будете признать и положительныя черты венгерскаго государственнаго строя; на нихъ вамъ мадьярскіе патріоты сейчасъ же и укажутъ. Эти черты: народное представительство, которое, несмотря на противорѣчія, указанныя мною выше, придаетъ политическому устройству характеръ весьма широкаго народоправства. *Палата магнатовъ* уже теперь не играетъ роли, а нижняя палата все болѣе и болѣе наполняется людьми средняго достатка и представителями городской интеллигенціи. Мадьяры выработали себѣ обязательный либерализмъ, и они отъ него не могутъ отступиться; всякій венгерскій подданный пользуется существенными правами конституціоннаго государства: неприкосновенностью личности, свободой слова, свободой сходокъ и ассоціацій, свободой совѣсти, полнѣйшей религіозной терпимостью. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, венгерцы, кто бы что ни говорилъ, неизмѣримо выше восточныхъ и западныхъ славянъ. Хотя они были долгіе вѣка сильно католической націей, но съумѣли высвободиться изъ-подъ клерикальнаго гнёта, и въ простомъ венгерскомъ народѣ католицизмъ держится рядомъ съ протестантствомъ. Кто хоть сколько нибудь живалъ въ Венгріи, долженъ сознаться, что тамъ религіозныхъ вопросовъ, вѣроисповѣдной вражды не существуетъ; даже весьма странно видѣть, какъ въ этой пылкой національности сложилось такое широкое отношеніе къ религіи; никто даже и не толкуетъ о какихъ нибудь національныхъ вѣрахъ, о томъ, какая вѣра связана съ какой народностью; *а эти толки до сихъ поръ еще гремятъ въ славянскомъ мірѣ*. Никому въ Венгріи никакого нѣтъ дѣла до того, что те-

нерешній первый министръ, т. е., по-просту, правитель Венгріи, Тисса, по религіи своей—протестантъ. И какъ только вы помиритесь съ тѣмъ, что мадьярамъ, по ихъ понятіямъ, нельзя иначе быть, какъ стремиться къ образованію *націи*, вы должны будете согласиться, что каждой народности или, лучше сказать, каждому племени конституція Венгріи предоставляетъ совершенно равныя правà и въ политическомъ, и въ религіозномъ, и въ соціальномъ, и въ культурномъ отношеніи. Но обособленной автономіи словаковъ, сербовъ, румыновъ она не допускаетъ, и тутъ является на сцену цѣлый рядъ обличеній, доказывающихъ, кàкъ ревниво мадьярская администрація старается задушить славянскую обособленность тамъ, гдѣ она имѣетъ на это оффиціальное право, особливо въ средѣ словаковъ, бѣднаго, забитаго племени, неимѣющаго до сихъ поръ вліятельнаго класса и, вдобавокъ, разселеннаго самымъ невыгоднымъ для себя образомъ, посреди мадьяровъ и нѣмцевъ. Словакамъ и сербамъ можно развиваться, сохраняя всю племенную физіономію, только въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, т. е. употреблять языкъ въ частной жизни, писать и печатать на немъ журналы и книги, заводить элементарныя и частныя среднія училища, образовывать ученыя и литературныя общества; опять-таки—по-тихоньку, безъ большой огласки, иначе мадьярская администрація съумѣетъ затормозить всякое опасное для *венгерской короны* дѣло и даже не поцеремонится пустить въ ходъ и произволъ, *на законномъ основаніи*. Жалобъ на такія «беззаконія» вы наслушаетесь отъ всякаго словака и серба.

Я уже замѣтилъ выше, что конституція венгерскаго королевства страдаетъ различными противорѣчіями, сдѣланными въ угоду отчасти сословному духу, отчасти традиціямъ такъ называемаго «историческаго» характера; но эти противорѣчія служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и славянскимъ домогательствамъ. Такъ, напримѣръ, въ верхней палатѣ рядомъ съ католическими епископами и архіепископами сидятъ высшіе православные духовные; и въ тоже время, сербская православная церковь въ Венгріи пользуется совершенною самостоятельностію, управляется своимъ «соборомъ» и нетолько не находится ни въ какой зависимости отъ католической іерархіи, но распространяетъ свою церковную юрисдикцію и за предѣлы Венгріи. Другое противорѣчіе идеѣ государственнаго единства, это—хорватскіе депутаты въ нижней палатѣ; они составляютъ въ ней такое же государство въ государствѣ, какъ Хорватія въ коронѣ св. Стефана; на нихъ не распространяется обязанность депутатовъ говорить по-мадьярски; имъ предоставляется прàво употреблять свой національный языкъ, участвовать въ преніяхъ по вопросамъ обще-государственнаго интереса; въ обсужденіи же и вотированіи чисто венгерскихъ интересовъ они не принимаютъ участія. Можно радоваться, съ славянской точки зрѣнія, что цѣлая група депутатовъ изъ хорватовъ пользуется такой прерогативой; но не нужно много безпристрастія, чтобы увидать ея непрактичность въ такой палатѣ, ко-

-торая представляетъ собою высшую законодательную власть государства, стремящагося къ національному единству.

Какъ только хорватскій депутатъ начинаетъ говорить на своемъ языкѣ, его никто не понимаетъ: ни мадьяръ, ни словакъ, ни румынъ, ни угорскій русскій; а по обычаю всякаго представительства, гдѣ дѣла рѣшаются большинствомъ, слѣдуетъ, конечно, употреблять одинъ какой нибудь языкъ, понятный для всѣхъ. Хорватскіе депутаты, съ своей стороны, не понимая по-мадьярски (такихъ не мало), не могутъ какъ слѣдуетъ участвовать въ преніяхъ по вопросамъ обще-государственнаго интереса. Такая уступка мѣстной автономіи была дѣлаема когда-то въ пьемонтскомъ парламентѣ: тамъ савойскіе депутаты имѣли право говорить по-французски; но надо припомнить, что савойцы, находясь подъ піемонтскимъ господствомъ, никогда не мечтали о своей политической автономіи, между тѣмъ какъ хорваты не ограничиваются даже въ своихъ мечтаніяхъ и единствомъ теперешней хорватской территоріи, о чемъ мы еще потолкуемъ ниже.

XI.

Мнѣ необходимо было распространяться нѣсколько о мадьярскомъ государственномъ бытѣ и національномъ характерѣ этого, во всякомъ случаѣ, своеобразнаго племени, чтобы яснѣе и тверже поставить вопросъ: *Какая опасность грозитъ славянству отъ мадьяровъ?*—Вопросъ этотъ тревожитъ всѣхъ друзей славянства, а между тѣмъ, для его практической разработки, для серьёзнаго противодѣйствія мадьярству до сихъ поръ ничего не дѣлается со стороны тѣхъ, кто толкуетъ о нашей солидарности съ западными и юго-восточными «братьями». У мадьяровъ есть положительныя государственныя качества. Смѣшно и даже постыдно довольствоваться шуточками и остро̀тами надъ ихъ претензіями, доказывать, что, кромѣ «гуляша» и узкихъ панталонъ, они ничего не выдумали культурнаго. Возьмемъ только теперешній status quo мадьярскаго общества: мы видимъ въ немъ несомнѣнный политическій смыслъ, большое единство направленія во всей либеральной половинѣ націи; а эта половина представляетъ собой безусловное большинство; мы видимъ единство національныхъ задачъ, замѣчательную спѣтость, выдержку, несмотря на частые порывы, выходки и непослѣдовательность; мы видимъ ловкость во всемъ, что̀ касается политической и общественной жизни, и сосредоточеніе въ рукахъ достаточныхъ и развитыхъ классовъ матеріальныхъ средствъ и всѣхъ существенныхъ традицій мадьярства. Нетолько у себя въ Венгріи, но и въ Вѣнѣ, мадьярскіе дворяне и буржуа успѣли прибрать къ своимъ рукамъ высшую администрацію, занимая самыя видныя мѣста въ войскѣ и, въ особенности, въ дипломатіи. Еслибы они застыли въ средневѣко-

выхъ формахъ и сословныхъ рамкахъ, то имъ бы, конечно, не удалось играть теперешней роли; но высшее и среднее ихъ дворянство начинаетъ подражать лучшимъ традиціямъ англійской аристократіи и джентри и не мѣшаетъ развитію демократическаго духа. Въ городахъ масса все болѣе и болѣе принимаетъ участіе въ общественной и политической жизни, дѣлается развитѣе и сознательнѣе въ достиженіи цѣлей національнаго и культурнаго прогресса, какъ онъ понимается теперь мадьярскимъ большинствомъ. Ко всему этому надо присоединить давнишнія симпатіи къ Венгріи западной Европы, въ особенности Франціи, которыя сохранились въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ, напримѣръ, симпатіи къ Польшѣ и польской эмиграціи. Но славянамъ не трудно было бы, при другомъ умѣньи и другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, воспользоваться цѣлой групой недостатковъ мадьярскаго характера и слабыми сторонами государственнаго склада Венгріи. Прежде всего, мадьяры, какъ извѣстно въ абсолютномъ меньшинствѣ по своей численности; ихъ претензіи превышаютъ ихъ матеріальныя и духовныя силы, но надо прибавить: эти претензіи, все-таки, законнѣе, чѣмъ притязанія разныхъ мелкихъ славянскихъ народностей, въ родѣ хорватовъ, на гегемонію и созданіе цѣлыхъ большихъ государствъ. Военная исторія венгровъ придала имъ особый душевный типъ высокомѣрія, правда, наивнаго, но до сихъ поръ очень живучаго. Даже нѣмцы всячески подсмѣиваются надъ постоянными прибаутками каждаго мадьяра о преимуществѣ его расы и величіи венгерской короны. Все ихъ политическое развитіе одностороние, именно вслѣдствіе этого преувеличеннаго сознанія своей силы и культурности; поэтому-то они стоятъ въ Европѣ особнякомъ и должны будутъ всегда опираться на кого-нибудь (какъ теперь на нѣмцевъ), чтобы осуществить свои національные и государственные идеалы, неразрывные съ поглощеніемъ славянскихъ племенъ. Ихъ происхожденіе и языкъ уединяютъ ихъ въ семьѣ индо-европейскихъ народовъ и не могутъ позволить имъ вступить когда-либо въ настоящее политическое общеніе съ какимъ-нибудь крупнымъ цивилизованнымъ народомъ Европы. Теперешній ихъ союзъ съ австрійскими нѣмцами—временный и чисто искуственный, хотя они и толкуютъ, что историческія вражды можно передѣлывать, увѣряютъ въ своемъ искреннемъ примиреніи съ недавними заклятыми врагами; но факты противорѣчатъ этому на каждомъ шагу. Стòитъ только вспомнить исторію комическаго «соглашенія» съ Цислейтаніей по промышленнымъ и торговымъ дѣламъ, общимъ Австро Венгерской Имперіи. И тутъ они не могли столковаться съ нѣмцами; что же было бы, еслибы на сцену выступили снова вопросы племенные и чисто-политическіе? Физіологическій и бытовой типъ мадьяръ не пригоденъ или мало пригоденъ для послѣдовательной, упорной культуры. Мадьяръ слишкомъ пылокъ и легокъ по своей натурѣ, не любитъ тяжелаго труда, черезчуръ рабъ своихъ страстей, стремится только играть

роль и наслаждаться жизнью, не заботится о правильномъ и широкомъ развитіи производительныхъ силъ страны. Пока онъ господствуетъ политически надъ другими народностями Венгріи, славянами и румынами, онъ умѣетъ загребать жаръ чужими руками. Вы пріѣзжаете въ Пештъ и изумляетесь, какъ эта новая «столица», въ какіе-нибудь 7—8 лѣтъ изукрасилась, расширилась и обогатилась; но это—на половину искуственный прогрессъ; изъ Пешта хотятъ мадьяры сдѣлать центръ національнаго единства, и какъ бы отводятъ имъ глаза отъ культурной бѣдности другихъ городовъ; тутъ роскошь зданій, размѣры всякихъ музеевъ, отелей, прогулокъ, общественныхъ учрежденій не соотвѣтствуютъ размѣрамъ мадьярской націи, ни значенію Венгріи (даже въ теперешнемъ ея составѣ) въ ряду другихъ государствъ Европы.

Всего лучше изучить существенныя черты мадьярства, съ которыми славянамъ нужно бороться, на нѣкоторыхъ яркихъ типахъ интеллигенціи, взятыхъ между депутатами, профессорами, бывшими эмигрантами, журналистами и литераторами. Мнѣ лично удалось познакомиться со многими выдающимися мадьярами; изъ нихъ я считаю четыре личности чрезвычайно типичными, именно въ томъ смыслѣ, о какомъ я сейчасъ говорилъ. Это — старикъ *Пульскій*, инсургентъ 1849 года, теперешній директоръ національнаго музея, депутатъ и ораторъ *Гельфи*, профессоръ университета и тоже депутатъ *Силяги* и крупнѣйшій мадьярскій писатель, опять-таки—членъ нижней палаты, *Іокай*. Я говорилъ объ нихъ въ своихъ корреспонденціяхъ и не стану здѣсь повторять, въ какихъ обстоятельствахъ я съ ними познакомился; но обращу вниманіе на нихъ еще разъ, какъ на характерные мадьярскіе типы. Въ Пульскомъ засѣло революціонно-государственное мадьярство со всѣми историческими, племенными и культурными претензіями. Такіе люди помирились даже и съ прерогативами высшаго дворянства послѣ того, какъ корона св. Стефана стала опять политическимъ фактомъ; въ нихъ вы найдете всю талантливость, ловкость и всю фразу мадьярскаго политикана вмѣстѣ съ энергіей и даже наивностью, составляющей ихъ главную живучесть. Ярый туркофилъ Гельфи достаточно извѣстенъ читателямъ русскихъ газетъ. Онъ новѣе, какъ политическій типъ, и демократичнѣй; въ немъ олицетворилась уже послѣдняя фаза мадьярскаго либерализма; въ немъ уже нѣтъ того дворянскаго лоска, какой вы находите у эмигрантовъ 1849 г.; онъ не мыслимъ безъ уличной массы, безъ народныхъ сходокъ и безъ постояннаго протеста противъ существующаго правительства, между тѣмъ какъ въ рядахъ мадьяръ того типа, къ которому принадлежитъ Пульскій, видно гораздо болѣе повадливости, уступчивости, способности идти на компромиссъ съ большинствомъ, которому они безусловно и служатъ. Новая университетская интеллигенція замѣчательно воплощается въ типѣ профессора Силяги. Это—очень умѣренные либералы, возлагающіе свои надежды всего болѣе на средній классъ землевладѣльцевъ, люди начи-

тайные, сравнительно спокойные, желающіе убѣдить всѣхъ въ томъ, что мадьярская конституція даетъ каждому славянину возможность развивать всѣ свои политическія и культурныя права, свойства и особенности; они—такіе же завзятые мадьяры, какъ и люди предыдущихъ двухъ типовъ, но только безъ крайностей туркофильства и безъ наклонности къ смѣшнымъ выходкамъ необузданнаго темперамента. Наконецъ, Іокай представляетъ собой типъ чисто венгерской даровитости и весьма неширокаго міровоззрѣнія, мирящагося со многимъ, что въ другой странѣ писателя такого же таланта возмущало бы или тревожило гораздо сильнѣе. Сколько мнѣ удалось видѣться съ Іокаемъ и говорить съ нимъ на разныя тэмы, я сказалъ бы, что его идеалы не особенно крѣпки, что отражается и на личной его писательской жизни, на той растратѣ авторскихъ силъ, какой онъ предается, превращая дѣло романиста въ ремесло. Въ самое послѣднее время нарождается въ Пештѣ и типъ крайняго радикала въ родѣ извѣстнаго журналиста *Верховая;* но и въ такихъ людяхъ радикализмъ обходится безъ рѣзкой постановки соціальныхъ вопросовъ. Мадьярскіе патріоты, и въ томъ числѣ Іокай, не разъ повторяли мнѣ, что соціализму нѣтъ мѣста въ Венгріи, что трудъ слишкомъ хорошо вознаграждается и что даже въ средѣ учащейся молодежи соціальныя идеи Запада не находятъ до сихъ поръ никакого отклика.

XII.

Все, что въ венгерской интеллигенціи и даже въ массѣ населенія накопилось анти-славянскаго, нашло себѣ рѣзкое выраженіе въ митингахъ прошлаго года, изъ которыхъ самымъ эффектнымъ и значительнымъ былъ по счету первый, состоявшійся въ Пештѣ. Читатели моихъ корреспонденцій знаютъ его подробности; онъ сдѣлался типомъ всѣхъ послѣдующихъ анти-русскихъ демонстрацій, вплоть до тѣхъ, довольно таки скандальныхъ сценъ, какія венгерская публика устраивала во время императорскихъ манёвровъ въ Кашау. Я не стану возвращаться къ эпизодамъ этого перваго митинга. Скажу только, что въ немъ проявилась замѣчательная политическая дисциплина, къ которой пріучена уже венгерская масса въ городахъ. Устроители и руководители митинга врядъ ли были вполнѣ убѣждены въ томъ, что русскія войска позволяли себѣ звѣрское обращеніе съ своими врагами; но они въ этомъ случаѣ дѣйствовали по обыкновенному рецепту политики партій: имъ нужно было мирнымъ путемъ заставить центральное австрійское правительство дѣйствовать энергичнѣе, т. е. въ мадьярскомъ духѣ. Цѣлый рядъ митинговъ и манифестацій туркофильскаго и анти-русскаго свойства не имѣли никакихъ прямыхъ послѣдствій, благодаря умѣренности австрійской

политики или, лучше сказать, тому соглашенію съ Россіей, которому и австрійскій императоръ, и его канцлеръ оставались да и теперь остаются вѣрными; но, какъ симптомы, эти митинги и манифестаціи имѣли свое значеніе. Для Россіи, а въ особенности для нашихъ славянолюбцевъ, никогда еще не представлялось ничего настолько выразительнаго, яркаго въ смыслѣ мадьярскаго антагонизма. Но и тутъ русская интеллигенція осталась вѣрной себѣ и не полюбопытствовала даже изслѣдовать на мѣстѣ, въ самую горячую эпоху, до какихъ предѣловъ идетъ мадьярская враждебность, какъ настроены массы, какія слабыя и сильныя стороны мадьяризма проявились на венгерскихъ митингахъ? Сколько мнѣ извѣстно, на нихъ не попалъ ни одинъ русскій корреспондентъ, кромѣ пишущаго эти строки. Правда, русскому не особенно пріятно было бы присутствовать на нихъ; но безъ подобныхъ жертвъ невозможно никакое разслѣдованіе настоящей физіономіи даннаго политическаго момента. Вотъ тутъ-то и является естественный вопросъ: что мы подготовили въ отпоръ бурнымъ проявленіямъ мадьяризма? Имѣли ли наши славянофилы и люди, просто сочувствующіе славянству, своимъ объектомъ мадьярскую интеллигенцію и ея центръ? Кто представлялъ наши интересы въ столицѣ венгерскаго королевства? Сдѣлано ли хоть что-нибудь для завязыванія сношеній, для умственной и нравственной солидарности съ венгерскими славянами? Оффиціальное наше представительство сводится къ должности генеральнаго консула, который довольствуется исполненіемъ чисто консульскихъ обязанностей; да господа мадьяры, въ лицѣ своихъ министровъ, и не захотѣли придавать ему значенія политическаго агента. Я не стану строго разбирать дипломатическія качества теперешняго генеральнаго консула въ Пештѣ, но скажу еще разъ по этому поводу, что большинство нашихъ дипломатическихъ агентовъ въ славянскихъ земляхъ или такихъ пунктахъ, какъ Пештъ, попадаютъ на эти мѣста, идя канцелярской служебной дорогой, безъ всякой спеціальной подготовки, не имѣютъ никакой душевной связи съ своимъ назначеніемъ, не работаютъ надъ тѣми вопросами, которые сами собой напрашиваются каждому живому и мыслящему человѣку изъ русскихъ. Въ Пештѣ то и слѣдовало бы имѣть агентомъ человѣка съ обширнымъ образованіемъ, направленнымъ къ интересамъ славянства, съ умѣніемъ изслѣдовать всѣ стороны и условія племенныхъ отношеній въ предѣлахъ венгерскаго королевства. Для каждаго другого генеральнаго консула — нѣмецкаго, французскаго, англійскаго — славянорусскій вопросъ есть только одинъ изъ политическихъ мотивовъ, достойныхъ изученія; а для русскаго агента онъ долженъ быть на первомъ планѣ, къ какому бы воззрѣнію онъ самъ ни принадлежалъ, какой бы оффиціальной политики онъ ни обязанъ былъ держаться. Но у насъ почему-то такъ дѣлается, что людей, посидѣвшихъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ мѣстѣ съ интересомъ и наклонностью къ наблюда-

тельности, переводятъ въ другой пунктъ, вмѣсто того, чтобы дать ему тутъ же высшее назначеніе; поэтому, и не можетъ быть никакихъ традицій, никакой преемственности, а происходитъ только простая смѣна чиновниковъ.—Понятно, что генеральное консульство въ Пештѣ не можетъ, въ такихъ условіяхъ, сдѣлаться центромъ для разноплеменной славянской интеллигенціи, которая, волей или неволей, тяготѣетъ къ столицѣ. Есть, напримѣръ, нѣсколько славянскихъ депутатовъ въ нижней венгерской палатѣ, извѣстныхъ своей энергіей, образованіемъ, симпатіями къ русскому племени, къ нашей исторической роли, къ нашей литературѣ и народному характеру, но ихъ никто изъ русскихъ не группируетъ. Если вы, отправляясь въ Пештъ, наводите справки у человѣка бывалаго. онъ вамъ навѣрно будетъ говорить про депутата, доктора Полита, или про такого же депутата, хорватскаго журналиста и литератора, Мишкатовича; вы ихъ найдете во время парламантскаго сезона, потолкуете съ ними и увидите, что каждый изъ нихъ долженъ дѣйствовать особнякомъ, что они, проживая годами въ такомъ центрѣ, какъ Пештъ или Аграмъ, чрезвычайно мало сносятся съ русскими, видятъ ихъ урывками и рѣдко и будутъ вамъ сейчасъ же говорить объ отсутствіи всякой разумной инипіативы со стороны славянскихъ комитетовъ или вообще русскихъ друзей славянства въ дѣлѣ устройства какихъ-нибудь способовъ и формъ сближенія, взаимнаго знакомства, племенной и культурной солидарности. Поживя въ Пештѣ, вы и убѣдитесь въ томъ, что въ этой столицѣ транслейтанскаго славянства нѣтъ никакихъ слѣдовъ вліянія нашихъ славянолюбцевъ: никто тутъ постоянно не живетъ, никто не пріѣзжаетъ съ опредѣленными цѣлями, никто не старается сблизить разные кружки венгерскихъ славянъ, помочь имъ знакомиться съ нашимъ языкомъ, исторіей, современнымъ общественнымъ бытомъ, нѐ у кого учиться по-русски, нѐгдѣ прочесть русскую книгу, нѐ къ кому пойти за справкой...

Лично мнѣ чрезвычайно противны были всегда сѣтованія нашихъ соотечественниковъ о судьбѣ забытыхъ и загнанныхъ словаковъ; это, какъ извѣстно—любимая и самая первая тэма, когда рѣчь зайдетъ у русскихъ о мадьярахъ. А что же мы дѣлаемъ для этихъ словаковъ? Конечно, политически, мы не можемъ вмѣшиваться и производить анти-государственную пропаганду; но, еслибы господа славянолюбцы хотѣли дѣйствовать послѣдовательно, не ограничиваться только возгласами и безплоднымъ нытіемъ. они, конечно, съумѣли бы оказывать гораздо больше матеріальнаго и нравственнаго содѣйствія возрожденію словаковъ: сходиться съ ихъ интеллигенціей, изучать бытъ простого словацкаго народа, помогать смягченію и устраненію той распри, которая завязалась между чехами и словаками въ новѣйшее время. И ничего такого не дѣлается. Славянолюбцы не позаботились даже о томъ, чтобы въ русской публикѣ было распространено болѣе фактическихъ свѣдѣній объ этихъ загнанныхъ «братьяхъ». Возь-

мите вы русскаго средняго образованія! Чтò онъ знаетъ о словакахъ? Врядъ ли его представленіе объ этомъ племени идетъ дальше оборванной несчастной фигуры, расхаживающей, въ морозъ, по улицамъ Петербуга и Москвы, съ мышеловками и жестяной посудой. А между тѣмъ, изъ этого племени вышли ученые патріоты, создатели славянской археологіи, именами которыхъ чехи до сихъ поръ злоупотребляютъ, выдавая ихъ за своихъ единоплеменниковъ. Уже потому слѣдовало бы заняться поискреннѣе и погорячѣе этимъ, дѣйствительно, забитымъ племенемъ, что изъ среды его вышелъ самый пламенный руссофилъ и панславистъ Штуръ, который возлагалъ когда-то всѣ надежды славянства на русское государство. Но одни ли словаки? Вѣдь, въ венгерскомъ королевствѣ существуетъ цѣлый отпрыскъ русскаго племени—такъ называемые *угрскіе русскіе*. Они, дѣйствительно—плоть отъ плоти нашей. Окруженные мадьярами и нѣмцами, эти угорскіе русскіе сохранили нетолько свой типъ и свою вѣру, но и языкъ, гораздо ближе подходящій къ нашему современному, чѣмъ тотъ, которымъ говорятъ галицкіе русскіе. Они ухитрились, собственными силами, завести у себя кой-какую литературу или, по крайней мѣрѣ, письменность и прессу, стараются писать на довольно сносномъ русскомъ языкѣ, болѣе чистомъ отъ полонизмовъ и семинарскихъ курьёзовъ, чѣмъ языкъ Львовскаго «Слòва». Какихъ же еще правъ на симпатію славянолюбцевъ? Но и тутъ симпатія эта ограничивается субсидіей изъ Москвы—мѣстной церковной газеткѣ. Гдѣ угорскій русскій найдетъ себѣ поддержку? Къ кому обратится онъ въ Пештѣ? А у себя дòма черезъ кого войдетъ въ общеніе съ центрами нашей культурной жизни? Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они сносились съ Вѣной; но теперь, когда тамошній русскій священникъ сталъ очень остороженъ по славянскому дѣлу, и эта поддержка почти изсякла. Никто не станетъ требовать, чтобы каждый русскій, отправляющійся по своимъ дѣламъ въ Австрію предпринималъ спеціальное путешествіе въ тотъ уголокъ Венгріи, гдѣ держится русское племя; но болѣе чѣмъ странно видѣть и знать, что наши славянолюбцы такъ мало дѣлаютъ для этого племени во имя той солидарности, о которой такъ много кричатъ. И, точно въ видѣ насмѣшки, не вдалекѣ отъ Пешта существуетъ, со временъ царствованія императора Павла, ни для кого не нужная, заброшенная въ глуши русская церковь, гдѣ и служитъ то нè для кого; она была построена для великой княгини, отданной въ замужество за тогдашняго «Палатина».

XIII.

Хорошо было бы тѣмъ, кто, въ теоріи, скорбитъ о братьяхъ-словакахъ, ограничиться хоть однимъ Пештомъ, какъ средоточіемъ государственной и экономической жизни славяно-венгер-

своего королевства. Поживите вы немного въ этомъ городѣ и вы увидите, что, несмотря на желаніе мадьяровъ наложить на все печать своей національности и языка, славянскій элементъ, все-таки, даетъ себя знать. Да иначе и не можетъ быть, потому что гегемонія мадьяровъ распространяется на общія учрежденія страны, на административные порядки; но она не можетъ производить ежедневно такое давленіе, которое уничтожаетъ извѣстную народность въ корень. И словаки, и сербы, и угорскіе русскіе продолжаютъ говорить и писать на своихъ языкахъ; хорваты и подавно. Вы идете по любой улицѣ Пешта и на каждомъ шагу наталкиваетесь на вывѣски, переведенныя съ мадьярскаго на славянскій языкъ и даже *написанныя кириллицей*. И Пештъ — не единственный городъ, гдѣ вы увидите вообще сербскія вывѣски, гдѣ кириллица имѣетъ, такъ сказать, право гражданства; даже въ большихъ модныхъ отеляхъ сербскія надписи считаются необходимыми, напримѣръ, надъ столовыми, и никто тамъ этимъ не возмущается. На каждомъ шагу вы встрѣчаете также національные славянскіе костюмы и слышите славянскій говоръ на улицѣ. Изучить это государственное средоточіе венгерскихъ славянъ было бы гораздо легче, чѣмъ, напримѣръ, перезнакомиться съ славянскимъ населеніемъ Вѣны. Мадьяры могутъ устроивать анти-русскіе митинги и встрѣчать софтъ, но въ личныхъ сношеніяхъ они — люди удобные: добродушны, вѣжливы, гостепріимны до тѣхъ поръ, пока вы ихъ не раздражите какой-нибудь анти-мадьярской рѣзкостью. Мнѣ лично приходилось убѣждаться въ томъ, что развитые мадьяры чрезвычайно обязательны: доставлять вамъ всякія свѣдѣнія даже и тогда, когда знаютъ, что вы ихъ собираете не съ цѣлью прославленія короны св. Стефана; а не нужно забывать, что я проживалъ въ Пештѣ въ самое горячее время, когда страсти были въ высшей степени возбуждены противъ Россіи; въ болѣе же спокойныя эпохи каждому русскому, задавшемуся опредѣленной программой, было бы еще удобнѣе обслѣдовать все, что̀ онъ считалъ бы достойнымъ изученія въ интересахъ славяно-русской солидарности. Полицейскій духъ царитъ въ Пештѣ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Но, помимо вопросовъ по венгерскому славянству, изученіе самихъ-то мадьяровъ, какъ я сказалъ выше, необходимо для всѣхъ нашихъ славянолюбцевъ; а еще болѣе необходимо для дѣятелей прессы; только этимъ путемъ очистится языкъ нашихъ газетъ отъ разныхъ непродуманныхъ выводовъ и задорныхъ фразъ. Забавно то, что даже люди, не имѣющіе ничего общаго съ такъ называемыми славянофилами, повторяютъ ихъ прибаутки, когда рѣчь зайдетъ о мадьярахъ, говорятъ и разсуждаютъ односторонне, поверхностно, съ закоренѣлымъ незнаніемъ. Наше высокомѣріе къ этимъ врагамъ питается и питалось такою же невѣжественностію, какъ и относительно турокъ; но невѣжественность эта менѣе простительна, такъ какъ изучить Венгрію несравненно легче. Туркофильство мадьяровъ нисколько не отрезвило насъ, а,

напротивъ, прибавило еще бо́льшаго задора ко всему предъидущему. Едва ли не въ 1877-мъ только году явилась, въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ, небольшая статья, знакомящая не много съ исторіей мадьяровъ и ихъ теперешнимъ положеніемъ; да и то она написана славяниномъ съ исключительной точки зрѣнія. Передовыя статьи нашихъ газетъ только сбиваютъ съ толку венгерскихъ славянъ, безъ нужды раздражаютъ ихъ, пріучаютъ смотрѣть на Россію и на русское общество, какъ на оплотъ въ непримиримой враждѣ съ мадьярами, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Корреспонденты, пишущіе о венгерскихъ дѣлахъ, бо́льшею частію ни мало не подготовлены къ своей роли, если они пріѣхали изъ Россіи; составляютъ свои письма по газетнымъ извѣстіямъ и сидятъ въ Вѣнѣ, а не въ Пештѣ. Изъ Пешта пишутъ иногда славянскіе рецензенты, но одностороние, въ противномъ тонѣ постояннаго самовосхваленія и постоянныхъ жалобъ, которыя сдѣлались типическими для всѣхъ корреспонденцій, статей и замѣтокъ, посылаемыхъ изъ славянской Австріи. Добро бы московскіе византійцы, а то совершенно случайные поденьщики прессы, не имѣвшіе, ни по своему прошедшему, ни по связямъ, никакой солидарности съ славянствомъ, какъ только попадутъ въ Австрію и начинаютъ писать корреспонденціи, сейчасъ же впадаютъ въ этотъ легкомысленный и невѣжественный тонъ. Одинъ изъ такихъ корреспондентовъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, дошелъ до того, что отрицалъ въ Венгріи существованіе парламента, а называлъ его *сеймомъ*, предполагая, вѣроятно, что Венгрія относительно австрійскаго правительства играетъ такую же роль, какъ Чехія или Галиція. И подобная невѣжественность гуляетъ на всей своей волѣ; она руководитъ мнѣніями и симпатіями русской публики. Иначе и быть не можетъ: и въ присяжныхъ славянолюбцахъ, и въ простыхъ дилеттантахъ газетной политики въ основѣ лежатъ: высокомѣрный задоръ, непродуманные порывы, отсутствіе трезваго изученія фактовъ.

И приходится повторять опять все тотъ же выводъ и на счетъ Пешта, какъ государственнаго центра трехъ славянскихъ племенъ. Къ четвертымъ, къ хорватамъ, занимающимъ особое мѣсто въ венгерской коронѣ, мы перейдемъ сейчасъ же для того, чтобы и въ центрѣ хорватскаго національнаго движенія найти тоже отсутствіе серьёзнаго единенія, при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

XIV.

Но прежде, чѣмъ перейти къ автономнымъ сербамъ венгерской короны, необходимо указать на цѣлое движеніе въ средѣ сербской интеллигенціи, которое развилось именно въ Венгріи: я разумѣю такъ называемую «омладину». Въ свое время, чита-

тели русскихъ газетъ познакомились съ именемъ депутата венгерской нижней палаты, Милетича, и преслѣдованіемъ его венгерскими властями по государственному преступленію. Въ мою програму не входитъ распространяться объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что подробности его каждый можетъ найти въ газетахъ. Милетичъ, сколько мнѣ приведось объ немъ слышать и читать—представитель національно политическихъ стремленій того сербства, которое мечтаетъ нетолько объ освобожденіи изъ-подъ венгерскаго и нѣмецкаго ига, но и о созданіи большаго сербскаго государства. Далеко не всѣ интеллигентныя люди современной Сербіи, съ какими мнѣ приходилось бесѣдовать, смотрятъ на него, какъ на своего политическаго вожака; но его личность, во всякомъ случаѣ, интересна; а постигшая его судьба указываетъ на то, что австро венгерское правительство придаетъ такъ называемому омладинскому движенію весьма серьёзное и опасное для себя значеніе. Центръ литературной жизни для венгерскихъ славянъ есть городъ Новый Садъ, гдѣ издаются почти исключительно всѣ сербскія книги, выходящія въ Австріи, и гдѣ существуютъ, кромѣ того, и пресса на сербскомъ языкѣ, пресса очень воинствующая, задорная и въ борьбѣ съ нѣмецко-венгерскимъ элементомъ и съ своими единоплеменниками, бѣлградскими и загребскими. Сербы Новаго Сада считаютъ себя самыми лучшими патріотами, радикально смотрящими на дѣло сербской эмансипаціи; они безпрестанно уличаютъ и сербовъ княжества, и, въ особенности, хорватовъ, въ отступничествѣ, въ разныхъ эгоистичныхъ замыслахъ, въ стремленіяхъ къ узкому партикуляризму. Словомъ, изъ культурнаго центра венгерской Сербіи исходитъ постоянно политическая и литературная инициатива. Всѣ иностранцы, занимавшіеся въ послѣднее время славянами венгерской короны, обращали вниманіе на это сербское движеніе. Въ первой половинѣ статьи я упоминалъ о книгѣ бывшаго французскаго генеральнаго консула въ Пештѣ, Пико. Въ ней читатель найдетъ также и цѣлыя главы, посвященныя омладинѣ и ея вожакамъ вмѣстѣ съ очеркомъ всей національно-политической жизни, какая сказывается въ литературѣ и прессѣ, появляющейся въ Новомъ Садѣ [1]. Но мы, русскіе, въ новѣйшее время (именно съ тѣхъ поръ, какъ прошлогоднія событія дали стремленіямъ омладины широкую фактическую подкладку), не считаемъ почему-то нужнымъ познакомиться поближе съ венгерскими сербами. Нельзя привести ни одного обстоятельства, показывающаго, что между дѣятелями венгерской Сербіи и нашими славянолюбцами существуетъ какая-нибудь солидарность. Очень можетъ быть, что московскіе византійцы и отвращаютъ лицо свое отъ омладинскаго движенія, хотя оно и происходитъ въ средѣ православныхъ славянъ. А вѣрнѣе то, что они, и въ этомъ случаѣ, играютъ роль лю-

[1] *Les Serbes de Hongrie.* Prague et Paris. Глава VIII и XII.

дей книжныхъ, кабинетныхъ, незнающихъ и неумѣлыхъ. Между тѣмъ, для каждаго, кто интересуется политическимъ и культурнымъ развитіемъ южнаго славянства, чрезвычайно важно было бы указать и опредѣлить: въ какой степени венгерскіе сербы, въ лицѣ ихъ интеллигенціи, могутъ быть полезны дѣлу объединенія славянъ, что въ ихъ программѣ есть такого, къ чему каждый мыслящій русскій въ состояніи отнестись съ сочувствіемъ, и какая доля исключительно себялюбивыхъ мечтаній сербства должна быть отброшена или парализована противодѣйствіемъ со стороны интеллигенціи другихъ славянскихъ племенъ? Слово «омладина», произносится зря всѣми: и нѣмцами, и мадьярами, и русскими журналистами, и корреспондентами, а его давно бы пора очистить отъ всего фантастическаго, преувеличеннаго, вздорнаго. Теперь омладинистами зовутъ людей самыхъ противоположныхъ стремленій, взглядовъ и политическихъ замашекъ. Для европейской прессы и теперешнее сербское министерство съ г. Ристичемъ во главѣ состоитъ изъ настоящихъ омладинистовъ, хотя между Ристичемъ и упомянутымъ мною Милетичемъ — порядочная пропасть. А намъ, русскимъ, слѣдуетъ воспользоваться тутъ преимуществами своего положенія: отнестись ко всѣмъ оттѣнкамъ омладинизма одинаково широко и прослѣдить его непосредственное вліяніе и на хорватскую интеллигенцію, и на то, что въ послѣднія 30 лѣтъ происходило въ княжествѣ сербскомъ. Вопросъ объ омладинѣ настолько интересенъ и обширенъ, что я врядъ ли могъ бы его исчерпать, еслибъ желалъ ввести его въ этотъ этюдъ. Но я ограничиваюсь только тѣмъ, что ставлю вѣхи и намѣчаю выдающіеся моменты славянства, показывая, въ какой степени наша славянофильская интеллигенція и всѣ новѣйшіе послѣдователи того же направленія далеки отъ знанія и пониманія фактическаго status quo, въ какомъ пребываютъ братья-славяне. Мое дѣло—указать еще и на тотъ сумбуръ, который господствуетъ въ средѣ венгерскихъ сербовъ, принадлежащихъ къ разряду патріотовъ, мечтающихъ о полной эмансипаціи славянства. Милетича я не засталъ на свободѣ, но сталкивался съ нѣкоторыми изъ его послѣдователей и единомышленниковъ. Галлерея этихъ омладинистовъ представляетъ собою, съ нашей точки зрѣнія, курьёзное зрѣлище. Въ этой интеллигентной Сербіи вы найдете всего понемногу: и политическаго радикализма, и племеннаго задора (задора больше всего), и признанія превосходства западной культуры, и пылкихъ надеждъ на федеративное устройство славянъ, и такихъ же пылкихъ надеждъ на Россію, ея вмѣшательство и даже ея гегемонію. Самымъ курьёзнымъ типомъ послѣдняго оттѣнка, считаю я одного серба изъ *Военной Границы*, называющаго себя, несмотря на то, что онъ—православный, не сербомъ, а *хорватомъ*. На этой личности всего удобнѣе было бы каждому мыслящему русскому прослѣдить, до какой степени Москва съ ея мистической и національно

хвастливой фразой можетъ извратить мозгъ иного «брата». Я просто въ ужасъ пришелъ, когда познакомился съ славяно-русскимъ міровоззрѣніемъ этого интеллигентнаго *граничара*. Онъ получилъ довольно обширное образованіе и въ университетѣ, и въ одной высшей военной школѣ, знаетъ (какъ и всѣ почти образованные австрійскіе славяне) нѣсколько языковъ, живалъ заграницей, на Западѣ, въ томъ числѣ и въ Парижѣ, открылъ въ себѣ стихотворный талантъ, поѣхалъ въ Россію, слушалъ тамъ лекціи и сошелся съ славянофильскимъ кружкомъ, жилъ въ Петербургѣ, гдѣ работалъ довольно много, какъ переводчикъ, переложилъ на сербскіе стихи одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей древне-русской народной поэзіи. И надо слышать, какую изувѣрско-абсолютную теорію славянскаго возрожденія проповѣдуетъ этотъ несчастный «братъ»! Это — какой-то конвентинецъ московскаго византійства; все у него должно быть сдѣлано русскимъ кулакомъ; для всего ему понадобилась какая-то татарская деспотія; и тутъ же вы слышите, въ переводѣ на комическій сербско-русскій языкъ, всѣ прибаутки московскаго славянофильства: и мистическую теорію православія, и обличеніе гнилаго Запада, и восхваленіе древне-русскихъ и древне-славянскихъ добродѣтелей, и политическое ретроградство, и хвастливое ребячество. И все это оканчивается обыкновенно взрывами самой разнузданной умственной блажи и юродства. Читатель пойметъ, сколько пріятности было въ разговорахъ съ подобнымъ продуктомъ московско-омладинскаго пошиба въ разгаръ войны, когда приходилось каждый день встрѣчаться въ кафе и на улицѣ и перебирать наши военныя дѣла. Ничего не могло бы быть поучительнѣе, какъ научныя «демонстраціи» подобнаго субъекта передъ цѣлой аудиторіей, немного наклонной къ усвоенію славянофильскихъ взглядовъ; но, къ счастію, такіе, зашибленные московскимъ византійствомъ, славяне попадаются чрезвычайно рѣдко, да и въ ихъ-то исторіи развитія участвуетъ собственная иниціатива, а не дѣятельная пропаганда со стороны славянофиловъ; они сами ѣздятъ въ Москву, большею частію на свои средства, и тутъ сказывается наша пассивность, бѣдность и вялость темперамента. Но еслибы побольше развелось такихъ сербовъ и вообще славянъ съ слабыми головами, московское славянофильство превратилось бы въ настоящую язву западнаго и южнаго славянства, между тѣмъ какъ теперь оно лишь отрывочно, такъ сказать, *спорадически* отравляетъ умы и національно-политическій смыслъ «братьевъ».

XV.

Граничаръ, именующій себя хорватомъ, а не сербомъ, хотя онъ и православный, и родился въ Военной Границѣ, а не въ Хорватіи, можетъ послужить намъ самымъ естественнымъ пере-

ходить въ вопросамъ хорватскаго движенія. Для человѣка, мало читавшаго о южныхъ славянахъ, все это звучитъ чрезвычайно дико: почему это настоящій сербъ, печатающій свои стихотворныя и прозаическія вещи не латинскимъ шрифтомъ, а кириллицей, родившійся въ землѣ, населенной несомнѣнными выходцами изъ Сербіи, считаетъ себя вдругъ хорватомъ, проповѣдуя великое значеніе православія для всѣхъ славянъ и заявляя, на каждомъ шагу, свою ненависть къ католичеству? Это—опять одинъ изъ самыхъ яркихъ симптомовъ славянской психологіи; тутъ снова мы сталкиваемся съ несчастной слабостью всѣхъ славянъ безъ исключенія—возиться со всякимъ старьемъ, превращать въ символы вѣры случайныя обстоятельства, спорить изъ за словъ, кичиться древностью происхожденія, вдаваться въ междоусобныя дрязги и смуты.

О Загребѣ и хорватахъ я довольно говорилъ съ читателями моихъ корреспонденцій; повторяться я здѣсь не стану, резюмирую только въ нѣсколькихъ словахъ, что такое это сербское племя и какъ я понимаю его современное значеніе для славянъ. Кромѣ княжества сербскаго и Черногоріи, въ юго западной Европѣ нѣтъ ни одной славянской области, имѣющей такую автономію, какъ Хорватія, подъ государственнымъ владычествомъ другаго народа. Это—фактъ весьма крупный, потому я и считалъ нужнымъ, въ своихъ поѣздкахъ, ознакомиться, насколько мнѣ позволяло время, съ Загребомъ, какъ столицей Хорватіи, я видающимися сторонами хорватскаго движенія. Про распрю между сербами и хорватами я уже говорилъ въ печати; она—несомнѣнный фактъ и врядъ ли уладится сама собой, особливо если хорватамъ удастся, съ перемѣной политическихъ обстоятельствъ, объединить подъ одной короной три славянскія области, составлявшія когда то «тріединое» королевство, и присоединить къ нему, быть можетъ, Боснію и Герцеговину. Тогда ихъ племенное чувство еще болѣе разгорится, и сербы, какъ въ княжествѣ, такъ и въ венгерскихъ комитатахъ, окончательно ихъ возненавидятъ. Самые умѣренные хорваты объясняли мнѣ, что они вовсе не считаютъ себя хорватами, вслѣдствіе разницы *религіи*. Въ Хорватіи не мало уже сербовъ православнаго исповѣданія, называющихъ себя, подобно моему граничару, не сербами, а хорватами. Они, быть можетъ, и правы, хотя это—спорный вопросъ славянской древности. Московскій спеціалистъ по сербскому языку, г. Майковъ и, вѣроятно, многіе другіе слависты держатся такого взгляда, что особаго хорватскаго племени не существуетъ; туземные же ученые доказываютъ, что хорватское племя существовало искони на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь сидитъ, что оно дало свое историческое имя всей этой южно славянской расѣ и что сербами назывались жители одной небольшой области, носившей въ древности имя *Рецін*. Мы не будемъ вдаваться въ эти тонкости: для насъ онѣ не существенны. Чѣмъ бы ни кончилась теперешняя распря сербовъ съ хорватами, не-

сомнѣнію лишь то, что хорватское королевство, представляющее собой отдѣльное маленькое государство Транслейтаніи, могло бы сдѣлаться, во всѣхъ смыслахъ, пробнымъ камнемъ для тѣхъ, кто у насъ толкуетъ о славянской солидарности или о благодѣтельномъ вліяніи московскихъ взглядовъ на славянскій міръ. Съ полнѣйшей объективностію каждый изъ насъ, людей другого лагеря, сказалъ бы господамъ славянофиламъ, указывая на Загребъ и Хорватію: *«Вотъ для васъ лакомый кусокъ; отправляйтесь и дѣйствуйте тамъ!»*

Чтобы читателю было ясно, до какой степени эта славянская небольшая земля, не имѣющая и милліона жителей, пригодна для эксплуатаціи московскихъ славянолюбцевъ, необходимо, хотя въ общихъ чертахъ, охарактеризовать разныя стороны хорватскаго движенія и государственныя и культурныя особенности этой землицы.

Начну съ автономіи, уже нѣсколько разъ упомянутой мною. Она добыта въ новѣйшее время всего болѣе услугами габсбургскому дому хорватскаго бана Елачича, но основывается на историческомъ правѣ, которое уважаютъ, хотя и скрѣпя сердце, сами мадьяры. Когда вы толкуете съ мадьярами о подчиненномъ положеніи словаковъ, сербовъ и румыновъ и указываете имъ на хорватовъ, они обыкновенно отвѣчаютъ вамъ: «Хорватская корона имѣла всегда свои прерогативы, даже до 48-го года», что совершенно вѣрно. Тутъ, стало быть, любезная для нашихъ славянофиловъ историческая почва, санкція, налагаемая и новымъ государственнымъ строемъ на формы стараго быта. Къ этому надо присоединить несомнѣнную древность племени, назовете-ли вы его сербами или хорватами, и его способность удержать въ теченіи вѣковъ свой бытовой типъ, языкъ, обычай (по крайней мѣрѣ, въ сельскомъ населеніи), поэзію, вѣру. Если въ глазахъ славянофиловъ хорваты-католики — отщепенцы, то не нужно забывать, что нетолько въ интеллигенціи, но и въ простомъ народѣ, есть хорваты православные, которые не хотятъ, чтобы ихъ, вслѣдствіе этого православія, причисляли къ сербскому племени. Да, кромѣ того, одноплеменные хорватамъ и сербамъ далматинцы (которые, очень вѣроятно, сольются со временемъ, въ политическомъ отношеніи, съ хорватами) сохранили также православіе; а они — самые крайніе юго-западные славяне, прошедшіе чрезъ множество иноземныхъ вліяній, на половину объитальянившіеся въ своей внѣшней городской культурѣ. Затѣмъ антагонизмъ между православіемъ и католичествомъ существуетъ на одной территоріи, въ предѣлахъ одной области; онъ получилъ національно-политическое значеніе гораздо болѣе въ глазахъ сербовъ, чѣмъ въ глазахъ хорватовъ. Фактически же, въ государственной и общественной жизни хорватовъ этотъ антагонизмъ стушевывается; и тутъ славянофилы могли бы столкнуться съ вліяніемъ обще-европейскаго прогресса, который не желаетъ держаться вѣроисповѣдной распри; они увидали бы, что въ этой маленькой

Хорватіи католики и православные пользуются, абсолютно, одними и тѣми же правами; что на высшихъ мѣстахъ вы встрѣчаете людей и той и, другой религіи. Еслибы завтра *банъ*, т. е. намѣстникъ хорватской короны, попалъ изъ православныхъ депутатовъ или чиновниковъ, никто бы этому не удивился. Борьба между католичествомъ и православіемъ сводится къ борьбѣ духовенства. Духовенство православное бѣднѣе, необразованнѣе и исключительнѣе; католическіе же прелаты пользуются большой матеріальной поддержкой; и все сельское духовенство сильнѣе и непосредственнѣе вліяетъ на прихожанъ. Этотъ фактъ повторяется почти вездѣ и внѣ Хорватіи. Но тѣмъ больше чести было бы для нашихъ славянолюбцевъ отыскать въ средѣ хорватскаго православнаго духовенства элементы плодотворной борьбы съ католичествомъ. Теперь же факты показываютъ, что для поднятія не только узко хорватскаго, но и южно-славянскаго самосознанія въ формѣ литературы, просвѣщенія, всякаго рода національныхъ стремленій католическіе духовные стоятъ на первомъ планѣ. Въ средѣ православныхъ нѣтъ такого дѣятеля, какъ епископъ Штросмайеръ. Какъ бы вы ни объясняли мотивы его дѣятельности, дѣйствительность возьметъ свое и заставитъ васъ сознаться, что онъ не перестаетъ поддерживать науку, народную школу и литературу хорватовъ больше, чѣмъ кто-либо. Имъ основана южно-славянская академія; на его же деньги, главнымъ образомъ, основался и поддерживается музей. Кто его встрѣчалъ и бесѣдовалъ съ нимъ, за исключеніемъ развѣ православныхъ священниковъ, признаетъ въ немъ искренняго славянина, съ очень широкими взглядами на все славянство, отдѣлявшимъ свою личную духовную карьеру и вопросъ вѣроисповѣданія отъ славянскаго дѣла, которому онъ служитъ, несмотря на то, что ему, какъ прелату, было бы выгоднѣе пристать къ лагерю нѣмцевъ или мадьяровъ. Предсѣдателемъ южно славянской академіи (этого единственнаго учрежденія для всего славянства, говорящаго и пишущаго на сербскомъ нарѣчіи) мы, опять таки, видимъ католическаго патера Рачкаго, съ личностью котораго я уже знакомилъ читателей моихъ корреспонденцій. Еслибы наши славянолюбцы дѣйствовали умѣло и ловко, они могли бы, нисколько не насилуя своей совѣсти, пользоваться дѣятельностію и рвеніемъ такихъ католическихъ патеровъ и, при случаѣ, противодѣйствовать ихъ вліянію, когда оно шло бы въ разрѣзъ православному сербству. У насъ и не повѣрятъ, что такой *каноникъ*, какъ Рачкій, едвали не одинъ во всемъ Загребѣ поддерживаетъ связь съ русской интеллигенціей, которую онъ, къ сожалѣнію, ограничиваетъ извѣстнымъ только кружкомъ нашихъ писателей и публицистовъ. Это происходитъ отъ незнанія, отъ недостатка сношеній, въ чемъ онъ мнѣ и самъ признавался. Но не забавно ли читать громовыя филиппики, которыя наши московскіе византійцы направляютъ на католицизмъ и католическихъ славянъ, и въ то же самое время видѣть, что католическій

натеръ, состоя въ званіи президента южно-славянской академіи, читаетъ и печатаетъ подробную біографію покойнаго Погодина, гдѣ восхваляетъ всѣ его труды и даже его направленіе, которое, кажется, было достаточно преисполнено принципами «уваровской формулы?» И умри теперь какой-нибудь изъ славянофильскихъ дѣятелей, тотъ-же Рачкій напишетъ новую біографію и распространится въ похвалахъ русскому дѣятелю, очень хорошо зная, какихъ воззрѣній на православіе держатся наши славянофилы. Нигдѣ такъ выгодно не сложились элементы совмѣстнаго существованія двухъ религій, какъ въ Хорватіи, и нигдѣ, быть можетъ, теорія исключительнаго православія не потерпѣла бы такого фіаско, еслибы вздумали энергически проводить ее, тѣмъ болѣе, что въ средѣ хорватской молодежи есть цѣлое направленіе, уже намѣченное мною въ корреспонденціяхъ—такъ называемое «*великохорватство*». Эта теорія исключительно хорватскаго патріотизма, увы! также себялюбива, какъ и стремленіе къ господству другихъ славянскихъ племенъ; но въ ней вопросъ о католичествѣ получаетъ другой смыслъ: послѣдователи великохорватства (которыхъ можно было бы назвать *хорватскими омладинистами*) держатся за католичество не потому, чтобы они были религіозны и придавали вѣроисповѣдному вопросу первенствующее значеніе, а потому, что они не хотятъ имѣть ничего общаго съ восточной культурой сербства, съ Москвой, съ византійствомъ; потому-то они такъ и обращаютъ лицо свое къ крайнему западу, считаютъ романскія племена своимъ идеаломъ, возлагаютъ на Францію какія-то мечтательныя надежды. Опять таки—прекрасный пробный камень для дѣятельности настоящихъ эмиссаровъ славянофильства. Никто не мѣшаетъ сближаться съ этой молодежью, толковать съ нею, разубѣждать ее, показывать ей призрачность и односторонность великохорватства или, по крайней мѣрѣ, воспользоваться ея несомнѣннымъ патріотизмомъ въ интересахъ общаго единенія. Этой партіи всего-то какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ отъ роду. Одинъ человѣкъ сгруппировалъ ее около себя, и если этотъ вожакъ хорватской молодежи пріобрѣлъ въ скорое время такое вліяніе, то единственно своею убѣжденностью, извѣстнаго рода эрудиціей съ прибавкой рѣзкости и нетерпимости; онъ уже далъ партіи свое имя. Теперь всѣ, занимающіеся славянскимъ міромъ, знаютъ, что̀ такое *старчевичіанизм*. Сколько мнѣ приводилось разспрашивать объ адвокатѣ Ста̀рчевичѣ, онъ представляетъ собой яркую разновидность того же омладинства, только обратившагося на искуственное обособленіе хорватскаго племени. Самая живучая сторона его взглядовъ, это—антагонизмъ ко всему, что̀ отзывается восточнымъ византійствомъ. По личнымъ качествамъ, онъ, какъ слышно—человѣкъ безкорыстный, живетъ бѣднякомъ и циникомъ, имѣетъ репутацію очень способнаго адвоката и писателя съ огромною памятью, начитанностію и искренностію. Умѣренные хорваты увѣряли меня, что только одна доля молоде-

же предана идеямъ Старчевича, и нельзя отрицать того, что большинство хорватской интеллигенціи имѣетъ обще-славянскія симпатіи, сочувствовало, въ прошломъ году, сербской войнѣ, поддерживало, хотя и не особенно сильно, Боснію и Герцеговину, а теперь радуется успѣхамъ русскаго оружія. Если оно такъ, то тѣмъ болѣе поводовъ было бы нашимъ славянофиламъ противодѣйствовать на мѣстѣ вліянію Старчевича и хлопотать о томъ, чтобы въ средѣ хорватской интеллигенціи установилось болѣе ладу и гармоніи въ стремленіяхъ и задачахъ, чтобы молодежь не воспитывала въ себѣ предразсудковъ и предубѣжденій противъ Россіи, а напротивъ искала общихъ интересовъ, развивала бы въ себѣ больше терпимости, изучала бы нашу литературу, исторію и современный общественный бытъ.

XVI.

Далѣе, нашимъ славянолюбцамъ слѣдовало бы узнать умѣренныхъ хорватскихъ патріотовъ, среди которыхъ всего больше симпатій къ обще-славянскому развитію, безъ узко-національныхъ претензій, и всего больше наклонности къ сближенію съ русскими. При ближайшемъ анализѣ, окажется, конечно, что хорваты, не имѣющіе предубѣжденій противъ Россіи и русскихъ, все-таки, далеки отъ московскихъ идей, за исключеніемъ такихъ экземпляровъ, къ числу которыхъ принадлежитъ характеризованный мною выше граничаръ. Война Россіи съ Турціей (возбудившая между австрійскими славянами довольно сильное антитурецкое волненіе) была для хорватовъ гораздо болѣе прямымъ и жизненнымъ вопросомъ, чѣмъ для чеховъ и венгерскихъ сербовъ. Даже самые умѣренные хорваты-патріоты имѣютъ виды на Боснію и Герцеговину. На этой-то почвѣ, опять-таки, слѣдовало бы вступить съ ними въ непосредственныя сношенія для того, чтобы вліять не только на ихъ интеллигенцію, но и на массу, которая въ городахъ проявляла свои славянскія симпатіи. Въ Загребѣ былъ я два раза на протяженіи 2—3 мѣсяцевъ, и оба раза въ очень горячее время. Мнѣ хотѣлось убѣдиться въ томъ, найдется ли между хорватами, принадлежащими къ интеллигенціи, хотя 2—3 человѣка, которые бы искренно, безъ фразы желали полнаго освобожденія Босніи и Герцеговины, съ образованіемъ изъ нихъ особой территоріи, совершенно ли самостоятельной, или связанной федеративными узами съ другими славянскими государствами, т. е., приблизительно, съ Черногоріей или съ княжествомъ сербскимъ? На эту тэму говорило со мной не мало народу, въ томъ числѣ и каноникъ Рачкій; но я сомнѣваюсь, чтобы дѣйствительно кто-нибудь изъ самыхъ умѣренныхъ хорватовъ въ душѣ желалъ этого. На счетъ же *присоединенія* я видѣлъ большое единство мнѣній, хотя многіе и прикрывали это

разными доводами, какъ бы выторговывая свое племенное безкорыстіе. Врядъ ли иначе и могло выдти. Вся Хорватія—небольшая землица съ населеніемъ, не достигающимъ даже полнаго милліона, а формы ея государственнаго устройства почти совершенно самостоятельныя; такъ что хорватамъ-патріотамъ трудно не считать своей земли будущимъ ядромъ для образованія южнославянскаго государства. Боснія и Герцеговина—подъ бокомъ, въ особенности Боснія. Еслибъ такое присоединеніе произошло, то и дальнѣйшія мечтанія хорватовъ, т. е. присоединеніе Далмаціи, можетъ осуществиться тѣмъ легче, что для этого нужна только административная перетасовка, перечисленіе одной области изъ Цислейтаніи, куда она отнесена очень неловко, въ Транслейтанію. За сербами княжества хорваты не признаютъ никакого нравственнаго или историческаго права на обладаніе Босніей и Герцеговиной. Въ этомъ они всѣ согласны между собой. Тутъ, помимо племенной распри, является и старое соперничество чисто-политическаго характера. Они опираются, въ этомъ случаѣ, на чувства самихъ босняковъ, нетолько магометанъ и католиковъ, но и православныхъ, говоря, что въ Босніи сербы не пользуются ни малѣйшей популярностью. Они идутъ далѣе и мирятся даже съ тѣмъ возможнымъ фактомъ, что австрійское правительство съумѣетъ, присоединивъ Боснію и Герцеговину, создать для этихъ двухъ земель особое положеніе, превратить ихъ въ *имперскія* земли, какъ объ этомъ и шла довольно долго рѣчь, въ началѣ кампаніи. И эта комбинація не особенно возмущаетъ хорватскихъ патріотовъ, хотя они и не перестаютъ, въ разговорахъ съ русскими, фрондировать австрійское правительство и по ихъ толкованію выходитъ, что Боснія и Герцеговина, даже и въ формѣ имперскихъ областей, все-таки подпали бы подъ прямое культурное вліяніе Хорватіи. Съ финансовой же точки зрѣнія, такой переходный періодъ былъ бы даже весьма пріятенъ имъ, потому что въ такомъ, случаѣ расходы на обѣ эти имперскія области должны были бы пасть на всю дуалистическую имперію. Вотъ почему нетолько мадьяры, но и австрійскіе нѣмцы противятся, въ принципѣ, присоединенію Босніи и Герцеговины. Они прямо говорятъ, что имъ же придется тратиться на культурные расходы въ пользу неизвѣстныхъ имъ и на половину варварскихъ славянскихъ земель.—Наконецъ, въ сильнѣйшемъ антагонизмѣ, которымъ мадьяры встрѣтили идею присоединенія Босніи и Герцеговины къ Транслейтаніи, хорваты видятъ страхъ передъ возростаніемъ славянскаго элемента. Уже изъ одного этого они не могутъ не желать такого присоединенія. Теперь въ средѣ мадьяровъ, заправляющихъ общественнымъ мнѣніемъ, этотъ антагонизмъ значительно поослабъ, и есть мадьярскіе патріоты, разсуждающіе діаметрально-противоположно. Но, такъ или иначе, вопросъ Босніи и Герцеговины рѣшенъ въ душѣ всѣми хорватскими патріотами одинаково, т. е. въ смыслѣ мѣстнаго патріотизма, а вовсе не общеславянской идеи, и наши

славянофилы могли бы еще разъ убѣдиться въ томъ, какъ братья-славяне вѣрны инстинктамъ племеннаго партикуляризма, наклонности къ захвату, присоединенію и гегемоніи.

До сихъ поръ наши славянофилы (по крайней мѣрѣ, въ печати) не возмущались особенно мечтаніями хорватовъ о «тріединомъ» королевствѣ, т. е. слитіемъ Хорватіи съ Далмаціей и Славоніей въ одно цѣлое. Теперь же слѣдовало бы привести эти два вопроса въ извѣстную гармонію, разсмотрѣть, въ какой степени притязанія хорватовъ на Боснію и Герцеговину менѣе разумны и полезны въ смыслѣ славянской культуры, чѣмъ ихъ мечты о «тріединой кралевинѣ». Вѣдь и въ Далмаціи существуютъ элементы сильнаго антагонизма съ чисто хорватской культурой. Тамъ живутъ такіе-же православные, какъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Если быть послѣдовательнымъ въ смыслѣ московскаго славянолюбія, то, конечно, надо противодѣйствовать всѣми силами тому, чтобы государственная область, гдѣ преобладаетъ католичество, ни въ какомъ случаѣ не дѣлалась ядромъ нетолько юго-славянской націи, но и федеративнаго союза. Отношенія далматинцевъ къ хорватамъ заслуживали бы, опять-таки, спеціальнаго изученія. тѣмъ болѣе, что далматинцы, въ городахъ, сильно объитальянивлись въ языкѣ и культурѣ. Извѣстная-же доля далматинцевъ, наклонныхъ къ слiянію съ хорватами и словинцами, ладятъ съ хорватской интеллигенціей. Мнѣ самому привелось познакомиться въ Загребѣ съ такими далматинцами. Но этимъ вопросъ далеко не исчерпывается. Людямъ, которые выдаютъ себя за сознательныхъ защитниковъ славянства, надо все это досконально изслѣдовать. а не ограничиваться только извѣстными гадательными соображеніями и заявленіемъ своихъ произвольныхъ взглядовъ. Крайній юго-западный уголъ славянства представляетъ собою зрѣлище постоянной борьбы между племенами, сжатыми съ двухъ сторонъ двумя культурами—итальянской и нѣмецкой. Нѣмцы, въ силу своего государственнаго преобладанія, уже сильнѣйшимъ образомъ онѣмечили словинцевъ въ городахъ, а итальянцы объитальянили далматинцевъ, не въ силу государственнаго господства, а одной только культурой и пограничными сношеніями. Поэтому-то вопросъ о томъ, желать ли для Хорватіи центральнаго положенія на юго-западѣ славянскаго міра, и дѣлается однимъ изъ самыхъ крупныхъ.

Ка̀къ бы кто ни относился къ претензіямъ хорватовъ, даже къ узкому патріотизму кружка̀ старчевичіанцевъ, онъ долженъ будетъ согласиться, что въ теперешнемъ своемъ видѣ Хорватія не въ состояніи побѣдоносно бороться съ вліяніемъ чуждыхъ городскихъ культуръ. Когда вы попадете въ столицу Хорватіи, Загребъ, и поживете въ немъ, вы должны будете признать, что нѣмецко-австрійская оболочка сказывается рѣшительно во всѣхъ формахъ общежитія, матеріальной и даже нравственной культуры. Замѣтьте: *нѣмецко-австрійская*, а не мадьярская, несмотря на то, что Хорватія и до австрійскаго дуализма жила особ-

някомъ, пользуясь своими историческими правами. Какъ бы теперь ни былъ возбужденъ племенной духъ хорватовъ, какъ бы они ни хлопотали о развитіи своей литературы, какъ бы ревниво ни держались за разныя формы администраціи, суда, носящія на себѣ отпечатокъ старины, все-таки нѣмецко-австрійское культурное вліяніе будетъ значительно парализовать развитіе настоящей народной самобытности до тѣхъ поръ, пока не образуются государства или групы федеративныхъ земель, связанныхъ между собой единствомъ національныхъ задачъ. Не нужно быть славянофиломъ, чтобы желать для южныхъ и западныхъ славянъ выработки своей національной физіономіи даже во всѣхъ подробностяхъ быта: въ искуствахъ, въ нравахъ, въ особенностяхъ общежитія.

Тутъ самъ собой является вопросъ: кѣмъ-же приготовлена серьёзная жизненная связь между русскимъ обществомъ и интеллигенціей южно-славянскихъ племенъ? Мы, русскіе, въ состояніи ли значительно способствовать этому освобожденію южнаго славянства изъ-подъ формальнаго вліянія австро-нѣмецкой культуры? Для этого необходимы, кромѣ частыхъ и непосредственныхъ сношеній, а также и матеріальныхъ средствъ: единство програмы, а, главное, выдѣленіе всякаго вѣроисповѣднаго мотива изъ общей племенной и культурной связи. Съ притязаніями же нашихъ византійцевъ ничего нельзя будетъ достигнуть, даже еслибы и взялись за это энергически. Хорватская интеллигенція, которой, во всякомъ случаѣ, предстоитъ извѣстная будущность, ни малѣйшимъ образомъ не податлива въ сторону притязаній руссофильства. Я въ этомъ безусловно убѣдился, присмотрѣвшись къ ея типамъ. Ни въ комъ не находилъ я наклонностей къ московскому византійству: ни въ каноникѣ Рачкомъ, ни въ такомъ литераторѣ и изслѣдователѣ старины, какъ извѣстный Кукульевичъ, ни въ редакторѣ «Обзора» Мишкатовичѣ, ни въ молодыхъ дѣятеляхъ изъ далматинцевъ и словинцевъ въ родѣ адвоката Мазуры и филолога Целестина. Всѣ эти люди сидятъ на своей почвѣ и не въ состояніи раздѣлять теоріи нашихъ московскихъ руссофиловъ, по которой западный міръ гніетъ, вслѣдствіе того, что не воспринялъ свѣта истины изъ Царьграда. Зато ничего не было бы исполнимѣе, какъ сдѣлать изъ всѣхъ представителей южно-славянской интеллигенціи (за исключеніемъ развѣ ярыхъ старчевичіанцевъ) истинныхъ друзей передоваго русскаго общества, готовыхъ сочувствовать намъ во всѣхъ лучшихъ нашихъ стремленіяхъ. Но для этого нужно поработать долгіе годы и похлопотать о томъ, чтобы южно-славянская интеллигенція освободилась отъ всякой узости, исключительности, мелкаго племеннаго себялюбія. Намъ, русскимъ, можно этого достичь легче, чѣмъ другимъ славянамъ, напр., чехамъ, желающимъ играть роль передовой западно-славянской націи. Я видѣлъ доказательства этому и въ Загребѣ. Въ тамошнемъ университетѣ нашелъ я двухъ молодыхъ чешскихъ ученыхъ, людей знаю-

щихъ, неисковерканныхъ чешскимъ шовинизмомъ, весьма сочувственно относящихся къ русскому передовому движенію. Они могли бы значительно освѣжать воздухъ хорватскаго патріотизма, вносить больше широты и серьёзности во взгляды, стремленія и задачи мѣстной интеллигенціи. Но имъ мѣшало то, что они—чехи; въ нихъ сказывалось безсознательное, инстинктивное пренебреженіе къ южнымъ славянамъ; они не могли относиться къ хорватскому интеллигентному мірку пообъективнѣе, съ бо́льшею выдержкой и терпѣливостью; въ нихъ самихъ живетъ слишкомъ сильно чувство племенной индивидуальности, не нашедшей, до сихъ поръ, правильнаго выраженія въ борьбѣ съ нѣмцами. А солидарность на почвѣ племеннаго родства и общечеловѣческой культуры возможна въ Загребѣ, какъ центрѣ южно-славянскаго движенія, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Молодой загребскій университетъ долженъ этому способствовать. Въ составъ его профессоровъ вошли люди разныхъ славянскихъ народностей. Университетская наука всѣхъ и каждаго сближаетъ и дѣлаетъ терпимѣе; она можетъ окончательно устранить всякую религіозную вражду, которая, какъ я уже и сказалъ, поддерживается гораздо болѣе невѣжественностію и нетерпимостію православнаго сербскаго духовенства, чѣмъ пропагандой католическихъ патеровъ.

XVII.

Загребъ, тотчасъ послѣ антирусскаго митинга въ Пештѣ, устроилъ у себя народную сходку. Мнѣ удалось присутствовать и на ней. Тогда, въ званіи корреспондента, я не могъ не держаться пріемовъ репортера, т. е. какъ можно вѣрнѣе фотографировать физіономію митинга, не скрывая отъ русской публики ничего, не маскируя тѣхъ двойственныхъ впечатлѣній, которыя оставило во мнѣ это народное собраніе. Увлекаться хорватскими симпатіями не слѣдовало. Вся мелкая анархія партій и кружко́въ сказалась въ рѣчахъ ораторовъ. И я не считалъ себя въ правѣ смягчать факты или коментировать ихъ слишкомъ слащаво и общѐ. И тогда, и теперь для меня было ясно, что намъ, русскимъ, не слѣдуетъ поддаваться пустымъ и звонкимъ фразамъ московскихъ и петербургскихъ обрусителей, которые способны видѣть вездѣ могучіе элементы единенія съ Россіей. Напротивъ, слѣдовало показать, ка́къ, сравнительно съ мадьярами, у хорватовъ мало развито политическое чутье, ка́къ они еще задорно-юны, ка́къ ихъ микроскопическая интеллигенція страдаетъ духомъ партій, а, главное, ка́къ симпатіи къ Россіи не выяснены даже и въ болѣе здоровой, умѣренной хорватской партіи. И сколько мнѣ помнится, этотъ митингъ въ Загребѣ подалъ поводъ разнымъ русскимъ корреспондентамъ (изъ нихъ, опять-таки, *никто не былъ на мѣстѣ*) не только толковать объ немъ вкривь и

вкось, но и просто перевирать фактическую сторону, выдумывать разныя подробности, цѣлыя фразы, возгласы и сцены, какихъ не было въ дѣйствительности. Еслибы наши славянолюбцы поменьше сидѣли въ Москвѣ, они могли бы, попавъ на такой митингъ, въ сокращенномъ видѣ ознакомиться съ тѣми существенными недостатками славянскаго душевнаго типа, которые мѣшаютъ и будутъ мѣшать дѣлу общаго объединенія. Они убѣдились бы и въ томъ, какъ русскимъ слѣдуетъ болѣе, чѣмъ какой-либо славянской народности, освободиться отъ такихъ же себялюбивыхъ инстинктовъ, если они хотятъ играть роль руководящей славянской націи. Но во время войны средняя хорватская интеллигенція чувствовала въ себѣ, все таки, настолько солидарности съ нами, что сейчасъ же воспользовалась автономными правами Хорватіи и заявила свой протестъ противъ мадьярскихъ манифестацій въ видѣ политической народной сходки; она и теперь, когда русское оружіе сдѣлалось опять побѣдоноснымъ, не боится мадьяровъ, празднуетъ наши побѣды и привлекаетъ къ тому же далматинцевъ и словинцевъ. Уже одни эти факты должны бы заставить нашихъ славянолюбцевъ заняться хорватами, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и чехами. А между тѣмъ, мы и относительно Хорватіи должны придти къ тѣмъ же отрицательнымъ результатамъ.

Въ Загребѣ, въ настоящее время, несравненно болѣе условій для завязыванія всякаго рода связей съ мѣстнымъ славянствомъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ городѣ въ Австріи. Хотя первый сановникъ Хорватіи, *банъ*, зависитъ отъ венгерскаго министерства, но онъ непремѣнно назначается изъ бывшихъ сеймовыхъ депутатовъ, побывавшихъ въ помощникахъ бана или министрахъ, какъ ихъ громко называютъ хорваты. Онъ всегда—славянинъ. Его министры держатся также за большинство. Эти парламентскіе порядки пріобрѣли уже полное право гражданства. Сеймъ Хорватіи, опять таки, исключительно славянскій, ревнивый къ своимъ правамъ, способный поддержать всякую мѣру, клонящуюся къ возрожденію Хорватіи, какъ будущаго южно-славянскаго большаго государства. Вы отъ мѣстныхъ радикаловъ услышите, конечно, протесты и жалобы на большинство сейма, на его податливость въ правительственную сторону; но все-таки для дѣятельности людей, преданныхъ идеѣ славянскаго общенія, ни въ конституціонныхъ, ни въ административныхъ порядкахъ Хорватіи не предвидится никакихъ препятствій и опасностей. Это—не Галиція и не Львовъ, гдѣ мѣстная прокуратура и чиновничество готовы ловить каждаго русскаго, проѣзжающаго простымъ туристомъ. Университетъ, опять-таки, исключительно славянскій по составу своихъ профессоровъ. Въ южно славянской академіи (основанной исключительно для закрѣпленія полной солидарности между южно-славянскими племенами) нѣтъ ничего враждебнаго русской интеллигенціи. Напротивъ: ея основатель и теперешній ея президентъ—гораздо болѣе обще-славя-

не, чѣмъ хорваты: по крайней мѣрѣ, сами выдаютъ себя за такихъ. И что же наши славянолюбцы сдѣлали до сихъ поръ? Устроили ли они въ городѣ Загребѣ хоть простую русскую читальню? Дали ли молодымъ хорватамъ возможность знакомиться съ нашимъ языкомъ, литературой и общественымъ бытомъ? Случай для этого представлялся и до сихъ поръ имѣется на лицо, что я лично могъ засвидѣтельствовать въ обѣ мои поѣздки въ Загребъ. Тамъ проживаетъ теперь молодой филологъ, докторъ Целестинъ, авторъ весьма толково и талантливо составленной книги о Россіи. Онъ, по окончаніи курса въ вѣнскомъ университетѣ, поѣхалъ въ Москву, готовился на экзаменъ учителя классическихъ языковъ и былъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ сначала во Владимірѣ, а потомъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ. Съ русскимъ языкомъ ознакомился онъ очень хорошо, и его книга показываетъ, что русское общество, наши государственные и общественные порядки изучены имъ довольно старательно и безъ предубѣжденій. Съ самого основанія загребскаго университета полагается въ немъ каѳедра русскаго языка, но жалованье лектору маленькое, что-то въ родѣ 800 гульденовъ; да вдобавокъ, открывши каѳедру русскаго языка, совѣтъ университета долженъ былъ бы похлопотать и о скорѣйшемъ открытіи каѳедры мадьярскаго; иначе изъ Пешта стали бы дѣлать запросы, и пошли бы разныя интриги. Доктору Целестину предлагаютъ мѣсто лектора; но онъ—человѣкъ бѣдный, и его гораздо болѣе привлекаетъ возвращеніе въ Россію, гдѣ онъ, даже въ званіи старшаго учителя, можетъ получать больше, чѣмъ втрое. Чего же лучше нашимъ славянскимъ комитетамъ, какъ не воспользоваться такимъ обстоятельствомъ и не предоставить лектору отъ себя частной поддержки, за что онъ могъ бы, кромѣ университетскихъ лекцій, открыть и безвозмездный курсъ? Такой мѣстный молодой ученый, хорошо знающій нашъ языкъ и сохранившій русскія симпатіи, могъ бы сдѣлаться центромъ общенія между хорватской и русской интеллигенціей; но для этого необходимы постоянныя сношенія, поѣздки, обмѣнъ изданій, пожертвованія книгъ, составленіе статей и сочиненій на русскомъ языкѣ, которыя знакомили бы наше общество съ современной Хорватіей и вообще съ южно-славянскимъ политическимъ и культурнымъ движеніемъ, а по этой части у насъ такой же недочетъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ славянскихъ земляхъ. Если и заѣдетъ въ Загребъ какой-нибудь славистъ, то онъ почти всегда принадлежитъ къ новѣйшему типу московскихъ обрусителей, къ тѣмъ магистрантамъ и докторантамъ филологіи, которые поражаютъ всякаго свѣжаго человѣка затхлостью своего направленія, угловатостію всего своего умственнаго и нравственнаго типа. Безъ церемоніи можно сказать, что это, по преимуществу—бездарные книжники, неспособные изучать живую жизнь. И въ Прагѣ, и Вѣнѣ, и въ Загребѣ они такъ и остаются книжниками, не сходятся съ болѣе свѣжими мѣстными дѣятелями или окружаютъ

себя какими-нибудь забитыми «братьями», поддакивающими византійскимъ идеямъ. Такого рода личности положительно вредны дѣлу славянской солидарности; они вносятъ всюду свои затхлые взгляды и принципики, сейчасъ же начинаютъ съ осужденія и съ нетерпимости и способны только вызвать непріязненныя чувства въ самыхъ лучшихъ представителяхъ славянской интеллигенціи.

П. Боборыкинъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Открытіе всемірной выставки.—Дурныя предвѣщанія. — Гроза въ день открытія.— Описаніе Трокадеро́.— Оффиціальная рѣчь.—Маршалъ впервые рѣшается на провзнесеніе словъ: «французская республика».—26 оркестровъ музыки.—Переходъ черезъ Іенскій мостъ.—Общій видъ Марсова Поля.—Довольство публики.—Удивительная «улица націй». — Открытіе иностранныхъ отдѣленій выставки.

«Республиканцамъ никогда не удастся открытіе *ихъ* выставки!» повторяли на всѣ лады, въ теченіи двухъ лѣтъ, бонапартисты.

— Если выставка когда-нибудь осуществится, говорилъ де-Брольи до переворота 16-го мая, во время его и даже послѣ:— то открывать ее буду я! Мое происхожденіе даетъ мнѣ на это право, если въ числѣ нашихъ гостей будутъ члены царствующихъ династій.

Въ то время, когда клерикализмъ еще былъ у насъ грозною силою и прусское правительство не разрѣшало германской промышленности отправки ея произведеній въ Парижъ, князь Бисмаркъ, какъ носились слухи, предсказывалъ, что открытіе выставки, если оно и произойдетъ, не будетъ замѣчено среди громовъ европейской войны.

Ни одно изъ этихъ предсказаній, къ счастію, не сбылось. Выставка 1878-го года открылась въ назначенный срокъ, и хотя приготовленія къ ней заняли несравненно менѣе времени, чѣмъ приготовленія къ выставкѣ 1867-го года, ко дню открытія все было въ бо́льшемъ порядкѣ, чѣмъ въ 1867 году. Никто изъ династическихъ гостей, почтившихъ нашъ промышленный праздникъ — ни принцъ Уэльскій, ни герцогъ д'Аоста, ни даже супругъ экс королевы испанской, дон-Франциskъ Ассизскій — даже не замѣтили, что у кормила правленія Франціи не сто́ятъ болѣе герцоги де-Брольи, Деказы и т. д. Никто изъ нихъ даже не поморщился, когда маршалъ произнесъ торжественную фразу открытія: «Именемъ республики, объявляю выставку открытой!» Даже Бисмаркъ ошибся—войны пока еще нѣтъ, и если въ день открытія происходила въ Парижѣ пушечная пальба, то это было праздничное салютованіе.

Страшный ливень съ бурею наканунѣ перваго мая и сильная гроза съ дождемъ въ самое утро открытія выставки исполнили несказанною радостью сердца клерикаловъ. Они надѣялись, что никакія празднества не состоятся, а нѣкоторые ожидали даже, что грозою разобьетъ самое нечестивое зданіе площади Трокадеро—эти новыя «вавилонскія башни». Вейльо даже настрочилъ въ этомъ смыслѣ, утромъ 1 го мая, въ своей вечерней газетѣ «Univers», пророческую статью, предсказанія которой однако же тоже не сбылись. Хотя густыя толпы народа, собравшіяся съ ранняго утра на Марсовомъ Полѣ и возвышенности Трокадеро, и вымочило-таки порядкомъ дождемъ, но съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ и звуками барабановъ, извѣщавшими публику, что оффиціальный кортежъ приближается къ мѣсту праздника, на небѣ проглянуло ослѣпительное солнце, исполнившее радостью десятки тысячъ людей. Нужно было слышать, какимъ единодушнымъ крикомъ встрѣтила 50-ти-тысячная толпа это солнечное сіяніе. Я думаю, что солнце рѣдко встрѣчалось съ такими оваціями даже самими солнцепоклонниками. Погода внезапно разгулялась, и съ этого времени, впродолженіи цѣлыхъ двѣнадцати часовъ (съ 2-хъ по-полудни до 2-хъ по полуночи), цѣлыя волны народа не переставали двигаться оживленными массами въ мѣстности, отведенной подъ выставочныя постройки. Я лично, во всю свою жизнь, не видалъ еще ни разу скученія такихъ массъ публики, одушевленной такимъ единодушнымъ энтузіазмомъ.

Прежде, однако, чѣмъ я приступлю къ описанію торжества самого открытія, считаю необходимымъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, познакомить васъ съ мѣстомъ дѣйствія.

Декретъ о настоящей выставкѣ подписанъ 4-го апрѣля 1876-го года. Ассигнованіе палатами необходимыхъ для нея фондовъ, назначеніе главнымъ ея директоромъ Кранца, выборъ и утвержденіе мѣстности, назначеніе администрацій, составленіе и утвержденіе плановъ, проэктовъ, сметъ и т. д.—заняли время до ноября 1876-го года. Собственно постройки начались только съ этого мѣсяца, но зато уже не прерывались, ни вслѣдствіе опасеній обще-европейской войны, ни вслѣдствіе внутренняго кризиса, пережитаго Франціей и тянувшагося чуть не цѣлый годъ. Нужна была чуть не сверхъестественная энергія, чтобы соорудить въ такое короткое время такую массу всевозможныхъ построекъ, какими покрылись какъ Марсово Поле, такъ и возвышенность Трокадеро. Тотъ, кто, зная эти мѣстности и не посѣщавши ихъ года полтора, увидалъ бы ихъ внезапно теперь, вѣроятно, не повѣрилъ бы своимъ глазамъ или нашелъ бы, что въ волшебныхъ сказкахъ, въ которыхъ феи строятъ въ одну ночь цѣлые дворцы, нѣтъ ничего невѣроятнаго.

На самой вершинѣ Трокадеро помѣщается главное зданіе, внѣшность котораго настолько же грандіозна, какъ и изящна. Дворецъ этотъ не будетъ сломанъ, такъ какъ онъ составляетъ

собственность города Парижа, участвовавшаго съ похвальною щедростью въ издержкахъ сооруженія. Центръ зданія представляетъ собою массивную ротонду, отъ которой идутъ двѣ полукруглыя, легкія галлереи. Надъ ротондою возвышаются двѣ башни, которыя нѣсколько узки у своихъ оснований и, по-моему, недостаточно высоки относительно размѣровъ ротонды. Если же этихъ башенъ вовсе не было, то громадная статуя скульптора Мерсье «Извѣстность» (la Rénommée), помѣщенная надъ большимъ куполомъ, значительно выиграла бы въ своемъ эффектѣ, хотя она и теперь представляется чудомъ скульптурно архитектурной смѣлости. Подъ нею, на ажурной баллюстрадѣ галлерей, отъ которыхъ начинается куполъ, расположены тридцать монументальныхъ статуй различныхъ искуствъ, наукъ и отраслей промышленности. Рядомъ съ олицетвореніемъ медицины вы увидите тутъ статую металургіи, рядомъ съ астрономіей—гончарное искуство, педагогію, живопись, этнографію и т. д. Ниже ихъ, въ первомъ ряду галлерей, помѣщается шесть массивныхъ фигуръ, изъ позолоченнаго чугуна, представляющихъ части свѣта, причемъ Сѣверная и Южная Америки представлены отдѣльно. Наконецъ, на четырехъ углахъ овальнаго бассейна, куда впадаетъ каскадъ, устроенный передъ главнымъ балкономъ, отлиты тоже чугунныя позолоченныя изображенія животныхъ: быка, лошади, носорога и слона.

Ровно въ 2 часа по-полудни, сообразно назначенному церемоніалу, президентъ республики, въ полной парадной формѣ маршала Франціи, появился въ этомъ дворцѣ и сѣлъ на кресло, приготовленное ему въ главной залѣ зданія у большего балкона. Едва онъ занялъ свое мѣсто, какъ со всѣхъ краёвъ балкона громадною водяною скатертью съ бѣлою пѣною сталъ падать каскадъ, что вызвало продолжительное рукоплесканіе толпы, тѣмъ болѣе довольной, что, передъ тѣмъ, всѣ реакціонныя газеты предсказывали, что каскадъ не будетъ дѣйствовать, такъ какъ механизмъ его не удался.

Вслѣдъ затѣмъ министръ торговли и земледѣлія, главному управленію котораго подчинена выставка, обратился къ маршалу и всему блестящему собранію, съ торжественною рѣчью, въ которой напомнилъ, что первая мысль объ этомъ великомъ конкурсѣ труда и искуствъ, объ этомъ новомъ торжественномъ праздникѣ цивилизаціи и прогресса родилась «на слѣдующій же день послѣ того, какъ республика получила окончательную санкцію приведеніемъ въ дѣйствіе конституціи». Этимъ правительство республики «засвидѣтельствовало свою увѣренность въ устойчивости и плодотворности тѣхъ учрежденій, какія страна для себя создала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразило свою полнѣйшую увѣренность, что иностранныя державы не откажутъ ему въ своемъ сочувствіи». Затѣмъ, Тейссеренъ де Боръ напомнилъ, что первые рабочіе появились на Марсовомъ Полѣ 1-го декабря 1876 года и что 20 мѣсяцевъ было достаточно для возведенія

всѣхъ построекъ, несмотря на непредвидѣнную необходимость увеличить число ихъ, вслѣдствіе громаднаго количества экспонентовъ со всѣхъ странъ міра, для достойнаго размѣщенія всѣхъ чудесъ искуства земледѣлія и промышленности. Затѣмъ, онъ отдалъ благодарность какъ иностраннымъ, такъ и отечественнымъ экспонентамъ, равно и главному организатору выставки, сенатору Кранцу, его помощникамъ и всѣмъ рабочимъ, которые «патріотически не пощадили никакихъ усилій и сочли дѣломъ своей личной чести, чтобы слово, данное Франціей, осуществилось». Окончилъ свою рѣчь министръ слѣдующими словами, обращенными уже прямо къ маршалу Мак Магону: «Настоящая выставка вполнѣ удовлетворитъ ваши патріотическія стремленія; она послужитъ для васъ очевиднымъ доказательствомъ того, что Франція, переставшая сомнѣваться въ своей будущности, проникласъ подъ покровомъ политической формы правленія, пользующейся ея сочувствіемъ, новымъ одушевленіемъ и удвоила свою дѣятельность и энергію. Вы невольно признаете что нація стала трудиться съ неслыханнымъ до сихъ поръ для нея рвеніемъ, что̀ и помогло ей увеличить значительно количество такихъ произведеній ея труда, которыя приносятъ честь своимъ производителямъ, украшаютъ и дѣлаютъ болѣе легкою жизнь народовъ, подымаютъ нравственный уровень обществъ и усиливаютъ, для счастія и славы человѣчества, благодѣянія цивилизаціи». Еслибы на мѣстѣ маршала находилось другое лицо, то оно непремѣнно воспользовалось бы этимъ случаемъ для произнесенія краснорѣчивой отвѣтной рѣчи, которая облетѣла бы всю Европу. Но маршалъ ограничился заявленіемъ благодарности оратору и ближайшимъ изъ иностранныхъ гостей, окружавшихъ его, и затѣмъ объявилъ отъ имени республики, что выставка открыта. Такимъ ὀбразомъ, избраннику 24 го мая 1873 года и иниціатору 16-го мая 1877 года пришлось таки впервые произнести ненавистное для него слово «французская республика». Уже одно это было настоящимъ событіемъ, и эта новость быстро разнеслась между всѣми массами публики, толпившейся на Трокадеро и Марсовомъ Полѣ, и вызвала единодушное восклицаніе «да здравствуетъ республика» въ ту самую минуту, когда церемоніймейстеръ съ верху терассы выставилъ знамя, что̀ послужило сигналомъ для всѣхъ хоровъ музыки, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Сены. Эти оркестры, число которыхъ, какъ говорятъ, было 26, произвели бы несравненно бо̀льшій эфектъ, еслибы были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ и потомъ двинулись во главѣ кортежа. Играя на значительныхъ разстояніяхъ одно и то же, они никакъ не могли попасть въ одинъ ладъ, такъ что произошло нѣчто весьма не стройное, заставившее насмѣшниковъ назвать исполнявшуюся пьесу кантатой въ честь Св. Сердца пополамъ съ Марсельезой, между тѣмъ какъ это былъ просто извѣстный гимнъ Гуно въ честь Франціи. Потомъ, когда кортежъ тронулся, каждый оркестръ игралъ что̀ хотѣлъ. Особенно хорошо были исполнены передъ

китайскимъ домикомъ отрывки и маршъ изъ «Сна въ лѣтнюю ночь» Мендельсона. Сбитый съ толку музыкой, церемоніальный кортежъ, формировавшійся у лѣвой лѣстницы дворца Трокадеро, не удался. Маршалъ, никого не дожидаясь, ринулся впередъ, за нимъ едва поспѣвали иностранные принцы, которыхъ сенаторамъ, въ свою очередь, пришлось догонять съ большими усиліями. Депутаты врѣзались въ кортежъ только на Іенскомъ Мосту, причемъ, несмотря на то, что они были облечены въ знаки своего званія и перевязаны трехцвѣтными шарфами, войска едва послѣ долгихъ переговоровъ ихъ пропустили. Послѣдній случай произошелъ по винѣ и, вѣроятно, даже преднамѣренности распорядителей церемоніала — лицъ, состоящихъ въ штатѣ чиновъ Елисейскаго Дворца еще со времени имперіи. Въ групахъ, ближайшихъ къ кортежу, то тамъ, то сямъ, какіе-то индивидумы пытались кричать: «да здравствуетъ маршалъ Мак-Магонъ!»; но крики ихъ немедленно заглушались другими: сначала «да здравствуетъ президентъ республики!», а потомъ просто — «да здравствуетъ республика»!

Если съ Іенскаго Моста, обратясь спиной къ Трокадеро смотрѣть на Марсово Поле, то дворецъ этой мѣстности, представлявшійся и въ 1867 году весьма громаднымъ, кажется еще болѣе, чѣмъ прежній, колоссальнымъ. Онъ возвышается на террасѣ, на которую ведутъ особыя лѣстницы изъ пятнадцати ступеней; расположенъ онъ на мѣстности въ 260 метровъ длинны и 20 ширины. Восемь лѣстницъ, ведущихъ къ нему, украшены прудами, групами растеній и цвѣтовъ и статуями, что̀ придаетъ имъ чрезвычайную красоту. Наружный фасадъ громаденъ и раздѣленъ на три выдающіеся павильона, куполы которыхъ напоминаютъ куполы Тюильрійскаго Дворца. На вершинѣ центральнаго павильона развѣвается огромныхъ размѣровъ трехцвѣтный флагъ, на которомъ золотыми буквами изображено: R. F. (французская республика) и *Pax* (миръ). Кромѣ этого флага, надъ зданіемъ виднѣется множество флаговъ другихъ національностей, на которыхъ красуются различныя эмблемы. Подъ стекляннымъ перистилемъ по всему протяженію фасада расположены на цоколяхъ въ полтора метра, при каждомъ пилястрѣ, статуи въ четыре метра вышины, олицетворяющія страны, принявшія участіе въ настоящей выставкѣ; ихъ 22: Голландія, Португалія, Египетъ, Персія, Южная Америка, Данія, Греція, Бельгія, Швейцарія, Россія, Венгрія, Австрія, Испанія, Китай, Японія, Италія, Швеція, Норвегія, Соединенные Штаты, Австралія, Англія и Англійская Индія. Недостаетъ только Германіи, такъ какъ разрѣшеніе правительства на выставку художественныхъ произведеній этой страны дано было такъ поздно, что исполнить статую Германіи не было уже ни времени, ни возможности.

При вступленіи кортежа, съ маршаломъ во главѣ, въ первый залъ центральнаго павильона, изъ выставочныхъ зданій послышались единодушные крики: «да здравствуетъ республика!» и «да

здравствуетъ миръ», служившіе какъ бы отвѣтомъ на крики съ Марсова Поля. Кортежъ приняли делегаты экспонентовъ и направили ихъ къ англійскому отдѣленію, находящемуся справа и откуда начинается громадная аллея подъ открытымъ небомъ, прозванная администраціей выставки «улицей націй».

Улица эта—главнѣйшая замѣчательность настоящей выставки—производитъ чрезвычайный эфектъ, но производила бы его еще болѣе, если бы фасады выставочныхъ зданій различныхъ національностей, представляющіе собою типы національныхъ архитектуръ, были расположены не по одной сторонѣ улицы, а по обѣимъ. Теперь же глазамъ какъ-то странно видѣть налѣво разнообразнѣйшіе архитектурные стили и затѣи, а справа — цѣлый рядъ голыхъ стѣнъ и непривлекательныхъ крышъ. Улица эта простирается на 650 метровъ длины, 150 изъ которыхъ заняты выставкою предметовъ англійской производительности. Однѣ англійскія постройки представляютъ пять фасадовъ, не считая масивныхъ ажурныхъ воротъ изъ желѣза, служащихъ входомъ въ паркъ. Домъ для англійскихъ выставочныхъ жюри построенъ изъ простого кирпича съ балкономъ изъ бѣлаго камня. Помѣщеніе для принца Уэльскаго выстроено въ стилѣ XVI столѣтія. Кромѣ того, англичанами выстроенъ домъ въ готическомъ стилѣ, котэджъ съ окнами изъ мелкихъ стеколъ и деревянный домикъ во вкусѣ построекъ времени Елизаветы. За Англіей слѣдуетъ Америка. Америка построила только одну модель современнаго американскаго дома. Снаружи онъ ничѣмъ не замѣчателенъ, зато внутри вы увидите всевозможныя приспособленія, могущія послужить къ удобству и пользѣ его обитателей. Кромѣ того—и это его главнѣйшая замѣчательность—онъ складной и весь состоитъ изъ частей, которыя весьма легко рознять, чтобы уложить въ вагонъ любой желѣзной дороги. Не болѣе полусутокъ довольно для того, чтобы его разнять и снова сложить въ полнѣйшемъ порядкѣ. Швеція и Норвегія, слѣдующія за Америкой, своими постройками вполнѣ солидарны между собою. Оба ихъ загородные домика украшены одинаковою рѣзьбою въ романскомъ вкусѣ XII столѣтія и соединены между собою общимъ балкономъ. Италія построила цѣлый паллацо, на манеръ миланскихъ, котораго монументальный порталъ раздѣляетъ двѣ аркады съ мраморными колонами, украшенными мозаиками, на золотомъ фонѣ которыхъ красуются копія съ Тиціана, Рафаэля, Микель-Анджело и т. д. Рядомъ съ итальянскимъ отдѣломъ находится японскій. Японія ограничилась постройкою небольшаго загороднаго домика съ тяжелою дверью изъ сандальнаго дерева, на стѣнахъ котораго находятся карта всей страны и планъ новой резиденціи Микадо въ Токіо. При домикѣ садъ съ затѣйливымъ фонтанчикомъ. Особенный интересъ этой постройкѣ представителей крайняго Востока заключается въ томъ, что она населена, и японцы, и японки расположились въ ней совершенно какъ дома. Рядомъ съ Японіей слѣдуетъ Китай, въ отдѣлъ котораго ведетъ

красная дверь въ стѣнѣ, выкрашенной черною и зеленою краскою, а вверху крыша съ колокольчиками—точная модель входа во дворецъ богдыхана въ Тонкинѣ.

Опасаясь показаться наивнымъ, маршалъ сохранилъ полнѣйшее хладнокровіе и спокойствіе при видѣ этихъ оригинальныхъ образцовъ китайскаго и японскаго жанра, но онъ не могъ сохранить своей серьёзности и невольно улыбнулся передъ испанскимъ отдѣломъ. Дѣло въ томъ, что Испанія, для доказательства своего *военнаго могущества*, расположила передъ фасадомъ своей постройки образцы формъ и вооруженій всѣхъ родовъ своихъ армій. Самый фасадъ зданія, построенный по образцу гренадской Альгамбры въ мавританскомъ вкусѣ, ярко выкрашенный, а мѣстами посеребренный и позолоченный, очень красивъ, изященъ и эфектенъ.

Весьма красива и австро-венгерская постройка съ длиннымъ портикомъ изъ колонъ, украшенныхъ рядомъ статуй, и ярко красною стѣною, на которой расположены, подъ гирляндой въ помпейскомъ вкусѣ, портреты различныхъ великихъ людей, родившихся въ этой странѣ, начиная съ Бетховена и кончая венгерскимъ поэтомъ Петёфи-Шамборомъ.

За Австро-Венгріей слѣдуетъ Россія. Массивная бревенчатая постройка ея обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Лѣстницы и крыши произвели значительный эфектъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы, напримѣръ, никогда не думали бы, что деревяннымъ лѣстницамъ можно придавать прочность каменныхъ. Жаль только, что онѣ должны быть неудобны при пожарахъ.

Рядомъ съ Россіею—Швейцарія; но, вмѣсто обычнаго и легендарнаго швейцарскаго шале, постройка швейцарцевъ представляетъ длинную колонаду неопредѣленнаго стиля съ небольшими башнями, на которыхъ помѣщается нѣсколько часовъ. Надъ колонами возвышается сводъ, окрашенный въ голубую краску, усѣянный золотыми звѣздами. Куполъ этотъ некрасивъ и понадобился гельветической республикѣ вѣроятно для того, чтобы изобразить на немъ гербы всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ и гуманный девизъ федераціи «Всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ!»

Далѣе Бельгія — тоже съ своимъ девизомъ: «Всѣ бельгійцы равны передъ закономъ: всѣ власти въ зависимости отъ націи». Бельгійское зданіе-ратуша (Hôtel de Ville)—той эпохи, когда Бельгія вела неутомимую борьбу за религіозныя и гражданскія вольности, какими она пользуется теперь. Зданіе это украшено множествомъ колонъ изъ разныхъ сортовъ мрамора, добываемаго въ Бельгіи, и какъ въ цѣломъ, такъ и въ частномъ, представляетъ собою чудо архитектуры, что было тотчасъ же замѣчено посѣтителями, такъ что едва, кортежъ поровнялся съ этимъ зданіемъ, тысячи рукъ инстинктивно стали аплодировать, какъ удачной театральной декораціи.

Греція построила небольшой домикъ изъ бѣлаго пентелийскаго мрамора — по образцу жилища эпохи Праксителя. При входѣ,

подъ балкономъ стоитъ изображеніе покровительницы дома—Паллады-Аѳины—изъ разноцвѣтнаго мрамора.

Данія построила домъ, напоминающій одну изъ англійскихъ построекъ. Кортежъ остановился передъ нимъ для отдыха, въ честь находившагося въ его рядахъ датскаго наслѣднаго принца. Затѣмъ идетъ вилла въ испанско-мавританскомъ вкусѣ, служащая для помѣщенія представителей государствъ Центральной и Южной Америки. За нею пестрѣли постройки Персіи, Сіама, Туниса и Мароккѐ—и что имъ придаетъ особенный интересъ—населенныя туземцами. За тѣмъ является небольшое общее зданіе трехъ микроскопическихъ европейскихъ владѣній: республики Сан-Марино, княжества Монако и великаго-герцогства Люксембургскаго. За ними—португальская постройка по образцу готической Белемской Часовни въ Лиссабонѣ. Послѣднее зданіе въ улицѣ націй принадлежитъ Голландіи: это—модель красиваго кирпичнаго дома XVII столѣтія, съ скульптурными украшеніями изъ бѣлаго камня и традиціонной башней, часы которой играютъ торжественный гимнъ, но звуки эти, заглушаются гуломъ органовъ и стукомъ инструментовъ, раздающихся изъ имѣющейся здѣсь большой галлереи, прозванной «галлереею ручнаго труда» и расположенной по всему протяженію края Марсова Поля, со стороны Военной Школы.

Такъ какъ я уже не вернусь къ описанію улицы націй, служащей какъ бы общей оградой пространства, занимаемаго выставкой произведеній иностранныхъ экспонентовъ, то чтобы дать вамъ понятіе объ этомъ пространствѣ, приведу нѣкоторыя цифры. Фасады, какъ я уже сказалъ, простираются на протяженіи 650 метровъ. Протяженіе это раздѣлено на 125 участковъ, простирающихся въ глубь (до машинной галлереи) на 85 метровъ. Англійскими экспонентами занято 35 такихъ участковъ, австро-венгерскими и бельгійскими 12, русскими, сѣверо американскими, швейцарскими, итальянскими и испанскими — по 7, шведо-норвежскими, центрально и южно-американскими и голландскими—по 4, португальскими, японскими, китайскими, персидскими, сіамскими, марокскими и тунисскими—по 3, греческими, датскими, люксембургскими, монакскими и сан-маринскими—по 2.

II.

Продолженіе описанія открытія выставки и праздниковъ, устроенныхъ въ честь этого открытія.—Посѣщеніе галлереи ручныхъ работъ во время ихъ производства.—Добровольная иллюминація Парижа.—Фейерверки.—Подвижная иллюминація на улицахъ и поющая публика: конецъ траура Франціи. — Тостъ принца Уэльскаго и его свиданіе съ Гамбеттой. — Открытіе отдѣла изящныхъ искусствъ Германіи.—Выставка отвергнутыхъ изящныхъ произведеній (exposition des exclus).—Будущія празднества.

Ряды кортежа постоянно увеличивались присоединеніемъ къ нему делегацій всѣхъ иностранныхъ отдѣловъ—по мѣрѣ того какъ

кортежъ доходилъ по улицѣ націй, до того или другаго отдѣленія выставки. Вступленіе кортежа въ первую галлерею выставки было привѣтствовано единодушнымъ крикомъ «да здравствуетъ республика!» экспонентовъ и всѣхъ рабочихъ, принявшихся тотчасъ же за различныя производства. Такихъ производствъ въ этой галлереѣ болѣе пятидесяти. Въ самомъ центрѣ обширной мастерской помѣщается гранильная для драгоцѣнныхъ камней. Необдѣланные камни обтачиваются здѣсь при помощи стальныхъ жернововъ, обращающихся вокругъ своей оси отъ 2500 до 3 тысячъ разъ въ минуту, и превращается въ многогранники, блестящіе всѣми цвѣтами радуги. Вблизи приготовляются вѣера, и вы видите, какъ въ какія нибудь три минуты изъ полосокъ дерева всѣхъ родовъ, изъ пластинокъ слоновой кости, кусочковъ кружевъ и т. д. приготовляются роскошные вѣера, которые тутъ же на мѣстѣ и покупаются публикой на расхватъ. Подлѣ расположены мастерицы шалей высшихъ сортовъ, такъ называемыхъ набобскихъ кашемировъ, и нужно удивляться терпѣнію бѣдныхъ ткачихъ, которыя несмотря на все свое проворство и ловкость въ подбираніи одной къ другой тысячи разноцвѣтныхъ шелковинокъ, не успѣваютъ въ теченіи часа приготовить и вершка дорогой ткани. Надъ такою шалью подобная мастерица должна провозиться болѣе года. Рядомъ съ мастерицами шалей находятся кружевницы, по большей части изъ Сѣверной Нормандіи и Франш-Контэ. Онѣ заняты тѣмъ, что обводятъ нескончаемою нитью безчисленное количество булавокъ, воткнутыхъ въ картонъ и подвижную кожу, на которой изображенъ рисунокъ будущихъ кружевъ. Подлѣ кружевницъ расположились парикмахеры или, какъ они себя величаютъ, «артисты волосныхъ работъ». Здѣсь публику брѣютъ, стригутъ, завиваютъ и приготовляютъ всевозможные парики, накладки и шиньоны, кромѣ того дѣлаютъ кольца, браслеты и цѣлыя картины изъ волосъ умершихъ, памятью которыхъ дорожатъ близкіе.

За парикмахерами слѣдуютъ производители чисто парижской спеціальности всякихъ мелочей и бездѣлицъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «articles de Paris» и которыхъ вамъ нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Парижа, не сдѣлаютъ. Тутъ вы найдете всякія неожиданности: кольца для ключей, которыя въ тоже время могутъ служить гильотинками для сигаръ, такія же кольца, служащія вмѣстѣ и пробочниками, палочки, заключающія въ себѣ и ручку для пера, и чернильницу, и разрѣзку для бумаги, и зубочистку, и еще богъ знаетъ что. На изобрѣтательность подобныхъ пустячковъ Парижъ неистощимъ—и большая часть подобныхъ вещицъ является передъ вашими глазами сдѣланной въ пять минутъ изъ какой-то особенной массы, подъ страннымъ названіемъ «минеральной слоновой кости» (ivoirine minérale). Тутъ же приготовляютъ и пуговицы, начиная съ простыхъ костяжекъ и кончая прихотливѣйшими образцами изысканнѣйшей фантазіи. При васъ ихъ вырѣзаютъ при помощи особаго механизма, про-

сверливают, покрывают фольгой, матеріями, золотом, серебром и т. п. и потом протыкают на бумажки по полудюжинам, как они продаются въ магазинах. Здѣсь же приготовляют вещи изъ стекла въ подражаніе брильянтам, кольца, серги, броши и т. д., которыя так блестят, что могут рѣшительно очаровать какого либо властелина изъ внутренней Африки. Здѣсь же изъ латуни вам сдѣлают цѣпочку, которую изъ-далека не отличить от золотой, и коробочку для спичек, которую можно принять за серебряную. Искуственная эмаль, между прочим, служит здѣсь для приготовленія рыбок и морских животных, для кабинетных аквpaрiумов. Изъ слоновой кости вытачивают руло̀ на салфетки, разрѣзки, ручки для тростей—одним словом, чего хочешь, того просишь, но еще бо̀льшее разнообразіе рядом, въ отдѣлѣ дѣтских игрушек.

За игрушками слѣдует отдѣл искуственных цвѣтов, изъ которых многих нельзя не принять за натуральные; за цвѣтами—парфюмёры, приготовляющіе духи, помады и всяческіе душистые воды и спирты; за ними—вязальницы штор и филейных тканей; дальше—рисовальщицы на фарфорѣ, которыя на ваших глазах и рисуют, и красят, и обжигают формы въ небольших печах.

Далѣе идут токарныя мастерства. Выпиливаніе всевозможных предметов изъ дерева и кости составляет тоже такую спеціальность парижских рабочих, въ которой у них есть чему поучиться даже японцам и китайцам, как извѣстно, великим въ этом дѣлѣ искусникам. Сравниться съ такими рабочими по искуству могут развѣ только производители мундштуков изъ пѣнки. Всякій невольно заинтересуется при видѣ того, ка̀к грубый кусок пѣнки, пройдя через руки десяти, пятнадцати спеціалистов, обращается въ скульптурное произведеніе и принимает самыя фантастическія формы человѣческих и звѣриных голов, миѳологических богов и богинь, и т. п. Не съ мѐньшим искуством наши рабочіе (преимущественно изъ Сент-Антуанскаго и Тампльскаго Предмѣстій) *поддѣлывают* турецкія и алжирскія произведенія, начиная съ фонарей, какими украшаются театры и кафе-шантаны Стамбула и Перы, и до мельчайших туалетных принадлежностей жительниц любого сераля и гаремов. Я готов держать пари, что множество предметов этого рода продается на турецких базарах нетолько небольших городов, но даже и самого Константинополя, так как они съ провозом должны обходиться гораздо дешевле мѣстных произведеній этого рода, производство которых, при старых способах его, каких придерживаются восточные рабочіе, должно сто̀ить крайне дорого. Производство поддѣлок всякаго рода чрезвычайно соблазняет парижских рабочих, и они не ограничиваются въ этом отношеніи одним Востоком, а поддѣлывают произведенія и всѣх других народов. Так, напримѣр, на выставкѣ вы увидите

очень изящные портсигары, якобы изъ *русской кожи*, стоющіе всего на всего по 65 сантимовъ, т. е. дешевле, чѣмъ обошелся бы кусокъ дѣйствительно привозной русской кожи. Замѣчательное мѣсто занимаютъ также литейщики такъ называемыхъ авто лито-типографическихъ прессовъ, которые начинаютъ все болѣе и болѣе входить въ общее употребленіе. За 25 франковъ на выставкѣ вы можете получить чуть не цѣлую переносную типографію и можете при ея пособіи напечатать хоть цѣлую книгу. Рядомъ съ литейщиками помѣщаются гребенщики и щеточники, вслѣдъ за которыми начинается уже галлерея французскихъ машинъ. Оффиціальный кортежъ былъ такъ утомленъ осмотромъ залы ручныхъ работъ, что, почти не останавливаясь, прошелъ галлерею машинъ, изъ которыхъ многія, впрочемъ, не успѣли еще и пустить въ ходъ, и также наскоро прошелъ и по двумъ галлереямъ, расположеннымъ со стороны дома Инвалидовъ, въ которыхъ выставлены мёбель и шелковыя ткани. Дойдя до того выхода съ выставки, который называется воротами Раппа, маршалъ распростился съ кортежемъ и когда сѣлъ въ карету, ему пришлось еще разъ услышать возгласъ: «Да здравствуетъ республика!», вырвавшійся въ этотъ разъ изъ среды болѣе чѣмъ трехсотъ-тысячной публики, толпившейся съ ранняго утра по смежнымъ улицамъ и алеямъ въ ожиданіи, когда для нея будетъ открытъ входъ на выставку по билетамъ. Большинству, однакоже, въ этотъ день, конечно, на выставку попасть не удалось и пришлось вернуться домой ни съ чѣмъ, кромѣ развѣ увѣренности, что выставка дѣйствительно открыта. Однѣхъ каретъ—я беру цифру, опубликованную полицейской префектурой—находилось въ этотъ день у входа на выставку 19,088.

Достать хотя какой-нибудь экипажъ для возвращенія домой съ выставки не было никакой возможности. Мнѣ пришлось вернуться попросту, по желѣзной дорогѣ, и когда я, въ 6 часовъ, вышелъ съ парижской станціи улицы Сен-Лазаръ, чтобы возвратиться домой по улицѣ Пигаль и внѣшнимъ бульваромъ, то я былъ крайне пораженъ видомъ, какой представляли далеко не центральныя мѣста города. Всѣ дома были украшены всевозможными флагами и знаменами всѣхъ странъ, не исключая и Германіи (какъ наканунѣ предлагали это жителямъ республиканскія газеты). Выйдя послѣ обѣда на главные бульвары по улицамъ Мучениковъ, Лафайетъ и Пуассоньеръ, я увидалъ, что, кромѣ флаговъ и знаменъ, повсюду горѣла самая разнообразная иллюминація. Я взялъ коляску и приказалъ кучеру возить меня повсюду, гдѣ ему вздумается—и вездѣ, въ самыхъ маленькихъ улицахъ и даже внутри дворовъ, я видѣлъ венеціанскіе фонари, шкалики и свѣчи. Толпа уличныхъ мальчишекъ завладѣла Шомонскими Высотами и пускала оттуда ракеты и римскія свѣчи тысячами, которыя, своею многочисленностью, образовывали чрезвычайно эффектный фейерверкъ. На Монмартрскихъ Высотахъ устроилъ блистательный фейерверкъ со всевозможными затѣями извѣстный Руджіери, быв-

щий фейерверкмейстером при дворѣ Наполеона III. Фейерверкъ этотъ вызвалъ восторгъ въ демократической средѣ обитателей этой мѣстности, и гулъ криковъ въ честь республики здѣсь во весь вечеръ не смолкалъ ни на минуту. Лѣвый берегъ Сены не отсталъ отъ правой. По всему протяженію улицы Сен Жака и широкаго бульвара, проходящаго черезъ Сену, отъ комерческаго суда до судебной палаты — рядъ блестящихъ иллюминацій не прерывался. Въ небольшихъ переулкахъ, между центральнымъ рынкомъ и зданіемъ биржи, были развѣшаны гирлянды изъ цвѣтныхъ фонарей и горѣло множество транспарантовъ съ словами: «Свобода, равенство, братство!», «Франція вѣчно останется республикой!», «Да здравствуетъ миръ!», «Да здравствуетъ выставка!», «Трудъ свободы», «Миръ со всѣми и для всѣхъ», и т. д. Между зданіями театра «Французской Комедіи» и «Оперы» частные дома были такъ ярко освѣщены газовою и всякою другою иллюминаціею, что электрическое освѣщеніе національной Академіи Музыки, усиленное въ этотъ вечеръ впятеро противъ обыкновеннаго, не производило рѣшительно никакого эффекта. Колосальный Аполлонъ, украшающій куполъ этого театра, не былъ положительно замѣтенъ, и его приходилось освѣщать время отъ времени, цѣлыми массами краснаго, голубаго и зеленаго бенгальскаго огня.

Доѣхавъ до внутреннихъ бульваровъ, я, какъ и всѣ, вынужденъ былъ выйти изъ экипажа и уже пѣшкомъ продолжалъ свои странствованія. Увлеченный буквально людскою волною, я совершенно отдался ея теченію. Кое-какъ двигаясь употребивъ немало усилій и потративъ столько же времени и терпѣнія, я могъ проникнуть и на Площадь Согласія, въ Елисейскія Поля и къ Елисейскому Дворцу. Эти обычныя мѣстности народныхъ праздниковъ были сравнительно мало освѣщены. Правительство не рѣшилось на затрату такихъ суммъ, какія въ прежнее время расходывались на иллюминованіе этихъ мѣстъ газовыми гирляндами. Сады Елисейскаго Дворца, гдѣ въ этотъ вечеръ происходилъ пріемъ лицъ, участвовавшихъ въ открытіи выставки, были иллюминованы a giorno; но черезъ стѣны и рѣшотки дворца нельзя было разглядѣть, удалась ли эта иллюминація. Вообще, правительство, соблюдая строгую экономію, ограничилось повсюду только тѣмъ, что всѣ газовые аппараты, находящіеся передъ принадлежащими ему зданіями и памятниками, были зажжены. Такимъ же способомъ оно освѣтило и церкви, духовенство же, разумѣется, не прибавило отъ себя ни одного су на усиленіе такого освѣщенія. Нѣсколько щедрѣе оказалось городское управленіе, такъ какъ республиканскій муниципальный совѣтъ ассигновалъ на иллюминацію сумму въ 50,000 франк. Но, говоря вообще, оффиціальной иллюминаціи почти не было замѣтно среди того блеска, съ какимъ иллюминовали свои дома парижскіе обыватели. Мало того: иллюминація подъ конецъ вечера сдѣлалась подвижною. Появились цѣлыя тысячи молодыхъ

людей, со всевозможными цвѣтными фонарями на длинныхъ шестахъ, палкахъ, или просто на шляпахъ. Особенно эфектны были зонтики, на которыхъ были нацѣплены по восьми, десяти и даже двѣнадцати фонариковъ. Я думаю, что видъ этихъ безчисленныхъ свѣтящихся точекъ среди движущейся толпы, по крайней мѣрѣ, въ полтора мильйона человѣкъ, изъ верхнихъ этажей долженъ былъ быть восхитителенъ. Гулъ, несшійся изъ толпы, имѣлъ характеръ какого-то страннаго журчанія, среди котораго вырывался то гигантскій взрывъ смѣха 10,000 человѣкъ, то звуки громаднаго хора, пѣвшаго какую-нибудь патріотическую пѣсню. Чаще всего раздавались звуки извѣстной пѣсни жирондистовъ и Марсельезы. На нее въ послѣднее время такъ нападала реакціонная печать, что ни одинъ изъ 26 военныхъ оркестровъ Трокадеро и Марсова Поля не позволилъ себѣ ея исполнить между брабантскимъ гимномъ бельгійцевъ и «God save the Queen» англичанъ. Зато публика его пѣла, и можно было даже опасаться, чтобы народъ, изъ протеста къ нелѣпому распоряженію военнаго начальства, не придалъ характера революціоннаго и воинственнаго припѣву этой пѣсни, подъ звуки которой столько разъ освобождалась Франція и совершалось нѣсколько революцій; но парижане и въ этомъ случаѣ выказали удивительный тактъ: опасаясь чѣмъ-либо оскорбить своихъ гостей иностранцевъ. и несвоевременно раздражить своихъ соотечественниковъ-реакціонеровъ, они пѣли Марсельезу совсѣмъ особеннымъ образомъ. Такъ, запѣвалы пропускали всѣ тѣ строфы, въ которыхъ заключаются намеки на жажду отмщенія, и смягчали тонъ произношенія даже самыхъ мирныхъ строкъ, въ которыхъ говорится о священной любви къ отечеству и свободѣ, а массы не повторяли за ними извѣстной строки припѣва: «Къ оружію, граждане!» Кромѣ того, вслѣдъ за каждымъ крикомъ: «Да здравствуетъ республика!», раздавался еще болѣе сильный крикъ: «Да здравствуетъ миръ!»

Парижскіе старожилы не помнятъ ничего подобнаго этому ночному празднику. Его праздновалъ весь городъ со всѣми своими предмѣстьями и окрестностями, и едва ли когда-нибудь подобный искренній энтузіазмъ одушевлялъ въ Парижѣ одновременно столь громадныя массы такъ, чтобы при этомъ сохранялся полнѣйшій порядокъ. Полиція, которая едва ли и въ состояніи была бы что либо дѣлать въ такой колоссально многолюдной толпѣ блистала полнѣйшимъ своимъ отсутствіемъ. Роль ея ограничивалась тѣмъ, что она приводила въ порядокъ въ улицахъ, паралельныхъ съ бульварами, ряды омнибусовъ и всякихъ экипажей, проѣздъ которыхъ по главнымъ улицамъ съ 9-ти часовъ вечера сдѣлался буквально невозможнымъ. Такимъ образомъ, мильйонная толпа безъ всякой полиціи съумѣла такъ сама съ собою управиться, что, на слѣдующее утро, ни одинъ изъ самыхъ ретроградныхъ журналовъ не имѣлъ возможности злорадно указать на какое-

либо нарушеніе порядка или несчастный случай отъ неосторожности.

Съ 15-го августа 1869 г., когда Франція послѣдній разъ справляла именины Наполеона III, французскій народъ, увлекающійся всякими національными празднествами, въ теченіи чуть что не десяти лѣтъ не имѣлъ поводовъ чтò-либо праздновать. Поэтому-то празднованіе открытія выставки главнѣйшимъ образомъ и устроилось, какъ мы видѣли, самимъ народомъ. Одинъ рабочій въ весьма меткихъ словахъ выразилъ мысль, которую, безъ сомнѣнія, раздѣлялъ весь Парижъ: «сегодня оканчивается трауръ нашего отечества—снимемте же его и съ нашихъ одеждъ». Въ самомъ дѣлѣ, какой праздникъ для всякаго француза—созерцаніе отечества, встающаго изъ могилы, куда его погребла имперія, возродившагося послѣ потери своей военной славы, единственно благодаря мирному труду его гражданъ, и послѣ всевозможныхъ невзгодъ, разразившихся надъ нимъ восемь лѣтъ тому назадъ, способнаго оказать такое блестящее гостепріимство всему цивилизованному міру! Понятно, что въ подобный моментъ должны смолкнуть всѣ нечали, исчезнуть всякая ненависть и раздоръ между французами. Парижане это хорошо поняли, такъ что даже изъ среды обитателей рабочихъ предмѣстій, пользующихся всякимъ случаемъ политическихъ похоронъ для возгласовъ о необходимости амнистіи, не раздалось ни одного восклицанія, которое напоминало бы о коммунѣ въ эту достопамятную ночь 1-го мая 1878 года—ночь всеобщаго примиренія французовъ. Замѣтилъ это на слѣдующее же утро «Le XIX-e Siècle», нетерпимѣйшій изъ всѣхъ республиканскихъ журналовъ относительно коммуны, и въ нёмъ было заявлено, что наступила пора амнистіи. При этомъ тотъ же «Siècle» обратилъ вниманіе, что у дверей многихъ отелей и кофеенъ, гдѣ знамена разныхъ націй были соединены въ одинъ пучекъ для ознаменованія братства народовъ, нѣмецкое знамя, не было исключено изъ пучка. Только передъ однимъ зданіемъ, гдѣ пруссаки выставили свое знамя какихъ-то необычайныхъ размѣровъ, чтò показалось публикѣ провокаціей, послышался нѣкоторый ропотъ неудовольствія, который тотчасъ же прекратился вслѣдъ за замѣчаніемъ кого-то, что, такъ какъ германцы участвуютъ въ выставкѣ, то они—наши добрые гости. Замѣчаніе это такъ удовлетворило толпу, что она стала аплодировать и прошла мимо съ криками: «Да здравствуетъ миръ» и «Да здравствуетъ республика».

Образъ дѣйствій Франціи—и, я говорю, всей Франціи, такъ какъ въ этотъ вечеръ въ бòльшей части ея городовъ произошли такія же, какъ и въ Парижѣ, празднества, украшенія знаменами и иллюминаціи—вызвалъ самое живое сочувствіе къ намъ со стороны иностранцевъ, находящихся въ Парижѣ.

На банкетѣ англійскихъ экспонентовъ принцъ Уэльскій произнесъ тостъ, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующую мысль: «Все мое сердце на сторонѣ Франціи. Всѣмъ присут-

ствующимъ здѣсь, точно такъ же, какъ и всѣмъ лицамъ, знающимъ меня, должно быть извѣстно, что я всѣмъ моимъ сердцемъ сочувствую величію Франціи». Черезъ нѣсколько дней, на одномъ изъ министерскихъ обѣдовъ наслѣдникъ великобританской короны, когда ему былъ представленъ Гамбетта, повторилъ ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, насколько онъ удивляется могуществу націи, съумѣвшей возродиться послѣ стольких невзгодъ, и политическому такту тѣхъ лицъ, которыя съумѣли вывести страну, посреди стольких интригъ и бѣдствій, на широкую дорогу свободы и благосостоянія. Что дипломаты увидали въ этихъ словахъ только авансъ, дѣлаемый Франціи Великобританіей въ виду возможности союза противъ Россіи, это — дѣло весьма естественное; но за исключеніемъ ихъ и представителей журнальнаго міра, большинство французовъ приняло эти слова за наличную монету, такъ какъ — повторяю еще разъ — французы рѣшительно не желаютъ вмѣшиваться, и народъ нашъ, можетъ быть, никогда еще не былъ такъ миролюбиво настроенъ, какъ въ настоящую минуту открытія своего промышленнаго праздника. Мы положительно не питаемъ никакой непріязни и желаемъ, прежде всего и больше всего, мира со всѣми, такъ какъ, благодаря такому миру, мы могли достигнуть нашего настоящаго торжества.

Открытіе германскаго отдѣла изящныхъ искуствъ на Марсовомъ Полѣ происходило съ большою торжественностью 11-го мая. Генеральный комиссаръ секціи, директоръ берлинской академіи изящныхъ искуствъ Вернеръ, поручилъ оффиціально нѣмецкую выставку высокой протекціи посланника своего императора. Обращаясь къ этому лицу, онъ, въ своей рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, высказалъ сожалѣніе, что германскіе художники не имѣли достаточно времени, чтобы собрать такую коллекцію своихъ современныхъ произведеній, которая давала бы вѣрное понятіе о прогрессивномъ артистическомъ движеніи ихъ страны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ свою признательность, главнымъ распорядителямъ выставки, отнесшимся «любезно и сердечно» къ его соотечественникамъ-экспонентамъ. Германскій посланникъ, князь Гогенлоэ, отвѣчалъ ему также по-нѣмецки; а затѣмъ онъ обратился къ министру земледѣлія и торговли Тейссерену де-Бору съ весьма любезной рѣчью уже на французскомъ языкѣ. Поблагодаривъ его за дружественный пріемъ, сдѣланный нѣмецкимъ артистамъ, онъ сказалъ: «Наша выставка, несмотря на всю скромность своихъ размѣровъ, должна доказать вамъ, что, если Германія не могла принять болѣе значительнаго участія въ громадномъ конкурсѣ, на который Франція созвала народы со всего міра, то это произошло рѣшительно не вслѣдствіе какихъ-либо чувствъ враждебности или соперничества къ вашей странѣ, но единственно вслѣдствіе причинъ экономическаго характера. Не сомнѣвайтесь, господа, прибавилъ онъ, возвышая голосъ и обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ: — Германія умѣетъ оцѣнить по достоинству великія идеи, обусловившія возникнове-

ніе настоящей выставки — дѣло прогресса и умиротворенія; она видитъ въ немъ новую гарантію добрыхъ отношеній, которыя такъ счастливо установились между нашими обѣими странами». Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ отвѣчалъ ему и министръ, поблагодаривъ посланника за то участіе, какое онъ принялъ въ рѣшеніи Германіи участвовать въ конкурсѣ, открытомъ Франціей, и заявилъ, «что произведенія германскаго искуства привлекутъ своимъ совершенствомъ исключительное вниманіе публики и послужатъ хорошею школою для французскихъ художниковъ». Послѣ такого обмѣна привѣтствій, князь Гогенлоэ и министръ Тейссеренъ пожали другъ другу руки, и вмѣстѣ съ лицами, окружавшими ихъ, начали осмотръ галлерей, куда, черезъ полчаса была допущена и публика. Церемонія эта получила особенное значеніе, когда стало извѣстно, что въ Берлинѣ, почти въ тоже время, рабочій Гёдель покушался на жизнь императора. Протоколъ объ открытіи нѣмецкаго отдѣла, такимъ образомъ, былъ отправленъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ поздравительной депешей маршала къ императору о счастливомъ избавленіи его отъ преступнаго покушенія.

Описаніе статуй, картинъ и рисунковъ германскаго отдѣла я оставлю до слѣдующаго раза, когда у насъ пойдетъ рѣчь о произведеніяхъ изящныхъ искуствъ другихъ странъ; теперь же ограничусь только замѣчаніемъ, что германцы-организаторы этого отдѣла, безъ всякаго намёка со стороны французскихъ распорядителей выставки, не допустили ничего, что, хотя отдаленно, напоминало бы войну 1870—71 годовъ. Зато и французскіе распорядители съ такою же тщательностью не допустили на выставку ни одной картины французскихъ художниковъ, сюжетомъ которой были бы сцены изъ франко-прусской войны. Такъ, разумѣется, и слѣдовало поступить; но я рѣшительно отказываюсь понимать, чѣмъ было вызвано нелѣпое распоряженіе, чтобы такія картины не появлялись и на обычной ежегодной выставкѣ Елисейскихъ Полей. Такое распоряженіе даже противузаконно, такъ какъ, по уставу, картины художниковъ, получившихъ награду на предшествовавшихъ выставкахъ, какъ не подлежащія конкурсу, должны приниматься безусловно на выставку. Извѣстный издатель гравюръ и продавецъ картинъ, Гупиль, пріютилъ въ своемъ помѣщеніи произведенія художниковъ, которымъ было отказано въ чести появленія ихъ на выставкахъ. Въ числѣ такихъ картинъ особенное вниманіе публики привлекаютъ «le Bourget» и «Alerte» де-Нёвилля, (художника, получившаго уже большую извѣстность за свою картину: «Послѣдній патронъ») «Гусары», «Постойный билетъ», «Парламентёръ», и «Благодарность» Детайля, «Полкъ» Протэ, «Посѣщеніе аванпостовъ», «Сент-Денисская караульня», «Въ траншеяхъ», «Сенскіе стрѣлки» Берна-Белькура. Всѣ эти картины исполнены всевозможныхъ художественныхъ достоинствъ, да и самые сюжеты ихъ, собственно говоря, совершенно невинны, такъ какъ не возбуждаютъ въ

зрителѣ воинственныхъ чувствъ мести, а изображаютъ только то̀, что̀ ни одинъ народъ не можетъ забыть, пока существуетъ.

Праздникъ 1-го мая, такъ удобно самъ собой организовавшійся, подалъ поводъ къ предложенію устройства другихъ праздниковъ. «XIX-e Siècle» Эдмона Абу предлагаетъ устройство «банкета націй» на одной изъ большихъ площадей, для рабочихъ всякихъ національностей, которые такъ или иначе способствовали постройкѣ или устройству выставки. «France» Эмиля де-Жирардена желаетъ, чтобы, около 15-го сентября, былъ устроенъ «праздникъ наградъ» въ честь всѣхъ экспонентовъ, которые получатъ награды. Для награжденныхъ въ этотъ день, долженъ быть, по плану «France», устроенъ даровой торжественный спектакль въ зданіи Большой Оперы, а потомъ весь Парижъ долженъ снова освѣтиться иллюминаціями и пустить нѣсколько фейерверковъ въ честь труда и всеобщаго умиротворенія.

«La Petite République Française» откопала гдѣ то въ старыхъ газетахъ, что будто бы, въ 1789 году, когда въ Петербургѣ пришло извѣстіе о взятіи Бастиліи, прохожіе, при встрѣчахъ между собою, цѣловались въ знакъ радости по поводу этого события. «Почему же, замѣчаетъ газета: — и намъ, наконецъ, не отпраздновать достойно этого событія, годовщина котораго будетъ 14-го іюля, какимъ-нибудь праздникомъ Свободы или всеобщимъ праздникомъ освобожденнаго человѣчества»?

Въ ожиданіи осуществленія подобныхъ проэктовъ, 30-го мая произойдетъ торжество въ честь памяти Вольтера. Приготовленія къ этому торжеству неудачны, но я увѣренъ, что самый праздникъ удастся — недаромъ клерикалы уже заранѣе его побаиваются.

III.

Политическія новости.—Снятіе флаговъ по случаю годовщины 16-го мая.—Катастрофа въ улицѣ Беранже.—Судебная медицина и дѣло Даниеля.—Открытіе засѣданій палатъ.—Продолженіе провѣрки полномочій и слѣдствіе.—Новая бюджетная комиссія и програмна Гамбетти.—Побѣда министра Фрейсине въ сенатѣ.—Военные законы.—Данферъ, его смерть и погребеніе.—Возстаніе клерикаловъ противъ празднованія юбилея Вольтера.—Парижскій муниципальный совѣтъ и министръ внутреннихъ дѣлъ.—Неудача Дюпанлу въ сенатѣ.

Хотя Парижъ былъ иллюминованъ только въ самый день открытія выставки, но флаги, знамена и ковры, которыми были украшены о̀кна и балконы его домовъ, почти нигдѣ не были сняты. Общественныя зданія рѣшено также оставить украшенными на все время выставки. Исключеніе было сдѣлано только въ день 16-го мая, годовщину печальнаго политическаго событія прошлаго года, когда со всѣхъ общественныхъ зданій и со многихъ частныхъ домовъ флаги были сняты. Въ Тампльскомъ кварталѣ флаги эти не вывѣшивались въ теченіи нѣсколькихъ

дней по случаю печальнаго происшествія въ улицѣ Веранже, находящейся въ этомъ кварталѣ, именно взрыва одного дома, сопровождавшагося пожаромъ. Катастрофа произошла въ 8 часовъ вечера, когда, по французскимъ обычаямъ, всѣ семьи собираются по домамъ для обѣда. Домъ, въ которомъ произошелъ взрывъ, въ нѣсколько минутъ обратился въ груду развалинъ; два сосѣдніе дома тоже полуразрушились, а вслѣдъ затѣмъ подверглись пожару. И все это бѣдствіе, какъ говорятъ, произошло отъ неосторожности служанки, уронившей керосиновую лампу въ погребѣ, гдѣ хранилось нѣкоторое количество скоро-воспламеняемаго состава, служившаго для приготовленія игрушечныхъ пистолетиковъ. Всѣхъ раненыхъ удалось очень скоро собрать, но не такъ легко было розыскать трупы убитыхъ, такъ какъ розыски эти пришлось дѣлать съ крайней осторожностью, изъ опасенія произвести новый взрывъ; въ теченіи двухъ недѣль отрыто до 20-ти труповъ. Катастрофа эта произвела на общественное мнѣніе еще бóльшее впечатлѣніе, чѣмъ извѣстный случай взрыва въ лабораторіи приготовленія химическихъ препаратовъ на Сорбонской Площади въ послѣдній годъ имперіи. Общество обратило вниманіе на то, что наши законоположенія о храненіи быстро-воспламеняющихся веществъ далеко неудовлетворительны. При пособіи ученыхъ различныхъ спеціальностей, немедленно образовалась комиссія для составленія проэкта новаго закона, которымъ въ будущемъ отстранялась бы всякая возможность повторенія чего-либо подобнаго. Нѣсколько семействъ совершенно раззорены этою катастрофою, такъ какъ хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ имущества и были застрахованы, но наши страховыя общества не берутъ на себя отвѣтственности за пожары, происходящіе отъ взрывовъ, если это—не взрывы газа. На помощь къ пострадавшимъ поспѣшили частная и общественная благотворительность; открылось нѣсколько подписокъ при газетахъ, а театры, цирки и кафè-шантаны заявили о своей готовности дать представленія въ ихъ пользу. Такъ, сегодня же, въ зданіи американскаго цирка будетъ происходить публичное чтеніе депутата округа, гдѣ произошла катастрофа — Спюллера, а устройство этого вечера принялъ на себя Гамбетта.

Не меньшій шумъ произвела почти одновременно уголовная исторія аптекаря улицы Мобёжъ—Данвала. Онъ былъ заподозрѣнъ въ отравленіи своей жены и приговоренъ ассизнымъ судомъ къ смертной казни, а благодаря смягчающимъ обстоятельствамъ, признаннымъ присяжными—къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ. Дѣло это волновало общественное мнѣніе не менѣе извѣстнаго дѣла вдовы Лафаржъ. Какъ и во время дѣла Лафаржъ произошелъ шумный споръ между Орфилой и Распайлемъ, такъ подобный же ученый споръ возникъ и теперь между экспертомъ Вержерономъ и профессоромъ фармацевтической школы—Бунсомъ. И теперь, какъ и тогда, споръ возникъ о мышьякѣ. Этотъ-то споръ и заставилъ присяжныхъ признать смягчаю-

щія обстоятельства; можетъ быть, при неясности вопроса о томъ, была ли дѣйствительно отравлена жена подсудимаго, его и совершенно бы оправдали, еслибы на судѣ не выяснилось, что онъ самымъ возмутительнымъ образомъ съ нею обращался при ея жизни. Она любила его, а онъ билъ ее безъ пощады, заставляя выманивать деньги у ея отца; самъ же онъ содержалъ любовницу, съ которой видѣлся каждый день и даже тотчасъ послѣ смерти жены. Послѣднее обстоятельство, конечно, и заставило присяжныхъ признать его виновнымъ; но только имъ слѣдовало обвинить его въ жестокостяхъ съ женою и побояхъ, угрожавшихъ ея жизни, а не въ отравленіи ея, для чего, по нашему законодательству, они не имѣли достаточной свободы. Журналистика по поводу этого дѣла весьма справедливо накинулась на судебную медицину, пользующуюся названіемъ науки, а не способную доказать было ли дѣйствительно отравленіе. Кстати при этомъ досталось и произволу прокуратуры, стѣсняющей, по нашимъ судебнымъ законоположеніямъ, свободу у присяжныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ поднятъ еще болѣе важный вопросъ о секретныхъ слѣдствіяхъ, при которыхъ привлеченный подвергается всѣмъ неудобствамъ разслѣдованія, предпринимаемаго *для* его обвиненія, и безсиленъ производить какія бы то ни было дѣйствія въ свою защиту. Въ этомъ смыслѣ въ министерствѣ юстиціи вырабатывается новый законопроэктъ, но едва ли онъ пройдетъ ранѣе возобновленія состава сената 1879 г., т. е. когда и сенатъ будетъ такъ же расположенъ къ судебнымъ реформамъ, какъ теперь расположена къ нимъ палата депутатовъ.

Сессіи обѣихъ палатъ открылись за нѣсколько дней до выставки, а именно 26-го апрѣля, но отложили на время всякія важныя работы. Палата депутатовъ продолжала провѣрку полномочій и произвела нѣсколько новыхъ инвалидацій оффиціальныхъ кандидатовъ тѣмъ съ бо́льшею увѣренностью въ правотѣ своего дѣла, что выборы 5-го мая вполнѣ подтвердили ея вердиктъ: никто изъ непризнанныхъ ею кандидатовъ ни въ одномъ изъ округовъ не былъ снова выбранъ. Къ годовщинѣ 16-го мая въ средѣ палаты оказалось какъ разъ 363 республиканскіе депутатъ, что̀ доказываетъ какъ нельзя лучше, что всѣ реакціонныя прошлогоднія затѣи интригановъ нравственнаго порядка были совершенно напраснымъ безумствомъ. Изъ всѣхъ новыхъ провѣрокъ полномочій наиболѣе интересною представилась провѣрка извѣстнаго кирасира де-Мёна, прошедшаго значительнымъ большинствомъ бонапартистовъ. Дѣло его, однако, отложено до окончанія парламентскаго слѣдствія, когда всѣ продѣлки духовенства будутъ выведены на свѣжую воду. Самое слѣдствіе подвигается впередъ и, благодаря поѣздкамъ подкомиссій въ провинціи, обличительный матеріалъ собранъ въ громадномъ количествѣ. Первый докладъ слѣдственной комиссіи, вѣроятно, будетъ оконченъ до лѣтнихъ вакацій, до начала іюня; но палата депутатовъ приступитъ къ его обсужденію не раньше осе-

ни. Результатомъ этого будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, преданіе суду де-Брольи и его сообщниковъ и будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ позднѣе произойдетъ рѣшеніе. Судить будетъ сенатъ, и если слѣдствіе начнется въ ноябрѣ, то къ январю, когда оно будетъ окончено, треть состава сената будетъ уже обновлена послѣ департаментскихъ выборовъ. Если эта треть будетъ въ большинствѣ состоять изъ республиканцевъ, то и герцогу и интригану придется понести достойное наказаніе за всѣ противозаконныя продѣлки.

Прямые налоги, распредѣленіе которыхъ лежитъ на обязанности генеральныхъ совѣтовъ, будутъ вотированы въ началѣ іюня для того, чтобы, согласно обычаю, департаментскія собранія имѣли возможность заняться этимъ дѣломъ въ ихъ обыкновенную августовскую сессію. Косвенные налоги и расходы будутъ обсуждаться несравненно серьёзнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, и главное—бюджетная комиссія уже назначена и приступила къ своимъ работамъ. Комиссія эта, какъ и въ прошломъ году, составлена исключительно изъ республиканцевъ, такъ какъ было бы нелѣпо вводить въ нее элементы раздора и назначать туда членами представителей меньшинства, непризнающаго легальности существующаго порядка и продолжающаго конспирировать противъ него. Нѣчего и говорить, что Гамбетта почти единогласно былъ снова выбранъ предсѣдателемъ этой комиссіи. Благодаря своимъ товарищамъ-избирателямъ, Гамбетта обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ программу своихъ будущихъ дѣйствій, главныя основанія которой суть слѣдующія: поддерживать ненарушимо союзъ республиканцевъ; окончать организацію арміи, какъ оборонительной силы Франціи, въ видахъ поддержанія мира и согласія, и облегчить, насколько это только будетъ возможно, тяжести налоговъ. Очевидно Гамбетта понимаетъ, что послѣ выставочного тріумфа Франціи придется считаться съ соціальными вопросами. Въ самомъ дѣлѣ, если массы и спасли инстинктивно республику отъ монархическихъ коалицій, то и ей, чтобы сдѣлаться прочною, пора стать дѣйствительною республикою, правительствомъ всѣхъ для каждаго, а не тѣмъ, чѣмъ была она до сихъ поръ во время долгаго и томительнаго переходнаго періода; пора ей, однимъ словомъ, позаботиться о дѣйствительномъ благѣ народа.

Для народа же, кромѣ облегченія налоговъ, въ высшей степени затруднительнаго, вслѣдствіе необходимости уплаты процентовъ за 5 мильярдовъ контрибуціи и громадной стоимости реорганизаціи арміи—увеличеніе національныхъ работъ составляетъ первую и существеннѣйшую необходимость, не терпящую ни малѣйшій отсрочки. Начало этому важному дѣлу уже положено проэктомъ выкупа небольшихъ западныхъ и юго-западныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, одобреннымъ въ апрѣлѣ палатою и обсужденіе котораго было отсрочено сенатомъ въ видахъ противодѣйствія сенатскихъ реакціонеровъ, рѣшившихся его отверг-

нуть. Въ то время, когда министръ Фрейсинè знакомилъ со своимъ планомъ палату, онъ обнаружилъ замѣчательный ораторскій талантъ, высказавши всѣ полезныя стороны своего проэкта и убѣдивши въ необходимости его принятія. Еще бóльшій талантъ проявилъ онъ въ сенатѣ, разбивъ своими доводами на голову оппозицію. Имѣя передъ собою двухъ экс-министровъ, Бюффе и Кайльо, полнѣйшихъ представителей реакціонной ненависти и интересовъ финансовыхъ феодаловъ—онъ достигъ такой полной побѣды, которая далеко превзошла самыя смѣлыя надежды его друзей: когда дошло дѣло до вотированія законопроэкта противъ него оказалось лишь 74. Такимъ образомъ, Фрейсинè побѣдилъ сенатъ и разрушилъ главнѣйшую надежду реакціи возбудить въ народѣ неудовольствіе противъ республики, препятствуя ему къ полученію достаточнаго количества работы.

Послѣ этого пораженія, разбитая сенатская оппозиція не могла уже воспрепятствовать и тому, чтобы и другіе законопроэкты, такъ коварно отсроченные сенатомъ передъ пасхальными вакаціями, не прошли. И дѣйствительно, какъ законъ объ увеличеніи содержанія лицъ, находящихся на государственной службѣ въ Парижѣ, ровно и рабочихъ, занятыхъ выставкой такъ и законъ объ образованіи школьныхъ кассъ, и нѣкоторые другіе менѣе важные, были приняты сенатомъ.

Послѣ довольно продолжительной болѣзни, скончался почти внезапно въ Версальскомъ дворцѣ одинъ изъ квесторовъ палаты Данферъ-Рошеро. Имя это, конечно, извѣстно нашимъ читателямъ, такъ какъ онъ заслужилъ себѣ громадную славу защитой Бельфора, который не согласился сдать на капитуляцію пруссакамъ. Онъ былъ однимъ изъ депутатовъ Парижа послѣ того, какъ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе гоненій реакціоннаго военнаго начальства. Еслибы его похороны происходили въ Парижѣ, то народъ сошелся бы провожать его огромными массами и произвелъ бы грандіозную манифестацію; въ Версалѣ же, хотя погребеніе происходило и на государственный счетъ—оно было только прилично. Семья его, отъ избытка скромности, воспротивилась произнесенію рѣчей надъ его могилою, такъ что бельфорская депутація, возложившая на гробъ его громадный вѣнокъ иммортелей, едва добилась позволенія сказать послѣднее «прости» тому человѣку, который, по ея выраженію, «былъ душою народной обороны въ несчастномъ Эльзасѣ, своимъ живымъ патріотизмомъ и непоколебимою твердостью съумѣлъ отстоять отчизну до послѣдней крайности». Во время богослуженія въ протестантскомъ храмѣ, пастырь, произносившій слово, высказалъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: «Франція не забудетъ внести въ лѣтописи своихъ несчастій и славы имя этого храбраго солдата, который далъ ей возможность гордиться собой даже при своемъ пораженіи». Останки Данфера отвезены въ Монбеліаръ для погребенія ихъ въ фамильномъ склепѣ. Когда гробъ провозили мимо бельфорской крѣпости, то изъ всѣхъ ея орудій въ честь покойника былъ произве-

дейк залъ, а начальникъ гарнизона, полковникъ Луавильонъ, въ коротенькихъ, но весьма прочувствованныхъ словахъ привѣтствовалъ память покойнаго. Въ палатѣ, отъ имени республиканскаго большинства вообще и дубской депутаціи въ частности, депутатъ Віеттъ сказалъ нѣсколько словъ въ честь «солдата гражданина, достойнаго наслѣдника доблестей той эпохи, когда крѣпости не капитулировали, а арміи считали своимъ главнѣйшимъ долгомъ подчиненіе народной волѣ». По инициативѣ парижскаго депутата Локруа, военный министръ способствовалъ подписанію маршаломъ декрета, которымъ одному изъ фортовъ Бельфора разрѣшено называться именемъ Данфера. Его же именемъ будетъ называться и одна парижская улица, по рѣшенію муниципальнаго совѣта.

Юбилей Вольтера, долженствующій справляться 30-го мая, въ столѣтнюю годовщину дня смерти величайшаго изъ философовъ XVIII столѣтія—несмотря на то, что до сихъ поръ къ нему ничего еще порядочно не подготовлено, успѣлъ уже вызвать цѣлую бурю со стороны духовенства. Парижскій муниципальный совѣтъ, постановивъ, чтобы на площади Шатодо была воздвигнута въ честь Вольтера его статуя, рѣшилъ произвести это открытіе вполнѣ оффиціальнымъ образомъ, т. е. собравшись на него въ полномъ своемъ составѣ, и пригласилъ обывателей къ иллюминованію и украшенію ихъ домовъ въ этотъ день. Такое постановленіе заставило орлеанскаго епископа Дюпанлу прискакать внезапно въ Парижъ съ юга Франціи, гдѣ онъ лечится отъ желчныхъ припадковъ, вызванныхъ тѣмъ, что ни Пій IX, умирая, ни Левъ XIII, вступивъ на папскій престолъ, не удостоили его званіемъ кардинала. Онъ заявилъ, что 30 мая настоящаго года приходится одновременно Вознесенье и память Іоанны д'Аркъ, осмѣянной, какъ извѣстно, Вольтеромъ въ его поэмѣ «Pucelle». Дюпанлу написалъ по этому поводу до десятка статей въ своей «Défense sociale et réligieuse», потомъ оттиснулъ ихъ особой брошюрой и разослалъ послѣднюю всѣмъ 80 муниципальнымъ совѣтникамъ и болѣе чѣмъ двустамъ сенаторамъ и депутатамъ, въ томъ числѣ и президенту Греви, подписавъ подъ брошюрою, что это—«печальное приношеніе автора». Эта жалкая обругивающая Вольтера брошюрка, въ которой Дюпанлу цитируетъ фернейскаго философа по подтасованнымъ выдержкамъ извѣстнаго католическаго памфлетиста Николарде, была какъ бы прелюдіей къ тѣмъ словоизверженіямъ, произвести которыя Дюпанлу порѣшилъ въ сенатѣ. Когда онъ туда для этого явился, то произвелъ этимъ ликованіе въ средѣ разбитой реакціи. Какъ новый Петръ-пустынникъ, онъ заявилъ о необходимости въ наши дни новаго крестоваго похода противъ... разума и встрѣтилъ въ этомъ поддержку въ воинственныхъ рыцаряхъ де-Ларейнти и де-Брольи. Атаку свою они повели такимъ образомъ, что, нападая на Вольтера, въ дѣйствительности направляли ее противъ министерства, якобы поддерживающаго въ городѣ нечестіе и атеизмъ. Правительство и сторонники политики уступчивости сочли борьбу съ клерикалами въ настоящую

минуту почему-то особенно опасною, министръ внутреннихъ дѣлъ де-Марсэръ отказался утвердить рѣшенія муниципальнаго совѣта, какъ не имѣющаго права, по существующимъ законамъ, назначать общественныя празднества. Казалось этимъ можно было бы удовлетвориться Дюпанлу — какой бóльшей радости нужно было бы еще? Но онъ слишкомъ расходился и, видя невозможность интерпелировать правительство, не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать ему хоть вопроса. Дѣло въ томъ, что Дюпанлу—учредитель значительнаго ультрамонтанскаго общества, главною цѣлью котораго—противодѣйствовать всѣми способами пропагандѣ вольтерьянскихъ идей, въ какихъ бы формахъ онѣ ни проявлялись. Въ видахъ этого общества, ему необходимо было достигнуть запрещенія дешеваго тома сочиненія Вольтера, изданнаго групою Менье. Поэтому, 21-го мая, онъ явился въ сенатъ съ цѣлою кипою выписокъ изъ этого тома, подобранныхъ съ крайнимъ ехидствомъ, прочелъ ихъ громогласно и обратился къ правительству съ торжественнымъ вопросомъ: не сочтетъ ли оно необходимымъ 1) запретить его разносную продажу и 2) предать суду его издателей, какъ сообщниковъ самыхъ дерзкихъ оскорбленій католической религіи, христіанства и всѣхъ исповѣданій, признаваемыхъ государствомъ?

Первый министръ Дюфоръ, конечно—христіанинъ; но онъ, въ тоже время—и юристъ-консультъ. Онъ отвѣтилъ, что, какъ христіанинъ, онъ скорбитъ о томъ, что Вольтеръ позволялъ себѣ такія противорелигіозныя вольности, «но, прибавилъ онъ строгимъ тономъ:—среда, въ которой жилъ Вольтеръ, и общество, въ которомъ онъ вращался, были сообщниками во всемъ, чтò находится достойнаго осужденія въ его сочиненіяхъ. Возможно ли, однако, предать на судъ присяжныхъ все XVIII столѣтіе вмѣстѣ съ Вольтеромъ?»

При этихъ словахъ, громкій и всеобщій смѣхъ раздался въ сенатѣ. Демократическія газеты и каррикатуристы воспользовались этимъ случаемъ, и орлеанскій епископъ былъ осмѣянъ въ сотнѣ статей и безчисленномъ множествѣ каррикатуръ, гдѣ онъ изображается инквизиторомъ, совершающимъ аутодафе надъ философіей XVIII вѣка и ея ужаснымъ представителемъ. Такимъ образомъ, память великаго человѣка, такъ высоко ставившаго значеніе смѣха, была смѣхомъ же и отомщена.

Дюфоръ ничего не отвѣчалъ на требованіе запрещенія разносной продажи, которое и не было произведено; онъ только заявилъ, что слѣдящія за изданіями власти не сочли возможнымъ чтò либо преслѣдовать въ книгѣ, въ которой помѣщены отрывки изъ сочиненій, находящихся въ каждой библіотекѣ и во всѣхъ рукахъ. Но онъ этимъ не ограничился и, къ крайнему озлобленію клерикаловъ, отдалъ достойную честь генію писателя. благодаря трудамъ котораго, по его словамъ, «общественные нравы смягчились, терпимость распространилась повсюду, а уголовные законы измѣнились въ такомъ направленіи, что общество

охранено ими отъ тѣхъ юридическихъ несправедливостей, какимъ оно безпрестанно подвергалось при старыхъ порядкахъ».

Не вмѣшайся такъ неудачно Дюпанлу, и празднованіе юбилея Вольтера, пожалуй, могло бы совсѣмъ не состояться, такъ какъ въ средѣ учредителей его происходило передъ этимъ значительное несогласіе. Общество писателей, съ Викторомъ Гюго во главѣ, отдѣлилось отъ комитета Менье. Съ одной стороны, редакторъ «Bien public» Ивъ Гюйо, личность неособенно авторитетная, хотѣлъ играть въ этомъ дѣлѣ слишкомъ видную роль, съ другой — редакція и сторонники «République Française» не могли допустить и мысли, чтобы такое важное общественное торжество могло бы происходить помимо ихъ иниціативы и главнаго управленія дѣломъ. Между тѣмъ, какъ непримиримые настаивали на своемъ противупоставленіи Руссо Вольтеру, сообразно взгляду, высказанному объ этомъ въ предисловіи къ «Исторіи Революціи» Луи Блана; партія же В. Гюго, подобно Мишле, смотрѣла на этихъ обоихъ мыслителей, какъ на представителей только крайнихъ полюсовъ одного и того же французскаго духа, произведшаго революцію. Послѣ же сенатскаго случая, всѣ демократическія газеты, какъ непримиримыя, такъ и уступчивыя, единодушно и вполнѣ тождественно почтили память геніальнаго мыслителя; комитетъ однакоже, все-таки, раздѣлился.

Еще неизвѣстно, что̀ организуетъ комитетъ непримиримыхъ; кромѣ дешеваго изданія сочиненій Вольтера, но существенное дѣло въ томъ, что, благодаря неблагоразумію орлеанскаго епископа, правительство положительно признало заслуги Вольтера общечеловѣческому развитію, и на его сочиненія обращено усиленное вниманіе всей Франціи. Благодаря этому, изданіе Менье будетъ читаться и тамъ, куда оно безъ этого едва ли бы и проникло— въ самыхъ глухихъ и захолустныхъ деревушкахъ Франціи. Свѣтъ же, который такъ щедро изливаетъ въ своихъ сочиненіяхъ фернейскій мыслитель, при такомъ распространеніи, разумѣется, послужитъ немало къ тому, чтобы католическій и метафизическій мракъ обскурантизма во Франціи разсѣялся какъ можно скорѣе.

Людевикъ.

Парижъ, 26-го мая 1878 года.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА ЧЕРНЯЕВА.

Господинъ редакторъ!

Въ январьской книжкѣ издаваемаго вами журнала, въ отдѣлѣ «Внутреннее обозрѣніе», помѣщенъ очень обстоятельный отвѣтъ на письмо генерала Черняева, напечатанное въ № 353 газеты «Современныя Извѣстія».

Авторъ настоящаго письма, прослужившій добровольцемъ всю послѣднюю и, можно сказать, самую интересную половину сербско-турецкой войны 1876 года (съ 1 сентября по 17 ноября), въ настоящее время задается однимъ желаніемъ, преслѣдуетъ единственную цѣль — *разъяснить темное и некрасивое дѣло о расходованіи штабомъ генерала Черняева денежныхъ суммъ*, довольно значительныхъ и присылавшихся въ различное время въ штабъ тимокско-моравской арміи изъ Россіи, гдѣ средства тѣ собирались добровольными пожертвованіями по преимуществу простаго, бѣднаго люда. Съ этою-то цѣлью я и обращаюсь въ редакцію съ просьбою напечатать настоящее письмо, *въ которомъ я*, рядомъ несомнѣнныхъ данныхъ и ссылками на моихъ сослуживцевъ и начальствующихъ лицъ тимокско-моравской арміи, *стараюсь опровергнуть нѣкоторыя статьи расхода*, указанныя генераломъ Черняевымъ въ его письмѣ.

Однако, я считаю необходимымъ напередъ сдѣлать одну важную оговорку. Совершенно сходясь во мнѣніяхъ съ большинствомъ сколько-нибудь добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ корреспондентовъ иностранныхъ и русскихъ газетъ и журналовъ, а также со значительною частью русскихъ добровольцевъ, я не только исключаю и отстраняю отъ всякой отвѣтственности самого генерала Черняева, почитая его за человѣка безупречной честности, но даже во многомъ не могу согласиться съ выводами автора отвѣта генералу Черняеву, въ особенности же съ мнѣніемъ автора о нѣкоторыхъ политическихъ и стратегическихъ ошибкахъ генерала Черняева. Такъ, мнѣ кажется, напримѣръ, что генералъ Черняевъ хорошо чувствовалъ и сознавалъ невозможность побѣдить Турцію при помощи одной только 80—100 т. арміи, составленной изъ всякаго сброду, взятаго отъ сохи и виноградниковъ, почти необученнаго, плохо вооруженнаго, дурно одѣтаго и обутаго, очень падкаго притомъ же до своей «кучи»,

среди котораго насчитывалось не болѣе 2000 русскихъ добровольцевъ. Отсюда, однако, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы генералъ Черняевъ долженъ былъ «посовѣтать Сербіи немедленно заключить миръ» (см. «Отеч. Записки», январь, отдѣлъ «внутр. обозр.», стр. 771) не подвергая себя опасности полнаго опустошенія и раззоренія» (тамъ же), послѣ того какъ «вторженіе въ Болгарію не удалось» и князь Миланъ вступилъ въ переговоры о мирѣ. Ни для кого не новость, что армія и сербское правительство, все почти русское общество, самъ генералъ Черняевъ и вслѣдъ за нимъ всѣ добровольцы—всѣ до послѣдней, страшной минуты (до 17 октября) надѣялись на вооруженное заступничество Россіи. Мы, добровольцы, хорошо помнимъ и теперь, съ какою тревогою и съ какимъ безпокойствомъ ожидали мы въ то время наступленія всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемой минуты дѣятельнаго, вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ вопросъ о судьбахъ Сербіи. Отъ мала до велика, всѣ вѣрили въ близость этого заступничества и мечтали только о томъ, какъ бы продержаться до наступленія минуты объявленія войны Россіею и прибытія вспомогательныхъ войскъ. Генералъ Черняевъ могъ, всеконечно, ошибаться; но, добросовѣстно (что не подлежитъ никакому сомнѣнію) вѣря въ близкую возможность, даже въ неминуемость этого вмѣшательства, *онъ не долженъ былъ оканчивать войны* даже послѣ неудачъ сербской арміи въ Болгаріи и потери всякой надежды на возстаніе болгаръ. Разъ затѣявъ войну, которая, вѣроятно, никогда и не была бы предпринята безъ надеждъ и даже увѣренности въ вооруженномъ вмѣшательствѣ Россіи, не слѣдовало и прекращать ее, а нужно было вести до послѣдней крайности. Быстро смѣняющіяся, сложныя политическія комбинаціи той критической эпохи, пережитой Сербіею, Турціею, Россіею, могли привести нетолько къ ускоренію объявленія войны Россіею, но даже къ измѣненію отношеній нѣкоторыхъ заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ державъ къ Турціи и Сербіи.

Медлительность и нерѣшительность турецкихъ военноначальниковъ, дознанная по личному опыту генераломъ Черняевымъ, дали бы сербской арміи возможность продолжать войну еще нѣкоторое время, особенно при помощи добровольцевъ, которые, при первой вѣсти о послѣдовавшемъ объявленіи Россіею войны Турціи, вѣроятно, тысячами поспѣшили бы на помощь изнемогавшей, но ожидающей подкрѣпленій изъ Россіи сербской арміи. Хладнокровно взвѣсивъ и обсудивъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ очутилась сербская армія послѣ дьюнишскаго погрома, и шансы ея на дальнѣйшее сопротивленіе, я лично пришелъ къ заключенію, что сербы съ генераломъ Черняевымъ во главѣ могли бы еще продержаться нѣсколько дней въ Делиградѣ и недѣли 2—3 на чупрійской оборонительной линіи, т. е приблизительно столько времени, сколько необходимо было для прибытія

русскихъ подкрѣпленій, надежда на прибытіе которыхъ непремѣнно подняла бы упавшій духъ арміи.

Есть нѣкоторое основаніе полагать, что такъ думалъ и самъ генералъ Черняевъ, чѣмъ отчасти и объясняется, по моему мнѣнію, рѣшимость генерала продолжать начатую кампанію, хотя, конечно, невозможно отрицать того несомнѣннаго факта, что имъ дѣлались нѣкоторыя довольно важныя стратегическія и политическія ошибки, какъ напр.: 1) принятіе послѣ неудачнаго сраженія 16 сентября на Креветѣ, плана активной обороны и даже прямо наступательныхъ дѣйствій, тогда какъ слѣдовало бы, очистивъ Креветъ, стянуть всѣ силы арміи для пассивной обороны Дьюниша, какъ совѣтовалъ генералу Черняеву полковникъ Межениновъ; 2) рядъ противорѣчивыхъ и пагубныхъ попытокъ къ отбитію у турокъ Кревета, нами добровольно очищеннаго послѣ боя 8-го октября; 3) неумѣстное и неполитичное провозглашеніе князя Милана королемъ и т. д., и т. д. Но дѣло въ томъ, что стратегическія и политическія ошибки, еще болѣе важныя, совершались и прежде другими, самыми выдающимися полководцами.

Все это, впрочемъ, я высказываю только какъ мое личное мнѣніе и убѣжденіе, и я не могу отрицать того, что весьма многое изъ приведеннаго авторомъ отвѣта генералу Черняеву вполнѣ справедливо и доказательно.

Обращаюсь за симъ къ злосчастному, все еще интересному и невполнѣ разъясненному вопросу объ отчетѣ въ употребленіи денежныхъ суммъ, присланныхъ въ распоряженіе штаба тимокско-моравской арміи. Если личность генерала Черняева пользовалась, вообще говоря, значительными симпатіями и сочувствіемъ со стороны сербовъ и особенно русскихъ добровольцевъ, то, съ другой стороны, даже трудно представить себѣ ту ненависть, то неуваженіе, съ которыми относились къ его штабу и его начальнику, «генералу» Комарову, и притомъ одинаково, какъ русскіе, такъ и сербы. Самыя высшія русскія (я могъ бы указать даже фамиліи и привести рѣчи) и сербскія начальствующія лица о «штабныхъ героахъ» и «генералѣ Комаровѣ» говорили не иначе, какъ съ улыбкою весьма подозрительнаго и нелестнаго свойства, иногда же просто съ негодованіемъ. И замѣчательно, что ни отъ кого и нигдѣ въ Сербіи не приходилось мнѣ слышать ничего одобрительнаго о штабѣ генерала Черняева, пользовавшагося, за исключеніемъ полковника Дохтурова, по моему мнѣнію, вполнѣ справедливо, самою незавидною репутаціею. Vox populi—vox dei! А этотъ «vox» громко и весьма единодушно обвинялъ штабъ генерала въ неправильномъ и даже незаконномъ расходованіи денежныхъ суммъ. Въ настоящее время я, лично глубоко уважая и вполнѣ симпатизируя генералу Черняеву, какъ талантливому и мужественному военноначальнику и честному человѣку, готовъ путемъ печати протестовать противъ справедли-

вости одного важнаго пункта изъ представленнаго имъ отчета въ расходованіи суммъ.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ этого отчета говорится о томъ, что изъ числа 200 т. металлическихъ рублей, присланныхъ въ разное время генералу Черняеву изъ Россіи на нужды арміи и добровольцевъ, было отпускаемо содержаніе 646 русскимъ офицерамъ по 7—15 дукатовъ въ мѣсяцъ, *а также 1806 рядовымъ по. 1 червонцу (12 франковъ) въ мѣсяцъ на человѣка.* Что касается до офицеровъ, то я ничего не имѣю сказать противъ этого показанія цифры расхода, *но все это совершенно невѣрно по отношенію къ нижнимъ чинамъ*, и для меня ясно, что самъ генералъ Черняевъ введенъ въ обманъ безтолковыми и неправильными показаніями и отчетами своего «знаменитаго» штаба. *Я положительно удостовѣряю, что никому изъ нижнихъ чиновъ, унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, числившихся, по извѣстнымъ мнѣ спискамъ (къ 17 октября), въ количествѣ 1806 человѣкъ, ни одной копейки ни за все время ихъ пребыванія на службѣ, ни за одинъ мѣсяцъ выдаваемо не было до 18 ноября 1876 года.* При этомъ я, вполнѣ полагаясь на добросовѣстность двухъ наиболѣе отличившихся русскихъ героевъ этой войны—полковниковъ Александра Павловича Меженинова и Өедора Михайловича де-Прерадовича, моихъ ближайшихъ начальниковъ, заслужившихъ себѣ громкую и не менѣе противу генерала Черняева популярную въ тимокско моравской арміи извѣстность своею храбростью, неустрашимостью и распорядительностью—могу сослаться на нихъ, какъ на лицъ наиболѣе компетентныхъ въ подобномъ случаѣ и хорошо знавшихъ о томъ, что содержаніе это намъ выдаваемо не было. Кромѣ того, я могу указать еще на ротныхъ командировъ 1-й роты 4-го, имени генерала Черняева, батальйона, въ которомъ я служилъ все время, именно—на поручиковъ Выденскаго, Константинова, субалтернъ офицера той-же роты Иванова и, вообще, на всѣхъ добросовѣстныхъ и честныхъ добровольцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые, безъ сомнѣнія, откликнутся на мой печатный вызовъ въ интересахъ истины и разслѣдованія этого тёмнаго дѣла.

Я былъ *тринадцатымъ* человѣкомъ, поступившимъ въ первую русскую роту, формировавшуюся тогда (съ 1 по 6 сентября) въ Бѣлградѣ, находившуюся подъ командованіемъ капитана Вешенскаго и вошедшую послѣ въ составъ 4-го батальйона (имени генерала Черняева). Съ этою ротою прибылъ я въ делиградскій лагерь (12 сентября). Въ продолженіи всего сентября мѣсяца и до 17 октября, не переставали прибывать къ намъ въ Делиградъ, а затѣмъ уже прямо на дьюнишскую позицію (послѣ сраженія 8 октября вновь сформированныя русскія роты, входившія въ составъ 4, 5, 6 батальйоновъ въ бригадѣ (русско-сербской) полковника А. П. Меженинова. Къ 17 октября всѣхъ русскихъ ротъ было 14. На моихъ глазахъ всѣ онѣ выросли, на моихъ же глазахъ жестоко побиты 17 октября, значительно уменьшившись въ

количественномъ отношеніи. Со многими офицерами и добровольцами всѣхъ ротъ былъ я знакомъ, частью состоялъ даже въ дружественныхъ отношеніяхъ. Отъ всѣхъ и всегда слышалъ я одинъ вопросъ: выдадутъ-ли и когда обѣщанное нижнимъ чинамъ содержаніе (по 1 дукату), въ которомъ большинство ихъ очень нуждалось? Помню также, какъ я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей-добровольцевъ занимали деньги у Ѳ. М. де-Прерадовича, нашего заботливаго начальника, дававшаго намъ въ займы деньги изъ своего собственнаго кармана *въ счетъ будущаго слѣдующаго намъ къ полученію содержанія*; но займы эти уплочены мною и другими не изъ содержанія, котораго мы и въ глаза не видывали, а изъ собственныхъ нашихъ средствъ, по полученіи денегъ изъ Россіи. Послѣ дьюнишскаго пораженія, какъ на зло захватившаго русскихъ добровольцевъ въ расплохъ, безъ денегъ, въ пріятномъ ожиданіи слѣдующаго имъ жалованья, разбитые остатки русскихъ батальйоновъ собрались въ Парачинѣ, затѣмъ частью въ Семендріи (Смедерево) на Дунаѣ, частью въ Бѣлградѣ, куда, наконецъ, собрались къ первымъ числамъ ноября мѣсяца *всѣ* русскіе. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ припоминается мнѣ картина всеобщаго бѣдствія—безденежья, особенно тяжело отразившагося на той очень многочисленной братіи (нижняго званія), которая, получивъ, согласно ими выраженному желанію, отпуски и отставки, послѣ заключенія перемирія, для возвращенія въ Россію и переставъ пользоваться пищею при своихъ командахъ и ротахъ, очутилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Не получивъ ни одной копейки жалованья, принужденные ждать по 5—6 дней въ Парачинѣ подводы, многіе буквально почти голодали, другіе въ проголодь тащились пѣшкомъ отъ Парачина до Семендріи (слишкомъ 120 верстъ). Отовсюду и громко жаловались на неполученіе содержанія: «отставку дали, жалованья, хотя бы на харчи — ни алтына!» Вотъ какія жалобы слышалъ я своими собственными ушами отъ нѣкоторыхъ лицъ, составившихъ въ одной изъ кафанъ (гостинницъ) Парачина групу человѣкъ въ 30—40, «единымъ гласомъ» жаловавшихся на то, что у нихъ, за неполученіемъ жалованья, гроша нѣтъ въ карманѣ. Мнѣ самому до полученія денегъ изъ Россіи приходилось такъ жутко, что я, скрѣпя сердце, обратился съ прошеніемъ къ тогдашнему начальнику штаба полковнику Дохтурову о выдачѣ мнѣ, во избѣжаніе чуть не голодной смерти, нѣсколькихъ франковъ, каковая просьба не была удовлетворена, видите-ли, за неимѣніемъ денегъ. Въ это же время штабъ генерала Черняева роскошествовалъ въ томъ же Парачинѣ.

Справедливость этого факта, да и вообще всего мною изложеннаго, подтвердитъ, вѣроятно, мой товарищъ по оружію и бѣдствіямъ, студентъ петербургскаго университета г. Суворовъ. Въ Бѣлградѣ, еще 16 ноября, расправшиваемые мною добровольцы жаловались на неполученіе ими содержанія за все время службы, а фельдфебель 1-й роты, Кузьма Парфеновъ, 17 ноября, въ день

моего отъѣзда изъ Бѣлграда, прощаясь со мною, говорилъ, что «рота такъ таки ничего изъ жалованья и не видала».

Итакъ, слѣдовательно, если содержаніе нижнимъ чинамъ и было выплачиваемо, то: во 1-хъ) уже послѣ 17 ноября, во 2-хъ) далеко не всѣмъ добровольцамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были перебиты въ кровопролитномъ сраженіи 16 сентября, но особенно 8, 10, 11 и 17 октября на Креветѣ и Дьюнишѣ; другіе же, тоже въ очень значительномъ числѣ, по заключеніи перемирія уѣхали въ Россію, при чемъ большинство ихъ, принимавшее участіе въ войнѣ и служившее довольно продолжительное время, покинуло Сербію до 17 ноября и, слѣдовательно, жалованья не получало. Послѣ же этого времени, все дѣло забрали уже въ руки генералы Никитинъ и Дандевиль, а генералъ Черняевъ уѣхалъ въ Вѣну (18 ноября); штабъ же его разсыпался еще съ бо̀льшею быстротою, чѣмъ нѣкогда собрался.

Между тѣмъ, сумма, выставленная генераломъ Черняевымъ и употребленная яко бы на удовлетвореніе содержаніемъ добровольцевъ «по 6 ноября 1876 года», очень значительна и составляетъ 6—7 червонцевъ, т. е. около 25 т. руб. кредитными, считая червонецъ по 3 руб. 50 коп сер. (minimum). Весь приходъ— въ 200 тысячъ рублей, расходъ—въ 160 тысячъ; изъ послѣднихъ неправильно показанъ расходъ въ 20 тысячъ металлическихъ рублей, т. е. одна восьмая часть того расхода!..

Наконецъ, за исключеніемъ, *быть можетъ*, нѣкоторыхъ гг. офицеровъ и добровольцевъ, къ которымъ особенно благоволилъ штабъ генерала Черняева, всѣ офицеры и добровольцы, возвращавшіеся въ Россію послѣ перемирія, получали путевыя издержки отъ генерала Дандевиля, а не изъ кассы главнаго штаба.

Жаль, очень жаль также, что пунктъ расхода—«содержаніе штаба денежное и общій столъ»—приведенный въ письмѣ генерала Черняева, не изложенъ въ цифрахъ, хотя бы только приблизительныхъ! Было бы очень интересно для русскаго общества, а намъ, добровольцамъ, въ особенности, узнать на какую сумму потребилъ тотъ штабъ, много потреблявшій, но очень миніатюрную приносившій пользу.

Вотъ тѣ важныя, интересныя соображенія, подкрѣпленныя фактическими данными, которыя я желаю предать гласности въ интересахъ истины и того великаго дѣла, за которое сражались и гибли сотни русскихъ. Дѣло объ отчетности въ употребленныхъ деньгахъ вопіетъ о разъясненіи.

Очень, очень желательно, чтобы г. Комаровъ поспѣшилъ представленіемъ подробныхъ, фактическихъ, *цифровыхъ* данныхъ, которыя могли бы опровергнуть выставленныя авторомъ отвѣта генералу Черняеву и мною доказательства и очистить отъ всякихъ подозрѣній штабъ. Но только, ради Господа Бога, не представляйте отчетовъ, ничего не разъясняющихъ, въ родѣ, напримѣръ, письма генерала Черняева, изъ 11 пунктовъ котораго въ шести нѣтъ никакихъ цифровыхъ данныхъ, въ пунктахъ 3 и 4

только весьма общія и неопредѣленныя, первый же пунктъ положительно опровергается рядомъ несомнѣнныхъ и всякому добровольцу извѣстныхъ фактовъ.

Примите, господинъ редакторъ, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть: приватъ-доцентъ харьковскаго университета, **Всеволодъ Даневскій** (бывшій подпоручикъ сербской службы).

Село Отрада. Моск. Губ., Серпуховск. Уѣзда.
27 мая 1878 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Полемика старобѣльскаго земства.—Майоръ Мариновъ и отношеніе къ нему земцевъ. — Постановленіе земскаго собранія по поводу взятія исправникомъ подъ стражу одного гласнаго изъ крестьянъ во время сессіи. — Исправникъ-подрядчикъ по содержанію земскихъ лошадей.—Предсѣдатель земской управы въ качествѣ руководителя крестьянскими выборами.—Привлеченіе гласнаго изъ крестьянъ Сараны къ слѣдствію. — Какъ трудно крестьянамъ получать въ аренду казенныя земли, отдаваемыя съ торговъ въ управленіяхъ государственными имуществами и безучастіе въ этомъ случаѣ къ крестьянамъ и недѣятельность земства.—О старобѣльской земской прогимназіи.—Многосложная дѣятельность г. предсѣдателя земской управы.—Курьёзъ.—Книга: «Н. А. Некрасовъ», составленная г. А. Голубевымъ.

Въ одномъ изъ моихъ прошлогоднихъ обозрѣній я говорилъ, что, находясь вдали отъ мѣста дѣйствій того или другого земства, трудно судить о его дѣятельности по тѣмъ отчетамъ, которые публикуются имъ самимъ; что по отчетамъ никогда не доберешься до того, что̀ дѣйствительно хорошо и что̀ дурно, въ особенности если земство составляетъ отчетъ съ сноровкою, чтобы не выносить сору изъ избы; что только люди, живущіе на мѣстѣ дѣятельности земствъ, могутъ вполнѣ ясно и правильно понимать эти отчеты, видѣть что̀ въ нихъ представлено въ ложномъ свѣтѣ, о чемъ намѣренно умолчено и т. д., и что, поэтому, лучшими критиками и цѣнителями дѣятельности каждаго земства могутъ быть только мѣстные жители каждаго земства, т. е., сами же земцы, и что самообозрѣнія каждаго мѣстнаго самоуправленія, дѣлаемыя время отъ времени самими земцами, суть самое лучшее, чего можно желать въ видахъ правильнаго развитія и преуспѣянія земскаго дѣла. Въ доказательство этого, я представилъ нѣсколько выдержекъ изъ двухъ самообозрѣній мѣстной работы, присланныхъ мнѣ изъ Полтавы и Старобѣльскаго Уѣзда. Эти самообозрѣнія давали такія поясненія къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ земства, которыя не могутъ быть извѣстны никому, кромѣ мѣстныхъ жителей, и которыхъ изъ отчетовъ земства, конечно, добыть нельзя.

Сдѣланныя мною выдержки произвели, какъ того и слѣдовало

ожидать, страшную бурю въ правящей партіи земствъ и въ Полтавѣ, и въ Старобѣльскѣ. Въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» прислано было столько увѣсистыхъ тетрадей съ отвѣтами на эти выдержки, что этими отвѣтами, еслибъ ихъ напечатать, можно было бы наполнить цѣлую книжку «Отечественныхъ Записокъ». Кромѣ того, такіе же отвѣты посланы были и въ разныя газеты, и въ нѣкоторыхъ напечатаны. На этомъ Полтава, какъ кажется, и успокоилась. Но старобѣльское земство пошло дальше. Оно нашло себѣ пріютъ въ политической и литературной газетѣ «Харьковъ»—ну, и пошла писать провинція... грязь полилась потоками. Еслибъ гг. старобѣльскіе земцы осыпали бранью только «Отечественныя Записки» и меня, то объ этомъ и говорить бы не стоило, ибо на подобную брань мы смотримъ, какъ на похвалу себѣ. Но они обрушиваются, главнымъ образомъ, не на насъ, а на автора самообозрѣнія, у котораго мы взяли наши выдержки, называютъ его по имени, взводятъ на него разныя обвиненія, и, такъ какъ съ литературною инкриминаціею въ провинціи, какъ извѣстно, обыкновенно рядомъ идетъ, съ одной стороны, еще болѣе усердная работа провинціальныхъ языковъ, всегда очень длинныхъ, съ другой—интриги, то положеніе его становится невыносимымъ. При такомъ направленіи дѣла, я всегда счелъ бы своею обязанностію вступиться въ мѣстную полемику земства и дать надлежащія разъясненія. Теперь же сдѣлаю это тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что почтенный авторъ самообозрѣнія прислалъ мнѣ, за полною подписью своего имени, цѣлую серію разныхъ фактовъ, освѣщающихъ дѣятельность старобѣльскаго земства, облегчая мнѣ такимъ образомъ работу и давая возможность представить болѣе или менѣе цѣльную картину этой дѣятельности, которая можетъ быть поучительна и не для одного старобѣльскаго земства.

Авторъ самообозрѣнія, изъ котораго сдѣланы были мною выдержки о дѣятельности старобѣльскаго земства, майоръ Александръ Львовичъ Мариновъ, не есть какое-нибудь пришлое лицо въ старобѣльскомъ земствѣ: онъ—коренной тамошній житель, крупный землевладѣлецъ и лицо, надобно полагать, уважаемое въ уѣздѣ, потому что постоянно онъ состоялъ на службѣ по выборамъ дворянства и земства и въ настоящее время состоитъ земскимъ гласнымъ. Онъ находится въ оппозиціи съ нынѣшнимъ старобѣльскимъ земскимъ правительствомъ, но борется съ нимъ не изъ-за угла, не интригами, а ведетъ борьбу честную и открытую. Все, въ чемъ онъ обвиняетъ земство, онъ высказываетъ открыто всѣмъ въ лицо на земскихъ собраніяхъ, какъ это видно по журналамъ земскаго старобѣльскаго собранія. Это одно уже дѣлаетъ ему честь. А затѣмъ, всякій кто внимательно проштудируетъ журналы земскаго собранія, убѣдится, что всѣ обвиненія майора Маринова противъ земства и всѣ требованія, которыя онъ предъявляетъ, вполнѣ справедливы и резонны, и потому мы не можемъ не приз-

нать, что г. майоръ Мариновъ въ старобѣльскомъ земствѣ—лицо весьма почтенное и полезное.

Главнымъ образомъ, г. Мариновъ нападаетъ на старобѣльское земство за то, что оно не бережетъ земскихъ денегъ, тратитъ ихъ нерезонно или безъ надлежащаго контроля, или вмѣстѣ и нерезонно, и безконтрольно, и тѣмъ раззоряетъ и безъ того бѣдный, и обремененный разными поборами народъ. Нападеніе, какъ увидимъ ниже, вполнѣ справедливое. Но старобѣльскіе земцы, вмѣсто того, чтобы разъяснять тѣ факты или, если угодно даже, тѣ недоразумѣнія, по поводу которыхъ дѣлаются эти обвиненія, стараются набросить тѣнь на самого г. Маринова. Не земство, говорятъ они, раззоряетъ народъ, а онъ, Мариновъ, и ему подобные, потому что, дескать, онъ, Мариновъ, беретъ съ крестьянъ, какъ то видно изъ исполнительныхъ листовъ, данныхъ ему на Іуду Безсмертнаго и другихъ—за 8 рублей долга неустойки 360 рублей. Но позвольте, гг. земцы! Если майоръ Мариновъ—такой завѣдомый раззоритель народа, каковымъ вы его изображаете, то зачѣмъ же вы выбираете его въ земскіе гласные? Да и нетолько выбираете въ гласные, а даже предоставляете ему особенно почетныя должности по земству? Такъ, въ журналѣ земскаго старобѣльскаго собранія 27 сентября 1877 г. значится, что «*закритою* баллотировкою (замѣтьте: закрытою!) въ попечители старобѣльской Александровской прогимназіи избранъ майоръ Александръ Львовичъ Мариновъ». Вы въ примѣръ и поученіе, что ли, вашимъ дѣтямъ избираете на такія должности раззорителей народа? — Этотъ выборъ доказываетъ одно изъ двухъ: или вамъ все равно, раззоряетъ человѣкъ крестьянъ, или не раззоряетъ, и потому, какой бы онъ раззоритель ни былъ, но вы все равно выберете его въ какую угодно высокую и почетную должность, если только онъ вашъ кумъ—или что ваше обвиненіе майора Маринова въ раззореніи крестьянъ есть не болѣе, какъ пустой извѣтъ, недостойная инсинуація. Предположимъ даже невозможное, предположимъ, что вы узнали, что майоръ Мариновъ—раззоритель крестьянъ уже послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ въ попечители старобѣльской прогимназіи: и въ такомъ случаѣ, чего же вы хотите и требуете? Чтобы майоръ Мариновъ, раззоряющій крестьянъ, въ качествѣ частнаго землевладѣльца, раззорялъ ихъ и въ качествѣ общественнаго дѣятеля, т. е. когда вы расходуете нерезонно и безконтрольно земскія деньги, не обличалъ бы васъ, а напротивъ поощрялъ, говорилъ бы: берите съ этихъ каналій мужиковъ какъ можно больше! Это было бы, по вашему мнѣнію, лучше! Ясно ли вамъ теперь, гг. земцы, что ваша инсинуація на майора Маринова, если бы она была и справедлива, служитъ никакъ не въ вашу пользу, а напротивъ—въ его пользу: она показываетъ, что майоръ Мариновъ, даже если онъ—и раззоритель народа, какъ частный землевладѣлецъ, все таки есть человѣкъ, сколько нибудь *Бога боящся* и людей *срамящся*, и не хочетъ брать на себя того же грѣха въ качествѣ обще-

ственнаго дѣятеля. Теперь посмотримъ: есть ли какое нибудь серьёзное основаніе для этой инсинуаціи и вѣрять ли ей сами земцы, такъ усердно ее распространяющіе?—Майоръ Мариновъ прислалъ намъ цѣлый пукъ приговоровъ отъ разныхъ крестьянскихъ обществъ и свидѣтельствъ, удостовѣренныхъ въ подлинности волостными правленіями и мировымъ судьею, въ которыхъ эта инсинуація земцевъ называется прямо злонамѣренною клеветою, а о майорѣ Мариновѣ говорится, что онъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ самъ добровольно спѣшилъ на помощь крестьянамъ, ссужая ихъ или деньгами за обыкновенные проценты, или хлѣбомъ по цѣнамъ, иногда низшимъ существующихъ. Одно изъ волостныхъ правленій, именно Боровское, поименовавъ, начиная отъ Іуды Безсмертнаго, имена всѣхъ тѣхъ крестьянъ, съ которыхъ, по инсинуаціи земцовъ, бралъ будто бы майоръ Мариновъ неустойки, говоритъ, что нетолько съ этихъ крестьянъ онъ не взыскивалъ неустоекъ, но—что «за все время его жизни ни до кого изъ крестьянъ сей волости не были принимаемы мѣры, рѣшительно подвергающія раззоренію жителей, имѣвшихъ съ нимъ какія либо сношенія по договорамъ, и ничье имущество даже въ самой малой мѣрѣ продаваемо по его искамъ не было; пшеницу уступилъ крестьянамъ для посѣва г. Мариновъ въ долгъ по 8 р., тогда какъ другіе владѣльцы продавали такой же хлѣбъ за наличныя деньги по 10 р.» и т. д. Таковы приговоры и свидѣтельства отъ крестьянъ и волостныхъ правленій. Самъ г. Мариновъ говоритъ, что во всю его жизнь, какъ то знаютъ, дескать, и всѣ земцы, распространяющіе противъ него клеветы, «по его искамъ никогда никто не подвергался раззоренію, при взысканіи присужденныхъ въ пользу его неустоекъ: неустойки пишутся ради понужденій къ выполненію договора». Положимъ, можетъ еще возникнуть сомнѣніе относительно крестьянскихъ приговоровъ и свидѣтельстъ волостныхъ правленій, потому что Богъ ихъ знаетъ, кàкъ и кѣмъ они составляются; положимъ, можетъ возникнуть сомнѣніе относительно искренности показанія о себѣ майора Маринова, ибо кто же себѣ врагъ? Но вотъ въ чемъ не можетъ уже возникнуть никакого сомнѣнія и чтò даетъ полную достовѣрность и крестьянскимъ приговорамъ, и свидѣтельствамъ волостныхъ правленій, и показанію о себѣ майора Маринова: «я, пишетъ г. Мариновъ:—отнесся въ старобѣльскій мировой съѣздъ съ просьбой о выдачѣ мнѣ удостовѣренія въ томъ, сколько вообще продано по моимъ искамъ крестьянскихъ имуществъ со дня открытія мировыхъ учрежденій и до времени подачи просьбы, и вотъ, подъ разными предлогами, при состоявшейся уже резолюціи о выдачѣ мнѣ просимаго свѣдѣнія, полгода тянетъ мировой съѣздъ исполненіе этой моей просьбы, тогда какъ ни откуда, кромѣ самой канцеляріи мироваго съѣзда, въ которую сданы были исполнительные листы, не могли быть извлечены матеріалы для оглашенія ихъ въ томъ искаженномъ видѣ, какъ я упомянулъ, съ цѣлію недобросовѣст-

ной. Присужденіе неустоекъ, договоромъ обусловленныхъ, въ размѣрѣ еще бо́льшемъ, чѣмъ какія значатся въ моихъ исполнительныхъ листахъ, дѣлается и у другихъ на основаніи извѣстнаго закона, помимо всѣхъ судей Старобѣльскаго Уѣзда, предсѣдателемъ съѣзда». Этому сообщенію г. Маринова, т. е. что онъ дѣйствительно просилъ мировой съѣздъ о выдачѣ ему свидѣтельства о количествѣ проданныхъ по его искамъ крестьянскихъ имуществъ—просилъ, конечно, потому что таковой продажи никогда не бывало, иначе и просить бы не сталъ—что мировой съѣздъ дѣйствительно цѣлые полгода не выдаетъ ему требуемое свидѣтельство — этому, говорю, сообщенію я вполнѣ вѣрю. Майоръ Мариновъ уже не въ первый разъ проситъ опубликовать это свое сообщеніе за подписью полнаго своего имени. Онъ просилъ бы объ этомъ журналъ «Дѣло»; онъ теперь о томъ же проситъ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», чего г. Мариновъ никакъ не могъ бы желать, если бы сообщеніе его было несправедливо. Неизвѣстно, почему мировой съѣздъ медлитъ цѣлые полгода выдачею майору Маринову удостовѣренія, которое могло бы вполнѣ его очистить отъ клеветы враговъ, ибо тогда всѣмъ бы стало ясно, что, хотя въ контрактахъ и исполнительныхъ листахъ и писались огромныя неустойки, но въ дѣйствительности никогда никакихъ взысканій по этимъ неустойкамъ не было. Между тѣмъ, изъ того же мироваго съѣзда враги Маринова, какъ сообщаетъ онъ, какимъ-то образомъ ухитряются доставать исполнительные листы, доставлять ихъ въ разныя даже столичныя изданія, напримѣръ, газету «Новости», журналъ «Дѣло» и на основаніи ихъ увѣряютъ, что майоръ Мариновъ раззоряетъ народъ. Надобно полагать, какъ полагаетъ и майоръ Мариновъ, что, по какимъ-нибудь интригамъ враговъ, и мировой съѣздъ задерживаетъ болѣе уже полугода требуемое имъ удостовѣреніе, которое такъ важно и которое мировой съѣздъ, даже по чувству гуманности, долженъ былъ бы дать по первому требованію. Ничему этому мы, впрочемъ, не удивляемся. Изъ враговъ г. Маринова среди земцевъ есть, очевидно, не мало такихъ темныхъ личностей, которыя неразборчивы въ средствахъ, когда дѣло идетъ о мести, которыя не брезгаютъ даже и клеветою. Но намъ удивительно, что тоже самое, что́ говорятъ они, повторяетъ и старобѣльскій городской голова, онъ же—предсѣдатель земской управы, г. Кириловъ, человѣкъ несомнѣнно образованный и, пожалуй, даже ученый: онъ—кандидатъ харьковскаго университета. Онъ и самъ лично отъ крестьянъ и волостныхъ начальниковъ могъ узнать о несправедливости слуховъ, распускаемыхъ относительно взысканія Мариновымъ огромныхъ неустоекъ, могъ справки объ этомъ забрать и въ мировомъ съѣздѣ. Какъ-то не вѣрится, чтобы г. Кириловъ зазнамо сталъ распространять несомнѣнную клевету за истину, а, съ другой стороны, какъ-то трудно представить, чтобы кандидатъ университета, занимающій два такіе важные поста въ Старобѣльскѣ, могъ ненамѣренно, по одному только легкомыслію, основываясь на однихъ ложныхъ

слухахъ, взводить подобныя тяжелыя обвиненія на своего сочлена въ земствѣ!

Сказаннаго мною достаточно для характеристики личности майора Маринова и отношеній къ нему земства. Теперь я обращусь къ разсмотрѣнію: насколько справедливы тѣ обвиненія и протесты, которые дѣлаетъ г. Мариновъ противъ разныхъ дѣйствій и дѣятелей правящей нынѣ партіи старобѣльскаго земства?

Одно изъ главныхъ обвиненій майора Маринова противъ земства состоитъ въ неблаговидномъ отношеніи земства къ земской полиціи или, точнѣе сказать, къ ея исправнику Меранди. Разсматривая тѣ случаи, которые приведены майоромъ Мариновымъ въ доказательство этого, нельзя не признаться, что эти случаи представляются дѣйствительно неблаговидными или, по крайней мѣрѣ, настолько странными, что требуютъ разъясненія. Вотъ эти случаи:

Собирается, въ сентябрѣ прошедшаго года, земское старобѣльское собраніе. Вдругъ, на другой день по открытіи собранія, исправникъ одного изъ гласныхъ, прибывшихъ на собраніе, именно волостнаго старшину Шопина, беретъ и сажаетъ въ кутузку. Ка̀къ? За что̀? Про что̀? Самъ этотъ гласный, въ собственноручной запискѣ, доставленной намъ майоромъ Мариновымъ, объясняетъ свой арестъ слѣдующимъ образомъ:

«1878 года апрѣля 15-го дня симъ удостовѣряю, что, будучи въ очередномъ земскомъ собраніи въ качествѣ гласнаго при занятіяхъ, я былъ арестованъ старобѣльскимъ исправникомъ Меранди и посаженъ въ арестантскую, куда посажены были также три волостные старшины и какой-то преступникъ, гдѣ заперты были подъ замо̀къ за желѣзной рѣшеткой. Предлогомъ къ арестованію меня было то, что по волости, мною управляемой, не собирается успѣшно недоимка; но въ числѣ гласныхъ было нѣсколько волостныхъ старшинъ, въ волостяхъ которыхъ также существуетъ недоимка, но отвѣтственность пала на меня одного. Это произошло 25-го сентября 1877 года».

«Къ этому краткому объясненію крестьянина-гласнаго Шопина, говоритъ майоръ Мариновъ:—слѣдуетъ прибавить слѣдующее былое: онъ засталъ въ острогѣ трехъ старшинъ; это были блѣдные, истомленные люди, точно послѣ продолжительной болѣзни, съ ними посаженъ былъ преступникъ пьяный. Какъ только Шопинъ былъ втолкнутъ въ шею въ ту же камеру, преступникъ бросился на него съ кулаками и началъ его толкать въ грудь, въ бока и бранить отвратительными словами. Сидѣвшіе старшины, люди лучшіе, изъ нѣсколькихъ селъ избранные, подвергались уже по трое сутокъ такой же пыткѣ, и вдобавокъ имъ не давали ѣсть».

Какъ видитъ читатель, случай весьма важный, выходящій изъ ряду обыкновенныхъ! Не въ томъ здѣсь вопросъ: исправно ли старшина Шопинъ несетъ свои обязанности, или нѣтъ, по небрежности ли его не собиралась успѣшно во̀ время недоимка, или по бѣдности крестьянъ, и слѣдовательно, имѣлъ ли право исправникъ посадить его въ кутузку, или нѣтъ. Предположимъ самое худшее, т. е., что Шопинъ былъ старшина неисправный, изъ рукъ

вонъ плохъ по небрежности и что исправникъ имѣлъ полное право посадить и арестовать его. Но вѣдь земское собраніе продолжается всего нѣсколько дней. То, во время котораго арестованъ былъ Шопинъ, продолжалось всего шесть дней, съ 24-го по 29-е сентября. Исправникъ могъ арестовать его и до начала собранія, и по окончаніи собранія; но онъ арестовалъ его именно во время собранія. Это—уже не просто арестъ волостнаго старшины за небрежное исправленіе имъ своихъ обязанностей, а оскорбленіе, брошенное въ лицо всему собранію, и, мало того—оскорбленіе, а давленіе на свободу рѣшеній собранія, посягательство на высочайше дарованное земству право самоуправленія! Представьте себѣ, что даже такой незначительный въ администраціи чинъ, какъ исправникъ, будетъ, по произволу, во время самаго собранія, хватать гласныхъ изъ крестьянъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ собраніи одинъ голосъ на рѣшеніе дѣлъ цѣлаго уѣзда, онъ однимъ изъятіемъ этого голоса изъ собранія будетъ наклонять рѣшенія собранія въ ту или другую сторону. Я уже не говорю о томъ, что одною угрозою передъ началомъ собранія нанести подобный позоръ взятія подъ стражу каждому изъ гласныхъ крестьянъ, который будетъ поддерживать не тѣхъ лицъ или не тѣ мнѣнія, которыя хочется исправнику, исправникъ можетъ вліять на всѣ рѣшенія земскаго собранія. Ясно, что арестованіе гласнаго изъ земскаго собранія не по какому нибудь тяжкому уголовному преступленію, а за небрежность въ исполненіи своей должности, за что онъ могъ быть подвергнутъ аресту и до, и послѣ собранія, для старобѣльскаго земскаго собранія было не пустое дѣло, а предметъ особенной важности. Примите при этомъ во вниманіе обстоятельства, сопровождавшія, по словамъ Маринова, арестъ Шопина: волостного старшину и гласнаго земскаго собранія *втолкнули въ шею* въ одну камеру съ уголовнымъ преступникомъ, который притомъ его билъ, какъ и другихъ трехъ сидѣвшихъ съ нимъ старшинъ. Развѣ это—не униженіе и не тяжкое оскорбленіе для земскаго собранія, что одного изъ его сочленовъ, не сдѣлавшаго никакого преступленія, какой нибудь исправникъ можетъ бросить въ одну тюрьму вмѣстѣ съ преступникомъ и позволить послѣднему даже бить его? Земскому собранію слѣдовало немедленно составить протоколъ о дѣйствіяхъ исправника, позволившаго себѣ, безъ всякой нужды, схватить одного изъ его членовъ и бросить въ тюрьму и, вмѣстѣ съ показаніемъ Шопина, какъ онъ былъ содержимъ въ тюрьмѣ, отправить этотъ протоколъ на разсмотрѣніе подлежащаго начальства; а потомъ оно могло уже заняться разсужденіемъ о томъ: какъ предупредить подобные возмутительные случаи, подрывавшіе притомъ въ основаніи высочайше дарованное земству самоуправленіе, на будущее время? Но земское собраніе, въ которомъ по поводу ареста Шопина шли оживленныя пренія, хотя въ чемъ состояли эти пренія—въ журналѣ не означено, ограничилось тѣмъ, что, по предложенію гласнаго Кирилова, положило:

«ходатайствовать черезъ губернское начальство объ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ закона, дающаго исправникамъ право собственною властію арестовывать волостное начальство за неправильный сборъ податей и недоимокъ». Постановленіе очень либеральное и широкое, и дай Богъ, чтобы оно осуществилось; но, тѣмъ не менѣе, въ сущности, оно весьма непрактичное. Извѣстно, что разрѣшеніе всякихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ тянется очень долго, годами. Пока постановленіе старобѣльскаго земскаго собранія будетъ ходить по разнымъ инстанціямъ — да еще послѣдуетъ ли на него согласіе — исправникъ, по-прежнему, будетъ все въ правѣ хватать гласныхъ изъ крестьянъ во время земскихъ собраній и сажать въ кутузку. Земскому собранію, вмѣстѣ съ этимъ своимъ либеральнымъ постановленіемъ, слѣдовало составить протоколъ о данномъ случаѣ, и оба эти акта пошли бы каждый своей дорогой: одинъ—въ законодательномъ порядкѣ, а другой—въ административно-судебномъ. Можно сказать, что для старобѣльскаго земскаго собранія послѣдній путь былъ самый прямой, ближайшій и надежный; на законодательные проэкты его можетъ не обратить вниманія ни его ближайшее, ни высшее начальство; но то и другое начальства немедленно возстановятъ его нарушенныя кѣмъ бы то ни было правà и всякую власть, позволяющую себѣ посягнуть на эти правà, поставятъ въ должныя границы, такъ какъ это можно сдѣлать легко и скоро, безъ ожиданія новыхъ законовъ, при помощи давно уже существующихъ. Такимъ образомъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, либеральное постановленіе земскаго собранія оказывается только ловкимъ обходомъ дѣла, который, не удовлетворяя ни оскорбленнаго земскаго собранія, ни потерпѣвшаго гласнаго Шопина и не касаясь совсѣмъ виновника совершенныхъ правонарушеній, создаетъ вопросъ общій, до земства вообще касающійся только стороною, а до даннаго случая вовсе не касающійся, такъ что, еслибы онъ былъ разрѣшонъ и въ смыслѣ сдѣланнаго земствомъ постановленія, то данный случай остался бы, все-таки, не разслѣдованнымъ и сдѣланое правонарушеніе не возстановленнымъ. И чтò всего замѣчательнѣе: этотъ обходъ предложенъ главнымъ представителемъ земскихъ интересовъ, предсѣдателемъ земской управы Кириловымъ, на обязанности котораго, напротивъ, лежало, даже еслибы и всѣ члены земскаго собранія желали ограничиться только вышереченнымъ либеральнымъ постановленіемъ — требовать и настаивать, чтобы данный случай арестованія гласнаго во время земскаго собранія и самого способа его содержанія въ тюрьмѣ не остался безъ законнаго разслѣдованія. Мы не удивляемся, что майоръ Мариновъ приписываетъ это опущеніе преимущественно предсѣдателю земской управы Кирилову. Такое впечатлѣніе получается при чтеніи журналовъ земскихъ даже стороннимъ человѣкомъ. Майоръ же Мариновъ присутствуетъ лично на засѣданіяхъ земства, слышитъ пренія по всѣмъ вопросамъ и, кромѣ

того, знаетъ тѣ или другія отношенія другъ къ другу дѣйствующихъ лицъ. Я не могу, конечно, утверждать, чтобы впечатлѣнія и предположенія майора Маринова были безошибочны, несомнѣнны; можетъ быть, они и совсѣмъ невѣрны, но вся постановка дѣла такова, что ему трудно отъ нихъ отдѣлаться.

Возьмите, напримѣръ, хоть слѣдующій фактъ. Г. Кириловъ, городской голова и предсѣдатель земской управы, вмѣстѣ съ тѣмъ—и подрядчикъ по продовольствію пожарной команды и тюремнаго зàмка. Исправникъ—главный начальникъ и надъ пожарной командою, и надъ тюремнымъ зàмкомъ, и главный наблюдатель за продовольствіемъ и здѣсь, и тамъ. Кстати замѣтьте при этомъ, что даже канцелярскою частію въ тюремномъ зàмкѣ завѣдываетъ всего за 200 р. исправникъ! Слыханное ли это гдѣ-нибудь дѣло? Я никакъ не думаю, чтобы начальникъ цѣлаго города и уѣзда, при его многосложныхъ занятіяхъ, имѣлъ время исполнить и должность письмоводителя при тюремномъ зàмкѣ. Вѣроятно, дѣлаетъ все это какой-нибудь полицейской писецъ. За чтò же получаетъ деньги исправникъ? Или, можетъ, тутъ вовсе и не въ деньгахъ сила? Кто разберетъ основу тѣхъ странныхъ непонятныхъ сплетеній, какія представляютъ изъ себя члены земскаго самоуправленія въ связи съ земской полиціей.

Мы видѣли одну сторону этого сплетенія, гдѣ предсѣдатель земской управы, въ качествѣ подрядчика по продовольствію пожарной команды и тюремнаго зàмка, находится подъ надзоромъ исправника; посмотримъ теперь на другую, гдѣ исправникъ нанаходится подъ надзоромъ предсѣдателя земской управы, въ качествѣ подрядчика по содержанію земскихъ лошадей въ Старобѣльскѣ. Я не знаю: состоятъ ли гдѣ нибудь, кромѣ Старобѣльска, исправники подрядчиками по содержанію земскихъ лошадей; но если состоятъ гдѣ-нибудь, то и это уже есть великое злоупотребленіе; потому, во первыхъ, что подрядъ на содержаніе лошадей долженъ отдаваться не иначе, какъ съ торговъ; но когда исправникъ является на торгъ, кто же изъ подчиненныхъ ему обывателей города и уѣзда рѣшится съ нимъ конкурировать и понижать цѣну? Вѣдь это значило бы обывателю нажить себѣ въ лицѣ исправника вѣчнаго врага; во-вторыхъ, бòльшая часть чиновъ, имѣющихъ нужду въ земскихъ лошадяхъ, или прямо подчинены исправнику, какъ, напримѣръ, становые, или косвенно состоятъ отъ него въ зависимости; слѣдовательно, кàкъ бы исправникъ неисправно ни исполнялъ своего подряда, никто не будетъ смѣть пикнуть противъ него—все будетъ шито-крыто. Но старобѣльское земство сдѣлало гораздо болѣе этого. Оно не сочло нужнымъ, даже хоть только ради видимости и приличія, соблюдать законныя формы при отдачѣ подряда исправнику: оно отдало исправнику содержаніе земскихъ лошадей при старобѣльской полиціи нетолько безъ торговъ, притомъ за цѣну гораздо бòльшую, чѣмъ берутъ другіе содержатели земскихъ лошадей въ уѣздѣ и городѣ, но нѣкоторымъ образомъ открыто само помогаетъ злоупо-

требленіямъ исправника. Къ удивленію нашему, мы читаемъ слѣдующія пренія въ земскомъ собраніи 27-го сентября. Гласный Мариновъ дѣлаетъ такое заявленіе:

«Постановленіемъ одного изъ прошлыхъ собраній содержаніе лошадей при старобѣльской полиціи отдано безъ торговъ исправнику по увеличенной цѣнѣ 180 р. за лошадь, когда остальные почтосодержатели получаютъ только по 130 р. Но при этой цѣнѣ исправникъ содержитъ не девять, какъ должно, лошадей, а двѣ, что, конечно, не можетъ удовлетворять дѣйствительныхъ надобностей лицъ, для которыхъ означенная почта создана; вслѣдствіе чего чины полиціи, пріѣзжающіе изъ уѣзда въ городъ, задерживаютъ почтовыхъ лошадей изъ ближайшихъ пригородныхъ станцій и возвращаются на нихъ обратно. Если же на это нѣтъ жалобъ почтосодержателей, то это объясняется тѣмъ, что каждый изъ нихъ, находясь въ извѣстной зависимости отъ чиновъ полиціи, молчаливо переноситъ это неудобство во имя своего личнаго спокойствія. Но такъ какъ земскія лошади есть общая, такъ сказать, земская собственность, пользоваться которою каждому члену можно только при соблюденіи извѣстныхъ условій, то прямая обязанность собранія пресѣчь это зло». На это одинъ изъ гласныхъ замѣчаетъ: «Исправникъ съ лицами, имѣющими право требовать лошадей на земской станціи при старобѣльской полиціи, содержимой имъ, *вступилъ въ соглашеніе и вознаграждаетъ за потерю ихъ права ѣздить даромъ извѣстнымъ количествомъ денегъ, а для своихъ надобностей держитъ три лошади»* (!!!). Другой гласный говоритъ, что, такъ какъ никакихъ жалобъ на неудобство содержимой исправникомъ станціи нѣтъ, то онъ находитъ заявленіе Маринова бездоказательнымъ.

Итакъ, вотъ какіе гласные находятся въ старобѣльскомъ земствѣ. Они не находятъ ничего ни страннаго, ни противузаконнаго въ томъ, что исправникъ, обязанный по контракту содержать девять лошадей, содержитъ, вмѣсто 9, всего три лошади, потому что въ случаѣ, дескать, недостатка лошадей, онъ имѣющимъ право на земскихъ лошадей платитъ деньгами. Во-первыхъ, разъ по контракту, исправникъ взялся содержать лошадей натурой, онъ и долженъ ихъ такъ содержать и не имѣетъ права содержать ихъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и расплачиваться деньгами съ требующими лошадей; а во-вторыхъ, майоръ Мариновъ правъ, что, при подобномъ порядкѣ, злоупотребленія неизбѣжны. Каждый становой, чтобы не принести убытку исправнику, будетъ обременять почтосодержателей уѣзда. Такъ, въ журналѣ того же собранія, отъ 28-го сентября, значится, что «въ собраніе явился почто-содержатель Ново-Астраханской почтовой станціи и заявилъ, что становой чисто измучилъ его лошадей; экипажъ тяжелый, ему полагается пара, а онъ беретъ по тройкѣ и даже по пяти лошадей, разсыльныхъ же посылаетъ по три и болѣе человѣкъ въ день». Такъ, значитъ, туго пришлось бѣдному почтосодержателю отъ разгона, что и исправника не побоялся придти

съ жалобой въ земское собраніе! — Помянутое выше заявленіе г. Маринова не осталось безъ послѣдствій только потому, конечно, что, во время преній, было заявлено, что «въ послѣдній проѣздъ свой, начальникъ губерніи предложилъ исправнику, по окончаніи срока, не принимать больше непосредственнаго участія въ содержаніи лошадей при старобѣльской полиціи, и земское собраніе постановило: станцію при старобѣльской полиціи отдать, съ 1-го января 1878 г., съ торговъ». — Казалось бы, конецъ дѣлу! Нѣтъ, майоръ Мариновъ пишетъ, что все «осталось по-старому», не объяснивъ, впрочемъ, какъ это случилось.

Изъ приведенныхъ выше фактовъ, очевидно, что связь между земствомъ и полиціей существуетъ самая тѣсная. Я говорю это никакъ не въ ту силу, чтобы желалъ вражды между полиціей и земствомъ. Напротивъ, когда они живутъ въ ладу, да въ согласіи, то и слава Богу; нужно только, чтобы это было не во вредъ дѣлу, чтобы дружба была дружбой, а служба службой. Но когда земство и полиція, переплетаются такъ, что не разберешь, гдѣ земство, гдѣ полиція тогда хорошаго ожидать ничего нельзя: тогда земство никакъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно, по закону, должно быть, т. е. защитникомъ и охранителемъ интересовъ народныхъ.

Насколько далеко идетъ связь старобѣльскаго земства съ полиціей, этого я, конечно, не могу опредѣлить, но что земство въ отношеніяхъ съ полиціей находится не на подобающей высотѣ своего положенія, это для меня очевидно и изъ предъидущихъ фактовъ, а тѣмъ болѣе, изъ нижеслѣдующихъ:

Было въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ такое дѣло: при дознаніи, производившемся неизвѣстно мнѣ по какому случаю, нѣсколько крестьянъ сдѣлали показаніе о лихоимствѣ полиціи. Дознаніе это для полиціи не имѣло никакихъ послѣдствій, но для крестьянъ оно не осталось безъ послѣдствій. Явился фальшивый приговоръ о дурномъ яко бы поведеніи крестьянъ и о необходимости ихъ отправить въ Сибирь; дѣло поведено было такъ быстро и ловко, что подлежащее начальство не успѣло разсмотрѣть его какъ слѣдуетъ и утвердило; крестьянъ посадили, въ октябрѣ, въ острогъ, а въ маѣ отправили въ Сибирь. Къ счастію, дѣло дошло до сената, гдѣ защищалъ его присяжный повѣренный Ольхинъ. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе мѣстныхъ властей, и оправданные крестьяне были возвращены разоренные, убитые, а одинъ умеръ въ дорогѣ.

Какъ читатель можетъ судить уже по рѣшенію сената, дѣло было вопіющее. Ссылка въ Сибирь крестьянъ ни въ чемъ неповинныхъ! Земство, конечно, должно было это знать и не могло этого не знать. Кому ближе было придти на помощь невинно разоряемымъ, заточаемымъ и изгоняемымъ крестьянамъ, какъ не ему?— Однакожъ, пришло къ нимъ на помощь не оно. Вотъ что пишутъ, между прочимъ, крестьяне села Садковъ Ново-Боровской Волости въ приговорѣ, выданномъ ими майору Маринову въ

февралѣ нынѣшняго года, по поводу вышеупомянутыхъ распускаемыхъ о немъ земцами слуховъ въ раззореніи крестьянъ:

«Какъ мы, такъ равно и другіе крестьяне всего уѣзда, всегда находили въ майорѣ Мариновѣ защиту противъ какихъ бы то ни было несправедливостей и обидъ, причиняемыхъ людьми, силу имѣющими. Мы можемъ удостовѣрить это слѣдующимъ фактомъ: изъ Ново-Айдарской волости нашего уѣзда было отправлено восемь семействъ въ ссылку въ Сибирь самымъ несправедливымъ образомъ: сперва томились они въ старобѣльскомъ тюремномъ замкѣ, а затѣмъ отправлены были въ путь, и въ московскомъ пересыльномъ пунктѣ застигло ихъ распоряженіе о возвратѣ на родину, такъ какъ правительствующій сенатъ призналъ ихъ напрасно приговоренными къ ссылкѣ, а результата таковаго достигли они чрезъ единственное ходатайство г. Маринова, что можетъ свидѣтельствовать присяжный повѣренный г. Ольхинъ, принявшій на себя безвозмездную защиту въ правительствующемъ сенатѣ. Но этотъ случай, нами представленный - не единственный; таковыхъ очень много, и не пройдетъ дня, чтобы къ г. Маринову не обращались нуждающіеся въ помощи по сдѣланнымъ обидамъ, и онъ не отказываетъ въ дѣлѣ правомъ въ совѣтѣ и матеріальной помощи».

Я долженъ, впрочемъ, оговориться. Я не знаю, когда происходила означенная высылка крестьянъ въ Сибирь—при нынѣшней ли правящей партіи земства, или до нея; если это было при прежнемъ земствѣ, то и прежнее, значитъ, не было радѣтелемъ крестьянъ, какъ и нынѣшнее. А что нынѣшнее также страдаетъ этимъ грѣхомъ, это мы увидимъ ниже, хотя оно состоитъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, слѣдовательно, знакомо со всѣмъ, что среди нихъ дѣлается, и могло бы употреблять свою силу и вліяніе для ихъ пользы и защиты, а никакъ не для тѣхъ предосудительныхъ цѣлей, для которыхъ иногда пользуются ими члены земской управы. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, майоръ Мариновъ:

«Предсѣдатель земской управы Кириловъ принялъ на себя обязанность руководить сельскими выборами въ трехъ участкахъ уѣзда. именно: въ Ново-Айдарскомъ, Осиновскомъ и Старобѣльскомъ. Въ Осиновскомъ г. Кириловъ желалъ во что бы то ни стало провести въ гласные тамошняго торговца и навязывалъ его выборщикамъ три раза въ гласные, а для болѣе успѣшнаго достиженія своего желанія онъ прибѣгалъ къ различнымъ пріемамъ, именно: прежде всего черезъ поднятіе рукъ, потомъ, когда этотъ пріемъ не удался, онъ приказалъ толпѣ раздѣлиться направо и налѣво, тогда какъ прямая его обязанность заключалась лишь въ наблюденіи за правильностію выборовъ, но отнюдь не въ командованіи массою выборщиковъ и не въ навязываніи имъ своихъ желанныхъ. По третьему предложенію г. Кирилова выбрать указанное имъ лице, крестьяне съ негодованіемъ и шумомъ отвергли его кандидата. По поводу такихъ дѣйствій г. Кирилова поступили жалобы отъ крестьянъ къ начальнику губерніи, а уѣздное земское собраніе, по моему предложенію, постановило на будущее время на сельскихъ съѣздахъ производить выборы закрытою баллотировкою».

Какъ-то даже не вѣрится, чтобы такія штуки могъ продѣлывать кандидатъ университета! А между тѣмъ, фактъ не подлежитъ сомнѣнію: въ журналѣ земскаго собранія 2 сентября дѣйствительно значится, что г. Мариновъ дѣлалъ заявленіе объ опредѣленіи порядка баллотировки на сельскихъ избиратель-

ныхъ съѣздахъ, конечно, въ силу тѣхъ мотивовъ, которые онъ теперь сообщаетъ, и собраніе постановило: производить впредь баллотировку закрытою подачею голосовъ.

Въ другихъ случаяхъ, гдѣ желательно бы видѣть участіе земской управы въ дѣлахъ крестьянъ и гдѣ, по моему мнѣнію, самые существенные интересы земства даже обязываютъ его идти на помощь къ крестьянамъ со своимъ вліяніемъ и силою, управа блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Г. Мариновъ разсказываетъ, напримѣръ, такой случай. По постановленію земскаго старобѣльскаго собранія, всѣмъ гласнымъ, которыхъ командировали, во время голодованія уѣзда, провѣрять имущество и запасы въ волостяхъ, нуждающихся въ хлѣбѣ крестьянъ, положено было выдавать суточнаго содержанія по три рубля. «Одинъ простой неграмотный гласный изъ крестьянъ Ново астраханской волости Иванъ Сарана, выполнившій подобное порученіе управы, отпѣлъ ей, что въ виду бѣдствія народа, въ которомъ онъ удостовѣрился, ни его сердце, ни совѣсть, не позволяютъ ему воспользоваться предлагаемымъ управой 3-хъ рублевымъ суточнымъ вознагражденіемъ за провѣрку двухъ обширныхъ волостей, отнявшихъ у него много времени, такъ какъ вознагражденіе это должно упадать на тѣхъ же неимущихъ крестьянъ и поэтому онъ отказывается отъ него». «Здѣсь, присовокупляетъ майоръ Мариновъ:—я считаю необходимымъ добавить, что чьимъ то наитіемъ, вскорѣ послѣ описаннаго отвѣта, этотъ же самый гласный, весьма наглымъ образомъ, былъ подвергнутъ подъ слѣдствіе, а потомъ и преданъ суду, будто бы за личное оскорбленіе волостного старшины на сельскомъ сходѣ, каковое оскорбленіе отрицаетъ и сельскій староста, и крестьянскій сходъ». Я, конечно, никакъ не могу согласиться съ майоромъ Мариновымъ, чтобы суточныя деньги, выдаваемыя гласнымъ, командируемымъ съ особымъ порученіемъ и на долгое время, были тратою неправильною, если только эти гласные—не члены управы: они теряютъ время, опускаютъ свои дѣла и должны быть вознаграждены. Вопросъ тутъ можетъ быть только развѣ о томъ или другомъ количествѣ суточныхъ денегъ. Точно также не согласенъ я и съ намекомъ г. Маринова *о наитіи*: подобный поступокъ былъ бы очень гнусенъ даже и для самыхъ темныхъ личностей въ земствѣ. Но если дѣло стоитъ такъ, какъ описываетъ его г. Мариновъ, если дѣйствительно и сельскій староста, и весь крестьянскій сходъ утверждаютъ, что гласный Сарана никакого оскорбленія волостному старшинѣ не наносилъ, то я не могу понять: какимъ образомъ земство могло оставить это дѣло безъ вниманія? Земство, конечно, не имѣетъ права вмѣшиваться непосредственно въ полицейскую и слѣдственную часть, но, разъ оно знаетъ, а оно можетъ и обязано знать, что полиція нарушила чьи нибудь права изъ крестьянъ, а также привлекла кого-нибудь изъ нихъ къ слѣдствію несправедливо, оно имѣетъ возможность и должно довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго мѣстнаго

начальства и требовать возстановленія нарушеннаго права, а также преслѣдованія дѣла. Въ особенности оно должно быть внимательно и ревниво къ неправильнымъ дѣйствіямъ полиціи по отношенію къ гласнымъ. Неправильнымъ преслѣдованіемъ гласныхъ изъ крестьянъ полиція можетъ запугивать лучшихъ изъ крестьянъ, избираемыхъ въ гласные, и заставлять ихъ отказываться отъ службы въ земствѣ, черезъ это способствовать подбору гласныхъ себѣ подручныхъ, а черезъ нихъ вліять на то или другое рѣшеніе интересныхъ дѣлъ въ земскомъ собраніи. Но и помимо этихъ соображеній, для всякаго земскаго управленія не можетъ не быть оскорбительно, если его гласные будутъ подвергаться ни за что̀, ни про что̀ преслѣдованіямъ полиціи, въ особенности такіе почтенные и рѣдкіе въ земствѣ гласные, какъ гласный Сарана.

Кстати я коснусь здѣсь и еще одного обстоятельства, которое касается практики не одного старобѣльскаго, а вообще земствъ, и которое показываетъ, ка̀къ мало земства заботятся объ интересахъ крестьянства или, что̀—тоже, о своихъ собственныхъ. Мнѣ присланъ приговоръ государственныхъ крестьянъ Старобѣльскаго Уѣзда, Городищенской Волости, который былъ составленъ 23-го августа 1876 года и представленъ въ управленіе государственными имуществами. Въ приговорѣ этомъ крестьяне пишутъ, что, за отрѣзкою у нихъ земель, земли у нихъ стало мало и они каждый годъ поставлены бываютъ въ необходимость брать въ аренду ихъ же бывшія земли у купцовъ, которые берутъ эти земли въ управленіи государственными имуществами за дешевую цѣну, съ нихъ же берутъ такую цѣну, что многіе изъ крестьянъ не въ состояніи заплатить даже и за нѣсколько десятинъ. Потому, крестьяне просятъ управленіе государственными имуществами отдать имъ въ аренду на шесть лѣтъ отрѣзанную у нихъ землю *за цѣну, какая будетъ существовать отъ правительства.* «Но крестьянамъ—такъ помѣчено на приговорѣ—было отказано, а одинъ промышленникъ взялъ 22,000 десятинъ по 28 копеекъ за десятину; впрочемъ, по сильному протесту крестьянъ—и имъ въ этомъ дѣлѣ помогли добрые люди—отъ промышленника землю взяли, а крестьянамъ все-таки недали». Признаюсь, во всемъ этомъ я ничего не понялъ и обратился за разъясненіемъ къ одному изъ знающихъ лицъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Но и онъ мнѣ всего разъяснить не могъ. Онъ сказалъ только, что крестьянамъ отказали въ просьбѣ потому, вѣроятно, что на шесть лѣтъ въ аренду отдавать земли можетъ только министерство государственныхъ имуществъ, а, можетъ быть, и потому, что управленіе государственными имуществами отдаетъ земли въ аренду не иначе, какъ съ торговъ. Затѣмъ: какимъ образомъ могли быть отданы 22,000 десятины промышленнику, ка̀къ тутъ вышелъ протестъ крестьянъ, почему земля была взята у промышленника, почему не отдана крестьянамъ?—этого онъ объяс-

нить не могъ. «Это, говоритъ:—что-то смутное; тутъ надобны справки изъ мѣстныхъ дѣлъ, да и тамъ, пожалуй, не найдешь». Ну, такъ мы это и оставимъ, а будемъ говорить только о томъ, что болѣе ясно. По всей вѣроятности, очень часто и во многихъ мѣстахъ крестьянамъ отказывается въ арендѣ государственныхъ земель или потому, что они просятъ на болѣе долгій срокъ, чѣмъ могутъ дать управленія государственными имуществами, или потому, что просятъ такъ же, какъ въ вышеозначенномъ примѣрѣ: дескать, дадимъ цѣну всякую, какую казна положитъ. Управленіе же государственными имуществами не будетъ писать такъ, что, дескать, проси на меньшій срокъ, тогда дамъ, или что, дескать, безъ торговъ я не могу дать, а явись на торги, тогда и получишь землю, если дашь бо̀льшую противъ другихъ цѣну: оно просто откажетъ. Изъ крестьянъ же самихъ кой кто, т. е. нѣкоторые кулаки и грамотники, знаютъ, что земли казенной безъ торговъ взять они не могутъ, пожалуй, и слѣдятъ за тѣмъ, когда будутъ торги. Цѣлыя же крестьянскія общества, конечно, ничего этого не знаютъ. Да, кромѣ того, сюда можетъ привходить и еще одно весьма важное обстоятельство, которое может крестьянамъ служить препятствіемъ къ снятію казенныхъ земель въ аренду, именно: ка̀къ велики будутъ куски земли, нарѣзываемые управленіемъ государственными имуществами въ аренду? Если это будутъ площади въ 22,000 десятинъ и т. п., то иныя крестьянскія общества, и при полномъ знаніи, ка̀къ заполучить въ аренду казенную землю, явившись на торги, найдутъ для себя не подъ силу нарѣзанные участки, какъ по величинѣ ихъ, такъ и по требуемому за нихъ на торгахъ залогу. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ причинъ бываетъ то, что на торги на отдаваемыя въ аренду казенныя земли являются въ управленіе государственными имуществами не крестьяне-землепашцы, не крестьянскія общества, а промышленникъ-купецъ съ двумя или тремя подставными лицами, и комедія торга кончается тѣмъ, что десятина земли отдается за 28 копеекъ. Посмотримъ теперь, что̀ выигрываетъ отъ такого порядка или, правильнѣе сказать, безпорядка отдачи государственныхъ земель казна? Я не знаю, какія стоятъ арендныя цѣны на землю въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ — будемъ говорить о немъ—но думаю не дешевле пяти рублей за десятину. Еслибы крестьяне торговались на землю, то, при существующихъ тамъ предположенныхъ общихъ цѣнахъ за арендованную десятину, они выдавали бы на торгахъ навѣрно не менѣе двухъ рублей за десятину. Слѣдовательно, казна за 22,000 десятины получила бы 44,000 рублей. Да, сверхъ того, при большомъ количествѣ земли у крестьянина и при бо̀льшей запашкѣ, навѣрное, недоимки у крестьянъ уменьшились въ годъ, по крайней мѣрѣ, настолько же; слѣдовательно, казна получила бы minimum 88,000 руб. въ годъ. Теперь же дѣло стоитъ такимъ образомъ: промышленникъ за 22,000 десятины, по 28 коп. десятина, заплатитъ казнѣ всего 6,360 р. Но какъ промышленникъ своего не упу-

ставъ и за каждую арендованную имъ десятину земли полностью выберетъ ту арендную плату, какая существуетъ въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ по сдѣланному нами предположенію, т. е. по пяти рублей за десятину, то за 22,000 десятинъ онъ получитъ съ крестьянъ 110,000 р. Но, какъ получитъ?—Когда землю беретъ съ торговъ цѣлое крестьянское общество, то, по разверсткѣ, каждый крестьянинъ получитъ себѣ изъ арендованной земли участокъ, соотвѣтствующій числу рабочихъ силъ въ его семействѣ, и, слѣдовательно, всѣ крестьяне относительно будутъ равно богаты, равно состоятельны передъ казною. Но у промышленника будутъ арендовать землю по частямъ крестьяне болѣе состоятельные и кулаки; для бѣдныхъ крестьянъ цѣна аренды будетъ недоступная— и недоимка будетъ оставаться прежняя. Слѣдовательно, выгода казны отъ аренды ея промышленникомъ представится въ слѣдующемъ видѣ: + 6,360 р. аренды, — 103,640 р., взятыхъ промышленникомъ съ крестьянъ,—44,000 р. недоимки, т. е., говоря другими словами, казна, отдавая земли промышленникамъ, теряетъ на 22,000 десятинахъ земли minimum 147,640 р. на непоступившихъ въ нее денежныхъ суммахъ, которыя должны бы были поступить, и на уменьшеніи суммъ, долженствовавшихъ остаться въ карманѣ народа.

Несомнѣнно, что управленіе государственными имуществами все это понимаетъ и крайне скорбитъ, что оно отдачею ввѣренныхъ въ его распоряженіе арендныхъ земель приноситъ не прибыль, а очевидный убытокъ государству. Но оно не въ силахъ сдѣлать что нибудь другое: оно стѣснено разными формальностями, volens nolens должно отдавать оно пахатныя земли не тѣмъ лицамъ, которыя ихъ разработываютъ и доставляютъ дѣйствительную пользу государству, а разнымъ спекулянтамъ, аферистамъ, кулакамъ, вообще поѣдателямъ чужого труда. Вотъ тутъ-то земство имѣетъ нетолько право, но и обязанность, оказать помощь управленію государственными имуществами. Оно имѣетъ всегда возможность заблаговременно собрать свѣдѣнія какъ о томъ: какія крестьянскія общества желаютъ арендовать казенныя земли и въ какомъ количествѣ, такъ и о томъ: какія поземельные участки будутъ отдаваться управленіемъ государственными имуществами. Далѣе, оно можетъ войти въ соглашеніе съ управленіемъ государственными имуществами: на какіе участки въ томъ или другомъ мѣстѣ лучше разбить отдаваемыя въ аренду казенныя земли, чтобы крестьянскія общества могли явиться конкурентами на торгахъ; въ случаѣ, еслибы у крестьянскихъ обществъ не оказалось требуемаго количества денегъ для залоговъ, земство можетъ сдѣлать имъ для этого ссуду; наконецъ, имѣя въ рукахъ приговоры крестьянскихъ обществъ объ арендованіи тѣхъ или другихъ крестьянскихъ обществъ, земство можетъ само, по порученію крестьянъ, чрезъ уполномоченныхъ имъ гласныхъ, являться на торги въ управленіе государственными имуществами и взятыя такимъ образомъ съ торговъ земли от

давать крестьянамъ съ взиманіемъ даже небольшаго процента въ пользу земства. Еслибы всѣ земства усердно и дружно взялись помогать крестьянскимъ обществамъ въ арендованіи казенныхъ земель, то, навѣрное, очень скоро исчезли бы арендаторы-спекулянты, которые причиняютъ арендованіемъ безчисленный вредъ государству, отнимая у него громадный доходъ съ земель, который оно могло бы получить при отдачѣ земель крестьянамъ, эксплуатируя крестьянъ и истощая почву иногда собственною хищническою обработкой. А, съ исчезновеніемъ такихъ арендаторовъ, и управленіе государственными имуществами избавилось бы отъ той печальной необходимости, въ какую поставлено теперь—отдавать казенныя земли за ничтожную цѣну, въ очевидный ущербъ государства, спекулянтамъ, истощающимъ въ одно и тоже время, и государство, и народъ, и почву, и отказывать въ ней крестьянскимъ обществамъ, дающимъ за аренды хорошія цѣны, что̀, конечно, управленія государственными имуществами дѣлаютъ съ великимъ сокрушеніемъ сердца.

Обращусь теперь снова къ старобѣльской земской управѣ. Въ прошедшемъ моемъ обозрѣніи о старобѣльскомъ земствѣ я сообщилъ, между прочимъ, такую замѣтку г. Маринова, что «лучше было бы деньги 40,000 р., ассигнуемыя земствомъ на постройку прогимназіи, въ которой, мимоходомъ будь сказано, учатся лишь дѣти привилегированныхъ лицъ, употребить на позаимствованіе бѣдствующимъ крестьянамъ, а также на учительскіе курсы, чтобы приготовить такихъ учителей въ школы, которые бы приготовили изъ крестьянскаго населенія соотвѣтственный процентъ учениковъ въ земскую прогимназію». Г. Кириловъ на это возражаетъ въ газетѣ «Харьковъ»: «Въ старобѣльской прогимназіи, содержимой на средства старобѣльстаго земства, съ пособіемъ отъ правительства, воспитывается: 46 дворянъ, 12 чиновниковъ, 32 духовнаго званія, 17 купеческаго, 12 мѣщанъ, 19 государственныхъ крестьянъ и 3 солдатскихъ дѣтей. Спрашивается: кому же придетъ въ голову, кромѣ, конечно, корреспондента «Староб. земст.», изъ приведенныхъ только-что статистическихъ данныхъ утверждать, что въ прогимназіи *учатся лишь дѣти привилегированныхъ лицъ*?». Мысль въ приведенной фразѣ г. Маринова дѣйствительно выражена не точно: вмѣсто *лишь*, ему надобно бы было сказать: главнымъ образомъ или почти только. Впрочемъ, неточность эта ясна каждому безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ. Нельзя же вѣдь, въ самомъ дѣлѣ. основать земскую прогимназію, преимущественно на крестьянскія деньги, запретивъ туда пріемъ крестьянскихъ дѣтей и не имѣя ихъ, хотя бы только на показъ и изъ приличія, нѣсколько процентовъ, Г. Мариновъ пишетъ теперь, въ объясненіе своей неточности, что онъ только то и хотѣлъ сказать, что между плательщиками на содержаніе этого учебнаго заведенія не можетъ быть равномѣрно распредѣлена польза, получаемая отъ него, такъ какъ крестьянскаго сословія находится въ уѣздѣ 220 тысячъ, а привилегированныхъ не болѣе 10.000 душъ; воспитывающихся же

дѣтей изъ крестьянъ, самый незначительный процентъ, но сравненіи съ дѣтьми привилегированныхъ сословій, какъ это видно изъ приведенныхъ самимъ г. Кириловымъ цифръ. Далѣе, и г. Кириловъ говоритъ: «старобѣльская прогимназія еще дорога старобѣльскому земству и тѣмъ, что она учреждена въ *честь имени нынѣ царствующаго Государя Императора*». По существу, этотъ доводъ составляетъ такую аксіому, противъ которой никто возражать не будетъ. Ибо, само собой разумѣется, что для каждаго вѣрноподданнаго должно быть дорого все то, что освящено именемъ его монарха; но г. Кириловъ забываетъ, что для сердца монарха равно дороги всѣ учрежденія на пользу государства и народа. Именемъ государя украшаются нетолько прогимназіи, но и учительскія семинаріи, и даже низшія училища. Слѣдовательно, предполагая, что оказалось бы полезнымъ для общаго блага преобразовать существующую прогимназію въ учительскую семинарію, дорогое для земства имя могло остаться по прежнему украшеніемъ заведенія. Но главное: въ данномъ случаѣ г. Кириловъ обращается къ сказанному доводу и совсѣмъ безъ нужды. Майоръ Мариновъ не требуетъ вовсе уничтоженія прогимназіи, а говоритъ только, что не нужно было ассигновать 40,000 на постройку прогимназіи, что лучше было бы часть этихъ денегъ употребить на учрежденіе учительскихъ курсовъ для образованія такихъ учителей, которые могли бы поставлять бо̀льшій процентъ изъ крестьянскихъ дѣтей для мѣстной прогимназіи. Правда, когда становится въ принципѣ вопросъ о томъ: что̀ лучше было имѣть, прогимназію или учительскую семинарію то г. Мариновъ, на томъ основаніи, что крестьянъ въ 20 разъ больше въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ, чѣмъ дворянъ, думаетъ, что было лучше завести учительскую семинарію, чѣмъ прогимназію. Впрочемъ, такъ думаетъ не одинъ Мариновъ, а и другіе и, какъ кажется, самъ г. Кириловъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ майоръ Мариновъ. И когда читаешь обличеніе, которое дѣлаетъ г. Мариновъ г. Кирилову, то, признаюсь, невольно получается впечатлѣніе; что майоръ Мариновъ не самъ дошелъ до той мысли, что на крестьянскія деньги гимназію строить не слѣдовало, а занялъ ее отъ г. Кирилова, часто громившаго подобную непроизводительную трату земскихъ денегъ. Вотъ ка̀къ разсказываетъ объ этомъ г. Мариновъ, обращаясь къ г. Кирилову:

«На вашу теперешнюю подслащенную соловьиную пѣсню о прогимназіи я отвѣчу слѣдующее: до порученія управою вамъ производства постройки зданія въ 40 тысячъ рублей, вы пѣли о прогимназіи пѣснь зловѣщаго ворона, говоря, не стѣсняясь въ присутствіи многихъ лицъ, что прогимназію слѣдуетъ закрыть, что она содержится по преимуществу крестьянами, а на ихъ карманы воспитываютъ дѣтей лицъ привилегированныхъ сословій, что такое положеніе прогимназіи неправильно и многое тому подобное; слѣдовательно, вы сами имѣли поползновеніе (до начатія вами постройки зданія) подвергнуть прогимназію пертурбаціи, забывая именно то важное условіе, почему еще прогимназія должно быть дорога Старобѣльскому земству; теперь только вы поняли такое ея значеніе, а оно съ самаго начала открытія ея существовало, такъ какъ про-

гимназія именовалась Александровскою. Инокритивізмъ въ этомъ дѣлѣ станетъ еще болѣе опредѣлительнымъ и яснымъ, ежели мы приведемъ на память тотъ періодъ, когда земское собраніе, ассигновавъ сумму на постройку гимназіи, поручило это дѣло особому комитету, и когда всѣ дѣйствія этого комитета вы, г. Кириловъ, подвергали различнымъ пертурбаціямъ и довели его до того, что члены его должны были отказаться отъ своего назначенія и комитетъ по постройкѣ зданія самъ собою закрылся; тогда дѣло это перешло въ ваши руки. Съ этого именно момента вы воспламенились горячею привязанностью къ прогимназіи, она вамъ сдѣлалась дорогою, и тутъ-то начались ваши тѣ мудрыя и предусмотрительныя распоряженія, по которымъ постоянный архитекторъ улетучился и замѣненъ временно-пріѣзжающимъ и стоющимъ земству, пожалуй, дороже постояннаго, такъ какъ и надзора не можетъ быть за правильной кладкой стѣнъ и за другими сооруженіями, устроиваемыми въ уѣздѣ, ни за качествомъ матеріала, употребляемаго въ каменное зданіе, а это все лежало на обязанности г. Садовскаго (бывшаго архитектора); по тѣмъ же распоряженіямъ, кромѣ васъ, никто изъ членовъ не вправѣ вмѣшиваться въ покупку строительнаго матеріала, а такое устраненіе прочихъ членовъ управы отъ участія въ дѣлѣ денежномъ едва ли можетъ быть согласовано съ заботой о сохраненіи чистоты своей репутаціи».

Не могу не замѣтить здѣсь, что г. Мариновъ очень недовѣрчиво смотритъ на г. Кирилова и во всѣхъ его дѣйствіяхъ хочетъ видѣть нѣчто предосудительное, умышленное. Я же думаю, многое, если не все, можетъ быть объяснено гораздо проще. Г. Кириловъ, по моему мнѣнію, человѣкъ очень ретивый, берется за все, во всемъ хочетъ быть самостоятельнымъ, но у него не хватаетъ для этого ни умѣнья, ни знанія каждаго того дѣла, за которое онъ берется, ни умѣнья выбирать себѣ способныхъ исполнителей, ни, наконецъ, даже рутинной осторожности и практичности, отличающей каждаго дѣльца. Оттого разныя дѣйствія его, въ существѣ дѣла, можетъ быть вовсе невинныя, для сторонняго человѣка принимаютъ какой-то криминальный оттѣнокъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть слѣдующій фактъ, передаваемый г. Мариновымъ. Губернская управа поручаетъ старобѣльской земской управѣ произвести торги на устройство по Старобѣльскому Уѣзду мостовъ и гатей. Г. Кириловъ доноситъ губернской управѣ, что желающіе принять означенный подрядъ не соглашаются на цѣну, опредѣленную сметнымъ исчисленіемъ, и требуютъ добавки 30% къ той цѣнѣ. Губернская управа командируетъ своего члена въ уѣздъ, и этотъ послѣдній, безъ всякаго затрудненія, сдаетъ подрядъ безъ всякой надбавки. Вотъ фактъ, на первый взглядъ, незначительный, но, который, на самомъ дѣлѣ, говоритъ очень много. Подъ нимъ можетъ не быть никакой подкладки и можетъ предполагаться самая неблаговидная. Я стою за г. Кирилова и утверждаю, что этотъ фактъ есть фактъ совершенно невинный, что истинный дѣлецъ никогда не сдѣлалъ бы такого промаха; и тѣмъ не менѣе, я не могу не признать, что предсѣдатель управы, который въ своемъ уѣздѣ не можетъ отдать устройство мостовъ и гатей за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ временно пріѣхавшій туда изъ губерніи членъ управы, никакъ не удовлетворяетъ требованіямъ своего поста, что, впрочемъ, въ

данномъ случаѣ, можетъ зависѣть не отъ тѣхъ или другихъ способностей лица, занимающаго постъ, а отъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ. Г. Кириловъ, напримѣръ, обремененъ самыми разнообразными занятіями: онъ—городской голова, предсѣдатель губернской земской управы, строитель прогимназіи, продовольствователь тюремнаго зàмка, пожарной команды и лошадей, поставщикъ дровъ воинскимъ командамъ. Это разнообразіе занятій разрываетъ его на части и не даетъ ни на чемъ серьёзно сосредоточиться. Оттого онъ—нигдѣ не хозяинъ, нигдѣ не у себя. Въ этомъ, я полагаю—вся его бѣда.

Къ журналамъ старобѣльскаго земскаго собранія приложенъ протестъ гласнаго этого собранія, г. Морозова, противъ избранія гласнаго Кирилова въ должность предсѣдателя земской управы. Въ протестѣ этомъ говорится, что министръ внутреннихъ дѣлъ признаётъ, что «одновременное исполненіе двухъ должностей—члена управы—и городскаго головы (г. Кириловъ кромѣ того членъ училищнаго совѣта и губернскій гласный)—рѣшительно невозможно, такъ какъ должность городского головы требуетъ безотлучнаго пребыванія въ городѣ, а другія должности, занимаемыя Кириловымъ, требуютъ частыхъ отлучекъ изъ города, и что, при подобномъ порядкѣ вещей, не могутъ не страдать интересы земства и города; что, вслѣдствіе этого, г. министръ, съ разрѣшенія правительствующаго сената, распорядился объ увольненіи лица, изъ-за котораго былъ возбужденъ вопросъ, отъ должности городского головы, такъ какъ онъ былъ избранъ членомъ управы прежде». Если, дѣйствительно, существуетъ такое распоряженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, исполненіемъ котораго только и можетъ сколько-нибудь обезпечиваться успѣшное и законное теченіе дѣлъ и въ городскомъ, и земскомъ самоуправленіяхъ, то надобно удивляться нетолько тому, кàкъ земцы обходятъ это распоряженіе, но и почему его обходятъ, къ очевидному ущербу земскихъ интересовъ? Вѣдь, не нужно, кажется, употреблять никакихъ головоломныхъ усилій для того, чтобы понять, что, стòитъ только лицу, занимающему должность городского головы и предсѣдателя земской управы (я говорю здѣсь, конечно, не о г. Кириловѣ лично, а о всякомъ лицѣ, которое совмѣщаетъ эти должности). быть облеченнымъ еще властію исправника, чтобы Старобѣльскъ съ своимъ уѣздомъ превратился въ старинное воеводство и управленіе въ немъ сдѣлалось нисколько не лучше, чѣмъ, по сказанію г. Щедрина, было въ Голодномъ Городѣ во время управленія послѣдняго бригадиромъ Петромъ Петровичемъ Ѳедырщинкой.

Объ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ сѣверныхъ земствъ, очень бѣдномъ, намъ сообщаютъ слѣдующее курьёзное извѣстіе:

«Члены нашей управы, пишетъ корреспондентъ:—растратили, какъ извѣстно изъ газетъ, земскихъ денегъ около трехъ тысячъ рублей, за чтò и преданы суду съ устраненіемъ отъ должностей; одинъ изъ членовъ сознался въ растратѣ; предсѣдатель же

управы, на долю котораго приходится около 2,000 руб., не признаётся и говоритъ, что деньги *ушли въ дыру*, которую онъ открылъ въ ящикѣ стола, гдѣ хранились земскія деньги». Фактъ этотъ должны принять къ свѣдѣнію всѣ земства и прилагать тщательную заботливость къ своевременному устраненію дыръ, въ которыя могутъ утекать земскія деньги.

На дняхъ намъ прислана книга, подъ заглавіемъ: «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», составленная г. А. Голубевымъ. Въ предисловіи, г. Голубевъ говоритъ, что «чистый сборъ отъ продажи изданія будетъ переданъ сестрѣ Н. А. Некрасова, Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, для лучшаго устройства находящейся на мѣстѣ родины поэта сельской школы, которая пользовалась особеннымъ вниманіемъ и попеченіемъ поэта». Въ книгѣ слѣдующіе отдѣлы: I) Біографія; II) Критическій обзоръ произведеній Некрасова въ связи съ тѣми отзывами, которые уже даны критикою; III) Стихотворенія, посвященныя памяти поэта (изъ газетъ и журналовъ); IV) Сводъ журнальныхъ и газетныхъ статей о Некрасовѣ съ 1840 года, составленный С. И. Пономаревымъ (изъ «Отеч. Зап.»). — Самый главный отдѣлъ въ книгѣ, критическій обзоръ произведеній Некрасова, занимаетъ 22—115 страницъ. Составленъ онъ добросовѣстно, но рукою въ дѣлѣ критики недостаточно опытною. При книгѣ приложенъ очень хорошій портретъ поэта, исполненный съ негатива фотографа Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Портретъ снятъ до болѣзни поэта, очень похожъ, и, по нашему мнѣнію, одинъ изъ лучшихъ его портретовъ.

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

I.

Письмо къ профессору Цитовичу

Милостивый государь!

Къ вамъ, патентованному жрецу науки, раздающему ея великія и богатыя милости одесскому юношеству, осмѣливается обратиться съ открытымъ письмомъ человѣкъ, не имѣющій ни малѣйшихъ претензій на титулъ представителя науки, но глубоко уважающій науку и искренно желающій уважать ея представителей. Другими словами, я горячо желалъ бы, чтобы представители науки были достойны уваженія, если не въ такой же мѣрѣ, какъ сама безплотная и, слѣдовательно, безгрѣшная наука, то насколько это возможно для смертныхъ.

Вы понимаете, что можно уважать науку, благоговѣть передъ нею и въ то же время не уважать, даже презирать тѣхъ или другихъ ея представителей, потому что наука и ея представители, это — двѣ вещи разныя. Не восходя къ Бэкону, который—признавая его заслуги передъ лицомъ науки — былъ негодяй, предатель и воръ, вы, безъ сомнѣнія, даже среди ближайшихъ своихъ товарищей по новороссійскому придѣлу храма науки найдете не одного патентованнаго ученаго, которому должны будете отказать въ своемъ уваженіи. Мало того, положа руку на сердце, вы должны, я думаю, признать, что огромное большинство патентованныхъ представителей русской науки только при значительномъ безстыдствѣ можетъ заявлять претензіи на уваженіе къ себѣ. Исключенія, конечно, есть, но, говоря вообще, за что въ самомъ дѣлѣ станемъ мы, уважающіе науку, уважать ваше сословіе? Помните, милостивый государь, у Гёте великолѣпное, по простотѣ и силѣ упрека, обращеніе Прометея къ Зевесу:

Ich dich ehren? Wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Je des Geängsteten?

Вспоминая то время, когда «легковѣренъ и молодъ я былъ», когда, «духовной жаждою томимъ», я прибѣгалъ еще къ кладезю оффиціальной и, разумѣется, преимущественно русской науки, я всегда вспоминаю и чудныя слова Прометея. Въ кладезѣ, увѣряю васъ, вода была очень плохая, а часто ея и вовсе не было, и трескавшіяся отъ жара губы, и высохшій языкъ сплошь и рядомъ не освѣжались ни единой каплей божественной влаги, несмотря на проливной дождь лекцій и книгъ. Грѣшно, впрочемъ, сказать, чтобы русскіе ученые производили черезчуръ много книгъ. Чѣмъ другимъ, а этимъ они не грѣшны. Какъ бы то ни было, но жажда не утолялась, и если вы представите мнѣ казенное возраженіе, что не дѣло науки—утолять горести des Beladenen и утирать слезы des Geängsteten, я вамъ укажу именно на эту жажду. Не вижу надобности бесѣдовать именно съ вами объ обязанностяхъ и роли науки вообще, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что «духовную жажду» представители науки удовлетворять обязаны. Исполняютъ ли они эту свою обязанность? Вы, можетъ быть, скажете: да. Я навѣрное скажу: нѣтъ. Вы опять повторите свое утвержденіе, я повторю свое отрицаніе и, такъ далѣе, до безконечности. Есть, однако, объективные, наблюденію каждаго доступные факты, которые могутъ, кажется, положить конецъ этой сказкѣ про бѣлаго быка.

Думали ли вы когда нибудь, милостивый государь, объ томъ, что мы, журналисты, можемъ обратиться къ вашему сословію съ заключительными словами Прометея:

Hier sitz' ich, forme Menschen nach meinem Bilde,
Ein Geschlecht, das mir gleich sei,
Zu leiden, zu weinen,

Zu geniessen und zu freuen sich,
Und dein nicht zu achten,
Wie ich!

Да, здѣсь, на этихъ страницахъ, мы создаемъ людей по образу своему, людей, намъ подобныхъ, страдающихъ, плачущихъ, наслаждающихся, радующихся и васъ не уважающихъ, какъ мы. Я очень хорошо знаю, что по послѣднему пункту вы платите намъ подобной же монетой, только другого чекана. и склонны презирать нашего брата, какъ людей, болѣе или менѣе даровитыхъ, но легкомысленныхъ и идущихъ въ походъ съ недостаточнымъ багажемъ. Не вы лично, конечно—васъ я не имѣю чести знать. Вы лично представляетесь мнѣ чѣмъ-то въ родѣ милорда Георга англійскаго, объ которомъ мнѣ извѣстно только, что онъ — герой лубочной сказки, никогда, однако не попадавшей мнѣ въ руки. Относительно васъ мнѣ извѣстно только, что вы недавно опубликовали обвинительный актъ противъ своего товарища, профессора Посникова, первоначально въ «Запискахъ новороссійскаго университета», а затѣмъ и отдѣльной брошюрой. Припоминаю еще, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь, въ Харьковѣ былъ изданъ переводъ одного сочиненія Бэна, сдѣланный нѣкіимъ Цитовичемъ, но вамъ ли принадлежитъ этотъ изъ рукъ вонъ плохой переводъ—не знаю. Охотно вѣрю, что ваши подвиги въ области науки не уступаютъ ни количествомъ, ни качествомъ тѣмъ подвигамъ, которые, по всей вѣроятности, совершаетъ въ лубочной сказкѣ милордъ Георгъ англійскій, но ни тѣ. ни другіе мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, догадываюсь, что вамъ приличествуетъ титулъ не менѣе громкій, звучный и важный, чѣмъ милорду Георгу англійскому.

Итакъ, милордъ, оставляя васъ лично въ сторонѣ, я говорю, что ваше сословіе склонно нѣсколько презирать нашего брата. Законно или незаконно это презрѣніе, но оно не мѣшаетъ существовать тому несомнѣнному факту, что люди, духовной жаждой томимые, прибѣгаютъ къ намъ, а не къ вамъ. Надѣюсь, вы не можете отрицать этотъ общеизвѣстный фактъ, но не знаю вдумывались ли вы въ его причины и слѣдствія и во все его значеніе. Казалось бы, кому, какъ не вамъ, носящимъ мундиръ и вооруженіе науки, быть руководителями духовной жаждою томимыхъ? Кому, какъ не вамъ, занимать умы и сердца и приковывать къ себѣ вниманіе всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ правды, всѣхъ трудящихся надъ разрѣшеніемъ многоразличныхъ задачъ жизни, всѣхъ, обремененныхъ ея вопросами? И однако, этого нѣтъ. Конечно, положеніе, занимаемое русскою наукою, вытекаетъ изъ общаго положенія дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, но, за всѣмъ тѣмъ исторія заправской, академической, школьной, патентованной русской науки не имѣетъ ничего общаго съ исторіей русскаго общества. Наоборотъ, съ послѣднею самымъ тѣснымъ образомъ связана исторія русской журналистики. Будущій

исторіямъ нашего времени, боюсь, не помянетъ ни единымъ, ни добрымъ, ни худымъ словомъ, какъ васъ лично, такъ и огромное большинство вашихъ собратовъ, но навѣрное не обойдетъ журналистики. Точно также и нынѣ, мы имѣемъ своихъ не личныхъ друзей и враговъ, а вы ихъ не имѣете. Мы создаемъ людей по образу и подобію своему, а вы—нѣтъ. Насъ читаютъ для поученія, васъ слушаютъ для окончанія курса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Харьковѣ защищалъ диссертацію на степень магистра или доктора молодой ученый, нынѣ благополучно профессорствующій на каѳедрѣ одного изъ многочисленныхъ «правъ». Диссертація была весьма плоха, и одинъ изъ оппонентовъ (кажется, даже оффиціальныхъ) замѣтилъ, между прочимъ, что, дескать, литература и безъ того уже постоянно попрекаетъ университеты пропускомъ и увѣнчаніемъ плохихъ диссертацій. На это молодой, но уже достаточно наглый ученый возразилъ: «Мнѣ, Иванъ Иванычъ (или какъ тамъ), вашей почтенной коллегіи мнѣніе дорого, а до литературы»... И молодой, но уже достаточно наглый ученый махнулъ рукой въ знакъ полнаго презрѣнія къ литературѣ. Слова эти не прошли однако даромъ диспутанту: онъ былъ немедленно ошиканъ публикой. Это натурально. Среди публики, по всей вѣроятности, было не мало людей, чья нравственная и умственная физіономія слагалась или сложилась подъ вліяніемъ литературы, но навѣрное не было ни одного, испытавшаго на себѣ хотя бы въ приблизительно равной мѣрѣ вліяніе академической науки.

Все это къ тому, милордъ Георгъ, что представители русской науки, очевидно, не исполняютъ своихъ прямыхъ обязанностей, если томимые духовной жаждой устремляются къ другимъ источникамъ. Вы можете скорбѣть объ этомъ (я искренно готовъ раздѣлить вашу скорбь), но фактъ остается фактомъ, и наша скорбь не шелохнетъ его. А скорбѣть есть о чемъ. Пожалуйста, не думайте, что вы имѣете дѣло съ пламеннымъ патріотомъ своего профессіональнаго отечества, который, видя сучекъ въ глазу дальняго своего, не видитъ бревна въ глазу ближняго. У меня ближнихъ въ литературѣ, къ большому моему горю, мало. Я очень хорошо знаю, чего не достаетъ большинству моихъ собратовъ по профессіи и до какихъ страшныхъ размѣровъ доходитъ этотъ минусъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ журналистики. Но теперь не объ нихъ рѣчь, и если они не хороши, то тѣмъ паче не хороши вы, имѣющіе возможность властно, въ силу науки, вмѣшаться въ наши отношенія къ обществу и все таки не могущіе, не желающіе или не умѣющіе вмѣшаться. Да, въ журналистикѣ можно наткнуться на страшную дикость и невѣжество. Но чего же вы смотрите? Почему мечъ науки ржавѣетъ въ вашихъ ножнахъ и не разитъ кого слѣдуетъ?

Если вы укажете мнѣ кое какихъ представителей академической науки, часто фигурирующихъ на страницахъ журналовъ и газетъ, то я вамъ скажу... Я не хочу никого обижать, но согла-

сятесь сами, что О. Ѳ. Миллеръ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ его ума и особенно сердца, есть мизинецъ; почти такой же маленькій, безпомощный и неумѣлый мизинецъ, какъ какой нибудь г. Гайдебуровъ. Пожалуй, вы можете указать даже настоящихъ людей даже изъ среды академической науки—профессоровъ, подвизающихся на поприщѣ городскаго самоуправленія, обрусенія окраинъ, финансовыхъ предпріятій и проч. А одинъ изъ этой «стаи славной» даже устрояетъ финансы освобожденной Болгаріи. Но дѣянія этихъ профессоровъ-дѣльцовъ давно уже ждутъ своего лѣтописца, и, можетъ быть, я вскорѣ осмѣлюсь отчасти приподнять завѣсу, скрывающую отъ публики ихъ дѣятельность [1]. Ими, во всякомъ случаѣ, русской наукѣ гордиться не приходится, и ужъ, конечно, не къ нимъ прибѣгнетъ живая душа, ищущая отвѣто́въ на вопросы жизни.

И такъ, милордъ, допуская даже полную законность презрѣнія ученыхъ людей къ нашему брату, журналисту, мы этимъ весьма мало возвеличимъ ваше сословіе. Напротивъ, если мы, не навыкшіе къ строго научной работѣ, страдаемъ по части логики и знаній, то тѣмъ обязательнѣе было бы для людей ученыхъ вырвать у насъ ту живую жатву, которую мы пожинаемъ передъ самымъ, такъ сказать, вашимъ носомъ. Недавно русскіе ученые всполошились было по поводу спиритическаго бѣснованія и раздѣлились на два лагеря, мужественно ломавшіе другъ съ другомъ копья. И за то, конечно, спасибо, но замѣтьте, что, кромѣ небольшой сравнительно кучки бѣсноватыхъ, преимущественно аристократическихъ, вопросъ мало кого интересовалъ, да и то вѣдь не былъ приведенъ къ благополучному концу: гг. Бутлеровъ, Вагнеръ остались при своемъ, а гг. Менделѣевъ, Шкляревскій—при своемъ. Что же касается болѣе сильныхъ, глубокихъ и свѣжихъ теченій нашей общественной жизни, то, чтобы не трогать настоящей минуты, потрудитесь припомнить, напримѣръ, наши увлеченія временъ Писарева. Кто удовлетворялъ тогда духовную жажду живыхъ душъ? Талантливый молодой человѣкъ, почти мальчикъ, историко-филологъ по образованію, промѣнявшій свою спеціальность на журнальную дѣятельность, литературную критику и пропаганду — популяризацію естествознанія, самъ набиравшійся знаній среди журнальной работы. За нимъ шли другіе, помельче. Сдѣлало ли ваше сословіе хоть что́-нибудь для усиленія или предотвращенія этого увлеченія, вообще какого бы то ни было регулированія его въ какомъ бы то ни было смыслѣ, положительномъ, или отрицательномъ? Ровно ничего. Мы должны были выкарабкиваться собственными силами, безъ малѣйшей помощи ученыхъ людей, ломать себѣ на ихъ глазахъ шеи, падать и опять карабкаться. Слѣдовательно,

---

[1] Прошу людей, интересующихся дѣломъ, доставлять мнѣ соотвѣтственные матеріалы и свѣдѣнія.

Ich dich ehren? Wofür?

Можетъ быть, вы скажете, что представители русской науки намѣренно уединяютъ себя отъ треволненій текущей жизни, дабы спокойно, въ тиши своихъ кабинетовъ, предаваться разработкѣ чистой науки, предоставляя всѣмъ и каждому заимствовать у нихъ что̀ кому нужно. Плохая это доктрина, милордъ, плохая и въ нравственномъ, и въ логическомъ смыслѣ. Но если она очень даже превосходна, то гдѣ же плоды вашихъ уединенныхъ трудовъ? Простите откровенность бѣднаго человѣка, но я ихъ не вижу, за весьма малыми исключеніями. Правда, иногда говорятъ о «молодой неокрѣпшей русской наукѣ», съ которой, дескать, нельзя много требовать. Надѣюсь, вы понимаете однако, что это—чистый вздоръ. Еслибы русская наука росла на необитаемомъ островѣ, отъ вѣка отрѣзанномъ отъ цѣлаго міра, тогда, можетъ быть, она имѣла бы право на мало почетный титулъ молодой и неокрѣпшей. Но русская наука можетъ, а слѣдовательно и должна быть богата всѣмъ громаднымъ богатствомъ европейской науки. Если нетолько, какъ говорятъ нѣмцы, epochemachende изслѣдованія и открытія, но и второстепенныя и первостепенныя научныя работы, имѣющія, однако, извѣстное значеніе, производятся европейцами, а не русскими, то въ этомъ виноваты личныя свойства членовъ вашего сословія, а совсѣмъ не фантастическая молодость русской науки. И, конечно, эти личныя свойства—не изъ тѣхъ, которыя способны возбуждать уваженіе къ ихъ обладателямъ. Это, въ лучшемъ случаѣ, лѣнь и чисто формальное, безучастное отношеніе къ своему дѣлу. Замѣтьте: въ лучшемъ случаѣ. Можетъ быть и гораздо хуже. Представители науки могутъ отклоняться отъ своего прямого дѣла въ сторону банковыхъ и биржевыхъ операцій, интригъ, взаимныхъ подсиживаній и разной другой мерзости.

Впрочемъ, милордъ, если я готовъ выдать вамъ головой подавляющее большинство своихъ собратовъ по профессіи, то и вы, кажется, не станете защищать своихъ товарищей quand-même. По крайней мѣрѣ, относительно своего ближайшаго товарища, профессора новороссійскаго же университета Посникова, вы являете образчикъ, повидимому, полнѣйшаго въ этомъ отношеніи безпристрастія въ статьѣ-брошюрѣ «Новые пріемы защиты общиннаго землевладѣнія». Это-то безпристрастіе и служитъ ближайшимъ поводомъ настоящаго моего письма къ вамъ.

Позвольте прежде всего сдѣлать одно замѣчаніе: вы не остроумны, очень неостроумны. Въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды—не всѣмъ же быть остроумнымъ; остроуміе есть очень пріятный пряный соусъ, безъ котораго можно, однако, обойтись, если только есть что̀ подавать подъ этимъ соусомъ. Но ваша бѣда состоитъ въ томъ, что вы, при природномъ недостаткѣ остроумія, за который вы ни передъ кѣмъ не отвѣтственны, пытаетесь острить. Лучше бы вамъ предоставить остроуміе и иронію другимъ. Это—совѣтъ... дружескій совѣтъ, сказалъ бы я, еслибы не

знал, что вы так же мало склонны принять мою дружбу, как я ее предложить вам. Вѣрнѣе, поэтому, будет сказать, что я просто, въ качествѣ читателя, не лишеннаго нѣкотораго эстетическаго вкуса, рекомендую вамъ воздержаться отъ пріемовъ изложенія, вамъ не свойственныхъ.

Впрочемъ, если хорошее изложеніе—хорошо, а дурное—дурно, то это, все-таки—вопросъ второстепенный. Будемъ смотрѣть въ корень вещей.

Странное впечатлѣніе производитъ ваша критика сочиненія г. Посникова. Уже то странно или, по крайней мѣрѣ, непривычно, что одинъ ученый критикуетъ другого ученаго съ такою язвительностью и озлобленіемъ. Мы привыкли совсѣмъ къ инымъ отношеніямъ въ средѣ ученыхъ людей. Изрѣдка, и то въ видѣ болѣе или менѣе темныхъ слуховъ, доносятся до насъ свѣдѣнія объ интригахъ и взаимныхъ подсиживаніяхъ, практикуемыхъ священнослужителями одного и того же придѣла храма науки. Но снаружи все чинно, все тишь, гладь и божья благодать; все взаимныя и любезнѣйшія производства въ санъ магистра и доктора. Публика даже совсѣмъ привыкла къ той мысли, что вы другъ друга покрываете, что среди васъ одинъ великодушнѣе другаго, и другой великодушнѣе одного. И вдругъ такое страстное безпристрастіе! А страстное безпристрастіе и само-по себѣ—любопытная вещь.

Профессоръ новороссійскаго университета получаетъ степень доктора за защиту диссертаціи «Общинное землевладѣніе». Защита (правда, не въ Одессѣ) проходитъ блистательно, до рѣдкости блистательно. А между тѣмъ, въ «Запискахъ новороссійскаго университета» появляется злѣйшая критика диссертаціи, клонящаяся къ совершенному разгромленію только-что увѣнчаннаго труда. Критику эту пишете вы, товарищъ г. Посникова, вѣроятно, очень часто сталкивающійся съ нимъ въ коридорахъ и аудиторіяхъ университета. Лежащая передо мною брошюра помѣчена извѣстною надписью: «Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго университета. Ректоръ Н. А. Головкинскій». Что за удивительное, благороднѣйшее безпристрастіе! Но ваше личное безпристрастіе идетъ еще далѣе. Вы торопитесь заявить: «Авторъ настоящей статьи напередъ протестуетъ противъ зачисленія его въ ряды сторонниковъ или противниковъ общиннаго землевладѣнія; говорить въ извѣстномъ вопросѣ за или противъ того, что говорятъ другіе, еще не значитъ говорить за или противъ самого предмета вопроса». И вы остаетесь вѣрны этому заявленію: оставляете «предметъ вопроса» совершенно въ сторонѣ и на протяженіи трехъ слишкомъ печатныхъ листовъ только шпигуете г. Посникова. Опять-таки удивительное и благороднѣйшее безпристрастіе. Столь удивительное и благороднѣйшее, что намъ, простымъ смертнымъ, и не понять его. Мы можемъ, въ своей неученой слѣпотѣ, даже заподозрить благородство такого безпристрастія. Намъ можетъ придти въ

голову такое соображенie: какъ это такъ на цѣлыхъ трехъ печатныхъ листахъ держать «предметъ вопроса» подъ спудомъ и все свое остроумie, и всю свою ученость направлять на личность автора разбираемаго сочиненiя? до чего нужно изломаться и извратить въ себѣ самыя простыя требованiя приличiя и здраваго смысла, чтобы благополучно совершить такой фокусъ? Много говорятъ о неблаговидности полемическихъ прiемовъ, часто практикуемыхъ журналистами, и говорятъ иногда совершенно справедливо, но ничего подобнаго вашимъ прiемамъ я не помню. Бываетъ такъ, что иной газетчикъ, вмѣсто разговора о «предметѣ вопроса», наговоритъ сплетенъ, наберетъ нападокъ на шрифтъ и опечатки и т. п.—но не на трехъ же печатныхъ листахъ! Если къ этому объему статьи прибавить придирчивость, съ которою вы цѣпляетесь даже за отдѣльныя фразы и слова г. Посникова, язвительность, съ которою стараетесь острить на его счетъ, и старательность, съ которою вы провѣряли его цитаты—то получится въ высшей степени страстное безпристрастiе, весьма рѣдко встрѣчающееся въ природѣ. Чтò же такъ задѣло васъ? Очевидно, не «предметъ вопроса», потому что въ такомъ случаѣ вы не обнаружили бы такой холодности къ нему и не ухитрились бы промолчать объ немъ, вертясь около него столько времени. Задѣли васъ, надо думать, высшiе, общiе интересы науки и ея достоинство, поруганное г. Посниковымъ.

О, безъ сомнѣнiя такъ! Вы—поклонникъ чистой, дѣвственной науки и не могли стерпѣть оскорбленiя, нанесеннаго этой прекрасной дѣвѣ г. Посниковымъ. Оскорбленiе кровное, ибо, если вѣрить вамъ, г. Посниковъ: «а) не понимаетъ смысла вопроса и не знаетъ его литературы, а желаетъ лишь сочувствовать вопросу; b) *научно* незнакомъ съ политической экономiей, а между тѣмъ взялся рѣшать вопросъ въ экономическомъ смыслѣ». Но этого мало. Васъ въ особенности возмущаютъ тѣ «прiемы, при помощи которыхъ авторъ успѣлъ составить свое «общинное землевладѣнiе» въ двухъ выпускахъ (около 25 печатныхъ листовъ), не вложивши туда никакой мысли, никакого серьёзнаго содержанiя. И, при всемъ томъ, онъ сумѣлъ придать своему произведенiю такой внѣшнiй видъ, что оно можетъ вводить въ заблужденiе даже такихъ серьёзныхъ людей, какъ напр. профес. Кавелинъ или князь Васильчиковъ». Эти коварные прiемы состоятъ, по вашему объясненiю, въ пользованiи неавторитетными источниками, въ заимствованiи цитатъ изъ вторыхъ рукъ и въ умолчанiи о такомъ заимствованiи. Таково резюмè вашей ученой критики.

Замѣчу мимоходомъ, что, несмотря на весь свой ученый апломбъ, граничащiй даже съ наглостью, вы немножко отстали. Вы еще считаете князя Васильчикова «серьёзнымъ» человѣкомъ и признаете за нимъ авторитетъ, тогда какъ гг. Герье и Чичеринъ соединенными силами доказали, что это—ничтожнѣйшiй изъ писателей, ничего ни въ чемъ не смыслящiй. Обработали

они бѣднаго князя даже много старательнѣе и язвительнѣе, чѣмъ вы г. Посникова. Это вамъ—урокъ, милордъ: не пейте изъ колодца, наплевать придется, и, для пущей ученой важности, не ссылайтесь ни на одинъ, еще невполнѣ признанный авторитетъ.

Какъ бы то ни было, но обвиненія, выставленныя вами противъ г. Посникова, очень тяжелы. Принимая въ соображеніе вашъ апломбъ и очевидную старательность, съ которою вы рылись въ книжкахъ для уличенія г. Посникова въ неправильныхъ цитатахъ, вамъ, можетъ быть, повѣрятъ. Я бы и самъ, чего добраго, повѣрилъ, еслибы мнѣ не пришла въ голову слѣдующая скептическая мысль. Вы уличаете г. Посникова, между прочимъ, въ томъ, что онъ «не понимаетъ смысла вопроса», и въ то же время сознательно, намѣренно оставляете «предметъ вопроса» подъ спудомъ. Тутъ что-нибудь да не такъ, подумалъ я въ своей неученой слѣпотѣ и сталъ попристальнѣе перечитывать вашъ обвинительный актъ, сличая его мѣстами съ данными судебнаго слѣдствія, то есть съ указываемыми вами страницами труда г. Посникова. Результатъ получился совершенно неожиданный и, прямо сказать, для васъ, милордъ Георгъ англійскій, герой лубочной сказки, не лестный.

Значительную долю своего остроумія (еслибы вы только могли догадываться, до какой степени обдѣлила васъ природа даромъ остроумія!) вы тратите на уличеніе своей жертвы въ пользованіи десятью нѣмецкими брошюрами таксаторско-межеваго содержанія. Вы придаете этому обстоятельству громадную важность. Вы перечисляете всѣ эти брошюры, разсказываете ихъ содержаніе, разсказываете какъ и гдѣ онѣ продаются и покупаются, кто ихъ писалъ и почему писалъ.

Вполнѣ презирая десятокъ несчастныхъ брошюръ, вы, однако, не безъ самодовольства замѣчаете, что, дескать, «едва ли кто въ Россіи, кромѣ насъ съ г. Посниковымъ, окажется счастливымъ обладателемъ этихъ летучихъ произведеній по таксаторско-межевой части». Изъ-за чего же столько усердія, язвительности и ярости? Изъ-за того, что г. Посниковъ заимствуетъ свѣдѣнія изъ несчастныхъ брошюръ разныхъ нѣмецкихъ «совѣтниковъ» Клауса, Браунварта, Лёбе, Шенка и проч. Тяжкое преступленіе! Но оно отягчается еще тѣмъ, что, если вамъ вѣрить, г. Посниковъ негласно производитъ почтенныхъ нѣмецкихъ совѣтниковъ въ санъ научныхъ авторитетовъ по предмету политической экономіи, приписывая имъ при этомъ защиту общиннаго землевладѣнія, и вдобавокъ обираетъ ихъ, выдаетъ ихъ мысли и слова за свои собственныя. Да, если вамъ вѣрить, то г. Посниковъ поступаетъ до послѣдней степени неблаговидно. Только по одному пункту нѣмецкихъ совѣтниковъ онъ оказывается фальсификаторомъ, своего рода фальшивымъ монетчикомъ и злостнымъ эксплуататоромъ чужихъ трудовъ. А кромѣ того, онъ вѣдь еще уличается въ совершенномъ невѣжествѣ, нагло выдаваемомъ за об-

ладаніе истиной! Нуженъ ли лучшій образчикъ патентованнаго ученаго, безусловно недостойнаго уваженія? Да, если вамъ вѣрить. Но я, признаться сказать, не повѣрилъ: необыкновенная страстность вашего безпристрастія слишкомъ подозрительна.

Замѣтьте, милордъ, что, испещряя свою критику ссылками на страницы труда г. Посникова и тѣмъ являя видъ чрезвычайной точности, вы, однако, не говорите точнымъ образомъ, гдѣ именно жертва вашего убійственнаго остроумія и эрудиціи выдаетъ Браунварта, Лёбе и проч. за авторитеты по предмету политической экономіи, и именно за авторитеты, защищающіе общинное землевладѣніе. Не потому вы этого не дѣлаете, что не хотите — вы бы, очевидно рады были г. Посникова въ порошокъ стереть—а потому, что не можете. Дѣло просто въ томъ, что, говоря о системахъ межеванія, г. Посниковъ цитируетъ «произведенія по таксаторско-межевой части». Иныхъ, достопочтенный герой лубочной сказки, онъ и не могъ, кажется, въ настоящемъ случаѣ, цитировать. Что же касается заимствованій у Браунварта, Вильгельми и проч., заимствованій, сдѣланныхъ будто бы чрезвычайно хитро и скрытно отъ читателей, то они состоятъ въ объясненіи плановъ, совершенно откровенно взятыхъ у Браунварта и проч. Полагаю, что, если бы г. Посниковъ взялъ у Браунварта планъ, а объясненіе къ нему написалъ бы самъ, то отъ этого наука выиграла бы весьма мало.

Въ качествѣ профана, милордъ, я не могъ бы огорчаться поведеніемъ г. Посникова относительно цитатъ даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ ваши обвиненія были безусловно справедливы. Съ нашей профанской точки зрѣнія, неособенно важно: заимствуетъ ли писатель свѣдѣнія изъ первыхъ или изъ вторыхъ рукъ, если только онъ достаточно увѣренъ въ подлинности свѣдѣній. Но, полагаю, и съ профанской, и съ ученой, и со всякой другой точки зрѣнія, напримѣръ, стр. 39-я вашей критики совершенно излишня. На этой страницѣ (на цѣлой страницѣ!) вы доказываете, что г. Посниковъ не знаетъ подлиннаго сочиненія Waolrich'а, которое цитуетъ, и знакомъ съ нимъ только по книжкѣ Макдонелля. Вы съ обычнымъ тонкимъ остроуміемъ замѣчаете при этомъ, что о книжкѣ Макдонелля «едва ли кто знаетъ въ Россіи, кромѣ насъ съ г. Посниковымъ и еще одного третьяго, которому здѣсь и приносится искренняя благодарность за указаніе». Но зачѣмъ же вы тратите столько ироніи, эрудиціи и намековъ тонкихъ на то, чего не вѣдаетъ никто, когда г. Посниковъ прямо указываетъ источникъ, откуда онъ взялъ эту цитату?! Никакой «одинъ третій» не выведетъ васъ, я полагаю, изъ того комическаго положенія, въ которое вы становитесь, пространно уличая человѣка въ томъ, что онъ и не думаетъ скрывать. Одинъ четвертый, прочитавъ вашу стр. 39, спросилъ: «зачѣмъ это Цитовичъ такъ бѣшено стучится въ отворенную дверь?» А одинъ пятый выразился по этому поводу на счетъ вашего лордства съ такою рѣзкостью, что я не посмѣю оскор-

бить ваш слухъ его словами. Онъ васъ... Онъ васъ очень не похвалилъ; не могу и я, къ сожалѣнію, похвалить...

Такъ какъ я пишу вамъ откровенное письмо, а далеко не всѣмъ читателямъ извѣстна ваша митральёза, то позвольте мнѣ привести хоть одинъ образчикъ вашихъ учено-сатирическихъ выстрѣловъ. На стр. 35 вы пишете: «Бралось (г. Посниковымъ) все, чтò попадалось подъ руки и на глаза. Подвернулось «Обычное Право» профессора Пахмана—«крайне интересный трудъ» — въ цитату его 106); попался «Опытъ профессора Янсона»—превосходное изслѣдованіе»—въ плѣнъ его 107); докладъ «Московскаго Общества» сельскаго хозяйства и подавно пригоденъ—въ цитату и его 108), хотя «идилическій» 109) вопросъ о хуторахъ собственно внѣ сферы общиннаго землевладѣнія; встрѣтился г. Перетяшковичъ съ Поволжьемъ въ XV и XVI вѣкахъ — и его въ плѣнъ 110). Какой-то военный писарь канцеляріи генералъ-адъютанта Крыжановскаго обронилъ бумагу за № 1291 по Главному Управленію иррегулярныхъ войскъ, Отдѣленіе II, Столъ 5; бумага говоритъ лишь о скотоводствѣ и рыболовствѣ уральскихъ казаковъ—она составила длинную цитату и притомъ цитату изъ первыхъ рукъ 111)» и т. д.

Теперь, когда вы излили по крайней мѣрѣ, хоть часть своей желчи на бумагу, вы, можетъ быть, въ состояніи разсуждать съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ. Ну и разсудите же сами, чтò вы такое написали? Зачѣмъ эти инсинуирующія подчеркиванія самыхъ обыкновенныхъ словъ и ссылокъ? «Одинъ третій», одинъ сотый и т. д.—читатель видитъ, что вы, дойдя только до 36 стр. своей критики, уже сто одинадцать разъ уличали въ чемъ-то г. Посникова, ибо сдѣлали сто одинадцать выписокъ въ свидѣтельство того, что на такой-то страницѣ г. Посниковъ совершилъ такое-то преступленіе. Какія же это преступленія? Вѣдь вы сами должны понимать, что трудъ г. Пахмана, въ самомъ дѣлѣ, «крайне интересенъ», что трудъ г. Янсона въ, самомъ дѣлѣ, «превосходное изслѣдованіе», что цитированіе ихъ въ сочиненіи объ общинномъ землевладѣніи вполнѣ натурально и даже неизбѣжно. А вы издѣваетесь! «Чего смѣешься? — надъ собой смѣешься!» Когда человѣкъ очень разсердится, тàкъ разсердится, что даже теряетъ способность отличать оскорбительное отъ неоскорбительнаго, онъ именно такъ и поступаетъ. Конечно, человѣкъ не самыхъ высшихъ сортовъ, потому что кто почище, тотъ и ведетъ себя почистоплотнѣе. Торговки рыночныя тàкъ бранятся. Одна, напримѣръ, скажетъ: «я огурцовъ на гривенникъ продала». Кажется, чего бы проще? даже и достопримѣчательнаго ничего

---

106) Выпускъ II, стр. 56, примѣч. 7.

107) Тамъ-же, стр. 74, примѣч. 7.

108) Тамъ-же стр. 169, примѣч. 1.

109) Тамъ-же, стр. 174, примѣч. 3.

110) Тамъ-же, стр. 177, примѣч. 1,

111) Тамъ-же, стр. 63—64, примѣч. 3.

нѣтъ. А неизвѣстно за что сердитая сосѣдка подхватываетъ: «продала! ишь ты! на гривенникъ продала! фу-ты, ну-ты! на гривенникъ огурцовъ продала!» Очень бы интересно было проникнуть: чѣмъ вы собственно, милордъ, торгуете? Я, кажется, впрочемъ, проникъ; но объ этомъ потомъ, а теперь еще два-три образчика вашей рыночной полемики.

Г. Посниковъ сообщаетъ, между прочимъ, свои собственныя наблюденія въ Англіи, сдѣланныя имъ при посѣщеніи фермъ. Мало того, что вы всѣ свои, далеко, впрочемъ, не геркулесовскія силы напрягаете для накидыванія тѣни на подлинность этихъ наблюденій, вы торопитесь еще ехидно вставить: «Посѣщеніе фермъ—занятіе не трудное, благодаря частымъ и быстрымъ поѣздамъ желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, и кромѣ того, занятіе пріятное, благодаря гостепріимству фэрмеровъ». Но г. Посниковъ и не выдаетъ своихъ посѣщеній за аскетическій подвигъ. А кромѣ того, вы хоть бы то сообразили: если посѣщеніе фермъ составляетъ не трудъ, а удовольствіе, то съ какой же стати заподозривать подлинность наблюденій г. Посникова? Отъ удовольствій вѣдь никто не прочь. Но «умъ со страстью не совмѣстимъ», какъ говоритъ кто то у Шекспира, и когда «вскипѣлъ Бульонъ, потекъ во храмъ», онъ не вполнѣ владѣлъ своимъ разсудкомъ. Обуреваемый слѣпою страстью своего безпристрастія, вы теряете всякую сообразительность и взводите на свою жертву обвиненія, или сами по себѣ нелѣпыя, или взаимно другъ друга пожирающія. Кому, кромѣ «вскипѣвшаго бульона» (простите, что пишу не съ прописной буквы: Готфридъ Бульонскій все таки, какъ слѣдуетъ, крестовый походъ отломалъ, ну, а вы маленько не дошли до святой земли), можетъ придти въ голову такое, напримѣръ, соображеніе: «если нашъ авторъ имѣлъ въ виду ознакомить крестьянъ съ нассауской и прусской системой размежеванія, то... Но, кромѣ того, его книга едва ли можетъ быть вполнѣ вразумительна для крестьянъ, такъ какъ свои «исподніе и нижніе гоны» онъ намѣтилъ буквами греческаго алфавита». При этомъ, вы опять съ торжествующимъ видомъ указываете страницы, на которыхъ г. Посниковъ совершилъ такое тяжкое преступленіе, какъ употребленіе буквъ греческаго алфавита въ сочиненіи, будто бы предназначенномъ для чтенія русскихъ крестьянъ.

Это—шутовство, милордъ, если вы позволите мнѣ откровенно высказать свое мнѣніе. А шутовство можетъ оказаться, смотря по вкусамъ и темпераментамъ присутствующей публики, либо смѣшнымъ, либо омерзительнымъ. Самому шуту не возбраняется, впрочемъ, свободно выбрать любую квалификацію...

Но шутовство шутовствомъ, а, главное, злобы-то противъ г. Посникова въ васъ очень много. До сихъ поръ у насъ шла рѣчь больше о томъ, какъ и какими цитатами пользуется г. Посниковъ. Изъ этой части обвинительнаго акта довольно трудно вывести заключеніе, что вашъ товарищъ по новороссійскому уни-

верситету (профессоръ, вѣроятно, политической экономіи), торжественно увѣнчанный въ московскомъ университетѣ, «незнакомъ съ политической экономіей» и «не понимаетъ смысла вопроса» объ общинномъ землевладѣніи. Оправдательныхъ документовъ къ этому заключенію надо искать въ другой части вашей критики. Эта часть для насъ, конечно, имѣетъ первостепенный интересъ, потому что, еслибы даже дѣйствительно вся работа г. Посникова была искажена мошенническимъ образомъ (c'est le mot, если вамъ вѣрить), но была бы хороша по существу, то мы все-таки были бы въ выигрышѣ. Но, увы! эта часть критики разработана съ несравненно мѣньшимъ стараніемъ, чѣмъ великій вопросъ о десяти брошюрахъ нѣмецкихъ совѣтниковъ. Оно и естественно, конечно, при твердомъ желаніи оставить «предметъ вопроса» въ сторонѣ.

Вы говорите, что изслѣдованіе отношеній общиннаго землевладѣнія къ слабому развитію городовъ и фабрикъ въ Россіи, а также связи вопроса объ общинѣ съ вопросомъ народонаселенія—было бы чрезвычайно важно, а г. Посниковъ его не даетъ. Совершенно справедливо. Я первый готовъ отъ души пожелать, чтобы эти важныя стороны вопроса объ общинѣ въ ближайшемъ будущемъ сосредоточили на себѣ вниманіе г. Посникова или другаго столь же добросовѣстнаго и хорошо подготовленнаго писателя. Но границы настоящаго труда г. Посникова обозначены имъ самимъ такъ точно и обстоятельно, что *я*, простите, не вижу никакого смысла въ вашемъ упрекѣ человѣку, который сознательно и добросовѣстно ограничилъ свое изслѣдованіе извѣстными сторонами предмета. Здѣсь еще нѣтъ, милордъ, ни невѣжества, ни «непониманія смысла вопроса».

Не менѣе—опять таки прошу прощенія—безсмысленны ваши нападки на употребленный г. Посниковымъ пріемъ сличенія нѣкоторыхъ сторонъ частной и общественной собственности. Вы находите, что это—пріемъ старый, несостоятельность котораго доказана скудостью результатовъ полемики конца пятидесятыхъ годовъ. Мимоходомъ сказать, величественно презирая эту полемику, вы протягиваете свои комариныя ножки совсѣмъ не по приличествующей вамъ скромной одежкѣ. Но это мимоходомъ. Главное же дѣло въ томъ, что вы не хотите или не умѣете понять задачу г. Посникова, несмотря на всю ясность ея постановки. Вѣрнѣе, я думаю, сказать: не хотите понять, потому дѣло-то ужь слишкомъ ясное.

Позвольте на этомъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Вы не хотите понять, потому что, повидимому, «предметъ вопроса», общинное землевладѣніе, интересуетъ васъ несравненно меньше, чѣмъ г. Посниковъ. Вы на него за что-то ужасно сердиты. За что? Отнюдь не за оскорбленіе высшихъ интересовъ науки, ибо г. Посниковъ ихъ не оскорблялъ. А затѣмъ остаются два мотива вашей сердитости: личный и, если можно такъ выразиться общественный. Первый очень простъ: зависть, какъ толчокъ, ин-

трига, какъ орудіе, устраненіе противника, какъ цѣль — вотъ, можетъ быть, исторія вашего похода. Я ничего не утверждаю, я только предполагаю и подъискиваю объясненіе вашему странному поведенію. Всѣ—люди, всѣ—человѣки, милордъ, и патентованные ученые люди, быть можетъ, менѣе простыхъ смертныхъ свободны отъ такихъ неблаговидныхъ вещей, какъ зависть и интрига. Гораздо интереснѣе другой возможный мотивъ.

Вы знаете, милордъ, что политическая экономія есть наука, далеко не установившаяся. Пожалуй, каждый считаетъ извѣстныя дѣйствительно научныя или якобы научныя положенія несомнѣнными. Но если такой ученый человѣкъ, какъ г. Чичеринъ, могъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1878, среди бѣла дня и на глазахъ у всѣхъ, уцѣпиться за Фридерика Бастіа, блаженной памяти, какъ за новѣйшій научный авторитетъ, то одно это показываетъ, какая анархія господствуетъ въ этой отрасли знанія. Не невозможно, что и г. Чичеринъ въ непродолжительномъ времени окажется въ чьихъ нибудь глазахъ новѣйшимъ авторитетомъ по предмету политической экономіи, и какой нибудь «одинъ третій» къ глупостямъ Бастіа, осложненнымъ глупостями г. Чичерина, прибавитъ еще новый слой собственныхъ глупостей. Ничего подобнаго съ науками установившимися случиться не можетъ. Въ нихъ Чичерины невозможны или, по крайней мѣрѣ, нисходятъ до роли того полуумнаго нѣмца (не помню его фамиліи), брошюры котораго «Земля неподвижна» и «Противорѣчія въ астрономіи» вамъ, вѣроятно, извѣстны. Неустановленность вашей науки зависитъ, между прочимъ, въ значительной степени отъ того, что она соприкасается съ самыми непосредственными житейскими интересами. Теоретическіе и практическіе экономическіе вопросы такъ тѣсно связаны, что разогнать ихъ въ разныя стороны представляется часто дѣломъ очень мудренымъ. И вотъ почему не только положенія, но самые термины экономической науки скользки и увертливы, какъ угри. Тѣмъ не менѣе, сквозь происходящій отсюда туманъ, можно очень явственно усмотрѣть, по крайней мѣрѣ, два способа группировки научныхъ фактовъ. Одному изъ нихъ очень давно посчастливилось проникнуть въ оффиціальный храмъ науки, другому—очень недавно, и то только отчасти. Пока дѣло идетъ о фактическомъ ростѣ и распредѣленіи «богатства народовъ», какъ у насъ несовсѣмъ правильно переводятъ заглавіе знаменитаго сочиненія Адама Смита, обѣ точки зрѣнія мало противорѣчатъ другъ другу. Но вотъ является предположеніе, быстро переходящее въ увѣренность, что ростъ «богатства народовъ», при настоящихъ условіяхъ, сопровождается абсолютнымъ или относительнымъ обѣдненіемъ рабочихъ массъ. Какъ фактъ, это признается умными и элементарно-добросовѣстными людьми всѣхъ партій. Но относящіеся сюда практическіе вопросы, а также неизбѣжное присутствіе людей глупыхъ и недобросовѣстныхъ, обращаютъ поле науки въ арену борьбы, отзвуки которой слышатся въ постановкѣ и разрѣшеніи даже самыхъ общихъ теоре-

тическихъ вопросовъ, каковъ вопросъ о цѣнности. Имѣя въ виду, что «богатство народовъ» не совпадаетъ съ благосостояніемъ непосредственныхъ производителей, необходимо опредѣлить: который изъ этихъ элементовъ долженъ быть поставленъ во главу угла зданія науки. Отсюда—двѣ главныя школы.

Вы, все-таки—не г. Чичеринъ, не самоувѣренный невѣжда, косящій направо и налѣво, не зная азбуки предмета. Вы, все-таки, слѣдите за литературой экономической науки. Вы, значитъ, знаете, что школа богатства народовъ, царившая когда-то на каѳедрахъ и въ книгахъ, все болѣе отступаетъ передъ своей противницей. Послѣдняя, напротивъ, поддерживается всѣмъ ходомъ историческаго теченія, проникла, наконецъ, даже туда, гдѣ обыкновенно всего позже появляется свѣтъ новой истины—въ академическую науку. Вы знаете, какъ далеко зашолъ этотъ оборотъ дѣла въ Германіи. Что касается нашего отечества, то въ немъ новое (теперь-то далеко уже не новое) направленіе научной мысли до послѣдняго времени имѣло сторонниковъ и глашатаевъ только въ журналистикѣ. И на этомъ, какъ на многихъ другихъ пунктахъ, журналистика оказалась много болѣе чуткою къ голосу истины и справедливости, чѣмъ ваше сословіе. Алчущіе и жаждущіе правды выслушивали старую, высохшую, какъ пожелтѣвшій осенній листъ, дребедень съ высоты каѳедры и находили живое слово на страницахъ журналовъ. Понятно, въ которую сторону ихъ влекло. Журналистика одна выносила на своихъ плечахъ задачу водворенія научной мысли въ Россіи. Вы скажете, что, тѣмъ не менѣе, журналистикѣ случалось и обнаруживать легкомысліе, и впадать въ ошибки. Я, пожалуй, уступлю вамъ это; но вѣрно то, что ваше сословіе ничѣмъ ей не помогало. Оно занималось даже не охраненіемъ рутины—это было бы, все-таки, лучше—а простымъ пережевываніемъ ея въ университетскихъ аудиторіяхъ и изрѣдка въ книгахъ.

Милордъ, этому порядку наступаетъ, къ счастію и къ чести русскаго ученаго сословія, конецъ. За послѣднее время объявилась маленькая кучка молодыхъ профессоровъ, болѣе или менѣе рѣшительно разорвавшихъ свое дѣло съ рутиной. Вы догадываетесь, что я говорю о гг. Чупровѣ, Зиберѣ, Янжулѣ, Посникові; можетъ быть, еще два-три найдутся, труды которыхъ заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что являются безъ всякой нелѣпой помпы «русской науки», оторванной отъ науки европейской. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку работъ названныхъ писателей, но несомнѣнно, что общая ихъ характеристическая черта—различеніе «богатства народовъ» и благосостоянія массъ—ставитъ ихъ особнякомъ въ русской учёной литературѣ. Направленію этому неизбѣжно предстоитъ крѣпнуть, развиваться, становиться опредѣленнѣе и рѣзче. Но это не даромъ дастся, не безъ борьбы. Далеко не всѣ встрѣтятъ новое научное направленіе съ распростертыми объятіями, и много явится желающихъ затормозить какъ ходъ исторіи вообще, такъ и ходъ развитія

науки въ частности. Вы понимаете, что, если извѣстное научное направленіе пробивается даже сквозь толстыя стѣны школьныхъ зданій, такъ это—не простая случайность. Не въ томъ дѣло, что Иванъ, Сидоръ, Карпъ и Егоръ, подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ своей личной жизни, усвоили себѣ извѣстный образъ мыслей. Нѣтъ, если вы потрудитесь окинуть своимъ прозорливымъ умственнымъ окомъ всю совокупность нашихъ русскихъ и европейскихъ дѣлъ, то увидите, что извѣстнаго рода вопросы настолько назрѣли, что сама жизнь выставляетъ новую ихъ постановку и новое рѣшеніе. Но новая постановка и новое рѣшеніе предполагаютъ существованіе старой постановки и стараго рѣшенія. Значитъ, борьба неизбѣжна Это фатально. Мы можемъ даже предвидѣть ближайшія формы борьбы. Да и чего тутъ предвидѣть, когда мы уже присутствуемъ при началѣ борьбы, когда вы сами, милордъ, въ полномъ облаченіи героя лубочной сказки, являетесь застрѣльщикомъ въ рядахъ одной изъ воюющихъ сторонъ.

Я очень радъ, что мнѣ попалось подъ руку это выраженіе «воюющая сторона». Дѣло, видите ли, въ томъ, что, пока направленіе (разумѣю общую характеристическую черту этого направленія), котораго придерживаются вышеупомянутые ученые, отстаивалось только извѣстною частью журналистики, рутинёры изъ вашего сословія гордо драпировались въ плащъ презрѣнія и величественно заграждали себѣ уста печатью молчанія. Такъ, въ видѣ монументовъ стояли. Журналистику они никоимъ образомъ не соглашались признать воюющей стороной и видѣли въ ней только нѣчто въ родѣ неорганизованной, необмундированной шайки разбойниковъ, связаться съ которою значитъ уронить честь мундира чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія. Положимъ, тутъ, можетъ быть, примѣшивался нѣкоторый страхъ передъ нашими привычными, такъ называемыми бойкими перьями и опасеніе нѣкоторыхъ непріятностей въ родѣ разсказаннаго выше эпизода харьковскаго диспута. Но не въ этомъ дѣло. Такихъ же, какъ и вы сами, патентованныхъ ученыхъ, а равно кое-кого изъ солидныхъ или слывущихъ солидными практиковъ, непричастныхъ спеціально ни наукѣ, ни журналистикѣ, вы должны признать воюющей стороной. И вотъ сигналъ поданъ, вы бросаетесь въ атаку.

Замѣчательно, что почти одновременно съ вашимъ разборомъ сочиненія г. Посникова появилась убійственная критика книги князя Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе», написанная гг. Герье и Чичеринымъ. Въ то же время, г. Чичеринъ побивалъ камнями современное направленіе экономической науки на гостепріимныхъ страницахъ «Сборника государственнаго невѣжества». Можете сюда же г. Ю. Жуковскаго пристегнуть, хотя и непатентованнаго, но совершенно какъ бы патентованнаго ученаго. Это—тоже не простая случайность; это—начало борьбы, за которымъ послѣдуетъ продолженіе, а потомъ, съ Божіей по-

мощью, и конецъ. Гг. Герье и Чичерину я буду имѣть честь писать особо. Но собственно г. Чичерина не могу обойти и здѣсь.

Возьмемъ хоть то же общинное землевладѣніе. Вы знаете, вѣроятно, лучше меня, кàкъ подкапывались и подкапываются подъ это учрежденіе съ чисто практическими цѣлями, а именно въ видахъ великодушнаго освобожденія мужика отъ земли и препровожденія его, «свободнаго какъ птица», по добровольному этапу, въ руки тѣхъ, кому нужны безземельные рабочіе. Несмотря на полную прозрачность этихъ практическихъ цѣлей, онѣ облекались извѣстнымъ историческимъ, политико-экономическимъ, политическимъ, вообще якобы научнымъ антуражемъ. Теперь изготовленіе этого научнаго соуса становится все затруднительнѣе. Выручавшая прежде ссылка на европейскіе авторитеты неудобна. Нетолько потому, что европейскіе ученые люди стали много больше прежняго оказывать вниманія именно общинѣ, но и потому, что весь обликъ европейской науки значительно измѣнился. Г. Чичеринъ не знаетъ, но вы знаете, что любой, мало-мальски порядочный нѣмецкій учебникъ или курсъ политической экономіи, любая, мало-мальски выдающаяся монографія имѣютъ нынѣ весьма мало общаго съ тѣмъ, что господствовало въ школьной наукѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Въ этомъ смыслѣ усилились рессурсы не противниковъ, а защитниковъ общиннаго землевладѣнія. Послѣдніе имѣютъ полное право утверждать, что они не отстали отъ поступательнаго движенія науки. А между тѣмъ, для извѣстнаго сорта практиковъ распущеніе общины представляется все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью. Кàкъ же быть? Очень просто: о волкѣ помолвка, а волкъ и тутъ. Можно просто найти наемныхъ писакъ, которые за извѣстное вознагражденіе станутъ фальсифицировать науку, подтасовывать факты, брать наглостью и мѣднымъ лбомъ. У насъ до наемныхъ писакъ еще, кажется, не дошло. Но, исполняя не выраженный заказъ практиковъ, являются ученые люди, связанные съ ними общностью воззрѣній, наклонностей, а отчасти и интересовъ, которые начинаютъ дѣйствовать. Кàкъ они дѣйствуютъ, кàкъ они могутъ дѣйствовать при настоящемъ положеніи вещей, тому мы имѣемъ прекрасные образчики въ вашей критикѣ и въ критикѣ г. Чичерина. Вы, безъ сомнѣнія—историческіе дѣятели. Васъ выставила та же исторія, та же жизнь, другая сторона которой выставила вашихъ противниковъ. Рутина, опирающаяся на практическіе интересы, не можетъ сдаться безъ бою. Она должна напречь всѣ свои силы, искать себѣ паладиновъ вездѣ, гдѣ борьба возможна, значитъ, и въ ученомъ мірѣ. Жребій палъ пока на васъ и на г. Чичерина. Вы—жертва исторіи, милордъ, задняго двора исторіи. Впрочемъ, г. Чичеринъ гордо проходитъ парадньмъ крыльцомъ. Но онъ—особь статья, и далеко не всякій обладаетъ такимъ мужествомъ, чтобы публично обнаруживать свое круглое невѣжество. Г. Чичерина задній дворъ исторіи выпустилъ на сцену именно въ качествѣ такого человѣка, который,

совершенно ничего не понимая въ политической экономіи, тѣмъ самымъ окрыляется къ побѣдамъ. А это, все-таки, имѣетъ свою цѣну. Изволь тутъ еще разбирать, что, обладая въ такой-то отрасли человѣческаго вѣдѣнія значительными знаніями, Z совершенно не знакомъ съ такою-то. На виду у всѣхъ и всѣмъ понятенъ тотъ фактъ, что г. Чичеринъ, несомнѣнно, ученый человѣкъ, при помощи старичка Бастіа (которому, вѣдь, монументъ гдѣ-то воздвигнутъ), такъ расправился съ разными мудрецами, что отъ нихъ только мокренько осталось. Это «духу придаетъ». При случаѣ, можно ссылку сдѣлать: извѣстный нашъ ученый, г. Чичеринъ, подробно разсмотрѣлъ и доказалъ и проч. Вашъ пріемъ тоже очень хорошъ, но онъ—другого сорта. Вы понимаете, что пушечнаго жерла шляпой не заткнешь, а потому и не трогаете самой пушки. Вы оставляете «предметъ вопроса» подъ спудомъ и только изо всѣхъ силъ стараетесь облить помоями г. Посникова. Чрезвычайно цѣлесообразный пріемъ въ томъ отношеніи, что въ читателѣ можетъ родиться такое соображеніе: эге! вотъ они каковы защитники общины и новаго слова въ наукѣ! И далеко не всякій сообразитъ, что, еслибы г. Посниковъ былъ вами фотографически вѣрно изображенъ, то это нимало не компрометируетъ научной точки зрѣнія, на которую онъ всталъ. Точно такъ же, какъ наука вообще ни мало не компрометируется вашимъ, служителя науки, зазорнымъ поведеніемъ. Хорошъ пріемъ, что и говорить, но, все таки, не всѣмъ онъ можетъ нравиться. Главная ваша бѣда въ томъ, что вы пересолили, обнаружили черезчуръ уже много страстности въ полемикѣ. Это выдаетъ заднюю мысль.

Вы находите, что пріемъ сличенія выгодъ и невыгодъ частной и общинной собственности старъ и несостоятеленъ. Но, герой лубочной сказки, какъ же быть, если со всѣхъ сторонъ раздаются проэкты замѣны общинной собственности частною? Нужно или не нужно говорить о преимуществахъ той или другой?

Вы утверждаете, что разсматриваемые г. Посниковымъ вопросы о срочныхъ передѣлахъ, о принудительной обработкѣ, чрезполосицѣ и дробимости земли, за исключеніемъ перваго, не имѣютъ прямой связи съ вопросомъ объ общинѣ. Но, величайшій изъ героевъ лубочныхъ сказокъ, развѣ не это именно доказываетъ г. Посниковъ? Это называется: моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ, да еще съ попреками.

Вы утверждаете, что г. Посниковъ переноситъ огуломъ всю аргументацію англійскаго поземельнаго вопроса въ разрѣшеніе вопросовъ о русской общинѣ. Это, просто—неправда, милордъ. Въ книгѣ г. Посникова ничего подобнаго нѣтъ, и самое примѣненіе линкольнширскаго tenant right, надъ которымъ вы такъ глумитесь, сводится на простое вознагражденіе при передѣлахъ за приложенное къ землѣ удобреніе, въ чемъ ничего особеннаго утопическаго усмотрѣть нельзя, тѣмъ болѣе, что и теперь уже

извѣстны случаи, когда крестьяне отличаютъ, при передѣлахъ, хорошо удобренную землю отъ неудобренной.

Вы очень сердиты, милордъ, сердитѣе, чѣмъ вамъ позволяетъ ваша духовная комплекція. Особенно сердитесь вы за нѣсколько неодобрительныхъ словъ, сказанныхъ г. Посниковымъ о такъ называемыхъ экономистахъ и *ихъ* наукѣ. Но ни на одно возраженіе у васъ пороху не хватило или вы его не посмѣли сдѣлать. Вы ограничились ироніей, и я напомню вамъ эту достопамятную въ лѣтописяхъ сатиры и ироніи ѣдкую остроту. Вы говорите: «Очевидно, что нашъ авторъ разумѣетъ и себя подъ тѣмъ «всякимъ», «кто возвысился надъ узкой точкой частныхъ интересовъ», «кто понимаетъ» и т. д. Вѣроятно, въ доказательство такой возвышенности, принципъ раздѣленія труда онъ стравилъ свиньями, подсвинками и поросятами, которымъ на этотъ разъ не помѣшало то «энергическое средство», какое указано имъ же самимъ — продергиваніе въ ноздри проволочныхъ колецъ». Въ примѣчаніи вы поясняете, что «преувеличенія здѣсь нѣтъ никакого», и приводите подлинное мѣсто изъ книги г. Посникова. При этомъ оказывается, однако, что дѣло идетъ совсѣмъ не о раздѣленіи труда, а о способахъ пастьбы и потравахъ. Поводомъ же къ остроумному увѣренію, что г. Посниковъ «стравилъ принципъ раздѣленія труда свиньями», послужила собственно фраза, которою начинается это мѣсто: «въ тѣхъ, пока относительно счастливыхъ селеніяхъ, на которыхъ не распространилось еще дѣйствіе пресловутаго раздѣленія труда, въ селеніяхъ, гдѣ крестьяне удовлетворяютъ своимъ главнѣйшимъ потребностямъ продуктами домашняго изготовленія—принято держать, для пропитанія семьи, въ числѣ прочаго скота и свиней» и т. д. Далѣе идетъ описаніе способовъ пастьбы.

Такъ не возражаютъ, остроумный милордъ, такъ говорятъ неправду, глупости и пустяки. И если издыхающая форма науки не можетъ выставить иныхъ, лучшихъ способовъ самозащиты, такъ, значитъ, торжество правды близко. Подумайте объ этомъ въ часы досуга. Отъ васъ лично, отъ вашего сословія вообще, будетъ зависѣть ваша собственная судьба при этомъ торжествѣ. Припомните оваціи, которыми сопровождался диспутъ г. Посникова. Это былъ залогъ сближенія между наукой и жизнью, залогъ того, что мы, уважающіе науку, горячо желаемъ уважать ея представителей. А пока —

Hier sitz' ich, forme Menschen nach meinem Bilde,
Ein Geschlecht, das mir gleich sei,
Zu leiden, zu weinen,
Zu geniessen und zu freu'en sich
Und dein nicht zu achten,
Wie ich!

Н. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1878 г.

(По общей нумераціи тома CCXXXIV).

Май № 5.

Іюнь № 6.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Май № 5.

Іюнь № 6.

1-го іюня вышла и разослана подписчикамъ VI-я, іюньская, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. Очерки, разсказы и воспоминанія: Глава I. **Ссыльно-каторжные въ Восточной Сибири.** — II. **Цесаревичъ Константинъ Павловичъ** въ Вержбѣ, 21-го ноября 1830 г., разсказъ Іоахима Лелевеля. — III. **Андрей Николаевичъ Карамзинъ** въ дѣлѣ 16-го мая 1854 г.—IV. **Воспоминанія доктора А. Генрици** о Восточной войнѣ, 1854—1855 гг. (окончаніе).—V. **Георгій Новицкій**, біографическій очеркъ.—VI. **Къ исторіи заселенія Западнаго Кавказа**, 1861 — 1863 гг. Сообщ. М. И. Венюковъ.— VII. **Разсказы, замѣтки, преданія:** 1) Зоричъ, Пассекъ и Потемкинъ въ 1788—1789 гг.—2) Княгиня М. Н. Волконская, рожд. Раевская.—3) Кюхельбекеръ.—4) Стихъ о раззореніи раскольничьихъ скитовъ и проч.—VIII. **О Царѣ Горохѣ.** Подарокъ ученымъ на 1834-й годъ: когда царствовалъ царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ и какъ царь Горохъ перешелъ, въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства — шутка-сатира К. Н. Лебедева. Сообщ. Д. Ѳ. Кобеко. —IX. Библіографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ князя **Василія Долгорукаго**, казненнаго въ Новгородѣ, въ 1739-мъ году, гравировалъ въ Парижѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ. II. **Снимокъ** съ собственноручно-написаннаго стихотворенія **И. А. Крылова.**

ПРИ ЭТОЙ КНИГѢ РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

портретъ **Н. В. Гоголя**

отпечатанъ въ Парижѣ, у Лемерсье, красками, снимокъ съ портрета, писаннаго въ 1841 г. А. А. Ивановымъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

Въ *С.-Петербургѣ безъ доставки:* **15 р. 50 к.**, *съ доставкою:* **16 р. сер.**, *съ пересылкою:* **17 руб. серебромъ.**

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: *Въ Главной Конторѣ* Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

Редакторъ М. Е. Салтыковъ. За издателя Г. Краевскій.

